

СОЧИНЕНІЯ

М. Ю. Лермонтова

По опредѣленію Педагогическаго Совѣта ученица VI^б класса
Варшавской 2-й женской гимназіи

*Мацковская
Антонина-Ванда*

награждается сею книгою за благоправіе и отличные успѣхи въ на-
укахъ.

Варшава *7* іюля 1894 г.

Завѣдывающій гимназіею *М. Розенштрауцъ*

Надзирательница

М. Лебедева

Классная Дама

Секретарь Педаг. Совѣта

Михайловъ

М. Ю. Лермонтовъ.

СОЧИНЕНІЯ.

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;

Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои расскажетъ думы?
Я или Богъ,—или никто...

Рисунки художниковъ:

И. К. Айвазовскаго, В. М. Васнецова, А. М. Васнецова, М. А. Врубеля, Е. Е. Волнова, Н. Н. Дубовскаго, С. В. Иванова, К. А. Коровина,
В. К. Мѣнна, В. Е. Мановскаго, В. Д. Полѣнова, Л. О. Пастернака, И. Е. Рѣпина, К. А. Савицкаго, В. А. Стрѣова, К. А. Трутовскаго,
И. И. Шишнина.

Томъ II.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ

Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о и нижняго магазина П. К. ПРЯНИШНИНОВА.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утвержден. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1891.

77272

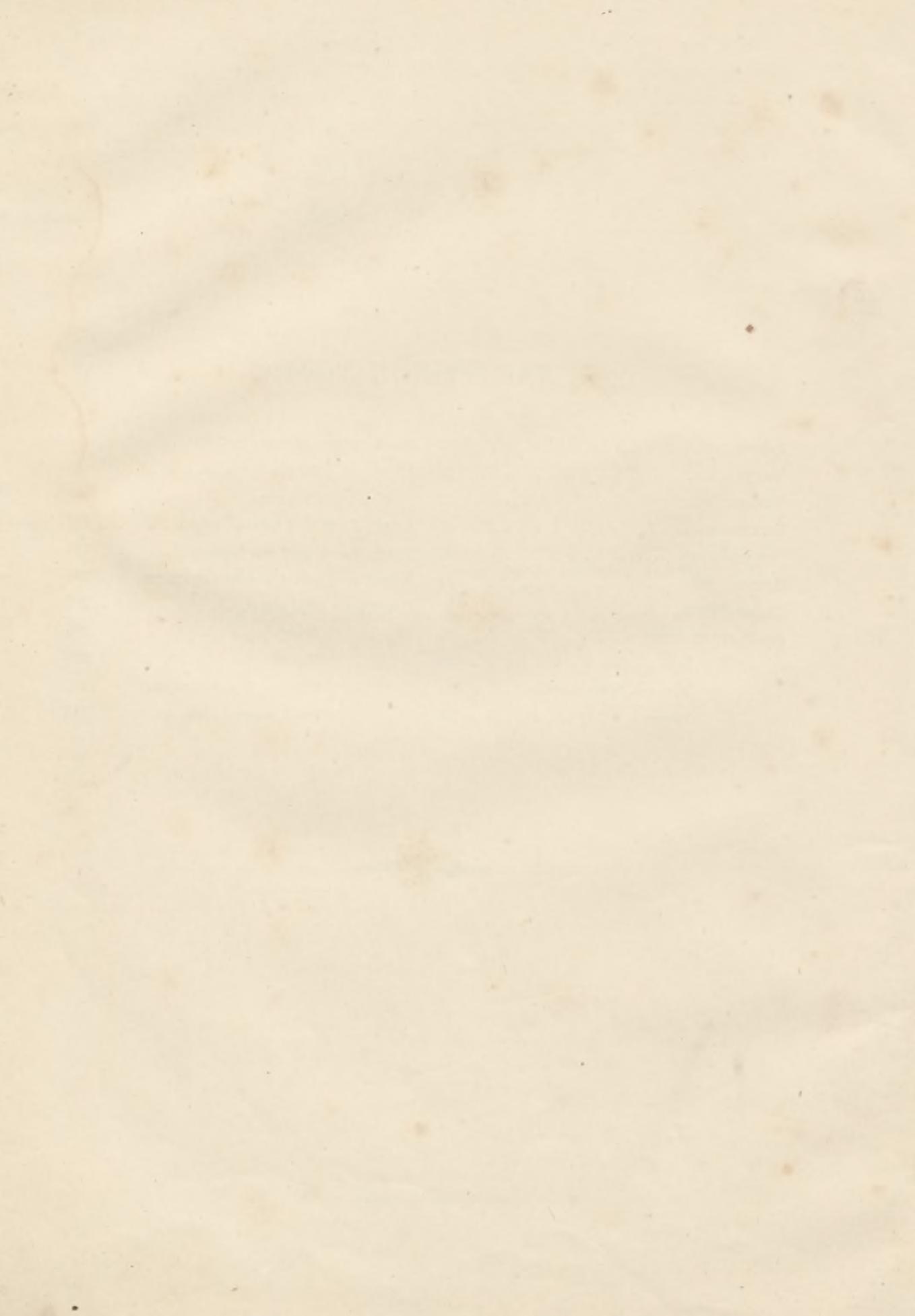
Клише рисунковъ изготовлены въ цинкографическихъ мастерскихъ въ Парижѣ у Башета, въ Мюнхенѣ у Мейзенбаха, въ Петербургѣ у Яблонскаго и въ Москвѣ у Ренара.

Фототипія изготовлены въ собственной мастерской Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

Демонъ	3	Герой нашего времени (продолженіе).	
Мцыри	20	Кляжна Мери	137
Бѣглець	32	Фаталистъ	182
Казначейша	36	Ашикъ Керибъ. Турецкая сказка	189
Бояринъ Орша	47	Отрывокъ изъ начатой повѣсти	195
Измаиль Бей	62	Другой отрывокъ изъ начатой повѣсти	204
Хаджи Абрекъ	92	Примѣчанія къ II тому	207
Герой нашего времени	98	Демонъ	209
Бѣла	99	Мцыри	215
Максимъ Максимычъ	121	Бѣглець, Бояринъ Орша	217
Тамань	130	Герой нашего времени	218

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
Д Е М О Н Ъ.			
„Я тотъ, которому внимала“ (къ 12 стр.) (Фототипія). В. Д. Полънова	1	Спускаться началъ“. Л. О. Пастернака . . .	25
„И надъ вершинами Кавказа Изгнаникъ рая пролеталъ“... М. А. Врубеля	3	„Держа кувшинъ надъ головой, Грузинка узкою тропой Сходила къ берегу...“ Н. Н. Дубовскаго . . .	26
„Верблюды съ ужасомъ глядѣли“... Его же	6	„И грызъ сырую грудь земли“... Л. О. Пастернака	27
„Несется конь быстрѣ лани“... Его же . .	7	„И съ этой мыслью я засну, И никого не проклянута!“ Н. Н. Дубовскаго . . .	31
„Не плачь дитя, не плачь напрасно“ (Фототипія). Его же	8	Б Ъ Г Л Е Ц Ъ.	
„И передъ утромъ сонъ желанный Глаза усталые смежилъ“ (Фототипія). В. А. Сѣрова	8	„Гарунъ бѣжалъ быстрѣ лани“... Н. Н. Дубовскаго	32
„Къ тебѣ я стану прилетать“... М. А. Врубеля .	9	„Ступай, достоинъ ты презрѣнья...“ (Фототипія). Его же	33
„И, чудо!—Изъ померкшихъ глазъ Слеза тяжелая катится...“ М. А. Врубеля . .	11	„Ты рабъ и трусь... а мнѣ не сынъ!—“ Его же	34
„Я дамъ тебѣ все, все земное— Люби меня!“ (Фототипія). Его же	15	„И кровь его съ глубокой раны Лизалъ, рыча, домашній песъ“... Его же . . .	35
„Какъ пери спящая мила“ (Фототипія). Его же	16	КАЗНАЧЕЙША.	
„Въ пространствѣ синяго эфира“ (Фототипія). Его же	17	„И любопытно пробѣгаютъ Глаза опухшіе дѣвицъ Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ“... К. А. Трутовскаго	37
„И вновь остался онъ надменный“... Его же	18	„И бросила ему въ лицо Свое вѣнчальное кольцо“ (Фототипія). Его же . . .	45
„Но грустенъ замокъ“... Его же	19	БОЯРИНЪ ОРША.	
М Ц Ы Р И.		„Стоитъ бояринъ у дверей Свѣтлицы дочери своей“... С. В. Иванова . . .	49
Заглавный рисунокъ. Л. О. Пастернака . . .	20	„Произведя ударъ глухой „Упало что-то.—“ Его же	50
... Былъ монастырь... Н. П. Дубовскаго . . .	21	„Покрыть одеждою раба, Стоялъ Арсеній у столба“... Его же	52
„Смотрѣлъ, вздыхая, на востокъ“... Л. О. Пастернака	22	„Пришли, глядятъ: распилена Рѣшетка узкаго окна...“... Его же	56
„Я зналъ одной лишь думы власть“ и т. д. къ стр. 22 (Фототипія). Его же	21	„Средь вопля женщинъ и дѣтей, „Всѣ повскакали на коней“... Его же	57
„Я видѣлъ горные хребты“... Н. Н. Дубовскаго .	23		
„... Курились, какъ алтари, Ихъ выси въ небѣ голубомъ“ (Фототипія). Его же	23		
„Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ“ (Фототипія). Его же	25		
„Съ плиты на плиту я, какъ могъ,			

	<i>Стр.</i>	<i>Стр.</i>	
„И всадникъ взѣхалъ на курганъ“ (Фототипія). Его же	58	.. Сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пулива, какъ дикая серна... (стр. 109). В. А. Стрѣлова 110	
ИЗМАИЛЪ БЕЙ.			
„Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ, Задумавшись, главой своей поникъ...“ М. А. Врубеля	63	.. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. Н. Н. Дубовскаго 124	
„Уныло Зара передъ нимъ Коня походнаго держала...“ (Фототипія). Его же	70	— Боже мой, Боже мой! Да куда это такъ спѣшите?.. Его же 126	
„Иную мѣсть родной странѣ, Иную славу падо мнѣ...“ Н. Н. Дубовскаго	76	.. Вѣднѣй старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости... (Фототипія). Его же 127	
„Пусть кончить жизнь, какъ началъ, одиночъ!...“ М. А. Врубеля	91	.. Въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко... Его же 128	
ХАДЖИ АБРЕКЪ.			
„Развеселить его желая, Леида бубень свой беретъ“ (Фототипія). Л. О. Пастернака	94	.. На крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными волосами, настоящая русалка. Его же 133	
„И острой пашки лезвее „Обтеръ волнистою косою“ (Фототипія). Его же	96	Лодка закачалась, но я справился и между нами началась отчаянная борьба. (Фототипія). Его же 135	
„Какъ нить истлѣвшая давно, Разорвалось вдругъ оно...“ Его же	97	княжна мери.	
ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.			
Печоринъ. М. А. Врубеля	98	Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему. (Фототипія). М. А. Врубеля 140	
Б ъ л а .			
Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ. А. М. Васнецова	101	— Смотрите на верхъ! шеннулъ я ей: это ничего, только не бойтесь; я съ вами... (Фототипія). В. А. Стрѣлова 165	
И вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяйна, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему... Какъ бы сказать въ родѣ компли-мента“ (Фототипія). В. А. Стрѣлова	104	.. Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было... (Фототипія). М. А. Врубеля 178	
Сильная рука оттолкнула его прочь и онъ ударился объ плетень такъ, что плетень зашатался... М. А. Врубеля	106	.. Это становилось невыносимо: еще минута и я бы уналъ къ ногамъ ея... (Фототипія). В. А. Стрѣлова 181	
		Ф а т л и с т ѣ К. А. Сленицкаго 182	
		— Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста!—сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу... (Фототипія). Его же 184	
		Убійца заперся въ пустой хатѣ, на концѣ станицы.. Его же 187	

ДЕМОНЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

(1838 — 1840).

Въ изданіяхъ „Демона“, вышедшихъ въ Карлсруэ въ 1856 и 1857 гг., напечатаны, сдѣланныя прежнимъ владѣльцемъ рукописи, слѣдующія заглавіе и замѣтка:

„ДЕМОНЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ,

СОЧИНЕННАЯ

Михайломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ“.

„Переписана съ первой своеручной его рукописи, съ означеніемъ сдѣланныхъ имъ на оной перемарокъ, исправленій и измѣненій. Оригинальная рукопись такъ чиста, что, перелистывая оную, подумаешь, что она писана подъ диктовку, или списана съ другой“.

„Сентября 13-го 1841 года.“

На экземплярѣ же, хранящемся въ Лермонтовскомъ музеѣ, имѣется слѣдующая *пояснительная* надпись Д. А. Столыпина:

„Рукопись эта, переданная мнѣ Акимомъ Павловичемъ Шанъ-Гиреемъ, написана рукою Лермонтова, о чемъ можно удостовѣриться по статьѣ А. П., помѣщенной въ журналъ „Русское Обозрѣніе“ за августъ 1890 года. Рукопись эту попросилъ у меня генераль-адъютантъ Алексѣй Илларионовичъ Философовъ, по женѣ Аннѣ Григорьевнѣ, рожденной Столыпиной, приходившійся родственникомъ Лермонтову, и напечаталъ ее въ Карлсруэ.—Д. Столыпинъ“.

Помарки и измѣненія, сдѣланныя поэтомъ, внесены нами въ примѣчанія къ „Демону“.

Предлагаемый текстъ „Демона“ можетъ считаться самымъ достовѣрнымъ, въ чемъ, помимо изложенныхъ выше обстоятельствъ, убѣждаетъ насъ почти полное сходство нашего текста съ текстомъ „Демона“, тщательно переписаннымъ собственноручно В. Г. Бѣлинскимъ.

Рукопись эта доставлена въ апрѣлѣ 1891 г. изъ гор. Корфу Г. А. Джаншеву отъ свояченицы В. Г. Бѣлинскаго, Аграфены Васильевны Орловой. Бѣлинскій писалъ ее въ 1846 г., когда былъ женихомъ, и поднесъ ее невѣстѣ своей Маріи Васильевнѣ Орловой. Рукописью этою до настоящаго времени никто не пользовался и она, по желанію г-жи Орловой, передана на храненіе въ Московскій Румянцевскій музей. Мы, пріобрѣтя исключительное право пользованія этой рукописью до 15 іюля 1891 года, внесли всѣ ея несходства съ нашимъ текстомъ и варианты, помѣщенные въ рукописи В. Г. Бѣлинскаго, въ примѣчанія къ „Демону“.

ДЕМОНЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

І.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,

Леталъ надъ грѣшною землею;
И лучшихъ дней воспоминанья

Предъ нимъ тѣснилися толпой,—
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,

Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его
Вѣковъ бесплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

ІІ.

Давно отверженный блуждалъ
Въ пустынь мѣра безъ пріюта.
Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья, —
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталь.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіяль,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьяль;
И Терекъ, прыгая, какъ львица,
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣль; и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалика,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны.
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ; но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего...

IV.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя раины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И куши розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ;

Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растений,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой...
Но, кромѣ зависти холодной,
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника бесплодной
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ,—
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ иль ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудаль себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени:
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,
Звучитъ зурна и льются вины:
Гудаль сосваталъ дочь свою;
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходить. Дальними горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубень свой
Беретъ невѣста молодая.

И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится,—глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна.
Но лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

vii.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучемъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей жемчужною росой
Не омывалъ подобный станъ;
Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

viii.

Въ послѣдній разъ она плясала...
Увы! завтра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая понинѣ
И незнакомая семья.
И часто тайное сомнѣнье
Темнило свѣтлыя черты;
И были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья,

Такъ полны милой простоты,
Что если бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братій вспоминая,
Онъ отвернулся бъ—и вздохнулъ...

ix.

И Демонъ видѣлъ... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Онъ любовался—и мечты
О прежнемъ счастьѣ, цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
То былъ ли признакъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ...
Забить?—Забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья...

x.

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшилъ женихъ нетерпѣливой.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжелой ношею даровъ
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ.
Дорогой тянется, мелькая;
Ихъ колокольчики звенять...
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянуть ловкій станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной

Ружьё съ насѣчкой вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи; кругомъ она
Вся галуномъ обложена.
Цвѣтными вышито шелками
Его сѣдло; узда съ кистями;
Подъ нимъ весь въ мыль конь лихой,
Безцѣнной масти золотой.
Питомецъ рѣзвый Карабаха
Прядетъ ушами и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежный:
Утесы съ лѣвой стороны,
Направо глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

xi.

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,

Отъ мусульманскаго кинжала.
Но прѣзрѣлъ удалой женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ,—
Его, коварною мечтою,
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночью тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... Выстрѣлъ... Что такое?...
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ,
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволь,
Нагайка шелкъ,—и какъ орелъ
Онъ кинулся... и выстрѣлъ снова,
И дикій крикъ, и стонъ глухой,
Промчались въ глубинѣ долины.
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины.

xii.

Затихло все... Тѣснясь толпой,
На трупы всадниковъ порой,

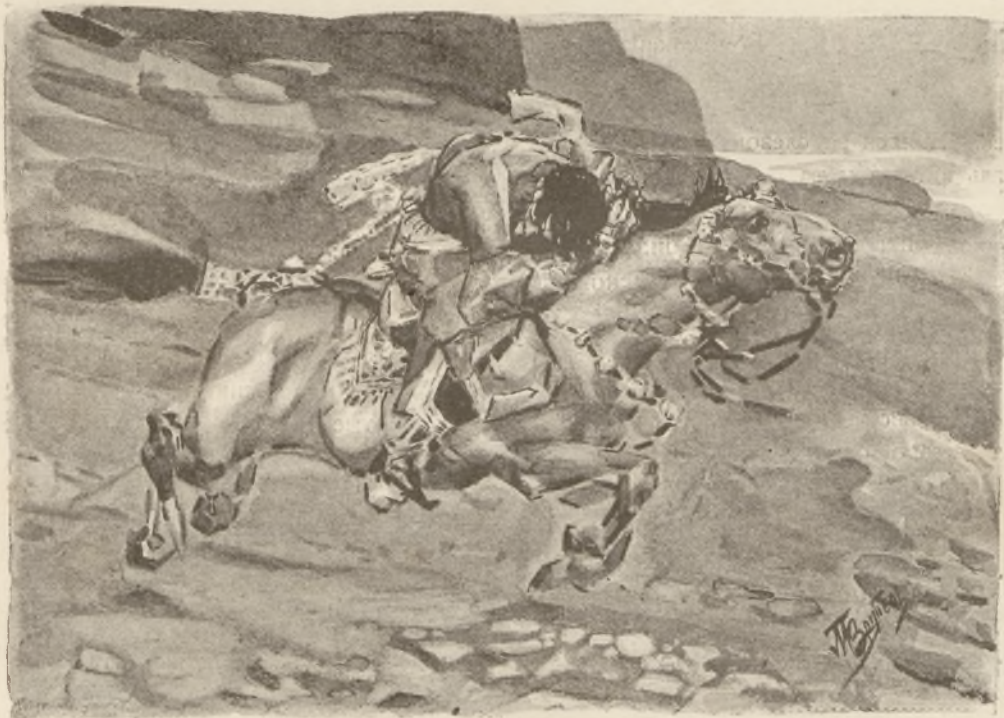

Убитый мстительной рукой.
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ, иль на битву,
Куда бы путникъ ни спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ;
И та молитва сберегала

Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ степной
Ихъ колокольчики звенѣли.
Разграбленъ пышный караванъ,
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица.

Не ждётъ ихъ мирная гробница
 Подъ слоємъ монастырскихъ плитъ,
 Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
 Не придуть сестры съ матерями,
 Покрыты длинными чадрами
 Съ тоской, рыданьемъ и мольбами,
 На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
 За-то усердною рукою,
 Здѣсь у дороги, надъ скалою,
 На память водрузится крестъ;
 И плющъ, разросшійся весною,

То разомъ въ землю ударяя
 Шипами звонкими копытъ,
 Взмахнувъ растрепанною гривой,
 Впередъ безъ памяти летить.
 На немъ есть всадникъ молчаливой;
 Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
 Припавъ на гриву головой.
 Ужъ онъ не править поводами
 Задвинулъ ноги въ стремяна,
 И кровь широкими струями
 На чепракѣ его видна.

Его, ласкаясь, обовьетъ
 Своею сѣткой изумрудной;
 И, своротивъ съ дороги трудной,
 Не разъ усталый пѣшеходъ
 Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ...

xiii.

Несется конь быстрѣ лани,
 Храпитъ и рвется будто къ брани;
 То вдругъ осадить на скаку,
 Прислушается къ вѣтерку,
 Широко ноздри раздувая;

Скакунъ лихой, ты господина
 Изъ боя вынесъ, какъ стрѣла,
 Но злая пуля осетина
 Его во мракѣ догнала.

xiv.

Въ семьѣ Гудала плачь и стоны,
 Толпится на дворѣ народъ:
 Чей конь примчался запалённый
 И палъ на камни у воротъ?
 Кто этотъ всадникъ бездыханный?
 Хранили слѣдъ тревоги бранной

Морщины смуглаго чела.
 Въ крови оружіе и платье;
 Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатѣ
 Рука на гривѣ замерла.
 Недолго жениха младова,
 Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
 Сдержаль онъ княжеское слово:
 На брачный пиръ онъ прискакалъ...
 Увы! но никогда ужъ снова
 Не сядетъ на коня лихова!...

xv.

На беззаботную семью,
 Какъ громъ, слетѣла Божья кара.
 Упала на постель свою,
 Рыдаетъ бѣдная Тамара;
 Слеза катится за слезой,
 Грудь высока и трудно дышитъ.
 И вотъ она какъ будто слышитъ
 Волшебный голосъ надъ собой:
 «Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
 Твоя слеза на трупъ безгласной
 Живой росой не упадетъ;
 Она лишь взоръ туманитъ ясный,
 Ланиты дѣвственныя жжетъ.
 Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
 Не опѣнитъ тоски твоей;
 Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
 Безплотный взоръ его очей;
 Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
 Что жизни мелочные сны,
 И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
 Для гостя райской стороны?
 Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
 Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
 Не стоитъ одного мгновенья
 Твоей печали дорогой.

«На воздушномъ океанѣ,
 Безъ руля и безъ вѣтриль,
 Тихо плаваютъ въ туманѣ
 Хоры стройные свѣтиль.

Средь полей необозримыхъ
 Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
 Облаковъ неуловимыхъ
 Волокнистыя стада.

Часть разлуки, часть свиданья—

Имъ не радость, не печаль;
 Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
 И прошедшаго не жаль.
 Въ день томительный несчастья
 Ты объ нихъ лишь вспомяни,
 Будь къ земному безъ участья
 И безпечна, какъ они!

«Лишь только ночь своимъ покровомъ
 Верхи Кавказа осѣнитъ,
 Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
 Завороженный, замолчитъ;
 Лишь только вѣтеръ надъ скалою
 Увядшей шевельнетъ травую,
 И птичка, спрятанная въ ней,
 Порхнетъ во мракъ веселѣй;
 И подъ лозою виноградной,
 Росу небесъ глотая жадно,
 Цвѣтокъ распустится ночной;
 Лишь только мѣсяцъ золотой
 Изъ-за горы тихонько встанетъ
 И на тебя украдкой взглянетъ,—
 Къ тебѣ я стану прилетать,
 Гостить я буду до денницы,
 И на шелковыя рѣсницы
 Сны золотые навѣвать...»

xvi.

Слова умолкли... Въ отдаленнѣ
 Вослѣдъ за звукомъ умеръ звукъ.
 Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
 Невыразимое смятенье
 Въ ея груди; печаль, испугъ,
 Восторга пыль—ничто въ сравненьи;
 Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
 Душа рвала свои оковы,
 Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
 И этотъ голосъ чудно новый,
 Ей мнилось, все еще звучалъ.
 И передъ утромъ сонъ желанный
 Глаза усталые смежилъ;
 Но мысль ея онъ возмутилъ
 Мечтой пророческой и странной:
 Пришлецъ туманный и нѣмой,
 Красой блистая неземной,
 Къ ея склонился изголовью;
 И взоръ его съ такой любовью,

Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
 Какъ будто онъ объ ней жалѣлъ.
 То не былъ ангель-небожитель,
 Ея божественный хранитель:
 Вънецъ изъ радужныхъ лучей

Не украшалъ его кудрей;
 То не былъ ада духъ ужасный,
 Порочный мученикъ,—о, нѣтъ!
 Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
 Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

«Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
 Свою Тамару не брани.
 Я плачу. Видишь эти слезы?
 Уже не первыя они.
 Напрасно женихи толпою
 Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ...
 Не мало въ Грузіи невѣстъ!
 А мнѣ не быть ни чьей женою!...
 О, не брани, отецъ, меня.
 Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня:
 Я вяну, жертва злой отравы!
 Меня терзаетъ духъ лукавый
 Неотразимую мечтой;
 Я гибну—сжался надо мной!
 Отдай въ священную обитель
 Дочь безразсудную свою:

Тамъ защититъ меня Спаситель,
 Предъ Нимъ тоску мою пролью.
 На свѣтъ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...
 Святыни миромъ осѣня,
 Пусть приметъ сумрачная келья,
 Какъ гробъ, заранѣе меня.»

II.

И въ монастырь уединенный
 Ее родные отвезли,
 И власницею смиренной
 Грудь молодую облекли.
 Но и въ монашеской одеждѣ,
 Какъ подъ узорною парчой,
 Все незаконною мечтой
 Въ ней сердце билося, какъ прежде.
 Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
 Въ часы торжественнаго пѣнья,

Знакомая, среди моленья,
 Ей часто слышалася рѣчь.
 Подъ сводомъ сумрачнаго храма
 Знакомый образъ иногда
 Скользилъ безъ звука и слѣда;
 Въ туманѣ легкомъ оиміама
 Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
 Манилъ и звалъ онъ... но куда?...

III.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
 Таился монастырь святой.
 Чинарь и тополей рядами
 Онъ окруженъ былъ,—и порой,
 Когда ложилась ночь въ ущельи,
 Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ кельи
 Лампада грѣшницы молодой.
 Кругомъ въ тѣни деревь миндаляныхъ,
 Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ 'печальныхъ,—
 Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
 Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
 По камнямъ прыгали, шумѣли
 Ключи студеною волной,
 И подъ нависшею скалой,
 Сливаясь дружески въ ущельи,
 Катились дальше межъ 'кустовъ,
 Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы,
 При блескѣ утренней авроры,
 Когда синѣющій дымокъ
 Курится въ глубинѣ долины,
 И, обращаясь на востокъ,
 Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
 И звучный колокола гласъ
 Дрожитъ, обитель пробуждая,
 Въ торжественный и мирный часъ,
 Когда грузинка молодая
 Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
 Съ горы спускается крутой,—
 Вершины цѣпи снѣговой,
 Свѣтло-лиловою стѣной
 На чистомъ небѣ рисовались,
 И въ часъ заката одѣвались
 Онѣ румяной пеленой.

И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
 Стоялъ, всѣхъ выше головой,
 Казбекъ, Кавказа царь могучій,
 Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но, полно думою преступной,
 Тамары сердце недоступно
 Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
 Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
 И все ей въ немъ—предлогъ мученью,
 И утра лучъ, и мракъ ночей.
 Бывало, только ночи сонной
 Прохлада землю обойметъ,
 Передъ божественной иконой
 Она въ безумьи упадетъ—
 И плачетъ; и въ ночномъ молчаньѣ
 Ея тяжелое рыданье
 Тревожитъ путника вниманье,
 И мыслить онъ: «то горный духъ
 Прикованный въ пещерѣ стонетъ!»
 И, чуткой напрягая слухъ,
 Коня измученнаго гонитъ...

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
 Тамара часто у окна
 Сидитъ въ раздумьи одинокомъ,
 И смотритъ въ даль прилежнымъ окомъ,
 И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
 Ей кто-то шепчетъ: «онъ придетъ!»
 Не даромъ сны ее ласкали,
 Не даромъ онъ являлся ей
 Съ глазами полными печали
 И чудной нѣжностью рѣчей.
 Ужъ много дней она томится,
 Сама не зная почему;
 Святымъ захочетъ ли молиться,
 А сердце молится *ему*;
 Утомлена борьбой всегдашней
 Склонится ли на ложе сна—
 Подушка жожетъ, ей душно, страшно,
 И вся, вскочивъ, дрожитъ она;
 Пылаютъ грудь ея и плечи,
 Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
 Объятыя жадно ищутъ встрѣчи,

Лобзанья тають на устахъ...

.....
.....

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѣлъ.
Привычкѣ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ.
Но долго, долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго пріюта
Нарушить.—И была минута,
Когда казался онъ готовъ
Оставить умысль жестокой.
Задумчивъ, у стѣны высокой
Онъ бродить; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листь въ тѣни трепещеть.
Онъ поднялъ взоръ: ея окно,
Озарено лампадой, блещеть;
Кого-то ждетъ она давно.

И вотъ средь общаго молчанья
Чингара стройное бряцанье
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно, другъ за другомъ;
И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не ангелъ ли съ забытымъ другомъ
Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ,
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его мученье?...
Тоску любви, ея волненье
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться,—
Его крыло не шевелится!
И, чудо!—изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится..
Понинѣ возлѣ кельи той

Насквозь прожженный видѣнь камень
Слезою жаркою, какъ пламень,
Не человѣческой слезой!...

VIII.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой, открытой для добра;
И мыслить онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье...
Онъ входитъ, смотреть, передъ нимъ
Посланникъ рая—херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага, съ улыбкой ясной,
Приосѣнилъ ее крыломъ...
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ:

IX.

«Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!
Кто звалъ тебя?»

Ему въ отвѣтъ

Злой духъ коварно усмѣхнулся;
Зардѣлся ревностію глядѣть,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
«Она моя!—сказалъ онъ грозно—
Оставь ее! она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно,
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни;
Здѣсь я владѣю и люблю!»

И ангель грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эфиръ неба потонулъ...

X.

ТАМАРА.

О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?...

ДЕМОНЪ.

Ты прекрасна!

ТАМАРА.

Но молви, кто ты?... Отвѣчай!...

ДЕМОНЪ.

Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ,
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ;
Я тотъ, чей взоръ надежду губить,
Едва надежда расцвѣтетъ,
Я тотъ, кого никто не любитъ,
И все живущее клянеть.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы,
И видишь—я у ногъ твоихъ!
Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возратить могла бы словомъ;
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
Какъ новый ангель, въ блескѣ новомъ.
О, только выслушай, молю!
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидѣлъ,
И тайно вдругъ возненавидѣлъ

Безсмертіе и власть мою.
 Я позавидоваль невольно
 Неполной радости земной:
 Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
 И страшно—розно жить съ тобой.
 Въ безкровномъ сердцѣ лучъ неожиданный...
 Опять затеплился живѣй,
 И грусть на днѣ старинной раны
 Зашевелилася какъ змѣй.
 Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
 Моихъ владѣній безконечность?
 Пустыя, звучныя слова,
 Обширный храмъ безъ божества!

ТАМАРА.

Оставь меня, о духъ лукавый!
 Молчи, не вѣрю я врагу!
 Творецъ!... увы, я не могу
 Молиться... гибельной отравой
 Мой умъ слабѣющій объять.
 Послушай, ты меня погубишь;
 Твои слова—огонь и ядъ...
 Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

ДЕМОНЪ.

Зачѣмъ, красавица?—Увы,
 Не знаю; полонъ жизни новой,
 Съ моей преступной головы
 Я гордо снялъ вѣнецъ терновый;
 Я все бывшее бросилъ въ прахъ;
 Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
 Люблю тебя не здѣшней страстью,
 Какъ полюбить не можешь ты:
 Всѣмъ упоеніемъ, всей властью
 Безсмертной мысли и мечты.
 Въ душѣ моей съ начала міра
 Твой образъ былъ напечатлѣнъ,
 Передо мной носился онъ
 Въ пустыняхъ вѣчнаго ээира.
 Давно тревожа мысль мою,
 Мнѣ имя сладкое звучало;
 Во дни блаженства мнѣ въ раю
 Одной тебя недоставало.
 О, если бъ ты могла понять,
 Какое горькое томленье
 Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья

И наслаждаться, и страдать,
 За зло похвалъ не ожидать,
 Ни за добро вознагражденья;
 Жить для себя, скучать собой
 И этой вѣчною борьбой
 Безъ торжества, безъ примиренья!
 Всегда жалѣть, и не желать,
 Все знать, все чувствовать, все видѣть,
 Стараться все возненавидѣть,
 И все на свѣтѣ презирать!...
 Лишь только Божіе проклятье
 Исполнилось,—съ того же дня
 Природы жаркія объятья
 На вѣкъ остыли для меня...
 Синѣло предо мной пространство,
 Я видѣлъ брачное убранство
 Свѣтилъ, знакомыхъ мнѣ давно...
 Они текли въ вѣнцахъ изъ золота;
 Но что же?—прежняго собрата
 Не узнавало ни одно!
 Изгнанниковъ, себѣ подобныхъ,
 Я звать въ отчаяніи сталъ,
 Но словъ, и лицъ, и взоровъ злобныхъ,
 Увы! я самъ не узнавалъ.
 И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами,
 Помчался... но куда? зачѣмъ?—
 Не знаю. Препными друзьями
 Я былъ отвергнутъ; какъ эдемъ
 Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
 По вольной прихоти теченья,
 Такъ поврежденная ладья
 Безъ парусовъ и безъ руля
 Плыветъ, не зная назначенья;
 Такъ ранней утренней порой
 Отрывокъ тучи громовой,
 Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
 Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
 Летитъ безъ цѣли и слѣда,
 Богъ вѣсть, откуда и куда!
 И я людьми не долго правилъ,
 Грѣху не долго ихъ училъ,
 Все благородное безславилъ
 И все прекрасное хулилъ;
 Не долго... Пламень чистой вѣры
 Легко навѣкъ я залилъ въ нихъ...
 А стоили-ль трудовъ моихъ

Одни глушцы, да лицемѣры?
 И скрылся я въ ущельяхъ горъ;
 И сталъ бродить, какъ метеоръ,
 Во мракѣ полночи глубокой...
 И мчался путникъ одинокой,
 Обмануть близкимъ огонькомъ,
 И, въ бездну падая съ конемъ,
 Напрасно звалъ—и слѣдъ кровавый
 За нимъ вился по кругизнѣ...
 Но злобы мрачныя забавы
 Не долго нравилися мнѣ.
 Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
 Какъ часто, подымая прахъ,
 Одѣтый молней и туманомъ,
 Я шумно мчался въ облакахъ,
 Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
 Сердечный ропотъ заглушить,
 Спастись отъ думы неизбѣжной—
 И незабвенное забыть!
 Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
 Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
 Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
 Передъ минутою одной
 Моихъ непризнанныхъ мученій?
 Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
 Они прошли, они пройдутъ!
 Надежда есть: ждетъ правый судъ;
 Простить онъ можетъ, хоть осудить!
 Моя жъ печаль безсмѣнно тутъ,
 И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
 И не вздремнуть въ могилѣ ей!
 Она—то ластится какъ змѣй,
 То жжетъ и плещетъ будто пламень,
 То давитъ мысль мою какъ камень—
 Надеждъ погибшихъ и страстей
 Несокрушимый мавзолей!

ТАМАРА.

Кто бъ ни былъ ты, мой другъ слу-
 чайный,
 Покой навѣки погубя,
 Невольно я съ отрадой тайной,
 Страдалецъ, слушаю тебя.
 Но если рѣчь твоя лукава,
 Но если ты, обманъ тая...
 О, пощади!... какая слава!

На что душа тебѣ моя?
 Ужели небу я дороже
 Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
 Онѣ, увы! прекрасны тоже;
 Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
 Не смято смертнаго рукой!...
 Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
 Скажи,—ты видишь: я тоскую,
 Ты видишь женскія мечты!
 Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
 Но ты все понялъ, ты все знаешь
 И сжалишься, конечно, ты!
 Клянися мнѣ... отъ злыхъ стяжаній
 Отречься нынѣ дай обѣтъ!
 Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
 Ненарушимыхъ больше нѣтъ?...

ДЕМОНЪ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
 Клянусь его послѣднимъ днемъ,
 Клянусь позоромъ преступленья
 И вѣчной правды торжествомъ;
 Клянусь паденья горькой мукой,
 Побѣды краткою мечтой;
 Клянусь свиданіемъ съ тобой
 И вновь грозящею разлукой;
 Клянуся сонмищемъ духовъ,
 Судьбою братій мнѣ подвластныхъ,
 Мечами ангеловъ безстрастныхъ,
 Моихъ недремлющихъ враговъ;
 Клянуся небомъ я и адомъ,
 Земной святыней и тобой;
 Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
 Твоею первою слезой,
 Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
 Волною шоловыхъ кудрей;
 Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
 Клянусь любовію моею,—
 Отрекся я отъ старой мести,
 Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
 Отнынѣ ядъ коварной лести
 Ни чей ужъ не встревожитъ умъ;
 Хочу я съ небомъ примириться,
 Хочу любить, хочу молиться,
 Хочу я вѣровать добру.
 Слезой раскаянья сотру

Я на челѣ, тебя достойномъ,
 Слѣды небеснаго огня,
 И мѣръ въ невѣдѣнны покойномъ
 Пусть допѣтаетъ безъ меня!
 О, вѣрь мнѣ: я одинъ понинѣ
 Тебя постигъ и оцѣнилъ.
 Избравъ тебя моей святыней,
 Я власть у ногъ твоихъ сложилъ;
 Твоей любви я жду какъ дара,
 И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ;
 Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
 Я неизмѣненъ и великъ.
 Тебя я, вольный сынъ ээира,
 Возьму въ надзвѣздные края,
 И будешь ты царицей міра,
 Подруга первая моя;
 Безъ сожалѣнья, безъ участя
 Смотрѣть на землю станешь ты,
 Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
 Ни долговѣчной красоты,
 Гдѣ преступленья лишь, да казни,
 Гдѣ страсти мелкой только жить;
 Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
 Ни ненавидѣть, ни любить.
 Иль ты не знаешь, что такое
 Людей минутная любовь?—
 Волненье крови молодое!
 Но дни бѣгутъ,—и стынетъ кровь.
 Кто устоитъ противъ разлуки,
 Соблазна новой красоты,
 Противъ усталости и скуки,
 И своенравія мечты?
 Нѣтъ! не тебѣ, моей подругѣ,
 Узнай, назначено судьбой
 Увянуть молча въ тѣсномъ кругѣ
 Ревнивой грубости рабой,
 Средь малодушныхъ и холодныхъ,
 Друзей притворныхъ и враговъ,
 Боязней и надеждъ бесплодныхъ,
 Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ!
 Печально за стѣной высокой
 Ты не угаснешь безъ страстей,
 Среди молитвъ, равно далеко
 Отъ божества и отъ людей.
 О, нѣтъ! прекрасное созданье,
 Къ иному ты присуждена;

Тебя иное ждетъ страданье,
 Иныхъ восторговъ глубина!
 Оставь же прежнія желанья
 И жалкій свѣтъ его судьбѣ:
 Пучину гордаго познанья
 Въ замѣнъ открою я тебѣ.
 Толпу духовъ моихъ служебныхъ
 Я приведу къ твоимъ стопамъ;
 Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
 Тебѣ, красавица, я дамъ;
 И для тебя съ звѣзды восточной
 Сорву вѣнецъ я золотой,
 Возьму съ цвѣтовъ росы полночной,
 Его усыплю той росой;
 Лучемъ румянаго заката
 Твой станъ, какъ лентой, обовью;
 Дыханьемъ чистымъ аромата
 Окрестный воздухъ напою!
 Всечасно дивною игрою
 Твой слухъ лелѣять буду я;
 Чертоги пышные построю
 Изъ бирюзы и янтара;
 Я опущусь на дно морское,
 Я полечу за облака,
 Я дамъ тебѣ все, все земное—
 Люби меня!...

xi.

—И онъ слегка

Коснулся жаркими устами
 Ея трепещущимъ губамъ;
 Соблазна полными рѣчами
 Онъ отвѣчалъ ей мольбамъ.
 Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи,—
 Онъ жегъ ее. Во мракѣ ночи,
 Надъ нею прямо онъ сверкалъ,
 Неотразимый, какъ кинжалъ.
 Увы, злой духъ торжествовалъ!
 Смертельный ядъ его лобзанья
 Мгновенно въ грудь ея проникъ...
 Мучительный, ужасный крикъ
 Ночное возмутилъ молчанье...
 Въ немъ было все: любовь, страданье,
 Упрекъ съ послѣднею мольбой,
 И безнадежное прощанье—
 Прощанье съ жизнью молодой...

.

xii.

Въ то время сторожъ полуночный,
 Одинъ вокругъ стѣны крутой,
 Свершая тихо путь урочный,
 Бродилъ съ чугуною доской.
 И возлѣ кельи дѣвы юной
 Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
 И руку надъ доской чугунной,
 Смутясь душой, остановилъ.
 И сквозь окрестное молчанье,
 Ему казалось, слышалъ онъ
 Двухъ устъ согласное лобзанье,
 Минутный крикъ, и слабый стонъ...
 И нечестивое сомнѣнье
 Проникло въ сердце старика...
 Но пронеслось еще мгновенье—
 И стихло все; издалека
 Лишь дуновенье вѣтерка
 Роптанье листьевъ приносило,
 Да съ темнымъ берегомъ уныло
 Шепталась горная рѣка.
 Канонъ угодника святаго
 Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
 Чтобъ навожденъе духа злаго
 Отъ грѣшной мысли отогнать;
 Крестить дрожащими перстами
 Мечтой взволнованную грудь,
 И, молча, скорыми шагами
 Обычный продолжаетъ путь.

xiii.

Какъ пери спящая мила,
 Она въ гробу своемъ лежала;
 Бѣлѣй и чище покрывала
 Былъ томный цвѣтъ ея чела.
 Навѣкъ опущены рѣсницы...
 Но кто бѣ, о небо! не сказалъ,
 Что взоръ подъ ними лишь дремалъ
 И, чудный, только ожидалъ
 Иль поцѣлуя, иль денницы?
 Но бесполезно лучъ дневной
 Скользилъ по нимъ струей златой;
 Напрасно ихъ въ нѣмой печали
 Уста родныя цѣловали...

Нѣтъ, смерти вѣчную печать
 Ни что не въ силахъ ужъ сорвать!

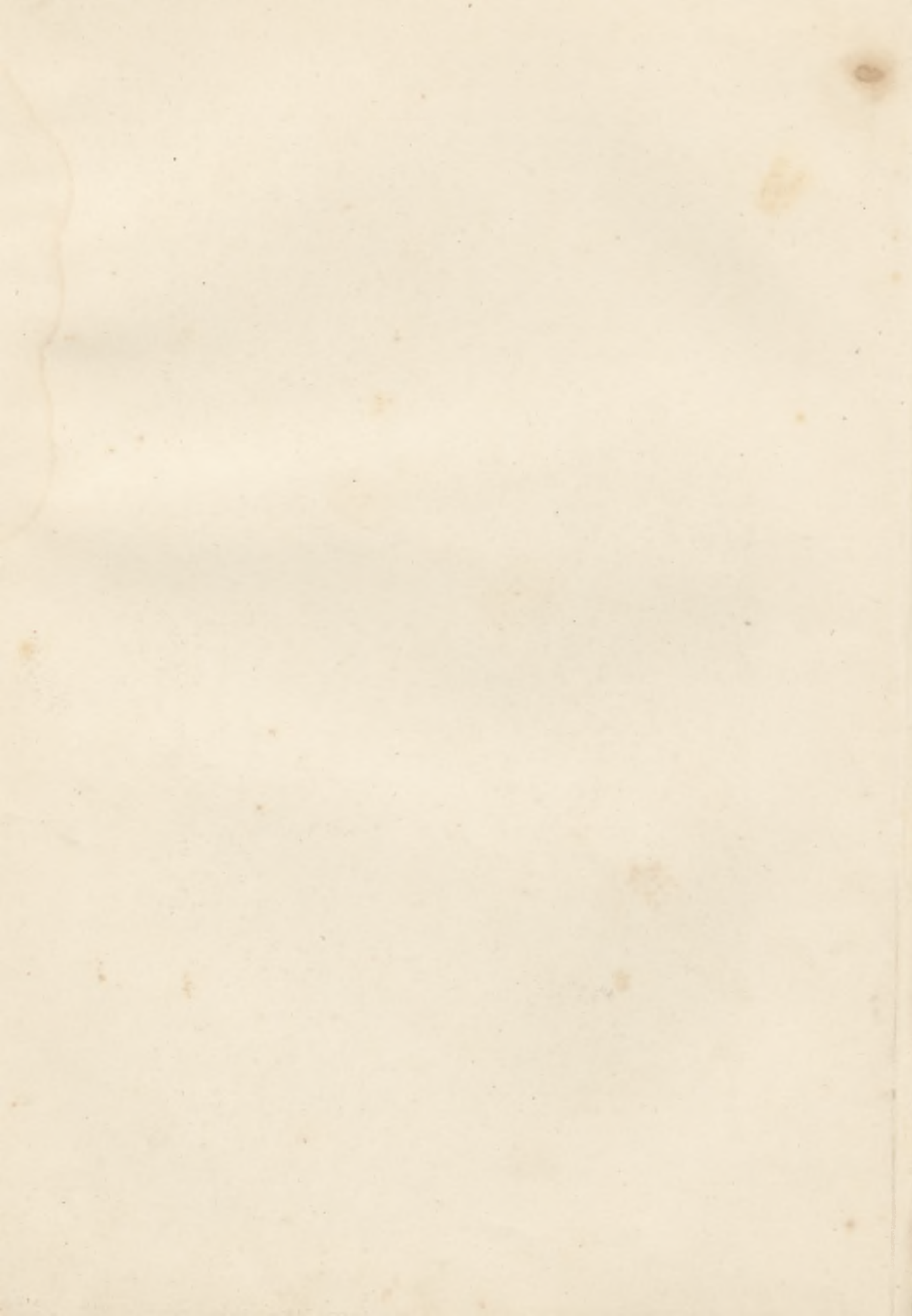
xiv.

Ни разу не былъ въ дни веселья,
 Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
 Тамары праздничный нарядъ.
 Цвѣты родимаго ущелья
 [Такъ древній требуетъ обрядъ]
 Надъ нею льютъ свой ароматъ,
 И, сжаты мертвою рукою,
 Какъ бы прощаются съ землею.
 И ничего въ ея лицѣ
 Не намекало о концѣ
 Въ пылу страстей и упоенья;
 И были всѣ ея черты
 Исполнены той красоты,
 Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
 Лишенной чувства и ума,
 Таинственной, какъ смерть сама.
 Улыбка странная застыла,
 Мелькнувши по ея устамъ;
 О многомъ грустномъ говорила
 Она внимательнымъ глазамъ:
 Въ ней было хладное презрѣнье
 Души, готовой отцвѣсти,
 Послѣдней мысли выраженья
 Землѣ беззвучное: прости!
 Напрасный отблескъ жизни прежней,
 Она была еще мертвѣй,
 Еще для сердца безнадежнѣй
 Навѣкъ угаснувшихъ очей.
 Такъ въ часъ торжественный заката,
 Когда, растаявъ въ морѣ злата,
 Ужъ скрылась колесница дня,
 Снѣга Кавказа на мгновенье,
 Отливъ румяный сохраняя,
 Сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ;
 Но этотъ лучъ полуживой
 Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
 И путь ни чей онъ не освѣтитъ
 Съ своей вершины ледяной...

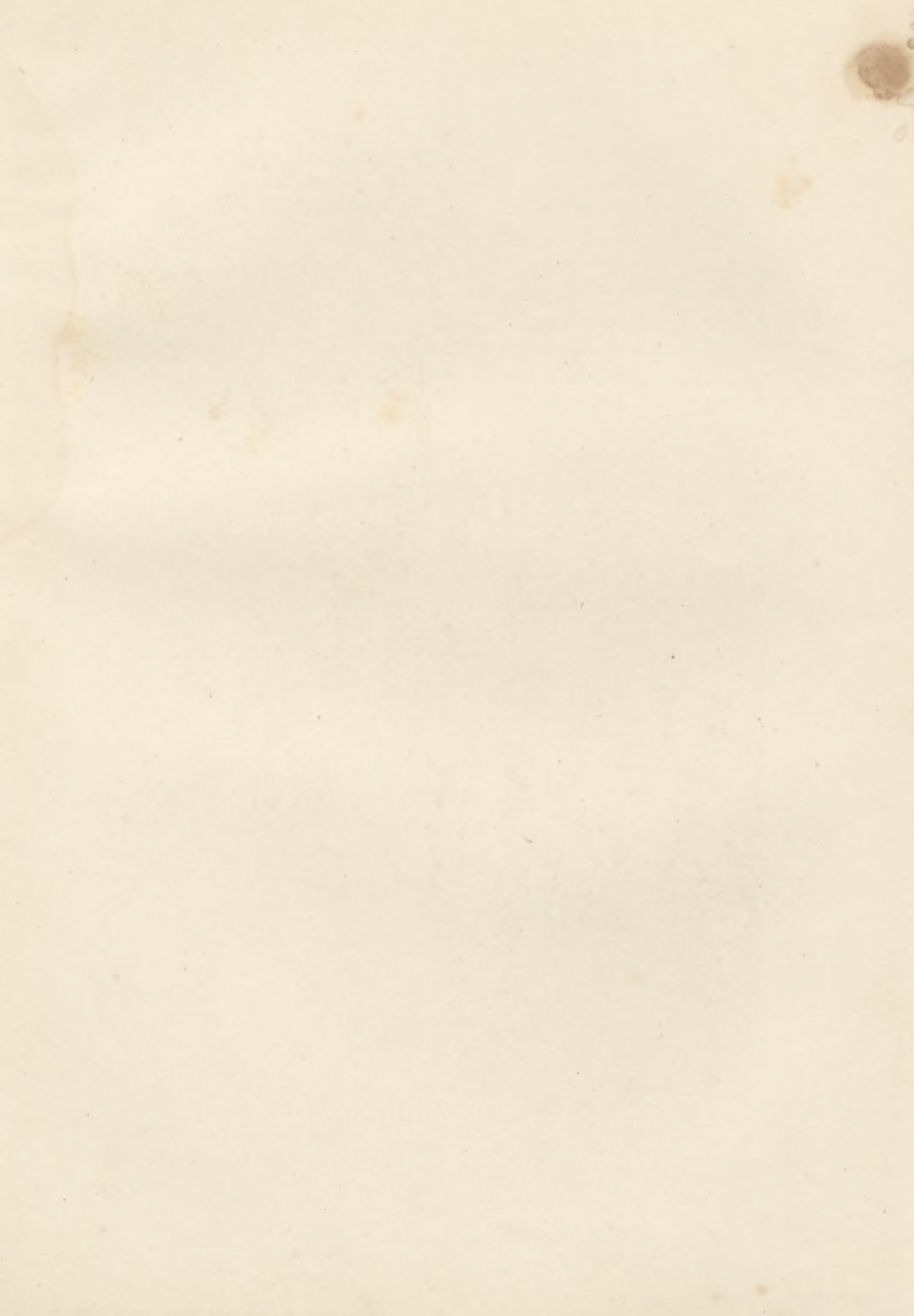
xv.

Толпой сосѣди и родные
 Ужъ собрались въ печальный путь.

Терзая локоны сѣдые,
 Безмолвно поражая грудь,
 Въ послѣдній разъ Гудаль садится
 На бѣлогриваго коня,—
 И поѣздъ тронулся.—Три дня,
 Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
 Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
 Приютъ покойный выреть ей.
 Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
 Грабитель странниковъ и сель,
 Когда болѣзнь его сковала
 И часть раскаянья пришелъ,
 Грѣховъ минувшихъ въ искупленье,
 Построить церковь обѣщалъ
 На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
 Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
 Куда лишь коршунъ залеталъ.
 И скоро межъ снѣговъ Казбека
 Поднялся одинокій храмъ,
 И кости злаго человѣка
 Вновь успокоилися тамъ;
 И превратилася въ кладбище
 Скала, родная облакамъ:
 Какъ будто ближе къ небесамъ
 Теплѣй посмертное жилище;
 Какъ будто дальше отъ людей
 Послѣдній сонъ не возмутится...
 Напрасно! мертвымъ не приснится!
 Ни грусть, ни радость прошлыхъ дней.

XVI.

Въ пространствѣ синяго ээира
 Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
 Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
 И душу грѣшную отъ міра
 Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ;
 И сладкой рѣчью упованья
 Ея сомнѣнья разгонялъ,
 И слѣдъ проступка и страданья
 Съ нея слезами онъ смывалъ.
 Издалека ужъ звуки рая
 Къ нимъ доносилися—какъ вдругъ,
 Свободный путь пересѣкая,
 Взвился изъ бездны адскій духъ...
 Онъ былъ могущъ какъ вихорь шумный,
 Блисталъ какъ молніи струя,

И гордо, въ дерзости безумной,
 Онъ говоритъ: «она моя!»
 Къ груди хранительной прижалась,
 Молитвой ужась заглуша,
 Тамары грѣшная душа.
 Судьба грядущаго рѣшалась:
 Передъ нею снова онъ стоялъ.
 Но, Боже!—кто бъ его узналъ?
 Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
 Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
 Вражды, незнающей конца,
 И вѣяло могильнымъ хладомъ
 Отъ неподвижнаго лица.

«Исчезни мрачный духъ сомнѣнья!»
 Посланникъ неба отвѣчалъ:
 «Довольно ты торжествовалъ;
 Но часъ суда теперь насталъ,
 И благо Божіе рѣшенье!
 Дни испытанія прошли;
 Съ одеждой брэнною земли
 Оковы зла съ нея ниспали.
 Узнай, давно ее мы ждали!
 Ея душа была изъ тѣхъ,
 Которыхъ жизнь—одно мгновенье
 Невыносимаго мученья,
 Недостигаемыхъ утѣхъ;
 Творецъ изъ лучшаго ээира
 Соткалъ живыя струны ихъ,
 Онъ не созданы для міра,
 И міръ былъ созданъ не для нихъ!
 Цѣной жестокой искупила
 Она сомнѣнья свои...

Она страдала и любила,—
 И рай открылся для любви!»

И ангелъ строгими очами
 На искуителя взглянулъ,
 И, радостно взмахнувъ крылами,
 Въ сіяньи неба потонулъ.
 И проклялъ Демонъ побѣжденный
 Мечты безумныя свои,
 И вновь остался онъ, надменный,
 Одинъ, какъ прежде, во вселенной
 Безъ упованья и любви!...

На склонѣ каменной горы,
 Надъ Койшаурскою долиной,
 Еще стоятъ до сей поры
 Зубцы развалины старинной.
 Разказовъ, страшныхъ для дѣтей,
 О нихъ еще преданья полны...
 Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
 Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
 Между деревьями чернѣтъ.
 Внизу разсыпался аулъ,
 Земля цвѣтетъ и зеленѣтъ,
 И голосовъ нестройный гулъ
 Теряется,— и караваны
 Идутъ, звеня, издалека.
 И, низвергаясь сквозь туманы,
 Блеститъ и пѣнится рѣка.
 И жизнью вѣчно-молодою,
 Прохладой, солнцемъ и весною
 Природа тѣшится шутя,
 Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслужившій
 Когда-то въ очередь свою,
 Какъ бѣдный старецъ, пережившій
 Друзей и милую семью.

И только ждутъ луны восхода
 Его незримые жильцы:
 Тогда имъ праздникъ и свобода!
 Жужжать, бѣгутъ во всѣ концы.
 Съдой паукъ, отшельникъ новый,
 Прядетъ сѣтей своихъ основы;
 Зеленыхъ ящерицъ семья
 На кровлѣ весело играетъ,
 И осторожная змѣя
 Изъ темной щели выползаетъ
 На плиту стараго крыльца:
 То вдругъ совьется въ три кольца,
 То ляжетъ длинной полосой,
 И блещетъ, какъ булатный мечъ,
 Забытый въ полѣ давнихъ сѣчь,
 Ненужный падшему герою...
 —Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
 Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
 Прилежно, долго ихъ сметала,
 И не напомнитъ ничего
 О славномъ имени Гудала,
 О милой дочери его!
 Но церковь на крутой вершинѣ,
 Гдѣ взяты кости ихъ землей,

Хранима властію святой,
 Видна межъ тучъ еще понынѣ;
 И у воротъ ея стоятъ
 На стражѣ черные граниты,
 Пластами снѣжными покрыты;
 И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
 Лды вѣковѣчныя горятъ.
 Обваловъ сонныя громады
 Съ уступовъ, будто водопады
 Морозомъ схваченные вдругъ,
 Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
 И тамъ метель дозоромъ ходитъ,
 Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,

То пѣсню долгую заводитъ,
 То окликаетъ часовыхъ.
 Услыша вѣсти въ отдаленѣ
 О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
 Съ востока облака однѣ
 Спѣшатъ толпой на поклоненье;
 И надъ семьей могильныхъ плитъ
 Давно никто ужъ не груститъ.
 Скала угрюмаго Казбека
 Добычу жадно сторожить,
 И вѣчный ропотъ челоуѣка
 Ихъ вѣчный миръ не возмутитъ.

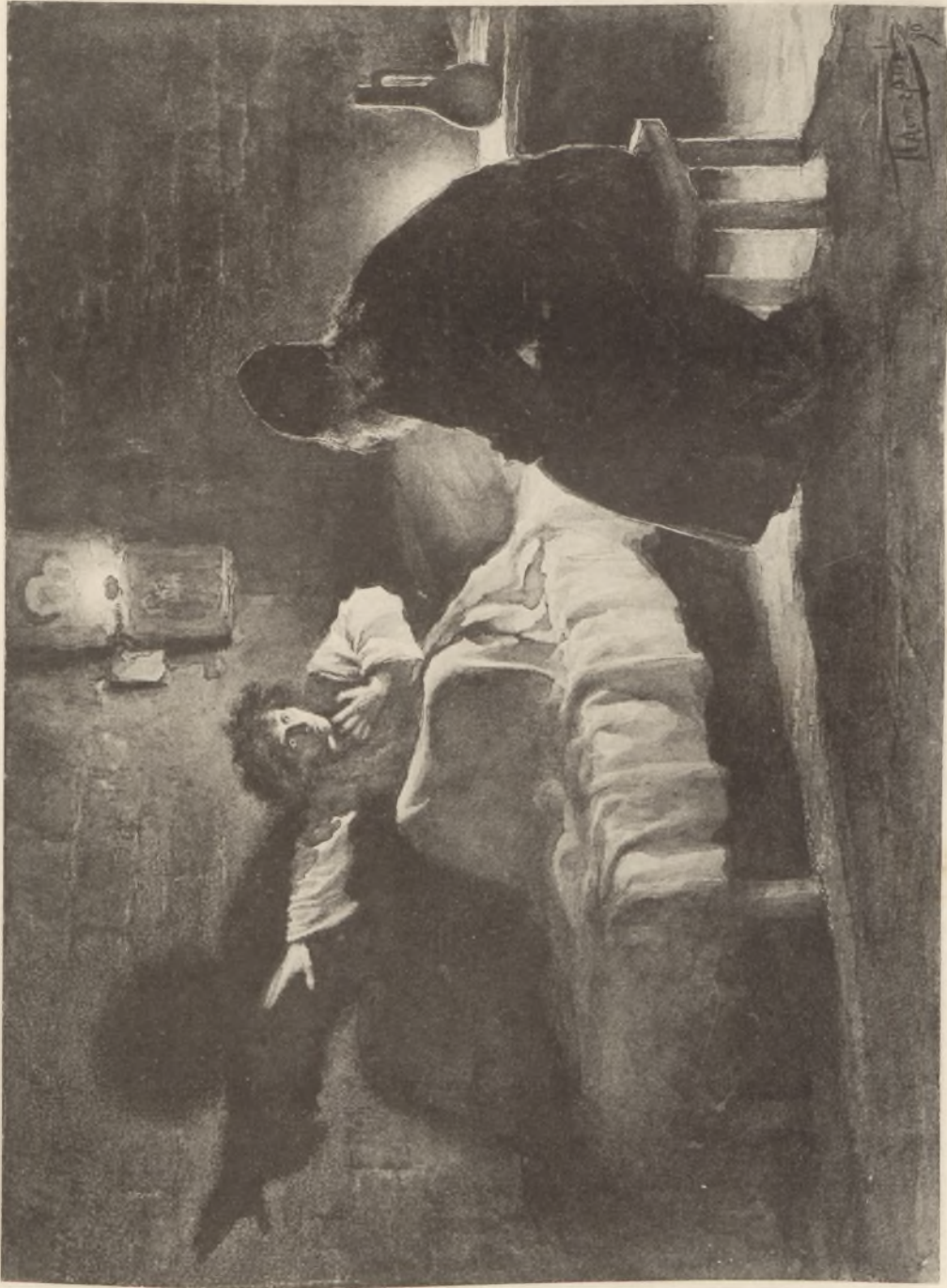
М Ц Ы Р И.

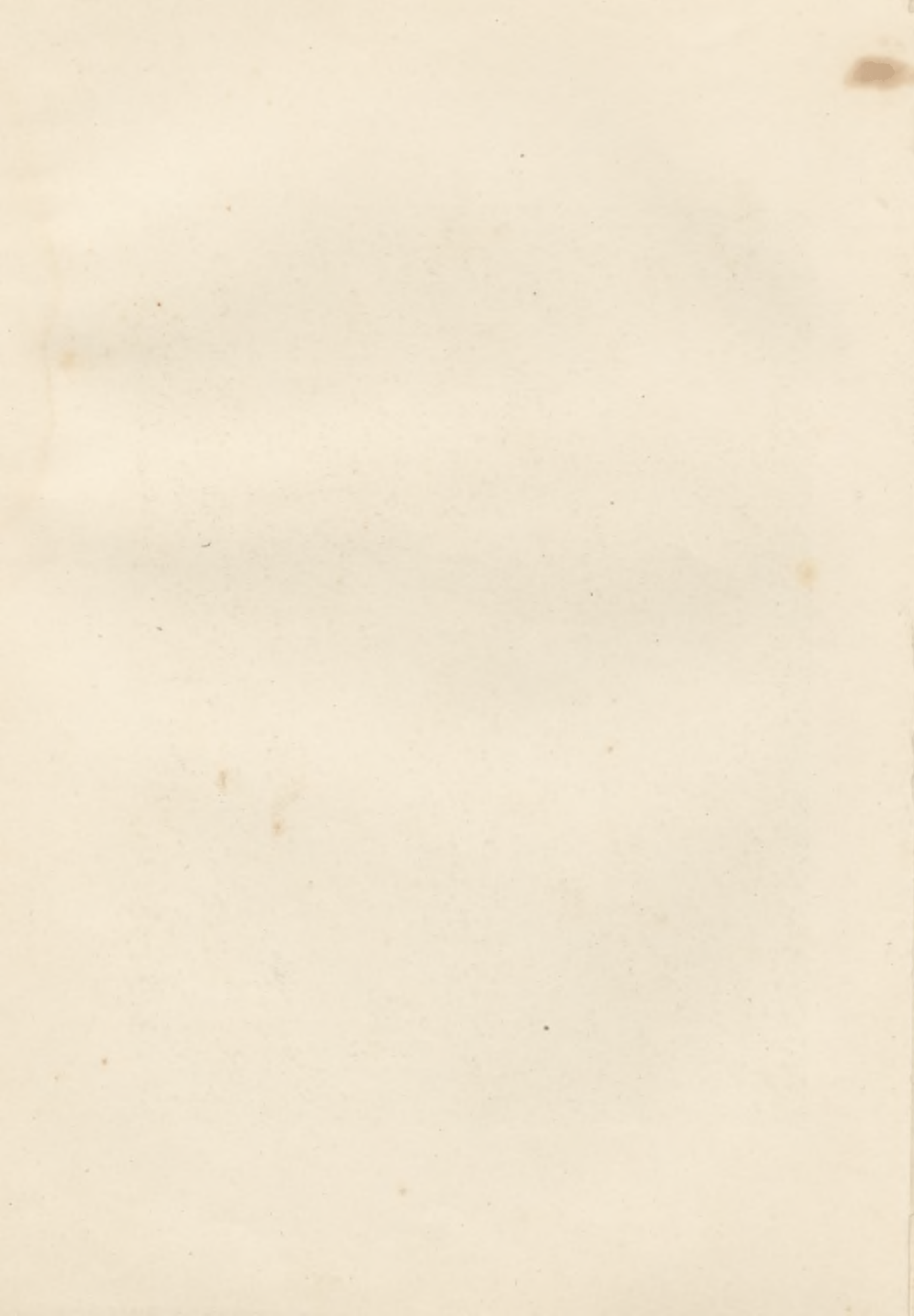
Вкушая вкусихъ мало меда, и се азъ умираю.

І Книга Царствъ.

І.

Не много лѣтъ тому на-
задъ,
Тамъ, гдѣ, сливаясь, шу-
мятъ,
Обнявшись, будто двѣ
сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Быль монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ

Кадильницъ благовонный дымъ,
 Не слышно пѣнье въ поздній часъ
 Молящихъ иноковъ за насъ.
 Теперь одинъ старикъ съдой,

Ребенка плѣннаго онъ везъ.
 Тотъ занемогъ, не перенесъ
 Трудовъ далекаго пути.
 Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;

Развалинъ стражъ полуживой,
 Людью и смертію забытъ,
 Сметаеъ пылъ съ могильныхъ плитъ,
 Которыхъ надпись говоритъ
 О славѣ прошлой—и о томъ,
 Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
 Такой-то царь, въ такой-то годъ,
 Вручалъ Россіи свой народъ.

*

И Божья благодать сошла
 На Грузію!—Она цвѣла
 Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
 Не опасая враговъ,
 За гранью дружескихъ штыковъ.

II.

Однажды русскій генераль
 Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;

Какъ серна горь, пугливъ и дикъ,
 И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ.
 Но въ немъ мучительный недугъ
 Развилъ тогда могучій духъ
 Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
 Томился, даже слабый стонъ
 Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ,
 Онъ знакомъ пищу отвергалъ,
 И тихо, гордо умиралъ.
 Изъ жалости, одинъ монахъ
 Больнаго призрѣлъ, и въ стѣнахъ
 Хранительныхъ остался онъ,
 Искусствомъ дружескимъ спасень.
 Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
 Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
 Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
 Смотрѣлъ, вздыхая, на востокъ,
 Томимъ неясною тоской

По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,

Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ
И, съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ,
Уже хотѣлъ во цвѣтѣхъ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь, иль голодъ испыталъ.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ.
И близокъ сталъ его конецъ;
Тогда пришелъ къ нему чернецъ

Съ увѣщаньемъ и мольбой;
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ:

ш.

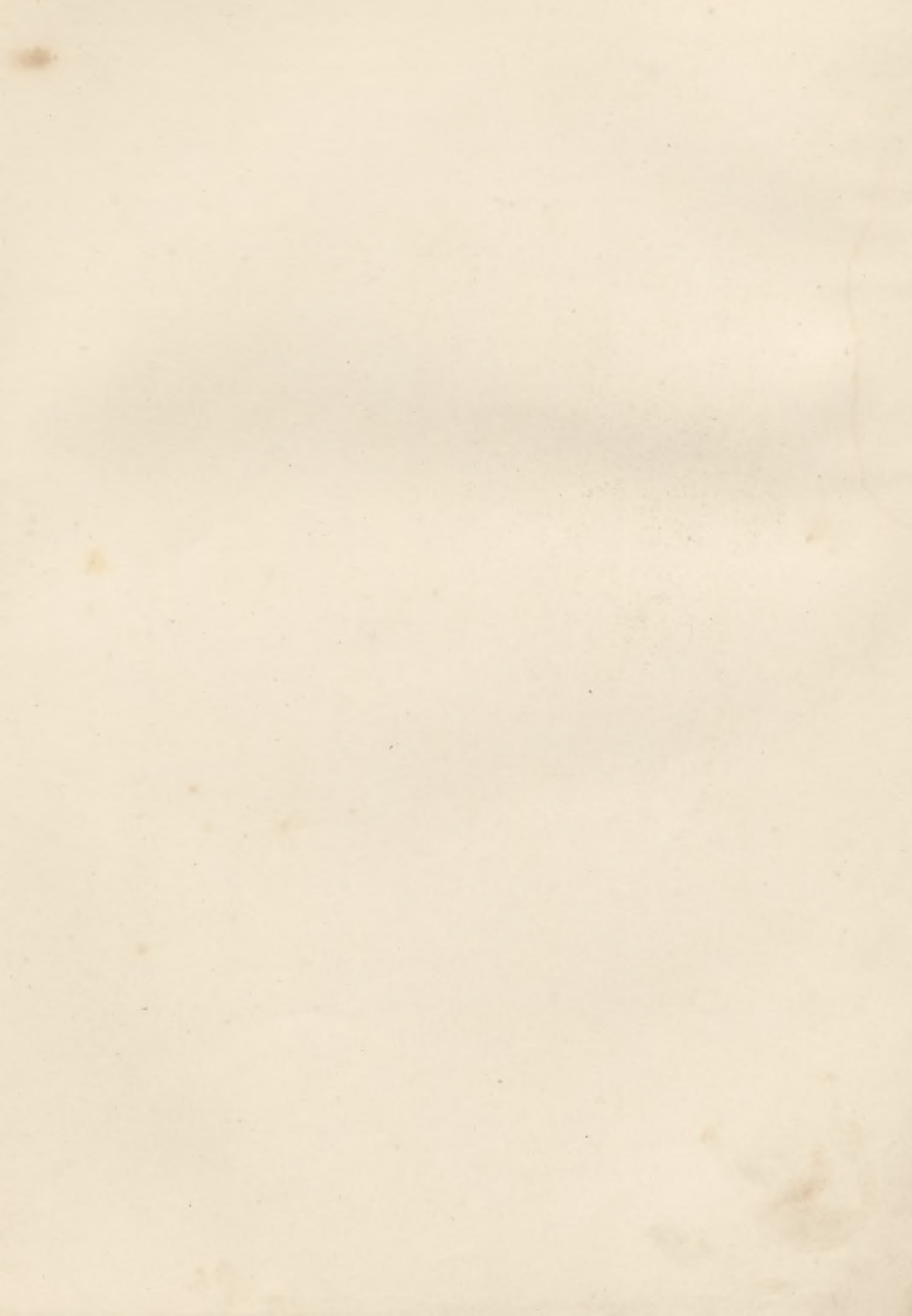
«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Не много пользы вамъ узнать,—
А душу можно ль рассказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если-бъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть:
Она, какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и
битвъ,

Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,

Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тѣмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прошеньи не молю.

iv.

«Старикъ! я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ—
Зачѣмъ?... Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ—

Напрасно: звукъ ихъ былъ рождень
 Со мной. Я видѣлъ у другихъ
 Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
 А у себя не находилъ
 Не только милыхъ душъ—могилъ!
 Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
 Въ душѣ я клятву произнесъ:
 Хотя на мигъ, когда-нибудь,
 Мою пылающую грудь
 Прижать съ тоской къ груди другой,
 Хотя незнакомой, но родной.
 Увы! теперь мечтанья тѣ
 Погибли въ полной красотѣ,
 И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
 Умру рабомъ и сиротой.

v.

«Меня могила не страшить:
 Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
 Въ холодной, вѣчной тишинѣ;
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
 Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
 Разгульной юности мечты?
 Или не зналъ, или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
 Какъ сердце билося живѣй
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
 Въ глубокой скважинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,
 Прижавшись, голубь молодой
 Сидитъ, испуганный грозой?
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
 И отъ желаній ты отвыкъ.
 Что за нужда? Ты жилъ, старикъ!
 Тебѣ есть въ мѣрѣ что забыть,
 Ты жилъ,—я также могъ бы жить!

vi.

«Ты хочешь знать, что видѣлъ я
 На волгѣ?—Пышныя поля,
 Холмы, покрытые вѣнцомъ
 Деревъ, разросшихся кругомъ,
 Шумящихъ свѣжею толпой,

Какъ братья въ пляскѣ круговой.
 Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
 Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
 И думы ихъ я угадалъ:

Мнѣ было свыше то дано!
 Простерты въ воздухѣ давно
 Объяты каменные ихъ
 И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
 Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
 Имъ не сойтись никогда!
 Я видѣлъ горные хребты,
 Причудливые какъ мечты,
 Когда въ часъ утренней зари
 Курились, какъ алтари,
 Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
 И облачко за облачкомъ,
 Покинувъ тайный свой ночлегъ,
 Къ востоку направляло бѣгъ,
 Какъ будто бѣлый караванъ
 Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ!
 Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
 Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
 Съдой, незыблемый Кавказъ,—
 И было сердцу моему
 Легко, не знаю почему.
 Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
 Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
 И стало въ памяти моей
 Прошедшее яснѣй, яснѣй...

VII.

«И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше, и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ
И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ноженъ
Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣгало предо мной.
А мой отецъ? Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ,—
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей
И звукъ ихъ пѣсень и рѣчей
Надъ колыбелю моей...
Въ ущельи тамъ бѣжалъ потокъ,
Онъ шуменъ былъ, но неглубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касались крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разказы долгиѣ о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ мѣръ еще пышнѣй.

VIII.

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была-бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсиальной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,

Узнать, прекрасна ли земля;
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы—
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣждалъ. О! я какъ братъ
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

IX.

«Бѣжалъ я долго—гдѣ, куда,
Не знаю! Ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ,—
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ, и наконецъ, уставъ,
Прилежъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущелии шакаль
Кричалъ и плакалъ какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей;
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ и прятался какъ змѣй.

X.

«Внизу глубоко подо мной
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ .

Подобился. Хотя безъ словъ,
 Мнѣ вятенъ былъ тотъ разговоръ,
 Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
 Съ упрямой грудю камней.
 То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
 Онъ раздавался въ тишинѣ;
 И вотъ, въ туманной вышинѣ
 Запѣли птички, и востокъ
 Озолотился; вѣтерокъ
 Сырые шевельнулъ листы;
 Дохнули сонные цвѣты,
 И какъ они, навстрѣчу дню
 Я поднялъ голову мою...
 Я осмотрѣлся; не таю:
 Мнѣ стало страшно; на краю
 Грозящей бездны я лежалъ,
 Гдѣ вьлъ, крутясь, сердитый валъ;
 Туда вели ступени скалъ;
 Но лишь злой духъ по нимъ шагаль,
 Когда, низверженный съ небесъ,
 Въ подземной пропасти исчезъ.

XI.

«Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
 Растеній радужный нарядъ
 Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
 И кудри виноградныхъ лозъ
 Вились, красуясь межъ деревь
 Прозрачной зеленою листовъ;
 И грозды полные на нихъ,
 Серегъ подобье дорогихъ,
 Висѣли пышно, и порой
 Къ нимъ птицъ леталь пугливый рой.
 И снова я къ землѣ припалъ,
 И снова вслушиваться сталъ
 Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
 Они шептались по кустамъ,
 Какъ будто рѣчь свою вели
 О тайнахъ неба и земли;
 И всѣ природы голоса
 Сливались тутъ; не раздался
 Въ торжественный хваленъ часъ
 Лишь человѣка гордый гласъ.
 Все, что я чувствовалъ тогда,
 Тѣ думы,—имъ ужъ нѣтъ слѣда;
 Но я-бъ желалъ ихъ рассказать,

Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
 Въ то утро былъ небесный сводъ
 Такъ чистъ, что ангела полетъ
 Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
 Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
 Такъ полонъ ровной синевою!
 Я въ немъ глазами и душой
 Тонулъ, пока полдневный зной
 Мои мечты не разогналъ,
 И жаждой я томиться сталъ.

XII.

«Тогда къ потоку съ высоты,
 Держась за гибкіе кусты,

Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
 Спускаться началъ. Изъ-подъ ногъ,
 Сорвавшись, камень иногда

Катился вниз,—за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столбомъ;
Гудя и прыгая, потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;
И я висѣлъ надъ глубиной,—
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не
страшна!

Лишь только я съ кру-
тыхъ высотъ
Спустился, свѣжесть гор-
ныхъ водъ
Повѣяла навстрѣчу мнѣ,
И жадно я припалъ къ
волнѣ.

Вдругъ голосъ — легкой
шумъ шаговъ...

Мгновенно скрывшись
межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ
объять,

Я поднялъ боязливый
взглядъ

И жадно вслушиваться
сталь:

И ближе, ближе все зву-
чаль

Грузинкиголосъ молодой,
Такъ безыскусственно
живой,

Такъ сладко вольный,
будто онъ

Лишь звуки дружескихъ
именъ

Произносить былъ приу-
чень.

Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ за-
легла,

И мнѣ, лишь сумракъ на-
стаетъ,

Незримый духъ ее поетъ.

xii.

«Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой

Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры

Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ.
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,

Такъ полонъ тайнами любви,
 Что думы пылкія мои
 Смутились. Помню только я
 Кувшина звонъ,—когда струя
 Вливалась медленно въ него,
 И шорохъ... больше ничего.
 Когда же я очнулся вновь
 И отлила отъ сердца кровь,
 Она была ужъ далеко;
 И шла хоть тише—но легко,
 Стройна подъ ношею своей,
 Какъ тополь, царь ея полей...
 Недалеко, въ прохладной мглѣ,
 Казалось, приросли къ скалѣ
 Двѣ сакли дружною четой;
 Надъ плоской кровлею одной
 Дымокъ струился голубой.
 Я вижу будто бы теперь,
 Какъ отперлась тихонько дверь
 И затворилась опять...
 — Тебѣ, я знаю, не понятъ
 Мою тоску, мою печаль;
 И если-бъ могъ,—мнѣ было-бъ жаль:
 Воспоминанья тѣхъ минутъ
 Во мнѣ, со мной пускай ум-
 руть.

xiv.

«Трудами ночи изнурень,
 Я легъ въ тѣни. Отрадный
 сонъ
 Сомкнулъ глаза невольно
 мнѣ...
 И снова видѣлъ я во снѣ
 Грузинки образъ молодой.
 И странной, сладкою тоской
 Опять моя заныла грудь.
 Я долго силился вздохнуть—
 И пробудился. Ужъ луна
 Вверху сіяла, и одна
 Лишь тучка кралась за ней,
 Какъ за добычею своей,
 Объяты жадныя раскрывъ.
 Миръ темень былъ и молчаливъ;
 Лишь серебристой бахромой
 Вершины цѣпи снѣговой

Вдали сверкали предо мной,
 Да въ берега плескалъ потокъ.
 Въ знакомой саклѣ огонекъ
 То трепеталъ, то снова гасъ:
 На небесахъ въ полночный часъ
 Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
 Хотѣлось мнѣ... но я туда
 Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну,—
 Пройти въ родимую страну,
 Имѣлъ въ душѣ,—и превозмогъ
 Страданье голода, какъ могъ.
 И вотъ дорогою прямой
 Пустился, робкій и нѣмой;
 Но скоро въ глубинѣ лѣсной
 Изъ виду горы потерялъ
 И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

xv.

«Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой
 Я рвалъ отчаянной рукой
 Терновникъ, спутанный плющемъ:
 Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,
 Страшнѣй и гуще каждый часъ;

И миллиономъ черныхъ глазъ
 Смотрѣла ночи темнота
 Сквозь вѣтви каждого куста...
 Моя кружилась голова.

Я сталь влѣзать на дерева;
 Но даже на краю небесъ
 Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
 Тогда на землю я упалъ
 И въ изступленіи рыдалъ,
 И грызъ сырую грудь земли,
 И слезы, слезы потекли
 Въ нее горючею росой...
 Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
 Я не желалъ... Я былъ чужой
 Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
 И если-бъ хоть минутный крикъ
 Мнѣ измѣнилъ—клянусь, старикъ,
 Я-бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

xvi.

«Ты помнишь, въ дѣтскіе года
 Слезы не зналъ я никогда;
 Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
 Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
 Да мѣсяць, плившій средь небесъ!
 Озарена его лучемъ,
 Покрыта мохомъ и пескомъ,
 Непроницаемой стѣной
 Окружена, передо мной
 Была поляна. Вдругъ по ней
 Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
 Промчались искры... и потомъ
 Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
 Изъ чащи выскочилъ и легъ,
 Играя, навзничъ на песокъ.
 То былъ пустыни вѣчный гость—
 Могучій барсъ. Сырую кость
 Онъ грызъ и весело визжалъ;
 То взоръ кровавый устремлялъ,
 Мотая ласково хвостомъ,
 На полный мѣсяць,—и на немъ
 Шерсть отливалась серебромъ.
 Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
 Минуту битвы; сердце вдругъ
 Зажглося жаждою борьбы
 И крови... да, рука судьбы
 Меня вела инымъ путемъ...
 Но нынче я увѣренъ въ томъ,
 Что быть бы могъ въ краю отцовъ
 Не изъ послѣднихъ удалцовъ.

xvii.

«Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
 Врага почуялъ онъ, и вой
 Протяжный, жалобный какъ стонъ,
 Раздался вдругъ... и началъ онъ
 Серdito лапой рыть песокъ,
 Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
 И первый бѣшенный скачокъ
 Мнѣ страшною смертію грозилъ...
 Но я его предупредилъ.
 Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
 Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
 Широкий лобъ его разсѣкъ...
 Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
 И опрокинулся. Но вновь,—
 Хотя лила изъ раны кровь
 Густой, широкою волной,—
 Бой закипѣлъ, смертельный бой!

xviii.

«Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
 Но въ горло я успѣлъ воткнуть
 И тамъ два раза повернуть
 Мое оружье... Онъ завылъ,
 Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
 И мы, сплетясь, какъ пара змѣй,
 Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
 Упали разомъ, и во мглѣ
 Бой продолжался на землѣ.
 И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
 Какъ барсъ пустынный, золь и дикъ,
 Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
 Какъ будто самъ я былъ рожденъ
 Въ семействѣ барсовъ и волковъ
 Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
 Казалось, что слова людей
 Забылъ я—и въ груди моей
 Родился тотъ ужасный крикъ,
 Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
 Къ иному звуку не привыкъ...
 Но врагъ мой сталъ изнемогать,
 Метаться, медленнѣй дышать,
 Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
 Зрачки его недвижныхъ глазъ
 Блеснули грозно—и потомъ

Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!...

xix.

«Ты видишь на груди моей •
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжить
И смерть навѣки заживить.
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!

xx.

«Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
И кинулъ взоры я кругомъ:
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
И страшно было мнѣ—понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ,
И все зачѣмъ?... Чтобъ въ цвѣтѣхъ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унести въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!...
Еще въ сомнѣнье погружонъ,

Я думалъ—это страшный сонъ...
Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ—
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ, бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!...
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца—будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понималъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда.

xxi.

«Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой,
Плохаго сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Что я предъ нимъ?—Напрасно грудь
Полна желаньемъ и тоской:
То жаръ безсильный и пустой,
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ,
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучей
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія...
Но что-жь? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжогъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...»

ххп.

«И, какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листь ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался,—и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился парь. Миръ Божій спалъ,
Въ оцѣпенѣннн глухомъ,
Отчаяннн тяжелымъ сномъ.
Хотя бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый до-низу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно; потомъ,
Играя, нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То, будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ...

ххш.

«И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкаль зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ острововъ,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать—передо мной
Все закружилось съ быстротой,
Хотѣлъ кричать—языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...

Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.
Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки—и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть,—
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ
И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
И рыбокъ пестрыя стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну изъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ
Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ея спина. Она вилась
Надъ головой моею не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
И надивиться я не могъ:
Ея серебристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:

«Дитя мое,

Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ и покой.

*

«Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.

*

«Усни: постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

*

«О, милый мой! не утаю,

Что я тебя люблю,
Люблю, как вольную струю,
Люблю, как жизнь мою...»

«И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...»

xxiv.

«Такъ я найдёнъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ.
Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
Или не вѣрь, мнѣ все равно.
Меня печалитъ лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
Вниманье скорбное ни чье
На имя темное мое.»

xxv.

«Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пиши нѣтъ ему,
И онъ прожогъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай
въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ
скаль,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я-бъ рай и вѣчность промѣ-
нялъ!...»

xxvi.

«Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
Ты перенеси меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положите вели меня.
Сіянемъ голубаго дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукою
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ-полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не проклянута!...»

1839 года, августа 5.

БѢГЛЕЦЪ.

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣ лани,
Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла:
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ по-
ля брани,

Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку,—и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока
И надъ пустынею Пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый

Лишь онъ одинъ
пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ
спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ—дѣма.
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Селимъ пришельца не узналъ;
На ложѣ, мучимый недугомъ,
Одинъ, онъ молча умиралъ.
«Великъ Аллахъ! отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?...» спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
—Два дня мы билися въ тѣснинѣ:
Отецъ мой палъ, и братья съ нимъ.
И скрылся я одинъ въ пустынь,
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шель безвѣстными тропами

По слѣду вепрей и волковъ.
 Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
 Прими меня, мой старый другъ,
 И, вотъ Пророкъ!—твоихъ услугъ,
 Я до могилы не забуду.
 И умирающій въ отвѣтъ:
 «Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
 Ни крова, ни благословенья
 Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»
 Стыда и тайной муки полный,
 Безъ гнѣва выслушавъ упрекъ,
 Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
 За непривѣтливый порогъ.
 И саклю новую минуя,
 На мигъ остановился онъ,
 И прежнихъ дней летучій сонъ
 Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуя
 Его холодное чело.
 И стало сладко и свѣтло
 Его душѣ; во мракѣ ночи,
 Казалось, пламенные очи
 Блеснули ласково предъ нимъ,
 И онъ подумалъ: «я любимъ...»
 Она лишь мной живетъ и дышитъ...»
 И хочетъ онъ войти—и слышитъ...
 И слышитъ пѣсню старины.
 И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.

«Мѣсяцъ плыветъ,
 И тихъ, и спокоенъ,
 И юноша-воинъ
 На битву идетъ.
 Ружье заряжаетъ 'джигитъ,
 И дѣва ему говоритъ:
 «Мой милый, смѣлѣе
 Ввѣрайся ты року.
 Молися Востоку,
 Будь вѣренъ Пророку,
 Будь славѣ вѣрнѣе.
 Своимъ измѣнившій—
 Измѣнной кровавой,
 Врага не сразивши,
 Погибнетъ безъ славы;
 Дожди его ранъ не обмоютъ,
 И звѣри костей не зарюютъ».
 Въ горахъ никого нѣтъ,

Кто-бъ вынесъ позоръ,
 И труса прогонитъ
 Красавица горь!»

Главой поникнувъ, съ быстротою
 Гарунъ свой продолжаетъ путь,
 И крупная слеза, порою,
 Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
 Но вотъ, отъ бури наклоненный,
 Предъ нимъ родной бѣлѣтъ домъ;
 Надеждой снова ободренный,
 Гарунъ стучится подъ окномъ;
 Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
 Восходятъ къ небу за него;
 Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
 Но ждетъ его—не одного.
 «Мать, отвори! я странникъ бѣдный,
 Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
 Сквозь пули русскія безвредно
 Пришелъ къ тебѣ...»

— Одинъ?

«Одинъ!»

— А гдѣ отецъ и братья?

«Пали.

Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
 И ангелы ихъ души взяли».

— Ты отомстилъ?

«Не отомстилъ...»

Но я стрѣлой пустился въ горы,
 Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
 Чтобы твои утѣшить взоры
 И утереть слезу твою».
 — Молчи, молчи! гяуръ лукавый,
 Ты умереть не могъ со славой!
 Такъ удались, живи одинъ.
 Твоимъ стыдомъ, бѣглець свободы,
 Не омрачу я стары годы.
 Ты рабъ и трусь... а мнѣ не сынъ!—
 Умолкло слово отверженья,
 И все кругомъ объято сномъ.
 Проклятыя, стоны и моленья
 Звучали долго подъ окномъ;
 И наконецъ ударъ кинжала
 Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
 И мать поутру увидала,
 И хладно отвернула взоръ.

И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,
И кровь его съ глубокой раны

Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ Пророка

Лизаль, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;

Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродить въ темну ночь;

И подъ окномъ, поутру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,

Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

1841 г.

КАЗНАЧЕЙША.

Играй, да не отыгрывайся.

Пословица.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

п.

Пускай слыву я старовѣромъ,
Мнѣ все равно, я даже радъ;
Пишу Онѣгина размѣромъ:
Пою, друзья, на старый ладъ.

Прошу послушать эту сказку;
Ея неожиданную развязку
Одобрите, быть можетъ, вы
Склоненьемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладіе запьемъ—
И пробѣгутъ они, хромя,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

г.

Тамбовъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опальный,
Теперь же, право, хоть куда!
Тамъ есть три улицы прямя,
И фонари и мостовыя;
Тамъ два трактира есть: одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдають вамъ честь,
И смѣна имъ два раза въ сутки;
.
Короче, славный городокъ!

Но скука, скука, Боже правый,
Гостить и тамъ, какъ надъ Невой,
Поить васъ прѣсною отравой
Ласкаеть черствою рукой.
И тамъ есть чопорные фрэнты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣтъ средства отъ глупцовъ
И музыкальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы—просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ,
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подуматъ худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтутъ,
И васъ осудятъ, проклянутъ.

ш.

Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать,
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Тамбовѣ будетъ зимовать.
Уланы, ахъ! такіе хваты!...
Полковникъ, вѣрно, неженатый;
А ужъ бригадный генераль
Конечно дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
За то, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье: сабли, шпоры—
Бѣда для крашенныхъ половъ...
Такъ волновался весь Тамбовъ.

IV.

И вот однажды утром рано,
 Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
 Когда сквозь пелену тумана
 Едва проглядываетъ Цна,
 Когда лишь куполы собора
 Роскошно золотить Аврора,
 И, тишины, извѣстный врагъ,
 Еще безмолствовалъ кабакъ,

Уланы справа—по шести
 Вступили въ городъ; музыканты,
 Дремля на лошадахъ своихъ,
 Играли маршъ изъ Двухъ Слѣпыхъ.

Тутъ не запрыгало сильнѣй?
 Забыта жаркая перина...
 «Малашка, дура! Катерина!
 «Скорѣе туфли и платокъ!
 «Да гдѣ Иванъ? какой мѣшокъ!
 «Два года ставни отворяють...»
 Вотъ ставни настезъ. Цѣлый домъ
 Третъ стекла тусклыми сукномъ—
 И любопытно пробѣгаютъ
 Глаза опухшіе дѣвиць
 Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

VI.

«Ахъ, посмотри сюда, кузина,
 Вотъ этотъ!»—Гдѣ? майоръ? «О, нѣтъ!
 Какъ онъ хорошъ, а конь—картина!

V.

Услыша ласковое ржанье
 Желанныхъ вороныхъ коней,
 Чье сердце, полное вниманья,

Да жаль—онъ, кажется, корнетъ...
 Какъ ловко, смѣло избочился...
 Повѣришь ли, онъ мнѣ приснился...
 Я послѣ не могла уснуть...»
 И тутъ дѣвическая грудь

Косынку тихо поднимаетъ—
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

vii.

Противъ гостиницы Московской,
Притона буйныхъ усачей,
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.
Давно былъ домъ его построенъ;
Хотя невзраченъ, но спокоенъ;
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ.
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли,
За то предъ окнами цвѣли
Четыре стриженныхъ березки:
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ сторъ—
Невинной роскоши уборъ.

viii.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ разсчета
Блуждать была его охота,
И потому онъ былъ игрокъ
[Его единственный порокъ].
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутѣркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянскаго струей.

ix.

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ тамбовскихъ удалцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сынковъ.
Его краплѣныя колоды
Не разъ невинные доходы

Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ—
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгорить, бывало, отъ стыда.

x.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругъ кладъ.
Ее цѣнилъ онъ тысячъ во сто,
Хотя держалъ довольно просто
И не выписывалъ чепцовъ
Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ, иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтеръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый старикъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

xi.

И впрямь, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно—
Чуть тронетъ землю башмачекъ.
Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди:
Бѣла какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.
Казалось, для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей,
И не гожусь въ число судей.

xii.

А этотъ носикъ! эти губки—
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,
А голосъ сладкій, какъ мечта!

Она картава говорила,
 Нечисто р произносила,
 Но этот маленькій порокъ
 Кто извинить бы въ ней не могъ?
 Любилъ трепать ея ланиты,
 Разнѣжась, старый казначей.
 Какъ жаль, что не было дѣтей
 У нихъ!

хш.

Для большей ясности романа
 Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
 Что страстно влюблена въ улана
 Была одна ея сестра.
 Она, какъ должно, тайну эту
 Открыла Дунѣ по секрету.
 Вамъ не случилось двухъ сестеръ
 Замужнихъ слышать разговоръ?
 О чемъ тутъ, Боже справедливый,
 Не судятъ милыя уста!
 О, русскихъ нравовъ простота!
 Я, право, человекъ неживой—
 А изъ-за ширмовъ раза два
 Такія слышалъ я слова...

xiv.

Итакъ тамбовская красотка
 Цѣнить умѣла ужъ усы

 Что жъ? знаніе ея сгубило!
 Одинъ уланъ повѣса милый
 [Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ],
 Въ трактирѣ номеръ занималъ
 Окно въ окно съ ея уборной.
 Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ;
 Штабсъ-ротмистръ, строенъ какъ корнетъ;
 Взоръ пылкій, усъ довольно-черный:
 Короче, идеаль дѣвиць,
 Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

xv.

Онъ все отцовское имѣнье
 Еще корнетомъ прокутилъ;

Съ тѣхъ поръ дарами провидѣнья,
 Какъ птица Божія, онъ жилъ.
 Онъ спать, лежать привыкъ, не вѣ-
 дать—

Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
 Шатаясь по Руси кругомъ,
 То на курьерскихъ, то верхомъ,
 То полупьянымъ ремонтѣромъ,
 То волокитой отпускнымъ,
 Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
 Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
 Когда бы всѣ его слова
 Хоть тѣнь имѣли хвостовства.

xvi.

Страстями земными не смущаемъ,
 Онъ не терялся никогда.

 Бывало, въ дѣлѣ, подъ картечью
 Всѣхъ размѣшить надутой рѣчью,
 Гримасой, фарсой площадной,
 Иль неподдѣльной остротой.
 Шутя, однажды, послѣ спора,
 Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
 Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
 Иль сталъ душою заговора;
 Порой, незлобенъ, какъ дитя,
 Былъ добръ и честенъ, но шутя.

xvii.

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
 У насъ привыкли называть;
 Онъ не ходилъ тропой избитой,
 Свой путь умѣя пролагать;
 Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
 Не становился на колѣни;
 А не смотря на то, друзья,
 Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.

 Таковъ-то былъ штабсъ-ротмистръ Га-
 ринъ:
 По крайней мѣрѣ мой портретъ
 Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

xviii.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
 Онъ у трактирщика узнать.
 Узналъ немало онъ смѣшинова—
 Интригъ секретныхъ шесть иль пять;
 Узналъ, невѣсты какъ богаты,
 Гдѣ свахи водятся, иль сваты;
 Но занялъ болѣе всего
 Мысль безпокойную его
 Разказъ о молодой сосѣдкѣ.
 «Бѣдняжка!» думаетъ уланъ:
 «Такой безжизненный болванъ
 Имѣетъ право въ этой клѣткѣ
 Тебя стеречь! и я, злодѣй,
 Не тронусь участію твоей?»

xix.

Къ окну поспѣшно онъ садится,
 Надѣвъ персидскій архалукъ;
 Въ устахъ его едва дымится
 Узорный, бисерный чубукъ.
 На кудри мягкіе надѣта
 Ермолка вишневаго цвѣта
 Съ каймой и кистью золотой—
 Даръ молдаванки молодой.
 Сидитъ и смотритъ онъ прилежно...
 Вотъ, промелькнувши какъ во мглѣ,
 Обрисовался на стеклѣ
 Головки милой профиль нѣжный;
 Вотъ будто стукнуло окно...
 Вотъ отворяется оно.

xx.

Еще безмолвенъ городъ сонный;
 На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
 Еще по улицѣ мошеной
 Не раздается стукъ каретъ...
 Что жъ казначейшу молодую
 Такъ рано подняло? Какую
 Назвать причину повѣрнѣй?
 Ужъ не бессонница ль у ней?...
 На ручку опершись головкой,
 Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
 Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ—
 Заняться этимъ намъ неловко...

И если правду ужъ сказать,
 Ну, кстати ль было бѣ ей вязать?

xxi.

Сначала взоръ ея прелестной
 Бродилъ по синимъ небесамъ,
 Потомъ склонился къ поднебесной
 И вдругъ... какой позоръ и срамъ!
 Напротивъ, у окна трактира,
 Сидитъ мужчина—безъ мундира.
 Скорѣй, штабсъ-ротмистръ, вашъ сюртукъ!
 И подѣломъ... окошко стукъ...
 И скрылось милое видѣнье.
 Конечно, добрые друзья,
 Такая грустная статья
 На васъ навѣяла бѣ смушенье;
 Но я отдамъ улану честь—
 Онъ молвилъ: «что жъ? начало есть!»

xxii.

Два дня окно не отворялось.
 Онъ терпѣливъ. На третій день
 На стеклахъ снова показалась
 Ея плѣнительная тѣнь.
 Тихонько рама закрипѣла;
 Она съ чулкомъ къ окну подѣла.
 Но опытный замѣтилъ взглядъ
 Ея заботливый нарядъ.
 Своей удачею довольный,
 Онъ всталъ и вышелъ со двора—
 И не вернулся до утра.
 Потомъ, хоть было очень больно,
 Собралъ запасъ душевныхъ силъ,
 Три дня къ окну не подходилъ.

xxiii.

Но эта маленькая ссора
 Имѣла участь нѣжныхъ ссоръ:
 Межъ нихъ завелся очень скоро
 Нѣмой, но внятнѣй разговоръ.
 Языкъ любви, языкъ чудесный,
 Одной лишь юности извѣстный.
 Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
 Не сталъ ты языкомъ роднымъ?
 Въ минуту страстнаго волненья
 Кому хоть разъ ты не помогъ

Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденья,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты, чудный и живой?

xxiv.

Скажу короче: въ двѣ недѣли
Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пьетъ съ мужемъ чай, идетъ гулять,
Отправится ль она къ обѣднѣ—
Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдній:
Къ сырой колоннѣ прислонясь,
Стоитъ, все время не крестясь.
Лучемъ краснѣющей лампы
Его лицо озарено:
Какъ мрачно, холодно оно!
А испытующіе взгляды
То вдругъ померкнуть, то блестятъ—
Проникнуть въ грудь ея хотятъ.

xxv.

Давно разрѣшено сомнѣнье,
Что любопытенъ нѣжный полъ.
Уланъ большое впечатлѣнье
На казначейшу произвелъ
Своею странностью. Конечно,
Не надо было бѣ мысли грѣшной
Дорогу въ сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!
.
.
.
Жизнь безъ любви такая скверность!
А что, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

xxvi.

Но время шло. «Пора къ развязкѣ!»
Такъ говорилъ любовникъ мой.
«Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой.»
Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
Лакей.—Что это?—«Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-съ;
Самъ не пріѣхалъ—много дѣлъ-съ;

Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовать.
Онъ самъ изволилъ такъ сказать.»
— Ступай, скажи, что я пріѣду.—
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабсъ-ротмистръ на обѣдъ.

xxvii.

Амфитріонъ былъ предводитель—
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себя изрядно
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,
Но праздникъ въ томъ не потерялъ.
Онъ былъ устроенъ очень мило;
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

xxviii.

Впередъ подъ-ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ,
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстатѣ заглушить
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное—смѣшно.

xxix.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.
О, скоро ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,

Съ бокаломъ влаги золотой,
 При звукахъ пѣсни полковой?
 И скоро ль ментиковъ червонныхъ
 Привѣтный блескъ увижу я,—
 Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
 На строй гусаровъ полусонныхъ
 И на бивакъ ихъ, у лѣска
 Бросаетъ лучъ изподтишка?

xxx.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
 Сидѣль штабсъ-ротмистръ удалой:
 Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
 Крутя усы одной рукой.
 Онъ видѣль, какъ въ ней сердце билось..
 И вдругъ—не знаю, какъ случилось,
 Ноги ея, иль башмачка,
 Коснулся шпорой онъ слегка.
 Тутъ начались извиненья
 И завязался разговоръ;
 Два комплимента, нѣжный взоръ—
 И ужъ дошло до изъясненья..
 Да, да, какъ честный офицеръ!
 Но казначейша—не примѣрь.

xxxі.

Она, въ отвѣтъ на нѣжный шопоть,
 Нѣмой восторгъ снѣша сокрыть,
 Невинной дружбы тяжкій опытъ
 Ему рѣшилась предложить—
 Таковъ обычай деревенскій!
 Помучить—способъ самый женскій.
 Но ужъ давно извѣстна намъ
 Любовь друзей и дружба дамъ!
 Какое адское мученье
 Сидѣть весь вечеръ tête-à-tête,
 Съ красавицей въ осмнадцать лѣтъ!

.

xxxii.

Вобщемъ, я могъ въ году послѣднемъ
 Въ дѣвцахъ нашихъ городскихъ
 Замѣтить страсть къ воздушнымъ бред-
 нямъ

И мистицизму. Бойтесь ихъ!
 Такая мудрая супруга,
 Въ часы любовнаго досуга,
 Вамъ вдругъ захочетъ доказать,
 Что 2 и 3 совсѣмъ не пять;
 Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаний,
 Магнитизировать начнетъ—
 И счастливъ мужъ, коли заснетъ!..
 Плоды подобныхъ замѣчаній,
 Конечно бѣ, могъ не вѣдать мѣръ,
 Но польза, польза— мой кумиръ.

xxxiii.

Я балъ описывать не стану,
 Хотя это былъ блестящій балъ.
 Весь вечеръ моему улану
 Амуръ прилежно помогаль.
 Увы!
 Не вѣрують Амуру нынѣ;
 Забытъ любви волшебный царь;
 Давно остылъ его алтарь!
 Но за столичнымъ просвѣщеньемъ
 Провинціалы не спѣшатъ;

xxxiv.

И сердце Дуни покорилось;
 Его сковаль могучій взоръ..
 Ей дома цѣлу ночь все снилось
 Бряцанье сабли или шпоръ.
 Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
 Садится въ шлафорѣ измятомъ
 Она за вѣчную канву—
 Все тотъ же сонъ и наяву.
 По службѣ занять мужъ ревнивый,
 Она одна—разгуль мечтамъ!
 Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?
 Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!..
 Вотъ чей-то шагъ—и передъ ней
 Явился... только не Андрей.

xxxv.

Вы отгадаете, конечно,
 Кто этотъ гость нежданный былъ.

Немного, можетъ быть, поспѣшно
 Любовникъ смѣлый поступилъ;
 Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
 Его минувшее терпѣнье,
 И разсудивъ, легко поймешь,
 Зачѣмъ рискуеть молодежь.
 Кивнувъ легонько головою,
 Онъ къ Дунѣ молча подошелъ,
 И на лицо ея навелъ
 Взоръ, отуманенный тоскою;
 Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
 Вздохнулъ и началъ говорить:

xxxvi.

«Я вижу, вы меня не ждали—
 Прочестъ легко изъ вашихъ глазъ;
 Ахъ! вы еще не испытали,
 Что въ страсти значить день, что
 часть!

Среди сердечнаго волненья
 Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ! тер-
 пѣнья.

Я здѣсь—на все рѣшился я...
 Тебѣ я преданъ... ты моя!
 Ни мелочные толки свѣта,
 Ничто, ничто не страшно мнѣ;
 Презрѣнье свѣтской болтовнѣ—
 Иль я умру отъ пистолета...
 О, не пугайся, не дрожи!
 Вѣдь я любимъ—скажи, скажи!...»

xxxvii.

И взоръ его притворно-скромный,
 Склоняясь къ ней, то угасаль,
 То, разгараясь страстью томной,
 Огнемъ сверкающимъ пылалъ.
 Блѣдна, въ смущеніи оставалась
 Она предъ нимъ... Ему казалось,
 Что чрезъ минуту для него
 Любви наступитъ торжество...
 Какъ вдругъ внезапный и невольный
 Стыдъ овладѣлъ ея душой—
 И, вспыхнувъ вся, она рукой
 Толкнула прочь его: «довольно!
 Молчите—слышать не хочу!
 Оставьте ль?... я закричу!...»

xxxviii.

Онъ смотритъ: это не притворство,
 Не штуки—какъ ни говори—
 А просто, женское упорство,
 Капризы—чортъ ихъ побери!
 И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
 Штабсъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
 И молить жалобно... Какъ вдругъ
 Дверь настезь—и въ дверяхъ супругъ.
 Красотка «ахъ!» Они взглянули
 Другъ другу сумрачно въ глаза;
 Но молча разнеслась гроза,
 И Гаринъ вышелъ. Дома пули
 И пистолеты снарядилъ,
 Присѣлъ—и трубку закурилъ.

xxxix.

И черезъ часъ ему приносить
 Записку грязную лакей.
 Что это? Чудо! нынче просить
 Къ себѣ на вистикъ казначей:
 Онъ именинникъ—будутъ гости...
 Отъ удивленія и злости
 Чуть не задохся нашъ герой.
 Ужъ не обманъ ли тутъ какой?
 Весь день проводить онъ въ волненьи.
 Насталъ и вечеръ наконецъ.
 Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ!
 Домъ полонъ; что за освѣщенье!
 А все—засунуть, или нѣтъ,
 Въ карманъ, на случай, пистолетъ?

xl.

Онъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
 Она сама, потупя взоръ.
 Вздохъ полновѣсный прерываетъ
 Едва начатый разговоръ.
 О сценѣ утренней ни слова.
 Они другъ другу чужды снова.
 Онъ о погодѣ говорить;
 Она—«да-съ», «нѣтъ-съ», и замолчить...
 Измученъ тайною досадой,
 Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
 Но здѣсь спѣшить намъ нужды нѣтъ,
 Притомъ спѣшить нигдѣ не надо.

Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ dokonчимъ какъ нибудь.

XLI.

Я жить спѣшилъ въ былые годы,
Искалъ волненій и тревогъ;
Законы мудрые природы
Я безразсудно пренебрегъ.
Что жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
Сковала душу мнѣ усталость,
А сожалѣнье день и ночь
Твердитъ о прошломъ. Чѣмъ помочь?
Назадъ не возвратятъ усилъя.
Такъ въ клѣткѣ молодой орель,
Глядя на горы и на долъ,
Напрасно не подѣмлетъ крылья,
Крoвавой пищи не клюеть,
Сидитъ, молчитъ и смерти ждетъ.

XLII.

Ужель исчезъ ты возрастъ милый,
Когда все сердцу говоритъ,
И бьется сердце съ дивной силой,
И мысль восторгами кипитъ?
Не все жъ томиться бесполезно
Орлу за клѣткою желѣзной.
Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда-нибудь,
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ—
Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь.

XLIII.

Но есть всему конецъ на свѣтѣ
И даже выпренимъ мечтамъ.
Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
О, чудеса! хозяинъ самъ
Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ.
Сажаетъ, подчуется вареньемъ,
Несетъ шампанскаго стаканъ.
«Иуда!» мыслить мой уланъ.
Толпа гостей тѣснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;

Игра ужъ дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный.
Его держалъ самъ казначей
Для облегченія друзей.

XLIV.

И такъ какъ господинъ Бобковскій
Великимъ дѣломъ занять самъ,
То здѣсь блестящій кругъ тамбовскій
Позвольте мнѣ представить вамъ.
Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ—
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ,
.
.
А вотъ уѣздный предводитель—
Весь спрятанъ въ галстухъ, фракъ до
пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ;
А вотъ спокойствія рачитель
Сидитъ и самъ исправникъ... но
Объ немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV.

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушенный,
Время новѣйшихъ Митрофанъ;
Нетѣсанный, недоученный,
А ужъ безнравственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ какъ велятъ—
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой рассказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ чѣмъ я испестрилъ.

XLVI.

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣривъ проигрышъ не смѣя,
Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной талы,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкoмeтъ

Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
По гладкой лысинѣ струился,
Онъ все проигрывалъ до-тла.
Въ ухахъ его: дана, взяла!
Такъ и звучали. Онъ взбѣсился—
И проигралъ свой старый домъ,
И все, что въ немъ, или при немъ.

XLVII.

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женнины* сережки,
Короче—все, все до-чиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
Ужъ было за-полночь. Треща,
Одна погасла ужъ свѣча.
Свѣтъ утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья просить у гостей.

XLVIII.

И просить важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но съ тѣмъ, чтобъ отыграть имѣнье,
Иль «проиграть ужъ и жену».
О страх! о ужас! о злодѣйство!
И какъ донинѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. «Очень радъ!»
Онъ говоритъ: «пускай шумятъ;
Мы дѣло кончимъ полюбовно;
Но только, чуръ, не плутовать—
Иначе, вамъ не сдобровать!»

XLIX.

Теперь кружокъ понтеровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ.
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усадаго героя,

Который понтируетъ стоя,
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой—вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ, вдалькѣ,
Жену на креслахъ, въ уголкѣ.

I.

Что въ ней тогда происходило—
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ быть,
Когда бы вы ихъ разгадали,
Вы поневолѣ бъ зарыдали.
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза.
Смѣшно участие въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ.
Разказы вымышленныхъ бѣдъ
Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Немало проливали слезъ...
Кто жъ въ этомъ выигралъ?—вопросъ.

II.

Недолго битва продолжалась.
Уланъ отчаянно игралъ,
Надъ старикомъ судьба смѣялась—
И жребій выпалъ... часть настала...
Тогда Авдотья Николавна,
Вставъ съ кресель, медленно и плавно
Къ столу, въ молчаньи, подошла—
Но только цвѣтъ ея чела
Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего-нибудь—
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ничуть!
Она на мужа посмотрѣла
И бросила ему въ лицо
Свое вѣнчалное кольцо,—

III.

И въ обморокъ. Ее въ охапку
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ расчеты, саблю, шапку,

Уланъ отправился домой...
 Поутру вѣстію забавной
 Смущень былъ городъ благонравный.
 Недѣлю цѣлую спустя,
 Кто очень важно, кто шутя,
 Объ этомъ всѣ распространялись.
 Старикъ защитниковъ нашолъ;
 Улана проклялъ милый полъ—
 За что? мы, право, не дознались.
 Не зависть ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
 Ухъ! я не выношу клеветъ.

III.

И вотъ конецъ печальной были,
 Иль сказки—выражусь прямѣй.

Признайтесь, вы меня бранили?
 Вы ждали дѣйствія, страстей?
 Повсюду нынче ищутъ драмы,
 Всѣ просятъ крови—даже дамы.
 А я, какъ робкій ученикъ,
 Остановился въ лучшей мигъ:
 Простымъ, нервическимъ припадкомъ
 Неловко сцену заключилъ,
 Соперниковъ не помирилъ,
 И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
 Что жъ дѣлать!... Вотъ вамъ мой раз-
 сказъ,
 Друзья; покамѣсть будетъ съ васъ.

1836 г.

БОЯРИНЪ ОРША.

ГЛАВА I.

Then burst her heart in one long shriek
And to the heart she fell like stone
As statue from its base o'erthrown.
Byron.

О время оно жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Прозваньемъ Орша.—Важный
санъ

Даль Оршѣ Грозный Иоаннъ;
Онъ даль ему съ руки своей
Кольцо—наслѣдіе царей;
Онъ даль ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день Воскресенія Христа
Поцѣловаль его въ уста,
И обѣщался въ тотъ же день
Дать тридцать царскихъ деревень,
Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворный шумъ;
При видѣ трепетныхъ льстецовъ,
Щипаль концы сѣдыхъ усовъ,
И разъ, опричнымъ огорченъ,
Такъ Иоанну молвилъ онъ:

«Надежа-царь! пусти меня
На родину.—Я день отъ дня
Все старѣ; даже не могу
Обиду выместить врагу.
Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.»

Пусти меня! Мой старый домъ
На берегу Днѣпра крутомъ,
Близъ рубежа Литвы чужой,
Обросъ могильною травой;
Пробудь я здѣсь еще хоть годъ,
Онъ догниетъ—и упадетъ.
Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
Тамъ я родился,—тамъ умру!»

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и серебромъ;
Икону въ ризѣ дорогой,
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой,
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу,
И заперѣлись на полу
Узоры шолковыхъ ковровъ.
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ Божій даръ—младая дочь;
Объ ней онъ думалъ день и ночь;
Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела,
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былаго памятникъ живой!
Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,
Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ...
И та холодная стѣна
Ея красой оживлена!...

.....

Туманно въ полѣ и темно.
Одно лишь свѣтитса окно

Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
 Сквозь тучи смотритъ иногда.
 Тяжелый звякнулъ ужъ затворъ,
 Угрюмъ и пусть широкій дворъ.
 Вотъ, испытавъ замки дверей,
 Съ гремучей связкою ключей
 Къ калиткѣ ключникъ подошелъ,
 И взоры на небо возвелъ:
 «А завтра быть грозѣ большой!»
 Сказалъ, крестясь, старикъ съдой.
 «Смотри-ка, молнія вдали
 Такъ и доходитъ до земли,
 И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
 Завернуть въ черныхъ облакахъ;
 И воетъ вѣтеръ будто звѣрь...
 Дай кучу злата мнѣ теперь,
 Съ конюшни лучшаго коня
 Сейчасъ съдлайте для меня,—
 Нѣтъ, не отѣду отъ крыльца
 Ни для родимаго отца!»
 Такъ разсуждая самъ съ собой,
 Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
 Лишь вдалекѣ едва гремятъ
 Его ключи... Вокругъ палатъ
 Все снова тихо и темно,
 Одно лишь свѣтится окно.

Все въ домѣ спитъ—не спитъ одинъ
 Его угрюмый властелинъ
 Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
 На ложѣ бархатномъ своемъ.
 Полусгорѣвшая свѣча
 Предъ нимъ, сверкая и треща,
 Порой на каждый леть предметъ
 Какой-то странный полусвѣтъ.
 Висятъ надъ ложемъ образа;
 Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
 Вдругъ оживляются, глядятъ—
 Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
 Онъ непонятнѣй и страшнѣй
 Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
 Томитъ боярина тоска...
 Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
 Шумитъ—и съ бурей заодно
 Гремучій дождь стучитъ въ окно.
 Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,

И—странно—Оршу обнялъ страхъ!
 Бываль онъ въ битвахъ, хотъ и старъ,
 Противъ поляковъ и татаръ;
 Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
 Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ:
 Ни разу духъ его крутой
 Не ослабѣлъ передъ бѣдой;
 Но тутъ—онъ свистнулъ, и взошелъ
 Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: «Скучно мнѣ,
 Все думы черныя однѣ.
 Садись поближе на скамью,
 И рѣчью грусть разсѣй мою...
 Пожалуй, сказку ты начни
 Про прежніе золотые дни,
 И я, припомнивъ старину,
 Подъ говоръ словъ твоихъ засну.»

И на скамью присѣлъ Соколъ,
 И рѣчь такую онъ завелъ:

«Жилъ былъ за тридевять земель,
 Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
 Великій и премудрый царь.
 Ни въ наше времечко, ни встарь
 Никто не видывалъ пышнѣй
 Его палатъ, и много дней
 Въ весельи жизнь его текла,
 Покуда дочь не подросла.

«Тотъ царь былъ слабъ, и хилъ, и старъ,
 А дочь—непрочный вѣдь товаръ!
 Ее, какъ лучшей свой алмазь,
 Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
 И на его царевну-дочь
 Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
 И цѣловать красотку могъ
 Лишь перелетный вѣтерокъ.

«И царь тотъ раза три на дню
 Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
 Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
 Взглянуть, какъ спитъ младая дочь.
 Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
 Сапожки шелковые снялъ,

И вотъ приходитъ въ башню ту,
Гдѣ скрылъ царевну-красоту...

«Вошелъ: въ свѣтлицѣ тишина;
Дочь сладко спитъ, но не одна;
Припавъ на грудь ея главой
Съ ней царскій конюхъ молодой.
И прогнѣвился царь тогда,
И повелѣлъ онъ безъ суда
Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
И въ сине море укатить...»

И быстро на устахъ раба —
Какъ будто тайная борьба
Въ то время совершалась въ немъ,—
Улыбка вспыхнула, потомъ
Онъ очи на небо возвелъ,
Вздыхнулъ и смолкъ. «Ступай, Со-
коль!»

Махнувъ дрожащею рукой,
Сказалъ бояринъ: «въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца
Про оскорбленнаго отца!»

И по морщинамъ старика,
Какъ тѣни облака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ.
Встревоженный и быстрый умъ
Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ.
Онъ жилъ: онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ.
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!...

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ
силъ.

Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча;
И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей.
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ и свѣчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.

Сочин. Лермонтова. Т. II.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
Сидитъ на старомъ сундукѣ
И спитъ глубоко, и порой
Во снѣ качаетъ головой;
На ней, предчувствіемъ объять,
На мигъ онъ удержалъ свой взглядъ—
И мимо; но, слыша стукъ,
Старуха пробудилась вдругъ,
Перекрестилась и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоитъ бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку—и думаетъ старикъ:
«Нѣтъ, непорочна дочь моя!»

А ты, Соколы, ты раба, змѣя,
За дерзкій, хитрый свой намекъ
Получишь гибельный урокъ!»
Но вдругъ... о горе! о позоръ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ...

первый голосъ.

О, погоди, Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня—и мигъ со мной!

второй голосъ.

Не плачь... утѣшься!—близокъ часъ—
И будетъ мѣръ ничто для насъ
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы однѣ,
И не раба обнимешь ты
Среди полнотной темноты.
Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
Тоской по вольности томимъ,
Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,
Задумалъ я свой край родной

Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булаты;
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война—ихъ рай, а миръ—ихъ адъ.
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя—и я богатъ!...

И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцѣлуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...

Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встрѣтились—и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ—и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услышалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжело съ ложа на коверъ,
Какъ трупъ, бездушный съ давнихъ поръ,
Небрежной сброшенный рукой,
Произведя ударъ глухой,

На вѣкъ оставить, но съ тобой!...
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашель товарищей лихихъ,

Упало что-то.—И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,

Шумя, сбѣжалася тогда,
И безъ усилій, безъ борьбы
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда жъ безумца увели,
И стукъ шаговъ утихъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ безпокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принять хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужъ въ домъ томъ
Все снова спало крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

Г Л А В А II.

The rest thou dost already know
And all my sins, and half my woe
But talk no more of penitence.

Byron (The Giaour).

Народъ кишитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоятъ.
Ихъ копья мѣдныя горять,

Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ...
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гриву правую рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ, звеня,
Стремена бьются о бока;
Истертъ ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мыль, сѣрый аргамакъ
Мотаеъ гривовою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила,
И пѣна легкая—бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ—
Съ желѣза падаетъ на прахъ.

Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье—изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей,
Вослѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ;
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ
Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной, грѣшной головой.

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣмъ налѣво два стола
И пышныхъ кресель полукругъ—
Издѣлье иноческихъ рукъ—
Блистали тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной
Врываясь бѣлой полосой,
Дробясь въ искры по стеклу,
Игралъ на каменномъ полу.
Рѣзью мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ,
Усердный инокъ... жалкій трудъ,

Отнявшій множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ...
Искусства горестный удѣлъ!...

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Бояринъ Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода,
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
Вдругъ отливались серебромъ,
И часто кудри старика
Отъ дуновенья вѣтерка
Приподымались слегка.
Движеньемъ пасмурныхъ очей
Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И, въ нетерпѣніи, порой
Онъ по столу стучалъ рукой.

Въ концѣ противномъ залы той
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,
Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба.

Но въ молодомъ лицѣ его
Вы не нашли бѣ ни одного
Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
Кружится, вьется надъ душой
Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ
Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслию постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва ль не лишнее звено?...
Задумчивъ, онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса...
И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно, быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,
Летала ласточка—то внизъ,
То вверхъ, подъ каменный карнизъ,
Кидалась съ дивной быстротой
И въ щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрѣлой,
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
Съ природой жизнью одной;
Блеснули тусклые глаза,
Но этотъ блескъ былъ—не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ.
И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,
Скрипъ отворяемыхъ дверей...
Они!—взошли!—Толпа людей
Въ высокихъ, черныхъ клобукахъ,
Съ свѣчами длинными въ рукахъ.
Согбенный тягостью веригъ,
Предъ ними шель слѣпой старикъ,
Отецъ-игумень.—Сорокъ лѣтъ
Ужъ онъ не зналъ что Божій свѣтъ;

Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
 Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
 Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
 И крестъ держалъ передъ собой;
 И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
 Алмазами и жемчугомъ;
 И трость игумена была
 Слоновой кости, такъ бѣла,
 Что лишь съ сѣдой его брадой
 Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
 И плѣнника подвѣсть велѣлъ,
 И одного изъ чернецовъ
 Позвалъ по имени: суровъ
 И холоденъ былъ видъ лица
 Того святаго чернеца.
 Потомъ игумень, наклонясь,
 Сказалъ боярину, смѣясь,
 Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
 На сей вопросъ или совѣтъ
 Кивнулъ бояринъ головой...
 И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
 И понялъ данный знакъ монахъ —
 Упрекъ готовый на устахъ
 Словами книжными убралъ
 И такъ преступнику вѣщалъ:
 «Безумный, бранный сынъ земли!
 Злой духъ и страсти привели
 Тебя медовою тропой
 Къ границѣ жизни сей земной.
 Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
 Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
 Простить не можетъ судъ земной,
 Но въ небѣ есть судья иной:
 Онъ милосердъ, ему теперь
 При насъ дѣла свои повѣрь!»

АРСЕНІЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
 Сюда пришелъ—благодарю.
 Не понимаю, что была
 У васъ за мысль?—Мои дѣла
 И безъ меня ты долженъ знать
 А душу можно ль рассказать?
 И если бъ могъ я эту грудь
 Передъ тобою развернуть,

Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
 Что я безсовѣстный злодѣй!
 Пусть монастырскій вашъ законъ
 Рукою Бога утверждень,
 Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
 Ему не менѣ святой:
 Онъ оправдалъ меня—одинъ
 Онъ сердца полный властелинъ!
 Когда бъ сквозь бѣдннй мой нарядъ
 Не проникалъ до сердца ядъ,
 Тогда я былъ бы виноватъ.
 Но всѣхъ равно влечетъ судьба:
 И подъ одеждою раба,
 Но полный жизнью молодой,
 Я человѣкъ, какъ и другой.
 И ты, и ты слѣпой старикъ,
 Когда бъ ея небесный ликъ
 Тебѣ явился хоть во снѣ,
 Ты позавидовалъ бы мнѣ
 И, въ изступленьи, можетъ быть,
 Рѣшилъ бъ также согрѣшить,
 И клятвы бъ грозныя забылъ,
 И перенестъ бы счастливъ былъ
 За слово, ласку или взоръ
 Мое страданье, мой позоръ!...

О Р Ш А.

Не поминай теперь объ ней!
 Напрасно!—На груди моей,
 Хоть нынѣ поздно вижу я,
 Согрѣлась, выросла змѣя!...
 Но ты заплатишь мнѣ теперь
 За хлѣбъ и соль мою, повѣрь.
 За сердце жъ дочери моей
 Я заплачу тебѣ, злодѣй —
 Тебѣ, найденышъ безъ креста,
 Презрѣнный рабъ и сирота!...

АРСЕНІЙ.

Ты правъ: не знаю, гдѣ рождень,
 Кто мой отецъ и живъ ли онъ?
 Не знаю... Люди говорятъ,
 Что я тобой ребенкомъ взятъ,
 И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
 Подъ строгій иноковъ надзоръ,
 И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,

Душой дитя—судьбой монахъ!
 Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
 Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
 Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
 Чтобъ я въ обители отвыкъ
 Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
 Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
 Со мной. Я видѣлъ у другихъ
 Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
 А у себя не находилъ
 Не только милыхъ душъ—могилъ!
 Но нынче самъ я не хочу
 Предать ихъ имя палачу,
 И все, что славно было бъ въ немъ,
 Облить и кровью и стыдомъ.
 Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!...
 — Нѣтъ, не грози, отецъ святой:
 Чего бояться намъ съ тобой?
 Обоихъ насъ могила ждетъ...
 Не все ль равно—что день, что годъ?
 Никто ужъ намъ не господинъ;
 Ты въ рай, я въ адъ—но путь одинъ!
 Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
 Два раза былъ свободенъ я:
 Послѣдній—нынѣ... Въ первый разъ,
 Когда я жилъ еще у васъ,
 Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
 Пришло мнѣ въ мысли, хоть на мигъ
 Взглянуть на синія поля,
 Узнать прекрасна ли земля,
 Узнать для воли иль тюрьмы
 На этотъ свѣтъ родимся мы...
 И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
 Когда гроза пугала васъ,
 Когда, столпясь при алтарѣ,
 Вы ницъ лежали на землѣ,
 При блескѣ молній роковыхъ
 Я убѣждалъ изъ стѣнъ святыхъ;
 Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
 Благословилъ и хладъ и ночь,
 Забылъ печали бытія
 И бурю братомъ назвалъ я.
 Восторгомъ бѣшенымъ объять,
 Съ ней унести я былъ бы радъ;
 Глазами тучи я слѣдилъ,
 Рукою молнію ловилъ!

О старецъ! что средь этихъ стѣнъ
 Могли бы дать вы мнѣ взаимъ
 Той дружбы краткой и живой
 Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

ИГУМЕНЪ.

На что намъ знать твои мечты?
 Не для того предъ нами ты!
 Въ другомъ ты нынѣ обвинень
 И хочеть истины законъ.
 Открой же намъ друзей своихъ —
 Убійць, разбойниковъ ночныхъ,
 Которыхъ страшныя дѣла
 Смываетъ кровь и кроетъ мгла,
 Съ которыми, забывши честь,
 Ты мнилъ несчастную увезть.

АРСЕНІЙ.

Мнѣ ихъ назвать?—Отецъ святой,
 Вотъ что умереть во мнѣ, со мной.
 О, нѣтъ, ихъ тайну—не мою,
 Я неизмѣнно сохраню,
 Пока земля въ урочный часъ
 Какъ двухъ друзей не приметъ насъ.
 Пытай желѣзомъ и огнемъ —
 Я не признаюся ни въ чемъ;
 И если хоть минутный крикъ
 Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
 Я вырву слабый мой языкъ!...

МОНАХЪ.

Страшисъ упорствовать, глупецъ!
 Къ чему?... Ужъ близокъ твой конецъ.
 Скорѣ тайну намъ предай.
 За гробомъ есть и адъ и рай,
 И вѣчность въ томъ или другомъ...

АРСЕНІЙ.

Послушай, я забылся сномъ
 Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
 Я приближающійся звукъ,
 Знакомый, милый разговоръ,
 И будто вижу ясный взоръ...
 И пробудясь, во тьмѣ скорѣй
 Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
 Увы! они въ груди моей!

Они на сердцѣ, какъ печать,
 Чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать,
 И жгутъ его, и вновь живутъ...
 Они мой рай, они мой адъ!
 Для вспоминанія объ нихъ
 Жизнь—ничего, а вѣчность—мигъ!...

ИГУМЕНЪ.

Богохулитель, удержиись!
 Пади на землю, плачь, молись,
 Прими святую въ грудь боязнь...
 Мечтанья злыя—Божья казнь!
 Молись ему...

АРСЕНІЙ.

Напрасный трудъ!
 Не говори, что Божій судъ
 Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
 Все люди, люди, мой отецъ!
 Пускай умру... но смерть моя
 Не продолжитъ ихъ бытія,
 И дни грядущіе мои
 Имъ не присвоить—и въ крови,
 Неправой казнью пролитой,
 Въ крови безумца молодой
 Имъ разогрѣть не суждено
 Сердца, увядшія давно;
 И гробъ безъ камня и креста,
 Какъ жизнь ихъ ни была свята,
 Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
 Ступеню новой къ небесамъ;
 И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
 Не отопретъ имъ рая дверь...
 Меня могила не страшитъ:
 Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
 Въ холодной вѣчной тишинѣ...
 Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ:
 Я молодъ, молодъ—зналъ ли ты,
 Что значитъ молодость, мечты?
 Или не зналъ? или забылъ,
 Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
 Какъ сердце билося живѣй
 При видѣ солнца и полей
 Съ высокой башни угловой,
 Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
 Въ глубокой трещинѣ стѣны,
 Дитя невѣдомой страны,

Прижавшись, голубъ молодой
 Сидитъ, испуганный грозой?...
 Пускай теперь прекрасный свѣтъ
 Тебѣ постыль... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
 И отъ желаній ты отвыкъ...
 Что за нужда? ты жилъ, старикъ;
 Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
 Ты жилъ—я также могъ бы жить!...

Но тутъ игумень съ мѣста всталъ,
 Рѣчь нечестивую прервалъ,
 И, негодуя, всѣ вокругъ
 На гордый видъ и гордый духъ,
 Столь непреклонный предъ судьбой,
 Шептались грозно межъ собой,
 И слово «пытка» тамъ и тамъ
 Вмигъ пробѣжало по устамъ.
 Но узникъ былъ невозмутимъ,
 Безчувственно внималъ онъ имъ.
 Такъ бурей брошенъ на песокъ
 Худой, увязнувшій челнокъ,
 Лишенный веселья и гребцовъ,
 Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ.

.

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина,
 Густой туманъ, какъ пелена
 Съ посеребренною каймой,
 Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой.
 И сквозь него высокій боръ,
 Разсыпанный по скату горъ,
 Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
 Едва чернѣя вдалькѣ.
 И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
 Выходятъ стаи облаковъ,
 А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
 Выходитъ красная заря.
 Блестятъ кресты монастыря;
 По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
 И по расписаннымъ вратамъ
 Прекрасный, чистый и живой,
 Какъ счастье жизни молодой,
 Играетъ лучъ ея златой.

Унылый звонъ колоколовъ
 Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
 Ужъ дымъ кадиль между столбовъ
 Вился струей и хоръ звучалъ...
 Вдругъ 'въ церковь служка прибѣжалъ;
 Отцу-игумену шепнулъ
 Онъ что-то скоро—тотъ вздрогнулъ
 И молвилъ: «Гдѣ же казначей?
 Поди, спроси его скорѣй —
 Не затерялъ ли онъ ключей?»
 И казначей изъ алтаря
 Пришелъ, дрожа и говоря,
 Что всѣ ключи еще при немъ,
 Что не виновенъ онъ ни въ чемъ!
 Засуетились чернецы,
 Забѣгали во всѣ концы,
 И сводъ нерѣдко повторялъ
 Слова: бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?
 И въ монастырскую тюрьму
 Пошли, одинъ по одному,
 Загадкой мучася простой,
 Жильцы обители святой...

Пришли, глядятъ: распилена

Рѣшотка узкаго окна,
 Во рву притоптанный песокъ
 Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
 Забытый, на песокъ лежалъ
 Стальной, зазубренный кинжалъ;
 И польскій шолковый кушакъ
 Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
 Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
 Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.

Пошли прилежно по слѣдамъ:
 Они вели къ Днѣпру—и тамъ
 Могли замѣтить на мели
 Рубецъ отчалившей ладьи.
 Вблизи, на прутьяхъ тростника,
 Лоскутъ того же кушака
 Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
 Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.

«Бѣжалъ!—Но кто ему помогъ?
 Конечно люди, а не Богъ!...
 И гдѣ же онъ нашелъ друзей?
 Знать, точно онъ большой злодѣй!»
 Такъ, собираясь, межъ собой
 Твердили иноки порой.

ГЛАВА Ш.

«'Tis he! 'tis he! I know him now;
 I know him by his pallid brow...»
 Byron (The Giaour).

Зима. Изъ глубины снѣговъ
 Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,
 Какъ призраки, склонясь челомъ
 Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
 Глядится тусклый день въ стекло
 Прозрачныхъ льдинъ—и занесло
 Овраги снѣгомъ. На зарѣ
 Лишь заяцъ крадется къ норѣ
 И, прыгая назадъ впередъ,
 Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
 Да иногда во тѣмъ ночной
 Раздастся псовъ протяжный вой,
 Когда, голодный и худой,
 Обходитъ волкъ вокругъ гумна,
 И если въ полѣ тишина,
 То даже слышны издали
 Его тяжелые шаги,

И скрипѣ, и шелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ, прыгають, блестягъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша даль приказъ —
Собратся челяди своей,
Точить мечи, сѣдлатъ коней;

И разнеслась вездѣ молва,
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчались концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пирь—на пирь мечей.

Садится Орша на коня.

Далѣ знакъ рукой: гремя, звеня,
 Средь вопля женщинъ и дѣтей,
 Всѣ повскакали на коней,
 И каждый съ знаменемъ креста
 За нимъ проѣхалъ въ ворота;
 Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
 Какъ басурманъ, татарскій князь,
 Къ своимъ приближась воротамъ,
 Возвелъ глаза—не къ небесамъ,
 Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
 Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ,
 Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
 И гдѣ, качая изрѣдка
 Дверь безъ ключа и безъ замка,
 Какъ мать качаетъ колыбель,
 Поетъ гульливая метель.

.

Умчался далѣ шумный бой,
 Оставя слѣдъ багровый свой...
 Между поверженныхъ коней,
 Обломковъ копій и мечей
 Въ то время всадникъ разтѣжалъ;
 Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
 То низко голову склоня
 До гривы чернаго коня,
 То вдругъ привставъ на стременахъ...
 Кто жъ онъ? не русскій, и не ляхъ —
 Хоть платье польское на немъ
 Пестрѣло ярко серебромъ,
 Хоть сабля польская, звеня,
 Стучала по ребрамъ коня;
 Чела крутова смуглый цвѣтъ,
 Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
 Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
 Почти могли бъ увѣрить васъ,
 Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
 Онъ былъ не молодъ и не старъ
 Но разсмотрѣвъ его черты,
 Не чуждыя той красоты
 Невыразимой, но живой,
 Которой блескъ печальный свой
 Мысль неизмѣнная дала,
 Гдѣ все, что есть добра и зла

Въ душѣ прикованной къ землѣ,
 Отражено какъ на стеклѣ,—
 Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
 Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Среди долины былъ курганъ.
 Корнистый дубъ, какъ великанъ,
 Его пятою попираля
 И горделиво разстилалъ
 Надъ нимъ, по прихоти своей,
 Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
 Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
 Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ
 Обезображенныхъ мечемъ
 Пестрѣла на курганѣ томъ.
 И снѣгъ, окрашенный въ крови,
 Кой-гдѣ протаялъ до земли;
 Кора на дубѣ вѣковомъ
 Была изрублена кругомъ,
 И кровь на ней видна была,
 Какъ будто бы она текла
 Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
 И всадникъ взѣхалъ на курганъ,
 Потомъ съ коня онъ соскочилъ
 И такъ въ раздумьи говорилъ:
 «Вотъ мѣсто—мертвый иль живой
 Онъ здѣсь... вотъ дубъ—къ нему спиной
 Прижавшись, бѣшенный старикъ
 Рубился—видѣлъ я, хоть мигъ,
 Какъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
 Съ пятою рабами бился онъ.
 И дорого тебѣ, Литва,
 Досталась эта голова!...
 Здѣсь, сквозь толпу издалека
 Я видѣлъ, какъ его рука
 Три раза съ саблей поднялась
 И опустилась... Каждый разъ,
 Когда она являлась вновь,
 По ней ручьемъ бѣжала кровь...
 Четвертый взмахъ я долго ждалъ...
 Но съ поля онъ не побѣжалъ,
 Не могъ бѣжать, хотя бъ желалъ!...»
 И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
 Подходить, смотритъ: «это онъ!»
 Главу, омытую въ крови,
 Бояринъ приподнялъ съ земли

И слабымъ голосомъ сказалъ:
 «И я узналъ тебя! узналъ!
 Ни время, ни чужой нарядъ
 Не измѣняютъ зловѣщій взглядъ,
 И это гордое чело,
 Гдѣ преступленіе и зло
 Печать оставили свою.
 Арсеній!—Такъ! я узнаю,
 Хотя могилы на краю,
 Улыбку прежнюю твою,
 И въ ней шипящую змѣю!
 Я узнаю и голосъ твой
 Межъ звуковъ стороны чужой,
 Которыми ты, можетъ быть,
 Его желаешь измѣнить.
 Твой умыселъ постигъ я весь,
 Я знаю, для чего ты здѣсь.
 Но, вѣрный родинѣ моей,
 Не отверну теперь очей,
 Хоть ты бѣ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
 Прочестъ въ нихъ близкой смерти страхъ
 И сожалѣнье и печаль...
 Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
 А жаль лишь то, что часъ мой билъ,
 Покуда я не отомстилъ;
 Что не могу поднять меча,
 Что на рукахъ моихъ, съ плеча
 Омытыхъ кровью до локтей
 Злодѣевъ родины моей,
 Ни капли крови нѣтъ твоей!...»

— Старикъ! о прежнемъ позабудь...
 Взгляни сюда на эту грудь,
 Она не въ ранахъ, какъ твоя,
 Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
 Ты отомщенъ вполне давно,
 А кѣмъ и какъ—не все ль равно?
 Но лучше мнѣ скажи, молю,
 Гдѣ отыщу я дочь твою?
 Отъ рукъ враговъ земли твоей,
 Ихъ поцѣлуевъ и мечей,
 Хоть самъ теперь межъ ними я,
 Ее спасти я поклялся!

«Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
 Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ,
 Ни ѣсть, ни спить: все ждетъ да ждетъ,

Покуда милый не придетъ.
 Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
 Теперь обиженный отецъ
 Для васъ лишь страшень—какъ мертвецъ!..»
 Онъ дальше говорить хотѣлъ,
 Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
 Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
 Но пальцы сжались межъ собой,
 Тѣнь смерти мрачной полосой
 Промчалась на его челѣ;
 Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
 Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
 И—духъ отъ тѣла отлетѣлъ.

Къ нему Арсеній подошелъ,
 И руки сжатые развелъ,
 И поднялъ голову съ земли:
 Двѣ яркія слезы текли
 Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
 Собою лишь свѣтлы, какъ алмазъ.
 Спокойны были всѣ черты,
 Исполнены той красоты,
 Лишенной чувства и ума,
 Таинственной какъ смерть сама.

И долго юноша надъ нимъ
 Стоялъ, раскаяньемъ томимъ,
 Невольно мысля о быломъ,
 Прощая—не прощенъ ни въ чемъ!
 И на груди его потомъ
 Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
 Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
 На ней кровавые слѣды
 Вились, чернѣли, какъ бразды.
 Онъ руку къ сердцу приложилъ,
 И трепетъ замиравшихъ жилъ
 Ему неясно возвѣстилъ,
 Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
 Кипѣли страсти до конца,
 Что блескъ печальный этихъ глазъ
 Гораздо прежде ихъ погасъ...

Ужъ время шло къ закату дня,
 И сѣлъ Арсеній на коня,
 Стальные шпоры онъ въ бока
 Вонзилъ ему—и въ два прыжка
 Отъ мѣста битвы роковой

Онъ былъ далеко.—Пеленой
 Широкою за нимъ луга
 Тянулись: яркіе снѣга
 При свѣтѣ косвенныхъ лучей
 Сверкали тысячу огней.—
 Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсъ
 Чернѣть на краю небесъ;
 Подъ сѣнь деревъ вѣзжасть онъ.
 Все тихо, всюду мертвый сонъ,
 Лишь иногда съ сѣдова пня,
 Послыша близкій храпъ коня,
 Тяжелый воронъ, царь степной,
 Слетитъ и сядетъ на другой,
 Свой кровожадный чистя клѣвъ
 О сучья жесткіе деревъ;
 Лишь отдаленный вой волковъ,
 Бѣгущихъ жадною толпой
 На мѣсто битвы роковой,
 Теряся въ тишинѣ степей...
 Сыпучій иней вокругъ вѣтвей
 Березъ и сосенъ, надъ путемъ
 Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
 Висѣлъ косматой бахромой;
 И часто шапкой иль рукой
 Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
 Прахъ серебристый осыпалъ
 Его лицо... И быстро онъ
 Скакалъ, въ раздумье погружонъ.
 Измучилъ непривычный бѣгъ
 Его коня. Въ глубокой снѣгъ
 Онъ вязнетъ часто... труденъ путь!
 Какъ печь, его дымится грудь;
 Отъ нетерпѣнья сѣдока
 Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
 Но близко, близко... Вотъ и домъ,
 На берегу Днѣпра крутомъ,
 Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
 Заборы, избы и дворы
 Привѣтливо между собой
 Тѣснятся пестрою толпой,
 Лишь домъ боярскій между нихъ,
 Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ...

— Онъ вѣхалъ на широкой дворъ:
 Все пусто... будто гладь иль моръ
 Недавно пировали въ немъ.

Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
 Толпа играющихъ дѣтей,
 Испуганныхъ огнемъ очей,
 Одеждой чуждой пришлеца
 И блѣдностью его лица,
 Его встрѣчаетъ у крыльца
 И съ крикомъ убѣгаетъ прочь...
 Онъ входитъ въ домъ—въ покояхъ ночь,
 Закрыты ставни; полъ скрипитъ;
 Пустая утварь дребезжитъ
 На старыхъ полкахъ; лишь порой
 Широкой, бѣлой полосой
 Рисуюсь на печи большой,
 Проходитъ въ трещину ставней
 Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.

И лѣстницу Арсеній зрить;
 Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ
 Наверхъ, по шаткимъ ступенямъ.
 Вотъ свѣтъ мелькнулъ его очамъ,
 Предъ нимъ замерзшее окно:
 Оно давно растворено;
 Сугробомъ собрался большимъ
 Снѣгъ нерастаявшій подъ нимъ...
 Увы, знакомыя мѣста!
 Налѣво дверь—но заперта.
 Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
 Большой замокъ на ней виситъ,
 И вынувъ ножъ изъ кушака,
 Онъ всунулъ въ скважину замка,
 И затрещавъ, распался тотъ...
 И тихо дверь толкнувъ впередъ,
 Онъ входитъ робкою стопой
 Въ свѣтлицу дѣвы молодой.

Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
 Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
 И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
 На взглядъ и рѣчь отвѣта нѣтъ!
 Однако смято ложе сна,
 Какъ будто бы на немъ она,
 Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
 Главу покоила не разъ,
 Младенческой вкушая сонъ.
 Но, приближаясь, видитъ онъ
 На тонкихъ, бѣлыхъ кружевахъ
 Чернѣющей слоями прахъ,

И ткани пауковъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
Упаль заката лучъ златой,
Играя, на коверъ цвѣтной.
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пятаю свою...
Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
Когда бъ быстрѣй чѣмъ мысль, иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ...

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой—
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневою,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь—жилецъ могиль...

«Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли!
Душа прекрасная ее,
Принявъ другое бытiе,
Теперь парить въ странѣ святой,
И какъ укоръ передо мной
Ея минутной жизни слѣдъ.

Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ,
Средь тайныхъ мукъ, иль безъ тревогъ,
Когда и какъ—то знаетъ Богъ.
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ:
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенный сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной!

«Да! я преступникъ, я злодѣй—
Но казнь равна ль винѣ моей?
Ни на землѣ, ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путемъ...
Разлуки первый грозный часъ
Сталь вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
О, если бъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной—
Клянусь, я прежде чѣмъ вступилъ
У вратъ священныхъ бы спросилъ:
Найду ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Творецъ! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, нѣжный взглядъ;
Отдай мнѣ свѣжiя уста
И голосъ сладкiй какъ мечта,
Одинъ лишь слабый звукъ отдай!...
Что безъ нея земля и рай?
Одни лишь звучныя слова,
Блестящiй храмъ—безъ божества!...

«Теперь осталось мнѣ одно:
Иду!—куда? Не все-ль равно
Та иль другая сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она!
Иду отсюда навсегда
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ, съ тоской во тьмѣ ночной,
И вьюга слѣдъ завѣтъ мой!...»

1835 г.

ИЗМАИЛЬ-БЕЙ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

О пять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.

Такъ посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,
Блестя лазоревымъ крыломъ;
Пускай реветъ, бушуетъ вьюга,
Она поетъ лишь объ одномъ—
Она поетъ о солнцѣ юга...
И ты, звѣзда любви моей,
Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
Послушай пѣсни прежнихъ дней:
Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ.
Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
Не измѣнила власть разлуки:
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты въ другихъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

*So moved on earth Circassia's daughter,
The loveliest bird of Frangeustan!
As rears her crest the ruffled swan...*

L. Byron (Th: Giaour)

I.

Привѣтствую тебя, Кавказъ съдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой:

Онѣ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни приучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.
Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колелемая перья—и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Какъ стражи окликаются ночные;
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ,
Душистую головку поднимая,
Блится какъ цвѣты небесъ и рая...
Въ вечерній часъ,—дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ:
Лиловыя, съ багрянными краями
Одни еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный замокъ, чудо древнихъ дней,

Растетъ въ минуту; но еще скорѣй
Его разсѣетъ вѣтра дуновение.
Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнье,
Когда онъ зрѣтъ холмы своихъ полей...
Межъ тѣмъ бѣлѣй, чѣмъ горы снѣговья,
Идутъ на западъ облака другія
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,
Другъ черезъ друга свѣтлыя глядятъ
Такъ весело, такъ пышно и безопасно,
Какъ будто жить и нравиться имъ вѣчно!...

III.

И дики тѣхъ ущелій племена;
Имъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскихъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье;
Тамъ за добро—добро, и кровь— за кровь,
И ненависть безмѣрна какъ любовь.

IV.

Темны преданья ихъ. Старикъ чеченецъ,
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,
Когда меня чрезъ горы провожалъ,
Про старину мнѣ повѣсть разказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбека,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто бы удержанный Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ.
Онъ весь обросъ зеленою травою;
И не боясь, что камень упадетъ,
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогодъ,
Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,
Склоняясь въ жаръ на длинный стебелекъ,
Растетъ воспоминанія цвѣтокъ.
И подъ столѣтней, мшистою скалою,
Сидѣлъ чеченъ однажды предо мною;
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть можетъ, онъ о родинѣ молился;

И, странникъ чуждый, я прервать стра-
шился

Его молчанье и молчанье скалъ:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ.

V.

Его разказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенести, на сѣверъ дальный:
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ
краю,

Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы какъ тайна онъ погибъ со мною;
Пускай ему не внемлютъ—до конца
Я доскажу. Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила...

VI.

Давнымъ-давно, у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчитъ,
Гдѣ за Машукомъ день встаетъ,

А за крутымъ Бешту садится,
 Близъ рубежа чужой земли
 Аулы мирные цвѣли,
 Гордились дружбою взаимной;
 Тамъ каждый путникъ находилъ
 Ночлегъ и пиръ гостепріимный;
 Черкесь счастливъ и воленъ былъ.
 Красною чудной за горами
 Извѣстны были дѣвы ихъ,
 И старцы съ бѣлыми власами
 Судили распри молодыхъ.
 Весельемъ пѣсни ихъ дышали:
 Они тогда еще не знали
 Ни золота, ни русской стали.

VII.

Не все судьба голубить насъ,
 Всему свой день, всему свой часъ.
 Однажды—солнце закатилось,
 Туманъ бѣлѣлъ ужъ подъ горой,
 Но въ эту ночь аулы, мнилось,
 Не знали тишины ночной.
 Стада тѣснились и шумѣли,
 Арбы тяжелыя скрипѣли;
 Трепеща жены близъ мужей,
 Держали плачущихъ дѣтей.
 Отцы ихъ, бурками одѣты,
 Садилась молча на коней
 И заряжали пистолеты,
 И на кострѣ высокомъ жгли,
 Что взять съ собою не могли.
 Когда же день новорожденный
 Завѣтный озарилъ курганъ
 И мокрый утренній туманъ
 Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,
 Онъ обнажилъ подошвы горъ,
 Пустой аулъ, пустое поле,
 Едва дымящійся костеръ
 И свѣжій слѣдъ колесъ—не болѣ.

VIII.

Но что могло заставить ихъ
 Покинуть прахъ отцовъ своихъ,
 И добровольное изгнанье
 Искать среди пустынь чужихъ?
 Гнѣвъ Магомета? прорицанье?

О, нѣтъ! примчалась какъ-то вѣсть,
 Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
 Неумолимый и ужасный,
 Что все громамъ его подвластно,
 Что силъ его нельзя и счесть.—
 Черкесь удалый въ битвѣ правой
 Умѣеть умереть со славой,
 И у жены его молодой
 Спаситель есть—кинжалъ двойной;
 И страхъ насильства и могилы
 Не могъ бы изъ родныхъ степей
 Ихъ удалить: позоръ цѣпей
 Несли къ нимъ вражескія силы.
 Мила черкесу тишина,
 Мила родная сторона,
 Но вольность, вольность для героя
 Милѣй отчизны и покоя.
 «Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
 Оставимъ мы утесы горъ;
 Пусть на тебя, Бешту суровый,
 Попробуютъ надѣть оковы!»
 Такъ думалъ каждый, и Бешту
 Теперь ихъ мысли понимаетъ,
 На русскихъ злобно онъ взираетъ
 Иль облаками одѣваетъ
 Вершинъ кудрявыхъ красоту.

IX.

Межъ тѣмъ летятъ за годомъ годы,
 Готовятъ мщеніе народы,
 И пятый годъ ужъ настаетъ,
 А кровь джяуровъ не течетъ.
 Въ необитаемой пустынь
 Черкесь бродящій отдохнулъ,
 Построенъ новый былъ аулъ
 [Его слѣдовъ не видно нынѣ],
 Старикъ и воинъ молодой
 Кипятъ отвагой и враждой.
 Ужъ Росламбекъ съ береговъ Кубани
 Князей союзныхъ поджидалъ;
 Лезгинецъ, слыша голосъ брани,
 Готовитъ стрѣлы и кинжалъ;
 Скопилась месть ихъ роковая
 Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ;
 Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
 Цвѣтами радуги блистая,

Висить, прохладу обѣщая,
Надъ беззаботнымъ табуномъ.

х.

Въ тотъ самый годъ, осеннимъ днемъ,
Между Желѣзной и Змѣиной,
Гдѣ чуть примѣтный путь лежалъ,
Цвѣтушей, узкою долиной
Тихонько всадникъ проѣзжалъ.
Кругомъ налѣво и направо,
Какъ бы остатки пирамидъ,
Подъемаясь къ небу величаво,
Гора изъ за горы глядитъ;
И далъ царь ихъ пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной.

xi.

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило;
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ;
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью пораженъ,
Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ—
Чего-то, мнится, не находятъ.
То пустить онъ коня стремглавъ,
То остановить и, привставъ
На стремена, дрожить, пылаетъ—
Все пусто. Онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняетъ,
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ мѣръ бы отдалъ цѣлый.

xii.

Кто жъ этотъ путникъ? Русскій?
Нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолетъ

Блестятъ насѣчкой небогатой;
И перетянуть онъ ремнемъ,
И шашка чуть звенить на немъ;
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ въ шерстяномъ чехлѣ;
И какъ же горца на сѣдлѣ
Не различить мнѣ съ казаками?
Я не ошибся—онъ черкесь.
Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и выюга
И холодъ сѣверныхъ небесъ,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что онъ черкесь.
Густыя брови, взглядъ орлиный,
Рѣсницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны.
Отвергнувъ онъ обрядъ чужбины,
Не сбрилъ бородки и усовъ,
И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у береговъ.
Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ
Своей отчизны не оставилъ...
Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?

xiii.

Какъ наши юноши онъ молодъ,
И хладенъ блескъ его очей;
Поверхность темную морей
Такъ покрываетъ ранній холодъ
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ; но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ:
Пусть будетъ это сердце камень—
Ихъ пробужденный адскій пламень
И камень углемъ раскалитъ.

xiv.

И все прошедшее явилось
 Какъ тѣнь умершаго ему,
 Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
 Богъ вѣсть, и какъ и почему.
 Онъ въ поле выѣхалъ пустое—
 Вдругъ слышитъ выстрѣлъ—что такое?
 Какъ будто на смѣхъ, звукъ одинъ,
 Жилецъ ушелій и стремнинъ,
 Трикраты отзывъ повторяетъ.
 Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ,
 И вотъ съ винтовкой безъ штыка
 Въ кустахъ онъ видитъ казака;
 Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
 Рососою съ листьевъ окропленный,
 Блистая радужнымъ хвостомъ,
 Лежалъ въ травѣ пробить свинцомъ.
 И ближе путникъ подѣзжаетъ
 И чистымъ русскимъ языкомъ
 «Казакъ, скажи мнѣ, вопрошаетъ,
 Давно ли пусто здѣсь кругомъ?»
 — Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устра-
 шился
 Неустрашимый твой народъ;
 Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся...
 Тому сегодня пятый годъ.

xv.

Казакъ умолкъ. Но что съ тобою,
 Черкесь? Зачѣмъ твоя рука
 Подъята съ шашкой роковою?
 Прости улыбку казака!
 Увы! свершилось наказанье:
 Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
 Лежитъ на смѣшливый казакъ.
 Черкесь глядитъ на ликъ холодный,
 Въ немъ пробудился духъ природный,
 Онъ пошадить не могъ никакъ,
 Онъ удержать не могъ удара.
 Какъ въ тучахъ зарево пожара,
 Какъ лава Этны по полямъ,
 — Большой румянецъ по щекамъ
 Его разлился; и блистали
 Какъ лезвіе кровавой стали
 Глаза его—и въ этотъ мигъ

Душа и адъ—все было въ нихъ!
 Оборотясь, съ улыбкой злобной,
 Черкесь на сѣверъ кинулъ взглядъ—
 Ничто, ничто смертельный ядъ
 Передъ улыбкою подобной.
 Волною поднялася грудь;
 Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть;
 Холодный потъ съ чела крутова
 Катился, но изъ устъ—ни слова.

xvi.

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
 Къ лукъ припалъ, коня толкнулъ,
 Одно мгновенье на курганъ
 Онъ черной птицею мелькнулъ,
 И скоро скрылся весь въ туманъ.
 Черезъ камни конь его несетъ,
 Онъ не глядитъ и не боится.
 Такъ быстро скачетъ только тотъ,
 За кѣмъ раскаяніе мчитъся.

xvii.

Куда черкесь направилъ путь?
 Гдѣ отдохнетъ младая грудь
 И усмирится думъ волненье?
 Черкесь не хочетъ отдохнуть:
 Ужели отдыхаетъ мщенье?
 Ауль, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
 Мечети, кровы мирныхъ селъ—
 Все уничтожилъ русскій воинъ.
 Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ онъ спокоень,
 Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
 Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
 Онъ не воздвигнетъ мавзолей
 И такъ отмститъ за униженье
 Любезной родины своей.
 «Я знаю васъ, онъ шепчетъ, знаю!
 И вы узнаете меня;
 Давно ужъ васъ я презираю;
 Но вашу кровь пролить желаю
 Я только съ нынѣшняго дня...»
 Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
 И конь летитъ какъ вѣтеръ степи;
 Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
 И ужъ въ виду зубчаты цѣпи
 Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,

И Шать подѣмлетъ за ними
Съ двумя главами снѣговыми,
И путникъ мнить: «недалеко;
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко.»

xviii.

Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны какъ мечты,
То разойдутся, то сольются...
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ

нѣтъ—

Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣтъ.
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужъ солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады;
А все пустынный громады,
Хотя и выше и темнѣй,
Еще загадка для очей.

xix.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:
Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй;
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулись желанья,
Во взорахъ слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло;
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесь, что здѣсь родился.
Межъ скалъ незыблемыхъ, одинъ,
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья

И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ.

xx.

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучемъ зари освѣщены;
Давно разсѣлины темны;
Катяся чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, нѣжится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною;
Такъ сталь кольчуги иль копыя
[Когда забыты послѣ бою
Они на полѣ роковомѣ],
Въ кустахъ найденная луною,
Блится въ сумракѣ ночномъ.

xxi.

Ужъ поздно. Путникъ одинокой
Одѣлся буркою широкой.
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась; вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпитъ, какъ будто гибель чуетъ,
И сталь... Дивится, слѣзъ сѣдокъ
И видитъ пропасть предъ собою,
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Во мракѣ бѣшеной волною
Шумитъ [слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенный,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошенной].
Въ недоумѣннѣ надъ скалою
Остался странникъ утомленный;
Вдругъ видитъ онъ: въ дали пустой
Трепещетъ огонекъ—и снова
Садится на коня лихова;

И черезъ силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтитса огонь.

xxii.

Не духъ коварства и обмана
Маниль трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана
Свѣтились въ ущельи томъ:
Двѣ сакли бѣлая, простая,
Таятся мирно за холмомъ;
Чернѣютъ крыши земляныя;
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленой бахромой;
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя;
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ колевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обветшалый.
Все въ мертвый сонъ погружено —
Одно лишь свѣтитса окно...
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой;
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ. «Великій Магометъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.
Кто здѣсь?» — Я странникъ! — былъ отвѣтъ
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Вкругъ коня
Онъ самъ заботится; хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ
И самъ ведетъ его на дворъ.

xxiii.

Межъ тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Проѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блится по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый,
И плетъ межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;

Кипить, кипить бесѣда ихъ
И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, къ былому;
Проходитъ непримѣтно часъ —
Они сидятъ, и въ первый разъ,
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

xxiv.

Онъ самъ лезгинецъ; ужъ давно
[Такъ было небомъ суждено]
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ.
При нихъ молчитъ еще кручина
И бѣдный милъ ему пріютъ.
Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разѣзды
Его лихіе сыновья:
Живетъ добычей вся семья.
Они повсюду страхъ приносятъ;
Украсть, отнять — имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна ли, изъ станицы
Любаго уведутъ коня;
Они боятся только дня,
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы.
Сегодня дома лишь одинъ,
Его любимый, старшій сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришелецъ; онъ почти не дышитъ,
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденья метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рая,
Стояла пери молодая.

xxv.

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбокъ устъ, въ движеніи черныхъ
глазъ —
Все, что такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что встрѣчаемъ въ жизни только
разъ —

Не отличить отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать
людей.

Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаетъ:
Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная видна въ ланитахъ кровь;
Но только удалится образъ милый—
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что
было,

И заблужденю онъ повѣритъ вновь.

xxvi.

Нѣжна—какъ пери молодая,
Созданіе земли и рая,
Мила—какъ намъ въ краю чужомъ
Межъ звуковъ языка чужова
Знакомый звукъ, родныхъ два слова;
Такъ утѣшительно-мила,
Какъ древле узнику была
На сумрачномъ окнѣ темницы
Простая пѣсня вольной птицы,
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня;
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ. Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ-подъ него до груди нѣжной
Двѣ косы темныя небрежно
Бѣгутъ—ужъ вѣрно часъ она
Ихъ расплетала, заплетала;
Она понравится желала—
Какъ въ этомъ женщина видна!

xxvii.

Рукой дрожащей, торопливой,
Она поставила стыдливо
Смиранный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйти хотѣла, и не знала

Идти ли? Грудь ея порой
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвее
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Быль устремлень... Смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ:
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ;
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутитъ онъ; но хладный,
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ—ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесь ловилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ;
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились,
Отвѣта ждуть, къ нему склонились,
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!...
Довольно! этого удара
Вторично дѣва не снесетъ;
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ, она уйдетъ...

xxviii.

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ,
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей—
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужъ за счастье,
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится. Онъ улыбкой

Слезу старается встрѣчать,
 Улыбкѣ хладно отвѣчать;
 Коль обласкаетъ, такъ ошибкой!
 Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ,
 Ужъ и себѣ не вѣрить онъ;
 Душѣ высокой не довольно
 Остатковъ юности своей;
 Вообразить еще ей больно,
 Что для огня нѣтъ пищи въ ней.
 Такіе люди въ жизни свѣтской
 Почти всегда причина зла;
 Какой-то робостію дѣтской
 Ихъ отзываются дѣла:
 И обольстить они не смѣютъ,
 И вовсе кинуть не умѣютъ;
 И часто думаютъ они,
 Что ихъ излечить край далекой,
 Пустыня, видъ горы высокой,
 Иль тѣнь долины одинокой,
 Гдѣ юности промчались дни;
 Но ожиданье ихъ напрасно:
 Душѣ все внѣшнее подвластно!

xxix.

Ужъ милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
 Черкесь глядитъ ей долго вслѣдъ
 И мыслить: «нѣжное созданье!
 Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
 А есть ужъ слезы и желанья;
 Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
 На темной тучѣ не гори:
 На ней твой блескъ лишь помрачится,
 Ей ждать нельзя, она умчится.

xxx.

«Еще не знаешь ты, кто я.
 Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,
 Но битвамъ, родинѣ и волѣ
 Обречена судьба моя.
 Я бѣ могъ нѣжнѣйшею любовью
 Тебя любить, но надъ тобой
 Хранитель, вѣрно, неземной;
 Рука, обрызганная кровью,
 Должна твою ли руку жать?
 Тебя ли грѣтъ моимъ объятьямъ?
 Тебя ли стануть цѣловать

Уста, привыкшія къ проклятыямъ?...»

xxxi.

Пора! яснѣетъ ужъ востокъ;
 Черкесь проснулся, въ путь готовый.
 На пепелищѣ огонекъ
 Еще синѣлъ. Старикъ суровый
 Его раздулъ, пшено сварилъ,
 Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
 И самъ до ветхаго порога
 Радушно гостя проводилъ.
 И странникъ медленно выходитъ
 Печалью тайной угнетенъ:
 О юной дѣвѣ мыслить онъ...
 И кто жъ коня ему подводитъ?

xxxii.

Уныло Зара передъ нимъ
 Коня походнаго держала
 И тихимъ голосомъ своимъ,
 Поднявъ глаза къ нему, сказала:
 «Твой конь готовъ; моей рукой
 Надѣта бранная уздечка,
 И серебрястой чешуей
 Блеститъ кубанская насѣчка,
 И бурку черную ремнемъ
 Я привязала за сѣдломъ;
 Мнѣ это дѣло вѣдь не ново:
 Любезный странникъ, все готово.
 Твой конь прекрасенъ; не страшна
 Ему утесовъ крутизна;
 Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
 Въ немъ дикость гордая видна,
 И лоснится его спина,
 Какъ камень сглаженный потокомъ;
 Какъ уголь взоръ его блеститъ;
 Лишь наклонись—онъ полетитъ;
 Его я гладила, ласкала,
 Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
 Отъ вражьей шашки и кинжала
 Въ степи глухой, въ недобрый часъ.

xxxiii.

«Но погоди въ стальное стремя
 Ступать поспѣшною ногой;

Послушай, странникъ молодой,
 Какъ знать? быть можетъ, будетъ время—
 И ты на милой сторонѣ
 Случайно вспомнишь обо мнѣ;
 И если чаша пированья
 Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
 То не ласкай воспоминанья,
 Гони отъ сердца поскорѣй;
 Но если эта мысль родится,
 Но если образъ мой приснится
 Тебѣ въ страдальческую ночь—
 Услышь, услышь мое моленье:
 Не презирай то сновидѣнье,
 Не отгоняй тѣ мысли прочь.

xxxiv.

«Приютъ нашъ малъ, за то спокоенъ;
 Его не тронетъ русскій воинъ.
 И что имъ взять?—пять-шесть коней,
 Да наши грубыя одежды?...
 Повѣрь ты скромности моей,
 Откройся мнѣ: куда надежды
 Тебя коварныя влекутъ?
 Чего искать?—Останься тутъ,
 Останься съ нами, добрый странникъ!
 Я вижу ясно: ты изгнанникъ,
 Ты отъ земли своей отвыкъ,
 Ты позабылъ ея языкъ.
 Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
 И что тамъ ждетъ тебя—не знаю.
 Пусть мой отецъ твердитъ порой,
 Что безъ малѣйшей укоризны
 Должны мы жертвовать собой
 Для непризнательной отчизны—
 По-мнѣ отчизна только тамъ,
 Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ.

xxxv.

«Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
 Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
 Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ,
 Послушай, часъ одинъ, не болѣ
 Пробудь, жестокий, близъ меня;
 Я покормлю еще коня,
 Моя рука его отвяжетъ,
 Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ;

А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
 Главу мнѣ на руку склони.
 Твоихъ рѣчей услышать звуки
 Еще желала бъ я хоть разъ;
 Не удержу вѣдь счастья часъ,
 Не прогону вѣдь часъ разлуки?...»
 И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
 Ждала напрасно два-три слова;
 Скрывать печали силы нѣтъ,
 Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
 Увы! молчаніе храня,
 Садится путникъ на коня;
 Ужъ ѣхать онъ приготовлялся,
 Но обернулся—испугался,
 И, состраданьемъ увлеченъ,
 Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

xxxvi.

«Не обвиняй меня такъ строго;
 Скажи, чего ты хочешь?—слезъ?
 Я ихъ имѣлъ когда-то много:
 Ихъ міръ изъ зависти унесъ.
 Но не рѣшусь судьбы мятежной
 Я раздѣлять съ душою нѣжной;
 Свободный, рабъ иль властелинъ,
 Пускай погибну я одинъ.
 Все, что меня хоть малость любитъ,
 За мною вслѣдъ увлечено;
 Мое дыханье радость губитъ;
 Щадить—мнѣ власти не дано.
 И не простаго человѣка
 [Хотя въ одеждѣ я простой],
 Утѣшься, Зара, предъ собой
 Ты видишь брата Рослаббека.
 Я въ жертву счастье долженъ принести...
 О, не жалѣй о томъ... Прости, прости!...»

xxxvii.

Сказалъ, махнулъ рукою, и звукъ под-
 ковъ
 Раздался, въ отдаленіи умирая.
 Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ
 словъ
 Она стоитъ, безчувственно внимая,
 Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
 Всю будущность ея унесъ съ собою.

О Зара, Зара, краткою мечтою
 Ты дорожила—гдѣ жъ твоя мечта?
 Какъ очи полны, какъ душа пуста!
 Одно мгновенье тяжелѣй друга;
 Все, что прошло, ты оживляешь снова!...
 По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
 Гдѣ скрылася любви ея звѣзда;
 Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
 Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бро-
 дить;
 Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
 Вскочивъ, дрожить, и ждетъ его она—
 И постепенно вѣтромъ разносимый
 Все ближе, ближе топотъ—и все мимо...
 Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
 И ждешь—и близокъ онъ—и вдругъ по-
 гасъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

High minds, of native pride and force,
 Most deeply feel thy pangs, Remorse!
 Fear, for their scourge, mean villains have
 Thou art the torturer of the brave!
 Walter Scott (Marmion, III, 13).

I.

Шумить Аргуна мутною волной;
 Она коры не знаетъ ледяной,
 Цѣпей зимы и хлада не боится;
 Серебряной покрыта пеленой,
 Она сама между снѣговъ родится,
 И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
 Дитя природы, съ дѣтской простотой,
 Она, рѣзвясь, играетъ и катится.
 Порою, какъ согнутое стекло,
 Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
 По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
 Теряется во мракѣ, и надъ ней
 Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
 Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
 Зеленымъ можжевелникомъ покрыты
 Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
 Висятъ и ждуть, когда замолкнетъ вой,
 Чтобы упасть и все покрыть собой.
 Напрасно ждуть онѣ—волна не дремлетъ,
 Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
 Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
 И снова полетитъ въ далекій путь.

II.

На берегу ея кипучихъ водъ
 Недавно новый изгнанный народъ
 Ауль построилъ свой и ждалъ мгновенье:
 Когда свершить придуманное мщенье.
 Черкесь готовилъ дерзостный набѣгъ,
 Союзники сбирались потаенно,
 И умный князь, лукавый Рослабекъ,
 Склонялся передъ русскими смиренно;
 А между тѣмъ съ отважною толпой
 Станицы разорялъ во тьмѣ ночной;
 И, возвратясь въ ауль, на пирь кровавый
 Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ,
 И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
 И головы рубилъ имъ для забавы.

III.

Легко народомъ править, если онъ
 Одною общей страстью увлеченъ;
 Не должно только слишкомъ завлекаться,
 Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ рав-
 няться;
 Не должно мыслей открывать своихъ,
 Иль спрашивать у подданныхъ совѣта
 И забывать, что лучше горь златыхъ
 Иному ласка и слова привѣта...
 Старайся первымъ быть вездѣ всегда;
 Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
 Не трогай суевѣрій никогда
 И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
 Страшись сначала много успѣвать,
 Страшись народъ къ побѣдамъ приучать,
 Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
 Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуж-
 дался,
 Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
 И почиталъ нуждою—принужденья;
 Умѣй отважно пользоваться всѣмъ,
 И не проси никакъ вознагражденья;
 Народъ ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
 Не покушайся вырвать—но украдь.

IV.

У Рослабека братъ когда-то былъ:
 О немъ жалѣютъ шайки удалыя;

Отцомъ въ Россію посланъ Измаиль,
И ихъ надежду отняла Россія.
Четырнадцать лѣтъ оставилъ онъ
Края, гдѣ былъ воспитанъ и рождень,
Чтобъ знать законы и права чужія.
Не подъ персидскимъ шолковымъ ковромъ
Родился Измаиль, не пѣсню пѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ноч-
номъ:

Его баюкалъ бури вой мятежной;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза;
Въ пещерѣ темной—гдѣ, гонимый бра-
томъ,

Убийцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,
Его отецъ тайлся много лѣтъ—
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ.

V.

Какъ лишній межъ людьми, своимъ ро-
жденьемъ

Онъ душу не обрадовалъ ни чью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не знавалъ:
Не у груди—подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣты;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ;
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденія и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,
И лишь орлы, да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотой...
Но къ русскимъ посланъ онъ своимъ от-
цомъ,
И съ той поры извѣстѣя нѣтъ объ немъ...

VI.

Горой отъ солнца заслоненный,
Пріютъ изгнанниковъ смиренный,

Между кизиловыхъ деревь
Ауль разсыпанъ надъ рѣкою;
Стоитъ отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь въ лѣтній день, въ полдневный
жаръ,

Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ,
Черкесь усталый отдыхаетъ;
Межъ тѣмъ сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;
И облака родныхъ небесъ
Въ мечтаньяхъ видитъ ужъ черкесь:
Тамъ лугъ душистѣй, день свѣтлѣе,
Роса перловая свѣжѣе;
Тамъ разноцвѣтною дугой,
Развеселясь, нерѣдко дивы
На тучахъ строятъ мостъ красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы...

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликования;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слышать его призыванъ;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ земными облаками
Земныя звѣзды; но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

VIII.

Ужъ скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула; темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимаю,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ

Съ нѣмымъ вниманіемъ стоять.
 На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
 Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
 Нарядъ войны ему не нуженъ,
 Онъ гордъ и бѣденъ—онъ пѣвецъ.
 Дитя степей, любимецъ неба,
 Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
 Вотъ начинается: три струны
 Ужъ забренчали подъ рукою,
 И живо, съ дикой простотою
 Запѣлъ онъ пѣсню старины:

ix.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
 Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
 Съ ними жить—завидна доля,
 Но еще милѣе воля.
 Не женися, молодець,
 Слушайся меня:
 На тѣ деньги, молодець,
 Ты купи коня.
 Кто жениться захотѣлъ,
 Тотъ худой избралъ удѣлъ;
 Съ русскимъ въ бой онъ не поскачетъ:
 Отчего?—жена заплачетъ!
 Не женися, молодець,
 Слушайся меня:
 На тѣ деньги, молодець,
 Ты купи коня.

Не измѣнить добрый конь:
 Съ нимъ—и въ воду и въ огонь;
 Онъ—какъ вихрь въ степи широкой;
 Съ нимъ—все близко, что далеко.
 Не женися, молодець,
 Слушайся меня:
 На тѣ деньги, молодець,
 Ты купи коня.

x.

Откуда шумъ? Кто эти двое?
 Толпа въ молчаньи раздалась.
 Нахмуря бровь, подходит князь

И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
 Три узденя за ними вслѣдъ.
 «Великъ Алла и Магометъ!»
 Воскликнулъ князь. «Сама могила
 Покорна имъ! Въ странѣ чужой
 Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукою
 Вы узнаете ль Измаила?...
 Между врагами онъ возросъ,
 Но не призналъ онъ ихъ святыни,
 И въ наши синія пустыни
 Одну лишь ненависть принесъ.»

xi.

И по долину восклицанья
 Восторга дикаго гремятъ;
 Благословляя часъ свиданья,
 Вкругъ Измаила старъ и младъ
 Тѣснятся, шепчутъ. Поднимая
 На плечи маленькихъ ребятъ,
 Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
 На князя новаго глядятъ.
 Гдѣ жъ Рослаббекъ, кумирь народа?
 Гдѣ тотъ, къ мѣмъ славится свобода?—
 Одинъ, забытъ, передъ огнемъ,
 Поодаль, съ пасмурнымъ челомъ,
 Стоялъ онъ, жертва злой досады.
 Давно ли привлекалъ онъ самъ
 Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
 Давно ли по его слѣдамъ
 Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
 Давно ль, дивясь его дѣламъ,
 Ихъ мать ребенку повторяла?
 И что же вышло?—Измаиль,
 Враговъ отечества служитель,
 Всю эту славу погубилъ
 Своимъ пріѣздомъ—и властитель,
 Вчерашній гордый полубогъ,
 Вниманья черни безтолковой
 Къ себѣ привлечь уже не могъ.
 Ей все плѣнительно, что ново.
 «Простынетъ!» мыслить Рослаббекъ.
 Но если злобный человекъ
 Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
 Совѣмъ забыть ее никакъ:
 Ея насмѣшливый призракъ
 И днемъ и ночью духъ тревожить.

xii.

Война! знакомый людямъ звукъ,
 Сътѣхъпоръ, какъ братъ отъбратникъ рукъ
 Предъ алтаремъ погибъ невинно...
 Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
 Промчался кликъ: война! война!
 И пробудились племена;
 На смерть идутъ они охотно.
 Умолкъ ауль, гдѣ беззаботно
 Недавно слушали пѣвца;
 Оружья звонъ, движенье стана—
 Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
 Вотъ удовольствія байрана!
 «Смотри, какъ всякій битися радъ
 За дѣло чести и свободы!...
 Такъ точно было въ наши годы,
 Когда насъ вель Ахметъ-Булатъ!»
 Съ улыбкой гордою шептали
 Между собою старики,
 Когда дорогой наблюдали
 Отважныхъ юношей полки.
 Пора! кипятъ они досадой,
 Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

xiii.

Зима проходитъ; облака
 Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,
 Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
 Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,
 Крутятся какъ змѣй, не отвѣчаетъ
 Улыбкѣ неба своего,
 И бѣлыхъ путниковъ его,
 Межъ тѣмъ, упорно обгоняетъ.
 И ровны, прямы какъ стѣна,
 По берегамъ темнѣютъ горы;
 Ихъ крутизна, ихъ вышина
 Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры;
 Къ вершинамъ ихъ прицѣплена
 Нагими красными корнями,
 Кой-гдѣ кудрявая сосна
 Стоитъ печальна и одна,
 И часто мрачными мечтами
 Тревожитъ сердце: такъ, порой,
 Властитель, полубогъ земной,
 На пышномъ тронѣ, окруженный

Льстецовъ толпою униженной,
 Груститъ о томъ, что одному
 На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему.

xiv.

Завоевателю преграда
 Положена въ долину той:
 Изъ камней и деревъ громада
 Аргуну давить подъ собой.
 Къ аулу нѣтъ пути инова;
 И мыслятъ горцы: «врагъ лихой!
 Тебѣ могила ужъ готова!»
 Но прямо врагъ идетъ на нихъ
 И блескъ орудій громовыхъ
 Далеко сквозь туманъ играетъ.
 — И Росламбекъ совѣтъ сзываетъ.
 Онъ говоритъ: «Въ тиши ночной
 Мы нападёмъ на ихъ отряды,
 Какъ упадаютъ водопады
 Въ долину сонную весной...
 Погибнуть молча наши гости
 И ихъ разбросанныя кости,
 Добыча врановъ и волковъ,
 Сгніють, лишеныя гробовъ.
 Межъ тѣмъ, съ боязнію лукавой
 Начнемъ о мирѣ договоръ,
 И втайнѣ местію кровавой
 Омоемъ долгій нашъ позоръ.»

xv.

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
 Но несогласенъ Измаиль.
 Взмахнулъ онъ шашкою булатной
 И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
 Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
 Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
 И, опустивши свой булатъ,
 Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
 «Я не разбойникъ потаенный;
 Я видѣть, видѣть кровь люблю;
 Хочу, чтобъ мною пораженный
 Зналъ руку грозную мою!
 Какъ ты, я русскихъ ненавижу,
 И даже болѣе чѣмъ ты;
 Но подъ покровомъ темноты
 Я чести князя не унижу!

Иную мечь родной странѣ,
 Иную славу надо мнѣ!...»
 И поединка ожидали
 Межъ братьевъ молча уздени;
 Не смѣли тронуться они.
 Онъ вышелъ—всѣ еще молчали...

xvi.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
 Пустыни старый великанъ;
 Тебя злой духъ, гласить преданье
 Построилъ дерзостной рукой,
 Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
 Забыть межъ небомъ и землей.
 Здѣсь, три столѣтя очарованъ,
 Онъ тяжелой цѣпью былъ прикованъ,
 Когда, надменный, съ новыхъ скалъ
 Стрѣлой Пророку угрожалъ.

Какъ буркой ельникомъ покрыта,
 Сосѣднихъ горъ она чернѣй.
 Тропинка желтая прорыта
 Слезой отчаянья по ней;
 Она ни мохомъ, ни кустами
 Не зарастаетъ никогда;
 Пестрѣя чудными слѣдами,
 Она ведетъ богъ-вѣсть куда.
 Олень съ вѣтвистыми рогами,
 Между высокими цвѣтами,
 Одѣтый хмѣлемъ и плющомъ,
 Лежитъ полуобъятый сномъ;
 И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
 И чуетъ близкаго врага:
 Поднявши медленно рога,
 Минуту свѣжестью подышетъ,
 Росу съ могучихъ плечъ стряхнетъ,
 И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ

Черезъ утесъ—и вотъ онъ мчится,
 Терновъ колючихъ не боится
 И хмѣль коварный грудью рветъ—
 Но, вольный путь пересѣкая,
 Предъ нимъ тропинка роковая...
 Никѣмъ незримая рука
 Царя лѣсовъ останавливаетъ,
 И онъ, какъ гибель не близка,
 Свой прежній путь не продолжаетъ...

xvii.

Кто жъ подъ ужасною горой
 Зажегъ огонь сторожевой?
 Треща, краснѣя и сверкая,
 Кусты вокругъ онъ озарилъ.
 На камень голову склоняя,
 Лежитъ поодаль Измаиль.
 Его приверженцы хотѣли
 Идти за нимъ—но не посмѣли.

xviii.

Вотъ что ему родной готовилъ край!
 Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай,
 Гдѣ мѣръ такъ юнь, природа такъ богата,
 Но люди, люди—что природа имъ?
 Едва успѣлъ обнять изгнанникъ брата,
 Ужъ клевета и зависть—все надъ нимъ!
 Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
 За что бъ другой Творца благодарилъ,
 Все то ему дается въ наказанье...
 Но для терпѣнья ль созданъ Измаиль?
 Бываютъ люди: чувства—имъ страданья.
 Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;
 Чтобъ самовласть показать свое,
 Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
 Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазь;
 Но гордый камень въ свой урочный часъ
 Ему обратно отданъ былъ волнами...
 И дѣтямъ рока мѣста въ мѣрѣ нѣтъ;
 Они его пугаютъ жизнью новой,
 Они блеснуть—и сгладится ихъ слѣдъ,
 Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы гро-
 мовой.

Толпа дивится часто ихъ уму,
 Но чаще обвиняетъ, потому
 Что въ морѣ бѣдъ какъ вихри ихъ нинесятъ,

Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
 Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
 И власти знакъ на горломъ ихъ челѣ.

xxi.

«Безмысленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
 Слова любви, моления красоты?
 Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сра-
 жался,

Своей судьбы ты дѣтски испугался?
 Все прежнее, незнаемый молвой,
 Ты бъ могъ забыть близъ Зары молодой,
 Забыть людей близъ ангѣла въ пустынь,
 Ты бъ могъ любить, но не хотѣлъ — и
 нынѣ

Картины счастья живо предъ тобой
 Проходятъ укоряющей толпой.
 Ты жмешь ей руку; грудь ея и плечи,
 Цѣлуешь въ упоеньи; ласки, рѣчи,
 Исполненные счастья и любви,
 Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ
 милый,
 Волшебный взоръ—все предъ тобой, какъ
 было

Еще недавно; всѣ мечты твои
 Такъ вѣроятны, что душа боится,
 Не вѣря имъ, вторично ошибиться...
 А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?»
 Передъ огнемъ такъ думалъ Измаиль.
 Вдругъ выстрѣлъ, два, и много... онъ вско-
 чилъ,
 И слушаетъ... но все утихло снова...
 И говоритъ онъ: «это сонъ больнова!»

xx.

Души волненьемъ утомленъ,
 Опять на землю князь ложится,
 Трещитъ огонь и дымъ клубится...
 И что же? Призракъ видитъ онъ:
 Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
 На саблю опершись рукой,
 Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
 Печальный, блѣдный и худой.
 Спросить хотѣлось Измаилу:
 Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
 И свѣтъ дрожащаго огня,

Упавъ на смуглыя ланиты,
 Черкесу придалъ видъ сердитый.
 —Чего ты хочешь отъ меня?
 «Гостепріимства и защиты?»
 Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
 «Свой путь въ горахъ я потерялъ,
 Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
 И казаковъ моихъ убили,
 И вѣрный конь подъ мною палъ.
 Спаси, убить врага ночнова
 Равно ты можешь. Не боюсь
 Я смерти: грудь моя готова.
 Твоей я чести предаюсь!»
 —Ты правъ: на честь мою надѣйся!
 Вотъ мой огонь—садись и грѣйся.

xxi.

Тиха, прозрачна ночь была,
 Свѣтила на небѣ блистали,
 Луна за облакомъ спала,
 Но люди ей не подражали.
 Передъ огнемъ враги сидятъ,
 Хранятъ молчанье и не спятъ.
 Черты пришельца возбуждали
 У князя новыя мечты:
 Онъ ему напоминали
 Давно знакомыя черты.
 То не игра воображенья!
 Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
 И такъ пришельцу говорилъ
 Нетерпѣливый Измаиль:
 —Ты молодъ, вижу я. За славой
 Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
 Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
 Съ необразованной толпой.
 За что завистливой рукой
 Вы возмутили нашу долю?
 За то, что бѣдны мы, и волю,
 И степь свою не отдадимъ
 За злато роскоши нарядной;
 За то, что мы боготворимъ,
 Что презираете вы хладно!
 Не бойся, говори смѣлѣй:
 Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ,
 Какою грубостью своей
 Простой народъ тебя обидѣлъ?

xxii.

«Ты ошибаешься, черкесь!»
 Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ.
 «Повѣрь: меня, какъ вась, плѣняетъ
 И водопадъ, и темный лѣсъ;
 Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
 Встрѣчая пышную зарю;
 И ваше племя я люблю,
 Но одного я ненавижу:
 Черкесь онъ родомъ, не душой,
 Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой—
 Себѣ, иль князю Измаилу
 Клялся я здѣсь найти могилу...
 Къ чему опять ты мрачный взоръ
 Мохнатою шапкою закрываешь?
 Твое молчанье мнѣ укоръ;
 Но выслушай, ты все узнаешь,
 И самъ досадой запыхаешь...

xxiii.

«Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
 Въ російскомъ войскѣ Измаиль;
 Но, образованный, межъ нами
 Родными бредилъ онъ полями,
 И все черкесь въ немъ виденъ былъ.
 Въ пирахъ и битвахъ отличался
 Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
 Восточной нѣгой отзывался:
 Для нашихъ женщинъ онъ былъ ядъ!
 Ихъ вспламенивъ воображенье,
 Повелѣвалъ онъ безъ труда,
 И за проступокъ—наслажденье
 Не почиталъ онъ никогда;
 Не знаю, было то презрѣнье
 Къ законамъ стороны чужой,
 Или испорченныя чувства...
 Любовью женщинъ, ихъ тоской
 Онъ веселился какъ игрой;
 Но избѣжать его искусства
 Не удалось ни одной.

xxiv.

«Черкесь! видалъ я здѣсь прекрасныхъ
 Свободы нѣжныхъ дочерей:
 Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ

Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
 Ты не любилъ!... Ни словъ опасныхъ,
 Ни устъ волшебныхъ не знавалъ;
 Кудрями дѣвы золотыми
 Ты въ упоеніи не игралъ;
 Ты клятвамъ страсти не внималъ
 И не былъ ты обманутъ ими...
 Но я любилъ! судьба меня
 Блестящей радугой манила,
 Невольно къ безднѣ подводила...
 И ждалъ я счастливаго дня!
 Своей невѣстой дорогою
 Я смѣлъ ужъ ангела назвать,
 Невиннымъ ласкамъ отвѣчать
 И съ райской дѣвой забывать,
 Что рая нѣтъ ужъ подь луною.
 И вдругъ ударилъ страшный часъ—
 Причина долголтней муки:
 Призывъ войны, отчизны гласъ,
 Раздался вѣстникомъ разлуки.
 Какъ дымъ разсѣялись мечты...
 Тотъ день я буду помнить вѣчно...
 Черкесь, черкесь! ни съ кѣмъ, конечно,
 Ни съ кѣмъ не разставался ты...

xxv.

«Въ то время Измаиль случайно
 Невѣсту увидалъ мою,
 И страстью запылалъ онъ тайно.
 Межъ тѣмъ, какъ въ дальномъ я краю
 Искалъ въ бояхъ конца иль славы—
 Слостолубивый и лукавый,
 Онъ сердце дѣвы молодой
 Опуталъ сѣтью роковой.
 Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
 Къ себѣ довѣренность вселять,
 Насмѣшкой скромность побѣждать,
 И, побѣждая, видъ покорный
 Хранить—иль весь огонь страстей
 Мгновенно открывать предъ ней!...
 Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
 Ея желанья; вѣдалъ онъ,
 Что быть не могъ ея супругомъ,
 Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ—
 И обольщенная упала
 На грудь убійцы своего!

Кромѣ любви, она не знала,
 Она не знала ничего...

xxvi.

«Но скоро скуку пресыщенья
 Постигъ виновный Измаиль.
 Таиться не было терпѣнья,
 Когда погасъ минутный пылъ;
 Оставилъ жертву обольститель
 И удалился въ край родной,
 Забывъ, что есть на небѣ мститель,
 А на землѣ еще другой!
 Моя рука его отыщетъ
 Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
 И казни грозной мечъ просвищетъ
 Надъ непреклонной головой.
 Пусть ликъ одежда измѣняетъ;
 Не взоръ—душа врага узнаетъ!...

xxvii.

«Черкесь! ты понялъ, вижу я,
 Какъ справедлива месть моя.
 Ужъ на устахъ твоихъ проклятыя!
 Ты, внемля, вздрагивалъ неразъ!...
 О, если бъ могъ пересказать я,
 Изобразить ужасный часъ,
 Когда прелестное созданье
 Я въ униженіи увидалъ
 И безотчетное страданье
 Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!...
 Она разсудокъ потеряла:
 Рядилась, пѣла и плясала,
 Иль сидя молча у окна,
 По цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная,
 Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
 Ждала измѣнника она.
 Вся жизнь погибшей дѣвы милой
 Остановилась на быломъ;
 Ея безумье даже было
 Любовь къ нему и мысль объ немъ...
 Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!...»
 И долго русскій говорилъ
 Про месть, про счастье, про измѣну.
 Его не слушалъ Измаиль.
 Лишь знаетъ онъ, да Богъ единый,
 Что подь спокойною личиною

Тогда происходило въ немъ.
Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
[Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали отъ небесъ отрады],
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ та земля, и мрачный и нѣмой.

xxviii.

Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупѣ, въ тихій доль,
Слетаются наслѣдники земные:
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?—
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣкъ печали стѣять тѣхъ минутъ...
Лишь дунеть вихрь—и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рождень:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, крѣпясь и каменья,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометей.
Не сгладитъ время ихъ глубокой слѣды:
Все въ мѣрѣ есть—забвенья только нѣтъ...

xxix.

Свѣтаеть. Горы снѣговья
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъемятъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистаго тумана
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь передъ зарей,
Блѣднѣеть. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой.
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ бы счесть онъ все мечтою...
И по челу провелъ рукою;
Но грусть—жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

xxx.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непременно
Пришельцу быть проводникомъ;

Не зная думать что о немъ,
Согласенъ юноша смущенный.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожить все: то птица
Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица
Въ кусты цвѣтушіе нырнетъ.
Они все ниже, ниже сходятъ
И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшатъ, нагнувшись, безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли—
И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегѣ журавли,
Бѣлѣютъ смутно ужъ вдали.
Тогда черкесь остановился,
За руку путника схватилъ—
И кто бы, кто не удивился?
По-русски съ нимъ заговорилъ.

xxxi.

«Прощай! ты можешь безопасно
Теперь идти въ шатры свои;
Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
Ты хочешь потопить въ крови
Свою печаль! Страхись; быть мо-
жетъ,

Раскаянье прибавишь къ ней.
Болѣзни этой не поможетъ
Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
Ты губишь прелесть юныхъ дней.
Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужъ рокомъ!
Онъ палачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя бѣ рука не утратила
Того, кто борется съ судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри жъ: онъ здѣсь передъ то-
бой!»

И съ видомъ гордаго презрѣнья
Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межъ уступовъ скаль...
И долго русскій, безъ движенья,
Одинъ, какъ вкопанный, стоялъ.

xxxii.

Межь тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ
Расположась военнымъ станомъ,
Толпа черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вокругъ огней своихъ.
Они любили Измаила:
Съ нимъ вмѣстѣ слава, иль могила,
Имъ все равно, лишь только бѣ съ нимъ!
Но не могла бѣ судьба однимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ безпокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Рослабекъ!
[Таковъ повсюду человѣкъ].

xxxiii.

Сидятъ наѣздники безопасно,
Курятъ турецкій свой табакъ,
И князя ждуть они. «Конечно
Когда исчезнетъ ночи мракъ,
Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
Смирить враждебныя дружины,
И вздрогнуть передъ нимъ они,
Какъ Рослабекъ и уздени!»
Такъ, пѣсню воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

xxxiv.

Безмолвно, грустно, всторонѣ,
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятежной,
Прекрасный юноша стоялъ—
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжный!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безопасно. Трепетъ тайный
Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, не случайный,
Неразъ изъ груди вылеталъ;
И онъ явился къ Измаилу,
Чтобъ раздѣлить съ нимъ—хоть могилу.
Увы! такая ли рука
Въ куски изрубить казака?
Такой ли взоръ, стыдливый, скромный,
Глядитъ на мѣръ, чтобъ видѣть кровь
Зачѣмъ онъ здѣсь, и ночью темной

Сочин. Лермонтова. т. II.

Лицомъ прелестный, какъ любовь,
Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
Хотя страшился онъ сказать,
Не трудно было бѣ отгадать,
Когда бѣ... Но сердце, чѣмъ моложе,
Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже
Хранить причину отъ людей
Своихъ надеждъ, своихъ страстей.
И тайна юнаго Селима,
Чуждаясь устъ, ланить, очей,
Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
Въ груди сокрылась невредима.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

She told nor whence, nor why she left behind
Her all for one who seemd but little kind.
Why did she love him? Curious fool!—he still
Is human love the growth of human will?

L. Byron (Lara XXII).

I.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ вѣлѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесь! и Западъ и Востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ—и скажешь самъ надменно:
«Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!»
Настанетъ часъ—и новый, грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ.

II.

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты,
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Врывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей;
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою;
Но жены горь не съ женскою душою:
За поцѣлуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ—
Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ.
«Отмсти, товарищ!» и въ одно мгновенье
[Достойное за смерть убійцы мщенье]

6

Простая саля, веселя ихъ взоръ,
Горить—черкесской вольности костеръ.

III.

Въ аулѣ дальномъ Рослабекъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объять,
Но у него коварныя есть думы—
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ жъ Измаиль? — Безвѣстными го-
рами

Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками
И, заманивъ полки ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться,
На крѣпости природныя взбираться;
Но отдохнуть черкесы не даютъ,
То скроются, то снова нападутъ;
Они, какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье,
И далеко и близко въ то жъ мгно-
венье.

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Из-
маиль
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ,
И не плѣнялся именемъ героя;
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ.
Недолгій жаръ погасъ; душой усталый,
Его бы не желалъ онъ воскресить:
И не родной аулъ—родныя скалы
Рѣшилъ онъ отъ русскихъ защитить.

V.

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...
Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
На блѣдномъ сводѣ. Чуть примѣтно
Орла на вышинѣ безцвѣтной;
Межъ скалъ блуждая, желтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ озарилъ,
И самъ на жителѣ могиль
Передъ кончиной разыгрался,

И по разбросаннымъ костямъ,
Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ
Скользнулъ огнистой полосой,
Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ онъ двоихъ
Недвижныхъ также—но живыхъ...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они безпечны были оба.

VI.

Одинъ... такъ точно—Измаиль.
Безвѣстной думой угнетаемъ,
Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
Какъ мы нерѣдко провожаемъ
Гостей докучливыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шеломя,
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождю склоняетъ на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота, ни пени
Не слышалъ на его устахъ...
Боишься онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ—
И весель трудъ ему и страхъ.

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрыли очи подъ собой;
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струей;
И на кольчугѣ боевой
Ему не жестоко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
Такъ свѣтлой каплею роса
Оставляя край свой, небеса,
На листь увядшій упадетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная, не знаетъ,
Что скоро листь увядшій тотъ
Пожнетъ коса, иль конь сомнетъ.

viii.

Съ полуоткрытыми устами,
 Прохладой вечера дыша,
 Онъ спитъ; но мирная душа
 Взволнована; полусловами
 Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
 Услышалъ князь и удивился;
 Къ устамъ Селима въ тишинѣ
 Прилежнымъ ухомъ онъ склонился:
 Быть можетъ, черезъ этотъ сонъ
 Его судьбу узнаетъ онъ.
 «Ты могъ забыть?... Любви ненужно,
 Одной лишь нѣжности наружной...
 Оставь же!» сонный говорилъ.
 —Кого оставить? князь спросилъ.
 Селимъ умолкъ, но на мгновенье;
 Онъ продолжалъ: «Къ чему сомнѣнье?
 На всемъ лежитъ его презрѣнье...
 Увы! что значутъ передъ нимъ
 Простая дѣва, иль Селимъ?
 Такъ будетъ вѣчно между нами...
 Зачѣмъ безцѣнными устами
 Онъ это имя освятилъ?»
 —Не я ль? подумалъ Измаиль;
 И, погодя, онъ слышитъ снова:
 «Ужасно, Боже! для дѣтей
 Проклятiе отца роднова,
 Когда на склонѣ позднихъ дней
 Оставленъ ими... но страшнѣй
 Его слеза!...» Еще два слова
 Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
 Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ про-
 щанья,
 И улетѣлъ.—Изъ состраданья,
 Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

ix.

И вздрогнувъ, юноша проснулся,
 Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся,
 Когда онъ ясно увидальъ,
 Что на колѣняхъ друга спалъ.
 Но, покраснѣвши, сновидѣнье
 Пересказать стыдился онъ,
 Какъ будто бы лукавый сонъ
 Имѣлъ съ судьбой его сношенье.

Не отвѣчая на вопросъ
 [Примѣта явная печали],
 Щипаль онъ листья дикихъ розъ
 И наконецъ двѣ капли слезъ
 Въ очахъ склоненныхъ заблестали;
 И съ быстротой отворотясь,
 Онъ слезы осушилъ рукою...
 Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
 Но не смутился онъ душою
 И приписалъ онъ простотѣ,
 Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
 Конечно, самъ давно не зналъ онъ
 Печалей сладостныхъ любви,
 И самъ давно не предавалъ онъ
 Слезамъ страданія свои?

x.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
 Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
 Неразъ, личиною искусства,
 Слезой и сердцемъ ледянымъ,
 Когда обмановъ самъ чуждался,
 Обмануть былъ онъ—и боялся
 Онъ вѣрить только потому,
 Что вѣрилъ нѣкогда всему...
 И презиралъ онъ этотъ мiръ ничтожный,
 Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный
 рядъ,
 Гдѣ радость и печаль—все призракъ
 ложный;
 Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ;
 Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожить;
 Гдѣ сердца утѣшать добро не можетъ,
 И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
 Раскаянье одно приносятъ намъ...

xi.

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ...
 Сребристый стелется ковыль
 Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
 Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль,
 Желтѣя, поднялась въ лощинѣ,
 И крикъ черкесовъ по зарѣ
 Гудитъ, теряясь въ пустынѣ...
 Селимъ все слышалъ на горѣ;
 Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ:

«Они! они!» онъ восклицаетъ,
И князя нѣжною рукой
Влечетъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показался;
Онъ, мнилось, изъ земли родился,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой—
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, если бѣ два коня столкнулись,
Назадъ бы оба не вернулись,
И не могли бѣ впередъ идти.

xii.

Толпа джигитовъ удалая,
Передъ горой остановясь,
Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумить. Но къ нимъ подходитъ князь—
И все утихло; уваженье
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе—не страхъ;
Не власть его основа—мнѣнье.
«Какія вѣсти?»—Русскій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому Полю;
Имъ льститъ и бѣдность нашихъ странъ!
Ихъ много! «Кто не любитъ волю?»
Молчатъ. «Такъ дайте жъ отдохнуть
Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
Въ бою мы рады лечь костями;
Чего же лучшаго намъ ждать?
Но въ цвѣтѣ жизни умирать,
Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!...»

xiii.

Блѣднѣетъ юноша и взоръ
Понятно выразилъ укоръ.
«Нѣтъ, говорить онъ: я повсюду
Въ изгнаньѣ, въ битвѣ—спутникъ твой;
Нѣтъ! клятвы я не позабуду—
Угаснуть или жить съ тобой.
Не робокъ я подъ свистомъ пули—
Ты видѣлъ это, Измаилъ!
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною былъ.
И съ твоего чела не я ли
Смывалъ такъ часто пыль и кровь?»

Когда друзья твои бѣжали,
Чьи рѣчи, ласки прогоняли
Суровый мракъ твоей печали?
Мои слова, моя любовь...
Возьми, возьми меня съ собою!
Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
Могу... И что мнѣ смерть! О, нѣтъ!
Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
Моя душа не дорожила;
Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ—
Но не оставлю Измаила!»

xiv.

Взглянулъ на небо молча князь,
И наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку;
И крѣпко тотъ ее пожалъ
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщаль.
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то: и слезами
Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
Когда бѣ не скрылся онъ опять...

xv.

По косогору ходятъ кони;
Колчаны, ружья, сѣдла, брони
Въ пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блеститъ краснѣя; погружонъ
Въ мечтанье горестное онъ—
И отъ страстей, какъ отъ недуга,
Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: «Навѣрно,
Тебя терзаетъ духъ пещерной!
Дай, пѣсню я тебѣ спою;
Нерѣдко дѣва молодая
Ее поетъ въ моемъ краю,
На битву друга отпуская.
Она печальна; но другой
Я не слыхалъ въ странѣ родной;
Ее пѣвала мать родная
Надъ колыбелію моей.
Ты, слушая, забудешь муки,

И на глаза навѣютъ звуки
 Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней.»
 «Селимъ запѣлъ—и ночь кругомъ внимаетъ,
 И пѣсню ей пустыня повторять:

пѣсня селима.

Мѣсяць плыветъ
 И тихъ и спокоенъ;
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ.

Ружье заряжаетъ джигитъ
 И дѣва ему говоритъ:

«Мой милый! смѣлѣе
 Вѣряться ты року,
 Молися востоку,
 Будь вѣренъ Пророку,
 Любви будь вѣрнѣе!
 «Всегда награжденъ,
 Кто любитъ до гроба;
 Ни зависть, ни злоба
 Ему не законъ;

Пускай его смерть и погубить:
 Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!

«Любви измѣнившій—
 Измѣной кровавой,
 Врага не сразивши—
 Погибнетъ безъ славы;

Дожди его ранъ не обмоютъ
 И звѣри костей не заркоютъ!»

Мѣсяць плыветъ
 И тихъ и спокоенъ;
 А юноша-воинъ
 На битву идетъ.

«Прочь эту пѣсню!» какъ безумный
 Воскликнулъ князь: «зачѣмъ упрекъ?...
 Тебя ль послушаетъ Пророкъ?...
 Тамъ, облить кровью, въ битвѣ шумной,
 Твои слова я заглушу,
 И разорву ея оковы,
 И память въ сердцѣ удушю...
 Вставайте?... Какъ? Вы не готовы?...
 Прочь пѣсни! крови мнѣ! пора!...
 Друзья, коней!... Вы не слыхали?
 Удары, топотъ, визгъ ядра,
 И крикъ, и трескъ разбитой стали

Я слышалъ... О, не пой, не пой!
 Тронь сердце, какъ дрожить! И что же?
 Ты недовольна?... Боже, Боже!...
 Зачѣмъ казнить ея рукой?..»
 Такъ рѣчь его оторвалась
 Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
 Невнятно, какъ далекий громъ.
 Неровнымъ, трепетнымъ огнемъ
 До половины освѣщенный,
 Ужасенъ, съ шашкой обнаженной,
 Стоялъ недвижимъ Измаиль,
 Какъ призракъ злой, отъ сна могилъ
 Волшебнымъ словомъ пробужденный.
 Онъ взоръ всей силой устремилъ
 Въ пустую степь, грозилъ рукою,
 Чему-то страшному грозилъ:
 Иначе, какъ бы Измаиль
 Смутиться твердой могъ душою?—
 И понялъ наконецъ Селимъ,
 Что витязь говорилъ не съ нимъ...
 Неосторожный! онъ коснулся
 Душевныхъ струнъ—и звукъ проснулся,
 Расторгнувъ хладную тюрьму...
 И самъ искусству своему
 Селимъ невольно ужаснулся...

xvi.

Толпа садится на коней.
 При свѣтѣ гаснущихъ огней
 Мелькаютъ сумрачныя лица.
 Такъ опоздавшая станица
 Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
 Вдругъ поднимается съ полей...
 Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье—
 Все дышетъ буйствомъ и войной;
 Во всемъ приличія незнанье,
 Отвага дерзости слѣпой.

xvii.

Свѣтлѣетъ небо полосами;
 Заря межъ синими рядами
 Ревнивыхъ тучъ ужъ занялась.
 Вдоль по лошинѣ ѣдетъ князь;
 За нимъ черкесы цѣпью длинной.
 Признаться, конь по сѣдоку:
 Бѣжитъ—и будто вѣтръ пустынной,

Скользкій шумно по песку,—
Крутится, вьется на-скаку;
Онъ бѣлъ какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
Его замѣтить могутъ очи.
Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
Отягощенъ своимъ нарядомъ,
Селимъ проворный ѣдетъ рядомъ,
На кобылицѣ вороной.
Такъ бѣлый облакъ въ полдень знойной,
Плыветъ отважно и спокойно—
И вдругъ, по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимый,
Какъ черный лоскутъ мчится мимо;
Но какъ ни бейся, въ вышинѣ
Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ.

хviii.

Ужъ близко роковое поле.
Кому-то пастъ рѣшить судьба?...
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ все болѣ, болѣ;
И пушки голось громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою;
«Впередъ!» воскликнулъ онъ: «за мною!»
Сказалъ и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель;
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Кто бъ не послѣдовалъ за нимъ?

xix.

Межъ тѣмъ, съ безпечною отвагой,
Отрядъ могучихъ казаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удалцовъ.
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ непріязненныхъ шатровъ,
Ихъ часовые увидали—
И пушка грянула по нимъ,
И казаки спѣшатъ на встрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ

Они поддерживали сѣчу,
Стыдась и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился:
Одинъ подъ саблюю свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось—надежды нѣтъ;
Черкесь, читай свои молитвы!
Въ крови твой шолковый бешметъ,
Тебѣ другой не видѣть битвы...
Вдругъ пыль и крикъ—онъ имъ знакомъ:
То крикъ родной, не бесполезный!
Глядятъ, и видятъ—надъ холмомъ
Стоить ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

xx.

Недолго Измаилъ стоялъ:
Вздохнуть коню онъ только далъ,
Взглянулъ и ринулся и смялъ
Враговъ, и путь за нимъ кровавый
Межъ ихъ рядами виденъ сталъ,
Вездѣ, налѣво и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ:
Не видятъ блескъ ея враги
И беззащитно умираютъ.
Какъ юный левъ, разгорячась,
Въ средину ихъ врубился князь;
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули;
Но что жъ? Его хранить Пророкъ!
Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ, погибель разсыпая,
Вломилашъ шайка удалая,
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долинѣ той...

xxi.

Далеко отъ сраженья, межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлый трамскихъ табуновъ,
Разсѣдланый, хладѣя постепенно,
Лежалъ издохшій конь—и передъ нимъ,
Участіемъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесь, соратника лишенный.

Крестомъ сжавъ руки, и кидая взглядъ
Завистливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ;
Его печаль—была печаль героя.
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугѣ подскакаль Селимъ,
[Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы].

xxii.

—Бѣда! сказалъ онъ: князя не видать!
Куда онъ скрылся? «Если хочешь знать,
Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
Гдѣ гуще пыль и смерти крикъ сильнѣе,
Гдѣ кровью облить мертвый и живой,
Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой.
Онъ тамъ... Смотри: летитъ какъ съ не-
ба пламя.
Его шишакъ и конь—вотъ наше знамя!
Онъ тамъ, какъ духъ, разить и неври-
димъ,
И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!»
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лестъ была чужда степей свободы.

xxiii.

Кто этотъ русскій съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ;
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалькѣ,
И казаковъ примѣромъ ободряетъ;
Онъ ищетъ Измаила—и нашель,
И вынулъ пистолетъ свой, и навель,
И выстрѣлилъ... напрасно; обманулъ
Его свинець!—но выстрѣлъ роковой
Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: «Ты вновь передо мной!...
Свидѣтель Богъ—не я тому виной!...»
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла,
И отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова, и конь ретивый,
Вставъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Недолго это сердце увядало,
И миръ ему! въ единый мигъ оно

Любить и ненавидѣть перестало:
Не всѣмъ такое счастье суждено.

xxiv.

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки;
Спасая дни свои, тѣснятся,
Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки.
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воємъ имъ вослѣдъ,
И никому пощады нѣтъ.
Но что жъ? Побѣда измѣнила!
Раздался вдругъ неожиданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И предъ глазами Измаила
На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудой костей
Свалился рядъ его друзей...
Какъ градъ посыпалась картеча.
Пальбу услышавъ издавеча,
Направя синіе штыки,
Слѣшать ширванскіе полки...
На встрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаиль;
Но за поводъ коня схватилъ
Черкесь, и въ горы за собою—
Какъ ни противился сѣдокъ—
Коня могучаго увлекъ.
И ни малѣйшаго движенья
Среди всеобщаго смятенья
Не упустилъ молодой Селимъ:
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызеть.
Жизнь побѣжденнымъ не награда...
Онъ на друзей не кинулъ взгляда
И, мнится, ихъ не узнаетъ.

xxv.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ сласше предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастье

Къ другому міру, хоть и тамъ
 Судьбы примѣтно сомовластье,
 Мы все свободнѣе даримъ
 Ему надежды и желанья;
 И украшаемъ, какъ хотимъ,
 Свои воздушныя созданья.
 Когда забота и печаль
 Покой душевный возмущаютъ,
 Мы забываемъ свѣтъ, и вдалъ
 Душа и мысли улетаютъ,
 И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
 Слѣдовъ и тѣни прежнихъ лѣтъ.
 Но умъ, сомнѣваемъ охлажденный,
 И спорить съ рокомъ приученный,
 Не усладить, не позабыть
 Свои страданія желаетъ,
 И если иногда мечтаетъ,
 То онъ мечтаетъ—побѣдить.
 И, зная собственную силу,
 Пока не сброситъ прахъ въ могилу,
 Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
 Такой непобѣдимый умъ
 Природой данъ былъ Исмаилу.

xxvi.

Онъ раненъ; кровь его течетъ;
 А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
 Въ опасный путь его несетъ
 Ретивый конь, храпитъ и пышетъ;
 Одинъ Селимъ не отстаетъ:
 За гриву ухватясь руками,
 Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ;
 Боязни блѣдность на челѣ;
 Онъ очи, полныя слезами,
 Порой кидаетъ на того,
 Кто все на свѣтъ для него,
 Кому надежду жизни милой
 Готовъ онъ въ жертву принести,
 И чье послѣднее «прости»
 Его бы съ жизнью разлучило.
 Будь передъ міромъ онъ злодѣй—
 Что для любви слова людей?
 Что ей небесъ опредѣленье?
 Нѣтъ, охладить любовь—гоненье
 Еще ни разу не могло:
 Она сама свое добро и зло.

xxvii.

Умолкъ докучной крикъ погони;
 Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони
 Между проваломъ и горой,
 Кремнистой, тѣсною тропой;
 Они дорогу знаютъ сами
 И презираютъ сѣдока,
 И бесполезная рука
 Ужъ не владѣетъ поводами.
 Направо темные кусты
 Висятъ, за шапки задѣвая;
 И съ неприступной высоты,
 На новыхъ путниковъ взирая,
 Чернѣетъ серна молодая...
 Налѣво—пропасть; по краямъ
 Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
 Всегда обрушиться готовый.
 Внизу свирѣпъ, и одинокъ,
 Никѣмъ невѣдомый потокъ,
 Какъ тигръ Америки суровой,
 Бѣжитъ гремучею волной;
 То блещетъ бахромой перловой,
 То изумрудною каймой;
 Какъ двѣ семьи враждебный геній—
 Два гребня раздѣляетъ онъ.
 Вдали на синій небосклонъ
 Нагихъ, бесплодныхъ горъ ступени
 Ведутъ желаніе и взглядъ
 Сквозь облака, которыхъ тѣни
 По нимъ мелькаютъ и спѣшатъ:
 Смѣняя въ зависти другъ друга,
 Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
 И, мнится, что подъ солнцемъ юга
 Въ нихъ страсти южныя кипятъ.

xxviii.

Ужъ полдень. Исмаиль слабѣетъ...
 Пылаетъ солнце высоко...
 Но есть надежда: дымъ синѣетъ,
 Родной аулъ недалеко...
 Тамъ, гдѣ кустарникомъ покрыты,
 Встаютъ красивые граниты
 Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
 Есть поворотъ и путь, прорытый
 Арбы скрипучимъ колесомъ.

Оттуда крови земляные,
 Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
 Аргуны воды голубья,
 Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ...
 Достигнуть поворотъ желанный;
 Вотъ и вѣнецъ горы туманной,
 Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой;
 И бѣлый конь сильнѣй рванулся...
 Но вдругъ переднею ногой
 Онъ оступился, спотыкнулся,
 И на-скаку, между камней,
 Упалъ всей тягостью своей.

xxix.

И всадникъ кровью истекая,
 Лежалъ безъ чувства на землѣ;
 Въ устахъ недвижность гробовая
 И блѣдность муки на челѣ;
 Казалось, часть его кончины
 Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
 Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
 Изъ человѣка сдѣлать прахъ.
 Ужель степная лишь могила
 Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
 Того, чье сердце столько лѣтъ
 Мысль о ничтожествѣ томила?
 Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
 Склоняясь въ отчаяннѣ надъ нимъ,
 Какъ въ бурю ива молодая
 Надъ падшимъ гнется алтаремъ—
 Снималъ онъ панцырь и шоломъ;
 Но сердце къ сердцу прижимая,
 Не слышитъ жизни ни въ одномъ.
 И если бъ страшное мгновенье
 Всѣ мысли не убило въ немъ,
 Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
 И проклиналъ бы провидѣнье...

xxx.

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ,
 Все неподвижно передъ нимъ.
 Зоветь—и тучка дождевая
 Летитъ на зовъ его одна,
 По вѣтру крылья простирая,
 Какъ смерть темна и холодна.
 Вотъ наконецъ сырмъ покровомъ

Одѣла путниковъ она,
 И юноша въ испугѣ новомъ!
 Прижавшись къ другу съ быстротой:
 «О, пощади его... постой!»
 Воскликнулъ онъ; «я вижу ясно,
 Что ты пришла меня лишитъ
 Того, кого люблю такъ страстно,
 Кого слабѣй нельзя любить;
 Ступай, ищи другихъ по свѣту;
 Всѣ жертвы бога твоего!...
 Ужель меня насчастнѣй нѣту,
 И нѣтъ виновнѣе его?»

xxxі.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
 Хотя не понялъ онъ моленій,
 Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
 Когда жъ Селимъ взглянуть посмѣлъ—
 Онъ былъ далеко. Освѣженный
 Его прохладою мгновенной,
 Очнулся блѣдный Измаиль,
 Вздохнулъ, потомъ глаза открылъ.
 Онъ слабъ: другую ищетъ руку
 Его дрожащая рука;
 И каждому внимая звуку,
 Онъ пьетъ дыханье вѣтерка,
 И все, что близко, отдаленно,
 Предъ нимъ яснѣетъ постепенно...
 Гдѣ жъ другъ послѣдній, гдѣ Селимъ?
 Глядитъ... и что же передъ нимъ?
 Глядитъ... уста оледенѣли,
 И мысли зрѣньемъ овладѣли...
 Не могъ бы описать подобный мигъ
 Ни ангельскій, ни демонскій языкъ.

xxxii.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ?
 На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ;
 Раскрылась грудь; на шолковый бешметъ
 Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ—
 Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ.
 Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
 О небо, небо! есть ли въ куцахъ рай
 Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
 Оставить—страшно, уничтожить—жаль?
 Скажи мнѣ: есть ли Зара молодая

Межъ дѣвъ твоихъ, и плачетъ ли она,
И любить ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣстно подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

xxxiii.

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Попѣловаль онъ нѣжныя ланиты—
И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила;
Смушаютъ Зару ласки Измаила;
Но сердцу—какъ ума не соблазнить?
И какъ любви—стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи—пламень; вѣчная пустыня
Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли святыня
И только для людей порокъ она;
Во всей природѣ дышетъ сладострастье,
И только люди покупаютъ счастье.

Прошло два года. Все кипитъ война;
Безплоднаго Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
И въ знойный день, и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.
Казалось, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая месть и къ родинѣ любовь.
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селимъ,
Теперь уже не слѣдуютъ за нимъ?
Куда лезгинка нѣжная сокрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть онъ не достоинъ былъ?
Измѣна ли причина ихъ разлуки?
Жива ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее «прости» съ слезами муки
Сказали ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть шадить ее понинѣ—
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ?
Кто бъ Измаила смѣлъ спросить о томъ?

Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ, на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ.
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?
О чемъ бы онъ ни думалъ—Западъ дальной
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія воспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой...

Но что за выстрѣлъ?... Дымъ взвился
бѣлѣя,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простертый на
землѣ
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,
Друзьями окружонъ, любимецъ брани
Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваній.
Послѣдній лучъ зари еще игралъ
На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ; и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,
Когда душа отторгнулась отъ тѣла—
Его лица оставить не успѣла.
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
Жестокий братъ, завистникъ вѣроломной;
Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой;
Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной...
Гремучій ключъ катился невдали.
Къ его струямъ черкесы принесли
Кровавый трупъ. Разстегнуть ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою,
И грудь обмыть они уже хотятъ...
Но почему ихъ омрачился взглядъ?
Чего они такъ явно ужаснулись?
Зачѣмъ, вскочивъ, такъ хладно отверну-
лись?
Зачѣмъ?... Какой-то локонъ золотой

[Конечно талисманъ земли чужой],
 Подъ грубою одеждою измятой,
 И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой
 Блистали на груди у мертвеца...
 —«Иктобыотгадалъ!—джяуръ проклятой!
 Нѣтъ, ты не стоилъ лучшаго конца;
 Нѣтъ, мусульманинъ вѣрный—Измаилу,
 Отступнику, не выроетъ могилу!...

Того, кто презиралъ людей и рокъ,
 Кто смертію игралъ такъ своенравно,
 Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой Про-
 рокъ!
 Пусть, не оплаканъ, онъ сгніетъ безславно,
 Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, оди-
 нокъ!...»

(Оконченъ 10 мая 1832.)

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Великъ, богатъ ауль Джемать,
Онъ никому не платитъ дани,
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ брани;

Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горячихъ паръ струится,
Орель, недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Ауль встревоженный пустѣетъ,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
Объ чемъ ведетъ переговоры
Совѣтъ джематскихъ удалцовъ?
Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ ли русскаго отряда,
До крови лакомыхъ гостей?
Нѣтъ—только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрѣтъ одеждами чужими,
Сидитъ на камнѣ между ними
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И вкругъ себя блестящимъ окомъ

Печально водить онъ порой,
Разказу стараго лезгина
Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
«Три нѣжныхъ дочери, три сына
Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
Но бури злыя разразились
И вѣтви древа обвалились,
И я стою теперъ одинъ,
Какъ голый пенъ среди долинъ.
Увы, я старъ! мои сѣдины
Бѣлѣе снѣга той вершины,
Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!...
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удалъ мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
Въ плѣну сестры ея увяли,
Въ бою неравномъ братья пали:
Въ чужбинѣ двое, а меньшей
Пронзенъ штыкомъ передо мной.
Онъ улыбался, умирая!
Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рая
Къ нему слетѣла предъ концомъ,
Махая радужнымъ вѣнцомъ...
И вотъ пошелъ я жить въ пустыню
Съ послѣдней дочерью своей.
Ее хранилъ я, какъ святыню;
Все, что имѣлъ я, было въ ней;
Я взялъ съ собою лишь ее,
Да неизмѣнное ружье.
Въ пещерѣ съ ней я поселился,
Родимой хижины лишень;

Къ бѣдѣ я скоро приучился,
 Давно былъ къ волѣ приученъ.
 Но часъ ударилъ неизбежный—
 И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный!..
 Однажды ночь была глухая,
 Я спалъ... Безмолвно надо мной,
 Зеленой вѣткою махая,
 Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
 Вдругъ просыпаюсь... слышу: шопотъ—
 И слабый крикъ—и конскій топотъ...
 Бѣгу и вижу—подъ горой
 Несется всадникъ съ быстротой,
 Схвативъ ее въ свои объятя.
 Я къ нимъ послалъ свои проклятыя.
 О, для чего второй гонецъ
 Настичь не могъ ихъ—мой свинецъ!
 Съ кровавымъ мщенемъ, вотъ здѣсь скры-

томъ,

Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
 Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
 Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
 И нѣтъ покоя для меня
 Съ того мучительнаго дня...
 Сюда, наѣзники Джемата!
 Откройте удалъ мнѣ свою!
 Кто знаетъ князя Бей-Булата?
 Кто привезетъ мнѣ дочь мою?»

«Я!» молвилъ витязь черноокой,
 Схватившись за кинжалъ широкой,
 И въ изумленіи нѣмомъ
 Толпа раздвинулась кругомъ.

«Я знаю князя. Я рѣшился!...
 Двѣ ночи здѣсь ты жди меня:
 Хаджи безстрашный не садился
 Ни разу даромъ на коня.
 Но если я не буду къ сроку,
 Тогда обѣтъ мой позабудь,
 И объ душѣ моей Пророку
 Ты помолись, пускаясь въ путь.»

Взошла заря. Изъ за тумановъ,
 На небосклонѣ голубомъ
 Главы гранитныхъ великановъ
 Встаютъ, увѣнчанные льдомъ.
 Въ ущельѣ облако проснулось,
 Какъ парусъ розовый надулось
 И понеслось по вышинѣ.

Все дышетъ утромъ. За оврагомъ,
 По косогору ѣдетъ шагомъ
 Черкесъ на борзомъ скакунѣ.
 Еще лѣнивое свѣтило
 Росы холмовъ не осушило.
 Со скалъ высокихъ надъ путемъ
 Склонился дикой виноградникъ;
 Его серебрянымъ дождемъ
 Осыпанъ часто конь и всадникъ;
 Небрежно бросивъ поводъ,
 Красивой плеткой онъ махаешь,
 И пѣсню дѣдовъ иногда,
 Склонясь на гриву, запѣваетъ;
 И дальній отзывъ за горой
 Уныло вторитъ пѣсни той.

Есть поворотъ—и путь, прорытый
 Арбы скрипучимъ колесомъ,
 Тамъ, гдѣ красивые граниты
 Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
 Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
 Смиранный различитъ аулъ,
 И пыль, поднятую стадами,
 И пробужденья первый гулъ;
 И на краю крутаго ската
 Отмѣтитъ саклю Бей-Булата,
 И, какъ орелъ, съ вершины горъ
 Вперить на крышу свѣтлый взоръ...
 Въ тѣни прохладной, у порога
 Лезгинка юная сидитъ.
 Предъ нею тянется дорога,
 Но грустно вдаль она глядитъ.
 Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
 Съ заботой нѣжною такой?
 Не другъ ли будетъ издалѣка?
 Не братъ ли съ битвы роковой?
 Отъ зноя утомясь дневнова,
 Твоя головка ужъ готова
 На грудь высокую упасть.
 Рука скользнула вдоль колѣна;
 И нѣги сладостная власть
 Плечо исторгнула изъ плѣна;
 Отяготѣлъ твой ясный взоръ,
 Покрывшись влагою жемчужной;
 Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
 Играетъ пламя крови южной;

Уста волшебныя твои
 Зовутъ лобзаніе любви.
 Нѣмымъ встревожена желаньемъ,
 Обнять ты ищешь что нибудь,
 И перси слабымъ трепетаньемъ
 Хотятъ покровы оттолкнуть.
 О, гдѣ ты, сердца другъ безцѣнный!...
 Но вотъ и топотъ отдаленный,
 И пыль знакомая взвилась—
 И дѣва шепчетъ: «это князь!»

Легко надежда утѣшаетъ;
 Легко обманываетъ глазъ;
 Ужъ близко путникъ подъѣзжаетъ...
 Увы! она его не знаетъ,
 И видитъ только въ первый разъ.
 То странникъ, въ полѣ запоздалый,
 Гостепріимный ищетъ кровь;
 Дымится конь его усталый,
 И онъ спрыгнуть уже готовъ...
 Спрыгни же, всадникъ!... Что же онъ
 Какъ будто крова испугался?
 Онъ смотритъ... Краткій, грустный
 стонъ

Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
 Какъ листъ отъ вѣтви молодой,
 Измятый лѣтнею грозой.
 «Что медлишь, путникъ, у порога?
 Слѣзай съ походнаго коня.
 Случайный гость—подарокъ Бога.
 Кумысъ и медъ есть у меня.
 Ты, вижу, бѣденъ; я богата.
 Почти же кровлю Бей-Булата!
 Когда опять поѣдешь въ путь,
 Въ молитвѣ насъ не позабудь!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Алахъ спаси тебя, Леила!
 Ты гостя лаской подарила;
 И отъ отца тебѣ поклонъ
 За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕИЛА.

Какъ! мой отецъ? Меня понинѣ
 Въ разлукѣ долгой не забылъ?
 Гдѣ онъ живетъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ—
 То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ.

ЛЕИЛА.

Скажи, онъ веселъ, онъ счастливъ?
 Скорѣй отвѣтствуй мнѣ...

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
 Хотя порой дождямъ и стужѣ
 Открыта голова его...
 Но ты?...

ЛЕИЛА.

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ [тихо].

Тѣмъ хуже!

ЛЕИЛА.

А? что ты молвилъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Ничего!

Сидитъ пришелецъ за столомъ.
 Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
 Предъ нимъ не тронуты доселѣ
 Стоятъ. Онъ страненъ въ самомъ дѣлѣ!
 Какъ на челѣ его крутомъ
 Блуждаютъ, движутся морщины!
 Рукою лѣтъ или кручины
 Проведены онѣ по немъ?

Развеселить его желая,
 Леила бубенъ свой беретъ;
 Въ него перстами ударяя,
 Лезгинку пляшетъ и поетъ.
 Ея глаза какъ звѣзды блещутъ,
 И груди полныя трепещутъ.
 Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ
 Душа невинная объята.
 Она кружится передъ нимъ,
 Какъ мотылекъ въ лучахъ заката
 И вдругъ звенящій бубенъ свой

Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертить его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводить—и, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылой!
Судьба и горе—все мечта!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Довольно! перестань, Леила!
На мигъ веселость позабуди;
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? отвѣчай.

ЛЕИЛА.

Нѣтъ! Что мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕИЛА.

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ.
Отечества для сердца нѣтъ!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ—счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Любовь!... Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрнѣй любви,
И только хочеть слезъ да крови...
Въ немъ утѣшенье для людей,
Когда умереть другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастье,
Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при насъ всегда, безсмѣнно;

То мучить, то ласкаетъ насъ...
Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не возьмю бы вселенной!

ЛЕИЛА.

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ—такъ было суждено—
Погибъ отъ пули Бей-Булата;
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной—врага не зная,
Но мечь и ненависть свою
Онъ завѣщаль мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ:
И занесенъ былъ мой кинжалъ,
Но я подумалъ: «Это ль мщенье?
Что смерти! Ужель одно мгновенье
Заплатить мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
Онъ что-нибудь да въ мѣрѣ любить:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубить!»
Свершилось наконецъ. Пора!
Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!...
Пора! я слышу голосъ брата...
Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа какъ адомъ вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
Валлахъ! исполню клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
«Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
Нѣтъ, не смотри такъ! отвернись!
По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
Слова твои... О, Боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?»

Отвѣтствуй! ничего не значуть
Невинныхъ слезы предъ тобой?
О, сжался!.. Говори—какъ плачуть
Въ твоей родимой сторонѣ?..
Погибнуть рано, рано мнѣ!..
Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ мла-
дость!

Ты зналъ ли, что такое радость?
Бывалъ ли ты во цвѣтѣ лѣтъ
Любимъ, какъ я? О, вѣрно, нѣтъ!»
Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.
«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
Ни слезъ, жестокой, не видать...
Ахъ!... Боже!... Ай!... дай подождать!...
Хоть часъ одинъ... одно мгновенье!...»

Блеснула шашка. Разъ—и два...
И покатила голова...
И окровавленной рукою
Съ земли онъ приподнялъ ее
И острой шашки лезвие
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ, бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, объятай
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальные удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчитъ въ горы какъ стрѣла.

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно,
Сырая ночь недалеко.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Игру безсвязную заводятъ.
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится—мутный, сѣрый;
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы,
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокой!
Закройся буркою широкой,

Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни.
Тебѣ вослѣдъ еще не мчитъ
Ни горный духъ, ни дикой звѣрь,
Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы—теперь.
«Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ...
То змѣй блистаетъ чешуей...
Твоею гривой въ полѣ брани
Стиралъ я кровь съ могучей длани;
Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты спасъ.
Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ
Обвѣшу русскимъ серебромъ;
И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
Давно ль, давно ль ты измѣнился,
Скажи, товарищъ дорогой?
Что рано пѣною покрылся?
Что тяжело дышешь подо мной?
Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
Верхи деревъ осеребрить,
И намъ откроется поляна,
Гдѣ нашъ ауль во мракѣ спитъ;
Заблещутъ, издали мелькая,
Огни джегатскихъ пастуховъ,
И различимъ мы, подѣзжая,
Глухое ржанье табуновъ;
И кони вокругъ тебя столпяты...
Но стоитъ мнѣ лишь приподняться—
Они въ испугѣ захрапятъ
И всѣ шарахнутся назадъ:
Они почуютъ издалика,
Что мы съ тобою дѣти рока!...»

Долины ночь еще объемлетъ,
Ауль Джематъ спокойно дремлетъ;
Одинъ старикъ лишь въ немъ не
спитъ.
Одинъ, какъ памятникъ могильной,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ.
Его глаза на путь далекой
Устремлены съ тоской глубокой.

«Кто этот всадник? Бережливо
Съѣзжает онъ съ горы крутой;
Его товарищъ долгогривой
Поникъ усталой головой.
Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,

Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.

Онъ что-то держитъ осторожно,
И бережетъ, какъ свѣтъ очей.»
И думаетъ старикъ согбенный:
«Подарокъ, вѣрно, драгоценный
Отъ милой дочери моей!»
Ужъ всадникъ близокъ; подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;
Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ—и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ—Боже правый!
Своей Лейлы голову!...
И онъ въ безумномъ восхищеньи
Къ своимъ устамъ ее прижалъ,
Какъ будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье.
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Въ немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно,
И неподвижныя морщины

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился;
Взглянулъ на шашку, на коня,
И быстро въ горы удалился.

Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ
Два трупа смрадные, въ пыли,
Блуждая, путники нашли,
И схоронили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятіе на ихъ челѣ,
Обнявшись крѣпко на землѣ
Они лежали, костенѣя,
Два друга съ виду—два злодѣя!
Быть можетъ, то одна мечта,
Но бѣднымъ странникамъ казалось,
Что ихъ лицо порой мѣнялось,
Что все грозили ихъ уста.
Одежда ихъ была богата;
Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ;
Въ одномъ узнали Бей-Булата,
Никто другаго не узналъ.

1833 г.

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

(1839 — 1840).

ПРЕДИСЛОВІЕ

ко 2-му изданію.

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь. Оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальных нападокъ, и потому они не читаютъ предисловія. А жаль, что это такъ; особенно у насъ! Наша публика такъ еще молода и добродушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находятъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность

изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое, и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ «Герой Нашего Времени»; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужь

сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

«Герой Нашего Времени», милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находить у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужно горькія лекарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему, просто, было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излечить—это ужъ Богъ знаетъ!—[1841].

Б Э Л А.

I.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми

записками о Грузіи. Бѣлая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна; а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я вѣхалъ въ Койшаурскую Долину. Осетинъ-извозчикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя; красноватая скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя кучами чинаръ; желтые обрывы, исчерченные промоинами; а тамъ высоко, высоко, золотая бахрама снѣговъ; а внизу Арагва, обнявшись съ другой безыменной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя, свою чешую.

Подѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица—а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею тележкой четверка быковъ тащила другую; какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была доверху накладка. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ

лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соответствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попугачики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.—Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ,—отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіаты? Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?... Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

— Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ *), отвѣчалъ онъ, пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ—прибавилъ онъ—и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

— А теперь вы?...

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?...

Я сказалъ ему.

*) Ермоловъ.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различить до рогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ тележку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.—Вѣдь этойкой народъ! сказалъ онъ: и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку?» Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

— Завтра будетъ славная погода!—сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на вы-

сокую гору, поднимавшуюся прямо против насъ.

— Что жъ это?—спросилъ я.

— Гуть-Гора.

— Ну, такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гуть-Гора курилась: по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Уже мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать,—сказалъ онъ съ досадою: въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что? были ль обвалы на Крестовой?—спросилъ онъ извошика.

— Не было, господинъ,—отвѣчалъ осетинъ-извошикъ:—а виситъ много, много.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ—единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія мокрая ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову [хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую]. Я не зналъ куда дѣваться: тутъ блѣютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастью, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстие наподобіе двери. Тутъ открылась картина, довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По серединѣ

трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратнo вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— Жалкіе люди! сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые, молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остоленѣніи.

— Преглупый народъ!—отвѣчалъ онъ. Повѣрите-ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы, или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки; а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода— знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы. Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!..

— А, чай, много съ вами бывало приключений? сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усь, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую нибудь исторію—желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: «да, бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: здравствуйте [потому что фельдфебель говорить здравія желаю]. А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

— Не хотите ли подбавить рому? сказалъ я моему собесѣднику: у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперъ холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете,

мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтъ навеселѣ; да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ, или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирноба князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

— Вотъ... [онъ набилъ трубку, затянулся и началъ рассказывать], вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой— этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. «Вы, вѣрно», спросилъ я его, «переведены сюда изъ Россіи?» — Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить попріятельски. Да пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста—къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ.» Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— А какъ его звали? спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко

страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнуть, устануть—а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнѣтъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ рассказывать, такъ животики надорвешь со смѣха. Да-съ, съ большими странностями, и должно быть богатый человекъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещей!...

— А долго онъ съ вами жилъ? спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянуть!... Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя? воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

— А вотъ я вамъ расскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирной князь. Сынишко его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить: всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно, избаловали мы его съ Григорьемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь; шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ нехорошо: ужасно падохъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и что жъ вы думаете? на другую же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ. «Эй, Азамать, не сносить тебѣ головы», говорилъ я ему: «яманъ будетъ твоя башка!»

— Разъ, пріѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки: такъ нельзя же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ аулѣ множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, спрятались; тѣ, которыхъ мы могли разсмотрѣть въ лицо, были далеко не красавицы. «Я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ», сказалъ мнѣ Григорій Александровичъ.—Погодите! отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

— У князя въ саклѣ собралось уже множество народа. У азятговъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я, однако жъ, не позабылъ подмѣтнуть, гдѣ поставили нашихъ лошадей, знаете, для непредвидимаго случая.

— Какъ же у нихъ празднуютъ свадьбу? спросилъ я штабсъ-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу, потомъ начинается джигитовка и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной, хромой лошаденкѣ, ломается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнется, въ кунацкой начинается, по нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забываетъ какъ по ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину, и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что попало, а остальные подхватываютъ хоромъ. Мы съ Печоринымъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ и вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ

шестнадцати, и пропѣла ему... какъ бы сказать въ родѣ комплимента?...

— А что жъ такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними: только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду». Печоринъ всталъ, поклонился ей, приложилъ руку ко лбу и сердцу, и просилъ меня отвѣчать ей; я хорошо знаю по-ихнему, и перевелъ его отвѣтъ.

— Когда она отъ насъ отошла, тогда я шепнулъ Григорью Александровичу: ну что, какова?—Прелесть! отвѣчалъ онъ; а какъ ее зовутъ?—Ее зовутъ Бѣлою, отвѣчалъ я.

— И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали къ вамъ въ душу. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, и она частенько изподлобья на него посматривала. Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ глядываться, и узналъ моего стараго знакома Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирной не то, чтобъ немирной. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что запросить, давай, — хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ себрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой

Кабардѣ — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже чѣмъ у Бѣлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣзжена — какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!..

— Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга.—«Не даромъ на немъ эта кольчуга», подумалъ я: «ужъ онъ вѣрно что нибудь замышляетъ».

— Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

— Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, посмотреть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умилно поглядывалъ, приговаривая: якши тхе, чекъ якши!

— Пробираюсь вдоль забора, и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. «О чемъ они тутъ толкуютъ?» подумалъ я: «ужъ не о моей ли лошади?» Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— «Славная у тебя лошадь! говорилъ Азаматъ: если бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!»

— А! Казбичь!—подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

— «Да», отвѣчалъ Казбичь послѣ нѣкотораго молчанія: «въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ—это было за Терекомъ—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось и мы разсыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рывина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не спустился меня искать: они вѣрно думали, что я убится до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу—смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагѣзъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновений поднимаю ихъ—и вижу, мой Карагѣзъ летитъ, раз-

вѣвая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ: а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагѣза, это былъ онъ, мой товарищъ!... Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.»

— И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названья.

— «Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, сказалъ Азаматъ, то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагѣза.»

— «Иокъ, не хочу,» отвѣчалъ равнодушно Казбичь.

— «Послушай, Казбичь, говорилъ, ласкаясь къ нему Азаматъ:—ты добрый человекъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что ты хочешь; украду для тебя у отца лучшую его винтовку, или шашку, что только пожелаешь—а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется; а кольчуга такая, какъ твоя, ни почемъ.»

— Казбичь молчалъ.

— «Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня, продолжалъ Азаматъ, когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылило: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мною; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ,

какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!» сказала Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

— Мнѣ слышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

— Въ отвѣтъ на его слезы слышалось что-то въ родѣ смѣха.

— «Послушай, сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ: видишь, я на все рѣ-

пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ— и она твоя. Неужели не стоитъ Бѣла твоего скакуна?»

— Долго, долго молчалъ Казбичъ; наконецъ, вмѣсто отвѣта, онъ затянулъ старинную пѣсню вполголоса:

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ—завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купить четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ*).

Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться, и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

— «Пооди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни».

— «Меня!» крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь и онъ ударился объ плетень такъ, что плетень зашатался. «Будетъ потѣха!» подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздаль лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный

гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ го-

*) Я прошу прошенія у читателей въ томъ, что переложилъ въ стихи пѣсню Казбича, переданную мнѣ, разумѣется, прозой; но привычка— вторая натура.

шаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь? Дождись меня завтра ночью, тамъ въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я

вора, что Казбичъ его хотѣлъ зарѣзать. Всѣ вскочили, схватились за ружья—и, пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы; только Казбичъ ужъ былъ верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой. «Плохое дѣло—въ чужомъ пиру похмѣлье», сказалъ я Григорью Александровичу, поймавъ его за руку: «не лучше ли намъ поскорѣй убраться?»

— Да погодите, чѣмъ кончится.

— Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у этихъ азятовъ все такъ: натянулись бузы—и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.

— А что Казбичъ? спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что этому народу дѣлается! отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чая—вѣдь ускользнул!

— И не раненъ? спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ! Живуци разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаешь шашкой.—Штабсъ-капитанъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ, топнувъ ногою о землю:

— Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся—такой хитрый!—а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? Разкажите пожалуйста.

— Ну, ужъ нѣчего дѣлать! началъ рассказывать, такъ надо продолжать.

— Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ Азаматъ въ крѣпость. По обыкновенію, онъ зашелъ къ Григорью Александровичу, который его всегда кормилъ лакомствами. Я былъ тутъ. Зашелъ разговоръ о лошадахъ, и Печоринъ началъ расхваливать лошадь Казбича; ужъ такая-то она рѣзвая, красивая, словно серна—ну, просто, по его словамъ, этакой и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ.

— Засверкали глазенки у татарченка, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; я заго-

ворю о другомъ, а онъ, смотришь, тотчасъ собьетъ разговоръ на лошадь Казбича. Эта исторія продолжалась всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Азаматъ. Недѣли три спустя, сталъ я замѣчать, что Азаматъ блѣднѣетъ и сохнетъ, какъ бываетъ отъ любви въ романахъ-съ. Чтò за диво?...

— Вотъ видите, я ужъ послѣ узналъ всю эту штуку: Григорій Александровичъ до того его задразнилъ, что хотъ въ воду. Разъ, онъ ему и скажи: «Вижу, Азаматъ, что тебѣ больно понравилась эта лошадь, а не видать тебѣ ея, какъ своего затылка! Ну, скажи, что бы ты далъ тому, кто тебѣ ее подарилъ бы?..»

— Все, что онъ захочетъ, отвѣчалъ Азаматъ.

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ ее достану, только съ условіемъ... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты!

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владѣть конемъ; только за него ты долженъ отдать мнѣ сестру Бѣлу: Карагѣзъ будетъ ея калымомъ. Надѣюсь, что торгъ для тебя выгоденъ. Азаматъ молчалъ.

— Не хочешь? Ну, какъ хочешь! Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ: рано тебѣ ѣздить верхомъ...

Азаматъ вспыхнулъ.

— А мой отецъ? сказалъ онъ.

— Развѣ онъ никогда не уѣзжаетъ?

— Правда...

— Согласенъ?...

— Согласенъ, прошепталъ Азаматъ, блѣдный какъ смерть.—Когда же?

— Въ первый разъ, какъ Казбичъ пріѣдетъ сюда; онъ обѣщался пригнать десятокъ барановъ; остальное—мое дѣло. Смотри же, Азаматъ!

— Вотъ они и сладили это дѣло... по правдѣ сказать, нехорошее дѣло! Я послѣ говорилъ это Печорину, да только онъ мнѣ отвѣчалъ, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имѣя такого милаго мужа, какъ онъ, потому что, по

ихнему, онъ все-таки ея мужъ, а что Казбичъ — разбойникъ, котораго надо было наказать. Сами посудите, что жъ я могъ отвѣчать противъ этого?... Но въ то время я ничего не зналъ объ ихъ заговорѣ. Вотъ, разъ пріѣхалъ Казбичъ и спрашиваетъ, не нужно ли барановъ и меда; я велѣлъ ему привести на другой день. «Азаматъ!» сказалъ Григорій Александровичъ, «завтра Карагѣзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бѣла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня...»

— Хорошо! сказалъ Азаматъ и поскакалъ въ аулъ. Вечеромъ Григорій Александровичъ вооружился и выѣхалъ изъ крѣпости; какъ они сладили это дѣло— не знаю, только ночью они оба возвратились, и часовой видѣлъ, что поперегъ сѣдла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? спросилъ я у штабсъ-капитана.

— Сейчасъ, сейчасъ. На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ; я поподчивалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а все-таки былъ моимъ кунакомъ *).

— Стали мы болтать о томъ, о семь... Вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ—и къ окну; но окно къ несчастію, выходило на задворье.— «Что съ тобой?» спросилъ я.

— Моя лошадь!... лошадь! сказалъ онъ, весь дрожа.

Точно, я услышалъ топотъ копытъ:— это, вѣрно, какой-нибудь казакъ пріѣхалъ...

— Нѣтъ! Урусъ-яманъ, яманъ! заревѣлъ онъ и опрометью бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужъ на дворѣ; у воротъ крѣпости часо-

вой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль— Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагѣзѣ; на-бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ. Съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ; потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его въ дребезги, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ... Вотъ кругомъ него собрался народъ изъ крѣпости—онъ никого не замѣчалъ; постояли, потолковали, и пошли назадъ; я велѣлъ возлѣ него положить деньги за барановъ—онъ ихъ не тронулъ, лежалъ себѣ ничкомъ, какъ мертвый. Повѣрите ли, онъ такъ пролежалъ до поздней ночи и цѣлую ночь?... Только на другое утро пришелъ въ крѣпость и сталъ просить, чтобъ ему назвали похитителя. Часовой, который, видѣлъ, какъ Азаматъ отвязалъ коня и ускакалъ на немъ, не почелъ за нужное скрывать. При этомъ имени глаза Казбича засверкали, и онъ отправился въ аулъ, гдѣ жилъ отецъ Азамата.

— Что жъ отецъ?

— Да въ томъ-то и штука, что его Казбичъ не нашелъ: онъ куда-то уѣзжалъ дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увести сестру?

— А когда отецъ возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрецъ: вѣдь смекнулъ, что не сносить ему головы, если бъ онъ попался. Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ: вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ, да и сложилъ буйную голову за Тереккомъ, или за Кубанью; туда и дорога!...

— Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Какъ я только провѣдалъ, что черкешенка у Григорья Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ за-

*) Кунакъ значить пріятель.

тылокъ; а въ другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ—только онъ притворялся, будто не слышитъ.

— Господинъ прапорщикъ! сказалъ я какъ можно строже:—развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?

— Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку? отвѣчалъ онъ, не приподнимаясь.

— Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ.

— Все равно. Не хотите ли чаю? Если бѣ вы знали, какая мучитъ меня работа!

— Я все знаю, отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

— Тѣмъ лучше: я не въ духѣ разсказывать.

— Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И, полноте! что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!...

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что нехорошо.

— Что нехорошо.

— Да то, что ты увезъ Бѣлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!... Ну, признайся, сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?...

— Ну, что прикажете отвѣчать на это... Я сталъ въ тупикъ. Однако жъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

— Все не надо!

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь.

— А какъ онъ узнаетъ?

— Я опять сталъ въ тупикъ. — «Послушайте, Максимъ Максимычъ!» сказалъ Печоринъ, приподнявшись: «вѣдь вы добрый человѣкъ—а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ, или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить, оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...»

— Да покажите мнѣ ее, сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу: она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и приучитъ ее мысли, что она моя; потому что она никому не будетъ принадлежать кромѣ меня!—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непременно должно соглашаться.

— А что? спросилъ я у Максима Максимыча: въ самомъ ли дѣлѣ онъ приучилъ ее къ себѣ, или она зачахла въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?

— Помилуйте, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости видны были тѣ же горы, что изъ аула—а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да притомъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что нибудь; первые дни она, молча, гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ, подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку!... Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ, между тѣмъ учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало по малу, она приучилась на него смотрѣть, сначала изподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни въ полголоса, такъ что, бывало, и мнѣ становилось

грустно, когда слушала ее изъ соседней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шель я мимо и заглянулъ въ окно; Бѣла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ нею. «Послушай, моя пери», говорилъ онъ: «вѣдь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею—отчего

же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого-нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу домой.» — Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой. — «Или», продолжалъ онъ, «я тебѣ совершенно ненавистенъ?» — Она вздохнула. — «Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?» — Она поблѣднѣла и молчала. — «Повѣрь мнѣ, Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего же запретить тебѣ платить мнѣ взаимностью?» — Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ будто пораженная этой новой мыслью; въ глазахъ ея выразились недоувѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

— Послушай, милая, добрая Бѣла! продолжалъ Печоринъ: ты видишь, какъ я тебя люблю; я все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить! я хочу, чтобы ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй? — Она

призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ; потомъ улыбнулась ласково и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ее руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: «поджалуста, поджалуста, не нада, не нада». Онъ сталъ настаивать; она

задрожала, заплакала. — «Я твоя плѣнница», говорила она: «твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить!» — и опять слезы.

Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему; онъ сложилъ руки прохаживался угрюмый взадъ и впередъ. «Что батюшка?» сказалъ я ему. — «Дьяволь, а не женщина!» отвѣчалъ онъ: «только я вамъ даю мое честное слово, что она будетъ моя...» Я покачалъ головою. «Хотите пари?» сказалъ онъ: «черезъ недѣлю!» — Извольте! — Мы ударили по рукамъ и разошлись.

На другой день онъ тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечестъ.

— Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ, сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки, — устоитъ ли азиатская красавица противъ такой батареи? — Вы черкешенокъ не знаете, отвѣчалъ я; это совѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки — совѣмъ не то. У нихъ свои правила; онѣ иначе воспитаны. — Григорій Александровичъ улыбнулся и сталъ на свистывать маршъ.

А вѣдь вышло, что я былъ правъ: подарки подѣйствовали только въ половину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе — да и только; такъ что онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, одѣлся по-черкешки, вооружился и пошелъ къ ней. «Бѣла!» сказалъ онъ, «ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: — прощай! оставайся полною хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу — ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказывать себя. Прощай, я ѣду — куда? почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за

пулей или ударомъ шашки; тогда вспомни обо мнѣ и прости меня.» — Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль — такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ — и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояннн былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человекъ, Богъ его знаетъ. Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала, бросилась ему на шею. — Повѣрите ли? я стоя за дверью, также заплакалъ, то есть, знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ — глупость!...

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, сказалъ онъ потомъ, теребя усы: мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

— И продолжительно было ихъ счастье? спросилъ я.

— Да, она намъ призналась, что съ того дня, какъ увидѣла Печорина, онъ часто ей грезился во снѣ, и что ни одинъ мужчина никогда не производилъ на нее такого впечатлѣннн. — Да, они были счастливы!

— Какъ это скучно! воскликнулъ я невольно. Въ самомъ дѣлѣ, я ожидалъ трагической развязки, и вдругъ такъ неожиданно обмануть мои надежды!... «Да неужели,» продолжалъ я, «отецъ не догадался, что она у васъ въ крѣпости?»

— То есть, кажется, онъ подозревалъ. Спустя нѣсколько дней, узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ какъ это случилось...

Вниманнн мое пробудилось снова.

— Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ съ согласнн отца укралъ у него лошадь, по крайней мѣрѣ

я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дожидался у дороги, версты три за ауломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; уздени его отстали—это было въ сумерки—онъ ѣхалъ задумчиво шагомъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, нырнулъ изъ-за куста, прыгъ сзади его на лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его на земь, схватилъ поводья — и былъ таковъ; нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отмстилъ, сказалъ я, чтобъ звать мнѣ моего собесѣдника.

— Конечно, по-ихнему, сказалъ штабсъ-капитанъ,—онъ былъ совершенно правъ.

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго, здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость, или невозможность его уничтоженія.

Между тѣмъ чай былъ выпить; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висящія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти; и туманы, клубясь и извиваясь какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ,

будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгаль прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извиистой дорогѣ на Гудъ-гору. Мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакъ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гудъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать: кровь поминутно прилиwała въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ—чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и вѣрно будетъ когда нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, рассказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гудъ-гору, остановились и оглянулись: на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокъ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ

чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во стократъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ раскащикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ? сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное бленіе сердца.

— Я слышалъ напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, оно и пріятно; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите, прибавилъ онъ, указывая на востокъ: что за край!

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налево гребни горъ, одинъ выше другога, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы похожія одна на другую—и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки; солнце чуть показалось изъ за темносиной горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. «Я говорилъ вамъ», воскликнулъ онъ, «что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!» закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались; взяли лошадей подъ-узды и начали спускаться; направо былъ утесъ, налево пропасть такая, что цѣлая деревушка осе-

тинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не выльзая изъ своего трясаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извозчиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ-узды со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ—а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы безпозаботиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: «И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ; вѣдь намъ не впервые!» — и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однако-жь все-таки доѣхали! И если бъ всѣ люди побольше разсуждали, то убѣдились бы, что жизнь не стоитъ того, чтобъ объ ней такъ много заботиться...

Но, можетъ быть, вы хотите знать окончаніе исторіи Бэлы?— Во-первыхъ, я пишу не повѣсть, а путевыя записки: слѣдовательно, не могу заставить штабсъ-капитана разсказывать прежде, нежели онъ началъ разсказывать въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, погодите, или, если хотите, переверните нѣсколько страницъ, только я вамъ этого не совѣтую, потому что переѣздъ черезъ Крестовую гору [или, какъ называетъ ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe] достоинъ вашего любопытства. Итакъ, мы спускались съ Гудъ-горы въ Чертову долину... Вотъ романтическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злаго духа между неприступными утесами—не тутъ-то было: названіе Чертовой долины происходитъ отъ слова «черта», а не «чортъ»—ибо здѣсь когда-то была граница Грузин. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо

Саратовъ, Тамбовъ и прочія милыя мѣста нашего отечества.

«Вотъ и Крестовая!» сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертову долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо его вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ; наши извошки объявили, что обваловъ еще не было, и сберегая лошадей, повезли насъ кругомъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу тележку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовые, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали;—налѣво зіяла глубокая расщелина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору—двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію ген. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, не смотря на

надпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. «И ты, изгнанница,» думалъ я, «плачешь о своихъ широкихъ, раздолжныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшотку желѣзной своей клѣтки.»

— Плохо! говорилъ штабсъ-капитанъ: посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ да снѣгъ; того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не переѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки—никакъ нельзя положиться.

Извошки съ крикомъ и бранью колоутили лошадей, которыя фыркали, упирались и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, не смотря на краснорѣчіе кнутовъ. «Ваше благородіе,» сказалъ наконецъ одинъ: «вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ; не прикажете ли, покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется—вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку,» прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— Знаю, братецъ, знаю безъ тебя! сказалъ штабсъ-капитанъ. Ужъ эти бестіи! рады придратъся, чтобъ сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, сказалъ я, что безъ нихъ намъ было бы хуже.

— Все такъ, все такъ, пробормоталъ онъ:—ужъ эти мнѣ проводники! чутьемъ слышать, гдѣ можно попользоваться; будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоявшаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, достигнутыхъ бурей.—Все къ лучшему, сказалъ я, присѣвъ у огня:—теперь вы мнѣ доскажите вашу исторію про Бѣлу; я увѣренъ, что этимъ не кончилось.

— А почему жъ вы такъ увѣрены? отвѣчалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, примигивая съ хитрой улыбкою.

— Оттого, что это не въ порядкѣ вещей: чтó началось необыкновеннымъ образомъ, то должно такъ же и кончиться.

— Вѣдь вы угадали...

— Очень радъ.

— Хорошо вамъ радоваться; а мнѣ такъ, право, грустно, какъ вспомню. Славная была дѣвочка, эта Бѣла. Я къ ней наконецъ такъ привыкъ, какъ къ дочери, и она меня любила. Надо вамъ сказать, что у меня нѣтъ семейства: объ отцѣ и матери я лѣтъ двѣнадцать ужъ не имѣю извѣстія, а заpastись женой не догадался раньше—такъ теперь ужъ, знаете, и не къ лицу! я и радъ былъ, что нашелъ кого баловать. Она, бывало, намъ поетъ пѣсни, иль пляшетъ лезгинку... А ужъ какъ плясала! Видаль я нашихъ губернскихъ барышень, а разъ былъ-съ и въ Москвѣ въ благородномъ собраніи, лѣтъ двадцать тому назадъ,—только куда имъ! совѣмъ не то!... Григорій Александровичъ наряжалъ ее какъ куколку, холилъ и лелѣялъ, и она у насъ такъ похорошѣла, что чудо, съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!...

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла.

— Мѣсяца четыре все шло какъ нельзя лучше. Григорій Александровичъ, я ужъ кажется говорилъ, страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подмываетъ за кабанамъ или козамъ — а тутъ хоть бы вышелъ за крѣпостной валъ. Вотъ, однако жъ, смотрю, онъ сталъ снова задумываться; ходить по комнатѣ, загнуть руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять — цѣлое утро пропадалъ; разъ и другой, все чаще и чаще... «Нехорошо,» подумалъ я: «вѣрно между ними черная кошка проскочила.»

— Одно утро захожу къ нимъ—какъ теперь передъ глазами: Бѣла сидѣла на кровати въ черномъ, шолковомъ бешметѣ, блѣдненькая, такая печальная, что я испугался.

— А гдѣ Печоринъ? спросилъ я.

— На охотѣ.

— Сегодня ушелъ?—Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

— Нѣтъ, еще вчера, наконецъ сказала она, тяжело вздохнувъ.

— Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?

— Я вчера цѣлый день думала, думала, отвѣчала она сквозь слезы; придумывала разные несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба—я княжеская дочь!...

Я сталь ее уговаривать. — Послушай, Бэла, вѣдь нельзя же ему вѣкъ сидѣть здѣсь, какъ пришитому къ твоей юбкѣ: онъ человѣкъ молодой, любитъ погоняться за дичью—походить да и придетъ; а если ты будешь грустить, то скорѣй ему скачишь.

— Правда, правда, отвѣчала она: я буду весела.—И съ хохотомъ схватила свой бубень, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было съ нею мнѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ!

Наконецъ я ей сказалъ: «хочешь, пойдемъ прогуляться на валь, погода славная!»—Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чудесный, свѣтлый и не жаркій; всѣ горы видны были какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу взадъ и впередъ молча, наконецъ она сѣла на дернъ, и я сѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить смѣшно: я бѣгалъ за нею, точно какая нибудь нянька.

— Крѣпость наша стояла на высокомъ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный: съ одной стороны широкая поляна, изрытая нѣсколькими балками, *) оканчивалась лѣсомъ, который тянулся до самаго хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымились аулы, ходили табуны; съ другой бѣжала мелкая рѣчка, и къ ней примыкалъ частый кустарникъ, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединились съ главной цѣпью Кавказа. Мы сидѣли на углу бастіона, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ смотрю: изъ лѣса выѣзжаетъ кто-то на сѣрой лошади, все ближе и ближе, и наконецъ остановился

*) Овраги.

по ту сторону рѣчки, саженьхъ во стѣ отъ насъ, и началъ кружить лошадь свою какъ бѣшенный. Что за притча!... «Посмотри-ка, Бэла, сказалъ я: у тебя глаза молодые, что это за джигитъ: кого это онъ пріѣхалъ тѣшить?..»

Она взглянула, и вскрикнула: «это Казбичъ!»

— Ахъ онъ разбойникъ! смѣяться что ли пріѣхалъ надъ нами? — Всматриваюсь, точно Казбичъ: его смуглая рожа, оборванный, грязный какъ всегда.—«Это лошадь отца моего,» сказала Бэла, схвативъ меня за руку; она дрожала какъ листъ, и глаза ея сверкали.—Ага! подумалъ я: и въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь!

— Подойди-ка сюда, сказалъ я часовому: осмотри ружье, да ссади мнѣ этого молодца—получишь рубль серебромъ.—«Слушаю, ваше высокоблагородіе; только онъ не стоитъ на мѣстѣ...» — Прикажи, сказалъ я, смѣясь.—«Эй любезный!» закричалъ часовой, махая ему рукой: «подожди маленько, что ты крутишься какъ волчокъ?»—Казбичъ остановился въ самомъ дѣлѣ и сталъ вслушиваться: вѣрно думалъ, что съ нимъ заводятъ переговоры—какъ не такъ!... Мой гренадеръ приложился... бацъ!... мимо,—только-что порохъ на полкѣ вспыхнулъ, Казбичъ толкнулъ лошадь, и она дала скачекъ въ сторону. Онъ привсталъ на стременахъ, крикнулъ что-то по-своему, погрозилъ нагайкой—и былъ таковъ.

— Какъ тебѣ не стыдно! сказалъ я часовому.

— Ваше высокоблагородіе! умирать отправился, отвѣчалъ онъ, такой проклятый народъ, съ разу не убьешь.

Четверть часа спустя, Печоринъ вернулся съ охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствіе... Даже я ужъ на него разсердился.—Помилуйте, говорилъ я: вѣдь вотъ сейчасъ тутъ былъ

за рѣчку Казбичъ и мы по немъ стрѣляли; ну, долго ли вамъ на него наткнуться? Эти горцы народъ мстительный; вы думаете, что онъ не догадывается, что вы частію помогли Азамату? А я бьюсь объ закладъ, что нынче онъ узналъ Бэлу. Я знаю, что, годъ тому назадъ, она ему больно нравилась—онъ мнѣ самъ говорилъ—и если бъ надѣялся собрать порядочный калымъ, то вѣрно бы посватался...—Тутъ Печоринъ задумался. — Да, отвѣчалъ онъ: надо быть осторожнѣе... Бэла! съ нынѣшняго дня ты не должна болѣе ходить на крѣпостной валъ.

Вечеромъ я имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе: мнѣ было досадно, что онъ перемѣнился къ этой бѣдной дѣвочкѣ; кромѣ того, что онъ половину дня проводилъ на охотѣ, его обращеніе стало холодно, ласкалъ онъ ее рѣдко, и она замѣтно начинала сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли. Бывало спросишь: о чемъ ты вздохнула, Бэла? ты печальна? «Нѣтъ.» Тебѣ чего нибудь хочется? «Нѣтъ.» Ты тоскуешь по роднымъ? «У меня нѣтъ родныхъ.» Случалось, по цѣлымъ днямъ, кромѣ «да» да «нѣтъ», отъ нея ничего больше не добьешься.

— Вотъ объ этомъ-то я и сталъ ему говорить. «Послушайте Максимъ Максимычъ», отвѣчалъ онъ: «у меня несчастный характеръ: воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ—не знаю; знаю только, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе—только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей молодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся

въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ; но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться—науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ее, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями—напрасно: черезъ мѣсяць я такъ привыкъ къ ихъ жуужанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ—и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангель, посланный мнѣ сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной такъ же надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь—только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть больше, нежели она; во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало; къ печали я также легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь—только не въ Европу, избави Боже!—поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію—авось гдѣ нибудь умру на дорогѣ. Покрайней мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе

не скоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ.»—Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ памяти, потому что въ первый разъ я слышалъ такія вещи отъ двадцатипятилѣтняго человѣка, и, Богъ дастъ, въ послѣдній... Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ: вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно—неужто тамошняя молодежь вся такова?

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что впрочемъ разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ.—Штабсъ-капитанъ не понималъ этихъ тонкостей, покачалъ головою и улынулся лукаво.

— А все, чай, французы, ввели моду скучать?

— Нѣтъ, англичане.

— Ага, вотъ что!... отвѣчалъ онъ; да вѣдь они всегда были отъявленные пьяницы!...

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барынѣ, которая утверждала, что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. Впрочемъ, замѣчаніе штабсъ-капитана было извинительнѣе: чтобъ держиваться отъ вина, онъ конечно старался увѣрять себя, что всѣ въ мірѣ несчастія происходятъ отъ пьянства.

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой рассказъ такимъ образомъ:

— Казбичъ не являлся снова. Только не знаю почему, я не могъ выбить изъ головы мысль, что онъ не даромъ пріѣзжалъ и затѣваетъ что-нибудь худое.

— Вотъ, разъ уговариваетъ меня Печоринъ ѣхать съ нимъ на кабана; я долго отпѣкивался: ну, что мнѣ былъ за дико-

винка кабанъ! Однако жъ утащилъ-таки онъ меня съ собою.—Мы взяли человѣкъ пять солдатъ и уѣхали рано утромъ. До десяти часовъ шныряли по камышамъ и по лѣсу—нѣтъ звѣря. «Эй, не воротиться ли?» говорилъ я. «Къ чему упрямитесь? Ужъ, видно, такой задался несчастный день!» Только Григорій Александровичъ, не смотря на зной и усталость, не хотѣлъ воротиться безъ добычи... Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ—подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ... Наконецъ въ полдень отыскали проклятаго кабана—пафъ! пафъ! не тутъ-то было: ушелъ въ камыши... такой ужъ былъ несчастный день!... Вотъ мы, отдохнувъ маленько, отправились домой.

— Мы ѣхали рядомъ, молча, распустивъ поводья, и были ужъ почти у самой крѣпости: только кустарникъ закрывалъ ее отъ насъ. Вдругъ выстрѣлъ... Мы взглянули другъ на друга: насъ поразило одинаковое подозрѣніе... Опрометью поскакали мы на выстрѣлъ—смотримъ: на валу солдаты собрались въ кучку и указываютъ въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Григорій Александровичъ взвизгнувъ не хуже любого чеченца; ружье изъ чехла—и туда; я за нимъ.

— Къ счастью, по причинѣ неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изъ-подъ сѣдла и съ каждымъ мгновеніемъ мы были все ближе и ближе... И наконецъ я узналъ Казбича, только не могъ разобрать, что такое онъ держалъ передъ собою. Я тогда поравнялся съ Печоринымъ и кричу ему: это Казбичъ!... Онъ посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головою, и ударилъ коня плетью.

— Вотъ наконецъ мы были ужъ отъ него на ружейный выстрѣлъ; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже нашихъ, только, не смотря на всѣ его старанія, она не больно подавалась впе-

редь. Я думаю, въ эту минуту онъ вспомнилъ своего Карагёза...

— Смотрю: Печоринъ на скаку приложился изъ ружья... «Не стрѣляйте!» кричу я ему: «берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ.»—Ужъ эта молодежь! вѣчно не кстати горячится... Но выстрѣлъ раздался и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сдѣлала еще прыжковъ десять, споткнулась и упала на колѣни. Казбичъ соскочилъ, и тогда мы увидѣли, что онъ держалъ на рукахъ своихъ женщину, окутанную чадрую... Это была Бѣла... бѣдная Бѣла!—Онъ что-то намъ закричалъ по-своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего: я выстрѣлилъ въ свою очередь, на-удачу; вѣрно пуля попала ему въ плечо, потому что вдругъ онъ опустилъ руку. Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бѣла; а Казбичъ, бросивъ ружье, по кустарникамъ, точно кошка, карабкался на утесъ. Хотѣлось мнѣ его снять оттуда—да не было заряда готоваго! Мы соскочили съ лошадей и кинулись къ Бѣлѣ. Бѣдняжка, она лежала неподвижно и кровь лилась изъ раны ручьями... Такой злодѣй: хотъ бы въ сердце ударилъ—ну, такъ ужъ и быть, однимъ разомъ все бы кончилъ, а то въ спину... самый разбойничій ударъ! Она была безъ памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану какъ можно туже. Напрасно Печоринъ цѣловалъ ея холодныя губы—ничто не могло привести ее въ себя.

— Печоринъ сѣлъ верхомъ; я поднялъ ее съ земли и кое-какъ посадилъ къ нему на сѣдло; онъ обхватилъ ее рукой, и мы поѣхали назадъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Григорій Александровичъ сказалъ мнѣ: «слушайте, Максимъ Максимычъ, мы этакъ ее не доведемъ живую.»—«Правда!» сказалъ я, и мы пустили лошадей во весь духъ. —Насъ у воротъ крѣпости ожидала толпа народа. Осторожно перенесли мы раненую къ Печо-

рину и послали за лекаремъ. Онъ былъ хотя пьянъ, но пришелъ, осмотрѣлъ рану и объявилъ, что она больше дня жить не можетъ; только онъ ошибся...

— Выздоровѣла? спросилъ я у штабсъ-капитана, схвативъ его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ:—а ошибся лекарь тѣмъ, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мнѣ, какимъ образомъ ее похитилъ Казбичъ?

— А вотъ какъ: не смотря на запрещеніе Печорина, она вышла изъ крѣпости къ рѣчкѣ. Было, знаете, очень жарко; она сѣла на камень и опустила ноги въ воду. Вотъ Казбичъ подкрался—цапъ-царапъ ее, зажалъ ротъ и потащилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня, да и тягу! Она, между тѣмъ, успѣла закричать; часовые всполошились, выстрѣлили, да мимо, а мы тутъ и подоспѣли.

— Да зачѣмъ Казбичъ ее хотѣлъ увести?

— Помилуйте! да эти черкесы извѣстный воровской народъ: что плохо лежитъ, не могутъ не стянуть; другое и не нужно, а все украдегъ... ужъ въ этомъ прошу ихъ извинить! Да притомъ она ему давно таки нравилась.

— И Бѣла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза,—начала звать Печорина.—«Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка!» [то-есть, по-нашему душенька], отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.—Я умру! сказала она.

— Мы начали ее утѣшать; говорили, что лекарь обѣщалъ ее вылечить непременно. Она покачала головкой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

— Ночью она начала бредить; голова ея горѣла; по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки. Она говорила не-

связныя рѣчи объ отцѣ, братѣ; ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ; давала ему разныя нѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою — не знаю; что до меня, то я ничего жалче этого не видывалъ.

— Къ утру бредъ прошелъ; съ часъ она лежала неподвижная, блѣдная, и въ такой слабости, что едва можно было замѣтить, что она дышетъ; потомъ ей стало лучше, и она начала говорить, только, какъ вы думаете, о чемъ?... Этакая мысль придетъ вѣдь только умирающему!... Начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Григорья Александровича, и что иная женщина будетъ въ раю его подругой. Мнѣ пришло на мысль окрестить ее передъ смертію: я ей это предложилъ; она посмотрѣла на меня въ нерѣшимости и долго не могла слова вымолвить; наконецъ отвѣчала, что она умретъ въ той вѣрѣ, въ какой родилась. Такъ прошелъ цѣлый день. Какъ она перемѣнилась въ этотъ день! Блѣдныя щеки впали, глаза сдѣлались большіе, большіе; губы горѣли. Она чувствовала внутренній жаръ, какъ будто въ груди уней лежало раскаленное желѣзо.

— Настала другая ночь: мы не смыкали глазъ, не отходили отъ ея постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только-что боль начинала утихать, она старалась увѣрить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, цѣловала его руку, не выпускала ее изъ своихъ. Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту

успокоилась и начала просить Печорина, чтобъ онъ ее поцѣловалъ. Онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати, приподнялъ ея голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодѣющимъ губамъ: она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу... Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, чтобы съ ней стало, еслибъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно...

— Половину слѣдующаго дня она была тиха, молчалива и послушна, какъ ни мучилъ ее нашъ лекаръ припарками и микстурой.— Помилуйте!— говорилъ я ему:— вѣдь вы сами сказали, что она умретъ непременно, такъ зачѣмъ тутъ всѣ ваши препараты? «Все-таки лучше Максимъ Максимычъ,— отвѣчалъ онъ,— чтобъ совѣсть была покойна.» Хороша совѣсть!

— Послѣ полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворѣ было жарче, чѣмъ въ комнатѣ; поставили льду около кровати—ничего не помогало. Я зналъ, что эта невыносимая жажда—признакъ приближенія конца, и сказалъ это Печорину.

— Воды, воды!... говорила она хриплымъ голосомъ, приподнявшись съ постели.

— Онъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву—не помню какую... Да, батюшка, видаль я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то, совѣмъ не то!... Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертію ни разу не вспомнила обо мнѣ; а кажется я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!... И вправду молвить: что жъ я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертію?...

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она

скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!...

Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно: я бы, на его мѣстѣ, умеръ съ горя. Наконецъ онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха... Я пошелъ заказывать гробъ.

— Признаться, я частію для развлеченія занялся этимъ. У меня былъ кусокъ термаламы, я обиль ею гробъ и украсилъ его черкесскими серебряными галунами, которыхъ Григорій Александровичъ купилъ для нея же.

— На другой день рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилки теперь разрослись кусты бѣлой акашіи и бузины. Я хотѣлъ-было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка....

— А что Печоринъ? спросилъ я.

— Печоринъ былъ долго нездоровъ, исхудалъ, бѣдняжка; только никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Бэлѣ; я видѣлъ, что это ему будетъ неприятно, такъ зачѣмъ же?—Мѣсяца три спустя, его назначили въ Е—й полкъ, и онъ уѣхалъ въ Грузію. Мы съ тѣхъ поръ не встрѣчались... Да, помнится, кто-то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію, но въ приказахъ по корпусу не было. Впрочемъ, до нашего брата вѣсти поздно доходятъ.

Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацію о томъ, какъ неприятно узнавать новости годомъ позже—вѣроятно для

того, чтобъ заглушить печальныя воспоминанія.

Я не перебивалъ его и не слушалъ.

Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завелъ разговоръ о Бэлѣ и о Печоринѣ.

— А не слыхали ли вы, что сдѣлалось съ Казбичемъ? спросилъ я.

— Съ Казбичемъ? А, право, не знаю... Слышалъ я, что на правомъ флангѣ у шапсуговъ есть какой-то Казбичъ, удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами и превѣжливо раскланивается, когда пуля прожужжитъ близко; да врядъ ли это тотъ самый!...

Въ Коби мы разстались съ Максимомъ Максимычемъ; я поѣхалъ на почтовыхъ, а онъ по причинѣ тяжелой поклажи не могъ за мной слѣдовать. Мы не надѣялись никогда болѣе встрѣтиться, однако встрѣтились, и, если хотите, я расскажу: это цѣлая исторія... Сознайтесь, однако жъ, что Максимъ Максимычъ человѣкъ достойный уваженія?... Если вы сознаетесь въ этомъ, то я вполне буду вознагражденъ за свой, можетъ быть, слишкомъ длинный рассказъ.

II.

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ.

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описанія горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не выражаютъ, отъ картинъ, которыя ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостинницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе, и гдѣ между тѣмъ некому велѣтъ зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толка нельзя добиться.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо «оказія» изъ Екатеринограда еще не пришла и слѣдовательно отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!... Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я для развлеченія вздумалъ записывать рассказъ Максима Максимыча о Бѣлѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звеномъ длинной цѣпи повѣстей; видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокия послѣдствія!... А вы можетъ быть не знаете что такое «оказія»? Это—прикрытіе, состоящее изъ полроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы чрезъ Кабарду изъ Владикавказа въ Екатериноградъ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой, рано утромъ вѣзжаетъ на дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ!... Мы встрѣтились какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату; онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!...

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его огуречнымъ разсолонь, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухояденіи. Буылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись—я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?... Онъ ужъ рассказалъ мнѣ о себѣ все, что было заниматель-

наго, а мнѣ было нечего рассказывать. Я смотрѣлъ въ окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькали изъ-за деревьевъ, а дальше синѣлись зубчатою стѣною горы и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой архирейской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался: мнѣ стало ихъ жалко...

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ раздался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извозчиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами вѣхало на дворъ гостинницы и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное устройство и щегольской видъ имѣли какой-то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина—нѣчто вродѣ русскаго Фигаро.—«Скажи, любезный, закричалъ я ему въ окно, что это—оказія пришла, что ли?»—Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстухъ и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него, что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно.—«Слава Богу!» сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время. «Экая чудная коляска!» прибавилъ онъ: «вѣрно какой нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно не знаетъ нашихъ горокъ! Нѣтъ, шутишь, любезный: онъ не свой братъ, растрясуть хоть англійскую!—А кто бы это такое былъ—подойдемте-ка узнать...» Мы вышли въ корридоръ. Въ концѣ корридора была отворена дверь въ боковую комнату.

Лакей съ извощикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

— Послушай, братецъ, спросилъ у него штабсъ-капитанъ: чья эта чудесная коляска?... а?... Прекрасная коляска!... Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что-то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычъ разсердился: онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ: я тебѣ говорю, любезный...

— Чья коляска?... Моего господина...

— А кто твой господинъ?

— Печоринъ...

— Что ты? что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой!... да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?... воскликнулъ Максимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него въ глазахъ сверкала радость.

— Служилъ кажется—да я у нихъ недавно.

— Ну, такъ!.. такъ!.. Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели, прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...

— Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете, сказалъ тотъ нахмурившись.

— Экой ты, братецъ!... да знаешь ли, мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ?... Да гдѣ жъ онъ самъ остался?...

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н....

— Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда? сказалъ Максимъ Максимычъ: или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему зачѣмънибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

— Вѣдь сейчасъ прибѣжить!... сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ тор-

жествующимъ видомъ: пойду за ворота его дожидаться... Эхъ жалко, что я незнакомъ съ Н...

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Печорина; хотя, по разсказу штабсъ-капитана, я составилъ себѣ о немъ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ. «Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю?» закричалъ я ему въ окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно!—Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— А вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку—да я все ждалъ. Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да видно чтонибудь задержало!

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчало небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ, и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе—онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы покойно, если бъ, уже очень поздно, Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбу-

диль меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

— Не клопы ли васъ кусаютъ? спросилъ я.

— Да, клопы... отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

редь воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кипѣлъ народомъ, потому что было воскресенье: босые мальчишки-осетины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ: мнѣ было не до нихъ—я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. «Мнѣ надо сходить къ коменданту», сказалъ онъ: «такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной...»

Я обѣщался. Онъ побѣждалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; пе-

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н..., который, доведя его до гостиницы, простился съ нимъ и повернулъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ инвалида за Максимомъ Максимычемъ.

На встрѣчу Печорина вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать; подаль ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ

на скамью по другую сторону воротъ. Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и перемѣны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучокъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно-чистое бѣлье, избличавшее привычки порядочнаго человѣка; его запачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его блѣдныхъ пальцевъ. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденияхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изобразило какую-то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Балзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лицо его, я бы не далъ ему болѣе двадцати трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбка было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный, благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначававшихся гораздо явственнѣе въ мину-

ты гнѣва, или душевнаго безпокойства. Не смотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черныя—признакъ породы въ человѣкѣ, такъ какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобъ докончить портретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза; о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ.

Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся.—Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?... Это признакъ или злаго нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъза полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, если бъ не былъ столь равнодушно-спокоенъ. Всѣ эти замѣчанія пришли мнѣ на умъ, можетъ быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ быть, на другаго видъ его произвелъ бы совершенно различное впечатлѣніе; но такъ какъ вы о немъ не услышите ни отъ кого, кромѣ меня, то по неволѣ должны довольствоваться этимъ изображеніемъ. Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень недуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физиономій, которыя особенно нравятся женщинамъ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастью, Печоринъ былъ по-

груженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему. «Если вы захотите еще немного подождать», сказалъ я, «то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріателемъ...»

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ?— Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгушаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ пріятливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете? скажите Печоринъ.

— А... ты?... а вы?... пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ: сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?...

— Бду въ Персію—и дальше...

— Неужто сейчасъ?... Да подождите дражайшій!... Неужто сейчасъ разстанемся?... Сколько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ,— былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить.. Ну, что? въ отставку?... какъ?... что подѣлывали?...

— Скучалъ! отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?... Славная страна для охоты!... Въдъ вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бѣла?...

Дутовский 90.

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрямить остаться съ нимъ еще часа два. «Мы славно пообѣдаемъ», говорилъ онъ: «у меня есть два фазана; а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ расскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?»

— Право, мнѣ нечего рассказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. «Забытъ!» проворчалъ онъ: «я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...

— Ну, полно, полно! сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески: неужели я не тотъ же? Что дѣлать?... всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!... Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ и ящикъ ужъ началъ подбирать возжи.

— Постой, постой! закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски:—совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что съ ними дѣлать?...

— Что хотите! отвѣчалъ Печоринъ.— Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?... кричалъ въ слѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли! да и не зачѣмъ!

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а блѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

«Да», сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ; «конечно, мы были пріятели—ну, да что пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!... Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!... сколько поклажи!... и лакей такой гордый!...» Эти слова были произнесены съ иронической улыбкой. «Скажите, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ: ну, что вы объ этомъ думаете?... ну, какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?... Смѣшно, ей-Богу, смѣшно!... Да я всегда зналъ, что онъ вѣтренный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе!... Ужъ я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ!...» Тутъ онъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максимъ Максимычъ, сказалъ я, подошедши къ нему, а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ.

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки...

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ

его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко...

— Вотъ онѣ всѣ, сказалъ онъ; поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хотя въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что, я развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду; у него былъ какой-то принужденный, холодный видъ.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ,

а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи...

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно, сказалъ онъ, заминаясь, да его дома не было... а я не дождался.

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ роду, можетъ быть, бросилъ дѣла службы для собственной надобности, говоря языкомъ бумажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль, сказалъ я ему, очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... Вы молодежь свѣтская, гордая; еще покамѣсть подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастья и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ. И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности, или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею. Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда предъ нимъ отдергивается розовый флёръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе преходящими, но за то не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимыча? По неволѣ сердце очерствѣетъ и душа закроется...

Я уѣхалъ одинъ.

ЖУРНАЛЬ ПЕЧОРИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно я узналъ, что Печоринъ возвращаясь изъ Персіи, умеръ. Это извѣстіе меня очень обрадовало: оно давало мнѣ право печатать эти записки, и я воспользовался случаемъ поставить свое имя надъ чужимъ произведеніемъ. Дай Богъ, чтобъ читатели меня не наказали за такой невинный подлогъ!

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому; но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ, слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною

дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ его головою градомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Перечитывая эти записки, я убѣдился въ искренности того, кто такъ беспощадно выставлялъ наружу собственныя слабости и пороки. Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она—слѣдствіе наблюдений ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ.

Итакъ, одно желаніе пользы заставило меня напечатать отрывки изъ журнала, доставшагося мнѣ случайно. Хотя я перемѣнилъ всѣ собственныя имена, но тѣ, о которыхъ въ немъ говорится, вѣроятно, себя узнаютъ и, можетъ быть, они найдутъ оправданія поступкамъ, въ которыхъ до сей поры обвиняли человѣка, уже не имѣющаго отнынѣ ничего общаго съ здѣшнимъ міромъ: мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ.

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда нибудь и она явится на судъ свѣта; но теперь я не смѣю взять на себя эту отвѣтственность по многимъ важнымъ причинамъ.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. «Да это злая иронія!» скажутъ они.—Не знаю.

I.

Тамань — самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще въ добавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной тележкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при вѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ съ просонья дикимъ голосомъ: «кто идетъ?» Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности, и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ—занята. Было холодно: я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться.—Веди меня куда-нибудь, разбойникъ! хоть къ чорту, только къ мѣсту! закричалъ я.—«Есть еще одна фатера», отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ, «только вашему благородію не понравится: тамъ нечисто!» Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему идти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одни только вет-

хіе заборы, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышку и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла, избогачась, другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ непрерывнымъ ропотомъ плескались темносинія волны. Луна тихо смотрѣла на безпкойную, но покорную ей сти-

хію, и я могъ различить при свѣтѣ ея, далеко отъ берега, два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисовались на блѣдной чертѣ небосклона. «Суда въ пристани есть, подумалъ я: завтра отправлюсь въ Геленджикъ.»

При мнѣ исправлялъ должность деньщика линейскій казакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и отпустить извозчика, я сталъ звать хозяина—молчать; стучу—молчать... что это? Наконецъ изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

— «Гдѣ хозяинъ?»—Не-ма.— «Какъ совсѣмъ нѣтъ?»—Совсимъ.— «А хозяйка?»—Побигла въ слободку.— «Кто же мнѣ отпереть дверь?» сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ передо мною неподвижно и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между

наружностью человека и его душою; как будто, съ потерю члена, душа теряет какое нибудь чувство.

И такъ, я началъ разсматривать лицо слѣпаго; но что прикажете прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ?... Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣніемъ, какъ вдругъ едва примѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его и, не знаю отчего, она произвела на меня самое неприятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ оно кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣлмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать? — я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

— «Ты хозяйскій сынъ?» спросилъ я его наконецъ. — Ни. — «Кто же ты?» — Сирота убогій. — «А у хозяйки есть дѣти?» — Ни; была дочь, да утикла за море съ татаринѣмъ. — «Съ какимъ татаринѣмъ?» — А бисъ его знаетъ! крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи.

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ, да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мебель. На стѣнѣ ни одного образа — дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ, и, засвѣтивъ его, сталъ раскладывать вещи, поставилъ въ уголокъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, казакъ свою на другой; черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть: передо мной во мракѣ все вертѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно; кто-то вторично пробѣжалъ мимо его и скрылся. Богъ знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало

по отвѣсу берега; однако иначе ему некуда было дѣваться. Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо-тихо вышелъ изъ хаты; на встрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осторожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой-то узелъ и, повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ. «Въ тотъ день нѣмые возопіютъ и слѣпые прозрятъ», подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстояніи, чтобъ не терять его изъ вида.

Между тѣмъ луна начала одѣваться туманами и на морѣ поднялся туманъ; едва сквозь него свѣтился фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозившихъ его топить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу: слѣпой пріостановился, потомъ повернулъ низомъ направо; онъ шель такъ близко отъ воды, что, казалось, сейчасъ волна его схватитъ и унесетъ; но, видно это была не первая его прогулка, судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рывинъ. Наконецъ онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему-то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдававшуюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ, съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

— Что, слѣпой? сказалъ женскій голосъ: — буря сильна; Янко не будетъ. — Янко не боится бури, отвѣчалъ тотъ. — Туманъ густѣетъ, возразилъ опять женскій голосъ, съ выраженіемъ печали.

— Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ, былъ отвѣтъ. — А если онъ утонетъ? — Ну, что жъ? въ воскресенье ты пойдешь въ церковь безъ новой ленты.

Послѣдовало молчаніе; меня, однако, поразило одно: слѣпой говорилъ со мной малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по русски.

— Видишь, я правъ, сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши:—Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана, ни береговыхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь—это его длинныя весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

— Ты бредишь, слѣпой! сказала она: я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдаль что-нибудь на подобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять; и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка. «Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься черезъ проливъ на разстояніе двадцати верстъ, и важная должна быть причина, его къ тому побудившая». Думая такъ, я съ невольнымъ біеніемъ сердца, глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла, и потомъ быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны; и вотъ, я думалъ, она ударится съ размаха объ берегъ и разлетится въ дребезги; но она ловко повернулась бокомъ и вскочила въ маленькую бухту невредима. Изъ нея вышелъ чловѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою—и всѣ трое принялись вытаскивать что-то изъ лодки; грузъ былъ такъ великъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти

странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидѣлъ меня совсѣмъ одѣтаго; я ему, однако жъ, не сказалъ причины. Полюбовавшись нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣтся маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобъ узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Геленджикъ.

Но—увы! комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго. Суда, стоящія въ пристани, были всѣ или сторожевыя, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться.—«Можетъ быть, дня черезъ три, четыре прійдетъ почтовое судно, сказалъ комендантъ:—и тогда мы увидимъ». Я вернулся домой угрюмъ и сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ казакъ мой съ испуганнымъ лицомъ.

— Плохо ваше благородіе! сказалъ онъ мнѣ.

— Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ!

Тутъ онъ еще больше встревожился и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ шопотомъ:—здѣсь нечисто! я встрѣтилъ сегодня черноморскаго урядника; онъ мнѣ знакомъ—былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ: здѣсь, братъ, нечисто, люди недобрые!... Да и въ самомъ дѣлѣ, что это за слѣпой... ходитъ вездѣ одинъ, и на базаръ за хлѣбомъ и за водой... ужъ, видно здѣсь къ этому привыкли.

— Да чтожъ? покрайней мѣрѣ, показала ли хозяйка?...

— Сегодня безъ васъ пришла старуха и съ ней дочь.

— Какая дочь? у нея нѣтъ дочери.—А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вонъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ.

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью и подкладывалъ въ огонь хворостъ. «Ну-ка, слѣпой чертенокъ сказалъ я, взявъ его за ухо: — говори, куда ты ночью таскался съ узломъ—а?» Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, заохалъ: куда я ходивъ?... никуда не ходивъ... съ узломъ?... якимъ узломъ? — Старуха на этотъ разъ услышала и стала ворчать: «Вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! За что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?» Мнѣ это надоѣло и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая въ даль; передо мною тянулось ночью бурей взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный ропоту засыпающаго города, напомнилъ мнѣ старые годы, перенесъ мои мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаніями, я забылся... Такъ прошло около часа; можетъ быть и болѣе... Вдругъ что-то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ—но откуда?... Прислушиваюсь: напѣвъ стройный—то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь—никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова—звуки какъ будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ

солнца, она пристально всматривалась въ даль, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова.

Какъ по вольной волюшкѣ—
По зелену морю,
Ходятъ все кораблики
Бѣлопарусники.

Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка
Лодка не снащенная
Двухвесельная.

Буря ль разыграется—
Старые кораблики
Приподнимутъ крылышки,
По морю размечутся.

Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Ужъ не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:

Везетъ моя лодочка
Вещи драгоцѣнные,
Править ею въ темну ночь
Буйная головушка».

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять въ припрыжку моя ундина; поровнявшись со мной, остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ будто удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣнье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея съ бойкою пронизательностію останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякій разъ они какъ будто бы ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣгала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно, я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжденія также и на счетъ красоты. Въ ней было много породы... порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло: это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порода, а не юная Франція, большею частью избличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно ность очень много значить. Правильный ность въ Россіи рѣже маленькой ножки. Моей пѣвунѣ казалось не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенно, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный ность—все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея

косвенныхъ взглядахъ я читалъ что-то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное, но такова сила предубѣждений: правильный ность свелъ меня съ ума; я вообразилъ, что нашелъ Гётеву Миньйону—это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія; и точно, между ими было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни...!

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дверяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

— Скажи-ка мнѣ, красавица, спросилъ я:—что ты дѣлала сегодня на кровлѣ?—А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ.—Зачѣмъ тебѣ?—Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье.—Что же? развѣ ты пѣснею зывала счастье?—Гдѣ поется, тамъ и счастливится.—А какъ неравно напоешь себѣ горе?—Ну, что жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа добра опять не далеко.—Кто жъ тебя выучилъ эту пѣсню?—Никто не выучилъ; вздумается—запою; кому услышать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ.—А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья?—Кто крестилъ, тотъ знаетъ.—А кто крестилъ?—Почему я знаю.—Экая скрытная! А вотъ я кое-что про тебя узналъ [она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевелинула губами, какъ будто не объ ней дѣло] .Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ.—И тутъ я очень важно пересказалъ ей все, что видѣлъ, думая смутить ее; нимало! Она захохотала во все горло.—Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ.—А если бѣ я, напри- мѣръ, вздумалъ донести коменданту?—и тутъ я сдѣлалъ очень серьезную, даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула, запѣла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Послѣднія слова мои

были вовсе не у мѣста; я тогда не подозревалъ ихъ важности, но впослѣдствіи мнѣ случай въ нихъ раскаяться.

Только что смерклось, я велѣлъ казаку нагрѣть чайникъ по походному, засвѣтилъ свѣчу и сѣлъ у стола, покуривая изъ дорожной трубки. Ужъ я доканчивалъ второй стаканъ чая, какъ вдругъ дверь скрипнула, легкій шорохъ платья и шаговъ послышался за мной; я вздрогнулъ и обернулся—то была она, моя ундина. Она сѣла противъ меня тихо и безмолвно, и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этотъ взоръ показался мнѣ чудно нѣженъ; онъ мнѣ напомнилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые въ старыя годы такъ самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчалъ, полный неизъяснимаго смущенія. Лицо ея было покрыто тусклою блѣдностью, изобличавшей волненіе душевное; рука ея безъ цѣли бродила по столу, и я замѣтилъ въ ней легкій трепетъ; грудь ея то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханіе. Эта комедія начинала мнѣ надоедать, и я готовъ былъ прервать молчаніе самымъ прозаическимъ образомъ, то есть предложить ей стаканъ чая, какъ вдругъ она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцѣлуй прозвучалъ на губахъ моихъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, я сжалъ ее въ моихъ объятіяхъ со всею силою юношеской страсти, но она, какъ змѣя, скользнула между моими руками, шепнувъ на ухо: «нынче ночью, какъ всѣ уснутъ, выходи на берегъ», и стрѣлою выскочила изъ комнаты. Въ снѣгахъ она опрокинула чайникъ и свѣчу, стоявшую на полу. «Экой бѣсъ-дѣвка!» закричалъ казакъ, расположившійся на соломѣ и мечтавшій согрѣться остатками чая. Только тутъ я опомнился.

Часа черезъ два, когда все на пристани умолкло, я разбудилъ своего казака. «Если

я выстрѣлю изъ пистолета, сказалъ я ему, то бѣги на берегъ». Онъ выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ: «слушаю, ваше благородіе». Я заткнулъ за поясъ пистолетъ и вышелъ. Она дожидалась меня на краю спуска; ея одежда была болѣе нежели легкая, небольшой платокъ опоясывалъ ея гибкій станъ.

— Идите за мной! сказала она, взявъ меня за руку, и мы стали спускаться. Не понимаю, какъ я не сломилъ себѣ шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дорогѣ, гдѣ наканунѣ я слѣдовалъ за слѣпымъ. Мѣсяцъ еще не вставалъ и только двѣ звѣздочки, какъ два спасительные маяка, сверкали на темносинемъ сводѣ. Тяжелыя волны мѣрно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную къ берегу. «Войдемъ въ лодку», сказала моя спутница. Я колебался—я не охотникъ до сантиментальныхъ прогулокъ по морю; но отступать было не время. Она прыгнула въ лодку, я за ней, и не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ. «Что это значитъ?» сказалъ я сердито.—«Это значитъ, отвѣчала она, сажая меня на скамью и обвивъ мой станъ руками:—это значитъ, что я тебя люблю...» И щека ея прижалась къ моей, и я почувствовалъ на лицѣ моемъ ея пламенное дыханіе. Вдругъ что-то шумно упало въ воду; я хватъ за поясъ—пистолета нѣтъ. О, тутъ ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу, кровь хлынула мнѣ въ голову! Оглядываюсь—мы отъ берега около пятидесяти сажень, а я не умѣю плавать! Хочу оттолкнуть ее отъ себя—она, какъ кошка, вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка качалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы, но я скоро замѣтилъ, что уступаю моему противнику въ ловкости... «Чего ты хочешь!» закричалъ

я, крѣпко сжавъ ея маленькія руки; пальцы ея хрустѣли, но она не вскрикнула: ея змѣиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видѣлъ, отвѣчала она: ты до-несешь! и сверхъестественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ; мы оба по поясь свѣсились изъ лодки; ея волосы касались воды; минута была рѣшительная. Я уперся колѣнкою въ дно, схватилъ ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросилъ ее въ волны.

Было уже довольно темно; голова ее мелькнула раза два среди морской пѣны, и больше я ничего не видалъ...

На днѣ лодки я нашелъ половину стараго весла, и кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, причалилъ къ пристани. Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ накануне слѣпой дожидался ночнаго пловца. Луна уже катилась по небу и мнѣ показалось, что кто-то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку. Она выжимала морскую пѣну изъ длинныхъ волосъ своихъ; мокрая рубашка обрисовывала гибкій станъ ея и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка: быстро приблизилась она; изъ нея, какъ накануне, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но остриженъ онъ былъ показавши, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ. «Янко, сказала она: все пропало!» Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслушать.—А гдѣ же слѣпой? сказалъ наконецъ Янко, возвыся голосъ. «Я его послала», былъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

— Послушай, слѣпой! сказалъ Янко:— ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... скажи [имени я не разслушалъ], что я ему больше не слуга; дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперъ опасно; поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такого удалца не найти. Да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко бы его не покинулъ; а мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ и море шумитъ!—Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ: она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться; а старухѣ скажи, что, дескать, пора умирать, зажи-лась, надо знать и честь. Насъ же больше не увидитъ.

— А я? сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ.

— На что мнѣ тебя? былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ моя ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукою; онъ что-то положилъ слѣпому въ руку, примолвивъ: «На, купи себѣ пряниковъ».—Только? сказалъ слѣпой. «Ну, вотъ тебѣ еще»—и упавшая монета зазвенѣла, ударясь о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣпой все сидѣлъ на берегу, и вотъ мнѣ послышалось что-то похожее на рыданіе: слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ честныхъ контрабандистовъ? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну!

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догоравшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ,

взялъ свѣчу и вошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, пашка съ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ—подарокъ пріятеля, все исчезло. Тутъ-то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ казака довольно невѣжливымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а восемнадцатилѣтняя дѣвушка чуть-чуть не утопила? Слава Богу, поутру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что случилось съ старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ—не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ, мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!...

II.

КНЯЖНА МЕРИ.

11-го мая.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ полисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешень смотрятъ мнѣ въ окно и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бѣшту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури»; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣтъ веселѣе: внизу передо мною пестрѣтъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, — а тамъ дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе,

а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо синѣ—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

Спустился въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно поднимающихся въ гору; то были большею частію семейства степныхъ помѣщиковъ: объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у нихъ вся водяная молодежь была уже на перечетѣ, потому что они на меня посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ: петербургскій покрой сюртука ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро, узнавъ армейскіе эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись.

Жены мѣстныхъ властей, такъ сказать хозяйки водъ, были благосклоннѣе: у нихъ есть лорнеты; онѣ менѣе обращаютъ вниманія на мундиръ; онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерованной пуговицей пылкое сердце, и подъ бѣлой фуражкой образованный умъ. Эти дамы очень милы, и долго милы! Всякій годъ ихъ обожатели смѣняются новыми, и въ этомъ-то, можетъ быть, секретъ ихъ неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинкѣ къ Елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ людей между чающими движенія воды. Они пьютъ — однако не воду, гуляютъ

мало, волочатся только мимоходомъ: они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ колодезь кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы; статскіе носятъ свѣтло-голубые галстуки, военные выпускаютъ изъ-за воротника брыжжи. Они исповѣдываютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостининыхъ, куда ихъ не пускаютъ.

Наконецъ вотъ и колодезь... На площадкѣ, близъ него, построены домикъ съ красной кровлей надъ ванной, а подальше галерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли—блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходило взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія воды. Между ими были два-три хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порой пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку, или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построены павильонъ, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ; между ими были два губернера съ своими воспитанниками, пріѣхавшими лечиться отъ золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы, и, прислонясь къ углу домика, сталъ разсматривать живописную окрестность, какъ вдругъ слышу за собой знакомый голосъ:

— Печоринъ! давно ли здѣсь?

Оборачиваюсь: Грушницкій! Мы обнялись. Я познакомился съ нимъ въ дѣйствующемъ отрядѣ. Онъ былъ раненъ пулей въ ногу и поѣхалъ на воды, съ недѣлю прежде меня.

Грушницкій—юнкеръ. Онъ только годъ въ службѣ; носить, по особенному роду

франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгіевскій солдатскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смугль и черно-волосъ; ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правую опирается на костыль. Говоритъ онъ скоро и вычурно; онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовые пышные фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. Производитъ эффектъ—ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами; иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ вась словами, какъ скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ вась не слушаетъ. Только-что вы остановитесь, онъ начинаетъ длинную тираду, по видимому имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая въ самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи.

Онъ довольно остеръ, эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль—сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо не созданное для міра, обреченное какимъ-то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого онъ такъ гордо носить свою толстую солдатскую шинель. Я его

понялъ, и онъ за это меня не любитъ, хотя мы наружно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ махаетъ пашкой, кричитъ и бросается впередъ, зажмуря глаза. Это что-то не русская храбрость!...

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда нибудь съ нимъ столкнемся на узкой дорогѣ — и одному изъ насъ не сдобровать.

Пріѣздъ его на Кавказъ — также слѣдствіе его романтическаго фанатизма. Я увѣренъ, что наканунѣ отъѣзда изъ отцовской деревни, онъ говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой нибудь хорошенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто, служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, вѣрно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ: «нѣтъ, вы [или ты] этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да къ чему? Что я для васъ? Поймете ли вы меня?..» и такъ далѣе.

Онъ мнѣ самъ говорилъ, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчною тайною между имъ и небесами.

Впрочемъ, въ тѣ минуты, когда сбрасываетъ трагическую мантию, Грушницкій довольно милъ и забавенъ. Мнѣ любопытно видѣть его съ женщинами: тутъ-то, я думаю, старается!

Мы встрѣтились старыми пріятелями. Я началъ его спрашивать объ образѣ жизни на водахъ и о примѣчательныхъ лицахъ.

— Мы ведемъ жизнь довольно прозаическую, сказалъ онъ, вздохнувъ: пьющіе утромъ воду — вялы, какъ всѣ больные, а пьющіе вино повечеру — несносны, какъ всѣ здоровые. Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно ужасно говорятъ по-французски! Нынѣшній годъ изъ Москвы одна только княги-

ня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ. Моя солдатская шинель — какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело какъ милостыня.

Въ эту минуту прошли къ колодцу мимо насъ двѣ дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Ихъ лица за шляпками я не разглядѣлъ, но онѣ одѣты были по строгимъ правиламъ лучшаго вкуса: ничего лишняго. На второй было закрытое платье *gris de perles*, легкая шолковая косынка висала вокругъ ея гибкой шеи. Ботинки *couleur rose* стягивали у щиколки ея сухошавую ножку такъ мило, что даже непосвященный въ таинства красоты непремѣнно бы ахнулъ, хотя отъ удивленія. Ея легкая, но благородная походка имѣла въ себѣ что-то дѣвственное, ускользящее отъ опредѣленія, но понятное взору. Когда она прошла мимо насъ, отъ нея повѣяло тѣмъ неизъяснимымъ ароматомъ, которымъ дышетъ иногда записка милой женщины.

— Вотъ княгиня Лиговская, сказалъ Грушницкій: и съ нею дочь ея Мери, какъ она ее называетъ на англійскій манеръ. Онѣ здѣсь только три дня.

— Однако ты ужъ знаешь ея имя?

— Да, я случайно слышалъ, отвѣчалъ онъ покраснѣвъ. — Признаюсь, я не желаю съ ними познакомиться. Эта гордая знать смотреть на насъ, армейцевъ, какъ на дикихъ. И какое имъ дѣло, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстой шинелью?

— Бѣдная шинель! сказалъ я, усмѣхаясь. А кто этотъ господинъ, который къ нимъ подходитъ и такъ услужливо подаетъ имъ стаканъ?

— О! это московскій франтъ Раевичъ. Онъ игрокъ: это видно тотчасъ по золотой огромной цѣпи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ; да и борода кстати, и прическа *à la moujik*.

— Ты озлобленъ противъ всего рода человѣческаго?

— И есть за что...

— О! право?

Въ это время дамы отошли отъ колодца и поровнялись съ нами. Грушницкій успѣлъ принять драматическую позу съ помощью костыля и громко отвѣчалъ мнѣ по-французски:

— *Mon cher, je hais les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante.*

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгимъ, любопытнымъ взоромъ. Выраженіе этого взора было очень неопредѣленно, но не насмѣшливо, съ чѣмъ я внутренно отъ души его поздравилъ.

— Эта княжна Мери прехорошенькая, сказалъ я ему. — У нея такіе бархатные глаза—именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря объ ея глазахъ; нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя глядятъ. Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... А что, у нея зубы бѣлы? Это очень важно! Жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь о хорошей женщинѣ, какъ объ англійской лошади, сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ.

— *Mon cher, отвѣчалъ я ему, стараясь поддѣлаться подъ его тонъ: je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule.*

Я повернулся и пошелъ отъ него прочь. Съ полчаса гулялъ я по винограднымъ аллеямъ, по известчатымъ скаламъ и висящимъ между нихъ кустарникамъ. Становилось жарко, и я поспѣшилъ домой. Проходя мимо кислосѣрнаго источника, я остановился у крытой галереи, чтобъ

вздохнуть подъ ея тѣнью, и это доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ довольно любопытной сцены. Дѣйствующія лица находились вотъ въ какомъ положеніи: княгиня съ московскимъ франтомъ сидѣла на лавкѣ въ крытой галереѣ, и оба были заняты, кажется, серьезнымъ разговоромъ. Княжна, вѣроятно, допивъ ужъ послѣдній стаканъ, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкій стоялъ у самага колодца; больше на площадкѣ никого не было.

Я подошелъ ближе и спрятался за уголъ галереи. Въ эту минуту Грушницкій уронилъ свой стаканъ на песокъ и усиливался нагнуться, чтобъ его поднять: большая нога ему мѣшала. Бѣдняжка! какъ онъ ухитрялся, опираясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его въ самомъ дѣлѣ изображало страданіе.

Княжна Мери видѣла все это лучше меня.

Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести; потомъ ужасно покраснѣла, оглянулась на галерею, и убѣдившись, что ея маменька ничего не видала, кажется, тотчасъ же успокоилась. Когда Грушницкій открылъ ротъ, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Черезъ минуту она вышла изъ галереи съ матерью и франтомъ, но, проходя мимо Грушницкаго, приняла видъ такой чинный и важный—даже не обернулась, даже не замѣтила его страстнаго взгляда, которымъ онъ долго ее провожалъ, пока, спустившись съ горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вотъ ея шляпка мелькнула черезъ улицу: она вбѣжала въ ворота одного изъ лучшихъ домовъ Пятигорска; за нею прошла княгиня и у воротъ раскланялась съ Раевичемъ.

Только тогда бѣдный, страстный юнкеръ замѣтилъ мое присутствіе.

— Ты видѣлъ? сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку:— это просто ангелъ!

— Отчего? спросилъ я съ видомъ чистѣйшаго простодушія.

— Развѣ ты не видалъ?

— Нѣтъ, видѣлъ: она подняла твой стаканъ. Если бъ былъ тутъ сторожъ, то онъ сдѣлалъ бы то же самое, и еще поспѣшилъ бы, надѣясь получить на водку. Впрочемъ, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сдѣлалъ такую ужасную гримасу, когда ступилъ на прострѣленную ногу...

-- И ты не былъ нисколько тронутъ, глядя на нее въ эту минуту, когда душа сіяла на лицѣ ея?...

— Нѣтъ.

Я лгалъ; но мнѣ хотѣлось его побѣсить. У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдаетъ меня крещенскимъ холодомъ и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя. Признаюсь еще, чувство непріятное, но знакомое, пробѣжало слегка въ это мгновеніе по моему сердцу; это чувство было — зависть; я говорю смѣло «зависть», потому что привыкъ себѣ во всемъ признаваться; и врядъ ли найдется молодой человѣкъ, который, встрѣтивъ хорошенькую женщину, приковавшую его праздное вниманіе и вдругъ явно при немъ отличившую другаго, ей равно незнакомаго, врядъ ли, говорю, найдется такой молодой человѣкъ [разумѣется, жившій въ большомъ свѣтѣ и привыкшій баловать свое самолюбіе], который бы не былъ этимъ пораженъ непріятно.

Молча, съ Грушницкимъ спустились мы съ горы и прошли по бульвару мимо оконъ дома, гдѣ скрылась наша красавица. Она сидѣла у окна. Грушницкій, дернувъ меня за руку, бросилъ на нее

одинъ изъ тѣхъ мутно-нѣжныхъ взглядовъ, которые такъ мало дѣйствуютъ на женщинъ. Я навелъ на нее лорнетъ и замѣтилъ, что она отъ его взгляда улыбнулась, и что мой дерзкій лорнетъ разсердилъ ее не на шутку. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну? *)...

13-го мая.

Нынче по утру зашелъ ко мнѣ докторъ; его имя Вернеръ, но онъ русскій. Что тутъ удивительнаго? Я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ.

Вернеръ человѣкъ замѣчательный по многимъ причинамъ. Онъ скептикъ и матеріалистъ, какъ всѣ почти медики, а вмѣстѣ съ этимъ поэтъ и не на шутку— поэтъ на дѣлѣ всегда, и часто на словахъ, хотя въ жизнь свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ иногда отличный анатомикъ не умѣетъ вылѣчить отъ лихорадки. Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными; но я разъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ... Онъ былъ бѣденъ, мечталъ о милліонахъ, а для денегъ не сдѣлалъ бы лишняго шага: онъ мнѣ разъ говорилъ, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе врагу, чѣмъ другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда какъ ненависть только усилится соразмѣрно великодушію противника. У него былъ злой языкъ: подъ вѣвѣскою его эпиграммы не одинъ добрякъ прослылъ пошлымъ дуракомъ; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слухъ, будто онъ рисуетъ каррикатуры на своихъ больныхъ—больные взбѣленились: почти всѣ ему отказали. Его при-

*) Не было напечатано.

ятели, то есть всѣ истинно порядочные люди, служившіе на Кавказѣ, напрасно старались возстановить его упавшій кредитъ.

Его наружность была изъ тѣхъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, но которыя нравятся впоследствии, когда глазъ выучится читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души испытанной и высокой. Бывали примѣры, что женщины влюблялись въ такихъ людей до безумія и не промѣняли бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣжихъ и розовыхъ эндиміоновъ. Надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной; оттого-то, можетъ быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ.

Вернеръ былъ малъ ростомъ, и худъ и слабъ, какъ ребенокъ; одна нога была у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаженные такимъ образомъ, поразили бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его маленькіе черные глаза, всегда безпокойные, старались проникнуть въ ваши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавыя, жилистыя и маленькія руки красовались въ свѣтложелтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстухъ и жилетъ были постоянно чернаго цвѣта. Молодежь прозвала его Мефистофелемъ; онъ показывалъ, будто сердился за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію. Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ: изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другаго, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да, при-

томъ, у меня есть лакеи и деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера съ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ вечера философско-метафизическое направленіе; толковали объ убѣжденіяхъ: каждый былъ убѣжденъ въ разныхъ разностяхъ.

— Что до меня касается, то я убѣжденъ только въ одномъ... сказалъ докторъ.

— Въ чемъ это? спросилъ я, желая узнать мнѣніе человѣка, который до сихъ поръ молчалъ.

— Въ томъ, отвѣчалъ онъ, что, рано или поздно, въ одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче васъ, сказалъ я: у меня кромѣ этого, есть еще убѣжденіе, именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ имѣлъ несчастіе родиться.

Всѣ нашли, что мы говоримъ вздоръ, а право изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказалъ. Съ этой минуты мы отличили въ толпѣ другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серьезно, пока замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ. Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать, и нахохотавшись, расходились довольные своимъ вечеромъ.

Я лежалъ на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и заложивъ руки подъ затылокъ, когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату. Онъ сѣлъ въ кресла, поставилъ трость въ уголь, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣчалъ, что меня безпокоятъ мухи—и мы оба замолчали.

— Замѣйте, любезный докторъ, сказалъ я, что безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно... Посмотрите, вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до

безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно; а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. Итакъ, разнѣна чувствъ и мыслей между нами не можетъ быть: мы знаемъ одинъ о другомъ все, что хотимъ знать, и знать больше не хотимъ; остается одно средство: рассказывать новости. Скажите же мнѣ какуюнибудь новость.

Утомленный долгою рѣчью, я закрылъ глаза и зѣвнулъ...

Онъ отвѣчалъ подумавши: Въ вашей галиматѣф однакожь есть идея.

— Двѣ, отвѣчалъ я.

— Скажите мнѣ одну, я вамъ скажу другую.

— Хорошо, начинайте! сказалъ я, продолжая разсматривать потолокъ и внутренно улыбаясь.

— Вамъ хочется знать какіянибудь подробности на-счетъ когонибудь изъ прѣѣхавшихъ на воды, и я ужъ догадываюсь о комъ вы это заботитесь, потому что объ васъ тамъ уже спрашивали.

— Докторъ! рѣшительно намъ нельзя разговаривать: мы читаемъ въ душѣ другъ друга.

— Теперь другая...

— Другая идея вотъ: мнѣ хотѣлось васъ заставить рассказать чтонибудь; во-первыхъ, потому что слушать менѣе утомительно; во-вторыхъ, нельзя проговориться; въ третьихъ, можно узнать чужую тайну; въ четвертыхъ, потому что такіе умные люди, какъ вы, лучше любятъ слушателей, чѣмъ рассказчиковъ. Теперь къ дѣлу; что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?

— Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?...

— Совершенно убѣжденъ.

— Почему?

— Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ.

— У васъ большой даръ соображенія. Княжна сказала, что она увѣрена, что этотъ молодой человекъ въ солдатской шинели разжалованъ въ солдаты за дуэль...

— Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ приятномъ заблужденіи...

— Разумѣется...

— Завязка есть! закричалъ я въ восхищеніи; объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобъ мнѣ не было скучно.

— Я предчувствую, сказалъ докторъ, что бѣдный Грушницкій будетъ 'вашей жертвой'...

— Дальше, докторъ.

— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я замѣтилъ, что вѣрно она васъ встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣнибудь въ свѣтѣ... я сказалъ ваше имя. Оно было ей извѣстно. Кажется, ваша исторія тамъ надѣлала много шума... Княгиня стала рассказывать о вашихъ похожденияхъ, прибавляя вѣроятно къ свѣтскимъ сплетнямъ свои замѣчанія... Дочка слушала съ любопытствомъ. Въ ея воображеніи вы сдѣлались героемъ романа въ новомъ вкусѣ... Я не противорѣчилъ княгинѣ, хотя зналъ, что она говоритъ вздоръ.

— Достойный другъ! сказалъ я, протянувъ ему руку. Докторъ пожалъ ее съ чувствомъ и продолжалъ:

— Если хотите, я васъ представлю...

— Помилуйте! сказалъ я, всплеснувъ руками; развѣ героевъ представляютъ? Они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную...

— И вы въ самомъ дѣлѣ хотите во-лочиться за княжной?...

— Напротивъ, совсѣмъ напротивъ!... Докторъ, наконецъ я торжествую: вы меня не понимаете!... Это меня, впрочемъ, огорчаетъ, докторъ, продолжалъ я послѣ

минуты молчанія; я никогда самъ не открываю моихъ тайнъ, а ужасно люблю, чтобъ ихъ отгадывали, потому что такимъ образомъ я всегда могу, при случаѣ, отъ нихъ отпереться. Однако жъ, вы мнѣ должны описать маменьку съ дочкой. Что они за люди?

— Во-первыхъ, княгиня—женщина сорока-пяти лѣтъ, отвѣчалъ Вернеръ; у ней прекрасный желудокъ, но кровь испорчена; на щекахъ красныя пятна. Последнюю половину своей жизни она провела въ Москвѣ и тутъ, на покоѣ, растолстѣла. Она любитъ соблазнительные анекдоты и сама говоритъ иногда неприличные вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ. Она мнѣ объявила, что дочь ея невинна какъ голубь. Какое мнѣ дѣло?... Я хотѣлъ ей отвѣчать, чтобъ она была спокойна, что я никому этого не скажу. Княгиня лечится отъ ревматизма, а дочь Богъ знаетъ отъ чего. Я велѣлъ обѣимъ пить по два стакана въ день кислосѣрной воды и купаться два раза въ недѣлю въ разводной ваннѣ. Княгиня, кажется, не привыкла повелѣвать: она питаетъ уваженіе къ уму и знаніямъ дочки, которая читала Байрона по-английски и знаетъ алгебру: въ Москвѣ, видно, барышни пустились въ ученость, и хорошо дѣлаютъ, право! Наши мужчины такъ не любезны вообще, что съ ними кокетничать должно быть для умной женщины несносно. Княгиня очень любитъ молодыхъ людей; княжна смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ—московская привычка! Онѣ въ Москвѣ только и питаются, что сорокалѣтними остряками.

— А вы были въ Москвѣ, докторъ?

— Да, я имѣлъ тамъ нѣкоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, все сказалъ... Да! вотъ еще: княжна, кажется, любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч. Она была одну зиму въ Петербургѣ, и

онъ ей не понравился, особенно общество: ее, вѣрно, холодно приняли.

— Вы никого у нихъ не видали сегодня?

— Напротивъ, былъ одинъ адъютантъ, одинъ натянутый гвардеецъ и какая-то дама изъ новопріѣзжихъ, родственница княгини по мужѣ, очень хорошенькая, но очень, кажется, больная... Не встрѣтили ль вы ее у колодца?—она средняго роста, блондинка, съ правильными чертами, цвѣтъ лица чахоточный, а на правой щекѣ черная рѣдинка: ея лицо меня поразило своею выразительностью.

— Рѣдинка! пробормоталъ я сквозь зубы.—Неужели?

Докторъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ торжественно, положивъ мнѣ руку на сердце: «Она вамъ знакома!...» Мое сердце, точно, билось сильнѣе обыкновеннаго.

— Теперь ваша очередь торжествовать! сказалъ я; только я на васъ надѣюсь: вы мнѣ не измѣните. Я ее не видалъ еще, но, увѣренъ, узнаю въ вашемъ портретѣ одну женщину, которую любилъ встарину... Не говорите ей обо мнѣ ни слова; если она спроситъ, отнесите обо мнѣ дурно.

— Пожалуй! сказалъ Вернеръ, пожавъ плечами.

Когда онъ ушелъ, ужасная грусть стѣснила мое сердце. Судьба ли насъ свела опять на Кавказѣ, или она нарочно сюда пріѣхала, зная, что меня встрѣтитъ?... и какъ мы встрѣтимся?... и потомъ, она ли это?... Мои предчувствія меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мірѣ чловѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю—ничего!

Послѣ обѣда часовъ въ шесть я пошелъ на бульваръ: тамъ была толпа; кня-

гиня съ княжною сидѣли на скамьѣ, окруженная молодежью, которая любезничала наперерывъ. Я помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи на другой лавкѣ, остановилъ двухъ знакомыхъ драгунскихъ офицеровъ и началъ имъ что-то рассказывать; видно, было смѣшно, потому что они начали хохотать, какъ сумасшедшіе. Любопытство привлекло ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну; мало по малу и всѣ ее покинули и присоединились къ моему кружку. Я не умолкалъ; мои анекдоты были умны до глупости, мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжалъ увеселять публику до захождения солнца. Нѣсколько разъ княжна подъ ручку съ матерью проходила мимо меня, сопровождаемая какимъ-то хромымъ старичкомъ; нѣсколько разъ ея взглядъ, упавъ на меня, выражалъ досаду, стараясь выразить равнодушіе...

— Что онъ вамъ рассказывалъ? спросила она у одного изъ молодыхъ людей возвратившихся къ ней изъ вѣжливости; вѣрно очень занимательную исторію—свои подвиги въ сраженіяхъ?... Она сказала это довольно громко и, вѣроятно, съ намѣреніемъ кольнуть меня. «А-га!» подумалъ я: «вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будетъ!»

Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ хищный звѣрь, и не спускалъ ее съ глазъ: бьюсь объ закладъ, что завтра онъ будетъ просить, чтобъ его ктонибудь представилъ княгинѣ. Она будетъ очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

Въ продолженіе двухъ дней мои дѣла ужасно подвинулись. Княжна меня рѣшительно ненавидитъ; мнѣ уже пересказывали двѣ-три эпиграммы на мой счетъ, довольно колкія, но вмѣстѣ очень лестныя. Ей ужасно странно, что я, который привыкъ къ хорошему обществу, который

такъ коротокъ съ ея петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться съ нею. Мы встрѣчаемся каждый день у колодца на бульварѣ; я употребляю всѣ свои силы на то, чтобъ отвлекать ея обожателей, блестящихъ адъютантовъ, блѣдныхъ москвичей и другихъ—и мнѣ почти всегда удается. Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя: теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ и, увы! мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ!

Вчера я ее встрѣтилъ въ магазинѣ Че-лахова; она торговала чудесный персидскій коверъ. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этотъ коверъ такъ украсилъ бы ея кабинетъ!... Я далъ срокъ рублей лишнихъ и перекупилъ его; за это я былъ вознагражденъ взглядомъ, гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство. Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкесскую лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ у нихъ въ это время и говорилъ мнѣ, что эффектъ этой сцены былъ самый драматическій. Княжна хочетъ проповѣдывать противъ меня ополченіе; я даже замѣтилъ, что ужъ два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякій день у меня обѣдаютъ.

Грушницкій принялъ таинственный видъ: ходитъ закинувъ руки за спину и никого не узнаетъ; нога его вдругъ выздоровѣла: онъ едва хромаетъ. Онъ нашелъ случай вступить въ разговоръ съ княгиней и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ; она, видно, не очень разборчива, ибо съ тѣхъ поръ отвѣчаетъ на его поклонъ самой милой улыбкою.

— Ты рѣшительно не хочешь познакомиться съ Лиговскими? сказалъ онъ мнѣ вчера.

— Рѣшительно.

— Помилуй! самый пріятный домъ на водахъ! Все здѣшнее лучшее общество...

— Мой другъ, мнѣ и нездѣшнее ужасно надоѣло. А ты у нихъ бываешь?

— Нѣтъ еще; я говорилъ раза два съ княжной, не болѣе. Знаешь, какъ-то напрашиваться въ домъ неловко, хотя здѣсь это и водится... Другое дѣло, если бы я носилъ эполеты...

— Помилуй! да этакъ ты гораздо интереснѣе! Ты, просто, не умѣешь пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ... Да, солдатская шинель въ глазахъ всякой чувствительной барышни тебя дѣлаетъ героемъ и страдальцемъ.

Грушницкій самодовольно улыбнулся.

— Какой вздоръ! сказалъ онъ.

— Я увѣренъ, продолжалъ я, что княжна въ тебя ужъ влюблена.

Онъ покраснѣлъ до ушей и надулся.

О самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ!...

— У тебя все шутки! сказалъ онъ, показывая, будто сердится: во-первыхъ, она меня еще такъ мало знаетъ...

— Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ.

— Да я вовсе не имѣю претензіи ей нравиться: я, просто, хочу познакомиться съ приятнымъ домомъ, и было бы очень смѣшно, если-бъ я имѣлъ какія нибудь надежды... Вотъ вы, напимѣрь, другое дѣло! вы, побѣдители петербургскіе: только посмотрите, такъ женщины таютъ... А знаешь ли, Печоринъ, что княжна о тебѣ говорила?...

— Какъ? Она тебѣ ужъ говорила обо мнѣ?...

— Не радуйся, однако. Я какъ-то вступилъ съ нею въ разговоръ у колодца, случайно; третье слово ея было: «Кто этотъ господинъ, у котораго такой неприятный тяжелый взглядъ? онъ былъ съ вами, тогда...» Она покраснѣла и не хотѣла назвать дня, вспомнивъ свою милую выходку. «Вамъ не нужно сказывать дня, отвѣчалъ я ей, онъ вѣчно будетъ мнѣ памятенъ...» Мой другъ, Печоринъ! я тебя

не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль, потому что Мери очень мила!...

Надобно замѣтить, что Грушницкій изъ тѣхъ людей, которые, говоря о женщинѣ, съ которой они едва знакомы, называютъ ее моя Мери, моя Sophie, если она имѣла счастье имъ понравиться.

Я принялъ серьезный видъ и отвѣчалъ ему:

— Да, она недурна... Только берегись, Грушницкій! Русскія барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примѣшивая къ ней мысли о замужствѣ; а платоническая любовь самая безпокойная. Княжна, кажется, изъ тѣхъ женщинъ, которыя хотягъ, чтобъ ихъ забавляли; если двѣ минуты сряду ей будетъ возлѣ тебя скучно—ты погибъ невозвратно: твое молчаніе должно возбуждать ея любопытство, твой разговоръ—никогда не удовлетворять его вполне; ты долженъ ее тревожить ежеминутно; она десять разъ публично для тебя пренебрежетъ мнѣніемъ и назоветъ это жертвой, и чтобъ вознаградить себя за это, станетъ тебя мучить; а потомъ просто скажетъ, что она тебя терпѣть не можетъ. Если ты надъ нею не приобрѣтешь власти, то даже ея первый поцѣлуй не дастъ тебѣ права на второй; она съ тобой накокетничается вдоволь, а года черезъ два выйдетъ замужъ за урода, изъ покорности къ маменькѣ, и станетъ себя увѣрять, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то есть тебя, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой, сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Я внутренно хохоталъ и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастью, этого не

замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что сталъ еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшной работы: оно мнѣ показалось подозрительнымъ. Я сталъ его разсматривать, и что же?... мелкими буквами имя Мери было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ—число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренныя — и тутъ-то я буду наслаждаться!...

Сегодня я всталъ поздно; прихожу къ колодцу—никого уже нѣтъ. Становилось жарко; бѣлыя мохнатые тучки быстро бѣжали отъ снѣговыхъ горъ, обѣщая грозу; голова Машука дымилась, какъ загашенный факель; кругомъ его вились и ползали, какъ змѣи, сѣрые клочки облаковъ, задержанные въ своемъ стремленіи и будто зацѣпившіеся за колючій его кустарникъ. Воздухъ былъ напоенъ электричествомъ. Я углубился въ виноградную аллею, ведущую въ гротъ; мнѣ было грустно. Я думалъ о той молодой женщинѣ съ родинкой на щекѣ, про которую говорилъ мнѣ докторъ... Зачѣмъ она здѣсь? И она ли? И почему я думаю, что это она? И почему я даже такъ въ этомъ увѣренъ? Мало ли женщинъ съ родинками на щекахъ?—Размышляя такимъ образомъ, я подошелъ къ самому гроту. Смотрю: въ прохладной тѣни его свода, на каменной скамьѣ сидитъ женщина, въ соломенной шляпкѣ, окутанная черной шалью, опустивъ голову на грудь; шляпка закрывала ея лицо. Я хотѣлъ уже вернуться, чтобъ не нарушить ея мечтаній, когда она на меня взглянула.

— Вѣра! вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.

— Я знала, что вы здѣсь, сказала она.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку.

Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милого голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами—въ нихъ выразалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались, сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ!

— Стало быть, ужъ ты меня не любишь?...

— Я замужемъ!... сказала она.

— Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ быть, ты любишь своего втораго мужа?...

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что жъ? Онъ молодъ, хорошъ, особенно вѣрно богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе; на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, наконецъ, прошептала она, тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій... Ея голосъ задрожалъ; она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

— «Можетъ быть», подумалъ я, «ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...»

Я ее крѣпко обнялъ, и такъ мы оставались долго. Наконецъ губы наши сблизились и слились въ жаркій, упоительный поцѣлуй; ея руки были холодны какъ ледъ, голова горѣла. Тутъ между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые на бумагѣ не имѣютъ смысла, которыхъ повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значеніе звуковъ замѣняетъ и

дополняетъ значеніе словъ, какъ въ итальянской оперѣ.

Она рѣшительно не хочетъ, чтобъ я познакомился съ ея мужемъ, тѣмъ хрымъ старичкомъ котораго я видѣлъ мелькомъ на бульварѣ; она вышла за него для сына. Онъ богатъ и страдаетъ ревматизмами. Я не позволилъ себѣ надъ нимъ ни одной насмѣшки: она его уважаетъ какъ отца—и будетъ обманывать какъ мужа... Странная вещь сердце человѣческое вообще, и женское въ особености!

Мужъ Вѣры, Семень Васильевичъ Г...въ, дальній родственникъ княгини Лиговской. Онъ живетъ съ нею рядомъ. Вѣра часто бываетъ у княгини; я ей далъ слово познакомиться съ Лиговскими и волочиться за княжной, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе. Такимъ образомъ мои планы ни мало не разстроились, и мнѣ будетъ весело...

Весело!... Да, я уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастья, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого нибудь; теперь я только хочу быть любимымъ, и то очень немногими; даже мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца!...

Одно мнѣ всегда было странно: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины; напротивъ, я всегда пріобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь. Отчего это?—оттого ли, что я никогда ничѣмъ очень не дорожу, и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это—магнетическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ просто не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ?

Надо признаться, что я, точно, не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!...

Правда, теперь вспомнилъ: одинъ разъ, одинъ только разъ я любилъ женщину съ твердою волей, которую никогда не могъ побѣдить... Мы разстались врагами—и то, можетъ быть, если бъ я ее встрѣтилъ пятью годами позже, мы разстались бы иначе...

Вѣра больна, очень больна, хотя въ этомъ и не признается; я боюсь, чтобы не было у нея чахотки, или той болѣзни, которую называютъ *fièvre lente*—болѣзнь не русская вовсе, и ей на нашемъ языкѣ нѣтъ названія.

Гроза застала насъ въ гротѣ и удержала лишніе полчаса. Она не заставляла меня клясться въ вѣрности, не спрашивала, любилъ ли я другихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались... Она ввѣрилась мнѣ снова съ прежней безпечною—и я ее не обману: она единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, можетъ быть, навѣки: оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей; я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное.

Наконецъ мы разстались; я долго слѣдилъ за нею взоромъ, пока ея шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болѣзненно сжалось, какъ послѣ перваго разставанія. О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужъ не молодость ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ—на память?... А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны; густыя кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ...

Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустынного вѣтра; съ жадностью

глотая я благовонный воздух и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горестъ ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство не томило мысль—все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубаго неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.

Я думаю, казаки, зѣвующіе на своихъ вышкахъ, видя меня скачущаго безъ нужды и цѣли, долго мучились этою загадкой, ибо вѣрно по одеждѣ приняли меня за черкеса. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ говорили, что въ черкесскомъ костюмѣ верхомъ я больше похожъ на кабардинца, чѣмъ многіе кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишняго; оружіе цѣнное въ простой отдѣлкѣ, мѣхъ на шапкѣ не слишкомъ длинный, не слишкомъ короткій; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешметъ бѣлый, черкеска темнубурая. Я долго изучалъ горскую посадку: ничѣмъ нельзя такъ польстить моему самолюбію, какъ признавая мое искусство въ верховой ѣздѣ на кавказскій ладъ. Я держу четырехъ лошадей: одну для себя, трехъ для пріятелей, чтобъ не скучно было одному таскаться по полямъ; они берутъ моихъ лошадей съ удовольствіемъ и никогда со мной не ѣздятъ вмѣстѣ. Было уже шесть часовъ по полудни, когда вспомнилъ я, что пора обѣдать. Лошадь моя была измучена; я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Пятигорска въ нѣмецкую колонію, куда часто водяное общество ѣздитъ епirique. Дорога идетъ извиваясь между кустарниками, опускаясь въ небольшіе овраги, гдѣ протекають шумные

ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ; кругомъ амфитеатромъ возвышаются синія громады Бешту, Змѣиной, Желѣзной и Лысой горы. Спустясь въ одинъ изъ такихъ овраговъ, называемыхъ на здѣшнемъ нарѣчьи балками, я остановился, чтобъ напоить лошадь; въ это время показалась на дорогѣ шумная и блестящая кавалькада; дамы въ черныхъ и голубыхъ амазонкахъ, кавалеры въ костюмахъ, составляющихъ смѣсь черкесскаго съ нижегородскимъ; впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжною Мери.

Дамы на водахъ еще вѣрятъ нападеніямъ черкесовъ среди бѣлаго дня; вѣроятно, поэтому Грушницкій сверхъ солдатской шинели повѣсилъ шашку и пару пистолетовъ; онъ былъ довольно смѣшонъ въ этомъ геройскомъ облаченіи. Высокій кустъ закрывалъ меня отъ нихъ; но сквозь листья его я могъ видѣть все и отгадать по выраженіямъ ихъ лицъ, что разговоръ былъ сантиментальный. Наконецъ они приблизились къ спуску; Грушницкій взялъ за поводъ лошадь княжны, и тогда я услышалъ конецъ ихъ разговора:

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ? говорила княжна.

— Что для меня Россія? отвѣчала ей кавалеръ; страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь—здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ... сказала княжна, покраснѣвъ.

Лицо Грушницкаго изобразило удовольствіе. Онъ продолжалъ:

— Здѣсь моя жизнь протечетъ шумно, незамѣтно и быстро, подъ пулями дикарей, и если бы Богъ мнѣ каждый годъ посылалъ одинъ свѣтлый женскій взглядъ, одинъ подобный тому...

Въ это время они поровнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста...

— Mon Dieu, un circassien!... вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier...

Она смутилась—но отчего? отъ своей ошибки, или оттого, что мой отвѣтъ ей показался дерзкимъ? Я желалъ бы, чтобъ послѣднее мое предположеніе было справедливо. Грушницкій бросилъ на меня недовольный взглядъ.

Поздно вечеромъ, т.-е. часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ; только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокъ; вдали серебряной бахромою сверкали снѣговья горы. Оклики часовыхъ перемежались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ нагайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался... Я чувствовалъ необходимость излить свои мысли въ дружескомъ разговорѣ... но съ кѣмъ?... «Что дѣлаетъ теперь Вѣра?» думалъ я... Я бы дорого далъ, чтобъ въ эту минуту пожать ея руку.

Вдругъ слышу быстрые и неровные шаги... Вѣрно Грушницкій... Такъ и есть!

— Откуда?

— Отъ княгини Лиговской, сказалъ онъ очень важно.—Какъ Мери поетъ!..

— Знаешь ли что? сказалъ я ему, я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный...

— Можетъ быть. Какое мнѣ дѣло!.. сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты такъ хорошо воспитанъ и такъ хорошо знаешь свѣтъ, что не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить. Она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты вѣрно о себѣ самого высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

«Ого!» подумалъ я: «у него видно есть уже надежды».

— Впрочемъ, для тебя же хуже, продолжалъ Грушницкій: теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними—а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый пріятный домъ для меня теперь мой, сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобъ идти.

— Однако признайся, ты раскаяваешься?..

— Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ...

— Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной...

— Да, если она захочетъ говорить съ тобой...

— Я подожду только той минуты, когда твой разговоръ ей наскучитъ... Прощай...

— А я пойду шататься; я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдемъ лучше въ ресторацію, тамъ игра... мнѣ нужны нынче сильныя ощущенія...

— Желаю тебѣ проигратъся...

Я пошелъ домой.

21-го мая.

Прошла почти недѣля, а я еще не познакомился съ Лиговскими. Жду удобнаго случая. Грушницкій какъ тѣнь слѣ-

дуетъ за княжной вездѣ; ихъ разговоры безкончны; когда же онъ ей наскучить?... Мать не обращаетъ на это вниманія, потому что онъ не женихъ. Вотъ логика матерей! Я подмѣтилъ два, три нѣжные взгляда—надо этому положить конецъ.

Вчера у колодца въ первый разъ явилась Вѣра... Она съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились въ гротѣ, не выходила изъ дома. Мы въ одно время опустили стаканы и, наклонясь, она мнѣ сказала шопотомъ:

— Ты не хочешь познакомиться съ Лиговскими?... Мы только тамъ можемъ видѣться...

Упрекъ!... скучно! но я его заслужилъ...

Кстати: завтра балъ по подпискѣ въ залѣ ресторации, и я буду танцовать съ княжной мазурку.

29-го мая.

Зала ресторации превратилась въ залу благороднаго собранія. Въ девять часовъ всѣ съѣхались. Княгиня съ дочерью явилась изъ послѣднихъ; многія дамы посмотрѣли на нее съ завистию и недоброяжелательствомъ, потому что княжна Мери одѣвается со вкусомъ. Тѣ, которыя почитаютъ себя здѣшними аристократами, утаивъ зависть, примкнулись къ ней. Какъ быть? Гдѣ есть общество женщинъ, тамъ сейчасъ явится высшій и низшій кругъ. Подъ окномъ, въ толпѣ народа, стоялъ Грушничкій, прижавъ лицо къ стеклу и не спуская съ глазъ своей богини; она, проходя мимо, едва примѣтно кивнула ему головой. Онъ просіялъ какъ солнце... Танцы начались польскимъ; потомъ заиграли вальсъ. Шпоры зазвенѣли, фалды поднялись и закружились.

Я стоялъ сзади одной толстой дамы, одѣнной розовыми перьями; пышность ея платья напоминала времена фижмъ, а пестрота ея негладкой кожи—счастливую эпоху мушекъ изъ черной тафты. Самая

большая бородавка на ея шеѣ прикрита была фермуаромъ. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Это княжна Лиговская пренесносная дѣвчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрѣла на меня въ лорнетъ... *C'est impayable*... И чѣмъ она гордится? Ужъ ее надо бы проучить...

— За этимъ дѣло не станетъ! отвѣчала услужливый капитанъ и отправился въ другую комнату.

Я тотчасъ подошелъ къ княжнѣ, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здѣшнихъ обычаевъ, позволяющихъ танцовать съ незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгій видъ. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку на бокъ—и мы пустились. Я не знаю талии болѣе сладострастной и гибкой! Ея свѣжее дыханіе касалось моего лица; иногда локонъ, отдѣлившійся въ вихрѣ вальса отъ своихъ товаришей, скользилъ по горящей щекѣ моей... Я сдѣлалъ три тура [она вальсируетъ удивительно хорошо]. Она запыхалась, глаза ея помутились, полураскрытыя губки едва могли прошептать необходимое: *merci, monsieur*.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, я сказалъ ей, принявъ самый покорный видъ:

— Я слышалъ, княжна, что, будучи вамъ вовсе незнакомъ, я имѣлъ уже несчастье заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзкимъ... Неужели это правда?

— И вамъ бы хотѣлось теперь меня утвердить въ этомъ мнѣніи? отвѣчала она съ иронической гримаской, которая, впрочемъ, очень идетъ къ ея подвижной физиономіи.

— Если я имѣлъ дерзость васъ чѣмъ нибудь оскорбить, то позвольте мнѣ имѣть

еще большую дерзость: просить у васъ прошенія... И, право, я бы очень желалъ доказать вамъ, что вы насчетъ меня ошибались...

— Вамъ это будетъ довольно трудно...

— Отчего же?...

— Оттого, что вы у насъ не бываете, а эти балы вѣроятно не часто будутъ повторяться.

«Это значитъ», подумалъ я: «что ихъ двери для меня навѣки закрыты.»

— Знаете, княжна, сказалъ я съ нѣкоторой досадою, — никогда не должно отвергать кающагося преступника: съ отчаянія онъ можетъ сдѣлаться еще вдвое преступнѣе... и тогда...

Хохотъ и шушуканье насъ окружающихъ заставили меня обернуться и прервать мою фразу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла группа мужчинъ, и въ ихъ числѣ драгунскій капитанъ, изъясвившій враждебныя намѣренія противъ милой княжны; онъ особенно былъ чѣмъ-то очень доволенъ, потиралъ руки, хоталъ и перемигивался съ товарищами. Вдругъ изъ среды ихъ отдѣлился господинъ во фракѣ съ длинными усами и красной рожей, и направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руки за спину, онъ уставилъ на нее мутно сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ:

— Пермете... ну, да что тутъ!... просто: ангажирую васъ на мазурку...

— Что вамъ угодно! произнесла она дрожащимъ голосомъ, бросая кругомъ умоляющій взглядъ. Увы! ея мать была далеко, и возлѣ никого изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не было; одинъ адъютантъ, кажется, все это видѣлъ, да спрятался за толпой, чтобъ не быть замѣшану въ исторію.

— Что же? сказалъ пьяный господинъ, мигнувъ драгунскому капитану, который ободрялъ его знаками: — развѣ вамъ не

угодно?... Я-таки опять имѣю честь васъ ангажировать pour mазурке... Вы, можетъ, думаете, что я пьянъ? Это ничего!... Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить...

Я видѣлъ, что она готова упасть въ обморокъ отъ страха и негодованія.

Я подошелъ къ пьяному господину, взявъ его довольно крѣпко за руку и, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, попросилъ удалиться — потому, прибавилъ я, что княжна давно ужъ обѣщалась танцевать мазурку со мною.

— Ну, нечего, дѣлать!... въ другой разъ! сказалъ онъ, засмѣявшись, и удалился къ своимъ пристыженнымъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату.

Я былъ вознагражденъ глубокимъ, чудеснымъ взглядомъ.

Княжна подошла къ своей матери и рассказала ей все; та отыскала меня въ толпѣ и благодарила. Она объявила мнѣ, что знала мою мать и была дружна съ полдюжиной моихъ тетусекъ.

— Я не знаю, какъ случилось, что мы до сихъ поръ съ вами незнакомы, прибавила она: — но признайтесь, вы этому одни виною; вы дичитесь всѣхъ такъ, что ни на что не похоже. Я надѣюсь, что воздухъ моей гостиной разгонитъ вашъ сплинъ... Не правда ли?

Я сказалъ ей одну изъ тѣхъ фразъ, которая у всякаго должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконецъ съ хоръ загремѣла музыка; мы съ княжной усѣлись.

Я не намекалъ ни разу ни о пьяномъ господинѣ, ни о прежнемъ моемъ поведеніи, ни о Грушницкомъ. Впечатлѣніе, произведенное на нее непріятною сценою, мало по малу разсѣялось, личико ея расцвѣло; она шутила очень мило; ея разговоръ былъ остеръ, безъ притязанія на остроу, живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки... Я далъ ей почувство-

вать очень запутанной фразой, что она мнѣ давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснѣла.

— Вы странный человѣкъ! сказала она потомъ, поднявъ на меня свои бархатные глаза и принужденно засмѣявшись.

— Я не хотѣлъ съ вами знакомиться, продолжалъ я: — потому что васъ окружаетъ слишкомъ густая толпа поклонниковъ, и я боялся въ ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись! они всѣ прекрасные...

— Всѣ! неужели всѣ?

Она посмотрѣла на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потомъ опять слегка покраснѣла и наконецъ произнесла рѣшительно: всѣ!

— Даже мой другъ Грушницкій?

— А онъ вашъ другъ? сказала она, показывая нѣкоторое сомнѣніе.

— Да.

— Онъ, конечно, не входитъ въ разрядъ скучныхъ...

— Но въ разрядъ несчастныхъ, сказалъ я, смѣясь.

— Конечно! А вамъ смѣшно? Я бъ желала, чтобъ вы были на его мѣстѣ...

— Что жъ? я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ и, право, это самое лучшее время моей жизни!

— А развѣ онъ юнкеръ?... сказала она быстро, и потомъ прибавила, а я думала...

— Что вы думали?...

— Ничего!... Кто эта дама?

— Тутъ разговоръ переѣхалъ на правленіе и къ этому ужъ болѣе не возвращался.

Вотъ мазурка кончилась, и мы разстались—до свиданія. Дамы разѣхались. Я пошелъ ужинать и встрѣтилъ Вернера.

— А-га! сказалъ онъ: такъ-то вы! А еще хотѣли не иначе знакомиться съ княжной, какъ спасши ее отъ вѣрной смерти.

— Я сдѣлалъ лучше, отвѣчалъ я ему: спасъ ее отъ обморока на балѣ...

— Какъ это? Расскажите.

— Нѣтъ отгадайте—о вы, отгадывающій все на свѣтѣ!

30-го мая.

Около семи часовъ вечера я гулялъ на бульварѣ. Грушницкій, увидѣвъ меня издали, подошелъ ко мнѣ; какой-то смѣшной восторгъ блисталъ въ его глазахъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Благодарю тебя, Печоринъ... Ты понимаешь меня?...

— Нѣтъ; но во всякомъ случаѣ не стоитъ благодарности, отвѣчалъ я, не имѣя точно на совѣсти никакого благодѣянія.

— Какъ? а вчера? ты развѣ забылъ?... Мери мнѣ все рассказала...

— А что? развѣ у васъ ужъ нынче все общее? и благодарность?...

— Послушай, сказалъ Грушницкій очень важно:—пожалуйста, не подшучивай надъ моей любовью, если хочешь остаться моимъ пріятелемъ. Видишь: я ее люблю до безумія... и я думаю, я надѣюсь, она также меня любить... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у нихъ вечеромъ; обѣщай мнѣ замѣчать все: я знаю, ты опытенъ въ этихъ вещахъ, ты лучше меня знаешь женщинъ... Женщины! женщины! кто ихъ пойметъ? Ихъ улыбки противорѣчатъ ихъ взорамъ, ихъ слова обѣщаютъ и манятъ, а звукъ ихъ голоса отталкиваетъ... То онѣ въ минуту постигаютъ и угадываютъ самую потаенную нашу мысль, то не понимаютъ самыхъ ясныхъ намековъ... Вотъ хоть княжна: вчера ея глаза пылали страстью, останавливаясь на мнѣ, нынче они тусклы и холодны...

— Это, можетъ быть, слѣдствіе дѣйствія водъ, отвѣчалъ я.

— Ты во всемъ видишь худую сторону... матеріалистъ! прибавилъ онъ презрительно.—Впрочемъ, переѣхалъ мате-

рію—и, довольный плохимъ каламбуромъ, онъ развеселился.

Въ девятомъ часу мы вмѣстѣ пошли къ княгинѣ.

Проходя мимо оконъ Вѣры, я видѣлъ ее у окна. Мы кинули другъ другу бѣглый взглядъ. Она вскорѣ послѣ насъ вошла въ гостиную Лиговскихъ. Княгиня меня ей представила, какъ своей родственницѣ. Пили чай; гостей было много; разговоръ былъ общій. Я старался понравиться княгинѣ, шутилъ, заставлялъ ее нѣсколько разъ смѣяться отъ души; княжнѣ также не разъ хотѣлось поохотать, но она удерживалась, чтобъ не выйти изъ принятой роли: она находить, что томность къ ней идетъ, и, можетъ быть, не ошибается. Грушницкій, кажется, очень радъ, что моя веселость ее не раздражаетъ.

Послѣ чая всѣ пошли въ залу.

— Довольна ль ты моимъ послушаніемъ, Вѣра? сказалъ я, проходя мимо ея.

Она мнѣ кинула взглядъ, исполненный любви и благодарности. Я привыкъ къ этимъ взглядамъ; но нѣкогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепьяно; всѣ просили ее спѣть что-нибудь—я молчалъ, и пользуясь суматохой, отошелъ къ окну съ Вѣрой, которая мнѣ хотѣла сказать что-то очень важное для насъ обоихъ... Вышло—вздоръ...

Между тѣмъ княжнѣ мое равнодушіе было досадно, какъ я могъ догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этотъ разговоръ нѣмой, но выразительный, краткій, но сильный!...

Она запѣла; ея голосъ не дуренъ, но поетъ она плохо... впрочемъ я не слушалъ. За то Грушницкій, облокотясь на рояль противъ нея, пожиралъ ее глазами и поминутно говорилъ вполголоса: *charmant! délicieux!*

— Послушай, говорила мнѣ Вѣра:—я не хочу, чтобъ ты знакомился съ моимъ

мужемъ, но ты долженъ непременно понравиться княгинѣ; тебѣ это легко: ты можешь все, что хочешь. Мы здѣсь только будемъ видѣться...

— Только?...

Она покраснѣла и продолжала:— Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мѣрѣ, я хочу сберечь свою репутацию... не для себя—ты это знаешь очень хорошо!... О, я прошу тебя: не мучь меня попрежнему пустыми сомнѣніями и притворной холодностью; я, можетъ быть, скоро умру; я чувствую, что слабѣю со дня на день... и, не смотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его.

Между тѣмъ княжна Мери перестала пѣть. Ропотъ похвалъ раздался вокругъ нея; я подошелъ къ ней послѣ всѣхъ и сказалъ ей что-то на счетъ ея голоса довольно небрежно.

Она сдѣлала гримаску, выдвинувъ нижнюю губу, и присѣла очень насмѣшливо.

— Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно, сказала она, что вы меня вовсе не слушали; но вы, можетъ быть, не любите музыки?...

— Напротивъ... послѣ обѣда особенно.

— Грушницкій правъ, говоря, что у васъ самые прозаическіе вкусы... и я вижу, что вы любите музыку въ гастрономическомъ отношеніи.

— Вы ошибаетесь опять; я вовсе не гастрономъ: у меня прескверный желудокъ. Но музыка послѣ обѣда усыпляетъ, а спать послѣ обѣда здорово; слѣдовательно, я люблю музыку въ медицинскомъ отношеніи. Вечеромъ же она, напротивъ, слишкомъ раздражаетъ мои нервы: мнѣ дѣлается или слишкомъ грустно или

слишкомъ весело. То и другое утомительно, когда нѣтъ положительной причины грустить или радоваться, и притомъ грусть въ обществѣ смѣшна, а слишкомъ большая веселость неприлична...

Она не дослушала, отошла прочь, сѣла возлѣ Грушницкаго и между ними начался какой-то сантиментальный разговоръ; кажется, княжна отвѣчала на его мудрыя фразы довольно разсѣянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушаетъ его со вниманіемъ, потому что онъ иногда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, стараясь угадать причину внутренняго волненія, изображавшагося иногда въ ея безпокойномъ взглядѣ...

Но я васъ отгадалъ, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мнѣ отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбіе—вамъ не удастся! и если вы мнѣ объявите войну, то я буду безпощаденъ.

Въ продолженіе вечера я нѣсколько разъ нарочно старался вмѣшаться въ ихъ разговоръ, но она довольно сухо встрѣчала мои замѣчанія, и я съ притворною досадою наконецъ удалился. Княжна торжествовала; Грушницкій тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вамъ недолго торжествовать!... Какъ быть? у меня есть предчувствіе... Знакомаясь съ женщиной, я всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ она меня любить или нѣтъ...

Остальную часть вечера я провелъ возлѣ Вѣры и до сыта наговорился о старинѣ... За что она меня такъ любить—право не знаю! тѣмъ болѣе, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всѣми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло такъ привлекательно?...

Мы вышли вмѣстѣ съ Грушницкимъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ руку и послѣ долгаго молчанія сказалъ:

— Ну, что?

«Ты глупъ», хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечами.

6-го іюня.

Всѣ эти дни я ни разу не отступилъ отъ своей системы. Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ; я рассказалъ ей нѣкоторые изъ странныхъ случаевъ моей жизни, и она начинаетъ видѣть во мнѣ человека необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами: это начинаетъ ее пугать. Она при мнѣ не смѣетъ пускаться съ Грушницкимъ въ сантиментальныя пренія, и уже нѣсколько разъ отвѣчала на его выходки насмѣшливой улыбкой; но я всякій разъ, какъ Грушницкій подходитъ къ ней, принимаю смиренный видъ и оставляю ихъ вдвоемъ; въ первый разъ была она этому рада, или старалась показать; во второй разсердилась на меня; въ третій—на Грушницкаго.

— У васъ очень мало самолюбія! сказала она мнѣ вчера.—Отчего вы думаете, что мнѣ веселѣе съ Грушницкимъ?

Я отвѣчалъ, что жертвую счастію пріятеля своимъ удовольствіемъ...

— И моимъ, прибавила она.

Я пристально посмотрѣлъ на нее и принялъ серьезный видъ. Потомъ цѣлый день не говорилъ съ ней ни слова... Вечеромъ она была задумчива; нынче поутру у колодца еще задумчивѣе. Когда я подошелъ къ ней, она разсѣянно слушала Грушницкаго, который, кажется, восхищался природой, но только что завидѣла меня, она стала хохотать [очень некстати], показывая, будто меня не примѣчаетъ. Я отошелъ подальше и украдкой сталъ наблюдать за ней; она отвернулась отъ своего собесѣдника и зѣвнула два раза. Рѣшительно, Грушницкій ей надоелъ.—Еще два дня не буду съ ней говорить.

11-го іюня.

Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? Къ чему

это женское кокетство? Вѣра меня любить больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда нибудь; если бѣ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ быть, я бы завлекся трудностью предпріятія...

Но ни чуть не бывало! Слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ мучитъ въ первые годы молодости, бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая насъ терпѣть не можетъ: тутъ начинается наше постоянство—истинная, безконечная страсть, которую математически можно выразить линіей, падающей изъ точки въ пространство; секретъ этой безконечности—только въ невозможности достигнуть цѣли, то есть конца.

Изъ чего же я хлопочу?—Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ее не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

— Мой другъ, со мною было то же самое, и ты видишь однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно, и, надѣюсь, съумѣю умереть безъ крика и слезъ.

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до сыта, бросить на дорогѣ: авось кто нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ

вліяніямъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ; ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе—подчинять моему волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха—не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права—не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если бѣ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бѣ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другаго. Идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности. Идеи—созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ. Отъ этого гений, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно также, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.

Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи; онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. Но это спокойствіе часто признаковъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ: душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій от-

четь и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее иссушить; она проникается своей собственной жизнью—лелѣть и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе.

Перечитывая эту страницу, я замѣчаю, что далеко отвлекся отъ своего предмета... Но что за нужда?... Вѣдь этотъ журналъ пишу я для себя и, слѣдственно, все, что я въ него ни брошу, будетъ современемъ для меня драгоцѣннымъ воспоминаніемъ.

Пришелъ Грушницкій и бросился мнѣ на шею: онъ произведенъ въ офицеры. Мы выпили шампанскаго. Докторъ Вернеръ вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Я васъ не поздравляю, сказалъ онъ Грушницкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель вамъ очень идетъ, и признайтесь, что армейскій пѣхотный мундиръ сшитый здѣсь на водахъ, не придастъ вамъ ничего интереснаго... Видите ли, вы до сихъ поръ были исключеніемъ, а теперь пойдите подъ общее правило.

— Толкуйте, толкуйте, докторъ! вы мнѣ не помѣшаете радоваться.—Онъ не знаетъ, прибавилъ Грушницкій мнѣ на ухо: сколько надеждъ придали мнѣ эти эполеты... О... эполеты! эполеты! ваши звѣздочки—путеводительныя звѣздочки... Нѣтъ, я теперь совершенно счастливъ.

— Ты идешь съ нами гулять къ провалу? спросилъ я его.

— Я? Ни за что не покажусь княжнѣ, пока не готовъ будетъ мундиръ.

— Прикажешь ей объявить о твоей радости?

— Нѣтъ, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить...

— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать—и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любить ли она тебя?...

— Любить ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія!... какъ можно такъ скоро?... Да если даже она и любить, то порядочная женщина этого не скажетъ...

— Хорошо! И, вѣроятно, по твоему, порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?...

— Эхъ, братецъ! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она?... отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись: мнѣ жаль тебя, Печоринъ!...

Онъ ушелъ.

Вечеромъ многочисленное общество отпраздновало пѣшкомъ къ провалу.

По мнѣнію здѣшнихъ ученыхъ, этотъ провалъ не что иное, какъ угасшій кратеръ; онъ находится на отлогости Машука, въ верстѣ отъ города. Къ нему ведетъ узкая тропинка между кустарниковъ и скалъ; взбираясь на гору, я подаль руку княжнѣ, и она ее не покидала въ продолженіе цѣлой прогулки.

Разговоръ нашъ начался злословіемъ: я сталъ перебирать присутствующихъ и отсутствующихъ нашихъ знакомыхъ; сначала выказывалъ смѣшныя, а послѣ дурныя ихъ стороны. Желчь моя взволновалась. Я началъ шутя и окончилъ искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потомъ испугало.

— Вы опасный человѣкъ! сказала она мнѣ: я бы лучше желала попасться въ лѣсу подъ ножъ убійцы, чѣмъ вамъ на язычекъ... Я васъ прошу не шутя: когда

вамъ вздумается обо мнѣ говорить дурно, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня—я думаю, это вамъ не будетъ очень трудно.

— Развѣ я похожъ на убійцу?...

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потомъ скалъ, принявъ глубокоотронутый видъ:

— Да, такова была моя участь съ самага дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скромень—меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло—никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понималъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе—не то отчаяніе, которое лечатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣжкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины: но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію.

Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ—нѣтъ; особенно, когда вспомню о томъ, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна—пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало.

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Состраданіе—чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала—а это великій признакъ!

Мы пришли къ провалу: дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не покидала руки моей. Остроты здѣшнихъ денди ее не смѣшили; крутизна обрыва, у котораго она стояла, ее не пугала, тогда какъ другія барышни пишали и закрывали глаза.

На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего печальнаго разговора, но на пустые мои вопросы и шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно.

— Любили ли вы? спросилъ я ее наконецъ.

Она посмотрѣла на меня пристально, покачала головой—и опять впала въ задумчивость: явно было, что ей хотѣлось что-то сказать, но она не знала съ чего начать; ея грудь волновалась... Какъ бытъ! кисейный рукавъ слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ, и мы часто себя очень обманываемъ, думая что насъ женщина любить за наши физическія или нравственныя достоинства; конечно, они приготовляютъ, располагаютъ ея сердце къ принятію священнаго огня; а все-таки первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.

— Не правда ли, я была очень любезна сегодня? сказала мнѣ княжна съ

принужденной улыбкой, когда мы возвратились съ гулянья.

Мы разстались.

Она недовольна собой: она себя обвиняет въ холодности... О, это первое, главное торжество!

Завтра она захочетъ вознаграждать меня. Я все это ужъ знаю наизусть—вотъ что скучно.

12-го іюня.

Нынче я видѣлъ Вѣру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей повѣрять свои сердечныя тайны: надо признаться, удачный выборъ!

— Я отгадываю, къ чему все это клонится, говорила мнѣ Вѣра; лучше скажи мнѣ просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ее не люблю?

— То за чѣмъ же ее преслѣдовать, тревожить, волновать ея воображеніе!... О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтобъ я тебѣ вѣрила, то пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣ завтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше. Найми квартиру рядомъ: мы будемъ жить въ большомъ домѣ близъ источника, въ мезонинѣ; внизу княгиня Лиговская, а рядомъ есть домъ того же хозяина, который еще не занятъ... Пріѣдешь?...

Я обѣщалъ, и въ тотъ же день послалъ занять эту квартиру.

Грушницкій пришелъ ко мнѣ въ шесть часовъ и объявилъ, что завтра будетъ готовъ его мундиръ, какъ разъ къ балу.

— Наконецъ я буду съ нею танцовать цѣлый вечеръ... Вотъ наговорюсь! прибавилъ онъ.

— Когда же балъ?

— Да завтра! Развѣ не знаешь? Большой праздникъ, и здѣшнее начальство взялось его устроить...

— Пойдемъ на бульваръ...

— Ни за что, въ этой гадкой шинели...

— Какъ, ты ее разлюбилъ?...

Я ушелъ одинъ и, встрѣтивъ княжну Мери, позвалъ ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, какъ прошлый разъ, сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замѣчаетъ отсутствія Грушницкаго.

— Вы будете завтра приятно удивлены, сказала я ей.

— Чѣмъ?...

— Это секретъ... на балѣ вы сами догадаетесь.

Я окончилъ вечеръ у княгини; гостей не было, кромѣ Вѣры и одного презабавнаго старичка. Я былъ въ духѣ, импровизировалъ разныя необыкновенныя исторіи; княжна сидѣла противъ меня и слушала мой вздоръ съ такимъ глубокимъ, напряженнымъ, даже нѣжнымъ вниманіемъ, что мнѣ стало совѣстно. Куда дѣвалась ея живость, ея кокетство, ея капризы, ея дерзкая мина, презрительная улыбка, разсѣянный взглядъ?...

Вѣра все это замѣтила; на ея болѣзненномъ лицѣ изображалась глубокая грусть; она сидѣла въ тѣни у окна, погружаясь въ широкія кресла... Мнѣ стало жаль ее.

Тогда я рассказалъ всю драматическую исторію нашего знакомства съ нею, нашей любви—разумѣется, прикрывъ все это вымышленными именами.

Я такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжной.

Она встала, подсѣла къ намъ, оживилась... и мы только въ два часа ночи вспомнили, что доктора велятъ ложиться спать въ одиннадцать.

13-го іюня.

За полчаса до бала явился ко мнѣ Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго

пѣхотнаго мундира. Къ третьей пуговицѣ пристегнута была бронзовая цѣпочка, на которой висѣлъ двойной лорнетъ; эпoletы, неимовѣрной величины, были загнуты кверху, ввидѣ крылышекъ Амура; сапоги его скрипѣли; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ коричневые лайковыя перчатки и фуражку, а правую взбивалъ ежеминутно въ мелкія кудри завитой хохоль. Самодовольствіе и вмѣстѣ нѣкоторая неувѣренность изображались на его лицѣ; его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если-бъ это было согласно съ моими намѣреніями.

Онъ бросилъ фуражку съ перчатками на столъ и началъ обтягивать фалды и поправляться передъ зеркаломъ; черный огромный платокъ, навернутый на высочайшій подгалстушникъ, котораго щетина поддерживала его подбородокъ, высовывался на полвершка изъ-за воротника; ему показалось мало: онъ вытащилъ его кверху до ушей; отъ этой трудной работы—ибо воротникъ мундира былъ очень узокъ и безпокоенъ—лицо его налилось кровью.

— Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моею княжной? сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на меня.

— Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить! отвѣчалъ я ему, повторяя любимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсь прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ.

— Скажи-ка, хорошо на мнѣ сидитъ мундиръ?... Охъ, проклятый жидъ!... какъ подъ мышками рѣжетъ!... Нѣтъ ли у тебя духовъ?

— Помилуй, чего тебѣ еще? отъ тебя и такъ ужъ несетъ розовой помадой.

— Ничего. Дай-ка сюда...

Онъ налилъ себѣ полстклянки за галстухъ, въ носовой платокъ, на рукава.

— Ты будешь танцовать? спросилъ онъ.

— Не думаю.

— Я боюсь, что мнѣ съ княжной придется начинать мазурку—я не знаю почти ни одной фигуры...

— А ты звалъ ее на мазурку?

— Нѣтъ еще...

— Смотри, чтобъ тебя не предупредили...

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. Прощай... Пойду дожидаться ее у подъѣзда. Онъ схватилъ фуражку и побѣжалъ.

Черезъ полчаса и я отправился. На улицѣ было темно и пусто; вокругъ собранія, или трактира, какъ угодно, тѣснился народъ; окна его свѣтились; звуки полковой музыки доносили ко мнѣ вечерній вѣтеръ. Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня въ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача, или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?... Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ—или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримеръ, для «Библіотеки для Чтенія»?... Почему знать?... Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее какъ Александръ Великій, или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?...

Войдя въ залу, я спрятался въ толпѣ мужчинъ и началъ дѣлать свои наблюденія. Грушницкій стоялъ возлѣ княжны и что-то говорилъ съ большимъ жаромъ: она его разсѣянно слушала, смотрѣла по сторонамъ, приложивъ вѣеръ къ губкамъ; на лицѣ ея изображалось нетерпѣніе, глаза ея искали кругомъ кого-то; я тихонько подошелъ сзади, чтобъ подслушать ихъ разговоръ.

— Вы меня мучите, княжна! говорилъ Грушницкій,—вы ужасно перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ...

— Вы также перемѣнились, отвѣчала она, бросивъ на него быстрый взглядъ, въ которомъ онъ не умѣлъ разобрать тайной насмѣшки.

— Я? Я перемѣнился?... О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видѣлъ васъ однажды, тотъ навѣки унесетъ съ собою вашу божественный образъ.

— Перестаньте...

— Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и такъ часто, внимали благосклонно?...

— Потому что я не люблю повтореній, отвѣчала она, смѣясь.

— О, я горько ошибся!... Я думалъ, безумный, что по крайней мѣрѣ эти эполеты дадутъ мнѣ право надѣяться... Нѣтъ, лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу...

Въ это время я подошелъ и поклонился княжнѣ: она немножко покраснѣла и быстро проговорила:

— Не правда ли, мсье Печоринъ, что сѣрая шинель гораздо больше идетъ къ мсье Грушницкому?...

— Я съ вами не согласенъ, отвѣчалъ я: въ мундирѣ онъ еще моложавѣе.

Грушницкій не вынесъ этого удара: какъ всѣ мальчики, онъ имѣетъ претензію быть старикомъ; онъ думаетъ, что на его лицѣ глубокіе слѣды страстей замѣняютъ отпечатокъ лѣтъ. Онъ на меня бросилъ бѣшеный взглядъ, топнулъ ногою и отошелъ прочь.

— А признайтесь, сказалъ я княжнѣ: что хотя онъ всегда былъ очень смѣшонъ, но еще недавно онъ вамъ казался интересенъ... въ сѣрой шинели?...

Она потупила глаза и не отвѣчала.

Грушницкій цѣлый вечеръ преслѣдовалъ княжну, танцевалъ или съ нею, или vis-à-vis; онъ пожиралъ ее глазами, вздыхалъ и надоѣлъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она его ужъ ненавидѣла.

— Я этого не ожидалъ отъ тебя, сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку? спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ.— Она мнѣ призналась...

— Ну, такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пѣняй на свою шинель, или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата: что ты ей больше не нравишься?...

— Зачѣмъ же подавать надежды?

— Зачѣмъ же ты надѣялся? Желать и добиваться чего нибудь — понимаю; а кто жъ надѣется?

— Ты выигралъ пари, только не со всѣмъ, сказалъ онъ, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкій выбиралъ одну только княжну, другіе кавалеры поминутно ее выбирали: это явно былъ заговоръ противъ меня—тѣмъ лучше: ей хочется говорить со мною, ей мѣшаютъ—ей захочется вдвое болѣе.

Я раза два пожалъ ея руку; во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ! — И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непременно поцѣловать ея руку.

Стали развѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую

ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень доволенъ собою.

— За большимъ столомъ ужинала молодежь и между ними Грушницкій. Когда я вошелъ, всѣ замолчали; видно, говорили обо мнѣ. Многіе съ прошедшаго бала на меня дуются, особенно драгунскій капитанъ; а теперь кажется, рѣшительно составляется противъ меня враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. У него такой гордый и храбрый видъ...

Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью.

Въ продолженіе ужина Грушницкій шентался и перемигивался съ драгунскимъ капитаномъ.

14-го іюня.

Нынче поутру Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Я встрѣтилъ ихъ карету, когда шелъ къ княгинѣ Лиговской. Она мнѣ кивнула головой: во взглядѣ ея былъ упрекъ.

Кто жъ виноватъ? Зачѣмъ она не хочетъ дать мнѣ случай видѣться съ нею наединѣ? Любовь, какъ огонь,—безъ пищи гаснетъ. Авось ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы.

Я сидѣлъ у княгини битый часъ. Мери не вышла: больна. Вечеромъ на бульварѣ ея не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла въ самомъ дѣлѣ грозный видъ. Я радъ, что княжна больна: они сдѣлали бы ей какую нибудь дерзость. У Грушницкаго растрепанная прическа и отчаянный видъ;

онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ огорченъ, особенно самолюбіе его оскорблено; но вѣдь есть же люди, въ которыхъ даже отчаяніе забавно!...

Возвратясь домой, я замѣтилъ, что мнѣ чего-то недостаетъ. Я не видалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?... Какой вздоръ!

15-го іюня.

Въ одиннадцать часовъ утра—часть, въ который княгиня Лиговская обыкновенно потѣетъ въ Ермоловской ваннѣ—я шелъ мимо ея дома. Княжна сидѣла задумчиво у окна; увидѣвъ меня, вскочила.

Я вошелъ въ переднюю, людей никого не было, и я безъ доклада, пользуясь свободой здѣшнихъ нравовъ, пробрался въ гостиную.

Тусклая блѣдность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку кресель; эта рука чуть-чуть дрожала. Я тихо подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы на меня сердитесь?...

Она подняла на меня томный, глубокой взоръ и покачала головой; ея губы хотѣли проговорить что-то, и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась въ кресла и закрыла лицо руками.

— Что съ вами? сказалъ я, взявъ ея руку.

— Вы меня не уважаете!... О, оставьте меня!...

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... Она выпрямилась въ креслахъ; глаза ея засверкали.

Я остановился, взявшись за ручку двери, и сказалъ:

— Простите меня, княжна! я поступилъ какъ безумецъ... этого въ другой разъ не случится; я приму свои мѣры... Зачѣмъ вамъ знать то, что происходило до сихъ поръ въ душѣ моей? Вы этого никогда не узнаете и тѣмъ лучше для васъ. Прощайте.

Уходя, мнѣ кажется, я слышалъ, что она плакала.

Я до вечера бродилъ пѣшкомъ по окрестностямъ Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель въ совершенномъ изнеможеніи.

Ко мнѣ зашелъ Вернеръ.

— Правда ли, спросилъ онъ, что вы женитесь на княжнѣ Лиговской?

— А что?

— Весь городъ говоритъ; всѣ мои больные заняты этой важной новостью; а ужъ эти больные такой народъ: все знаютъ!

«Это штуки Грушницкаго», подумалъ я.

— Чтобъ вамъ доказать, докторъ, ложность этихъ слуховъ, объявляю вамъ по секрету, что завтра я переѣзжаю въ Кисловодскъ...

— И княжна также?...

— Нѣтъ; она остается еще на недѣлю здѣсь...

— Такъ вы не женитесь?...

— Докторъ, докторъ! посмотрите на меня: неужели я похожъ на жениха, или на чтонибудь подобное?

— Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи... прибавилъ онъ, хитро улыбаясь, въ которыхъ благородный чловѣкъ обязанъ жениться, и есть маменьки, которыя по крайней мѣрѣ не предупреждаютъ этихъ случаевъ... Итакъ, я вамъ совѣтую, какъ пріятель, быть осторожнѣе. Здѣсь, на водахъ, преопасный воздухъ: сколько я видѣлъ прекрасныхъ молодыхъ людей, достойныхъ лучшей участи, и уѣзжавшихъ отсюда прямо подъ вѣнецъ... Даже, повѣрите ли, меня хотѣли женить! Именно, одна уѣздная маменька, у которой дочь была очень блѣдна. Я имѣлъ несчастье сказать ей, что цвѣтъ лица возвратится послѣ свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мнѣ руку своей дочери и все свое состояніе— пятьдесятъ душъ, кажется. Но я отвѣчала, что я къ этому неспособенъ.

Вернеръ ушелъ въ полной увѣренности, что онъ меня предостерегъ.

Изъ словъ его я замѣтилъ, что про меня и княжну ужъ распушены въ городѣ разные дурные слухи: это Грушницкому даромъ не пройдетъ!

18-го іюня.

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Каждый день вижу Вѣру у колодца и на гуляньѣ. Утромъ, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнетъ на ея балконъ; она давно ужъ одѣта и ждетъ условленнаго знака; мы встрѣчаемся, будто нечаянно, въ саду, который отъ нашихъ домовъ спускается къ колодцу. Живительный горный воздухъ возвратилъ ей цвѣтъ лица и силы. Не даромъ Нарзанъ называется богатырскимъ ключемъ. Здѣшніе жители утверждаютъ, что воздухъ Кисловодска располагаетъ къ любви, что здѣсь бывають развязки всѣхъ романовъ, которые когда либо начинались у подошвы Машука. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все дышетъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно—и густыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною, падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами; и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны; и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акации; и постоянный сладостно-усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтаясь въ концѣ долины, бѣгутъ дружно въ запуски и наконецъ кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякій разъ, какъ я на нее взгляну, мнѣ все кажется, что ѣдетъ карета, а изъ окна кареты выглядываетъ розовое личико. Ужъ много каретъ проѣхало по этой дорогѣ—а той все нѣтъ. Слободка,

которая за крѣпостью, населилась; въ рестораціи, построенной на холмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, начинаютъ мелькать вечеромъ огни сквозь двойной рядъ тополей; шумъ и звонъ стакановъ раздаются до поздней ночи.

Нигдѣ такъ много не пьютъ кахетинскаго вина и минеральной воды, какъ здѣсь.

Но смѣшивать дваѣти ремесла
Есть тѣмъ охотниковъ—я не изъ ихъ числа.

Грушницкій съ своей шайкой бушуетъ каждый день въ трактирѣ, и со мной почти не кланяется.

Онъ только вчера пріѣхалъ, а успѣлъ уже поссориться съ тремя стариками, которые хотѣли прежде его сѣсть въ ванну; рѣшительно — несчастія развиваютъ въ немъ воинственный духъ.

22-го іюня.

Наконецъ онѣ пріѣхали. Я сидѣлъ у окна, когда услышалъ стукъ ихъ кареты: у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюбленъ?... Я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать!

Я у нихъ обѣдалъ. Княгиня на меня смотрѣла очень нѣжно, и не отходить отъ дочери... плохо! За то Вѣра ревнуетъ меня къ княжнѣ—добился же я этого благополучія. Чего женщина не сдѣлаетъ, чтобъ огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любилъ другую. Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума: женщинѣ трудно убѣдить въ чемъ нибудь; надо ихъ довести до того, чтобъ онѣ убѣдили себя сами. Порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, очень оригиналенъ; чтобъ выучиться ихъ діалектикѣ, надо опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики. Напримѣръ, способъ обыкновенный:

Этотъ человѣкъ любить меня; но я замужемъ: слѣдовательно, не должна его любить.

Способъ женскій:

— Я не должна его любить, ибо я замужемъ; но онъ меня любитъ—слѣдовательно...

Тутъ нѣсколько точекъ, ибо разсудокъ ужъ ничего не говоритъ, а говорятъ большею частью: языкъ, глаза и вслѣдъ за ними сердце, если оно имѣется.

Что если когда нибудь эти записки попадутся на глаза женщинѣ? — «Клевета!» закричитъ она съ негодованіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ поэты пишутъ и женщины ихъ читаютъ [за что имъ глубочайшая благодарность], ихъ столько разъ называли ангелами, что онѣ въ самомъ дѣлѣ, въ простотѣ душевной, повѣрили этому комплименту, забывая, что тѣ же поэты за деньги величали Нерона полубогомъ...

Не кстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью, мнѣ, который, кромѣ ихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ, мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнію... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть только слѣдствіе—

Ума холодныхъ наблюдений
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Женщины должны бы желать, чтобъ всѣ мужчины ихъ такъ-же хорошо знали, какъ я, потому что люблю ихъ во сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости.

Кстати: Вернеръ намеренъ сравнить женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ рассказываетъ Тассъ въ своемъ «Освобожденномъ Іерусалимѣ». «Только приступи», говорилъ онъ, «на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а идти прямо;

мало по малу чудовища исчезаютъ и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. За то бѣда, если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ и обернешься назадъ!»

24-го іюня.

Сегодняшній вечеръ былъ обилень происшествіями. Верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска, въ ущельи, гдѣ протекаетъ Подкумокъ, есть скала называемая Кольцомъ; это—ворота, образованныя природой; онѣ поднимаются на высококомъ холмѣ и заходящее солнце сквозь нихъ бросаетъ на міръ свой послѣдній, пламенный взглядъ. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотрѣть на закатъ солнца сквозь каменное окошко. Никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не думалъ о солнцѣ. Я ѣхалъ возлѣ княжны; возвращаясь домой, надо было переѣзжать Подкумокъ въ бродъ. Горныя рѣчки самыя мелкія опасны особенно тѣмъ, что дно ихъ совершенный калейдоскопъ: каждый день отъ напора волнъ оно измѣняется—гдѣ былъ вчера камень, тамъ нынче яма. Я взялъ подъ уздцы лошадь княжны и свелъ ее въ воду, которая не была выше колѣнъ; мы тихонько стали подвигаться наискось противъ теченія. Извѣстно, что переѣзжая быстрыя рѣчки, не должно смотрѣть на воду, ибо тотчасъ голова закружится. Я забылъ объ этомъ предварить княжну Мери.

Мы были уже на срединѣ, въ самой быстротѣ, когда она вдругъ на сѣдлѣ покачнулася. «Мнѣ дурно!» проговорила она слабымъ голосомъ. Я быстро наклонился къ ней, обвилъ рукою ея гибкую талию.

— Смотрите на верхъ! шепнулъ я ей: это ничего, только не бойтесь; я съ вами.

Ей стало лучше; она хотѣла освободиться отъ моей руки, но я еще крѣпче обвилъ ея нѣжный, мягкій станъ; моя щека почти касалась ея щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ.

— Что вы со мною дѣлаете?... Боже мой!...

Я не обращалъ вниманія на ея трепеть и смущеніе, и губы мои коснулись ея нѣжной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала, мы ѣхали сзади: никто не видалъ. Когда мы выбрались на берегъ, то всѣ пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возлѣ нея; видно было, что ее беспокоило мое молчаніе, но я поклялся не говорить ни слова—изъ любопытства. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она выпутается изъ этого затруднительнаго положенія.

— Или вы меня презираете, или очень любите! сказала она наконецъ голосомъ, въ которомъ были слезы.—Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мной, возмутить мою душу, и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ, не правда ли, прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности: не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать вашъ голосъ!...

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастью, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите? продолжала она: вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я первая вамъ сказала, что я васъ люблю...

Я молчалъ.

— Хотите ли этого? продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

— Зачѣмъ? отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать и то, когда

ужь она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно. Въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта мысль мнѣ доставляетъ необытное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слышу добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія!

Слѣзши съ лошадей, дамы вошли къ княгинѣ; я былъ взволнованъ и поскакалъ въ горы развѣять мысли, толпившіяся въ головѣ моей. Росистый вечеръ дышалъ упоительной прохладой. Луна подымалась изъ-за темныхъ вершинъ. Каждый шагъ моей некованной лошади глухо раздавался въ молчаніи ущелій; у водопада я напоилъ коня, жадно вдохнулъ въ себя раза два свѣжій воздухъ южной ночи и пустился въ обратный путь. Я ѣхалъ черезъ слободку. Огни начинали угасать въ окнахъ; часовые на валу крѣпости и казаки на окрестныхъ пикетахъ протяжно перекликались.

Въ одномъ изъ домовъ слободки, построенномъ на краю оврага, замѣтилъ я чрезвычайное освѣщеніе; по временамъ раздавался нестройный говоръ и крики, изобличавшіе военную пирушку. Я слѣзъ и подкрался къ окну; неплотно притворенный ставень позволилъ мнѣ видѣть пирующихъ и разслушать ихъ слова. Говорили обо мнѣ.

Драгунскій капитанъ, разгоряченный виномъ, ударилъ по столу кулакомъ, требуя вниманія.

— Господа, сказалъ онъ, это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургскія слѣтки всегда зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу! Онъ думаетъ, что онъ только одинъ и

жилъ въ свѣтѣ, оттого что носить всегда чистыя перчатки и вычищенные салоги.

— И что за надменная улыбка! А я увѣренъ, между тѣмъ, что онъ трусъ,— да, трусъ?

— Я думаю то же, сказалъ Грушницкій.—Онъ любитъ отшучиваться. Я разъ ему такихъ вещей наговорилъ, что другой бы меня изрубилъ на мѣстѣ, а Печоринъ все обратилъ въ смѣшную сторону. Я, разумѣется, его не вызвалъ, потому что это было его дѣло; да не хотѣлъ и связываться...

— Грушницкій на него золь за то, что онъ отбилъ у него княжну, сказалъ кто-то.

— Вотъ еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчасъ отсталъ, потому что не хочу жениться, а компрометировать дѣвушку не въ моихъ правилахъ.

— Да, я васъ увѣряю, что онъ первѣйшій трусъ, то-есть Печоринъ, а не Грушницкій,—а Грушницкій молодець, и притомъ онъ мой истинный другъ! сказалъ опять драгунскій капитанъ.

— Господа! никто здѣсь его не защищаетъ? Никто? Тѣмъ лучше! хотите испытать его храбрость? Это васъ позабавить...

— Хотимъ; только какъ?

— А вотъ, слушайте: Грушницкій на него особенно сердить—ему первая роль! Онъ придерется къ какойнибудь глупости и вызоветъ Печорина на дуэль... Погодите; вотъ въ этомъ-то и штука... Вызоветъ на дуэль: хорошо! Все это—вызовъ, приготовленія, условія, будетъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе—я за это берусь; я буду твоимъ секундантомъ, мой бѣдный другъ! Хорошо! Только вотъ гдѣ закорючка: въ пистолеты мы не положимъ пуль. Ужь я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ—на шести шагахъ ихъ поставлю, чортъ возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано!... Согласны!... Почему же нѣтъ?... раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А ты, Грушницкій?

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что если бѣ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если бѣ Грушницкій не согласился, я бросился бѣ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: «Хорошо, я согласен!»

Трудно описать восторгъ всей честной компаніи.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. «За что они всѣ меня ненавидятъ?» думалъ я.—«За что? Обидѣлъ ли я кого нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ' одинъ видъ уже порождаетъ недоброжелательство?» И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало по малу наполняла мою душу. «Берегитесь, господинъ Грушницкій!» говорилъ я, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ: «со мной этакъ не шутятъ. Вы дорого можете заплатить за одобреніе вашихъ глупыхъ товарищей. Я вамъ не игрушка!...»

Я не спалъ всю ночь. Къ утру я былъ желтъ, какъ померанецъ.

Поутру я встрѣтилъ княжну у колодца.

— Вы больны? сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

— И я также... Я васъ обвиняла... можетъ быть напрасно? Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все ли?...

— Все, только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... [ея голосъ

задрожалъ] я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣй—сжальтесь... вы меня не презираете—не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истинну, отвѣчала я княжнѣ: не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: я васъ не люблю.

Ея губы слегка поблѣднѣли.

— Оставьте меня, сказала она едва внятно.

— Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

25-го іюня.

Я иногда себя призираю... Не оттого ли я презираю и другихъ?... Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ. Другой бы, на моемъ мѣстѣ, предложилъ княжнѣ son coeur et sa fortune; но надо мною слово же н и т ь с я—имѣетъ какую-то волшебную власть: какъ бы страстно я ни любилъ женщину, если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться—прости любовь! мое сердце превращается въ камень, и ничто его не разогрѣетъ снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго?... Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе... Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей... Признаться ли? Когда я

былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ смерть отъ злой жены; это меня тогда глубоко поразило: въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женитьбѣ... Между тѣмъ что-то мнѣ говоритъ, что ея предсказаніе сбудется; по крайней мѣрѣ буду стараться, чтобъ онъ сбылось какъ можно позже.

26-го іюня.

Вчера пріѣхалъ сюда фокусникъ Аппельбаумъ. На дверяхъ рестораціи явилась длинная афишка, извѣщающая почтеннѣйшую публику о томъ, что вышепоименованный удивительный фокусникъ, акробатъ, химикъ и оптикъ, будетъ имѣть честь дать великолѣпное представленіе сегодняшняго числа въ восемь часовъ вечера, въ залѣ благороднаго собранія [иначе—въ рестораціи]; билеты по два рубля съ полтиной.

Всѣ собираются идти смотрѣть удивительнаго фокусника; даже княгиня Лиговская, не смотря на то, что дочь ея больна, взяла для себя билетъ.

Нынче послѣ обѣда я шелъ мимо оконъ Вѣры; она сидѣла на балконѣ одна; къ ногамъ моимъ упала записка:

«Сегодня въ десятомъ часу вечера приходи ко мнѣ по большой лѣстницѣ; мужъ мой уѣхалъ въ Пятигорскъ, и завтра утромъ только вернется. Моихъ людей и горничныхъ не будетъ въ домѣ; я имъ всѣмъ раздала билеты, также и людямъ княгини.—Я жду тебя; приходи непременно.»

«А-га!» подумалъ я, «наконецъ таки вышло по моему.»

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ исходѣ девятаго; представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ стульевъ узналъ я лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини. Всѣ были тутъ на перечесть. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ лорнетомъ. Фокусникъ

обращался къ нему всякій разъ, какъ ему нуженъ былъ носовой платокъ, часы, кольцо и проч.

Грушницкій мнѣ не кланяется ужъ нѣсколько времени, а нынче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расплачиваться.

Въ исходѣ десятаго я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глазъ выколи. Тяжелыя холодныя тучи лежали на вершинѣ окрестныхъ горъ; лишь изрѣдка умирающей вѣтеръ шумѣлъ вершинами тополей, окружающихъ ресторацію; у оконъ ея толпился народъ. Я спустился съ горы и, повернувъ въ ворота, прибавилъ шагу. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то идетъ за мною. Я остановился и осмотрѣлся. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать; однако я, изъ осторожности, обошелъ будто гуляя, вокругъ дома. Проходя мимо оконъ княжны, я слышалъ снова шаги за собою; человекъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо меня. Это меня встревожило; однако я прокрался къ крыльцу и поспѣшно взбѣжалъ на темную лѣстницу. Дверь отворилась маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видалъ? сказала шопотомъ Вѣра, прижавшись ко мнѣ.

— Никто.

— Теперь ты вѣришь ли, что я тебя люблю? О! я долго колебалась, долго мучилась... но ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь.

Ея сердце сильно билось, руки были холодны, какъ ледъ. Начались упреки ревности, жалобы; она требовала отъ меня, чтобъ я ей во всемъ признался, говоря, что она съ покорностью перенесетъ мою измѣну, потому что хочетъ единственно моего счастья. Я этому не совсѣмъ вѣрилъ, но успокоилъ ее клятвами, обѣщаніями и проч.

Такъ ты не женишься на Мери? не любишь ее?... А она думаетъ... знаешь ли,

она влюблена въ тебя до безумія, бѣд-
няжка!...

.

Около двухъ часовъ пополуночи я отворилъ окно и, связавъ двѣ шали, спустился съ верхняго балкона на нижній, придерживаясь за колонну. У княжны еще горѣлъ огонь. Что-то меня толкнуло къ этому окну. Занавѣсъ былъ не совсѣмъ задернутъ, и я могъ бросить любопытный взглядъ во внутренность комнаты. Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; предъ нею на столикѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизвѣстности грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко.

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ. Я спрыгнулъ съ балкона на дернъ. Невидимая рука схватила меня за плечо:

— А-га! сказалъ грубый голосъ:—попался!... будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!

— Держи его крѣпче! закричалъ дру-
гой, выскочившій изъ-за угла.

Это были Грушницкій и драгунскій капитанъ.

Я ударилъ послѣдняго по головѣ кулакомъ, сшибъ его съ ногъ и бросился въ кусты. Всѣ тропинки сада, покрывавшаго отлогость противъ нашихъ домовъ, были мнѣ извѣстны.

— Воры! караулъ!... кричали они; раздался ружейный выстрѣлъ; дымящійся пыжъ упалъ почти къ моимъ ногамъ.

Черезъ минуту я былъ уже въ своей комнатѣ, раздѣлся и легъ. Едва мой ла-

кей заперъ дверь на замокъ, какъ ко мнѣ начали стучаться Грушницкій и капитанъ.

— Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?... закричалъ капитанъ.

— Сплю, отвѣчалъ я сердито.

— Вставайте!—воры... черкесы...

— У меня насморкъ, отвѣчалъ я; боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они бѣ еще съ часъ проискали меня въ саду. Тревога между тѣмъ, сдѣлалась ужасная. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось; стали искать черкесовъ во всѣхъ кустахъ — и, разумѣется, ничего не нашли. Но многіе, вѣроятно, остались въ твердомъ убѣжденіи, что если бѣ гарнизонъ показалъ болѣе храбрости и поспѣшности, то по крайней мѣрѣ десятка два хищниковъ остались бы на мѣстѣ.

27-го іюня.

Нынче поутру у колодца только и было толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ. Выпивши положенное число стакановъ Нарзана, пройдясь разъ десять по длинной липовой аллеѣ, я встрѣтилъ мужа Вѣры, который только что пріѣхалъ изъ Пятигорска. Онъ взялъ меня подъ руку, и мы пошли въ ресторацію завтракать; онъ ужасно беспокоился о женѣ. «Какъ она перепугалась нынче ночью!» говорилъ онъ: «вѣдь надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи.» Мы усѣлись завтракать возлѣ двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось челоуѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Судьба вторично доставила мнѣ случай подслушать разговоръ, который долженъ былъ рѣшить его участь. Онъ меня не видалъ, и слѣдственно, я не могъ подозрѣвать умысла; но это только увеличивало его вину въ моихъ глазахъ.

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ это были черкесы? сказалъ кто-то. — Видѣлъ ли ихъ кто нибудь?

— Я вамъ разскажу всю истину, отвѣчалъ Грушницкій, только пожалуйста не выдавайте меня. Вотъ какъ это было: вчера одинъ человѣкъ, котораго я вамъ не назову, приходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что видѣлъ въ десятомъ часу вечера, какъ кто-то прокрался въ домъ къ Лиговскимъ. Надо вамъ замѣтить, что княгиня была здѣсь, а княжна дома. Вотъ мы съ нимъ и отправились подъ окна, чтобъ подстеречь счастливица.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собесѣдникъ очень былъ занятъ своимъ завтракомъ: онъ могъ услышать вещи для себя довольно непріятныя, если бъ неравно Грушницкій отгадалъ истину; но ослѣпленный ревностью, онъ и не подозревалъ ея.

— Вотъ видите ли, продолжалъ Грушницкій: мы и отправились, взявши съ собой ружье, заряженное холостымъ патрономъ, только такъ, чтобъ поугадать. До двухъ часовъ ждали въ саду. Наконецъ— ужъ Богъ знаетъ откуда онъ явился, только не изъ окна, потому что оно не отворялось, а должно быть онъ вышелъ въ стеклянную дверь, что за колонной,— наконецъ, говорю я, видимъ мы, сходить кто-то съ балкона... Какова княжна?—а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! Послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить, только онъ вырвался и, какъ заяцъ, бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ.

Вокругъ Грушницкаго раздался ропотъ недовѣрчивости.

— Вы не вѣрите? продолжалъ онъ: даю вамъ честное, благородное слово, что все это сущая правда, и въ доказательство я вамъ, пожалуй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто жъ онъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ, отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза—я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ

ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы ужъ дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться.

— Прошу васъ, продолжалъ я тѣмъ же тономъ: прошу васъ сейчасъ же отказать отъ вашихъ словъ; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобъ равнодушіе женщины къ нашимъ блестящимъ достоинствамъ заслуживало такое ужасное мщеніе. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнѣніе, вы теряете право на имя благороднаго человѣка, и рискуете жизнію.

Грушницкій стоялъ передо мною, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи. Но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна. Драгунскій капитанъ, сидѣвшій возлѣ него, толкнулъ его локтемъ; онъ вздрогнулъ и быстро отвѣчалъ мнѣ, не подымая глазъ:

— Милостивый государь, когда я что говорю, такъ я это думаю, и готовъ повторить... Я не боюсь вашихъ угрозъ и готовъ на все.

— Послѣднее вы ужъ доказали, отвѣчалъ я ему холодно, и взявъ подъ руку драгунскаго капитана, вышелъ изъ комнаты.

— Что вамъ угодно? спросилъ капитанъ.

— Вы пріятель Грушницкаго и, вѣроятно, будете его секундantomъ?

Капитанъ поклонился очень важно.

— Вы отгадали, отвѣчалъ онъ: я даже обязанъ быть его секундantomъ, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мнѣ: я былъ съ нимъ вчера ночью, прибавилъ онъ, выпрямляя свой сутуловатый станъ.

— А! такъ это васъ ударилъ я такъ неловко по головѣ?...

Онъ пожелтѣлъ, посинѣлъ; скрытая злоба изобразилась на лицѣ его.

— Я буду имѣть честь прислать къ вамъ нынче моего секунданта, прибавилъ я, раскланявшись очень вѣжливо и показывая видъ, будто не обращаю вниманія на его бѣшенство.

На крыльцѣ ресторациі я встрѣтилъ мужа Вѣры. Кажется, онъ меня дожидался.

Онъ схватилъ мою руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ.

— Благородный молодой человекъ, сказалъ онъ, съ слезами на глазахъ. Я все слышалъ. Какой мерзавецъ! неблагодарный!... Принимай ихъ послѣ этого въ порядочный домъ! Слава Богу, у меня нѣтъ дочерей! Но васъ награждать та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте увѣрены въ моей скромности до поры! до времени, продолжалъ онъ.—Я самъ былъ молодъ и служилъ въ военной службѣ: знаю, что въ эти дѣла не должно вмѣшиваться. Прощайте.

Бѣдняжка! радуется, что у него нѣтъ дочерей...

Я пошелъ прямо къ Вернеру, засталъ его дома и рассказалъ ему все—отношенія мои къ Вѣрѣ и княжнѣ, и разговоръ, подслушанный мною, изъ котораго я узналъ намѣреніе этихъ господъ—подурчить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами. Но теперь дѣло выходило изъ границъ шутки: они, вѣроятно, не ожидали такой развязки.

Докторъ согласился быть моимъ секундantomъ; я далъ ему нѣсколько наставленій насчетъ условій поединка; онъ долженъ былъ настоять на томъ, чтобы дѣло обошлось какъ можно секретнѣе, потому что хотя я когда угодно готовъ подвергать себя сметри, но ни мало не расположенъ испортить навсегда свою будущность въ здѣшнемъ мірѣ.

Послѣ этого я пошелъ домой. Черезъ часъ докторъ вернулся изъ своей экспедиціи.

— Противъ васъ, точно, есть заговоръ, сказалъ онъ.—Я нашелъ у Грушницкаго драгунскаго капитана и еще одного господина, котораго фамиліи не помню. Я на минуту остановился въ передней, чтобы снять калоши. У нихъ былъ ужасный шумъ и споръ... «Ни за что не соглашусь!» говорилъ Грушницкій: «онъ меня оскорбилъ публично; тогда было совсѣмъ другое...» — «Какое тебѣ дѣло?» отвѣчалъ капитанъ: «я все беру на себя. Я былъ секундantomъ на пяти дуэляхъ, и ужъ знаю какъ это устроить. Я все придумалъ. Пожалуйста, только мнѣ не мѣшай. Пострашать не худо. А зачѣмъ подвергать себя опасности, если можно избавиться?...» Въ эту минуту я вошелъ. Они вдругъ замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконецъ мы рѣшили дѣло вотъ какъ: верстахъ въ пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поѣдутъ завтра въ четыре часа утра, а мы выѣдемъ полчаса послѣ нихъ; стрѣляться будете на шести шагахъ—этого требовалъ самъ Грушницкій. Убитаго — на счетъ черкесовъ. Теперь вотъ какія у меня подозрѣнія: они, то есть секунданты, должно быть, нѣсколько перемѣнили свой прежній планъ и хотятъ зарядить пулюю одинъ пистолетъ Грушницкаго. Это немножко похоже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азіятской войнѣ, хитрости позволяютъ; только Грушницкій, кажется, поблагороднѣе своихъ товарищей. Какъ вы думаете: должны ли мы показать имъ, что догадались?

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ! Будьте спокойны; я имъ не поддамся.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Это моя тайна.

— Смотрите, не попадитесь... вѣдь на шести шагахъ!

— Докторъ, я васъ жду завтра въ четыре часа; лошади будутъ готовы... Прощайте.

Я до вечера просидѣлъ дома, запершись въ своей комнатѣ. Приходилъ лакей, звать

меня къ княгинѣ—я велѣлъ сказать, что боленъ.

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтобъ завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ промахнуться трудно. А! господинъ Грушницкій! ваша мистификація вамъ не удалась... мы помѣняемся ролями: теперь мнѣ придется отыскивать на вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Зачѣмъ вы сами назначили эти роковые шесть шаговъ? Вы думаете, что я вамъ безъ спора подставлю свой лобъ... но мы бросимъ жребій... и тогда... тогда... что если, его счастье перетянетъ? если моя звѣзда наконецъ мнѣ измѣнитъ?... И немудрено: она такъ долго служила вѣрно моимъ прихотямъ.

Что жъ? умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я—какъ человѣкъ, зѣвующій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... прощайте!...

Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетво-

рялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданья—и никогда не могъ насытиться. Такъ, томимый голодомъ, въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся—мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе.

И, можетъ быть, я завтра умру!... и не останется на землѣ ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь—изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно!

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я въ крѣпости N. Максимъ Максимычъ ушелъ на охоту... я одинъ; сижу у окна; сѣрыя тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туманъ кажется желтымъ пятномъ. Холодно; вѣтеръ свищетъ и колеблетъ ставни... Скучно!... Стану продолжать свой журналъ, прерванный столькими странными событіями.

Перечитываю послѣднюю страницу: смѣшно!—Я думалъ умереть; это было невозможно: я еще не осушилъ чаши страданій, и теперь чувствую, что мнѣ еще долго жить.

Какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!

Я помню, что въ продолженіе ночи, предшествовавшей поединку, я не спалъ ни минуты. Писать я не могъ долго: тайное безпокойство мною овладѣло. Съ часъ я ходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ и открылъ романъ Вальтеръ Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то были «Шот-

ланскіе Пуритане»; я читалъ сначала съ усиленіемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ...

Наконецъ разсвѣло. Нервы мои успокоились. Я посмотрѣлся въ зеркало; тусклая блѣдность покрывала лицо мое, хранившее слѣды мучительной бессонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволенъ собою.

Велѣвъ сѣдлатъ лошадей, я одѣлся и сбѣжалъ къ купальнѣ. Погружаясь въ холодный кипятокъ Нарзана, я чувствовалъ, какъ тѣлесныя и душевныя силы мои возвращались. Я вышелъ изъ ванны свѣжъ и бодръ, какъ будто собирался на балъ. Послѣ этого говорите, что душа не зависитъ отъ тѣла!...

Возвратясь, я нашелъ у себя доктора. На немъ были сѣрые рейтузы, архалукъ и черкесская шапка. Я расхохотался, увидѣвъ эту маленькую фигурку подъ огромной косматой шапкой: у него лицо вовсе не воинственное, а въ этотъ разъ оно было еще длиннѣе обыкновеннаго.

— Отчего вы такъ печальны, докторъ? сказалъ я ему. — Развѣ вы сто разъ не провожали людей на тотъ свѣтъ съ величайшимъ равнодушіемъ? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздороветь, могу и умереть; то и другое въ порядкѣ вещей; старайтесь смотрѣть на меня какъ на пациента, одержимаго болѣзнию, вамъ еще неизвѣстной—и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сдѣлать теперь нѣсколько важныхъ фізіологическихъ наблюдений... Ожиданіе насильственной смерти не есть ли уже настоящая болѣзнь?

Эта мысль поразила доктора, и онъ развеселился.

Мы сѣли верхомъ; Вернеръ ущѣпился за поводья обѣими руками, и мы пустились—мигомъ проскакали мимо крѣпости черезъ слободку и вѣхали въ ущельѣ,

по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой, и ежеминутно пересѣкаемая шумнымъ ручьемъ, черезъ который нужно было переправляться въ бродѣ, къ великому отчаянію доктора, потому что лошадь его каждый разъ въ водѣ останавливалась.

Я не помню утра болѣе голубаго и свѣжаго! Солнце едва выказалось изъ-за зеленыхъ вершинъ, и слияніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой ночи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодого дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обѣихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню — въ этотъ разъ больше, чѣмъ когданибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую миллионы радужныхъ лучей! какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль! Тамъ путь все становился уже, утесы синѣе и страшнѣе, и наконецъ они, казалось, сходились непроницаемой стѣной. Мы ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе? вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать свое послѣднее прости?...

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ на свѣтѣ женщины, которой вы хотѣли бы оставить чтонибудь на память?...

— Хотите ли, докторъ, отвѣчалъ я ему, чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?... Видите ли, я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей

любезной и завѣщая другу клочекъ на-
помаженныхъ или ненапомаженныхъ во-
лосъ. Думая о близкой и возможной
смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные
не дѣлаютъ и этого.—Друзья, которые
завтра меня забудутъ, или, хуже, взве-
дутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія не-
былицы; женщины, которыя, обнимая
другаго, будутъ смѣяться надо мною,
чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ
усопшему—Богъ съ ними! Изъ жизнен-
ной бури я вынесъ только нѣсколько
идей—и ни одного чувства. Я давно ужъ
живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣ-
шиваю, разбираю свои собственныя страсти
и поступки съ строгимъ любопытствомъ,
но безъ участія. Во мнѣ два человѣка:
одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого
слова, другой мыслить и судить его;
первый, быть можетъ, черезъ часъ про-
ститса съ вами и міромъ навѣки, а вто-
рой... второй?... Посмотрите, докторъ:
видите ли вы на скалѣ, направо, чернѣ-
ются три фигуры? Это, кажется, наши
противники?...

Мы пустились.

У подошвы скалы, въ кустахъ, были
привязаны три лошади; мы своихъ при-
вязали тутъ же, а сами по узкой тро-
пинкѣ взобрались на площадку, гдѣ ожи-
далъ насъ Грушницкій съ драгунскимъ
капитаномъ и другимъ своимъ секундан-
томъ, котораго звали Иваномъ Игнатье-
вичемъ; фамиліи его я никогда не слы-
халъ.

— Мы давно ужъ васъ ожидаемъ,
сказалъ драгунскій капитанъ съ ирони-
ческой улыбкой.

Я вынулъ часы и показалъ ему.

Онъ извинился, говоря, что его часы
уходятъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось за-
труднительное молчаніе; наконецъ докторъ
прервалъ его, обратясь къ Грушницкому.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что по-
казавъ оба готовность драться и запла-

тивъ этимъ долгъ условіямъ чести, вы
бы могли, господа, объясниться и кон-
чить это дѣло полюбовно.

— Я готовъ, сказалъ я.

Капитанъ мигнулъ Грушницкому, и
этотъ, думая, что я трушу, принявъ гор-
дый видъ, хотя до сей минуты тусклая
блѣдность покрывала его щеки. Съ тѣхъ
поръ, какъ мы пріѣхали, онъ въ первый
разъ поднялъ на меня глаза; но во взглядѣ
его было какое-то безпокойство, изо-
бличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условія, сказалъ
онъ; и все, что я могу для васъ сдѣлать,
то будьте увѣрены...

— Вотъ мои условія: вы нынче же
публично откажетесь отъ своей клеветы
и будете просить у меня извиненія...

— Милостивый государь, я удивляюсь,
какъ вы смѣете мнѣ предлагать такія
вещи?...

— Что жъ я вамъ могъ предложить,
кромѣ этого?...

— Мы будемъ стрѣляться.

Я пожалъ плечами.

— Пожалуй; только подумайте, что
одинъ изъ насъ непременно будетъ
убить.

— Я желаю, чтобы это были вы...

— А я такъ увѣренъ въ противномъ...

Онъ смутился, покраснѣлъ, потомъ
принужденно захохоталъ.

Капитанъ взялъ его подъ руку и отвелъ
въ сторону; они долго шептались. Я
пріѣхалъ въ довольно миролюбивомъ рас-
положеніи духа, но все это начинало меня
бѣсить.

Ко мнѣ подошелъ докторъ.

— Послушайте, сказалъ онъ съ явнымъ
безпокойствомъ: вы вѣрно забыли про
ихъ заговоръ?... Я не умѣю зарядить пи-
стоleta, но въ этомъ случаѣ... Вы стран-
ный человѣкъ! Скажите имъ, что вы
знаете ихъ намѣреніе—и они не посмѣ-
ютъ... Что за охота? подстрѣлять васъ,
какъ птицу...

— Пожалуйста, не беспокойтесь, докторъ, и погодите... Я все такъ устрою, что на ихъ сторонѣ не будетъ никакой выгоды. Дайте имъ пошептаться...

— Господа! это становится скучно, сказалъ я имъ громко: драться, такъ драться; вы имѣли время вчера наговориться...

— Мы готовы, отвѣчалъ капитанъ. Становитесь, господа! Докторъ, извольте отмѣрить шесть шаговъ...

— Становитесь! повторилъ Иванъ Игнатьевичъ пискливымъ голосомъ.

— Позвольте! сказалъ я: еще одно условіе; такъ какъ мы будемъ драться на смерть, то мы обязаны сдѣлать все возможное, чтобъ это осталось тайною и чтобъ секунданы наши не были въ отвѣтственности. Согласны ли вы?...

— Совершенно согласны.

— Итакъ, вотъ что я придумалъ. Видите ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? Оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непременно внизъ и разобьется въ дребезги; пулю докторъ вынетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объявляю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй! сказалъ капитанъ, посмотрѣвъ выразительно на Грушницкаго, который кивнулъ головой, въ знакъ согласія. Лицо его ежеминутно мѣнялось. Я его поставилъ въ затруднительное положеніе. Стрѣляясь при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ могъ цѣлить мнѣ въ ногу, легко меня ранить и удовлетворить та-

кимъ образомъ свою месть, не отягощая слишкомъ своей совѣсти; но теперь онъ долженъ былъ выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцей, или наконецъ оставить свой подлый замыселъ и подвергнуться одинаковой со мною опасности. Въ эту минуту я не желалъ бы быть на его мѣстѣ. Онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить ему что-то съ большимъ жаромъ; я видѣлъ, какъ посинѣвшія губы его дрожали, но капитанъ отъ него отвернулся съ презрительной улыбкой.—Ты дуракъ! сказалъ онъ Грушницкому довольно громко: ничего не понимаешь!... Отправитесь же, господа!

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скалъ составляли шаткія ступени этой природной лѣстницы; цѣпляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкій шелъ впереди, за нимъ его секунданы, а потомъ мы съ докторомъ.

— Я вамъ удивляюсь, сказалъ докторъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку.—Дайте пощупать пульсъ!... Ого! лихорадочный!... но на лицѣ ничего не замѣтно... только глаза у васъ блестятъ ярче обыкновеннаго.

Вдругъ мелкіе камни съ шумомъ покатились намъ подъ ноги. Что это? Грушницкій споткнулся; вѣтка, за которую онъ уцѣпился, изломалась, и онъ скатился бы внизъ на спинѣ, если бъ его секунданы не поддержали.

— Берегитесь! закричалъ я ему: не падайте заранѣе; это дурная примѣта. Вспомните Юлія Цезаря!

Вотъ мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелкимъ пескомъ, будто нарочно для поединка. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльборусъ на югѣ вставалъ бѣлою громадой, замыкая цѣпь льдистыхъ вершинъ, между которыхъ ужъ бродили волокнистыя облака, набѣжавшія съ востока. Я подошелъ

къ краю площадки и посмотрѣлъ внизъ; голова чуть-чуть у меня не закружилась: тамъ, внизу, казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; мшистые зубцы скаль, сброшенныхъ грозю и временемъ, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольникъ. Отъ выдавагося угла отмѣряли шесть шаговъ, и рѣшили, что тотъ, кому придется первому встрѣтить неприятельскій огонь, станетъ на самомъ углу спиною къ пропасти; если онъ не будетъ убитъ, то противники помѣняются мѣстами.

Я рѣшился предоставить всѣ выгоды Грушницкому; я хотѣлъ испытать его; въ душѣ его могла проснуться искра великодушія—и тогда все устроилось бы къ лучшему; но самолюбіе и слабость характера должны были торжествовать... Я хотѣлъ дать себѣ полное право не шадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключалъ такихъ условій съ своею совѣстью?

— Бросьте жребій, докторъ! сказалъ капитанъ.

Докторъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и поднялъ ее кверху.

— Рѣшетка! закричалъ Грушницкій поспѣшно, какъ человекъ, котораго вдругъ разбудилъ дружескій толчокъ.

— Орель! сказалъ я.

Монета взвилась и упала, звеня; всѣ бросились къ ней.

— Вы счастливы, сказалъ я Грушницкому: вамъ стрѣлять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь—даю вамъ честное слово.

Онъ покраснѣлъ; ему было стыдно убить человека безоружнаго; я глядѣлъ на него пристально; съ минуту мнѣ казалось, что онъ бросится къ ногамъ моимъ, умоляя о прощеніи; но какъ признаться въ такомъ подломъ умыслѣ?... Ему оставалось одно средство—выстрѣ-

лить на воздухъ. Я былъ увѣренъ, что онъ выстрѣлитъ на воздухъ. Одно могло этому помѣшать: мысль, что я потребую вторичнаго поединка.

Пора! шепнулъ мнѣ докторъ, дергая за рукавъ: если вы теперь не скажете, что мы знаемъ ихъ намѣренія, то все пропало. Посмотрите, онъ ужъ заряжаетъ... если вы ничего не скажете, то я самъ.

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ, отвѣчалъ я, удерживая его за руку: вы все испортите; вы мнѣ дали слово не мѣшать... Какое вамъ дѣло? Можетъ быть, я хочу быть убитъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— О, это другое!... только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...

Капитанъ между тѣмъ зарядилъ свои пистолеты, подаль одинъ Грушницкому, съ улыбкою шепнувъ ему что-то; другой мнѣ.

Я сталъ на углу площадки, крѣпко упершись лѣвой ногою въ камень и наклонясь немного напередъ, чтобы въ случаѣ легкой раны не опрокинуться назадъ.

Грушницкій сталъ противъ меня и, по данному знаку, началъ поднимать пистолетъ. Колѣни его дрожали. Онъ цѣлилъ мнѣ прямо въ лобъ.

Неизъяснимое бѣшенство закипѣло въ груди моей.

Вдругъ онъ опустилъ дуло пистолета и, поблѣднѣвъ какъ полотно, повернулся къ своему секунданту:

— Не могу, сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Трусъ! отвѣчалъ капитанъ.

Выстрѣлъ раздался. Пуля оцарапала мнѣ колѣно. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣй удалиться отъ края.

— Ну, братъ Грушницкій, жаль, что промахнулся! сказалъ капитанъ. Теперь твоя очередь, становись! Обними меня

прежде: мы ужь не увидимся! Они обнялись; капитанъ едва могъ удержаться отъ смѣха.— Не бойся, прибавилъ онъ, хитро взглянувъ на Грушницкаго: все вздоръ на свѣтѣ... Натура—дура, судьба—индѣйка, а жизнь—копѣйка!

Послѣ этой трагической фразы, сказанной съ приличною важностью, онъ отошелъ на свое мѣсто. Иванъ Игнатьевичъ со слезами обнялъ также Грушницкаго, и вотъ онъ остался одинъ противъ меня. Я до-сихъ поръ стараюсь объяснить себѣ, какого рода чувство кипѣло тогда въ груди моей: то было и досада оскорбленнаго самолюбія, и презрѣніе, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этотъ человѣкъ, теперь съ такою увѣренностью, съ такой спокойной дерзостью на меня глядящій, двѣ минуты тому назадъ, не подвергая себя никакой опасности, хотѣлъ меня убить какъ собаку, ибо раненый въ ногу немного сильнѣе, я бы непременно свалился съ утеса.

Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему пристально въ лицо, стараясь замѣтить хоть легкій слѣдъ раскаянія. Но мнѣ показалось, что онъ удерживалъ улыбку.

— Я вамъ совѣтую передъ смертью помолиться Богу, сказалъ я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душѣ больше, чѣмъ о своей собственной. Объ одномъ васъ прошу: стрѣляйте скорѣе.

— И вы не отказываетесь отъ своей клеветы? не просите у меня прощенія?... Подумайте хорошенько: не говоритъ ли вамъ чего нибудь совѣсть!

— Господинъ Печоринъ! закричалъ драгунскій капитанъ: вы здѣсь не для того, чтобъ исповѣдывать, позвольте вамъ замѣтить... Кончимте скорѣе; неравно кто нибудь проѣдетъ по ущелью — и насъ увидятъ.

— Хорошо. Докторъ, подойдите ко мнѣ.

Докторъ подошелъ. Бѣдный докторъ! онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ Грушницкій, десять минутъ тому назадъ.

Слѣдующія слова я произнесъ нарочно съ разстановкой, громко и внятно, какъ произносятся смертный приговоръ:

— Докторъ, эти господа, вѣроятно въ торопяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова — и хорошенько!

— Не можетъ быть! кричалъ капитанъ: не можетъ быть! я зарядилъ оба пистолета: развѣ что изъ вашего пуля выкатилась... Это не моя вина! — А вы не имѣете права переряжать... никакого права... это совершенно противъ правилъ; я не позволю...

— Хорошо! сказалъ я капитану: если такъ, то мы будемъ съ вами стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ...

Онъ замаялся.

Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь ихъ! сказалъ онъ наконецъ капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ мой изъ рукъ доктора.— Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы.

Напрасно капитанъ дѣлалъ ему разные знаки — Грушницкій не хотѣлъ и смотрѣть.

Между тѣмъ докторъ зарядилъ пистолетъ и подалъ мнѣ.

Увидѣвъ это, капитанъ плюнулъ и топнулъ ногой.

— Дуракъ же ты, братецъ! сказалъ онъ: пошлый дуракъ!... Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... По дѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ какъ муха... Онъ отвернулся и, отходя, пробормоталъ: «А все таки это совершенно противъ правилъ».

— Грушницкій! сказалъ я, еще есть время: откажись отъ своей клеветы и я прошу все. Тебѣ не удалось меня подурачить, и мое самолюбіе удовлетворено. Вспомни, мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза за сверкали...

— Стрѣляйте! отвѣчалъ онъ: я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня

не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...

Я выстрѣлили...

Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было. Только прахъ легкимъ столбомъ еще вился на краю обрыва.

Всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули.

— *Finita la comedia!* сказалъ я доктору.

Онъ не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся.

Я пожалъ плечами и раскланялся съ секундантами Грушницкаго.

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, я замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго. Я невольно закрылъ глаза...

Отвязавъ лошадь, я шагомъ пустился домой, у меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло; лучи его меня не грѣли.

Не доѣзжая слободки, я повернулъ направо по ущелью. Видъ человѣка былъ бы мнѣ тягостенъ: я хотѣлъ быть одинъ.

Бросивъ поводья, опустивъ голову на грудь, я ѣхалъ долго, наконецъ очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомомъ; я повернулъ коня назадъ и сталъ отыскивать дорогу; ужъ солнце садилось, когда я подѣхалъ къ Кисловодску, измученный на измученной лошади.

Лакей мой сказалъ мнѣ, что заходилъ Вернеръ; и подалъ мнѣ двѣ записки: одну отъ него, другую... отъ Вѣры.

Я распечаталъ первую! она была слѣдующаго содержанія:

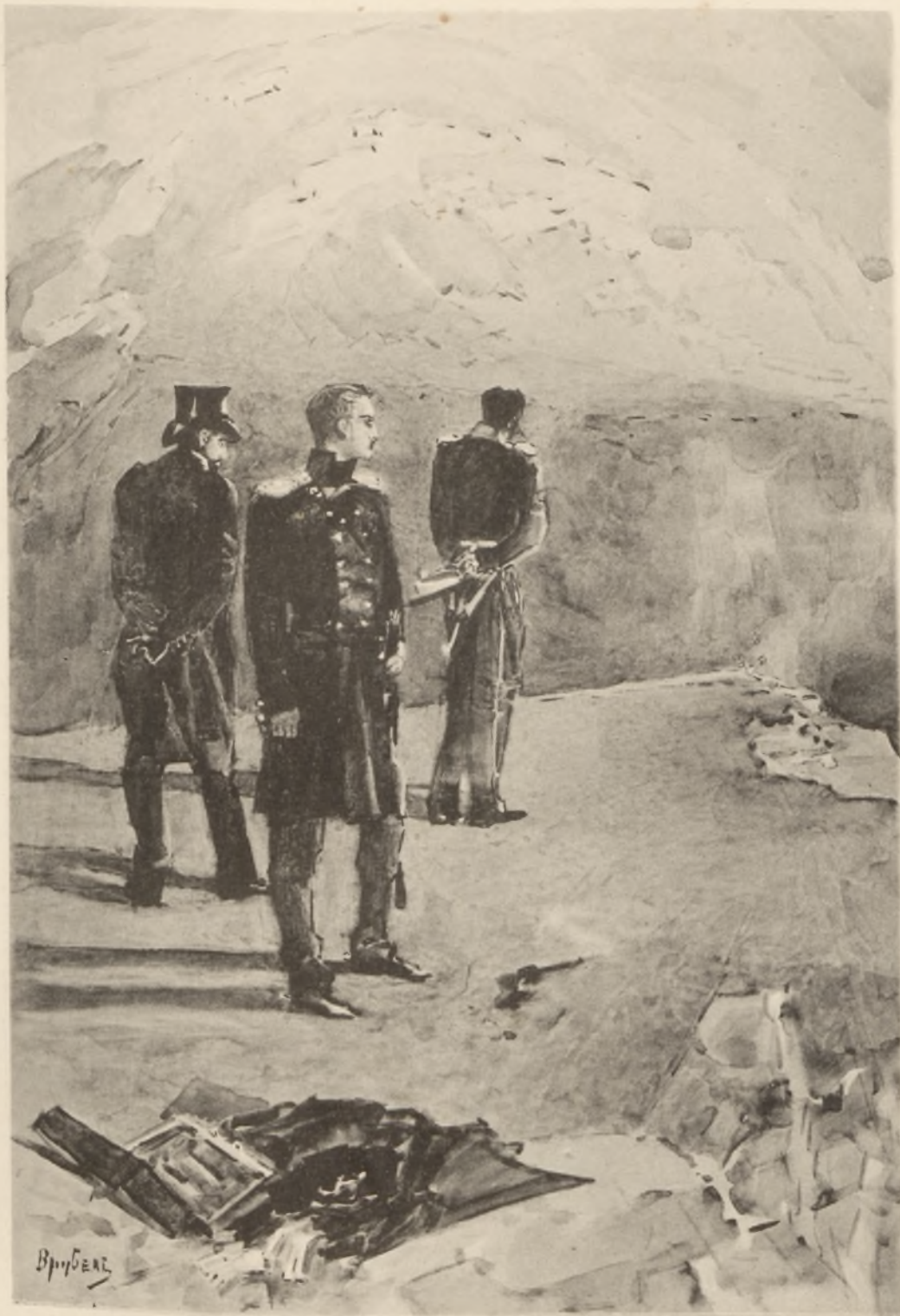
«Все устроено какъ можно лучше: тѣло привезено обезображенное; пуля изъ груди вынута. Всѣ увѣрены, что причиною его смерти несчастный случай; только комендантъ, которому, вѣроятно, извѣстна ваша ссора, покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Доказательствъ противъ васъ нѣтъ никакихъ, и вы можете спать спокойно... если можете... Прощайте...»

Я долго не рѣшался открыть вторую записку... Что могла она мнѣ писать?... Тяжелое предчувствіе волновало мою душу.

Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти:

«Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда болѣе не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разставаясь съ тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично: я не вынесла этого испытанія, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это—неправда ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ прощаньемъ и исповѣдью: я обязана сказать тебѣ все, что накопилось въ моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно тебя любитъ. Я не стану обвинять тебя—ты поступилъ со мною, какъ поступилъ бы всякій другой мужчина: ты любилъ меня какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся взаимно, безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты былъ несчастливъ, и я пожертвовала собою, надѣясь, что когда нибудь ты оцѣнишь мою жертву, что когда нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, независящую ни отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени: я проникла во всѣ тайны души твоей... и убѣдилась, что то была надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя любовь срослась съ душой моей: она потемнѣла, но не угасла.

«Мы расстаемся навѣки; однако ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другаго: моя душа истощила на тебя всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобъ ты былъ лучше ихъ. О, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное тебѣ одному свойственное, что-то гордое:

и таинственное; въ твоёмъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ, ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно, ни чей взоръ не общаетъ столько блаженства, никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.

«Теперь я должна тебѣ объяснить причину моего послѣдшаго отъѣзда; она тебѣ покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

«Нынче поутру мой мужъ вошелъ ко мнѣ и разсказалъ про твою ссору съ Грушничкинымъ. Видно, я очень перемѣнилась въ лицѣ, потому что онъ долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза; я едва не упала безъ памяти при мысли, что ты нынче долженъ драться и что я этому причиной; мнѣ казалось, что я сойду съ ума... Но теперь, когда я могу разсуждать, я увѣрена, что ты останешься живъ: невозможно, чтобъ ты умеръ безъ меня, невозможно! Мой мужъ долго ходилъ по комнатѣ: я не знаю, что онъ мнѣ говорилъ, не помню, что я ему отвѣчала... вѣрно я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что подъ конецъ нашего разговора онъ оскорбилъ меня ужаснымъ словомъ и вышелъ. Я слышала какъ онъ велѣлъ закладывать карету... Вотъ ужъ три часа, какъ я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты живъ, ты не можешь умереть!... Карета почти готова.. Прощай, прощай... Я погибла—но что за нужда? Если бы я могла быть увѣрена, что ты всегда меня будешь помнить—не говорю ужъ любить—нѣтъ, только помнить... Прощай; идуть... я должна спрятать письмо...

«Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней?—Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...»

Я, какъ безумный, выскочилъ на крыльцо, прыгнулъ на своего Черкеса, котораго водили по двору, и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я безпощадно погонялъ измученнаго коня, который, храпя и весь въ пѣнѣ, мчалъ меня по каменистой дорогѣ.

Солнце уже спряталось въ черной тучѣ, отдыхавшей на хребтѣ западныхъ горъ; въ ущельѣ стало темно и сыро. Подкумокъ, пробираясь по камнямъ, ревѣлъ глухо и однообразно. Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнія. Мысль не застать ее въ Пятигорскѣ молоткомъ ударяла мнѣ въ сердцѣ. Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку... Я молился, проклиналъ, плакалъ, смѣялся... нѣтъ, ничто не выразитъ моего безпокойства, отчаянія!... При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ—дороже жизни, чести, счастья! Богъ знаетъ какіе странные, какіе бѣшеные замыслы роились въ головѣ моей... И между тѣмъ я все скакалъ, погоняя безпощадно.—И вотъ я сталъ замѣчать, что конь мой тяжелѣе дышитъ; онъ раза два уже споткнулся на ровномъ мѣстѣ... Оставалось пять верстъ до Есентуковъ—казачьей станицы, гдѣ я могъ пересѣсть на другую лошадь.

Все было бы спасено, еслибъ у моего коня достало силъ еще на десять минутъ. Но вдругъ: поднимаясь изъ небольшого оврага, при выѣздѣ изъ горъ, на крутомъ поворотѣ, онъ грянулся о землю. Я проворно соскочилъ, хочу поднять его, держу за поводъ—напрасно: едва слышный стонъ вырвался сквозь стиснутые его зубы; черезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ; я остался въ степи одинъ, потерявъ послѣднюю надежду; попробовалъ иди пѣшкомъ—ноги мои подкосились: изнуренный тревогами дня и безсонницей, я упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ.

И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не стараясь удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе—исчезли какъ дымъ; душа обезсилѣла, разумокъ замолкъ, и если бъ въ эту минуту кто нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обычный порядокъ, то я понималъ, что гнаться за погибшимъ счастьемъ бесполезно и безразсудно. Чего мнѣ еще надобно?—ее видѣть?—зачѣмъ? не все ли кончено между нами? Одинъ горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ моихъ воспоминаній, а послѣ него намъ только труднѣе будетъ разставаться.

Мнѣ однако пріятно, что я могу плакать. Впрочемъ, можетъ быть, этому причиной разстроенные нервы, ночь, проведенная безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета и пустой желудокъ.

Все къ лучшему! это новое страданіе, говоря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ счастливую диверсію. Плакать здорово, и потомъ, вѣроятно, если бъ я не проѣхался верхомъ и не былъ принужденъ на обратномъ пути пройти пятнадцать верстъ, то и эту ночь сонъ не сомкнулъ бы глазъ моихъ.

Я возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился на постель и заснулъ сномъ Наполеона послѣ Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворѣ ужъ было темно. Я сѣлъ у отвореннаго окна, разстегнулъ архалукъ — и горный вѣтеръ освѣжилъ грудь мою, еще неуспокоенную тяжелымъ сномъ усталости. Вдали за рѣкою, сквозь верхи густыхъ лигъ, ее осѣняющихъ, мелькали огни въ строеньяхъ крѣпости и слободки. На дворѣ у насъ все было тихо, въ домѣ княгини было темно.

Вошелъ докторъ: лобъ у него былъ нахмуренъ; онъ, противъ обыкновенія, не протянулъ мнѣ руки.

— Откуда вы, докторъ?

— Отъ княгини Лиговской; дочь ея больна—разслабленіе нервовъ... Да не въ этомъ дѣло, а вотъ что: начальство догадывается и, хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вамъ совѣтую быть осторожнѣе. Княгиня мнѣ говорила нынче, что она знаетъ, что вы стрѣлялись за ея дочь. Ей все этотъ старичекъ разсказалъ... какъ бишь его? Онъ былъ свидѣтелемъ вашей стычки съ Грушницкимъ въ рестораціи. Я пришелъ васъ предупредить.—Прощайте. Можетъ быть, мы больше не увидимся: васъ ушлютъ куда нибудь.

Онъ на порогѣ остановился: ему хотѣлось пожать мнѣ руку... и если бъ я показалъ ему малѣйшее на это желаніе, то онъ бросился бы мнѣ на шею, но я остался холоденъ какъ камень — и онъ вышелъ.

Вотъ люди! всѣ они таковы: знаютъ заранѣе всѣ дурныя стороны поступка, помогаютъ, совѣтуютъ, даже одобряютъ его, видя невозможность другаго средства—а потомъ умываютъ руки и отворачиваются съ негодованіемъ отъ того, кто имѣлъ смѣлость взять на себя всю тягость отвѣтственности. Всѣ они таковы, даже самые добрые, самые умные.

На другой день утромъ, получивъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N., я зашелъ къ княгинѣ проститься.

Она была удивлена, когда на вопросъ ея: имѣю ли я сказать что нибудь особенно важное, я отвѣчалъ, что желаю ей быть счастливой и проч.

— А мнѣ нужно съ вами поговорить очень серьезно.

Я сѣлъ молча.

Явно было, что она не знала съ чего начать; лицо ея побагровѣло, пухлые ея пальцы стучали по столу; наконецъ она начала такъ, прерывистымъ голосомъ:

— Послушайте, мсье Печоринъ, я думаю, что вы благородный человѣкъ.

Я поклонился.

— Я даже въ этомъ увѣрена, продолжала она: хотя ваше поведеніе нѣсколько сомнительно, но у васъ могутъ быть причины, которыхъ я не знаю, и ихъ то вы должны теперь мнѣ повѣрить. Вы защитили дочь мою отъ клеветы, стрѣлялись за нее—слѣдственно рисковали жизнью... Не отвѣчайте, я знаю, что вы въ этомъ не признаетесь, потому что Грушницкій убитъ [она перекрестилась]. Богъ ему простить—и, надѣюсь, вамъ также!... Это до меня не касается... я не смѣю осуждать васъ, потому что дочь моя, хотя невинно, но была этому причиной. Она мнѣ все сказала... я думаю все: вы изъяснились ей въ любви... она вамъ призналась въ своей? [тутъ княгиня тяжело вздохнула]. Но она больна, и я увѣрена, что это не простая болѣзнь! Печаль тайная ее убиваетъ; она не признается, но я увѣрена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, можетъ быть, думаете, что я ищу чиновъ, огромнаго богатства—разувѣрьтесь, я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положеніе незавидно, но оно можетъ поправиться: вы имѣете состояніе; васъ любить дочь моя; она воспитана такъ, что составитъ счастье мужа. Я богата, она у меня одна... Говорите, что васъ удерживаетъ?... Видите, я не должна была бы вамъ всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь—вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня, сказалъ я: мнѣ невозможно отвѣчать вамъ; позвольте мнѣ поговорить съ вашей дочерью наединѣ...

— Никогда! воскликнула она, вставъ со стула въ сильномъ волненіи.

— Какъ хотите, отвѣчалъ я, приговорясь уйти.

Она задумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подождалъ, и вышла.

Прошло минутъ пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, го-

лова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, но старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ее—а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подаль ей руку и довелъ ее до кресель.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали въ моихъ что нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться, ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Княжна, сказалъ я: вы знаете, что я надъ вами смѣялся?... Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: слѣдственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой! произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута—и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою: вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь—вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покорюсь... Видите

ли, я передъ вами низко?... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.

— Я васъ ненавижу... сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почти-тельно и вышелъ.

Черезъ часъ курьерская тройка мчала меня изъ Кисловодска. За нѣсколько верстъ отъ Есентуковъ, я узналъ близъ дороги трупъ моего лихаго коня; сѣдло было снято, вѣроятно, проѣзжимъ казакомъ и, вмѣсто сѣдла, на спинѣ его сидѣли два ворона. Я вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый

мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало по малу отдѣляющийся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающийся къ пустынной пристани...

нѣ какъ-то разъ случилось прожить двѣ недѣли въ казачьей станицѣ на лѣвомъ флангѣ; тутъ же стоялъ батальйонъ пѣхоты; офицеры собирались другъ у дру-

га поочередно, по вечерамъ играли въ карты.

Однажды, наскучивъ бостономъ и бросивъ карты подъ столъ, мы засидѣлись у майора С*** очень долго; разговоръ, противъ обыкновенія, былъ занимателенъ. Разсуждали о томъ, что мусульманское

повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находить и между нами многихъ поклонниковъ; каждый рассказывалъ разные необыкновенные случаи pro или contra.

— Все это, господа, ничего не доказываетъ, сказалъ старый майоръ,—вѣдь никто изъ васъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ странныхъ случаевъ, которыми вы подтверждаете свои мнѣнія?

— Конечно, никто, сказали многие:—но мы слышали отъ вѣрныхъ людей...

— Все это вздоръ! сказалъ кто-то:—гдѣ эти вѣрные люди, видѣвшіе списокъ, на которомъ назначенъ часъ нашей смерти?... И если точно есть предопредѣленіе, то зачѣмъ же намъ дана воля, разсудокъ? Почему мы должны давать отчетъ въ нашихъ поступкахъ?

Въ это время одинъ офицеръ, сидѣвшій въ углу комнаты, всталъ и, медленно подойдя къ столу, окинулъ всѣхъ спокойнымъ и торжественнымъ взглядомъ. Онъ былъ родомъ сербъ, какъ видно было изъ его имени.

Наружность поручика Вулича отвѣчала въполнѣ его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные пронизательные глаза, большой, но правильный носъ—принадлежность его нации, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его—все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, неспособнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми, которыхъ судьба дала ему въ товарищи.

Онъ былъ храбръ, говорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душевныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти вовсе не пилъ; за молодыми казачками—которыхъ прелесть трудно постигнуть, не выдавъ ихъ—онъ никогда не волочился. Говорили, однако, что жена полковника была равнодушна къ его выразительнымъ глазамъ; но онъ не шутя сердился, когда объ этомъ намекали.

Была только одна страсть, которой онъ не таилъ—страсть къ игрѣ. За зеленымъ столомъ онъ забывалъ все, и обыкновенно проигрывалъ; но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Рассказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздалась выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію. «Поставь ва-банкъ!» кричалъ Вуличъ, не подымаясь, одному изъ самыхъ горячихъ понтеровъ.—Идетъ семерка, отвѣчалъ тотъ, убѣгая. Не смотря на всеобщую суматоху, Вуличъ докинулъ талью; карта была дана.

Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была ужъ сильная перестрѣлка. Вуличъ не заботился ни о пуляхъ, ни о шашкахъ чеченскихъ: онъ отыскивалъ своего счастливаго понтера.

— Семерка дана, закричалъ онъ, увидѣвъ его наконецъ въ цѣпи застрѣльщиковъ, которые начинали вытѣснять изъ лѣса непріятеля, и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ, и отдалъ ихъ счастливцу, не смотря на возраженія о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ, увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами.

Когда поручикъ Вуличъ подошелъ къ столу, то всѣ замолчали, ожидая отъ него какой нибудь оригинальной выходки.

— Господа! сказалъ онъ [голосъ его былъ спокоенъ, хотя тономъ ниже обыкновеннаго]:—господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ? Я вамъ предлагаю испробовать на себѣ: можетъ ли человѣкъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мнѣ, не мнѣ! раздалось со всѣхъ сторонъ.—Вотъ чудакъ! придетъ же въ голову!...

— Предлагаю пари, сказалъ я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нѣтъ предопредѣленія, сказалъ я, высыпая на столъ десятка два червонцевъ—все, что было у меня въ карманѣ.

— Держу, отвѣчалъ Вуличъ глухимъ голосомъ. — Майоръ, вы будете судьей: вотъ пятнадцать червонцевъ; остальные пять вы мнѣ должны и сдѣлаете мнѣ дружбу, прибавите ихъ къ этимъ.

— Хорошо, сказалъ майоръ; только не понимаю, право, въ чемъ дѣло, и какъ вы рѣшите споръ?...

Вуличъ молча вышелъ въ спальню майора; мы за нимъ послѣдовали. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, и на удачу снялъ съ гвоздя одинъ изъ разнокалиберныхъ пистолетовъ. Мы еще его не понимали; но когда онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху, то многіе, невольно вскрикнувъ, схватили его за руки.

— Что ты хочешь дѣлать? Послушай, это сумасшествіе! закричали ему.

— Господа! сказалъ онъ медленно, освобождая свою руку:—кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ. Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ приобрѣлъ надъ нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, но онъ спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ мой испытующій взглядъ, и блѣдныя губы его улыбнулись; но, не смотря на его hladнокровіе, мнѣ казалось, я читалъ печать смерти на блѣдномъ лицѣ его. Я замѣчалъ—и многіе старые воины подтверждали мое замѣчаніе—что часто на лицѣ человека, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбежной судьбы,

такъ что привычнымъ глазамъ трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете! сказалъ я ему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся, но отвѣчалъ медленно и спокойно:

— Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ... Потомъ обратясь къ майору, спросилъ: заряженъ ли пистолетъ? Майоръ въ замѣшательствѣ не помнилъ хорошенько.

— Да полно, Вуличъ! закричалъ кто-то:—ужь вѣрно заряженъ, коли въ головахъ висѣтъ; что за охота шутить!...

— Глупая шутка! подхватилъ другой.

— Держу пятьдесятъ рублей противъ пяти, что пистолетъ не заряженъ! закричалъ третій.

Составилось новое пари.

Мнѣ надоѣла эта длинная церемонія.—Послушайте, сказалъ я: или застрѣлитесь, или повѣсьте пистолетъ на прежнее мѣсто, и пойдемте спать.

— Разумѣется, воскликнули многіе, пойдемте спать.

— Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста! сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

Всѣ будто окаменѣли.—Господинъ Печоринъ, прибавилъ онъ, возьмите карту и бросьте вверхъ.

Я взялъ со стола, какъ теперь помню, червоннаго туза и бросилъ кверху: дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое-то неопредѣленное любопытство, бѣгали отъ пистолета къ роковому тузу, который, трепеща на воздухѣ, опускался медленно: въ ту минуту, какъ онъ коснулся стола, Вуличъ спустил курокъ... [осѣчка!]

— Слава Богу! вскрикнули многіе: не заряженъ...

— Посмотримъ, однако жъ, сказалъ Вуличъ. Онъ взвелъ опять курокъ, прицѣлился въ фуражку, висѣвшую надъ окномъ; выстрѣлъ раздался—дымъ наполнилъ комнату! когда онъ разсѣлся, сняли

фуражку: она была пробита въ самой серединѣ и пуля глубоко засѣла въ стѣнѣ.

Минуты три никто не могъ слова вымолвить. Вуличъ преспокойно пересыпалъ въ свой кошелекъ мои червонцы.

Пошли толки о томъ, отчего пистолеть въ первый разъ не выстрѣлилъ; иные утверждали, что вѣроятно полка была засорена; другіе говорили шопотомъ, что прежде порохъ былъ сырой и что послѣ Вуличъ присыпалъ свѣжаго; но я утверждалъ, что послѣднее предположеніе несправедливо, потому что я во все время не спускалъ глазъ съ пистолета.

— Вы счастливы въ игрѣ! сказалъ я Вуличу...

— Въ первый разъ отъ роду, отвѣчалъ онъ, самодовольно улыбаясь:—это лучше банка и штосса.

— За то немножко опаснѣе.

— А что? Вы начали вѣрить предопредѣленію?

— Вѣрю; только не понимаю теперь, отчего мнѣ казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...

Этотъ же человѣкъ, который такъ не давно мѣтилъ себѣ преспокойно въ лобъ, теперь вдругъ вспыхнулъ и смутился.

— Однако жъ довольно! сказалъ онъ, вставая:—пари наше кончилось и теперь ваши замѣчанія, мнѣ кажется, неумѣстны...

Онъ взялъ шапку и ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ—и не даромъ.

Скоро всѣ разошлись по домамъ, различно толкуя о причудахъ Вулича и, вѣроятно, въ одинъ голосъ называя меня эгоистомъ, потому что я держалъ пари противъ человѣка, который хотѣлъ застрѣлиться; какъ будто онъ безъ меня не могъ найти удобнаго случая...

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; мѣсяцъ полный и красный, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатого горизонта домовъ; звѣзды спокійно сіяли на темно-голубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я

вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣтила небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочекъ земли или за какія нибудь вымышленныя права. И что жъ? Эти лампы, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безопаснымъ странникомъ! Но за то какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!... А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ, мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ: я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться на какой нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?... Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачныя, то радужныя образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось?—одна усталость, какъ послѣ ночной битвы, съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство

воли, необходимыя для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ.

Происшествіе этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатлѣніе и раздражило мои нервы. Не знаю навѣрное, вѣрю ли я теперь предопредѣленію или нѣтъ, но въ этотъ вечеръ я ему твердо вѣрилъ; доказательство было разительно и я, не смотря на то, что намѣялся надъ нашими предками и ихъ услужливой астрологіей, попалъ невольно въ ихъ колею; но я остановилъ себя вовремя на этомъ опасномъ пути и, имѣя правило ничего не отвергать рѣшительно и ничему не вѣряться слѣпо, отбросилъ метафизику въ сторону и сталъ смотрѣть подъ ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упалъ, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но повидимому не живое. Наклоняюсь—мѣсяцъ уже свѣтилъ прямо на дорогу—и что же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополамъ шашкой... Едва я успѣлъ ее рассмотреть, какъ услышалъ шумъ шаговъ: два казака бѣжали изъ переулка. Одинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не видалъ ли я пьянаго казака, который гнался за свиньей. Я объявилъ имъ, что не встрѣчалъ казака, и указалъ на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойникъ! сказалъ второй казакъ:—какъ напьется чихиря, такъ и пошелъ крошить все, что ни попало. Пойдемъ за нимъ Еремеичъ; надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжалъ свой путь съ большей осторожностью и наконецъ счастливо добрался до своей квартиры.

Я жилъ у одного стараго урядника, котораго любилъ за добрый его нравъ,

а особенно за хорошенькую дочку, Настю.

Она, по обыкновенію, дожидалась меня у калитки, завернувшись въ шубку; луна освѣщала ея милыя губки, посинѣвшія отъ ночнаго холода. Узнавъ меня, она улыбнулась, но мнѣ было не до нея. «Прощай, Настя!» сказалъ я, проходя мимо. Она хотѣла что-то отвѣчать, но только вздохнула.

Я затворилъ за собою дверь моей комнаты, засвѣтилъ свѣчу и бросился на постель; только сонъ на этотъ разъ заставилъ себя ждать болѣе обыкновеннаго. Ужъ востокъ начиналъ блѣднѣть, когда я заснулъ, но, видно было написано на небесахъ, что въ эту ночь я не выплусь. Въ четыре часа утра два кулака застучали ко мнѣ въ окно. Я вскочилъ: что такое?... «Вставай, одѣвайся!» кричало мнѣ нѣсколько голосовъ. Я наскоро одѣлся и вышелъ. «Знаешь, что случилось?» сказали мнѣ въ одинъ голосъ три офицера, пришедшіе за мною; они были блѣдны какъ смерть.

— Что?

— Вуличъ убитъ.

Я остолбенѣлъ.

— Да, убитъ! продолжали они.—Пойдемъ скорѣе.

— Да куда же?

— Дорогой узнаешь.

Пошли. Они рассказали мнѣ все, что случилось, съ примѣсю разныхъ замѣчаний насчетъ страннаго предопредѣленія, которое спасло его отъ неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вуличъ шелъ одинъ по темной улицѣ; на него наскочилъ пьяный казакъ, изрубившій свинью, и, можетъ быть, прошелъ бы мимо, не замѣтивъ его, если бъ Вуличъ вдругъ остановился, не сказалъ: Кого ты, братецъ, ищешь?—Тебя! отвѣчалъ казакъ, ударивъ его шашкой, и разрубилъ его отъ плеча почти до сердца... Два казака, встрѣтившіе меня и слѣдившіе за убійцей, подо-

спѣли, подняли раненаго, но онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи, и сказалъ только два слова: «Онъ правъ!» — Я одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказалъ невольно бѣдному его судьбу; мой инстинктъ не обманулъ меня: я точно прочелъ на его измѣнившемся лицѣ печать близкой кончины.

Убійца заперся въ пустой хатѣ, на концѣ станицы: мы шли туда. Множество женщинъ бѣжало съ плачемъ въ ту же сторону; по-временамъ, опоздавшій казакъ выскакивалъ на улицу, второпяхъ пристегивая кинжалъ, и бѣгомъ опережалъ насъ. Суматоха была страшная.

Вотъ, наконецъ, мы пришли; смотримъ: вокругъ хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоитъ толпа. Офицеры и казаки толкуютъ горячо между собою; женщины воютъ, приговаривая и причитывая. Среди ихъ бросилось мнѣ въ глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяніе. Она сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову руками: то была мать убійцы! Ея губы по-временамъ шевелились... молитву онъ шептали или проклятіе?

Между тѣмъ, надо было на что нибудь рѣшиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ щель ставни: блѣдный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окрававленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его страшно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочелъ большой рѣшимости въ этомъ спокойномъ взглядѣ и сказалъ майору, что напрасно онъ не велитъ выломать дверь, броситься туда казакамъ, потому что лучше это сдѣлать теперь, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ опомнится.

Въ это время старый есаулъ подошелъ къ двери и назвалъ его по имени; тотъ откликнулся.

— Согрѣшилъ, братъ Ефимычъ, сказалъ есаулъ, — такъ ужъ нечего дѣлать, покорись!

— Не покорюсь! отвѣчалъ казакъ.

— Побойся Бога! вѣдь ты не чеченецъ окаянный, а честный христіанинъ. Ну, ужъ коли грѣхъ твой тебя попуталъ нечего дѣлать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь, закричалъ казакъ грозно, и слышно было какъ шелкнулъ взведенный курокъ.

— Эй, тетка! сказалъ есаулъ старухѣ: — поговори сыну, авось тебя послушаетъ... Вѣдь это только Бога гнѣвить. Да посмотри, вотъ и господа ужъ два часа дожидаются.

Старуха посмотрѣла на него пристально и покачала головой.

— Василій Петровичъ, сказалъ есаулъ, подойдя къ майору: онъ не сдастся — я его знаю; а если дверь разломать, то много нашихъ перебьетъ. Не прикажете ли лучше его пристрѣлить? въ ставнѣ щель широкая.

Въ эту минуту у меня въ головѣ промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумалъ испытать судьбу.

— Погодите, сказалъ я майору: — я его возьму живаго.

Велѣвъ есаулу завести съ нимъ разговоръ и поставивъ у дверей трехъ казаковъ, готовыхъ ее выбить и броситься мнѣ на помощь при данномъ знакѣ, я обошелъ хату и приблизился къ роковому окну; сердце мое сильно билось.

— Ахъ, ты окаянный! кричалъ есаулъ:— что ты надъ нами смѣешься, что ли? али думаешь, что мы съ тобой не совладаемъ?—Онъ сталъ стучать въ дверь изо всей силы; я, приложивъ глазъ къ щели, слѣдилъ за движеніями казака, не ожидавшаго съ этой стороны нападенія—и вдругъ оторвалъ ставень и бросился въ окно головой внизъ. Выстрѣлъ раздался у меня надъ самымъ ухомъ, пуля сорвала эполетъ; но дымъ, наполнившій комнату, помѣшалъ моему противнику найти шашку, лежавшую возлѣ него. Я схватилъ его за руки; казаки ворвались и, не прошло трехъ минутъ, какъ преступникъ былъ уже связанъ и отведенъ подъ конвоемъ. Народъ разошелся; офицеры меня поздравляли—и точно, было съ чѣмъ.

Послѣ всего этого, какъ бы, кажется, не сдѣлаться фаталистомъ? Но кто знаетъ навѣрное, убѣжденъ ли онъ въ чемъ, или нѣтъ?... И какъ часто мы принимаемъ за убѣжденіе обманъ чувствъ, или промахъ разсудка!... — Я люблю сомнѣваться во всемъ; это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что

до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ.

Вѣдь хуже смерти ничего не случится—а смерти не минуешь.

Возвратясь въ крѣпость, я рассказалъ Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему былъ я свидѣтель, и пожелалъ узнать его мнѣніе насчетъ предопредѣленія. Онъ сначала не понималъ этого слова, но я объяснилъ его, какъ могъ, и тогда онъ сказалъ, значительно покачавъ головою:

— Да-съ, конечно-съ! Это штука довольно мудреная!... Впрочемъ, эти азійскіе курки часто осѣкаются, если дурно смазаны, или недовольно крѣпко прижмешь пальцемъ. Признаюсь, не люблю я также винтовокъ черкесскихъ: онѣ какъ-то нашему брату неприличны: прикладъ малenkій—того и гляди, носъ обожжетъ... За то ужъ шашки у нихъ—просто, мое почтеніе!

Потомъ онъ примолвилъ, нѣсколько подумавъ:

— Да, жаль бѣднягу... Чортъ же его дернулъ ночью съ пьянымъ разговаривать!... Впрочемъ, видно ужъ такъ у него на роду было написано!...

Больше я отъ него ничего не могъ добиться: онъ вообще не любитъ метафизическихъ преній.

АШИКЪ КЕРИБЪ.

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА.

Давно тому назадъ, въ городѣ Тифлисѣ жилъ одинъ богатый турокъ. Много Аллахъ далъ ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звѣзды на небеси, но за звѣздами живутъ ангелы, и они еще лучше; такъ и Магуль-Мегери была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. Былъ также въ Тифлисѣ бѣдный Ашикъ-Керибъ. Пророкъ не далъ ему ничего, кромѣ высокаго сердца и дара пѣсенъ. Играя на саазѣ [балалайка] и прославляя древнихъ витязей Туркестана, ходилъ онъ по свадьбамъ увеселять богатыхъ и счастливыхъ. На одной свадьбѣ онъ увидалъ Магуль-Мегери, и они полюбили другъ друга. Мало было надежды у бѣднаго Ашикъ-Кериба получить ея руку, и онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее небо.

Вотъ, разъ онъ лежалъ въ саду подь виноградникомъ и наконецъ заснулъ. Въ это время шла мимо Магуль-Мегери съ своими подругами, и одна изъ нихъ, увидавъ спящаго Ашика [балалаечника], отстала и подошла къ нему. «Что ты спишь подь виноградникомъ», запѣла она, «вставай, безумный, твоя газель идетъ мимо». Онъ проснулся: дѣвушка порхнула прочь, какъ птичка. Магуль-Мегери слышала ея пѣсню и стала ее бранить. «Если бъ ты знала», отвѣчала та, «кому

я пѣла эту пѣсню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашикъ-Керибъ». — «Веди меня къ нему!» сказала Магуль-Мегери и онѣ пошли. Увидавъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать. — «Какъ мнѣ не грустить», отвѣчалъ Ашикъ-Керибъ, «я тебя люблю и ты никогда не будешь моею!» — «Проси мою руку у отца моего», говорила она: «и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ». — «Хорошо», отвѣчалъ онъ, «положимъ, Аякъ-Ага ничего не пожалѣетъ для своей дочери; но кто знаетъ, что послѣ ты не будешь меня упрекать въ томъ, что я ничего не имѣлъ и тебѣ всѣмъ обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я положилъ зарокъ на свою душу: общаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богатство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ. Если ты согласна на это, то по истеченіи срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который давно ужъ за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взялъ на дорогу ея благословеніе, поцѣловалъ маленькую сестру, повѣсилъ черезъ плечо сумку, оперся на посохъ странничій и вышелъ изъ города Тиф-

лиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршудъ-бекъ. «Добрый путь!» кричалъ ему бекъ, «куда бы ты ни шель, странникъ, я твой товарищъ». Не радъ былъ Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать. Долго они шли вмѣстѣ, наконецъ завидѣли передъ собою рѣку. Ни моста, ни брода. «Плыви впередъ», сказалъ Куршудъ-бекъ, «я за тобою послѣдую». Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Переправившись, глядь назадъ—о горе! всемогущій Аллахъ!—Куршудъ-бекъ, взявъ его одежду, уѣхалъ обратно въ Тифлисъ, только пыль вилась за нимъ змѣю по гладкому полю. Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бекъ платье Ашикъ-Кериба къ его старой матери. «Твой сынъ утонулъ въ глубокой рѣкѣ», говоритъ онъ, «вотъ его одежда». Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимого сына и стала обливать ихъ жаркими слезами; потомъ взяла ихъ и понесла къ нареченной невѣсткѣ своей, Магуль-Мегери. «Мой сынъ утонулъ», сказала она ей, «Куршудъ-бекъ привезъ его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвѣчала: «Не вѣрь; это все выдумки Куршудъ-бека. Прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ». Она взяла со стѣны свою саазъ и спокойно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Кериба.

Между тѣмъ странникъ пришелъ босъ и нагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудныя пѣсни. Такимъ образомъ переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ наконецъ въ Халафъ. По обыкновенію, вошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саазъ и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, большой охотникъ до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили—ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились, бѣгая по городу. Вдругъ, про-

ходя мимо кофейнаго дома, слышатъ удивительный голосъ. Они туда. «Иди съ нами къ великому пашѣ», закричали они, «или ты отвѣчаешь намъ головою».—«Я человекъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса», говоритъ Ашикъ-Керибъ: «хочу—пойду, хочу—нѣтъ; пою, когда придется, и вашъ паша мнѣ не начальникъ». Однако, не смотря на то, его схватили и привели къ пашѣ. «Пой!» сказалъ паша, и онъ запѣлъ. И въ этой пѣснѣ онъ славилъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣсня такъ нравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Кериба. Посыпалось къ нему серебро и золото, заблестали на немъ богатая одежда. Счастливо и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ—не знаю, только срокъ истекалъ. Послѣдній годъ скоро долженъ былъ кончиться, а онъ и не готовился къ отъѣзду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаяваться. Въ то время отправлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса съ сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываетъ она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо», говоритъ она, «и въ какой бы ты городъ ни пріѣхалъ, выставь это блюдо въ своей лавкѣ и объяви вездѣ, что тотъ, кто признается моему блюду хозяиномъ и докажетъ это, получить его и, въ добавокъ, вѣсъ его золотомъ. Отправился купецъ; вездѣ исполнялъ порученіе Магуль-Мегери, но никто не признался хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ продалъ почти всѣ свои товары и пріѣхалъ съ остальными въ Халафъ. Объявилъ онъ вездѣ порученіе Магуль-Мегери. Услыхавъ это, Ашикъ-Керибъ прибѣгаетъ въ караванъ-сарай и видитъ золотое блюдо въ лавкѣ тифлисскаго купца. «Это мое!» сказалъ онъ, схвативъ его рукою. —«Точно твое», сказалъ купецъ: «я узналъ тебя, Ашикъ-Керибъ. Ступай

же скорѣе въ Тифлисъ: твоя Магуль-Мегери велѣла тебѣ сказать, что срокъ истекаетъ, и если ты не будешь въ назначенный день, то она выйдетъ за другаго». Въ отчаяніи, Ашикъ-Керибъ схватилъ себя за голову: оставалось только три дня до роковаго часа. Однако онъ слѣлъ на коня, взявъ съ собою суму съ золотыми монетами и поскакалъ, не жалѣя коня. Наконецъ измученный бѣгунъ упалъ бездыханный на Арзиньянъ-горѣ, что между Арзиньяномъ и Арзерумомъ. Что ему было дѣлать? Отъ Арзиньяна до Тифлиса два мѣсяца ѣзды, а оставалось только два дня. «Аллахъ всемогущій!» воскликнулъ онъ, «если ты ужъ мнѣ не поможешь, то мнѣ нечего на землѣ дѣлать!» И хочеть онъ броситься съ высокаго утеса. Вдругъ видитъ внизу человѣка на бѣломъ конѣ, и слышитъ громкій голосъ: «Огланъ [юноша], что ты хочешь дѣлать?» — «Хочу умереть», отвѣчала Ашикъ. — «Слѣзай же сюда, если такъ, я тебя убью». Ашикъ спустился кое-какъ съ утеса. «Ступай за мною», сказалъ грозно всадникъ. — «Какъ я могу за тобою слѣдовать», отвѣчалъ Ашикъ: «твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою». — «Правда. Повѣсь же суму свою на сѣдло мое и слѣдуй». Отсталъ Ашикъ-Керибъ, какъ ни старался бѣжать. «Что жъ ты отстаешь?» спросилъ всадникъ. — «Какъ же я могу слѣдовать за тобою: твой конь быстрѣе мысли, а я ужъ измученъ». — «Правда. Садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?» — «Хотя бы въ Арзерумъ поспѣть нынче», отвѣчалъ Ашикъ. — «Закрой же глаза. Онъ закрылъ. «Теперь открой». Смотритъ Ашикъ: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны и блещутъ минареты Арзерума. «Виновать, Ага», сказалъ Ашикъ: «я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мнѣ надо въ Карсъ». — «Тото же!» отвѣчалъ всадникъ, «я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мнѣ сущую правду.

Закрой же опять глаза. Теперь открой». Ашикъ себѣ не вѣритъ, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣни и сказалъ: «Виновать, Ага, трижды виновать твой слуга Ашикъ-Керибъ; но ты самъ знаешь, что если человѣкъ рѣшился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня. Мнѣ по настоящему надо въ Тифлисъ». — «Экой ты невѣрный!» сказалъ сердито всадникъ: «но, нечего дѣлать, прошоаю тебѣ. Закрой же глаза. Теперь открой», прибавилъ онъ по прошествіи минуты. Ашикъ вскрикнулъ отъ радости: они были у воротъ Тифлиса. Принеся искреннюю свою благодарность и взявъ свою суму съ сѣдла, Ашикъ-Керибъ сказалъ всаднику: «Ага, конечно, благодареніе твое велико; но сдѣлай еще больше. Если я теперь буду рассказывать, что въ одинъ день поспѣлъ изъ Арзиньяна въ Тифлисъ, мнѣ никто не повѣритъ: дай мнѣ какое нибудь доказательство». — «Наклонись», сказалъ тотъ, улыбувшись: «возьми изъ-подъ копыта коня комокъ земли и положи себѣ за пазуху, и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ словъ твоихъ, то вели къ себѣ привести слѣпую, которая семь лѣтъ ужъ въ этомъ положеніи, помажь ей глаза — и она увидитъ». Ашикъ взялъ кусокъ земли изъ-подъ копыта бѣлаго коня; но только онъ поднялъ голову — всадникъ и конь исчезли. Тогда онъ убѣдился въ душѣ, что его покровитель былъ не кто иной, какъ Хадериліазъ [св. Гергіій].

Только поздно вочеромъ Ашикъ-Керибъ отыскалъ домъ свой. Стучитъ онъ въ двери дрожащею рукою, говоря «Ана, ана [мать], отвори! я Божій гость, и холоденъ, и голоденъ: прошу, ради странствующаго твоего сына,пусти меня». Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: «Для ночлега путешниковъ есть дома богатыхъ и сильныхъ; есть теперь въ городѣ свадьбы — ступай туда: тамъ можешь провести ночь въ удовольствіи». — «Ана», отвѣчалъ онъ: «я

здѣсь никого знакомыхъ не имѣю, и потому повторяю мою просьбу: ради странствующаго твоего сына,пусти меня!» Тогда сестра его говоритъ матери: «Мать я встану и отворю ему двери»—«Негодная!» отвѣчала старуха: ты рада принимать молодыхъ людей и угощать ихъ, потому что вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ слезъ потеряла зрѣніе». Но дочь, не внимая ея упрекамъ, встала, отворила двери ипустила Ашикъ-Кериба. Сказавъ обычное привѣтствіе, онъ сѣлъ и съ тайнымъ волненіемъ сталъ осматриваться. И видитъ онъ: на стѣнѣ виситъ, въ пыльномъ чехлѣ, его сладковзвучная саазъ, и сталъ спрашивать у матери: «Что виситъ у тебя на стѣнѣ?»—«Любопытный ты гость», отвѣчала она: «будетъ и того, что тебѣ дадутъ кусокъ хлѣба и завтра отпустятъ тебя съ Богомъ».—«Я ужъ сказалъ тебѣ!» возразилъ онъ, «что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мнѣ, что это виситъ на стѣнѣ?»—«Это саазъ, саазъ», отвѣчала старуха сердито, не вѣря ему. «А что значитъ саазъ?»—«Саазъ то значитъ, что на ней играютъ и поютъ пѣсни». И проситъ Ашикъ-Керибъ, чтобъ она позволила сестрѣ снять саазъ и показать ему. «Нельзя», отвѣчала старуха: «это саазъ моего несчастнаго сына. Вотъ уже семь лѣтъ она виситъ на стѣнѣ и ничья живая рука до нея не дотрогивалась». Но сестра его встала, сняла со стѣны саазъ и отдала ему. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу и сотворилъ такую молитву: «О, всемогущій Аллахъ! если я долженъ достигнуть до желаемой пѣли, то моя семиструнная саазъ будетъ также стройна, какъ въ тотъ день, когда я въ послѣдній разъ игралъ на ней!» И онъ ударилъ по мѣднымъ струнамъ—и струны согласно заговорили; и онъ началъ пѣть: «Я бѣдный керибъ [странникъ] и слова мои бѣдны; но великій Хадерилиазъ помогъ мнѣ спуститься съ крутаго

утеса. Хотя я бѣденъ и бѣдны слова мои, узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашиваетъ его: «Какъ тебя зовутъ?»—«Рашидъ [простодушный]», отвѣчалъ онъ.—«Разъ говори, другой разъ слушай, Рашидъ», сказала она: «своими рѣчами ты изрѣзалъ сердце мое въ куски. Нынѣшнюю ночь я во снѣ видѣла, что на головѣ моей волосы побѣлѣли. Я вотъ уже семь лѣтъ какъ ослѣпла отъ слезъ. Скажи мнѣ ты, который имѣешь его голосъ, когда мой сынъ придетъ?» И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно онъ называлъ себя ея сыномъ, но она не вѣрила. И спустя нѣсколько времени, проситъ онъ: «Позвольте, матушка, взять саазъ и идти; я слышалъ, здѣсь близко есть свадьба; сестра меня проводить. Я буду пѣть и играть, и все, что получу, принесу сюда и раздѣлю съ вами».—«Не позволю», отвѣчала старуха: «съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ моего сына, его саазъ не выходила изъ дому». Но онъ сталъ клясться, что не повредитъ ни одной струны. «А если хоть одна струна порвется», продолжалъ Ашикъ, «то отвѣчаю моимъ имуществомъ». Старуха ошупала его суму и, узнавъ, что она наполнена монетами, отпустила его. Проводивъ его до богатаго дома, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ, сестра осталась у дверей слушать, что будетъ.

Въ этомъ домѣ жила Магуль-Мегери, и въ эту ночь она должна была сдѣлаться женою Куршудъ-бека. Куршудъ-бекъ пировалъ съ родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чадрой [занавѣсомъ] съ своими подругами, держала въ одной рукѣ чашу съ ядомъ, а въ другой острый кинжалъ: она поклялась умереть прежде, чѣмъ опуститъ голову на ложе Куршудъ-бека. И слышитъ она изъ-за чадры, что пришелъ незнакомецъ, который говорилъ: «Селямъ алейкюмъ! вы здѣсь веселитесь и пируете, такъ поз-

вольте мнѣ, бѣдному страннику, сѣсть съ вами, и за то я спою вамъ пѣсню». — «Почему же нѣтъ?» сказалъ Куршудъ-бекъ. «Сюда должны быть впускаемы пѣснники и плясуны, потому что здѣсь свадьба. Спой же что нибудь, ашикъ [пѣвецъ], и я отпущу тебя съ полной горстью золота.»

Тогда Куршудъ-бекъ спросилъ его: «А какъ тебя зовутъ, путникъ?» — «Шиндигёрурсезъ [скоро узнаете]». — «Что это за имя?» воскликнулъ тотъ со смѣхомъ: «я въ первый разъ такое слышу». — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многіе сосѣди приходили къ дверямъ спрашивать: сына или дочь Богъ ей далъ? Имъ отвѣчали: шиндигёрурсезъ [скоро узнаете]. И вотъ поэтому, когда я родился, мнѣ дали это имя». Послѣ этого онъ взялъ саазъ и началъ пѣть:

«Въ городѣ Халафѣ я пилъ мисирское вино, но Богъ мнѣ далъ крылья и я прилетѣлъ сюда въ три дня».

Братъ Куршудъ-бека, человѣкъ маломумный, выхватилъ кинжалъ, воскликнувъ: «Ты лжешь! какъ можно изъ Халафа пріѣхать сюда въ три дня?»

«За что жъ ты меня хочешь убить?» сказалъ Ашикъ. «Пѣвцы обыкновенно со всѣхъ четырехъ сторонъ собираются въ одно мѣсто; и я съ васъ ничего не беру, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте».

«Пускай продолжаетъ», сказалъ женихъ, и Ашикъ-Керибъ запѣлъ снова:

«Утренній намазъ творилъ я въ Арвиньянской долині, полуденный намазъ—въ городѣ Арзерумѣ; предъ захожденіемъ солнца творилъ намазъ въ городѣ Карсѣ, и вечерній намазъ—въ Тифлисѣ. Аллахъ далъ мнѣ крылья и я прилетѣлъ сюда: дай Богъ, чтобъ я сталъ жертвою бѣлаго коня; онъ скакалъ быстро, какъ плясунъ по канату, съ горы въ ущелье, изъ ущелья на гору:

Мевлянъ [Господь нашъ] далъ Ашику крылья и онъ прилетѣлъ на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнавъ его голосъ, бросила ядъ въ одну сторону, а кинжалъ въ другую. «Такъ-то ты сдержала свою клятву», сказала ей подруга: «стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршудъ-бека?» — «Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ», отвѣчала Магуль-Мегери и, взявъ ножницы, она прорѣзала чадру. Когда же посмотрѣла и точно узнала своего Ашикъ-Кериба, то вскрикнула и бросилась къ нему на шею и оба упали безъ чувствъ. Братъ Куршудъ-бека бросился на нихъ съ кинжаломъ, намѣреваясь заколоть обоихъ, но Куршудъ-бекъ остановилъ его, примолвивъ: «Успокойся и знай, что написано у человѣка на лбу при его рожденіи, того онъ не минуетъ».

Придя въ чувство, Магуль-Мегери покраснѣла отъ стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чадру.

«Теперь точно видно, что ты Ашикъ-Керибъ», сказалъ женихъ: «но повѣдай, какъ же ты могъ въ такое короткое время проѣхать такое великое пространство?» — «Въ доказательство истины», отвѣчалъ Ашикъ: «сабля моя перерубить камень; если же я лгу, то да будетъ шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведи ко мнѣ слѣпую, которая бы семь лѣтъ уже не видала свѣта Божьяго, и я возвращу ей зрѣніе». Сестра Ашикъ-Кериба, стоя въ сѣняхъ у двери и услышавъ такую рѣчь, побѣжала къ матери. «Матушка!» закричала она: «это точно братъ и точно твой сынъ, Ашикъ-Керибъ!» и, взявъ старуху подъ-руку, привела ее на пиръ свадебный. Тогда Ашикъ взялъ комокъ земли изъ-за пазухи, развелъ его водою и намазалъ матери глаза, примолвя: «Знайте всѣ люди, какъ могутъ и великъ Хадерилиазъ!» — и мать

его прозрѣла. Послѣ того никто не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ словъ его, и Куршудъ-бекъ уступилъ ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда, въ радости, Ашикъ-Керибъ сказалъ ему: «Послушай, Куршудъ-бекъ, я

тебя утѣшу. Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у ней будетъ не меньше серебра и золота; итакъ, возьми ее за себя, и будьте также счастливы, какъ я съ моей дорогою Магуль-Мегери».

Отрывокъ изъ начатой повѣсти.

I.

графини В*** былъ музыкаль-
ный вечеръ. Первые артисты
столицы платили своимъ ис-
кусствомъ за честь аристо-
кратическаго приѣма; въ числѣ гостей
мелькало нѣсколько литераторовъ и уче-
ныхъ, двѣ или три модныя красавицы,
нѣсколько барышень и старушекъ, и
одинъ гвардейскій офицеръ; около де-
сятка доморощенныхъ львовъ красовалось
въ дверяхъ второй гостиной и у ками-
на. Все шло своимъ чередомъ; было ни
скучно, ни весело.

Въ ту самую минуту, какъ новопріѣз-
жая пѣвица подходила къ роялю и раз-
вертывала ноты, одна молодая женщина
зѣвнула, встала и вышла въ сосѣднюю
комнату, на это время опустѣвшую. На
ней было черное платье, кажется, по слу-
чаю придворнаго траура. На плечѣ при-
шпиленный къ голубому банту сверкалъ
бриллиантовый вензель. Она была сред-
няго роста, стройна, медленна и лѣнлива
въ своихъ движеніяхъ; черные, длинные,
чудесные волосы отгѣняли ея еще моло-
дое и правильное, но блѣдное лицо, и
на этомъ лицѣ сияла печать мысли.

— Здравствуйте, мсьѣ Лугинъ, сказала
Минская кому-то. Я устала... Скажите
что нибудь.

И она опустилась въ широкое пате-
возлѣ камина. Тотъ, къ кому она обра-
щалась, сѣлъ противъ нея и ничего не
отвѣчалъ. Въ комнатѣ ихъ было только
двое, и холодное молчаніе Лугина пока-
зывало ясно, что онъ не принадлежалъ
къ числу ея обожателей.

— Скучно! сказала Минская и снова
зѣвнула. Вы видите, я съ вами не цере-
монюсь, прибавила она.

— И у меня сплинъ!... отвѣчалъ Лу-
гинъ.

— Вамъ опять хочется въ Италію, ска-
зала она послѣ нѣкотораго молчанія: не
правда ли?

Лугинъ, въ свою очередь, не слыхалъ
вопроса; онъ продолжалъ, положивъ но-
гу на ногу и уставя глаза безотчетливо
на бѣломраморныя плечи своей собесѣд-
ницы:

— Вообразите, какое со мной несча-
стіе! Что можетъ быть хуже для чело-
вѣка, который, какъ я, посвятилъ себя
живописи? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ
всѣ люди мнѣ кажутся желтыми—и одни
только люди! Добро бы всѣ предметы,
тогда была бы гармонія въ общемъ коло-
ритѣ: я бы думалъ, что гуляю въ гале-
реѣ испанской школы... такъ нѣтъ! все
остальное какъ и прежде: одни лица из-
мѣнились; мнѣ иногда кажется, что у лю-
дей, вмѣсто головъ, лимоны.

Минская улыбулась.

— Призовите доктора, сказала она.

— Доктора не помогутъ: это сплинь!

— Влюбитесь!

Во взглядѣ, который сопровождалъ это слово, выразалось что-то похожее на слѣдующее: мнѣ бы хотѣлось его немножко помучить.

— Въ кого?

— Хотѣ въ меня.

— Нѣтъ! вамъ даже кокетничать со мною было бы скучно. И потомъ скажу вамъ откровенно: ни одна женщина не можетъ меня любить.

— А эта... какъ бишь ее? итальянская графиня, которая послѣдовала за вами изъ Неаполя въ Миланъ?...

— Вотъ видите, отвѣчалъ задумчиво Лугинъ: я сужу другихъ по себѣ и въ этомъ отношеніи, увѣренъ, не ошибаюсь. Мнѣ точно случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти. Но такъ какъ я очень знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны чело-вѣческаго сердца, то и не радуюсь своему счастью. Я себя спрашивалъ: «могу ли я влюбиться въ дурную?» Вышло: нѣтъ; я дурень и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ—это ясно. Артистическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ; онѣ чаще и далѣе насъ покорны первому впечатлѣнію. Если я умѣлъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ; но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то и самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви; къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости. Все это грустно, а правда!...

— Какой вздоръ! сказала Минская, но, окинувъ его быстрымъ взглядомъ, она невольно съ нимъ согласилась.

Наружность Лугина была въ самомъ дѣлѣ ни чуть не привлекательна, не смотря на то, что въ странномъ выраженіи глазъ его было много огня и остроумія. Вы бы не встрѣтили во всемъ его существѣ ни одного изъ тѣхъ условій, которыя дѣлають чело-вѣка пріятнымъ въ обществѣ: онъ былъ неловко и грубо сложенъ, говорилъ рѣзко и отрывисто; большіе и рѣдкіе волосы на вискахъ, неровный цвѣтъ лица—признаки постоянного и тайнаго недуга—дѣлали его на видъ старѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ три года лечился въ Италіи отъ ипохондріи, и хотя не вылечился, но по крайней мѣрѣ нашель средство развлекаться съ пользою: онъ пристрастился къ живописи. Природный талантъ, сжатый обязанностями службы, развился въ немъ широко и свободно подъ животворнымъ небомъ юга, при чудныхъ памятникахъ древнихъ учителей. Онъ вернулся истиннымъ художникомъ, хотя одни только друзья имѣли право наслаждаться его прекраснымъ талантомъ. Въ его картинахъ дышало всегда какое-то неясное, но тяжелое чувство; на нихъ была печать той горькой поэзіи, которую нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ иногда изъ сердца ея первыхъ проповѣдниковъ.

Лугинъ уже два мѣсяца какъ вернулся въ Петербургъ. Онъ имѣлъ независимое состояніе, мало родныхъ и нѣсколько старинныхъ знакомствъ въ высшемъ кругу столицы, гдѣ и хотѣлъ провести зиму. Онъ бывалъ часто у Минской. Ея красота, рѣдкій умъ, оригинальный взглядъ на вещи должны были произвести впечатлѣніе на чело-вѣка съ умомъ и воображеніемъ, но о любви между ними не было и въ поминѣ.

Разговоръ ихъ на время прекратился и они оба, казалось, заслушались музыки. Заѣзжая пѣвица пѣла балладу Шуберта на слова Гете: «Лѣсной царь». Когда она кончила, Лугинъ всталъ.

— Куда вы? спросила Минская.

— Прощайте.

— Еще рано.

Онъ опять сѣлъ.

— Знаете ли, сказалъ онъ съ какою-то важностью: что я начинаю сходить съ ума.

— Право?

— Кромѣ шутокъ. Вамъ это можно сказать: вы надо мною не будете смѣяться. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я слышу голосъ: кто-то мнѣ твердитъ на ухо съ утра, до вечера и—какъ вы думаете, что—адресъ. Вотъ и теперь слышу: «въ Столярномъ переулкѣ, у Какушкина моста, домъ титулярнаго совѣтника Штосса, квартира нумеръ 27», и такъ шибко, шибко, точно торопится... Несносно!...

Онъ поблѣднѣлъ, но Минская этого не замѣтила.

— Вы, однако, не видите того, кто говорить? спросила она разсѣянно.

— Нѣтъ; но голосъ звонкій, рѣзкій дискантъ.

— Когда же это началось?

— Признаться ли? Я не могу сказать навѣрное... не знаю... вотъ что, право, презабавно! сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

— У васъ кровь приливаетъ къ головѣ и въ ухахъ звенить.

— Нѣтъ, нѣтъ! Научите, какъ мнѣ избавиться?

— Самое лучшее средство, сказала Минская, подумавъ съ минуту: идти къ Какушкину мосту, отыскать этотъ нумеръ, и такъ какъ, вѣрно, въ немъ живетъ какой нибудь сапожникъ или часовой мастеръ, то для приличія закажите ему работу и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... вы въ самомъ дѣлѣ нездоровы... прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо съ участіемъ.

— Вы правы, отвѣчала угрюмо Лугинъ: я непременно пойду. Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ.

— Она посмотрѣла ему во слѣдъ съ удивленіемъ.

II.

Сырое ноябрьское утро лежало надъ Петербургомъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; дома казались грязны и темны; лица прохожихъ были зелены; извозчики на биржахъ дремали подъ рыжими полостями своихъ саней; мокрая, длинная шерсть ихъ бѣдныхъ клячъ завивалась барашкомъ; туманъ придавалъ отдаленнымъ предметамъ какой-то сѣро-лиловый цвѣтъ. По тротуарамъ лишь изрѣдка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шумъ и хохотъ въ подземной полпивной лавочкѣ, когда оттуда выталкивали пьянаго молодца въ зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражкѣ. Разумѣется, эти картины встрѣтили бы вы только въ глухихъ частяхъ города, какъ напримѣръ, у Какушкина моста. Черезъ этотъ мостъ шель человѣкъ средняго роста, ни худой, ни толстый, ни стройный, но съ широкими плечами, въ пальто, и вообще одѣтый со вкусомъ. Жалко было видѣть его лакированные сапоги, вымоченные снѣгомъ и грязью; но онъ, казалось, объ этомъ ни мало не заботился. Засунувъ руки въ карманы, повѣся голову, онъ шель неровными шагами, какъ будто боялся достигнуть цѣли своего путешествія или не имѣлъ ея вовсе. На мосту онъ остановился, поднялъ голову и осмотрѣлся. То былъ Лугинъ. Слѣды душевной усталости виднѣлись на его измятомъ лицѣ; въ глазахъ горѣло тайное безпокойство.

— Гдѣ Столярный переулокъ? спросилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ у порожняго извозчика, который въ эту минуту проѣзжалъ мимо его шагомъ, закрывшись по шею мохнатою полостью и насвистывая камаринскую. Извозчикъ посмотрѣлъ на него, хлыстнулъ лошадь кончикомъ кнута и проѣхалъ мимо.

Ему это показалось странно. «Ужъ полно, есть ли Столярный переулокъ?» Онъ сошелъ съ моста и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ мальчику, который бѣжалъ съ полуштофомъ черезъ улицу.

— Столярный? сказалъ мальчикъ: а вотъ идите прямо по Малой Мѣщанской и тотчасъ направо первый переулокъ и будетъ Столярный.

Лугинъ успокоился. Дойдя до угла, онъ повернулъ направо и увидѣлъ небольшой грязный переулокъ, въ которомъ съ каждой стороны было не больше десяти высокихъ домовъ. Онъ постучалъ въ дверь первой мелочной лавочки и, вызвавъ лавочника, спросилъ: гдѣ домъ Штосса?

— Штосса? Не знаю, баринъ; здѣсь эдакихъ нѣтъ; а вотъ здѣсь рядомъ есть домъ купца Блинникова, а подальше...

— Да мнѣ надо Штосса...

— Ну, не знаю!... Штосса? — сказала лавочникъ, почесавъ затылокъ, и потомъ прибавилъ: нѣтъ, не слышать-съ!

Лугинъ пошелъ самъ смотрѣть надписи: что-то ему говорило, что онъ съ перваго взгляда узнаетъ домъ, хотя никогда его не видалъ. Такъ онъ добрался почти до конца переулка и ни одна надпись ни чѣмъ не поразила его воображенія, какъ вдругъ онъ кинулъ случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидалъ надъ одними воротами жестяную доску вовсе безъ надписи; онъ подбѣжалъ къ этимъ воротамъ и сколько ни рассматривалъ, не замѣтилъ ничего похожаго даже на слѣды стертой временемъ надписи; доска была совершенно новая. Подъ воротами дворникъ, въ долгополомъ полинявшемъ кафтанѣ, съ сѣдой, давно небритой бородою, безъ шапки и подпоясанный грязнымъ фартукомъ, разметалъ снѣгъ.

— Эй, дворникъ! закричалъ Лугинъ.

Дворникъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

— Чей это домъ?

— Проданъ! отвѣчалъ грубо дворникъ.

— Да чей онъ былъ?

— Чей?—Кифейкина, купца.

— Не можетъ быть! вѣрно Штосса! вскрикнулъ невольно Лугинъ.

— Нѣтъ, былъ Кифейкина, а теперь такъ Штосса, отвѣчалъ дворникъ, не подымая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилося, какъ будто предчувствуя несчастье. Долженъ ли онъ былъ продолжать свои изслѣдованія? Не лучше ли во время остановиться? Кому не случилось находиться въ такомъ положеніи, тотъ съ трудомъ пойметъ его. Любопытство, говорятъ, сгубило родъ человѣчскій; оно и понынѣ наша главная, первая страсть, такъ что даже всѣ остальные страсти могутъ имъ объясниться. Но бываютъ случаи, когда таинственность предмета даетъ любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному съ горы сильною рукою, мы не можемъ остановиться, хотя видимъ на насъ ожидающую бездну.

Лугинъ долго стоялъ передъ воротами, наконецъ обратился къ дворнику съ вопросомъ:

— Новый хозяинъ здѣсь живетъ?

— Нѣтъ.

— А гдѣ же?

— А чортъ его знаетъ!

— Ты ужъ давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— А есть въ этомъ домѣ жильцы?

— Есть.

— Скажи, пожалуста, сказалъ Лугинъ послѣ нѣкотораго молчанія, сунувъ дворнику цѣлковый; кто живетъ въ 27 номерѣ?

Дворникъ поставилъ метлу къ воротамъ, взявъ цѣлковый и пристально посмотрѣлъ на Лугина.

— Въ 27 номерѣ?... Да кому тамъ жить? Онъ ужъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ пустой.

— Развѣ его не нанимали?

— Какъ не нанимать, сударь, нанимали?

— Какъ же ты говоришь, что въ немъ не живутъ...

— А Богъ ихъ знаетъ! такъ таки не живутъ. Наймутъ на годъ, да и не переѣзжаютъ.

— Ну, а кто его послѣдній нанималъ?

— Полковникъ, изъ анженеровъ, что ли?

— Отчего же онъ не жилъ?

— Да переѣхалъ было... а тутъ, говорятъ, его послали въ Вятку—такъ нумерь пустой за нимъ и остался.

— А прежде полковника?

— Прежде него было нанялъ какой-то баронъ, изъ нѣмцевъ, да этотъ и не переѣзжалъ: слышно, умеръ.

— А прежде барона?

— Нанималъ купецъ для какой-то своей... гм! да обанкрутился, такъ у насъ и задатокъ остался...

«Странно!» подумалъ Лугинъ.

— А можно посмотрѣть нумерь?

Дворникъ опять пристально взглянул на него.

— Какъ нельзя? Можно! отвѣчалъ онъ и пошелъ, переваливаясь за ключами.

Онъ скоро возвратился и повелъ Лугина во второй этажъ по широкой, но довольно грязной лѣстницѣ. Ключъ заскрипѣлъ въ заржавленномъ замкѣ и дверь отворилась; имъ въ лицо пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Старая, пыльная мебель, нѣкогда позолоченная, была правильно разставлена кругомъ стѣнъ, обтянутыхъ обоями, на которыхъ изображены были, на зеленомъ грунтѣ, красные попугаи и золотыя лиры; изразцовыя печи кое-гдѣ порастрескались; сосновый полъ, выкрашенный подъ паркетъ, въ иныхъ мѣстахъ скрипѣлъ довольно подозрительно; въ простѣнкахъ висѣли овальныя зеркала съ рамками рококо; вообще комнаты имѣли какую-то странную, несо-

временную наружность. Она, не знаю почему, понравилась Лугину.

— Я беру эту квартиру, сказалъ онъ. Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри сколько паутины!... да надо хорошенько вытопить.— Въ эту минуту онъ замѣтилъ на стѣнѣ послѣдней комнаты поясной портретъ, изображавшій чело-вѣка лѣтъ сорока въ бухарскомъ халатѣ, съ правильными чертами и большими, сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ писанъ не смѣлой, ученической кистью; платье, волосы, рука, перстни— все было очень плохо сдѣлано; за то въ выраженіи лица, особенно губъ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта былъ какой-то неуловимый изгибъ, недоступный искусству и, конечно, начертанный бессознательно, придававшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое попеременно. Не случалось ли вамъ на замороженномъ стеклѣ, или въ зубчатой тѣни, случайно наброшенной на стѣну какимъ нибудь предметомъ, различать профиль человѣческаго лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить ихъ на бумагу— вамъ не удастся; попробуйте на стѣнѣ обрисовать карандашемъ силуэтъ, васъ такъ сильно поразившій—и очарованіе исчезаетъ. Рука чело-вѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій; математически малое отступленіе—и прежнее выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то не изъяснимое, возможное только генію или случаю.

«Странно, что я замѣтилъ этотъ портретъ только въ ту минуту, какъ сказалъ, что беру квартиру!» подумалъ Лугинъ.

Онъ сѣлъ въ кресла, опустил голову на руку и забылся.

Долго дворникъ стоялъ противъ него, помахивая ключами.

— Что жъ, баринъ? проговорилъ онъ наконецъ.

— А?

— Какъ же? Коли берете, такъ пожалуйте задатокъ.

Они условились въ цѣнѣ. Лугинъ далъ задатокъ, послалъ къ себѣ съ приказаніемъ сейчасъ же перевозиться, а самъ просидѣлъ противъ портрета до вечера. Въ 9 часовъ самыя нужныя вещи были перевезены изъ гостинницы, гдѣ жилъ до сей поры Лугинъ.

«Вздоръ, чтобъ на этой квартирѣ нельзя было жить!» думалъ Лугинъ: «моимъ предшественникамъ, видно, не суждено было въ нее перебраться—это, конечно, странно! Но я взялъ свои мѣры: переѣхалъ тотчасъ!... Что жъ?—ничего».

До двѣнадцати часовъ онъ съ своимъ старымъ камердинеромъ Никитой разставлялъ вещи... и, надо прибавить, что онъ выбралъ для своей спальни комнату, гдѣ висѣлъ портретъ.

Передъ тѣмъ, чтобъ лечь въ постель, онъ подошелъ со свѣчей къ портрету, желая еще разъ на него взглянуть хорошенько, и прочиталъ внизу, вмѣсто имени живописца, красными буквами: се-реда.

— Какой нынче день? спросилъ онъ Никиту.

— Понедѣльникъ, сударь...

— Послѣ завтра среда, сказала разсѣянно Лугинъ...

— Точно такъ-съ?

Богъ знаетъ, почему Лугинъ на него разсердился.

— Пошелъ вонъ! закричалъ онъ, топнувъ ногою.

Старый Никита покачалъ головою и вышелъ. Послѣ этого Лугинъ легъ въ постель и заснулъ. На другой день утромъ привезли остальныя вещи и нѣсколько начатыхъ картинъ.

III.

Въ числѣ недоконченныхъ картинъ, большею частью маленькихъ, была одна, размѣра довольно значительнаго. Посреди холста, исчерченнаго углемъ, мѣломъ, и загрунтованнаго зелено-коричневою краской, эскизъ женской головки остановилъ бы вниманіе знатока; но, не смотря на прелесть рисунка и на живость колорита, она поражала неприятно чѣмъ-то неопредѣленнымъ въ выраженіи глазъ и улыбки. Видно было, что Лугинъ перерисовывалъ ее въ другихъ видахъ и не могъ остаться довольнымъ, потому что въ разныхъ углахъ холста являлась та же головка, замаранная коричневою краской; то не былъ портретъ. Можетъ быть, подобно молодымъ поэтамъ, вздыхающимъ по небывалой красавицѣ, онъ старался осуществить на холстѣ свой идеаль—женщину ангела—причуда, понятная въ первой юности, но рѣдкая въ челоуѣкѣ, который сколько нибудь испыталъ жизнь. Однако есть люди, у которыхъ опытность ума не дѣйствуетъ на сердце, и Лугинъ былъ изъ числа этихъ несчастныхъ и поэтическихъ созданій. Самый тонкій плутъ, самая опытная кокетка съ трудомъ могли бы его провесть, а самъ себя онъ ежедневно обманывалъ съ простодушіемъ ребенка. Съ нѣкотораго времени его преслѣдовала постоянная идея, мучительная и несносная, тѣмъ болѣе, что отъ нея страдало его самолюбіе. Онъ былъ далеко не красавецъ—это правда, однако въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и добродушіе, находили даже выраженіе лица его довольно приятнымъ. Но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви, и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія постороннія и объясняя грубымъ и положи-

тельнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность.

Не стану разсматривать, до какой степени онъ былъ правъ: но дѣло въ томъ, что подобное расположеніе души извиняетъ достаточно фантастическую любовь къ воздушному идеалу, любовь самую невинную и вмѣстѣ самую вредную для человѣка съ воображеніемъ.

Въ этотъ день, который былъ вторникъ, ничего особеннаго съ Лугинимъ не случилось: онъ до вечера просидѣлъ дома, хотя ему нужно было куда-то ѣхать. Непостижимая лѣнь овладѣла всѣми чувствами его; хотѣлъ рисовать—кисти выпадали изъ рукъ; пробовалъ читать—взоры его скользили надъ строками и читали совсѣмъ не то, что было написано; его бросало въ жаръ и въ холодъ; голова болѣла; звенѣло въ ушахъ. Когда смерклось, онъ не велѣлъ подавать свѣчь и сѣлъ у окна, которое выходило на дворъ. На дворѣ было темно; у бѣдныхъ сосѣдей тускло свѣтились окна. Онъ долго сидѣлъ; вдругъ на дворѣ заиграла шарманка; она играла какой-то старинный нѣмецкій вальсъ. Лугинъ слушалъ, слушалъ; ему стало ужасно грустно. Онъ началъ ходить по комнатѣ, небывалое безпокойство имъ овладѣло; ему хотѣлось плакать, хотѣлось смѣяться... онъ бросился на постель и заплакалъ: ему представилось все его прошедшее. Онъ вспомнилъ, какъ часто бывалъ обманутъ, какъ часто дѣлалъ зло именно тѣмъ, которыхъ любилъ; какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видѣлъ слезы, вызванныя имъ изъ глазъ, нынѣ закрытыхъ на вѣки, и онъ съ ужасомъ замѣтилъ и признался, что онъ не достоинъ былъ любви безотчетной и истинной—и ему стало такъ больно, такъ тяжело!

Около полуночи онъ успокоился, сѣлъ къ столу, зажегъ свѣчу, взялъ листъ бумаги и сталъ что-то чертить. Все было

тихо вокругъ. Свѣча горѣла ярко и спокойно. Онъ рисовалъ голову старика, и когда кончилъ, то его поразило сходство этой головы съ кѣмъ-то знакомымъ. Онъ поднялъ глаза на портретъ, висѣвшій противъ него—сходство было разительное; онъ невольно вздрогнулъ и обернулся: ему показалось, что дверь, ведущая въ пустую гостиную, заскрипѣла; глаза его не могли оторваться отъ двери. «Кто тамъ?» вскрикнулъ онъ.

За дверьми послышался шорохъ, какъ будто хлопали туфли; известка посыпалась съ печи на полъ. «Кто это?» повторилъ онъ слабымъ голосомъ.

Въ эту минуту обѣ половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыханіе повѣяло въ комнату; дверь отворилась сама; въ той комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ.

Когда дверь отворилась настежь, въ ней показалась фигура, въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ: то былъ сѣдой, сторбленный старичекъ; онъ медленно подвигался, присѣдая; лицо его, блѣдное и длинное, было неподвижно, губы сжаты; сѣрые, мутные глаза, обведенные красной каймою, смотрѣли прямо, безъ цѣли. И вотъ онъ сѣлъ у стола противъ Лугина, вынулъ изъ-за пазухи двѣ колоды картъ, положилъ одну противъ Лугина, другую передъ собой, и улыбнулся.

— Что вамъ надобно? сказалъ Лугинъ съ храбростью отчаянія. Его кулаки судорожно сжимались и онъ былъ готовъ пустить шандаломъ въ незваннаго гостя.

Подъ халатомъ вздохнуло.

— Это несносно! сказалъ Лугинъ задыхающимся голосомъ. Его мысли мѣшались.

Старичекъ зашевелился на стулѣ; вся его фигура измѣнялась ежеминутно: онъ дѣлался то выше, то толще, то почти совсѣмъ съживался; наконецъ принялъ прежній видъ.

«Хорошо», подумалъ Лугинъ: если это привидѣніе, то я ему не поддамся.

— Не угодно ли, я вамъ промечу штоссь? сказалъ старичокъ.

Лугинъ взялъ передъ нимъ лежавшую колоду картъ и отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ:

— А на что же мы будемъ играть? Я васъ предвараю, что душу свою на карту не поставлю! [Онъ думалъ этимъ озадачить привидѣніе]. А если хотите, продолжалъ онъ: я поставлю кляунгеръ: не думаю, чтобъ водились въ вашемъ воздушномъ банкѣ.

Старика эта шутка ни мало не сконфузила.

— У меня въ банкѣ вотъ это! отвѣчалъ онъ, протянувъ руку.

— Это? сказала Лугинъ, испугавшись и кинувъ глаза налѣво.—Что это?

Возлѣ него колыхалось что-то бѣлое, неясное и прозрачное. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся.

— Мечите! потомъ сказалъ онъ, оправившись, и вынувъ изъ кармана кляунгеръ, положилъ его на карту.—Идетъ, темная.

Старичекъ поклонился, стасовалъ карты, сфѣзалъ и сталъ метать. Лугинъ поставилъ семерку бубень, и она соника была убита; старичекъ протянулъ руку и взялъ золотой.

— Еще талью! сказалъ съ досадою Лугинъ.

Онъ покачалъ головою.

— Что же это значить?

— Въ середу, сказалъ старичекъ.

— А, въ середу! вскрикнулъ въ бѣшенствѣ Лугинъ. Такъ нѣтъ же! не хочу въ середу! завтра или никогда! Слышишь ли?

Глаза страннаго гостя пронзительно за сверкали, и онъ опять безпокойно зашевелился.

— Хорошо! наконецъ сказалъ онъ, всталъ, поклонился и вышелъ, присѣдая. Дверь опять тихо за нимъ затворилась, въ сосѣдней комнатѣ опять захлопали туфли и мало по малу все утихло. У Лугина кровь стучала въ голову молот-

комъ; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что онъ проигралъ. «Однако жъ я не поддаюсь ему!» говорилъ онъ, стараясь себя утѣшить: «Переупрямилъ! Въ середу! Какъ бы не такъ! что я за сумасшедшій! Это хорошо!... очень хорошо! онъ у меня не отдѣляется... А какъ похожъ на этотъ портретъ!... ужасно, ужасно похожъ!... А! теперь я понимаю!...»

На этомъ словѣ онъ заснулъ въ креслахъ. На другой день поутру онъ никому о случившемся не говорилъ, просидѣлъ цѣлый день дома и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера.

«Однако я не посмотрѣлъ хорошенько на то, что у него въ банкѣ! думалъ: вѣрно что нибудь необыкновенное!»

Когда наступила ночь, онъ всталъ съ своихъ кресель, вышелъ въ сосѣдную комнату, заперъ на ключъ дверь, ведущую въ переднюю, и возвратился на свое мѣсто. Онъ недолго дожидался: опять раздался шорохъ, хлопанье туфель, кашель старика, и въ дверяхъ показалась его мертвая фигура. За нимъ подвигалась другая, но до того туманная, что Лугинъ не могъ разсмотрѣть ея формы.

Старичекъ сѣлъ, какъ наканунѣ, положилъ на столъ двѣ колоды картъ, сфѣзалъ одну и приготовился метать, повидимому не ожидая отъ Лугина никакого сопротивленія. Въ его глазахъ блистала необыкновенная увѣренность, какъ будто они читали въ будущемъ.

Лугинъ, остолбенѣвшій совершенно подъ магнетическимъ вліяніемъ его сфѣрыхъ глазъ, уже бросилъ было на столъ два полуимперіала, какъ вдругъ онъ опомнился.

— Позвольте!... сказалъ онъ, покрывъ рукою свою колоду.

Старичекъ сидѣлъ неподвиженъ.

— Что, бишь, я хотѣлъ сказать?... Позвольте... да!...

Лугинъ запутался.

Наконецъ, сдѣлавъ усиліе, онъ медленно проговорилъ:

— Хорошо... я съ вами буду играть... я принимаю вызовъ... я не боюсь... только съ условіемъ: я долженъ знать, съ кѣмъ играю. Какъ ваша фамилія?

Старичекъ улыбнулся.

— Я иначе не играю, проговорилъ Лугинъ; а межъ тѣмъ дрожащая рука его вытаскивала изъ колоды очередную карту.

— Что-съ? проговорилъ неизвѣстный, насмѣшливо улыбаясь.

— Штоссъ?— это? У Лугина руки опустились, онъ испугался.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ возлѣ себя чье-то свѣжее ароматическое дыханіе, и слабый шорохъ, и вздохъ невольный, и легкое, огненное прикосновеніе. Станный, сладкій и вмѣстѣ болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ; онъ на мгновенье обернулъ голову и тотчасъ опять устремилъ взоръ на карты; но этого минутнаго взгляда было бы довольно, чтобы заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное видѣнье: склонясь надъ его плечомъ, сіяла женская головка; ея уста умоляли; въ ея глазахъ была тоска невыразимая; она отдѣлялась на темныхъ стѣнахъ комнаты, какъ утренняя звѣзда на туманномъ востокѣ. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушно-неземнаго; никогда смерть не уносила изъ міра ничего столь полнаго пламенной жизни; то не было существо земное, то были краски и свѣтъ вмѣсто формъ и тѣла, теплое дыханіе вмѣсто крови, мысль вмѣсто чувства; то не былъ также пустой и ложный призракъ, потому что въ неясныхъ чертахъ дышала страсть бурная и жадная, желаніе, грусть, любовь, страхъ, надежда... то была одна изъ тѣхъ чудныхъ красавицъ, которыхъ рисуетъ намъ молодое воображеніе, передъ которыми, въ волненіи пламенныхъ грѣзъ, стоимъ на колѣняхъ и плачемъ, и молимъ, и радуемся,

Богъ знаетъ чему; одно изъ тѣхъ божественныхъ созданій молодой души, когда она, въ избыткѣ силъ, творить для себя новую природу лучше и полнѣе той, къ которой она прикована!

Въ эту минуту Лугинъ не могъ объяснить того, что съ нимъ сдѣлалось; но съ этой минуты онъ рѣшился играть, пока не выиграетъ; эта цѣль сдѣлалась цѣлью его жизни: онъ былъ этому очень радъ.

Старичекъ сталъ метать: карта Лугина была убита. Блѣдная рука опять потащила по столу два полуимперіала.

— Завтра! сказала Лугинъ.

Старичекъ вздохнулъ тяжело, но кивнулъ головой въ знакъ согласія, и вышелъ, какъ наканунѣ.

Всякую ночь въ продолженіе мѣсяца эта сцена повторялась. Всякую ночь Лугинъ проигрывалъ, но ему не было жаль денегъ: онъ былъ увѣренъ, что наконецъ хоть одна карта будетъ дана, и потому все удвоивалъ куши. Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но за то каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ ужасно. Цѣлые дни просиживалъ дома, запершись въ кабинетѣ; часто не обѣдалъ. Онъ ожидалъ вечера, какъ любовникъ—свиданія, и каждый вечеръ былъ награжденъ взглядомъ болѣе нѣжнымъ, улыбкой болѣе привѣтливой. Она — не знаю какъ назвать ее—она, казалось, принимала трепетное участіе въ игрѣ: казалось, она ждала съ нетерпѣніемъ минуты, когда освободится отъ ига несноснаго старика, и всякій разъ, когда карта Лугина была убита, она съ грустнымъ взоромъ оборачивала къ нему эти страстные, глубокіе глаза, которые, казалось, говорили: «смѣлѣе, не упадай духомъ, подожди: я буду твоею, во что бы то ни стало; я тебя люблю!»—и жестокая, молчаливая печаль покрывала своей тѣнью ея

измѣнчивыя черты. И всякій вечеръ, когда они разставались, у Лугина болѣзненно сжималось сердце отчаяніемъ и бѣшенствомъ. Онъ уже продавалъ вещи, чтобъ

поддерживать игру; онъ видѣлъ, что невдалекѣ та минута, когда ему нечего будетъ поставить на карту. Надо будетъ на что нибудь рѣшиться. Онъ рѣшился...

Другой отрывокъ изъ начатой повѣсти.

Я хочу рассказать вамъ исторію женщины, которую вы всѣ видѣли и которую никто изъ васъ не зналъ. Вы ее встрѣчали ежедневно на балѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, у нея въ кабинетѣ. Теперь она уже сошла со сцены большого свѣта; ей тридцать лѣтъ, и она схоронила себя въ деревнѣ; но когда ей было только двадцать, весь Петербургъ шумно занимался ею въ продолженіе цѣлой зимы. Объ этомъ совершенно забыли—и слава Богу! потому что, иначе, я бы не могъ печатать своей повѣсти. Въ обществѣ про нее было въ то время много разногласныхъ толковъ. Старушки говорили объ ней, что она прехитрая и прелукавая, пріятельницы—что она преглупенькая, соперницы—что она предобрая, молодыя женщины—что она кокетка, а раздушенные старики значительно улыбались при ея имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность. Иные жалѣли, что такой правильной и свѣжей красотѣ не достаетъ фізіономіи, тогда какъ другіе утверждали, что хотя она вовсе не хороша, но неизъяснимая прелесть выраженья въ ея лицѣ замѣняетъ всѣ прочіе недостатки. При томъ мужъ ея, пятидесятилѣтній мужчина, имѣлъ графскій титулъ и сомнительно-огромное состояніе. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой женщинѣ ту соблазнительную, мимолетную славу, за которой онѣ всѣ такъ жадно гоняются и за которую нѣкоторыя изъ нихъ такъ дорого платятъ.

Подробности моего разсказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вамъ, что въ немъ будетъ заключаться глубокой нравственный смыслъ, который не ускользнетъ ни отъ кого, развѣ отъ 18 лѣтнихъ барышень—да имъ моей книги не дадутъ; а если она имъ и попадется случайно, то умоляю ихъ, послѣ этихъ строкъ закрыть ее и не класть на ночь подъ подушку, потому что отъ этого находятъ дурные сны. Молодыя же дамы, прочитавъ эти правдивыя страницы, вѣрно, отдадутъ справедливость моимъ описаньямъ и замѣчаньямъ, вспомнивъ нѣчто подобное въ своей жизни; но онѣ, конечно, этого никому не скажутъ, тогда какъ многіе молодые франты станутъ увѣрять, что такія приключенія были съ ними на дняхъ, тогда какъ съ большею частію изъ нихъ ничего такого случиться даже не можетъ. Всѣ почти жалуются у насъ на однообразіе свѣтской жизни, а забываютъ, что надо бѣгать за приключеніями, чтобъ они встрѣтились; а для того, чтобы за ними гоняться, надо быть взволновану сильной страстью или имѣть одинъ изъ тѣхъ безпокойно-любопытныхъ характеровъ, которые готовы сто разъ пожертвовать жизнію, только бы достать ключъ самой незамысловатой, повидимому, загадки; но на днѣ одной есть уже вѣрно другая, потому что все для насъ въ мірѣ тайна, и тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается. Во всякомъ сердцѣ, во всякой

жизни пробѣжало чувство, промелькнуло событіе, которыхъ никто никому не откроетъ, а они-то самыя важныя и есть; они-то обыкновенно даютъ тайное направленіе чувствамъ и поступкамъ.

Въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ любопытныхъ и страстныхъ людей немного; но, около десяти лѣтъ тому назадъ, случился одинъ такой чудакъ въ Петербургѣ, и судьба, какъ нарочно, поставила его передъ непонятной женщиною, которой исторію я хочу вамъ рассказать.

Александрѣ Сергѣевичу Арбенину было тридцать лѣтъ—возрастъ силы и зрѣлости для мужчины, если только молодость его прошла не слишкомъ бурливо и не слишкомъ спокойно. Извѣстно, что въ природѣ противоположныя причины часто производятъ одинакія дѣйствія: лошадь равно падаетъ на ноги отъ застоя и отъ излишней ѣзды.

Вотъ какова была молодость Арбенина. Начнемъ сначала.

Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его на этотъ свѣтъ, его мать развѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Сообразивъ всѣ городскіе толки, можно было сдѣлать только одно вѣрное заключеніе, а именно, что Сергѣй Васильевичъ развѣхался съ своей супругой.

Саша остался на рукахъ отца. Когда ему минуло годъ, его посадили съ кормилицей и няней въ карету и отвезли въ симбирскую деревню. Сергѣй Васильевичъ вскорѣ самъ туда пріѣхалъ и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. Отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ. Съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы. Весной, во время разлива, рѣка превращалась въ море, усѣянное лѣсистыми островами; по ней мелькали бѣлые паруса барокъ и вечеромъ раздавались пѣсни бурлаковъ. Бар-

скій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе дома: деревянный, съ мезониномъ, выкрашенный желтой краской, а дворъ обстроены былъ одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ качались и сохли жидкія ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась вокругъ нихъ и, порой, двѣ горничныя садились на полусгнившую доску, висящую межъ двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, взбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладони, когда пугливыя дѣвы начинали визжать—и всѣмъ было очень весело. Надо замѣтить, что качели среди барскаго двора—признакъ отечески-добраго правленія, а между тѣмъ вотъ какъ хорошо судятъ о насъ иностранцы: въ путевыхъ запискахъ одного француза я недавно читалъ, что у насъ противъ господскаго дома обыкновенно торчатъ висѣлица. Французъ замѣчалъ остроумно, что это, должно быть, злоупотребленіе, ибо смертная казнь въ Россіи уничтожена. Бѣдныя качели!...

Мужики Арбенина большею частью занимались рыбной ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаковъ выбѣгали съ плачемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы крестьянскихъ дѣвокъ купались въ студѣныхъ струяхъ Волги; ихъ русыя косы мелькали надъ пѣнистой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ потому, что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобъ потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали непрерывно, рассказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понят-

ями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кровать. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія! Отецъ имъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣньемъ улыбнуться на низкую лестъ толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то-и-дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если бъ не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его

въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и если бъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно бы отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учать дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но увы! никто и не подозревалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студѣныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей немало помѣшало его выздоровленію...

ПРИМѢЧАНІЯ КО И ТОМУ.

ДЕМОНЪ.

часть I.

Страница 4, строфа IV, строка 6. Въ изданіи 1857 года, выпущенномъ въ Карлсруэ, напечатано: *руины*.

Страница 4, строфа V, строка 1. Въ рукописи въ этомъ мѣстѣ зачеркнуты четыре стиха; тамъ жемѣсто *широкій*, было прежде написано *крѣпкій*.

Страница 4, строфа VI, строка 4. Зурна—музыкальный инструментъ въ родѣ волынки. Прим. Лермонтова.

Страница 4, строфа VI, строка 11. Этимъ стихомъ кончалась строфа и начинались слѣдующіе стихи, потомъ зачеркнутые:

И вотъ невѣста молодая
Беретъ свой бубенъ расписной;
Въ ладони мѣрно ударяя,
Запѣли всѣ; одной рукой
Кружа его надъ головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла міръ земной.
Ея узорною повязкой
Играетъ вѣтеръ. Какъ волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста блѣднѣютъ и дрожатъ;
И жадной страсти полонъ взглядъ,
Какъ страсть палящій и глубокой.

Страница 5, строфа VII, строка 2.—Слово „Лучемъ“ было вычеркнуто, потомъ восстановлено точками.

Страница 5, строфа VIII, строка 1. Первые девять стиховъ восьмой строфы замѣнили семь стиховъ первоначально написанныхъ:

На ней былъ свѣтлый отпечатокъ
Небесной родины людей,
Величья прежняго остатокъ,
Отливъ померкнувшихъ лучей.
Въ ней было то *полуземное*,

Что ищетъ сердце молодое
Въ пылу затѣливой мечты.

Страница 5, строфа VIII, строка 3, вписана послѣ.

Страница 5, строфа VIII, строка 6. Слово *чуждая* перечеркнуто.

Страница 5, строфа VIII, строка 8. Вмѣсто: *и часто*, было сначала написано: *но рѣдко*.

Страница 6, строфа X, строка 18. Чуха—верхняя одежда съ откидными рукавами. Прим. Лермонтова.

Страница 6, строфа XI, строки 19 и 20. Стремена у грузинъ въ родѣ башмаковъ изъ звонкаго желѣза. Прим. Лермонтова.

Папахъ—шапка въ родѣ эриванки. Прим. Лермонтова.

Страница 6, строфа XII, строка 2. Слово *на труны* зачеркнуто; было написано другое, котораго разобрать нельзя.

Страница 7, строфа XIII, строка 17. Вмѣсто словъ: *лихой ты*, было сперва написано *надежный*.

Страница 7, строфа XIV. Послѣ третьяго стиха, прежде былъ написанъ стихъ:

Кто блѣдный всадникъ у воротъ?

и за нимъ слѣдовалъ стихъ одиннадцатый и слѣдующіе.

Стихи отъ 5-го до 10-го включительно приписаны послѣ съ боку, а стихъ *кто блѣдный* и проч. зачеркнуть.

часть II.

Страница 9, строфа 1. Въ изданіи „Демона“ 1857 года, послѣ первыхъ четырехъ стиховъ девять стиховъ текста были замѣнены слѣдующими:

Не буду я ни чьей женою—
Скажи моимъ ты женихамъ;
Супругъ мой взять сырой землею,—
Другому сердца не отдамъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой,

Меня тревожитъ духъ лукавый
 Неотразимую мечтой;
 Въ тиши ночной меня смущаетъ
 Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ;
 Молиться днемъ душа не можетъ:
 Мысль далека отъ звука словъ;
 Огонь по жиламъ пробѣгаетъ...
 Я сохну, вяну день отъ дня.
 Отецъ! душа моя страдаетъ...
 Отецъ мой, пощади меня!

Стран. 10, строфа II, строка 17, вмѣсто *тихо* прежде было поставлено другое слово, котораго нельзя разобрать.

Стран. 10, строфа III, строка 7. Въ изд. 1857 г. вмѣсто „грѣшницы“ *схимницы*, въ выноскѣ же сказано: „прежде было: *грѣшницы*“.

Стран. 10, строфа V, строка 9. Вмѣсто *божественной*, было другое какое-то слово, котораго нельзя разобрать.

Стран. 10, строфа V, строка 13. Въ изданіи 1857 г. приведенъ слѣдующій вариантъ:

И трель живую соловья,
 Сквозь шумъ далекаго ручья.
 Порою, разбросавъ на плечи
 Волну кудрей своихъ, она
 Стоитъ безъ мысли, холодна...
 И страстныя лепечутъ рѣчи
 Ея дрожащія уста.
 Желанье грудь ея волнуетъ,
 И чудный призракъ ей рисуетъ,
 Предъ нею въ сумракѣ, мечта!

Стран. 10, строфа VI, строка 19. Вмѣсто этого стиха, прежде былъ написанъ слѣдующій:

Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи.

Стран. 11, строфа VII, строка 17. Чингарь, чингара—родъ гитары. Прим. Лермонтова.

Стран. 12, строфа IX, строка 9. Въ изд. 1857 г. въ выноскѣ сказано: „прежде было: *улыбнулся*“.

Стран. 12, строфа X, строка 2. Въ изд. 1857 г. въ выноскѣ: „Прежде: *ужасна*“.

Стран. 12, строфа X, строка 36. Въ изданіи 1857 года вмѣсто семи стиховъ, начинающихся этимъ стихомъ, прежде были слѣдующіе:

Когда я въ первый разъ увидѣлъ,
 Твой чудный, твой волшебный взоръ,
 Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
 Мою свободу, какъ позоръ.
 Своєю властью недовольный,
 Я позавидовалъ невольно
 Неполнымъ радостямъ людей.

Страница 13, строка 21. Въ этомъ стихѣ послѣднія два слова измѣнены: кажется прежде было написано: *сильнѣе жить*, или что-то въ этомъ родѣ.

Стран. 13, 2 столб. строка 15. Въ изд. 1857 г. въ выноскѣ: „прежде было: *сілло*“.

Стран. 14, 1 столб. строка 11. Въ изданіи 1857 года, напечатаны слѣдующіе шесть стиховъ, не помѣщенные въ изданіи 1856 года, какъ неразобранные:

Какъ часто на вершинѣ льдяной,
 Одинъ, межъ небомъ и землей,
 Подъ кровомъ радуги огнистой,
 Сидѣлъ я мрачный и нѣмой.
 И бѣлогривыя мятели
 Какъ лвы у ногъ моихъ ревѣли.

Стран. 14, 1 столб. строка 35. Въ изд. 1857 г. въ выноскѣ сказано: „передъ словомъ *надеждъ*, одно слово зачеркнуто“.

Послѣ предъидущаго монолога въ изданіи 1857 года внесены въ текстъ слѣдующіе стихи, не бывше въ изданіи 1856 г.

ТАМАРА.

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
 Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
 Ты согрѣшилъ...

ДЕМОНЪ.

Противъ тебя ли?

ТАМАРА.

Насъ могутъ слышать...

ДЕМОНЪ.

Мы одни.

ТАМАРА.

А Богъ?

ДЕМОНЪ.

На насъ не кинетъ взгляда:
 Онъ занятъ небомъ, не землей!

ТАМАРА.

А наказанье? Муки ада?

ДЕМОНЪ.

Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!

Страница 14, столбецъ 2, строка 9. Вмѣсто *ты видишь*, было *конечно*.

Страница 14, столбецъ 2, строка 12. Вмѣсто *конечно*, было *надъ мною*.

Страница 14, столбецъ 2, строка 13. Вмѣсто *клянися мнѣ*, было *клянися теперь*.

Вмѣсто *стяжаній*, было *желаній*.

Страница 14, столбецъ 2, строка 16. Вмѣсто *больше*, было *въ мирѣ*.

Страница 15, столбецъ 1, строка 34. Вмѣсто *узнай*, было *повѣрь*.

Страница 15, столбецъ 1, строка 46. Вмѣсто *присуждена* прежде было написано *назначена*.

Страница 15, строфа XI, строка 2. Было: *Прижался* жаркими устами.

Страница 15, строфа XI, строка 13. Послѣ слова *ужасный* было *но минутный; мучительный* приписано послѣ.

Страница 16, строфа XIV, строка 10. Вмѣсто *Не намекало*, было *Не говорило*.

Страница 16, столб. I, строка 1. Вмѣсто *толтой*, было *но вотъ*.

Страница 17, столб. I, строка 25. Вмѣсто *по-смертное*, написано было *послѣднее*, но потомъ зачеркнуто.—Послѣдніе четыре стиха этой строфы вписаны послѣ.

Страница 17, строфа XVI. Вмѣсто этой строфы, сначала была написана слѣдующая:

Едва послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гудала,
И горсть послѣдняя земли
О крышку гроба простучала,
И воскурился къ небесамъ
Кадиль прощальный фиміамъ;
Едва лишь за скалой сосѣдней,
Утихъ рыданій звукъ послѣдній,

Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ,—
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился ангелъ легкокрылый,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы молодой;
И въ то же время царь порока
Туда примчался издалека.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась;
По слѣду крыль его ташилась
Багровой молніи струя;
Когда жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ;
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

Страница 17, строфа XVI, строка 11. Вмѣсто *Къ нимъ* было *Къ ней*.

ПРИМЪЧАНІЯ КЪ „ДЕМОНУ“,

Составленныя по рукописи В. Г. Бѣлинскаго.

Въ текстѣ „Демона“, переписанномъ рукою В. Г. Бѣлинскаго, встрѣчаются нѣкоторыя несходства съ текстомъ нашего изданія. Здѣсь помѣщаются все эти несходства.

ЧАСТЬ I.

Стран. 3, строфа I. Послѣ стиха: „Счастливыи первенецъ творенья“, слѣдуютъ стихи:

Не зналъ ни *страха*, ни сомнѣнья,
Безплодной муки сожалѣнья,

Стр. 3, строфа II начинается такъ:

Въ пустыни мѣра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта;

Стр. 4, строфа III, послѣ 8 стиха измѣнены два слѣдующихъ стиха такъ:

Съ косматою гривой на *спинь*,
Ревѣлъ,—и хищный звѣрь и птица,

Стр. 4, въ IV строфѣ вмѣсто стиха „Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ“:

Ущелья, гдѣ палящимъ днемъ

Въ той же строфѣ вмѣсто стиха „Какъ взоръ грузинки молодой“, стихъ:

Грузинки жарко молодой

Стр. 4, строфа VI. Послѣ стиха „Ужъ

спрятанъ солнца полукругъ.“, слѣдуютъ стихи:

И вотъ Тамара молодая
Веретъ свой бубень расписной;
Въ ладони мѣрно ударяя,
Запѣли всѣ: одной рукой
Кружа его надъ головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мѣръ земной;
Ея летучею повязкой
Играетъ вѣтеръ; какъ волна,
Нескромною думою полна,
Грудь подымается высоко,
Уста блѣднѣютъ и дрожать,
И жадной страсти полонъ взглядъ,
Какъ страсть палящій и глубокий!
То вдругъ помчится легче птицы,
То остановится,—глядитъ,—
И влажный взоръ ея *горитъ*...

Далѣе какъ въ нашемъ текстѣ.

Стр. 5, строфа VII. Вмѣсто „Своей жемчужною росою“:

Своей *алмазною* росою

Стр. 5, строфа VIII. Вмѣсто: „Отчизна, чуждая по нынѣ,“ —

Отчизна, чуждая *до нынѣ*,

Стр. 5, та же строфа. Вмѣсто: „И часто тайное сомнѣнье Темнило свѣтлыя черты;“ и т. д.—

И часто *мрачныя сомнѣнья*
Темнили свѣтлыя черты;
Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны чудной простоты,—
Что еслибъ *врагъ небесъ и рай...*

Далѣе какъ въ нашемъ текстѣ.

Стр. 5, строфа IX. Вмѣсто: „О прежнемъ счастья, цѣпью длинной,“—

О *прошломъ* счастья цѣпью длинной,

Вмѣсто: „Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,“—

Онъ съ новой *думой* сталъ знакомъ,

Вмѣсто: „Забьтъ? — Забвенья не далъ Богъ,“—

Забьтъ?... Забвенья не далъ Богъ

Въ рукописи написано *забьтъ*, но потомъ *тъ* перечеркнуто и сверху написано надъ *тъ*—*лъ*. При окончаніи строфы въ рукописи нѣтъ строки точекъ.

Стр. 5, строфа X. Вмѣсто: „Ремнемъ затынуть ловкій станъ,“—

Ремнемъ затынуть *стройный* станъ,

Стр. 6, строфа XI. Въ рукописи Бѣлинскаго эта строфа оканчивается стихомъ: „Уста невѣсты цаловаль...“ XII строфа его рукописи начинается непосредственно за послѣдующимъ стихомъ и оканчивается также, какъ въ нашемъ текстѣ.

Стр. 6, строфа XII. Вмѣсто: „Затихло все... Тѣснясь толпой“ и т. д.

И стихло все. Тѣснясь, толпой,
Верблюды съ ужасомъ смотрѣли
На трупы всадниковъ; порой
Ихъ колокольчики звенѣли.

Дальше какъ въ нашемъ текстѣ.

Стр. 7, та же строфа. Вмѣсто: „Покрыты длинными чадрами“—

Покрыты *бѣлыми* чадрами

Та же строфа. Вмѣсто: „Не разъ усталый пѣшеходъ“—

Порой, усталый пѣшеходъ...

Стр. 7, строфа XIII. Вмѣсто: „Скакунъ лихой, ты господина“.

Скакунъ *надежный* господина

Стр. 8, строфа XV. Вмѣсто: „Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ“—

Безсмертный свѣтъ теперь ласкаетъ

Та же строфа. Вмѣсто: „Ты объ нихъ лишь вспомяни,“—

Ты о нихъ лишь вспомяни,

Стр. 9, строфа XIV. Вмѣсто: „Какъ будто онъ объ ней жалѣлъ.“—

Какъ будто-бъ онъ о ней жалѣлъ...

ЧАСТЬ II.

Стр. 9, строфа I. Послѣ стиха: „Уже не первые они.“ Десять стиховъ нашего текста замѣнены слѣдующими:

Не буду я ничьей женою,
Скажи моимъ ты женихамъ;
Супругъ мой взять сырой землею,
Другому сердце не отдамъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой,
Меня смущаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой.
Въ тиши ночей меня тревожить
Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ;
Молиться днемъ душа не можетъ:
Мысль далека отъ звука словъ...
Огонь по жиламъ пробѣгаетъ,
Я сохну, вяну день-отъ-дня...
Отецъ! Душа моя страдаетъ,
Отецъ мой, пощади меня.

Стр. 10, строфа II. Послѣдніе два стиха этой строфы замѣнены слѣдующими:

Онъ такъ смотрѣлъ, онъ такъ манилъ,
Онъ, мнилось, такъ несчастенъ былъ...

При этомъ сдѣлана ссылка на первый вариантъ, помѣщенный въ концѣ тетради. Вариантъ этихъ двухъ стиховъ тождественъ съ тѣми же стихами нашего текста.

Стр. 10, строфа III. Вмѣсто: „Когда ложилась ночь въ ущелья,“—

Когда ложилась *тѣнь* въ ущелии,

Стр. 10, строфа IV. Вмѣсто: „Зовутъ къ молитвѣ муэззины,“—

Зовутъ къ молитвѣ *муэцины*

Вмѣсто: „И въ часъ заката одѣвались“—

А въ часъ заката одѣвались

Стр. 10, строфа V; эта строфа въ рукописи Бѣлинскаго начинается слѣдующими стихами:

Но Демонъ огненнымъ дыханьемъ
Тамары душу запятналъ,
И божій міръ своимъ блистаньемъ
Восторга въ ней не пробуждалъ.
Страсть безотчетная какъ тѣню

Жизнь осѣнила передъ ней;
И стало все предлогъ мученью...

При послѣднемъ стихѣ сдѣлана ссылка на второй вариантъ; въ этомъ вариантѣ написаны тѣ самые шесть стиховъ, которыми начинается V строфа нашего текста.

Въ той же строфѣ послѣ стиха: „Тревожить путника вниманье“, вставлены слѣдующіе два стиха:

Сквозь шумъ далекаго ручья
И трель живую соловья;

Въ той же строфѣ, вмѣсто: „Прикованный въ пещерѣ стонетъ!“—

Прикованный къ пещерѣ стонетъ!

Стр. 10, строфа VI, послѣ стиха: „А сердце молится ему“, идутъ слѣдующія стихи:

Порою, разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна,
И странныя лепечуть рѣчи
Ея дрожащія уста;
Желанье грудь ея волнуетъ,
И чудный призракъ все рисуетъ
Предъ нею въ сумракѣ мечта...

Далѣе какъ въ нашемъ текстѣ, кромѣ стиха „Пылаютъ грудь ея и плечи“, который замѣненъ стихомъ:

Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи,

Стр. 11, строфа VII. Вмѣсто: „Чингара стройное бряцанье“—

Чанури стройное бряцанье

Стр. 12, строфа VIII. Вмѣсто: „Хранитель грѣшницы прекрасной“,—

Хранитель схимницы прекрасной,

Стр. 12, строфы VIII и IX въ рукописи соединены въ одну VIII строфу.

Стр. 12, строфа X. Вмѣсто: „Но молви, кто ты?... Отвѣчай!...“

Но молви—кто жъ ты?—Отвѣчай...

Стр. 12, строфа X. Послѣ стиха: „Я рабъ твой, я тебя люблю!“ слѣдующія стихи измѣнены такъ:

Когда я въ первый разъ увидѣлъ
Твой чудный, твой волшебный взоръ,—
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Мою свободу, какъ позоръ.
Своею властью недовольный,
Я позавидовалъ невольно
Неполной радости людской;

Далѣе какъ въ нашемъ текстѣ, кромѣ стиха „Зашевелилась какъ змѣй“, который замѣненъ стихомъ:

Вдругъ шевельнулась какъ змѣй...

При этомъ стихѣ сдѣлана ссылка на третій, слѣдующій вариантъ:

Въ безкровномъ сердцѣ лучъ неожиданный
Опять затеплила земля,
И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилась какъ змѣя.

Въ той же строфѣ, вмѣсто: „Молиться... гибельной отравой“—

Молиться... Тайною отравой

Вмѣсто: „И этой вѣчною борьбой“ (стр. 13, столб. 2-й, 5 стр. сверху).

И этой домою борьбой.

Въ той же строфѣ послѣ стиха: „Богъ вѣсть откуда и куда!“ (Стр. 13, 2-й столб., 8-я строка снизу) вмѣсто 21 стиха нашего текста написаны слѣдующіе:

Какъ часто на вершинѣ льдистой;
Одинъ межъ небомъ и землей,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ я, мрачный и нѣмой,—
И бѣлогривыя мятели,
Какъ лвы, у ногъ моихъ ревѣли;
Какъ часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Одѣтый молніей и туманомъ,...

Далѣе какъ въ нашемъ текстѣ.

Стр. 14, строфа X. Вмѣсто: „Надеждъ погибшихъ и страстей“.

Мечтаній прежнихъ и страстей

Въ той же строфѣ, къ стиху: „Ктобъ ни былъ ты, мой другъ случайный“, въ рукописи сдѣлана ссылка на четвертый слѣдующій вариантъ:

Т а м а р а .

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ...

Д е м о н ъ .

Противъ тебя-ли!...

Т а м а р а .

Насъ могутъ слышать.

Д е м о н ъ .

Мы однѣ.

Т а м а р а .

А Богъ?...

Д е м о н ъ .

На насъ не кинетъ взгляда:
Онъ занятъ небомъ, не землей!

Т а м а р а .

А наказанье—муки ада?...

Демонъ.

Такъ что жъ?—Ты будешь тамъ со мной
Мы, дѣти вольнаго эфира,
Тебя возьмемъ въ свои края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга вѣчная моя.

Въ той же строфѣ (стр. 14, 1 столб., 2-я строка снизу) вмѣсто: „Но если ты, обманъ тая.....“

Но если ты... обманъ... то я...

Тамъ же вмѣсто: „На что душа тебѣ моя?“
На что тебѣ душа моя?

Тамъ же (стр. 14, 2 столб., 6-я строка сверху) послѣ стиха: „Не смято смертнаго рукой!..“ выпущены послѣдующіе шесть стиховъ и сдѣлана ссылка на пятый вариантъ:

Нѣтъ! Дай мнѣ клятву роковую...
Скажи,—ты видишь—я тоскую,
Ты видишь жалкія мечты...
Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
Но ты все понялъ, ты все знаешь—
И сжалишься конечно ты...

(Было выпущено за безмыслицею. NB.) Примѣч. В. Г. Бѣлинскаго.

Стр. 14, строфа X (монологъ Демона, 8-я строка). Вмѣсто: „И вновь грозящую разлукой;“—

И вновь *грядущую* разлукой,

Стр. 15, строфа X. столб. 1, строка 16. Вмѣсто: „Подруга первая моя;“—

Подруга *вѣчная* моя!

Въ той же строфѣ, послѣ стиха: „И своею нравія мечты?“ написаны слѣдующіе стихи:

И пусть другія бъ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ;
Ихъ думы неба не касались,
Міръ лучший недоступенъ имъ...
Нѣтъ, не тебѣ, моею подругѣ,
Злой предназначено судьбой,

Далѣе какъ у насъ въ текстѣ.

Стр. 15, строфа XI, при стихѣ: „Соблазна полными рѣчами“ сдѣлана ссылка на шестой вариантъ:

И лести сладкими рѣчами.

Въ той же строфѣ вмѣсто: „Мучительный, ужасный крикъ“.

Мучительный, но слабый крикъ.

Стр. 16, строфа XII. Вмѣсто: „И возлѣ кельи дѣвы юной“—

И *подъ окошкомъ* дѣвы юной

Вмѣсто: „Крестить дрожащими перстами“—

Крестить дрожащими *руками*

Въ рукописи этой строфой оканчивается вторая часть поэмы и XIII строфа нашего текста составляетъ въ рукописи 1 строфу 3-й части.

Стр. 16, строфа XIII. Вмѣсто: „Но кто бъ, о небо! не сказалъ,“—

И кто бъ, взглянувши, не сказалъ,

Стран. 16, столб. 2, строка 2 сверху. Послѣ стиха „Ничто не въ силахъ ужъ сорвать!“ Въ рукописи помѣщены слѣдующіе стихи:

И все, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила,
Теперь одинъ ничтожный прахъ!...
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши на устахъ;
Но темень, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той:
Что въ ней?—Насмѣшка ль надъ судьбой,
Непобѣдимое ль сомнѣнье?
Иль къ жизни хладное презрѣнье?
Иль съ небомъ гордая вражда?

При послѣднемъ стихѣ сдѣлана ссылка на седьмой вариантъ, помѣщенный въ концѣ тетради, который въ нашемъ текстѣ начинается стихомъ: „Улыбка странная застыла“ (стихъ 17, строфа XIV); вариантъ продолжается до конца XIV строфы нашего текста.

Затѣмъ текстъ въ тетради Бѣлинскаго продолжается такимъ образомъ:

Какъ знать?—для свѣта навсегда
Утрачено ея значенье...
Она невольно манитъ взоръ,
Какъ древней надписи узоръ,
Гдѣ можетъ быть, подъ буквой странной,
Таится новѣсть прежнихъ лѣтъ,
Символь премудрости туманной,
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ...
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ ангель разрушенья;
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ
Въ пылу страстей и упоенья;
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.

Затѣмъ въ тетради начинается новая строфа стихомъ: *Ни разу не былъ въ дни веселья* и кончается стихомъ—*Какъ бы прощается съ землею*. Слѣдующая строфа начинается такъ: *Ужъ собрались въ печальный путь друзья, сосѣди*

и родные... и затѣмъ продолжается какъ въ нашемъ текстѣ XV строфы послѣ первыхъ двухъ стиховъ.

Стр. 17. Послѣ послѣдняго стиха XV строфы нашего текста слѣдуетъ IV строфа 3-й части рукописи; строфа начинается такъ:

Едва на жесткую постель
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи гору обложили
И разыгралася мятель;
И громче хищнаго шакала
Она завyla въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Недавно ввѣренный ей прахъ;
И только за скалою сосѣдной
Утихъ моленъ звукъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ,—
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился ангелъ легкокрылый,
И надъ покинутой могилою
Приникъ, съ усердною мольбой
За душу грѣшницы молодой...
И въ то же время царь порока
Туда примчался съ быстротой
Въ снѣгахъ рожденнаго потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась;
По слѣду крылъ его тащилась
Багровою молніи струя...
Когда жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ,—
И взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ...

.....

Послѣ строки точекъ сдѣлана ссылка на девятый вариантъ, который состоитъ изъ всей XVI строфы нашего текста съ слѣдующими измѣненіями:

Вмѣсто: „И слѣдъ проступка и страданья“—

Слѣдъ преступленья и страданья.

Вмѣсто: „Онъ говоритъ: „она моя!“—

Онъ говорилъ: „она моя!“

Стр. 18, столб. 2-й, стихъ 15. Вмѣсто: „Забутый въ полѣ давнихъ сѣчь,“—

Забутый въ полѣ *грозныхъ* сѣчь,

Послѣ 23-го стиха: „Но церковь на крутой вершинѣ,“ сдѣлана ссылка на десятый и послѣдній вариантъ:

И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли,
На рубежѣ зубчатыхъ льдовъ,
Гуляютъ нынѣ лишь мятели

Да стаи вольныхъ облаковъ...

Скала угрюмаго Казбека

Добычу жадно сторожить,

И вѣчный ропотъ челоуѣка

Ихъ вѣчный миръ не возмутить!...

Стр. 19, столб. 1, строка 5. Вмѣсто: „Плантами снѣжными покрыты.“—

Плантами снѣжными покрыты.

Вмѣсто: „Услыша вѣсти въ отдаленнѣ О чудномъ храмѣ въ той странѣ,“—

Услыша вѣсти въ отдаленнѣ

О чудномъ храмѣ, къ той странѣ

Съ востока, облака однѣ

Спѣшать и т. д.

Этимъ оканчиваются все несходства нашего текста съ рукописью В. Г. Бѣлинскаго. Въ заключеніи, считаемъ не лишнимъ сдѣлать небольшое описаніе его тетради, въ которой помѣщенъ текстъ „Демона“. Тетрадь въ четвертую долю обыкновеннаго листа старинной толстой, писчей бумаги, она переплетена въ зеленый кожаный переплетъ съ золотымъ тисненіемъ, на верхней крышкѣ выбито золотыми буквами:

Демонъ.

Поэма Лермонтова.

Внизу:

М. О.

Кромѣ бѣлаго листа муарной бумаги, которымъ подклеенъ переплетъ и заглавнаго листа, въ тетради 30 листовъ текста перенумерованныхъ рукою Бѣлинскаго. Послѣ текста идутъ 4 листа вариантвъ, которыхъ первый листъ озаглавленъ такъ:

ВАРИАНТЫ.

Такъ-какъ поэма эта была авторомъ переправляема, то въ различныхъ спискахъ, ходящихъ по рукамъ, нѣкоторыя мѣста въ ней болѣе или менѣе разнятся между собою. Здѣсь прилагаются все такія мѣста поэмы.

Все варианты указаны нами въ своемъ мѣстѣ.

Свѣрять П. Канчаловскій.

М Ц Ы Р И.

Страница 20. При заглавіи выносокъ: *Мцъри*—на Грузинскомъ языкѣ значитъ „неслужащій монахъ, нѣчто въ родѣ „послушника“.

Къ страницѣ 22, послѣ стиха: „И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ“. На первомъ листѣ рукописи были написаны и потомъ зачеркнуты слѣдующіе стихи:

И близкокъ сталь его конецъ.
Тогда одинъ святой чернецъ
Уговорилъ его сорвать
Молчанья гордую печать.
И сердце, полное тоской,
Предъ смертью высказалъ больной.
Старикъ, качая головой,
Ему внималъ; понять не могъ
Онъ этихъ жалобъ и тревогъ,
И рѣчь хладною не разъ
Онъ прерывалъ его разсказъ.

Страница 22, строфа III. Послѣ 8-го стиха были написаны и потомъ зачеркнуты:

И если бѣ могъ я эту грудь
Передъ тобою распахнуть
Ты не нашель бы въ ней слѣдовъ
Пороковъ низкихъ и грѣховъ;
Одна лишь страсть владѣла мной
Ее предъ небомъ и землей...

Страница 22, строфа III. Послѣ 12-го стиха было написано и потомъ зачеркнуто:

Когда-бъ я былъ хоть вольный звѣрь,
Я не томился-бъ какъ теперь
Души болѣвнню нѣмой,
Я бѣ отыскалъ врага и бой
Я бѣ разомъ умеръ не грустя
Судьбѣ покорный, какъ дитя.

Страница 22, строфа III, послѣ 13-го стиха зачеркнуты въ рукописи:

Я зналъ одну лишь только страсть
Ее мучительная власть—
Мой умъ тревожила и жгла;
И думы первыя звала
Отъ мрака келий и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ страстей и битвъ
Подъ тѣнь заоблачной скалы,
Гдѣ люди вольны какъ орлы.
И эту страсть въ груди моей
Вскормилъ я въ тишинѣ ночей;
Она терзала грудь мою
Но я безумный все люблю
Подругу дикую мою;
Она какъ червь во мнѣ жила...

Страница 22, IV строфа. Послѣ 14 стиха зачеркнутое начало строфы:

Не знаю, гдѣ я былъ рожденъ,
Порой лишь помню я какъ сонъ
Громады горъ, крутыхъ, сѣдыхъ
И тучи спящія на нихъ.
Я слышалъ люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ,
И выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ;

Безъ игръ и ласки, одинокъ
Грозой оторванный листокъ!
Никто мнѣ здѣсь не могъ сказать...

Страница 23, въ V строфѣ, послѣ 17-го стиха:

Ты много жилъ, и въ столько лѣтъ
Успѣлъ узнать людей и свѣтъ—
И много горестей и бѣдъ
Перенесла душа твоя.
Но, Боже, вѣрно такъ какъ я
Ты не страдалъ...

Страница 29, строфа XX. Послѣ десятого стиха первоначально было написано:

Тотъ край казался мнѣ знакомъ...
И странно, страшно стало мнѣ!
Вотъ снова мѣрный въ тишинѣ
Раздался звукъ... и въ этотъ разъ
Я понялъ смыслъ его тотчасъ:
То былъ предвѣстникъ похоронъ—
Большаго колокола звонъ.
И слушалъ я безъ думъ, безъ силъ;
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, будто кто-нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И вдругъ унылой чередой
Дни дѣтства встали предо мной.
И вспомнилъ я вашъ темный храмъ
И вдоль по треснувшимъ стѣнамъ
Изображенія святыхъ
Твоей земли. Какъ взоры ихъ
Слѣдили медленно за мной
Съ угрозой мрачной и нѣмой!
А на рѣпотчатомъ окнѣ
Играло солнце въ вышинѣ...
О, какъ туда хотѣлось мнѣ,
Отъ мрака келий и молитвъ,
Въ тотъ чудный міръ страстей и битвъ...
Я слезы горькія глоталъ
И дѣтскій голосъ мой дрожалъ,
Когда я пѣлъ хвалу Тому,
Кто на землѣ мнѣ одному
Даль вмѣсто родины—тюрьму...

Послѣдніе 18 стиховъ варианта были замѣнены другими, тоже потомъ перечеркнутыми:

О Боже! думалъ я: зачѣмъ
Ты далъ мнѣ то, что далъ Ты всѣмъ—
И крѣпость силъ, и мысли власть,
Желанья, молодость и страсть.
Зачѣмъ Ты умъ наполнилъ мой
Неутолимою тоской
По дикой волѣ?... почему
Ты на землѣ мнѣ одному
Даль вмѣсто родины тюрьму?
Ты не хотѣлъ меня спасти!

Ты мнѣ желаннаго пути
 Не указалъ во тьмѣ ночной...
 И нынѣ я—какъ волкъ ручной...
 Такъ я ропталъ. То былъ, старицъ,
 Отчаянья безумный крикъ,
 Страданьемъ вынужденный стонъ...
 Скажи? Вѣдь буду я прощень?...
 Я былъ обмануть въ первый разъ!
 До сей минуты каждый часъ
 Надежду темную дарилъ:
 Молился я, и ждалъ, и жилъ.

Страница 29, въ XX строфѣ, послѣ 31-го стиха
 въ рукописи зачеркнуты слѣдующіе стихи.

Въ туманный ранній утра часъ
 Меня будилъ онъ столько разъ
 И уносилъ живые сны
 Про горы милой стороны,
 Про ласки близкихъ и родныхъ,
 Про вольность дикую степей.

Страница 29, XXI строфа до окончательнаго ея
 исправленія начиналась такъ:

О, я узналъ тотъ вѣщій звонъ!
 Къ нему былъ съ дѣтства приучень
 Мой слухъ.—И понялъ я тогда,
 Что мнѣ на родину слѣда
 Не проложить ужъ никогда!
 И быстро духомъ я упалъ.
 Мнѣ стало холодно... Кинжалъ,
 Вонзаясь въ сердце, говорятъ,
 Такъ въ жилы разливаетъ хладъ...
 Я презиралъ себя. Я былъ
 Для слезъ и бѣшенства безъ силъ;
 Я съ темнымъ ужасомъ въ тотъ мигъ
 Свое ничтожество постигъ,
 И задушилъ въ груди моей
 Слѣды надежды и страстей,
 Какъ душить оскорбленный змѣй
 Своихъ трепещущихъ дѣтей...
 Скажи, я слабою душой
 Не заслужилъ ли жребій свой?...

Стран. 29, строфа XXI, вмѣсто 8-го стиха было
 сперва написано: „То жаръ напрасный и пустой,“

Стран. 30, строфа XXIII, послѣ 30-го стиха
 слѣдуютъ два зачеркнутыхъ:

Я въ чудный міръ былъ унесенъ.
 О, если бѣ смерть—такой же сонъ!

Стр. 31, послѣ пѣсни были написаны и потомъ
 зачеркнуты, слѣдующіе стихи:

Но скоро вихоръ, новыхъ грезъ
 Далече мысль мою унесъ,
 И предъ собой увидѣлъ я
 Большую степь. Ея края
 Тонули въ пасмурной дали,

И облака по небу шли
 Косматой, бурною толпой,
 Съ невыразимой быстротой:
 Въ пустынѣ мчится не быстрѣй
 Табунъ испуганныхъ коней.
 И вотъ я слышу: степь гудить.
 Какъ будто тысяча копытъ
 О землю ударялись вдругъ.
 Гляжу съ боязнюю вокругъ,
 И вижу—кто-то на конѣ,
 Взвивая прахъ, летить ко мнѣ;
 За нимъ другой, и цѣлый рядъ...
 Ихъ бранный чудень былъ нарядъ:
 На каждомъ былъ стальной шоломъ
 Обернуть бѣлымъ башлыкомъ,
 И подъ кольчугою надѣтъ
 На каждомъ красный былъ бешметъ.
 Сверкали гордо ихъ глаза!
 И съ дикимъ свистомъ, какъ гроза,
 Они промчались близъ меня.
 И каждый, наклонясь съ коня,
 Кидалъ презрѣнья полный взглядъ
 На мой монашескій нарядъ,
 И съ громкимъ смѣхомъ исчезалъ...
 Томимъ стыдомъ, и чуть дышалъ,
 На сердцѣ былъ тоски свинецъ...
 Послѣдній фхалъ мой отецъ...
 И вотъ кипучаго коня,
 Онъ осадилъ противъ меня,
 И, тихо приподнявъ башлыкъ,
 Открылъ знакомый блѣдный ликъ.
 Осенней ночи былъ грустнѣй
 Недвижный взоръ его очей,
 Онъ улыбался—но жестокъ
 Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!
 И сталъ онъ звать меня съ собой,
 Маня могучею рукою;
 Но я какъ будто бы приросъ
 Къ сырой землѣ: безъ думъ, безъ слезъ,
 Безъ чувствъ, безъ воли я стоялъ,
 И ничего не отвѣчалъ.

Б Ъ Г Л Е Ц Ъ .

Стр. 33, столб. 1, строка 11. Вар. Безъ гнѣва
 вытерпѣвъ упрекъ,

БОЯРИНЪ ОРША.

Стр. 48, столб. 1, строка 7. Вар. Къ калиткѣ
 сторожъ подошелъ.

Стр. 50, столб. 1, строка 21. Вар. Тоской *неволь-*
ности томимъ,

Стр. 50 столб. 1, строка 25. Вар. *Придумалъ* я свой
 край родной

Стр. 50, столб. 2, послѣ 11-й строки Точки замѣняютъ зачеркнутые стихи:

Свѣчи дрожащій красный лучъ,
Какъ будто молнія изъ тучъ,
Прервавъ любви послѣдній пылъ,
Всѣ чувства ихъ оледѣнилъ...
Она при немъ, безъ думъ, безъ силъ
Едва успѣла отомкнуть
Уста отъ устъ, отъ груди грудь.

Стр. 50 столб. 2, строка 22. Вар. И тяжело на цвѣтной коверъ.

Стр. 51, столб. 1, строка 11. Вар. И шумъ шаговъ умолкъ вдали.

Стр. 53, столб. 1, строка 24. Вар. Укоръ готовый на устахъ.

Стр. 53, столб. 1, строка 26. Вар. И такъ онъ плѣннику вѣщалъ:

Стр. 53, столб. 1, строка 33. Вар.
И казнь назначилъ судъ людской,
Но въ небесахъ Судія другой:
Предъ нимъ съ раскаяньемъ теперь
Ты мнѣ дѣла свои повѣрь!

Стр. 53, столбецъ 2, строка 25. Вар. Мое мученье, мой позоръ!..

Стр. 54, столб. 1, строка 29. Вар. Взглянуть на пышныя поля.

Стр. 55, столб. 2, строка 22. Послѣ этого стиха, въ подлинникѣ зачеркнуты слѣдующіе два стиха.

И жертва ненасытныхъ,
Онъ разрушается гнѣтъ.

Загѣмъ точки въ подлинникѣ. Вмѣсто нихъ прежде было написано:

Безчувственно внималъ онъ имъ,
Какъ мертвый образъ божества
Внимаетъ кликамъ торжества:
Въ толпѣ шумящей тихъ, одинъ
Онъ все—и рабъ и властелинъ,
Безъ чувства самъ—предметъ страстей;
И выше всѣхъ—и всѣхъ слабѣй!
Такъ бурей брошенъ на песокъ и пр.

Стр. 56, столб. 1. Послѣ 18^й строки были написаны, и потомъ зачеркнуты, слѣдующіе стихи:

Досада, любопытство, страхъ
Виднѣлись въ постныхъ ихъ чертахъ.
Прошла обѣдня въ суетахъ,

Стр. 56, столб. 2, строка 23. Было еще написано:

Когда жъ бояринъ все узналъ,
Онъ поблѣднѣлъ, затрепеталъ,
Глаза его покрылись мглой;
Не зря, смотрѣлъ онъ предъ собой,
Рука на небо поднялась;

Отъ синихъ губъ оторвалась
Не рѣчь, но звукъ—ужасный звукъ,
Отзывъ еще сильнѣйшихъ мукъ,
Невнятный, какъ далекій громъ...
Три дня, три ночи пѣлый домъ
Дрожалъ, встрѣчая мрачный взоръ.
— Они прошли—но съ этихъ поръ
Какъ будто отъ рожденья нѣмъ,
Онъ слова не сказалъ ни съ кѣмъ...

Стр. 57, столб. 1, строка 9. Вар. Точить ножи, сѣдлатъ коней;

Стр. 59, столб. 1, строка 5. Вар. И это блѣдное чело.

Стр. 60, столб. 2, строка 19. Вар. Вотъ свѣтъ блеснулъ его очамъ.

Стр. 61, столб. 1, строка 1. Вар. И ткани *паутинъ* сѣдыхъ.

Стр. 61, столб. 1. Послѣ 12 строки были написаны и потомъ зачеркнуты:

Исчезнуть радъ бы онъ съ земли,
Но муки жизнь ему спасли.
Одежды длинной лоскутокъ
Который сгнилъ, увялъ, поблекъ,
Громаду... и пр.

Стр. 61, столб. 2. Послѣ 11 строки были написаны и потомъ зачеркнуты слѣдующіе стихи:

Жить и страдать теперь на что?
Она ничто—и все ничто!
Передъ людьми преступникъ я.
Меня казнить судьба моя,
Но о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь!
Пусть вѣчно мучусь—не бѣда,
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Къ стр. 99. Мы жалуемся только на нелюбимыя публики, не на журналы: они почти всѣ были болѣе чѣмъ благосклонны къ нашей книгѣ, всѣ, кромѣ одного, который какъ бы нарочно въ своей критикѣ смѣшивалъ имя сочинителя съ героемъ его повѣсти, вѣроятно, надѣясь на то, что его читать никто не будетъ, но хотя личность этого журнала и служить ему достаточной защитой, однако все-таки, прочитавъ грубую и неприличную брань—на душѣ остается неприятное чувство, какъ послѣ встрѣчи съ пьянымъ на улицѣ. И такъ, если уже нужно у насъ для всякой басни правоученіе, то пускай гѣ, которые хотятъ его узнать, прочтутъ слѣдующее: Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного чело-

вѣка—это типъ. Вы знаете, что такое типъ? Я васъ поздравляю. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что вы всѣ таковы; иные немного лучше, многіе гораздо хуже. Если вы вѣрили возможности существованія Мельмота, Вампира и др., отчего же вы не вѣрите въ дѣйствительность Печорина? Если вы извиняли вымыслы“ и пр....

Стр. 125, столб. 1, строка 21. ...вѣрный признакъ рѣшительности въ характерѣ. Если вѣрить тому, что каждый человѣкъ имѣетъ сходство съ какимъ нибудь животнымъ, то, конечно, Печорина можно было бы сравнить съ тигромъ. Сильный и гибкій, ласковый или мрачный, великодушный или жестокий, смотря по внушенію минуты; всегда готовый на долгую борьбу; иногда обращенный въ бѣгство, но неспособный покориться; нескучающій одинъ, въ пустынѣ съ самимъ собою, а въ обществѣ себѣ подобныхъ требующій непрекословной покорности. По крайней мѣрѣ такимъ, казалось мнѣ, долженъ былъ быть его характеръ физическій, то-есть тотъ, который зависитъ отъ нашихъ нервовъ и отъ болѣе или менѣе скорого обращенія крови. Душа — другое дѣло! Душа или покоряется природнымъ склонностямъ, или борется съ ними, или побѣждаетъ ихъ. Отъ этого—злѣди, толпа, и люди высокой добродѣтели. Въ этомъ отношеніи Печоринъ принадлежалъ къ толпѣ, и если онъ не сталъ ни злодѣемъ, ни святымъ, то это, я увѣренъ, отъ лѣни. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо.

Стр. 129. Я пересмотрѣлъ записки Печорина и замѣтилъ по нѣкоторымъ мѣстамъ, что онъ готовилъ ихъ къ печати, безъ чего, конечно, я не рѣшился бы употребить во зло довѣренность штабсъ-капитана. Въ самомъ дѣлѣ, Печоринъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается къ читателямъ; вы это сами увидите, если то, что вы объ немъ знаете, не отбило у васъ охоты узнать его короче. На тетрадахъ не было выставлено чиселъ. Нѣкоторыя, вѣроятно, потеряны, потому что между ними нѣтъ большой связи, а я, не смотря на дурной примѣръ, поданный намъ нѣкоторыми журналистами, никакъ не рѣшился поправлять или доканчивать чужое произведеніе, за что, конечно, онъ самъ на меня сердиться не будетъ.

Стр. 141, 2-й столбецъ, послѣ девятой строки. Но я теперь увѣренъ, что, при первомъ случаѣ, она спроситъ, кто я и почему я здѣсь, на Кавказѣ. Ей, вѣроятно, разскажутъ исторію дуэли, и особенно ея причину, которая здѣсь нѣ-

которымъ извѣстна, и тогда... Вотъ у меня будетъ удивительное средство бѣснѣ Грушницкаго.

Стр. 172, 1 столбецъ, 5 строка снизу вмѣсто точекъ: Какъ нарочно, я всегда являлся къ пятому акту ихъ драмы; невидимая сила кидала меня посреди ихъ надеждъ, намѣреній и связей, и все разрывалось, все погибало отъ моего прикосновенія... Моя любовь никому не принесла счастья...

Стр. 173, 1 столбецъ, 3 строка сверху, вмѣсто точекъ: Неужели шотландскому барду на томъ свѣтѣ платятъ за каждую минуту, которую даритъ его книга...

Стр. 178, столбецъ 2, строка 6: Я его храню какъ сокровище. Стыдно признаться! я нахожу утѣшеніе въ мысли, что былъ любимъ какъ многіе на этомъ свѣтѣ.

Стр. 179, столбецъ 1, послѣ 11 строки сверху было прежде: „Прощай, мой бѣдный другъ; я рада, что не увидимся передъ разставаньемъ. Я знаю, ты нынче долженъ драться съ Грушницкимъ, но увѣрена также, что ты останешься живъ. Мое сердце иначе бы мнѣ сказало противное. Прощай! Не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, я тебя теряю на вѣки! Мери тебя любить... Если что нибудь доброе проснется въ душѣ твоей, женись на ней, она тебя любить... Ребенокъ! Вчера она мнѣ разсказала все. Мнѣ стало жаль ее. Она думаетъ, смотря на твое поведеніе, что ты ее любишь, потому что защитилъ такъ горячо ея честь. Она думаетъ, что ты хотѣлъ испытать ее... Я ей ничего не сказала, поцѣловала ее и благословила!... О, не погуби ее!.. Одной довольно! Я не стану тебя увѣрять, что не переживу нашей разлуки... къ чему?... Одинъ лишній, горькій, прощальный поцѣлуй не обогатитъ твоихъ воспоминаній, а мнѣ послѣ него труднѣе съ тобой разстаться... Вѣра.

Р. S. Одно меня мучаетъ: что, если ты въ самомъ дѣлѣ любишь Мери? О, не правда ли, этого не можетъ быть!“...

Стр. 180, столб. 1 стр. 9-я. Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обычный порядокъ...

Съ этихъ словъ и до словъ: противъ дула пистолета (14-я строка) въ первоначальномъ видѣ написано слѣдующее:

Я сталъ припоминать выраженія письма Вѣры, старался объяснить себѣ причины, побудившія ее къ этой странной, трагической выходкѣ.

Вотъ послѣдовательный порядокъ моихъ размышленій:

1) Если она меня любитъ, то зачѣмъ же такъ скоро уѣхала и не простаясь, не полюбопытствовавъ даже узнать, убитъ я или нѣтъ? Не вѣрю я

этимъ предчувствіямъ сердца, да и ей бы не должно на нихъ такъ слѣпо полагаться.

2) Но вѣдь намъ надобно же было когда нибудь разстаться, и она хотѣла своимъ отъѣздомъ произвести на меня, въ послѣдній разъ, глубокое, неизгладимое впечатлѣніе?... Эгоизмъ!...

3) Женщины вообще любятъ драматизировать свои чувства и поступки; слѣлать сцену почтилуютъ они обязанностью.

4) Но тутъ еще, можетъ быть, скрывается маленькая ревность. Вѣра думаетъ, что я влюбленъ въ княжну, и хочетъ своимъ великодушіемъ привязать меня болѣе къ себѣ, или даже, зная мой характеръ, она думаетъ, что я княжну оставлю и погонюся за нею, потому что блага, которыя мы теряемъ, получаютъ въ глазахъ нашихъ двойную цѣну... Если такъ, то она ошиблась—я слишкомъ лѣнивъ.

5) Или она великодушно уступаетъ меня княжнѣ? Это отъ нея, пожалуй, станется! Но, въ такомъ случаѣ, она меня не любить.

6) И какое же право я имѣю требовать ея любви? Развѣ не я первый началъ платить за ея ласки холодностью, за жертвы равнодушіемъ и насмѣшкой!

7) Теперь, когда я знаю, что все между нами

кончено, мнѣ кажется, что я ее любилъ истинно. Одно меня печалитъ—это письмо. Неужели она не могла обойтись безъ пышныхъ фразъ и декламаций?

8) Я былъ дуракъ, что такъ мучился нѣсколько часовъ сряду! что значить разстроенные нервы, ночь безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета!

Стр. 184 столб. 1, послѣ 30 строки. Вуличъ продолжалъ: если я не долженъ умереть, то этотъ пистолетъ или не заряженъ, или осычется. Если суждено противное, то ничто не можетъ этому помѣшать, и такъ, тогда всѣ ваши опасенія напрасны. Онъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ.

Стр. 188, столбецъ 2, послѣ 2 и 3-й строки. Весело испытывать судьбу, когда знаешь, что она ничего не можетъ дать хуже смерти, и что смерть неизбежна, и что существованіе каждаго изъ насъ, исполненное страданія или радости, темно, незамѣтно въ этомъ безбрежномъ котлѣ, называемомъ природой, гдѣ кипитъ, исчезаетъ и возрождается столько разнородныхъ жизней... Вѣдь хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Первоначальные наброски Демона.

I.

(Писано въ 1829 году).

ПОСВЯЩЕНИЕ *).

Я буду пѣть, пока поется,
Пока волненья позабылъ **),
Пока высокимъ сердце бьется,
Пока я жизнь не пережилъ.
Въ душѣ горять, хотя безвѣстнѣй,
Лучи небеснаго огня;
Но нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
Мой другъ, не требуй отъ меня...
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забита мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна;
Такъ впечатлѣннѣй непріятныхъ
Душа всегда была полна—
Понинѣ о годахъ развратныхъ
Не престаешь скорбѣть она.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется
И жалость не погибла въ ней!
Но той веселости прекрасной
Не требуй отъ меня напрасно;
И юныхъ гордыхъ дней, поэтъ,
Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!...
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я:
Мнѣ впечатлѣннѣе не ново...
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной пустоты!

Печальный демонъ, духъ изгнанья
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ;

*) Пока любовь я не забылъ (13 стр.).

**) Заглавія въ рукописи Лермонтовымъ не сдѣлано. Считается первымъ очеркомъ „Демона“.

Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ него,
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,
Какъ дня боится мракъ могилы.
И много, много... и всего
Представить не имѣлъ онъ силы...

„Демонъ узнаеть, что ангелъ любитъ одну
смертную. Демонъ узнаеть и обольщаетъ ее,
такъ что она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ
и дѣлается духомъ ада. Демонъ обольститъ
ее, рассказывая, что Богъ несправедл. и проч.
Свою ист.“

Любовь забылъ онъ навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...
Въ немъ пусто, пусто, какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ напечатленъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорить, что даже онъ
Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груди гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ же демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенья
Коварство, зависть и вражда?...

„Демонъ влюбляется въ смертную (монахиню),
и она его наконецъ любитъ; но демонъ видитъ
ея ангела-хранителя и отъ зависти и ненависти
рѣшается погубить ее. Она умираетъ. Душа ея
улетаетъ въ адъ, и демонъ, встрѣчая ангела,
который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его
язвительной улыбкой“.

Угрюмо жизнь его текла,
Какъ жизнь разваливъ. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность,
Не зная ни добра ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды...
Ему желанья были чужды;
Онъ жегъ печалью роковой
Того, къ кому онъ прикасался;
Но часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,

Одинъ чернѣетъ пень горѣлый,
 Сраженъ стрѣлою громовой:
 Онъ прямо высится glavой,
 И презираетъ бурь порывы,
 Пустыни сторожъ молчаливый...
 Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
 Душой измученною боленъ,
 Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
 Все горько сдѣлалось ему;
 И все на свѣтъ презирая,
 Онъ жилъ, не вѣря ничему
 И ничего не принимая.
 Въ полночь, между высокихъ скалъ,
 Однажды надъ волнами моря,
 Одинъ безъ радости, безъ горя, *)
 Бѣглець эдема, пролеталъ,
 И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
 Земли пустынный равнины.
 И зрять, чернѣетъ надъ горой
 Стѣна обители святой
 И башенъ странныхъ вершины.
 Межъ низкихъ келій тишина.
 Садится поздняя луна.
 И въ усыпленную обитель
 Вступаетъ мрачный искуситель.
 Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
 Подобный звуку лютни, внемлетъ...
 И чей-то голосъ... Жадный слухъ
 Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
 Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
 Его крыло не шевелится,
 И странно! изъ потухшихъ глазъ
 Слеза свинцовая катится...
 Какъ много значилъ этотъ звукъ!
 Мечты забытыхъ упоеній,
 Вѣка страданія и мукъ,
 Вѣка бесплодныхъ размышленій—
 Все оживилось въ немъ—и вновь
 Погибшій вѣдаетъ любовь.

м.

О чемъ ты близъ меня вздыхаешь?
 Чего ты хочешь получить?
 Я поклялась давно, ты знаешь,
 Земныя страсти позабыть...
 Кто ты?... Мольба моя напрасна...
 Чего ты хочешь?

д.

Ты прекрасна.

м.

Кто ты?

д.

Я демонъ. Не страшись,
 Святыни здѣшней не нарушу!
 И о спасеніи не молись:
 Не искуить пришелъ я душу.
 Стора я жаждою любви,
 Несу къ ногамъ твоимъ моления,
 Земныя первыя мученья
 И слезы первыя мои.

*) Первоначально строфа эта начиналась такъ:

На теменіи далекихъ скалъ,
 Ровестниковъ самой природы,
 Священный монастырь стоялъ;
 Внизу, тѣсясь, шумѣли воды.

II.

(Писано въ пансіонѣ, въ началѣ 1830 года*).

Cain. Who art thou?*Lucif.* Master of spirits.*Cain.* And being so, canst thou
Leave them, and walk with dust?*Lucif.* I know the thoughts

Of dust, and feel for it, and wirth you.

Cain. Are ye happy?*Lucif.* We are mitghty.*Cain.* Are ye happy?*Lucif.* No: art thou?

1.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
 Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ
 И лучшихъ дней воспоминанья
 Чредой тѣснились передъ нимъ;
 Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
 Когда глядѣлъ на славу Бога,
 Не отвращаясь отъ него,
 Когда заботы и тревога
 Чуждались ума его,
 Какъ дня боится мракъ могилы...
 И много, много... и всего
 Представить не имѣлъ онъ силы.
 Уныло жизнь его текла
 Въ пустынь міра. Безконечность
 Его тревожить не могла,
 Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность,
 Не зная ни добра ни зла,
 Губя людей безъ всякой нужды.
 Ему желанья были чужды.
 Онъ жегъ печалью роковой
 Все то, къ чему ни прикасался:
 И часто демонъ молодой
 Своимъ злодѣйствомъ не смѣялся.
 Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
 Душой измученною боленъ,
 Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
 Все горько сдѣлалось ему;
 И все на свѣтъ презирая,
 Онъ жилъ, не вѣря ни чему
 И ничего не признавая.

2.

Однажды вечеромъ межъ скалъ
 И надъ сѣдой равниной моря,
 Одинъ безъ радости, безъ горя,
 Бѣглець эдема пролеталъ
 И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
 Земли пустынный равнины.
 И зрять: бѣлѣютъ подъ горой—
 Стѣна обители святой
 И башенъ странныхъ вершины.
 Межъ бѣдныхъ келій тишина.
 Встаетъ багровая луна.
 И въ усыпленную обитель
 Вступаетъ мрачный искуситель.
 Вдругъ тихій и прекрасный звукъ,
 Подобный звуку лютни, внемлетъ
 И чей-то голосъ. Жадный слухъ
 Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
 Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ—

*) Принято считать вторымъ очеркомъ „Демона“.

Его крыло не шевелится
И—чудо!—изъ померкшихъ глазъ
Слеза свинцовая катится...
Понинѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезюю, жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой.

3.

Какъ много значить этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышлений:
Все оживилось въ немъ опять *);
Но что-жъ? Ему не воскресать
Для нѣжныхъ чувствъ... Такъ если мчится
По небу лѣтнему порой
Отрывокъ тучи громовой,
И лучъ случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ, она
Тотъ блескъ мгновенный презираетъ,
И дальше, дальше улетаетъ,
Холодной гордостью полна.

Проникнуть въ келью духъ смущенный.
Людскаго счастья тайный воръ
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
Онъ зрѣть божественныя книги,
Лампаду, четки и вериги...
Но гдѣ же звуки? гдѣ же та,
Къ которой сильная мечта
Его влечетъ?...

Она сидѣла **)

Съ испанской лютнею въ рукахъ,
И пѣсню горь, играя, пѣла;
И все, и все въ ея чертахъ
Земной безпечностью дышало;
И кольца мягкія кудрей
Сбѣгали, будто покрывало,
На вѣки блѣдныя очей.
Исполнена какой-то думой
Младая волновалась грудъ.
Вотъ поднялась. На сводъ угрюмый
Она задумала взглянуть.
Какъ звѣзды омраченной дали
Глаза монахини сіяли... ***)

*) Слѣдующіе 9 стиховъ написаны вмѣсто зачеркнутыхъ:

Ужель узнаетъ онъ любовь
Тому не быть; такъ если мчится
Въ пустынномъ полѣ мутный ключъ,
И солнца полумертвый лучъ
Въ струѣ случайно отразится,
Онъ лишь мгновенно озаритъ
И мутныхъ водъ не просвѣтитъ.

**) Слѣдующіе 8 стиховъ написаны вмѣсто зачеркнутыхъ:

... облокотившись
Съ испанской лютнею она
Сидѣла молча у окна,
И кудри черныя скатившись
На вѣки нѣжныя очей
Служили покрываломъ ей.

***) Слѣдующіе 11 стиховъ написаны вмѣсто зачеркнутыхъ:

Какъ неба утра облака,
Ея лилейная рука

Ея лилейная рука,
Бѣла, какъ утромъ облака,
На черномъ платьѣ отдѣлялась;
И отвѣчали струны ей,
Что дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй,
Тоской раскаянья, казалась,
Была та пѣсня сложена.
Межъ тѣмъ, какъ путникъ любопытный,
Въ окно, участіемъ полна,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
Смотрѣла ясная луна *).
Окованъ сладкою игрою,
Стоялъ злой духъ. Ему любить
Не должно сердца допустить.
Онъ связанъ клятвой роковою
[И эту клятву молвилъ онъ,
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаной].

Онъ искушать хотѣлъ—не могъ;
Не находилъ въ себѣ искусства;
Забуть—забвенья не далъ Богъ;
Любить—не доставало чувства.
Что дѣлать? Новыя мечты ***)
И чуждыя понинѣ муки!
Такъ, демонъ, слыша эти звуки,
Земную страсть извѣдалъ ты.
Ты плакалъ горькими слезами,
Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпь лежитъ межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣтъ;
Когда ты зналъ, что не принудитъ
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ быть,
Она твоею жертвой будетъ.
И удалиться онъ спѣшилъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.

Была плѣнительна; и струны
Согласно отвѣчали ей,
И были звуки тѣ милѣй
Чѣмъ листъ весенній, свѣжій, юный.

*) Съ боку написаны въ рукописи и зачеркнуты стихи:

Глядѣла ясная луна
Въ окно, какъ странникъ любопытный,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
И отвѣчала ей она.

**) Точки въ рукописи.

***) Слѣдующіе 14 стиховъ написаны вмѣсто зачеркнутыхъ:

Онъ былъ бы для любви готовъ
Оставить полкъ своихъ духовъ,
И безъ могущества, безъ силы,
Скитаться посреди міровъ,
Какъ трупъ вампира, изъ могилы
Исторгшись, бродитъ межъ людей
Страшилищемъ нѣмыхъ ночей...
Легокъ, какъ падающій снѣгъ
По вѣтру, средь зимы холодной,
Мой демонъ, волею свободной,
Летучій направляетъ бѣгъ—
Прочь, прочь отъ мѣста, гдѣ впервые
Земныя слезы уронилъ,
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.

Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не загладить ничего...

4 *).

Спустя сто лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой-то странникъ; онъ узналъ,
Что это памятникъ могильный
И съ любопытствомъ прочиталъ
Онъ монастырскія преданья
О жизни дѣвы молодой,
И имъ повѣрилъ, и порой
Жалѣлъ объ ней въ часы мечтанья,
Онъ перевелъ на свой языкъ
Разсказъ таинственный. Но 'свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Цѣнить онъ чувства не привыкъ!

5.

Печальный демонъ удалился
Отъ силы адской съ этихъ поръ,
Онъ на хребетъ далекихъ горъ
Въ ледяный гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья:
Составя свѣтлые шары,
Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій невѣзжалый путь.
Когда метель гудитъ и свищетъ
Онъ охраняетъ пришлица,
Сдуваетъ снѣгъ съ его лица

*) Эта строфа написана послѣ первоначальной, зачеркнутой:

Но кто жъ она? Зачѣмъ сокрыта
Въ пустынѣ межъ высокихъ стѣнъ?
Иль это добровольный плѣнъ,
И ея радость позабыта?
Иль краска черная одежда
Съ ея душой была согласна?
Ея исторія ужасна,
Какъ воспоминанье безъ надеждъ.
Она отца и мать не знала,
И люльку дѣтскую ее
Старушка чуждая качала...
Но это-ль бѣдное житье,
Любовь ли сердце испугала,
Опасность ли—о томъ узнать
Никто не думалъ испытать...
Какъ часто дѣва у окошка
Взирала на берегъ морской.
Печаль ея хотя немножко
Въ то время дѣлалась живой.
На морѣ вѣтры бушевали
И волны синія вставали;
Въ разсѣлинахъ стѣны крутой
Противной раздавался вой;
А дѣва—взоръ ясибй лазури—
При шумѣ капель дождевыхъ,
Согласовала съ воемъ бури
Игру печальныхъ струнъ своихъ...
Но съ той минуты, какъ нечистой

И для него защиту ищетъ... *)
И часто, подымая прахъ,
Въ борьбѣ съ летучимъ ураганомъ,
Одѣтый молней и туманомъ,
Онъ дико мчится въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбежной
И незабвенное забыть.
Но все не то его тревожить,
Что прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ... можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любить онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться,
Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улетѣть...

6.

Едва блестящее свѣтило
На небо юное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Какъ демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну обители святой,
И башни бѣлыя, и келью,
И подъ рѣшотчатымъ окномъ
Цвѣтущій садикъ.—И кругомъ
Обходить демонъ; но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ
Въ ледяныхъ свѣтитъ глазахъ...
Вотъ дверь простая передъ ними.
Томся муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ
Переступить черезъ порогъ,
Какъ будто бы онъ тамъ погубить,
Что на минуту отдалъ рокъ...

Теперь лишь видно, что онъ любитъ!
Теперь лишь признаки любви:
Волненіе надеждъ несмѣлыхъ
И пламень неземной крови—
Видны въ чертахъ окаменѣлыхъ!..
Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютии звонъ!

Къ ней приходилъ въ ночи тѣшистой,
Она молится ужъ неидеть
И не играетъ, не поетъ,
Ей колокола звонъ противенъ,
Въ ней кроется холодный ядъ,
Ни моря шумъ, ни вѣтръ, ни ливень
Мечты, какъ было, не родятъ.

*) Слѣдующіе 8 стиховъ написаны вмѣсто зачеркнутыхъ:

И часто прежней пустоты
Онъ слышитъ муки. Красоты
Волшебный станъ предъ нимъ летаетъ,
И пламя новое мечты
Его крылами обнимаетъ.
Изгнанникъ помнитъ свѣтъ небесъ,
Огни потеряннаго рая;
Тоской неистойвой сгорая,
Онъ зажигаетъ темный лѣсъ,
Любуясь на пожаръ трескучій.
Скалы на корнѣ вѣковомъ
Срываетъ какъ нежданный громъ,
Свергаетъ внизъ рукой могучей—
И гулъ подьѣмлетъ кругомъ.

Слова пѣвицы вдохновенной
 Лились какъ свѣтлыя струи;
 Но не понравились они
 Тому, кто съ думой дерзновенной
 Искаль надежды и любви.

пѣснь монахини.

Какъ парусъ надъ бездною морской,
 Какъ подъ вечеръ златая звѣзда,
 Явился мнѣ ангелъ святой;
 Не забуду его никогда.

Къ другой онъ летѣлъ, иль ко мнѣ:
 Я напрасно бѣ старалась узнать.
 Быть можетъ, то было во снѣ...
 Ахъ! всю жизнь такъ нельзя ли мнѣ спать *).

Тебя лишь любила, Творецъ,
 Я понинѣ съ младенческихъ дней;
 Но видитъ душа наконецъ,
 Что другое готовилось ей.
 Виновна я быть не должна:
 Я горю не любовью земной;
 Чиста какъ мой ангелъ она,
 Мысль объ немъ неразлучна съ тобой!

Онъ отблескъ сіяній твоихъ,
 Ты украсилъ чело его самъ;
 Явился онъ мнѣ лишь на мигъ—
 Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.

Онъ въ сладкомъ снѣ
 Явился мнѣ;

Онъ будетъ для меня всегда
 Звѣзда

Надеждъ въ иной странѣ.

Моей виной,

Создатель мой,

Любовь къ нему не можетъ быть:

Любить

Приказано тобой **!

7.

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный
 Послѣдній звукъ унесъ съ собой.
 Непобѣдимою судьбой
 Гонимый демонъ безотрадный
 Проникнулъ въ келью. Что же онъ
 Не привлечетъ ея вниманья?
 Зачѣмъ не пьетъ ея дыханья?
 Не вздохъ любви—могильный стонъ,
 Какъ эхо, изъ груди разбитой
 Протяжно вышелъ наконецъ,
 И сердце, яростью облитое,
 Отяжелѣло какъ свинецъ.
 Его рука остановилась
 На воздухъ. Сведенный перстъ
 Оледенѣлъ; хотъ взоръ отверстъ,
 Въ немъ ничего не отразилось,
 Кромѣ презрѣнья—но къ чему?
 Что показалось ему?

*) О, зачѣмъ долженъ сонъ улетать.

***) Первоначально „Пѣснь монахини“ была написана такъ, но послѣ зачеркнута.

Незримый ангелъ пѣлъ мнѣ разъ
 Про мѣръ иной; съ того мгновенья
 Спокойствіе бѣжитъ отъ глазъ;
 Уснула—сна желанный часъ
 Тревожатъ чудныя видѣнья.

* *

Какъ запахъ милаго цвѣтка
 Вѣсть подаетъ объ немъ порою,

8.

Посланникъ райа, ангелъ нѣжный,
 Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной,
 Стоялъ съ блистающимъ челомъ
 Вблизи монахини прекрасной,
 И отъ врага съ улыбкой ясной
 Приосвѣнилъ ее крыломъ.
 Они счастливы, святы оба!..
 И мщенье, ненависть и злоба
 Выиграли демонской душой.
 Онъ вышелъ твердою стопой.
 Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различныхъ,
 Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ,
 Въ душѣ тѣснятся! сколько думъ
 Мѣняетъ безпокойный умъ!
 Красавицѣ погибнуть надо.
 Ее не пощадитъ онъ вновь.
 Погибнетъ!—Прежняя любовь
 Не будетъ для нея оградой!...

9.

Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
 На путь спасенья возвратиться,
 Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
 Позволить сердцу оживиться.
 Творцу природы, можетъ быть,
 Внушилъ бы демонъ сожалѣнье,
 И благодатное прощенье
 Ему бѣ случилось получить.
 Но поздно! сынъ безгрѣшный райа
 Вдругъ разбудилъ мятежный умъ.
 Кипитъ онъ ревностью пылая,
 Явилась снова воля злая
 И ядъ преступныхъ черныхъ думъ. *)
 Онъ образъ смертный принимаетъ,
 Вѣнецъ чело его ласкаетъ
 И очи черныя горятъ...
 Но что жъ? Очей тѣхъ пламень—ядъ.

Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
 Когда останется одна
 Его монахиня младая,
 Когда нескромная луна
 Взойдетъ, пустыню озаряя;

Такъ знаю я, когда тоска
 Покинетъ грудь мою слегка—
 Что ангелъ счастья со мною.

* *

Я одного его люблю,
 За то любовью безконечной;
 Услышитъ пѣсно онъ мою
 Въ какомъ бы ни былъ онъ краю.
 Нѣжный меня его любить
 Не станетъ женщина другая;
 Но долженъ мнѣ Творецъ простить,—
 Любовь къ нему не можетъ быть
 Преступна какъ любовь земная.

*) Послѣ этого были написаны, но потомъ зачеркнуты, слѣдующіе стихи:

И вотъ, облекшись въ образъ томный,
 Обманчивый онъ принялъ видъ:
 Онъ юноша печальный, скромный;
 Какой-то тѣнью взоръ облитъ;
 Его опущенныя крылья
 Объяты участію безилья;
 На головѣ вѣнецъ златой
 Померкнулъ и покрылся мглой.

Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подь ночью мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда,
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубить навсегда
Предметъ любви своей минувшей!

10.

Лампада въ кельи чуть горить.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ;
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ.

О Н А.

Страстей волненье позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь!
Къ чему жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Д У Х ъ.

Ты прекрасна!

О Н А.

Кто ты?

Д У Х ъ.

Я демонъ. Не страшись,
Святѣнни здѣшней не нарушу!
И о спасеніи не молись—
Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя мольбы,
Земныя первыя мученія
И слезы первыя мои.
Не разставляя я людямъ сѣти
Съ толпою грозной злыхъ духовъ:
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій.
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпріютный.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья.
Я полюбилъ мои мученія
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непротиворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь...

Такъ говорилъ онъ и рукою
Онъ трепетную руку жалъ
И поцѣлуями порою
Плечо дѣвицы покрывалъ;
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня...

11.

Въ часы суровой непогоды,
Въ осенній день, когда межъ скалъ,
Пѣнясь, крутятся, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ,
И тьмосѣрыми рядами
Неслися тучи небесами:
Зловѣщій колокола звонъ,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами.
Къ чему манить отшельницъ онъ?...
Не на молитву поспѣшали
Въ обширный и высокой храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласный,
И рядъ монахинь окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастной.
Зачѣмъ не слышенъ плачь родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты;
Уста закрытыя безвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сія глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли бурною душой,
Неизъяснимой своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшей власти надъ собой.

За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленные долины
Сребристой дымкою легла,
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала,
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянья
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взирая,
Шептала дѣва молодая:
„О!... демонъ!... о, коварный другъ!
Своими сладкими рѣчами...
Ты... бѣдную... заморозилъ...
Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты бѣ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подь нами!“
Но кто безжалостный злодѣй,
Губитель дѣвушки предестной—
Тогда не понялъ старецъ честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людямъ неизвѣстной...
Но, говорятъ, какъ принесли
Къ могилѣ трупъ ея печальной,
И хоръ раздался погребальной,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, всѣ видѣть то могли,
Тѣнь безпокойная летала.

12.

Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ;
Пустѣла тихая обитель,

И время, общій разрушитель,
Смывало постепенно слѣды
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ почей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ расписныхъ
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ
Большой паукъ, пустынный новыи,
Кладетъ стѣей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось, лань, дитя свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельи—и порою
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее... Но нынче ни чему
Нельзя встревожить тишину:
Что можетъ падать, то упало,
Что мреть, то умерло давно,
Что живо, то безсмертно стало,
По время живиѣ удержало
Воспоминаніе одно...
И море гнѣится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одиноко;
На немъ чертитъ крестъ высокой.
Всегда скалою отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

13.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангель мирный,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкія какъ ленъ
Съ главы вѣнчанной упадали,
И крылья легкія какъ сонъ
За бѣлыми плечыи сіяли.
И былъ небесный сводъ надъ нимъ
Украшенъ радугой цвѣтистой,
И волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ-то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ *).
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо подыалъ ангель милый,
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы молодой
Творцу молился онъ, и мнилось—
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась...
Тогда надъ синей глубиной,

*) Слѣдующіе 5 стиховъ написаны вмѣсто зачеркнутыхъ:

Вотъ тихо надъ крестомъ склонился,
Казалось, будто онъ молился,
За душу дѣвы молодой,
Увы! напрасныя моленія,
И страстямъ уже нѣтъ прощенья...

Духъ гордости и отверженья *),
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья,
Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ;
Не для другихъ его мученья!
Онъ близъ могилы промелькнулъ
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ...

*

Я не для ангеловъ и рая
Весильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знаетъ онъ.
Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный страшникъ,
Для міра и небесъ чужой.
Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

III.

(Писано въ 1831 году **).

По голубому небу пролеталъ
Однажды демонъ. Съ злобою пѣмой
Онъ въ безпредѣльность грустный взоръ кидалъ
И вспоминанья передъ нимъ толпой
Тѣснились. Это небо, гдѣ творецъ
Внималъ его хваламъ, и наконецъ
Проклятыямъ, эти звѣзды... все кругомъ
Прекрасно, въ блескѣ вѣчно молодомъ,
Какъ было въ тотъ святой, великій часъ,
Когда отъ мрака отдѣлился свѣтъ,
И, ангель радостный, онъ въ первый разъ
Взглянулъ на будущность. И сколько лѣтъ,
И сколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло!
И онъ уже не тотъ. Его чело
Померкло... Онъ одинъ... одинъ... одинъ...
Врагъ счастья и порока властелинъ.
Изгнанникъ, для чего тоскуешь ты
О томъ, что невозвратно? Но пускай!
Не воскресивъ душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращенъ преступный взоръ
На небеса: ихъ свѣтъ—тебѣ укоръ.
—Будь гордъ, старайся метить, живи губя.—
Но что жъ! и зло не радуетъ тебя?
И часто, очень часто людямъ онъ
Завидовалъ. „У нихъ надежда есть
На искупленье, на могильный сонъ.

*) Слѣдующіе 5 стиховъ написаны вмѣсто зачеркнутыхъ.

Летѣлъ съ вершины дикихъ горъ,
Какъ будто прелести творенья
Неповозительный укоръ.
Какъ сводъ безлучный, въ день осенній
Быль мраченъ искуситель гений.

**) Принято считать третьимъ очеркомъ „Демона“. Въ рукописи заглавія Лермонтовымъ не сдѣлано.

Всѣ ихъ несчастья легче перенести
 Одной палицей капли адекихъ мукъ.
 И вѣчность (это слово, этотъ звукъ,
 Который значитъ все)—имъ не страшна.
 Нѣтъ, вѣчность для рабовъ не создана!

Такъ мыслить демонъ. Медленно крыломъ,
 Спускаясь на землю, разсѣкалъ
 Онъ воздухъ. Все цвѣло въ краю земномъ:
 Весенній день, краснѣя, догоралъ.
 Растенія и волны, вѣтеркомъ
 Колеблемы, негрѣющимъ лучемъ
 Казались зажжены. Туманъ сырой
 Ревниво подымался надъ землей.

И только крестъ пустынный, наконецъ,
 Стоящій на горѣ, едва вдали
 Блестѣлъ... и гаснетъ! Звѣздный свой вѣнецъ
 Надѣла ночь. Въ молчаніи текли
 Свѣтила неба въ этотъ мирный часъ,
 Но въ ихъ молчаньи есть понятный гласъ!

О будущемъ пророчествуе онъ.

Вотъ встала и луна. Повсюду сонъ.

Свѣти, свѣти, прекрасная луна!

Природа любить шаръ твой золотой:

Въ его сіяньи нѣжится она,

Одѣтая полупрозрачной мглой.

Но человѣка любишь ты дразнить

Несбыточной мечтой. Какъ не грустить,

Когда на насъ ты льешь свой блѣдный свѣтъ,

Ты—памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ!

„Я хотѣлъ писать эту поэму въ стихахъ, но

нѣтъ—въ прозѣ лучше.“

ДВА ПОСВЯЩЕНІЯ ПОЭМЫ „ДЕМОНЪ“.

(1831 г.)

I.

Прими мой даръ, моя Мадона!
 Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
 Моя любовь мнѣ оборона
 Отъ порицаній клеветы.

Такой любви нельзя не вѣрить,
 А взоръ не скроетъ ничего,
 Ты не способна лицемерить,
 Ты слишкомъ ангель для того!

Скажу ли?—преданъ самовластью
 Страстей печальныхъ и судьбъ,
 Я счастьемъ не обаялъ счастью,
 Но всею обязанъ я тебѣ.

Какъ демонъ хладный и суровый,
 Я въ мирѣ веселился зломъ;
 Обманы были мнѣ не новы,
 И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.

Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
 Я близъ тебя опять воскресъ
 Для непорочныхъ наслажденій,
 И для надеждъ, и для небесъ.

II.

Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣнье:
 Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ,
 Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье,
 Тебя, забывчивый, по незабвенный другъ?

Пробудится-ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
 Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
 Ты—только мертвого, пустаго одобренья
 Наложилъ на нее тяжелую печать,

И не узнаешь здѣсь простаго выраженья

Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ,
 И примешь за игру, иль сонъ воображенья
 Большой души тяжелый бредъ!

ДЕМОНЪ *).

(1838 г.)

Ч А С Т Ь I.

2.

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
 Давно безъ цѣли, безъ пріюта...
 Вослѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
 Какъ за минутою минута
 Однообразной чередой.
 Ничтожной властвуя землей,
 Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья,
 Нигдѣ искусству своему
 Онъ не встрѣчалъ сопротивленья—
 И зло наскучило ему.
 И побѣдивъ свое презрѣнье
 Онъ замѣшался межъ людей,
 Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
 Убить въ нихъ вѣру въ провидѣнье—
 Но до него, какъ и при немъ,
 Ужъ вѣры не было ни въ комъ.
 И полонъ скуки непонятной,
 Онъ скоро кинулъ міръ развратный
 И на хребетъ пустынныхъ горъ
 Переселился съ этихъ поръ.
 Тамъ надъ жемчужнымъ водопадомъ
 Себѣ пещеру отыскалъ,
 Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ
 Душою жизнь ея обьялъ.
 Какъ часто на вершинѣ льдистой,
 Одинъ межъ небомъ и землей,
 Какъ царь съ развѣнчанной главой,
 Подъ кровомъ радуги огнистой
 Сидѣлъ онъ—мрачный и пѣмой,
 И бѣлорыбья метели,
 Какъ львы у ногъ его ревѣли.

3.

Уныло жизнь его текла
 Въ пустынѣ міра и на вѣчность
 Онъ притягивался; но была
 Мучительна его безпечность.
 Путемъ назначеннымъ судьбой
 Онъ равнодушно подвигался;
 Онъ жегъ печатю роковой
 Все то, къ чему ни прикасался.
 Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
 Стыдился надеждъ, стыдился боязни,
 Онъ съ гордымъ встрѣтилъ бы челомъ
 Прощенья гласъ, какъ слово казни.
 Онъ жилъ забыть и одинокъ—
 Грозой оторванный листокъ—
 Безъ упованья, презирая
 И свѣтъ небесъ и ада тьму,
 Не вѣря въ жизни ничему,
 И ничего не признавал.

*) Въ этомъ очеркѣ, болѣе близкомъ къ послѣднему тексту поэмы, еще сохранились многіе стихи и цѣлыя строфы двухъ первоначальныхъ очерковъ, откинутые впоследствии при окончательной отдѣлкѣ.

4.

Надъ утомленною землею
Остатки старыхъ поколѣній
Смѣнялись новою толпою
Живыхъ заботливыхъ твореній,
Но тщетны были для дѣтей
Отцовъ и праотцевъ уроки:
У переменчивыхъ людей
Не измѣнялись пороки!
Все также громкія слова,
Храня старинныя права,
Умы безумцевъ волновали;
Все также мелкія печали
Ничтожныхъ жителей земныхъ
Смѣшнымъ казались подражаньемъ—
Не предназначеннымъ для нихъ,
Инымъ, возвышеннымъ страданьямъ.

5.

Какъ черный саванъ, на землѣ
Лежала ночь... Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ
Гнѣздились какъ великаны,
Громады черныхъ облаковъ,
И вѣчно ропщущее море
Гуляло мирно на просторѣ
Между высокихъ береговъ.

6.

О море, море!... Какъ прекрасны
Въ блестящій день и въ день ненастный
Его и ревъ и тишина!...
Покрыта бѣлыми кудрями,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена
И какъ, царица молодая,
Течетъ одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ пѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!...
Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныя движенья,
И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья;
Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землею,
Люблю безпечность ихъ свободы,
Цѣпей незнавшей никогда,
Ихъ безконечные походы
Богъ вѣсть откуда и куда,
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы
И бесполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ мукъ, безъ счастья, безъ цѣли...

Остальные строфы 1-й части (7—20) сходны съ соответствующими имъ (III—XVI), напечатанными въ текстѣ; измѣненія встрѣчаются только въ 13 и 19 (соответствующихъ IX и XV текста):
13. Въ немъ чувство вновь заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
Тогда, исполненный досады
На этотъ мигъ живой отрады,
Быть можетъ, посланный творцомъ,
Какъ бы страшася искушенья,
Духъ отрицанья и сомнѣнья

Закрѣвъ глаза своимъ крыломъ.
То былъ ли признакъ возрожденья?... и пр.
19. „Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
„Имъ прошедшаго не жаль;
„Дѣти вольности воздушной,
„Безъ желаній, безъ страстей,
„Смотрятъ гордо, равнодушно
„На волненія людей;
„Въ день томительный несчастья... и пр.

Ч А С Т Ь II.

3.

Въ прохладѣ, межъ двумя холмами,
Таился монастырь святой;
Чинаръ и тополей рядами
Онъ окруженъ былъ—и порой
У стѣнъ его, прохлады полны,
Однообразно бились волны;
Кругомъ его—густыхъ деревъ
Сплелись кудрявыя вершины,
И кое гдѣ изъ ихъ середины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаютъ, бѣгая остовъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней—
Символъ спасенія забвенный—
Чернѣетъ ржавый крестъ, согбенный
Напоромъ бури и дождей.
Когда жъ ложилась ночь въ ущельи—
Внутри мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы младой... *)

8.

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышлений
О настоящемъ, о быломъ—
Все разомъ отразилось въ немъ.
Къ чему?... одной минутой рая
Не оживетъ душа пустая!...
Безвѣстно свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
Тебѣ вѣдь съ ней не подружится:
Ей ждать нельзя, она умчится,
Она громовою стѣлою
Затмитъ покровъ твой золотой.

9.

И входитъ онъ, любить готовый
Съ душой открытой для добра
И мыслить онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепеть ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой.
Проникнувъ въ келью, духъ смущенный,
Мишуа образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ;
Въ углу изъ мрамора Мадона,
Лампада мѣдная предъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилей,
У стѣнки дѣвственное ложе
[Луна, смѣясь, въ око глядитъ].

*) Далѣе — какъ напечатано въ текстѣ.

А у окна... всеильный Боже!...
 Что съ нимъ?... онъ мѣтеть... онъ дрожить...
 По звонкимъ струнамъ ударяя,
 Блѣдна озарена луной,
 Въ одеждѣ черной, власяной—
 Она, монахиня младая,
 Сидѣла молча передъ нимъ,
 Объята жаромъ вдохновенья,
 Мила, какъ первый херувимъ,
 Какъ звѣзды первыя творенья...
 Въ большихъ глазахъ ея порой
 Невнятно говорило что-то
 Невыразимую тоской,
 Неизъяснимую заботой...
 Полуоткрытыя уста
 Живые изливали звуки;
 Въ нихъ было все: моленья, муки,
 Слова надеждъ, слова разлуки,
 И дѣтскихъ мыслей простота...
 И грудь высоко подымалась,
 И обнаженная рука—
 Бѣлѣй, чѣмъ утромъ облака—
 Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась...
 Духъ отверженія и зла
 Стоялъ недвижимъ у порога;
 Не смѣлъ онъ приподнять чела,
 Страхася въ ней увидѣть Бога!
 Но взоръ онъ по нялъ: передъ нимъ
 Посланникъ рая—херувимъ,
 Хранитель грѣшницы прекрасной,
 Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
 И отъ врага, съ улыбкой ясной,
 Приосвѣнилъ ее крыломъ.
 Они счастливы, святы оба!...
 Довольно! ненависть и злоба
 Въ его душѣ разыграли вновь...
 Свершилось! онъ опять таковъ,
 Какимъ явился межъ рабовъ
 Великому царю вселенной
 Въ часы той битвы незабвенной,
 Гдѣ на преступное чело
 Проклятье вѣчное легло!
 И лучъ божественнаго свѣта
 Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ
 И вмѣсто мирнаго привѣта
 Раздался тягостный укоръ.

11. *)

ТАМАРА.

Я поклялась давно, ты знаешь,
 Забыть волненіе страстей;
 Къ чему жъ теперь меня смущаешь
 Любовью страстною своею?...
 О, кто ты? рѣчь твоя опасна!...
 Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
 Чего ты хочешь?... **)

демонъ.

.... Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
 Моихъ владѣній безконечность?
 Пустыя, звучныя слова,
 Обширный храмъ безъ божества!
 Не искушать пришелъ я душу;

*) 10-я строфа—безъ вариантовъ противъ ихъ-и текста.

**) Далѣе—какъ въ текстѣ.

Ты о спасеніи не молишь:
 Святыни здѣшней не нарушу!
 Меня, Тамара, не страшись,
 Не отгоняй меня укоромъ,
 Не выжимай изъ груди стонъ;
 Неправедливымъ приговоромъ
 Я на изгнанье осужденъ,
 Не зная радости минутной,
 Живу надъ моремъ и межъ горъ,
 Какъ перелетный метеоръ,
 Какъ степи вѣтеръ безпріютный;
 И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
 У Бога вашего прощенья;
 Я полюбилъ мои мученья
 И не могу ихъ разлюбить.
 Но ты—ты можешь оживить
 Своей любовью непритворной
 Мою томительную лѣнь,
 И жизни скучной и позорной
 Непролетающую тѣнь!

ТАМАРА.

Оставь меня... *)

демонъ.

...Люблю тебя не здѣшней страстью,
 Какъ полюбить не можешь ты:
 Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
 Безсмертной мысли и мечты.
 Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
 Надеждою, воспоминаньемъ,
 Всей роскошью души моей.
 О, не страшись и пожалѣй!
 Въ душѣ моей съ начала міра
 Твой образъ былъ напечатлень... и пр. до:
 ... И все на свѣтѣ презирать...

ТАМАРА.

А наказанье? муки ада?...

демонъ.

Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!
 Мы станемъ жить, любя, страдая,
 И адъ намъ будетъ стоять рай.
 Оставь сомнѣнія свои!
 И что такое жизнь святая
 Передъ минутою любви?
 Моя безпечная подруга,
 Ты будешь раздѣлять со мной
 Вѣка безсмертнаго досуга
 И власть надъ бѣдною землей.
 Благословишь ты нашу долю,
 Не будешь на нее роптать,
 И не захочешь грусть и волю
 За рабство тихое отдать.—
 Лишь только Божіе проклятье... **)

12.

И онъ слегка
 Коснулся жаркими устами
 Къ ея трепещущимъ устами;
 Соблазна полными рѣчами,
 Тоской, угрозами, слезами
 Отъ отвѣчалъ ся мольбамъ;

*) Далѣе—какъ въ текстѣ.

**) Далѣе—какъ въ текстѣ до стиха: „Не-
 сокрушимый мавзолей“. Послѣ того въ руко-

Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи... *)

14.

За часъ до солнечнаго восхода,
Еще высокій берегъ спалъ,
Вдругъ зашумѣла непогода
И океанъ забушевалъ,
И вмѣстѣ съ бурей и громами
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами
Зловѣщій колокола звонъ,
Не для молитвы призывали
Святыя монахини въ тихій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Досками черными обитый,
И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
Холоднымъ саваномъ обвитый.
Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ
И не видать во храмъ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являють блѣдныя черты;
Уста раскрыты, безотвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Его глаза не посылаютъ;
Хотя еще весьма недавно
Владѣлъ онъ пылкою душой,
Неизяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшій власти надъ собой!
И нѣтъ тебя, младая дѣва!...
Какъ злакъ потопленныхъ полей,
Добыча ревности и гнѣва,
Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
Напрасно будетъ солнце юга
Играть привѣтно надъ тобой,
Напрасно будетъ дождь и вьюга
Ревѣть надъ плитой гробовой—
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнутъ!...
Земля взяла свое земное—
Она назадъ не отдастъ...

18.

Едва на жесткую постель
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи горы обложили
И разыгралася метель;

писи монологи Тамары и Демона, какъ въ текстѣ съ добавкою:

И пусть другіе бѣ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ
И думой неба не касались—
Миръ лучшій недоступенъ имъ!

Но не тебѣ, моей подругѣ... далѣе какъ въ текстѣ.

*) Далѣе—какъ въ текстѣ, и 13-я строфа (соотвѣтствующая XII текста) вариантовъ не имѣеть. За ней слѣдуетъ въ рукописи 14-я. Она потомъ уничтожена и замѣнена новымъ описаніемъ похоронъ, какъ въ печатной XIII строфѣ текста.

И громче хищнаго шакала
Завыла буря въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Недавно вѣреннѣйшей ей прахъ;
И только за скалой сосѣдней
Утихъ моления звукъ послѣдній,
Послѣдній звукъ людскихъ шаговъ,
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился ангелъ легкокрылый,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ горячею мольбой
За душу грѣшницы молодой.
И въ то же время царь порока
Туда примчался съ быстротой
Новорожденнаго потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таплась;
По слѣду крыль его свѣтилась
Багровою молніи струя.
Когда-жъ онъ передъ собой увидѣлъ
Все что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ,
И взоръ презрительный кидая,
Посла потеряннаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

21. *)

... И не напомнить ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его.
И тамъ, гдѣ кости ихъ сохлѣбли,
На рубежѣ зубчатыхъ льдовъ,
Теперь гуляютъ лишь метели
Да стаи вольныхъ облаковъ.
Заглохла древняя обитель!
Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ,
И время—вѣчный разрушитель—
Смывало постепенно слѣды
Высокихъ стѣнъ, и храмъ священный,
Добыча бури и дождей,
Сталъ молчаливъ какъ мавзолей—
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночной,
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри, на ликахъ расписныхъ
И на окладахъ золотыхъ
Большой паукъ, отшельникъ новый,
Кладетъ съѣтъ своихъ основы.
Не разъ, обѣжавъ со скалъ крутыхъ,
Сайгакъ или серна, дочь свободы,
Приютъ отъ зимней непогоды
Искали въ кельи. И порой
Забывтой утвари паденье
Среди развалины глухой
Ихъ приводило въ изумленье.
Но въ наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что можетъ падать—то упало,
Что мретъ—то умерло давно,
Что живо—то безсмертно стало,
И время жививъ удержало
Воспоминаніе одно...

*) Строфы 15, 16 и 17 соотвѣтствуютъ XIII и XIV текста.

Строфы 19 и 20 соотвѣтствуютъ XV-й строфѣ, а 21-я—заключенію:

На склонахъ каменной горы...

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА I.

День угасалъ; лиловыя облака, протягиваясь по западу, едва пропускали красныя лучи, которые отражались на череницахъ башенъ и яркихъ главахъ монастыря. Звонили къ вечерни; монахи и служки ходили взадъ и впередъ по каменнымъ плитамъ, ведущимъ отъ кельи архимандрита въ храмъ; длинныя черныя мантии съ шорохомъ обметали пыль велѣдъ за ними; они толкали богомольцевъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто бы это была ихъ главная должность. Подъ дымной пеленою ладана трепещущій огонь свѣчей казался тусклымъ и краснымъ; богомольцы тѣнились вокругъ сырыхъ столбовъ; глухой, торжественный шорохъ толпы, повторяемый сводами, показывалъ, что служба еще не началась.

У воротъ монастырскихъ была другая картина: нѣсколько нищихъ и увѣчныхъ ожидали милости богомольцевъ; они спорили, бранились, дѣлили мѣдныя деньги, которыя звенѣли въ большихъ посоконныхъ мѣшкахъ; это были люди, отвергнутые природою и обществомъ (только въ этомъ случаѣ общество согласно бываетъ съ природою); это были люди, погибшіе отъ недостатка или излишества надежды, олицетворенныя упреки Провидѣнію, созданія, лишенныя права требовать сожалѣнія, потому что они не имѣли ни одной добродѣтели, и не имѣющие ни одной добродѣтели, потому что никогда не встрѣчали сожалѣнія.

Ихъ одежды были изображенія ихъ душъ: черныя, изорванныя. Лучи заката останавливались на головахъ, плечахъ и согнутыхъ костистыхъ колѣняхъ; углубленія въ лицахъ казались чернѣе обыкновеннаго; у каждаго на челѣ было написано вѣчными буквами: *нищета!* Хотя бы малѣйшій знакъ, малѣйшій остатокъ гордости отдѣлился въ глазахъ или въ улыбкѣ.

Въ толпѣ нищихъ былъ одинъ—онъ не вмѣшивался въ разговоръ ихъ и неподвижно смотрѣлъ на расписанныя святаыя врата; онъ былъ горбатъ и кривоногъ, но члены его казались крѣпкими и привыкшими къ трудамъ этого позорнаго состоянія; лицо его было длинно, смугло; прямой носъ, курчавые волосы; широкій лобъ его былъ желтъ, какъ лобъ ученаго, мраченъ какъ облако, покрывающее солнце въ день бури; синяя жила пересѣкала его неправильныя морщины; губы тонкія, блѣдныя были растяги-

ваемы и сжимаемы какимъ-то судорожнымъ движеніемъ и въ глазахъ блистала цѣлая будущность. Его товарищи не знали, кто онъ таковъ, но сила души обнаруживается вездѣ: они боялись его голоса и взгляда; они уважали въ немъ какой-то величайшій порокъ, а не безграничное несчастье; демона, но не человѣка. Онъ былъ безобразенъ, отвратителенъ, но не это пугало ихъ; въ его глазахъ было столько огня и ума, столько неземнаго, что они, не смѣя вѣрить ихъ выраженію, уважали въ незнакомцѣ чудеснаго обманщика. Ему казалось не больше 28-ми лѣтъ; на лицѣ его постоянно отражалась насмѣшка, горькая, безконечная; волшебный кругъ, заключившій вселенную, его душа еще не жила по настоящему, но собирала все свои силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться въ вѣчность. Нищій стоялъ сложа руки и разсматривалъ дьявола, изображеннаго поблекшими красками на св. воротахъ, и внутренно сожалѣлъ объ немъ; онъ думалъ: „если-бъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стоютъ ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!... Другое дѣло человѣкъ; чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти“.

И глаза его блистали подъ безпокойными бровями, и худыя щеки покрывались красными пятнами: все было согласно въ чертахъ нищаго, одна страсть владѣла его сердцемъ или, лучше, онъ владѣлъ одною только страстью,—но за то совершенно!

„Христа ради, баринъ, погорѣлымъ, калѣкамъ, слѣпому... Христа ради копѣечку!“ раздался крикъ его товарищей. Онъ вздрогнулъ, обернулся—и въ этотъ мигъ рѣшилась его участь. Что же увидалъ онъ? Русскаго дворянина Бориса Петровича Палицына, не больше.

ГЛАВА II.

Представьте себѣ мужчину лѣтъ 50-ти, высокаго, еще здороваго, но съ сѣдыми волосами и потухшимъ взоромъ, одѣтаго въ синее полукафтанье, съ Анненскимъ крестомъ въ петлицѣ; ноги его, залпратанныя въ огромные сапоги, производили неприятный звукъ, ступая на пыльные камни; онъ шелъ съ важною, размахивая руками, и наморщивалъ высокій лобъ всякій разъ, какъ докучливыя пищѣ обступали его; двое слугъ слѣдовали за нимъ съ подобо-

страстіемъ. Палицынъ положилъ серебряный рубль въ кружку монастырскую и, оттолкнувъ нищихъ, воскликнулъ: „прочь вы! дѣтяи—экіе молодцы—а просятъ Христа ради; что вы не работаете? Дай Богъ, чтобъ пришло время, когда этихъ бродягъ безъ стыда будутъ морить съ голоду. Вотъ вамъ рубль на всю братію—только чуръ, не перекусайтесь за него“.

Между тѣмъ горбатый нищій молча приблизился и устремилъ яркіе черныя глаза на великодушнаго господина. Этотъ взоръ былъ оставившаяся молнія, и человекъ, подверженный его таинственному вліянію, долженъ былъ содрогнуться и не могъ отвѣчать ему тѣмъ же, какъ будто свиновая печатъ тяготѣла на его вѣкахъ; если магнетизмъ существуетъ, то взглядъ нищаго былъ сильнѣйшій магнетизмъ.

Когда старый господинъ удалился отъ толпы, онъ поспѣшилъ догнать его.

Палицынъ обернулся. „Что тебѣ надобно?“

— Очень мало. Я хочу работы...

Съ язвительной усмѣшкой посмотрѣлъ старикъ на нищаго, на его горбъ и безобразныя ноги, но бѣдякъ ни мало не смутился и остался хладнокровенъ, какъ Сократъ, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову; но это не было хладнокровіе мудреца—нищій былъ скорѣе похожъ на дуэлиста, который увѣренъ въ вѣрности руки своей.

— Если ты, баринъ, думаешь, что я не могу перенести труда, то я тебя успокою на этотъ счетъ. Онъ поднялъ большой камень и началъ имъ играть какъ мячикомъ. Палицынъ изумился.

— Хочешь ли быть моимъ слугою?

Нищій нагнулся, въ одну минуту принявъ видъ смиренія и съ жаромъ поцѣловалъ руку своего новаго покровителя—изъ вольнаго онъ согласился быть рабомъ—ужели даромъ? и какая странная мысль принять имя раба за два мѣсяца до Пугачева.

— Клянусь головою отца моего, что исполню свою обязанность,—воскликнулъ нищій, и адская радость вспыхнула на блѣдномъ лицѣ.

— Твое имя?

— Вадимъ.

— Прелестное имя для такого урода!

Слуги подхватили шутку барина и захохотали; нищій взглянулъ на нихъ съ презрѣніемъ, и неумѣстная веселость утихла; подлѣя души завидуютъ всему, даже обидамъ, которыя показываютъ нѣкоторое вниманіе со стороны ихъ начальника.

— Стѣдуй за мной!—сказалъ Палицынъ, и всѣ оставили монастырь. Часто Вадимъ оборачивался. На полусвѣтломъ небосклонѣ рисовались зубчатыя стѣны, башни и церковь плоскими черными городами, безъ всякихъ отгѣнокъ; но въ этомъ зрѣлищѣ было что-то величественное, заставляющее душу погружаться въ себя и думать о вѣчности, и думать о величіи земномъ и небесномъ, и тогда рождаются мысли мрачныя и чудесныя, какъ одинокій монастырь, неподвижннй памятникъ слабости нѣкоторыхъ людей, которые не понимали, что гдѣ скрывается добродѣтель, тамъ можетъ скрываться и преступленіе.

ГЛАВА III.

Поздно, поздно вечеромъ прѣхалъ Борисъ Петровичъ домой; собаки встрѣтили его гром-

кимъ лаемъ и только по свѣтящимся окнамъ можно было узнать строеніе; вѣтеръ шума качалъ ветелки, насажденные вокругъ господскаго двора, и когда топотъ конскій раздался, то слуги вышли съ фонарями, улыбаясь и внутренно проклиная барина, для котораго они покинули свои теплыя постели, а можетъ быть что-нибудь получше. Палицынъ взошелъ въ домъ; въ залѣ было темно, оконницы дрожали отъ вѣтра и сильнаго дождя; въ гостиной стояла свѣча; эта комната была совершенно отдѣлана во вкусѣ XVIII-го вѣка: разноцвѣтные обои; три круглые стола, передъ каждымъ небольшое канале; глухая стѣна, находящаяся между двумя высокими печами, на которыхъ стояли безобразныя статуйки, была вся измалевана; на ней изображался завядшими красками торжественный вѣздъ Петра I-го въ Москву послѣ Полтавы; эту картину можно бы назвать рисованной программой.

Передъ орѣховымъ гладкимъ столомъ сидѣла толстая женщина, зѣвая по сторонамъ. Добрая женщина... жирѣть, зѣвать, бранить служаюнокъ, прикащика, старосту, мужа, когда онъ въ духѣ... какая завидная жизнь!... и все это продолжается сорокъ лѣтъ и продолжится еще столько же... и будутъ оплакивать ея кончину... и будутъ помнить ее и хвалить ея ангельскій нравъ и жалѣть... Чудо, что за жизнь! особливо какъ сравнишь съ нею наши... бури, поглощающія цѣлые годы, и что еще ужаснѣе, обрывающія чувства человекъ, какъ листья съ дерева, одно за другимъ.

На скамейкѣ, у ногъ Натальи Сергѣевны (такъ я назову жену Палицына) сидѣла молодая дѣвушка, ея воспитанница... это былъ ангель, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человечествѣ. Сальная свѣча, горящая на столѣ, озаряла ея невинный открытый лобъ и одну щеку, на которой, пристально вглядываясь, можно было бы различить мелкій золотой пушокъ; остальная часть лица ея была покрыта густой тѣнью, и только когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ; это лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣгѣ рѣдко, а наяву почти никогда. Ея грудь тихо колебалась, порой она нагибала голову, всматриваясь въ свою работу, и длинныя космы волосъ вырывались изъ-за ушей и падали на глаза, тогда выходила на свѣтъ бѣлая рука съ продолговатыми пальцами; одна такая рука могла бы быть цѣлою картиной!

Борисъ Петровичъ взошелъ; обѣ встали.—„Я привезъ новаго холопа“—сказалъ онъ—„кладь!.. нищій, который захотѣлъ работать... онъ не долженъ быть слишкомъ боекъ... это видно по лицу... но за то будетъ послушенъ... вотъ ты увидишь сама... Эй, Вадимка!.. живо“. Взошелъ безобразный нищій. Госпожа осмотрѣла его безъ вниманія, какъ краденый товаръ... „Какой уродъ!“ воскликнула она. Но Вадимъ не слыхалъ—его душа была въ глазахъ. Долго супругъ разговаривалъ съ супругой о жатвѣ, льнѣ и хозяйственныхъ дѣлахъ; и все забыли о нищемъ; онъ цѣлый битый часъ простоялъ въ дверяхъ. Куда смотрѣлъ онъ? что думалъ? онъ открылъ новую струну въ душѣ своей и новую цѣль своему существованію; цѣлый часъ

онъ простоялъ, никто не замѣтилъ; Наталья Сергѣевна ушла въ свою комнату и тогда Палицынъ подошелъ къ ея воспитанницѣ.

— Какъ тебѣ нравится мой новый холопъ?

— Уродъ!—отвѣчала Ольга, и вдругъ ей послышалось что-то похожее на скрежетъ зубовъ.—Охота привозить такихъ пугаль,—продолжала она,—намъ бѣднымъ пѣннымъ птичкамъ и безъ нихъ худо...

— Отъ того худо, что ты не хочешь согласиться,—возразилъ Борисъ Петровичъ, и намѣревался ее обнять.

Ольга покраснѣла и оттолкнула его руку; это движеніе было слишкомъ благородно для женщины обыкновенной.

— Плутовка! если бы ты знала, какъ ты прекрасна: развѣ у стариковъ нѣтъ сердца, развѣ нѣтъ въ немъ уголка, гдѣ кровь кипитъ и клокочетъ?—А было бы тебѣ хорошо!... если бы—выслушай!... у меня есть золотыя серьги съ крупнымъ жемчугомъ, персидскіе платки; у меня есть деньги, деньги, деньги...

— У васъ нѣтъ стыда!—отвѣчала Ольга. Палицынъ посмотрѣлъ на нее—и всыхнулъ, но услыхавъ шорохъ въ другой комнатѣ, погрозившись, ушелъ.

— Боже!... Это восклицаніе невольно вырвалось изъ ея груди; это была молитва и упрекъ.

Безобразный нищій все еще стоялъ въ дверяхъ, сложа руки, нѣмъ и недвижимъ—на его рѣсницахъ блеснула слеза: можетъ быть первая слеза—и слеза отчаянія! *)...

Такія слезы истощаютъ душу, отнимаютъ нѣсколько лѣтъ жизни, могутъ потопить въ одну минуту миллионъ сладкихъ надеждъ! Онѣ для одного человѣка, что былъ Наполеонъ для вселенной: въ десять лѣтъ онъ подвинулъ насъ цѣлымъ вѣкомъ впередъ.

— Знаешь ли ты своихъ родителей, Ольга?—сказалъ Вадимъ.

— Странный вопросъ...—отвѣчала она.

— Знаешь ли ты ихъ?—повторилъ онъ такимъ голосомъ, который заставилъ ее содрогнуться; она посмотрѣла ему пристально въ глаза, какъ будто припоминая нѣчто давно, давно прошедшее.

— Я сирота, мой отецъ меня оставилъ, когда я была ребенкомъ—и отправился Богъ знаетъ куда—вѣрно очень далеко, потому что онъ не возвращался.—Чело Вадима омрачилось и горькая язвительная улыбка придала чертамъ его, слабо озареннымъ догорающей свѣчей, что-то демонское.

— Хочешь ли знать куда?

— Хочу,—и влажные глаза ея ярко заблистали.

— Подумай, я для тебя человѣкъ чужой!... можетъ быть, я шучу, насмѣхаюсь... подумай: есть тайны, на днѣ которыхъ ядъ, тайны, которыя неразрывно связываютъ двѣ участи; есть люди, заражающіе своимъ дыханіемъ счастье другихъ: все, что ихъ любить и ненавидитъ, обречено погибели; берегись того и другаго—узнавъ мою тайну, ты отдашь судьбу свою въ

руки опаснаго человѣка: онъ не съумѣетъ лелѣть цвѣтокъ этого—онъ изомнетъ его...

— Хочу знать непременно!—воскликнула неопытная двушка.

Она посмотрѣла вокругъ—нищаго уже не было въ комнатѣ.

ГЛАВА IV *).

Прошло двое сутокъ—Вадимъ еще не объявлялъ своей тайны... Ужели онъ только хотѣлъ подстрекнуть женское любопытство? Если такъ, то онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Подъ разными предлогами, пренебрегая гнѣвъ госпожи своей, Ольга отлучалась отъ скучной работы и старалась встрѣтить гдѣ-нибудь въ отдаленной пустой комнатѣ Вадима, и странно! она почти всегда находила его тамъ, гдѣ думала найтти—и тогда просьбы, ласки, все хитрости были употребляемы, чтобы выманить желанную тайну; однако онъ былъ непреклоненъ, умѣлъ отвести разговоръ на другой предметъ, занималъ ее разными разсказами—но тайны не было. Она дивилась его уму, его бурному нраву, начинала проникать въ его сумрачную душу и замѣтила, что этотъ человѣкъ рожденъ не для рабства: и это заставило ее имѣть къ нему довѣренность; не мудрено—власть разлучаетъ гордыя души, а неволя соединяетъ ихъ.

Однажды она взяла его за руку.

— Не правда ли, я очень безобразенъ?—воскликнулъ Вадимъ; она пустила его руку.—Да, продолжалъ онъ,—я это знаю самъ. Небо не хотѣло, чтобъ меня кто-нибудь любилъ на свѣтѣ, потому что оно создало меня для ненависти. Завтра ты все узнаешь... на что мнѣ беречь тебя. О, если-бъ... не укоряй за долгое молчанье... быть можетъ, настанетъ время и ты подумаешь: „зачѣмъ этотъ человѣкъ не родился нѣмымъ, слѣпымъ и глухимъ,—если онъ могъ родиться кривобокимъ и горбатымъ?“

Поведеніе Вадима съ прочими слугами было непонятно, потому что его цѣли никто не зналъ; я объясню его сколько можно слѣдующимъ разговоромъ. На крыльцѣ дома сидѣло двое слугъ, одинъ старый, другой лѣтъ двадцати; вотъ слова ихъ:—Замѣть, Ѳедька, что кто изъ грязи вышелъ, тотъ лѣзетъ въ золото! Какъ этотъ Вадимка загордился—этакой уродъ, мнѣ никогда никакого уваженія не дѣлаетъ, когда самъ прикащикъ меня всегда отличаетъ; да и къ барину какъ умѣетъ онъ подолститься: словно щенокъ!—Экой вѣкъ сталъ нехристіанской!

— Не скажу, дядя Ипать!... онъ всегда со мной ласковъ, паренъ лихой; съ нимъ держи ухо востро: тотчасъ на удочку подцѣпить—вонъ наприцѣръ вчера...

— Что вчера?...

— Я тебѣ разскажу эту штуку, дядя, слушай!... Вчера баринъ разгнѣвался на Олешку Шушерина и приказалъ ему влѣпить 25 палокъ; повели Олешку на конюшню—самъ прикащикъ и сталъ его бить; 25 разъ ударилъ, да и говоритъ: это за барина—а вотъ за меня—и занесъ руку... Вадимъ все это время стоялъ поодаль, въ углу: брови его сходились и расходились... въ одинъ мигъ онъ подскочилъ къ прикащику и сшибъ его на землю однимъ уда-

*) Послѣ этого поставлено „Глава IV“, но опять зачеркнуто.

*) Приписано: „Домъ на берегу Волги“.

ромъ... на губахъ его клубилась пѣна отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ что-то вымолвить—и немогъ.
— Жаль!—возразилъ старикъ,—не доживетъ этотъ человекъ до сѣдыхъ волосъ.—Онъ жалѣлъ отъ души, какъ могъ, какъ обыкновенно жалѣютъ старики о юношахъ, умирающихъ преждевременно, во цвѣтѣ жизни, которыхъ смерть забираетъ вмѣсто ихъ, какъ буря чаще ломаетъ тонкія высокія деревья и щадитъ ши столбѣтніе.

Зачѣмъ Вадимъ старался пріобрѣсти любовь и довѣренность молодыхъ слугъ?—на это отвѣчаю: происшествія, мною описываемыя, случились за два мѣсяца до бунта Пугачевского.

Умы предчувствовали переворотъ и волновались: каждая старинная и новая жестокость господина была записана его рабами въ книгу мщенія, и только кровь ихъ могла смыть эти постыдныя лѣтописи. Люди, когда страдаютъ, обыкновенно покорны, но если разъ имъ удалось сбросить попу свою, то ягненокъ превращается въ тигра, притѣсенный дѣлается притѣшителемъ и платитъ сторицею—и тогда горе побѣжденнымъ!...

Русскій народъ, этотъ сторукій исполнить, скорѣе перенесетъ жестокость и надменность своего повелителя, чѣмъ слабость его; онъ желаетъ быть наказываемъ, но справедливо; онъ согласенъ служить, но хочетъ гордиться своимъ рабствомъ, хочетъ поднимать голову, чтобъ смотрѣть на своего господина, и простить въ немъ скорѣе излишество пороковъ, чѣмъ недостатокъ добродѣтелей. Въ XVIII столѣтїи дворянство, потерявъ уже прежнюю неограниченную власть свою и способы ее поддерживать, не умѣло перемѣнить поведения: вотъ одна изъ тайныхъ причинъ, породившихъ Пугачевскій годъ!

ГЛАВА V.

По обратимся къ нашему разсказу.

Домъ Бориса Петровича стоялъ на берегу Суры, на высокой горѣ, кончающейся къ рѣкѣ обрывомъ глинистаго цвѣта; кругомъ двора и вдоль по берегу построены избы дымныя, черныя, наклоненныя, вытягивающіяся въ двѣ линїи по краямъ дороги, какъ нищїе, кланяющіеся прохожимъ; по ту сторону рѣки видны въ отдаленїи березовыя рощи, и еще далѣе хлѣбистые холмы съ чернѣющими елями; налѣво низкій берегъ, усыпанный кустарникомъ, тянется гладкою покатою и далеко-далеко синѣютъ холмы, какъ волны. Вечернее солнце порою играло на тесовой крышѣ и въ стеклахъ золотыми переливами; раскрашенные рѣзныя ставни, колеблемыя вѣтромъ, стучали и скрипѣли, качаясь на ржавыхъ петляхъ. Вокругъ стариннаго дома обходитъ деревянная рѣзной работы галдарейка, служащая вмѣсто балкона. Здѣсь, сидя за работой, Ольга часто забывала свое шитье и наблюдала силія странствующія воды и барки съ бѣлыми парусами и разноцвѣтными флюгеррами. Тамъ люди вольны, счастливы, каждый день видятъ новый берегъ—и новыя надежды; пѣсни крестьянъ, идущихъ съ сѣнокоса, отданный колокольчикъ часто развлекали ея вниманіе—кто ѣдетъ: купецъ, баринъ, почта?... но на что ей?... не все ли равно... а все-таки не худо бы узнать.

Державинъ. Приложенія къ II т.

Какая занимательная, полная жизнь, не правда ли?

Теперь она попала изъ одной крайности въ другую: теперь, завернувшись въ черную бархатную шубейку, обшитую заячьимъ мѣхомъ, она трепеща отворяетъ дверь на галдарейку... чего тебѣ бояться, неопытная дѣвушка?... Борисъ Петровичъ уѣхалъ въ городъ, его жена въ монастырь слушать поученія монаховъ и новости изъ устъ богомолокъ, не менѣе ею уважаемыхъ.

Кто идетъ ей на встрѣчу? Это Вадимъ. Она вздрогнула; она поблѣднѣла, потому что настала роковая минута.

— Что съ тобою?—сказалъ онъ.

— Ничего...

— А! понимаю... онъ закусылъ губы... ты меня испугалась.

— Зачѣмъ мнѣ бояться тебя?—отвѣчала гордо Ольга.

— Тѣмъ лучше—продолжалъ онъ... Это уже много значить—такъ я тебѣ не страшенъ, не отвратителенъ... о, мой Создатель! вотъ великое блаженство; право, мнѣ кажется это первое... Онъ остановился.

— Послушай, что, если душа моя хуже моею наружности? но развѣ я виноватъ... я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба—они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшку... Я имѣлъ небо, землю и себя, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло: одна мысль, одно открытіе, одна капля яда—берегись этой мысли, Ольга.

— Для чего мы здѣсь?—спросила она съ нерпѣтнїемъ.

— Я здѣсь для того, чтобы тебя видѣть.

— А я совсѣмъ не для того...

— Опять, опять!—воскликнулъ Вадимъ.—Послушай, если хочешь чего-нибудь добиться отъ меня, то не намекай о моемъ безобразїи: я завистливъ, я золъ, я все, что ты хочешь... но пощади меня.—Онъ закрылъ лицо обѣими руками. Ей стало жалко: этотъ человекъ, одаренный величайшимъ самолюбіемъ, просилъ у нея, слабой дѣвушки, у нея, еще болѣе чѣмъ онъ беззащитной, сожалѣнія—или итѣтъ... меньше... онъ просилъ, чтобъ она его не оскорбляла.

Такія рѣчи иногда трогаютъ женское сердце.

Она прервала неприятное молчаніе.—Ты говоришь, Вадимъ, что знаешь, гдѣ мой отецъ? Онъ задумался.

— Общай никогда не укоряютъ меня за то, что я тебѣ открылъ свою тайну.

— Никогда.

— Слушай же: твой отецъ былъ дворянинъ, богатъ, счастливъ—и подобно многимъ, кончилъ жизнь на соломѣ... Ты вздрогнула... но это еще ничего...

— О, если это ничего, то не продолжай.

— Итѣтъ, слушай: у него былъ добрый сосѣдъ, его другъ и прїятель, занимавшій первое мѣсто за столомъ его, товарищъ на охотѣ, ласкавшій дѣтей его,—сосѣдъ искренній, простосердечный, который всегда стоялъ съ нимъ рядомъ въ церкви, снабжалъ его деньгами въ случаѣ нужды, ручался за него своею головою—что-жъ... развѣ этого не довольно для гибели человека? Погоди... не блѣднѣй... дай руку: огонь, теку-

щій въ моихъ жилахъ, перельется въ тебя... слушай далѣе: однажды на охотѣ собака отца твоего обскакала собаку его друга; онъ посмѣялся надъ нимъ: съ этой минуты началась непримиримая вражда—5 лѣтъ спустя твой отецъ ужъ не смѣялся. Горе тому, кто наказалъ смѣхъ этотъ слезами!... Другъ твоего отца открылъ старинную тяжбу о земляхъ, выигралъ ее отнявъ у него все имѣніе. Я видалъ отца твоего предъ кончиной... его сѣдая голова, неподвижная, сухая, подобная бѣлому камню, оставила на мнѣ пронзительный взоръ, гдѣ горѣла послѣдняя искра жизни и ненависти... и мнѣ она осталась въ наслѣдство, и его проклятіе живо, живо, и каждый годъ пускаетъ новыя отрасли, и каждый годъ все болѣе окружаетъ своею тѣнью семейство злодѣя... я не знаю, какимъ образомъ все это сдѣлалось... но кто, ты думаешь, кто этотъ нѣжный другъ? Какъ небо!... въ продолженіи 17-ти лѣтъ ни одинъ языкъ не шепнулъ ей: этотъ хлѣбъ купленъ цѣною крови—твоей—его крови!—и безъ меня, существа бѣднаго, у котораго вмѣсто души есть одно только ненасытимое чувство мщениія... безъ уродливаго нищаго, это невинное сердце билось бы для него одною благодарностью.

— Вадимъ, что сказалъ ты?

— Благодарность!—продолжалъ онъ съ горькимъ смѣхомъ,—благодарность: слово изобрѣтенное для того, чтобъ обманывать честныхъ людей, слово превращенное въ чувство! О, премудрость небесная! какъ легко тебѣ изъ ничего сдѣлать святѣйшее чувство! Нѣтъ, лучше издохнуть съ голода и жажды въ какой-нибудь пустынѣ, чѣмъ быть орудіемъ безумца и лизать руку, кидающую мнѣ остатки шра... о, благодарность...

И онъ ходилъ взадъ и впередъ скорыми шагами, сжавъ крестомъ руки—и казалось забыть, что не сказалъ имени коварнаго злодѣя... и казалось, не замѣчалъ въ лицѣ несчастной дѣвушки страха неизвѣстности и ожиданія... Онъ былъ весь погребенъ самъ въ себѣ, въ могилѣ, откуда также никто не выходитъ... въ живой могилѣ, гдѣ также есть червь, грызущій вѣчно и вѣчно ненасытныи.

Безобразныя черты Вадима чудесно оживились, гетій блисталъ на челѣ его—и глаза, если-бъ остановились въ эту минуту на человѣкѣ, то произвели бы дѣйствіе глазъ василиска, но они были обращены вверхъ!...

— Я отгадала!—воскликнула молодая дѣвушка, подойдя съ твердостью къ Вадиму:—я поняла тебя... это Борисъ Петровичъ...

Она въ самомъ дѣлѣ отгадала: великія души имѣютъ особенное преимущество понимать другъ друга; онѣ читаютъ въ сердцахъ подобныхъ себѣ, какъ въ книгѣ, имъ давно знакомой; у нихъ есть примѣты, имъ однимъ извѣстныя и темныя для толпы; одно слово въ устахъ ихъ иногда цѣлая повѣсть, цѣлая страсть со всеми ея отбѣнками...

Палицынъ былъ тотъ самый ложный другъ, погубившій отца юной Ольги—и взявшій къ себѣ дочь, ребенка 3-хъ лѣтъ, чтобы принудить къ молчанію нѣкоторыхъ дворянъ, осуждавшихъ его поступокъ; онъ воспиталъ ее какъ рабу и хвалился своею благотворительностью; десять лѣтъ тому назадъ онъ игралъ ей кудрями, за-

бавлялся ся ребячествами, и теперь въ мысляхъ готовилъ ее для постыдныхъ удовольствій. Это было также мщеніе въ своемъ родѣ... кто бы подумалъ! столько страданій за то, что одна собака обогнала другую... какъ ничтожны люди!... какъ вѣрнѣе общему мнѣнію! Палицынъ слылъ честнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ, и точно! онъ погубилъ только одно семейство.

Я сказалъ, что великія души понимаютъ другъ друга, потому-то Вадимъ смотрѣлъ на нее безъ удивленія, но съ тайнымъ восторгомъ.

Она схватила его за руку и повлекла въ комнату, гдѣ хрустальная лампада горѣла передъ образами и лучъ ея сливался съ лучемъ заходящаго солнца на золотыхъ окладахъ, усыпанныхъ жемчугомъ и камнями. Передъ иконой Богоматери упала Ольга на колѣни; спина и плечи ея отдѣляемы были блѣднѣющимъ свѣтомъ зари отъ темныхъ стѣнъ, а красноватый блескъ дрожащей лампы озарялъ ее лицо вдохновенное, прекрасное, слишкомъ прекрасное для чувствъ, которыя бунтовали въ груди ея. Вадимъ не сводилъ глазъ съ этого неземнаго существа, какъ будто былъ счастливъ.

Ольга сорвала съ шеи богатое ожерелье и бросила его на землю.

— Такъ уничтожаю послѣдній остатокъ признательности... Боже! Боже! я не виновна... Ты, Ты самъ далъ мнѣ вольную душу, а онъ хотѣлъ сдѣлать меня рабой, своей рабой... Невозможно! невозможно женщинѣ любить за такое благодѣяніе... терпѣть, страдать я согласна... но не требуй болѣе, Боже! Если-бъ Ты теперь мнѣ приказалъ почитать его своимъ благодѣтелемъ—я и Тебя перестала бы любить... Моя жизнь, моя судьба принадлежатъ Тебѣ, Создатель, и кому Ты хочешь—но сердце въ моей власти...

Слезы покатались изъ глазъ ея; она склонила голову; рука ея дрожала въ рукѣ Вадима...

— Я твой братъ!—воскликнулъ онъ внѣ себя.

Она обернулась, встала... какъ будто не поняла... какъ будто ужаснулась... руки ея опустились, какъ руки умершей, и сомкнутыя уста удерживали дыханіе.

— Я твой братъ!—повторилъ онъ дрожащимъ, страшнымъ голосомъ.

Она молчала.

Вадимъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ, схватилъ себя за голову и вышелъ, но выходя остановился у двери... и въ продолженіи одной минуты онъ думалъ раздробить свою голову объ косякъ... но эта безумная мысль скоро пролетѣла... онъ вышелъ.

— Братъ!—сказала Ольга, смотря ему во слѣдъ,—братъ!

И безъ силъ она упала на стулъ.

ГЛАВА VI.

Борисъ Петровичъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ горбачемъ (такъ въ домѣ называли Вадима). Горбачъ вездѣ почти слѣдовалъ за нимъ: на охоту, въ поле, на пашню, исполняя его малѣйшія желанія, предугадывая ихъ, однимъ словомъ дѣлалъ все, чѣмъ могъ пріобрѣсти довѣренность, и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процвѣтала на этомъ суровомъ

лицъ, которое выражало всё чувства, всё, кроме одного любимого сокровища, хранимого на черный день. Если Борисъ Петровичъ хотѣлъ наказывать кого-нибудь изъ слугъ, то Вадимъ намекалъ ему всегда, что есть наказанія, которыя жестоко и что вина гораздо больше, нежели Палицынъ воображалъ;—а когда недосказанный совѣтъ его былъ исполняемъ, то хитрый совѣтникъ старался возбудить неудовольствіе дворни, —взглядомъ, движеніями помогая имъ осуждать господина. Но никогда ничего не говорилъ такого, что бы могло быть пересказано ко вреду его—къ неудовольствію рабовъ или помѣщика. Онъ былъ враждебный геній этого дома.

Однажды, не зная зачѣмъ, Палицынъ ведѣлъ его позвать; искали горбача—не нашли. Такъ это и осталось...

День былъ жаркій, серебряныя облака тяжельши ежечасно, и синія, покрытыя туманомъ, уже показывались на дальнемъ небосклонѣ. На берегу рѣки была развалившаяся баня, врытая въ гору и обсаженная высокими кустами кудрявой рябины; около нея валялись груды кирпичей, между коими выростала высокая трава и желтые цвѣты на длинныхъ стебелькахъ. Тутъ сидѣлъ Вадимъ; одинъ, облокотяся на свои колѣни и подерживая голову обѣими руками, онъ размышлялъ; тѣни рябиновыхъ листьевъ рисовались на лицѣ его непостоянными арабесками и придавали ему видъ таинственный; золотой лучъ солнца, скользя мимо соломенной крыши, упалъ на его колѣнку и Вадимъ, казалось, любовался воздушной пляской пылинки, которая кружилась и подымалась къ солнцу.

Вчера онъ открылся Ольгѣ; наконецъ онъ нашелъ ее, онъ встрѣтился съ сестрой своей, которую оставилъ въ колыбели, наконецъ... О! чудна природа... далеко ли отъ брата до сестры? А какое различіе! Эти ангельскія черты, эта демонская наружность... впрочемъ, развѣ ангелъ и демонъ произошли не отъ одного начала?...

Однако Вадимъ замѣтилъ въ ней семейственную гордость, сходство съ его душой, которое обѣщало ему много... обѣщало со временемъ и любовь ея... эта надежда была для него нѣчто новое; онъ хотѣлъ ею завладѣть, онъ боялся разстаться съ нею на одно мгновение—и вотъ зачѣмъ онъ удалился въ уединенное мѣсто, гдѣ плескъ волны не могъ развлечь думы его. Онъ не зналъ, что есть цвѣты, которые, чѣмъ болѣе за ними ухаживаютъ, тѣмъ менѣе отвѣчаютъ стараніямъ садовника; онъ не зналъ, что слишкомъ привязавшись къ мечтѣ, мы терлемъ существовать, а въ его существованіи было одно мщеніе.

Постепенно мысли его становились туманнѣе и онъ, полусонный, легъ на траву—и нечаянно взоръ его упалъ на лиловый колокольчикъ, надъ которымъ вились двѣ бабочки, одна сѣрая съ черными крапинками, другая испещренная всеми красками радуги, какъ будто воздушный цвѣтокъ или рубинъ съ изумрудными крыльями, отдѣланный въ золото и оживленный какою-нибудь волшебницей. Оба мотылька старались съѣсть на лиловый колокольчикъ и мѣшали другъ другу, и когда одинъ былъ близко, то вѣтеръ

относилъ его прочь; наконецъ разноцвѣтный мотылекъ остался побѣдителемъ, устѣлся и спрятался въ лепесткахъ; напрасно другой кружилъ надъ нимъ... онъ былъ принужденъ удалиться... У Вадима были прутки въ рукѣ; онъ ударилъ по цвѣтку и убилъ счастливое насѣкомое... и съ какимъ-то восторгомъ наблюдалъ его послѣдній трепеть!...

И Богъ знаетъ, отчего въ эту минуту онъ вспомнилъ свою молодость, и отца, и домъ родной, и высокія качели, и прудъ, обсаженный ветлами... все, все... и отецъ его представился его воображенію таковъ, какимъ онъ возвратился изъ Москвы, потерявъ свое дѣло и принужденный продать все, что у него осталось, дабы заплатить стряпчимъ и суду... И потомъ онъ видѣлъ его лежащаго на жесткой постели въ домѣ бѣднаго сосѣда... казалось, слышалъ его тяжелое дыханіе и слова: „отомсти, сынъ мой, извергу, чтобъ никто изъ его семьи не порадовался краденнымъ кускомъ...“ И вспомнилъ Вадимъ его похороны: необитый гробъ, поставленный на телегѣ, качался при каждомъ толчкѣ; онъ съ образомъ шелъ впередъ... дьячекъ и священникъ сзади; они бѣли дрожжащимъ голосомъ... и прохожіе снимали шляпы... вотъ стали опускаться въ могилу, канатъ заскрипѣлъ, мылъ взвился...

Кровь кинулась Вадиму въ голову, онъ шепотомъ повторилъ роковую клятву и обдумывалъ исполненіе; онъ готовъ былъ ждать... онъ готовъ былъ все выносить... но сестра!... если... о! тогда и она поможетъ ему... И безъ трепета онъ принялъ эту мысль; онъ рѣшился завлечь ее въ свои замыслы, сдѣлать ее орудіемъ... рѣшился погубить невинное сердце, которое больше чувствовало, нежели понимало: странно! онъ любилъ ее—или не почиталъ ли онъ ненависть добродѣтелью?

Вдругъ надъ нимъ раздался свистъ аралниковъ, и онъ почувствовалъ сильную боль во всей рукѣ своей; какъ тигръ вскопчилъ Вадимъ... передъ нимъ стоялъ Борисъ Петровичъ и осыпалъ его ругательствами...

Кланаясь слушалъ онъ и съ покорнымъ видомъ послѣдовалъ за Палицынѣмъ въ домъ, гдѣ слуги встрѣтили его съ насмѣшливыми улыбками, которыя говорили: пришелъ и твой чередъ.

Съ этихъ поръ Вадимъ ни разу не забывалъ своей должности.

ГЛАВА VII.

* Подъ вечеръ пріѣхали гости къ Палицыну; Наталья Сергѣевна разрядилась въ фижмы и парчевое платье, распудрилась и разумылилась; столъ въ гостиной уставили вареньями, ягодами сушеными и свѣжими; Геннадій Василіичъ Горинкинъ, богатый сосѣдъ, сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и хозяйка моментно подносила ему тарелки съ сладостями; онъ бралъ изъ каждой понемножку и важно обтиралъ себѣ губы. Онъ былъ высокаго росту, бѣлокуръ, и вообще довольно ловокъ для деревенскаго жителя того вѣка; и это потому, быть можетъ, что онъ служилъ въ лейбъ-кампаннахъ; 25-ти лѣтъ вышелъ въ отставку, онъ женился и нажилъ себѣ двухъ дочерей и одного сына. Борисъ Петровичъ занималъ его разговоромъ о хозяйствѣ, о Москвѣ,

и проч., бранилъ новое, хвалилъ старое, какъ всѣ старики, ибо вообще, если человѣкъ самъ сталъ хуже, то все ему хуже кажется. Поздно вечеромъ, истощивъ разговоръ, они не знали что начать, зѣвали въ руку, вертѣлись на мѣстахъ, смотрѣли по сторонамъ; но заботливый хозяинъ тотчасъ нашелся.

— Малый! Египетскаго!—закричалъ онъ, въ восторгѣ отъ своей мысли. Принесли двѣ фляги и двѣ большія серебряныя кружки, начали пить, потомъ спорить, хохотать и цѣловаться; щеки ихъ разгорѣлись и воображеніе, охлажденное годами, закипѣло.

— Потѣшишь ли тебя, сосѣдь любезный!—воскликнулъ Палицынъ.

— А что?

— Да ужъ то, что твоей милости и въ голову не придетъ; любишь ли ты пляску?... а у меня есть дѣвочка—чудо... а какъ пляшетъ!... Жжетъ а не пляшетъ!... Я не монахъ и ты не монахъ, Васильичъ...

— Избави, Христосъ...

— И точно такъ!

— Ну, что же?

— Да ужъ то!... мать моя, женушка, Наталья Сергѣвна, — вели Оленькѣ принарядиться въ шелковый святошный сарафанъ, да выдти поплясать, а другихъ пришли пѣть, да пѣсельниковъ-та намъ побольше, знаешь, чтобъ лихо... Онъ захохоталъ, самъ вѣрно не зная чему, и началъ потирать руки, заранѣе наслаждаясь успѣхомъ своей выдумки;—этотъ человѣкъ, обыкновенно довольно угрюмый, теперь былъ совершенный ребенокъ.

Наталья Сергѣвна приказала собираться пѣсельникамъ, и сама вышла искать Ольгу.

Гдѣ была Ольга?

Въ темномъ углу своей комнаты, она лежала на сундукѣ, положивъ подъ голову свернутую шубу. Она не спала, она еще не опомнилась отъ вчерашняго вечера, укоряла себя за то, что слишкомъ неласково обошлась съ своимъ братомъ... но Вадимъ такъ ужаснулъ ее въ тотъ мигъ! Она думала цѣлый день идти къ нему сказать, что она точно достойна быть его сестрой и не обвиняетъ за излишнюю ненависть, что оправдываетъ его поступокъ и удивляется чудесной смѣлости его.

Со свѣчей въ рукѣ взошла Наталья Сергѣвна въ маленькую комнату, гдѣ лежала Ольга; стѣны озарились, увѣшенныя платьями и шубами, и тѣнь отъ толстой госпожи упала на столѣтъ, покрытый пестрымъ платкомъ; въ этой комнатѣ протекала половина жизни молодой дѣвушки прекрасной, пылкой... Здѣсь ей снились часто молодые мужчины, стройные, ласковые, снились большіе города съ каменными домами и златоглавыми церквами; здѣсь, когда зимою шумѣла метеллица и снѣгъ бѣлыми клоками уладалъ на тусклое окно и собирался передъ нимъ въ высокій сугробъ, она любила смотрѣть, завернутая въ теплую шубейку, на бѣлыя стени, сѣрое небо и ветлы, обвѣшенные инеемъ и колеблемыя взадъ и впередъ, и тайныя, неизяснимыя желанія, какія бываютъ у дѣвушки въ семнадцать лѣтъ, волновали кровь ея, и досада заставляла плакать, вырывала иголку изъ рукъ...

— Вставай, Ольга!—закричала Наталья Сергѣвна, сердито толкнувъ ее.

Ольга вскочила и зажмурилась, встрѣтивъ свѣчу прямо передъ глазами.

— Что, спала, лѣнивая...

— У меня голова болитъ.

— Вздоръ! дѣвчонка молодая... и смѣть голова болѣтъ... Просто лѣнь... ужъ такъ бы и говорила... а то еще жетъ... отвѣчай: спала, лѣнтыйка?

— Я никогда не лгу.

— Какъ! еще смѣть отвѣчать, когда я говорю... спорить... ахъ, грубиянка! да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя отъ нищаго отца-негодая взяла на свои руки... неблагодарная! Нѣтъ! этотъ народъ никогда не чувствуетъ благодарній! какъ волка не корми, а все въ лѣсъ глядитъ... Да не смѣй строить рождъ, когда я браню тебя, стой прямо и не морщись—ты забываешь, кто я?

Ольга хотѣла что-то сказать, но удержалась; презрѣніе изобразилось на лицѣ ея; мрачный пламень, пробужденный въ глазахъ, потерялся въ опущенныхъ рѣсницахъ; она стояла, опустивъ руки, съ колеблющеюся грудью и обнаженными плечами, и неподвижно внимала обиднымъ изреченіямъ, которыя разсердили, испугали бы другую...

— Поди, надѣнь шелковый сарафанъ и выходи плясать... чтобъ голова не болѣла... слышишь... скорѣй же! да не больно финти передъ Борисомъ Петровичемъ... а не то я тебѣ дамъ знать!... вѣдь вы всѣ рады заманить барскую милость... берегись...

Ольга молчала—но вся вспыхнула... и если-бъ Наталья Сергѣвна не удалилась, то она не вытерпѣла бы долѣе; слезы хотѣли брызнуть изъ глазъ ея, но женщина иногда умѣетъ остановить слезы... Какъ! ее подозреваютъ, упрекаютъ? и въ чѣмъ?... о!... гдѣ ея братъ! пускай придетъ онъ и выслушаетъ ея клятву; помогать ему во всемъ, что дышетъ мстію и разрушеніемъ, пускай посвятитъ онъ ее въ это грозное таинство—она готова!

Теперь она будетъ умѣть отвѣчать Вадиму, теперь глаза ея вынесутъ его испытывающіе взгляды, теперь горькая улыбка не уничтожитъ ея твердости;—эта улыбка имѣла въ себѣ что-то неземное: она вырывала изъ души каждое благочестивое помышленіе, каждое желаніе, гдѣ таилась искра добра, искра любви къ человѣчеству; встрѣтивъ ее, невозможно было устоять въ своемъ намѣреніи, какое бы оно ни было; въ ней было больше зла, чѣмъ люди понимать способны.

Ольгу ждутъ въ гостиной; Борисъ Петровичъ сердится; его гость поминутно наливаетъ себѣ въ кружку и затягиваетъ плясовую пѣсню. Наконецъ она взошла въ малиновомъ сарафанѣ, съ богатой повязкой; ея темная коса упала между плечми до половины спины; круглота, бѣлизна ея шеи были удивительны, а маленькая ножка, показываясь по временамъ, общала тайныя совершенства, которыхъ ищутъ молодые люди, глядя на женщину, какъ на орудіе своихъ удовольствій; впрочемъ, маленькая ножка имѣетъ еще другое значеніе, которое я бы открылъ вамъ, если бъ не боялся слишкомъ удалиться отъ своего разсказа.

Она взошла и встрѣтила пьяные глаза, дерзко разбирающіе ея прелести, но она не смутилась,

не покраснѣла; тусклая блѣдность ея лица изображала совершенное отсутствіе безпокойства, совершенную преданность судьбѣ; въ этотъ мигъ она жила половиною своей жизни; она походила на испорченный органъ, который не играетъ ни начало, ни конецъ прекрасной пѣсни...

Хоръ затянулъ плясовую. „Начинай же, Оленька!—закричалъ Палицынъ,—не стыдись!“ Она вздрогнула; ей пришло на мысль, что она будетъ плясать передъ убійцею отца своего. Эта мысль, какъ молнія, ворвалась въ ея душу и озарила тамъ слѣды минувшаго и всѣ обиды, всѣ несправедливости, унижнія рабства; однимъ словомъ, жизнь ея встала передъ ней, какъ остовъ изъ гроба своего, и она почувствовала его упрекъ.

Если-бъ можно было изобразить страданіе этого нѣжнаго существа, то трудно бы вы повѣрили, что она лишилась разсудка, потому что ея рѣсницы были сухи, и сжатія дрожащія губы не пропустили ни одного вздоха. „Что же! красотка моя, начинай! небось! ты такъ хороша сегодня!“ кричали оба помѣщика.

Что за лестное поощреніе! не правда ли?

Ольга окинула взоромъ всю комнату, надѣясь уловить хотя одно сожалѣніе... неумѣстная надежда! подлая покорность, глупая улыбка встрѣтили ее со всѣхъ сторонъ... рабы не сожалѣли объ ней—они завидовали. Пускай завидуютъ, подумала Ольга, это будетъ имъ наказаніе.

Она начала плясать.

Движенія Ольги были плавны, небрежны, даже можно было замѣтить въ нихъ нѣкоторую принужденность, ей несвойственную, но скоро она забылась, и тогда душевная буря вылилась наружу. Какъ поэтъ, въ минуты вдохновеннаго страданія, бросая божественные стихи на бумагу, не чувствуетъ, не помнитъ ихъ, такъ и она не знала, что дѣлала, не заботилась о приличіи своихъ движеній, и потому-то они обворожили всѣхъ зрителей; это было не искусство, но страсть.

И вдругъ она остановилась, опомнилась, опустила пылающіе глаза; голова ея кружилась; всѣ предметы прыгали передъ нею, громкіе напѣвы слились для нея въ одинъ звукъ, нестройный, но рѣшительный, въ одинъ звукъ воспоминанія... Она посмотрѣла вокругъ ужаснулась, махнула рукой и выбѣжала...

Борисъ Петровичъ всталъ и, качаясь на ногахъ, последовалъ за нею; раскаленные щеки его обнаруживали преступное желаніе и съ дрожавшихъ губъ срывались несвязныя слова, но слишкомъ ясныя для окружающихъ.

Дверь въ комнату Ольги была затворена; онъ дернулъ и крючекъ разскочился. Она стояла на коленяхъ, закрывъ лицо руками и положивъ голову на кровать; она не слыхала, какъ онъ возмелъ, потому что произнесла слѣдующія слова: „отецъ мой! не виши меня...“

— Теперь ты не вывернешься!—воскликнулъ захохотавши Борисъ Петровичъ.—Я человекъ добрый — и ты человекъ добрый... слѣдовательно...

Она вскочила, и устремивъ на него мутный взоръ, казалось, не понимала этихъ словъ; онъ взялъ ее за руку; она хотѣла вырваться — не

могла; сѣвъ на постель, онъ притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ шею и грудь; у нея не было силъ защищаться; отвернувъ лицо, она предавалась его буйнымъ ласкамъ—и еще нѣсколько минутъ, она бы погибла...

Но вдругъ раздался шумъ и вбѣжала хозяйка; между достойными супругами начался крикъ, споръ... однако Натальѣ Сергѣевнѣ, благодаря виннымъ парамъ, удалось вывести мужа. Долго еще слышенъ былъ хриплый басъ его и пронзительный дискантъ Натальи Сергѣевны; наконецъ все утихло и Ольга тогда только увѣрилась, что всѣ ее оставили.

Она слышала, какъ стучало ея испуганное сердце и чувствовала странную боль въ шеѣ; блѣдная дѣвушка!... немного повыше круглаго плеча ея виднѣлось красное пятно, оставленное губами пьянаго старика... Сколько прелестей было измято его могильными руками! сколько ненависти родилось отъ его поцѣлуевъ!... Всталъ мѣсяцъ; скользя вдоль стѣны, его лучъ пробрался въ тѣсную комнату, и крестообразныя рамы окна отдѣлились на блѣдномъ полу... и этотъ лучъ упалъ на лицо Ольги, но ничего не прибавилъ къ ея блѣдности и красное пятно не могло утонуть въ его сияніи. Въ это время на стѣнныхъ часахъ въ приемной пробило одиннадцать.

ГЛАВА VIII.

Гдѣ скрывался Вадимъ весь этотъ вечеръ?... На темномъ чердакѣ, простертый на соломѣ, лицомъ къверху, сложивъ руки, онъ уносился мыслию въ вѣчность—ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода. Онъ былъ духъ, отчужденный отъ всего живущаго, духъ всемогущій, не желающій, не сожалѣющій ни объ чемъ, завладѣвшій прошедшимъ и будущимъ, которое представлялось ему пестрой картиной, гдѣ онъ находилъ много смѣшнаго и ничего жалкаго. Его душа расширилась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потому сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то по крайней мѣрѣ великаго безумца. Что такое величайшее добро и зло? Два конца незримой цѣпи, которые сходятся, удаляясь другъ отъ друга.

Чудные звуки разрушили мечтанія Вадима: то были отрывистые звуки плясовой пѣсни, смѣшанные съ порывами сѣвернаго вѣтра; Вадимъ привсталъ; луна ударяла прямо въ слуховое окно и свѣтъ ея, захватывая нѣсколько измятыхъ соломенокъ, упалъ на противную стѣну, такъ что Вадимъ легко могъ разсмотрѣть на ней всѣ скважины, каждый клочекъ моха, высушившіяся между брусьями. Долго онъ не сводилъ глазъ съ этой стѣны, долго внималъ звукамъ отдаленной пѣсни—наконецъ они умолкли, облако набѣжало на полный мѣсяцъ... Вадимъ упалъ на постель свою, и безотчетное страданіе овладѣло имъ; онъ ломалъ руки, вздыхалъ, скрежеталъ зубами... неизвѣстный огонь бѣжалъ по его жиламъ, черепъ готовъ бы треснуть... о! давно ли ему было довольно одной ненависти!

Маленькая дверь скрипнула и отворилась; ему послышался легкій шумъ шаговъ.

— Братъ!—сказалъ кто-то очень тихо.

Вадимъ затрепеталъ. Между тѣмъ облако пробѣжало и луна озарила одно плечо и поло-

вину лица Ольги; она стояла близъ него на колѣняхъ.

— Все понимаю,—воскликнулъ онъ, прочитавши въ ея взорѣ ужасное безпокойство.

— Точно?—отвѣчала Ольга измѣнившимся голосомъ:—точно?—Я пришла тебя обрадовать, другъ мой!

Другъ мой! Впервые существо земное такъ называло Вадима; онъ не могъ разомъ обнять все это блаженство; какъ безумный схватилъ онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ, не сновидѣніе; улыбка остановилась на устахъ его и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобна временщику, который, получивъ миллионъ, и, не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни.

Эти два слова такъ сильно вѣзались въ его душу, что нѣсколько дней спустя, когда онъ говорилъ съ самимъ собою, то не могъ удержаться, чтобъ не сказать: другъ мой...

Если мнѣ скажутъ, что нельзя любить сестру такъ пылко—вотъ мой отвѣтъ: любовь—вездѣ любовь, т. е. самозабвеніе, сумасшествіе, назовите какъ вамъ угодно; и человѣкъ, который ненавидитъ все и любитъ единое существо въ мірѣ, кто бы оно ни было: мать, сестра или дочь, его любовь сильнѣй всѣхъ вашихъ произвольныхъ страстей; его любовь сама по себѣ, въ крови, чужда всякаго тщеславія... но если къ ней примѣшается воображеніе, то горе несчастному!—По какой-то чудной противоположности, самое святое чувство ведетъ тогда къ величайшимъ злодѣйствамъ; это чувство, наконецъ, дѣлается такъ велико, что сердце человѣка умѣститъ въ себѣ его не можетъ и должно погибнуть, разорваться или однимъ ударомъ сокрушить кумиръ свой; но часто самолюбіе беретъ перевѣсъ и божество падаетъ передъ смертнымъ.

— Вратъ! слушай! — продолжала Ольга,—я все обдумала и рѣшилась сдѣлать первый шагъ на пути, по которому ни тебѣ, ни мнѣ не возвратиться... все равно... они всѣ ведутъ къ смерти, но я не позволю низкому, бездушному человѣку почитать меня за свою игрушку... ты или я сама должна это сдѣлать; сегодня я перенесла обиду, за которую хочу, должна отомстить... Вратъ! не отвергай моей клятвы... если ты ее отвергнешь, то берегись... я сказала, что не перенесу этого... ты будешь добръ для меня, ты примешь мою ненависть, какъ дитя мое; станешь лелѣять его, пока оно вырастетъ и созрѣетъ и смеетъ мой позоръ страданьями и кровью... да, позоръ... онъ, убійца, обнималъ, цѣловалъ меня... хотѣлъ... не правда ли, ты готовишь ему ужасную казнь...

Вадимъ дико захохоталъ и, стараясь умолкнуть, укусилъ нижнюю губу свою такъ крѣпко, что кровь потекла; онъ похожъ былъ въ это мгновеніе на вампира, глядящаго на издыхающую жертву.

— Клянусь этимъ Богомъ, который создалъ насъ несчастными, клянусь его святыми таинствами, его крестомъ спасительнымъ—во всемъ, во всемъ тебѣ повиниваться.—Я знаю, Вадимъ, твой ударъ не будетъ слабъ и невѣренъ, если я сдѣлаюсь орудіемъ руки твоей... о! ты великій человѣкъ!

— Да, теперь, потому что ты меня любишь. Она ничего не отвѣчала.

— Успокойся, опомнись,—сказалъ Вадимъ,—ты меня еще не знаешь, но я тебѣ открою мои мысли, разверну все мое существованіе и ты его поймешь... Передъ тобой я могу обнажить странную душу мою... ты не слабый челонокъ, неспособный переплыть это море; волны и бури его тебя не испугаютъ; ты рождена посреди этой стихіи, ты не утонешь въ ея безконечности.

„Помню, какъ послѣ смерти отца, я покидалъ тебя, ребенка въ колыбели, тебя, не знавшую ни добра, ни зла, ни заботы,—а въ моей груди уже бродила страсть пагубная, неусыпная—ты протянула ко мнѣ свои рученки, улыбаясь... будто просила о защитѣ... а я не имѣлъ своего куска хлѣба.

„Меня взяли въ монастырь, изъ состраданія, кормили, потому что я былъ не собака и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшіе годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣньемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ... Молитесь!... у меня въ сердцѣ были одни проклятія. Часто вечеромъ, когда розовые лучи заходящаго солнца играли на главахъ церкви и мѣдныхъ колоколахъ, я выходилъ изъ святыхъ вратъ и съ холма, гдѣ стояла развалившаяся часовня, любовался на тюрьму свою—она издали была прекрасна! Облака призывали мое воображеніе къ себѣ на воздушныя крылья, но насмѣшливый голосъ шепталъ мнѣ: ты способенъ обнять своею мыслию все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный поринокъ и воззвать новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда, довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать...

„Никто въ монастырѣ не искалъ моей дружбы, моего сообщества; я былъ одинъ, всегда одинъ; когда я плакалъ—смѣялся, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ. Всѣ монахи, которыхъ я зналъ, были обыкновенныя, полудобрыя существа, глухие отъ рожденія или отъ старости, неспособные ни къ чему, кромѣ соблюденія постовъ. Я желалъ возненавидѣть человѣчество и по неволѣ сталъ презирать его; душа ссыхалась, ей нужна была свобода, степь, открытое небо... Ужасно сидѣть въ бѣлой кѣлѣкѣ изъ кирпичей и судить о зимѣ и веснѣ по узкой тропинкѣ, ведущей изъ келій въ церковь; не видать ясное солнце иначе, какъ сквозь длинное рѣшетчатое окно, и не смѣть говорить о томъ, чего нѣтъ въ такой-то книгѣ...

„Можно придти въ отчаяніе!

„Однажды, Ольга, я замѣтилъ безпогаго нищаго, который, не вмѣшиваясь въ споры товарищей, сидѣлъ на землѣ у святыхъ воротъ и только постукивалъ камнемъ о камень, и когда вылетала искра, то чудная радость покрывала незначущее его лицо. Я подошелъ къ нему и сказалъ:—ты очень благоразуменъ, любезный, тѣмъ, что не мѣшаешься въ ихъ ссору.

— „Я безъ ногъ“,—отвѣчалъ онъ съ недо-
вольнымъ видомъ. Это меня поразило:—я ошиб-
ся!—однако продолжалъ свои вопросы. — Что
былъ ты прежде, купецъ или крестьянинъ?

— „Нищій! — отвѣчалъ онъ, — рожденъ ни-
щимъ и умру нищимъ; только разница въ томъ,
что я рожденъ съ ногами, а умру безногой.“

— „Отчего же?—Отчего!—тутъ онъ приза-
думался; потомъ продолжалъ равнодушно: — я
былъ проводникомъ одного слѣпаго; насъ было
много; когда слѣпой умеръ, то я сталъ лишнимъ.
Мнѣ переломали руки и ноги, чтобъ я не да-
ромъ кормился и былъ полезенъ; теперь меня
возять на тележкѣ и—даютъ деньги...“

— „Зналъ ли ты своихъ родителей? — спро-
силъ я поспѣшно.“

— „Какъ же!“

— „А кто были они?“

— „Нищие!“—Тутъ онъ улыбнулся. Не знаю,
что было въ его улыбокѣ, насмѣшка надъ судь-
бой или надо мною, потому что я слушалъ его
съ видомъ полной довѣренности.

„И такъ, есть состояніе, въ которомъ безо-
бразіе не пороку, подумаю я.“

„На другой день сбѣжалъ изъ монастыря и
сдѣлался нищимъ.“

Вадимъ остановился.

— Понимаю тебя,—воскликнула Ольга и по-
жала ему руку.

— Я это зналъ!... развѣ ты не сестра мнѣ?—
возразилъ Вадимъ.

— Послушай, вѣрно само небо хочеть, чтобы
мы отомстили за бѣднаго отца. Какъ оно со-
гласило все обстоятельство, какъ оно привело
тебя къ дѣлу...

— Небо или адъ... а можетъ быть и не они;
твердое намѣреніе человѣка повелѣваетъ при-
родѣ и случаю. Хотя съ тѣхъ поръ, какъ я
сдѣлался нищимъ, какой-то бѣшеный демонъ
поселился въ меня, но онъ не имѣлъ вліянія на
поступки мои; онъ только терзалъ меня, воскре-
палъ умершія надежды, жажду любви! Онъ
странствовалъ со мною рядомъ по берегу мрач-
ной пропасти, показывая мнѣ цѣлый рай въ от-
далени; но чтобъ достигнуть рая, надобно бы-
ло перешагнуть черезъ бездну. Я не рѣшился:
кому завѣщать свое мщеніе? кому его усту-
пить?

„Долго я бродилъ безъ крова и пристанища,
предаанный зимнимъ метелямъ, какъ южная пти-
ца, оставшая отъ подругъ своихъ; долго жить—
было цѣлью моей жизни.“

„Но судьба мнѣ послала человѣка, который
случайно открылъ мнѣ, что ты воспитываешься
у Паллидына, что онъ богатъ, доволенъ, счаст-
ливъ—это меня взорвало... Я не хотѣлъ, чтобъ
онъ былъ счастливъ—и не будетъ отнынѣ; въ
этотъ домъ я принесъ съ собою моего демона;
его дыханіе—чума для счастливцевъ, чума...
Сестра! ты мнѣ простишь... о! я преступникъ...
вижу, и тобой завладѣлъ этотъ злой духъ, и въ
тебѣ поселилась эта болѣзнь, которая портитъ
жизнь и поддерживаетъ ее. Ты, земной ангелъ,
безъ меня не потеряла бы свою безпечность...
теперь все кончено, отъ моего прикосновенія
увяли твои надежды, махни рукой твоему спо-
койствію... Цвѣты не растутъ посреди бурту-
ющаго моря; гдѣ есть демонъ, тамъ нѣтъ Бога...“

— Какъ!—воскликнула Ольга,—неужели ты

раскаиваешься! Правда, я женщина—но развѣ
всякая женщина промѣняетъ печали и безо-
койства на блистательный позоръ... блистатель-
ный! о! быть любовницею старика, злодѣя мо-
его семейства... ты желалъ этого! Вадимъ, не
правда ли?

— Нѣтъ, я тогда убилъ бы тебя.

— А теперь кто мѣшаетъ?

— Теперь? теперь...—Онъ опустил глаза въ
землю и замолкъ. Глубокое страданье было
видно въ слѣдующихъ словахъ:—теперь убить
тебя! теперь, когда у меня есть слезы, когда я
могу плакать на твоихъ колѣняхъ... плакать!
о! это величайшее наслажденіе для того, чей
смѣхъ мучительнѣе всякой пытки!... Нѣтъ, я
еще не такъ дуракъ, какъ ты полагаешь;—че-
ловѣкъ, для котораго видѣть тебя есть блажен-
ство, не можетъ быть совершеннымъ злодѣемъ.

— Меня убить—значить сдѣлаться моимъ бла-
годѣтелемъ,—отвѣчала Ольга, улыбаясь послѣ
нѣсколькихъ минутъ глубокаго молчанія.

— А кто скажетъ: онъ хорошо поступилъ,
когда мое имя сдѣлается на землѣ проклятѣемъ?

— Я удивляюсь тебѣ, другъ мой.

— Не хочу! люби меня.

Она закрыла лицо объими руками.

ГЛАВА ІХ.

Кто изъ васъ бывалъ на берегахъ свѣтлой
Оки? Кто изъ васъ смотрѣлся въ ея волны, бѣд-
ныя воспоминаніями, богатія природнымъ, соб-
ственнымъ блескомъ! Читатель, не онъ ли были
свидѣтелями твоего счастья или кровавой ги-
бели твоихъ прадѣдовъ! Но нѣтъ! волна окроп-
ленная слезами твоего восторга или ихъ кровью,
теперь далеко въ морѣ, странствуетъ безъ цѣ-
ли, и надежды, или въ минуту гнѣва разшиб-
лась объ утесъ гранитный! Она потеряла дорбгой
слѣды страстей человѣческихъ; она смѣется
надъ переѣнами столѣтій, протекающихъ надъ
нею безвредно, какъ женщина надъ пустыми
вздохами глупыхъ любовниковъ; она не боится
ни ада, ни рая, вольна жить и умереть, когда
ей угодно;—сдѣлавшись могилою какого-нибудь
несчастливаго сердца, она не теряетъ своей пре-
лестности, живаго, безокойнаго своего права, и
въ ея погребальномъ ронотѣ больше утѣшеній,
нежели жалости. Если можно завидовать чему-
нибудь, то это синимъ холоднымъ волнамъ, под-
властнымъ одному закону природы, который
для насъ не родится съ тѣхъ поръ, какъ мы
выдумали свои законы.

Вадимъ стоялъ подъ густою липою, и умо-
ительный залахъ разливался вокругъ его голо-
вы, и чувства, окаменѣвшія отъ сильнаго на-
пряженія души, растаяли постепенно—и, отверг-
нутый людьми, былъ готовъ кинуться въ объ-
ятія природы; она одна могла бы утолить его
пламенную жажду, и дать ему другую душу
или новую наружность, поправить свою жестокую
ошибку. Вадимъ съ непонятнымъ спокой-
ствіемъ разсматривалъ рѣчные травы и густой
хмѣль, который яркими зелеными кудрями ви-
сѣлъ съ глинистаго берега. Вдали одѣтые туманомъ
курганы, можетъ быть, могилы татарскихъ
наѣздивковъ, подымались, выходили изъ поло-
сатой папины; еловые, березовыя рощи казались
опрокинутыми въ водѣ, и мрачный цвѣтъ пер-

выходъ приятно отдѣлялся желтоватою зеленою и бѣлыми корнями послѣднихъ; лѣтнее солнце съ улыбкой золотило эту простую картину.

Въ шумѣ родной рѣчки есть что-то схожее съ колыбельной пѣснюю, съ разказами старой няни. Вадимъ это чувствовалъ и память его невольно переселилась въ прошедшее, какъ въ домъ, который нѣкогда былъ нашимъ и гдѣ теперь мы должны пировать подъ именемъ гостя; на днѣ этого удовольствія шевелится неизъяснимая грусть, какъ ядовитый крокодилъ въ глубинѣ чистаго, прозрачнаго американскаго колодца.

Вдругъ раздался въ отдаленіи звонъ дорожнаго колокольчика, приносимый вѣтромъ... Вадимъ вздрогнулъ, не зная самъ тому причины; онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ деревянный мостъ показывался между кустовъ и гдѣ дорога, желтая, терялась за холмами; тамъ сѣрая пыль клубилась вѣдъ за простою кибиткой... „Не къ намъ ли, подумалъ Вадимъ; но этого не можетъ быть! кому?...“ Его тревожилъ колокольчикъ и непонятное предчувствіе, какъ свинецъ, упало на его душу; онъ побрелъ вдоль по рѣчкѣ и старался разсѣяться... но не могъ: проклятый колокольчикъ его преслѣдовалъ...

Что дѣлалось въ барскомъ домѣ?—Тамъ также слышали колокольчикъ—но этотъ милый звукъ не произвелъ никакого неприятнаго вліянія: Наталья Сергѣевна подбѣжала къ окну, а Борисъ Петровичъ, который не говорилъ съ женой со вчерашняго вечера, кинулся къ другому. Они ждали сына въ отпускъ—вѣрно это онъ!...

Въ тотъ вѣкъ почты были очень дурны или, лучше сказать, онѣ не существовали совсѣмъ; родные посылали ходока къ дѣтямъ, посвященнымъ царской службѣ... но часто они не возвращались, пользуясь свободой. Такимъ образомъ однажды мать сосватала невѣсту для сына, давно убитаго на войнѣ; долго ждала красавица своего суженаго, наконецъ вышла замужъ за другаго; на первую ночь свадьбы явился призракъ перваго жениха и легъ съ новобрачными въ постель; она моя—говорилъ онъ—и слова его были вѣтеръ гуляющій въ пустомъ черепѣ; онъ прижалъ невѣсту къ груди своей, гдѣ на мѣстѣ сердца у него была кровавая рана; призвали пона со крестомъ и святой водою, и выгнали опоздавшаго гостя и, выходя, онъ заплакалъ—но вмѣсто слезъ песокъ посыпался изъ открытыхъ глазъ его;—ровно черезъ сорокъ дней невѣста умерла чахоткой, и супруга ея нигдѣ не могли сыскать. Таково преданіе народное.

Обратимся къ повѣсти нашей. Борисъ Петровичъ и жена его три года не получали извѣстія отъ своего Юриньки. Мѣсяць тому назадъ онъ съ богомольцемъ, котораго встрѣтилъ на дорогѣ, прислалъ письмо, извѣщая о скоромъ прибитіи... Это онъ!

Колокольчикъ звенѣлъ все громче и громче... вотъ близко, топотъ, крикъ ямщика, шумъ колесъ... кибитка въѣхала въ ворота... вся дворня столпилась... это онъ... въ военномъ мундирѣ... выскочилъ... и кинулся на шею матери... Отецъ стоялъ поодаль и плакалъ... это былъ ихъ единственный сынъ!

Впрочемъ такія вещи не описываются.

Вечеромъ Вадимъ возвратился въ домъ, увидалъ кибитку, поймалъ нѣкоторыя отрывистыя

рѣчи и догадался. Съ досадою смотрѣлъ онъ на веселую толпу и думалъ о будущемъ, разсчитывалъ дни, сквозь зубы бормоталъ какіе-то упрёки... и потомъ, обратившись къ дому, сказалъ: „такъ точно! слухъ этотъ не лживъ, черезъ нѣсколько недѣль здѣсь будетъ кровь, и больше; почему они не заплачутъ за долготѣнее веселье однимъ днемъ страданія, когда другіе, послѣ безчисленныхъ мукъ, не получаютъ ни одной минуты счастья! Для чего они любяцы неба, а не я!—О! Создатель! еслибъ ты меня любилъ, какъ сына—нѣтъ—какъ пріемиша... половина моей благодарности перевѣсила бы всѣ ихъ молитвы... но ты меня проклялъ въ часъ рожденія... и я прокляну твое владычество, въ часъ моей кончины...“

Неподвиженъ стоялъ Вадимъ возлѣ рогожной кибитки; толпа пестрѣла кругомъ; старухи, дѣти, все тѣснилось, кричало, смѣялось...

— Куда какой красавчикъ молодой нашъ баринъ — воскликнулъ кто-то... Вадимъ покраснѣлъ... и съ этой минуты имя Юрія Палицына стало ему ненавистнымъ...

Что дѣлать? онъ не могъ вырваться изъ демонской своей стихіи.

ГЛАВА X.

Смерклося; подали свѣчи, поставили на столъ разныя закуски и мѣдный самоваръ. Борисъ Петровичъ былъ въ восхищеніи, жена его не знала какъ угостить милаго пріѣзжаго. Дверь въ гостиную, до половины растворенная, пропускала яркую полосу свѣта въ сосѣдную комнату, гдѣ по стѣнамъ чернѣли высокіе шкафы, наполненные домашней посудой; въ этой комнатѣ у дверей, на цыпочкахъ стояла Ольга и смотрѣла на Юрія—и больше нежели пустое любопытство понудило ее къ этому. Юрій былъ такъ хорошъ!... именно таковыя лица нравятся женщинамъ; что-то доброе и вмѣстѣ буйное, пылкость безъ упрямства, веселость безъ насмѣшки. Онъ не былъ напудренъ по обычаю того вѣка, длинные русые волосы вились вокругъ шеи, и голубые глаза не отражали свѣтъ, но, казалось, изливали его на все, что имъ встрѣчалось.

Онъ говорилъ о столицѣ, о великой Екатеринѣ, которую народъ называлъ „матушкой“ и которая каждому гвардейскому солдату позволяла цѣловать свою руку... онъ говорилъ объ ней, и щеки его горѣли, и голосъ его возвышался невольно. Потомъ онъ разсказывалъ о городскихъ весельствахъ, о красавицахъ, разряженныхъ въ дымныя кружева и волнистыя бархатныя платья.

Ольга слушала, и что-то похожее на зависть встревожило ее. „Если-бъ обо мнѣ такъ говорили, если-бъ и на мнѣ блистали кружева и дорогие камни... о! я была бы счастливей!...“ всякой 18-ти лѣтней дѣвушкѣ на ея мѣстѣ эти мысли пришли бы въ голову. Наряды необходимы счастью женщины, какъ цвѣты веснѣ.

И Ольга боялась, чтобъ онъ не обернулся къ дверямъ и не замѣтилъ ея любопытства: маленькая гордость дышала въ этомъ опасеніи.

Однако жъ какъ уйти? Юрій говоритъ такъ приятно; въ звукахъ его голоса такъ ясно выражались благородныя чувства, что если-бъ даже

невозможно было разобрать словъ его, то — ей казалось... она поняла бы смыслъ разговора!...

Нельзя сомнѣваться, что есть люди, имѣющіе этотъ даръ, но имъ воспользоваться можетъ только существо избранное, существо, котораго душа создана по образцу ихъ души, котораго судьба должна зависѣть отъ ихъ судьбы... и тогда эти два созданія, уже знакомыя прежде рожденія своего, читаютъ свою участь въ голосѣ другъ друга, въ глазахъ, въ улыбкѣ... и не могутъ обмануться... и горе имъ, если они не вполнѣ довѣрятся этому святому, таинственному влеченію... оно существуетъ, должно существовать вопреки всѣмъ умствованіямъ людей ничтожныхъ, иначе душа брошена въ наше тѣло для того только, чтобъ оно шиталось и двигалось... Что такое были бы всѣ цѣли, всѣ труды человечества безъ любви? И развѣ нѣтъ иногда этого всемогущаго сочувствія между народами и царемъ? Возьмите Наполеона и его войско! долго ли они прожили другъ безъ друга?

О! какъ Ольга была прекрасна въ эту первую минуту самопознанія, сколько жизни невипинной, общающей жизни было въ естественномъ дыханіи этой полной груди, гдѣ билось сердце, обѣщанное мукамъ и созданное для райскаго блаженства.

Надобно было камню упасть въ гладкій источникъ.

Она обернулась!

Полоса яркаго свѣта, прокрадываясь въ эту комнату, упала на губы, скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой; все кругомъ покрывала темнота — этого было ей довольно, чтобы тотчасъ узнать брата... на синихъ его губахъ сосредоточилась вся жизнь Вадима, и, какъ нарочно, онѣ однѣ были освѣщены.

Онъ приблизился; отъ него вѣяло холодомъ.

— Поздравляю, Ольга...

— Съ чѣмъ?

— Не правда ли, какъ хорошъ собой молодой твой господинъ!...

— И твой! — обидѣвшись, возразила Ольга.

— Ни мало... я добровольно сталъ слугою... я не обязанъ имъ сохраненіемъ жизни, воспитаніемъ... но ты! о, посмотри на него, что за ловкость, что за румянецъ!

Она вздохнула.

— И эта прекрасная голова упадетъ подъ руку казни — продолжалъ шопотомъ Вадимъ; — эти мягкіе, шелковые кудри, напитанные кровью, разовьются... ты помнишь клятву... не слишкомъ ли ты поторопилась... О, мой отецъ, мой отецъ!... Скоро настанетъ минута, когда безпкойный духъ твой, плавая надъ ихъ тѣлами, благословитъ дѣтей твоихъ, — скоро, скоро...

— Скоро!...

— Я вижу твое восхищеніе! — холодно возразилъ ей братъ; — скоро! — мы довольно ждали... но за то не напрасно! Богъ потрясаетъ цѣлый народъ для нашего мщенія; я тебѣ разкажу, слушай и благодари: на Дону родился дерзкій безумецъ, который выдаетъ себя за государя... Народъ, радуясь тому, что ихъ государь носитъ бороду, говоритъ, какъ мужикъ, обратился къ нему; дворяне гибнутъ; надобно же игрушку для народа... безъ этого и праздникъ не праздникъ! вино безъ крови для нихъ стало слабо... ты дрожишь отъ радости, Ольга.

Она молча поникла головою и удалилась. У нея въ сердцѣ ужъ не было мщенія. Теперь, теперь вполнѣ постигла она весь ужасъ обѣщанія своего, хотѣла молиться — ни одна молитва не предстала ей ангеломъ-утѣшителемъ: каждая сдѣлалась укоризною, звукомъ напраснаго раскаянія. „Какой красавецъ сынъ моего злодѣя“ — думала Ольга, и эта простая мысль всю ночь являлась ей съ разныхъ сторонъ, подъ разными видами; она не могла прогнать другихъ, только покрывала ихъ полусвѣтлой пеленою; но пропасть, одѣтая утреннимъ туманомъ, хотя не такъ черна, за то кажется вдвое обширнѣе бѣдному путнику.

Между тѣмъ Вадимъ остался у дверей гостиной, устремляя тусклый взоръ на семейственную картину, оживленную радостью свиданія; и въ его душѣ была радость, но это былъ огонь пожара возлѣ тихаго луча мѣсяца.

Долго стоялъ онъ тутъ и любовался красою молодого Палицына, и такъ забылся, что не слышалъ какъ Борисъ Петровичъ въ первый разъ закричалъ: „эй, малый!... Вадимка!“ Опмясь, онъ вздохнулъ. Съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на него Юрій, но Вадимъ не смѣлъ поднять на него глазъ, боясь, чтобы въ нихъ не изобразились слишкомъ явно его чувства.

— Какъ тебѣ нравится мой горбачъ, — сказалъ Борисъ Петровичъ, — преуморительный!

— Каждый человекъ, батюшка, — отвѣчалъ Юрій, — имѣетъ недостатки; онъ не виноватъ, что изувѣченъ природой.

— Если ты будешь хорошо мнѣ служить, — продолжалъ онъ, обращаясь къ мрачному Вадиму, — то будь увѣренъ въ моей милости... теперь ступай.

— Пошелъ вонъ! — воскликнулъ отецъ, потому что Вадимъ не трогаясь съ мѣста: онъ былъ смущенъ добротою юноши, благосклоннымъ выраженіемъ лица его — и зависть возвратилась въ его душу только тогда, какъ онъ подошелъ къ дверямъ, но возвратилась, усиленная мгновеннымъ отсутствіемъ.

Перешагнувъ черезъ порогъ, онъ замѣтилъ на стѣнѣ свою безобразную тѣнь — мучительное чувство... — Какъ бѣшенный, онъ выбѣжалъ изъ дома и пустился въ поле. Поутру явился онъ на дворѣ, таща за собою огромнаго волка: — блуждая по лѣсамъ, онъ убилъ этого звѣря длиннымъ ножомъ, который неотлучно хранился у него за пазухой. Вся дворня окружила Вадима; даже господа вышли подивиться его отважности. Наконецъ и онъ насладился минутой торжества! „Ты будешь моимъ стрелянымъ“ — сказалъ Борисъ Петровичъ.

ГЛАВА XI.

Борисъ Петровичъ отправился въ отбѣзнее поле съ новымъ своимъ стремящимъ и большою свитою, состоящей изъ собакъ и слугъ низшаго разряда. Даже въ старости Палицынъ любилъ охоту страстно, и снѣшилъ, когда только могъ, углубляться въ непроходимые лѣса, жилище медвѣдей, которые были его главными врагами.

Что дѣлать Юрію, въ деревнѣ, въ глуши? слѣдовать ли за отцомъ? Нѣтъ! онъ не находитъ удовольствія въ войнѣ съ животными; онъ

остался дома, бродить по комнатам, шить разсыяния, обрываетъ клочки раскрашенныхъ обоевъ... чудныя занятія для души и тѣла! Но что-то мелькнуло за угломъ... женское платье; онъ идетъ въ ту сторону и вступаетъ въ небольшую комнату, освѣщенную полуденнымъ солнцемъ; ея воздухъ имѣлъ въ себѣ что-то особенное, роскошное; онъ, казалось, былъ оживленъ присутствіемъ юной, пламенной дѣвушки.

Кто часто бывалъ въ комнатѣ женщины, имъ любимой, тотъ вѣрно пойметъ меня... Онъ испыталъ вліяніе этого очарованнаго воздуха, который породился съ божествомъ его, который каждую ночь принимаетъ въ себя дыханіе свѣжей, дѣвственной груди—этотъ уголокъ, украшенный одной постелью, не промѣнялъ бы онъ за весь рай Магомета...

— А, это ты, Ольга!—сказалъ, засмѣявшись, молодой Палицынъ;— вообрази, я думалъ, что гонюсь за тѣпью—и какъ обмануть!...

— Васъ огорчаетъ эта ошибка? О, если такъ, я могу васъ утѣшить, стану съ вами говорить какъ тѣнь, то-есть очень мало... и потомъ...

— Ради Бога—не мало, любезная Ольга!—я готовъ тебя слушать цѣлый день; не можешь вообразить, какая тоска завладѣла мною; брожу вездѣ, не съ кѣмъ слова молвить... матушка хозяйничаешь, — ради неба, говори, говори мнѣ... брани меня... только не избѣгай!...

— Какъ скоро вы забыли московскихъ красавицъ! думайте объ нихъ, это васъ займетъ.

— Думать объ нихъ—и говорить съ тобою, Ольга? это нейдетъ вмѣстѣ.

— А что я могу сказать вамъ, степная, простая дѣвушка? что я видѣла, что слышала? Я не хочу быть вашимъ лекаремъ отъ скуки; всякое лекарство, со всей своей пользой, очень непріятно.

— Ты не въ духѣ сегодня, — воскликнулъ Юрій, взявъ ее за руку и принудивъ сѣсть;— ты сердилась на меня или на матушку... если тебя кто-нибудь обидѣлъ—скажи мнѣ; клянусь честію, этому человѣку худо будетъ.

— Не надо мнѣ вашей защиты, вашего мщенія... оставьте мою руку! Вы хотите забавляться — призовите другихъ болѣе покорныхъ чѣмъ я, болѣе способныхъ настроить свое сердце и лицо по вашему приказу... мнѣ грустно, скучно... да сверхъ того я не раба ваша... и такъ...

— Ольга послушай, если хочешь упрекать... О! прости мнѣ; развѣ мое поведеніе обнаружило такія мысли? развѣ я поступалъ съ Ольгой, какъ съ рабой? Ты бѣдна, сирота — но умна, прекрасна, — въ моихъ словахъ нѣтъ лести; они идутъ прямо отъ души; чуждыя лукавства, мои мысли открыты передъ тобою; ты себѣ же повредишь, если захочешь убѣгать моего разговора, моего присутствія; тогда-то я тебя не оставлю въ покоѣ... Сжался... я здѣсь одинъ среди полусловъковъ, и вдругъ въ пустынѣ явился мнѣ ангелъ и хочеть, чтобы я къ нему не приближался, не смотрѣлъ на него, не внималъ ему? Боже мой! въ минуту огненной жажды видишь передъ собою благотворную влагу, которая, приближаясь къ губамъ, засыхаетъ!...

— Прекрасны ваши слова, Юрій Борисовичъ, я не спорю, все это очень ново для меня... со

вѣмъ тѣмъ я прошу васъ оставить дѣвушку, несчастную съ самой колыбели, и потому ни мало не расположенную забавлять васъ... повѣрьте слову: гибель вокругъ меня...

— Сто разъ готовъ я погибнуть у ногъ твоихъ!...

— Вы меня не поняли... я кажусь вамъ странною теперь, быть можетъ, по...

— Ты мила по-своему.:

— Что за похвалы!—съ насмѣшливымъ видомъ воскликнула Ольга.

— Не сердись!—возразилъ Юрій, и улыбаясь, онъ склонился къ ней, потомъ взявъ въ руки ея длинную темную косу, упавшую, на лѣвое плечо, и прижалъ ее къ губамъ своимъ; холодъ пробѣжалъ по его членамъ, какъ отъ прикосновенія могучаго талисмана; онъ взглянулъ на нее пристально, и на этотъ разъ удивительная рѣшимость блантала въ его взорѣ; она не смутилась, но испугалась.

— Перестаньте, — сказала Ольга съ важностью, — мнѣ надо быть одной.

Напрасно онъ старался угадать въ глазахъ ея намѣреніе кокетки—помучить: ему не удалось!

— Ты довольна будешь мною, — сказалъ онъ, медленно выходя изъ комнаты.

Такіе разговоры, занимательные только для нихъ, повторялись довольно часто, и содержаніе и заключеніе почти всегда было одно и то же; и если-бы они читали эти разговоры въ какомъ-нибудь романѣ XIX-го вѣка, то заснули бы отъ скуки, но въ блаженномъ XVIII-мъ и въ годъ, описываемый мною, каждая жизнь была романъ. Теперь жизнь молодыхъ людей болѣе мысль, чѣмъ дѣйствіе; героевъ нѣтъ, а наблюдателей черезчуръ много и они похожи на сладострастнаго старика, который, вспоминая прежнія шалости и присутствуя на буйныхъ пирахъ, хочеть пробудить погаснувшія силы; этотъ гальванизмъ кидаетъ величайшій стыдъ на человечество; оно приблизилось къ кончинѣ своей пускай... но зачѣмъ прикрывать сѣдины дѣтскими гремушками? зачѣмъ привскакивать на смертномъ одрѣ, чтобы упасть и скончаться на полу?

Но возвратимся къ нашей повѣсти и поторопимся окончить главу.

Ольга старалась утаить свою любовь еще болѣе ее обнаруживала; Юрій былъ опытенъ, часто любилъ, чаще былъ любимъ и выученъ привычкой, читалъ въ ея глазахъ больше, чѣмъ она осмѣливалась читать въ собственной душѣ. Она думала объ немъ и боялась думать о любви своей; ужасъ обнималъ ея сердце, когда она осмѣливалась вопрошать его, потому что прошедшее и будущее тогда являлись встревоженному воображенію Ольги. Таковъ былъ ужасъ Макбета, когда готовый сѣсть на королевскій престолъ, при шумныхъ звукахъ нѣра, онъ увидалъ на немъ окровавленную тѣнь Банко... но этотъ ужасъ не уменьшилъ его честолюбія, которое превратилось въ болѣзненный бредъ; то же самое случилось съ любовью Ольги.

Юрій не могъ любить такъ иѣжно, какъ она; онъ все перечувствовалъ, и прелесть новизны не украшала его страсти, — но въ книгѣ судьбы его было написано, что волшебная цѣнь скуеть до гроба его существованіе съ участіемъ этой женщины.

Когда онъ не былъ съ нею вмѣстѣ, то скука и спокойствіе не оставляли его, но приближаясь къ ней, онъ вступалъ въ очарованный кругъ, гдѣ не узнавалъ себя и благословлялъ свой плѣвъ и вѣрилъ, что никогда не любилъ сильнѣе теперешняго, что до сихъ поръ не понималъ опредѣленія красоты. — Пожалуйте объ немъ.

ГЛАВА XII.

Таинственные отвѣты Ольги, иногда ея приторная холодность все болѣе и болѣе воспаляли Юрія; онъ приписывалъ такое поведеніе то гордости, то лукавству, но чаще по недоумчивости, свойственной всѣмъ почти любовникамъ, сомнѣвался въ ея любви... Однажды, послѣ долгой душевной борьбы, онъ рѣшился вытребовать у нея полного признанья... или получить совершенный отказъ.

Какое ребячество! скажете вы; но въ томъ-то и прелесть любви; она превращаетъ насъ въ дѣтей, даритъ золотые сны, какъ игрушки; и, разбивая эти игрушки въ минуту досады доставляетъ не мало удовольствій, особливо когда мы надѣемся получить другія.

Съ мрачнымъ лицомъ онъ вошелъ въ комнату Ольги, молча сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Она не сопротивилась, не отвела глазъ отъ шитя своего, не покраснѣла, не вздрогнула. Она все обдумала, все... и не нашла спасенія; она безропотно предалась своей участи, задернула будущее чернымъ покрываломъ и рѣшилась любить... потому что не могла рѣшиться на другое.

— Ольга! — сказала Юрій невѣрнымъ голосомъ, — я люблю тебя.

— Знаю, — отвѣчала она.

— Знаю, знаю! только-то! и я больше отъ тебя не услышу!

— Что же вамъ больше!... я слушаю... молчу...

— О, разумѣется, этого слишкомъ много! я не достоинъ даже приблизиться къ тебѣ, я бы долженъ былъ любоваться тобою, какъ солнцемъ и звѣздами. Ты прекрасна! кто спорить; но развѣ это дастъ право не имѣть сердца?

— Я у Бога ни того, ни другаго не просила... Если мое обращеніе вамъ не нравится, то оставьте меня; мы дурно сдѣлали, что узнали другъ друга, но все на свѣтѣ можетъ поправиться.

— Какъ легко, сдѣлавъ человѣка несчастнымъ, сказать ему: будь счастливъ! — Все на свѣтѣ можетъ поправиться!... Ольга! слушай, въ послѣдній разъ говорю тебѣ: я люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить; это огонь... огонь... О, пойми меня... у меня нѣтъ словъ... я люблю тебя! если ты не понимаешь этого, то все остальное напрасно... отвѣчай: чего ты отъ меня требуешь, какихъ жертвъ!

— Забыть меня! — воскликнула Ольга съ удивительною твердостью.

— Нѣтъ, никогда!... я совершу невозможное, чтобъ обладать тобою, — но забыть... нѣтъ власти...

Онъ замолчалъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна, закрылъ лицо руками. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ обернулся и сказалъ: — Я ошибался, признаюсь въ томъ откровенно — я оши-

бался... ахъ! Это была минута, но райская минута, это былъ сонъ — но сонъ божественный; о! теперь, теперь все прошло... уничтожаю навѣки всѣ дожныя надежды, уничтожаю однимъ дуновеніемъ всѣ картины воображенія моего; прочь отъ меня вѣра въ любовь и счастье... Ольга, прощай — ты меня обманывала — обманъ всегда обманъ; не все ли равно глаза или языкъ? Чего желала ты? не знаю... можетъ быть... о, возьми мое презрѣніе себѣ въ наслѣдство... я умеръ для тебя...

И онъ сдѣлалъ шагъ, чтобъ выйти, кидая на нее взоръ свинцовый, отчаянный взоръ, одинъ изъ тѣхъ, передъ которыми кажется стѣны должны бы были рухнуть; горькое негодованіе дышало въ послѣднихъ словахъ Юрія; она не могла вынести долѣе, вскочила и, рыдая, упала къ его ногамъ. Въ восторгѣ поднять опѣе, прижалъ къ груди своей и долго не могъ выговорить двухъ словъ; противъ его сердца билось другое, нѣжное, молодое, любящее со всѣмъ усердіемъ первой любви. Они сѣли, смотрѣли въ глаза другъ другу, не плакали, не улыбались, не говорили; это былъ хаосъ всѣхъ чувствъ земныхъ и небесныхъ, вихорь, утолснѣе неопредѣленное, какое не всякій испытать и никто изъяснить не можетъ; неконченныя рѣчи въ беспорядкѣ отрывались отъ ихъ трепещущихъ губъ и каждое слово стоило поэмъ... Само по себѣ не значущее, но одушевленное звукомъ голоса, невольнымъ тѣлодвиженіемъ — каждое слово было цѣлое блаженство.

— Я люблю, люблю, люблю, — говорилъ Юрій: — я буду повторять это слово такъ громко, такъ часто, что ангелы услышатъ и позавидуютъ...

— Пускай же ангелы — только не люди.

— Отчего же, мой ангелъ?

— Тогда, можетъ быть, они тебя отнимутъ у бѣдной Ольги...

— Ты прекрасна! что за пустой страхъ! ты моя, моя...

— Не раба! надѣюсь!

— Больше, сокровище!

— О, мой милый... цѣлуй, цѣлуй меня... я не хочу быть сокровищемъ скупяго... пускай мнѣ угрожаютъ адскія муки... надобно же заплатить судьбѣ... я счастлива! не правда ли?

— Ты счастлива? позволь мнѣ обнять тебя... крѣпче, крѣпче...

— Почему же нѣтъ! отдавъ тебѣ душу, могу ли отказать въ чемъ-нибудь.

— Эти волосы... прочь ихъ! вотъ такъ! чтобъ твои поцѣлуй и мои слезы въ одинъ.

— Боже... Боже... теперь умереть... о! зачѣмъ не теперь!...

ГЛАВА XIII.

— Другъ мой, Ольга! есть Богъ на небесахъ; есть на землѣ счастье...

— Дай Богъ тебѣ счастье, если ты вѣришь имъ обонь — отвѣчала она.

И рука ея играла густыми кудрями безпечнаго юноши; ихъ лодка скользила непримѣтно вдоль по рѣкѣ, оставляя бѣлый змѣистый слѣдъ за собою между темными волнами; весла, будто крылья черной птицы, махали по обѣимъ сторонамъ ихъ лодки; они оба сидѣли рядомъ и по веслу было въ рукѣ каждаго; студеная

влага съ легкимъ шумомъ всплескивала, порою озаряясь фосфорическимъ блескомъ и потомъ уступала, составляя быстрые круги, которые постепенно исчезали въ темнотѣ; на западѣ была еще красная черта, граница дня и ночи; зарница, какъ алмазъ, отдѣлялась на синемъ сводѣ и свѣжая роса ужъ падала на опустѣлый берегъ Оки. Мирные плователи, посреди усыпленной природы, не думая о будущемъ, шутили межъ собою; иногда Юрій какимъ-нибудь движеніемъ заставлялъ колебаться лодку, чтобы разсердить, испугать свою подругу, но она умѣла отомстить за это невинное коварство, непримѣтно гребла въ противную сторону, такъ что всѣ усилія дѣлались тщетны и челнокъ останавливался, вертѣлся.. Смѣхъ, ласки, дѣтскія опасенія, все такъ отзывалось чистотой души, что если-бъ демонъ захотѣлъ искушать ихъ, то не выбралъ бы эту минуту. Ольга не считала свою любовь преступленіемъ, она знала, хотя всячески старалась ушить эту мысль, знала, что близокъ ужасный кровавый день... и небо должно было заплатить ей за будущее — въ настоящемъ; она имѣла сильную душу, которая не заботилась о неизбѣжномъ и по крайней мѣрѣ хотѣла жить — пока жизнь свѣтла. Какъ она благодарила судьбу за то, что братъ ея былъ далеко; одинъ взоръ этого непонятнаго, грознаго существа оледенилъ бы все ея блаженство; гдѣ взялъ онъ эту власть?

— Будетъ ли конецъ нашей любви!—сказалъ Юрій, переставъ грести и положивъ къ ней на плечо голову; нѣтъ, о, нѣтъ!—она продолжится въ вѣчность, она переживетъ нашу земную жизнь, и если-бъ наши души не были безсмертны, то она сдѣлала бы ихъ безсмертными. Клянусь тебѣ, ты одна замѣнишь мнѣ всѣ другія воспоминанья—дай руку... эта милая рука: она такъ бѣла, что свѣтитъ въ темнотѣ. Смотри, береги же мой перстень, Ольга! ты не слушаешь, не вѣришь моимъ клятвамъ?

Вместо отвѣта она заплѣла въ полголоса слѣдующую пѣсню:

Воетъ вѣтеръ,
Свѣтитъ мѣсяцъ:
Дѣвушка плачетъ—
Милой въ чужбину скачетъ;
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнуть:
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ!

— Прочь эту пѣсню!—воскликнулъ Юрій;—кто тебя ее выучилъ?

— Никто, сама.

— Не вѣрю. Развѣ ты во мнѣ сомнѣваешься?

— Нѣтъ; однако ты слишкомъ общаешься—мы скоро разстанемся... а тамъ... тамъ...

— О, если только это пугаетъ тебя, то знай, я скоро не поѣду... я пробуду здѣсь еще три мѣсяца...

— Три мѣсяца!—Боже!—Она содрогнулась и сердце облилось холодомъ.

— А потомъ, — сказалъ Юрій, стараясь ее утѣшить и не понимая значенія этого: Боже!—потомъ съѣзжу въ полкъ, возьму отставку и возвращусь опять къ тебѣ... тогда ты будешь моею вопреки всѣмъ ничтожнымъ предразсуд-

камъ... если даже мой отецъ захочетъ разлучить насъ, если... О, нѣтъ!... онъ далъ мнѣ жизнь, а ты даришь миллионъ жизней въ каждой улыбкѣ.

— Три мѣсяца, три мѣсяца, и нѣсколько дней,—повторяла, не слушая, Ольга. Ея умъ остановился на этой пагубной неизмѣнной мысли.

Они причалили къ берегу; ужъ было очень темно; деревенская церковь съ своей странной колокольной рисовалась на полусвѣтломъ небо-склонѣ запада, подобно тѣни великана, и попеременно озаряемыя окна дома одни были видны сквозь рѣдкій ветельникъ.

Они шли подъ руку, молча, вдоль по узкой тропинкѣ, и поравнявшись съ разрушенной баней, вдругъ услышали грубые голоса.

— Посмотримъ, что такое...—непнулъ Юрій. Она машинально остановилась.

— Да скоро ли?—спросилъ первый голосъ.

— На дняхъ; ужъ въ округѣ начинается кутерьма; да будетъ ли у васъ готово?—сказалъ другой.

— Все будетъ... ужъ это наше дѣло... одни только не смѣемъ, и до вашего прихода будемъ молчать... воля твоя...

— Ну, пожалуй...

— Да правда ли, что будутъ соль и хлѣбъ давать даромъ...

— Не вѣдаю, только будетъ больно хорошо... а вино будетъ даромъ, изъ барскихъ погребовъ...

Тутъ нѣсколько словъ Юрій не разслушалъ.

— Да, Вадимъ былъ у насъ,—сказалъ первый голосъ.

При этомъ имени Ольга съ необыкновенной силой увлекла за собой Палицына.

— Куда ты?—сказалъ онъ съ удивленіемъ,—что съ тобою?

— Скорѣй, скорѣй! — больше она не могла выговорить.

„Это должно быть воры!“ подумалъ Юрій, и пересталъ дивиться ея испугу.

Пришедши домой, Ольга удалилась немедленно въ свою комнату и заперлась.

Наталья Сергѣевна встрѣтила сына и съ улыбкой намекнула о его ночной прогулкѣ. Что за радость этой доброй женщинѣ? Теперь мужъ ея вѣрно не рѣшится погрѣшить противъ сына и жены въ одно время. Впрочемъ, думала она, — молодымъ людямъ простительно шалить, а какъ сѣдому старику такимъ вещамъ придти въ голову. Знаетъ царь небесный!

— Мы поѣдемъ завтра въ монастырь, Юрюшка,—сказала она вошедшему сыну:—Борисъ Петровичъ еще долго пропорскаетъ... куда я рада, что ты не въ него!...

И точно. Предпочитая своей Натальѣ Сергѣевнѣ медвѣдей и собакъ, почтенный помѣщикъ не слишкомъ лстлилъ ея самолюбію, хотя у женщинъ XVIII-го столѣтія оно не было такъ вызскательно, какъ у нашихъ столичныхъ красавицъ.

Но вѣкъ иной—иные нравы!

ГЛАВА XIV.

Въ 8-ми верстахъ отъ деревни Палицына, у глубокаго оврата, размытаго дождями, окруженная лѣсомъ, была деревушка бѣдная и мир-

ная; построенная на холмѣ, она господствовала, такъ сказать, надъ окрестностями; ея сѣрый дымъ былъ видѣнъ издалека и солнце утра золотило ея соломенные крыши прежде нежели верхи многихъ липъ и дубовъ. Здѣсь отдыхалъ въ полдень Борисъ Петровичъ съ толпою собакъ, лошадей и слугъ. Травля была неудачная: двѣ лисы ушли отъ борзыхъ и одинъ волкъ отбился; въ торокахъ у стремяннаго висѣло только два зайца... и три гончія собаки еще не возвращались изъ лѣсу на звукъ роговъ, и протяжный крикъ ловчаго, который, лишивъ себя объѣда изъ усердія, трусилъ по островамъ съ тщетными надеждами. Борисъ Петровичъ съ горя побилъ двухъ охотниковъ, выпилъ подграфина водки и легъ спать въ избѣ; на дворѣ все было живо и беспокойно; собаки, раздѣленные по сворамъ, лакали въ длинныхъ корытахъ; лошади валялись на соломѣ и бѣдные всадники поминутно находились принужденными оставлять котель съ кашей, чтобъ нагайками поднимать ихъ. День былъ ясенъ и свѣжъ, сѣверный вѣтеръ гналъ отрывистыя тучки по голубымъ сводамъ неба и вершины лѣсовъ шумѣли подобно водопаду, качаясь взадъ и впередъ.

Между тѣмъ слуги, расположившись подъ навѣсомъ, шопотомъ сообщали другъ другу разныя извѣстія о самозванцѣ, о близкихъ бунтахъ, о казни многихъ дворянъ—и тайно или явно почти каждый радовался... Это были люди, привыкшіе жить въ полѣ, гоняться за звѣрми и неспособные къ мирнымъ чувствамъ, къ сожалѣнію и большой приверженности; вино, буйство, охота—ихъ единственные занятія не могли внушить имъ много набожныхъ мыслей, и если между ними и былъ одинъ вѣрный, честный слуга, то изъ осторожности молчалъ или удалялся. Однажды дошли какъ-то эти слухи до Бориса Петровича. „Вздоръ—сказалъ онъ—какъ это можетъ быть?“—Такая безпечность погубила многихъ нашихъ пращуровъ; они не могли вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови: такъ они привыкли къ русскому послушанію и вѣрности.

— Ты помнишь, недавно, когда баринъ тебя посылалъ на три дни въ городъ, здѣсь намъ рассказывали, что какой-то удалецъ, котораго казаки величаютъ *Красной Шапкой*, все ставитъ вверхъ дномъ, что онъ кумъ сатанѣ и свать дьяволу, ха, ха, ха!—Что будто самъ батюшка хотѣлъ съ нимъ посоветаться... видно хватъ!—Такъ говорилъ Вадиму старшій ловчій, по прозванію Атуевъ, закручивая длинные рыжіе усы.

— Я его знаю,—отвѣчалъ Вадимъ съ улыбкой,—и вы его скоро увидите!—Въ этихъ словахъ было столько увѣренности, столько убѣдительной твердости, что по-неволѣ старшій ловчій вздрогнулъ. „Ты чортъ или Гуммель?“—сказалъ Фильдъ, когда въ первый разъ услыхалъ этого славнаго артиста. Атуевъ не сказалъ, но подумалъ почти то же самое.

— Когда?!—воскликнули многие и между тѣмъ глаза ихъ недовѣрчиво устремлены были на горбача, который, съ минуту помолчавъ, всталъ, осѣдлалъ свою лошадь, надѣлъ рогъ—и выѣхалъ со двора.

Удивленная толпа смотрѣла ему влѣдъ и по

частому топоту она догадалась, что Вадимъ пустился вкачъ.

Куда? зачѣмъ? — О если бъ рассказывать все ихъ мнѣнія, то мнѣ былъ бы нуженъ талантъ Вальтеръ-Скотта и терпѣніе его читателей!

Густымъ лѣсомъ ѣхалъ Вадимъ; направо и налево растлалась кусты орѣховые и кленовые, межъ ними возвышались иногда высокіе полусухіе дубы съ змѣистыми сучьями, странные, темные—и въ отдаленіи синѣли холмы, усыпанные сверху до низу лѣсомъ, пересѣкаемые оврагами, гдѣ покрытые мохомъ болота обманчивой яркой зеленью манили неосторожнаго путника. Вадимъ ѣхалъ скоро—и глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце. Вдругъ звучная, вольная пѣсня привлекла его вниманіе; онъ остановился, прислушался... пѣсня была дика и годилась для шума листьевъ и вѣтра пустыни. Вотъ она:

Моя мать родная—
Кручинушка злая;
Мой отецъ родной
Назывался судьбой;
Мои братья хоть люди
Не хотять къ этой груди
Прижаться,
Имъ стыдно со мною.
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.

Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—
Вольность волошка,
Воля милая,
Несравненная,
Неизмѣнная.
Съ ней пашлись—другіе у меня.
Мать, отецъ и семья.
А мой мать—стѣнь широкая,
А мой отецъ—небо далекое,
А братья мои въ лѣсахъ—
Березы да сосны.
Скачу ли я на конѣ—
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порою—
Небо свѣтитъ луной;
Мои братья въ жаркій день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ необъятное!

Такъ пѣлъ казакъ, шагомъ выѣзжая на гору по узкой дорогѣ, беззаботно бросивъ поводъ и сложа руки; конь привычный не требовалъ понужденія и молодой казакъ на свободѣ предавался мечтамъ своимъ; его голось былъ чистъ и полонъ, его сердце казалось такимъ же.

Не пѣсня, но видъ казака сильно подѣйствовало на Вадима; онъ ударилъ себя въ лобъ рукою, какъ обыкновенно дѣлаютъ, когда является неожиданная мысль.

— Стой!—сказалъ онъ, устремивъ мрачный взоръ на подѣхавшаго казака. Не знаю, что больше подѣйствовало на послѣдняго, голось или взоръ, но казакъ остановился и хотѣлъ ухва-

титься за саблю.—Не нужно—продолжалъ Вадимъ;—поѣзжай, скажи Вълбородкѣ, что послѣ завтра я его жду къ себѣ въ гости; нынѣшнюю весну Палицынъ поставилъ на дворѣ новыя качели... къ двумъ веревкамъ не долго прибавить третью... Итакъ, послѣ-завтра... Скажи, что *Красная Шапка* ему кланяется. Ступай!

При имени *Красной Шапки*, казакъ почтительно съѣхалъ съ дороги и далъ мѣсто Вадиму, который гордо и вмѣстѣ ласково кивнулъ glavой, ударилъ нагайкой лошадь... и ускакалъ.

Надо имѣть слишкомъ великую или слишкомъ ничтожную, мелкую душу, чтобы такъ играть жизнью и смертию... *Однимъ* словомъ, Вадимъ убилъ семейство! И что же онъ такое? вчера нищій, сегодня рабъ, а завтра бунтовщикъ, не замѣтный въ пьяной, окрававленной толпѣ! Не самъ ли онъ создалъ свое могущество! Какая слава, если бъ онъ избралъ другое поприще, если бъ то, что сдѣлалъ для своей личной мести если бы это терпѣніе, геройское терпѣніе, эту скорость мысли, эту рѣшительность обратилъ въ пользу какого-нибудь народа, угнетеннаго чуждымъ завоевателемъ... Какая слава, если бы, напримѣръ, онъ родился въ Греціи, когда турки угнетали потомковъ Леонида... а теперь? имѣя въ виду одну цѣль—смерть трехъ человѣкъ, изъ коихъ одинъ только виновенъ, теперь онъ со всеѣмъ своимъ гениемъ долженъ потопнуть въ пучинѣ неизвѣстности... ужель онъ родился только для ихъ казни! Разобравъ эти мысли, онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось какъ змѣя вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ.

Теряясь въ такихъ мысляхъ, онъ сбился съ дороги и (былъ ли то случай?) непримѣтно подѣхалъ къ тому самому монастырю, гдѣ въ первый разъ, прикрытый нищенскимъ рубищемъ, пламенный обожатель собственной страсти, онъ предложилъ свою услугу Борису Петровичу... О, тотъ вечеръ неизгладимо остался въ его памяти, со всеѣми своими красками земными и небесными, какъ пестрый мотылекъ, утонувшій въ янтарѣ. И теперь опять онъ здѣсь, теперь, когда видя близкій конецъ своего ужаснаго предпріятія, онъ едва можетъ перенести тяжесть одной насмѣшки самолюбія—спрашиваю, случай ли привелъ его сюда?

Звонили ко всенощной, и протяжный, дрожащій вой колокола раздавался въ окрестности; солнце было низко и одна половина стѣны ярко озарялась розовымъ блескомъ заката; народъ изъ соседнихъ деревень, въ нарядныхъ одеждахъ, толпился у святыхъ вратъ, и Вадимъ издали узналъ длинныя дроги Палицына, покрытыя узорчатымъ ковромъ:—кто же здѣсь? вѣрно Наталья Сергѣевна. Онъ привязалъ свою лошадь къ толстой березѣ и пошелъ въ монастырь; сердце его билось болѣзненнымъ ожиданіемъ, но скоро перестало—одинъ любопытный взглядъ толпы, одно насмѣшливое слово—и человѣкъ дѣлается снова демонъ!

Тихо Вадимъ приближался къ церкви; сквозь длинныя окна сіяли многочисленныя свѣчи и на тусклыхъ стеклахъ мелькали колеблющіяся

тѣни богомольцевъ, но на дворѣ монастырекомъ все было тихо; въ тѣни, окруженные высокою полынью и рябиновыми кустами, бѣлѣли памятники усопшихъ, съ надписями и крестами; свѣжая роса упала на нихъ и вечернія мошки жужжали кругомъ; у колодца стоялъ павлинъ, распуца радужный хвостъ, неподвиженъ какъ новый памятникъ. Не знаю съ какой цѣлью, но эта птица находится почти во всеѣхъ монастыряхъ.

По обѣимъ сторонамъ крыльца церковнаго сидѣли нище—прежніе его товарищи; они его не узнали или не смѣли узнать... но Вадимъ почувствовалъ неизъяснимое состраданіе къ этимъ существамъ, которыя подобно червямъ ползаютъ у ногъ богатства, которыя безъ родныхъ и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять въ чувствительности проходящихъ!... Но люди ко всему привыкають, и если подумаешь, то ужаснешься; какъ знать? можетъ быть не чувства святѣйшія—одна привычка, и если бы зло было также рѣдко, какъ добро и послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой!

Вадимъ, сказавъ я, почувствовалъ состраданіе къ нищимъ и остановился, чтобы дать имъ что-нибудь; вынувъ нѣсколько грошей, онъ каждому бросалъ по одному—они благодарили на раснѣвъ давно затверженными словами и даже не поднявъ глазъ, чтобы рассмотреть подателя милостыни... Это равнодушіе напомнило Вадиму, гдѣ онъ и съ кѣмъ; онъ хотѣлъ идти далѣе, но костистая рука вдругъ остановила его за плечо, „Постой, постой, кормилецъ“,—пищаль хриплый женскій голосъ сзади его. И рука нищенки все крѣпче сжимала свою добычу; онъ обернулся—и отвратительное зрѣніе представилось его глазамъ: старушка, низенькая, сухая, съ большимъ брюхомъ, такъ сказать, повисла на немъ; ея засученныя рукава обнажали двѣ руки похожія на грабли, и полусиній сарафанъ, составленный изъ тысячи гадкихъ лохмотьевъ, висѣлъ криво и косо на этомъ подвижномъ скелетѣ. Выражаніе ея лица поражало умъ какой-то неизъяснимой низостью, какой-то гниlostью, свойственной мертвецамъ, долго стоявшимъ на воздухѣ; вздернутый носъ, огромный ротъ, изъ котораго вырывался голосъ рѣвкій и страшный, еще ничего ни значилъ въ сравненіи съ глазами нищенки; вообразите два сѣрые кружка, прыгающіе въ узкихъ щеляхъ, обведенныхъ красными каймами: ни рѣсеницъ, ни бровей, и при всеѣмъ этомъ взглядъ, тяготящій на поверхности души, производящій во всеѣхъ чувствахъ болѣзненное состояніе! Вадимъ не былъ суевѣръ—но волосы у него встали дыбомъ; онъ въ одинъ мигъ прочелъ въ ее чертахъ цѣлую повесть разврата и преступленій, но не встрѣтилъ ничего похожаго на раскаяніе; не мудрено—онъ отгадалъ правду: есть существа, которыя въ высшей степени несчастія такъ умѣютъ обрубить, обточить свою бѣдственную душу, что она теряетъ все способности, кромѣ первой и послѣдней: жить!

— Ты позабылъ меня, дорогой! дай копѣчку—не для Бога, для чорта... дай копѣчку... али позабылъ меня! Не гордись, что ты холопъ барскій... чай, недавно валялся вмѣстѣ.

Вадимъ вырвался изъ ея рукъ.

— Прокляты! прокляты! прокляты! — кричала въ бѣшенствѣ старуха: — чтобы тебѣ сгнить живому, чтобы черты твоей языкъ подточили, чтобы вороны глаза проклевали, чтобы тебѣ ходить — спотыкаться, пить — захлебнуться; горбатый, уродъ, холопъ... прокляты, прокляты!...

И снова она уцѣпилась за подолъ Вадима; онъ обернулся и съ досады такъ сильно толкнулъ ее въ грудь, что она упала навзничь на каменное крыльцо; голова ея стукнула, какъ что-то пустое, и ноги протянулись; она ни слова не сказала больше, по крайней мѣрѣ Вадимъ не слышалъ, потому что онъ поспѣшно вошелъ въ церковь, гдѣ толпа слушала съ благоговѣннемъ венощницу. Эти самые люди готовились проливать кровь завтра; пынче они, крестьяне и кланаясь въ землю, поталкивали другъ друга, если замѣчали возлѣ себя дворянина и готовы были растерзать его на мѣстѣ, но еще не смѣли, еще ни одинъ казакъ не привозилъ кровавыхъ приказаний въ окружныя деревни.

Вадимъ продрался сквозь толпу до самого клироса и, ставъ на амвонъ, окинулъ взоромъ всю церковь. Прямой, высокой, вызолоченный иконостасъ былъ уставленъ образами въ нѣтъ рядовъ и огромныя паникадила, висящія посреди церкви, бросали сквозь дымъ ладона таинственные лучи на блестящую рѣзбу и усыпанные жемчугомъ оклады; задняя часть храма была въ глубокой темпотѣ; одна лампада, какъ запоздалая звѣзда, не могла разсѣять вокругъ тяготящія тѣни; у стѣны едва можно было различить блѣдное лицо стараго схимника, лицо, которое вы приняли бы за восковое, если бы голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантія и клобукъ увеличивали его блѣдность, и руки, сложенные на груди крестомъ, подобились тѣмъ двумъ костямъ, которыя обыкновенно рисуются подъ адамовой головой.

Поближе, между столбами и противъ парскихъ дверей, пестрѣла толпа. Передъ Вадимомъ было волнующееся море головъ, и онъ съ возвышенія свободно могъ разсматривать каждую. Тутъ мелькали уродливыя лица, какъ странныя китайскія тѣни, которыя поражали слѣпшею скотскаго съ человѣческимъ, уродливыя черты, которыхъ отвратительность опредѣлить невозможно было, но при взглядѣ на нихъ рождались горькія мысли; тутъ являлись старыя головы, исчерченные морщинами, красныя, хранящія столько смѣшанныхъ слѣдовъ страстей униженныхъ и благородныхъ, что сообразить ихъ было бы труднѣй, чѣмъ печислить, и между ними кое-гдѣ сіялъ молодой взоръ и показывались щеки полныя, раскрашенные здоровьемъ, какъ цвѣты между сѣрыми камнями.

Имѣя эту картину предъ глазами, вы безъ труда могли бы разобрать каждую часть ея, но цѣлое произвело бы на васъ впечатлѣніе смутное, неизъяснимое; и послѣ, вспоминая, вы не сумѣли бы ясно представить себѣ ни одного изъ тѣхъ образовъ, которые поразили ваше воображеніе, подали вамъ какую нибудь новую мысль и, оставивъ ее, сами потонули въ туманѣ.

Вадимъ для разсѣянія старался угадывать внутреннее состояніе каждаго богомольца по

его наружности, но ему не удалось; онъ потерялъ принятый порядокъ, и скоро все слилось передъ его глазами въ нестрое собраніе лохмотьевъ, въ кучу носовъ, глазъ, бородъ, и озагнанные общимъ свѣтомъ, они, казалось, принадлежали одному живому, вѣчно движущемуся существу; однимъ словомъ, это была — толпа: нѣчто смѣшное и вмѣстѣ жалкое!

Бродящій взглядъ Вадима искалъ гдѣ-нибудь остановиться, но картина была слишкомъ разнообразна и къ тому же все мысли его, сосредоточенныя на одинъ предметъ, не отражали впечатлѣній виѣшнихъ; одно мучительно-сладкое чувство ненависти, достигнувъ высшей своей степени, загородило весь міръ и душа поневолѣ смотрѣла сквозь этотъ черный завѣсъ.

Направо, между парскими воротами и боковыми дверьми, былъ нерукотворенный образъ Спасителя, удивительной величины; позолоченный окладъ, искусно выдѣланный, сіялъ какъ жаръ и множество свѣчей, раставленныхъ на вислицемъ паникадила, кидали красноватые лучи на возвышающіяся части мелкой рѣзбы или на круглыя складки одежды; передъ самымъ образомъ стояла желѣзная кружка—это была милость у ногъ Спасителя — и надъ ней внизу образа было написано крупными буквами: *примите ко мнѣ вси труждающіеся и азъ упокою вы.*

Многіе приближались къ образу, и приложившись послѣ землянова поклона, кидали въ кружку мѣдныя деньги, которыя, упавая, отдавали глухой звукъ.

Госпожа и крестьянка съ груднымъ младенцемъ на рукахъ подошли вмѣстѣ, но первая съ надменнымъ видомъ оттолкнула послѣднюю, и униженный ребенокъ громко закричалъ. Не мудрено, что завтра, подумалъ Вадимъ, эта богатая женщина будетъ издыхать на вислицѣ, тогда какъ блѣдая, хлоная въ ладоши, станеть указывать на нее дѣтямъ своимъ—и отвернувшись онъ хотѣлъ идти прочь.

Но третья женщина приблизилась къ святой иконѣ—и онъ зналъ эту женщину...

Ея кровь — была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни, но ея счастье—не было его счастьемъ, потому что она любила другаго, прекраснаго юношу; а онъ, безобразный, хромой, горбатый, не умѣлъ заслужить даже братской нѣжности, онъ, который любилъ ее одну въ цѣломъ Божьемъ мірѣ, ее одну, который за первое непритворное искреннее *люблю*, съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ, свое сокровище, свой кумирь—свою ненависть! Теперь было поздно.

Онъ зналъ, твердо былъ увѣренъ, что ея сердце отдаю... и навѣки. Итакъ, она для него погибла... и со всемъ тѣмъ чѣмъ болѣе страдалъ, тѣмъ меньше могъ разстаться съ своей любовью, потому что эта любовь была послѣдняя божественная часть его души, и угасивъ ее, онъ не могъ бы остаться человѣкомъ.

Не замѣтивъ брата, Ольга тихо стала передъ образомъ, блѣдна и прекрасна; она была одѣта въ черную бархатную шубейку, какъ въ тотъ роковой вечеръ, когда Вадимъ открылъ ей свою тайну; большіе глаза ея были устрем-

лены на ликъ Спасителя, это была ея единственная молитва и еслибъ Богъ былъ человекъ, то подобные глаза никогда не молились бы напрасно.

Перекрестясь она приложилась; яркая риза на минуту потускнѣла отъ дѣвственнаго дыханія, и когда Ольга вторично подняла взоръ, то въ немъ замѣтна была перемена, довольно странная; удивительный блескъ замѣнилъ прежнюю томность; это были слезы... одна изъ нихъ не удержалась на густой рѣсницѣ, блеснула какъ алмазь, и упала.

Конечно, новая надежда вытѣснила изъ ея сердца эти слезы. Ольга обернулась, чтобъ удалиться... и передъ ней стоялъ Вадимъ. Его огненный взглядъ въ одну минуту высушилъ слезы; каждая жила ея сердца вздрогнула, дышанье остановилось.

Горе, горе ему! она пришла сюда съ вѣрою въ душѣ, а возвратилась съ отчаяньемъ (все это время дьячекъ читалъ козлинымъ голосомъ посланіе апостола Павла и кругомъ, ничего не замѣтивъ, толпа звѣвала въ нѣмомъ бездѣйствіи... что такое двѣ страсти въ цѣломъ морѣ равнодушія)?

Съ горькой, горькой улыбкой Вадимъ вторично прочелъ подъ образомъ Спасителя извѣстный стихъ: *придите ко мнѣ вси труждающіеся и азъ упокою вы*. Что дѣлать! онъ вѣрнулъ въ Бога—по также и въ дьявола!

И выходя изъ храма, онъ еще разъ взглянулъ на сестру; возлѣ нея стоялъ Юрій небрежно чертя на пескѣ разные узоры своей шпагой, и она, прислонясь къ стѣнѣ, не сводила съ него очей, исполненныхъ неизъяснимой муки... можно было подумать, что черезъ минуту ей суждено съ нимъ разстаться навсегда. Но развѣ нѣсколько дней не короче минуты, когда смерть зоветъ и любовь потеряла надежду?...

„Итакъ, она точно его любитъ“, — шепталъ Вадимъ, неподвижно остановясь въ дверяхъ. Одна его рука была за пазухой, и ногти его по какому-то судорожному движению такъ глубоко врѣзались въ тѣло, что когда онъ вынулъ руку, то пальцы были въ крови... Онъ, какъ безумный, посмотрѣлъ на нихъ молча, стряхнулъ кровавыя капли на землю и вышелъ.

На крыльцѣ шумѣла куча нищихъ и богомольцевъ; они составляли кружокъ, и посреди ихъ на холодныхъ каменныхъ плитахъ лежала протянувшись мертвая старуха.

„Какой-то проходящій толкнулъ ее; мы думали, что онъ шутить... она упала, да и окачурилась, чортъ ее зналъ! вольно жъ было не закричать!“ Такъ говорилъ одинъ нищій; другіе повторяли его слова съ шумомъ, оправдываясь въ томъ, что не подали ей помощь, и плачевнымъ голосомъ защищали свою невинность.

Вадимъ слышалъ, но не вспомнилъ, что онъ толкнулъ старуху.

— Итакъ, она его любитъ! — бормоталъ онъ сквозь зубы, садясь на потерпѣливаго коня. — Итакъ, она его любитъ!

Вадимъ имѣлъ несчастную душу, надъ которой иногда единая мысль могла приобрести неограниченную власть. Онъ долженъ былъ родиться всемогущимъ, или вовсе не родиться.

ГЛАВА XV.

Между тѣмъ передъ вратами монастырскими собиралась буйная толпа народа; кое-гдѣ показывались казацкія шалки, блистали конья и ружья; часто отъ общаго ропота отдѣлялись грозныя рѣчи, дышавшія мятежемъ и убійствомъ; часто раздавались отрывистыя пѣсни и пьяный хохотъ, которые не предвѣщали ничего добраго, потому что веселость толпы въ такую минуту—поцѣлуй Гуды. Что-то ужасное созрѣвало подъ этой веселостью, подстрекаемой своеволиемъ, возбужденной новыми прищельцами, уже привыкшими къ кровавымъ зрѣлищамъ и грабежу свободному...

И все это происходило въ виду церкви, гдѣ еще блистали свѣчи и раздавалось молитвенное пѣніе.

Скоро и въ церкви пробѣжалъ зловѣщій шопотъ; по-немногу мужики стали изъ нея выбираться, одни отъ нетерпѣнія, другіе изъ любопытства, а иные — такъ, потому что сосѣдъ сказалъ: пойдѣмъ, потому что... какъ не посмотреть, что тамъ дѣлается?

Народъ, столпившійся передъ монастыремъ, былъ изъ ближней деревни, лежащей подъ горой; безпрестанно приходили новые помощники, безпрестанно частные возгласы сливались болѣе и болѣе въ одинъ общій гулъ, въ одинъ продолжительный, величественный ревъ, подобный непрерывному грому въ душную лѣтнюю ночь... Картина была ужасная, отвратительная, но взоръ хладнокровнаго наблюдателя могъ бы ея насытиться вполне; тутъ онъ понялъ бы, что такое народъ: камень, висящій на полугорѣ, который можетъ быть сдвинутъ усиленнымъ ребенкомъ, но не смотря на то сокрушаетъ все, что ни встрѣтитъ въ своемъ безотчетномъ стремленіи... Тутъ онъ увидалъ бы, какъ мелкія самолюбивыя страсти получаютъ вѣсь и силу оттого, что становятся общими; какъ народъ невольственный и нечувствующій себя хочетъ увѣриться въ истинѣ своей минутной, поддѣльной власти, угрожая всему, что прежде онъ уважалъ или чего боялся, подобно ребенку, который говоритъ неблагопрістойности, желая доказать этимъ, что онъ взрослый мужчина!

Вокругъ яркаго огня, разведеннаго прямо противъ воротъ монастырскихъ, больше всѣхъ кричали и коверкались нищіе. Ихъ радость была изступленіе; озаренные трепетнымъ, багровымъ отблескомъ огня, они составляли первый планъ картины; за ними все было мрачнѣе и неопредѣлительнѣе; люди двигались, какъ рѣзкія грубыя тѣни; казалось, неизвѣстный живописецъ назначилъ этимъ нищимъ, этимъ отвратительнымъ лохмотьямъ приличное мѣсто; казалось, онъ выставилъ ихъ на свѣтъ, какъ главную мысль, главную черту характера своей картины...

Они были душа этого огромнаго тѣла, потому что нищета — душа порока и преступленій; теперь насталъ часъ ихъ торжества; теперь они могли въ свою очередь насмѣхаться надъ богатствомъ; теперь они превратили свои лохмотья въ царскія одежды и кровью смывали съ нихъ пятна грязи, это былъ пурпуръ въ своемъ родѣ: чѣмъ менѣе они надѣялись повелѣвать, тѣмъ ужаснѣе было ихъ царствованіе;

надобно же вознаградить цѣлую жизнь страданий хотя одной минутой торжества, нанести хотя одинъ ударъ тому, чье каждое слово было — обидя; — одинъ — но смертельный.

Когда служба въ монастырѣ отошла и прїѣзжіе богомольцы, толкаясь, кучею повалили на крыльцо, то шумъ на время замолкъ и потомъ вдругъ пробѣжалъ зловѣщій ропотъ по толпѣ мятежной, какъ ропотъ листьевъ, пробужденныхъ внезапнымъ вихремъ; и неизвѣстная рука, неизвѣстный голосъ подавъ знакъ не условный, но понятный всѣмъ, но для всѣхъ повелительный: это былъ бѣдный ребенокъ одиннадцати лѣтъ не болѣе, который, заграждая путь какой-то толстой барышнѣ, получилъ отъ нея ударъ въ затылокъ и, громко заплакавъ, упалъ на землю... Этого было довольно: толпа зашевелилась, зажужжала, двинулась, какъ будто она до сихъ поръ ожидала только эту причину, этотъ незначущій предлогъ, чтобы наложить руки на свои жертвы, чтобы совершенно обнаружить свою ненависть. Народъ, еще неопытный въ такихъ волненіяхъ, похожъ на актера, который, являясь впервые на сцену, такъ смущенъ новостію своего положенія, что забываетъ начало роли, какъ бы твердо ее ни зналъ онъ; надобно непременно, чтобы суфлеръ, этотъ услужливый Протей, подсказалъ ему первое слово и тогда можно надѣяться, что онъ не запнется на дорогѣ.

Между тѣмъ Юрій и Ольга, которые вышли изъ монастыря нѣсколько прежде Натальи Сергѣевны, не захотѣвъ ея дожидаться у экипажа и желая воспользоваться душной прохладою вечера, шли рука объ руку по пыльной дорогѣ; чувствуя теплоту двѣстлетнего тѣла такъ близко отъ своего сердца, внимая шороху платья, Юрій невольно забылся; онъ обвилъ круглый станъ Ольги одной рукою, а другой отодвинувъ большой бумажный платокъ, покрывавшій ея голову и плечи, напечатлѣлъ жаркій поцѣлуй на ея круглой шеѣ; она запылала, крѣпче прижалась къ нему и ускорила шаги, не говоря ни слова. Въ это время они находились на перекресткѣ двухъ дорогъ, возлѣ большой засохшей отъ старости ветлы, коей черные сучья рѣзко рисовались на полусвѣтломъ небосклонѣ, еще хранящемъ послѣдній отблескъ запада.

Вдругъ Ольга остановилась; странные звуки, подобные крикамъ отчаянія и воплю бѣшенства, поразили слухъ ея: они постепенно возрастали.

— Что-то ужасное происходитъ у монастыря, воскликнула Ольга; — моя душа предчувствуетъ... О, Юрій! Юрій! еслибы ты зналъ, мы гибнемъ... Ты замѣтилъ ли зловѣщій шопотъ народа при выходѣ изъ церкви, и замѣтилъ ли эти дикія лица нищихъ, которые радовались и веселились... о, это дурной знакъ: святые плачутъ, когда демоны смѣются.

Юрій, мрачный, въ нерѣшимости, бѣжать ли ему на помощь къ матери или остаться здѣсь, стоялъ, вперивъ глаза на монастырь, коего нижнія части были ярко освѣщены огнями. Вдругъ глаза его сверкнули, онъ кинулся къ дереву, въ одну минуту вскарабкался до половины и вскорѣ съ помощью толстыхъ сучьевъ взобрался почти на самый верхъ.

— Что видишь ты? — спросила трепетная Ольга.

Онъ не отвѣчалъ. Была минута, въ которую онъ такъ сильно вздрогнулъ, что Ольга вскрикнула, думая, что онъ сорвется, но рука Юрія какъ бы машинально впиалась въ безчувственное дерево. Наконецъ, онъ слѣзъ, молча слѣлъ на траву близъ дороги и закрылъ лицо руками. — Что видѣлъ ты, — говорила дѣвушка, — отчего твои руки такъ холодны и лицо такъ влажно? — „Это роса“, отвѣчалъ Юрій, отирая хладный потъ съ чела и вставая съ земли.

— Все кончено... напрасно... я безсилень противъ этой толпы... она погибла... о, Провидѣніе! — что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? отвѣчай мнѣ, Творецъ всемогущій, воскликнулъ онъ, ломая руки и скрежеща зубами.

Ночь дѣлалась темнѣе и темнѣе и Ольга, ухватясь за своего друга, съ ужасомъ кидала взоры на дальній монастырь, внимая гулу и воплямъ, разносимымъ по полю возрастающимъ вѣтромъ; вдругъ шумъ колесъ и топотъ лошадиный послышались по дорогѣ; они постепенно приближались и вскорѣ подѣхалъ къ нашимъ странникамъ мужикъ въ пустой телѣгѣ; онъ ѣхалъ рысью, правилъ стоя и пѣлъ какую то нескладную пѣсню. Поровнявшись съ Юріемъ, онъ прїостановилъ свою буланую лошадь. „Что, бояринъ“, — сказалъ онъ, наемѣшли воплаживая рыжую бороду, — аль тамъ не пирогами кормятъ, что ты больно поторопился домой-то... да еще пѣшечкомъ; семь-ка доvezу!...“

Юрій, не отвѣчая ни слова, схватилъ лошадь подъ узды. „Что ты, что ты, бояринъ! закричалъ грубо мужикъ. — ужъ не впрямь-ли хочешь со мною съѣздить; экъ, успокоился“, — продолжалъ онъ, ударивъ лошадь кнутомъ и присвиснувъ; — добрый конь рванулся... но Юрій, коего силы удвоило отчаяніе, такъ крѣпко вцѣпился въ узду, что лошадь принуждена была кинуться въ сторону; между тѣмъ колесо телѣги сильно ударило о камень и она едва не опрокинулась. Мужикъ, потерявшій равновѣсіе, упалъ, но не выпустилъ возжи; онъ уже занесъ ногу, чтобы опять вскочить въ телѣгу, когда неожиданный ударъ по головѣ повергъ его на землю и сильная рука вырвала возжи.. „Разбой!“ заревѣлъ мужикъ, опомнившись и стараясь приподняться, но Юрій уже успѣлъ схватить Ольгу, посадить ее въ телѣгу, повернуть лошадь и ударить ее изо всей мочи; она кинулась со всѣхъ ногъ; мужикъ еще разъ успѣлъ хриплымъ голосомъ закричать: „разбой!“ — колесо переѣхало ему черезъ грудь — и онъ замолкъ — вѣроятно — навѣки.

Ужасна была эта ночь; — толпа шумѣла почти до разсвѣта, и кровавые потѣшныя огни встрѣтили первый лучъ восходящаго свѣтила; множество нищихъ, обезображенныхъ кровью, виномъ и грязью, валяясь на полянѣ, иные изъ нихъ ужъ собирались кучками и расходились; во многихъ мѣстахъ опаленная трава и черный пепелъ показывали мѣсто угасающаго костра; на нѣкоторыхъ деревьяхъ висѣли трупы... два или три не болѣе... одинъ изъ нихъ по всѣмъ примѣтамъ былъ нѣкогда женщиной, но обезображенный, онъ едва походилъ на бранные остатки человѣка, и даже ближайшіе родственники не могли бы въ немъ узнать добрую Наталью Сергѣевну.

ГЛАВА XVI.

Я попрошу своего или своихъ любезныхъ читателей перенестись воображеніемъ въ ту малую лѣсную деревеньку, гдѣ Борисъ Петровичъ со своей охотой основалъ главную свою квартиру, находя ее центромъ своихъ операционныхъ пунктовъ. Наканунѣ травля была удачная; поздно нашъ старый охотникъ возвратился на ночлегъ, досаждая на то, что его стремянной, Вадимъ, уѣхавъ Богъ знаетъ зачѣмъ, не возвратился. Въ избѣ, гдѣ онъ ночевалъ, была одна хозяйка-вдова, солдатка, лѣтъ 30-ти, довольно бѣлая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная, и потому вы легко отгадаете, что старый нашъ прелюбодѣй, не смотря на серебристую отбѣнку волосъ своихъ и на рождающіеся признаки будущей подагры, не смотрѣлъ на нее философическимъ взглядомъ, а старался всячески выиграть ея благосклонность, что и удалось ему довольно скоро и безъ большихъ убытковъ и хлопотъ. Ужъ давно лучина была погашена; ужъ пѣтухъ, хлопая крыльями, собрался въ первый разъ пропѣть свою сиповатую арію; ужъ кони, сытые по горло, изрѣдка только жеваля остатки хрупкаго овса и въ избѣ на полатяхъ, рядомъ съ полногрудой хозяйкою, Борисъ Петровичъ храпѣлъ немилосердно; вѣрояно, утомленный трудами дня и (вѣроятно) упоенный сладкой водочкой и поцѣлугами полногрудой хозяйки и успокоенный чистой и непорочной совѣстью, онъ еще долго бы продолжалъ храпѣть и переворачиваться со стороны на сторону, если бы вдругъ среди глубокой тишины, сильная невѣдомая рука не ударила три раза въ ворота, такъ что они затрещали; собаки жалобно залаяли и хозяйка, вздрогнувъ, проснулась, перекрестилась и протирая кулаками опухшіе глаза и разбирая растрепанные волосы, молвила: „Господи, Боже мой! да кто это тамъ! наше мѣсто свято!... да что это какъ стучать!...“ Она слѣзла и подошла къ окну, отворила его: ночной вѣтеръ пахнулъ ей на открытую потную грудь и она, съ досадою высунувъ голову на улицу, повторила свои вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, буланая лошадь въ хомутѣ и шлѣ стояла у воротъ и возлѣ нея человѣкъ, незнакомый ей, но съ виду не старый и не крестьянинъ. „Отпри проворнѣе“, закричалъ онъ громовымъ голосомъ. — „Экой скорой!“ пробормотала солдатка, захлопнувъ окно, — „подождешь, не замерзнешь... не спишь видно тебѣ, такъ бродишь по лѣсу, какъ лѣшій проклятый“. Она надѣла шубу, вышла, разбудила работника и тотъ, наконецъ, отперъ скрипучую калитку, брани прѣзжаго; но сей послѣдній едва лишь ворвался на дворъ и узналъ отъ работника, что Борисъ Петровичъ тутъ, какъ опрометью бросился въ избу.

— Батюшка! сказалъ Юрій, котораго вы вѣрояно узнали, примѣтно измѣнившимся голосомъ и въ потемкахъ ощущывая предметы, — проснитесь, гдѣ вы! проснитесь! дѣло идетъ о жизни и смерти. Послушай, — продолжалъ онъ шопотомъ, обрѣгаясь къ полусонной хозяйкѣ и внезапно схвативъ ее за горло, гдѣ мой отецъ? что ты съ нимъ сдѣлала?— „Помилуй, баринъ, что ты, рехнулся што ли... я закричу... да пусть... пусть меня, окаянный... да развѣ не слы-

шишь, какъ онъ на полатяхъ-то храпитъ, и задыхаясь, она старалась вырваться изъ рукъ Юрія.

— Что за шумъ! кто тамъ развозился! Петрушка, Терешка, Фотъка! ай, вы!... закричалъ Борисъ Петровичъ, пробужденный шумомъ и холоднымъ вѣтромъ, который рвался въ полурастворенныя двери, свистя и завывая подобно лютотому звѣрю.

— Батюшка!—говорилъ Юрій, пустивъ обрадованную женщину, — сойдите скорѣе... жизнь и смерть... говорю я вамъ... сойдите, ради неба или ада...

— Да что ты за человѣкъ?—бормоталъ Борисъ Петровичъ, спазаясь съ печи.

— Я! вашъ сынъ... Юрій...

— Юрій... что это значить... объясни... зачѣмъ ты здѣсь... и въ это время!...

Онъ въ испугѣ схватилъ сына за руки и смотрѣлъ ему въ глаза, стараясь убѣдиться, что это точно онъ, что это не лукавый призракъ.

— Батюшка! мы погибли!... народъ бунтуетъ! да! и унасъ... Я видѣлъ, когда проскакалъ, на улицѣ села и вокругъ церкви толпились кучи народа... и нѣкоторые восклицанія, долетѣвшія до меня, показываютъ, что они ждуть, если не самого Пугачева... то казаковъ его... спайтесь!...

— А Наталья Сергѣевна!.. а вещи мои...

— Матушка... не говорите объ ней! она... Спасайтесь! сказалъ мрачно Юрій, крѣпко обнявъ отца своего. Горячая слеза, брызнувшая изъ глазъ юноши, упала какъ искра на щеку старика и обожгла ее...

— О!...—завопилъ онъ, — кто-бъ могъ подумать, повѣрить! кто ожидалъ, что эта туча доберется и до насъ грѣшныхъ! О, Господи, Господи! куда мнѣ дѣваться! всеъ противъ насъ... Богъ и люди... и кто могъ отгадать, что этотъ Пугачевъ будетъ губить... кого же? русское дворянство! простой казакъ... Боже мой, святые отцы!

— Нѣтъ ли у васъ съ собою кого-нибудь, на чью вѣрность вы можете надѣяться, — сказалъ быстро Юрій.

— Нѣтъ, нѣтъ! никого нѣтъ!

— Фотъка Атуевъ?

— Я его сегодня прибилъ до полусмерти, каналья!

— Терешка?

— Онъ давно желалъ бы мнѣ ножъ въ бокъ за жену свою... разбойники! антихристы!... О, спаси меня, сынъ мой!

— Мы погибли!—молвилъ Юрій, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу.—Одинъ Богъ можетъ сохранить насъ!... Молитесь Ему, если можете.

Борисъ Петровичъ упалъ на колѣни и слезы рѣкой полились изъ глазъ его. Малодушный старикъ! онъ ожидалъ, что цѣлый міръ ангеловъ спустится къ нему на лучѣ мѣсяца и унесетъ его на серебряныхъ крыльяхъ за тридцать земель...

Но не ангелъ, а бѣдная солдатка съ состраданіемъ подошла къ нему и молвила: *я спасу тебя*.

Въ важныя эпохи жизни, иногда въ самомъ обыкновенномъ человѣкѣ разгорается искра ге-

ройства, неизвѣстно доселѣ тѣвшая въ груди его, и тогда онъ свершаетъ дѣла, о коихъ до сего ему не случилось и грезить, которымъ даже послѣ онъ самъ едва вѣруеть. Есть простая поговорка *Москва сгорѣла отъ копеечной свѣчки.*

Между тѣмъ хозяйка молча подала знакъ рукою, чтобъ они оба за нею слѣдовали, и вышла; на цыпочкахъ они миновали темныя сѣни, гдѣ спалъ стреляной Палицына и осторожно спустились на дворъ по четыремъ скрипучимъ и скользкимъ ступенямъ; на дворѣ все было тихо: собаки на сворахъ лежали подъ навѣсомъ, и изрѣдка лишь фыркали сытые кони или охотникъ произнеслъ во снѣ безсвязныя слова, поворачиваясь на солому подъ теплымъ полушубкомъ. Когда они миновали анбаръ и подошли къ заднимъ воротамъ, соединявшимъ дворъ съ обширнымъ огородомъ, усѣяннымъ капустой, конопьями, рѣдкой и подсолнечниками и оканчивающимся тѣснымъ гумномъ, гдѣ только двѣ кледи, какъ будки, стоя по угламъ, казалось, сторожили высокій и пустой овинъ, возвышающійся посерединѣ, то раздался чей-то голосъ, вѣроятно одного изъ пробудившихся псарей. „Кто тамъ?“ спросилъ онъ.—Развѣ не видишь, что хозяева,—отвѣчала солдатка. За мѣтивъ, что псарь приближался къ ней переваливаясь, какъ бы стараясь поддержать свою голову въ равновѣсїи съ прочими частями тѣла, она указала своимъ спутникамъ большой кустъ репейника, за который они тотчасъ кинулись, и хладнокровно остановилась у воротъ.

— А развѣ красавицамъ пристало гулять по ночамъ? — сказалъ, почесывая бока пьяный псарь, и тяжелой своей лапой съ громкимъ смѣхомъ ударилъ ее по плечу.

— И, батюшка, что я за красавица! съ нашей работки-то не больно разжирѣешь!

— Ужъ не ломайся, знаемъ мы! экая гладкая! У барина видно губа не дура... Экъ ты прижила себѣ стараго чорта... да не бось! не одобровать ему... высчитаемъ мы ему наши слѣзки... дай срокъ!... батюшка Пугачевъ ему рыло-то обещеть... пусть себѣ не вѣрять... а ты, моя молодка... за это поцѣлуй меня...

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она увернулась и нашъ проворный рыцарь съ-пьяна наткнулся на оглоблю телѣги, спотыкнулся, упалъ, проворчалъ нѣсколько ругательствъ, и заснулъ онъ или нѣтъ, не знаю, по крайней мѣрѣ не поднялся на ноги, и остался въ сладкомъ самозабвенїи.

Легко вообразить, съ какимъ нетерпѣнїемъ отецъ и сынъ ожидали конца этой неприятной сцены. Наконецъ, они вышли въ огородъ и удвоили шаги; сильно билась сердца ихъ, стѣсненные непонятнымъ предчувствїемъ; они шли, удерживая дыханїе, скользя по росистой травѣ, продираясь между коноплей и вязкихъ грядъ, зацѣпляя поминутно ногами или за кирничъ, или за хворостъ; вороньи пугалы казались имъ людьми и каждый разъ когда полевая крыса кидалась изъ-подъ ногъ ихъ, они вздрагивали. Борисъ Петровичъ хватался за рукоятку охотничьяго ножа, а Юрій за шпагу... Но къ счастью всѣ ихъ страхи были напрасны и они благополучно приблизились къ темному овину; хозяйка вошла туда, за нею Борисъ Петровичъ и Юрій; она подвела ихъ къ одно-

му темному углу, гдѣ находилось два сусѣка—одинъ изъ нихъ съ хлѣбомъ, а другой до половины наваленный соломою.

— Полѣзай сюда баринъ,—сказала солдатка, указывая на второй,—да заройся хорошенько съ головой въ солому и кто бы ни приходилъ, что бы тутъ ни дѣлали... не вылезай безъ меня, а я коли жива буду, тебя не выдамъ; что-бы ни было, а этого грѣха не возьму на свою душу.

Когда Борисъ Петровичъ влѣзъ, то Юрій, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать его примѣру, взглянулъ на небо и сказалъ твердымъ голосомъ: „прощайте, батюшка, будьте живы... ваше благословенїе! можетъ быть, мы больше не увидимся“. Онъ повернулся и быстро пустился назадъ по той же дорогѣ; взойдя на дворъ, онъ, не будучи никѣмъ замѣченъ, отвязалъ лучшую лошадь, вскочилъ на нее и пустился снова черезъ огородъ, проскакавъ гумно, махнулъ рукою удивленной хозяйкѣ, которая еще стояла у дверей овина, и перескочивъ черезъ ветхїй обвалившійся заборъ, скрылся въ полѣ, какъ молнія; нѣсколько минутъ можно было различать мѣрный топотъ скачущаго коня,—онъ постепенно становился тише и тише, и наконецъ совершенно слился съ шопотомъ листьевъ двубравы.

„Куда этотъ верченый пустился! — подумала удивленная хозяйка,—видно голова крѣпка на плечахъ, а то, кто бы ему велѣлъ таскаться; ну, не дай Богъ, наткнется на казаковъ, и поминай какъ звали буйнаго молодца! Охъ, охъ, охъ! больно меня раздумье беретъ!... спрятали-то я стараго спрятали, а какъ станутъ меня бить да мучить... Ну, ужъ коли на то пошла, такъ берегись, баба!... не давши слова держись, а давши крѣпись... только бы онъ самъ не оплошалъ!...“

ГЛАВА XVII.

Въ эту же ночь, богатую событїями, Вадимъ, выѣхавъ изъ монастыря, пустился блуждать по лѣсу, но конь, уставъ продирается сквозь колючїй кустарникъ, самъ вывезъ его на дорогу въ село Палицына.

Задумавшись, ѣхалъ мрачный горбачъ, сложя руки на груди и повѣся голову; его охотничья плеть моталась на передней лукѣ казацкаго сѣдла и добрый степной конь его, горячїй, щекопливый отъ природы, понемногу сталъ прибавлять ходу, сбился на рысь; потомъ, чувствуя, что повода висятъ покойно на его мохнатой шеѣ, зафыркалъ, прыгнулъ и ударился скакать... Вадимъ ономнился, схватилъ поводья и такъ сильно осадилъ коня, что тотъ сразу приеѣлъ на хвостъ, замоталъ головою, сдѣлалъ еще два скачка въ бокъ и остановился; теплый паръ поднялся отъ хребта его и пѣна, стекая по стальнымъ удиламъ, клоками падала на землю.

— Куда торопишься, чему обрадовался, лихой товарищъ? — сказалъ Вадимъ, — но тебя ждетъ покой и теплое стойло... ты не любишь, ты не понимаешь ненависти... ты не получишь отъ благихъ небесъ этой чудной способности: находить блаженство въ самыхъ дикихъ страданїяхъ... О, еслибъ я могъ вырвать изъ души

своей эту страсть, вырвать съ корнемъ, вотъ такъ!—и онъ наклонясь вырвалъ изъ земли высокій стебель полыни.—Но нѣтъ!—продолжалъ онъ,—одной капли яда довольно, чтобъ отравить чашу, полную чистѣйшей влаги, и надо ее выплеснуть всю, чтобы вылить ядъ... Онъ продолжалъ свой путь, но не шагомъ; невѣдомая сила влечетъ его; неутомимый конь летитъ, разсѣкаетъ упорный воздухъ; волосы Вадима развѣваются; два раза шапка чуть-чуть не слетѣла съ головы; онъ придерживаетъ ее рукою... и только изрѣдка поталкиваетъ ногами скакуна своего. Вотъ ужъ и село... и... церковь... кругомъ огни... мужики толпятся на улицѣ въ праздничныхъ кафтанахъ... кричатъ, поютъ пѣсни... то вдругъ замолкнутъ, то вдругъ сильнѣй и громче пробѣжитъ говоръ по пьяной толпѣ. Вадимъ привязываетъ коня къ забору и непримѣтно вмѣшивается въ толпу. Эти огни, эти пѣсни—все дышало тогда какой-то насильственной веселостью, принимало видъ языческаго праздника и даже въ пѣсняхъ часто повторяемыя имена „Дѣдо и Ладо“ могли бы ввести въ это заблужденіе неопытнаго чужестранца.

— Ну, Вадимка!—сказалъ одинъ толстый мужикъ съ рѣдкой бородою и огромной лысиной:—какъ слышно... скоро ли нашъ батюшка-то пожалуетъ?...

— Завтра, въ обѣдъ, — отвѣчалъ Вадимъ, стараясь отдѣлаться.

— Ой ли, — подхватилъ другой, — такъ стало-быть не нонче, а завтра; такъ... такъ! А что, какъ слышно? чай много съ нимъ рати военной... чай, казаковъ-то видимо невидимо... А что, у него серебряный кафтанъ-то...

— Ахъ, ты дуракъ, дуракъ, забубенная башка, — сказалъ третій, покачивая головою; — эка диво серебряный... чай, не только кафтанъ, да и салогиты золотые...

— Да кто ему подносить станетъ хлѣбъ съ солью? чай, все старики...

— Вѣстимо. — Послушай, братъ Вадимъ, — продолжалъ четвертый, огромный дѣтина, черномазый, съ налитыми кровью глазами, — гдѣ нашъ баринъ-то... не удралъ бы онъ... а жаль бы было упустить... ужъ я бы его попотчивалъ... онъ и въ могилу бы у меня съ оскоминою легъ.

„Нѣтъ, нѣтъ! — подумалъ Вадимъ, удаляясь отъ нихъ,—это моя жертва... никто не наложитъ руки на него, кромѣ меня; никто не услышитъ послѣдняго его вопля, никто не напечатлѣетъ въ своей памяти послѣдняго его взгляда, послѣдняго судорожнаго движенія — кромѣ меня... Онъ мой... я купилъ его у небесъ и ада, я заплатилъ за него кровавыми слезами, ужасными днями, въ теченіи коихъ мысленно я пожиралъ всевозможныя чувства, чтобъ под конецъ у меня въ груди не осталось ни одного, кромѣ злобы и мщенія... О, я не таковъ, чтобы равнодушно выпустить изъ рукъ свою добычу и уступить ее вамъ—подлые рабы!“

Онъ быстрыми шагами спустился въ оврагъ, гдѣ протекалъ небольшой гремячій ручей, который, прыгая черезъ камни и пробираясь между сухими вербами, съ журчаніемъ терялся въ густыхъ камышахъ и безмолвно сливался съ Окою. Тутъ все было тихо и пусто; на противной сторонѣ возвышался позади небольшо-

го сада, господскій домъ съ многочисленными службами... онъ былъ темень, ни въ одномъ окнѣ не мелькала свѣчка, какъ будто все его жители отправились въ дальнюю дорогу.—Вадимъ перебрался по доскамъ черезъ ручей и подошелъ къ ветхой банѣ, находящейся на полугорѣ и окруженной густыми рябиновыми кустами... Ему показалось, что онъ замѣтилъ слабый свѣтъ сквозь замокъ двери; онъ остановился и на цыпочкахъ подкрался къ окну, плотно закрытому ставнемъ...

Въ банѣ слышались невнятные голоса, и Вадимъ, припавъ подъ окномъ въ густую траву, началъ прилежно вслушиваться; его сердце, закаленное противу всѣхъ земныхъ несчастій, въ эту минуту сильно забилось, какъ орелъ въ желѣзной клѣткѣ, при видѣ кровавой пищи. Вадимъ удивился, какъ удивился бы другой, если бы среди зимней ночи ударилъ громъ... Онъ крѣпко прижалъ руку къ груди своей и прошепталъ: „спи, безумное! спи... твоя пора прошла или еще не настала!... Но къ чему теперь? развѣ есть близко тебя существо, которое ты ненавидишь? говори...“ и онъ задержавъ дыханіе, снова приложилъ ухо къ окну и услышалъ:

1-й голосъ. Прощай мой другъ... навсегда...

2-й голосъ. Мнѣ тебя покинуть? Нѣтъ если бы на этомъ порогѣ было написано судьбою: *смерть*, то я перескочилъ бы... обнялъ тебя... и умеръ...

1-й голосъ. Но я въ безопасности... я существо ничтожное, я останусь незамѣчена среди общаго волненія...

2-й голосъ. Нѣтъ, невозможно... долгъ зоветъ меня къ отцу... я спасу его и вернусь... Миръ безъ тебя? что такое? храмъ безъ божества... зачѣмъ мнѣ бѣжать отъ опасности... развѣ Провидѣніе не достигнетъ меня вездѣ, если я долженъ погибнуть.

1-й голосъ. Жестокій! такъ ты не хочешь... послушай! ради Бога... бѣги...

2-й голосъ. Нѣтъ!.. прощай!.. черезъ нѣсколько часовъ я снова буду съ тобою...

Голоса замолкли и слышно было, какъ дверь бани скрипнула, отворяясь, и какъ ошты захлопнулась, и Вадимъ видѣлъ, какъ кто-то, подобно призраку, мелькнулъ въ оврагѣ, потомъ на горѣ перескочилъ черезъ плетень, перерывающей оврагъ и скрылся въ ночномъ туманѣ...

Вадимъ всталъ, подошелъ къ двери и твердою рукою толкнулъ ее; защелка внутри сорвалась и роковая дверь со скрипомъ распахнулась... кто-то вскрикнулъ... и все замолкло снова. Вадимъ взошелъ, торжественно заперъ за собою дверь и остановился; на полу стоялъ фонарь и возлѣ него сидѣла, приклонивъ бѣдную голову къ дубовой скамьѣ... Ольга!

Убийственная мысль, какъ молнія, озарила умъ бѣднаго горбача; онъ отгадалъ въ одно мгновеніе, кто былъ этотъ второй голосъ, о комъ такъ нѣжно заботилась сестра его, какъ будто въ немъ одномъ были все надежды, вся любовь ея сердца.

Неподвижна сидѣла Ольга; на лицѣ ея была печать безмолвнаго отчаянія и глаза изливали какой-то однообразный, холодный лучъ и сжатія губки казались растянуты постоянной улыб-

кой, но въ этой улыбкѣ дышалъ упрекъ Провидѣнію. Фонарь стоялъ у ногъ ея, и догорающій пламень огарка сквозь зеленыя стекла слабо озарялъ нижнія части лица блѣдной дѣвушки; ея грудь была прикрыта черной душегрѣйкой, которая по временамъ приподымалась, и длинная полуразвитая коса упала на правое плечо ея.

Вадимъ стоялъ передъ ней, какъ Мефистофель передъ погибшею Маргаритой, съ язвительнымъ выраженіемъ очей, какъ раскаяніе передъ душою грѣшника; сложа руки, онъ ожидалъ, чтобъ она къ нему обернулась, но она оставалась въ прежнемъ положеніи, хотя молвила прерывающимся голосомъ:

— Чего ты отъ меня еще хочешь?...

— Еще?... а что же я прежде отъ тебя требовалъ? какихъ жертвъ?—говори Ольга! Развѣ я силою заставилъ тебя произнести клятву... ты помнишь... развѣ я виноватъ, что роковая минута настала прежде, чѣмъ находишь это удобнымъ?...

— О, ты хищный звѣрь, а не человѣкъ!

— Ольга! твой отецъ былъ мой отецъ...

— Не вѣрю, не могу вѣрить... чтобы онъ, въ жилищѣ святыхъ, желалъ гибели этого семейства, желалъ сдѣлать насъ преступными... нѣтъ, ты не брать мой... Прочь! я ненавижу, презираю тебя!...

— Ненавидишь, такъ... а презирать не можешь...

— Презираю...

— Ты боишься меня...—Онъ дико засмѣялся и подошелъ ближе.

— Вадимъ!... ради отца нашего... удались... отъ тебя вѣтъ смертнымъ холодомъ...

— Нѣтъ, Ольга!... я останусь здѣсь цѣлую ночь...

— Боже!—прошептала, вздрогнувъ, несчастная дѣвушка; сердце сжалось и смутное подозрѣніе пробудилось въ немъ; она встала, ноги ея подгибались... она хотѣла сдѣлать шагъ и упала на колѣни.

— Послушай!—сказалъ Вадимъ, приподнявъ сестру и посадивъ ее на лавку; онъ взялъ ея влажную руку и, стараясь смягчить голосъ, продолжалъ:— послушай, было время, когда я думалъ твоею любовью освятить мою душу... были минуты, когда глядя на тебя, на твои небесныя очи, я хотѣлъ разомъ разрушить свой ужасный замыселъ, когда я надѣялся забыть на груди твоей все прошедшее, какъ волшебную сказку... но ты не захотѣла, ты обманула меня—тебя плѣнилъ прекрасный юноша... и безобразный горбачъ остался одинъ... одинъ... какъ черная тучка, забытая на ясномъ небѣ, на которую ни люди, ни солнце не хотятъ и взглянуть... Да, ты этого не можешь понять... ты прекрасна, ты ангель; тебя не любить—невозможно... я это знаю... О! да посмотри на меня... неужели для меня нѣтъ ни одного взгляда, ни одной улыбки... все ему! все ему!... да знаешь ли, что онъ долженъ быть доволенъ и десятою долею твоей нѣжности, что онъ не отдастъ, какъ я, за одно твое слово всю свою будущность... О! да это невозможно тебѣ постигнуть... если-бъ я зналъ, что на моемъ сердцѣ написано, какъ я тебя люблю, то я вырвалъ бы его сію минуту изъ груди и бросилъ бы къ те-

бѣ на колѣни... О, одно слово, Ольга, чтобъ я не проклялъ тебя, умирая...

— Проклинай!—отвѣтствовала она холодно...

Вадимъ неподвижный, подобный одному изъ тѣхъ безобразныхъ кумировъ, кои донинѣ иногда въ степи заволжской на холмѣ поражаютъ насъ удивленіемъ, стоялъ передъ ней, ломая себѣ руки, и глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобѣдимое страданіе... Все было тихо, лишь вѣтеръ по временамъ пробѣгалъ по крышѣ бани, взрывалъ гнилую солому и гудѣлъ въ пустой трубѣ... Вадимъ продолжалъ:

— Еще нѣсколько словъ, Ольга, и я тебя оставлю... это мое послѣднее усиліе... Если ты теперь не сжалишься, то знай— между нами нѣтъ болѣе никакихъ связей родства... я освобождаю тебя отъ всѣхъ клятвъ; мнѣ не нужно женской помощи; я безумецъ былъ, когда хотѣлъ повѣрить слабой дѣвушкѣ бичъ небснаго правосудія. Но... довольно!... довольно!... послушай!... если-бъ блѣдная собака, иссохшая, полуживая отъ голода и жажды, съ визгомъ приползла къ ногамъ твоимъ, а у тебя былъ бы кусокъ хлѣба... одинъ кусокъ хлѣба... отвѣчай, что бы ты сдѣлала?

— Сердце—не кусокъ хлѣба... оно не въ моей власти...

— А! не въ твоей власти!... А! По развѣ я это у тебя спрашивалъ.

— Ты хотѣлъ отвѣта... я отвѣчала...

— Въ тебѣ нѣтъ жалости!...

— А въ тебѣ есть жалость?

— Такъ ты его очень, очень любишь?

— Больше всего на свѣтѣ...

— А! больше всего на свѣтѣ... но это напрасно!

— Да, я его люблю... люблю... и никакая власть не разлучитъ насъ...

— Ошибаешься,—воскликнулъ съ горькимъ хохотомъ горбачъ,—онъ непременно долженъ умереть... и очень скоро...

— Я умру вмѣстѣ съ нимъ...

— О, нѣтъ, ты не умрешь... не надѣйся!..

— Я надѣюсь на Бога... онъ возьметъ насъ вмѣстѣ къ себѣ или спасетъ его, не смотря на всю твою злобу...

— Не говори мнѣ про Бога!... онъ меня не знаетъ; онъ не захочетъ у меня вырвать обреченную жертву—ему все равно... и не думаешь ли ты смягчить его слезами и просьбами? Ха, ха, ха!... Ольга, Ольга!... Прощай... я иду отъ тебя... но помни послѣднія слова мои: они стоятъ всѣхъ пророчествъ... Я говорю тебѣ: онъ погибнетъ; ты къ мертвому праху прилѣпила сердце твое... его имя вычеркнуто уже этой рукою изъ списка живущихъ... Да,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, и если хочешь, я въ доказательство принесу тебѣ его голову...—Онъ отвернулся, хотѣлъ повидимому что-то прибавить, но голосъ замеръ на пониженныхъ губахъ его, онъ закрылъ лицо руками и выбѣжалъ... быть можетъ, желая утаить смущеніе или невольныя слезы, или стремясь, съ сильнѣйшимъ порывомъ бѣшенства, исполнить немедленно свое ужасное обѣщаніе.

Ольга осталась почти безъ чувствъ, въ забытьи. Она едва видѣла, какъ братъ ея скрылся, едва слышала ударъ захлопнувшейся двери.

ГЛАВА XVIII.

До сихъ поръ въ густыхъ лѣсахъ Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерній, нѣкогда непроходимыхъ кромѣ медвѣдей, волковъ и сумыхъ безстрашныхъ ихъ гонителей, любопытный можетъ видѣть пещеры, подземные ходы, изрытые нашими предками, кои въ нихъ искали нѣкогда убѣжища отъ набѣговъ татаръ, крымцевъ и въ послѣдствіи отъ киргизовъ и башкиръ, угрожавшихъ мирнымъ деревнямъ даже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Послѣдній набѣгъ былъ въ 1769 году; но тогда, встрѣтивъ уже войска около сихъ мѣстъ, башкиры принуждены были удалиться, не дойдя нѣсколько верстъ до Саратова и не причинивъ значительнаго вреда. Случалось даже, что цѣлыя деревни были уведены въ плѣнъ и разсѣяны. Во времена, нами описываемыя, эти селенія не были еще, какъ теперь, завалены сухими листьями и хворостомъ, и одна изъ нихъ находилась не въ большомъ разстояніи отъ деревни Палицына. Народъ далъ ей прозваніе „Чортова Логовица“, и суевѣрныя преданія населили ее страшными кикиморами и рогатыми лѣшими.

Чтобы изъ села Палицына кратчайшимъ путемъ достигнуть этой удивленной пещеры, должно бы было перецѣпить рѣку и версты двѣ идти болотистой долиной, усѣянной кочками, ветловыми кустами, и покрытой высокимъ камышомъ. Только нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей умѣли по разнымъ примѣтамъ пробираться чрезъ это опасное мѣсто, гдѣ коварная зелень мховъ обманываетъ неопытнаго путника и высокій тростникъ скрываетъ ямы и тину. Болото оканчивается холмомъ, черезъ который прежде вела тропинка и спускается съ него поворачивала по косогору въ густой и мрачный лѣсъ; на опушкѣ столѣтнія липы, какъ стражи, казалось простирали огромныя вѣтви, чтобъ заслонить дорогу; казалось, на узорахъ ихъ сморщенной коры былъ написанъ адскими буквами этотъ извѣстный стихъ Данта: „*lasciate ogni speranza voi qui entrate*“. Тутъ тропинка снова постепенно ползла на отлогую длинную гору, извиваясь между деревъ какъ змѣя, исчезая по временамъ подъ сухими, хрупкими листьями и хворостомъ; наконецъ, лѣсъ начиналъ рѣдѣть, сквозь заборъ темныхъ деревъ начинало проглядывать голубое небо и вдругъ открывалась круглая луговина, обведенная лѣсомъ, какъ волшебнымъ очеркомъ, блистающая свѣтлою зеленью и пестрыми высокими цвѣтами, какъ островокъ среди угрюмаго моря; на ней во время осени всегда являлся высокій стогъ сѣна, воздвигнутый трудолюбіемъ какого-нибудь бѣднаго мужика; грозно-молчаливо смотрѣли на нее другъ изъ-за друга ели и березы, будто завидя ея свѣжести, будто намѣреваясь толпой подвинуться впередъ и злобно растоптать ея бархатную мураву. Отъ сей луговины еще три версты до „Чортова Логовица“, но тропинки уже нѣтъ нигдѣ... и должно идти все на востокъ, стараясь какъ можно менѣе отклоняться отъ сего направленія; лѣсъ не такъ высокъ, но колочіе кусты, хмѣль и другія растенія переплетаются неразрывною сѣткою корни деревъ, такъ что за три сажени нельзя почти разли-

чить стоящаго человѣка; иногда встрѣчаются глубокія ямы, гнѣзда бурею вырванныхъ деревъ, коихъ гнилыя колоды, обросшія зеленью и плющемъ, съ своими обнаженными сучьями, какъ крѣпостныя рогатки, прергаждаютъ путь; подъ ними, выкопавъ себѣ широкое логовище, лежитъ зимою косматый медвѣдь и сосетъ неистощимую лапу; дремучія ели, какъ черный пологъ, наклоняются надъ нимъ и убаюкиваютъ его своимъ непонятнымъ шопотомъ. Пройдя такимъ образомъ немного болѣе двухъ верстъ, слышится что-то похожее на шумъ падающихъ водъ, хотя человѣкъ непривыкшій къ степной жизни, воспитанный на бульварахъ, не различилъ бы этотъ дальній ропотъ отъ говора листьевъ; тогда, кинувъ глаза въ ту сторону, откуда вѣтеръ принесъ сіи новые звуки, можно замѣтить крутой и глубокой оврагъ. Его берегъ обсаженъ наклонившимися березами, коихъ бѣлые, нагіе корни, обмытые дождями весенними, висятъ надъ бездною длинными хвостами; глинистый скатъ оврага покрытъ камнями и обвалившимися глыбами земли, увлекшими за собою различные кусты, которые безпечно принялись на новой почвѣ; на днѣ оврага, если подойти къ самому краю и наклониться, придерживаясь за надежныя дерева, можно различить небольшой родникъ, но чрезвычайно быстро катящійся, покрывающійся по временамъ пѣною, которая бѣже пуха лебяжяго обстанивается клубами у береговъ, держится нѣсколько минутъ и, вновь увлечена стремленіемъ, исчезаетъ въ камняхъ и разсыпается объ нихъ радужными брызгами. На самомъ краю сего оврага снова начинается едва примѣтная дорожка, будто выходящая изъ земли; она ведетъ между кустовъ вдоль по берегу рывицы, и наконецъ, сдѣлавъ еще нѣсколько извилинъ, исчезаетъ въ глубокой ямѣ, какъ ужъ въ своей норѣ; но тутъ открывается маленькая поляна уставленная нѣсколькими высокими дубами; посерединѣ возвышаются три кургана, образующіе правильный треугольникъ; покрытые дерномъ и сухими листьями, они похожи съ перваго взгляда на могилы какихъ-нибудь древнихъ татарскихъ князей или наѣздниковъ, но взойдя въ середину между нихъ, мгновенно наблюдателя перемѣняется при видѣ отверстій, ведущихъ подъ каждый курганъ, который служитъ какъ бы сводомъ для темной подземной галереи; отверстія такъ малы, что едва на коѣнкахъ можетъ вползти человѣкъ, но когда сдѣлаешь такъ нѣсколько шаговъ, то пещера начинаетъ расширяться все болѣе и болѣе и наконецъ три человѣка могутъ идти рядомъ безъ труда, не задѣвая почти локтемъ до стѣны. Всѣ три хода ведутъ повидимому въ разныя стороны, сначала довольно круто спускается внизъ, потомъ по горизонтальной линіи, но галерея, обращенная къ оврагу, имѣетъ особенное устройство: нѣсколько сажень она идетъ отлогимъ скатомъ, потомъ вдругъ поворачивается направо, и горе любопытному, который неосторожно пустится по этому новому направленію—она оканчивается обрывомъ или лучше сказать, поворачивается вертикально внизъ: должно надѣяться на твердость ногъ своихъ, чтобы спрыгнуть туда—какъ ни говори—двѣ сажени не шутка. Но тутъ оканчиваются всѣ искус-

ственныя препятствія; она идет назадъ параллельно верхней своей части и въ одной съ нею вертикальной плоскости, потомъ склоняется на лѣво и впадаетъ въ широкую круглую залу, куда также примыкають двѣ другія. Эта зала устлана камнями, имѣетъ въ стѣнахъ своихъ четыре впадины въ видѣ нишей (niches); посерединѣ одинъ четвероугольный столбъ поддерживаетъ глиняный сводъ ея, довольно искусно образованный; возлѣ столба замѣтна яма, быть можетъ служившая нѣкогда вмѣсто печи несчастнымъ изгнанникамъ, которыхъ судьба заставляла скрываться въ сихъ подземныхъ переходахъ. Среди глубокаго безмолвія этой залы, слышно иногда журчаніе воды: то свѣтлый, холодный, но маленький ключъ, который, выходя изъ отверстія, сдѣланнаго вѣроятно съ намѣреніемъ въ стѣнѣ, пробирается вдоль по ней и наконецъ, скрываясь въ другомъ отверстіи, обложенномъ камнями, исчезаетъ; немолчный ропотъ безпокойныхъ струй оживляетъ это мрачное жилище ночи, какъ пѣсни узника оживляютъ безмолвіе темницы. Всѣ эти признаки доказываютъ, что наши предки могли бы и намѣревались выдержать здѣсь продолжительную осаду; впрочемъ камни и земля — все пошло мохомъ: при свѣтѣ фонаря можно различить въ стѣнѣ норы земляныхъ крысъ и другихъ скормныхъ звѣрковъ, любителей мрака и неизвѣстности; индѣ сводъ началъ обсыпаться, и отъ прежней правильности и симметріи почти не осталось никакихъ слѣдовъ.

Борисъ Петровичъ зналъ это мѣсто, ибо раза два изъ любопытства, будучи на охотѣ, онъ подѣзжалъ къ нему, хотя ни разу не осмѣлился проникнуть во внутренность мрачныхъ переходовъ. Когда онъ опомнился отъ страха, то „Чортово Логовище“, не смотря на это адское прозвище, представилось его мысли какъ единственное безопасное убѣжище... ибо остаться здѣсь, въ старомъ овишѣ, такъ близко отъ снящихъ палачей своихъ, было бы безразсудно... Но какъ туда пробраться?

Я долженъ вамъ признаться, милые слушатели, что Борисъ Петровичъ боялся смерти! Чувство, равно свойственное человѣку и собацѣ, вообще всемъ животнымъ... но дѣло въ томъ, что смерть Борису Петровичу казалась ужаснѣе, чѣмъ она кажется другимъ животнымъ, ибо въ эту минуту тревожная душа его, обнимая все минувшее, была подобна преступнику, осужденному испанской инквизиціей, упасть въ колодезь объятія мадонны долорозы (madonna dolorosa), этого искаженнаго, богохульнаго, страшнаго изображенія святѣйшей святыхи... О, я вамъ отвѣчаю, что Борисъ Петровичъ больше испугался, чѣмъ неопытный должникъ, который въ первый разъ обшаривая пустыя карманы, слышитъ за дверьми шаги и кашель чахоточнаго кредитора. Богъ знаетъ, что прочелъ Палицынъ на замаранныхъ листкахъ своей совѣсти; Богъ знаетъ, какіе образы тѣснились въ его воспоминаніяхъ — слово *смерть*, одно это слово такъ ужаснула его, что отъ одной этой кровавой мысли онъ раза три едва не обезпамятѣлъ, но его спасло именно отдаленіе всякой помощи: упавъ въ обморокъ, онъ также боялся умереть. Смерть! смерть со всѣхъ сторонъ являлась мутнымъ его очамъ,

то грозная, высокая съ распростертыми руками, какъ висѣлица; то неожиданная, везалпанная, какъ измѣна, какъ ударъ грома небеснаго... Она была снаружи, внутри его, вездѣ, вездѣ... она дробилась вдругъ на тысячу разныхъ видовъ, она насмѣшливо прыгала по влажнымъ его членамъ, подымала его сѣдые волосы, стучала его зубами другъ объ друга... Наконецъ, Борисъ Петровичъ хотѣлъ прогнать эту нестерпимую мысль... и чѣмъ же?... молитвой!... но напрасно!... уста его шептали затверженные слова, но на каждое изъ нихъ у души одинъ былъ отзывъ, одинъ отвѣтъ: смерть! Онъ старался придумать способъ къ бѣгству, средство, какое бы оно ни было... самое отчаянное казалось ему лучшимъ; такъ прошелъ часъ, прошелъ другой... эти два удара молотка времени сильно отозвались въ его сердцахъ; каждый свистъ неугомоннаго вѣтра заставлялъ его вздрогнуть, малѣйшій шорохъ въ соломѣ, произведенный торпливостію большой крысы или же другаго столь же мирнаго животнаго, казался ему топотомъ злодѣевъ... онъ страдалъ, жестоко страдалъ! И то сказать: каждому свой чередъ; счастье—женщина: коли полюбить вдругъ сначала, такъ разлюбить подъ конецъ. Борисъ Петровичъ также иногда веноминалъ о своей толстой подругѣ... и волосъ его ветавалъ дыбомъ: онъ понималъ молчаніе сына при ея имени, онъ объяснилъ себѣ его трепеть... въ его памяти пробѣгали картины прежняго счастья, не омраченнаго раскаяніемъ и страхомъ; они пролетали, какъ легкое дуновеніе, какъ листы сорванные вихремъ съ березы, мелкая мимо насъ, обманываютъ взоръ золотымъ и багрянымъ блескомъ, и упадають; очарованы ихъ волшебными красками, увлечены невѣроятною мечтой, мы поднимаемъ ихъ, разсматриваемъ... и не находимъ ни красокъ, ни блеска: эти простые, гнилыя, мертвые листы!

Между тѣмъ, дѣло подходило къ разсвѣту, и Палицынъ болѣе и болѣе утверждался въ своемъ намѣреніи: спрятаться въ мрачную пещеру, описанную нами. Но кто ему будетъ носить пищу?... гдѣ друзья? слуги? гдѣ рабы, низкіе, послушные мановенію руки, движенію бровей?... никого, рѣшительно никого! Онъ плакалъ отъ бѣшенства! Къ тому же, кто его туда проводить? какъ выдетъ онъ изъ этого душнаго овина, покуда его охотники не удалились... и не будетъ ли уже поздно, когда они удалятся?...

На разсвѣтѣ ему послышался лай, топотъ конскій, крикъ, брань и по временамъ призывный звукъ роговъ; это продолжалось съ полчаса, наконецъ, все умолкло; прошло еще полчаса; вдругъ онъ слышитъ надъ собой женскій голосъ: „баринъ! баринъ!—вставай... да отвѣчай же! не спишь ли ты?“

Вы можете вообразить, что онъ не спалъ, но молчаніе его происходило оттого, что сначала онъ не узналъ этотъ голосъ, а потомъ, хотя узналъ, но оледенѣлый языкъ его не повиновался. Онъ тихо приподнялся на ноги, какъ воскресшій Лазарь изъ гроба—и вылъ изъ сусѣка.

— Это ты, хозяйка! пролепеталъ онъ невнятно.

— Я, я!... да не бось... они всѣ уѣхали, поискали тебя немозжно, да и махнули рукой: туда-ста ему и дорога... говорятъ...

— Хозяйка,—первалъ Палицынъ,—ужь свѣтаеть... Послушай.. я придумалъ, куда мнѣ спрятаться... ты знаешь... отсюда недалеко есть мѣсто... говорятъ недоброе... да это все равно... ты знаешь „Чортово Логовище?“

Хозяйка въ ужасѣ три раза перекрестилась... и посмотрѣла пристально на Палицына.—Охъ, кормилецъ! бѣда! сатанинское это гнѣздо...

— Нѣтъ другаго!—возразилъ онъ въ отчаяніи.

— Оно бы есть, да больно близко твоей деревни... И то правда, баринъ, ты хорошо придумалъ... что начала, то кончу... ужь мнѣ грѣхъ тебя оставить... Вотъ тебѣ мужицкое платье, скинь-ка свой балахонъ... а я тебѣ дамъ сына въ проводники... онъ малый глупенекъ, да зато не болтливъ и ужь противъ материнскаго слова не пойдетъ...

Покуда Борисъ Петровичъ переодѣвался въ смурый кафтанъ и обвязывалъ запачканныя онучи вокругъ ногъ своихъ, солдатка подошла къ дверямъ овина, махнула рукой; явился малой, лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами, но складомъ и ростомъ богатырь. Онъ шелъ за матерью, которая шептала ему что-то на ухо, почесывая затылокъ и кивая головой; онъ зѣвалъ безпошадно и только по временамъ отвѣчалъ: „хорошо, мацька!“ Когда они приблизились къ Палицыну, то онъ ужь былъ готовъ. „Съ Богомъ!“—прошептала имъ вслѣдъ хозяйка... Они вышли въ поле чрезъ заднія ворота; Борисъ Петровичъ боялся говорить, Петруха не умѣлъ и не любилъ; это случайное сходство было очень кстати. Оставимъ ихъ на узкой лѣсной тропинкѣ пробирающихся къ грозному „Чортову Логовищу“, обоихъ дрожащихъ какъ листъ: одинъ—опасаяся погони, другой—бояся духовъ и привидѣній... оставимъ ихъ и посмотримъ, куда дѣвался Юрій, покинувъ своего чадолюбиваго родителя.

ГЛАВА XIX.

Юрій, выскакавъ на дорогу, ведущую въ село Палицыно, пріостановилъ усталую лошадь и поѣхалъ рысью; тысячу предпріятій и еще болѣе опасеній тѣснились въ умѣ его, но спасти Ольгу или по крайней мѣрѣ погибнуть возлѣ нея было первымъ чувствомъ, господствующею мыслию его. Любовь, сначала очень обыкновенная, даже незаслуживавшая имя страсти, отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ возрасла въ его груди до необычайности; какъ въ тѣни огромнаго дуба прячутся всѣ окружающіе его скромные кустарники, такъ всѣ другія чувства склонялись передъ этой новой властью, исчезали въ ея потокѣ.

По гладкой, но узкой дорогѣ ѣхалъ Юрій; его шпага, ударяясь объ бока лошади, неприятно возбудила ея благородное рвеніе; по обѣимъ сторонамъ дороги начинали желтѣть молодыя нивы—какъ молодой народъ, они волновались отъ легчайшаго дуновенія вѣтра; далѣе за ними тянулись—налѣво холмы, покрытые кудрявымъ кустарникомъ, а направо возвышался густой, старый, непроницаемый лѣсъ: казалось, мракъ черными своими глазами выглядывалъ изъ-подъ каждой вѣтви; казалось, возлѣ каждаго дерева стоялъ рогатый, кривоногіи лѣшій. Все молчало кругомъ,

иногда долеталъ до путника нашего жалобный вой волковъ, иногда отвратительный крикъ филина, этого ночнаго сторожа, этого члена лѣсной полиціи, который, засѣвъ въ свою будку, гнилое дупло, окликаетъ прохожихъ лучше всякаго часоваго. Но вдругъ Юрій услышалъ другіе звуки: это былъ конскій топотъ, который немовѣрно быстро приближался. Юрій хотѣлъ было своротить съ дороги, слѣдуя какому-то инстинкту... но гордость превозмогла; онъ остановился, вынулъ изъ кармана небольшой пистолетъ, взятый имъ изъ дому на всякій случай, осмотрѣлъ кремль, взвелъ курокъ и приготовился къ храброму отпору; скоро онъ замѣтилъ за собою, но еще очень далеко, бѣлѣющую пыль и наконецъ показался всадникъ, который мчался къ нему во всѣ лопатки.

Подскакавъ на разстояніе 50-ти шаговъ, незнакомецъ началъ удерживать ретиваго коня.

— Стой!—закричалъ Юрій,—не приближайся! или я разможу тебѣ голову. Кто ты таковъ?

— Или ты не узналъ меня, баринъ,—отвѣчалъ хриплый голосъ:—неужели ты хочешь убить вѣрнаго своего раба?

— Какъ? Это ты, Ѳедосей?—воскликнулъ удивленный юноша, приближаясь къ нему и стараясь различить его черты;—но зачѣмъ ты здѣсь?—продолжалъ онъ строго,—мнѣ не нужно спутниковъ... я знаю свою дорогу... развѣ я звалъ тебя?. Говори?..

— Эхъ, баринъ, баринъ!.. ты грѣшишь; я видѣлъ, какъ ты пріѣзжалъ... и тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ за тобой слѣдомъ, чтобъ совѣсть меня послѣ не укоряла... Я все знаю, батюшка... времена тяжкія... да ужь Ѳедосей тебя не оставитъ; гдѣ ты, тамъ и я сложу свою головушку. Богъ велѣлъ мнѣ служить тебѣ, баринъ; онъ меня спроситъ на томъ свѣтѣ: служилъ ли ты вѣрой и правдой господамъ своимъ... а кабы я тебя оставилъ, что бы мнѣ пришлось отвѣчать? Много нынче злодѣевъ, дурной сталъ народъ, да я не изъ нихъ, Юрій Борисовичъ... прикажи только, отецъ родной... и въ воду и въ огонь кинусь для тебя... ужь таково дѣло холопское, ты меня поилъ, и кормилъ до сей поры... теперь пришла моя очередь... сгину, а господъ не выдамъ...

Юрій былъ растроганъ; онъ ударилъ его по плечу и сказалъ:

— Если ты говоришь правду, Ѳедосей, то Богъ наградитъ тебя и семью твою; но ты знаешь, что я теперь не имѣю этой власти...

— Да куда ты ѣдешь, баринъ, одинъ одиноконекъ...

— Ѳедосей, я исполнилъ долгъ свой: извѣстилъ отца объ опасности, помогъ ему скрыться... и ѣду.—Юрій призадумался и наконецъ, отворотясь, молвилъ отрывисто—я хочу видѣться съ Ольгой.

„Вотъ что!—подумалъ Ѳедосей, поглаживая усы,—время думать объ дѣвкахъ, когда петля на шеѣ.“—Эй, баринъ, молвилъ онъ, осмѣлившись,—брось ее! что теперь за свиданья... опасно показаться въ селѣ... пожалуй, на грѣхъ мастера нѣтъ... охъ, кабы ты зналъ, что болтаетъ народъ...

— Я хочу ее видѣть... возьму ее съ собой... и только тогда буду заботиться объ опасности... Я хочу, я долженъ ее видѣть...

— Плохо!—пробормоталъ Ѳедосей.

Молча они ѣхали рядомъ нѣсколько времени, ни тотъ, ни другой не умѣя или не желая возобновить разговоръ. Въ такіе часы, когда рѣшается судьба наша, мы не тратимъ лишнихъ словъ, потому что дорожимъ каждымъ мгновеньемъ, потому что всѣ земныя страсти кипятъ въ умѣ и одного взгляда довольно, чтобъ заставить понять себя.

— Баринъ,—воскликнулъ вдругъ Ѳедосей,— посмотри-ка, кажись, наши гумна видѣются... Такъ, такъ!.. остановись-ка, баринъ; послушай, мнѣ пришло на мысль вотъ что: ты мнѣ скажи только, гдѣ найти Ольгу... я пойду и приведу ее, а ты подожди меня здѣсь у забора съ лошадьми... Сдѣлай милость, баринъ, не кидайся ты въ пелю добровольно... береженого Богъ бережетъ... а вѣдь ей нечего бояться... она не дворянка...

— Это предложеніе поразило Юрія; онъ почувствовалъ нѣкоторый стыдъ. „Какъ! — думалъ онъ,—и я для нея побуюсь пожертвовать этой глупой жизнью...“ Но скоро съ помощью нѣкоторыхъ услужливыхъ софизмовъ, онъ успокоилъ свою гордость, побѣдилъ стыдъ неумѣстный и, увы! согласился... слѣзъ съ коня и махнулъ рукою Ѳедосею на прощанье...

Я желалъ бы представить Юрія истиннымъ героемъ, но что же мнѣ дѣлать, если онъ былъ таковъ же, какъ вы и я! противъ правды словъ нѣтъ. Я ужъ прежде сказалъ, что только въ глазахъ Ольги онъ почерпалъ неистовый пламень, бурныя желанія, гордую волю, что внѣ этого волшебнаго круга, онъ былъ человѣкъ, какъ и другой—просто добрый, умный юноша—что дѣлать?

Когда Ѳедосей исчезъ за плетнемъ, окружавшимъ гумно, то Юрій привязалъ къ сухой ветлѣ усталыхъ коней и прилегъ на сырую землю; напрасно онъ думалъ, что холодный вѣтеръ и влажность высокой травы, проникнувъ въ его жилы, охладитъ кровь, успокоитъ волнующуюся грудь... всѣ признаки, всѣ невѣроятности, порождаемыя сомнѣніемъ ожиданія, кружились вокругъ него въ несвязной пляскѣ и невольно завлекали воображеніе все дальѣе и дальѣе, какъ иногда блудящій огонекъ, обманчивый фонарь какого-нибудь зловреднаго гения, заводятъ путника къ самому краю пропасти...

Юрій, чтобъ оторвать свою мысль отъ грозныхъ картинъ будущаго, обратилъ ее на прошедшее. Такъ врачи въ отчаянныхъ случаяхъ употребляютъ отчаянныя средства — но всегда ли они удаются?

И передъ нимъ началъ развиваться длинный свитокъ воспоминаній, и онъ въ изумленіи подумалъ: „уже ли ихъ такъ много? Отчего только теперь они всѣ вдругъ, какъ на праздникъ, являюся ко мнѣ?“ И онъ началъ перебирать ихъ одно по одному, какъ дѣвушка иногда, гадая, перебираетъ листки цвѣтка, и въ каждомъ онъ находилъ или упрекъ, или сожалѣніе, и онъ могъ по особенному преимуществу, дающемуся почти всѣмъ въ минуты сильнаго безпокойства и страданія, исчислить всѣ чувства, разбросанныя, растерянные имъ на дорогѣ жизни, но увы! эти чувства не принесли плода; одни, какъ сѣмена притчи, были поклеваны хищными птицами, другія потоптаны страни-

ками, инныя упали на камень и сгнили отъ дождей бесполезно.

Онъ сначала мысленно видѣлъ себя еще ребенкомъ, бѣлокуримъ, кудрявымъ, рѣзвымъ, шаловливымъ мальчикомъ, любимцемъ-баловнемъ родителей, грозой слугъ и особенно служанокъ; онъ видѣлъ себя невиннымъ воспитаникомъ природы, играющимъ на колѣняхъ няни, трепещущимъ при словѣ „бука“; онъ невольно улыбался, думая о томъ, какъ недавно прошли эти годы и какъ неозвратно они погибли.

Но вотъ насталъ возрастъ первыхъ страстей, первыхъ желаній... его отдадутъ воспитываться къ старой и богатой бабкѣ.—Анютка, простая дворовая дѣвочка, привлекла его вниманіе; о, сколько ласкъ, сколько словъ, взглядовъ, вздоховъ, обѣщаній—какія дѣтскія надежды, какія дѣтскія опасенія! — Какъ смѣшны и страшны, какъ безпечны и какъ таинственны были эти первыя свиданія въ темномъ коридорѣ, въ темной бесѣдкѣ, обсаженной густолиственной рябиной, въ березовой рошѣ у грязнаго ручья, въ соломенномъ шалашѣ полѣсовщика! О, какъ сладки были эти первыя, сначала непорочныя, чистыя и подъ конецъ претупныя поцѣлунки; какъ разгорались глаза Анюты, какъ трепетали ея едва образовавшіяся перси, когда горячая рука Юрія смѣло обхватывала неперетнутый станъ ея, едва прикрытый посконнымъ клѣтчатымъ платьемъ, когда уста его впились въ ея грудь, опаленную солнечнымъ зноемъ.

Но ему говорятъ, что пора служить... онъ спрашиваетъ, зачѣмъ? Ему грозно отвѣчаютъ, что 15-ти лѣтъ его отецъ былъ сержантомъ гвардіи, что ему уже 16; и такъ... и такъ, заложили бричку, посадили съ нимъ дядьку, дали 20 рублей на дорогу и большое письмо къ какому-то правнучатному дядюшкѣ... ударилъ бичъ, колокольчикъ зазвенѣлъ... прости воля и роди и поля, прости счастье, прости Анюта! Садясь въ бричку, Юрій встрѣтилъ ея глаза, неподвижныя, полныя слезами; она изъ-за дверей долго на него смотрѣла... онъ не могъ рѣшиться подойти, поцѣловать въ послѣдній разъ ея блѣдныя щеки, онъ какъ вихорь промчался мимо нея, вырвалъ свою руку изъ холодныхъ рукъ Анюты, которая мечтала хоть на минуту остановить его... „О, какой звѣрской холодности она приписала мой поступокъ, какъ смѣло она можетъ теперь презирать меня!“ думалъ онъ тогда... но что же! Онъ ее увидѣлъ 6 лѣтъ спустя... увы! она сдѣлалась дюжей толстой бабою; онъ видѣлъ, какъ она колотила слюнявыхъ ребятъ, мела избу, бранила пьянаго мужа самыми отвратительными рѣчами... очарованіе разлетѣлось какъ дымъ: настоящее отравило прелестъ минувшаго. Съ этихъ поръ онъ не могъ вообразить Анюту иначе, какъ рядомъ съ этой отвратительной женщиной; онъ долженъ былъ изгладить изъ своей памяти, какъ умершую, эту живую, черноглазую, черпобровую дѣвочку... и принесть эту жертву своему самолюбію, почти безъ всякаго сожалѣнія.

Между тѣмъ заботы службы, новыя лица, новыя мысли побѣдили въ сердцѣ Юрія первую любовь, изгладили въ его сердцѣ первое впечатлѣніе... Слава!... вотъ его кумирь... Война!... вотъ его наслажденіе... Походъ въ Турцію... О! какъ онъ упитаетъ кровью невѣрныхъ свою

острую шпагу, какъ гордо онъ станетъ поирать разрубленныя низверженныя чалмы поклонниковъ корала! Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ его по плечу и молвить: „молодецъ, хватя! лучше меня!... Помилуй Богъ!“ О! Суворовъ вѣрно ему скажетъ что-нибудь въ этомъ родѣ, когда онъ первый взлетитъ, свозъ огонь и градъ пулъ турецкихъ, на окровавленный валъ и, колеблясь, истекая кровью отъ глубокой, хотя бездѣльной раны, водрузитъ въ чуждую землю первое знамя съ двухглавымъ орломъ! О, какія поздравленія, какія объятія послѣ битвы!

Но войска перешли черезъ границу русскую—пылаютъ села невѣрныхъ на берегу Дуная, который, подмывая берега свои, широкой зеленой волной катится черезъ дикія поляны... О, какъ жадно вдыхалъ Юрій этотъ теплый, ароматный воздухъ, какъ страстно онъ кидался въ шумную стычку, съ какимъ наслажденіемъ погружалъ свою шпагу во внутренность безобразнаго турка, который, выворотивъ глаза, съ судорожнымъ движеніемъ кусалъ и грызъ холодное желѣзо! Но кто эта плѣнница, которую такъ бережливо скрываетъ онъ въ шатрѣ своемъ отъ взоровъ товарищей, любовныхъ и нескромныхъ? Кто она? О, это тайна! тайна, которую знаетъ лишь онъ да Богъ, если Богу есть какое-нибудь дѣло до сердца человѣческаго!

Онъ нашель ее полуживую, подъ пылающими угольями разрушенной хижины; неизъяснимая жалость зашевелилась въ глубинѣ души его и онъ поднялъ Зару—и съ этихъ поръ она жила въ его палаткѣ незрима и прекрасна, какъ ангель; въ ея чертахъ все дышало небесной гармоніей, ея движенія говорили, ея глаза ослѣпляли волшебнымъ блескомъ, ея бѣленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна, какъ фарфоровая игрушка, ея смугловатая твердая грудь воздымалась отъ малѣйшаго вздоха... Страсть блистала во всемъ: въ слезахъ, въ улыбкѣ, въ самой неподвижности; судя по ея наружности, она не могла быть существомъ обыкновеннымъ: она была или божество, или демонъ; ея душа была или чиста и ясна какъ веселый лучъ солнца, отраженный слезою умиленья, или черна какъ эти очи, какъ эти волосы, рассыпающіеся подобно водопаду по круглымъ бархатнымъ плечамъ... Такъ думалъ Юрій, и предался прекрасной мусульманкѣ, предался и тѣломъ и душою, не удостоивъ будущаго ни единымъ вопросомъ. Прошли двѣ недѣли, и онъ еще не былъ утомленъ сладострастіемъ, не былъ пресыщенъ поцѣлуями... О, друзья мои, это не шутка: двѣ недѣли!

Однажды... О, какъ живо теперь въ его памяти представляется эта грозная ночь... Юрій спалъ на мягкомъ коврѣ въ своей палаткѣ; походная лампада догорала въ углу и по временамъ невѣрный блескъ пробѣгалъ по полосатымъ стѣнамъ шатра, освѣщая серебряную отдѣлку пистолетовъ и сабелъ, отбитыхъ у врага и живописно развѣшанныхъ надъ ложею юности. Юрій спалъ, но вдругъ, какъ ужаленный скорпіономъ, пробудился; на него были устремлены два черные глаза и свѣтлый кинжалъ! Адъ и проклятіе! еще вчера онъ неосмысленно лобзалъ эти очи, еще вчера за эту маленькую ручку онъ бы отдалъ все свое имущество! Въ одно

мгновеніе вырвалъ онъ у Зары смертоносное орудіе и кинулъ далеко отъ себя—но турчанка не испугалась, не смутилась... она тихо отошла, сложила руки и склонила голову на грудь, готовая принять заслуженную казнь, готовая слушать безмолвно все упреки, все обиды... о въ ней точно кипѣла южная кровь!

— Неблагодарная, змѣя! воскликнулъ Юрій:— говори, развѣ смертью платятъ у васъ за жизнь? Развѣ на все мои ласки ты не знала другаго отвѣта, какъ ударъ кинжала? Боже! Создатель! такая паружность и такая душа! О, если все Твои ангелы похожи на нее, то какая разница между адомъ и раемъ? Пѣтъ, Зара! пѣтъ! это не можетъ быть... отвѣчай смѣло: я обманулся, это сонъ, я боленъ, я безумецъ! говори, чего ты хочешь?

— Я хочу свободы,—отвѣчала Зара.

— Свободы!.. а! я тебѣ наскучилъ... ты вспомнила о своихъ мшаретахъ, о своей хижинѣ—но они сгорѣли... съ той поры моя палатка сдѣлалась твоей отчиной... Но ты хочешь свободы... ступай, Зара!... Божій мѣръ великъ, найди себѣ домъ, друзей... ты видишь, и безъ моей смерти можно получить свободу...

Молча Зара вышла; онъ долго слѣдовалъ за нею взоромъ и мечтою; луна озаряла ея длинное покрывало, которое какъ бѣлый туманъ обвивалось вокругъ ея гибкаго стана; она, какъ призракъ, неслышно скользя по травѣ... вотъ скрылась вдали за палаткой... вотъ мелькнула и снова скрылась... прощай, Зара! прощай, роза Гулистана! прощай навѣки!

На другой день, рано утромъ, блѣдный съ мутнымъ взоромъ, безыкойный, какъ хищный звѣрь, рыскалъ Юрій по лагерю... Все было спокойно, солнце только что начинало разгораться и проникать одежду... вдругъ въ одномъ шатрѣ Юрій слышитъ ропотъ поцѣлueвъ, вздохи, стоны любви, смѣхъ и снова поцѣлueв и онъ прислушивается... онъ видитъ щель въ разорваномъ полотнѣ; непреодолимая сила приковала его къ этой щели... его взоры погружаются во внутренность подозрительнаго шатра... Боже правый!... онъ узнаетъ своего Зару въ объятіяхъ артиллерійскаго поручика!

Онъ не былъ мстительнъ, не злоба, но глубокая печаль проникла въ его душу... онъ много, много плакалъ... хотѣлъ умереть—и не умеръ, рѣшился забыть Зару и... друзья мои... заблудилъ ее!

Наконецъ кончилась война; знамена русскія, пошумѣвъ надъ берегами Дуная, свернулись; возвратясь на родину, Юрій рѣшился мстить измѣной всемъ женщинамъ вмѣсто одной—чрезвычайно покойная и умная выдумка!... Не одна 30-лѣтняя вдова рыдала у ногъ его, не одна богатая барыня сыпала золотомъ, чтобъ получить одну его улыбку... Въ столицѣ, на пышныхъ праздникахъ, Юрій съ злобною радостью старался сеорить своихъ красавицъ и потомъ, когда онъ замѣчалъ, что одна изъ нихъ начинала изнемогать подъ бременемъ насмѣшекъ, онъ подходилъ, склонялся къ ней съ этой небрежной ловкостью самодовольнаго юноши, говорилъ, улыбался... и все ея соперницы блѣднѣли. О, какъ Юрій забавлялся сей тайною, но убійственной войною! Но что ему осталось отъ всего этого? воспоминанія? да, но какія? горь-

жя, обманчивыя, подобно плодамъ, растущимъ на берегахъ Мертваго моря, которые, блистая румяной корою, таятъ подъ нею пепель, сухой, горячій пепель! И нынѣ сердце Юрія всякій разъ при мысли объ Ольгѣ, какъ трескучій факель, окропленный водою, съ усилениемъ и болѣе разгоралось; неровно, порывисто, оно билось въ груди его, какъ ягненокъ подъ ножомъ жертвоприносителя. Онъ смутно чувствовалъ, что это его послѣдняя страсть, узелъ, который судьба, не умѣла расплетъ, перерубить, подобно Александру.

ГЛАВА XX.

Федосей, не бывъ никѣмъ замѣченъ, пробрался черезъ гумна и наконецъ спустился въ знакомый намъ овражекъ, перелѣзъ черезъ плетень и приблизился къ банѣ. Но что же? въ эту рѣшительную минуту внезапный туманъ покрылъ его мысли: казалось, незримая рука отталкивала его отъ низенькой двери и вмѣстѣ съ этимъ онъ не имѣлъ силы удалиться, какъ боязливая птица, очарованная магнетическимъ взоромъ змѣи. Съ минуту онъ оставался неподвиженъ, но вдругъ опомнился, толкнулъ дверь—и вошелъ; но переступая черезъ порогъ, онъ оглянулся—и ему показалось, что черная тѣнь мелькнула за рябиновымъ кустомъ; онъ не успѣлъ различить и формы, но тайное предчувствіе говорило ему, что или злой духъ или злой человѣкъ. Когда Федосей, пройдя черезъ сѣни, вступилъ въ баню, то остановился, пораженный смутнымъ сожалѣніемъ; его дикое и трубое сердце сжалось при видѣ такихъ прелестей и такого страданія: на полу сидѣла, или лучше сказать, лежала Ольга, преклонивъ голову на нижнюю ступень полка и поддерживая ее правую рукою; ея небесныя очи, полузакрытыя длинными шелковыми рѣсницами, были неподвижны, какъ очи мертвой, полны этой мрачной и таинственной поэзіи, которую такъ нестроино, такъ обильно изливаютъ взоры безумныхъ. Можно было тотчасъ замѣтить, что съ давнихъ поръ ни одна алмазная слеза не прокатилась подъ этими атласными вѣками, окруженными легкой коричневатой тѣнью; всѣ ея слезы превратились въ ядъ, который немолимо грызъ ея сердце; ржавчина грызеть желѣзо, а сердце 18-лѣтней дѣвушки такъ мягко, такъ нѣжно, такъ чисто, что каждое дыханіе досады туманило его какъ стекло, каждое прикосновеніе судьбы оставляетъ на немъ глубокіе слѣды, какъ бѣдный пѣшеходъ оставляетъ свой слѣдъ на золотистомъ днѣ ручья. Ручей—это надежда; пока она свѣтла и жива, то въ нѣсколько мгновений слѣды изглажены, но если однажды надежда испарилась, вода утекла, то кому нужна до этихъ ничтожныхъ слѣдовъ, до этихъ незримыхъ ранъ, покрытыхъ одеждою приличій.

Холодна, равнодушна лежала Ольга на сыромъ полу и даже не пошевелилась, не приподняла взоровъ, когда вошелъ Федосей. Фонарь съ умирающей своей свѣчою стоялъ на лавкѣ и дрожащій лучъ, прорываясь сквозь грязныя зеленыя стекла, увеличивалъ блѣдность ея лица; блѣдныя губы казались зеленоватыми; полураспушенная коса бросала зеле-

новатую тѣнь на круглое гладкое плечо, которое, освободясь изъ плѣна, призывало поцѣлуй; душегрѣйка, смятая подъ нею, не прикрывала болѣе высокой роскошной груди; два мягкіе шара, бѣлые и хладные какъ снѣгъ, почти совѣтъмъ обнаженные, не волновались какъ прежде: взоръ мужчины безпренебреженно покоился на нихъ и ни малѣйшая краска не пробѣгала ни по шеѣ, ни по ланитамъ. Женщина, (только) потерявъ надежду, можетъ потерять стыдъ, это непопятное, врожденное чувство, это невольное сознаніе женщины въ неприкосновенности, въ святости своихъ тайныхъ прелестей.

Спрятавъ ноги подъ длинное платье, лежала Ольга, и въ недоумѣніи передъ нею стоялъ уполномоченный посланникъ Юрія; наконецъ онъ нетерпѣливо дернулъ ее за рукавъ.

— Вставай, вставай—время дорого.

— Ты опять здѣсь!—простонала она не приподнимая головы.

— Какой чортъ опять? да ты меня не узнала, што ли? Вставай—время дорого! Юрій Борисычъ ждетъ за гумнами... неравно безъ меня что съ (нимъ) случится...

— О, не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая-нибудь адская западня... О, Вадимъ, дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть въ покоѣ... тебѣ судьба за меня отплатитъ...

— Что ты, матушка, бредишь? помилуй... какой тутъ Вадимъ? я Федосей—чай, меня не забыла... Да вставай... баринъ остался одинъ... а время опасное...

Какъ пробужденная отъ сна вскочила Ольга, не вѣруя глазамъ своимъ; съ минуту пристально вглядывалась въ лицо сѣдаго ловчаго и наконецъ воскликнула съ внезапнымъ восторгомъ:—такъ онъ меня не забылъ! такъ онъ меня любить? любить? онъ хочетъ бѣжать со мною, далеко, далеко!—и она прыгала и едва не цѣловала шершавыя руки охотника—и смѣялась и плакала...—Нѣтъ,—продолжала она, немного успокоившись,—нѣтъ! Богъ не потерпитъ, чтобъ люди насъ разлучили, нѣтъ! Онъ мой, мой, на землѣ и въ могилѣ вездѣ мой; я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, онъ созданъ для меня, нѣтъ! онъ не могъ забыть свои клятвы, свои ласки...

— Я этого ничего не знаю,—прервалъ хладнокровно Федосей,—ужь вы тамъ съ баринномъ согласитесь, какъ хотите, купите или не купите, а я знаю только то, что намъ пора... если ужь не поздно...

— Но куда? какъ?

— Ужь это мое дѣло! провалъ побери... развѣ не вѣришь?

— Федосей, если ты обманываешь, оборони Боже...

— Что я за басурманъ... да скорѣе... Юрій Борисовичъ ждетъ насъ за гумнами на дорогѣ... чай, глазыньки проглядѣлъ...

— Я готова...

Федосей подавъ ей знакъ молчать, приблизился къ двери, отворилъ ее до половины и высунулъ голову съ намѣреніемъ осмотрѣть, все ли кругомъ пусто и тихо. Довольный своимъ обзоромъ, онъ, покашлявъ, проворчалъ что-то про себя и ужь готовился совершенно расхлопнуть дверь, какъ вдругъ онъ ахнулъ, схватился рукою за шею, вытянулся и въ су-

дорогахъ упалъ на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги... она затряслась всѣмъ тѣломъ... хотѣла кричать... не могла... Передъ нею Федосей плавалъ въ крови своей, грызъ землю и скребъ ее ногтями, а надъ нимъ съ топоромъ въ рукѣ на самомъ порогѣ стоялъ нѣкто еще ужаснѣе, чѣмъ умирающій: онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на Ольгу глазами коршуна и указывалъ пальцемъ на окровавленную землю; онъ торжествовалъ, какъ Геркулесъ побѣдившій змѣя: улыбка, ядовито-сладкая улыбка набѣгала на его красныя губы: въ ней дышала то гордость, то презрѣніе, то сожалѣніе—да, сожалѣніе палача, который не изъ собственной воли, но по повелѣнію высшей власти наноситъ смертный ударъ.

— Ты видишь! — сказалъ наконецъ Вадимъ съ глухимъ смѣхомъ, — я сдержалъ свое обѣщаніе... это онъ! не бойся взглянуть на наказанныя черты, нѣкогда молодого, свѣтлаго лица... Это онъ!... тотъ самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губахъ твоихъ замиралъ въ упоеніи, кто за одинъ твой нѣжный взглядъ оставилъ домъ, отца и мать,—для кого и ты бы ихъ покинула, если-бъ имѣла... Это онъ! бѣдный глухой юноша! который такъ гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, который съ такимъ самоудовольствіемъ носилъ свой зеленый раззолоченный мундиръ, который, окруженный лестію, сыпалъ деньги своимъ лътецамъ, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтобъ женщина кинулась въ его объятія—да!—что же онъ теперь! окровавленный прахъ! бездушный чурбанъ, не чувствующій даже обиды,—и Вадимъ толкнулъ ногою охладѣвшій трупъ и продолжалъ: Какъ отвратителенъ теперь онъ долженъ быть... посмотри, Ольга, я не хочу смягчать душу этимъ зрѣлищемъ; посмотри, какъ хороши его закатившіеся бѣлые глаза... Творецъ небесный!... кто же все это сдѣлалъ, кто превратилъ прекрасное созданіе Бога въ глыбу грязи? кто напиталъ эти кудри багрянимъ паникомъ? кто разбрызгалъ по стѣнѣ этотъ бѣлый чистый мозгъ?... кто?... я, я, я! ха! ха! ха! ха! презрѣнный нищій, безсилный рабъ, безобразный горбачъ! да! да! неужели это такъ удивительно?... Я говорилъ тебѣ, Ольга, не люби его! ты не послушалась; ты, какъ обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышныя обѣщанія; ты мнѣ не повѣрила: онъ обѣщалъ тебѣ счастье — мечту, а я обѣщавъ мечь и вѣрную мечь. Ты выбрала первое; ты смѣла помыслить, что люди могутъ противиться судьбѣ, будто бы я ужъ такъ давно отвергнуть Богомъ, что онъ захочетъ мнѣ отказать въ первомъ, послѣднемъ, единственномъ удовольствіи... Я твой братъ, Ольга, братъ! господинъ, повелитель, царь твой—насъ только двое на свѣтѣ изъ всего семейства — мой путь долженъ быть твоимъ; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: гдѣ бушуетъ моя ненависть, тамъ не цвѣсть любви твоей... Онъ на минуту замолкъ, его волосы стояли дыбомъ, глаза разгорались какъ уголья, и рука, простертая къ Ольгѣ, дрожала на воздухѣ; онъ поставилъ ногу на грудь мертвецу такъ крѣико, что слышно было, какъ захрустѣли кости, и принявъ торжественный видъ

жреца, произнесъ:—Свершилось—первое мое желаніе—онъ палъ вотъ онъ—убійца моихъ надеждъ; вотъ онъ, губитель моего первого блаженства—ненавижу тебя и въ могилѣ и беречься, если мы когда-нибудь встрѣтимся на томъ свѣтѣ! А ты, Ольга,—ты ступай, куда хочешь, между нами всѣ счеты кончены; я тебѣ заплатилъ—живи, умри—мнѣ все равно—прощай сестра!—прощай и ты, бѣдный юноша!

И Вадимъ, пожалъ плечами, приподнялъ голову мертвого за волосы, обернулъ ее къ фонарю, взглянулъ на позеленѣвшее лицо—вздрыгнувъ, взглянулъ еще ближе и пристальнѣе—вдругъ закричалъ и отскочилъ какъ бѣшеный—голова, выпущенная изъ рукъ, ударилась о землю какъ камень; это было мгновеніе, но въ семь мгновеній заключалась цѣлая и ужасная драма. Вадимъ, обманутый въ послѣдней надеждѣ, потерялся; онъ не могъ держаться на ногахъ: бѣдный, страшный, онъ присѣлъ на скамью—и какъ вы думаете, что онъ дѣлалъ? плакалъ; да, плакалъ, какъ ребенокъ, горькими слезами.

Онъ сидѣлъ и рыдалъ, не обращая вниманія ни на сестру, ни на мертвого: Богъ одинъ знаетъ, что тогда происходило въ груди горбача, потому что, закрывъ лицо руками, онъ не произнесъ ни одного слова болѣе... онъ, казалось, понималъ, что теперь боролся уже не съ людьми, но съ Провидѣніемъ, и смутно предчувствовалъ, что если даже останется побѣдителемъ, то слишкомъ дорого купить побѣду; но непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преграды, ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли! Такъ неутомимая волна день и ночь безъ устали хлещетъ и лижетъ гранитный берегъ: то старается вспрыгнуть на него, то снизу подмыть и опрокинуть; долго она трудится напрасно, каждый разъ отброшена въ дальнее море... но ничто ее не можетъ успокоить: и вотъ проходятъ годы, и подмытая скала срывается съ берега и съ гуломъ погружается въ бездну, и радостныя волны пляшутъ и шумятъ надъ ея могилкой.

И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ противустоять твердой волѣ человѣка? Воля—заключаетъ въ себя всю душу, хотѣтъ — значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить; однимъ словомъ, воля есть нравственная сила каждаго существа, свободное стремленіе къ созданію или разрушенію чего-нибудь, отпечатокъ божества, творческая власть, которая изъ ничего созидаетъ чудеса... О, если-бъ волю можно было разложить на цифры и выразить въ углахъ и градусахъ—какъ всемогущи и всезнающіи были бы мы!

Не знаю, сколько часовъ сидѣлъ въ забытіи Вадимъ, но когда онъ поднялъ голову, то не нашелъ возлѣ себя сестры; свѣжій вѣтеръ утра, прорываясь въ дверь, шевелилъ плащомъ убитаго и по временамъ казалось, что онъ потрясалъ головой, такъ высоко взвѣвались рыжіе волосы на челѣ его, увлаженномъ густой, полудалекейшей кровью. Вадимъ холодно взглянулъ на Федосея, покачалъ головой съ сожалѣніемъ, перешагнувъ черезъ протянутыя ноги и пошелъ скорыми шагами вдоль по оврагу. Востокъ бѣлѣлъ примѣтно и розовый блескъ

змѣй обрисовывалъ нижнія части большаго сѣраго облака, которое, имѣя видъ коршуна съ растянутыми крылами, держащаго змѣю въ когтяхъ своихъ, покрывало всю восточную часть небосклона; фантастически отбѣлялись предметы на дальнемъ небосклонѣ и высокія сосны и березы окрестныхъ лѣсовъ чернѣли, какъ часовые на рубежѣ земли; природа была тиха и торжественна, и холмы начинали озаряться сквозь бѣлый туманъ, какъ иногда озаряется лицо невѣсты сквозь брачное покрывало; все было свято и чисто—а въ груди Вадима какаѣ буря!

ГЛАВА ХХІ.

Было около двухъ часовъ пополудни; солнце медленно катилось по жаркимъ небесамъ и гибкіе верхіи деревъ едва колебались, перешопываясь другъ съ другомъ; въ густомъ лѣсу изрѣдка попѣвали страпствующія птицы, изрѣдка вѣшая кукушка повторяла свой унылый напѣвъ, мѣрный, какъ бой часовъ въ сырой готической залѣ. На муравѣ, подъ огромнымъ дубомъ, окруженные часто-сплетеннымъ кустарникомъ, сидѣли два человѣка: мужчина и женщина; ихъ руки были исцарапаны колючими вѣтвями и платья изорваны въ долгомъ странствіи сквозь чащу; усталость и печаль изображались на ихъ лицахъ, молодыхъ, прекрасныхъ.

Молодая женщина, скинувъ обувь, измокшую отъ росы, обтирала концомъ большаго платка розовую маленькую ножку, едва разрисованную лиловыми тонкими жилками, украшенную нѣжными прозрачными ноготками; она по временамъ поднимала голову, отряхнувъ волосы, ниспадающіе на лицо, и улыбалась свосему спутнику, который, облокотясь на руку, кидаль разсѣянные взгляды, то на нее, то на небо, то въ чащу лѣса. По временамъ онъ наморщивалъ брови, когда мрачная мысль прокрадывалась въ умъ его; по временамъ неожиданная влажность покрывала его голубые глаза—и если въ это время они встрѣчали радужную улыбку подруги, то быстро опускались, какъ будто бы пораженные яркимъ лучемъ солнца.

— Ты задумчивъ! — сказала она, — но отчего?—опасность прошла; я съ тобою... ничто не притивится нашей любви, небо ясно, Богъ милостивъ!... зачѣмъ грустить, Юрій! Это правда, мы скитаемся въ лѣсу, какъ дикіе звѣри, но за то, какъ они, свободны — пустыня будетъ нашимъ отечествомъ, Юрій, а лѣсныя птицы—нашими наставниками; посмотри, какъ онѣ счастливы въ своихъ открытыхъ тѣсныхъ гнѣздахъ...

— Да, — отвѣчалъ Юрій, — счастливы! и я возлѣ тебя счастливъ! Но твои шутки иногда для меня мучительны!...

— Развѣ лучше, если я буду плакать!...

— Ольга! ты мой ангелъ утѣшитель! О если бы ты знала, какія грозныя предчувствія тѣнятся въ душѣ моей! и какъ было не отгадать, что это случится, когда самые ужасные слухи такъ нагло разливались въ народѣ? Отчего они тогда казались намъ невѣроятны? а теперь русскіе дворяне гибнутъ и скрываются въ лѣсахъ отъ простаго казака, подлага самозванца и толпы кровожадныхъ разбойниковъ! Всѣ,

которые доселѣ готовы были цѣловать наши подошвы, теперь поднялись на насъ, о, змѣи! змѣи! Если бы я зналъ, я бы раздавилъ васъ... и вдругъ, въ одну ночь все погибло... мать, отецъ, имущество, родная кровля... все отнято... здѣсь ждетъ голодъ, холоды, жизнь нищажо—а тамъ висѣлица, пытки, позоръ... Боже! что мы сдѣлали?—о, казни меня самъ, но зачѣмъ поручить орудье казни этой грязной, подлой толгѣ рабовъ?

— Юрій успокойся... видишь, я равнодушно смотрю на потерю всего, кромѣ твоей нѣжности... Я видѣла кровь, видѣла ужасныя вещи, слышала слова, которыхъ бы ангелы испугались... но на груди твоей все забыто. Когда мы переплывали рѣку на конѣ и ты держалъ меня въ своихъ объятіяхъ такъ крѣпко, такъ страстно, я не позавидовала бы ни царигѣ, ни райскому херувиму... Я не чувствовала усталости, слѣдуя за тобой сквозь колючій кустарникъ, перелѣзая поминутно черезъ опрокинутые рогатые пни... Это правда, у меня нѣтъ ни отца, ни матери... При сихъ словахъ, произнесенныхъ безъ умысла, она поблѣднѣла и замолкла, какъ будто сама испугалась ихъ... Юрій обхватилъ ея мягкій станъ, приклонилъ къ себѣ и поцѣловалъ ее въ шею: дѣвственные груди облились румянцемъ и заволновались, стараясь вырваться изъ подъ упрямой одежды... О, сколько сладострастія дышало въ ея полураскрытыхъ пурпуровыхъ устахъ! Онъ жадно прильпился къ нимъ, лихорадочная дрожь пробѣжала по его тѣлу, томный вздохъ вырвался изъ груди...

— Ты права!—говорилъ онъ,—чего мнѣ желать теперь? Пускай придутъ убійцы... я былъ счастливъ!... чего болѣе для меня... я видаль смерть близко на ратномъ полгѣ и не боялся... и теперь не испугаюсь: я мужчина, я твердъ душой и тѣломъ и до конца не потеряю надежды спастись вмѣстѣ съ тобою... Но если надобно умереть, я умру не вздрогнувъ, не протонавъ... клянусь, никто подъ небесами не скажетъ, что твой другъ склонилъ колѣни передъ низкими палачами...

Въ такихъ разговорахъ пролетѣлъ часъ; они встали и пошли на востокъ, углубляясь въ лѣсъ болѣе и болѣе; вотъ подошли къ оврагу, и Юрій замѣтилъ изломанныя вѣтви и слѣды человѣка на сухихъ и гнилыхъ листьяхъ, кони уѣяна была земля.

— Пойдемъ по этому слѣду, Ольга,—сказалъ онъ подумавъ немного, — онъ приведетъ насъ куда нибудь... быть можетъ къ мѣсту спасенія...

— Чего бояться? пойдемъ... умереть съ голуду хуже; а если Богъ сохранилъ насъ доселѣ, то это значить, что онъ хочетъ быть нашимъ спасителемъ и далѣе... перекрестись... и пойдемъ...

Нѣсколько времени они шли, прилежно разбирая слѣды, мѣстами засыпанные свѣжими листьями и заброшенные сухимъ валежникомъ; наконецъ, послѣ долгихъ и утомительныхъ розысканій они выбрались на небольшую поляну, на которой между нѣсколькими деревьями возвышались три намъ уже знакомые кургана.

— Что это значить?—воскликнулъ Юрій, замѣтивъ чернѣющіе выходы пещеръ.

— Постой, постой, Юрій... такъ точно... благодари Провидѣніе... мы спасены.

— Но что такое? я не понимаю тебя!

— Я слышала много разказовъ про эти пещеры, Юрій; подъ этими курганами таятся глубокіе подземные ходы, куда только самые смѣлые охотники прокрадывались... но намъ чего бояться? это мѣсто безопаснѣе самаго крѣпкаго терема.

— Въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ Юрій, осматривая мѣсто,—если всѣ эти разказы справедливы, то мы спасены; остается только знать, не прячется ли въ нихъ дикій медвѣдь... или другой негостепріимный пустынный.

Подойдя къ одному изъ отверстій Чортова Логовища, Юрію показалось, что слышитъ запахъ дыма; онъ всунулъ туда голову—точно! но что это значитъ? ужъ не занята ли ихъ квартира?—Онъ сообщилъ свое замѣчаніе Ольгѣ: она испугалась, схватила его за руку и, какъ будто въ этой пещерѣ скрывалось грозное чудовище, съ трепетомъ воскликнула:— Пойдемъ отсюда... пойдѣмъ... не медли ни минуты...

— Иди... но куда же? ты забыла, что у насъ кромѣ синяго неба и темнаго лѣса нѣтъ ни кровли, ни пристанища... И чего бояться? это явно, что въ пещерѣ есть жители... Кто они таковы? что намъ за дѣло... если они разбойники, то имъ нечего съ насъ взять... если изгнанники подобны намъ, то еще менѣе причинъ къ боязни... къ тому же въ теперешнія времена злодѣи и убійцы не бояся смотрѣть на красное солнце, не стыдятся показывать свои лица въ народѣ...

— Но я боюсь, Юрій,—твои убѣжденія ничтожны—я боюсь...

И она, какъ пугливое дитя, уцѣпилась за его руку и устремивъ на него умоляющій взглядъ, то улыбалась, то готова была заплакать.

— Ты ребенокъ! стыдись...

— Я не знаю ни стыда, ничего... ради любви моей, не ходи въ пещеру, пойдѣмъ далѣе... это западня... какъ тамъ темно... какъ страшно...

— Послушай... если мы пойдѣмъ далѣе, то не зная окрестностей, забредѣмъ Богъ знаетъ куда и попадемся въ руки казаковъ; тогда я неизбежно погибъ—развѣ ты хочешь моей смерти?

— Юрій... и ты смѣешь дѣлать такіе вопросы?

— Итакъ, пусти меня... или лучше пойдѣмъ вмѣстѣ въ это подземелье, и пусть будетъ что суждено!

Съ этими словами, вынувъ шпагу, онъ на колѣняхъ вползъ въ одно изъ отверстій, держа передъ собою смертоносное оружіе и осязывая подвигаясь впередъ, дошелъ до того мѣста, гдѣ можно было идти прямо; сырой воздухъ могилы проникъ въ его члены, отдаленный ропотъ началъ поражать его слухъ, постепенно увеличиваясь; порою дымъ валилъ ему навстрѣчу, и вскорѣ передъ собою, хотя въ отдаленіи онъ различилъ слабый свѣтъ огня, который то вспыхивалъ, то замиралъ; сердце его забилось ожиданіемъ; онъ началъ подвигаться тише, стараясь произвѣстъ какъ можно менѣе шуму и готовясь къ отчаянному сопротивленію, въ случаѣ неожиданнаго нападенія хозяевъ этого

мрачнаго жилища, даже если бы то были существа безплотныя, духи зла и обмана.

Когда Юрій вошелъ въ круглую залу, неровно освѣщенную трескучимъ огонькомъ, разложеннымъ у подошвы четырехугольнаго столба, то сначала онъ ничего не могъ различить; пожирая нѣсколько сухихъ смолистыхъ вѣтвей, огонь ярко вспыхивалъ, бросая красныя искры вокругъ себя, а дымъ слоями разстилался по всему подземелью. Юрій остановился на минуту, чтобъ хорошенько осмотрѣться, и когда глаза его привыкли немного къ этой смрадной и туманной атмосферѣ, то онъ замѣтилъ въ одной изъ впадинъ стѣны что-то похожее на лицо человѣка, который, прижавшись къ землѣ, казался не обращать на него вниманія. Юрій рѣшился подойти поближе и приготовившись къ защитѣ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— Кто здѣсь?... вставай!... что ты за человекъ?... другъ или недругъ?... отвѣчай сію минуту, или будетъ худо!

Неизвѣстный приподнялся, вздрогнулъ, потеръ глаза и схвативъ огромную дубину, лежавшую у ногъ его, размахнулся не отвѣчая ни слова; окруженный дымомъ, который, какъ извѣстно, имѣетъ свойство увеличивать предметы и озаренный неровнымъ свѣтомъ огня, житель пещеры казался вѣроятно несравненно страшнѣе и огромнѣе, нежели былъ въ самомъ дѣлѣ.

Юрій, видя неравенство борьбы и не надѣясь отразить ударъ дубины тонкой стальной шпагой, отскочилъ проворно назадъ; дубина упала на огонь; красныя уголья и дымныя головешки съ трескомъ полетѣли во всѣ стороны.

— Остановись,—сказалъ Юрій,—или я тебя приношу насковозъ.

Незнакомецъ, какъ будто пораженный его голосомъ, остановился, началъ всматриваться и произнесъ довольно невнятно: кто ты?

Въ эту минуту яркій лучъ догорающаго огня озарилъ лицо Юрія; незнакомецъ-отецъ, не дождавшись отвѣта, кинулся къ нему и заревѣлъ хриплымъ голосомъ: сынъ мой! сынъ мой!

Они упали другъ другу въ объятія; они плакали отъ радости и отъ горя. И волчица прыгаетъ и воетъ и мотаѣтъ пушистымъ хвостомъ, когда найдетъ потеряннаго волченка, а Борисъ Петровичъ былъ человекъ, какъ вамъ это извѣстно, то есть животное, которое ничѣмъ не хуже волка, по крайней мѣрѣ такъ утверждали натуралисты и философы... и эти господа знаютъ природу человѣка столь же твердо, какъ мы грѣшныя наши утренія и вечернія молитвы—сравненіе чрезвычайно справедливо.

Между тѣмъ отецъ и сынъ со слезами обнимали, цѣловали другъ друга и не замѣчали, что недалеко отъ нихъ стояло существо имъ совершенно чуждое—существо забытое, но прекрасное, нѣжное,—женщина съ огненной душой чистой и свѣтлой какъ алмазъ; не замѣчали они, что каждая ихъ ласка или слеза были для нея убійственнѣе, чѣмъ ядъ и кинжалъ; она также плакала, но одна, одна, какъ плачетъ изгнанный херувимъ, взирая на блаженство своихъ братьевъ сквозь рѣшетку райской двери.

Когда Борисъ Петровичъ разказалъ сыну, какимъ образомъ съ помощью бѣдной, но гостепріимной солдатки, онъ былъ отведенъ въ это

уединенное убъжище, то прибавилъ: „Я рѣшился здѣсь оставаться, пока все не утихнетъ.—Войска разобьютъ бунтовщиковъ въ прахъ и въ прахъ — это необходимо. Но что можемъ мы сдѣлать вдвоемъ, безъ оружія, безъ друзей... окруженные рабами, которые рады отдать все, чтобъ посмотреть, какъ трупъ ихъ преняго господина мотается на висѣльцѣ?... ахъ и проклятіе! кто бы ожидалъ!...“

— Помилуйте, батюшка! невозможно, чтобы до васъ не доходили слухи, разлитые такъ изобильно въ нашемъ глупомъ народѣ!

— Слухи, слухи! а кто имъ вѣрилъ? напасть Вожія на насъ грѣшныхъ, да и только!... Живи теперь, какъ красный звѣрь въ зимней берлогѣ и не смѣй носа высунуть... сиди, не пей, не ѣшь, пока чужой мальчишка, очень ненадежный, не принесетъ тебѣ куска хлѣба... Вотъ онъ сказалъ, что будетъ сегодня по утру, а все нѣтъ, какъ нѣтъ!... чай, солнце уже закатилось, Юрій? а, Юрій?

Юрій не слыхалъ, не слушалъ; онъ держалъ бѣлую руку Ольги въ рукахъ своихъ, поцѣлуями осушалъ слезы, висяція на ея рѣсницахъ... Но напрасно онъ старался ее успокоить, обнадежить; она отвернулась отъ него, не отвѣчала, не шевелилась, какъ восковая кукла; неподвижно прилепившись къ стѣнѣ, она старалась вдохнуть въ себя ея холодную влажность. Отчего это съ нею сдѣлалось? какъ объяснить сердце молодой дѣвушки: миллионъ чувствованій тѣснится, кипитъ въ ея душѣ и нерѣдко и лицо и глаза отражаютъ ихъ, какъ зеркало отражаетъ буквы письма—наоборотъ!

— Здравствуй, Оленька, — сказалъ Борисъ Петровичъ, подойдя къ нимъ,—ты въ пору зачванилась, не поклонилась мнѣ, не поздоровалась. Правда, я теперь, какъ ты сама, безъ крова, безъ имущества...

— Развѣ я тогда была съ вами ласковѣе, — отвѣчала она отрывисто.

— А развѣ нѣтъ... Охъ... много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой въ послѣдній разъ поцѣловались... ты перемѣнилась, поблѣднѣла... а все еще красавица хотъ куда.

Онъ слегка ударилъ ее по плечу и хотѣлъ взять за подбородокъ, но Юрій, покраснѣвъ, схватилъ его за руку... Опомнясь въ ту же минуту, онъ тихо отвелъ руку отца; отойдя съ нимъ немного въ сторону, сказалъ глухимъ, но внятнымъ голосомъ:

— Если хотите быть моимъ отцомъ, имѣть во мнѣ покорнаго сына, то вообразите себѣ, что эта дѣвушка такая неприкосновенная святыня, на которой самое ваше дыханіе оставить вѣчныя пятна... Вы меня поняли... простите меня... моя кровь кипитъ при одной мысли... я мѣряю слова на аршинъ приличій... вы согласились на мое предложеніе... въ противномъ случаѣ, все, все забыто... уваженіе имѣть границы, а любовь—никакихъ.

ГЛАВА XXII.

Что же дѣлалъ Вадимъ? О, Вадимъ не любилъ праздности! Съ восходомъ солнца онъ отправился искать сестру на барскомъ дворѣ, въ деревнѣ, въ саду—вездѣ, гдѣ только могъ предположить, что она проходила или спряталась. Не-

удача за неудачей! Досадуя на себя, онъ задумчиво пошелъ по дорогѣ, ведущей въ лѣсъ мимо крестьянскихъ гуменъ; поровнявшись съ ними и случайно поднявъ глаза, онъ видитъ буланую лошадь въ шлѣпѣ и хомутѣ, привязанную къ забору; онъ приближается и замѣчаетъ, что трава измята у подошвы забора, и вдругъ взоръ его упалъ на что-то пестрое, похожее на кушакъ, повисшій между цѣпкихъ репейниковъ... Точно! это кушакъ!... точно!... онъ узналъ, узналъ! это цвѣтной шелковый кушакъ его Ольги! Какой внезапный лучъ истины озарилъ умъ печальнаго горбача! развѣ нужно спрашивать? О! при одной мысли объ немъ, при одномъ имени Юрія, вся кровь Вадима превратилась въ желчь. „Нечего дѣлать!“ думалъ горбачъ, скрежеща зубами,—„тебѣ удавая меня поддѣть, ты изъ моихъ рукъ вырвалъ добычу, ты посмѣялся надъ уродливимъ пищикомъ,—дерзкій, безумецъ—но будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!“ Онъ вскочилъ на лошадь и ударами принудилъ измученнаго коня скакать по дорогѣ въ селеніе... въ его головѣ уже развились новые планы, новые замыслы гибели и разрушенія.

На широкой и единственной улицѣ деревни толпился народъ въ праздничныхъ кафтанахъ, съ буйными криками веселья и злобы, вокругъ 30-ти казаковъ, которые, держа коней въ поводу, гордо принимали подарки мужиковъ и тянули ковшами густую брагу, передавая другъ другу ведро, въ которое староста по временамъ подливалъ хмѣльнаго напитка; дѣвки и молодки въ красныхъ и синихъ кумачныхъ сарафанахъ по четыре и болѣе, держа другъ друга за руку, ходили взадъ и впередъ по улицѣ, ухмыляясь и запѣвая веселыя пѣсни, а молодые парни, слѣдуя за ними, перешонтывались и порою громко отпускали лихія шутки на счетъ дородности и румянца красавицъ; вино и брага примѣтно распорядили ихъ словами и мыслями, они примѣтно позволили себѣ больше вольностей, чѣмъ обыкновенно, и женщины были примѣтно снисходительнѣй. Но оставимъ буйную молодежь и послушаемъ, объ чемъ говорили воинственные пришельцы съ сѣдобородыми старшинами? отгадать не трудно! Они требовали выдачи господъ, а крестьяне утверждали и клялись, что господа скрылись, бѣжали... увы! — къ несчастью казаки были объ нихъ слишкомъ хорошаго мнѣнія; они не хотѣли даже слышать этого, и урядникъ уже поднималъ свою толстую плеть надъ головою старосты и его товарищи ужъ произносили слово пытки; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ отправились на барскій дворъ и вскорѣ возвратились, таща прикащика на аркалѣ. Урядникъ, по прозванію Орленко, мужчина въ полномъ значеніи сего слова, высокій, крѣпкій сложеніемъ, усасть съ черной бородкой и румяными щеками, кинулъ презрительный взглядъ на бѣднаго прикащика, который, произнося несвязныя слова и возгласы, стоялъ передъ нимъ на колѣняхъ съ руками, связанными на спинѣ; конецъ веревки былъ въ рукѣ одного маленькаго рябаго казака, который, злобно улыбаясь, поминутно ее подергивалъ.

— Что это за птица, Грицкѣ!—сказалъ урядникъ маленькому казаку,—что это за клику-

ша?... отчего реветь, как воль? ужъ не онъ ли здѣшній господинъ?

— А бисъ его знаетъ!—отвѣчаетъ Грицко,—говорить, што прикащикъ... вѣдь отъ этихъ москалей безъ плетки толку не доберешься... я его нашель подъ лавкой въ кухнѣ и насилу выкурилъ оттуда головешкой.

Улыбка показалась на устахъ урядника, когда онъ замѣтилъ опаленные волосы и брови несчастнаго плѣнника, который, не спуская съ него глазъ и переставъ кричать, казалось, старался на лицѣ казака прочесть свой приговоръ.

— Такъ ты прикащикъ?—спросилъ Орленко, обратясь къ нему грозно.

Несчастный задрожалъ, хотѣлъ что-то вымолвить, и заикнулся.

— Что-жъ ты молчишь, собачій сынъ? я тебѣ этимъ кинжаломъ раздѣлю зубы...

— Виновать! я прикащикъ...

— А! такъ ты виновать!—сказалъ Орленко, наморщивъ брови и желая надъ нимъ позабавиться:—въ чемъ же ты виновать? сейчасъ признавайся... а не то, видишь!—Онъ пальцемъ указалъ на свои pistols.

— Батюшка! нѣтъ, я ни въ чемъ не виновать! ваше-жъ благородіе! помилуй...

— Ты у меня заширяться!...

— Виновать!—опять заревѣлъ прикащикъ,—сжалътесъ... я отъ страху не знаю, что говорю... я прикащикъ... Если бы я зналъ, гдѣ господь, такъ я бы самъ ихъ выдалъ нашему батюшкѣ! я бы самъ ихъ сжегъ на кострѣ, самъ бы своими руками съ нихъ кожу содралъ съ живыхъ...

— Будто бы! точно ли?

— Да убей меня Богъ! если я бы хоть одинъ волосокъ за нихъ отдалъ, злодѣвъ!

— Ну, а скажи-ка, отчего у тебя борода обрита?

— Борода?... да такъ... а что, родимый?

— Эй, ребята! я замѣчаю, что это плутъ большой руки...

— Ваше превосходительство! сказалъ прикащикъ привставъ, съ большею увѣренностью,—извольте спросить у вѣхъ мірянъ: любилъ ли я господь своихъ...

— Эй, вы! правду ли онъ говорить?

Мужики переминались, почесывая затылокъ, кашляли.

— Видишь, молчать! сказалъ насмѣшливо Орленко,—да я подозрѣваю... ужъ не самъ ли ты Палицынъ! борода-то мнѣ подозрительна... эй, мужички: какъ вы думаете? ха, ха, ха!

Увы! народъ молчалъ.

Прикащикъ бросилъ отчаянный взглядъ кругомъ, но не встрѣтивъ нигдѣ сожалѣнія, прикусилъ губу и, не зная что дѣлать, закричалъ: „Ахъ, вы нехристи, басурманы... что вы молчите, развѣ я не прикащикъ Матвѣй Соколовъ; развѣ въ первой разъ меня видите... что это вы морочите честныхъ людей... ахъ, вы канальи—развѣ забыли, какъ я васъ поролъ... или еще хочется...“

Лукавые мужички покашлиали; наконецъ, одинъ изъ нихъ, покачавъ головой, молвилъ:—Пороть-то ты насъ, братъ, поролъ... грѣшно сказать, лучшаго мы отъ тебя ничего не видали... да теперь-то ты насъ этимъ, любезной, не настра-

шаешь... всему свое время... выше лба уши не растутъ... а теперь не хочешь ли теперь? на себѣ примѣрить?

— Что же? ты его признаешь за барина своего? спросилъ Орленко.

— Баринъ-же онъ не совѣмъ баринъ,—сказалъ мужикъ,—да яблоко отъ яблони не далеко падаетъ; куда пошь—туда и попова собака!

— Что жъ я буду съ нимъ дѣлать?

— А что хочешь, кормилецъ! намъ все ровно... какъ присудишь, — заговорило нѣсколько голосовъ.

Прикащикъ упалъ въ ноги уряднику и заревѣлъ:—Смилуйся, отецъ родной, золотой ты мой, серебряной... что я тебѣ сдѣлалъ... не ужъ-то нашъ батюшка велитъ губить вѣрныхъ слугъ своихъ...

— А на что ему такихъ трусовъ, такихъ бабъ, какъ ты! вашей братьею только улицы мостить... Эй, мужички, возьмите его себѣ... я вамъ его дарю на животъ и на смерть... дѣлайте изъ него, что хотите!

Въ одно мгновеніе мужики его окружили съ шумомъ и проклятіями; слова: „смерть“, „висѣлица“, отдѣлялись по временамъ отъ общаго говора, какъ въ бурю отдѣляются удары грома отъ шума листьевъ и визга пронзительныхъ вѣтровъ; всѣ глаза налились кровью, всѣ кулаки сжались, всѣ сердца забились однимъ желаніемъ мести; сколько обидъ припомнилъ каждый, сколько способовъ придумалъ каждый заплатить за нихъ сторицею.

Вдругъ толпа раздалась, расхлынулась, какъ нѣкогда море, тронутое жезломъ Моисея, и человекъ уродливой наружности, небольшого роста, запыленный, весь въ поту съ изорванными одеждами, явился передъ казаками... Когда урядникъ его увидалъ, то снялъ шапку и поклонился, какъ старому знакомому, но Вадимъ, — ибо это былъ онъ, — не замѣтивъ его, обратился къ мужикамъ и сказалъ: „отойдите подальше, мнѣ надо поговорить о важномъ дѣлѣ съ этими молодцами...“ Мужики посмотрѣли другъ на друга и, не замѣтивъ ни на чемъ лицѣ желанія противиться этому неожиданному приказу и побѣжденные рѣшительнымъ видомъ страшнаго горбача, отодвинулись, разошлись и въ нѣсколькихъ шагахъ собрались снова въ кучку.

Тогда Вадимъ обернулся къ уряднику.

— Здравствуй, Орленко,—сказалъ онъ отрывисто, — звѣря я сослѣдилъ, а поймать ваше дѣло.

— Ужъ ты молодець, Красная Шапка, знаешь мы тебя... Съ этими словами Орленко ударилъ его по плечу.

Едва примѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Вадима, но обиженная гордость повиновалась необходимости... Какъ быть? этимъ ли еще однимъ онъ пожертвовалъ для своей грозной цѣли?

— Если хотите, я васъ наведу на слѣдъ Палицына, пожива будетъ, за это отвѣчаю, только съ условіемъ... и цортъ даромъ не трудится...

— Только укажи слѣдъ, — сказалъ улыбаясь Орленко, — а ужъ за наградой дѣло не станеть; сколько бы денегъ на немъ не нашли — вотъ тебѣ крестъ—десятую долю тебѣ.

— Денегъ! нѣтъ, я не хочу денегъ..

— Что жъ ты хочешь... крови?..

— Да, крови!—съ дикимъ хохотомъ отвѣчалъ горбачъ.

— Что жъ, и за этимъ дѣло не станеть...

— О, я васъ знаю! вы сами захотите потѣшиться его смертью... а что мнѣ толку въ этомъ! что я буду? стоять и смотрѣть? Нѣтъ, отдайте мнѣ его тѣло и душу, чтобъ я могъ въ одинъ часъ двадцать разъ ихъ разлучить и соединить снова, чтобъ я насытился его мученіями... одинъ... слышите ли... одинъ, чтобы ничье сердце, ничьи глаза не раздѣляли со мною этого блаженства... О, я не дуракъ... я вамъ не игрушка... слышите ли!

Нѣкоторые казаки были поражены его ужасными словами и мрачнымъ выраженіемъ этого лица, на которомъ такъ недавно стали отражаться его чувства во всей полнотѣ своей! Другіе, перемигиваясь, смѣялись надъ странными его тѣлодвиженіями.

— Ахъ ты уродъ, — сказалъ урядникъ;—ну, кто бы ожидалъ отъ тебя такую прыть! ха, ха, ха!

Вадимъ поблѣднѣлъ, бросилъ на казака тотъ взглядъ, который былъ его главнымъ оружіемъ, топнулъ ногою, заскрежеталъ, отвернулся чтобъ не могли прочесть его бѣшенства въ багровыхъ ланитахъ. Всѣ смотрѣли на него съ изумленіемъ.

— Коня!—закричалъ онъ вдругъ, будто пробудившись отъ сна, — дайте мнѣ коня... я васъ приведу, ребята, мы потѣшимся вмѣстѣ... вамъ вся честь и слава... мнѣ же... Онъ вскочилъ на коня, предложеннаго ему однимъ изъ казаковъ и, махнувъ рукою прочимъ, пустился рысью по дорогѣ; мигомъ вся ватага повскакала на коней, раздался топотъ, пыль взвилась и слѣдъ простылъ.

Съ отчаяніемъ въ груди смотрѣлъ связанный прикащикъ на удаляющуюся толпу казаковъ, умоляя взглядомъ неумолимыхъ палачей своихъ; съ дреколемъ тѣснились они около несчастной жертвы и холодно разсуждали о томъ, повѣсить его или заесть, или уморить съ голоду въ холодномъ анбарѣ; послѣднее средство показалось самымъ удобнымъ, и его съ торжествомъ, хохотомъ и пѣснями отвели къ пустому анбару, выстроенному на самомъ краю оврага, втолкнули въ узкую дверь и заперли на замокъ. Потомъ народъ разсыпался частью по избамъ, частью по улицѣ. Всѣ сѣи происшествія заняли гораздо болѣе времени, нежели намъ нужно было, чтобъ описать ихъ, и уже солнце начинало приближаться къ западу, когда волненіе въ деревнѣ утихло; дѣвки и бабы собрались на завалинкахъ и заплѣли праздничныя пѣсни; вскорѣ стада съ топотомъ, пылью и бляньемъ, возвращались съ паствы, разсыпались по улицѣ и ребятишки съ обычнымъ крикомъ стали гоняться за отсталыми овцами, и никто бы не отгадалъ, что часъ или два тому назадъ на этомъ самомъ мѣстѣ произнесенъ смертный приговоръ цѣлому дворянскому семейству.

ГЛАВА XXIII.

Вадимъ ѣхалъ передъ казаками по дорогѣ, ведущей въ ту небольшую деревеньку, гдѣ наканунѣ ночевалъ Борисъ Петровичъ. Онъ без-

молствовалъ, онъ мечталъ о сестрѣ, о родной кровлѣ... онъ прощался съ этими мечтами—навѣки! Казалось, его задумчивость, какъ облако, тяготѣла надъ веселыми казаками; они также молчали; иногда вырывалось шутивное замѣчаніе, за нимъ появились три-четыре улыбки—и только! Вдругъ одинъ изъ казаковъ закричалъ: „Стой, братцы! Кто это намъ ѣдетъ на встрѣчу, слышите топотъ... видите пыль, тамъ за изволокомъ... ужъ не наши ли изъ села Краснаго... то-то я думаю была пожива,—не то, что мы,—чай пальчики у нихъ облизать, такъ сытъ будешь... Э! да посмотрите... вѣдь точно, видно, они! Ахъ! разбойники... черти ихъ душу возьми... Экъ сколько телегъ за собой везутъ, цѣлый обозъ!“

И точно, толпа, подвигающаяся къ нимъ на встрѣчу, болѣе походила на караванъ, нежели на отрядъ вольныхъ жителей Урала; впереди ѣхало человекъ 50 казаковъ, предводительствуемыхъ однимъ старымъ сѣдымъ наѣздникомъ на сѣрой борзой лошади; за ними шло человекъ десять мужиковъ съ связанными назадъ руками, съ поникшими головами, безъ шапокъ, въ однихъ рубашкахъ; потомъ слѣдовали нѣсколько телегъ, нагруженныхъ поклажею, вниомъ, вещами, деньгами и наконецъ двѣ кибитки, покрытыя рогожей, такъ что нельзя было, не приподнявъ оную, разсмотрѣть, что въ нихъ находилось; нѣсколько верховыхъ казаковъ окружало сѣи кибитки. Когда Орленко съ своими казаками приблизился къ нимъ сажень на 50, то велѣлъ спутникамъ остановиться и подождать, приударилъ коня нагайкой и подокалъ къ каравану. „Здравствуй, молодецъ,—сказалъ ему сѣдой наѣздникъ съ приветливой улыбкой, — откуда и куда путь держишь?“

— А мы изъ села Краснаго, разбивали панскій дворъ... и веземъ этихъ собакъ къ Бѣлгородкѣ... онъ имъ советъ пеньковое ожерелье... не будутъ въ другой разъ бунтовать.

— Я отгадалъ, старый, что ты вѣрно въ Красномъ пировалъ... да кажется и теперь не съ пустыми руками.

— Да нельзя пожаловаться на судьбу... бочки три вина веземъ къ Бѣлгородкѣ.

— Къ Бѣлгородкѣ! Все ему? А зачѣмъ? У него и безъ насъ много! Эхъ, молодцы, кабы вмѣстѣ того, чѣмъ вести туда, мы его роспили за здоровье родной земли! Что бы вамъ моихъ казачковъ не поподчивать? У нихъ горло засохло, какъ Уральская степь; вѣдь мы съ утра только по чаркѣ браги выпили, а теперь ѣдемъ искать Палицына и Богъ знаетъ, когда съ вами опять увидимся...

Старый обратился къ своимъ и молвилъ: „Эй, ребята, какъ вы думаете? Вѣдь намъ до вечера не добраться къ мѣсту... аль сдѣлать привалъ... своихъ обдѣлать не надо... мы попируемъ, отдохнемъ... а тамъ что будетъ, то будетъ: утро вечера мудренѣе...“

„Стой!“ раздалось по всему каравану.

Стой! скрипучія колеса замолкли, пыль улеглась; казаки Орленки смѣшались съ своими земляками и, окруживъ телеги, съ завистью слушали рассказы послѣднихъ про богатыхъ добычи и про упрямыхъ господъ села Краснаго, которые осмѣлились оружіемъ защищать свою

собственность; между тѣмъ нѣкоторые отпра- вились къ рошѣ, возлѣ которой пробѣгалъ не- большой ручей, чтобъ выбрать мѣсто, удобное для привала, вслѣдъ за ними скоро тронулись туда телеги и кибитки, и наконецъ остальные казаки, ведя въ поводу лошадей своихъ...

Когда Вадимъ замѣтилъ, что его помощники вовсе не расположены слѣдовать за нимъ безъ отдыха для отысканія невѣрной добычи, осо- бенно имѣя передъ глазами двѣ милостивыя бочки вина, то, подѣхавъ къ Орленкѣ, онъ взялъ его за руку и молвилъ: „Итакъ, сегодня нѣтъ надежды!“

— Да, братъ, наврядъ; — да признаюсь, мнѣ самому надоѣло гоняться за этими крысами! Сколько ужъ я ихъ перевѣшалъ, право, и счетъ потерялъ, скорѣе сочту волосы въ хвостѣ мо- его коня.

Вадимъ круто повернулъ въ сторону, отъ- хвѣлъ прочь, слѣзъ, привязалъ коня къ тол- стой березѣ, и сѣлъ на землю; прислонясь къ березѣ, сложа руки на груди, онъ смот- рѣлъ на приготовления казаковъ, на ихъ без- заботную веселость; вдругъ его взоръ упалъ на одну изъ кибитокъ: рогожа была откинута и онъ увидѣлъ... О, если бъ вы знали, что онъ увидѣлъ? Во-первыхъ, изъ нея показалась сѣ- дая, лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова старика, лѣтъ 60-ти или болѣе; его взглядъ былъ мраченъ, но благороденъ, исполненъ этой холодной гордости, которая иногда родится съ нами, но чаще дается вос- питаніемъ, образуется отъ продолжительной привычки повелѣвать себѣ подобными. Одежда старика была изорвана и мѣстами запятана кровью, да, кровью, потому что онъ не хотѣлъ молча отдать наслѣдіе своихъ предковъ поим- ьмъ разбойникамъ, не хотѣлъ видѣть безчестіе дѣтей своихъ, не поднявъ меча за право соб- ственности... но рокъ измѣнилъ... онъ уже пе- решагнулъ двѣ ступени къ гибели: сопротив- ление, плѣвъ; теперь осталась третья — висѣлица!

И Вадимъ пристально, съ участіемъ всматри- вался въ эти черты, отлитыя въ какую-то особенную форму величія и благородства, ис- черченные котлами времени и страданій, ста- ринныхъ страданій, слившихся съ его жизнью, какъ сливаются двѣ однородныя жидкости. Но послѣдніе, самые жестокіе удары судьбы не оставили никакого слѣда на челѣ старика; его большіе сѣрые глаза, освѣщенные тяжелыми вѣками, медленно, строго пробѣгали картину развернутаго передъ ними случайно; ни бли- зость смерти, ни досада, ни ненависть, ни что не могло, казалось, огуманить этого спокойнаго всепроникающаго взгляда; но вотъ онъ обра- тилъ ихъ во внутренность кибитки, и что же? двѣ крупныя слезы, засверкавъ, невольно вы- бѣжали на сѣдья рѣсницы и чуть чуть не упа- ли на поднявшуюся грудь его. Вадимъ сталъ всматриваться съ большимъ вниманіемъ.

Вотъ показалась изъ-за рогожи другая голо- ва: женская, розовая, фантастическая головка, достойная кнѣги Рафаэля, съ дѣтскою, полу- сонной, полупечальной, полурадостной, невы- разимой улыбкой на устахъ; она прилегла на плечо старика такъ безпечно и довѣрчиво, какъ ложится капля росы небесной на листь, из- сушенный полднемъ, измятый грозою и стопами

прохожаго, и съ перваго взгляда можно было отгадать, что это отецъ и дочь, ибо въ ихъ взаимныхъ ласкахъ дышала одна печаль близ- кой разлуки, безъ малѣйшихъ отгѣнокъ стра- сти, святая печаль, почечительное сожалѣніе отца, опасенія балованной, любимой дочери.

Тяжело было Вадиму смотрѣть на нихъ; онъ вскочилъ и пошелъ къ другой кибиткѣ. Она была совершенно раскрыта и въ ней были двѣ дѣвушки, двѣ старшія дочери несчастнаго боярина; первая сидѣла и поддерживала голо- ву сестры, которая лежала у ней на колѣняхъ; ихъ волосы были растрепаны, перси обнажены; одежды изорваны; толпа веселыхъ казаковъ осыпала ихъ обидными похвалами, обидными насмѣшками... они однако не смѣли подойти къ старику: его строгій, пронзительный взоръ пора- жалъ ихъ дикія сердца непонятнымъ страхомъ.

Между тѣмъ казаки разложили у берега рѣч- ки нѣсколько яркихъ огней и расположились вокругъ; прикатали первую бочку — началась пирушка. Сначала веселый говоръ пробѣжалъ по толпѣ; смѣхъ, пѣсни, шутки, разказы, все сливалось въ одну нестройную, неполную му- зыку, но скоро шумъ началъ возрастать, воз- растать, какъ грозное кресчендо оркестра; хоръ сдѣлался согласнѣе, сильнѣе, выразительнѣе. О, какія пѣсни, какія рѣчи, какіе взоры, лица, тѣлодвиженія, буйныя вольныя! какія разно- цвѣтныя группы! Яркое пламя костровъ со- гласно съ догорающимъ западомъ озаряло кар- тину пира, когда Вадимъ рѣшился подойти къ нимъ, замѣшаться въ ихъ веселье.

— За здравіе нана Бѣлбородки! — говорилъ одинъ, выпивая разомъ полный ковшикъ, — онъ первый выдумалъ этотъ золотой походъ!

— Чортъ его побери! — отвѣчалъ другой, по- качиваясь: — славный малый! пьетъ какъ бочка, дерется какъ звѣръ... и умнѣе монаха.

— Ребята! у кого изъ васъ не замѣченъ ны- нѣшній день на тѣлѣ зарубкою, тотъ поди ко мнѣ, я сослужу ему службу!...

— Ахъ ты хвастунъ, ляхъ проклятый! Ты во все время сидѣлъ съ винтовкой за анба- ромъ, ха, ха, ха!

— А ты, рыжій гдѣ спрятался, признавайся, когда старикъ-то залеря въ свѣтелкѣ, да на- чаль отстрѣливаться?

— Я? а гдѣ бишь... да я тутъ же былъ съ вами! да кто же, если не я подстрѣлилъ того длиннаго молодца, что съ топоромъ высунулся изъ окна...

— Да это было прежде... ну, а если ты былъ тутъ, то скажи, что сдѣлалъ старій бояринъ, когда нашъ Грицко удалой повалилъ его сына? — Что? ничего...

— Такъ врешь! онъ положилъ его поперегъ окна и прислонивъ къ нему ружье, выстрѣлилъ въ десятого... вотъ повалилъ-то! какъ спонъ! Ужъ я цѣлить, цѣлить въ его меньшую дочь... вѣдъ разбойница! стоитъ за простѣнкомъ себѣ, да заряжаетъ ружья... по крайней мѣрѣ двѣ другія лежали безъ памяти у себя на по- стеляхъ...

— А много вашихъ легло?

— Да человекъ десятокъ есть... за то ужъ мы, какъ ворвались въ домъ, всѣхъ покروши- ли, кромѣ господъ... да этимъ суждено умирать не молодецкой смертью...

— Чего же вы ждете? осины есть... веревки есть...

— Да власти нѣтъ... старшина велитъ вести ихъ къ Бѣлбородкѣ!

— Эхъ, кабы я былъ старшина...

Тутъ ковшъ еще разъ пропутешествовалъ по рукамъ и сухой вернулся къ своему источнику. Умы заклокотали сильнѣе и лица разгорѣлись кровавымъ заревомъ.

— Кто вамъ мѣшаетъ ихъ убить! — развѣ боитесь своихъ старшинъ? сказалъ Вадимъ съ коварной улыбкой.

Это была искра, брошенная на кучу пороха. — „Кто мѣшаетъ! заревѣли пьяные казаки, — кто смѣетъ намъ мѣшать! мы дѣлаемъ что хотимъ, мы не рабы, чортъ возьми! Убить, да убить! отомстимъ за нашихъ братьевъ! пойдемте ребята!“ И толпа съ воемъ ринулась къ кибиткамъ; несчастный старикъ спалъ на груди своей дочери; онъ вскочилъ, высунулся... и все понялъ!...

— Чего вы хотите? сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— А, старый воронъ! старый филинъ!... мы тебя выгучимъ воздушной пляскѣ... пожалуй-ка сюда... Да выходи же... сказалъ одинъ, подтверждая приказаніе ударомъ плетью.

Старикъ медленно вышелъ изъ кибитки, дочь выпрыгнула вслѣдъ за нимъ, уцѣпилась обѣими руками за его платье. — „Не бойся, — шепнула онъ ей, обнявъ одной рукой, — не бойся... если Богъ не захочетъ, они ничего не могутъ намъ сдѣлать, если же...“ онъ отвернулся... О! какъ изобразить выраженіе лица бѣдной дѣвушки! сколько прелестей, сколько отчаянія!

— Разнимите ихъ! закричалъ одинъ кривой исподлинь, приготавливая петлю, — что они лжуютъ!

Ихъ хотѣли растащить, но дѣвушка въ бѣшенствѣ укусила жестокую руку. „Перестань, — сказалъ отецъ твердымъ голосомъ, — ты этимъ не поможешь; если мнѣ суждено погибнуть отъ злодѣйскихъ рукъ, безъ покаянія... какъ ба-сурману...“ — Не можетъ быть, не можетъ быть, батюшка... ты не умрешь... „Отчего же, дочь, не можетъ быть? и Христосъ умеръ! молись...“ Она отрывисто качнула головой — и заплакала... Боже! какія слезы!

Не смотря на это ихъ растащили; но вдругъ она вскрикнула и упала; отецъ кинулся къ ней, съ удивительной силой оттолкнулъ двухъ казаковъ — прижалъ руку къ ея сердцу... она была мертва, блѣдна, холодна, какъ сырая земля, на которой лежало ея молодое непорочное тѣло.

— Теперь пойдемте, — сказалъ старикъ. Его глаза заблестали мрачнымъ пламенемъ... онъ махнулъ рукой... ему надѣли на шею петлю, перекинули конецъ веревки черезъ толстый сукъ и — раздался громкій хохотъ, потомъ вдругъ молчаніе, молчаніе смерти...

Но, увы! еще не кончились его муки; пьяные безумцы прежде времени пустили конецъ веревки, который взвился къверху; мученикъ сорвался, ударился о-земь и нога его хрустнула; онъ застоналъ и повалился возлѣ трупа своей дочери. „Убийцы — прохрипѣлъ онъ, вотъ вамъ мое проклятье, проклятье!“ — Заткни ему горло, — сказалъ Орленко. Это было сожалѣніе:

два ножа въ минуту воткнулись въ горло старика и онъ умолкъ.

Когда казаки захотѣвъ увѣрнуться въ его кончинѣ, стали приподнимать его за руки, то замѣтили, что въ послѣднихъ судорогахъ онъ крѣпко ухватилъ ногу своей дочери, впился въ нее костяными пальцами, которые замерли на нѣжномъ тѣлѣ... О, это было ужасно... Они смѣялись.

Божественная, милая дѣвушка! и ты погибла, погибла безъ возврата... одинъ ударъ и свѣжій цвѣтокъ склонилъ голову! Твое слабое сердце, какъ нить изглѣвшая — разорвалась... ни одно рыданье, ни одно слово мира и любви не уследило отлета души твоей рѣзвой, чистой какъ радужный мотылекъ, невинной какъ первый вздохъ младенца; грозныя лица окружали твое сырое смертное ложе, проклятіе было твоимъ надгробнымъ словомъ! какая будущности! какое прошедшее! и все въ одинъ мигъ разлетѣлось. Такъ иногда вечеромъ облака дымныя, багряныя, лиловыя гурьбой собираются на западѣ, свиваются въ столпы огненные, сплетаются въ фантастическіе хороводы, и замкъ съ башнями и зубцами чудный, какъ мечта поэта, растетъ на голубомъ пространствѣ... но дунулъ сѣверный вѣтеръ, и разлетѣлись облака, и упадаютъ росой на безчувственную землю... Миръ съ тобою, дѣва красоты, ангелъ твой хранитель да споетъ надъ твоимъ прахомъ пѣснь мира, любви и прощенья!

А между тѣмъ Вадимъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее и на старика также равнодушно и любопытно, какъ бы мы смотрѣли на какой-нибудь физической опытъ, онъ, чье неумѣстное слово было всему виною...

Погодите, это легко объяснить вамъ.

Во-первыхъ, онъ хотѣлъ узнать, какое чувство волнуетъ душу при видѣ такой казни, при видѣ самыхъ ужасныхъ мукъ человѣческихъ — и нашелъ, что душу ничего не волнуетъ.

Во-вторыхъ, онъ хотѣлъ узнать, до какой степени можетъ дойти непоколебимость человѣка — и нашелъ, что есть испытанія, которыхъ перенестъ никто не въ силахъ. Это ему подаю надежду увидать слезы, раскаяніе Палицына — увидать его у ногъ своихъ грызущаго землю въ бѣшенствѣ, цѣлующаго его руки отъ страха — надежда усадительная, нѣтъ никакого сомнѣнія.

Ужъ было темно; огни догорали; толпа постепенно умолкала и многіе ужъ спали беззаботно. Луна, всплывая на синее небо, осеребрила струи вьющейся рѣчки и туманную отдаленность; черныя облака медленно проходили мимо нея, какъ ночной сторожъ ходитъ взадъ и впередъ мимо пылающаго маяка.

Вадимъ сидѣлъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, подъ толстой березой, сложа руки и угрюмо глядя на небо. Къ нему подошелъ Орленко.

— Посмотри, какъ весело! Отчего ты одинъ сердить, задумчивъ, горбачъ? — сказалъ онъ, ударивъ его по плечу.

— Ты видишь это облако, которое, какъ медвѣжья косматая шуба, виситъ надъ мѣсяцемъ? — отвѣчалъ Вадимъ, приподнявъ голову съ пронзительной усмѣшкой.

— Вижу.

— Ну, а какъ ты думаешь, что таится въ глубинѣ его?

— Что? по моему, громъ и молнія... вишь какъ насупилось...

— И ты спрашиваешь, зачѣмъ я угрюмъ и молчаливъ?

Орленко, не понявъ горбача, пожалъ плечами и отошелъ прочь.

ГЛАВА XXIV.

Теперь оставимъ пирующую и сонную ватагу казаковъ и перенесемъ въ знакомую намъ деревеньку, въ избѣ бѣдной солдатки. Дѣло подоходило къ разсвѣту, луна спокойно озаряла соломенные кровли дворовъ, и все казалось погруженнымъ въ глубокой, мирный сонъ; только въ избѣ солдатки свѣтилась тусклая лучина и по временамъ раздавался рѣзкій грубый голосъ солдатки, коему отвѣчалъ другой, чрезвычайно жалобный и плаксивый—и это покажется чрезвычайно обыкновеннымъ, когда я скажу, что солдатка била своего сына.

Я бы съ великимъ удовольствіемъ пропустилъ эту неприятную, пошлую сцену, если-бъ она не служила необходимымъ изъясненіемъ всего слѣдующаго; а такъ какъ я предполагаю въ своихъ читателяхъ должную степень любопытства, то не почитаю за необходимость долѣе извиняться.

— Ахъ, ты дѣлтай! чтобъ тебѣ сдохнуть.... собачій сынъ!—говорила мать, таская за волосы своего дѣтища.

— Матушки, батюшки! помилуй... золотая, серебряная... не буду!...—ревѣлъ длинный балбѣсъ, утирая глаза кулаками.—И вчера, вишь, понесъ имъ хлѣба да квасу въ кувшинѣ... Вотъ, слышь, мачка, а шель... шель... да меня лѣшій и обошелъ... а я усталъ, да и легъ спать въ кусты, мачка... Вотъ, когда я проснулся... мнѣ больно бѣтъ захотѣлось... я все и съѣлъ...

— Ахъ ты разбойникъ... экова болвана выростила... запорю тебя до смерти...—И удары снова градомъ посыпались ему на голову.—Чай онъ, мой голубчикъ, — продолжала солдатка, — тамъ либо съ голоду померъ, либо вышелъ да попался въ руки душегубамъ... а ты нечесаная голова и не подумалъ объ этомъ... Да знаешь ли, что за это тебя черти на томъ свѣтѣ жваго зажарятъ... вотъ родила я какого негодя на свою голову... ужъ кабы знала, не видать бы твоему отцу отъ меня ни к...а! — И снова тяжкіе кулаки ея застучали о спину и зубы несчастнаго, который прижавшись къ печи, закрывалъ голову руками и только по временамъ испускалъ стоны почти нечеловѣческіе.

И за дѣло! бѣдные изгнанники по милости негодяя болѣе сутокъ оставались безъ пищи, и отчаяніе уже начинало вкрадываться въ ихъ души! И въ самомъ дѣлѣ, какъ выйти, гдѣ искать помощи, когда по вѣсѣмъ признакамъ послѣдніе покровители ихъ покинули на произволъ судьбы!

Между тѣмъ пока солдатка била своего парня, кто-то перелѣзъ черезъ частоколь, ощупью пробрался черезъ дворъ заставленный дровнями и колодами и вошелъ въ темныя сѣни невѣрными шагами; усталость говорила во вѣсѣхъ его движеніяхъ; онъ прислонился къ стѣнѣ и

тяжело вздохнулъ, потомъ тихо пошелъ къ двери избы, приложилъ къ ней ухо и узнавъ голосъ солдатки, отворилъ дверь—и вошелъ. Догорающая лучина слабо озарила его бѣдное, исхудавшее лицо: не говоря ни слова, онъ въ изнеможеніи присѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками.

Хозяйка вскрикнула при видѣ незваннаго гостя, но вскорѣ, вѣроятно узнавъ его и опасаясь свидѣтелей, поспѣшно притворила дверь и подошла къ нему съ видомъ простодушнаго участія.

— Что съ тобою, мой кормилецъ? Ахъ, Матерь Божія! да какъ ты зашелъ сюда... слава Богу! Я думала, что тебя злодѣи-то давнымъ давно извели!...

— Случайно я нашелъ батюшку въ Чортовомъ Логовищѣ,—отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ,—ты его спасла! благодарю... я пришелъ за хлѣбомъ...

— Ахъ я проклятая! ахъ я безумная! а вы тамъ, чай, родимые, голодали, голодали... нѣтъ, я себѣ этого не прощу... А ты, болванъ неотесанный, — закричала она, обратясь къ сыну,—все это по твоей милости... собачій сынъ... И снова удары посыпались на бѣдняка.

— Дай мнѣ чего-нибудь, — сказалъ Юрій.

Эти слова напомнили ей дѣло болѣе важное; она вынула изъ печи хлѣба, поставила передъ нимъ горшокъ снятаго молока и онъ съ жадностью кинулся на предлагаемую пищу; въ эту минуту онъ забылъ все: долгъ, любовь, отца, Ольгу, все, что не касалось до этого благодатнаго молока и хлѣба. Если бы въ эту минуту закричали ему на ухо, что самъ грозный Пугачевъ въ 30-ти шагахъ, то несчастный еще подумалъ бы: оставить ли этотъ неоцѣненный ужинъ и спастись, или утолить голодь и погибнуть; у него не было уже ни ума, ни сердца—онъ имѣлъ одинъ только желудокъ.

Пока онъ ѣлъ и отдыхалъ, прошелъ часъ, драгоценный часъ; востокъ бѣлѣлъ непримѣтно, и уже дальніе края туманныхъ облаковъ начинали одѣваться въ утреннюю свою парчевую одежду, когда Юрій, обремененный ношею съѣстныхъ припасовъ, собирался выдти изъ гостеприимной хаты.

Вдругъ раздался на улицѣ конскій топотъ и кто-то проскакалъ мимо оконъ; Юрій поблѣднѣлъ, уронилъ мѣшокъ и значительно взглянулъ на остолбенѣвшую хозяйку; она подбѣжала къ окну, всплеснула руками и простодушное загорѣлое лицо ея изобразило ужасъ.

— Дѣлать нечего, — сказалъ Юрій, призвавъ на помощь всю свою твердость,—не правда ли я погибъ? говори скорѣе, потому что я не люблю неизвестности...

И хозяйка не отвѣчала; она приподняла половицу возлѣ печи и указала на отверстіе пальцемъ; Юрій понялъ сей выразительный знакъ и поспѣшно спустился въ небольшой холодный погребъ, уставленный домашней утварью.

— Что бы ты ни слыхалъ, что бы въ избѣ ни творили со мной, баринъ,—не выходи отсюда прежде двухъ днѣй, Боже тебя сохрани! Здѣсь есть молоко, квасъ и хлѣбъ, на два дни станеть... и тяжелая доска, какъ гробовая крышка, хлопнула надъ его головою.

Хозяйка, чтобы не возбудить подозрѣній,

стала возиться у печи, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

Скоро дверь распахнулась съ трескомъ и вошли казаки, предводительствуемые Вадимомъ.

— Здѣсь былъ Борисъ Петровичъ Палицынъ съ охотниками?—спросилъ Вадимъ у солдатки, — гдѣ они?

— На зарѣ, чѣмъ свѣтъ, уѣхали, кормилецъ!

— Лжешь; охотники уѣхали, а онъ здѣсь.

— И, помилуйте, отцы родные, да что мнѣ его прятать... вѣдь онъ, чай, не мой баринъ...

— Въ томъ-то и сила, что не твоя! — подхватилъ Орленко, и ударивъ ее плетью, продолжалъ:

— Ну, живо поворачивайся, укажи гдѣ онъ у тебя сидитъ... а не то...

— Дѣлайте со мною, что угодно, — сказала хозяйка, повѣсивъ голову, — а я знать не знаю, вотъ вамъ Христось и Святая Богородица! Ищите, батюшки, а коли не найдете, не пейните на меня грѣшную.

Нѣсколько казаковъ по знаку атамана отправились на дворъ за поисками и черезъ четверть часа возвратились, объявивъ, что ничего не нашли.

Орленко недовѣрчиво посмотрѣлъ на Вадима, который, прислонясь къ печи и приложивъ палецъ ко лбу, казался погруженъ въ глубокое размышленіе; наконецъ, какъ будто пробудившись, онъ сказалъ почти про себя:—Онъ здѣсь, непременно здѣсь...

— Отчего же ты въ томъ увѣренъ?—сказалъ Орленко.

— Отчего! Боже мой! отчего? я вамъ говорю, что онъ здѣсь,—я это чувствую... я отдаю вамъ свою голову, если его здѣсь нѣтъ!...

— Хорошъ подарокъ!—замѣтилъ кто-то сзади.

— Но какія доказательства и какъ его найти?—спросилъ Орленко.

Гричко осмѣлился подать голосъ и совѣтовалъ употребить пытку надъ хозяйкой.

При грозномъ словѣ: пытка, она примѣтно поблѣднѣла, но ни тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ быть можетъ новыми для нея, но не менѣе то-го благородными чувствами.

— Пытать, такъ пытать,—подхватили казаки, и обступили хозяйку; она неподвижно стояла передъ ними и только иногда губы ея шептали неслышно какую-то молитву. Къ каждой ея рукѣ привязали толстую веревку и перекинувъ концы ихъ черезъ брусъ, поддерживающій полаты, стали понемногу ихъ натягивать; пятки ея отдѣлились отъ полу и скоро она едва могла прикасаться до земли концами пальцевъ; тогда палачи остановились и съ улыбкою взглянули на ея надувшіяся на рукахъ жилы и на покраснѣвшее отъ боли лицо.

— Что, разбойница,—сказалъ Орленко,—теперь скажешь ли, гдѣ у тебя спрятанъ Палицынъ?

Глубокій вздохъ былъ ему отвѣтомъ.

Онъ подтвердилъ свой вопросъ ударомъ на-тайки.

— Хотя зарѣжьте, не знаю,—отвѣчала несчастная женщина.

— Тащи выше!—было приказаніе Орленки,

и въ двѣ минуты она поднялась отъ земли на аршинъ; глаза ея налились кровью; стиснувъ зубы, она старалась удерживать невольные крики... палачи опять остановились и Вадимъ сдѣлалъ знакъ Орленкѣ, который его тотчасъ понялъ. Солдатку разули и подъ ногами ея разложили кучку горячихъ угольевъ; отъ жару и боли въ ногахъ ея начались судороги и она громко застонала, моля о пощадѣ.

— Ага! такъ наконецъ разжала зубы; проклятая... небось какъ начнемъ жарить, такъ не только языкъ, сами пятки заговорають... Ну, отвѣчай же скорѣе, гдѣ онъ?

— Да, гдѣ онъ? повторилъ горбачъ.

— Охъ, охъ, батюшки, голубчики... дайте духъ перевести... опустите на землю...

— Нѣтъ, прежде скажи, а потомъ пустимъ...

— Воля ваша... не могу слова вымолвить... охъ, охъ, Господи... спаси... батюшки...

— Спустите ее,—сказалъ Орленко.

Когда ноги невинной жертвы коснулись до земли, когда грудь ея вздохнула свободно, то казакъ повторилъ прежніе свои вопросы.

— Онъ убѣжалъ!—сказала она, — въ ту же ночь... вонъ по той тропинкѣ, что идетъ по оврагу... больше вотъ вамъ Христось, я ничего не знаю.

Въ эту минуту два казака ввели въ избу рыжаго, замазаннаго болвана, ея сына. Она бросила ему взглядъ, который всякій бы понялъ, кромѣ его.

— Кто ты таковъ?—спросилъ Орленко.

— Петруха,—отвѣчалъ парень.

— Да, дурачина, кто ты таковъ?

— А почему я знаю... говорятъ, что мачкинъ сынъ...

— Хорошъ!—сказалъ захохотавъ Орленко,—да гдѣ вы его нашли?

— Зарылся въ соломѣ по уши около анбара; мы идемъ, анъ глядь, двѣ ноги торчатъ изъ соломы... Вотъ мы его оттуда... за ноги... ужъ тащили... тащили... словно лодку съ отдели...

— Послушай, Орленко,—перервалъ Вадимъ,—мы отъ этого дурака можемъ больше узнать, чѣмъ отъ упрямой вѣдьмы—ея матери.

Казакъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Только его надо вывести, иначе она намъ помѣшаетъ.

— И то правда. Выведите-ка его на дворъ,—сказалъ Орленко,—а эту чертовку мы запремъ здѣсь.

Услышавъ это, хозяйка веныхнула; глаза ея засверкали.

— Послушай, Петруха,—закричала она звонкимъ голосомъ, — если скажешь хоть единое словцо, я тебя прокляну, сгоню со двора, заморю, убью.

Онъ затрепеталъ при звукахъ знакомаго ему голоса; онѣмѣніе, произведенное въ немъ присутствіемъ столькихъ незнакомыхъ лицъ, еще удвоилось; онъ боялся матери больше, чѣмъ всѣхъ казаковъ на свѣтѣ, ибо привыкъ ее бояться; сопроводивъ свои угрозы значительнымъ движеніемъ руки, она впала въ задумчивость и казалась спокойною.

Прошло около десяти ужасныхъ минутъ. Вдругъ раздался на дворѣ удары плети, ругательства казаковъ и крикъ несчастнаго. Ея материнское сердце сжалось, но вкорѣ мысль,

что онъ не вытерпитъ мученій до конца и выскажетъ ея тайну, овладѣла всею ея существомъ; она и молилась, и плакала, и бѣгала по избѣ, въ нерѣшимости, что ей дѣлать, даже было мгновенье, когда она почти покушалась на предательство... Но вотъ, сперва утихли крики... потомъ удары... потомъ брань... и, наконецъ, она увидала изъ окна, какъ казаки выходили одинъ за однимъ за ворота, и на

улицѣ, собравшись въ кружокъ, стали совѣтоваться между собою. Лица ихъ были пасмурны, омрачены обманутой надеждой; рыжій Петруха, избитый, полуживой остался на дворѣ; онъ, охая и стоная, лежалъ на землѣ; мать содрогаясь, подошла къ нему, но въ глазахъ ея сіяла какая-то высокая, неизъяснимая радость: онъ не высказалъ, не выдалъ своей тайны душегубцамъ.

ПАНОРАМА МОСКВЫ.

Кто никогда не былъ на вершинѣ Ивана Великаго, кому никогда не случилось окинуть однимъ взглядомъ всю нашу древнюю столицу съ конца въ конецъ, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тотъ не имѣетъ понятія о Москвѣ,—ибо Москва не есть обыкновенный большой городъ, какихъ тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодныхъ, составленныхъ въ симметрическомъ порядкѣ... нѣтъ! у нее есть своя душа, своя жизнь. Какъ въ древнемъ Римскомъ кладбищѣ каждый ее камень хранитъ надпись, начертанную временемъ и рокомъ; надпись для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувствомъ и вдохновеніемъ для ученаго, патріота и поэта!... Какъ у океана, у нее есть свой языкъ, языкъ сильный, звучный, святой, молитвенный!... Едва проснется день, какъ уже со всѣхъ ея златоглавыхъ церквей раздается согласный гимнъ колоколовъ, подобно чудной, фантастической увертюрѣ Бетгоvena, въ которой густой ревъ контръ-баса, трескъ литавръ, съ пѣніемъ скрипки и флейты, образуютъ одно великое цѣлое; и мнится, что безтелесные звуки принимаютъ видимую форму, что духи неба и ада свиваются подъ облаками въ одинъ разнообразный, неизмѣримый, быстро вертящійся хороводъ!

О, какое блаженство внимать этой неземной музыкѣ, взобравшись на самый верхній ярусъ Ивана Великаго, облокотясь на узкое, мшистое окно, къ которому привела васъ истертая, скользкая витая лѣстница, и думать, что весь этотъ оркестръ гремитъ подъ вашими ногами, и воображать, что все это для васъ однихъ, что вы царь этого невещественнаго міра, и поживать очами этотъ огромный муравейникъ, гдѣ суетятся люди для васъ чуждые, гдѣ кипятъ страсти, вами на минуту забыты!... Какое блаженство разомъ обнять душою всю суетную жизнь, всѣ мелкія заботы человѣчества, смотрѣть на міръ—съ высоты.

На сѣверъ передъ вами въ самомъ отдаленіи на краю синяго небосклона, немного правѣе Петровскаго замка, чернѣетъ романтическая Марфина роща, и предъ нею лежатъ слои пестрыхъ кровель, пересѣченныхъ коегдѣ пыльной зеленою булеваровъ, устроенныхъ на древнемъ городскомъ валу; на крутой

горѣ, усыпанной низкими домиками, среди которыхъ изрѣдка лишь проглядываетъ широкая бѣлая стѣна какого-нибудь боярскаго дома, возвышается четвероугольная, сизая, фантастическая громада,—Сухарева башня. Она гордо взираетъ на окрестности, будто знаетъ, что имя Петра начертано на ея мшистомъ челѣ! Ея мрачная физиономія, ея гигантскіе размѣры, ея рѣшительныя формы, все хранитъ отпечатокъ другаго вѣка, отпечатокъ той грозной власти, которой ничто не могло противиться.

Ближе къ центру города зданія принимаютъ видъ болѣе стройный, болѣе европейскій; проглядываютъ богатые колонады, широкіе дворы, обнесенные чугунными рѣшетками, безчисленныя главы церквей, шпицы колоколенъ съ ржавыми крестами и пестрыми, раскрашенными карнизамн.

Еще ближе, на широкой площади, возвышается Петровскій театръ, произведеніе новѣйшаго искусства, огромное зданіе, сдѣланное по всѣмъ правиламъ вкуса, съ плоской кровлей и величественнымъ портикомъ, на коемъ возвышается алебастровый Аполлонъ, стоящій на одной ногѣ въ алебастровой колесницѣ, неподвижно-управляющій тремя алебастровыми конями, и съ досадою взирающій на кремлевскую стѣну, которая ревниво отдѣляетъ его отъ древнихъ святынь Россіи!...

На востокъ картина еще богаче и разнообразнѣе; за самой стѣной, которая вправо спускается съ горы и оканчивается круглой угловой башней, покрытой, какъ чешуею, зелеными черепицами;—немного лѣвѣе этой башни являються безчисленные куполы церкви Василия Блаженнаго, семидесяти придѣламъ которой дивятся всѣ иностранцы, и которую ни одинъ русскій не потрудился еще описать подробно.

Она, какъ древній Вавилонскій столпъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ уступовъ, кои оканчиваются огромной, зубчатой, радужнаго цвѣта главою, чрезвычайно похожей (если простить мнѣ сравненіе) на хрустальную граненую пробку стариннаго графина. Кругомъ нее разсѣяно по всѣмъ уступамъ ярусомъ множество второклассныхъ главъ, совершенно не похожихъ одна на другую; онѣ разсыпаны по всему зданію безъ симметріи, безъ порядка, какъ отрасли стараго дерева, пресмыкающіяся по обнаженнымъ корнямъ его.

Витыя тяжелья колоны поддерживаютъ желѣзныя кровли, повисшія надъ дверями и наружными галереями, изъ конхъ выглядываютъ маленькія темныя окна, какъ зрачки стоглазаго чудовища. Тысячу затѣйливыхъ іероглифическихкихъ изображеній рисуются вокругъ этихъ оконъ; изрѣдка тусклая лампада свѣтится сквозь стекла ихъ, загороженная рѣшетками, какъ блестящій ночью мирный свѣтлякъ сквозь плоть, обвивающій полуразвалившуюся башню.—Каждый придѣлъ раскрашенъ снаружи особенною краской, какъ будто они не были выстроены всѣ въ одно время, какъ будто каждый владѣтель Москвы въ продолженіи многихъ лѣтъ прибавлялъ по одному, въ честь своего ангела.

Весьма темныя жители Москвы рѣшались обойти всѣ придѣлы сего храма. Его мрачная наружность наводитъ на душу какое то уныніе; кажется видишь передъ собою самого Іоанна Грознаго,—по таковому, каковъ онъ былъ въ послѣдніе годы своей жизни!

И что же?—рядомъ съ этимъ великолѣпнымъ, угрюмымъ зданіемъ, прямо противъ его дверей кишитъ грязная толпа, блестятъ ряды лавокъ, кричатъ разнощики, суетятся булочки у пьедестала монумента, воздвигнутаго Минину; гремятъ модныя кареты, лепечуть модныя барыни.... все такъ шумно, живо, не покойно!

Вправо отъ Василія Блаженнаго, подъ крутымъ скатомъ течетъ мелкая, широкая, грязная Москва-рѣка, изнемогая подъ множествомъ тяжкихъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и дровами; ихъ длинныя мачты, увѣчанныя полосатыми флагерами встаютъ изъ-за Москворѣцкаго моста, ихъ скрипучіе канаты, колеблемые вѣтромъ, какъ паутина, едва чернѣютъ на голубомъ небосклонѣ. На лѣвомъ берегу рѣки, глядясь въ ея гладкія воды, бѣлѣетъ воспитательный домъ, коего широкія голыя стѣны, симметрически расположенныя окна и трубы, и вообще европейская осанка рѣзко отдѣляются отъ прочихъ сосѣднихъ зданій, одѣтыхъ восточной роскошью, или исполненныхъ духомъ среднихъ вѣковъ. Далѣе къ востоку на трехъ холмахъ, между конхъ извивается рѣка, нестрѣютъ пышныя массы домовъ всѣхъ возможныхъ величинъ и цвѣтовъ; утомленный взоръ съ трудомъ можетъ достигнуть дальняго горизонта, на которомъ рисуются группы нѣсколькихъ монастырей, между коими Симоновъ примѣчательнѣе особенно своею, почти между небомъ и землей висящею, платформой, откуда наши предки наблюдали за движеніями приближающихся татаръ.

Къ югу подъ горой, у самой подошвы стѣны кремлевской, противъ Тайницкихъ воротъ, протекаетъ рѣка и за нею широкая долина, усыпанная домами и церквями, простирается до самой подошвы Поклонной горы, откуда Наполеонъ кинулъ первый взглядъ на гибельный для

него Кремль, откуда въ первый разъ онъ увидалъ его вѣщее пламя:—этотъ грозный свѣточъ, который озарилъ его торжество и его паденіе!

На западѣ, за длинной башней, гдѣ живутъ и могутъ жить одни ласточки (ибо она, будучи построена послѣ французовъ, не имѣетъ внутри ни потолокъ, ни лѣстницъ, и стѣны ея росперты крестообразно поставленными брусьями), возвышаются арки каменнаго моста, который дугою перегибается съ одного берега на другой; вода, удержанная небольшой запрудой, съ шумомъ и пѣною вырывается изъ подъ него, образуя между сводами небольшіе водопады, которые, часто, особенно весной, привлекаютъ любопытство москвичскихъ зѣвакъ, а иногда принимаютъ въ свои нѣдра тѣло бѣднаго грѣшника. Далѣе моста, по правую сторону рѣки, отдѣляются на небосклонѣ зубчатые силуэты Алексѣевского монастыря; по лѣвую на равнинѣ между кровлями купеческихъ домовъ блестятъ верхи Донскаго монастыря... А тамъ за нимъ, одѣты голубымъ туманомъ, восходящимъ отъ студеныхъ волнъ рѣки, начинаются Воробьевы горы, увѣчанныя густыми рощами, которыя съ крутыхъ вершинъ глядятъ въ рѣку, извивающуюся у ихъ подошвы подобно змѣѣ, покрытой серебрястою чешуей. Когда склоняется день, когда розовая мгла одѣваетъ дальнія части города и окрестныя холмы, тогда только можно видѣть нашу древнюю столицу во всемъ ея блескѣ, ибо, подобно красавицѣ, показывающей только вечеромъ свои лучшіе уборы, она только въ этотъ торжественный часъ можетъ произвести на душу сильное неизгладимое впечатлѣніе.

Что сравнить съ этимъ Кремлемъ, который, окружась зубчатыми стѣнами, красуясь золотыми главами соборовъ, возлежитъ на высокой горѣ, какъ державный вѣнецъ на челѣ грознаго владыки?... Онъ алтарь Россіи, на немъ должны совершаться, и уже совершились многія жертвы, достойныя отечества... Давно ли, какъ баснословный Фениксъ, онъ возродился изъ пылающаго своего праха?...

Что величественнѣе этихъ мрачныхъ храминъ, тѣсно-составленныхъ въ одну кучу, этого таинственнаго дворца Годунова, коего холодныя столбы и плиты только лѣтъ уже не слышатъ звуковъ человѣческаго голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни въ память царей великихъ?!

Нѣтъ: ни Кремля, ни его зубчатыхъ стѣнъ, ни его темныхъ переходовъ, ни пышныхъ дворцовъ его описать не возможно....

Надо видѣть, видѣть... надо чувствовать все, что они говорятъ сердцу и воображенію.

„Юнкеръ Л. Г. Гусарскаго полка

Лермонтовъ.

(1833.)

КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ.

Р О М А Н Ъ.

1.

Поди! поди! раздался крикъ.
Лукинъ.

Въ 1833 году, декабря 21 дня, въ 4 часа пополудни, по Вознесенской улицѣ, какъ обыкновенно, валила толпа народу, и между прочимъ шель одинъ молодой чиновникъ. Замѣьте день и часть, потому что въ этотъ день и въ въ этотъ часъ случилось событіе, отъ котораго тянется цѣпь различныхъ приключеній, постигшихъ всѣхъ моихъ героевъ и героинь, исторію которыхъ я обѣщался передать потомству, если потомство станетъ читать романы. И такъ, по Вознесенской шель одинъ молодой чиновникъ, и шель онъ изъ департамента утомленный однообразною работою и мечтающа о наградѣ и вкусномъ обѣдѣ, ибо всѣ чиновники мечтаютъ. На немъ былъ картузь неопредѣленной формы и синія ваточная шинель съ старымъ бобровымъ воротникомъ; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырекъ, воротникъ и сумерки; казалось онъ не торопился домой, а наслаждался чистымъ воздухомъ морознаго вечера, разливавшаго сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлямъ домовъ, соблазнительнымъ блистаньемъ магазиновъ и кондитерскихъ. Порою поднимая глаза кверху съ истинно поэтическимъ умиленіемъ, сталкивался онъ съ какою-нибудь розовою шляпкой и смутившись извинялся. Коварная розовая шляпка сердилась, потомъ заглядывала ему подъ картузь, и пройдя нѣсколько шаговъ оборачивалась, какъ будто ожидая вторично извиненія; напрасно! Молодой чиновникъ былъ совершенно недогадливъ!.. Но еще чаще онъ останавливался, чтобы поглядѣть сквозь цѣльныя окна магазина или кондитерской, блистающей чудными огнями и великолѣпной позолотою; долго, пристально, съ завистью разглядывалъ различные предметы, и, опомнившись, съ глубокимъ вздохомъ и стопческою твердостью продолжалъ свой путь. Самые же ужасные мучители его были извошники, и онъ ненавидѣлъ извошниковъ.—Баринъ! куда изволите?—прикажете подавать?—подавать-съ? Это

была пытка Тантала, и онъ въ душѣ глубоко ненавидѣлъ извошниковъ.

Спустился съ Вознесенскаго моста и собираясь поворотить направо по канавѣ, вдругъ слышитъ онъ крикъ: берегись, поди!... Прямо на него летѣлъ гнѣдой рысакъ; изъ-за кучера мелькалъ бѣлый султанъ и развѣвался воротникъ съброй шинели. Едва онъ успѣлъ поднять глаза, ужъ одна оглобля была противъ его груди, и паръ вылетавшій клубами изъ ноздрей бѣгуна обдалъ ему лицо; машинально онъ ухватился руками за оглоблю и въ тотъ же мигъ сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ нѣсколько шаговъ въ сторону на тротуаръ... Раздалось кругомъ: задавилъ, задавилъ. Извошники погнались за нарушителемъ порядка, но бѣлый султанъ только мелькнулъ у нихъ предъ глазами и былъ таковъ.

Когда чиновникъ очнулся, боли онъ нигдѣ не чувствовалъ, но колѣна у него трясались еще отъ страха; онъ всталъ, облокотился на перила канавы, стараясь придти въ себя; горькія думы овладѣли его сердцемъ и съ этой минуты перенесъ онъ всю ненависть, къ какой только его душа была способна, съ извошниковъ на гнѣдыхъ рысаковъ и бѣлые султаны.

Между тѣмъ бѣлый султанъ и гнѣдой рысакъ пронеслись вдолъ по каналу, поворотили на Невскій, съ Невского на Караванную, оттуда на Семіоновскій мостъ, потомъ направо по Фонтанкѣ, и тутъ остановились у богатаго подъѣзда, съ навѣсомъ и стеклянными дверями, съ мѣдною блестящею обдѣлкой.

— Ну, сударь,—сказалъ кучеръ, широкоплечій мужикъ съ окладистою рыжею бородой,— Васька нынче показалъ себя.

Надобно замѣтить, что у кучеровъ любимая лошадь называется всегда Ваською. Даже вопреки желанію господъ, надѣляющихъ ее громкими именами Ахилла, Гектора, она все-таки будетъ для кучера не „Ахель“ и не „Некторъ“, а Васька.

Офицеръ слѣзъ, потрепалъ дымящагося рысака по крутой шеѣ, улыбнулся ему признательно и взошелъ на блестящую лѣстницу; о раздавленномъ чиновникѣ не было и помину... Теперь, когда онъ снылъ шинель, закиданную

свѣгомъ и взошелъ въ свой кабинетъ, мы свободно можемъ пойти за нимъ и описать его наружность, къ несчастію вовсе не привлекательную: онъ былъ небольшого роста, широкъ въ плечахъ и вообще нескладенъ; казался сильнымъ сложеніемъ, неспособнаго къ чувствительности и раздраженію; походка его была нѣсколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ духѣ вѣка, если это не плеоназмъ. Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка; видно было, что онъ слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ недовѣрчивости или изъ гордости. Звуки его голоса были то густы, то рѣзки, смотря по вліянію текущей минуты; когда онъ хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ запинаться и вдругъ оканчивалъ бѣдою шуткой, чтобы скрыть собственное смущеніе, и въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золь и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего, что бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію.

Лицо его, смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Ляфатера и его послѣдователей: они прочли бы на немъ глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности; толпа же говорила, что въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то. Въ заключеніе портрета скажу, что онъ назывался Григорій Александровичъ Печоринъ, а между родными просто Жоржъ, на французскій ладъ, что притомъ ему было двадцать три года, и что у родителей его было три тысячи душъ въ Саратовской, Воронежской и Калужской губерніи. Послѣднее я прибавляю, чтобы немного скрасить его наружность во мнѣніи строгихъ читателей. Виновать, забылъ включить, что Жоржъ былъ единственный сынъ, не считая сестры, шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень недурна собою и, по словамъ маменьки (паленьки ужъ не было на свѣтѣ), не пуждалась въ приданомъ и могла занять высокую степень въ обществѣ, съ помощію Вожіей, хорошенькаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ, войдя въ свой кабинетъ, повалился въ широкія кресла; лакей вошелъ и доложилъ ему, что дескать барыня изволили уѣхать обѣдать въ гости, а сестра изволили ужъ откушать. Я обѣдать не буду,—былъ отвѣтъ:—я завтракалъ.—Потомъ вошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казацкѣй курткѣ, быстроглазый, бѣленькій и съ виду большой плутъ, и подаль, не говоря ни слова, визитную карточку. Печоринъ небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ кто принесъ.

— Сюда нынче пріѣзжала молодая барыня съ мужемъ,—отвѣчалъ Оедька,—и велѣли эту карточку подать Татьянѣ Петровнѣ (такъ называлась мать Печорина).

— Что-жъ ты принесъ ее ко мнѣ?

— Да я думалъ, что это все равно-съ! можетъ-быть вамъ угодно прочесть.

— То-есть, тебѣ хочется узнать, что тутъ написано?

— Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были.

— Я тебя слишкомъ избаловалъ,—сказалъ Печоринъ строгимъ голосомъ. — Набей мнѣ трубку.

Но эта визитная карточка видно имѣла свойство возбуждать любопытство. Долго Жоржъ не рѣшался перемѣнить удобнаго положенія на широкихъ креслахъ и протянулъ руку къ столу; притомъ въ комнатѣ не было свѣтъ — она озарялась красноватымъ пламенемъ камина, а велѣть подать огня и разстроить очаровательный эффектъ каминаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любопытство превозмогло, онъ всталъ, взялъ карточку и съ какимъ-то непонятнымъ волненіемъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ камина. На ней было напечатано греческими буквами: Князь Степанъ Степановичъ Лиговскій, съ княгиней. Онъ поблѣднѣлъ, вздрогнулъ, глаза его сверкнули, и карточка полетѣла въ каминъ. Минуты три онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, дѣлая разныя странныя движенія рукой, разныя восклицанія, то улыбаясь, то хмуря брови; наконецъ онъ остановился, схватилъ щипцы и бросилъ вытаскивать карточку изъ огня:—увъ! одна ея половина превратилась въ прахъ, а другая свернулась, почернѣла, и на ней едва только можно было разобрать *Степанъ Степ...* Печоринъ положилъ эти бранные остатки на столъ, сѣлъ опять въ свои кресла и закрылъ лицо руками, и хотя я очень хорошо читаю побужденія души на физиономіяхъ, но по этой именно причинѣ не могу никакъ разсказать вамъ его мыслей. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ четверть часа, и вдругъ ему послышался шорохъ, подобный легкимъ шагамъ, шуму платья или движенію листа бумаги. Хотя онъ не вѣрилъ привидѣніямъ, но вздрогнулъ, быстро поднялъ голову и увидѣлъ предъ собою въ сумракѣ что-то бѣлое, и, казалось, воздушное. Съ минуту онъ не зналъ на что подумать, такъ далеко были его мысли—если не отъ міра, то по крайней мѣрѣ отъ этой комнаты.

— Кто это? — спросилъ онъ.

— Я! отвѣчалъ принужденный контраalto, — и раздался звонкій женскій хохотъ.

— Варенька! какая ты шалунья.

— А ты спалъ! ужасно весело!..

— Я бы желалъ спать—оно покойнѣе!

— Это стыдъ! отчего намъ на балахъ, въ обществахъ, такъ скучно! Вы всѣ ищите спокойствія... Какіе любезные молодые люди!

— А позвольте спросить,—возразилъ Жоржъ зѣвая,—изъ какихъ благъ мы обязаны забавлять васъ?

— Оттого, что мы дамы.

— Поздравляю. Но вѣдь намъ безъ васъ не скучно...

— Я почему знаю!—И что мы станемъ говорить между собою?

— Моды, новости, развѣ мало. — Повѣряйте другъ другу ваши тайны.

— Какія тайны,—у меня нѣтъ тайнъ. Всѣ молодые люди такъ несосны.

— Большая часть изъ нихъ не привыкли къ женскому обществу.

— Пускай привыкаютъ—они и этого не хотятъ попробовать!

Жоржъ важно всталъ и поклонился съ насмѣшливой улыбкой.

— Варвара Александровна, я замѣчаю что вы идете большими шагами въ храмъ просвѣщенія.

Варинька покраснѣла и надула розовыя губки, а братъ ее преспокойно опять опустился въ свои кресла. Между тѣмъ подали свѣчъ, и пока Варинька сердится и стучитъ пальчикомъ въ окно, я опишу вамъ комнату, въ которой мы находимся. Она была вмѣстѣ и кабинетъ, и гостинная и соединялась корридоромъ съ другой частью дома. Свѣтлоголубые французскіе обои покрывали ее стѣны; лоснящіяся дубовыя двери съ модными ручками и дубовыя рамы оконъ показывали въ хозяинѣ челоѣка порядочнаго. Драпировка надъ окнами была въ китайскомъ вкусѣ, а вечеромъ или когда солнце ударяло въ стекла, опускались пунцовыя шторы,—противуположность рѣзкая съ цвѣтомъ горницы, но показывающая какую-то любовь къ странному, оригинальному. Противъ окна стоялъ письменный столъ, покрытый кипюю картинокъ, бумагъ, книгъ, разныхъ видовъ чернильницъ и модныхъ мелочей, по одну его сторону стоялъ высокій густой трельяжъ, увитый непропускаемою сѣткой зеленаго плюща; по другую—кресла, на которыхъ теперь сидѣлъ Жоржъ. На полу подъ нимъ разостланъ былъ широкій коверъ, разрисованный пестрыми арабесками, другой персидскій коверъ висѣлъ на стѣнѣ, находящейся противъ оконъ, и на немъ развѣшаны были пистолеты, два турецкія ружья, черкесскія шапки и кинжалы—подарки сослуживцевъ, погулявшихъ когда-то за Балканомъ. На мраморномъ каминѣ стояли три алебастровыя карикатурки Паганини, Иванова и Россини. Остальныя стѣны были голыя, кругомъ и вдоль по нимъ стояли широкіе диваны, обитые шерстянымъ штофомъ пунцоваго цвѣта; одна единственная картина привлекала взоры, она висѣла надъ дверьми, ведущими въ спальню; она изображала неизвѣстное мужское лицо, писанное неизвѣстнымъ русскимъ художникомъ, челоѣкомъ не знавшимъ своего генія и которому никто объ немъ не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было нарисовано прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, платье было набросано грубо, темно и безотчетливо, казалось вся мысль художника сосредоточилась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины. Волосы гладко упали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло и сильно выдавался и казалось имѣлъ въ устройствѣ своемъ что-то необыкновенное. Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живыя глаза сквозь прорѣзы черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ казалось слѣдовалъ за вами во все углы комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная, чѣмъ насмѣшливая. Всякій разъ когда Жоржъ смотрѣлъ на эту голову, онъ видѣлъ въ ней новое выраженіе; она слѣдалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія, и онъ, какъ партизанъ Байрона, называлъ ее портретомъ Лары. Товарищи, которымъ онъ ее съ восторгомъ показывалъ, называли ее порядочной картинкой. Между тѣмъ, покуда я описывалъ ка-

бинетъ, Варинька постепенно придвигалась къ столу, потомъ подошла ближе къ брату и сѣла противъ него на стулъ; въ ея голубыхъ глазахъ незамѣтно было ни даже искры минутнаго гнѣва, но она не знала чѣмъ возобновить разговоръ. Ей попалась подъ руку полусгорѣвшая визитная карточка.

— Что это такое? Степанъ Степ... А! это вѣрно у насъ нынче былъ князь Лиговскій!... какъ бы я желала видѣть Вѣрочку замужемъ. Она была такая добрая... Я вчера слышала, что они пріѣхали изъ Москвы... Кто же сжегъ эту карточку? Ее бы надо подать маменькѣ!

— Кажется я,—отвѣчалъ Жоржъ,—раскуривалъ трубку.

— Прекрасно! я бы желала, чтобы Вѣрочка это узнала: ей было бы очень пріятно! Такъ-то, сударь, ваше сердце измѣнчиво! Я ей скажу, скажу, непременно. Впрочемъ нѣтъ, теперь ей должно-быть все равно, она вѣдь замужемъ.

— Ты судишь очень здраво для твоихъ лѣтъ,—отвѣчалъ ей братъ и зѣвнулъ, не зная что прибавить.

— Для моихъ лѣтъ! что я за ребенокъ! маменька говоритъ, что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ такъ же благоразумна, какъ мужчина въ двадцать пять.

— Ты очень хорошо дѣлаешь, что слушаешься маменьки.

Эта фраза, повидимому похвала, показала на смѣшную; такимъ образомъ согласіе опять разстроилось и они замолчали. Мальчикъ вздохнулъ и принесъ записку: приглашеніе на балъ къ барону Р***.

— Какая тоска!—воскликнулъ Жоржъ.—Надо ѣхать.

— Тамъ будетъ Mademoiselle Negouroff!—возразила проницательнымъ тономъ Варинька. — Она еще вчера объ тебѣ спрашивала... Какіе у нея глаза, прелесть...

— Какъ уголь въ горнилѣ раскаленный.

— Однако сознайся, что глаза чудесные!

— Когда хвалить глаза, то это значить, что остальное нигде не годится.

— Смѣйся, а самъ неравнодушень.

— Положимъ.

— Я и это расскажу Вѣрочкѣ.

— Давно ли ты увѣрала, что я для нея—все равно.

— Повѣрьте, я лучше этого говорю по-русски—я не монастырка.

— О! совсѣмъ нѣтъ, очень далеко...

Она покраснѣла и ушла.

Но я васъ долженъ предупредить, что это былъ на нихъ черный день: они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жоржъ любилъ сестру самой вѣжною братскою любовью.

Послѣдній намекъ на Mademoiselle Negouroff (такъ будемъ мы ее называть въ послѣдствіи) заставилъ Печорина задуматься. Наконецъ неожиданная мысль прилетѣла къ нему свыше. Онъ придвинулъ чернильницу, вынулъ листъ почтовой бумаги и сталъ что-то писать. Покуда онъ писалъ, самодовольная улыбка часто появлялась на лицѣ его, глаза искрились. Однимъ словомъ, ему было очень весело, какъ челоѣку, который выдумалъ что-нибудь необыкновенное. Кончивъ писать, онъ положилъ бумагу въ

конвертъ и надписалъ: „Милостивой государынѣ Елизаветѣ Львовнѣ Негуровой; въ собственныя руки“, потомъ кликнулъ Федуку и велѣлъ ему отнестъ на городскую почту, да чтобъ никто изъ людей не выдалъ. Маленькій Меркурій, гордясь великой довѣренностію господина, стрѣлой помчался въ лавочку, а Печоринъ велѣлъ закладывать сани и черезъ полчаса уѣхалъ въ театр. Однако въ этой поѣздкѣ ему не удалось задавить ни одного чиновника.

II.

Давали *Фенелу* (4-е представленіе). Въ узкой лазейкѣ, ведущей къ кассѣ, толпилась непроходимая куча народу. Печоринъ, который не имѣлъ еще билета и былъ нетерпѣливъ, адресовался къ одному театральному служителю, продающему афиши. За 15 рублей досталъ онъ кресло во второмъ ряду съ лѣвой стороны, и съ краю - важное преимущество для тѣхъ, которые берегутъ свои ноги и ходятъ пить чай къ Фениксу. Когда Печоринъ вошелъ, увертюра еще не начиналась, и въ ложи не всё еще съѣхались. Между прочимъ прямо надъ нимъ въ бельэтажѣ была пустая ложа; возлѣ пустой ложи сидѣли Негуровы, отецъ, мать и дочка. Дочка была бы недурна, если бѣ блѣдность, худоба и старость, почти общій недостатокъ петербургскихъ дѣвушекъ, не затмѣвали блеска двухъ огромныхъ глазъ и не разрушивали гармонію между чертами довольно правильными и остроумнымъ выраженіемъ. Она поклонилась Печорину довольно ласково и просіяла улыбкой.

Видно еще письмо не дошло по адресу, подумалъ онъ, и сталъ наводить мнѣніе на другія ложи. Въ нихъ онъ узналъ множество балжныхъ знакомыхъ, съ которыми иногда кланялся, иногда нѣтъ, смотря по тому, замѣчали его или нѣтъ. Онъ не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ узналъ, что заставить говорить объ себѣ легко, но знать также, что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ; ему нужны новые кумиры, новыя моды, новыя романы. Ветераны свѣтской славы, какъ и всѣ другіе ветераны, самая жалкія созданія. Въ короткомъ обществѣ, гдѣ умный, разнообразный разговоръ замѣняетъ танцы (рауты въ сторону), гдѣ говорить можно обо всемъ, не боясь цензуры тетушекъ, не встрѣчая черезчуръ строгихъ и неприступныхъ дѣвъ, въ такомъ кругу онъ могъ бы блистать и даже нравиться, потому что умъ и душа, показываясь наружу, придаютъ чертамъ жизнь, игру и заставляютъ забыть ихъ недостатки. Но такихъ обществъ у насъ въ Россіи мало, въ Петербургѣ еще меньше, вопреки тому, что его называютъ совершенно европейскимъ городомъ и владыкой хорошаго тона. Замѣчу мимоходомъ, что хорошій тонъ царствуетъ только тамъ, гдѣ вы не услышите ничего лишняго.

По, увы, друзья мои, за то какъ мало вы тамъ и услышите!

На балахъ Печоринъ съ своею невыгодной наружностью терялся въ толпѣ зрителей, былъ или печаленъ, или слишкомъ золъ, потому что

самолюбіе его страдало. Танцуя рѣдко, онъ могъ разговаривать только съ тѣми дамами, которыя сидѣли весь вечеръ у стѣнки, а съ этими-то именно онъ никогда не знакомился. У него прежде было занятіе — сатира. Стоя внѣ круга мазурки, онъ разбиралъ танцующихъ, и его колкія замѣчанія очень скоро расходились по залѣ и потомъ по городу. Но разъ какъ-то онъ поделушалъ въ мазуркѣ разговоръ одного длиннаго дипломата съ какою-то княжною. Дипломатъ подъ своимъ именемъ такъ и печаталъ всѣ его остроты, а княжна изъ одного приличія не хохотала во все горло. Печоринъ вспомнилъ, что когда онъ говорилъ то же самое и гораздо лучше одной изъ балжныхъ нимфъ дня три тому назадъ, она только пожала плечами и не взяла на себя даже трудъ понять его. Съ этой минуты онъ сталъ въ обществѣ больше танцовать и рѣже говорить умно, и даже ему показалось, что его начали принимать съ большимъ удовольствіемъ. Однимъ словомъ, онъ началъ постигать, что *по кореннымъ законамъ общества въ танцующемъ кавалерѣ ума не полагается*.

Загремѣла увертюра; все было полно; одна ложа, рядомъ съ ложей Негуровыхъ, оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина. Это ему казалось странно, и онъ желалъ бы очень наконецъ увидеть людей, которые пропустили увертюру Фенелы.

Занавѣсъ взвился, и въ эту минуту застучали стулья въ пустой ложѣ; Печоринъ поднялъ голову, но могъ видѣть только цуиновый беретъ и круглую бѣлую божественную ручку съ божественнымъ лорнетомъ, небрежно упавшую на малиновый бархатъ ложи. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ слѣдить за движеніями неизвѣстной, чтобъ разглядѣть хоть глазъ, хоть щечку. Напрасно! Разъ онъ такъ закинулъ голову назадъ, что могъ бы видѣть лобъ и глаза, но какъ на зло ему огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть ее лица. У него заболѣла шея, онъ разсердился и далъ себѣ слово не смотрѣть больше на эту проклятую ложу. Первый актъ кончился. Печоринъ всталъ и пошелъ съ нѣкоторыми изъ товарищей къ Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ненавистную ложу.

Фениксъ — ресторация весьма примѣчательная по своему топографическому положенію въ отношеніи къ заднимъ подъѣздамъ Александринскаго театра. Бывало, когда неуклюжіе рыдваны, влекомые парю хромыхъ кличъ, тѣснились возлѣ узкихъ дверей театра, и юные нимфы, окутанныя грубыми казенными платками, прыгали на скрипячія подножки, толпа усатыхъ волокитъ, вооруженныхъ блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпилась на крыльцѣ твоёмъ, о Фениксъ! Но скоро промчались эти буйные дни: и тамъ гдѣ мелькали прежде черные и бѣлые султаны, тамъ нынче чинно прогуливаются трехугольныя шляпы безъ султановъ; великій примѣръ переворотовъ судьбы человѣческой.

Печоринъ вошелъ къ Фениксу съ однимъ преобразенскимъ и другимъ конно-артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ велѣлъ подать чаю и сѣлъ съ нимъ подлѣ стола. Народу было много всякаго. За тѣмъ же столомъ, гдѣ сидѣлъ Пе-

чоринъ, сидѣлъ также какой-то молодой человекъ во фракѣ, не совсѣмъ отлично одѣтый и курившій собственныя пахитосы, къ великому соблазну трактирныхъ служителей. Этотъ молодой человекъ былъ высокаго роста, блондинъ и удивительно хорошъ собою. Большіе томные голубые глаза, правильный носъ, похожій на носъ Аполлона Бельведерскаго, греческій овалъ лица и прелестные волосы, завитые природою, должны были обратить на него вниманіе каждаго. Однѣ губы его, слишкомъ тонкія и блѣдныя въ сравненіи съ живостію красокъ, разлитыхъ по щекамъ, мнѣ бы не понравились. По мѣднымъ пуговицамъ съ гербами на его фракѣ можно было отгадать, что онъ чиновникъ, какъ все молодые люди во фракахъ въ Петербургѣ. Онъ сидѣлъ задумавшись и казалось не слушалъ разговора офицеровъ, которые шутили, смѣялись и рассказывали анекдоты, запыная дымъ трубки сквернымъ чаемъ. Между прочимъ стали говорить о лошадахъ. Одинъ артиллерійскій поручикъ хвастался своимъ рысакомъ. Начался споръ; Печоринъ а прогорозъ разказалъ, какъ онъ сегодня у Вознесенскаго моста задавилъ какого-то франта и умчался отъ погони.... Костюмъ франта въ изытомъ картузѣ былъ описанъ, его несчастное положеніе на тротуарѣ также. Смѣялись. Когда Печоринъ кончилъ, молодой человекъ во фракѣ всталъ и протянулъ руку, чтобъ взять шляпу со стола, сдернулъ на полъ подносъ съ чайникомъ и чашками. Движеніе было явно умышленное, все глаза на него обратились, но взглядъ Печорина былъ дерзке и вопросительнѣе другихъ. Кровь кинулась въ лицо неизвѣстному господину, онъ стоялъ неподвиженъ и не извивался. Молчаніе продолжалось съ минуту. Сдѣлались кружокъ, и все предугадывали *исторію*. Вдругъ Печоринъ опять съѣлъ и громко кликнулъ служителя: что стоитъ посуда? Ему сказали цѣну втрое дороже.

— Этотъ чиновникъ такъ былъ неловокъ, что разбилъ ее, — продолжалъ Жоржъ холодно — вотъ деньги.

Онъ бросилъ деньги на столъ и прибавилъ:

— Скажи ему, что теперь онъ можетъ отсюда уйти свободно.

Служитель при всѣхъ доложилъ съ почтеніемъ чиновнику, что онъ все получилъ, и просилъ на водку, но тотъ ничего не отвѣчая скрылся. Толпа хотела ему вослѣдъ, офицеры смѣялись еще больше и хвалили товарища, который такъ славно отдѣлалъ противника, не запутавшись между тѣмъ въ *исторію*. О! исторія у насъ вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нѣтъ, могли избѣжать или не могли, но ваше имя замѣшано въ исторію... все равно, вы теряете все: расположеніе общества, карьеръ, уваженіе друзей. Попасть въ исторію, ужаснѣе этого ничего не можетъ быть, какъ бы эта исторія не кончилась. Частная извѣстность ужъ есть острый ножъ для общества. Вы заставили объ себѣ говорить два дня, страдайте же двадцать лѣтъ за это. Судъ общаго мнѣнія, вездѣ ошибочный, происходитъ однако у насъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ, чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ Англии, напримѣръ, банкротство — безчестіе неизгладимое, достаточная причина для самоубій-

ства; развратная шалость въ Германіи закрываетъ навсегда двери хорошаго общества (о Франціи я не говорю, въ одномъ Парижѣ больше разныхъ общихъ мнѣній, чѣмъ въ цѣломъ свѣтѣ). А у насъ? Объявленный взятчикъ принимается вездѣ очень хорошо; его оправдываютъ фразою: и! кто этого не дѣлаетъ!.. Трусъ обласканъ вездѣ, потому что онъ смиренный малый. А замѣшанный въ исторію! о! ему нѣтъ пощады. Маменьки говорятъ объ немъ: Богъ его знаетъ какой онъ человекъ, и папеньки прибавляютъ: мерзавецъ...

Офицеры безъ новой тревоги допили свой чай и пошли; Печоринъ вышелъ послѣ всѣхъ. На крыльцѣ кто-то его остановилъ за руку, приговоря: — Я имѣю съ вами поговорить! По трепету руки онъ отгадалъ, что это его давшій противникъ. Нечего дѣлать, не миновать исторіи.

— Извольте говорить, отвѣчалъ онъ небрежно.

— Только не здѣсь на морозѣ, пойдемте въ корридоръ театра, — возразилъ чиновникъ.

Они пошли молча.

Второй актъ уже начался, корридоры и широкія лѣстницы были пусты. На площадкѣ одной уединенной лѣстницы, едва освѣщенной далекой лампой, они остановились, и Печоринъ, сложивъ руки на груди, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ и прищуривъ глаза, окинулъ взоромъ противника съ ногъ до головы и сказалъ:

— Я васъ слушаю!..

— Милостивый государь, — голосъ чиновника дрожалъ отъ ярости, жилы на лбу его надулись и губы поблѣднѣли: — милостивый государь, вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секретъ, — отвѣчалъ Жоржъ, — и вы могли бы объясниться при всѣхъ. Я вамъ отвѣчалъ бы то же, что теперь отвѣчу: когда жъ вамъ угодно стрѣляться? нынче? завтра? Я думаю, что угадалъ ваше намѣреніе, по крайней мѣрѣ разбитіе чашекъ не было случайностью. Вы хотѣли съ чего-нибудь начать и начали очень остроумно, — прибавилъ онъ насмѣшливо поклонившись.

— Милостивый государь, — отвѣчалъ тотъ задыхаясь, — вы едва меня сегодня не задавили; да, меня, который предъ вами, и этимъ хвастаетесь, вамъ весело? А по какому праву? Потому что у васъ есть рысакъ, бѣлый султанъ, золотые эполеты? Развѣ я не такой же дворянинъ, какъ вы? Я бѣденъ! Да, я бѣденъ! хожу пѣшкомъ. Конечно, послѣ этого я не человекъ, не только дворянинъ! А! вамъ это весело!.. вы думали, что я буду слушать смиренно дерзости, потому что у меня нѣтъ денегъ, которыхъ бы я могъ бросить на столъ... Нѣтъ, никогда, никогда, никогда я вамъ этого не прощу.

Въ эту минуту пламенѣвшее лицо его было прекрасно какъ буря. Печоринъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ и наконецъ сказалъ:

— Ваши разсужденія немножко длинны, назначьте часъ и разойдитесь, вы такъ кричите, что разбудите всѣхъ лакеевъ.

И точно, нѣкоторые изъ нихъ, спавшіе на барскихъ салапахъ въ корридорѣ перваго яруса, начали подымать головы.

— Какое дѣло мнѣ до нихъ, пускай весь міръ меня слушаетъ.

— Я не этого мнѣнія... Если угодно, завтра, въ восемь часовъ утра я васъ жду съ секундатомъ.

Печоринъ сказалъ свой адресъ.

— Дратся! я васъ понимаю, на смерть драться... И вы думаете, что я буду достаточно вознагражденъ, когда всаго вамъ въ сердце свищовый шарикъ... Прекрасное утѣшеніе! Нѣтъ, я бы желалъ, чтобы вы жили вѣчно, чтобы я могъ вѣчно мстить вамъ. Дратся—нѣтъ тутъ успѣхъ слишкомъ невѣренъ.

Въ такомъ случаѣ ступайте домой, выпейте стаканъ воды и ложитесь спать,—возразилъ Печоринъ пожавъ плечами. И хотѣлъ идти.

— Нѣтъ, постойте,—сказалъ чиновникъ, придя нѣсколько въ себя:—и вы слушайте меня!.. вы думаете что я трусъ? какъ будто храбрость не можетъ существовать безъ вывѣски шпоръ или эполетовъ? Повѣрьте, что я меньше дорожу жизнью и будущастью, чѣмъ вы? Моя жизнь горька, будущности у меня нѣтъ, я бѣденъ, такъ бѣденъ, что хожи въ ступляя. Я не могу разъ въ годъ бросить пять рублей для своего удовольствія, я живу жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ. У меня одна мать старушка... Я все для нея: я ее провидѣніе и подпора; она для меня и друзья и семейство. Съ тѣхъ поръ какъ живу, я еще никого не любилъ кромѣ ея. Потерявъ меня, сударь, она либо умретъ отъ печали, либо умретъ съ голоду...

Онъ остановился, глаза его наполнились слезами и кровью.

— И вы думали, что я съ вами буду драться?....

— Чего жъ наконецъ вы отъ меня хотите?—сказалъ Печоринъ нетерпѣливо.

— Я хотѣлъ васъ заставить раскаяться.

— Вы кажется забыли, что не я началъ ссору.

— А развѣ задавить человѣка ничего, шутка, потѣха!

— Я вамъ общаюсь высѣчь моего кучера...

— О! вы меня выведете изъ терѣнія.

— Что жъ? мы тогда будемъ стрѣляться!..

Чиновникъ не отвѣчалъ. Онъ закрылъ лицо руками, грудь его волновалась, въ его отрывистыхъ словахъ проглядывало отчаяніе. Казалось, онъ рыдалъ, и наконецъ онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ не могу, не погублю ее... и убѣжалъ.

Печоринъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ, ему во слѣдъ и пошелъ въ кресла. Второй актъ *Фенелы* ужъ подходилъ къ концу. Артиллеристъ и преображенецъ, сидѣвшіе съ другаго края, не замѣтили его отсутствія.

Печенные читатели, вы все видѣли сто разъ *Фенелу*, вы все съ громомъ вызывали Новицкую и Голланду, и поэтомъ и перескачу черезъ остальные три акта и подыму свой занавѣсъ въ ту самую минуту, какъ опустился занавѣсъ Александринскаго театра. Замѣчу только, что Печоринъ мало занимался пѣской, былъ разсѣянъ и забылъ даже объ интересной ложѣ, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть.

Шумною и довольною толпою зрители спуска-

лись по извилистымъ лѣстницамъ къ подъѣзду, Внизу раздавался крикъ жандармовъ и лакеевъ. Дамы, закутавшись и прижавшись къ стѣнамъ и заслоняемые медвѣжьими шубами мужей и папенокъ отъ дерзкихъ взоровъ молодежи, дрожали отъ холоду и улыбаались знакомымъ. Офицеры и штатскіе франты съ лорнетами ходили взадъ и впередъ, стучали, одни саблями и шпорами, другіе калошами. Дамы высокаго тона составляли особую группу на нижнихъ ступеняхъ парадной лѣстницы; смѣялись, говорили громко и наводили золотыя лорнетки на дамъ безъ тона,—обыкновенныхъ русскихъ дворянокъ; и однѣ другимъ тайно завидовали: необыкновенныя красотою обыкновенныхъ, обыкновенныя, увы! гордостью и блеску необыкновенныхъ.

У тѣхъ и у другихъ были свои кавалеры; у первыхъ почтительные и важныя, у вторыхъ услужливыя и порой неловкія. Въ серединѣ же тѣснился кружокъ людей несвѣтскихъ, незнакомыхъ ни съ тѣмъ, ни съ другими,—кружокъ зрителей. Купцы же и простой народъ проходили другими дверями. Это была миниатюрная картина всего петербургскаго общества.

Печоринъ, закутанный въ шинель и надвинувъ на глаза шляпу, старался продрасться къ дверямъ. Онъ поравнялся съ Лизаветою Николаевной Пегуровой; на выразительную улыбку отвѣчалъ сухимъ поклономъ и хотѣлъ продолжать свой путь, но былъ задержанъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Отчего вы такъ серіозны, Monsieur George? вы недовольны спектаклемъ.

— Напротивъ, я во все горло вызывалъ Голланду.

— Неправда ли, что Новицкая очень мила?

— Ваша правда.

— Вы отъ нея въ восторгѣ.

— Я очень рѣдко бываю въ восторгѣ.

— Вы этимъ никого не ободряете, сказала она съ досадою и стараясь проницески улыбнуться.

— Я не знаю никого, кто бы нуждался въ моемъ ободреніи, отвѣчалъ Печоринъ небрежно.—И притомъ восторгъ есть что-то такое дѣтское...

— Ваши мысли и слова удивительно подвержены переменѣ... давно ли?

— Право...

Печоринъ не слушалъ. Его глаза старались проникнуть пеструю стѣну шубъ, салоповъ, шляпъ. Ему показалось, что тамъ за колонною мелькнуло лицо ему знакомое, особенно знакомое... Въ эту минуту жандармъ крикнулъ и долгоязыкъ лакей повторилъ за нимъ: карета князя Лиговскаго.

Съ отчаянными усиліями разсталивая толпу, Печоринъ бросился къ дверямъ. Передъ нимъ человѣка за четыре мелькнулъ розовый салонъ, шаркнули ботинки. Лакей подсадилъ розовый салонъ въ блестящій купе, потомъ вскарабкалась въ него медвѣжья шуба. Дверцы хлопнули. „На Морскую, пошеле!“ Интересную карету замѣнила другая, можетъ-быть не менѣе интересная, только не для Печорина. Онъ стоялъ какъ вкопанный. Мучительная мысль сверлила его мозгъ. Эта ложа, на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть... Княгиня сидѣла въ ней. Ея розовая ручка покоилась на малино-

вомъ бархатѣ. Ея глаза можетъ-быть часто покоились на немъ, а онъ даже и не подумалъ обернуться. Магнитическая сила взгляда любимой женщины не подѣйствовала на его бычачьи нервы. О бѣшенство! Онъ себѣ этого никогда не проститъ. Раздосадованный онъ пошелъ по тротуару, отыскалъ свои сани, разбудилъ толчкомъ кучера, который лежалъ свернувшись, покрытый медвѣжьей полостью и отправился домой. А мы обратимся къ Лизаветѣ Николаевнѣ Негуровой и послѣдуемъ за нею.

Когда она сѣла въ карету, то отецъ ея началъ длинную диссертацию на счетъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка.

— Вотъ, напримѣръ, Печоринъ, говорилъ онъ,—ишь ты того, чтобъ искать во мнѣ или Катенькѣ (Катенька его жена, пятидесяти пяти лѣтъ). Нѣтъ, и смотрѣть не хочетъ. Какъ бывало въ наше время: влюбится молодой человекъ, старается угодить родителямъ, всей роднѣ, а не то чтобъ все по угламъ съ дочкой перешептываться, да глазки дѣлать... Что это нынче—страмъ смотрѣть!.. И дѣвушки не тѣ стали... Бывало, слово лишнее услышуть, покраснѣють, да и баста: ужъ отъ нихъ не добьешься отвѣта. А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшаешься. Замужъ захотѣлось.

Лизавета Николаевна хотѣла отвѣчать. Слезы навернулись у нея на глазахъ и она не могла произнести ни слова. Катерина Ивановна за нее заступилась.

— Ужъ ты всегда на нее нападаешь понапрасну. Что жъ дѣлать, когда молодые люди не женятся. Надо самой не упускать случая. Печоринъ женихъ богатый, хорошей фамиліи; чѣмъ не мужъ? Вѣдь не вѣкъ же сидѣть дома... славу Богу, что мнѣ ея наряды-то стѣять, а ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь. Да кабы замужъ не выходили, такъ что бы было и проч...

Эти разговоры повторялись въ томъ или другомъ видѣ всякій разъ, когда мать, отецъ и дочь оставались втроемъ... дочь молчала, а что происходило въ ея сердцѣ въ эти минуты—одинъ Богъ знаетъ.

Пріѣхали домой. Катерина Ивановна съ ворчливымъ супругомъ отправились въ свою комнату, а дочка въ свою. Родители ея принадлежали и къ старому и къ новому вѣку. Пренія понятія, ползузабытыя, полустертые новыми впечатлѣніями жизни петербургской, вліяніемъ общества, въ которомъ Николай Петровичъ по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады, или во время спора. Они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнитъ ихъ грозное дѣйствіе на собственный умъ во дни его молодости. Катерина Ивановна была дама не глупая, по словамъ чиновниковъ служившихъ въ канцеляріи ея мужа, женщина хитрая и лукавая, во мнѣніи другихъ старухъ, добрая, довѣрчивая и слѣзная маменька, для балльной молодежи... Истиннаго ея характера я еще не разгадалъ; описывая, я только буду стараться соединить и выразить вмѣстѣ всѣ три вышесказанныя мнѣнія... И если выйдетъ портретъ похожъ, то обещаюсь идти пѣшкомъ въ Невскій монастырь слушать пѣвчихъ.

Лизавета Николаевна... О! знакъ восклицанія... погодите. Теперь она взшла въ свою спальню и кликнула горничную Марфушу, толстую, рябую дѣвицу... Дурной знакъ... я бы не желалъ, чтобъ у моей жены или невѣсты была толстая и рябая горничная!.. Терпѣть не могу толстыхъ и рябыхъ горничныхъ, съ головой вымазанной чухонскимъ масломъ или приглаженной квасомъ, отъ котораго волосы сплюпаются и рыжѣють, съ руками шероховатыми какъ вчерашній рѣшетный хлѣбъ, съ сонными глазами, съ ногами хлопающими въ башмакъ безъ ленточекъ, тяжелой походкой и (что всего хуже) четвероугольной таліей, облепленной пестрымъ домашнимъ платьемъ, которое внизу уже чѣмъ вверху... Такая горничная, сидя за работою въ задней комнатѣ порядочнаго дома подобна крокодилу на днѣ свѣтлаго американскаго колодца, такая горничная, какъ сальное пятно, проглядывающее сквозь свѣжіе узоры перекрашеннаго платья, приводитъ умъ въ печальное сомнѣніе насчетъ домашняго образа жизни господъ... О, любезные друзья, не дай Богъ вамъ влюбиться въ дѣвушку, у которой такая горничная; если вы раздѣляете мои мнѣнія, то очарованіе ваше погибло навѣки.

Лизавета Николаевна велѣла горничной снять съ себя чулки и башмаки, и расшнуровать корсетъ, а сама, сѣвъ на постель, сбросила небрежно головной уборъ на туалетъ. Черные ея волосы упали на плеча; но я не продолжаю описанія: никому не интересно любоваться побрякушками прелестями, худощавой ножкой, жилистой шею и сухими плечами, на которыхъ обозначались красные рубцы отъ узкаго платья. Всякій вѣроятно на подобныя вещи довольно насмотрѣлся. Лизавета Николаевна легла въ постель, поставила возлѣ себя на столикъ свѣчу и раскрыла какой-то французскій романъ. Маруша вышла, тишина воцарилась въ комнатѣ. Книга выпала изъ рукъ печальной дѣвушки. Она вздохнула и предалась размышленіямъ.

Конечно не одна отцвѣтшая красавица не повѣряла мнѣ думъ и чувствъ, волновавшихъ ея грудь послѣ длиннаго бала или вечеринки, когда въ одинокой своей комнатѣ она напоминала все свое прошедшее, пересчитывала всѣ любовныя объясненія, которыя нѣкогда выслушала съ притворной холодностію, притворной улыбкой или съ истиннымъ наслажденіемъ, и которыя не имѣли для нея другихъ слѣдствій кромѣ лишихъ десяти строкъ въ альбомъ или мстительной эпиграмы отвергнутаго обожателя, брошенной мимоходомъ позади ея стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь, что эти размышленія должны быть тяжелы, несносны для самолюбія и сердца, если оно налицо имѣется, ибо натуральная исторія нынче обогатилась новымъ классомъ очень милыхъ и красивыхъ существъ, именно классомъ женщинъ безъ сердца. Чтобъ легче угадать, объ чемъ Лизавета Николаевна изволила думать, я принужденъ, къ моему великому сожалѣнію, рассказать вамъ нѣкоторыя частности ея жизни, тѣмъ болѣе что для объясненія слѣдующихъ происшествій это необходимо. Она родилась въ Петербургѣ и никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ

Ревель, на воды... Но вы сами знаете, что Ревель не Россія, и потому направленіе ея петербургскаго воспитанія не получило никакого измѣненія. У насъ, въ Россіи, нѣсколько вывелись изъ моды французскія мадамы, а въ Петербургѣ ихъ вовсе не держатъ. Англичанку нанимать ея родители не въ силахъ,—англичанки дороги. Нѣмку взять было также не ловко, Богъ знаетъ какая попадется: здѣсь такъ много всякихъ... Лизавета Николаевна осталась вовсе безъ мадамы. По-французски она выучилась отъ маменьки, а больше отъ гостей; потому что съ самаго дѣтства она проводила дни свои въ гостиной, сидя возлѣ маменьки и слушаая всякую всячину. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, взяли учителя по билетамъ. Въ годъ она кончила курсъ французскаго языка... и началось ея свѣтское воспитаніе. Въ комнатахъ ея стоялъ рояль, но никто не слыхалъ, чтобъ она играла... Танцовать она выучилась на дѣтскихъ балахъ. Романы она начала читать, какъ только перестала учить склады, и читала ихъ удивительно скоро... Между тѣмъ отецъ ея получилъ порядочное наслѣдство, вслѣдъ за нимъ хорошее мѣсто — и сталъ жить открытѣе... Пятнадцать лѣтъ ее стали вывозить, выдавая за семнадцатилѣтнюю, и до двадцати пяти лѣтъ условный этотъ возрастъ не измѣнялся... Семнадцать лѣтъ точка замерзанія: они растягиваются сколько угодно, какъ резиновыя помочи. Лизавета Николаевна была недурна и очень интересна: блѣдность и худоба интересны... потому что француженки блѣдны, а англичанки худощавы... Надобно замѣтить, что прелесть блѣдности и худобы существуютъ только въ дамскомъ воображеніи и что здѣшніе мужчины только изъ угожденія потакаютъ ихъ мнѣнію, чтобъ чѣмъ нибудь отклонить упреки въ невѣжливости и такъ-называемой „казармности“.

При первомъ вступленіи Лизаветы Николаевны на паркетъ гостиныхъ у нея нашлись поклонники... Это все были люди, всегда ашплодирующіе новому ведевию, скачущіе слушать новую пѣвицу, читающіе только новыя книги. Ихъ замѣнили другіе: эти волочились за нею, чтобъ возбудить ревность въ остывающей любовницѣ или чтобъ кольнуть самолюбіе жестокой красоты. Послѣ этихъ явился третій родъ обожателей: люди, которые влюблялись отъ нечего дѣлать, чтобъ пріятно провести вечеръ, ибо Лизавета Николаевна приобрѣла навыкъ свѣтскаго разговора и была очень любезна, нѣсколько насмѣшлива, нѣсколько мечтательна... Нѣкоторые изъ этихъ волокитъ влюбились не на шутку и требовали ея руки: но ей хотѣлось попробовать лестную роль непреклонной... и къ тому же они все были прескучные. Имъ отказали... Одинъ съ отчаянія долго былъ боленъ, другіе скоро утѣшились... Между тѣмъ время шло. Она сдѣлалась опытной и бойкой дѣвою; смотрѣла на всѣхъ въ лорнетъ, обращалась очень смѣло, не краснѣла отъ двусмысленной рѣчи или взора, и вокругъ нее стали увиваться розовые юноши, пробующіе свои силы въ словесной перестрѣлкѣ, и посвящавшіе ей первые свои опыты страстнаго краснорѣчія. Увы, на этихъ были еще меньше надежды, чѣмъ на всѣхъ прежнихъ. Она съ досадою и

вмѣстѣ тайнымъ удовольствіемъ убивала ихъ надежды, останавливая ѣдкой насмѣшкой разливы краснорѣчія — и вскорѣ они увѣрились, что она непобѣдимая и чудная женщина. Выхажующій рой разлетался въ разныя стороны... и наконецъ для Лизаветы Николаевны наступилъ періодъ самый мучительный и опасный сердцу — отивѣтающей женщины...

Она была въ тѣхъ лѣтахъ, когда еще волочиться за нею было не совѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно; въ тѣхъ лѣтахъ, когда какой-нибудь вѣтренный или безпечный франтъ не почитаетъ уже за грѣхъ увѣрять шутя въ глубокой страсти, чтобы послѣ, такъ для смѣху, скомпрометтировать дѣвушку въ глазахъ подругъ ея, думая этимъ придать себѣ болѣе вѣсу... увѣрить всѣхъ, что она отъ него безъ памяти и стараться показать, что онъ ее жалѣетъ, что онъ не знаетъ, какъ отъ нея отдѣлаться; говорить ей нѣжности шепотомъ, а вслухъ колкости... Бѣдная, предчувствуя, что это ея послѣдній обожатель, безъ любви, изъ одного самолюбія, старается удержать шалуна какъ можно долѣе у ногъ своихъ... Напрасно. Она болѣе и болѣе запутывается. И наконецъ... увы... за этимъ періодомъ остаются только мечты о мужѣ, какомъ-нибудь мужѣ... однѣ мечты...

Лизавета Николаевна вступила въ этотъ періодъ, но послѣдній ударъ нанесъ ей не безпечный шалунъ и не бездушный франтъ. Вотъ какъ это случилось.

Полтора года тому назадъ Печоринъ былъ еще въ свѣтѣ человѣкъ довольно новый. Ему надобно было, чтобъ поддержать себя, приобрести то, чѣмъ нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностію, то-естъ прослыть человѣкомъ, который можетъ дѣлать зло, когда ему вздумается. Нѣсколько времени онъ напрасно искалъ себѣ пьедестала, вставши на который, онъ бы могъ заставить толпу взглянуть на себя. Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слишкомъ трудно для начинающаго, а скомпрометтировать дѣвушку молодую и невинную онъ бы не рѣшился. И потому онъ избралъ своимъ орудіемъ Лизавету Николаевну, которая не была ни то, ни другое. Какъ быть. Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутаций, значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій.

Лизавета Николаевна и онъ были давно знакомы. Они кланялись. Составивъ планъ свой, Печоринъ отправился на одинъ балъ, гдѣ долженъ былъ съ нею встрѣтиться. Онъ наблюдалъ за нею пристально, и замѣтилъ, что ее никто не пригласилъ на мазурку: знакъ былъ поданъ музыкантамъ начинать, кавалеры шумѣли стульями, устанавливая ихъ въ кружокъ. Лизавета Николаевна отправилась въ уборную, чтобы скрыть свою досаду. Печоринъ дождался ее у дверей. Когда она возвращалась въ залу, началась уже вторая фигура. Печоринъ торопливо подошелъ къ ней.

— Гдѣ вы скрывались, — сказалъ онъ, — я искалъ васъ вездѣ, приготовилъ даже стулья, такъ я сильно надѣялся, что вы мнѣ не откажете.

— Какъ вы самоувѣренны, и неожиданное удовольствіе вспыхнуло въ ея глазахъ.

— Однако жъ въ меня не накажете слишкомъ строго за эту самоувѣренность?

Она не отвѣчала и послѣдовала за нимъ.

Разговоръ ихъ продолжался во время всего танца, блистая шутками, эпитаграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики. Печоринъ не шадилъ ни одной изъ ея молодыхъ и свѣжихъ соперницъ. За ужиномъ онъ съѣлъ возлѣ нея, разговоръ подвигался все далѣе и далѣе, такъ что наконецъ онъ чуть-чуть ей не сказалъ, что обожаетъ ее до безумія (разумѣется двусмысленнымъ образомъ). Огромный шагъ былъ сдѣланъ, и онъ возвратился домой довольный своимъ вечеромъ.

Нѣсколько недѣль къ ряду послѣ этого они встрѣчались на разныхъ вечерахъ. Разумѣется, онъ неутомимо искалъ этихъ встрѣчъ, а она по крайней мѣрѣ ихъ не избѣгала. Однимъ словомъ, онъ пошелъ по слѣдамъ древнихъ волокитъ и дѣйствовалъ по формѣ, классически. Скоро все стали замѣчать ихъ постоянное влеченіе другъ къ другу, какъ явленіе новое и совершенно оригинальное въ нашемъ холодномъ обществѣ. Печоринъ избѣгалъ нескромныхъ вопросовъ, но за то дѣйствовалъ весьма открыто. Лизавета Николаевна была также этимъ очень довольна, потому что надѣялась завлечь его далѣе и далѣе, и потому, какъ говорили наши матушки, женить его на себѣ. Ея родители, не имѣя еще объ немъ никакого мнѣнія, такъ безо всякихъ видовъ пригласили однако же его посѣтить свой домъ, чтобъ узнать его короче. Многіе уже стали надъ нимъ подсмѣивать, какъ надъ будущимъ женихомъ; добрые пріятели стали уговаривать его, отклонять отъ безразсуднаго поступка, который ему не входилъ и въ голову. Изъ этого всего онъ заключилъ, что минута рѣшительнаго кризиса наступила.

Былъ блестящій балъ у барона***. Печоринъ по обыкновенію танцевалъ первую кадрили съ Лизаветой Николаевной.

— Какъ хороша сегодня меньшая Р., замѣтила Лизавета Николаевна.

Печоринъ навелъ лорнетъ на молодую красавицу, долго смотрѣлъ молча и наконецъ отвѣчалъ:

— Да, она прекрасна. Съ какимъ вкусомъ перевиты эти пунопвые цвѣты въ ея густыхъ, русыхъ локонахъ. Я непременно далъ себѣ слово танцевать съ нею сегодня, именно потому, что она вамъ нравится. Не правда ли, я очень догадливъ, когда хочу вамъ сдѣлать удовольствіе.

— О, безъ сомнѣнія, вы очень любезны, отвѣчала она вепыхнувъ.

Въ эту минуту музыка остановилась, первая кадрили кончилась, и Печоринъ очень вѣжливо раскланялся. Остальную часть вечера онъ или танцевалъ съ Р. или стоялъ возлѣ ея стула, старался говорить какъ можно больше и казался какъ можно довольнѣе, хотя, между нами, дѣвица Р. была очень проста и почти его не слушала, но такъ какъ онъ говорилъ очень много, то она заключила, что Печоринъ кавалеръ очень любезный. Послѣ мазурки она пошла къ Лизаветѣ Николаевнѣ, и та ее спросила съ ироническою улыбкою:

— Какъ вамъ кажется вашъ постоянный нынѣшній кавалеръ?

— Il est très aimable, отвѣчала Р.

Это былъ жестокій ударъ для Лизаветы Николаевны, которая почувствовала, что лишаетъ

ся своего послѣдняго кавалера, ибо остальные молодые люди, видя что Печоринъ занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно, съ этого дня Печоринъ сталъ съ нею разсѣяннѣе, холоднѣе; явно старался ей дѣлать тѣ мелкія неприятности, которыя замѣчаются всеми, и за которыя между тѣмъ невозможно требовать удовлетворенія. Говоря съ другими дѣвушками, онъ выражался объ ней съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ, тогда какъ она напротивъ велѣдствіе плохого расчета, желая кольнуть его самолюбіе, повѣряла своимъ подругамъ подъ печатю строжайшей тайны свою чистѣйшую, искреннѣйшую любовь. Но напрасно. Онъ только наслаждался излишнимъ торжествомъ, а она, увѣряя другихъ, мало по-малу сама увѣрилась, что его точно любить. Родители ея, болѣе проникательные въ качества безпристрастныхъ зрителей, стали ее укорять, говоря: „Вотъ, матушка, цѣлый годъ пропустила даромъ, отказала жениху съ двадцатью тысячами дохода; правда что онъ старъ и въ параличѣ, — да что нынѣшние молодые люди! Хорошь твой Печоринъ, мы заранѣе знали, что онъ на тебѣ не женится, да и мать не позволить ему жениться! Что же вышло? Онъ же надъ тобой и насмѣхается“.

Разумѣется, подобные слова не успокоятъ ни уязвленнаго самолюбія, ни обманутаго сердца. Лизавета Николаевна чувствовала ихъ истину, но эта истина была уже для нея не нова. Кто долго преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль, много для нея пожертвовалъ, тому трудно отъ нея отступиться, а если къ этой цѣли примыкаютъ послѣднія надежды увядающей молодости, то невозможно. Въ такомъ положеніи мы оставили Лизавету Николаевну, пріѣхавшую изъ театра, лежащую на постелѣ съ книжкою въ рукахъ и съ мыслями, бродящими въ минувшемъ и будущемъ.

Наскучивъ пробѣгать глазами десять разъ одну и ту же страницу, она нетерпѣливо бросила книгу на столикъ и вдругъ примѣтила письмо съ адресомъ на ея имя и съ штемпелемъ городской почты.

Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать таинственный конвертъ, но любопытство превозмогло, конвертъ сорванъ дрожащими руками, свѣча придвинута и глаза ея жадно пробѣгаютъ первыя строки. Письмо было написано примѣтно искаженнымъ почеркомъ, какъ будто боялись, что самыя буквы измѣнятъ тайнѣ. Въмѣсто подписи имени внизу рисовалась какая-то египетская каракуля, очень похожая на пятна, видимыя въ лунѣ, которымъ многіе простолюдины придаютъ какое-то символическое значеніе. Вотъ письмо отъ слова до слова:

„Милостивая Государыня. — Вы меня не знаете, я васъ знаю. Мы встрѣчаемся часто. Исторія вашей жизни такъ же мнѣ знакома, какъ моя записная книжка, а вы моего имени никогда не слышали. Я принимаю въ васъ участіе именно потому, что вы никогда на меня не обращали вниманія, и притомъ я нынче очень доволенъ собою и намѣренъ сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ извѣстно, что Печоринъ вамъ нравится, что вы всячески думаете снова воужечь въ немъ чувства, которыя ему никогда не сниклись. Онъ съ вами пошутитъ. Онъ недостойнъ васъ,

онъ любитъ другую. Всѣ вали старанія послужать только къ вашей гибели. Свѣтъ и такъ указываетъ на васъ пальцами. Скоро онъ совѣмъ отъ васъ отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня подавать вамъ такіе неосторожныя и смѣлыя совѣты, и чтобы вы болѣе убѣдились въ моемъ безкорыстіи, то я клянусь вамъ, что вы никогда не узнаете моего имени.

„Всѣдствіе чего остаюсь вашъ покорный слуга“:

(Каракул).

Отъ такого письма съ другою сдѣлалась бы истерика. Но ударъ, поразивъ Лизавету Николаевну въ глубину сердца, не подѣйствовалъ на ея нервы. Она только поблѣднѣла, торпливо сожгла письмо и сдула на полъ легкой его пепель. Потомъ она погасила свѣчу и обернулась къ стѣнѣ. Казалось, она плакала, но такъ тихо, такъ тихо, что еслибъ вы стояли у ея изголовья, то подумали бы, что она спитъ покойно и безмятежно.

На другой день она встала блѣднѣе обыкновеннаго, въ десять часовъ вышла въ гостиную, разливала сама чай по обыкновенію. Когда убрали со стола, отецъ ея ухажалъ къ должности, мать сѣла за работу, она пошла въ свою комнату. Проходя черезъ залу ей встрѣтился лакей:

— Куда ты идешь? — спросила она.

— Доложить-съ.

— О комъ?

— Вотъ тотъ-съ... офицеръ... Господинъ Печоринъ...

— Гдѣ онъ?

— У крыльца остановился.

Лизавета Николаевна покраснѣла, потомъ снова поблѣднѣла и потомъ отрывисто сказала лакею:

— Скажи ему, что дома никого нѣтъ, и когда онъ еще прійдетъ, прибавила она, какъ бы съ трудомъ выговаривая послѣднюю фразу, — то не принимать.

Лакей поклонился и ушелъ, а она опростетью бросилась въ свою комнату.

IV.

Получивъ такой рѣшительный отказъ, Печоринъ, какъ вы сами можете догадаться, не удивился; онъ приготовился къ такой развязкѣ и даже желалъ ее. Онъ отправился на Морскую. Сани его быстро скользили по сыпучему снѣгу; утро было туманное и обѣщало близкую оттепель. Многіе жители Петербурга, проведеніе дѣтство въ другомъ климатѣ, подвержены странному вліянію здѣшняго неба. Какое-то печальное равнодушіе, подобное тому, съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ неблагодарной здѣшней земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ оцѣпенѣніе всѣ жизненные органы. Въ эту минуту сердце неспособно къ энтузіазму, умъ къ размышленію. Въ подобномъ расположеніи находился Печоринъ. Неожиданный успѣхъ увѣнчалъ его легкомысленное предпріятіе, и онъ даже не обрадовался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ увидѣться съ женщиною, которая была постоянною его мечтою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошед-

шимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, и сердце его не трепетало отъ нетерпѣнія, страха, надежды. Какое-то болѣзненное замираніе, какая-то мутность и неподвижность мыслей, которая подобно тяжелымъ облакамъ осаждала умъ его, предвѣщали одни близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость, онъ внутренно досадовалъ на теперешнее свое спокойствіе.

Вотъ сани его остановились передъ однимъ домомъ. Онъ вышелъ и взялся за ручку двери. Но прежде чѣмъ онъ отворилъ ее, минувшее какъ сонъ проскользнуло въ его воображеніи и различныя чувства внезапно шумно пробудились въ душѣ его. Онъ самъ испугался громкаго бѣненія сердца своего, какъ путаются сонныя жители города при звукѣ ночнаго набата. Какія были его намѣренія, опасенія и надежды, извѣстно только Богу, но повидимому онъ готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дать новое направленіе своей жизни. Наконецъ дверь отворилась, и онъ медленно взошелъ по широкой лѣстницѣ. На вопросъ швейцара, кого ему угодно, онъ отвѣчалъ вопросомъ: дома ли княгиня Вѣра Дмитриевна?

— Князь Степанъ Степановичъ у себя-съ.

— А княгиня? — повторилъ нетерпѣливо Печоринъ.

— Княгиня также-съ.

Печоринъ сказалъ швейцару свою фамилію, и тотъ пошелъ доложить.

Сквозь полуоткрытую въ залу дверь Печоринъ бросилъ любопытный взглядъ, стараясь сколько нибудь по убранству комнатъ угадать хотя слабый оттѣнокъ семейной жизни хозяевъ. Но, увя! въ столицѣ всѣ залы схожи между собою какъ всѣ улыбки и всѣ привѣтствія. Одинъ только кабинетъ иногда можетъ разоблачить домашнія тайны. Но кабинетъ также непроницаемъ для постороннихъ посѣтителей какъ сердце. Однако же краткій разговоръ со швейцаромъ позволилъ догадаться Печорину, что главное лицо въ домѣ былъ князь. „Странно, подумалъ онъ, она вышла замужъ за стараго, неприятнаго и обыкновеннаго человѣка, вѣроятно для того, чтобъ дѣлать свою волю. И что же если я отгадалъ правду, если она добровольно перемѣнила одно рабство на другое, то какая же у нея была цѣль? Какая причина?... Но нѣтъ, любить она его не можетъ, за это я ручаюсь головой“.

Въ эту минуту швейцаръ взошелъ и торжественно произнесъ:

— Пожалуйте, князь въ гостиной.

Медленными шагами Печоринъ прошелъ черезъ залъ. Взоръ его затуманился, кровь прилила къ сердцу, онъ чувствовалъ, что поблѣднѣлъ, когда перешолъ черезъ порогъ гостиной. Молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блондовомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ. Возлѣ нея на креслахъ въ мундирномъ фракѣ сидѣлъ какой-то толстый, лысый господинъ съ огромными глазами налитыми кровью и безконечно широкой улыбкой. У окна стоялъ другой, въ сюртукѣ, довольно сухощавый, съ волосами обстриженными подъ гребенку, съ обвислыми щеками и довольно неблагороднымъ выраженіемъ лица. Онъ просматривалъ газеты и даже не обернулся, когда взошелъ молодой

офицеръ. Это былъ самъ князь Степанъ Степановичъ. Молодая женщина поспѣшно встала, обратясь къ Печорину съ какимъ-то очень нежнымъ привѣтствіемъ: потомъ подошла къ князю и сказала ему:

— Mon ami, вотъ господинъ Печоринъ, онъ старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печоринъ, рекомендую вамъ моего мужа.

Князь бросилъ газеты на окно, раскладывая, хотѣлъ что-то сказать, но изъ устъ его вышли только отрывистыя слова:

— Конечно... мнѣ очень пріятно... семейство жены моей... что вы такъ любезны... Я поставилъ себѣ за долгъ... ваша матушка такая почтенная дама—я имѣлъ честь быть вчера у нея съ женой.

— Матушка съ сестрой хотѣла сама быть у васъ сегодня, но она немного нездорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтение.

Печоринъ самъ не зналъ, что говорилъ. Опомившись и думая, что онъ сказалъ глупость, онъ принялъ какой-то холодный, принужденный видъ. Княгиня показалося, вѣроятно, что этой фразой онъ хотѣлъ объяснить свой визитъ, какъ-будто былъ невольный. Выраженіе лица ея также сдѣлалось принужденно. Она подозрѣвала намѣреніе упрекнуть. Щеки ея готовы были вспыхнуть, но она быстро отвернулась, сказала что-то толстому господину, тотъ захохоталъ и громко произнесъ: о, да! Потомъ она пригласила Печорина сѣсть, заняла сама прежнее мѣсто, а князь взялъ опять въ руки свои газеты.

Княгиня Вѣра Дмитриевна была женщина двадцати двухъ лѣтъ, средняго женскаго роста, блондинка, съ черными глазами, что придавало лицу ея какую-то оригинальную прелесть и такимъ образомъ, рѣзко отличая ее отъ другихъ женщинъ, уничтожало сравненія, которыя можетъ быть были бы не въ ея пользу. Она была не красавица, хотя черты ея были довольно правильны. Овалъ лица совершенно аттической и прозрачности кожи необыкновенная. Безпрерывная измѣчивость ея фizioноміи, повидимому несообразная съ чертами нѣсколько рѣзкими, мѣшала ей нравиться всѣмъ и нравиться во всякое время. Но за то человѣкъ, привыкшій слѣдить эти мгновенныя переменны, могъ бы открыть въ нихъ рѣдкую пылкость души и постоянную раздражительность нервъ, обѣщающую столько наслажденій догадливому любовнику. Ея станъ былъ гибокъ, движенія медленны, походка ровная. Видя ее въ первый разъ, вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что эта женщина съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ, холоднымъ, вѣрующая въ собственное убѣжденіе, готовая принести счастье въ жертву правиламъ, но не молвѣ. Увидавъ же ея въ минуту страсти и волненія, вы сказали бы совсѣмъ другое или скорѣе не знали бы вовсе, что сказать.

Нѣсколько минутъ Печоринъ и она сидѣли другъ противъ друга въ молчаніи затруднительномъ для обоихъ. Толстый господинъ, который былъ по какому-то случаю баронъ, воспользовался этимъ промежуткомъ времени, чтобъ объяснить подробно свои родственныя связи съ прусскимъ посланникомъ. Княгиня разными во-

просами очень ловко заставляла барона еще болѣе растягивать рѣчь свою. Жоржъ, пристально устремивъ глаза на Вѣру Дмитриевну, старался, но тщетно, угадать ея тайныя мысли; онъ видѣлъ ясно, что она не въ своей тарелкѣ, озабочена, взволнована. Ея глаза то тускнѣли, то блистали; губы то улыбались, то сжимались, щеки краснѣли и блѣднѣли попеременно. Но какая причина этому безпокойству? Можетъ-быть домашняя сцена до него случившаяся, потому что князь явно былъ не въ духѣ; можетъ-быть радость и смущеніе воскресающей или только вновь пробуждающейся любви къ нему, можетъ-быть непріятное чувство при встрѣчѣ съ человѣкомъ, который зналъ нѣкоторыя тайны ея жизни и сердца, который имѣлъ право и можетъ-быть готовъ былъ ее упрекнуть...

Печоринъ, не привыкшій толковать женскіе взгляды и чувства въ свою пользу, остановился на послѣднемъ предположеніи... Изъ гордости онъ рѣшился показать, что подобно ей забылъ прошедшее и радуется ея счастью... Но невольно въ его словахъ звучало оскорбленное самолюбіе. Когда онъ заговорилъ, то княгиня вдругъ отвернулася отъ барона... и тотъ остался съ отверстымъ ртомъ, готовясь произнести самое важное и убѣдительнѣйшее заключеніе своихъ доказательствъ.

— Княгиня,—сказалъ Жоржъ,—извините, я еще не поздравилъ васъ... съ княжескимъ... титуломъ!... Повѣрьте, однако, что я съ этимъ намѣреніемъ снѣшилъ имѣть честь васъ увидѣть... но когда взошелъ сюда, то происшедшая въ васъ переменна такъ меня поразила, что признаюсь... забыть долгъ вѣжливости...

— Я постарѣла, не правда ли, — отвѣчала Вѣра, наклонивъ головку къ правому плечу.

— О, вы шутите! Развѣ въ счастьи старѣють... напротивъ, вы пополнѣли, вы...

— О! конечно я очень счастлива,—прервала его княгиня.

— Это молва всеобщая; многія молодыя дѣвушки вамъ завидуютъ... Впрочемъ вы такъ благоразумны, что не могли не сдѣлать такого достойнаго выбора... Весь свѣтъ восхищается любезностію, умомъ и талантами вашего супруга... (баронъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой). Княгиня чуть-чуть не улыбулася, потомъ вдругъ досада изобразилась на ея лицѣ.

— Я вамъ отплачу комплиментомъ за комплиментъ, monsieur Печоринъ... вы также переменились къ лучшему.

— Какъ быть! время всеисильно... даже наши одежды подобно намъ самимъ подвержены чуднымъ измѣненіямъ—вы теперь носите блондовый чепчикъ, я вмѣсто фрака московскаго недоросля или студентскаго сюртука ношу мундиръ съ эполетами... Вѣроятно отъ этого я имѣю счастье вамъ нравиться больше чѣмъ прежде... вы теперь такъ привыкли къ блеску!

Княгиня хотѣла отомстить за эпиграмму.

— Прекрасно!—воскликнула она;—вы отгадали, и точно... намъ, бѣднымъ москвитянкамъ, гвардейскій мундиръ истинная диковинка!

Она насмѣшливо улыбулася, баронъ захохоталъ, и Печоринъ на него взбѣрился.

— У васъ такой усердный союзникъ, княгиня, сказалъ онъ,—что я долженъ признаться побѣжденнымъ. И я увѣренъ, что баронъ при

данномъ знакѣ готовъ меня сокрушить всей своей тяжестью.

Баронъ плохо понималъ по-русски, хотя родился въ Россіи; онъ захохоталъ пуще прежняго, думая, что это комплиментъ, относящійся къ нему вмѣстѣ съ Вѣрою Дмитріевной. Печоринъ пожалъ плечами, и разговоръ снова остановился. Къ счастью князь подошелъ, преважно держа въ рукѣ газеты:

— Вотъ это до тебя касается, сказали онъ женѣ;—новый магазинъ на дняхъ открытъ на Невскомѣ. Я покажу вамъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ гостямъ,—петербургскій гостинецъ, который я вчера купилъ женѣ; все говорятъ, что серьги самыя модныя, а жена говорить что нѣтъ. Какъ будутъ по вашему вкусу?

Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ сафьянную коробочку. Часто повторяемое княземъ слово жена какъ-то грубо и неприятно отзывалось въ ухахъ Печорина. Онъ съ перваго слова узналъ въ князѣ человѣка не далекаго, а теперь убѣдился, что онъ даже человѣкъ не свѣтскій. Серьги переходили изъ рукъ въ руки. Баронъ произнесъ надъ ними нѣсколько протяжныхъ восклицаній, Печоринъ послѣ него сталъ машинально ихъ разсматривать.

— А какъ вы думаете,—спросилъ князь Степанъ Степановичъ, спрятавшись въ галстукъ и одной рукой вытаскивая накрахмаленный воротничекъ,—сколько я за нихъ заплачу? отгадайте.

Серьги по большей мѣрѣ стоили 80 рублей, а были заплачены 75. Печоринъ нарочно сказалъ 50, это озадачило князя. Онъ ничего не отвѣчалъ, стыдясь сказать правду, и сѣлъ на канапе, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговоръ сдѣлался общимъ разнѣмъ городскихъ новостей, московскихъ извѣстій. Князь, нѣсколько развеселившись, объявилъ очень откровенно, что еслибъ не тяжёлое дѣло, то никакъ бы не оставилъ Москвы и англійскаго клуба, прибавляя, что здѣшній англійскій клубъ ничто передъ московскимъ. Наконецъ Печоринъ всталъ, раскланялся и дошелъ уже до двери, какъ вдругъ княгиня вскопчила съ своего мѣста и убѣдительно просила его не позабыть поцѣловать за нее милую Вариньку сто разъ, тысячу разъ. Печорину хотѣлось ей замѣтить, что онъ не можетъ передавать словесныхъ поцѣлуевъ, но ему было не до шутки, и онъ очень важно опять поклонился. Княгиня улыбнулась ему той ничего не выражающей улыбкою, которая разливается на устахъ танцовщицы оканчивающей пируэтъ.

Съ горькимъ предчувствіемъ онъ вышелъ изъ комнаты. Пройдя залу, онъ обернулся, княгиня стояла въ дверяхъ, неподвижно смотрѣла ему востѣдъ. Замѣтивъ его движеніе она исчезла.

„Странно, подумалъ Печоринъ, садясь въ сани, было время, когда я читалъ на лицѣ ея всѣ движенія мысли также безошибочно, какъ собственную рукопись, а теперь я ее не понимаю, совершенно не понимаю“.

V.

До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и нако-

нецъ увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой мамы. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что еслибъ жилъ въ Германіи, то сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите, ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ. Итакъ, все его путешествія ограничивались поѣздками, съ толпою такихъ же негодяевъ какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольникъ и въ Марьину рошу. Можете вообразить, что они не брали съ собою тетрадей и книгъ,—чтобъ не казаться педагогами. Пріятели Печорина, которыхъ число было впрочемъ не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и аксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей можно было закрывши глаза держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ la bande joyeuse.

Приближалось для Печорина время экзамена. Онъ въ продолженіе года почти не ходилъ на лекціи и намѣревался теперь пожертвовать нѣсколько ночей наукѣ и однимъ прыжкомъ догнать товарищей. Вдругъ явилось обстоятельство, которое помѣшало ему исполнить это геройское намѣреніе. У матери Печорина, Татьяны Петровны, бывали дѣтскіе вечера для маленькой дочери. На эти вечера съѣзжались и взрослые барышни и пересѣльныя дѣвы, жадныя до всякихъ возможныхъ вечеровъ. Дѣти ложились спать въ десять часовъ, ихъ смѣняли на паркетѣ большіе. На эти вечера являлись часто отецъ и дочь Р—вы. Они были старинные знакомые Татьяны Петровны и даже нѣсколько ей сродни. Дочь этого господина Р—ва называлась тогда просто Вѣрочкой. Жоржъ, привыкнувъ видѣться съ нею часто, не находилъ въ ней ничего особеннаго, она же избѣгала его разговора. Разъ собралась большая компанія ѣхать въ Симоновъ монастырь ко всеобщей молитвѣ, слушать пѣвчихъ и гулять. Это было весною; усѣлись въ длинныя линейки, запряженныя каждая въ шесть лошадей, и тронулись съ Арбата веселымъ караваномъ. Солнце склонилось къ Воробьевымъ горамъ, и вечеръ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ.

Но какому-то случаю Жоржу пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрочкою. Онъ этимъ былъ сначала недоволенъ. Ея семнадцатилѣтняя свѣжесть и скромность казались ему вѣрными признаками холодности и черезчуръ приторной сердечной невинности: кто изъ насъ въ девятнадцать лѣтъ не бросался очертя голову во слѣдъ отцвѣтающей кокеткѣ, которыхъ слова и взгляды полны общаиной и души которыхъ подобны выкрашеннымъ гробамъ притчи. Наружность ихъ — блескъ очаровательный, внутри—смерть и прахъ.

Выѣхавъ уже за городъ, когда растворенный воздухъ вечера освѣжилъ веселыхъ путешественниковъ, Жоржъ разговорился съ своей сосѣдкою. Разговоръ ея былъ простъ, живъ и довольно свободенъ. Она была нѣсколько мечтательна, но не старалась этого выказывать, напротивъ стыдилась этого какъ слабости. Сужденія Жоржа въ то время были рѣзки, полны противурѣчій, хотя оригинальны какъ вообще сужденія молодыхъ людей, воспитанныхъ въ Москвѣ и привыкшихъ безъ принужденія посторонняго развивать свои мысли.

Наконецъ пріѣхали въ монастырь. До всенощной ходили осматривать стѣны, кладбище, лазили на площадку западной башни, ту самую откуда въ древнія времена наши предки слѣдили движенія... и послѣдній Повикъ открылъ такъ поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнанническое имя. Жоржъ не отставалъ отъ Вѣрочки, потому что неловко было бы уйти не кончивъ разговора, а разговоръ былъ такого рода, что могъ продолжиться до безконечности. Онъ и продолжался все время всенощной, исключая тѣхъ минутъ, когда дивный хоръ монаховъ и голосъ отца Виктора погружалъ ихъ въ безмолвное умиленіе. Но за то послѣ этихъ минутъ разгоряченное воображеніе и чувства взволнованныя звуками давали новую пищу для мыслей и словъ. Послѣ всенощной опять гуляли и возвратились въ городъ тѣмъ же порядкомъ очень поздно. Жоржъ весь слѣдующій день думалъ объ этомъ вечерѣ, потому поѣхалъ къ Р—вымъ, чтобы поговорить объ немъ и передать свои впечатлѣнія той, съ которой онъ ихъ раздѣлялъ. Визиты дѣлались чаще и продолжительнѣе. По короткости обиха домовъ они не могли обратиться на себя никакого подозрѣнія; такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и они убѣдились оба, что влюблены другъ въ друга до безумія. Въ ихъ лѣта, когда страсть есть наслажденіе безъ примѣси заботъ, страха и раскаянія, очень легко убѣдиться во всемъ. У Жоржа была богатая тетушка, которая въ той же степени была родня и Р—вымъ. Тетушка пригласила оба семейства погостить къ себѣ въ подмосковную недѣлю на двѣ; домъ у нея былъ огромный, сады большіе, однимъ словомъ, все удобства. Частыя прогулки сблизили еще болѣе Жоржа съ Вѣрочкой; не смотря на толпу мадамовъ и дѣтей тетушки, они какъ-то всегда находили средство быть вдвоемъ: средство впрочемъ очень легкое, если обоимъ этого хочется.

Между тѣмъ въ университетѣ шелъ экзамень. Жоржъ туда не явился. Разумѣется онъ не получилъ аттестата, но о будущемъ онъ не заботился и увѣрилъ мать, что экзамень отложенъ еще на три недѣли и что онъ все знаетъ. Вечернія прогулки имѣли необходимымъ слѣдствіемъ объясненіе, потомъ клятвы въ вѣрности. Наконецъ, когда двухнедѣльный срокъ кончился, надобно было возвращаться въ Москву. Наканунѣ роковаго дня (это было вечеромъ) они стояли вдвоемъ на балконѣ. Какой-то невидимый демонъ сблизилъ ихъ уста и руки въ безмолвное пожатіе, въ безмолвный поцѣлуй... Они испугались самихъ себя; и хотя Жоржъ рано съ помощью товарищей вступилъ на соблазнительное поприще разврата, но честь и

невинной дѣвушки была еще для него святыней. На другой день, садясь въ экипажи, они раскланялись попрежнему очень учтиво, но Вѣрочка покраснѣла и глаза ея блистали.

Обманъ Жоржа открылся какъ скоро пріѣхали въ Москву. Отчаяніе Татьяны Дмитриевны было ужасно, брань ея неистощима. Жоржъ съ покорностью и молча выслушалъ все какъ стоикъ; но гроза невидимая собиралась надъ нимъ. Въ комитетѣ дядюшекъ и тетюшекъ было положено, что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу. Другаго спасенія они для него не видали. Тамъ, говорили они, его прошколятъ и выучутъ дисциплинѣ.

Въ это время открылась Польская компанія. Вся молодежь спѣшила опредѣлиться въ полки. Вступить въ школу было для Жоржа невыгодно, потому что конкера 2-го класса не должны были идти въ походъ. Онъ почти на колѣнахъ выпросилъ позволеніе вступить въ П..... гусарскій полкъ, стоявшій не далеко отъ Москвы. Послѣ многого плаканья и оханья получилъ онъ ея благословеніе. Но самое трудное оставалось ему еще сдѣлать: надобно было объявить объ этомъ Вѣрочкѣ. Онъ былъ такъ еще невиненъ душой, что боялся убить ее неожиданнымъ извѣстіемъ. Однакожъ она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взглядъ, не вѣря, чтобы какія бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться съ нею. Клятва и обѣщанія ее успокоили.

Черезъ нѣсколько дней Жоржъ пріѣхалъ къ Р—вымъ, чтобы окончательно проститься. Вѣрочка была очень блѣдна. Онъ посидѣлъ недолго въ гостинной, когда же вышелъ, то она, пробѣжавъ черезъ другія двери, встрѣтила его въ залѣ. Она сама схватила его за руку, крѣпко ее сжала и произнесла невѣрнымъ голосомъ: „Я никогда не буду принадлежать другому“. Блѣдная, она дрожала всею тѣлою. Эти ощущенія были для нее такъ новы, она такъ боялась потерять друга, она такъ была увѣрена въ собственномъ сердцѣ. Непечатлѣвъ жаркій поцѣлуй на холодномъ дѣвственномъ челѣ ея, Жоржъ посадилъ ее на стулъ, опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и поскакалъ домой. Вечеромъ пришелъ лакей отъ Р—выхъ къ Татьянѣ Дмитриевнѣ просить стклянку съ какими-то каплями и спирту, потому что дескать барышня очень нездорова и раза три была безъ памяти. Это былъ ужасный ударъ для Жоржа. Онъ цѣлую ночь не спалъ, чѣмъ свѣтъ съѣлъ въ дорожную коляску и отправился въ свой полкъ.

До сихъ поръ, любезные читатели, вы видѣли, что любовь монахъ героевъ не выходила изъ общихъ правилъ всехъ романовъ и всякой начинающейся любви. Но за то въ послѣдствіи, о! въ послѣдствіи вы увидите и услышите чудныя вещи.

Печоринъ въ продолженіи кампаніи отличался, какъ отличается всякій русскій офицеръ; дрался храбро, какъ всякій русскій солдатъ; любезничалъ съ многими паннами, но минуты послѣдняго разставанья и милый образъ Вѣрочки постоянно тревожили его воображеніе. Чудное дѣло! Онъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ ее забыть, а вышло на оборотъ,

(что почти всегда и выходит въ такихъ случаяхъ). Впрочемъ Печоринъ имѣлъ самый несчастный нравъ: впечатлѣнія сначала легкія постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что послѣдствіи эта любовь приобрѣла надъ его сердцемъ право давности, священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣчества.

Послѣ взятія Варшавы, онъ былъ переведенъ въ гвардію. Мать его съ сестрою переѣхали жить въ Петербургъ, Варенька привезла ему поклонъ отъ своей милой Вѣрочки, какъ она ее называла, — ничего больше какъ поклонъ. Печорина это огорчило — онъ тогда еще не понималъ женщинъ. Тайная досада была одна изъ причинъ, по которымъ онъ сталъ волочиться за Лизаветой Николаевной. Слухи объ этомъ вѣроятно дошли до Вѣрочки. Черезъ полтора года онъ узналъ, что она вышла замужъ, черезъ два года пріѣхала въ Петербургъ уже не Вѣрочка, а княгиня Лиговская и князь Степанъ Степановичъ.

Тутъ кажется мы остановились въ предыдущей главѣ.

VI.

Дня черезъ три послѣ того какъ Печоринъ былъ у князя, Татьяна Дмитріевна пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и родныхъ отобѣдать. Степанъ Степановичъ съ супругою былъ разумѣется въ числѣ.

Печоринъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ уже одѣваться, чтобъ выйти въ гостинную когда взвошелъ къ нему артиллерійскій офицеръ. — А, Браницкій, воскликнулъ Печоринъ, — я очень радъ, что ты такъ кстати заѣхалъ, ты непременно будешь у насъ обѣдать. Вообрази, у насъ нынѣ полонъ домъ молодыхъ дѣвушекъ, и я одинъ отданъ имъ на жертву. Ты всѣхъ ихъ знаешь, сдѣлай одолженіе останься обѣдать!

— Ты такъ убѣдительно просишь, отвѣчалъ Браницкій, — какъ будто предчувствуешь отказъ.

— Нѣтъ, ты не смѣешь отказаться, сказалъ Печоринъ.

Онъ кликнулъ человѣка и велѣлъ отпустить сани Браницкаго домой.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ я не передаю, потому что онъ былъ безвзаменъ и нусть, какъ разговоры всѣхъ молодыхъ людей, которымъ нечего дѣлать. И въ самомъ дѣлѣ, скажите, объ чемъ могутъ говорить молодые люди? Запасъ новостей скоро истощается, въ политику благородіе мѣшаетъ пускаться, объ службѣ и такъ слишкомъ много толкуютъ на службѣ, а женщины въ нашъ варварскій вѣкъ утратили въ половину прежнее всеобщее свое вліяніе. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить объ этомъ смѣшно.

Когда нѣсколько гостей съѣхалось, Печоринъ и Браницкій вошли въ гостинную. Тамъ на трехъ столахъ играли въ вистъ. Покуда маленькія считали козыри, дочки, усѣвшись вокругъ небольшого столика, разговаривали о послѣднемъ балѣ, о новыхъ модахъ. Офицеры подошли къ нимъ, Браницкій искусно оживилъ непринужденной болтовней ихъ небольшой кружокъ. Печоринъ былъ разсѣянъ. Онъ давно замѣчалъ, что Браницкій ухаживалъ за его сестрой и, не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ слѣдствій, не тревожилъ пріятеля наблю-

деніемъ, а сестру нескромными вопросами. Варинькѣ казалось очень пріятно, что такой ловкій молодой человѣкъ примѣтно отличаетъ ее отъ другихъ, ее, которая даже еще не выбѣгаетъ.

Мало по-малу гости съѣзжались. Князь Лиговской и княгиня пріѣхали одни изъ послѣднихъ. Варинька бросилась навстрѣчу своей старой пріятельницѣ, княгиня поцѣловала ее съ видомъ покровительства. Векорѣ сѣли за столъ.

Столовая была роскошно убранная комната, увѣшенная картинами въ огромныхъ золотыхъ рамахъ. Ихъ темная и старинная живопись находилась въ рѣзкой противуположности съ украшеніями комнаты, легкими, какъ все, что въ новѣйшемъ вкусѣ. Дѣйствующія лица этихъ картинъ одни полунагія, другія живописно запернутыя въ греческія мантии или одѣтыя въ испанскіе костюмы въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, съ прорѣзными рукавами, пышными манжетами. Брошенные на этоѣ холстѣ рукою художника въ самыя блестящія минуты ихъ миеологической или феодальной жизни, казалось строго смотрѣли на дѣйствующихъ лишь этой комнаты, озаренныхъ сотнею свѣтъ, не помышляющихъ о будущемъ, еще менѣе о прошедшемъ, съѣхавшихся на пышный обѣдъ не столько для того, чтобы насладиться дарами роскоши, но чтобъ удовлетворить тщеславію ума, тщеславію богатства, другіе изъ любопытства, изъ приличій или для какихъ-либо другихъ сокровенныхъ цѣлей. Въ одеждѣ этихъ людей, такъ чинно сидѣвшихъ вокругъ длиннаго стола уставленнаго серебромъ и фарфоромъ, также какъ въ ихъ понятіяхъ были перемѣшаны всѣ вѣка. Въ одеждахъ ихъ встрѣчались глубочайшая древность съ самой послѣдней выдумкой парижской модистки, греческія прически, увитыя гиляндами изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ, готическія серьги, еврейскіе турбаны, далѣе волосы вздернутые кверху à la chinoise, букли à la Sevigne, пышныя платья на подобіе фижмъ, рукава чрезвычайно широкіе или чрезвычайно узкіе. У мужчинъ прически à la jeune France, à la Russe, à la moyen age и à la Titus, гладкіе подбородки, усы, эспаньелки, бакенбарды и даже бороды. Кстати было бы тутъ привести стихъ Пушкина: „какая смѣсь одеждъ и лицъ!“ Понятія же этого общества были такая путаница, которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидѣть наискось противу княгини Вѣры Дмитріевны. Сосѣдъ его по лѣвую руку былъ какой-то рыжій господинъ увѣшенный крестами, который ѣздилъ къ нимъ въ домъ только на званые обѣды, по правую же сторону Печорина сидѣла дама лѣтъ тридцати, чрезвычайно свѣжая и моложавая, въ малиновомъ токъ съ перьями и съ гордымъ видомъ, потому что она слыла неприступною добродѣтелью. Изъ этого мы видимъ, что Печоринъ, какъ хозяинъ, избралъ самое дурное мѣсто за столомъ.

Возлѣ Вѣры Дмитріевны сидѣла по одну сторону старушка, разряженная какъ кулка, съ сѣдыми бровями и черными пучками; по другую дипломатъ, длинный и блѣдный, причесанный à la Russe и говорившій по-русски хуже всякаго француза. Послѣ втораго блюда разговоръ началъ оживляться.

— Такъ какъ вы недавно въ Петербургѣ,— говорилъ дипломатъ княгинѣ,— то вѣроятно не успѣли еще вкусить и постигнуть всѣ прелести здѣшней жизни. Эти зданія, которыя съ перваго взгляда васъ только удивляютъ, какъ все великое, со временемъ сдѣлаются для васъ безцѣнны, когда вы вспомните, что здѣсь развилось и выросло наше просвѣщеніе и когда увидите, что оно въ нихъ уживается легко и пріятно. Всякій русскій долженъ любить Петербургъ: здѣсь все, что есть лучшаго русской молодежи какъ бы нарочно собралось, чтобъ подать дружескую руку Европѣ. Москва только великолѣпный памятникъ, пышная и безмолвная гробница минувшаго; здѣсь жизнь, здѣсь наши надежды.

Такъ высокопарно и мудро говорилъ художавый дипломатъ, который имѣлъ претензію быть великимъ патриотомъ. Княгиня улыбнулась и отвѣчала разсѣянно.

— Можеть быть современемъ я полюблю и Петербургъ, но мы, женщины, такъ легко предаемся привычкамъ сердца и такъ мало думаемъ къ сожалѣнію о всеобщемъ просвѣщеніи, о славѣ государствъ! Я люблю Москву. Съ воспоминаніемъ объ ней связана память о такомъ счастливомъ времени! А здѣсь, здѣсь все такъ холодно, такъ мертво. О, это не мое мнѣніе: это мнѣніе здѣшнихъ жителей. Говорятъ, что въѣхавши разъ въ Петербургскую заставу люди мѣняются совершенно.

Эти слова она сказала, улыбаясь дипломату и взглянувъ на Печорина. Дипломатъ взбѣленился:

— Какія ужасныя клеветы про нашъ милый городъ,—воскликнулъ онъ,— а все это старая сплетница Москва, которая изъ зависти клеветаетъ на молодую свою соперницу.

При словѣ старая сплетница разряженная старушка затряса головою и чуть-чуть не подавилась спаржею.

— Чтобъ рѣшить нашъ споръ,—продолжалъ дипломатъ,— выберемъ посредника, княгиня: вотъ хоть Григорія Александровича, онъ очень прилежно слушалъ нашъ разговоръ. Какъ вы думаете объ этомъ, monsieur Печоринъ? скажите по совѣсти и не принесите меня въ жертву учтивости. Вы одобряете мой выборъ, княгиня?

— Вы выбрали судью довольно строгаго,— отвѣчала она.

— Какъ быть, нашъ братъ всегда наблюдаетъ свои выгоды,—возразилъ дипломатъ съ самодовольной улыбкою.—Monsieur Печоринъ, извольте же рѣшить.

— Мнѣ очень жаль,—сказалъ Печоринъ,— что вы ошиблись въ своемъ выборѣ. Изъ всего вашего спора я слышалъ только то, что сказала княгиня.

Лицо дипломата вытянулось.

— Однако жъ,—сказалъ онъ,— Москвѣ или Петербургу отдадите вы преимущество?

— Москва моя родина,—отвѣчалъ Печоринъ, стараясь отдѣлаться.

— Однако жъ которая?... Дипломатъ настаивалъ съ упорствомъ.

— Я думаю,—прервалъ его Печоринъ,— что ни зданія, ни просвѣщеніе, ни старина не имѣютъ вліянія на счастье и веселость. А мѣняются люди за петербургской заставой и за мо-

сковскимъ шлагбаумомъ, потому что еслибъ люди не мѣнялись, было бы очень скучно.

— Послѣ такого рѣшенія, княгиня,—сказалъ дипломатъ,— я уступаю свое дипломатическое званіе господину Печорину. Опъ увернулся отъ рѣшительнаго отвѣта, какъ Талейранъ или Меттернихъ.

— Григорій Александровичъ,—возразила княгиня,— не увлекается страстью или пристрастіемъ, онъ слѣдуетъ одному холодному разуму.

— Это правда,—отвѣчала Печоринъ,— я теперь сталъ взвѣшивать слова свои и разсчитывать поступки, слѣдуя примѣру другихъ. Когда я увлекался чувствомъ и воображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей! и кто не раскаявался! Теперь по чести я готовъ пожертвовать самую чистѣйшую, самую воздушную любовь, для трехъ тысячъ душъ съ винокурненнымъ заводомъ и для какого-нибудь графскаго герба на дверцахъ кареты. Надоно пользоваться слушаемъ, такія вещи не падаютъ съ неба. Не правда ли?

Этотъ неожиданный вопросъ былъ сдѣланъ дамѣ въ малиновомъ беретѣ.

Молчавшая добродѣтель пробудилась при этомъ неожиданномъ вопросѣ, и страусовыя перья заколыхались на беретѣ. Она не могла тотчасъ отвѣтить, потому что ея невинные зубки жевали кусокъ рябчика съ самымъ добродѣтельнымъ стараніемъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ молча ожидали ея отвѣта. Наконецъ она открыла уста и важно молвила:

— Ко мнѣ ли вашъ вопросъ относится?

— Если вы позволите,—отвѣчалъ Печоринъ.

— Не хотите ли вы раздѣлить со мною вашу роль посредника и судьи?

— Я бѣ желалъ вамъ передать ее совсѣмъ!

— Ахъ, избавьте!

Въ эту минуту ей подали какое-то жирное блюдо, она положила себѣ на тарелку и продолжала:

— Вотъ адресуйтесь къ княгинѣ. Она, я думаю, гораздо лучше можеть судить о любви и объ графскомъ или о княжескомъ титулѣ.

— Я бы желалъ слышать ваше мнѣніе,—сказалъ Печоринъ,— и рѣшился побѣдить вашу скромность упрямствомъ.

— Вы не первые и вамъ это не удастся,—сказала она съ презрительной улыбкою.—Притомъ я не имѣю никакого мнѣнія о любви.

— Помидуйте! въ ваши лѣта не имѣть никакого мнѣнія о такомъ важномъ предметѣ для всякой женщины.

Добродѣтель обидѣлась.

— То-есть я слишкомъ стара,—воскликнула она, покрасивъ.

— Напротивъ, я хотѣлъ сказать, что вы еще такъ молоды.

— Слава Богу, я ужъ не ребенокъ... Вы оправдались очень неудачно.

— Что дѣлать! Я вижу, что увеличилъ единицею несмѣтное число несчастныхъ, которые вамъ напрасно стараются понравиться...

Она отъ него отвернулась, а онъ чуть не засмѣялся вслухъ.

— Кто это дама?—шопотомъ спросилъ у него рыжій господинъ съ крестами.

— Баронесса Штраль, — отвѣчалъ Печоринъ.
 — Аа! — съблалъ рыжій господинъ.
 — Вы, конечно, объ ней много слышали.
 — Нѣтъ-съ, ничего формально.
 — Она уморила двухъ мужей, — продолжалъ Печоринъ, — теперь за третьимъ, который вѣрно ее переживетъ.

— Ого! сказалъ рыжій господинъ и продолжалъ уписывать соусъ унизанный трюфелями. Такимъ образомъ разговоръ прекратился, но дипломатъ взялъ на себя трудъ возобновить его.

— Если вы любите искусства, сказалъ онъ, обращаясь къ княгинѣ, — то я могу вамъ сказать весьма пріятную новость: картина Брюлова *Послѣдній день Помпеи* ѣдетъ въ Петербургъ. Про нее кричала вся Италия, французы ее разбрали. Теперь любопытно знать куда склонится русская публика — на сторону истиннаго вкуса, или на сторону моды.

Княгиня ничего не отвѣчала, она была въ разсѣянности. Глаза ее бродили безъ цѣли вдоль по стѣнамъ комнаты, и слово „картина“ только заставило ихъ остановиться на изображеніи какой-то испанской сцены, висѣвшемъ противу нея. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая цѣнность отъ того, что краски ея полиняли и лакъ растрескался. На ней были изображены три фигуры: старый и сѣдой мужчина, сидя на бархатныхъ креслахъ, обнималъ одною рукою молодую женщину, въ другой держалъ онъ бокалъ съ виномъ; онъ приближалъ свои румяныя губы къ нѣжной щекѣ этой женщины и проливалъ вино ей на платье. Она, какъ бы нехотя повинуясь его грубымъ ласкамъ, перегнувшись черезъ ручку кресель и облокотясь на его плечо, отворачивалась въ сторону, прижимая палецъ къ устамъ и устремивъ глаза на полустворенную дверь, изъ-за которой во мракѣ сверкали два яркіе глаза и кинжалъ.

Княгиня нѣсколько минутъ со вниманіемъ смотрѣла на эту картину и наконецъ попросила дипломата объяснить ей содержаніе.

Дипломатъ вынулъ изъ-за галстука лорнетъ, прищурился, наводилъ его въ разныхъ направленіяхъ на темный холстъ и заключилъ тѣмъ, что это должна быть копія съ Рембранта или Мурильо.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ, — хозяинъ ея долженъ лучше знать, что она изображаетъ.

— Я не хочу вторично затруднять Григорія Александровича разрѣшеніями вопросовъ, сказала Вѣра Дмитріевна, и опять устремила глаза на картину.

— Сюжетъ ея очень простъ, сказалъ Печоринъ, не дожидаясь чтобы его просили. — Здѣсь изображена женщина, которая оставила и обманула любовника для того, чтобы удобнѣе обманывать богатаго и глупаго старика. Въ эту минуту она кажется что-то у него выпрашиваетъ и удерживаетъ бѣшенство любовника ложными обѣщаніями. Когда она выманитъ искусственнымъ поцѣлуемъ все, что ей хочется, она сама откроетъ дверь и будетъ хладнокровною свидѣтельницей убійства.

— Ахъ, это ужасно! воскликнула княгиня.

— Можетъ-быть я ошибаюсь, давъ такой смыслъ этому изображенію, продолжалъ Печоринъ, — мое истолкованіе совершенно произвольное.

— Неужели вы думаете, что подобное коварство можетъ существовать въ сердцѣ женщины?

— Княгиня, отвѣчалъ Печоринъ сухо, — я прежде имѣлъ глупость думать, что можно понимать женское сердце. Послѣдніе случаи моей жизни меня убѣдили въ противномъ, и поэтому я не могу рѣшительно отвѣтить на вашъ вопросъ.

Княгиня покраснѣла, дипломатъ обратилъ на нее испытующій взоръ и сталъ что-то чертить вилкою на днѣ своей тарелки. Дама въ малиновомъ беретѣ была какъ на иголкахъ, слыша такіе ужасы, и старалась отодвинуть свой стулъ отъ Печорина, а рыжій господинъ съ крестами значительно улыбнулся и проглотилъ три трюфели разомъ.

Остальное время обѣда, дипломатъ и Печоринъ молчали, княгиня завела разговоръ со старушкою, добродѣтель горячо объ чемъ-то спорила со своей сосѣдкою съ правой стороны, рыжій господинъ ѣлъ.

За десертомъ, когда подали шампанское, Печоринъ, поднявъ бокалъ, оборотился къ княгинѣ: — Такъ какъ я не имѣю счастья быть на вашей свадьбѣ, то позвольте поздравить васъ теперь.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и ничего не отвѣтила. Тайное страданіе изображалось на ея лицѣ столь измѣнчивомъ, рука державшая стаканъ съ водою дрожала... Печоринъ все это видѣлъ, и нѣчто похожее на раскаяніе закрадось въ грудь его: за что онъ ее мучилъ? съ какою цѣлью? какую пользу могло ему принести это мелочное мщеніе?... Онъ себѣ въ этомъ не могъ дать подробнаго отчета. Вскорѣ стулья зашумѣли; встали изъ за стола и пошли въ пріемныя комнаты... Лакеи на серебряныхъ подносахъ стали разносить кофе; нѣкоторые мужчины, не игравшіе въ вистъ, и въ ихъ числѣ князь Степанъ Степановичъ, пошли въ кабинетъ Печорина курить трубки, а княгиня подъ предлогомъ, что у нее развилась локонь, удалилась въ комнату Вариньки.

Она притворила за собою двери, бросилась въ широкія кресла. Необъяснимое чувство стѣснило ея грудь, слезы набѣжали на рѣсницы, стали капать чаще и чаще на ея разгорѣвшіяся ланиты, и она плакала, горько плакала, куда ей не пришло въ мысль, что съ красными глазами неловко будетъ показаться въ гостиную. Тогда она встала, подошла къ зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколономъ и духами, которые въ цвѣтныхъ и граненыхъ сткляночкахъ стояли на туалетѣ. По времени она еще вежливалась и грудь ея подымалась высоко, но это были послѣднія волны, забытыя на гладкомъ морѣ пролетѣвшимъ ураганомъ.

Объ чемъ же она плакала? спрашиваете вы, и я васъ спрошу объ чемъ женщины не плачутъ: слезы ихъ оружіе, нападетельное и оборонительное. Досада, радость, безсильная ненависть, безсильная любовь, имѣютъ у нихъ одно выраженіе. Вѣра Дмитріевна сама не могла дать отчета, какое изъ этихъ чувствъ было главною причиною ея слезъ. Слова Печорина глубоко ее оскорбили, но странно, она его за это не возненавидѣла. Можетъ-быть еслибы въ

его упрекъ проглядывало сожалѣніе о минувшемъ, желаніе ей снова правиться, она бы съумѣла отвѣчать ему колкой насмѣшкой и равнодушіемъ, но казалось въ немъ было оскорблено одно самолюбіе, а не сердце, — самая слабая часть мужчины, подобная пяткѣ Ахиллеса, — и по этой причинѣ оно въ этомъ сраженіи оставалось внѣ ея выстрѣловъ. Казалось, Печоринъ гордо вызывалъ на бой ея ненависть, чтобы увѣриться такъ же ли она будетъ недолговременна какъ любовь ея, и онъ достигъ своей цѣли. Ея чувства взволновались, ея мысли смуглились, первое впечатлѣніе было сильное, а отъ перваго впечатлѣнія зависѣло все остальное: онъ это зналъ и зналъ также, что самая ненависть ближе къ любви, нежели равнодушіе. Княгиня уже собиралась возвратиться въ гостиную, какъ вдругъ дверь легонько скрипнула и взошла Варинька.

— Я тебя искала, *sicte amie*, воскликнула она, — ты кажешься нездорово...

Вѣра Дмитриевна томио улыбнулась ей и сказала:

— У меня болитъ голова, тамъ такъ жарко...

— Я за столомъ часто на тебя взглядывала; продолжала Варинька, — ты все время молчала. Мнѣ досадно было, что я не съѣла возлѣ тебя, тогда можетъ-быть тебѣ не было такъ скучно.

— Мнѣ вовсе не было скучно, отвѣчала княгиня, горько улыбувшись, — Григорій Александровичъ былъ очень любезенъ.

— Послушай, мой ангелъ, я не хочу чтобы ты называла брата Григорій Александровичъ. Григорій Александровичъ — это такъ важно: точно вы будто вчера только познакомились. Отчего не называть его просто Жоржъ, какъ прежде, онъ такой добрый.

— О, я этого послѣдняго достоинства въ немъ нынѣ не замѣтила, онъ мнѣ нынѣ говорилъ такихъ вещей, которыя бѣ другая ему никогда не простила.

Вѣра Дмитриевна почувствовала, что проговорила, но успокоилась тѣмъ, что Варинька вѣтрена дѣвочка, не обратитъ вниманія на ея послѣднія слова или скоро позабудетъ ихъ. Вѣра Дмитриевна къ несчастью ея, была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя обыкновенно осторожибе и скромѣе другихъ, но въ минуты страсти проговариваются.

Поправя свои локоны передъ зеркаломъ, она взяла подъ руку Вариньку и обѣ возвратились въ гостиную, а мы пойдемъ въ кабинетъ Печорина, гдѣ собралось нѣсколько молодыхъ людей и гдѣ князь Степанъ Степановичъ съ сигаркой въ зубахъ тщелю старался вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Онъ не зналъ ни одной петербургской актрисы, не зналъ ключа ни одной городской интриги, и какъ пріѣзжій изъ другаго города, не могъ разсказать ни одной новости. Женившись на молодой женщинѣ, онъ старался казаться молодымъ на зло подставнымъ зубамъ и нѣкоторымъ морщинамъ. Въ продолженіи всей своей молодости этотъ человекъ не пристрастился ни къ чему — ни къ женщинамъ, ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ почестямъ, и со всѣмъ тѣмъ, въ удобность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три изъ угожденія въ женщинъ, которыя хотѣли ему правиться, про-

игралъ однажды тридцать тысячъ, когда была мода проигрывать, убилъ свое здоровье на службѣ потому, что начальникомъ это было пріятно. Будучи эгоистъ въ высшей степени, онъ однако слыть всегда добрымъ малымъ, готовымъ на всякія услуги, женился же онъ потому что всѣмъ роднымъ этого хотѣлось. Теперь онъ сидѣлъ противъ камина, куря сигарку и допивая кофе и внимательно слушая разговоръ двухъ молодыхъ людей, стоявшихъ противъ него. Одинъ изъ нихъ былъ артиллерійскій офицеръ Браницкій, другой — статскій. Этотъ послѣдній былъ одно изъ характеристическихъ лицъ петербургскаго общества.

Онъ былъ порядочнаго роста и такъ худъ, что англійскаго покроя фракъ висѣлъ на плечахъ его какъ на вѣшалкѣ. Жесткій атласный галстукъ подпиралъ его угловатый подбородокъ. Ротъ его, лишенный губъ, походилъ на отверстие, прорѣзанное перочиннымъ ножичкомъ въ картошной маскѣ. Щеки его впалы и смугловатыя мѣстами были испещрены мелкими ямочками, слѣдами разрушительной оспы. Носъ его былъ прямой, одинаковой толщины во всей своей длинѣ, а нижняя оконечность какъ бы отрублена. Глаза, сѣрые и маленькіе, имѣли дерзкое выраженіе, брови были густы, лобъ узокъ и высокъ, волосы черны и острижены подъ гребенку, изъ-за галстука его выглядывала борода à la St. Simonienne.

Онъ былъ со всѣми знакомъ, служилъ гдѣ-то, ѣздилъ по порученіямъ, возвращаясь получалъ чины, бывалъ всегда въ среднемъ обществѣ и говорилъ про связи свои со знатью, волочился за богатыми невѣстами, подавалъ множество проектовъ, продавалъ разныя акціи, предлагалъ всѣмъ подписки на разныя книги, знакомъ былъ со всѣми литераторами и журналистами, приписывалъ себѣ многія безыменныя статьи въ журналахъ, издалъ брошюру, которую никто не читалъ, былъ, по его словамъ, заваленъ кучею дѣлъ и цѣлое утро проводилъ на Невскомъ проспектѣ. Чтобы докончить портретъ скажу, что фамилія его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко онъ называлъ себя Горшенковъ.

— Что вы ко мнѣ никогда не заѣдете? — говорилъ ему Браницкій.

— Повѣрите ли, я такъ занятъ, — отвѣчалъ Горшенко, — вотъ завтра самъ долженъ докладывать министру; потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тѣма, не знаешь какъ отдѣлаться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя N, — всякій день гдѣ-нибудь на балѣ, вотъ хоть нынче у графини Ф. Такъ и быть уже жертвою этой зимой, а лѣтомъ опять запусь въ свой кабинетъ, окружу себя бумагами и буду ѣздить только къ старымъ пріятелямъ.

Браницкій улыбнулся и насвистывая арію изъ *Фенелы* удалился.

Князь, который былъ мысленно занятъ своимъ дѣломъ, подумалъ, что ему не худо будетъ познакомиться съ человекомъ, который всѣхъ знаетъ и докладываетъ самъ министру. Онъ завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, о службѣ, потомъ о своемъ дѣлѣ, которое состояло въ тяжбѣ съ казною о 20.000 десятинахъ лѣсу. Наконецъ князь спросилъ у Горшенка не зна-

еть ли онъ одного чиновника Красинскаго, у котораго въ столѣ разбираются его дѣла.

— Да, да,—отвѣчалъ Горшенко,—знаю, видать, по онъ ничего не можетъ сдѣлать, адресуйтесь къ людямъ, которые болѣе имѣютъ вѣсу. Я знаю эти дѣла, мнѣ часто ихъ навязывали, но я всегда отказывался.

Такой отвѣтъ поставилъ въ тупикъ князя Степана Степановича, ему показалось, что передъ нимъ въ лицѣ Горшенка стоитъ весь комитетъ министровъ.

— Да,—сказалъ онъ,—нынѣ эти вещи стали ужасно затруднительны.

Почоринъ, слышавшій разговоръ и узнавъ отъ князя въ какомъ департаментѣ его дѣло, общался отыскать Красинскаго и привезти его къ князю.

Степанъ Степановичъ въ восторгѣ отъ его любезности пожалъ ему руку и пригласилъ его заѣзжать къ себѣ всякій разъ, когда ему нечего будетъ дѣлать.

VII.

На другой день Печоринъ былъ на службѣ, провелъ ночь въ дежурной комнатѣ и смѣнился въ двѣнадцать часовъ утра. Покуда онъ пересидѣлъ, прошелъ еще часъ. Когда онъ прѣхалъ въ департаментъ, гдѣ служилъ чиновникъ Красинскій, то ему сказали, что этотъ чиновникъ куда-то ушелъ; Печорину дали его адресъ, и онъ отправился къ Обухову мосту. Остановясь у воротъ одного огромнаго дома, онъ вызвалъ дворника и спросилъ здѣсь ли живетъ чиновникъ Красинскій.

— Пожалуйте въ сорокъ девятый номеръ,—былъ отвѣтъ.

— А гдѣ входъ?

— Со двора-съ.

Сорокъ девятый номеръ, и входъ со двора! этихъ ужасныхъ словъ не можетъ понять человѣкъ, который не провелъ по крайней мѣрѣ половины жизни въ отыскиваніи разныхъ чиновниковъ. Сорокъ девятый номеръ есть число мрачное и таинственное, подобное числу 666 въ Апокалипсисѣ. Вы пробираетесь сначала черезъ узкій и угловатый дворъ, по глубокому снѣгу, или по жидкой грязи; высокія пирамиды дровъ грозятъ ежеминутно подавить васъ своимъ паденіемъ, тяжелый запахъ, ѣдкій, отвратительный, отравляетъ ваше дыханіе, собаки ворчатъ при вашемъ появленіи, блѣдныя лица, хранящія на себѣ ужасные слѣды нищеты или распутства, выглядываютъ сквозь узкія окна нижняго этажа. Наконецъ, послѣ многихъ разспросовъ, вы находите желанную дверь, темяно и узкую какъ дверь въ чистилище. Поскользнувшись на порогѣ вы летите двѣ ступени внизъ и попадете ногами въ лужу, образовавшуюся на каменномъ помостѣ, потомъ невѣрною рукой оцупываете лѣстницу и начинаете взбираться на верхъ. Взойдя на первый этажъ и остановившись на четвероугольной площадкѣ, вы увидите нѣсколько дверей кругомъ себя, но увы, ни на одной нѣтъ номера. Начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходитъ кухарка съ сальной свѣчей, а изъ-за нея раздается брань, или плачь дѣтей.

— Кого вамъ угодно?

— Сорокъ девятый номеръ.

— Здѣсь эдакихъ нѣтъ-съ.

— Кто жъ здѣсь живетъ?

Отвѣтъ бываетъ обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или: какое вамъ дѣло, ступайте выше. Дверь захлопывается. Во всѣхъ другихъ дверяхъ та же сцена повторяется въ разныхъ видахъ. Чѣмъ выше вы взбираетесь, тѣмъ хуже. Софистъ-наблюдатель могъ бы заключить изъ этого, что человѣкъ, приближаясь къ небу, уподобляется растенію, которое на вершинахъ горъ теряетъ цвѣтъ и силу. Помучившись около часу, вы наконецъ находите желанный сорокъ девятый номеръ или другой столько же таинственный, и то если дворникъ не былъ пьянъ и понималъ вашъ вопросъ, если не два чиновника съ одинаковымъ именемъ въ этомъ домѣ, если вы не попали на другую лѣстницу и т. д. Печоринъ претерпѣлъ все мученіе и наконецъ вскарабкавшись на четвертый этажъ постучалъ въ дверь. Вышла кухарка. Онъ сдѣлалъ обычный вопросъ, ему отвѣчали: здѣсь. Онъ взмошелъ, снялъ шинель въ кухнѣ и хотѣлъ идти далѣе, какъ вдругъ кухарка остановила его, сказавъ, что господинъ Красинскій не воротился еще изъ департамента. Я подожду,—отвѣчалъ онъ, и взмошелъ. Кухарка слѣдовала за нимъ и разглядывала его съ видомъ удивленія. Бѣлый султанъ и красивый кавалерійскій мундиръ были повидимому явленіе необыкновенное на четвертомъ этажѣ. При входѣ Печорина въ гостиную, если можно такъ назвать четырехугольную комнату, украшенную единственнымъ столомъ, покрытымъ клеенкою, передъ которымъ стоялъ старый диванъ и три стула, низенькая и опрятная старушка встала съ своего мѣста и повторила вопросъ кухарки.

— Я ищу господина Красинскаго, можетъ быть я ошибся.

— Это мой сынъ,—отвѣчала старушка,—онъ скоро будетъ.

— Если вы мнѣ позволите подождать... продолжалъ Печоринъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—прервала его старушка и торопливо придвинула стулъ.

Печоринъ сѣлъ. Окнувъ взоромъ комнату и все въ ней находящееся, ему стало какъ-то неловко: еслибъ судьба неожиданно бросила его во дворецъ Персидскаго шаха, онъ бы скорѣй нашелся нежели теперь.

Старушкѣ съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ, хотя она въ самомъ дѣлѣ была моложе, но раннія печали сгорбили ея станъ, изсушили кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старый пергаментъ. Синеватая жилы рисовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщено. Въ однихъ ея маленькихъ глазахъ казалось сосредоточивались всѣ ея жизненные силы, въ нихъ свѣтила необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствіе. Печоринъ не зналъ какъ начать разговоръ, сталъ перелистывать книгу, лежавшую на столѣ. Онъ думалъ вовсе не о книгѣ, но странное заглавие привлекло его вниманіе: *Легчайшій способъ быть всегда богатымъ и счастливымъ*. Сочиненіе Н. П. Москва, въ тип. И. Глазунова, цѣна 25 копѣекъ. Улыбка появилась на лицѣ Печорина. Эта книжка какъ

пустой лотерейный билетъ была рѣзкое изображеніе мечталій, обманутыхъ надеждъ, несбыточныхъ, тщетныхъ усилій представить себѣ въ лучшемъ видѣ печальную существённость. Старушка замѣтила его улыбку и сказала:

— Я просила сына моего, прочитавъ объявленіе въ газетахъ, чтобъ онъ мнѣ досталъ эту книжку, да въ ней ничего нѣтъ.

— Я думаю,—возразилъ Печоринъ,—что никакая книга не можетъ выучить быть счастливымъ. О, еслибъ счастье была наука—дѣло другое!

— Разумѣется,—возразила старуха,—утопающій за шепку хватается; мы не всегда были въ такомъ положеніи какъ теперь. Мужъ мой былъ польскій дворянинъ, служилъ въ русской службѣ. Велѣдствіе долгой тяжбы онъ потерялъ большую часть своего имѣнія, а остатки разграблены были въ послѣднюю войну. Однако же я надѣюсь скоро все поправится. Мой сынъ,—продолжала она съ нѣкоторою гордостью,—имѣетъ теперь очень хорошее мѣсто и хорошее жалованье.

Послѣ минутнаго молчанія она спросила:

— Вы, конечно, къ моему сыну по какому-нибудь дѣлу. Можетъ быть вамъ скучно будетъ дожидаться, такъ не угодно ли сказать мнѣ, я ему передамъ.

— Мнѣ препоручилъ,—отвѣчалъ Печоринъ,— князь Лиговскій попросить вашего сына, чтобы онъ сдѣлалъ одолженіе заѣхалъ къ нему. У князя есть тяжба, которая теперь должна разсматриваться въ столѣ у г. Красинскаго. Я васъ попрошу передать ему адресъ князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына къ нему заѣхать хоть завтра вечеромъ: я тамъ буду.

Написавъ адресъ, Печоринъ раскланялся и подошелъ къ двери. Въ эту минуту дверь отворилась, и онъ вдругъ столкнулся съ человекомъ высокаго роста. Они взглянули другъ на друга, глаза ихъ встрѣтились, и каждый сдѣлалъ шагъ назадъ. Враждебныя чувства изобразились на обоихъ лицахъ, удивленіе скривило уста. Наконецъ Печоринъ, чтобы выйти изъ этого страннаго положенія сказалъ почти шопотомъ:

— Милостивый государь, вспомните, что я не зналъ, что вы господинъ Красинскій, иначе бы я не имѣлъ счастья встрѣтиться съ вами здѣсь. Ваша матушка объяснитъ вамъ причину моего посѣщенія.

Они разошлись не поклонившись. Печоринъ уѣхалъ. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что онъ въ Красинскомъ узналъ того самаго чиновника, котораго нѣсколько дней назадъ едва не задавилъ и съ которымъ имѣлъ въ театрѣ исторію.

Между тѣмъ Красинскій, не менѣе пораженный этою встрѣчей, сѣлъ противу своей матери на кресло, опустил голову на руку и глубоко задумался, когда мать передала ему препорученія Печорина, стараясь объяснить, какъ выгодно было бы взяться за дѣла князя, и стала удивляться тому, что Печоринъ не объявился самъ. Тогда Красинскій вдругъ векочилъ со своего мѣста. Свѣтлая мысль озарила лицо его, и онъ воскликнулъ, ударивъ рукой по столу.— Да я пойду къ этому князю! Потомъ

онъ сталъ ходить по комнатамъ мѣрными шагами, дѣлая иногда безсвязныя восклицанія. Старушка, повидному, привыкшая къ такимъ страннымъ выходкамъ, смотрѣла на него безъ удивленія. Наконецъ онъ, опять сѣлъ, вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать съ такимъ видомъ, чтобъ только начать разговоръ. Она его угадала.

— Ну что, Станиславъ,—сказала она,—скоро ль тебѣ выйдетъ награжденіе? у насъ денегъ осталось мало.

— Не знаю,—отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Ты вѣрно не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія,—продолжала она,—пу что за бѣда, что онъ твоими руками жаръ загребаетъ; придетъ и твое время, а покажѣсть, если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не взыщетъ.

Горькое чувство изобразилось на прекрасномъ лицѣ Станислава. Онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ.

— Матушка, вы хотите, чтобы я пожертвовалъ для васъ даже характеромъ; пожалуй, послѣ всѣхъ жертвъ, которыя я принесъ вамъ, это будетъ капля воды въ морѣ.

Она подняла къ небу глаза полные слезъ, и молчаніе снова воцарилось. Станиславъ сталъ перелистывать книгу и вдругъ сказалъ, не отрывая глазъ отъ параграфа, гдѣ безыменный сочинитель доказывалъ, что дружба есть ключъ истиннаго счастья:

— Знаете ли, матушка, кто этотъ офицеръ, который былъ сегодня у насъ?

— Не знаю, а что?

— Мой смертельный врагъ,—отвѣчалъ онъ.

Лицо старушки поблѣднѣло сколько могло, она всплеснула руками и воскликнула:

— Боже мой, чего же онъ отъ тебя хочетъ?

— Вѣроятно онъ мнѣ не желаетъ зла, но зато я имѣю сильную причину его ненавидѣть. Развѣ когда онъ сидѣлъ здѣсь противу васъ, блистая золотыми эполетами, поглаживая бѣлый султанъ, развѣ вы не чувствовали, не догадались съ перваго взгляда, что я долженъ непремѣнно его ненавидѣть. О, повѣрьте, мы еще не разъ съ нимъ встрѣтились на дорогѣ жизни и встрѣтимся не такъ холодно какъ нынѣ. Да, я пойду къ этому князю,—какое-то тайное предчувствіе шепчетъ мнѣ, чтобы я повиновался указаніямъ судьбы.

Напрасны были всѣ старанія испуганной матери узнать причину такой глубокой ненависти. Станиславъ не хотѣлъ разсказывать, какъ будто боялся, что причина ей покажется слишкомъ ничтожна. Какъ всѣ люди страстные и упорные, увлекаемые одной постоянной мыслью, онъ больше всѣхъ препятствій старался избѣгать убѣжденій разсудка, могущихъ отвлечь его отъ предположенной цѣли.

На другой день онъ одѣлся какъ можно лучше. Цѣлое утро онъ прилежно, можетъ быть въ первый разъ отъ роду, разсматривалъ съ ногъ до головы департаментскихъ франтиковъ, чтобъ выучиться повязывать галстукъ и запомнить сколько пуговицъ у жилета надобно застегнуть, и пожертвовалъ четвертакъ Фаге, который безсовѣстно взыблъ его мягкія и волнистыя кудри въ жесткій и неуклюжій хохоль. А когда пробило семь часовъ вечера, Красинскій отправился на Морскую, полный смутныхъ надеждъ и опасеній.

VIII.

У князя Лиговскаго были гости, кое-кто изъ родныхъ, когда Красинскій взомель въ лакейскую.

— Князь принимаетъ?—спросилъ онъ нерѣшительно, взглядывая то на того, то на другаго лакея.

— Мы не здѣшніе,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, даже не приподнявшись съ барской шубы.

— Нельзя ли, любезный, вызвать швейцара?

— Онъ вѣрно сейчасъ самъ выйдетъ,—былъ отвѣтъ,—а намъ нельзя.

Наконецъ явился швейцаръ.

— Князь Лиговскій дома?

— Пожалуйте-съ.

— Доложи, что пришелъ Красинскій, — онъ меня знаетъ.

Швейцаръ отправился въ гостиную и, подойдя къ кн. Степану Степановичу, сказалъ ему тихо:

— Господинъ Красинскій прѣхаль-съ, онъ говорить, что вы изволите его знать.

— Какой Красинскій? Что ты врешь?—воскликнулъ князь, важно прищурясь.

Печоринъ, прислушавшись въ чемъ дѣло, поспѣшилъ на помощь сконфуженному швейцару.

— Это тотъ самый чиновникъ, — сказалъ онъ,—у котораго ваше дѣло. Я къ нему нынче заѣзжалъ.

— А! очень обязанъ, — отвѣчалъ Степанъ Степановичъ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ просить туда чиновника.

Мы не будемъ слушать ихъ скучныхъ толковъ о запутанномъ дѣлѣ и останемся въ гостиной. Двѣ старушки, какой-то камергеръ и молодая человекъ обыкновенной наружности играли въ вистъ. Княгиня Вѣра и другая молодая дама сидѣли на канapé возлѣ камина, слушая Печорина, который, придвинувъ свои кресла къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, рассказывалъ имъ одно изъ своихъ походовъ во время Польской кампаніи. Когда Степанъ Степановичъ ушелъ, онъ занялъ свободное мѣсто, чтобы находиться ближе къ княгинѣ.

— Итакъ, вамъ велѣли отправиться со взводомъ въ эту деревню...—сказала молодая дама (которую Вѣра называла кузинею), продолжая прерванный разговоръ.

— И я, какъ разумѣется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая, сказала Печоринъ,—мнѣ вѣрно было отобрать у пана оружіе, если найдется, а его самого отправить въ главную квартиру... Я только что былъ произведенъ въ корнеты и это была первая моя командировка. Къ разсвѣту мы увидали передъ собою деревню съ каменнымъ господскимъ домомъ, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мнѣ. Показанія его об имени пана и о числѣ жителей были согласны съ моею инструкціею. — А есть ли у вашего пана жена или дочери? спросилъ я.—Есть, пане капитане. — А какъ ихъ зовутъ графиню, жену вашего Острогцакаго? — Графиня Рожа. Должна быть красавица подумалъ я, наморщась. — Ну а дочка ея такія же рожи, какъ ихъ мамевка?—Нѣтъ, пане капитане, старшая называется Амалія и меньшая Евеллина. Это

еще ничего не доказываетъ, подумалъ я. Графиня Рожа меня мучила, я продолжалъ разспросы:—А что сама графиня Рожа старуха?—Ни пане, ей всего тридцать три года. — Какое несчастье! Мы вѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ слѣзти и въ сопровожденіи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самимъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ, какъ поютно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумѣется, онъ увѣрялъ, что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи отъ всѣхъ своихъ кладовыхъ и между прочимъ предложилъ завтракать. Послѣ второй рюмки хереса графъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и дочерей.—Помилуйте, отвѣчалъ я,—что за церемонія. Я признаюсь, боялся, чтобъ эта Рожа не испортила моего аппетита. Но графъ настаивалъ и повидимому сильно надѣялся на могущественное вліяніе своей Рожи. Я еще отпѣкивался, какъ вдругъ дверь открылась и вошла женщина высокая, стройная, въ черномъ платьи. Вообразите себѣ полкуу и красавицу полкуу въ ту минуту, какъ она хочетъ обворожить русскаго офицера. Это была самая графиня Розалія или Рожа, по простонародному Рожа.

Эта случайная игра словъ показала очень забавна двумъ дамамъ. Онѣ смѣялись.

— Я предчувствую, вы влюбились въ эту Рожу? воскликнула наконецъ молодая дама, которую княгиня Вѣра называла кузинею.

— Это бы случилось, отвѣчалъ Печоринъ,—если бъ я уже не любилъ другую.

— Ого! постоянтво, сказала молодая дама.—Знаете, что этой добродѣтели не хвастаются?

— Во мнѣ это не добродѣтель, а хроническая болѣзнь.

— Вы однако же вылечились?

— По крайней мѣрѣ лечусь, отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня на него быстро взглянула, на лицѣ ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Потомъ вдругъ она сдѣлаалась печальна. Этотъ быстрый переходъ чувствъ не ускользнулъ отъ вниманія Печорина. Онъ перемѣнилъ разговоръ. Анекдотъ остался неконченнымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ подали чай и взомель князь, а за нимъ Красинскій. Князь отрекомендовалъ его женѣ и просилъ садиться. Взоры маленькаго кружка обратились на него, и молчаніе воцарилось. Если бъ князь былъ петербургскій житель, онъ бы задалъ ему завтракъ въ 500 р.; если имѣлъ въ немъ нужду, даже пригласилъ бы его къ себѣ на балъ или на шумный раутъ потолкаться между разнаго рода гостями, но ни за что въ мірѣ не ввелъ бы въ свою гостиную запросто человека посторонняго и ни какимъ образомъ не принадлежашаго къ высшему кругу. Но князь воспитывался въ Москвѣ, а Москва такая гостепривная старушка. Княгиня изъ вѣжливости обратилась къ Красинскому съ нѣкоторыми вопросами. Онъ отвѣчалъ просто и коротко.

— Мы очень благодарны, сказала она наконецъ, — господину Печорину за то, что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться.

При этихъ словахъ Печоринъ и Красинскій невольно взглянули другъ на друга и послѣдній отвѣчалъ скоро:

— Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ г. Печорину за эту неоцѣненную услугу.

По губамъ Печорина пробѣжала улыбка, которая могла бы выразиться слѣдующей фразой: „ого, нашъ чиновникъ пускается въ комплименты“. Понялъ ли Красинскій эту улыбку или же самъ испугался своей смѣлости, потому что вѣроятно это былъ его первый комплиментъ сказанный женщиной такъ высоко поставленной надъ нимъ обществомъ, не знаю, но онъ покраснѣлъ и продолжалъ неувереннымъ голосомъ:

— Повѣрьте, княгиня, что я никогда не забуду пріятныхъ минутъ, которыя позволили вамъ провести въ валемъ обществомъ. Прошу васъ не сомнѣваться, я исполняю все, что будетъ зависѣть отъ меня... и къ тому же ваше дѣло только запутано, но совершенно правое.

— Скажите, спросила его княгиня съ тѣмъ участіемъ, которое такъ похоже на обыкновенную вѣжливость, когда не знаютъ что сказать незнакомому человѣку;—скажите, вы, я думаю, ужасно замучены дѣлами... Я воображаю эту скуку: съ утра до вечера писать и прочитывать длинныя и безсвязныя бумаги,—это нестерпимо: повѣрите ли, что мой мужъ каждый день въ продолженіи года толкуетъ и объясняетъ мнѣ наше дѣло, а я до сихъ поръ ничего еще не понимаю.

„Какой любезный и занимательный супругъ“, подумала Печоринъ.

— Да и зачѣмъ вамъ, княгиня? сказала Красинскій:—Вашъ удѣлъ забавы, роскошь, а нашъ—трудъ и заботы; оно такъ и слѣдуетъ: еслибъ не мы, кто бы сталъ трудиться.

Наконецъ и этотъ разговоръ истощился. Красинскій всталъ, раскланялся... Когда онъ ушелъ, то кузина княгини замѣтила, что онъ вовсе не такъ неловокъ, какъ бы можно ожидать отъ чиновника и что онъ говоритъ вовсе не дурно. Княгиня прибавила: „et savez-vous, ma chère, qu'il est très bien!..“ Печоринъ при этихъ словахъ сталъ превозносить до невозможности его ловкость и красоту: онъ увѣрялъ что, никогда не выдвывая такихъ темноглазыхъ глазъ ни у одного чиновника на свѣтѣ и увѣрялъ, что Красинскій, судя по его глубокимъ замѣчаніямъ, непременно будетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, если не останется вѣчно титулярнымъ совѣтникомъ. „Я непременно узнаю, прибавилъ онъ очень серьезно, есть ли у него университетскій аттестатъ.“ Ему удалось разсмѣшить двухъ дамъ и обратитъ разговоръ на другіе предметы. Не смотря на то, выраженіе княгини глубоко врѣзалось въ его памяти. Оно показалось ему упрекомъ, хотя случайнымъ, но тѣмъ не менѣе язвительнымъ. Онъ прежде самъ восхищался благородной красотой лица Красинскаго, но когда женщина, увлекавшая всѣ его думы и надежды, обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ, что она невольно сдѣлала сравненіе для него убійственное и ему почти показалось, что онъ вторично потерялъ ее навѣки и съ этой минуты въ свою очередь

возненавидѣлъ Красинскаго. Грустно, а надо признаться, что самая чистѣйшая любовь наполовину перемѣшена съ самолюбіемъ.

Увлекаясь самъ наружной красотой и обладая умомъ рѣзкимъ и пронизательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ, и какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ переувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь по собственному опыту, какъ трудно влюбиться въ одни душевныя качества, онъ сдѣлался недоувѣрчивъ и пріучился объяснять вниманіе или ласки женщинъ расчетомъ или случайностью. То, что казалось бы другому доказательствомъ иѣжнѣйшей любви, пренебрегалъ онъ часто какъ примѣты обманчивыя, слова сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки, брошенные на вѣтеръ первому кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы упалъ духомъ и уступилъ соперникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ, и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ. Слѣдя системѣ своей и вооружась несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, онъ могъ бы разрушить лукавыя увертки самой искусной кокетки... Онъ зналъ аксіому, что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдя какому-то закону природы, доселѣ необъясненному. Можно было навѣрное сказать, что онъ достигнетъ своей цѣли, если страсть, всемогущая страсть не разрушитъ какъ буря однимъ порывомъ высокіе подмостки его разсудка и стараній... но это *если*, это ужасное *если* почти похоже на „если“ Архимеда, который обѣщала приподнять земной шаръ, если ему дадутъ точку упора.

Толпа разныхъ мыслей осаждала умъ Печорина, такъ что подъ конецъ вечера онъ сдѣлалъ разсѣянъ и молчаливъ; князь Степанъ Степановичъ разсказывалъ длинную исторію, очерпнутую изъ семейныхъ преданій; дамы украдкою зѣвали.

— Отчего вы сдѣлались такъ печальны? спросила наконецъ у Печорина кузина Вѣры Дмитріевны.

— Причину даже совѣстно объявить, отвѣчалъ Печоринъ.

— Однако жъ!

— Зависть!

— Кому жъ вы завидуете, напримѣръ?

— Не мнѣ ли? сказала князь, тошко улыбаясь и не воображая важности этого вопроса. Печорину тотчасъ пришло въ мысль, что княгиня разсказала мужу прежнюю ихъ любовь, покаялась въ ней, какъ въ дѣтскомъ заблужденіи. Если такъ, то все было кончено между ними, и Печоринъ непримѣтно могъ сдѣлаться предметомъ насмѣлки для супруговъ или жертвою коварнаго заговора. Я удивляюсь, какъ это подозрѣніе не потревожило его прежде, но увѣряю васъ, что оно пришло ему въ голову именно теперь. Онъ обѣщалъ себѣ постараться узнать, исповѣдывалась ли Вѣра своему мужу, и между тѣмъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не вамъ, хотя бы я могъ и всякой долженъ вамъ завидовать, но, признаюсь, я бы желалъ имѣть счастливый даръ этого Красинскаго — нравиться всѣмъ съ перваго взгляда.

— Повѣрьте, отвѣчала княгиня, — кто скоро правится объ томъ скоро и забываютъ.

— Боже мой! что на свѣтѣ не забывается? и если считать ни во что минутный успѣхъ, то гдѣ же счастье? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочнаго богатства, — глядишь, смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, миръ, соперникъ, перемена общаго мнѣнія — и всѣ труды пропали!... А забвенье? забвенье равно неуемолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Если бы меня спросили, чего я хочу, — минуту полнаго блаженства или годы двусмысленнаго счастья, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить всѣ свои чувства и страсти на одно божественное мнѣніе, и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или печали.

— Я во всемъ съ вами согласна, кромѣ того, что все на свѣтѣ забывается. Есть вещи, которыхъ забыть невозможно, особенно горести, — сказала княгиня.

Ея милое лицо приняло какой-то полухолодный, полугрустный видъ, и что-то похожее на слезу пробѣжало, блистая вдоль по длиннымъ ея рѣсницамъ, какъ капля дождя, забытая бурей на листкѣ березы, тренеца перекачивается по его краямъ, покидая новый порывъ вѣтра не умчерамъ въ проемъ, а скуки или печали.

Печоринъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Увы! онъ не могъ ничѣмъ объяснить этотъ странный припадокъ грусти. Онъ такъ давно разлученъ былъ съ нею, и съ тѣхъ поръ онъ не зналъ ни одной подробности ея жизни. Даже очень вѣроятно, что чувства Вѣры въ эти минуты относились вовсе не къ нему: мало ли могло быть у ней обожателей послѣ его отъѣзда въ армію. Можетъ быть и ей измѣнилъ который-нибудь изъ нихъ, — какъ знать!

Кто объяснить, кто растолкуетъ
Очей двусмысленный языкъ...

Когда онъ всталъ, чтобъ уѣзжать, княгиня его спросила, будетъ ли онъ послѣзавтра на балѣ у баронессы Р., ея родственницы.

— Мнѣ досадно, что баронесса такъ убѣдительно насъ звала, — прибавила она; — я почти вовсе не знаю здѣшняго круга и увѣрена, что мнѣ тамъ будетъ скучно.

Печоринъ отвѣчалъ, что онъ еще не званъ.

„Теперь я понимаю, — подумалъ онъ, садясь въ сани, — ей хочется имѣть на этомъ балѣ знакомаго кавалера... Дай Богъ, чтобъ меня не звали: тамъ вѣрно будетъ Лиза Негурова. Ахъ, Боже мой! да кажется они съ Вѣрой давнишнія знакомыя... О! но если она осмѣлится“... Тутъ сани его остановились и мысли также. Взойдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ нашель въ столѣ приглашительный билетъ отъ баронессы...

IX.

Баронесса Р* была русская, но замужемъ за курляндскимъ барономъ, который какимъ-то образомъ сдѣлался ужасно богатъ. Она жила на Милліонной, въ самомъ центрѣ высшаго круга. Съ 11 часа вечера кареты одна за другой стали подъѣзжать къ ярко освѣщенному ея подъѣзду. По обѣимъ сторонамъ крыльца тѣснились на тротуарѣ прохожіе, остановленные лю-

бопытствомъ, и опасностію быть раздавленными. Въ числѣ ихъ былъ Красинскій. Прижавшись къ стѣнѣ онъ съ завистью смотрѣлъ на разныхъ господъ со звѣздами и крестами, которыхъ длинные лакеи осторожно вытаскивали изъ кареты, на молодыхъ людей небрежно выскакивавшихъ изъ саней, на гранитныя ступени, и множество мыслей тѣснилось въ головѣ его. „Чѣмъ я хуже ихъ? — думалъ онъ. Эти лица, блѣдныя, истощенныя, искривленныя мелкими страстями, ужели нравятся женщинамъ, которыя имѣютъ право и возможность выбирать? Деньги, деньги и одиѣ деньги, па что имъ красота, умъ и сердце? О, я буду богатъ непременно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю эти общества отдать мнѣ должную справедливость“.

Бѣдный, невинный чиновникъ! Онъ не зналъ, что для этого общества, кромѣ кучи золота, нужно имя, украшенное историческими воспоминаніями (какія бы они ни были), имя столько уже знакомое лакейскимъ, чтобъ швейцаръ его не исковеркалъ и чтобы въ случаѣ, когда его произнесутъ, какая-нибудь важная дама, законодательница и судія гостинныхъ, спросила бы: который это? не родня ли онъ князю В. или графу К. Итакъ, Красинскій стоялъ у подъѣзда закутаный въ шинель. Вотъ подъѣхала карета, изъ нея вышла дама. При блескѣ фонарей брилліанты ярко сверкали между ея локонами, за нею вылѣзъ изъ кареты мужчина въ медвѣжьей шубѣ. Это были князь Лиговскій съ княгиней. Красинскій поспѣшно высунулся изъ толпы зѣвакъ, снялъ шляпу и почтительно поклонился, какъ знакомымъ, но увы! его не замѣтили или не узнали, что еще вѣроятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ, видѣвшей его одинъ только разъ и готовой предать на грозный судъ лучшаго общества, и пожилому мужу слѣдующему на балъ за хорошенькою женою, право, не до толпы любопытныхъ зѣвакъ мерзнувшихъ у подъѣзда. Но Красинскій приискалъ гордости и умысленному небреженію вещь чрезвычайно простую и случайную, и съ этой минуты тайная неприязнь къ княгинѣ зародилась въ его подозрительномъ сердцѣ. „Хорошо, подумалъ онъ, удаляясь, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ,“ — жалкая поговорка мелочной ненависти.

Между тѣмъ въ залѣ уже гремѣла музыка и балъ начиналъ оживляться. Тутъ было все, что есть лучшаго въ Петербургѣ: два посланника, съ ихъ заморскою свитою, составленною изъ людей говорящихъ очень хорошо по-французски (что впрочемъ вовсе не удивительно) и поэтому возбуждавшихъ глубокое участие въ нашихъ красавицахъ; нѣсколько генераловъ и государственныхъ людей; одинъ англійскій лордъ, путешествоющій изъ экономіи и поэтому не почтающій за нужное ни говорить, ни смотрѣть. За то его супруга, благородная леди, принадлежавшая къ классу *bleu-stockings* и нѣкогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверыхъ и смотрѣла въ четыре глаза, если считать стекла двойнаго лорнета, въ которыхъ было не менѣе выразительности, чѣмъ въ ея собственныхъ глазахъ. Тутъ было пять или шесть нашихъ доморожденныхъ дипломатовъ, путешествовавшихъ на свой счетъ не далѣе

Ревеля и утверждавших рѣзко, что Россія государство совершенно европейское, и что они знают ее вдоль и поперекъ, потому что бывали нѣсколько разъ въ Царскомъ Селѣ и даже въ Парголовѣ. Они гордо посматривали изъ за накрахмаленныхъ галстуковъ на военную молодежь, повидимому такъ безопасно и необдуманно преданную удовольствію. Они были увѣрены, что эти люди, затынутые въ вышитый золотомъ мундиръ, неспособны ни къ чему, кромѣ машинальныхъ занятій службы. Тутъ могли бы вы также встрѣтить нѣсколько молодыхъ и розовыхъ юношей, военныхъ съ тупеями, штатскихъ причесанныхъ à la Russe, скромныхъ подобно наперникамъ классической трагедіи, недавно представленныхъ высшему обществу какимъ-нибудь знатнымъ родственникомъ. Не успѣвъ познакомиться съ болѣею частію дамъ, и страшась, приглашая незнакомую на кадрили или мазурку, встрѣтить одинъ изъ тѣхъ ледяныхъ ужасныхъ взглядовъ, отъ которыхъ пероврачивается сердце какъ у больного при видѣ черной микстуры, они робкою толпою зрителей окружали блестящія кадрили и ѣли мороженое, ужасно ѣли мороженое. Исключительно танцующіе кавалеры могли раздѣлиться на два разряда. Одни добросовѣстно не жалѣли ни ногъ, ни языка, танцовали безъ усталы, садилась на край стула, обратившись лицомъ къ своей дамѣ, улыбались и кидали значительные взгляды при каждомъ словѣ, короче, исполняли свою обязанность какъ нельзя лучше. Другіе, люди среднихъ лѣтъ, чиновные, заслуженные ветераны общества, съ важною осанкой и гордымъ выраженіемъ лица, скользили небрежно по паркету, какъ бы изъ милости или снисхожденія къ хозяйкѣ, и говорили только съ дамою своего vis-a-vis, когда встрѣчались съ нею, дѣлая фигуру.

Но за то дамы... о, дамы были истиннымъ украшеніемъ этого бала, какъ и всѣхъ возможныхъ баловъ!... Сколько блестящихъ глазъ и брилліантовъ, сколько розовыхъ устъ и розовыхъ лентъ... чудеса природы, и чудеса модной лавки... Волшебныя маленькія ножки и чудно узкіе башмаки, бѣломраморныя плечи и лучшія французскія бѣлила, звучныя фразы, заимствованныя изъ моднаго романа, брилліанты, взятые на прокатъ изъ лавки... Я не знаю, но въ моихъ понятіяхъ женщина на балѣ составляетъ съ своимъ нарядомъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное, особенное. Женщина на балѣ совѣтъ не то, что женщина въ своемъ кабинетѣ. Судить о душѣ и умѣ женщины, протанцовавъ съ нею мазурку, все равно, что судить о мнѣніи и чувствахъ журналиста прочитавъ одну его статью.

У двери, ведущей изъ залы въ гостиную, сидѣли двѣ зрѣлыя дѣвы, вооруженныя лорнетами, разговаривающія съ двумя писателями, молодыми людьми не танцующими. Одна изъ нихъ была Лизавета Николаевна. Пунцовое платье придавало ея блѣднымъ чертамъ немного болѣе жизни и вообще она была къ лицу одѣта. Въ надеждѣ на это преимущество, она довольно холодно отвѣчала на вѣжливый поклонъ Печорина, когда тотъ подошелъ къ ней. (Надобно замѣтить, между прочимъ, что дама дурно одѣтая обыкновенно гораздо любезнѣе и снисходительнѣе—это впрочемъ вовсе не значитъ, что

онѣ должны дурно одѣваться). Печоринъ сталъ возлѣ Лизаветы Николаевны, ожидая, чтобы она начала разговоръ, и развѣянно смотрѣлъ на танцующихъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и наконецъ она принуждена была сорвать съ своихъ устъ печать молчанія.

— Отъ чего вы не танцуете?—спросила она его.

— Я всегда и вездѣ слѣдую вашему примѣру.

— Развѣ съ нынѣшняго дня?

— Что жъ лучше, поздно чѣмъ никогда. Не правда ли?

— Иногда бываетъ слишкомъ поздно.

— Боже мой какое трагическое выраженіе! Лизавета Николаевна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться и отвѣчала:

— Я съ нѣкоторыхъ поръ перестала удивляться вашему поведенію; для другихъ бы оно показалось очень дерзко, для меня очень натурально. О, я васъ теперь очень хорошо знаю.

— А нельзя ль узнать, кто такъ искусно объяснилъ вамъ мой характеръ?

— О, это тайна, сказала она взглянувъ на него пристально и прижавъ къ губамъ свой вѣеръ.

Онъ наклонился и съ притворной нѣжностію шепнулъ ей на ухо:

— Одну тайну вашего сердца вы мнѣ давно уже повѣрили, ужели другая важнѣе первой?

Она покраснѣла при всей своей неспособности краснѣть, но не отъ стыда, не отъ воспоминанія, не отъ досады; невольное удовольствіе, тайная надежда завлечь снова непостояннаго поклонника, выйти замужъ или хотя отомстить современемъ по-своему, по-женски, промелькнуло въ ея душѣ. Женщины никогда не отказываются отъ такихъ надеждъ, когда представляется какаѣ-нибудь возможность достигнуть цѣли, и отъ такихъ удовольствій, когда цѣль достигнута.

Принявъ тотчасъ серьезный, печальный видъ, она отвѣчала съ разстановкою.

— Вы мнѣ напоминаете вещи, объ которыхъ я хочу забыть.

— Но еще не забыли? сказалъ онъ съ нѣжностію.

— О, не продолжайте, — я ничему не повѣрю болѣе, вы мнѣ дали такой урокъ...

— Я?

Въ этотъ я было больше удивленія, чѣмъ въ пяти восклицательныхъ знакахъ, поставленныхъ рядомъ. Потомъ Печоринъ задумался.

— Да, сказалъ онъ, — теперь я начинаю понимать! кто-нибудь меня оклеветалъ передъ вами, у меня столько враговъ и особенно друзей, теперь понимаю, отчего намеренъ, когда я заѣзжалъ къ вамъ, это было поутуру и я знаю что у васъ были гости, но меня не приняли. О, конечно я самъ не буду искать вторично такого оскорбленія.

— Но вы не знаете, что этому причиною, сказала поспѣшно Лизавета Николаевна, — я получила письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ...

— Въ которомъ меня хвалятъ и толкуютъ мои поступки въ самую лучшую сторону, отвѣчалъ, горько улыбаясь, Печоринъ. — О, я догадываюсь, кто мнѣ оказалъ эту услугу. Однако жъ прощу васъ вѣрьте, вѣрьте всему что

тамъ написано, какъ вы вѣрили до сей минуты.

Онъ засмѣялся и хотѣлъ отойти прочь.

— Но если я не вѣрю! воскликнула, испугавшись, Лизавета Николаевна.

— Напрасно, всегда выгоднѣе вѣрить дурному, чѣмъ хорошему... одинъ противъ двадцати, что...

Онъ не кончилъ фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, гдѣ произошло небольшое движеніе. Глаза Лизаветы Николаевны боязливо обратились въ ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась къ гостиной княгиня Лиговская и за нею князь Степанъ Степановичъ.

Она была одѣта со вкусомъ, только строгіе законодатели моды могли бы замѣтить съ важностію, что на ней было слишкомъ много брилліантовъ. Она медленно подвигалась сквозь толпу, небрежно раздавшаюся передъ нею. Ни одно привѣтствіе не удерживало ее на пути, и сто любопытныхъ глазъ озиравшихъ съ головы до ногъ незнакомую красавицу вызвали краску на нѣжныя щеки ея; глаза покрылись какою-то электрической влагой, грудь неровно подымалась и можно было догадаться по выраженію лица, что настала минута для нея мучительная. Она была похожа на неизвѣстнаго оратора, входящаго въ первый разъ по ступенямъ кафедръ. Отъ этого бала зависѣлъ успѣхъ ея въ модномъ свѣтѣ... Не ксати пришитый бантъ, не на мѣстѣ приколотый цвѣтокъ могъ навсегда разрушить ея будущность... И въ самомъ дѣлѣ можетъ ли женщина надѣяться на успѣхъ, можетъ ли она нравиться нашимъ франтамъ, если съ перваго взгляда скажутъ: elle a l'air bourgeoise..., это выраженіе, такъ не ксати вкравшееся въ наше чисто дворянское общество, имѣетъ однако же ужасную власть надъ умами и отнимаетъ всѣ права у красоты и любезности: „вкусъ, батюшка, отѣнная манера!“

Когда княгиня поровнялась съ Печоринымъ, то едва отвѣчала легкимъ наклоненіемъ головы и мимолетной улыбкой на его поклонъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она отвернулась. Глаза ея беспокойно бѣгали кругомъ, стараясь открыть хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николаевну... Узнавъ другъ друга, соперницы очень ласково обмѣнялись привѣтствіями... Потому кто-то еще высунулся

изъ толпы мужчинъ и съ радостнымъ видомъ сталъ спрашивать, когда она изъ Москвы и пр. Она постепенно дѣлалась привѣтливѣй, такъ что можно почти держать пари, что если-бы она встрѣтила здѣсь 99 знакомыхъ, то... то девяносто девятый остался бы въ счастливомъ убѣжденіи, что однимъ взглядомъ побѣдилъ ея сердце. Только что княгиня и князь прошли въ гостиную, Лизавета Николаевна тотчасъ обратилась къ Печорину, чтобъ возобновить прерванный разговоръ, но онъ былъ такъ блѣденъ, такъ неподвиженъ, что ей стало страшно.

— Появленіе этой дамы, сказала она наконецъ ему, — сдѣлало на васъ очень странное впечатлѣніе!... Вы давно ее знаете?

— Съ дѣтства! отвѣчалъ Печоринъ.

— Я также ее когда-то знала... за кѣмъ она замужемъ?

Печоринъ сказалъ.

— Какъ! неужели этотъ господинъ, который за нею шелъ такъ смиренно, ея мужъ?.. Если-бы я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, она дѣлаетъ изъ него все что хочетъ.

— По крайней мѣрѣ все, что можно изъ него сдѣлать...

— Однако она счастлива...

— Развѣ вы не замѣтили сколько на ней брилліантовъ.

— Богатство не есть счастье!..

— Все-таки оно ближе къ нему нежели бѣдность. Нѣтъ ничего безвкуснѣе, какъ быть довольну своей судьбою, въ скромной хижинѣ... за чашкою грешевой каши.

— Кто жъ вамъ говорить о бѣдности? Вездѣ надо умѣть выбирать середину...

— Я вамъ желаю мужа, который бы такъ думалъ.

Онъ отошелъ. Кадрили кончилась, музыка замолкла. Въ широкой залѣ раздавался смѣшанный говоръ тонкихъ и толстыхъ голосовъ, шарканья сапоговъ и башмачковъ. Составились группы. Дамы пошли въ другія комнаты подышать свѣжимъ воздухомъ, пересказать другъ другу свои замѣчанія, немногіе кавалеры за ними послѣдовали, не замѣчая что они лишніе и что отъ нихъ стараются отдѣлаться. Княгиня пришла въ залу и сѣла возлѣ Негуровой. Онѣ возобновили старое знакомство и между ними завязался незначительный разговоръ...

ЮНОШЕСКІЯ ПОЭМЫ.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

1828.

Gentesse und leide!
Dulde und entbehre!
Liebe, hof und glaube!
С о п з.

Часть первая.

I.

Въ большомъ аулѣ, подь горою,
Близь саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы поздною порою
Сидятъ.—О коняхъ удалыхъ
Заводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селахъ,
И съ ними какъ дрался казакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали.
Курятъ безпечно свой табакъ,
И дымъ, вѣясь, летитъ надъ ними...
Нль, стукнувъ шашками своими,
Шѣнь горцевъ громко запоютъ.
Иные на коней садятся,
Но передь тѣмъ какъ разставаться,
Другъ другу руку подаютъ.

II.

Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Взбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ—но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковьль,
Не слышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутитъ,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокій берегъ. Лѣсъ молчитъ,
Лишь изрѣдка олень пугливый
Черезъ пустыню пробѣжитъ,
Или коней табунъ игривый
Молчанье дола возмутитъ.

III.

Лежалъ коверъ цвѣтовъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкалъ потокъ нагорный
И текъ струисто по кремнямъ...
Черкешенки къ нему сбѣжались,
Водою чистой умывались,
Со смѣхомъ младости простымъ
На дно прозрачное иныя
Бросали кольца дорогія,
И къ волосамъ своимъ густымъ

Цвѣты весенніе влетали,
Глядѣлися въ зеркало водъ,
И лица ихъ въ немъ трепетали;
Сплетаясь въ тихій хороводъ,
Восточны пѣсни напѣвали;
И близь аула, надъ горой
Сидѣли рѣзвою толпой,
И звуки пѣсни произвольной
Ущелья вторили невольно.

IV.

Послѣдній солнца лучъ златой
На льдахъ серебристыхъ догораеть,
И Эльборусъ своей главой
Его, какъ туча, закрываетъ...
Ужъ раздалось мычанье стада
И ржанье табуновъ веселыхъ:
Они съ полей идутъ назадъ.
Но что за звукъ цѣней тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ наступховъ?
Увы! то плѣнники младые.
Утративъ годы золотые,
Въ пустынѣ горь, въ глуши лѣсовъ,
Близь Терека пасутъ уныло
Черкесовъ тучныя стада,
Воспомяная то, что было,
И что не будетъ никогда;
Какъ счастье тшетно ихъ ласкало,
Какъ оставляло наконецъ,
И какъ оно мечтою стало...
И нѣтъ къ нимъ жалостныхъ сердець!
Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Сливалось все, какъ въ мутномъ снѣ,
Души не чувствуя, они
Ужъ видятъ гробъ передь очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!
Изчезли сердца упованья!
Въ однихъ слезахъ, въ одномъ страданьи
Отраду зрятъ они свою.

V.

Надежды нѣтъ имъ возвратиться;
Но сердце поневолѣ мчится
Въ родимый край.—Они душой
Тонули въ думѣ роковой.

Но пыль взвивалась надъ холмами
Отъ стада и борзыхъ табуновъ;
Они усталыми шагами
Идутъ домой. Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вкругъ аула.
Природа шумная уснула,
Лишь слышенъ дѣвъ издалека

Надъ въ унылый. Вторять горы,
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ привѣтннй ручейка:

пѣсня.

Какъ сильной грозой
Сосну вдругъ согнетъ,
Пронзенный стрѣлою
Какъ левъ зареветь:
Такъ русскій средъ бою
Предъ нашимъ падеть,
И смѣлой рукою
Чеченецъ возьметъ
Броню золотую
И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.

Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варваръ, смятенный
Внезапной борьбой,
Страшнѣй не трепещеть,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.

Внимали плѣнники уныло
Печальной пѣсни сей для нихъ,
И сердце въ грусти страшно ныло...
Ведутъ черкесы къ саглъ ихъ
И, привязавши у забора,
Ушли. Межъ нихъ огонь трещить;
Но не смыкаетъ сонъ ихъ взора,
Не могутъ горестъ дня забыть...

VI.

Льетъ мѣсяцъ томное сѣяне.
Черкесы храбрые не спятъ;
У нихъ шумливое собранье:
На русскихъ нападать хотятъ.
Вокругъ осѣдланные кони;
Серебрянныя блещутъ брони;
На каждомъ лукъ, кинжалъ, колчанъ
И шашка на ремняхъ наборныхъ,
Два пистолета и арканъ,
Ружье, и въ буркахъ, въ шашкахъ черныхъ
Къ набѣгу старъ и младъ готовъ.
И слышенъ стукъ издалека;
Черкесы смотрятъ: межъ кустами
Гирей видно, 'вздока!

VII.

Онъ понуждалъ рукой могучей
Коня, приталкивалъ ногой,
И влекъ за нимъ арканъ летучий
Младого плѣнника съ собой.
Гирей приблизился—веревкой
Быль связанъ русскій чуть живой.
Черкесъ прыгнулъ—рукою ловкой
Разрѣзывалъ канатъ;—но онъ
Лежалъ на камнѣ—смертннй сонъ
Леталъ надъ юной головой...
Черкесы скачутъ ужъ—какъ разъ
Сокрылись за горой крутою;
Урокомъ бьетъ полночннй часъ.

VIII.

Отъ смерти лишь изъ сожалѣнья
Младого русскаго снасли;
Его къ товарищамъ снесли.
Забывши про свои мученья,

Они, не отступая прочь,
Сидѣли близъ него всю ночь.

И блѣдный ликъ, въ крови омытый,
Горѣлъ въ щекахъ—онъ чуть дышалъ,
И, смертннмъ холодомъ облитый,
Протягшись [?], на травѣ лежалъ.

IX.

Ужъ полдень прямо надъ ауломъ,
На свѣтло-сншей высотѣ,
Сіялъ въ обычной красотѣ.
Сливались съ протяжннмъ гуломъ
Стадовъ [?] черкесскихъ по холмамъ
Дыханье вѣтерковъ проворныхъ,
И ропотъ ручейковъ нагорныхъ,
И пѣнье птичекъ по кустамъ.
Хребта Кавказскаго вершины
Пронзали синею небесъ,
И оперялъ дремучий тѣсъ
Его зубчатая стремнина.
Обложенъ ступенями горъ
Расцвѣлъ узорчатый коверъ;
Тамъ подъ столѣтнми дубами,
Въ тѣни, окованный цѣпями,
Лежалъ нашъ плѣнникъ на травѣ.
Въ слезахъ, склонясь къ молодой главѣ,
Товарищи его несчастья
Водой старались оживить;
Но ахъ! утраченнаго счастья
Никто не могъ ужъ возвратить...

Вотъ онъ, вздохнувши, приподнялся,
И взоръ его ужъ открывался!
Вотъ онъ взглянулъ!.. затрепалъ:
Онъ съ забытыми друзьями!—
Онъ, вспыхнувъ, загремѣлъ цѣпями—
Ужасннй звукъ все, все сказалъ!!
Несчастннй залился слезами,
На грудь къ товарищамъ упалъ
И горько плакалъ и рыдалъ.

X.

Счастливъ еще: его мученья
Друзья готовы разрѣзать
И вмѣстѣ плакать и рыдать...
Но кто сего ужъ утѣшенья
Лишенъ въ сей жизни слезъ и бѣдъ.
Кто въ цвѣтѣ юныхъ пылкихъ лѣтъ
Лишенъ того, чѣмъ сердце льстило,
Чѣмъ счастье издали манило—
И если годы унесли,
Пору цвѣтовъ искать какъ прежде,
Минутной радости въ надеждѣ,—
Пусть не живетъ тотъ на землѣ!

XI.

Такъ плѣнникъ мой, съ родной страной
Почти навѣкъ „прости“! сказалъ,
Терзался прошлоу мечтоу,
Ея мѣста воспоминалъ:
Гдѣ онъ провелъ златую младость,
Гдѣ испыталъ и жизни сладость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ зналъ веселье и страданья,
Гдѣ онъ, несчастннй, погубилъ
Святяя сердца упованья...

XII.

Онъ слышалъ слово: „навсегда!“
И, обреченннй тяжкой долей,

Почти сдружился онъ съ неволей.
 Съ товарищами иногда
 Онъ пастъ черкесскаго стада;
 Глядѣлъ онъ съ ними, какъ лавины
 Катятся съ горъ и какъ шумятъ,
 Какъ лавой снѣжною блестятъ,
 Какъ ими кроются долины.
 Хотя цѣпями скованъ былъ,
 Но часто къ Тереку ходилъ
 И слушалъ онъ, какъ волны воютъ,
 Подошвы скалъ угрюмо роютъ,
 Текуть средь дебрей и лѣсовъ...
 Смотрѣлъ, какъ въ высотѣ холмовъ
 Влестятъ огни сторожевые,
 И какъ вокругъ нихъ казаки
 Глядятъ на мутный токъ рѣки,
 Склонясь на копы боевыя.
 Ахъ! какъ желалъ бы тамъ онъ быть,
 Но цѣпь мѣшала перецѣпить.

XIII.

Когда же полдень надъ главою
 Горѣлъ въ лучахъ, то плѣнникъ мой
 Сидѣлъ въ пещерѣ, гдѣ отъ зноя
 Онъ могъ сокрыться. Подъ горой
 Ходили табуны.—Лежали
 Въ тѣни другіе пастухи,
 Въ кустахъ, въ травѣ и близъ рѣки,
 Въ которой жажду утоляли...
 И тамъ-то плѣнникъ мой глядитъ,
 Какъ иногда орелъ летитъ,
 Но вѣтру крылья простираетъ,
 И, видя жертвы межъ кустовъ,
 Когтями хватаетъ вдругъ—и вновь
 Ихъ съ крикомъ кверху поднимаетъ...
 „Такъ“, думалъ онъ, „я жертва та,
 Котора въ пищу имъ взята“.

XIV.

Смотрѣлъ онъ также, какъ кустами
 Иль синей степью по горамъ
 Сайгаки, съ быстрыми ногами,
 По камнямъ острымъ, по кремнямъ
 Летятъ, стремнины презирая,
 Иль какъ олень и лань младая,
 Услыша пѣнье птицъ въ кустахъ,
 Со скалъ, не шевелясь, внимаютъ—
 И вдругъ внезапно исчезаютъ,
 Взвивая вверхъ песокъ и прахъ.

XV.

Смотрѣлъ, какъ горцы мчатся къ бою,
 Иль скачутъ смѣло надъ рѣкою,
 Остановились; лошадей
 Толкаютъ смѣло ногою...
 И вдругъ, припавъ къ луцъ своей,
 Близъ береговъ они мелькаютъ;
 Стремятъ и, снова поскакавъ,
 Съ утеса падаютъ стремглавъ
 И
 . . . Шумно въ брызгахъ исчезаютъ.
 Потомъ плывутъ и достигаютъ
 Уже противныхъ береговъ...
 Они ужъ тамъ и въ тѣмъ лѣсовъ
 Себя отъ казаковъ скрываютъ.
 . . . Куда глядите казаки?
 Смотрите, волны у рѣки
 Съдою пѣной забѣлѣли!
 Смотрите, враны на дубахъ

Вострепенулись, улетѣли,
 Сокрылись съ крикомъ на холмахъ!—
 Черкесы путника арканомъ
 Въ свои ущелья завлекутъ
 И, скрытые ночнымъ туманомъ,
 Оковы смерть вамъ нанесутъ.

XVI.

И часто, отгоня сонъ,
 Въ глухую полночь смотритъ онъ,
 Какъ иногда черкесъ чрезъ Терекъ
 Плыветъ на вѣрномъ тулукѣ.*
 Бушуютъ волны на рѣкѣ,
 Въ туманѣ виденъ дальній берегъ.
 На нѣмъ предъ нимъ висятъ кругомъ
 Его оружія стальные:
 Колчанъ, лукъ, стрѣлы боевыя
 И шашка острая, ремнемъ
 Привязана, звенитъ на немъ;
 Какъ точка, въ волнахъ онъ мелькаетъ:
 То виденъ вдругъ, то исчезаетъ.
 Вотъ онъ причалилъ къ берегамъ—
 Бѣда безпечнымъ казакамъ!
 Не зрѣтъ ужъ имъ родного Дона,
 Не слышатъ колоколовъ звона!
 Уже чеченецъ подъ горой,
 Желѣзная кольчуга блестятъ,
 Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
 Ударъ несется роковой..
 —Казакъ! казакъ!.. увы, несчастный!
 Зачѣмъ злодѣй тебя убилъ?
 Зачѣмъ же твой свиннецъ опасный
 Его такъ быстро не сразилъ?...

XVII.

Такъ плѣнникъ бѣдный мой уныло,
 Хотя самъ подъ бременемъ оковъ,
 Смотрѣлъ на гибель казаковъ.
 Когда жъ полночное свѣтло
 Восходитъ, близъ забора онъ
 Лежитъ въ аулѣ.—Тихій сонъ
 Лишь рѣдко очи закрываетъ;
 Съ товарищами вспоминаетъ
 О милой той родной странѣ;
 Груститъ, но больше чѣмъ опи,
 Оставивъ тамъ залогъ прелестный,
 Свободу, счастье, что любилъ,
 Пустился онъ въ край неизвѣстный.
 И... все въ краю томъ погубилъ.

Часть вторая.

XVIII.

«Однажды, погружась въ мечтанье,
 Сидѣлъ онъ поздней порою.
 На темномъ сводѣ, безъ сянѣя,
 Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
 Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный
 Лежалъ на зелени холмовъ;
 И тѣни шаткія деревъ,
 Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
 Черкесской сакли прилегли.
 Въ ней огонекъ уже зажгли,
 Краснѣя онъ въ лампадѣ мѣдной,
 Чуть освѣщалъ большой заборъ...
 Все спитъ: холмы, рѣка и боръ.

* Тудукъ — бурдюкъ или мѣхъ; коимъ горцы пользовались при переправахъ вилавъ.

XIX.

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ
Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
Все ближе, ближе, черезъ ровъ
Идетъ бредучею стопою?..
Вдругъ видитъ онъ передъ собою,
Съ улыбкой жалости нѣмой
Стоитъ черкешенка младая!
Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
Предъ нимъ колѣни преклоняя.
И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ какъ бы смятенный;
По пищу принять русскій плѣнный
И знакомъ ей благодарилъ...

XX.

И долго, долго, какъ нѣмая,
Стояла дѣва молодая,
И взглядъ какъ будто говорилъ:
„Утѣшь себя, невольникъ милый!
Еще не все ты погубилъ“.
И вздохъ не тяжкій, но унылый,
Въ груди раздался молодой.
Потомъ чрезъ валь она крутой
Домой пошла тропою мшистой,
И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
Какъ нѣкій призракъ гробовой;
И только дѣвы покрывало
Еще очамъ вдали мелькало.
И долго, долго плѣнникъ мой
Смотрѣлъ ей вслѣдъ — она сокрылась;
Подумалъ онъ: „но почему
Она къ несчастью моему
Съ такою жалостью склонилась?“
Онъ ночь всю не смыкалъ очей,
Уснулъ за часъ лишь предъ зарей...

XXI.

Четверту ночь къ нему ходила
Она и пищу приносила,
Но плѣнникъ часто все молчалъ,
Словамъ печальнымъ не внималъ.
Ахъ! сердце полное волнений
Чуждалось новыхъ вѣчталънѣй.
Онъ не хотѣлъ ее любить.
И что за радости въ чужбинѣ,
Въ его плѣну, въ его судьбинѣ?
Не могъ онъ прежде забыть,
Хотѣлъ онъ благодарнымъ быть,
Но сердце жаркое терялось
Въ его страданіи нѣмомъ,
И, какъ въ туманѣ зыбкомъ, въ немъ
Безъ отголоска поглощалось!
Оно и въ шумѣ, и въ тиши
Тревожитъ сонъ его души.

XXII.

Всегда онъ съ думою унылой
Въ ея блистающихъ очахъ
Встрѣчаетъ образъ вѣчно милой;
Въ ея привѣтливыхъ рѣчахъ
Знакомые онъ слышитъ звуки...
И къ призраку стремятся руки;
Онъ вспомнилъ все — се зоветъ...
Но вдругъ очнулся. — Ахъ! несчастный,
Въ какой онъ безднѣ здѣсь ужасной:

Ужъ жизнь его не расцвѣтетъ.
Онъ гаснетъ, гаснетъ, увядаетъ,
Какъ цвѣтъ прекрасный на зарѣ;
Какъ пламень юный, потухаетъ
На освященномъ алтарѣ!

XXIII.

Не понялъ онъ ея стремленья,
Ея печали и волненья,
Не думалъ онъ, чтобы она
Изъ жалости одной пришла,
Взглянувши на его мученья.
Не думалъ также, чтобы любовь
Точила сердце въ ней и кровь,
И въ странномъ былъ недоумѣньи.
Но въ эту ночь ее онъ ждалъ...
Настала ночь ужъ роковая
И, сонъ отъ очей отгоняя,
Въ пещерѣ плѣнникъ мой лежалъ.

XXIV.

Поднялся вѣтеръ той порою,
Качалъ во мракѣ дерева,
И свистъ его подобенъ вою,
Какъ воетъ полночь сова.
Сквозъ листья дождикъ пробирался,
Вдали на тучахъ громъ катался;
Блестая, молнія струей
Пещеру темну озаряла,
Гдѣ плѣнникъ бѣдный мой лежалъ.
Онъ весь промокъ, и весь дрожалъ...

Гроза по-малу утихала...
Лишь капала вода съ деревь;
Кой-гдѣ потоки межъ холмовъ
Струю мутною бѣжали
И въ Терекъ съ брызгами впадали.
Черкесовъ въ темномъ полѣ нѣтъ...
И тучи врозь ужъ разбѣгаютъ,
И кой-гдѣ звѣздочки мелькаютъ;
Проглянетъ скоро лунный свѣтъ.

XXV.

И вотъ надъ нимъ луна златая
На легкомъ облакѣ всплыла,
И въ верхъ небеснаго стекла,
По сводамъ голубымъ играя,
Блестящій шаръ свой провела.
Покрылись пеленой сребристой
Холмы, лѣса и лугъ съ рѣкой;
Но кто печальною стопою,
Идетъ одинъ тропой гористой?
Она... съ кипжаломъ и пилой...
Зачѣмъ же ей кипжалъ булатный?
Ужель идетъ на подвигъ ратный?
Ужель идетъ на тайный бой?..
Ахъ нѣтъ! наполнена волненій,
Печальныхъ думъ и размышлений,
Къ пещерѣ подошла она,
И голосъ раздался извѣстный;
Очнулся плѣнникъ, какъ отъ сна,
И въ глубинѣ пещеры тѣсной
Садятся... Долго они тамъ
Не смѣли воли дать словамъ.
Вдругъ дѣва шагомъ осторожнымъ
Къ нему, вздохнувши, подошла;
И, руку взявъ, съ привѣтомъ нѣжнымъ,
Съ горячимъ чувствомъ, но мятежнымъ,
Слова печальны начала:

XXVI.

„Ахъ, русскій, русскій, что съ тобою?
 Почто ты съ жалостью нѣмою
 Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
 На мой отчаянный призывъ?
 Еще имѣешь въ свѣтѣ друга,
 Еще невѣсты не терялъ...
 Готова я часы досуга
 Съ тобой дѣлать; но ты сказалъ,
 Что любишь, русскій, ты другую?
 Ея бѣжить за мною тѣнь,
 И вотъ о чемъ и ночь и день
 Я плачу, вотъ объ чемъ тоскую!..
 Забудь ее, готова я
 Съ тобой бѣжать на край вселенной!
 Забудь ее, зови меня
 Твоей подругой неизмѣнной!“
 Но плѣнникъ сердца своего
 Не могъ открыть въ тоскѣ глубокой;
 И слезы дѣвы черноокой
 Души не трогали его...
 „Такъ, русскій, ты снесешь! но прежде
 Скажи мнѣ: жить иль умереть?
 Скажи, забыть ли о надеждѣ,
 Иль слезы эти утереть?“

XXVII.

Тутъ вдругъ поднялся онъ. Блеснули
 Его прелестные глаза,
 И слезы крупныя мелькнули
 На нихъ, какъ свѣтлая роса...
 „Ахъ, нѣтъ! оставь востергъ свой нѣжный:
 Спасти меня не льстись надеждой;
 Мнѣ будетъ гробомъ эта степь!
 Не на останкахъ славныхъ, бранныхъ,
 Но на костяхъ моихъ изгнанныхъ
 Заржавить тягостная цѣпь!“
 Онъ замолчалъ. Она рыдала,
 Но ободрилась, тихо встала,
 Взяла пилу одной рукой,
 Кинжалъ другою подавала.
 И вотъ подъ острою пилой
 Скрипитъ желѣзо; распадается,
 Блистая, цѣпь и чуть звенитъ.
 Она его приподымаетъ,
 И такъ, рыдая, говоритъ:

XXVIII.

„Да!.. плѣнникъ... ты меня забудешь...
 Прости!.. прости же... *навсегда*;
 Прости *навѣкъ*!.. Какъ счастливъ будешь...
 Ахъ!.. Всюми обо мнѣ тогда...
 Тогда... быть можетъ, ужъ могилой
 Желанной скрыта буду я;
 Быть можетъ.. скажешь ты уныло:
 Она любила и меня!..“
 И дѣвы блѣдныя ланиты,
 Почти потухшіе глаза,
 Смущенный ликъ, тоской убитый,
 Не освѣжить одна слеза!
 И только рвутся вопли муки...
 Она беретъ его за руки
 И въ поле темное спѣшитъ,
 Гдѣ чрезъ утесы путь лежитъ.

XXIX.

Идутъ, идутъ, остановились;
 Вдохнувъ, назадъ оборотились;
 Но роковой ударилъ часъ...

Раздался выстрѣлъ—и какъ разъ
 Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
 Но смерть изображаетъ взоръ;
 Кладетъ на сердце тихо руку...
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнце искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая,
 Какъ вмѣстѣ съ нимъ поражена,
 Безъ чувства падаетъ она;
 Какъ будго пуля роковая
 Однимъ ударомъ въ одинъ мигъ
 Обоихъ вдругъ сразила ихъ.

XXX.

Но очи русскаго смыкаеть
 Ужъ смерть холодною рукой:
 Онъ вздохъ послѣдній испускаеть,
 И онъ ужъ тамъ... и кровь рѣкой
 Застыла въ жилахъ охладѣвшихъ;
 Въ его рукахъ оцѣпенѣвшихъ,
 Еще кинжалъ, блестя, лежитъ;
 Въ его вѣсхъ чувствахъ онѣмѣвшихъ
 На вѣки жизнь ужъ не горитъ,
 На вѣки радость не блеститъ.

XXXI.

Межъ тѣмъ черкесь съ улыбкой злобой
 Выходитъ изъ глуши деревъ,
 И, волку хищному подобный,
 Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
 Ногою гордой попраетъ
 Убитаго... увидѣлъ онъ,
 Что тщетно потерялъ патронъ,
 И вновь чрезъ горы убѣгаетъ.

XXXII.

Но вотъ она очнулась вдругъ
 И ищетъ плѣнника очами...
 Черкешенка! гдѣ, гдѣ твой другъ?
 Его ужъ нѣтъ. Она слезами
 Не можетъ ужасъ выражать,
 Не можетъ крови омывая,
 И взоръ ея, какъ бы безумной,
 Порывъ любви изобразилъ,
 Она страдала. Вѣтеръ шумный,
 Свистя, покровъ ея клубилъ...
 Встаеть... и скорыми шагами
 Пошла съ потупленной главой
 Чрезъ поляну—за холмами
 Сокрылась вдругъ въ тѣни ночной.

XXXIII.

Она ужъ къ Тереку подходитъ,
 Увы! зачѣмъ, зачѣмъ она
 Такъ робко взоромъ вокругъ обводитъ,
 Ужасной грустію полна?
 И долго на бѣгущи волны
 Она глядитъ, и взоръ безмолвный
 Блеститъ звѣздой въ полночной тѣмѣ.
 Она на каменной скалѣ—
 „О, русскій, русскій!“ восклицаетъ...
 Плеснули волны при лугѣ,
 Объ берегъ брызнули онѣ!..
 И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
 Покровъ лишь бѣлый выплываетъ,
 Несется по глухимъ волнамъ—
 Остатокъ грустный и печальный,
 Плыветъ, какъ саванъ погребальный,
 И скрылся къ каменнымъ скаламъ...

XXXIV

Но кто убійца ихъ жестокий?
Онъ былъ съ сѣдою бородой;
Не видя дѣвы черноокой,
Сокрылся онъ въ глуши лѣсной,
Увы, то былъ отецъ несчастной!
Быть можетъ онъ ее стубилъ,
И тотъ свинецъ его опасный
Дочь вмѣстѣ съ плѣнникомъ убилъ?
Не знаетъ онъ; она сокрылась
И съ ночи той ужъ не авилась.
Черкесь! гдѣ дочь твоя? глядишь,
Но ужъ ея не возвратишь!

XXXV.

По утру трупъ оледенѣлый
Нашли на пѣнистыхъ брегахъ.
Онъ хладенъ былъ, окостенѣлый;
Казалось, на ея устахъ
Остался голосъ прежней муки;
Казалось, жалостные звуки
Еще не смолкли на губахъ.
Узнали все, но поздно было!
— Отецъ, убійца ты ее! [ея]
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! живи уныло!
Ея ужъ нѣтъ. И за тобой
Повсюду призракъ роковой.
Кто гробъ ея тебѣ укажетъ?
Бѣги, ищи ее вездѣ...
„Гдѣ дочь моя?“ и отзывъ скажетъ:
„Гдѣ?“

КОРСАРЪ.

Поэма.

1828.

Longtemps il eut le sort prospère
Dans ce métier si dangereux.
Las! il devient trop téméraire
Pour avoir été trop heureux.
La Harpe.

Часть I.

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость
Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня.
Моя давно увяла младость,
Давно, давно нѣтъ ясныхъ дней,
Давно нѣтъ цѣли упованья!
Исчезло все!—одни страданья
Еще живутъ въ душѣ моей.

Я не видалъ своихъ родимыхъ:
Чужой семьей воскормленъ я.
Одинъ лишь братъ былъ у меня,
Предметъ всѣхъ радостей любимыхъ.
Его я старѣ годомъ былъ,
Но онъ равно меня любилъ;
Равно мы слезы проливали,
Когда все спитъ во тьмѣ ночной;
Равно мы горе повѣрили
Другъ другу жаркою душой...
Намъ очарованное счастье
Мелькало рѣдко—иногда!
Увы! не зрѣли мы ненастья,
Намъ угрожавшаго тогда.

Мой умерь братъ! Передъ очами
Еще теперь тотъ страшный часъ,
Когда въ ногахъ его съ слезами
Сидѣлъ. Ахъ! я не зрѣлъ ни разъ
Столь милой смерти, холодной муки...
Сложивъ крестообразно руки,
Несчастный тихо угасалъ,
И блѣдны впаляя ланиты,
И смертный взоръ, тоской убитый,
Въ подушкѣ бѣдной сокрывалъ.
Онъ умеръ!—страшнымъ восклицаньемъ
Сраженъ я вдругъ былъ съ содроганьемъ.
Но сожалѣнье—не любовь
Согрѣли жизнь мою и кровь.

Съ тѣхъ поръ съ обманутой душою
Ко всемъ я недовѣрчивъ сталъ.
Ахъ! не подь кровлею родною
Я былъ тогда—и увядалъ.
Не могъ съ улыбкою смиренья
Съ тѣхъ поръ я все переносить:
Насмѣшки гордости, презрѣнья...
Я могъ лишь пламеннѣй любить...
Самимъ собою недоволенъ,
Желая быть спокоенъ, воленъ,
Я часто по лѣсамъ бродилъ
И только тамъ душою жилъ.
Глядѣлъ въ раздуміи глубоко,
Когда на деревѣ высоко
Пѣвецъ незримый напѣвалъ
Веселье, радость и свободу,
Какъ нѣжно вдругъ ослабѣвалъ,
Какъ онъ, треща, свисталъ, щелкалъ,
Какъ по лазоревому своду
На легкихъ крыльяхъ порхалъ,—
И непонятное волненье
Въ душѣ я сильно ощущалъ.
Всегда любя уединенье,
Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Утративъ жизни лучшей цвѣтъ,
Ожесточился я—угрюмой
Душа моя смутилась думой.
Не могли болѣе страдать,
Я вдругъ рѣшился убѣжать.

Настала ночь... Я всталъ печально
Съ постели, грустью омраченъ.
Во всемъ дому глубокой сонъ.
Хотѣлось мнѣ хотъ взоръ прощальный
На мѣсто бросить то, гдѣ я
Такъ долго жилъ въ тиши безвѣстной,
Гдѣ жизни сѣнь, всегда прелестной,
Безпечно встрѣтила меня.
Я взялъ кинжалъ; два пистолета
На мнѣ за кожанымъ ремнемъ
Звенѣли. Я страшился свѣта
Луны въ безмолвіи ночномъ...

Но вихорь сердца молодого
Меня влачилъ къ сѣдымъ скаламъ,
Гдѣ между берега крутого
Дунай кипѣлъ, ревѣлъ; и тамъ,
Склонясь на камень головою,
Сидѣлъ я, озаренъ луною...
Ахъ! какъ она томна, блѣдна,
Лила лучи свои златые
Съ небесъ на рощи береговья.

Вездѣ знакомыя мѣста:
 Все мнѣ напоминало младость,
 Все говорило мнѣ, что радость
 На вѣки здѣсь погребена.
 Хотѣлъ проститься съ той могилой,
 Гдѣ прахъ лежалъ столь сердцу милый.
 Перебѣжавши черезъ ровъ,
 Пошелъ я тихо по кладбищу;
 Душѣ моей давало пищу
 Спокойствіе нѣмыхъ гробовъ.
 И долго, долго я въ молчаньи
 Стоялъ надъ камнемъ гробовымъ...
 Казалось, вѣяло въ страданьи
 Какимъ-то холодомъ сырымъ.

Потомъ невѣрными шагами
 Я удалился,—но за мной,
 Казалось, тѣнь вездѣ бѣжала...
 Я ночь провелъ въ глуши лѣсной;
 Заря багряно освѣчала
 Верхи холмовъ, ночная тѣнь
 Уже рѣдѣла надо мною.
 Съ отягощеною главою
 Я тамъ сидѣлъ, склоняся на пень,
 Но всталъ, пошелъ къ брегамъ Дуная,
 Который издали ревѣлъ.
 Я въ Грецію идти хотѣлъ,
 Чтобъ турокъ сабля рокова
 Пресѣкла горестный удѣлъ.
 Въ душѣ смѣнялося мечтанье;
 Ярче дневное сіянье;
 И вотъ Дунай ужъ предо мной
 Синѣлъ съ обычной красотой.
 Какъ онъ, прекрасный, величавый,
 Игралъ въ прибрежныхъ скалахъ!...
 Воспоминанье о дѣлахъ
 Живеть здѣсь, и протекшей славой
 Рѣка гордится. Съвѣ на брегъ,
 Я измѣрялъ Дуная бѣгъ.
 Потомъ бросаюсь въ быстры волны,
 Онѣ клубятся, но рукой
 Я спорилъ съ быстрою рѣкой,
 И скоро на брегъ безмолвный
 Я вышелъ. Все въ душѣ моей
 Мутилось пѣною Дуная,
 И, бросивъ взоръ къ странѣ своей,
 „Прости, отчизна золотая!“
 Сказалъ: „быть можетъ, въ этотъ разъ
 Съ тобой на вѣки мнѣ проститься;
 Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
 Надолго въ сердцѣ сохранится!“...
 Потомъ я быстро удалился...

Зачѣмъ вамъ сказывать, друзья,
 Что было, какъ потомъ, со мною:
 Скажу вамъ только то, что я
 Вездѣ съ обманутой душой
 Бродилъ одинъ, какъ сирота,
 Не смѣя вѣрится, какъ прежде,
 Всеизмѣняющей надеждѣ:
 Миръ былъ чужой мнѣ, жизнь пуста.
 Ужъ я былъ въ Греціи прекрасной,
 А для души моей несчастной
 Ея лишь видъ отравой былъ.
 День пропадалъ, день уходилъ.
 Уже съ Балканскія вершины
 Открылись Греціи долины;
 Ужъ море синее, блестя,
 Подъ солнцемъ пламеннымъ Востока,

Какъ шумъ нагорнаго потока,
 Обрадовало вдругъ меня...
 Но какъ спастися намъ отъ рока!
 Я здѣсь нашелъ, здѣсь погубилъ
 Почти все то, что я любилъ.

Часть II.

Гдѣ Геллеспонтъ сѣдой, широкий,
 Плещая волнами, шумить—
 Покрытый лѣсомъ, одинокій
 Аэосъ задумчивый стоитъ.
 Вѣнчаный грозными скалами,
 Какъ неприступными стѣнами
 Онъ окруженъ, ни быстрыхъ волнъ,
 Ни свиста вѣтровъ не боится.
 Бѣда тому, чей бранный челнъ
 Порывомъ ихъ къ нему домчится.
 Его высокое чело
 Травой и мохомъ заросло
 Между стремнинъ, между кустами,
 Изрѣзанъ узкими тропами,
 Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
 Къ подошвѣ тянется Аэоса,
 И башни гордыя Летоса
 Встрѣчаютъ удивленный взоръ.
 Порою корабли водами
 На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ
 Летали между островами,
 Какъ бы на лебедя крылахъ.
 Воспоминанье здѣсь одною
 Прошедшей истиной живеть...
 Вотъ цареградскій путь идетъ
 Черезъ поле черной полосой.
 [Я шель, не чувствуя себя:
 Я былъ въ стремительномъ волнении,
 Увидѣвъ, Греція, тебя!...]

Кустарникъ дикій въ отдаленьи
 Терялся межъ угрюмыхъ скалъ,
 Межъ скалъ, гдѣ въ счастья, упоеньи,
 Фракіецъ храбрый пировалъ.
 Теперь все пусто. Всюминанье
 Почти изгладилъ токъ времени,
 И этотъ край обременъ
 Подъ игомъ варваровъ. Странанье
 Осталось только въ той странѣ,
 Гдѣ прежде греки воспѣвали
 Ихъ храбрость, вольность,—но они
 Той страшной участи не знали.
 И дышетъ все злѣсь стариной,
 Минувшей славой и войной.

Когда жъ народъ ожесточенный
 Хватался вдругъ за мечъ военный—
 Въ пещерѣ темной, у скалы,
 Какъ будто горные орлы,
 Вывало, греки въ ночь глухую
 Сбирали шайку удалую,
 Чтобы на турокъ нападать,
 Плѣнить, рубить, въ моряхъ летать—
 И часто барка въ тѣмѣ у берега
 Была готова для побѣга
 Отъ непріятельскихъ полковъ;
 Не страшень былъ имъ плескъ валовъ.
 И въ той пещерѣ отдыхалъ,
 Какъ часто ночью я сидѣлъ,
 Воспомяя и мечтая,

Кляня жестокой свой удѣлъ.
И что-то новое пылало
Въ душѣ неопытной моей,
И сердце юное мечтало
О легкомъ вихрѣ прежнихъ дней.
Желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ,
Желалъ я плыть въ моряхъ широкихъ
(Любить—кого не находилъ).
Друзья мои, я молодъ былъ!
Зачѣмъ губить намъ нашу младость,
Зачѣмъ старѣть душой своей!
Прости на вѣкъ тогда ужъ радость,
Когда исчезла съ юныхъ дней.

Нашедъ корсаровъ, съ ними въ море
Хотѣлъ я плыть. Ахъ! думалъ я,
Война, могила, но не горе,
Быть можетъ, встрѣтятъ тамъ меня. ⁴
Простясь съ печальными брегами,
Я съ маврскимъ опытнымъ пловцомъ
Стремилъ мой бѣгъ межъ островами,
Цвѣтущими надъ влажнымъ дномъ
Святаго старца океана.
Я видѣлъ ихъ,—но жребій мой,
Гдѣ свелъ насъ съ буйною толпой,
Тамъ власть дана мнѣ атамана,
И такъ ужъ было рѣшено,
Что жизнь и смерть—все за одно!!

Какъ весело водамъ предаться,
Друзья мои, въ моряхъ летать,
Но долженъ, долженъ я признаться,
Что я готовъ теперь бы дать
Все, что имѣю, за тѣ годы,
Которые ужъ я убилъ
И невозвратно погубилъ.
Прекраснѣй были бы мнѣ воды,
Поля, лѣса, луга, холмы,
И все, все прелести природы...
Но такъ себѣ невѣрны мы!...
Живемъ, томимся и желаемъ,
А получивши, забываемъ
О томъ. Уже предметъ другой
Играетъ въ нашемъ воображеніи,
И—въ непрерывномъ такъ томленіи,
Мы тратимъ жизнь—о, Боже мой!

Мы часто на берегъ сходили
И часто по степямъ бродили,
Гдѣ конь арабскій вороной
Игралъ скачками подо мной,
Летая въ даль степи широкой.
Уже терялся брегъ далекой,
И я съ веселою толпой,
Какъ въ морѣ, былъ въ степи сухой.

Или въ лѣсу, въ ночи глубокой,
Когда все спитъ, то мы одни,
При полной въ облакахъ лунѣ,
Въ пещерѣ темной, припѣвая,
Сидимъ, и чаша между насъ
Идетъ съ весельемъ круговая.
За нею, вслѣдъ за часомъ часъ,
И свѣтитъ пламень, чуть блистая,
Треща, синяя и мелкая...
Потомъ мы часто въ корабли
Опять садились, въ быстры волны
Съ отважной дерзостью текли,
Какой-то гордостью полны.

Мы правы были—домъ царей
Не такъ великъ, какъ зыбь морей.

Я часто храбрый, кровожадный
Носился въ буряхъ боевыхъ;
Но въ сердцѣ юномъ чувствъ иныхъ
Таился пламень безотрадный.
Чего-то страшнаго я ждалъ,
Грустилъ, томился и желалъ.
Я слушалъ пѣсни удалыя
Веселой шайки средь морей;
Тогда, вспомнивъ золотые
Тѣ годы юности моей,
Я слезы лилъ, незная Бога.
Мнѣ жизни дальняя дорога
Была скользка; я былъ, друзья,
Несчастный прахъ изъ бытія.
Какъ бы сражался съ судьбою,
Мятежной ярости полна,
Душа, терзанъю предана,
Живеть утратою самою.
Узнавъ лишь тѣнь утраты сей,
Я ждалъ ея еще мятежнѣй,
Еще печальнѣй, безнадежнѣй,
Какъ лишь начало страшныхъ дней.
Опять предъ мной все исчезало,
Какъ свѣтъ предъ тѣнію ночной,
И сердце тяжело изнывало.
Исчезъ и краткій мой покой,
Исчезло милое волненье,
И благородное стремленье
И чувствъ, и мыслей молодыхъ
Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ.

Часть III.

Однажды въ ночь сошлись тучи,
Катился громъ издалека,
И гналъ, стоная, вихрь летучій,
Порывомъ бурнымъ облака.
Надулись волны, море плещетъ,
И молнія во мракѣ блещетъ.
Но нашихъ храбрыхъ удалцовъ
Ничто-бы тогда не испугало,
И море синее стонало
Отъ рѣзкихъ корабля слѣдовъ.
Шипящей пѣною бѣлѣтъ
Корабль. Вдругъ рвертя къ небесамъ
Волна—качается, чернѣтъ
И возвращается волнамъ.
Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
Что море въ ярости своей
Съ предѣлами небесъ сражалось,
Земля стонала отъ зыбей,
Что вихри въ вихри ударялись,
И тучи съ тучами слетались,
И устремлялся громъ на громъ,
И море билось съ влажнымъ дномъ,
И черна бездна загоралась
Открытой бездною громовъ,
И наше судно воздымалось
То вдругъ до тяжкихъ облаковъ,
То вдругъ, треща, внизъ опускалось;
Но храбрость я не потерялъ
На палубѣ съ моей толпою.
Я часто гибель возвѣщалъ
Одною пушкой вѣстовою.
Мы скоро справились! Кругомъ

Лишь дождь шумѣлъ, ревѣлъ лишь громъ.
 Вдругъ слышенъ выстрѣлъ отдаленный,
 Блеснулъ фонарь, какъ бы зажженный
 На мачтѣ, въ мрачной глубинѣ,
 И скрылся онъ въ туманной мглѣ...
 И небо страшно разразилось,
 И блескомъ молній озарилось...
 И мы узрѣли: быстро къ намъ
 Неслося греческое судно.
 Все различить мнѣ было трудно.
 Предавшися глухимъ волнамъ,
 Они на помощь призывали,
 Но вѣтры вопли заглушали.
 „Скорѣй ладью, спасите ихъ!“
 Раздался голосъ. Въ этотъ мигъ
 О камень судно ударяетъ,
 Трещить и съ шумомъ утопаетъ...

Но мы иныхъ еще спасли,
 Къ себѣ въ корабль перенесли.
 Они, безъ чувствъ, водой покрыты,
 Лежали всѣ, какъ бы убиты.
 И вѣтеръ буйный утихалъ,
 И громъ почаше умолкалъ.
 Лишь изрѣдка волна вдымалась,
 Какъ бы гора, и опускалась

 Все смолкло! вдругъ корабль волной
 Былъ брошенъ къ мели бреговой.

Хотѣлъ я видѣть мной спасенныхъ,
 И къ нимъ по утру я взошелъ;
 Тогда на тучахъ озлаченныхъ
 Вскатилось солнце; я узрѣлъ
 Увы, гречанку молодую.
 Она, почти безъ чувствъ, блѣдна,
 Склонившись на руку главою,
 Сидѣла, и съ тѣхъ поръ она
 До нынѣ въ памяти глубокой...
 Она изъ стороны далекой
 Была сюда привезена.
 Свою весну, златыя лѣта
 Воспоминала. Томный взоръ,
 Чернѣе тьмы, ярче свѣта,
 Глядѣлъ, казалось, съ давнихъ поръ
 На небо. Тамъ звѣзда, блистая,
 Давала ей о чемъ-то вѣсть,
 О томъ, друзья, что въ сердцѣ есть.
 Звѣзду затмила туча злая;
 Звѣзда померкла и она
 Съ тѣхъ поръ печальна и грустна.
 Съ тѣхъ поръ, друзья, и я стенаю.
 Моя тѣмъ участь рѣшена;
 Съ тѣхъ поръ покоя я не знаю,
 Но съ тѣхъ же поръ я омертвѣлъ,
 Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ.

Ч Е Р К Е С Ы.

1828.

I.

Въ горахъ ужъ солнце исчезаетъ,
 Въ долинахъ всюду мертвый сонъ;
 Заря, блистая, угасаетъ;
 Вдали гудитъ протяжный звонъ;
 Покрыто мглой туманно поле,

Зарница блещетъ въ небесахъ,
 Въ долинахъ стада не видно болѣ,
 Лишь серны скачутъ на холмахъ,
 И стѣрый волкъ бѣжитъ черезъ горы,
 Его свирѣпо блещутъ взоры.
 Въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ
 Влѣзаетъ онъ въ свою берлогу.
 За нимъ бѣжитъ черезъ дорогу
 Съ ружьемъ охотникъ; пара псовъ
 На сворахъ рвутся съ нетерпѣньемъ.
 Все тихо, и въ глуши лѣсовъ
 Не слышно жалобнаго пѣнья
 Пустынной иволги; лишь тамъ
 Весенній вѣтерокъ играетъ,
 Перелетая по кустамъ;
 Въ глуши кукушка занываетъ,
 И на дуплѣ, какъ тѣнь, сидитъ
 Полночный воронъ и кричитъ.
 Межъ дикихъ скалъ крутить, сверкаетъ
 Подаль Терекъ за горой;
 Высокій берегъ подмываетъ,
 Крутяся пѣною сѣдой.

II.

Одѣто небо черной мглою,
 Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ,
 Лишь на сухихъ скалахъ травой
 Полночный вѣтеръ шевелитъ.
 На холмахъ маяки блистаютъ:
 Тамъ стражи русскіе стоятъ;
 Ихъ копья острыя блестятъ;
 Другъ друга громко окликаютъ:
 „Не спи, казакъ, во тѣмъ ночью!
 Чеченцы ходятъ за рѣкой!“
 Но вотъ они стрѣлу пускаютъ,
 Взвилась! и падаетъ казакъ
 Съ окровавленнаго кургана;
 Въ очахъ его смертельный мракъ.
 Ему не зрѣть родного Дона,
 Ни милыхъ сердцу, ни семью.
 Онъ жизнь окончилъ здѣсь свою...

III.

Въ густомъ лѣсу видна поляна,
 Чуть освѣщенная луной:
 Мелькаютъ, будто изъ тумана,
 Огни на крѣпости большой.
 Вдругъ слышенъ шорохъ за кустами,
 Въѣзжаютъ нѣсколько людей.
 Окинувъ все кругомъ очами,
 Они слѣзаютъ съ лошадей.
 На каждомъ шашка, за плечами
 Ружье заряжено виситъ,
 Два пистолета, борзы кони,
 По буркѣ на сѣдлѣ лежитъ;
 Огонь черкесы зажигаютъ,
 И всѣ садятся тутъ кругомъ;
 Привязанные къ деревьямъ,
 Въ лѣсу кони траву цинаютъ;
 Клубится дымъ, огонь трещитъ,
 Кругомъ поляна вся блеститъ.

IV.

Одинъ черкесъ одѣтъ въ кольчугу,
 Изъ серебра его нарядъ,
 Уздени вокругъ него сидятъ;
 Другіе-жъ всѣ лежатъ по лугу.
 Иные чистятъ шашки остры,
 Иль наостряютъ стрѣлы быстры.

Кругомъ все тихо, все молчить.—
 Возсталъ вдругъ князь и говорить:
 „Черкесы, мой народъ военный,
 Готовы будьте всякій часъ!
 На жертву смерти—смерти славною
 Не всякъ достоинъ здѣсь изъ васъ.
 Взгляните, въ крѣпости высокой,
 Въ цѣпахъ, въ тюрьмѣ мой братъ сидитъ,
 Въ печали, въ скорби, одинокій.
 Его спасу, или мнѣ не жить!“

V.

„Вчера я спалъ подъ холодной мглой
 И вдругъ увидѣлъ, будго, брата,
 Что онъ стоялъ передо мной
 И мнѣ сказалъ: „мишуты трага—
 И я погибъ,—спаси меня!...“
 Но призракъ легкій вдругъ сокрылся;
 Съ сырой земли поднялся я;
 Его спасти я устремился
 И вотъ ищу и почъ, и день,
 И призракъ легкій не являлся
 Съ тѣхъ поръ, какъ брата блѣдна тѣнь
 Меня звала, и я старался
 Его избавить отъ оковъ;
 И я на смерть всегда готовъ!
 Теперь клянуся Магометовъ,
 Клянусь, клянусь я цѣлымъ свѣтомъ!
 Насталъ неизбѣжимый часъ:
 Для русскихъ смерть или мученье,
 Или мнѣ взглянуть въ послѣдній разъ
 На ярко солнца восхожденье“.
 Умолкнулъ князь. И всѣ трикратно
 Повторили его слова:
 „Погибнуть русскимъ невозвратно,
 Или съ тѣла свалится глава“.

VI.

Востокъ, алѣя, пламенѣть,
 И день заботливый свѣтлѣеть:
 Уже въ селахъ кричить пѣтухъ;
 Уже мѣсяцъ въ облакѣ потухъ.
 Денница, тихо поднимаясь,
 Златить холмы и тихій боръ;
 И юный лучъ, со тьмой сражаясь,
 Вдругъ показался изъ-за горъ.
 Колосья въ полѣ подъ серпами
 Ложатся желтыми рядами.
 Все утро дышетъ. Вѣтерокъ
 Играетъ въ Терекъ на волнахъ,
 Вздыхаетъ зыблемый песокъ.
 Сводъ неба синій тихъ и чистъ,
 Прохлада съ рѣчки повѣваетъ;
 Прелестный запахъ юный листъ
 Съ весенней свѣжестью сливаетъ.
 Вездѣ кругомъ спустился лѣсъ,
 Повсюду тихое молчанье;
 Струей сквозь темный сводъ древесъ
 Прокравшись, дневное сиянье
 Верхи и корни золотить.
 Лишь вѣтра тихимъ дуновеньемъ
 Сорванъ листокъ летитъ, блеститъ,
 Смущая тишину паденьемъ.
 Но вотъ, примѣтя свѣтъ дневной,
 Черкесы на коней садятся,
 Быстрѣ стрѣль по лѣсу мчатся,
 Какъ пчелъ неутомимый рой—
 Сокрылися въ тѣни густой.

VII.

О, еслибъ ты, прекрасный день,
 Гналъ такъ же горестъ, страхъ, смятенья,
 Какъ гонишь ты ночную тѣнь
 И снова обманчивыхъ видѣнья!...
 Заутрень въ градѣ дальній звонъ
 По рошѣ вѣтромъ разнесенъ;
 И на горѣ стоитъ высокой
 Прекрасный градъ, тамъ слышенъ громкій
 Стукъ барабановъ, и войска,
 Закинувъ ружья на плеча,
 Стоять на площади въ парадѣ.
 Народъ весь въ праздничномъ нарядѣ
 Идетъ изъ церкви. Стукъ каретъ,
 Колясокъ, дрожекъ раздается;
 На небѣ стая галокъ вьется;
 Всякъ въ домъ свой завтракать идетъ;
 Тамъ тихо ставни растворяютъ;
 [А] тамъ по улицѣ гуляютъ
 Или идутъ войско посмотришь
 Въ большую крѣпость.—Но чернѣтъ
 Ужъ стали тучи за горами,
 И только яркими лучами
 Блестало солнце съ высоты,
 И вѣтръ бѣжалъ черезъ кусты.

VIII.

Ужъ войско хочетъ расходиться
 Въ большую крѣпость на горѣ;
 Но топотъ слышенъ въ тишинѣ.
 Вдали густая пыль клубится,
 И видятъ, кто-то на конѣ
 Съ оглядкой боязливой мчитъ.
 Но вотъ онъ здѣсь ужъ, вотъ слѣзаетъ,
 Къ начальнику онъ подбѣгаетъ
 И говоритъ: „погибель намъ!
 Вели готовиться войскамъ:
 Черкесы мчатся за горами.
 Намъ было двое, и за нами
 Они пустились на коняхъ.
 Меня объялъ внезапный страхъ;
 Наслу я отъ нихъ умчался,
 Да конь хорошъ, а то-бъ попался“.

IX.

Начальникъ всѣмъ полкамъ велѣлъ
 Сбираться къ бою, зазвенѣлъ
 Набатный колоколъ; толпятся,
 Мятутся, строятся, дѣлятся.
 Ворота крѣпости сперлись;
 Иные вихремъ понеслись
 Остановить черкесску силу,
 Или со славою вкусить могилу.
 И видно зарево кругомъ;
 Черкесы поле покрываютъ;
 Ряды, какъ львы, перебѣгаютъ—
 Со звономъ сшибся мечъ съ мечемъ—
 И разомъ храброго не стало.
 Ядро во мракѣ прожужжало,
 И цѣлый рядъ безстрашныхъ палъ:
 Но всѣ смѣшались въ дымѣ черномъ.
 Здѣсь бурный конь съ копьемъ вонзеннымъ,
 Вскочивши на дыбы, заржалъ.
 Сквозь русскіе ряды несетъ;
 Упалъ на землю, сильно рвется,
 Покрывши всадника собой.
 По всюду слышенъ стонъ и вой

X.

И пушекъ громъ вездѣ грохочетъ;
 А здѣсь изрубленный герой
 Воззвать къ дружинѣ вѣрной хочетъ,
 И голосъ замеръ на устахъ.
 Другой бѣжить на полѣ ратномъ,
 Бѣжить, глотая дымъ и прахъ,
 Трикрать сверкнулъ мечемъ булатнымъ,
 И въ воздухѣ недвижимъ мечъ...
 Звеня, падетъ кольчуга съ плечъ;
 Копье рамена прободаетъ,
 И хлещетъ кровь изъ нихъ рѣкой.
 Несчастнѣй раны зажимаетъ
 Холодной трепетной рукой.
 Еще ружье свое онъ ищетъ;
 Повсюду стукъ и пули свищутъ,
 Повсюду слышенъ пушекъ вой,
 Повсюду смерть и ужасъ мечетъ
 Въ горахъ и въ долахъ, и въ лѣсахъ;
 Во градѣ жители трепещутъ
 И гулъ несется въ небесахъ.
 Иной черкеса поражаетъ:
 Бесплодно мечъ его сверкаетъ;
 Махнулъ еще—его рука,
 Подъята вверхъ, окостенѣла;
 Вѣжать хотѣлъ—его нога
 Дрожить недвижима, замлѣла;
 Встаетъ и палъ. Но вотъ несется
 На лошади черкесъ лихой
 Сквозь рядъ штыковъ; онъ сильно рвется
 И держитъ мечъ надъ головой;
 Онъ съ казакомъ вступаеетъ въ бой:
 Ихъ сабли остры ярко блещутъ,
 Ужъ лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
 Ударъ несется роковой.
 Стрѣла блещитъ, свиститъ, мелькаетъ
 И вмигъ казака убиваетъ.
 Но вдругъ толпою окруженъ,
 Копьями острыми пронзенъ.
 Князь самъ отъ раны издыхаетъ,
 Падетъ съ коня—и всѣ бѣгутъ,
 И бранно поле оставляютъ.
 Лишь ядра русскія ревутъ
 Надъ ихъ, ужасно, головой
 По-малу тихнетъ шумный бой,
 Лишь подъ горами пылъ клубится.
 Черкесы побѣжденные мчатся,
 Преслѣдуемые толпой
 Сыновъ неустрашимыхъ Дона,
 Которыхъ Рейнъ, Лоаръ и Рона
 Видали на своихъ брегахъ,
 Несутъ за ними смерть и страхъ.

XI.

Утихло все; лишь изрѣдка
 Услышишь выстрѣлъ за горою;
 [Иль] рѣдко видно казака,
 Несущагося прямо къ бою.
 И въ станѣ русскомъ ужъ покой,
 Спасенъ и градъ, и надъ рѣкой
 Маякъ блещитъ, и сторожъ бродитъ:
 Въ окружность быстрымъ окомъ смотритъ
 И на плечѣ ружье несетъ.
 Лишь только слышно: „кто идетъ?“
 Лишь громко „слушай“ раздаеетъ,
 Лишь только рѣдко пронесется
 Лихой казакъ чрезъ русскій станъ,
 Лишь рѣдко крикнетъ черный вранъ,

Голодный, трупы пожирая,
 Лишь изрѣдка мелькнетъ, блистая,
 Огонь въ палаткѣ у солдатъ.
 И рѣдко чуть блеснетъ булатъ,
 Заржавый отъ крови въ сраженнѣ,
 Иль крикнетъ вдругъ въ уединеннѣ
 Близъ стана русскій часовой—
 Вездѣ господствуетъ покой.

Помѣтка автора: „Въ Чембарѣ за дубомъ“.

А З Р А И Л Ъ *).

1829.

Рѣчка. Кругомъ широкія долины. Курганъ. На берегу издохшій конь лежитъ близъ кургана, и вороны летаютъ надъ нимъ. Все дико.

Азраиль (*сидитъ на курганѣ*).

Дождуся здѣсь, мнѣ не жестка
 Земля кургана. Вѣтеръ дуетъ,
 Серебряный ковыль волнуеетъ
 И быстро гонитъ облака.
 Кругомъ все дико и бесплодно,
 Издохшій конь передо мной
 Лежитъ, и коршуны свободно
 Добычу дѣлятъ межъ собой.
 Ужъ хладныя бѣлбуютъ кости,
 И скоро пиръ кровавый свой
 Незванные оставяютъ гости.
 Такъ точно и въ душѣ моей
 Все пусто, лишь одно мученье
 Грызетъ ее съ давнишнихъ дней
 И гонитъ прочь отдохновенье:
 Но никогда не устаетъ
 Его отчаянная злоба,
 И въ тѣсной, темной кельѣ гроба
 Оно вовѣки не уснетъ.
 Все умираеетъ, все прохордитъ.
 Гляжу,—за вѣкомъ вѣкъ уведитъ
 Толпы народовъ и мировъ
 И съ ними вмѣстѣ исчезаетъ.
 Но духъ мой гибели не знаетъ:
 Живу одинъ средъ мертвецовъ,
 Закономъ общимъ позабытый,
 Съ своими чувствами въ борьбѣ,
 Съ душой страдающими облитой,
 Не зная равнаго себѣ.
 Полуземной, полунебесный,
 Гонимый участью чудесной,
 Я все мгновенное люблю,
 Утрата мучитъ грудь мою.
 И я безсмертенъ, и за что же?
 Чѣмъ, чѣмъ возможно заслужить
 Такую пытку, Боже, Боже!
 Хотя бы могъ я не любить!

Она придетъ сюда, я обниму
 Красавицу и грудь къ груди прижму,
 У сердца сердце будетъ горячій;
 Уста къ устамъ чѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣй
 Нѣмая рѣчь любви. Я расскажу
 Ей все и мѣръ, и вѣчность покажу:
 Она слезу уронитъ надо мной,
 Смягчить Творца молитвой молодой,

*) Ангелъ смерти у мусульманъ.

Пойметъ меня, пойметъ мои мечты
И скажетъ: „какъ великъ, какъ жалокъ ты!“
Сей рѣчи звукъ — мнѣ будетъ жизни звукъ,
И этотъ часъ — послѣдній долгихъ мукъ...
Клянусь, воспоминаніе объ немъ
Глубоко въ сердцѣ схоронить моею,
Хотя бы на меня возсталъ весь адъ.
Тотъ уголь, гдѣ я спрячу этотъ кладъ,
Не осквернитъ ни ронотъ, ни упрекъ,
Ни мечь, ни зависть; пусть свирѣпый рокъ
Сбираетъ тучи, пусть моя звѣзда
Въ туманѣ вѣчномъ тонетъ навсегда,—
Я не боюсь: есть сердце у меня
Надменное и полное огня;
Есть въ немъ любви ея святой залогъ—
Послѣдняго-жъ не отнимаетъ Богъ.—
Но слышенъ звукъ шаговъ: она, она...
Но для чего печальна и блѣдна?...
Вѣнокъ пестрѣетъ надъ ея челомъ,
Играетъ солнце медленнымъ лучемъ
На бѣлыхъ персяхъ, на ея кудряхъ...
Идетъ... Ужель меня тревожить страхъ?...
*(Дѣва входитъ. Цѣпты на рукахъ и на головь.
Въ бѣломъ платьѣ. Крестъ на груди у нея.)*

ДѢВА.

Вѣтеръ гудеть,
Мѣсяцъ плыветъ,
Дѣвушка плачетъ,
Милый на чужбинѣ скачетъ.
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ.
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ.

Прочь печальная пѣсня! Я опоздала, Азраилъ.
Такъ ли тебя зовутъ, мой другъ?
(Сидится рядомъ.)

Азраилъ. Что до названія? Зови меня своимъ
любезнымъ; пускай твоя любовь замѣнитъ
мнѣ имя: я никогда не желалъ бы имѣть дру-
гаго; зови, какъ хочешь смерть: уничтоженіемъ,
гибелью, покоемъ, тлѣніемъ, сномъ,—она все
равно поглотитъ свои жертвы.

ДѢВА. Полно съ такими черными мыслями!

Азраилъ. Такъ моя любовь чиста какъ
голубь, но она хранится въ мрачномъ мѣстѣ,
которое темнѣетъ съ вѣчностью.

ДѢВА. Кто ты?

Азраилъ. Изгнанникъ! существо сильное
и побѣжденное. Зачѣмъ ты хочешь знать?

ДѢВА. Что съ тобою! Ты поблѣднѣлъ? При-
мѣтно дрожь пробѣгала по твоимъ членамъ,
твой вѣки опустились къ землѣ. Милый, ты
становишься страшенъ.

Азраилъ. Не бойся все опять прошло.

ДѢВА. О, я тебя люблю, люблю больше бла-
женства; ты помнишь, когда мы встрѣтились,
я покраснѣла; ты прижалъ меня къ себѣ, мнѣ
было такъ хорошо, такъ тепло у груди твоей.
Съ тѣхъ поръ моя душа съ твоей — одно. Ты
несчастливъ; вѣтеръ мнѣ свою печаль: кто ты?
откуда? ангель? демонъ?

Азраилъ. Ни то, ни другое.

ДѢВА. Расскажи мнѣ твою повѣсть; если ты
потребуешь слезъ, у меня онѣ есть; если по-
требуешь ласки, то я удшу тебя моими; если
потребуешь помощи — возьми все, что я имѣю,
возьми мое сердце и приложи его къ язвѣ, тер-
зающей твою душу: проляжетъ сожжетъ этого

червя, который гнѣздится въ ней. Расскажи
мнѣ твою повѣсть!

Азраилъ. Слушай, не ужасайся; склонись
къ моему плечу, сбрось эти цѣпты, твои губы
душистѣе; пускай эти гвоздики, фіалки унесетъ
ближній потокъ, какъ нѣкогда время унесетъ
твою собственную красоту. Какъ, ужели эта
мысль ужасна, ужели въ столько столѣтій люди
не могли къ ней привыкнуть, ужели никто не
можетъ пользоваться всею опытностью пред-
шественниковъ? О, люди! вы жалки, но совсѣмъ
тѣмъ я смѣнялъ бы мое вѣчное существованіе
на мгновенную искру жизни человѣческой, что-
бы чувствовать хотя все то же, что теперь чув-
ствую, но имѣть надежду когда-нибудь поза-
быть, что я жилъ и мыслить. Слушай же мою
повѣсть:

РАЗСКАЗЪ АЗРАИЛА.

Когда еще ряды свѣтилъ
Земли не знали межъ собой,
Въ тѣ годы я ужъ въ мѣрѣ былъ,
Смотрѣлъ очами и душой,
Молился, дѣйствовалъ, любилъ;
И не одинъ я сотворенъ:
Насъ было много; чудный край
Мы населяли, только онъ,
Какъ вашъ давно забытый рай,
Былъ преступленъ оскверненъ.
Я власть великую имѣлъ:
Леталъ какъ мысль, куда хотѣлъ,
Могъ звѣзды навѣщать порою
И любоваться ихъ красой
Вблизи, не утомляя взоръ;
Какъ перелетный метеоръ,
Я могъ исчезнуть и блеснуть:
Вездѣ мнѣ былъ свободный путь.

Я часто ангеловъ видалъ
И громкимъ пѣснямъ ихъ внималъ,
Когда въ багряныхъ облакахъ
Они, качаясь на крылахъ,
Всѣ вмѣстѣ славили Творца,
И не было хваламъ конца.
Я имъ завидовалъ, они
Безнечно проводили дни;
Не знали тайныхъ безпокойствъ,
Душевныхъ болѣй и разстройствъ,
Волненія враждебныхъ думъ
И горькихъ слезъ; ихъ свѣтлый умъ
Безвѣстной гѣлѣ не искалъ,
Любовью грѣшной не страдалъ,
Не зналъ пристрастія къ вещамъ—
Онъ весь былъ отданъ небесамъ.
Но я, блуждая много лѣтъ,
Искалъ чего быть можетъ нѣтъ:
Творенье сходное со мной,
Хотя бы мукою одной.
И началъ громко я роптать,
Мое рожденье проклинать,
И говорилъ: „Всесильный Богъ,
Ты знаешь про будущее могъ,
Зачѣмъ же сотворилъ меня?
Желанье глупое храпа,
Вездѣ искать мнѣ суждено
Призракъ, видѣніе одно.
Ужели милъ Тебѣ мой стонъ?
И если я ужъ сотворенъ,
Чтобы игрушкой служить,
Душой безсмертной можетъ быть

Зачѣмъ меня Ты одарилъ,
 Зачѣмъ я вѣрилъ и любилъ?
 И наказаніе въ отвѣтъ
 Упало на главу мою,
 О, не скажу какое, нѣтъ!
 Твою безпечность не убью,
 Не дамъ понятіе о томъ,
 Что лишь съ возвышеннымъ умомъ
 И съ непреклонною душой
 Извѣдать велѣно судьбой.
 Чѣмъ дольше мука тяготитъ,
 Тѣмъ глубже рана отъ нея:
 Обливши смертью бытіе,
 Она опять его живить:
 И эта жизнь пуста, мрачна,
 Какъ пропасть, гдѣ не знаютъ дна:
 Глотая все, добро и зло,
 Не наполняется она.
 Взгляни на блѣдное чело,
 Примѣтъ морщины печальный рядъ,
 Неровный ходъ моихъ рѣчей,
 Мой горькій смѣхъ, мой дикій взглядъ
 При вспомнаньи прошлыхъ дней—
 И, если тотчасъ не прочтешь
 Ты ясно всѣхъ моихъ страстей,
 То вѣчно, вѣчно не поймешь
 Того, кто за безумный сонъ,
 За мигъ—столѣтѣми казненъ.
 Я пережилъ звѣзду свою;
 Какъ дымъ разсыпалась она,
 Рукой Творца раздроблена,
 Но, смерти вѣрной на краю,
 Взирая на погибшій міръ,
 Я жилъ одинъ—забытъ и сирь.
 Но безпредѣльности небесъ
 Блуждалъ я много, много лѣтъ,
 И зрѣлъ, какъ старый міръ нечезъ,
 И какъ родился новый свѣтъ;
 И страсти первыя людей
 Не скрылись отъ моихъ очей,
 И нынѣ я живу межъ васъ,
 Безсмертный—смертную люблю,
 И, съ трепетомъ, свиданья часъ,
 Какъ пылкій юноша, ловлю.
 Когда же родъ людей пройдетъ,
 И землю вѣчность разобьетъ,
 Улышавъ грозную трубу,
 Я въ новый удалюся міръ
 И стану тамъ, какъ прежде сирь,
 Свою оплакивать судьбу.
 Вотъ повѣсть чудная моя;
 Повѣрь иль нѣтъ—мнѣ все равно;
 Довѣрчивое сердце я
 Привыкъ не находить давно,
 Однакожь я молю, повѣрь
 И тѣмъ тоску мою умѣрь!
 Никто не могъ тебя любить
 Такъ пламенно, какъ я теперь,
 Что сердце по пусту язвить,
 Зачѣмъ вдвойнѣ его казнить?
 Но нѣтъ—ты плачешь? Я любимъ,
 Хоть только существомъ однимъ,
 Хоть въ первый и послѣдній разъ!
 Мой умъ свѣтлѣе нынѣ сталъ,
 И признаюсь, лишь въ этотъ часъ
 Я умереть бы не желалъ...

ДѢВА.

Я тебя не понимаю, Азраилъ, ты говоришь такъ темно. Ты видѣлъ другой міръ; гдѣ жъ

онъ? Въ нашемъ законѣ ничего не сказано о людяхъ, жившихъ прежде насъ.

АЗРАИЛЬ.

Потому что законъ Моисея не существовалъ прежде земли.

ДѢВА.

Полно, ты меня хочешь только испугать.

АЗРАИЛЬ (*блѣднѣетъ*).

ДѢВА.

Я пришла сюда, чтобы съ тобой проститься, мой милый. Моя мать говоритъ, что покамѣстъ это должно, я иду замужъ. Мой женихъ славный воинъ: его шлемъ блеститъ, какъ жаръ, и мечъ его опаснѣе молніи.

АЗРАИЛЬ.

Вотъ женщины. Она обнимаетъ одного и отдаетъ сердце другому.

ДѢВА.

Что сказалъ ты? о, не сердись!

АЗРАИЛЬ.

Я не сержусь! (*горько*). И за что сердиться?!

ДЖУЛИО.

1830 года, великимъ постомъ и послѣ.

Я слышалъ этотъ рассказъ отъ одного путешественника. М. Л.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Осенній день тихонько угасалъ
 На высотѣ гранитныхъ Шведскихъ скалъ.
 Туманъ облекъ поверхности озеръ,
 Такъ что едва замѣтитъ могъ бы взоръ
 Възгущій бѣлый парусъ рыбака.
 Я выходилъ тогда изъ рудника,
 Гдѣ золото—земныхъ трудовъ предметъ—
 Тамъ люди достаютъ ужъ много лѣтъ.
 Здѣсь обратились страсти все въ одну,
 И вѣчный стукъ тревожитъ тишину;
 Между столбовъ гранитныхъ и аркадъ,
 Блеститъ огонь трепещущихъ лампадъ,
 Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Кидая свѣтъ безсильный и пустой!...

Но если очи въ безпривѣтной мглѣ
 Угасшія морщины, на челѣ,
 Но если блѣдный, вялый цвѣтъ ланитъ
 И равнодушный, молчаливый видъ,
 Но если вздохъ, потерянный въ тиши—
 Являютъ грусть глубокую души,
 О! не завидуйте судьбѣ такой:
 Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
 Повѣрьте мнѣ: немногіе изъ нихъ
 Могли собрать плоды трудовъ своихъ.

Не нахожу достаточныхъ рѣчей,
 Чтобъ описать восторгъ души моей,
 Когда я вновь взглянулъ на небеса,
 И освѣжила голову роса.
 Тянулись цѣпью острыя скалы
 Передо мной; пустынные оры
 Носилися, крича средь высоты.

И зрѣлъ вдали кудрявые кусты
 У озера спокойныхъ береговъ
 И стебли черныя сухихъ дубовъ.
 Отъ рудника висля, желтѣя, путь...
 Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
 Прохладный воздухъ, вольный, какъ народъ
 Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведетъ.

Вожатому подарокъ я вручилъ,
 Но, признаюсь, меня онъ удивилъ,
 Когда не принялъ денегъ. Я не могъ
 Понять зачѣмъ, и снова въ кошелекъ
 Не смѣлъ ихъ положить... Его черты
 (Развалины минувшей красоты,
 Хотя не являли старости онѣ),
 Казалось, знакомы были мнѣ.

И подойдя, взявъ за руку меня,
 „Напрасно бѣ“, онъ сказалъ: „скрывался я!
 Такъ, Джуліо предъ вами, но не тотъ,
 Кто по струямъ Венеціанскихъ водъ
 Въ украшенной гондолѣ пролеталъ.
 Я жилъ, я жилъ и много испыталъ.
 Не для корысти я въ странѣ чужой:
 Могилы тѣмъ сходна съ моею душой,
 Въ которой страсти, лѣта и мечты
 Изрыли бездну вѣчной пустоты...
 Но я молю васъ только объ одномъ...
 Молю: возьмите этотъ свитокъ; въ немъ...
 Въ немъ мѣръ всю жизнь души моей найдеть—
 И можетъ быть онъ васъ остережетъ!“
 Тутъ скрылся быстро пасмурный чудакъ,
 И посмѣялся я надъ нимъ: бѣднякъ,
 Я полагаю, разсудокъ потерявъ,
 Не потерялъ еще свой пылкій нравъ;
 Но пробѣгая свитокъ, видеть Богъ—
 Я много слезъ остановить не могъ.

Есть край, его Италіей зовуть:
 Какъ божьи птицы, мнится, тамъ живутъ
 Покойно, вольно; и пришелецъ,
 Германіи или Англіи жилецъ,
 Дивится часто счастью людей,
 Скрывающихъ улыбкую очей
 Безумный пылъ и тайный ядъ страстей.
 Вамъ, жителямъ холодной стороны,
 Не перенять сей ложной тишины,
 Хотя ни мести, ни ревности, ни любви
 Не могутъ въ васъ зачекъ такъ сильно кровь,
 Какъ въ томъ, кто близъ Неаполя рожденъ—
 Для крайностей вашъ духъ не сотворень!...
 Спокойны вы!... на вашъ унылый край
 На вѣкъ я промѣнялъ сей южный рай,—
 Гдѣ тополи, обвитые лозой,
 Хотятъ шатеръ достигнуть голубой,
 Гдѣ любятъ моря синія валы
 Баюкать тѣнь береговой скалы...

Вблизи Неаполя мой пышный домъ
 Блѣтается на берегу морскомъ,
 И вокругъ него веселье сады,
 Мосты, фонтаны, бюсты и пруды,—
 Я не могу на память перечестъ.
 И тамъ у водъ въ лимонной роцѣ есть
 Бесѣдка; всѣхъ другихъ она милѣй,
 Однако вспомнить я боюсь объ ней.
 Она душистымъ залахомъ полна,
 Уединенна и всегда темна.—
 Ахъ! здѣсь любовь моя погребена;

Здѣсь крестъ, нагнутый временемъ, торчитъ
 Надъ холмикомъ, гдѣ Лоры трупъ сокрытъ.
 При вѣрной помощи тѣней ночныхъ,
 Бывало, мы, укрывшись отъ родныхъ,
 Туманною озарены луной,
 Сигѣшили съ ней туда рука съ рукой;
 И Лора, лютно взявъ, пѣвала мнѣ...
 Ея плечо горѣло, какъ въ огнѣ,
 Когда къ нему я голову склопалъ
 И пойманная кудри цѣловалъ.
 Какъ гордо волновалась грудь твою,
 Какъ, очи въ очи томно устремя,
 Твой Джуліо слова любви твердилъ;
 Лукаво милый пальчикъ мнѣ грозилъ,
 Когда я, у твоихъ склоняясь ногъ,
 Восторгъ въ душѣ остановить не могъ...

Случалось, послѣ я любилъ сильнѣй,
 Чѣмъ въ этотъ разъ; но жалость лишь о сей
 Любви живеть, горить въ груди моей.
 Она прошла, таковъ судьбы законъ,
 Не умолимъ и не преклоненъ онъ;
 Хотя щадить луны любезной свѣтъ,
 Какъ памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ.

О, тѣнь священная! простишь ли ты
 Тому, кто обманулъ твои мечты,
 Кто обольстилъ невинную тебя,
 И на всегда оставилъ, не скорбя?
 Я страсть твою употребилъ во зло:—
 Но ты взгляни на блѣдное чело,
 Которое изрыли не труды:
 На немъ раскаянья и мукъ слѣды;
 Взгляни на степь, куда я убѣжалъ,
 На снѣжныя вершины шведскихъ скалъ;
 На эту бездну смрадной темноты,
 Гдѣ носятся какъ дымъ, твои черты,
 На ложе, гдѣ съ рыданіемъ, съ тоской
 Клянусь себя съ минутой роковой...
 И сжался, сжался, сжался надо мною!...

.)
 Когда мы женщину обманемъ, тайный страхъ
 Живеть для насъ въ молодыхъ ея очахъ;
 Какъ въ зеркалѣ, вину во взорѣ томъ,
 Мы, различивъ, укоръ себѣ прочтемъ—
 Вотъ отчего, оставя отчій домъ,
 Я поспѣшилъ, безмысленный, бѣжать,
 Чтобъ гдѣ-нибудь разсѣянье сыскать!

Но съ Лорой я проститься захотѣлъ.
 Я объявилъ, что мнѣ въ чужой предѣлѣ
 Отправиться на много должно лѣтъ,
 Чтобъ осмотрѣть великій Божій свѣтъ;
 „Зачѣмъ тебѣ!“ воскликнула она,
 „Что дастъ тебѣ чужая сторона,
 Когда ты здѣсь не хочешь быть счастливъ...
 Подумай, Джуліо!“ Тутъ, взоръ склонивъ,
 Она меня рукою обняла:
 „Ахъ! я почти увѣрена была,
 Что не откажешь въ просьбѣ мнѣ одной:
 Не покидай меня, возьми меня съ собой,
 Не преступи вторично свой обѣтъ...
 ...Теперь ты долженъ знать!“... „Нѣтъ, Лора,
 нѣтъ!“

Воскликнулъ я, „оставь меня, забудь;
 Привязанность былаю не вдохнуть

*) Точки въ рукописи.

Въ холодную тебѣ отнынѣ грудь;
 Какъ странники на небѣ, облака,
 Свободно сердце и любовь легка!⁴
 И, поблѣднѣвъ, какъ будто бы сквозъ сна,
 Въ отвѣтъ сказала тихо мнѣ она:
 „Итакъ прости на вѣкъ, любезный мой;
 Жестокій другъ, обманщикъ дорогой,
 Когда бы знала, что оставишь ты...
 Однако, прочь безумныя мечты,
 Надежда, сердце это не смущай...
 Ты болѣе не мой... прощай!.. прощай!..
 Желаю, чтобъ тебя въ чужой странѣ
 Не мучила бы память обо мнѣ“.

То былъ глубокой вѣщій скорби гласъ.
 Такъ мы разстались. Кто жалчѣй изъ насъ,
 Пускай въ своемъ умѣ разсудитъ тотъ,
 Кто нѣкогда сіи листы прочтетъ.

Зачѣмъ цѣну утраты на землѣ
 Мы познаемъ, когда ужъ въ вѣчной мглѣ
 Сокровище потонетъ, и никакъ
 Нельзя разгнать его покрывшій мракъ!
 Любовь младыхъ, прелестныхъ женскихъ глазъ,
 По рѣдкости, сокровище для насъ;
 (Такъ мало дѣвъ, умѣющихъ любить)
 Мы день и ночь должны его хранить,—
 И, горе! если скроется оно:
 На вѣкъ блаженства сердце лишено.
 Мы только разъ одинъ въ кругу земномъ
 Горимъ взаимной нѣжности огнемъ.

Пять цѣлыхъ лѣтъ провелъ въ Парижѣ я:
 Шалилъ, имѣнье съ временемъ губя;
 Первоначальной страсти жаръ святой
 Я называлъ младенческой мечтой.
 Дорога славы, заманивъ мой взоръ,
 Паскучила мнѣ. Совѣсти укоръ
 Убить любовью новой захотѣвъ,
 Я сталъ искать бесѣды юныхъ дѣвъ;
 Когда же охладѣвъ къ нимъ наконецъ,
 Представила мнѣ дружба свой вѣнецъ,
 Повеселивъ меня немного дней,
 Распался онъ на головѣ моей...
 Я сталъ бродить печаленъ и одинъ;
 Меня увѣрили, что это сплинъ;
 Когда же надоѣли доктора,
 Я хладнокровно ихъ согналъ съ двора.

Душа моя была пуста, жестка.
 Я походилъ тогда на бѣдняка:
 Надѣясь кладъ найти, глубокой ровъ
 Онъ ископалъ среди своихъ садовъ,—
 Испортитъ не страшась грады цвѣтовъ,
 Рыль, рыль—вдругъ что-то застучало—онъ
 Вздрогнулъ—предметъ трудовъ его найденъ—
 Приблизился,—торопится—глядитъ:
 Чтожь?—передъ нимъ гнилой скелетъ лежитъ!..
 „Заботы выюты въ сумракѣ ночей
 „Вкругъ ложа мягкаго, златыхъ кистей;
 „У изголовья совѣтъ—скорпионъ
 „Отъ вѣждъ засохшихъ гонитъ сладкій сощъ;
 „Какъ вѣтръ преслѣдуетъ по небу вдаль
 „Оторванныя тучки, такъ печаль
 „Въ одну и ту же съ нами сѣвъ ладью,
 „Не отстаютъ ни въ кущѣ, ни въ бою;“
 Такъ римскій говоритъ поэтъ-мудрецъ.
 Ахъ! это испыталъ я наконецъ,
 Отправившись, не зная самъ куда,
 И съ Сеною простившись навсегда!..

Ни дикихъ горъ Швейцаріи снѣга,
 Ни Рейна вдохновенные брега
 Ни чѣмъ мнѣ умъ наполнить не могли
 И сердцу ничего не принесли.

..... *)

Венеція! о какъ прекрасна ты,
 Когда, какъ звѣзды, спавши съ высоты,
 Огни по влажнымъ улицамъ твоимъ
 Скользятъ и съ блескомъ синимъ, золотымъ,
 То затрещутъ и погаснутъ вдругъ,
 То вновь зажгутся; тамъ далекій звукъ,
 Какъ благодарность въ злой душѣ порою,
 Раздастся и умретъ во тьмѣ ночной:
 То пѣснь красавицы, съ ней другъ ея;
 Они поютъ и мчится ихъ ладья.
 Народъ, тѣсясь, на берегу кипитъ.
 Оттуда любопытный взоръ слѣдитъ
 Какой-нибудь красивый павильонъ,
 Который бѣгло въ волны отраженъ.
 Разнообразный плескъ и веселъ шумъ
 Приводятъ много чувствъ и много думъ;
 И много чудныхъ случаевъ рождалъ
 Ничѣмъ ненарушимый карнавалъ.

Я прихожу въ гремящій маскаррадъ,
 Нарядовъ блескъ тамъ ослѣпляетъ взглядъ:
 Здѣсь не узнаетъ мужъ жены своей.
 Какой-нибудь лукавый чичисбей,
 Подъ маской, близъ него проходить съ ней,
 И мужъ готовъ божиться, что жена
 Лежитъ въ дому отчаянно больна...
 Но если все проникъ лукавый взоръ:
 Тотчасъ кинжалъ рѣшить не долгій споръ,
 Хотя ненужно: пролитая кровь
 Ужъ не воротитъ женскую любовь!..
 Такъ мысля, въ залѣ тихо я блуждалъ
 И разныхъ лицъ движенья наблюдалъ;
 Но, какъ пустыя грезы сновъ пустыхъ,
 Чтобъ разсказать, я незапомню ихъ.
 И вижу маску: мнѣ грозитъ она.
 Огонь паровъ застольнаго вина
 Смутитъ мой умъ, волнуя кровь мою—
 Я въ домино окутался—встаю.
 Открылъ лицо—за тайнымъ чудачкомъ
 Стремлюсь и покидаю чудный домъ.
 Быстрѣе ногъ преслѣдуютъ его
 Мои глаза, не помня ничего,
 Во слѣдъ за нимъ, хотя и не хотѣлъ,
 На лѣстницу кругую я взлетѣлъ!..

Огромные покои предо мной
 Отдѣланы съ искусственной красой;
 Сіяли свѣчи яркія въ углахъ,
 И живопись дышала на стѣнахъ.
 Ни блескъ, ни сладкій ароматъ цвѣтовъ,
 Желаньемъ ускоряемыхъ шаговъ
 Остановить въ то время не могли:
 Они меня съ предчувствіемъ несли
 Туда, гдѣ, на диванѣ опустясь,
 Мой незнакомецъ, бѣгомъ утомясь,
 Сидѣлъ,—уже я близко у дверей;
 Вдругъ—(изумленіе души моей
 Чьи краски на землѣ изобразить?)
 Съ него упалъ обманчивый нарядъ—
 И женщина единственной красоты

*) Точки въ рукописи.

Стояла близъ меня. Ея власы
Катились на волнуемую грудь
Съ восточной нѣгой,—я не смѣлъ дохнуть,
Покуда взоръ, весь слитый изъ огня,
На землю томно не упалъ съ меня—
Ахъ! онъ стрѣлой во-глубь мою проникъ!
— Не выразилъ бы чувствъ моихъ въ сей мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!...
Средь горъ Кавказскихъ есть, слыхалъ я, гротъ,
Откуда Терекъ молодой течетъ,
О скалы неприступныя дробясь;
Съ Казбека въ пропасть иногда катясь,
Отверстіе лавина завалитъ:
Какъ мертвый, онъ на время замолчитъ...
Но лишь враждебный снѣгъ промоетъ онъ,
Быстрѣй его не будетъ аквилонъ;
Бѣги сайгакъ отъ берега въ тотъ часъ,
И жажущій табунъ—умчитъ онъ васъ,
Сей токъ, покрытый пѣною густой,
Свободный, какъ чеченецъ удалой:
Такъ и любовь, покрыта скуки льдомъ,
Прорвется и мучительнымъ огнемъ
Должна свою разрушить колыбель,
Достигнетъ или не достигнетъ цѣль!...
И бѣденъ тотъ, кому судьбина, давъ
И влюбчивый и своевольный нравъ,
Позволила узнать подробно мѣръ,
Гдѣ человекъ всегда гонимъ и сирь,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Приносятъ только сожалѣнье намъ!
Я былъ любимъ. самъ страстію пылалъ
И много дней Мелиной обладалъ.
Летучихъ наслажденій властелинъ,
Изъ этихъ дней я не забылъ одинъ:
Златило утро дальній небосклонъ
И запахъ розъ съ береговъ былъ разнесенъ
Далеко въ море; свѣжая волна,
Играющимъ лучомъ пробуждена,
Отзывы пѣсни рыбаковъ несла...
Въ ладъ, при вѣрной помощи весла,
Неслися мы съ Мелиной самъ-другъ,
Внимая сладкій и небрежный звукъ;
За нами въ блескѣ утреннихъ лучей
Венеція, какъ пышный мавзолей,
Среди песковъ Египта золотыхъ,
Изъ волнъ поднявшись, озарила ихъ.
Въ восторгѣ я твердилъ любви слова
Подругѣ пламенной; моя глава,
Когда я спорить уставалъ съ водой,
Въ колѣна ей склонялася порой.
Я счастливъ былъ; невѣдомый никѣмъ,
Казалось, я покоенъ былъ совѣмъ,
И въ первый разъ лишь могъ о томъ забыть,
О чемъ грустилъ, не зная возвратить.
Но дьяволъ, сокрушитель благъ земныхъ,
Блаженство намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ сильнѣй,
Чтобы съ жестокой тягостью своей
Несчастье унесло отъ жадныхъ глазъ
Все, что ему еще завидно въ насъ...

Однажды [ночь на городъ ужъ легла,
Луна, какъ въ дымѣ, безъ лучей плыла
Между сырыхъ тумановъ; вѣтръ ночной,
Вагровый западъ съ тусклою луной—
Все предвѣщало бурю; но во мнѣ
Уснули мнилось навсегда онѣ];

Я ѣхалъ къ милой; радость и любовь
Мою младую волновали кровь;
Я былъ любимъ Мелиной—былъ богатъ—
Все вокругъ мнѣ веселило слухъ и взглядъ:
Роптанье струй, мельканье челноковъ,
Сквозь окна освѣщеніе домовъ
И баркаролла мирныхъ рыбаковъ.
Къ красавицѣ взошелъ я; цѣлый домъ
Былъ пустъ и тихъ, какъ завоеванъ сномъ,
Вотъ проникаю въ комнаты, и вдругъ
Я роковой вблизи услышалъ звукъ,
Звукъ поцѣлуя,—праведный Творецъ,
Зачѣмъ въ сей мигъ мнѣ не послалъ конецъ?
Зачѣмъ, затрепетавъ какъ средь огня,
Не выскокило сердце изъ меня?
Зачѣмъ окаменѣвшій я, опять
Движеніе жизни долженъ былъ принять?...

Бѣгу, стремлюсь—трещитъ и настежь дверь!..
Кидаясь, какъ разъяренный звѣрь,
Въ ту комнату,—и быстрый шумъ шаговъ
Мой слухъ мгновенно поразилъ безъ словъ;
Схвативъ свѣчу, я—въ темный корридоръ,
Гдѣ, ревностью пылая, встрѣтилъ взоръ
Скользящую, какъ нѣкій духъ почной,
По стѣнамъ тѣнь;—дрожащею рукой
Схвативъ книжалъ, машу передъ собой!
И вотъ настигъ, въ минуту удержу,
Рука, рука—хочу схватить, гляжу:
Недвижная, какъ мертвая, бѣдна.
Мнѣ преграждаетъ дерзкій путь она!
Подъемлю злобно очи... страшный видъ!..
...Качая головой, призракъ стоитъ.
Кого жъ я въ немъ встревоженный узналъ?
Обманутую Лору
. я упалъ!—

Печалень степи видъ, гдѣ безъ препонъ
Скитается летучій аквилонъ,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко не смотри,
Встрѣчаеете березы двѣ или три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой:
Такъ жизнь скучна, когда бореній нѣтъ;
Въ ней мало дѣла мы можемъ, въ цвѣтѣ лѣтъ
Въ минувшее проникнувъ, различить,
Она души не будетъ веселить;
Но жребій я узналъ совѣмъ иной;
Убить я не былъ раннею тоской—
— Страстей огонь, неизлѣчимый ядъ,
Еще теперь въ душѣ моей кипитъ...
И ихъ слѣды узналъ я въ этотъ разъ.
Въ безпамятствѣ, не открывая глазъ,
Лежалъ я долго; кто принесъ меня
Домой, не могъ узнать я. День отъ дня
Разсудокъ мой свѣжѣй и тверже былъ;
Какъ вновь меня внезапно постигъ
Томительный и пламенный недугъ.
Я былъ при смерти. Ни единый другъ
Не приходилъ провѣдать о больномъ...
Какъ часто, въ душномъ сумракѣ ночномъ
Со страхомъ пробѣгалъ я жизнь мою,
Готовая предстать передъ судью:
Какъ часто, мучимъ жаждой огневой,
Я утолить не могъ ее водой,
Заложивъ себя и теплой, и гнилой;
Какъ часто хлѣбъ, передъ лиственнымъ силъ
Черствѣлъ, хотя еще не тронутъ былъ,
И сколькихъ слезъ, стараясь мужемъ быть,
Я долженъ былъ всю горечь проглотить!..

И долго я томился.—Наконецъ,
Родныхъ полей блуждающій бѣглець,
Я возвратился къ нимъ...

Въ большомъ саду,
Однажды я задумавшись иду,
Вдругъ предо мной бесѣдка. Узнаю
Зеленый сводъ, гдѣ я сказалъ: „люблю“
Невинной Лоръ [я еще объ ней
Не спрашивалъ соседственныхъ людей],
Но страхъ пустой мой умъ преодолялъ.
Вхожу, и чтожъ бродящій взглядъ узрѣлъ? —
— Могила!—Свѣжій, лѣтній вѣтерокъ
Порою несъ увялый къ ней листокъ,
И, незабудками испещрена,
Дышала сыростью и мглой она.
Не ужасомъ,—но пасмурной тоской
Я былъ подавленъ въ мигъ сей роковой!
Презрѣнье, гордость въ этой тишинѣ
Старались жалость побѣдить во мнѣ.
Такъ вотъ что я любилъ!.. Такъ вотъ о комъ
Я столько думъ питалъ въ умѣ моемъ!..
И стоило ль любить и покидать,
Чтобы странамъ чужимъ нести казаль
Испорченное сердце [плодъ страстей],
Въ чемъ недостатка нѣтъ между людей?
Такъ вотъ что я любилъ! клянусь, мой Богъ,
Ты лучшую ей участь дать не могъ,
Пресѣчь должна кончина бытіе:
Чѣмъ раньше, тѣмъ и лучше для нея!—

И блещутъ незабудки надъ тобой,
Хотя забвенья стали пеленой;
Сплела изъ нихъ земля себѣ вѣнецъ...
Ихъ выростили мать и отецъ,
На дернъ роняя слезы каждый день,
Пока туманная, ложася, тѣнь
Съ холодной, сладкою росой ночей,
Не освѣжала старыхъ ихъ очей!...

И я умру!—но только вѣтръ стеней
Восплачетъ надъ могилою моею?..

Преодолять стараясь думъ борьбу,
Такъ я предчувствовала свою судьбу...

.....*)

И я оставилъ прихотливый свѣтъ,
Въ которомъ для меня веселья нѣтъ,
И гдѣ раскаянье бѣжитъ отъ глазъ
Покуда юность не оставитъ насъ.
Но я былъ старъ: я многое свершилъ!
Повѣрьте: не одно лишенье силъ,
Послѣдствіе толпой протекшихъ дней,
Бродить чело, и гаситъ жизнь очей!..
Я потому съ досадой ихъ кидаль
На мѣръ, что самъ себя въ немъ презираль!—
Я мнилъ: въ моемъ лицѣ легко прочесть,
Что въ сей груди такое чувство есть—
— Я гордъ былъ и не снесъ бы, какъ позоръ,
Пытающій, не скромный, хитрый взоръ.

*) Точки въ рукописи.

Какъ могъ бы я за чашей хохотать
И яркій даръ похмѣля выпивать,
Когда всечасно мстительный металлъ
Въ больного сердца струны ударялъ?
Они меня будили въ тѣмѣ ночной,
Когда и умъ, какъ взглядъ, подернуть мглой,
Чтобы нагнать еще ужаснѣй сонъ;
Не уходилъ съ зарей багровой онъ.
Чѣмъ болѣ улыбалось счастье мнѣ,
Тѣмъ больше я терзался въ глубинѣ,
Я счастье, казалось, привлекъ,
Когда его навѣки отнял рокъ,
Когда любилъ въ огнѣ мученій злыхъ
Я женщинъ мертвыхъ болѣ живыхъ.

Есть сумерки души во цвѣтѣ лѣтъ,
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ.
Жметъ сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.
Чтобы спастись отъ этой пустоты,
Воспоминаемъ или игрой мечты
Умножь одну или другую ты.
Послѣднее мнѣ было легче!.. я
Опять бѣжалъ въ далекіе края,
И здѣсь въ сей безднѣ, въ сѣверныхъ горахъ
Зароютъ мой изгнаннической прахъ.
Безъ имени въ землѣ онъ долженъ гнить,
Чтобъ никого не могъ остановить.
Такъ я живу. Подземный мракъ и хладъ,
Однообразный стукъ, огни лампады,
Мнѣ нравятся. Товарищей толпу
Презрѣннѣ себя всегда я чту—
И самолюбье веселитъ мой нравъ:
Такъ радъ кривой, слѣпаго увидавъ!—

.....

И я люблю, когда нѣмая грусть
Меня кольнетъ на воздухъ выдти. Пусть,
Пусть укоритъ меня обширный сводъ,
За коимъ въ славѣ возсѣдаетъ Тотъ,
Кто былъ и есть и вѣчно не пройдетъ;
Задумавшись, не рѣдко я сижу
Надъ дикою стремниной, и гляжу
Въ туманныя поля, передо мной
Отдохшіе подъ свѣжею росой—*).

.....

Тогда, какъ я, воскликнешь къ небесамъ
Ломая руки: дайте прежнимъ днямъ
Воскреснуть!—но ничто ихъ не найдетъ—
И молодость вторично не придетъ!..

Ахъ! много чувствъ и мрачныхъ и живыхъ
Открыть хотѣлъ бы Джулио.—Но ихъ
Пускай обниметъ ночь, какъ и меня!—
Уже въ лампадѣ нѣтъ почти огня,
Страница кончена—и (хоть чудна)
Съ ней, повесть жизни, прежде чѣмъ она...

*) Послѣ этого стиха въ рукописи недостаетъ
цѣлой четвертки листа (стр. 25 и 26).

ПОЭМЫ.

ЛИТВИНКА.

(Повѣсть 1830—1831).

1.

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синюющихъ полей,
Кого хранить онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шопотъ и веселья кликъ?..
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспаривать не смѣлъ
Еще никто,—онъ больше не хотѣлъ.
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщаль сосѣдей никогда,
Богатый въ мѣрѣ, славный на войнѣ,
Когда къ нему являлися онѣ (и),
Онъ избѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
Презрѣниемъ дышалъ его отвѣтъ:
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть-можетъ, самъ того не зналъ,—
Не потому ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвалъ толпѣ быть приученъ?

2.

На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ, и бѣжалъ литвинъ,
И часто стоилъ войска онъ одинъ...
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ—литовской сабли слѣдъ.

3.

Разъ, возвратясь домой съ полей войны,
Онъ не прижалъ къ устами уста жены;
Онъ не привезъ парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберегъ
Ни жемчуга, ни золотыхъ серегъ.
И, возвратясь въ отцовскій старый домъ,
Онъ не спросилъ о сынѣ молодомъ;
О подвигахъ своихъ въ чужой странѣ
Онъ не хотѣлъ рассказывать женѣ;
И въ часъ свиданья радости слеза
Хоть оросила нѣжные глаза,
Но прежде, чѣмъ упасть она могла,
Страданія слезою ужъ была...
Онъ измѣнилъ ей... Что святой обрядъ
Тому, кто ищетъ лишь земныхъ наградъ?
Какъ путники небесны облака,
Свободно сердце и любовь легка...

4.

Два дня прошло, и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье раздѣлить рѣшилась съ ней
Въ монастырѣ, далеко отъ людей

(И потому поближе къ небесамъ);
Ихъ жизнь—одна молитва будетъ тамъ.
Но женщины обманутой душа,
Для свѣта умертвись, не имъ дыша,
Могла ль забыть того, кто столько лѣтъ
Одинъ былъ для нея и жизнь и свѣтъ?
Онъ измѣнилъ, увы! Но потому
Ужель ей должно измѣнить ему?...
Печаль несчастной жертвы и законъ—
Все презиралъ для новой страсти онъ,
Для плѣнницы, литвинки молодой,
Для гордой дѣвы изъ земли чужой.
Въ угодность ей, за пару сладкихъ словъ
Изъ хитрыхъ устъ, Арсеній былъ готовъ
На жертву принести жену, дѣтей,
Отчизну, душу, все—въ угодность ей.

5.

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело
Его любви достойно. Наконецъ
Оставилъ онъ долину и вѣнецъ
Горы высокой—теремъ—озарилъ
И пламенъ свой негнѣющій разлилъ
По стекламъ росиннымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно, съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ее (ея)
Чуть поднималъ отцовское кольцо.
Теперь гдѣ сынъ и мать?... На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ;
Безмолвная подруга лучшихъ дней—
Разстроенная лютица—передъ ней,
И, по струнѣ оборванной скользя,
Блестить зари послѣдняя струя.
Устала Клара отъ душевныхъ бурь...
И очи голубя, какъ лазурь,
Она сидитъ, на западъ устремивъ;
Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
Тамъ—родина. Пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ.
Тамъ вольны дѣвы. Тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать: „Хочу любви твоей!..“

6.

Она должна съ покорностью нѣмой
Любить того, кто грозною войной
Опустошилъ поля ея отцовъ;
Она должна привѣты нѣжныхъ словъ
Затверживать и ненависть, тоску
Учить любви святому языку—
Младую грудь къ волебно принуждать
И страстью небывалой объяснять
Летучій вздохъ и влажный пламень глазъ.
Она должна... Но мщенью будетъ часъ!

7.

Вечерній пиръ готовъ; рабы шумятъ;
Въ покояхъ пышныхъ блещетъ свѣтъ лампадъ;
Въ серебряномъ ковшѣ кипитъ вино.

Къ его игрѣ привыкнувши давно,
 Арсеній пьетъ янтарную струю,
 Чтобъ этимъ совѣсть потопить свою...
 И плѣнница, его встрѣчая взоръ,
 Читаетъ въ немъ къ веселью приговоръ,
 И ложная улыбка, громкій смѣхъ
 Въ устахъ ея обманываютъ всѣхъ.
 И, вѣря той улыбкѣ, восхищенъ
 Арсеній, и литвинку обнялъ онъ,
 И кудри золотыхъ ея волосъ,
 Нѣжнѣ шелка и душистѣй розъ,
 Скатилися прозрачною пеленой
 На грубый ликъ, отмѣченный войной.
 Лукаво посмотрѣвъ, принявши видъ
 Невольной грусти, Клара говоритъ:
 „Ты любишь ли меня?“—„Какой вопросъ!—
 Воскликнулъ онъ.—Кто жъ больше перенесъ
 И для тебя такъ много погубилъ,
 Какъ я?.. И твой Арсеній не любилъ?!
 И—человѣкъ—я бь могъ обнять тебя,
 Не трепеща душою, не любя?...
 О, шутками меня не искушай!
 Мой адъ—среди людскихъ заботъ, мой рай—
 У ногъ твоихъ... И если я не тутъ,
 И если рукъ моихъ твои не жмутъ,
 Дворецъ и плаха для меня равны!
 Досадою дни мои отравлены.
 Я непороченъ у груди твоей,
 Суровъ и дикъ между другихъ людей!
 Тебѣ въ колѣни голову склонивъ,
 Я, какъ дитя, безпеченъ и счастливъ;
 И теплое дыханье устъ твоихъ
 Приятнѣй мнѣ куреній дорогихъ!..
 Ты рождена, чтобы повелѣвать:
 Моя любовь то можетъ доказать.
 Пусть я—твой рабъ, но лишь не рабъ судьбы!
 Достойны ли тебя ея рабы?
 Повѣрь, когда бь меня не создалъ Богъ,
 Онъ ниспослать бы въ мѣръ тебя не могъ!“—

8.

„О, если бь точно ты любилъ меня,—
 Сказала Клара, голову склоня,—
 Я не жила бы въ теремѣ твоёмъ.
 Ты говоришь: онъ—мой; а что мнѣ въ немъ?
 Богатствомъ дивнымъ, гордой высотой
 Очамъ онъ милъ, но сердцу онъ чужой.
 Здѣсь въ роцѣ воды чистыя текутъ,
 Но рѣчку ту не Вилейю зовутъ;
 И вѣтеръ здѣсь, колеблющій траву,
 Мнѣ не приноситъ пѣсни про Литву...
 Нѣтъ, русскій, я не вѣрую любви!
 Безъ милой воли—что дары твои?“
 И отвернулась Клара, и укоръ
 Изобразилъ ея прекрасный взоръ.
 Недвижимъ былъ Арсеній близъ нее (нея)
 И кромѣ воли отдалъ бы онъ все,
 Чтобъ получить одинъ, одинъ лишь взглядъ
 Изъ тѣхъ, которыхъ все блаженство—ядъ.

9.

Но что за гость является ночной?
 Стучить въ ворота сильною рукой,
 И сторожъ, быстро пробудясь отъ сна,
 Кричить: кто тамъ?—„Впустите! Ночь темна...
 Въ долині буря свищетъ и реветъ,
 Какъ дикій звѣрь, и тьмить небесный сводъ.
 Впустите обогрѣться хоть на часъ,
 А завтра... завтра мы оставимъ васъ;

Но никогда въ моленіяхъ своихъ
 Гостепрѣимный кровъ степей чужихъ
 Мы не забудемъ...“ Стражъ не отвѣчалъ;
 Но ключъ въ замкѣ упрямою завизжалъ,
 О доски тяжкій загремѣлъ затворъ;
 Расхлопнулись ворота—и на дворъ
 Два странника вѣзжаютъ. Фонаремъ
 Озарены, идутъ въ господскій домъ.
 Широкій плащъ на каждомъ, и порой
 Звенить и блещеть что-то подъ полой.

10.

Арсеній приглашаетъ ихъ за столъ
 И съ ними рѣчь привѣтную завелъ;
 Но странники, хоть имъ владѣлецъ радъ,
 Не много пьютъ и меньше говорятъ.
 Одинъ изъ нихъ еще во двѣтѣ лѣтъ,
 Другой, согбенный жизнью, худъ и сѣдъ,
 И по рѣчамъ замѣтно, что привыкъ
 Употреблять не русскій онъ языкъ.
 И младшій гость по виду былъ смѣлѣй:
 Онъ не сводилъ пронзительныхъ очей
 Съ литвинки молодой, и взоръ его
 Для многихъ бы не значилъ ничего...
 Но видно ей когда-то былъ знакомъ
 Тотъ мрачный взоръ, подъ пасмурнымъ челомъ*),
 Иль что-нибудь онъ ей о прошлыхъ дняхъ
 Напоминалъ,—какъ знать!.. Не женскій страхъ
 Ее заставилъ вздрогнуть и вздохнуть,
 И голову поспѣшно отвернуть,
 И бѣлою рукой закрыть глаза,
 Чтобъ измѣнить не смѣла ей слеза...

11.

„Ты поблѣднѣла, Клара?“—„Я больна...“
 И въ комнату свою спѣшитъ она.
 Окно открывши, сѣла передъ нимъ,
 Чтобъ освѣжиться воздухомъ ночнымъ.
 Туманъ въ широкомъ полѣ; огонекъ
 Блеститъ вдали, забыть и одинокъ;
 И вѣтеръ, нарушитель тишины,
 Шумитъ, скользя во мракѣ вдоль стѣны;
 То лай собакъ, то колокола звонъ
 Его дыханьемъ въ полѣ разнесень.
 И Клара внемлетъ.. О, какъ много думъ
 Вмѣщала въ себѣ встревожившійся умъ!
 О, если-бъ кто-нибудь увидѣть могъ
 Хотъ половину всѣхъ ея тревогъ,
 Онъ на себя, не смѣя измѣрять,
 Всю тягость ихъ рѣшился бы принять,
 Чтобы чело, гдѣ радость и любовь
 Смѣнялись прежде, прояснилось вновь,
 Чтобъ заигралъ румянецъ на щекахъ,
 Какъ радуга въ вечернихъ облакахъ...
 И что могло такъ дѣву взволновать?
 Не пришепцы ль?... Но гдѣ и какъ узнать?...
 Чѣмъ для души страданія сильнѣй,
 Тѣмъ вѣчный слѣдъ ихъ глубже тонетъ въ ней,
 Покуда все, что небомъ ей дано,
 Не превратятъ въ страданіе одно.

12.

Раздвинулъ тучи мѣсяцъ золотой,
 Какъ херувимъ—духовъ враждебныхъ рой,
 Какъ упованья сладостный привѣтъ

*) Варіантъ: Тотъ дикій взоръ, съ возвышен-
 нымъ челомъ.

Отъ сердца гонить память прошлыхъ бѣдъ.
Свидѣтель равнодушный тайнъ и дѣлъ,
Которыхъ день узнать бы не хотѣлъ,
А тьма укрыть,—онъ странствуетъ одинъ,
Небесной степи блѣдный властелинъ.
Обрисовавъ литвинки юный ликъ,
Въ окно свѣтлицы лучъ его проникъ
И, придавая чудный блескъ стеклу,
Безпечно разыгрался на полу
И озарилъ персидскій онъ коверъ,
Высокихъ стѣнъ единственный уборъ.
Но что за звукъ раздался за стѣной?!
Протяжный стонъ, исторгнутый тоской,
Подобный звуку пѣсни... Если-бъ онъ
Невѣдомымъ пѣвцомъ былъ повторень...
Но, вотъ, опять!... Такъ точно... Кто жъ поетъ?..
Ты, пѣвница, узнала: вѣрно, тотъ,
Чей взоръ туманный съ пасмурнымъ челомъ
Тебя смутилъ, тебѣ давно знакомъ...
Несбыточнымъ мечтаньямъ предана,
Къ окну склонившись, думаетъ она:
Въ одной Литвѣ такъ сладко лишь поютъ!
Туда, туда меня они зовутъ,
И имъ отозвался въ груди моей
Такой же звукъ, залогъ счастливыхъ дней...

13.

Минувшее дышало въ пѣснѣ той,
Какъ вольность вольной, какъ она—простой;
И все, чѣмъ сердцу родина мила,
Въ родимой пѣснѣ пѣвница нашла.
И въ этомъ наслажденьи былъ упрекъ;
И все, что женской гордости лишь могъ
Внушить позоръ, явилось передъ ней
Хладнѣй презрѣнья, мнѣнія страшнѣй...
Она схватила лютю, и струна
Звенитъ, звенитъ... и вдругъ, пробуждена
Восторгомъ и надеждою, въ отвѣтъ
Залѣла дѣва... Этой пѣсни нѣтъ
Нигдѣ. Она мгновенна лишь была
И въ чей груди родилась—умерла.
И понять, кто внималъ,—неумудрено:
Понятье о небесномъ намъ дано;
Но слишкомъ для земли насъ создалъ Богъ,
Чтобъ кто-нибудь ее запомнить могъ.

14.

Взошла заря, и отдѣлился лѣсъ
Стѣной зубчатой на краю небесъ.
Но отчего же сторожъ у воротъ
Молчитъ и въ доску мѣдную не бьетъ?
Что теремъ не обходитъ онъ кругомъ?
Ужель онъ спитъ?—Онъ спитъ, но... вѣчнымъ
сномъ!

Тяжелый кинуть на землю затворъ,
И близъ него старикъ: закрытый взоръ,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся въ крови сѣдая борода.
Сбѣжалась куча боязливыхъ слугъ.
Съ бездѣйствіемъ отчаянья вокругъ
Убитаго, при первомъ свѣтѣ дня,
Они стояли, голову склоня;
И каждый съ состраданіемъ взиралъ,
Но что начать, никто изъ нихъ не зналъ...
И гдѣ ночной убійца? Чья рука
Не дрогнула надъ сердцемъ старика?
Кто растворилъ высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустилъ на дворъ? Чей поясъ голубой

Въ песокъ затоптанъ маленькой ногой?..
Гдѣ странники? Къ воротамъ виденъ слѣдъ...
Понятно все: ихъ нѣтъ... и Клары нѣтъ!

15.

И долго неожиданную вѣсть
Никто не смѣлъ Арсенію принести.
Но, наконецъ, рѣшились: онъ внималъ,
Хотѣлъ вскочить и неподвиженъ сталъ,
Какъ мраморный кумиръ, какъ бы мертвецъ,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ.
И этотъ взоръ, не зря, смотрѣлъ впередъ,
Блестя огнемъ былъ холоденъ, какъ ледъ;
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И рѣчь отъ синихъ губъ оторвалась.
На клятву походила рѣчь его,
Но въ ней никто не понималъ ничего;
Она была на языкѣ родномъ,
Но глухо пронеслась, какъ дальній громъ...

16.

Бѣжали дни. Арсеній сталъ опять,
Какъ прежде, видѣть, слышать, понимать;
Но сердце, пораженное тоской,
Уже было мертво, хоть въ груди живой.
Умѣлъ изгнать онъ изъ него любовь...
Но что прошло небывшимъ сдѣлать вновь
Кто подъ луной умѣетъ? Кто мечтамъ
Назначилъ кругъ завѣтный, какъ словамъ?
И отъ души какая можетъ власть
Отсѣчь ея мучительную часть?
Бѣжали дни. Ничѣмъ ужъ не былъ онъ
Отнынѣ опечаленъ, удивленъ;
Надъ нимъ висѣтъ, чернѣтъ гроза могла,
Не измѣнивъ обычный цвѣтъ чела...
Но если онъ, не зная отвести,
Ударъ судьбы умѣлъ перенести;
Но если показать онъ не желалъ,
Что могъ страдать, какъ нѣкогда страдалъ:
То язва, имъ презрѣнная, потомъ
Все становилась глубже день за днемъ...
Онъ Клару не умѣлъ бы пережить,
Когда бы только смерть; но измѣнить!..
И прежде презиралъ ужъ онъ людей,
Отнынѣ изъ безумца сталъ злодѣй.
И чѣмъ же могъ онъ сдѣлаться другимъ
Съ его умомъ и сердцемъ огненнымъ?

17.

Есть сумерки души, несчастья слѣдъ,
Когда ни мрака въ ней, ни свѣта нѣтъ.
Она сама собою стѣнена;
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ,
И, какъ на зло, все весело кругомъ.
Въ прекрасномъ мѣрѣ—жертва тайныхъ мукъ,
Въ созвучіи вселенной—ложный звукъ,
Она встрѣчаетъ блескъ природы всей,
Какъ встрѣтилъ бы улыбку палачей
Приговоренный къ казни, и назадъ
Она кидаетъ безпокойный взглядъ;
Но слѣдъ волны потерянъ въ безднѣ водъ,
И листъ отпавшій вновь не зацвѣтетъ...
Есть демонъ, сокрушитель благъ земныхъ;
Онъ радость намъ даритъ на краткій мигъ,
Чтобы ударъ судьбы сразилъ скорѣй.
Врагъ истины, врагъ неба и людей,
Нашъ слабый духъ ожесточаетъ онъ,
Пока страданья не умчатъ, какъ сонъ,

Все, что мы въ жизни цѣнимъ только разь,—
Все, что ему еще завидно въ насъ...

18.

Противъ Литвы пошелъ великій князь.
Его дружины, мезью воспалась,
Грозятъ полямъ и рощамъ той страны,
Гдѣ загорится пламенный войны.
Желая защищать свои права,
Дрожить за вольность гордая Литва,
И кловы хищныхъ птицъ и зубъ волковъ
Скользятъ ужъ по костямъ ея сыновъ.

19.

И въ русскій станъ, осеннимъ сѣрымъ днемъ,
Явился разь одинъ, безъ слугъ, пѣшкомъ
Боецъ, извѣстный храбростію своей,
И сдѣлался предметомъ всѣхъ рѣчей.
Давно не поднималъ онъ щитъ и шлемъ,
Заржавленный покоемъ... И зачѣмъ
Явился онъ?—Не честь страны родной
Онъ защищать хотѣлъ своей рукой;
И между многихъ вражескихъ сердецъ
Одно лишь поразить хотѣлъ боецъ.

20.

Вдоль по рѣкѣ, съ бѣгушею волпой,
Разносить вѣтеръ бранный шумъ и вой.
Въ широкому полѣ цвѣтъ своихъ дружинъ
Свели сегодня русскій и литвинъ.
Чертой багряной сѣрый небосклонъ
Отъ голубыхъ полей ужъ отдѣленъ;
Темнѣютъ облака на небесахъ,
И вихрь несетъ въ глаза песокъ и прахъ...
Все бой кипитъ, ужъ гнется русскій строй
И, окруженъ отчаянной толпой,
Хотѣлъ бѣжать... Но чей знакомый гласъ
Всѣ души чудной силою потрясъ?...
Явился воинъ: красный плащъ на немъ;
Онъ безъ щита; онъ уронилъ шоломъ.
Вооруженъ сѣкирою стальной,
Престалъ—и врагъ валится, и другой,
Съ запекшею кровью на устахъ,
Упалъ съ нимъ рядомъ... Обнялъ тайный страхъ
Сыновъ Литвы. Ослушные кони
Браздамъ не вѣрятъ. Тщетно бы они
Хотѣли вновь побѣду удержать:
Ихъ гонять, бьютъ,—они должны бѣжать.
Но даже въ бѣгствѣ, обратясь назадъ,
Они ударовъ тяжкихъ сыплютъ градъ.

21.

Арсеній былъ чудесный тотъ боецъ.
Онъ кровью рѣшился, наконецъ,
Огонь въ груди проснувшійся залить.
Онъ ненавидитъ міръ, чтобъ не любить
Одно созданье!.. Кучи мертвецовъ
Вокругъ него простерты безъ щитовъ.
И радостью блистаетъ этотъ взоръ,
Которымъ мезь владѣетъ съ давнихъ поръ.
Арсеній шель, опередивъ своихъ,
Какъ метеоръ межъ облаковъ ночныхъ;
Когда жъ замѣтилъ онъ, что былъ одинъ
Среди жестокихъ, вражескихъ дружинъ,
То было поздно... „Вижу, часъ насталъ!“
Подумалъ онъ, и мечъ его искалъ
Своей послѣдней жертвы. „Это онъ!“

За нимъ воскликнулъ кто-то. Пораженъ,
Арсеній обернулся и хотѣлъ
Проклятье произнести, но не успѣлъ...
Какъ ангелъ брани, въ легкомъ шишакѣ,
Стояла Клара съ саблею въ рукѣ,
И юноши тѣснилися за ней;
И словомъ и движеніемъ очей
Распоряжаясь пылкою толпой,
Она была, казалось, ихъ судьбой;
И, встрѣтивши Арсенія, она
Не вздрогнула, не сдѣлалась блѣдна,
И твердъ былъ голосъ дѣвы молодой,
Когда, взмахнувши бѣлою рукой,
Она сказала: „Вонны, впередъ!
Надежды нѣтъ, куда не падетъ
Надменный этотъ русскій! Передъ нимъ
Они бѣгутъ, но мы не побѣдимъ.
Кто первый мнѣ его покажетъ кровь,
Тому моя рука, моя любовь!“

22.

Арсеній отвернулъ надменный взоръ,
Когда онъ услышалъ свой приговоръ.
„И ты противъ меня!“ воскликнулъ онъ.
Но эта рѣчь была скорѣ стонъ,
Какъ будто сердца лучшая струна
Въ тотъ самый мигъ была оборвана.
Съ презрѣнемъ мечъ свой бросилъ онъ потомъ
И обернулся медленно плащомъ,
Чтобы изъ пихъ никто сказать не смѣлъ,
Что въ часъ конца Арсеній поблѣднѣлъ...
И три копы пронзили эту грудь,
Которой такъ хотѣлось отдохнуть,
Гдѣ столько лѣтъ съ добромъ боролось зло
И, наконецъ, оно превозмогло.
Какъ царь дубравы. гордо онъ упалъ,—
Не вздрогнулъ, не взглянулъ, не закричалъ;
Хотя бѣ молитву или злой упрекъ
Онъ произнесъ; но, нѣтъ, онъ былъ далекъ
Отъ этихъ чувствъ,—онъ вѣкъ счастливый свой
Опередилъ невѣрющей душой.
Онъ кончилъ жизнь съ досадою на челѣ,
Жалѣя, мысля объ одной землѣ;
Свой адъ и рай онъ здѣсь умѣлъ сыскать,—
Другихъ не зная и не хотѣлъ онъ знать...

23.

И опустѣлъ его высокий домъ
И странниковъ не угощаютъ въ немъ;
И дворъ заросъ зеленою травой;
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры; и гладкій полъ
Не скрипнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой, молодой;
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,—
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ. Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все—какъ прежде: лотня у окна,
И вокругъ нея обитая струна;
И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ два странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ.
И, раздувая полоть нарчевой,
Скользятъ по нимъ прохладный вѣтеръ почшой,
Когда сквозь тонкія занавѣсь окна
Глядитъ одна нескромная луна...

24.

Есть монастырь... И тамъ, въ недѣлю разъ,
 За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
 И съ честью, передъ набожной толпой,
 Арсеній поминается порой.
 И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
 Украшенный гербомъ его отцовъ;
 Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
 Съ которымъ славный кончился ихъ родъ.
 Ни свѣжій дернъ, ни пышный мавзолей
 Не тяготить сырыхъ его костей;
 Никто о немъ не плакалъ, лишь одна
 Монахиня.. Богъ знаетъ, кто она...
 Богъ знаетъ, что пришло на мысли ей
 Жалѣть о томъ, кто не жалѣлъ о ней.
 Увы! онъ не любилъ, онъ не жалѣлъ,
 Онъ даже быть любимымъ не хотѣлъ,
 И для нея одной онъ былъ жестокъ...
 Но развѣ лучше поступилъ съ нимъ рокъ?
 И какъ не плакать вѣчно ей о томъ,
 Кто такъ обмануть былъ, съ такимъ умомъ,
 Кто на землѣ съ ней разлученъ судьбой
 И къ счастью не воскреснетъ въ жизни той?..
 Въ печальномъ только сердцѣ можетъ страсть
 Имѣть неограниченную власть.
 Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
 Береза вырастаетъ—молода,
 И зелена, и взоры веселитъ,
 И украшаетъ сумрачный гранитъ;
 И часто отдыхающій пришлецъ
 Груститъ о ней и мыслитъ: наконецъ,
 Порывамъ бурь и зною предана,
 Увянетъ преждевременно она...
 Но что жъ?—Усилья вихря и дождей
 Не могутъ обнажить ея корней,
 И пыльный листъ, встрѣчая жаръ дневной,
 Трепещетъ все на вѣткѣ молодой!..

АНГЕЛЬ СМЕРТИ.

(Восточная повѣсть).

Посвящается А. М. Верещагину.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
 Мой трудъ безвѣстный и простой,
 Но пламенный, но вдохновенный
 Воспоминаежь и—тобой!

Я дни мои влачу тоскуя,
 И, въ сердцѣ образъ твой храня,
 Лишь объ одномъ тебя прошу я:
 Будь ангель смерти для меня.

Явисъ мнѣ въ грозный часъ страданья,
 И поцѣлуй пусть будетъ твой
 Залогомъ близкаго свиданья
 Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

Златой Востокъ, страна чудесъ,
 Страна любви и сладострастья,
 Гдѣ блещетъ роза—дочь небесъ,
 Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
 Гдѣ чище катится рѣка,
 Вольнѣ мчатся облака,
 Пышиѣ вечеръ догораетъ,
 И мѣръ всю прелесть сохраняеть

Тѣхъ дней, когда печатью зла
 Душа людей, по волѣ рока,
 Не обезславлена была.
 Люблю тебя, страна Востока!
 Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
 Свою отчизну; кто видалъ
 Твоихъ красавицъ, не забудетъ
 Надменный пламень ихъ очей,
 И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
 Печальной повѣсти моей.

Есть Ангель Смерти: въ грозный часъ
 Послѣднихъ мукъ и разставанья
 Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
 Но холодны его лобзанья,
 И страшень видъ его для глазъ
 Безсильной жертвы; и невольно
 Онъ заставляетъ трепетать.
 И часто сердцу больно, больно
 Послѣднй вздохъ ему отдать.
 Но прежде людямъ эти встрѣчи
 Казались—сладостный удѣлъ:
 Онъ зналъ таинственные рѣчи,
 Онъ взоромъ утѣшалъ умѣлъ,
 И бурныя смирялъ онъ страсти,
 И было у него во власти
 Большую душу какъ-нибудь
 На мигъ надеждой обмануть.

Равно во всѣ края вселенной
 Являлся Ангель молодой;
 На все, что только прахъ земной,
 Глядѣлъ съ презрѣниемъ нетлѣнный;
 Его приходъ благословенный
 Дышалъ небесной тишиной;
 Лучами тихими блистая,
 Какъ полувочная звѣзда,
 Манилъ онъ смертныхъ иногда,
 И провожалъ онъ къ дверямъ райа
 Толпы освобожденныхъ душъ,
 И самъ былъ счастливъ.—Почему жъ
 Теперь томить его объятье,
 И поцѣлуй его—проклятье?

Недалеко отъ береговъ
 И волнъ ревущихъ океана,
 Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
 Синѣтъ длинный рядъ холмовъ.
 Послѣднй холмъ высокъ и страшень,
 Скалами стѣрами украшенъ,
 И вдался въ море; и на немъ
 Орлы да коршуны гнѣздяты,
 И рыбаки къ нему бояты
 Подъѣхаты въ сумракѣ ночномъ.
 Прикрыта дикими кустами
 На немъ вечера есть одна—
 Жилище змѣй—хладна, темна,
 Какъ умъ, обманутый мечтами,
 Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
 Какъ недосказанный очами
 Убийцы хитраго привѣтъ.
 Ея лампада—мѣсяцъ полный;
 Съ ней говорятъ морскія волны;
 И у отверстія стоятъ
 Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Давнымъ-давно въ ней жилъ изгнанникъ,
 Пришельцъ, юный Зораимъ.
 Онъ на землѣ былъ только странникъ,

Людми и небомъ былъ гонимъ.
 Онъ могъ *) быть счастливъ—но блаженства
 Искаль въ забавахъ онъ пустыхъ,
 Искаль онъ въ людяхъ совершенства,
 А самъ—самъ былъ не лучше ихъ;
 Искаль великаго въ ничтожномъ;
 Страхась надѣяться, жалѣлъ
 О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
 И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
 Повѣрить никому не смѣлъ.
 Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
 И все въ природѣ... и людей...
 Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
 Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
 Но сердца пылкаго не могъ
 Заставить также охладиться:
 Любовь насильства не боится.
 Она—хоть презрѣна—все боги.
 Одно сокровище—святыню
 Имѣлъ подъ небесами онъ:
 Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
 Но что жъ?—Всегда ли вѣренъ сонъ?

На гордыхъ высотахъ Ливана
 Растетъ могильный кипарисъ,
 И вѣтви плеща обвиняетъ
 Вокругъ его прямого стана;
 Пусть вихорь мчитъ и шумитъ
 И сломитъ кипарисъ высокій,—
 Вкругъ кипариса плещъ обвить:
 Онъ не погибнетъ одиноко!...
 Такъ, міру чуждый, Зоранимъ
 Не вовсе бѣденъ—Ада съ нимъ!
 Она рѣзва, какъ лань степная,
 Мила, какъ цвѣтъ душистый рай;
 Все страстно въ ней—и грудь, и станъ;
 Глаза—два солнца южныхъ странъ.
 И дѣвъ было все забавой,
 Покуда не явился ей
 Изгнанникъ блѣдный, величавый,
 Съ холодной дерзостью очей;
 И ей пришло тогда желанье—
 Огонь въ очахъ его родить,
 И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
 Любви безумное страданье.
 И удалось ей. Зоранимъ
 Любилъ—съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
 Судбина ихъ соединила,
 А разлучить—одна могила!...

На синихъ небесахъ луна
 Съ звѣздами дальними сияетъ,
 Лучомъ въ пещеру ударяетъ;
 И беспокойная волна,
 Ночной прохладою полна,
 Утешъ, бѣлѣя, обнимаетъ.
 Я помню—въ этотъ самый часъ
 Обыкновенно нѣжный гласъ,
 Сопровождаемый игрою,
 Звучалъ, теряясь за горою:
 Онъ изъ пещеры выходилъ.
 Какой же демонъ эти звуки
 Волшебной властью усыпилъ?...

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
 Лежитъ на ложѣ смертной муки
 Младая Ада. Вѣтерокъ

*) Въ рукописи подчеркнуто самимъ поэтомъ.

Не освѣжитъ ея ланиты,
 И томный взоръ, полузакрытый,
 Напрасно смотритъ на востокъ,
 И утра ждетъ она напрасно:
 Ей не видать зари прекрасной,
 Она до утра будетъ тамъ,
 Гдѣ солнца ужъ не нужно намъ.

У изголовья пораженный
 Болезнью тайной, Зоранимъ
 Стоитъ—колѣнопреклоненный,
 Тоской отчаянья томимъ.
 Въ рукѣ изгнанника бѣлѣтъ
 Дѣвицы хладная рука,
 И жизни жаръ ее не грѣтъ.
 „Но смерть“, онъ мыслитъ, „не близка!
 Рука—не жизнь; болѣзнь простая—
 Все не кончина роковая!“
 Такъ иногда надежды свѣтъ
 Являетъ то, чего ужъ нѣтъ:
 И намъ хотя не остается
 Для утѣшенья ничего,
 Она надъ сердцемъ все смѣется,
 Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангелъ нѣжный
 Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;
 Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
 И плачь любви... и слабый стонъ...
 И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
 Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.
 Тоску послѣдняго мученья
 Духъ смерти усладить хотѣлъ,
 И на устахъ покорной Ады
 Свой поцѣлуй напечатлѣлъ:
 Онъ дать не могъ другой отрады,
 Или, быть можетъ, Зоранимъ
 Еще замѣченъ не былъ имъ...
 Но скоро, при огнѣ лампы
 Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
 Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
 И Ангелъ Смерти сожалѣнье
 Въ душѣ почувствовалъ святой.
 Скажу ли?—даже въ преступленьи
 Онъ обвинялъ себя порою.
 Онъ отнять все у Зоранима:
 Одна была лишь имъ любима;
 Его любовь была сильнѣй
 Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
 И онъ не плакалъ... Но понятно
 По цвѣту блѣдному чела,
 Что мука смерть превозмогла,
 Хоть потерялъ онъ невозвратно.
 И Ангелъ зналъ—и какъ не знать?—
 Что безнадежности печать
 Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
 Что легче плакать, чѣмъ страдать
 Безъ всякихъ признаковъ страданья!...

И Ангелъ мыслью пораженъ,
 Достойною небесъ: желаетъ
 Вознаградить страдальца онъ.
 Ужель Создатель запрящаетъ
 Несчастныхъ утѣшать людей?
 И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
 Душою ангельской своей.
 И, чудо! кровь въ груди остылой
 Опять волнуется, кипитъ;
 И взоръ, волшебной полонъ силой,

Въ тѣни рѣснищъ ея горить.
 Такъ Ангелъ Смерти съединился
 Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
 Но умъ границамъ подчинился,
 И власть—не та ужъ, какъ была,
 И только въ памяти туманной
 Хранить онъ думы прежнихъ лѣтъ;
 Ихъ появленье Адѣ странно,
 Какъ ночью метеора свѣтъ,
 И ей смѣшна ея безпечность,
 И ей грядущее темно...
 И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
 Соединились всѣ въ одно.
 Желаньямъ друга посвятила
 Она всѣ радости свои,
 Какъ будто смерть и не гасила
 Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!...

Однажды на скалѣ прибрежной,
 Внимая плескъ волны морской,
 Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
 Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
 Лучи вечерніе златили
 Широкой, синій океанъ,
 И видно было сквозь туманъ,
 Какъ паруса вдали бродили.
 Большіе черные глаза
 На друга дѣва устремляла,
 Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
 Казалось, тайная гроза.
 Порой разсѣянные взгляды
 На красный западъ онъ кидалъ,
 И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
 И обратившись къ ней, сказалъ:
 „Нѣтъ! не могу въ пустынь долѣ
 Однообразно дни влачить:
 Я воленъ—по душѣ неволь:
 Ей должно цѣпи раздробить...
 Что жизнь?—давай мнѣ чашу славы,
 Хотя бы въ ней былъ смертный ядъ;
 Я не вздрогну, я выпить радъ:
 Не всѣ ль блаженства—лишь отравы?
 Когда нибудь все долженъ я
 Оставить ношу бытія...
 Скажи, ужель одна могила
 Ничтожный въ мѣрѣ будетъ слѣдъ
 Того, чье сердце столько лѣтъ
 Мысль о ничтожествѣ томила?
 И мнѣ спокойну быть?—о, нѣтъ!...
 Взгляни: за этими горами
 Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами
 Стоять два грозные царя;
 И завтра, только что заря
 Успѣетъ въ облакахъ проснуться,
 Труба войны и звукъ мечей
 Въ пустынь нашей раздадутся.
 И къ одному изъ тѣхъ царей
 Итти, какъ воинъ, я рѣшился;
 Но ты не жди, чтобъ возвратился
 Я побѣжденнымъ,—нѣтъ, скорѣй
 Волна, гонимая волнами
 По безконечности морей,
 Въ приютъ родимыхъ камышей
 Воротится. Но если съ нами
 Побѣда будетъ, я принесть
 Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
 Себѣ оставлю только честь...
 И буду счастливъ, и тогда-то
 Мы заживемъ съ тобой богато...“

Я знаю: никогда любовь
 Геройской мечъ не презирала;
 Но если бѣ даже ты желала...
 Мой другъ, я долженъ видѣть кровь!
 Вѣрь: для меня ничто угрозы
 Судьбы коварной и слѣпой.
 Какъ? ты блѣдишь?... слезы! слезы!
 О чемъ же плакать, ангелъ мой?“
 И ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
 „Видалъ ли ты, какъ отражаетъ
 Ручей склонившійся цвѣтокъ?—
 Когда вода не шевелится,
 Онъ неподвижно въ ней глядится;
 Но если свѣжій вѣтерокъ
 Волну зеленую встревожитъ,
 И всколебается волна,—
 Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
 Не колебаться, какъ она?
 Мою судьбу съ твоей судьбою
 Соединилъ такъ точно рокъ.
 Волна—твоей образъ, мой—цвѣтокъ;
 Ты грустенъ—я грустна съ тобою.
 Какъ знать?—быть можетъ, этотъ часъ
 Последний счастливый для насъ!...“

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
 Отъ миртовъ дышитъ ароматъ?
 Зачѣмъ?... Властители вселенной,
 Природу люди оскверняютъ.
 Цвѣтокъ измятый обгадится
 Ихъ кровью, и стрѣла промчится
 На мѣсто птицы въ небесахъ,
 И солнце отуманитъ прахъ.
 Крикъ побѣдившихъ, стоишь сраженныхъ
 Принудятъ мирныхъ соловьевъ
 Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
 Другихъ долинъ, другихъ кустовъ,
 Гдѣ красный день, какъ ночь, спокоенъ,
 Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
 Не стончетъ розу мрачный воинъ,
 И обгарить не можетъ кровь.

Чу!... топотъ... пыль клубится тучей,
 И вотъ звучитъ труба войны,
 И первый свистъ стрѣлы летучей
 Раздался съ каждой стороны.
 Новорожденное свѣтло
 Съ лазурной неба вышины
 Кровавымъ блескомъ озарило
 Доспѣхи ратные бойцовъ.
 Межъ тѣмъ войска еще сходились
 Все ближе, ближе—и сразились;
 И треску копій и щитовъ,
 Казалось, сами удивились.
 Но мщенье—царь въ душахъ людей
 И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
 Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
 Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
 Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,
 И все тѣснилось. Кровь рѣкой
 Лилась вездѣ, мечи блистали,
 Какъ тѣни, знамена блуждали
 Надъ каждой темною толпой,
 И съ крикомъ смерти роковой
 На трупы трупы упали...
 Но отступаетъ наконецъ
 Одна толпа... и побѣжденный

Уж не противится боецъ,
И по травѣ окровавленной
Скользить испуганный бѣглецъ.
Одинъ лишь воинъ, окруженный
Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ
Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
Вокругъ него была ограда...
И тутъ остался онъ одинъ.
Онъ не былъ царь иль царскій сынъ,
Хоть одаренъ былъ силой взгляда
И гордой важностью чела.—
Но вдругъ коварная стрѣла
Пронзила витязя млада
И шумно навзничъ онъ упалъ,
И кровь струилась... и ни слова
Онъ, упадая, не сказалъ,
Когда побѣдный крикъ раздался,
Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
И мимо смѣлый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
И, грудь высоко подымая,
Боязнь сердце билось въ ней,
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полная печали...
О, Боже! для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славою?
Но Зораиму былъ милъ
Дѣвичей ласки—путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ,
Не вѣдалъ ты, что Ангелъ ибъжный
Оставилъ рай свой безматежный,
Чтобъ сердце Ады оживить;
Что многоихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье.—Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты.
Возможно ль? Ангелъ красоты—
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты?...
Она глядитъ и ждетъ... но что же?
Давно ужъ въ полѣ тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами
Долина битвы устлана...
Увы! гдѣ Ангелъ утѣшенъ?...
Гдѣ вѣстникъ рая молодой?—
Онъ мучимъ страстию земной
И не услышитъ ихъ моленъ!...
Ужъ солнце низко... Ада ждетъ!...
Все тихо вокругъ... онъ все нейдетъ!...

Она спускается въ долину,
И видитъ страшную картину...
Идетъ межъ труповъ, чужъ дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью,
Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
Ея волнуется душа;
Она предчувствовала страшится,
И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала бѣ; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...

—И вотъ недвижна!—Такова
Была бѣ лилея надъ могилой!...
Гдѣ Зораимъ?—Что, если онъ
Убить?—Но чей раздался стонъ?...
Кто этотъ, раненый стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ?...
Онъ мертвыхъ окруженъ грядомъ,
Но часъ кончины и надъ нимъ...
Кто жъ онъ?—Свершилось!—Зораимъ!

„Ты здѣсь? теперь?—и ты ли, Ада?
О! твой приходъ мнѣ не отрада!
Зачѣмъ? Для ужасовъ войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда... что пользы въ этомъ?...
Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь,
И вижу... и приходъ мгновенья,
Когда усну безъ сновидѣнья...
Никто—я самъ тому виной...
Я гибну!—Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку.
Не бойся крови. Дай мнѣ руку:
Я виноватъ передъ тобой.
Прости! ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ, ни крова...
И даже... на груди друга
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?...

Мой другъ! къ чему твои лобзанья
Теперь, столь полная огня?
Они не оживятъ меня
И увеличатъ лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
О, если бѣ, если бѣ я забылъ,
Что въ мѣрѣ есть воспоминанья!
Я чувствую къ груди моей
Все ближе, ближе смертный холодъ...
О, кто бѣ подумалъ! какъ я молодъ!
Какъ много я провелъ бы дней
Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,
Когда бѣ сегодня рокъ жестокой
Не обманулъ надеждъ моихъ!...

Еще въ странѣ моей родимой
Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ—
И громкій подвигъ совершу я,
И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье, торжествуя,
Но...“ Тутъ, какъ арфы дальней звонъ,
Его слова не вняты стали,
Глаза всю яркость потеряли,
И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужъ нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
Что поцѣлуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
Не озаряетъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.
Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда

Явилась въ блескъ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна, какъ всегда,
И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Что на землѣ онъ озаряетъ;
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.
И Зораимъ хотѣлъ напрасно
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать:
Все, все, что можетъ онъ сказать,
Увыло, мрачно, но не страстно.
Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
Ланиты хладныя, какъ ледъ,
Ужъ тихо каплетъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летааетъ коршунъ, гость незваный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвы милой,
Привсталъ—и вздрогнулъ—и вздохнулъ—
И умеръ.—Съ синими губами
И съ поблѣвшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей.

Чья тѣнь прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,
И долго виденъ слѣдъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангелъ Смерти, смертью тлѣнной
Отъ узъ земныхъ освобожденный!...
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ.
Тамъ все, что онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!...

Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:
За гибель *друга* въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ *нему*.
Все тотъ же онъ—и безконечность,
Какъ мысль онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка и даже вѣчность.
Но Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: „состраданья
Они не могутъ заслужить;
Не награжденъ—наказанъ
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть;
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...“
Такъ думалъ онъ—зачѣмъ же нѣтъ?...

Его неизбѣжимой встрѣчи
Боицца каждый съ этихъ поръ.
Тревожатъ насъ, какъ злой укоръ,
Его привѣтственные рѣчи;

Какъ мечъ—его пронзаетъ взоръ;
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье!...

1831 г., сентября 4-го.

А У Л Ъ Б А С Т У Н Д Ж И.

(1831—1832 г.)

посвященіе.

1.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стихъ небрежный:
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ раннихъ лѣтъ кипитъ въ моей крови
Твой жаръ и бурь твоихъ порывъ мятежный;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ—твоей, всегда и всюду твоей!..

2.

Твоихъ вершинъ зубчатые хребты
Меня носили въ царствѣ урагана.
И принималъ меня, лелѣя, ты
Въ объятія изъ сняго тумана.
И я глядѣлъ въ восторгѣ съ высоты,
И надо мной, какъ остовъ великана,
Въ степи, обросшей мохомъ и травой,
Лежали горы грудой вѣковой.

3.

Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
Свивались облака твои сѣдня,
Когда по нимъ, гремя, катился громъ
И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
Пещеры откликнулись кругомъ...
Я понималъ ихъ звуки роковые;
Я въ край надъ снѣжной бѣлою горой
Леталъ на колесницѣ громовой!...

4.

Моей души не понялъ міръ,—ему
Души не надо; въ мракъ ея глубокой,
Какъ вѣчности таинственную тьму,
Ничье живое не проникнетъ око.
И въ ней-то, недоступныя уму,
Живутъ воспоминанья о далекой
Святой землѣ... Ни свѣтъ, ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ... Я—твоей! Я всюду твоей!...“

Часть первая.

1.

Между Машукомъ и Бешту, назвалъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ, горами
Закрывать отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ сброшенныхъ грозой!..

2.

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ;

И въ знойный лѣтний день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ, по волѣ;
И безъ оглядки, съ пикой за спиной,
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орель,
Черта круги, глядитъ на тихій доль.

3.

И тамъ, когда вечерняя заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ,—пустынная змѣя
Изъ-подъ камней тихонько выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ, какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ,
Въ густой травѣ, на полѣ роковомъ.

4.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой объ немъ рассказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвить казаку: „скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?“

5.

Въ аулѣ томъ, безъ ближнихъ и друзей,
Дни проживали два родные брата;
И въ Пятигорьѣ не было грозный
И не было отважнѣй Акбулата.
Меньшой былъ слабъ и нѣженъ съ юныхъ дней;
Какъ цвѣтъ весенній подъ лучомъ заката,
Чуждался битвъ и крови онъ и зла,
Но искра въ немъ таилась и ждала.

6.

Отецъ ихъ былъ убитъ въ чужомъ краю,
А мать Селимъ убилъ своимъ рожденьемъ,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многие кончаютъ, преступленьемъ.
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
Онъ никому не могъ быть утѣшеньемъ;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!...

7.

Онъ росъ одинъ, на волѣ, безъ заботъ.
Какъ птичка межъ землей и небесами.
Блуждая съ дѣтства средь родныхъ высотъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ безбрежный сводъ;
Порой въ степи, застигнутый мечтами,
Одинъ сидитъ до поздней ночи онъ,
И вокругъ него чудесный рѣшетъ сонъ...

8.

А земляки—зачѣмъ, то знаетъ Богъ—
Чуждались ихъ босѣды; особливо
Паслись ихъ кони, и за ихъ порогъ
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селимъ не могъ,
Свой тонкій станъ, высокій и красивый,
Въ бешметъ шелковый праздничный одѣвъ,
Привлечь одной улыбки горныхъ дѣвъ.

9.

Сбиралась ли ватага уральцовъ
Отбить табунъ, иль бранною забавой

Потѣшиться, оставя бѣдный кровъ,
Имъ влѣдъ съ усмѣшкой горькой и лукавой
Смотрѣли братья сумрачны, безъ словъ,
Какъ смотреть облакъ иногда двуглавой,
Застѣвъ межъ скалъ, на свѣтлый бѣгъ луны,
Одинъ исполнить грозной тишины.

10.

Дивились всѣ взаимной ихъ любви,
И не любилъ никто ихъ... оттого ли,
Что никому они дѣла свои
Не повѣряли и надменной воли
Склонить предъ чуждой волей не могли,—
Не знаю; тайна ихъ угрюмой доли
Темнѣе строкъ, начертанныхъ рукой
Прохожаго на плитѣ гробовой...

11.

Была ихъ сакля меньше всѣхъ другихъ,
И съ плоской кровли мохъ висѣлъ зеленой.
Рядкомъ блистали, на стѣнахъ простыхъ,
Арканъ, сѣдло съ насѣчкой вороненой,
Два башлыка, двѣ шашки боевыхъ,
Да два ружья, которыхъ стволъ граненый,
Едва прикрытый шерстянымъ чехломъ,
Былъ законченъ въ дымѣ пороховомъ.

12.

Однажды Акбулата ждалъ Селимъ
Съ охоты. Было поздно. На долину
Туманъ ложился, какъ прозрачный дымъ,
И сквозь него, прорѣзавъ половину
Косматыхъ скалъ, какъ буркою, густымъ
Одѣтыхъ мракомъ,—дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозрѣвалъ задумчивый Бешгу.

13.

Вдали тянулись розовой стѣной,
Прощаясь съ солнцемъ, горы снѣговья;
Машукъ, склоняся лысой головой
Черезъ струи Подкумка голубья,—
Казалось, думалъ тяжкою стопой
Перешагнуть въ владѣнія чужія.
Съ мечети слѣзь мулла. Аулъ дремалъ.
Лишь въ крайней саклѣ огонекъ блисталъ...

14.

И ждетъ Селимъ: сидитъ онъ часъ, и два...
Гуляя въ полѣ, горный вѣтеръ плачетъ
И подъ окномъ колыхнется трава.
Но, чу!... далекий топотъ. Кто-то скачетъ...
Примчался. Фыркнулъ конь, заржалъ... Сперва
Спрыгнувъ одинъ, потомъ другой... Что значить?
То не сайгакъ, не волкъ, не звѣрь лѣсной,—
Онъ прискакалъ съ добычею иной.

15.

И въ саклю молча входитъ Акбулатъ,
Самодовольно взорами сверкая.
Селимъ къ нему: „Ты загулялся, братъ!
И, чай, съ тобой не дичь одна лѣсная“.
И любопытно онъ взглянулъ назадъ,
И видитъ онъ: черкешенка младая
Стоитъ въ дверяхъ, мила, какъ херувимъ,—
И поблѣднѣлъ невольно мой Селимъ.

16.

И въ немъ, какъ будто пробудаясь отъ сна,
Зашевелилось сладостное что-то...

— „Люби её: онъ — моя жена! —
Сказаль тогда Селиму брать. — Охотой
Родной ауль покинула она.
Нашъ бѣдный домъ хранимъ ея заботой
Отнынѣ будетъ. — Зара! вотъ моя
Отчизна, все богатство, вся семья...“

17.

И Зара улыбнулась, и уста
Хотѣли вымолвить слова привѣта,
Но замерли. Вдоль по челу мечта
Промчалось тѣнью. По словамъ поэта,
Казалось, вся она была слита,
Какъ гурія, изъ сумрака и свѣта;
Бѣлѣй и чище раннихъ облаковъ
Являлась грудь, поднявшая покровъ.

18.

Черны глаза у серны молодой,
Но у нея глаза чернѣе были;
Сквозь тѣнь рѣсеницъ, исполнены душой,
Они блаженствомъ сердцу говорили.
Высокій станъ искусною рукой
Быль стройно перетянуть безъ усилий;
Сквозь черный шелкъ витого кушака
Блестало серебро исподтишка.

19.

Змѣбились косы на плечахъ младыхъ,
Оплетены тесемкой золотою,
И мраморъ плечъ, бѣлѣя изъ-подъ нихъ,
Быль разрисованъ жилкой голубою.
Она была прекрасна въ этотъ мигъ,
Прекрасна вольной, дикой простотою,
Какъ южный плодъ румяный, золотой,
Обрызганный душистою росою.

20.

Селимъ смотрѣлъ. Высоко билось въ немъ
Встревоженное сердце страстью новой.
Она горѣла... Пламеннымъ челомъ
Припалъ бы онъ къ груди ея перловой...
Онъ вздрогнулъ, вышелъ, сумраченъ лицомъ,
Кинжалъ рукою стиснувъ... На шелковой
Подушкѣ молча Акбулатъ лежалъ,
Куриль и думаль... О, когда бъ онъ зналъ!...

21.

Промчался день, другой... и много дней.
Они живутъ, какъ прежде, нелюдимо.
Но разъ... шумѣла буря; все чернѣй
Утесы становились. Съ воемъ мимо,
Подобно стаѣ мчащихся звѣрей,
Толпою рѣзвыхъ, жадныхъ псовъ гонимой,
Неслися другъ за другомъ облака,
Косматыя, какъ перья шишака.

22.

Очами Акбулатъ ихъ провожалъ
Задумчиво съ порога сакли бѣдной.
Вдругъ шорохъ. Онъ глядитъ: предъ нимъ
стоятъ
Селимъ безъ шапки, пасмурный и блѣдный;
На поясѣ его висѣлъ кинжалъ;
Рука блуждала по оправѣ мѣдной;
Слова кипѣли смутно на устахъ,
Какъ бьется иѣна въ тѣсныхъ берегахъ.

23.

И юношѣ съ участіемъ живымъ
Брать молвилъ: „Что съ тобой — не понимаю.
Скажи!“ — Я гибну! — отвѣчалъ Селимъ,
Сверкая смутнымъ взоромъ. — Я страдаю,
Одною думой день и ночь томимъ...
Я гибну!... Ты ревнивъ, ты вспылчивъ, — знаю.
Безумца не захочешь ты спасти, —
Такъ я виновенъ... Но... прости, прости!...

24.

„Скажи, тебя обидѣлъ кто-нибудь?...
Обиду злости кровью смить могу я!
Иль конь пропасть?... Забудь о немъ, забудь, —
Въ горахъ коня красивѣе найду я.
Иль отъ любви твоя пылаетъ грудь
И чуждой дѣвы хочешь поцѣлуть?
Ее увезть легко во тьмѣ ночной,
Она — твоя... Но молви: чтѣ съ тобой?“

25.

— „Легко спросить, но тяжело разсказать
И чувствовать!... Молился я Пророку,
Чтобъ ангеламъ велѣлъ онъ ниспослать
Хоть каплю влаги пламенному оку...
Ты видишь, есть ли слезы?... О, не трать
Молитвъ напрасныхъ! Къ яркому Востоку
И Западу зывалъ я; но... въ моей
Душѣ все шевелится грусть, какъ змѣй!...

26.

— Я проклялъ небо. Осѣдлавъ коня,
Пустился въ степь. Безъ цѣли мы блуждали,
Не различалъ ни ночи я, ни дня...
Но велѣдъ за мной мечты мои скакали.
Я гибну, брать... Пойми, спаси меня!
Твоя душа не крѣпче бранной стали...
Когда я былъ ребенкомъ, ты любилъ
Ребенка, — помнишь это, иль забьешь!...

27.

— Послушай: бурно молодость во мнѣ
Кипитъ, какъ жаркій ключъ въ скалахъ Машука!
Но ты... Въ твоей суровой сѣдинѣ
Видна усталость жизни, лѣтъ и скука.
Пускай ты можешь въ полѣ на конѣ
Звенящую стрѣлу бросать изъ лука,
Догнать оленя и врага сразить;
Но... такъ, какъ я, не можешь ты любить!

28.

Не можешь ты безмолвно цѣлѣй часъ
Смотрѣть на взоръ живой, но безответный,
И утопать въ сіяньи милыхъ глазъ,
Тая въ груди, какъ мечь огонь завѣтный!
Обнявши Зару, я видалъ не разъ,
Какъ ты томился скукою примѣтной...
Я бѣ отдалъ жизнь за поцѣлуй одинъ
Прекрасныхъ устъ, но ты — ихъ властелинъ!..“

29.

Какъ облакъ, бурей черною гонимъ,
Сталь мраченъ ликъ суровый Акбулата;
Дрожь пробѣжала по усамъ сѣдымъ,
Взоръ покраснѣлъ, какъ зарево заката.
„Что жъ произнестъ рѣшился ты, Селимъ?!“
Воскликнулъ онъ. Селимъ не слушалъ брата:
Какъ бѣдный рабъ, онъ палъ къ его ногамъ
И волю далъ страданью и мольбамъ...

30.

— Ты видишь, я погибъ... Спасенья нѣтъ...
Отчаянье, любовь—вездѣ, повсюду!...
О, ради прежней дружбы прежнихъ лѣтъ,
Отдай мнѣ Зару, уступи!... Я буду
Твоимъ рабомъ... Послушай: сжался!... Нѣтъ,
Нѣтъ, ты меня, какъ ветхую посуду,
Съ презрѣньемъ гордымъ кинешь за порогъ...
Но... видишь: вотъ — кинжалъ, а тамъ есть
Богъ!...

31.

— Когда бъ хотѣлъ, я бъ могъ давно, повѣрь,
Упиться счастьемъ, презрѣть святое.
Но я подумалъ: нѣтъ, какъ лютый звѣрь,
Онъ растерзаетъ сердце молодое...
И вотъ пришло раскалянье теперь,—
Пришло, но поздно! Я ошибся вдвое...
И я—глупецъ, какъ хочешь, назови—
Одинъ теперь, безъ дружбы и любви!..

32.

Что медлить? Я готовъ. Не размышляя!
Одинъ ударъ и—мы спокойны оба.
Увы, минута съ ней—небесный рай,
Жизнь безъ нея—скучнѣй, страшнѣе гроба!..
Я здѣсь, у ногъ твоихъ... Рѣшишь, иль знай:
Любовь хитрѣй, чѣмъ ревность или злоба.
Я вырву Зару изъ твоихъ когтей.
Она—моя, и быть должна моею!..“

33.

Умолкъ. Влѣднѣй снѣговъ склонился онъ;
Въ очахъ дрожали слезы изступленья;
Межъ губъ слова слились въ невнятный стонъ,
Мучительный, ужасный... Сожалѣнье
Угрюмый братъ почувствовалъ.—„Какъ сонъ,
Пройдетъ,—сказалъ онъ,—время заблужденья!
Есть много звѣздъ—одна другой свѣтлѣй;
Красавицъ много безъ жены моей!

34.

Что далъ мнѣ Богъ, того не уступлю;
А что сказалъ я, то исполню свято.
Пророкъ зрить мысль и слышать рѣчь мою.
Меня не тронутъ ни мольбы, ни злато!“
—„Прощай!.. Но если, если... я люблю,
Люблю ее?—сказалъ Селимъ, объятый
Тоской и злобой.—Я просилъ, скорбѣлъ...
Ты не хотѣлъ... Такъ помни жъ: не хотѣлъ!..“

35.

Его уста скривилъ холодный смѣхъ.
Онъ продолжалъ: „Все кончено отнынѣ!
Нѣтъ для меня ни дружбы, ни утѣхъ...
Благодарю тебя!.. Ты, какъ обь сынѣ,
О мнѣ заботился,—сказалъ не грѣхъ...
По волѣ нѣжилъ ты цвѣтокъ въ пустынь,
По волѣ оборвалъ его листы...
Я буду помнить, помни же и ты!..“

36.

Онъ отвернулся и исчезъ, какъ тѣнь.
Стоялъ недвижимъ Акбулатъ смущенный,
Мрачнѣй, чѣмъ громомъ опаленный пень.
Шумѣла буря. Вѣтромъ наклоненный,
Скрипѣлъ полуразрушенный плетень;
Да иногда, грозою заглушенный,
Изъ бѣдной сакли раздавался вдругъ
Безичной, нѣжной, вольной пѣсни звукъ...

37.

Такъ иногда одна въ степи чужой
Залетная пѣвица, птичка Юга,
Поетъ на вѣткѣ дикой и сухой,
Когда вокругъ шумить, бушуетъ выюга,
И путникъ внемлетъ съ тайною тоской
И думаетъ: то, вѣрно, голосъ друга.
Его душа, живущая въ раю,
Сошла печаль привѣтствовать мою...

38.

Селимъ сѣдлаетъ вѣрнаго коня,
Гребенкой мѣдной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещетъ; крѣпко обвивая
Сѣдло съ конемъ, свѣспились два ремня;
Стремена равны; плетка шелковая
На арчагѣ мотается. Хранить,
Косится конь... Пора! Садись, джигитъ!

39.

Горячъ и статенъ конь твой вороной!
Какъ раскаленный уголь, блещетъ око.
Нога стройна, косматый хвостъ трубой,
И лоснится хребетъ его высокой,
Какъ черный камень, сглаженный волной.
Какъ саранча, легко въ степи широкой
Несется онъ подь ловкимъ сѣдокомъ,
И голосъ твой давно ему знакомъ!..

40.

Вотъ молча на коня вскочилъ Селимъ,
Нагайкою махнулъ, привсталъ немного
На стременахъ... Затрепеталъ подь нимъ
И захрапѣлъ товарищъ быстроногой.
Скачокъ, другой... ноздрями парь, какъ дымъ,
И полетѣлъ знакомою дорогой,
Какъ пыльный листъ, оторванный грозой,
Летитъ, крутясь, по степи голубой!..

41.

Размашисто скакалъ онъ, и кремни,
Какъ брызги, рассыпая, трещали
Подъ звонкими копытами. Они
Сырую землю мѣрно поражали;
И долго велѣдъ ущелія одни
Другъ другу этотъ звукъ передавали,
И въ голубой дали онъ замиралъ,
Какъ будто бѣгъ коня ослабѣвалъ...

42.

Какъ духъ изгнанія, Селимъ исчезъ
За пеленой волнистаго тумана...
У табуна сторожевой черкесь,
Дивясь, долго велѣдъ ему съ кургана
Смотрѣлъ и думалъ: „Много есть чудесь..
Великъ Аллахъ!.. Ужасна власть шайтана!
Кто скажетъ мнѣ, что этого коня
Хозяинъ мрачный—сынъ земли, какъ я?“

Часть вторая.

1.

Межъ виноградныхъ лозъ нагорный ключъ,
Отъ мирнаго аула недалеко,
Бѣжалъ по камнямъ, свѣтель и гремучъ.
Небесъ восточныхъ золотое око

Глядѣлось въ немъ, и плавалъ жаркій лучъ
Въ его волнѣ студеной и глубокой;
И мелкій дождь серебряныхъ цвѣтовъ
Въ него съ прибрежныхъ сыпался деревь.

2.

Въ урочный часъ, когда на водоной
Бѣжитъ къ потоку сернь пугливыхъ стая,
Шума въ листьямъ и травѣ густой,
По склону скалъ черкешенка младая
Идетъ купаться тайною тропой.
Нагую ножку въ воду погружая,
Она дрожитъ, смѣется... и вокругъ
Кидаетъ взглядъ, гдѣ дышитъ страсть и югъ...

3.

Не бойся, Зара,—всюду тишина!
Присядь на камень, сбрось покровъ узорный!
Вода въ ручьи прозрачна, холодна,
Смирить волненья въ груди непокорной
И освѣжить твой смуглый станъ она.
Но, чу!.. Постой!.. Чей это шагъ проворный
Не въ добрый часъ раздался межъ кустовъ?..
Святой Пророкъ!.. Скорѣй, гдѣ твой покровъ?..

4.

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватаетъ руку Зары. Страстенъ, молодецъ
Огонь руки сей... Сакля далека...
Что дѣлать?.. Въ грудь ея смертельный холодъ
Проникъ, какъ пуля мѣткого стрѣлка,
И сердце громко билось въ ней, какъ молоть..
„Селимъ, ты здѣсь?.. Злой духъ тебя принесъ!
Зачѣмъ пришелъ ты?“—„Я?.. Какой вопросъ!..“

5.

—„Селимъ!.. О, я погибла!“—„Можетъ быть;
Такъ что жъ?“—„Ужель ни капли сожалѣнья?
Чего ты хочешь?“—„Я хочу любить,
Хочу! Ты видишь, какъ любви томленье
Меня измучило.. Ахъ, скучно жить,
Какъ звѣрю, одинокимъ,—нѣтъ терпѣнья...
Насталъ послѣдній срокъ! Я снова здѣсь,
Я твой навѣкъ—душой и тѣломъ, весь!..“

6.

—Я зналъ, что вашъ Пророкъ—не мой пророкъ,
Что люди—мнѣ чужіе, а не братья!..
Я странствовалъ въ пустынь одинокъ
И мраченъ, какъ печальный духъ проклятыя.
Безъ страха я давно бѣ въ могилу легъ,
Но холодны сырой земли объятья...
Ахъ, я мечталъ хоть мигъ одинъ заснуть,
Мою главу склонивъ къ тебѣ на грудь!..

7.

—Бѣги со мной!.. Оставь свой бѣдный домъ!
Я молодецъ, свѣжъ.—твой мужъ—старикъ суровый...
Рѣшишь, спѣши: мнѣ тайный путь знакомъ;
Мое ружье вѣрнѣй стрѣлы громовой;
Кинжалъ мой блещетъ гибельнымъ лучемъ;
Моя рука быстрѣй, чѣмъ взглядъ и слово;
И у меня жилище есть въ горахъ,
Гдѣ отыскать насъ можетъ лишь Аллахъ!..

8.

—Мой домъ изрытъ въ разсѣлинахъ скалы.
Въ немъ до меня два барса дружно жили;
Узнавъ пришельца, голоды и злы,
Они, воспринувъ, бросились, завывли...

Я ихъ убилъ, и въ тотъ же день орлы
Кровавые останки растащили;
А шкуры ихъ у входа, по бокамъ,
Висятъ теперь на страхъ другимъ звѣрямъ.

9.

—Тамъ ложе есть изъ моха и цвѣтовъ;
Родникъ бѣжитъ по камнямъ разноцвѣтнымъ,—
Его питаетъ влага облаковъ,
И по дугамъ змѣнится онъ привѣтнымъ...
Бѣги со мной и никому слѣдовъ
Твоихъ не разыскать въ краю завѣтномъ!
И только мѣсяцъ съ солнцемъ золотымъ
Узнаютъ, какъ и кто тобой любимъ!..“

10.

Обнявши станъ ея полунагой,
Едва дыша, склонившись къ ней устами,
Онъ ждалъ отвѣта съ страхомъ и тоской...
Она молчала. Тонкими вѣтвями
Чуть вѣтеръ шелеститъ, и парилъ зной,
И тѣни листьевъ пестрыми рядами
Играли на челѣ ея... Она
Стоитъ недвижная, безъ словъ, блѣдна...

11.

—„Рѣшишь же, Зара,—ждать я не могу!
Ты поблѣднѣла?.. Что такое: слезы?
Но развѣ здѣсь ты предана врагу?
Иль рѣчь любви похожа на угрозы?
Иль ты меня не любишь?.. Нѣтъ, я лгу,—
Твои уста нѣжныи Иранской розы,
Жестокаго не могутъ произнести!..
Пусть нѣтъ въ тебѣ любви, но... жалость есть!..“

12.

—О, какъ бы я былъ счастливъ, какъ богатъ
Подъ звѣздами Аллы одинъ съ тобою!..
Скажи: тебя не любитъ Акбулатъ?
Онъ золь, ревнивъ, онъ пасмуренъ душою
И рѣчь его хладнѣе, чѣмъ булатъ!
Онъ для тебя постылъ!.. Бѣги со мною!..
Но ты качаешь молча головою,—
Не онъ тобой любимъ!.. Такъ кто жъ такой?

13.

—Скорѣй отвѣтствуй, кто онъ,—назови!
Я вытвержу зловѣщее названье.
Я обниму, какъ брата, и... въ крови
Запечатлѣю братское лобзанье.
Кто жъ онъ—счастливецъ, царь твоей любви?
Пускай придетъ, презрѣвъ мое страданье,
При мнѣ тебя и нѣжить, и ласкать!..
Я радъ смотрѣть, клянусь тебѣ—молчать!..“

14.

И онъ склонилъ мятежную главу,
И онъ закрылъ лицо свое руками;
И видно было ей, какъ на траву
Упали двѣ слезы двумя звѣздами.
Безъ смысла и безъ звука наляу—
Какъ бы во снѣ, онъ шевелилъ устами
И, наконецъ, принялъ къ землѣ сырой,
Самъ, какъ земля, холодный и нѣмой!..

15.

И стало жаль Селима ей... И вдругъ
Заговорила голосомъ печали:
„Отецъ мой былъ великій воинъ: Югъ
И Сѣверъ, и Востокъ о немъ слыхали.“

Онъ былъ свирѣпый врагъ, но вѣрный другъ,
И низкой лжи уста его не знали.
Я—дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну, но... не измѣню!

16.

Оставь меня,—я счастлива съ другимъ!
—„Не вѣрю я!.. Ты счастлива?“ — „Конечно“.
—„Онъ мой злодѣй, мой врагъ!“ — „Селимъ!
Селимъ!

Кто жъ виноватъ?.. Скажи, ужели вѣчно
Не примиритесь вы?“ — „Мириться съ нимъ?..
Да кто же я, чтобъ мукою сердечной
Дразнить людей и небо?“ — „Ты жестока!“
—„Какъ быть, такую душу далъ мнѣ рокъ!.. —

17.

—Прощай, — ужъ поздно. — Богъ разсудитъ
насъ!

Но если я съ тобой увижусь снова,
То это будетъ, знай, въ послѣдній разъ!..“
Онъ быстро всталъ и болѣе ни слова
Онъ не сказалъ и скрылся.. День угасъ;
Лишь блѣдный лучъ изъ-за Бешту крутого
Едва скользнулъ прощальной полосой
Вдоль по челу черкешенки молодой.

18.

Селимъ не возвращался. Акбулатъ
Спокоенъ,—онъ не видитъ, что порою
Его жены доселѣ ясный взглядъ
Туманится невольною слезою..
Вотъ разъ съ охоты ѣхалъ онъ назадъ;
Аулъ дремалъ въ тѣни, таея отъ зною;
Сходя съ мечети тихою стоею,
Ему мулла киваетъ головой

19.

И говорить: „Куда спѣшишь, мой сынъ?
Не лучше ли гулять въ широкомъ полѣ?
Черкесъ прямой всегда, вездѣ одинъ
И служить только родинѣ да волѣ!
Черкесъ—землѣ и небу господинъ,
И чуждый врагъ ему не страшень болѣ,
Какъ только онъ, послушавшись меня,
Жену покинулъ и купилъ коня!“

20.

—„Молись Пророку и Аллѣ, мулла,
И не мѣшайся ты въ дѣла чужія;
Твой вѣренъ глазъ,—моя вѣрнѣй стрѣла!
За весь табунъ твой не отдамъ жены я!“ —
Мулла жъ въ отвѣтъ: „Я не желаю зла..
Самъ вспомнишь ты совѣты золотые!“
Смутился Акбулатъ, потупилъ взоръ
И скачетъ онъ скорѣй къ себѣ на дворъ.

21.

Съ дрожащимъ сердцемъ въ саклю входитъ
онъ;
Глядитъ—на ложѣ смятомъ и разрытомъ
Кинжалъ знакомый блещетъ изъ ножонъ..
Любимый конь не ржетъ, не бьетъ копытомъ,
Нейдетъ навстрѣчу Зарѣ... Мертвый сопъ
Повсюду, лишь на очагѣ забытомъ
Сверкаетъ пламень. Онъ невзвидѣлъ дня:
Шѣтъ ни жены, ни лучшаго коня!..

22.

Безъ силъ, безъ думъ, недвижимъ, какъ мерт-
вецъ,
Пронзенный сзади пулею несмѣлой;
Съ открытымъ взоромъ, встрѣтившій конецъ.
Приеѣлъ онъ на порогъ, и что кинѣло
Въ его груди, то знаетъ лишь Творецъ!
Часы бѣжали. Небо потемнѣло;
Съ росой на землю пала тишина;
Изъ тучъ косматыхъ глянула луна.

23.

Блѣдный луны сидѣлъ недвижимъ онъ..
Вдругъ слышитъ топотъ—ближе, все яснѣе,
Вотъ мчится въ полѣ конь; какъ легкій дымъ,
Волною грива хлещетъ вдоль по шеѣ,
И вьется что-то бѣлое надъ нимъ,
Какъ покрывало.. Конь летитъ быстрѣе..
Знакомый бѣгъ... Вотъ близко, прискакалъ,
Но вдругъ затрясая, захрипѣлъ и палъ.

24.

Недвижно, безъ дыханья конь лежитъ..
На немъ, колеблясь, плещетъ покрывало,
По вѣтру развѣваясь, и бѣжитъ
Кровь, чуть примѣтно, струйкой алой..
Къ коню въ смущеннн Акбулатъ спѣшитъ;
Липо надеждой снова заблстало:
„Спасибо, другъ, не выдалъ ты меня!“
И гладитъ онъ издохшаго коня.

25.

Вотъ покрывала бѣлаго конецъ
Нетерпѣливой приподнялъ рукою.
Склонился. Мѣсяцъ свѣтитъ: о, Творецъ!
Чей блѣдный трупъ онъ видитъ предъ собою?
Глубоко въ грудь, какъ скорпионъ, свинецъ
Виился, насытая кровью молодою;
Ремень, обвившій нѣжный станъ кругомъ,
Къ сѣдлу надежнымъ прикрѣпленъ узломъ.

26.

Какъ ранній снѣгъ, бѣла и холодна,
Безчувственно рука ея лежала,
Обрызганная кровью, и луна,
По гладкому челу скользая, играла;
Съ безцвѣтныхъ устъ, какъ слабый призракъ
сна,

Послѣдняя улыбка исчезала
И, опустивъ, рѣсницы бахромой
Бездушный взоръ таила подъ собой.

27.

Узналъ ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой,
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою чарой,
Плѣнялъ еще тому лишь день назадъ?!..
Все стало ясно—и надъ мертвой Зарой
Терзаетъ грудь и рветъ одежды онъ,
Зоветь ее, но... крѣпокъ мертвыхъ сонъ!..

28.

И въ ту же ночь, за часъ передъ зарей,
Съ мечети грянулъ вѣщій звукъ набата.
Народъ сбѣжался: какъ маякъ ночной,
Пылала ярко сакля Акбулата.

Вокругъ нея огонь вился змѣей,
Кидая къ небу съ трескомъ искры злата.
И чей-то смѣхъ, мучительный и злой,
Сквозь дымъ и пламя вылеталъ порой.

29.

И ницъ уялѣ испуганный народъ...
„Молитесь, дѣти!... Это—смѣхъ шайтана!“
Сказалъ мулла таинственно, и вотъ
Какой-то тайный стихъ изъ Алкорана
Залѣлъ онъ громко... Но огонь реветъ
И мечется сильнѣе урагана,
И, не внимая жалобнымъ мольбамъ,
Расходится по крышамъ и стѣнамъ.

30.

И зарево на дальнихъ высотахъ
Трепещущимъ румянцемъ отразилось,
И серна горь, лежавшая въ кустахъ,
Послышавъ крикъ, вздрогнула, пробудилась,—
Ее невольно обнялъ смутный страхъ,—
И быстрымъ бѣгомъ въ горы устремилась;
И, славшіе подъ свѣтло скалы,
Взвилися съ крикомъ дикіе орлы.

31.

Да упадетъ проклятіе людей
На жизнь Селима! Пусть въ степи палящей
Отъ глазъ его сокроется ручей!
Пускай булатъ въ рукѣ его дрожащей
Измѣнитъ въ битвѣ, и въ кругу друзей
Тоска туманитъ взоръ его блестящій!
Пускай одинъ, бродя во тьмѣ ночной,
Онъ чей-то шагъ все слышитъ за собой!

32.

Да упадетъ проклятіе Аллы
На голову убійцы молодого!
Пускай умереть не въ битвѣ—отъ стрѣлы,
А дома—отъ разбойника ночного,
Иль полумертвый на хребтѣ скалы
Три ночи и три дня лежитъ безъ крова!
Пусть зной палитъ, и бьетъ его гроза,
И хищный коршунъ выклюетъ глаза!...

33.

Когда придетъ, покинувъ выси горь,
Его душа къ обѣщанному раю,—
Пускай Пророкъ свой отворотитъ взоръ
И грозно молвитъ: „О, тебя я знаю!...“
Тогда, понявъ язвительный укоръ,
Воскликнетъ онъ: „Прости мнѣ, умоляю!...“
И снова скажетъ грѣшнику Пророкъ:
„Ты былъ жестокъ—и я съ тобой жестокъ!“

34.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ;
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь иногда, въ туманный день, черкесь,
О немъ вздохнувъ, рассказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ... И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: „Скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?...“

К А Л Л Ы *).

(Черкесская повѣсть).

1831—1832.

'T is the clime of the East: 't is the land of
[the Sun—
Can he smile on such deeds as his children
have done?
Oh! wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the tales
which they tell.
(The Bride of Abydos). Byron **).

I.

„Теперь настала урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты—Божій гласъ;
Клянись имъ слѣдовать душою...
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ
И отомстить за пораженныхъ.
Итъ, не тебѣ принадлежать
Твои часы отъ дня рожденья:
Ты на землѣ—орудіе мщенья,
Палачъ, а жертва—Абулатъ...
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибал,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ!
Такъ будь же ты суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой,—
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣяства
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный и—поди!“
Такъ говорилъ мулла жестокій,
А кабардинецъ черноокий,
Безмолвно чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но чуждый страха,—онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

II.

Погаснулъ день. Угрюмо бродитъ
Аджи вокругъ сакли... Ужъ давно
Въ горахъ все тихо и темно.
Луна, какъ яркое пятно,

*) Черкесскій убійца. М. Л.

**) Тотъ край—Востокъ, то—солнца сторона!
Въ ней дышитъ все божественной красою;
Но люди тамъ все безжалостной душою...
Земля, какъ рай... Увы! зачѣмъ она—
Прекрасная—злодѣямъ предана?
Въ ихъ сердцахъ—мести, ихъ повѣсти печальны,
Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй прощальный.
Байронъ: „Повѣста Абидосская“ (перев.
Козлова).

Изъ тучки въ тучку переходитъ:
 То въ ней померкнетъ, то блеснетъ.
 Какъ призракъ, юноша ползетъ
 Беззвучно къ вражью порогу,
 Кинжалъ изъ кожаныхъ ноженъ
 Освобождаетъ понемногу—
 И вотъ дыханье слышитъ онъ...
 Аджи недолго разсуждаетъ:
 Врагу заснувшему онъ въ грудь
 Кинжалъ убійственный вонзаетъ,
 И въ ней спѣшитъ перевернуть.
 Кому убійцей быть судьбина
 Велитъ, тотъ будь имъ до конца...
 Одинъ погибъ; но съ кровью сына
 Смѣшать спѣшитъ онъ кровь отца.
 Предъ нимъ старикъ: власы сѣдые,
 Черты открытаго лица
 Спокойны, и усы большіе
 Уста закрыли бахромой;
 Какъ на молитву сжаты руки...
 Зачѣмъ ты взоръ потунилъ свой,
 Аджи? Не совѣсти ли мучи
 Ты слышишь?... Вновь взмахнулъ рукою—
 И съ ложа внизъ, окровавленный,
 Скатился медленно старикъ,
 Сталъ неподвиженъ блѣдный ликъ,
 Лобзаньемъ смерти искаженный...
 Но мщенья не свершенъ завѣтъ,—
 Еще послѣдней жертвы пѣтъ...
 Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышитъ,
 Но не встрѣчаетъ ничего;
 И только сердца своего
 Бѣненъ трепетное слышитъ.
 А гдѣ жъ она?... Ужели пѣтъ?—
 Жила же дочка съ Акбулатомъ!
 И ждетъ ее въ семнадцать лѣтъ
 Одна судьба съ отцомъ и братомъ...
 И вотъ дупы скользящій свѣтъ
 Проникнулъ въ сакло, озаряя
 Два трупа на полу сыромъ
 И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
 Спала лезгинка молодая.

III.

Мила, какъ сонный херувимъ,
 Передъ убійцею своимъ
 Она, раскинувшись небрежно,
 Лежала; только сонъ мятежный,
 Волнуя дѣвственную грудь,
 Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
 И вотъ, исполнены томленья,
 Открылись черные глаза
 И—тайный призракъ упоенья—
 Блестала ярко въ нихъ слеза;
 Но, не страхнувши грезы ночи,
 Мгновенно вновь сомкнулись очи.
 Увы, ни радость, ни любовь,
 Ни грусть ихъ не откроятъ вновь...
 Аджи глядитъ, и въ думахъ тонетъ
 Его душа... Урочный часъ!..
 Раздался стонъ... Кто такъ простонетъ,
 Тотъ простоналъ въ послѣдній разъ.
 Кому жъ пришлось такіе звуки
 Услышать,—ихъ не позабыть,
 И никогда не заглушить
 Воспоминанья тяжкой муки.

IV.

Сидитъ мулла среди ковровъ,
 Добытыхъ въ Персіи счастливымъ,

И въ дымкѣ легкихъ облаковъ
 Кальянъ свой куритъ онъ лѣнливо...
 Вдругъ слышитъ быстрый шумъ шаговъ:
 Въ крови, съ зловѣщими очами,
 Аджи явился молодой;
 Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой—
 Окаймлена волосъ волнами
 Лезгинки юной голова.
 „Свершилось! Вотъ тебѣ, мулла,
 Подарокъ... Какъ вѣрны удары
 Мои!..—Аджи ему сказалъ.—
 Ну, что жъ, узналъ, узналъ ли старій?..“
 И взмахъ руки—и ужъ торчалъ
 Въ груди дымящійся кинжалъ.

V.

На вышинѣ горы священной,
 Вечернимъ солнцемъ озаренный,
 Какъ одинокой часовой,
 Бѣлѣетъ памятникъ простой:
 Изъ камня столбикъ округленный,
 Чалмы подобіе на немъ *);
 Шиповникъ стелется кругомъ...
 Оттуда синія пустыни
 И гребни самыхъ дальнихъ горъ—
 Свободы вѣчныя твердыни—
 Пришельца открываетъ взоръ.
 Забывши міръ и имъ забытый,
 Рукою дружеской зарытый,
 Подъ этимъ камнемъ спитъ мулла
 И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
 Другого любить безъ боязни
 Его любимая жена,
 И не боится тайной казни,
 Ни мщенья ревности она.

VI.

И слѣдъ Аджи простылъ... Катился
 За годомъ годъ, и вотъ въ горахъ
 Абрекъ чужой всѣмъ повидяся,
 Вселяя суевѣрный страхъ.
 Какъ звѣрь онъ отъ толпы тайлся,
 Встрѣчаться съ женщиной не могъ,—
 Быть можетъ, совѣсти упрекъ
 Въ ея чертахъ найти страшился...
 Слѣды страданья и тревогъ
 Не укрывались отъ вниманья:
 Подъ башлыкомъ упорный взоръ
 Внушалъ лишь страхъ... Ни состраданья,
 Ни сожалѣнья—лишь укоръ
 Судьбѣ читался въ немъ... Никто
 Не признавалъ въ Абрекѣ друга,—
 Онъ поражалъ, какъ бичъ недуга...
 Встрѣчалъ ли ночью онъ кого,
 Встрѣчалъ ли днемъ,—всегда его
 Всѣ сторонились, избѣгали,
 Какъ дней проклятья иль печали.
 Ему открытъ былъ всюду путь...
 Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
 Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
 Толпы болтливое вниманье.
 И зналъ одинъ онъ, почему
 Каллы ужасное прозванье
 Въ горахъ присвоили ему.

*) Эти могильные столбики въ изобиліи разсѣяны по Кавказу. Они ставятся на выдающихся, видныхъ скалахъ и возвышенностяхъ или же на самомъ мѣстѣ преступленія. Подъ ними зарываются убитые, требующіе кроваваго отомщенія.

МОНГО.

1835—1836.

Въ этой шуточной поэмѣ Лермонтовъ описываетъ себя подъ школьнымъ именемъ „Маёшки“, а своего друга Ал. Столыпина подъ именемъ „Монго“. Они изъ Краснаго села верхами пробрались на дачу, гдѣ жила балерина Пименова.

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ дорогой столбовой
Летать, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ.
Одинъ—высокъ и худоцавъ—
Кобылу сърую собравъ,
То горячить нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Маль и широкъ въ плечахъ другой...
Храля, мотаеъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ—
Степей башкирскихъ сынъ счастливый...
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Коней приѣзженныхъ размахомъ
Они любятся порой,
И рѣчь ведутъ между собой:
— Монго, послушай—тутъ направо!
Осталось только три версты!..
— Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
Грозятъ и смотря такъ лукаво.
— Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучитъ это приключенье!
Вѣдь завтра въ шесть часовъ учеень!
— Нѣтъ, въ семь—я самъ читалъ приказъ!

Но прежде надо вамъ, читатель,
Героевъ показать портреты:
Монго—повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель—
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ—
Флегматикъ съ бурными усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами;
Ходилъ немывтый цѣлый день;
Носилъ фуражку набекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулъся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патриотъ.
Но, если вы когда ѣзжали
Смотрѣть російскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ..
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ—
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ обиженной его.

Маёшка былъ такихъ же правилъ:
Онъ дѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,

Хотя и дома былъ безъ дѣла:
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его,
И не щадилъ онъ никого.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый—вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ—на пирахъ.
Характеръ вовсе бесполезный
И для друзей, и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ—онъ былъ таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ—
Изжогой мучимъ огневой.
Приюты нѣги и прохлады,
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ—
Мелькаютъ въ рядъ изъ-за огады
Разнообразные фасады
И кровли пестрыя домовъ
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ—и онъ отъ вѣка
Зовется *Краснымъ Кабачкомъ*,
И тамъ—для блага человека—
Построены сумасшедшихъ домъ.
Вблизи приютъ себѣ смиренный
Актриса юная нашла.
Краса и честь балетной сцены
На *(посеченнѣ)* была.
N. N., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожилъ,
Безъ объясненій, безъ признаній
[*Ее по-своему любилъ*].
— Мой другъ!—ему я говорилъ:
Ты не въ свои садись са ни;
Актрисой вздумалъ управлять!
Ну, гдѣ тебѣ?

Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ.
Они стоятъ въ густой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ;
И вотъ тропинкой потаенной
Они къ калиткѣ отдаленной
Спѣшатъ, подобно двумъ ворамя.
На землю сумракъ ниспадаетъ,
Сквозь вѣтви брезжетъ лунный свѣтъ,
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполетъ.
Впередъ отправился Маёшка,
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесь,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ—
Судьба окончитъ остальное.

Облокотившись у окна,
Меж тѣмъ актриса молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно, и, зѣвая,
Такъ, тихо, думала она:
Чудна судьба! о томъ ни слова:
На матушкѣ моей чепецъ
Фасона самага дурного,
И мой отецъ—простой кузнецъ;
А я—на шелковомъ диванѣ
Бѣмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
На сценѣ—знаю ужъ заранѣ—
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
Теперь со мной плохія шутки—
Меня сударыней зовутъ,
И за меня три раза въ сутки
Каналью повара дерутъ.
Мой Ріегге не слишкомъ интересенъ,
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любитъ смѣху онъ, ни пѣсенъ,
Зато богатъ и глупъ...
Теперь не то, что было въ школѣ:
Бѣмъ за троихъ, порой и болѣ,
И за обѣдамъ нью лонель.
А въ школѣ, Боже! вотъ мученье!
Днемъ—танцы, выправка, ученье,
А ночью—жесткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,
Бренчить ужъ въ залѣ фортепьяно,
Поютъ всѣ врозь, трещить въ ухахъ:
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь какъ аистъ на часахъ.
Флѣри хлопочетъ, бьетъ тревогу...
Но вотъ одиннадцатый часъ—
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры
Стоять всѣ въ рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь,
Зато, вернулись лишь домой—
Директоръ поретъ на убой!
Ни взглядъ не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй;
А самъ—прости ему, Всевышній!—
Вѣдь ужъ какой

Но тутъ въ окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маѣшка.
„Что это значитъ, господа?
И кто васъ звалъ прійти сюда?
Ворваться къ дѣвушкамъ—безчестно!“
— Намъ, право, это очень лестно!..
„Я васъ прошу: подите прочь!“
— Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы...
„Вы неучи!“—Вы очень милы!—
„Чего хотите вы теперь?
Ей-Богу, я не понимаю!“
— Мы просимъ только чашку чаю!
„Панфишка, отвори имъ дверь!“

Поклонъ отвѣсивши превизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,

Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала кочки намеки,
Воспоминанія, упреки,
Ну, словомъ, весь любезный вздоръ...
И нѣжный вздохъ прилично-томный
Порхнулъ изъ груди молодой...
.

Маѣшка, другъ великодушный,
Застѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастье намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье

(Быть) адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонеромъ
Или кадровымъ офицеромъ.
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ.

Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ...
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерывается
На дворъ влетѣвшій экипажъ:
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка—
Неотразимый гнѣвъ боговъ!..
То былъ N. N. съ своею свитой:
Степаномъ, Федоромъ, Пикитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ...
Идутъ, шумятъ, орутъ.—Соломъ!
Всѣ пьяны, прямо изъ трактира
И на устахъ (о, стыдъ сказать!)...
Но нѣтъ, постой, умолкни лира!
Тебѣ ль, поклонницѣ мундира,
Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать?

Въ истерикѣ младая дѣва:
Какъ защититься ей отъ гнѣва,
Куда гостей своихъ дѣвать—
Подъ столъ, въ комодъ или подъ кровать!
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью,
(Полны картонки) подъ кроватью...
Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы;
Но въ мигъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ—и были таковы!..
. *)

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбыя и любви,
Повѣсы на коней вскочили,
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ,
Они порою спотыкались,

*) Точки въ рукописи.

И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда же въ комнатѣ дежурной
Они сошлись поутру,
Воспомявъ ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ много шутокъ, смѣху было,
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило...

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами;
А вы не можете ль, друзья,
Правуюченье сдѣлать сами...

С А Ш К А.

„Нравственная поэма“.

1835—1836.

I.

Нашъ вѣкъ смѣшенъ и жалокъ,—все пиши
Ему про казни, цѣпи, да изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любить,
Кто дни свои воспоминаемъ губить.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
И видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазамъ;
Но нынче я не тотъ ужъ, какъ бывало,—
Пою смѣясь.—Герой мой добрый малый.

II.

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ
хлопотъ,
Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился;
Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ,
Но я за то нимало не сердился
И поступалъ не лучше въ свой чередъ;
Печалень ли, бывало, тотчасъ скажетъ,
Когда же весель, счастливъ—глазъ не кажетъ.
Не разъ отъ скуки онъ свои мечты
Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ ты;
Хвалилъ во мнѣ, что прочіе хвалили,
И былъ мой вѣчный визави въ кадрили.

III.

Онъ былъ мой другъ. Ужъ нѣтъ такихъ дру-
зей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Не тронута никѣмъ, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Тайнственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слышавшихъ не понялъ ни единый.

IV.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Название ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,—

Какъ разгадать? Что можетъ въ часъ такой
Наполнить сердце, жившее такъ много
И такъ недолго съ смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять
И нынѣ можетъ, долженъ рассказать
Твои мечты, дѣла и приключенья—
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V.

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!
Кто бъ ни былъ ты: внукъ Евы или Адама,
Разумникъ ли, шалуны ли молодой,—
Картина будетъ; это—только рама!
Отъ правилъ, утвержденныхъ старинной,
Не отступлю,—я уважаю строго
Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
Не правда ль, кто не старъ въ 18-ть лѣтъ,
Тотъ вѣрно не видалъ людей и свѣтъ,—
О наслажденьяхъ знаетъ лишь какъ слухъ
И самъ лишь ѣсть и пьеть да давить мухъ?

VI.

Герой нашъ былъ москвичъ, и потому
Я врагъ Невы и невскому туману.
Тамъ [я весь міръ въ свидѣтели возьму]
Веселье вредно русскому карману,
Занятія вредны русскому уму.
Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
Москва—не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Тамъ я впервые въ дни надеждъ и счастья
Былъ боленъ отъ любви и любовнаго страстья.

VII.

Москва, Москва!.. люблю тебя какъ сынъ,
Какъ русскій,—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣряться главою и—обманомъ
Тебя низвергнуть! Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ!
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.

VIII.

Ты живъ!.. Ты живъ и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало, я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ верхомъ, низомъ
Кружатся, вьются, чуждыя людей.
И я, такъ полный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безызвѣстной,
Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX.

Я не философъ—Боже сохрани!—
И не мечтатель. За полетомъ пташки
Я не гонюсь, хотя въ былые дни
Не вовсе чуждъ былъ глупой сей замашки.
Ну, муза,—ну, скорѣе,—разверни
Залочканный листокъ свой подорожный!
Не завирайся,—тутъ зноятъ безбожный...
Куда теперь намъ ѣхать изъ Кремля?

Воротъ въдъ много, велика земля!
Куда?—„На Ирѣсно погоний, извозчикъ!“—
„Старуха, прочь!.. Сворачивай, разносчикъ!“

X.

Луна катится въ зимнихъ облакахъ,
Какъ щитъ варяжскій или сыръ голландскій.
Сравненье дерзко, но люблю я страхъ
Всѣ дерзости, по вольности дворянской.
Спокойствія рачитель на часахъ
У будки пробудился, восклицая:
„Кто ѣдетъ?“—„Муза!“—„Что за чортъ! Какая?“
Отвѣта нѣтъ. Но вотъ уже пруды...
Бѣлѣтъ мостъ, по сторонамъ сады
Подъ инеемъ пушистымъ спятъ унылы;
Луна сребритъ желѣзныя перилы.

XI.

Гуляка праздный, пьяный молодець,
Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
Держась за нихъ, бредеть—и вотъ конецъ
Периламъ.—„Все направо!“—Заскрипѣли
Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
По мрамору... Лацуги цѣпью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
„Держи къ воротамъ... Стой,—сугробъ глубока!..
Пойдемъ по снѣгу, муза, только тише,
И платье подними какъ можно выше“.

XII.

Калитка—скрипъ... Дворъ темень. По доскамъ
Ити неловко... Вотъ, насили, сынъ
И лѣстница; но снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожащія ступени
Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
Взошли. Толкнули дверь—и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: „что угодно вамъ?“
Но, услышавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...

XIII.

Но, несмотря на это, мы взойдемъ:
Вы знаете, для музы и поэта,
Какъ для хромого бѣса, каждый домъ
Имѣетъ входъ особый; ни секрета,
Ни запрещенья нѣтъ для насъ ни въ чемъ...
У столика, въ одномъ углу свѣтлицы,
Сидѣли двѣ... дѣвицы—не дѣвицы...
Красавицы... название тутъ какъ разъ!..
Чѣмъ выгоднѣй, узнать прошу я васъ
Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и въ столицѣ,
Красавицею быть или дѣвицей?

XIV

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывали карты и гадали
О будущемъ; и умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды:—то, что мы и всѣ видали.
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
И часто, всыхнувъ, лучъ ей мгновенный
Вдругъ обливалъ и потолокъ, и стѣны.
Въ углу переднемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ,
И верба, наклоненная надъ ними,
Блестала вдругъ листьями золотыми.

XV.

Одна изъ нихъ [красавицъ] не виолнѣ
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
И то заснувъ—о небесахъ мечтая!
Слегка головку приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
Она сидѣла нѣсколько небрежно.
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое „нѣтъ“ или „да“
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

XVI.

Она была затѣйливо мила,
Какъ польская затѣйливая панна;
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличень. Какъ Сусанна,
Она бъ на судъ неправедный пошла
Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взоромъ.
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ.
Вы въ томъ должны повѣрить мнѣ въ кредитъ.
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ,
И мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
И жи тутъ нѣтъ, какъ въ томъ, что мы—варяги.

XVII.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
Ея отецъ служилъ у насъ шпиономъ
И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ, вдоль по бастионамъ,
Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ.
И многіе вздохнувъ, еказали: „жалкій,
Несчастный жидъ, — онъ умеръ не подъ пал-
кой!“

Его жена пять мѣсяцевъ спустя
Произвела на Божій свѣтъ дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по волѣ одного корнета.

XVIII.

Подъ рубищемъ простымъ она росла,
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая,
Проходимъ не замѣчена,—ни зла,
Ни гордой добродѣтели не зная.
По часъ настала,—пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказалъ два слова:
Она въ объятія божества земного
Упала; но—увы! прошло дней шесть,
Ужъ полубогъ успѣлъ ей надоѣсть;
И съ этихъ поръ, чтобъ избѣжать ошибки,
Она дарила всѣмъ свои улыбки...

XIX.

Мечты любви умчались, какъ туманъ.
Свобода стала ей всего дороже.
Обманомъ сердце платить за обманъ
(Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже).
Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ
Изображался рѣзко. Не наемный
Огонь горѣлъ въ очахъ, безъ цѣли томно;
Покрываютъ свѣтлой влагой иногда,
Они блуждали: такъ порой звѣзда
По небесамъ блуждаетъ,—и, конечно,
Быль это знакъ тоски нѣмой, сердечной.

XX.

Безвѣстная печаль смѣнялась вдругъ
Какою-то веселостью недужной..

(Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ!)
Волной вставала грудь, и пламень южный
Въ ланитахъ рдѣлъ, и бѣлый полукругъ
Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локонъ и на ликъ молодой
Лоснясь катился черною струей;
И ножка, разрѣзваясь, не зная плѣна,
Безстыдно обнажалась до колѣна.

XXI.

Когда шалунья навзничь на кровать,
Шумя, смѣясь, роскошно упала,
Поспору: мудро ея понять,—
Она сама себя не понимала,—
Ей было трудно сердцу приказать.
Какъ баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь съ невѣдомою силой
Явиться и привѣтливой душой
Его согрѣть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаемъ,
Все это мы со временемъ узнаемъ.

XXII.

Теперь къ ея подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались во едину
И мысли ихъ встрѣчались во всемъ.
О, если бъ знали, сколько въ этомъ званѣхъ
Сердечъ отличныхъ, добрыхъ! Но вниманье
Увлечено блистаньемъ модныхъ дамъ.
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...
Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть ихъ... въ кредитъ изъ модной
лавки!

XXIII.

Она была свѣжа, бѣла, кругла,
Какъ снѣжный шарикъ; щеки, грудь и шея,
Когда она смѣялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснѣя,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидѣла юбка; но плутовка
Поднять умѣла грудь, открыть плечо,
Ласкать умѣла буйно, горячо,
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

XXIV.

Она звалась Варюшей... Но я
Желалъ бы дать другое ей название:
Скажу, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя;
И ползаетъ, какъ та среди развалицъ,
По жиламъ сердца. Я тогда печаленъ,
Сердичъ,—молчу или браню весь домъ,
И радъ прибить за слово чубукомъ.
Итакъ, для избѣжанья зла, мы нашу
Варюшу здѣсь перекрестимъ въ Парашу.

XXV.

Увы, минувшихъ лѣтъ безумный сонъ
Со смѣхомъ повторить не смѣетъ лира!
Живой водой печали окропленъ,
Какъ трупъ давно застывшаго вампира,
Грозя перстомъ, подняла молча онъ,
И мысль къ нему прикована... Ужели

Въ моей груди изгладить не успѣли
Столь много лѣтъ и столько мукъ иныхъ—
Волшебный станъ и пару глазъ большихъ?
Хоть, признаюсь вамъ, разбирая строго,
Получше ихъ видалъ я послѣ много.

XXVI.

Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
Съ тѣхъ поръ отяготѣло надо мною;
Но перваго восторга чудный звукъ
Въ груди не умираетъ,—и порою,
Сквозь облако заботъ, когда недугъ
Мой слабый умъ томить неугомонно,
Ея глаза мнѣ свѣтятъ благосклонно.
Такъ въ часъ ночной, когда гроза шумитъ
И бродятъ облака,—звѣзда горитъ
Въ дали эфирной, не боясь ихъ злости,
И шлетъ свои лучи на землю въ гости.

XXVII.

Предъ нагорѣвшей салюною свѣчой
Красавицы раздумавшись сидѣли,
И заставляя ихъ вздрагивать порой
Унылый свистъ играющей метели.
И какъ и вамъ, читатель милый мой,
Имъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знака
Условнаго, залаяла собака
И у калитки брякнуло кольцо.
Вотъ чей-то голосъ... Идутъ на крыльцо...
Параша потянулась и зѣвнула
Такъ, что едва не бухнулась со стула.

XXVIII.

А Тирза быстро выбѣжала вопъ.
Открылась дверь. Въ плащѣ, закиданъ снѣгомъ,
Явился гость... Насмѣшливый поклонъ
Отвѣсилъ и, какъ будто долгимъ бѣгомъ
Или волненьемъ былъ онъ утомленъ,
Упалъ на стулъ... Заботливой рукою
Сняла Параша плащъ, потомъ другою
Страхнула иней съ шелковыхъ кудрей
Пришельца. Видно, нравился онъ ей...
Все нравится, что молодо, красиво,
И въ чемъ мы видимъ прибыль особливо.

XXIX.

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
Изящно былъ причесанъ и такъ далѣ.
На пальцахъ перстни изливали свѣтъ
И галстукъ надушонъ былъ, какъ на балѣ.
Ему едва ли было двадцать лѣтъ,
Но блѣдностью казались покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты
(Не знаю, мукъ иль буръ послѣднихъ слѣдъ,
Но мнѣ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ)—
И на устахъ его, опаснѣй жала
Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала.

XXX.

Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошемъ, то-есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился, что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ бесплодно на паркетѣ;
Въ глазахъ его открытыхъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюденій дальнихъ
Презрѣнье, гордость хоть онъ не былъ гордъ,
Какъ глупый турокъ, иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ.

XXXI.

Борьба рождает гордость. Воевать
Съ людскими предразсудками труднѣ,
Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
Иль со штыкомъ на вражьей батарей
За бѣлый крестикъ жизнью рисковать...
Клянусь, имѣть великій надо геній,
Чтобъ разомъ сбросить цѣнь предубѣждений,
Какъ сбросилъ бы я платье, если бь вдругъ
Изъ сѣвера Всевышній сдѣлалъ югъ.
Но нынѣ насъ противное пугаетъ:
Неаполь мерзнетъ, а Нева не таетъ.

XXXII.

Да кто же этотъ гость?... Pardon, сейчасъ!..
Разсѣянность... Messieurs, рекомендую:
Герой мой, другъ мой—Сашка!.. Жаль для насъ,
Что случай свелъ въ минуту васъ такую
И въ этомъ мѣстѣ... Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье.
Я говорилъ,—онъ слушалъ, онъ былъ весь
Вниманье... Глядь, а вечеромъ ужъ здѣсь!..
И я нашель, что мнѣ его исправить
Труднѣ въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить.

XXXIII.

Герой мой Сашка тихо развязалъ
Свой галстукъ... „Сашка“—старое названье!
Но „Сашка“ тотъ печати не видалъ
И незрѣвшій онъ угасъ въ изгнаньѣ *).
Мой Сашка межъ друзей своихъ не зналъ
Другого имя,—дурно ль, хорошо ли,
Разувѣрять друзей не въ нашей волѣ.
Онъ галстукъ снялъ, разсѣянно перстомъ
Провелъ по лбу, поморщился, потомъ
Спросилъ: „Гдѣ Тирза?“—„Дома“— „Что жъ не
видно
Ея?“—„Уснула“.—„Какъ ей спать не стыдно!“

XXXIV.

И онъ посѣбно входитъ въ тотъ покой,
Гдѣ часто съ Тирзой пламенные ночи
Онъ проводилъ... Все полно тишиной
И сумракомъ волшебнымъ; прямо въ очи
Недвижно смотритъ мѣсяць золотой
И на столѣ въ узоры ледяные
Кидаеть искры, блески огневые,
И голубымъ сіяніемъ стѣна
Игриво и свѣтло озарена.
И онъ—(не мѣсяць), но мой Сашка,—слышитъ,
Въ углу на ложѣ кто-то слабо дышитъ.

XXXV.

Онъ руку протянулъ,—его рука
Попала въ стѣну; протянулъ другую,—
Ощупалъ тихо кончикъ башмачка,
Схватилъ потомъ и ножку, но какую?!.
Такъ миньяторна, такъ нѣжна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумалъ онъ, не сдѣлалъ ли ей больно.
.....
.....**)

*) Рѣчь идетъ о поэмѣ Полежаева „Сашка“, да и о немъ самомъ, котораго тоже звали Александромъ и Сашкой.

**) Точками замѣнены мѣста, по своему содержанию неудобныя къ печати.

XXXVI.

Блаженная минута!.. Закипѣлъ
Мой Александръ, склонившись къ дѣвѣ спящей,
Онъ поцѣлуй на грудь напечатлѣлъ
И стань ея обвилъ рукой дрожащей.
Въ самозабвеньи шлыккомъ онъ не смѣлъ
Дохнуть... Онъ думалъ: „Тирза дорогая!
И жизнь и чувствами играя,
Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей,—
Какъ ты, одинъ съ свободой моей
Не знаю въ людяхъ ни врага, ни друга,—
Живу, чтобъ жить какъ ты, моя подруга!

XXXVII.

„Судьба вчера свела случайно насъ,
Случай завтра разведетъ навѣчно.—
Не все ль равно, что годъ, что день, что часъ,
Лишь только бь я провелъ его безпечно?..“
И не сводилъ онъ яркихъ черныхъ глазъ
Съ своей жидовки и не зналъ, казалось,
Что рѣзвое созданье притворялось.
Межъ тѣмъ почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Какъ надлежало... Страхъ и удивленье
Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье.

XXXVIII.

И, прежде потеревъ глаза рукой,
Она спросила: „Кто вы?“—„Я, твой Саша!“—
„Неужто?.. Видишь, баловникъ какой!
Ступай, давно тамъ ждеть тебя Параша!
Нѣтъ, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу“. И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это былъ скорѣе поцѣлуй.
Да, мерзкій критикъ, что ты не толкуй,
А есть уста, которые украдкой
Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!..

XXXIX.

Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
То вѣрно бь свой престолъ украсилъ ею,—
У ногъ ея и царство, и законъ,
И славу позабылъ бы... Но не смѣю
Васъ увѣрять затѣмъ, что не рожденъ
Владыкой и не знаю въ низкой долѣ,
Какъ люди цѣнятъ вещи на престолѣ;
Но знаю только то, что Сашка мой
За цѣлый мѣръ не отдастъ бы порой
Ея улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

XL.

„Откуда ты?“—„Не спрашивай, мой другъ!
Я былъ на балѣ!“—„Балъ! а, что такое?“—
„Невѣжда милый!—говоръ, шумъ и стукъ,
Толпа глупцовъ, веселье городское,—
Наружный блескъ, обманчивый недугъ.
Кружатся дѣвы, чваняются нарядомъ,
Притворствуютъ и голосомъ, и взглядомъ.
Кто ловить душу, кто пять тысячъ душъ...
Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
И какъ ни уважаю добродѣтель,
А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣтель“.

XLI.

Какимъ-то новымъ чувствомъ смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смѣшна
Жизнь городскихъ красавицъ, но... сначала.

Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
Могла бь кружиться ловко предъ толпою,
Терзая мужчинъ надменной красотою,
Въ высокія смотрѣться зеркала
И уязвлять, но не желая зла;
Соперницъ гордо презирать и въ свѣтѣ
Блестать, да ѣздить четверней въ каретѣ.

XLII.

Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
Такъ жметса къ вѣткѣ, бурю ожидая.
Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ,
Уста полураскрытыя, пылая,
Шептали что-то. Съ головы до ногъ
Она горѣла.

Но... есть во мнѣ къ стыдливости вниманье —
И цѣлый часъ я пропущу въ молчаньѣ.

XLIII.

Все было тихо въ домѣ. Облака
Нескромный мѣсяцъ дымяко одѣли,
И только раздавались иногда
Сверчка ночного жалобныя трели;
Да мышъ въ тѣни родного уголка
Скреблась въ обои старыя прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о томъ,
Что небеса грозили близкимъ днемъ,
Что ночь... Вы на вѣку своемъ едва ли
Такихъ ночей десятокъ насчитали...

XLIV.

Но Тирза вдругъ молчанье прервала
И молвила: „Послушай, прочь все шутки!
Какая мысль мнѣ странная пришла:
Что если бь ты, откинувъ предразсудки,—
(Она его тутъ крѣпко обняла),—
Что если бь ты, мой милый, мой безцѣнный,
Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,
То завтра или даже въ день иной
Меня въ театръ повезь бы ты съ собой.
Извѣстно мнѣ, все для тебя возможно,
А отказать въ бездѣлицѣ безбожно“.

XLV.

—„Пожалуй!“—отвѣчалъ ей Саша. Онъ
Изъ словъ ея разслушалъ половину,—
Его клонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ,
Какъ птица клонитъ слабую тростину.
Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рожденъ
Съ бессонницей. Въ теченьи долгой ночи
Бывало безпокойно бродять очи,
И жжетъ подушка влажное чело.
Душа груститъ о томъ, что ужъ прошло,
Влуджая въ міръ вымусса безъ пищи,
Какъ лаззарони, а по-русски—нищій...

XLVI.

И жадный червь ее грызеть,— грызеть,
Я думаю, тотъ самый, что когда-то
Терзалъ Саула; но порой и тотъ
Имѣлъ отраду: арфы звукъ крылатый,
Какъ ангела таинственный полетъ,
Въ немъ воскрешалъ и слезы, и надежды;
И опускались пламенныя вѣжды,
Съ гармоніей сливалася мечта,
И злобный духъ бѣжалъ, какъ отъ креста.
Но этихъ звуковъ нѣтъ ужъ въ поднебесной,—
Они исчезли съ арфою чудесной...

XLVII.

И все исчезнетъ. Вѣрить я готовъ,
Что нашъ безлучный міръ—лишь прахъ могиль-
ный
Другого,—горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
Случайно уцѣлѣвшая и сильно
Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
Свѣтила ей двоюродные братья,
Хоть носить шлейфы огненного платья,
Да иногда имѣютъ въ добрый часъ
Вліянье благотворное на насъ...
А дай сойтись, такъ заварится каша,—
И въ кулаки... прощай планета наша.

XLVIII.

И пусть они блестятъ до той поры,
Какъ ангеловъ вечернія лампы.
Придетъ конецъ воздушной ихъ игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Люблю я съ колокольни иль съ горы,
Когда земля молчитъ и небо чисто,
Теряться взорами средь цѣпи ихъ огнистой,—
И мнится, что межъ ними и землей
Есть пугъ давно измѣренный душой,—
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ все лучи ихъ свѣта.

XLIX.

Итакъ, герой нашъ спитъ. Приятный сонъ!
Покойной ночи! Вы жъ, читатель милый,
Пожалуйте,—иначе принужденъ
Я буду васъ удерживать здѣсь силой...
Романъ, впередъ!.. Не хочеть?—Ну, такъ онъ
Пойдетъ назадъ. Герой нашъ спитъ. Покуда,
Хочу я разсказать, кто онъ, откуда,
Кто мать его была, и кто отецъ,
Какъ онъ на свѣтъ родился, наконецъ,
Какъ онъ попалъ въ позорную обитель.
Кто былъ его лакей, и кто учитель.

L.

Его отецъ—симбирскій дворянинъ,
Иванъ Ильичъ N. N—овъ, мужъ дородный,
Богатаго отца любимый сынъ.
Былъ самъ богатъ. Имѣлъ онъ умъ природный
И, что ума полезнѣй, важный чинъ.
Съ четырнадцати лѣтъ служилъ, и съ миромъ
Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ;
А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
Былъ человекъ, и слѣдственно уменъ.
Иванъ Ильичъ нашъ слылъ по крайней мѣрѣ
Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI.

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ,
Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познаныя.
Спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ;
Ни на кого не обращалъ вниманья
И не носилъ приличія веригъ.
Однако же предъ знатною горделивой
Умѣлъ онъ гнущся скромно и учтиво.
Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ
Неумолимо требовалъ поклонъ;
А кланяться закону иль вельможѣ—
Считалось тогда одно и то же.

LII.

Онъ старшихъ уважалъ, зато и самъ
Почтительность вознаграждалъ улыбкой

И, ревностный хотя угодник дамъ,
Женился, по словамъ его, ошибкой.
Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что былъ онъ грустенъ на другой день свадьбы,
И что печаль его была одна
Изъ тѣхъ, какими жизнь мужей полна.
По мнѣ, они большіе эгоисты,—
Все женъ винятъ, какъ будто сами чисты.

LIII.

Благодари меня, о женскій полъ!
Я—демосень твой: за твою свободу
Я радъ шумѣть; я непомѣрно золь
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть имъ далъ?... Возстаньте, — часъ
пришелъ!

Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда все дѣвы! Прочь терпѣнье!
Конечъ всему есть! Беззаботно явно
Идите вслѣдъ за Марьей Николавной!
Понялъ меня, я знаю, вамъ легко,
Вѣдь въ вашихъ жилахъ—кровь, не молоко,
Ну, и краснѣтъ умбете ужъ кстати
Отъ взоровъ и намековъ нашей братьи...

LIV.

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
По старому обычаю. Безъ лести
Сказать, онъ вель себя, какъ я люблю,
По правиламъ тогдашней старой чести.
Проказница жъ жена, не угаю,
Читать любила нѣжные романы,
Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны,
Въ бесѣдкѣ темной сидя до утра.
А мѣсяцъ и романы до добра
Не доведутъ,—отъ нихъ мечты родятся...
А искушенью только бѣ подобаться!

LV.

Она была прелакомый кусокъ
И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлюю.
Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
А не на камень. Чувствую и веселью
Казенныхъ не назначено дорогъ.
Но въ брачной жизни Марья Николавна
Была, какъ надо, ласкова, исправна.
Но, говорить,—хоть, можетъ быть, и лгутъ,—
Что долгъ супруги—только лишній трудъ.
Мужья у женъ подобныхъ (не въ обиду
Будь сказано), какъ вывѣска, для виду.

LVI.

Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
На самой на горѣ, противъ собора.
При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ,
И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора,
Какъ шпалидъ съ георгиевскимъ крестомъ.
Но нѣкогда съ кудрявыми главами
Вдоль стѣнъ колонны эмсались рядами;
Прозрачною рѣшеткой окруженъ,
Какъ клѣтка, между нихъ висѣлъ балконъ,
И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
Виднѣлись гардинъ прозрачныхъ складки.

LVII.

Внутри все было пышно; на столахъ
Пестрѣли разноцвѣтныя клеѣнки,
И люстры отражались въ зеркалахъ,

Какъ звѣзды въ лужѣ; моськи и болонки
Встрѣчали шумно каждаго въ дверяхъ,
Одна другой несносише, и далѣ
Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
Кричалъ безстыдно: „Кто пришелъ?... Дуракъ!“
А гость съ улыбкой думалъ: „какъ не такъ!“
И, ласково хозяйкой принимаемъ,
Черезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

LVIII.

Изъ окопъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
Надъво, т.-е. къ западу, рядами
Блнстали кровли, трубы и потомъ
Межъ ними церковь съ круглыми главами,
И, кое-гдѣ въ тѣни отрада днемъ,
Уютный садъ, обсаженный рябиной,
Съ бесѣдою, цвѣтами и малиной,
Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
Угодно, или, какъ межъ знатныхъ дамъ
Румяная крестьянка—дочь природы.
Испуганная блескомъ гордой моды.

LIX.

Подъ глинистой уютистой горой,
Унизированной лачужками направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, какъ табунъ, тѣснились
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
Натянутый. Краснѣющій закатъ
Изъ-за горы кидалъ своей лучъ прощальный
На гребни сизыхъ волнъ и берегъ дальній.

LX.

И странный говоръ грубыхъ голосовъ
Между судовъ перебѣгалъ порою;
Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ плов-
цовъ—
Все въ гулъ одинъ сливалось надъ водою.
И Марья Николавна, хоть суровъ
Казался вѣтеръ, день былъ на закатѣ,
Накинувъ шаль или капотъ на ватѣ,
Съ французской книжкой часто, сѣвъ къ окну,
Слѣдила взоромъ сизую волну,
Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы.

LXI.

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой,
И все не тѣсны были ей корсеты.
Ея ль сложенъе было въ томъ виной,
Или его не молодая лѣты?...
Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
Иванъ Ильичъ имѣтъ желалъ бы сына
Законнаго: хоть правомъ дворянина
Онъ пользовался часто, но дѣтей,
Внѣ брака прижитыхъ, злодѣй
Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
Страшася съ своей деревней породниться.

LXII.

Какая радость въ мысли: я отецъ!
И въ той же мысли сколько муки тайной—
Оставить въ мѣрѣ слѣдъ и, наконецъ,
Исчезнуть! Быть злодѣемъ, и случайно,—
Злодѣемъ потому, что жизнь—вѣнецъ
Терновый, тяжкій—такъ по крайней мѣрѣ

Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
 Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
 Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
 Но, исключая два-три дня да дѣтство,
 Она, безспорно, скверное наслѣдство.

LXIII.

Бывало, этой думой удрученъ,
 Я прежде много плакалъ и слезами
 Я жегъ бумагу. Дѣтскій глушій сонъ
 Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
 Но пыкій духъ мой не былъ освѣженъ,
 Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынь,
 Но скоро улеглись онъ, и нынѣ
 Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и буръ тѣхъ,
 Одинаъ лишь отзвѣвъ—звучный, горькій смѣхъ...
 Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
 Лежатъ кремни—и блещутъ, но не живы!

LXIV.

Прилично было бъ мнѣ молчать о томъ,
 Но я привыкъ итти противъ приличій
 И, говоря всеобщимъ языкомъ,
 Не жду похвалъ.—Поэтъ природы птичьею,
 Любовникъ розъ надъ розовымъ кустомъ
 Урчить и свичетъ межъ листовъ душистыхъ.
 О чемъ? Какая дѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ?—
 Прошу хоть разъ спросить у соловья.
 Онъ вамъ отвѣтитъ пѣснейю... Такъ и я
 Пишу, что мыслю, что придется,
 И потому мой стихъ такъ плавно льется.

LXV.

Два года миновало. Третій годъ
 Обрадовалъ супруговъ безнадежныхъ:
 Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
 Предметъ заботъ мучительныхъ и нѣжныхъ,
 У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
 Былъ восхищенъ, а три дня были пьяны
 Всѣ на подборъ, отъ кучера до няни.
 А между тѣмъ печально у воротъ
 Всю ночь собаки выли напролетъ,
 И, что страшнѣе этого, ребѣнокъ
 Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣжонокъ.

LXVI.

Старухи говорили: это знакъ,
 Который много счастья обѣщаетъ.
 И про меня сказали точно такъ,
 А правда ль это вышло?—Небо знаетъ!
 Къ тому же полуночный вой собакъ
 И страшный шумъ на чердакѣ высококъ—
 Примѣты злыя, но, не бывъ пророкомъ,
 Я только покачаю головой.
 Гамлетъ сказалъ: „Есть тайны подъ луной
 И для премудрыхъ“,— какъ же мнѣ поэту
 Не вѣрить можно тайнамъ и Гамлету?...

LXVII.

Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ:
 Живые глазки, бѣлыя ручки
 И русый волосъ, выщипанъ кольцомъ—
 Плѣняли всѣхъ знакомыхъ; ужъ пеленки
 Рубашечкой смѣнили на немъ;
 И, первыя проказы начиная,
 Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая...
 Года неслись, а Саша росъ и въ пять
 Добро и зло онъ началъ понимать;
 Но, вѣрно, по врожденному влеченю,
 Имѣлъ большую склонность къ разрушеню.

LXVIII.

Онъ росъ. Отецъ его бранилъ и стѣкъ--
 Затѣмъ, что самъ былъ въ дѣтствѣ часто съченъ,
 А, слава Богу, вышелъ человекъ:
 Ни стыдъ семи, ни тупъ, ни изувѣченъ.
 Понятъ были низки въ старый вѣкъ...
 Но Саша съ гордой былъ рожденъ душой
 И желчнаго сложенъ,—предъ судьбою,
 Передъ бичомъ язвительной молвы
 Онъ не склонялъ и послѣ головы.
 Умѣлъ онъ помнить, кто его обидѣлъ,
 И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX.

Великій грѣхъ!... Но чѣмъ теплѣе кровь,
 Тѣмъ раньше зрѣютъ въ сердцѣ безпокойномъ
 Всѣ чувства—злора, гордость и любовь,
 Какъ дерева подъ небомъ юга знойнымъ.
 Шалунъ мой хмурилъ маленькую бровь,
 Встрѣчаясь съ нѣжнымъ папенькой; отъ взгляда
 Онъ вздрагивалъ, какъ будто бы капля яда
 Лилась по жиламъ. Это, можетъ быть,
 Смѣшно,—что жъ дѣлать!—онъ не могъ любить,
 Какъ любятъ всѣ гостинныя собачки
 За лакомства—побой и подачки.

LXX.

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
 Его родную съ пѣниемъ уложили.
 Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
 Читалъ большую книгу, что кадили
 И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
 Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньи,
 И что, когда послѣднее лобзанье
 Ему велѣли матери отдать,
 То сталъ онъ громко плакать и кричать,
 И что отецъ, немного съ нимъ поспоря,
 Велѣлъ его посѣчь... конечно, съ горя.

LXXI.

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
 И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
 До времени отвыкнувъ отъ игры,
 Онъ жадному сомнѣнью сердце предавъ
 И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
 Онъ началъ думать, строить міръ воздушный.
 И въ немъ терялся мыслию послушной.
 Таковъ средь океана островокъ:
 Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;
 Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
 Цвѣты жъ на немъ незнаемы увянутъ...

LXXII.

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
 Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
 Они такъ часто спорили съ душой
 И отравили лучшихъ дней безпечность.
 Они летали надъ его главою,
 Какъ царская корона; но безъ власти
 Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
 Впервыя пробудясь, живымъ огнемъ
 Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ
 Достойной жертвы,—и въ пустынь свѣта
 На дружный зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

LXXIII.

О, если бъ могъ онъ, какъ безплотный духъ
 Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
 Склоняя къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ

И долго уживаться ихъ рѣчами,
И обнимать ихъ перси, какъ супругъ,—
Въ глуши стеной дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
О, если бь могъ онъ, въ молнію одѣтъ,
Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!...
Но, къ счастью для вастъ, читатель милый,
Онъ не былъ одаренъ подобной силой.

LXXIV.

Я не берусь исполнѣ, какъ психологъ,
Характеръ Саши выставить наружу
И вскрыть его, какъ съ трюфлями прогъ.
Скорѣй судей молчаньемъ я принужу
Къ рѣшенію... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ,
Зачѣмъ тотъ плачетъ, а другой хохочетъ!...
Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
Былъ Саша,—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
Хотя, божусь, пріятель мой, повѣса,
Взбѣсилъ бы ивогда любого бѣса.

LXXV.

Его учитель чистый былъ французъ,
Maquis de Tess. Педантъ полузабавный,
Имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ
И потому бралъ деньги преисправно.
Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ,
Онъ сочинялъ сонеты, хотъ порою
По часу бился съ рѣимомъ одною;
Но каламбуровъ полный лексиконъ,
Какъ талисманъ, носилъ въ карманѣ онъ
И, бывъ увѣренъ въ дамской благодати,
Не размышлялъ, чтò кстати, чтò некстати.

LXXVI.

Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ, парижскій Адонисъ,
Оставивъ прахъ родителя судьбиннѣ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
И натошакъ отправился въ походъ,
И, наконецъ, едва живой отъ муки,
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

LXXVII.

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилось его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный миллионъ
Кричалъ, смѣясь: „да здравствуетъ законъ!“
И, въ недостатокъ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

LXXVIII.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ;
Прелестная на звучный ступени
Всходила женщина*)... Слѣды заботъ.
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызений
Видѣлись на лицѣ ея. Народъ

*) Марія Антуанета.

Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя
Посыпались на плечи молодыя;
Вотъ голова, носившая вѣнецъ,
Склонилася на плаху... О, Творецъ!
Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи!...
И голова отторгнута отъ шеи...

LXXIX.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
И загремѣла жадная сѣкира...
И ты, поэтъ, высокаго чела
Не уберегъ!*) Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разносла
Все, все, что ты считалъ своей душою—
Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
Напрасно!... Ты прошелъ кровавый путь,
Не отомстивъ, и творческую грудь
Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодный
Не пообѣтилъ—и ты погибъ бесплодно...

LXXX.

И Франція упала за тобой
Къ ногамъ убійцъ, бездушныхъ и ничтожныхъ.
Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
Никто не вышелъ съ твердою душою,—
Межъ тѣмъ какъ втайнѣ взоръ Наполеона
Ужъ зрѣлъ ступени будущаго трона...
Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
Но истина—не въ модѣ, а писать
О томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
Смѣшно, тѣмъ болѣе о такихъ предметахъ.

LXXXI.

Къ тому же я совѣмъ не моралистъ,—
Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
Я палачу не дамъ похвальный листъ
И клеветой героя не унижу,—
Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
Не созданы для мертвыхъ. Царь иль воинъ
Хотъ похвалы порою и достоинъ,
Но отъ камильницъ дыма и свѣчей
Не каждому здоровилось, ей-ей!
И, длиннымъ одамъ внемля, поневолѣ
Зѣваль кто въ комнатѣ, кто на престолѣ.

LXXXII.

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнести мой гробъ въ пустыню и высокій
Курганъ надъ нимъ насыпать и любви
Символь ненарушимый—одинокій
Поставить крестъ: быть можетъ издали,
Когда туманъ протянется въ долину,
И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
Гостепріимный нищій пѣшеходъ
Его замѣтитъ, медленно придетъ
И, отряхнувши посохъ безнадежнѣй,
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней—

LXXXIII.

И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
Людей и небо, время и природу,—
И проклянетъ грозы безсильный вой
И пылкихъ мыслей тщетную свободу...
По нѣтъ, къ чему мнѣ слушать плачь людской?
На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница?
Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица,

*) Андрей Шенье.

И звѣрь, и огонь, и вѣтеръ, и земля—
Раздѣлять прахъ мой, и душа моя
Съ душой вселенной, какъ эфиромъ,
Сольется и развѣется надъ міромъ!..

LXXXIV.

Пускай отъ сердца, полного тоской
И желчью тайныхъ, тщетныхъ сожалѣній,
Подобно чашѣ ядомъ налитой,
Слѣдовъ не остается... Безъ волненій,
Я, выпивъ ядъ по каплѣ, ни одной
Не уронилъ; но люди не видали
Въ моемъ лицѣ ни страха, ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ.
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ, а по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести...

LXXXV.

Но совершимъ скорѣе переходъ,—
Вновь обратимся къ нашему герою.
До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
Житейскихъ, и невинною душою
Искалъ страстей, какъ пищи. Длинный годъ
Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исторій,
Грамматикъ, географій и теорій
Всѣхъ философій міра. Пять системъ
Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
„Monsieur, c'est mon affaire“—такъ мнѣ угодно!

LXXXVI.

Но Саша не внималъ его словамъ,—
Разсѣянно въ тетрадкѣ надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой-то женскій профиль, и очами,
Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ и иѣжно
Вздыхалъ онъ и хранилъ его прилежно
Между листовъ, какъ тайный милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ.
Такъ прятать иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

LXXXVII.

Но кто жъ она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
И взволновать надежды огневия?
Къ чему?.. Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить,
Идя во слѣдъ извѣстнаго Фоблаза *).
Его любовь, какъ снѣгъ вершинъ Кавказа,
Чиста,—тепла, какъ небо южныхъ странъ...
Ему ль платить обманомъ за обманъ?..
Но кто жъ она?—Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...

LXXXVIII.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
Онъ привыкалъ,—скажу вамъ подъ секретомъ,
Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ,—
Толкался межъ служанокъ. Часто лѣтомъ,
Когда луна бросала томный свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій

*) Вариантъ: Со всѣмъ искусствомъ древнога
Фоблаза.

Въ аллеѣ кралась,—легкою стопой
Онъ догонялъ ихъ пошутить порой.
Его невинность,—вы поймете сами,—
Вѣдь не могла расти съ его годами.

LXXXIX.

Но между нихъ онъ отличалъ одну:
Въ ней было все, что увлекаетъ душу,
Волнуетъ мысли и мѣшаетъ сну.
Но я, друзья, покой вашъ не нарушу
И на портретъ накинута пелену.
Ее любилъ мой Саша той любовью,
Которая по жиламъ съ юной кровью
Течетъ огнемъ, клочочетъ и кипитъ;
Боролись въ немъ желаніе и стыдъ;
Онъ долго думалъ, какъ въ любви открыться,—
Вѣдь надобно жъ на что-нибудь рѣшиться.

XC.

И мудрено ль? Четырнадцати лѣтъ
Я самъ страдалъ отъ каждой женской ножки,
За каждую отдалъ бы цѣлый свѣтъ,
Я цѣловалъ слѣды ихъ по дорожкѣ.
Волнующихся персей нѣжный цвѣтъ
И алыхъ устъ горячее дыханье
Во мнѣ рождали чудное желанье;
Я трепеталъ, когда моя рука
Атласныхъ плечъ касалася слегка,
Но лишь въ мечтахъ видалъ я безъ покровъ
Все, что для васъ, конечно, ужъ не ново...

XCI.

Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ,
Молчитъ весь день и часто бредитъ ночь;
По корридору бродитъ и груститъ
И ждетъ, чтобъ показалась Евы дочь,
Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый видъ
Принявъ, онъ иногда улыбкой хладной
Отвѣтствовалъ на взоръ ея отраднй
И чувства подавлялъ онъ, какъ раба!
А съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба!..
Итакъ, мой Саша кончилъ съ нимъ возиться
И положилъ съ Маврушей объясниться.

XCII.

Случилось это лѣтомъ, въ знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
Ложилася на крышахъ полосами,
И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли; даже
Волна катилася медленнѣй и глаже.
Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой,
Лежалъ полураздѣтый нашъ герой
И размышлялъ о тайнѣ единенія
Двухъ душъ,—предметъ достойный размышленья!

XCIII.

Вдругъ слышитъ онъ направо, за кустомъ
Сирени, шорохъ платья и дыханье
Волнующейся груди, а потомъ
Чуть внятный звукъ, похожій на лобзанье.
Какъ Сашѣ быть? Забилосъ сердце въ немъ,
Запрыгало... Безъ дальнихъ опасеній
Онъ сквозь кусты пустился легче тѣни.
Трепещать и гнуться вѣтви подъ рукой
И вдругъ предъ нимъ съ Маврушкой молодой,
Обнявшійся въ тѣни цвѣтущей вишни,
Иванъ Ильичъ... [Прости ему Всевышній].

XCIV.

Увы, покоясь на травѣ густой,
 *)

 пустился въ путь,
 Оставивъ тутъ обманутую дѣву,
 Какъ Ариадну, преданную гнѣву.

XCV.

И есть за что, не спорю... Между тѣмъ
 Что дѣлалъ Саша?—Съ неподвижнымъ взглядомъ.
 Какъ бѣлый мраморъ холоденъ и нѣмъ,
 Какъ Аббадона грозный новымъ адомъ
 Нануганный, но помнящій эдемъ,
 Съ поникшею стоялъ онъ головою
 И на челѣ, наморщенномъ тоскою,
 Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей...
 Но вдругъ ударъ проснувшихся страстей
 Перевернулъ неопытную душу
 И онъ ушалъ, какъ съ неба

XCVI.

Упалъ [прости невинность!], какъ змѣя
 Маврушу крѣпко обнявъ онъ руками,
 То холодѣя, то какъ жаръ горя,
 Неистово впился въ нее устами
 И—обезумѣлъ... Небо и земля
 Слились въ туманъ. Мавруша простонала
 И улыбулась; какъ волна вставала
 И упала грудь и томный взоръ,
 Какъ надъ рѣкой безлучный метеоръ,
 Блуждалъ вокругъ безъ цѣли, безъ предмета
 Боясь всего: людей, деревъ и свѣта...

XCVII.

Теперь, друзья, скажите напрямикъ,
 Кого винить?.. По-мнѣ всего прекраснѣй
 Сложить весь грѣхъ на чорта,—онъ привыкъ
 Къ напраслинѣ; къ тому же безопаснѣй
 Рога и когти, чѣмъ иной языкъ...
 Итакъ, замѣтимъ мы, что духъ незримый,
 Но гордый, мрачный, злой, неотразимый
 Ни ладаномъ, ни бранью, ни крестомъ,
 Игралъ судьбою Саши, какъ мячомъ,
 И, слѣдуя пустѣйшему капризу,
 Кидалъ его то вкось, то вверхъ, то книзу.

XCVIII.

Два мѣсяца прошло. Во тьмѣ ночной,
 На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
 Слегка платокъ накинувъ шерстяной,
 Явилась къ Сашѣ дѣва молодая;
 Задувъ лампаду трепетной рукой,
 Держась за спинку шаткую кровати,
 Она некала жаркихъ тамъ объятій.

 Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался
 И съ жгучимъ поцѣдуемъ онъ сливался.

XCIX.

Казалось, рокъ забылъ о нихъ; но разъ,—
 Не помню я, въ который день недѣли,—
 Ужъ пролетѣлъ свиданья часъ;
 А Саша все одинъ былъ на постели.

*) Точками замѣнены строки, неудобныя къ печати.

Онъ съѣлъ къ окну въ раздумьи. Тихо гасъ
 На блѣдномъ сводѣ мѣсяцъ серебристый
 И неподвижно бахрамой волнистой
 Вокругъ его висѣли облака.
 Дремало все, лишь въ окнахъ иногда
 Являлась свѣчка, силуэтъ рубчатый
 Старухи, изъ картинъ Рембрандта взятый,

C.

Мелькая, рисовался на стеклѣ
 И исчезалъ. На площади пустынной,
 Какъ чудный путь къ невѣдомой землѣ,
 Лежала тѣнь отъ колокольной длинной,
 И даль сливалась въ синеватой мглѣ.
 Задумчивъ Саша... Вдругъ скрикнули двери,
 И вы бѣ сказали—поступъ райской пери
 Послышалась. Невольно нашъ герой
 Вздрогнулъ. Предъ нимъ, озарена луной,
 Стояла дѣва, опустивши очи,
 Блѣднѣе той луны—царицы ночи...

CI.

И онъ узналъ Маврушу. Но—Творецъ!—
 Какъ изменилось нѣжное созданье!
 Казалось, тѣло изваялъ рѣзецъ,
 А Богъ вдохнулъ не душу, но страданье.
 Она стоитъ, вздыхаетъ, наконецъ
 Подходить и холодными руками
 Хватаетъ руку Саши, и устами
 Прижалась къ ней, и слезы потекли
 Все больше, больше и, казалось, жгли
 Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины—
 Раскаянна преступной Магдалины?

CII.

И кто бы смѣлъ изобразить въ словахъ,
 Что дышитъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени?
 Гляжу на дивный холстъ: душа въ очахъ,
 И мысль одна въ душѣ,—и на колѣни
 Готовъ упасть, и непонятный страхъ,
 Какъ струны лютни, потрясаетъ жилы,
 И слышишь близость чудной тайной силы,
 Которой въ мѣрѣ вѣруеть лишь тотъ,
 Кто, какъ въ гробу, въ душѣ своей живетъ,
 Кто терпитъ все упреки, все печали,
 Чтобъ тенемъ глупцы его назвали.

CIII.

И долго молча плакала она.
 Разсыпавшись на кругленькія плечи,
 Ея волосы бѣжали, какъ волна.
 Лишь иногда отрывистыя рѣчи,
 Отзывъ того, чѣмъ грудь была полна,
 Блуждали на губахъ ея; но звуки
 Яснѣ были словъ... И голосъ муки
 Мой Саша понялъ, какъ языкъ родной;
 Къ себѣ на грудь привлекъ ее рукой
 И не падалъ ни нѣжностей, ни ласки,
 Чтобъ поскорѣе осушить ей глазки.

CIV.

Онъ говорилъ: „Къ чему печаль твоя!
 Ты молода, любима,—гдѣ жъ страданье?
 Въ твоихъ глазахъ—мой мѣръ, вся жизнь моя,
 И рай земной—въ одномъ твоёмъ лобзаньѣ...
 Быть-можетъ, злобу хитрую тая,
 Какой-нибудь... Но нѣтъ! И кто же смѣетъ
 Тебя обидѣть? Мой отецъ дряхлѣетъ,

Французъ давно не годенъ никуда..
Ну, полно! Слезы прочь и сядь сюда!“

.....
.....

CV.

„Послушайте, я здѣсь въ послѣдній разъ.
Пренебрегла опасность, наказанье,
Стыдъ, совѣсть—все, чтобъ только видѣть васъ.
Поцѣловать вамъ руку на прощанье
И выманить слезу изъ вашихъ глазъ.
Не отвергайте бѣдную,—довольно
Ужъ я терплю,—за что же?.. Сердце вольно.
Иванъ Ильичъ провѣдалъ отъ людей
Завистливыхъ... Все Ванька вашъ, злодѣй,—
Черезъ него я гибну... Все готово!
Молю... о, киньте мнѣ хоть взглядъ, хоть слово!

CVI.

„Для вашего отца впервые я
Забыла стыдъ,—гдѣ у рабы защита?
Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
Прошла недѣля,—бѣдная забыта...
А все любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Онъ разбранилъ... Но что же передъ вами?—
Раба, игрушка!.. Точно, день, два, три
Мила, а тамъ?—пожалуй, хотъ умри!..“
Тутъ начались слезы, восклицанья,
Но Саша ихъ оставилъ безъ вниманья.

CVII.

„Ахъ, баринъ, баринъ, вижу я, понявъ
Не хочешь ты госки моей сердечной!..
Прощай,—тебя мнѣ больше не видать,
Зато ужъ помнить буду вѣчно, вѣчно...
Виновны оба, мнѣ жъ должно страдать.
Но, такъ и быть, цѣлуй меня въ грудь, въ очи,—
Цѣлуй, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!..
Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
На дальній хуторъ, гдѣ Маврушу ждуть
Страданья, мужъ съ косматою бородою...
А ты?—Вздохнешь и слобившись съ другою!“

CVIII.

Она заплакала. Такъ, или нѣтъ
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смѣю; двухъ, трехъ лѣтъ
Достаточна губительная сила,
Чтобы святѣйшихъ словъ заглядить слѣдъ.
А тотъ, кто рассказалъ мнѣ повѣсть эту,—
Его ужъ нѣтъ... Но что за нужда свѣту?
Не вѣры я ищу,—я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на Востокъ,
Гдѣ свиньи и вино такъ нынѣ рѣдки,
И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки!

CIX.

Она замолкла, но не Саша: онъ
Кипѣлъ противъ отца негодованьемъ:
„Злодѣй! Тирани!“—и тысячу именъ,
Такихъ же милыхъ, съ истиннымъ вниманьемъ
Онъ расточалъ ему. Но счастья сонъ,
Какъ ни бранись, умчался невозвратно...
Уже готовъ былъ юноша развратный
Въ послѣдній разъ.....
.....
..... какъ вдругъ,—о, Провидѣнье!—

CX.

Ударъ ногою съ трескомъ растворилъ
Стеклянной двери обѣ половины,
И ночника лучъ блѣдный озарилъ
Живой скелетъ вошедшаго мужчины.
Казалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ,—
Растрепанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ,—
Вошелъ и строго обратился къ Сашкѣ:
„Eh bien monsieur, que vois-je?“—„Ah, c'est vous!“
„Pourquoi ce bruit?—Que faites vous donc?“—„.....“
И молвивъ такъ (пускай проститъ мнѣ муза),
Однимъ тузомъ онъ выгналъ вонъ француза.

CXI.

И вслѣдъ за нимъ, какъ лань Кавказскихъ
горъ,
Изъ комнаты пустилася бѣдняжка,
Не распростаясь, но мннувъ нѣжный взоръ,
Закрывъ лицо руками... Долго Сашка
Не могъ унять волненья сердца. „Вздоръ,—
Шепталъ онъ,—вздоръ: любовь—не жизнь!“ Но
утро,
Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
Ужъ начало заглядывать въ окно,
Какъ милый гость, ожидаемый давно,
А на дворѣ, унылый и докучный,
Раздался колокольчикъ однозвучный.

CXII.

Къ окну въ волнени Саша подбѣжала:
Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
Вотъ съѣлъ ямщикъ и возжи подобралъ;
Вотъ чей-то голосъ: „Что же, все готово?“—
„Готово!“—Вотъ садится... Онъ узналъ:
Она!.. Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
Съ обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой
И спряталась въ кибитку. Бичъ лихой
Взвился. „Пошелъ!“... Колеса застучали
И вмигъ... Но что намъ до чужой печали?

CXIII.

Давно ль?.. Но дѣтство Саши протекло.
Я рассказалъ, что знать вамъ было нужно...
Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
И быть иначе; нѣжностью наружной
Обманывать онъ почиталъ за зло,
За низость,—но правдивой мести знаки
Онъ не щадилъ (хотя бѣ дошло до драки),
И потому родитель, разсчитавъ,
Что укрощать не стоитъ этотъ нравъ,
Сынъ, рыдая, какъ мы въ умѣемъ,
Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ.

CXIV.

И тамъ проказникъ былъ препорученъ
Старухѣ-теткѣ самыхъ строгихъ правилъ.
Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ
Ее краснѣть ни разу не заставилъ.
Она была одна изъ тѣхъ княженъ,
Которыя, страшась святого брака,
Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака,
И потому въ сомнѣнныя ждуть да ждуть,
Покуда ихъ на вистъ не позовутъ.
Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
За картами клевету и желтѣютъ.

CXV.

Но иногда какой-нибудь лакей
Усердный, честный, вѣрный, осторожный,

Имѣя входъ къ владычицѣ своей
Во всякій часъ, съ покорностью возможной,
Въ уютной спальнѣ замѣняетъ ей
Служанку, то-есть грѣбеть одѣяло,
Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣль,
Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣлъ...
И если бы хоть разъ онъ былъ свидѣтель,
Какъ сладко спать съдая добродѣтель...

СХVI.

Шалунъ былъ отданъ въ модный пансіонъ,
Гдѣ много приобрѣлъ прекрасныхъ правилъ.
Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
Но скоро ихъ съ презрѣніемъ оставилъ.
Онъ увидалъ, что дружба, какъ поклонъ,—
Двусмысленная вещь; что добрый малый—
Товарищъ скучный, тягостный и вялый;
Что умный—и забавнѣе и сносивѣе,
Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
И потому (считая только явныхъ)
Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забавныхъ.

СХVII.

И списокъ ихъ, какъ памятникъ святой,
На духъ листахъ, раскрашенныхъ отлично,
Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
Обвернутой атласомъ, какъ прилично,
Съ стальнымъ замкомъ и розовой каймой.
Любилъ онъ заговоры злобы тайной
Разстроить словомъ, будто бы случайно;
Любилъ враговъ внезапно удивлять,
На крикъ и брань—насмѣшкой отвѣчать,
Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

СХVIII.

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
Наскуча все твердить азы да буки,
И, наконецъ, въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ съ чаемъ пить иль просто голый ромъ,—
Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками.

СХIX.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валить народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вахомъ упоенный;
Но все равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длин-
ный

Напрасно входитъ, кланяется чинно.
Онъ книгу взявъ, раскрывъ, прочель,—шумятъ;
Уходитъ,—второе хуже. Сушій адъ!..
По сердцу Сашѣ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше райа.

СХХ.

Пропустимъ года два... И не хочу
Въ одинъ приемъ свою закончить повѣсть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спокойна совѣсть,
Хоть, признаюся, много пропушу

Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
Но часъ придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣсныхъ
Не заключенъ и не спиша впередъ,
Чтобъ сократить унылый эпизодъ,—
Я снова обращаю вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Сашей...

СХXI.

Теперь героевъ разбудить пора,
Пора привести въ порядокъ ихъ одежды.
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ объятыхъ нѣги и живой надежды
Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Растрепанные волосы назадъ
Рукой откинувъ и на свой нарядъ
Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала
Она довольно долго позѣвала.

СХХII.

На ней измято было все, и грудь
Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
Она спѣшитъ лицо водой сплеснуть
И кудри безъ особенныхъ стараній
На головѣ гребенкою заткнуть;
Потомъ сорочку скинула, небрежно
Водой обмыла станъ свой бѣлоснѣжный...
Опять свѣжа, какъ персикъ молодой,
И, на плечи капотъ накинувъ свой,
Плѣнительна безпечной наготою,
Она подходитъ къ нашему герою.

СХХIII.

Садится въ изголовьи и потомъ
На соннаго студеной влагой плещетъ.
Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
И видитъ, что пора: свѣтелка блещетъ,
Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
Упругій свѣгъ на улицѣ хруститъ
Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
И въ городѣ, что мнѣ всегда досадно,
Колокола трезвонятъ безопадно...

СХХVI.

Прелестный день! Какъ пышенъ Божій свѣтъ!
Какъ небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочилъ мой Саша. Вотъ ужъ онъ одѣтъ,
Атласный галстукъ повязалъ лѣнливо,
Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладилъ слѣдъ;
Лишь синеватый вѣничикъ подъ глазами
Изобличалъ его... Но, между нами,
Сказать тихонько: это—не порокъ,
У нашихъ дамъ найти бы его я могъ,
Хоть между тѣмъ ручаюсь головою,
Что ихъ невиннѣй вѣту подъ луною.

СХХV.

Изъ комнаты выходитъ нашъ герой
И, пробираясь длиннымъ коридоромъ,
Онъ видитъ Катерину предъ собой,
Привѣтствуетъ ее холоднымъ взоромъ
И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:
Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и рядомъ
Кровать; на ней, закрыта
Храпитъ Параша, отвернувъ лицо.
Онъ плащъ падѣлъ и вышелъ на крыльцо

И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
Чтобы не смѣлъ забыть онъ обѣщанья:

СХХVI.

Чтобъ приготовилъ модный онъ парядъ
Для бѣдной, милой Тирзы, и такъ далъ.
Сказать ли, этой выдумкѣ былъ радъ
Проказникъ мой: въ театрѣ, въ пестрой залѣ
Замѣтять ли невпный маскарадъ?
Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
Зачѣмъ толпу не наказатъ случайно
Презрѣньемъ гордимъ всѣхъ ея причудъ?
И что молва?—Глушцовъ крикливый судъ,
Коварный шопотъ злой старухи или
Два—три намека въ польскомъ или въ кадрили!

СХХVII.

Ужъ Саша дома. Къ теткѣ входитъ онъ,
Небрежно у нея цѣлуетъ руку.
„Чѣмъ кончился вчерашній вашъ бостонъ?
Я бъ не рѣшился на такую скуку,
Хотя бы мнѣ давали миллионъ.
Какъ ваши зубы?.. А Фиделька гдѣ же?
Она являться стала что-то рѣже.
Ей надоѣлъ нашъ модный кругъ,—увы,
Какая жалость!.. Знаете ли вы,
На этихъ дняхъ мы гонимъ къ себѣ комету,
Которая несетъ побигель свѣту?..“

СХХVIII.

„И подѣломъ, въдъ новый магазинъ
Открылся на Кузнецкомъ,—не угодно ль
Вамъ посмотрѣть?.. Тамъ есть мамзель Abine,
Monsieur Duprè, Durand, французъ природный,
Теперь купецъ, а бывший дворянинъ;
Тамъ есть мадамъ Atman; тамъ есть субретка
Fanchaich—плутовка, смуглая кокетка!
Вся молодежь вокругъ нея вертится.
Ей-Богу, все равно мнѣ, что случится!
И по одной значительной причинѣ
Я только зритель въ этомъ магазинѣ.“

СХХIX.

„Причина эта вотъ—мой кошелекъ:
Онъ пустъ, какъ голова француза,—малость
Истратилъ я; но это мнѣ урокъ—
Цѣнить дешевле вѣтреную шалость!“
И, притворясь печальнымъ, сколько могъ.
Шалунъ склонился къ теткѣ, два—три раза
Вздыхнулъ, чтобъ удалась его проказа.
Тихошко ларчикъ отперевъ, она
Заботливо дорылася до дна
И вынула три бѣленькихъ бумажки.
И... вы легко поймете радость Сашки.“

СХХХ.

Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
То у дверей съ недвижностью примѣрной,
Въ чалмѣ пунцовой, щегольски одѣтъ,
Стоялъ арапъ, его служитель вѣрный.
Покрытъ, какъ лакомъ, былъ чутунный цвѣтъ
Его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ,
И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,
Когда смѣялся онъ, плъ говорилъ,
Невольный страхъ на душу наводилъ,
И въ голосѣ его, инымъ казалось,
Надменностью безипной отзывалось.

СХХХI.

Союзъ довольно странный заключенъ
Межъ нимъ и Сашей былъ. Ихъ разговоры

Казались таинственны, какъ сонъ;
Вдвоемъ бывало ночью, точно воры,
Уйдуть и пропадаютъ. Одаренъ
Воображеньемъ бойкимъ, нашъ пріятель
Восточныхъ словъ былъ страстный обожатель
И потому „Зафиромъ“ нареченъ
Его арапъ. За нимъ повсюду онъ,
Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ, и что же?—
Всѣ восхищались этой скверной рожей!

СХХХII.

„Зафиру“ Сашка что-то прощенталь.
Зафиръ кивнулъ курчавой головою,
Блеснувъ, какъ рысь, очами, денегъ взявъ
Изъ бѣлой ручки черною рукою;
Онъ долго у дверей еще стоялъ
И говорилъ все время, по несчастью,
На языкѣ чужомъ и тайной страстью
Одупевленъ казался. Между тѣмъ,
Облокотаясь на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
Герой печальный моего разказа
Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

СХХХIII.

И, наконецъ, онъ подаль знакъ рукой
И тотъ исчезъ быстрѣй китайской тѣни.
Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,
Онъ жилъ у Саши, какъ служебный геній,
Домашній духъ (по-русски домовою);
Какъ Мефистофель, быстрый и послушный,
Онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно
Добро и зло. Ему была законъ
Лишь воля господина. Вѣдалъ онъ,
Что, кромѣ Саши, въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
Никто, никто не думалъ о „Зафирѣ“.

СХХХIV.

Однако были дни давнымъ-давно,
Когда и онъ на берегу Гвиней
Имѣлъ родной палашъ, жену, шпено
И ожерелье красное на шеѣ,
И мало ли?.. О, тамъ онъ былъ звено
Въ цѣпи семей счастливыхъ!.. Тамъ пустыня
Осталась неприступна, какъ святыня.
И пальмы тамъ расуть до облаковъ,
И пѣна водъ бѣлѣе жемчуговъ.
Тамъ жгутъ лобзанья, и пронзаютъ очи,
И перси дѣвъ чернѣй роскошной ночи.

СХХХV.

Но родина и вольность, будто сонъ,
Въ туманѣ дальнемъ скрылись невозвратно...
Въ цѣпяхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
Для дикаря все было непонятно—
Блестящихъ городовъ и шумъ и звонъ.
Такъ облачко, оторвано грозою,
Бродя одно подъ твердью голубою,
Куда пристать не знаетъ; для него
Все чуждо—солнце, міръ и шумъ его.
Ему обидно общее веселье,—
Оно, нахмурясь, прячется въ ущелья.

СХХХVI.

О, я люблю густыя облака,
Когда они толпятся надъ горою,
Какъ на хребтѣ стального шишака
Колелемя перья! Предъ грозою
Въ одеждахъ золотыхъ издалека
Они текутъ безмолвнымъ караваномъ

И, наконецъ, одѣтый туманомъ,
Обнявшись, свившись, будто куча змѣй,
Безпечно дремлютъ на скалѣ своей.
Настанетъ день, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ:
Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спроситъ?

СXXXVII.

И постъ ихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви поэта безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Опъ не открылъ вниманью дружбы нѣжной.
И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
Промчалася неслышно между нами,
Ты мукъ своихъ не выразилъ словами,—
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ,
И, не разгадавъ глупую толпою,
Ты умеръ чуждой жизни... Миръ съ тобою.

СXXXVIII.

И миръ твоимъ костюмъ! Онѣ сгниютъ,
Покрытая одеждою военной...
И сумраченъ, и тѣсенъ твой приютъ,
И ты забыть, какъ часовой безсмѣнный.
Но что же дѣлать?—Жди, авось придутъ,
Быть-можетъ, кто-нибудь изъ прежнихъ братьевъ.
Какъ знать, земля до молодыхъ объятий
Охотница... Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
Куда умчался ты?.. Какой вѣнецъ
На головѣ твоей? И все ль какъ прежде
Ты любишь насъ и вѣруешь надеждѣ?

СXXXIX.

И вы, вы все, которымъ столько разъ
Я подносилъ пріятельскую чашу,—
Какая буря въ даль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанья славы,
Какъ призракъ, разлетѣлися. Вы правы,
И не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дуб-
ровъ,

Ущелій и свободы, и, не зная
Глѣзда, живу какъ птичка кочевая.

СXL.

И для добра былъ прежде гибнуть радъ,
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ,
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ;
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ и маску
Надѣлъ, и буинимъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
И, грубо пробуждая ихъ безпечность,
Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

СXLI.

О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы тамъ
За неземной границей міра?—Смутный,
Безбрежный океанъ, гдѣ нѣтъ вѣкамъ
Названья и числа; гдѣ безпріютны
Блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ.
Заброшенъ въ ихъ нѣмые хороводы,
Что станеть дѣлать гордый царь природы,
Который вѣрно созданъ всехъ умий,
Чтобъ пожирать растенья и звѣрей,

Лермонтовъ. Приложения ко II т.

Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

СXLII.

О, суета! И вотъ вашъ полубогъ—
Вашъ человѣкъ: искусствомъ завладѣвший
Землей и моремъ,—всѣмъ, чѣмъ только могъ,—
Не въ силахъ онъ прожить три дня не ѣвши.
По полно! Злобный бѣсъ меня завелъ
Въ такіе толки. Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный;
Пожадуй, кто-нибудь, шпионъ ничтожный
Мои слова прославить, и тогда
Нельзя креститься будетъ безъ стыда
И поневолю станешь лицемѣрить,
Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

СXLIII.

Блаженъ, кто вѣритъ счастью и любви,
Блаженъ, кто вѣритъ небу и пророкамъ,—
Онъ долготѣнъ будетъ на землѣ
И для сыновъ останется урокомъ!
Блаженъ, кто думы гордыя свои
Умѣлъ смирить предъ гордою толпою,
И кто грѣховъ тяжелою цѣною
Не покупалъ пурпурныхъ устъ и глазъ
Живыхъ, какъ жизнь, и свѣтлыхъ, какъ ал-
мазь!
Блаженъ, кто не склонялъ чела младого
Какъ бѣдный рабъ предъ идоломъ другого!

СXLIV.

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
Играющихъ и шепчущихъ листовъ,—
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студеной
По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
Струей гремячей прыгаетъ, сверкая,
И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
Стоитъ, какъ призракъ позднего порою,
Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой
Трепшеть вдаль, и мракъ между вѣтвями
Отвсюду смотритъ черными очами!

СXLV.

Блаженъ, кто посреди нагихъ стеней
Межъ дикими воспитанъ табунами,
Кто пріученъ былъ на хребтѣ коней
Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ нами
Златая облака, отъ раннихъ дней
Носиться,—кто главою прижавъ на гриву
Леталъ, подобно сумрачному диву,
Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ,
Какъ мѣрно конь о землю ударялъ
Коньтою звонкимъ и впередъ землею
Уиругой былъ кидаемъ съ быстротою.

СXLVI.

Блаженъ!.. Его душа всегда полна
Позвѣемъ природы звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выплыветъ до время сѣдина;
Онъ, въ двадцать лѣтъ желаній чего-то,
Не будетъ вѣчной одержимъ зѣвотой
И въ тридцать лѣтъ не кинетъ край родной
Съ больною грудью и больною душой,
И не рѣшится отъ одной лишь скуки
Писать стихи, марать въ чернилахъ руки,—

CXLVII.

Или, трудясь, как глупая овца,
Въ рядахъ дворянства съ рабскимъ униженьемъ,
Прикрывъ мундиромъ сердце подлнца,—
Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ.

И поклоняться нѣмцамъ до конца...
И чѣмъ же нѣмецъ лучше славяннина?—
Не тѣмъ ли, что куда его судьбина
Ни кинетъ, онъ вездѣ себя найдеть
Отчизну и картофель?... Вотъ народъ:
За сильныхъ всюду, всѣмъ за деньги служить,
Слабѣйшихъ давить, бьютъ его не тужить!

CXLVIII.

Вотъ племя: всякій чортъ у нихъ баронъ!
Профессоръ важный—каждый ихъ сапожникъ!
И смѣло вкривъ и вкось глаголетъ онъ.
Какъ пнейя, возсѣвъ на свой треножникъ,
Кричитъ, шумить... Но что жъ?— Онъ не рождень
Подъ нашимъ небомъ; наша степь святая
Въ его глазахъ бездушныхъ—степь простая,
Везъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ,
Гдѣ бы могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣковъ,
Которые съ ихъ грозными дѣлами
Унесены забвенія волнами...

CXLIX.

Кто недоволенъ выходкой моею,
Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору
Съ листомъ въ рукахъ, со оравой друзей,
И, вѣруя ихъ опытному взору,
Печатаетъ анаэму, злодѣй!..
Я кончилъ... такъ! Дописана страница.
Лампада гаснетъ... Есть всему граница—
Наполеонамъ, бурямъ и войнамъ,
Тѣмъ болѣе терпѣнью и... стихамъ,
Которые давно ужъ не звучали
И вдругъ съ пера, Богъ знаетъ, какъ упали!..
конецъ 1-й главы.

ГЛАВА II.

I.

Я не хочу, какъ многіе изъ насъ,
Испытывать читателей терпѣнью,
И потому примусь за свой рассказъ
Безъ предисловій.—Сладкое смятенье
Въ душѣ моей, какъ будто въ первый разъ,
Ловлю прыгунью риему и, потѣя,
Въ досадѣ призываю Асмодея.
Какъ будто снова Богъ переселилъ
Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ,—
Когда не зналъ я, что на слово младость
Есть риема: *радость*, а не только *радость*!

II.

Давно когда-то за Москвой рѣкой,
На Пятницкой, у самаго канала,
Заросшаго негодною травой,
Быль домъ угольный, и въ немъ жизнь играла
Межъ стѣнъ высокихъ... Онъ теперь пустою.
Внизу живетъ съ беззубой половиной
Безмолвный дворникъ... Пылью, паутиной
Обвѣнаны, какъ инеемъ, кругомъ
Карнизы стѣнъ, расписанныхъ огнемъ

И временемъ, и окна краской бѣлой
Замазаны повсюду кистью смѣлой.

III.

Въ гостиной есть диванъ и круглый столъ
На витыхъ ножкахъ, вражеской рукою
Исчерченный; но часъ ихъ не пришелъ,—
Они гниютъ незримо, лишь порою
Скользятъ по нимъ играющей эоль,
Или еще крыло жилища разваливъ—
Летучей мыши. Жалокъ и печаленъ
Исчезнувшихъ прищельцевъ гордый слѣдъ.
Вотъ сабелъ ихъ рубцы, а ихъ ужъ нѣтъ:
Одинъ въ бою упалъ на штыкъ кровавый,
Другой въ слезахъ безъ гроба и безъ славы.

IV.

Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
До рубежа отчизны драгоцѣнной?
Нѣтъ, прахъ Кремля къ подошвамъ ихъ при-
сталъ,
И русский Богъ отмстилъ за храмъ священ-
ный...
Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ
И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
Онъ озарилъ имъ путь въ стени морозной—
И стень ихъ поглотила, и о томъ,
Кто намъ грозилъ и плѣномъ и стыдомъ,
Кто надъ землей промчался, какъ комета,
Сталъ говорить съ насмѣшкой голосъ свѣта.

V.

И старый домъ, куда привелъ я васъ,
Его паденья былъ свидѣтель хладный.
На пзраницахъ кой-гдѣ встрѣчаетъ глазъ
Черты карандаша, стихи и жадно
Въ нихъ ищетъ мысли—и безплодный часъ
Проходитъ... Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
Грустна ли онъ, или преданъ былъ веселью?
Какъ надписи надгробныхъ, онѣ
Рисуются узоромъ по стѣнѣ,—
Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.

VI.

И образы языческихъ боговъ—
Безъ рукъ, безъ ногъ, съ оббитыми носами—
Лежатъ въ углахъ низвергнуты съ столбовъ,
Раскрашенныхъ подъ мраморъ. Надъ дверями
Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
Въ померкшихъ рамахъ и глядятъ сурово,
И, мнится, обвинительное слово
Изъ мертвыхъ устъ ихъ излетитъ,—увы!
О, если бѣ этотъ домъ знавали вы
Тому назадъ лѣтъ двадцать пять и болѣ!
О, если бѣ время было въ нашей волѣ!...

VII.

Бывало, только утренней зарей
Освѣтятся церковей главы златыя,
И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
Дворецъ царей и стѣны вѣковыя
Отражены зеркальною волной;
Бывало, только прачка молодая
Съ бѣльемъ господскимъ изъ воротъ, зѣвая,
Выходитъ, и сквозь утренній морозъ
Раздастся первый стукъ колесъ,—
А графскій домъ ужъ полонъ суетою
И пестрыхъ слугъ заботливой толпою.

VIII.

И каждый день идетъ въ немъ ниръ горой,
Смѣются гости и бренчатъ стаканы.
Въ стеклѣ грашеномъ даръ земли чужой
Клокочетъ и шипитъ ан румяный,
И отъ крыльца каретъ недвижный строй
Далеко тянется, и въ залѣ длинной,
Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чинной,
Красавицы, столицы лучшій цвѣтъ,

Мелькаюгъ... Вотъ учтивый менуэтъ
Рисуется вамъ, вотъ шопотъ удивленья,
Улыбка, взгляды, вздохи, изъясненья...

XI.

О, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
Вдоль стѣнъ вѣсѣли пестрыя шпалеры,
Вездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ,
У зеркала
(Здѣсь рукопись обрывается).

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Испанцы.

ТРАГЕДІЯ ВЪ 5 ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть здѣсь я выразилъ небрежно
Души непобѣдимый жаръ
И дикой страсти пылъ мятежной.

Нѣтъ, не для свѣта я писалъ,—
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ! не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья.

Я знаю: все равно ему,
Душѣ ль исполненной печали
Или веселому уму
Живыя струны отвѣчали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмѣяла,
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины раннія сгоняла:

Такъ надъ гробницею стоитъ
Берега юная, склоняя
Съ участіемъ вѣтки на гранитъ,
Когда реветъ гроза ночная!..

дѣйствующія лица:

донъ алварецъ, дворянинъ испанскій.
эмилія, дочь его.
донна марія, мачеха ея.
фернандо, молодой испанецъ, воспитанный Алва-
рецомъ.
патеръ соррини, итальянецъ іезуитъ, служащій
при инквизиціи.
доминиканецъ, пріятель Соррини.
моисей, еврей.
ноэми, дочь его.
сара, старая еврейка.
испанцы, бродяги, подкупленные Сорриниемъ.
жиды и жидовки.
служители инквизиціи.

Слуги Алвареца, слуги Сорринія, народъ, гро-
бовщики.

Дѣйствіе происходитъ въ Кастиліи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

*Комната у Алвареца, столъ, портреты на
стѣнахъ и зеркало на стѣнѣ. Донна Марія
сидитъ въ креслахъ. Эмилія стоитъ и переоп-
раетъ четки.*

донна марія.

Да, съ этихъ поръ тебѣ я запрещаю
Съ Фернандо говорить. Во-первыхъ, онъ
Неблагородный. Оттого мой мужъ
Тебѣ съ нимъ не позволить съединиться
Супружествомъ; и я въ томъ настою!

эмилія.

Повѣрьте, благородство не въ бумагахъ,
А въ сердцахъ.

донна марія.

Такъ, ужъ вѣрно отъ него
Ты этого наслушалась—прекрасно!..

эмилія.

Не мудрено, что мнѣ Фернандо много
Прекрасныхъ чувствъ помочь узнать. Когда
Еще я забавлялась куклой, онъ,
Безвѣстный сирота, былъ взятъ моимъ отцомъ:
И съ этихъ поръ я подъ одной съ нимъ кровлей
Жила, какъ съ братомъ—и, бывало,
Вдвоемъ гуляли мы въ горахъ Кастильскихъ.
Онъ былъ подпора и вожатый мнѣ;
И не было на тѣхъ вершинахъ розы,
Которой для меня не могъ бы онъ достать.
*Донна Марія въ разсѣяніи какъ бы отпра-
вляетъ что-нибудь въ своемъ одъяніи и не слу-
шаетъ.*

Однажды мы до ночи заходились:
Душистый вѣтерокъ свѣжѣе становился,
И мѣсяцъ по небу катился.
Предъ нами быстрый былъ потокъ. Фернандо,
Чтобъ перенести, взялъ на руки меня.
Мы перешли, но я все оставалась
Въ его объятыхъ. Вдругъ, я помню,
Онъ страннымъ голосомъ спросилъ меня:
„Эмилія меня не любить?“—Нѣтъ, люблю!
Сказала я, и ужъ съ того мгновенья
Люблю его нѣжнѣй всего на свѣтѣ!

донна марія.

Вотъ это именно меня и заставляетъ
Тебѣ совѣтовать не говорить съ нимъ:
Тебѣ я замѣняю мать, могу—
И мнѣ дано отъ Алвареца право—
Смотрѣть какъ можно строго за тобою;
И ты женой Фернандо быть не мысли.

Эмилія.
А можетъ быть гаданья ваши ложны.
донна марія.
Повѣрь, тебя я не глупѣе, потому
Что ужъ за третьимъ мужемъ: опытность
Разсудокъ замѣняетъ; знаю, какъ
Несчастливы супружества, когда
Мужъ и жена не равны состояньемъ.

Эмилія.
Неужели умершіе мужья
Разсудку придаютъ?
донна марія (*будто не слыжавъ*).
Звонять къ обѣднѣ!

Эмилія.
Звонять! (*Въ сторону*). А онъ еще все не при-
ходитъ.

донна марія.
Взяла ли ты молитвенную книжку?

Эмилія.
Ахъ, позабыла! (*Беретъ со стола*). О, какъ
долго! долго!..

Фернандо входитъ. Донна Марія не видитъ его и выходитъ въ дверь. Эмилія изъ-подъ мантильи, слышуя за мачехой, роULET записку. Фернандо, лягавшій владѣе за нею, подымаетъ.

Фернандо (*открываетъ*).
„Я знаю, что батюшка слышалъ о нашей
любви и о твоёмъ намѣреніи жениться на мнѣ.
Онъ тебѣ вѣрно станеть говорить объ этомъ.
Ради Бога, не горячись съ нимъ; иначе мы
никогда не будемъ счастливы“.
Ты много требуешь, Эмилія! (*Молчаніе*).
Кто бы могъ подумать, что такой глупецъ,
Такой безчувственный... чудна природа...
А это милое небесное созданье—
Эмилія!.. нѣтъ, нѣтъ! она не дочь его.
Мнѣ скажутъ: благодарность!.. благодарность!..
За что?—За то ль, что каждый день
Я чувствовать былъ долженъ, что рождень
Я въ низкомъ состояннн, что обязанъ
Всѣмъ, всѣмъ тому, кого душою выше;
За то ли, что помочь всеневный хлѣба,
Меня питавшій, долженъ былъ упрекомъ
Кольнуть мое встревоженное сердце?..
За это благодарность отъ меня?
О! лучше бы отъ голода погибнуть,
Чѣмъ выносить такія укоризны!..
И какъ онъ могъ узнать мои желанья! странно!..
Но что ни будь, а даже для нея
Малѣйшей не стерплю опять обиды! полно!..
Любовь возьметъ свое... но не теперь!..
*Аварецъ входитъ тихими шагами и садится
въ кресла.*

Фернандо.
Какой же гордый видъ, какъ будто въ немъ
Соединилися всѣ души предковъ! (*Обращаясь
къ портретамъ*).
О вы! вы образы людей великихъ,
Своею мудростью и силой
Скажите мнѣ, ужель гніющія
Нѣмыя гробовъ безчувственные жертвы
Отнимутъ у меня мою Эмилію?..
Смѣшно!—Я не могу себѣ представить,
Чтобы мертвые имѣли предрасудки!..

Аварецъ.
Фернандо, до меня доходятъ слухи,

Что ищешь ты войти въ мое семейство!..
Безумецъ ты, клянусь Святою Дѣвой!
И мысль одна, мой милый, быть мнѣ зятемъ,
Должна казаться смертною обидой.

Фернандо.
Желательно, чтобы моя обίδα
Могла вамъ заплатить за ваши ..

Аварецъ.
Мои обиды!.. Слушай же, глупецъ,
Что я скажу тебѣ, да со вниманьемъ.

Фернандо (*насмѣливо*).
Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ, оказавъ
Добро одинъ разъ въ жизни человѣку,
Бранить его глупцомъ сто разъ — и каждый
день!

Аварецъ.
Узнать ты долженъ, наконецъ,
Кто ты... Доселѣ содержалъ я
Тебя почти совсѣмъ какъ бы родного;
Но съ этихъ поръ перемѣнилось все!
Я повторю тебѣ, какъ ты попалъ сюда:
Съ слугой однажды шелъ я изъ Бургоса
(Тогда еще я только что женился);
Ужъ смерклося, и сырой туманъ покрылъ
Вершины горъ. Иду черезъ кладбище,
Среди котораго стояла церковь—
Забытая, съ худыми окнами;
Мы слышимъ дѣтскій плачь и на крыльцѣ
Находимъ бѣднаго ребенка—го быть ты;
Я взялъ тебя, принесъ домой — и воспиталъ.

(*Насмѣливо*).
Но для чего тебя тамъ положили,
И кто родители твои—Богъ знаетъ!
А я такъ не хочу и знать; да, да!
Фернандо (*пораженный, про
себя*).
Такъ, такъ!.. Совсѣмъ, совсѣмъ забытый си-
рота!..

Въ великомъ Божьемъ мнрѣ ни одной
Ты не найдешь души себѣ родной!..
Питался я не материнской грудью
И не спалъ на ея колѣняхъ. Чуждый голосъ
Училъ меня родному языку
И пѣлъ надъ колыбѣлю моей. (*Молчаніе*).
*Ходитъ взадъ и впередъ, потомъ опять прихо-
дитъ въ спокойное положеніе.*

Аварецъ.
О чемъ печалень? точно вотъ какъ было.
Возможно ли тебѣ теперь жениться
На дочери моей? Что послѣ скажутъ
Другіе благородные испанцы?..

Фернандо.
Поговорять—и замолчать.
Аварецъ.
Не замолчать; неслыхано у насъ,
Чтобы на улицѣ найденный человѣкъ
Съ семействомъ очень древнимъ, благороднымъ
Могъ сблизиться.

Фернандо.
Сказать вамъ отчего?
Боятся эти люди, чтобы тогда
Ихъ равенство скорѣй не увидали...
Аварецъ подходитъ къ портретамъ.

Аварецъ.
Вотъ этотъ, здѣсь, мой первый предокъ, жилъ
При Карлѣ Первомъ, при дворѣ, въ благоволеннн

У короля; второй при инквизиціи
Священной былъ не въ малыхъ людяхъ;
Вотъ тутъ написано, что сдѣлалъ онъ:
Три тысячи невѣрныхъ сжегъ и триста
Въ различныхъ наказаніяхъ замучилъ.

ФЕРНАНДО *(насмѣшливо)*.

О, этотъ былъ безъ спору мужъ святой;
Конечно, онъ уже причисленъ къ лику
Святителей великихъ?

АЛВАРЕЦЪ *(равнодушно)*.

Нѣтъ еще!..

Вотъ третій здѣсь, въ военномъ одѣянии,
Съ перомъ на шляпѣ краснымъ и съ усами:
Вторымъ служилъ на флотѣ онъ и утонулъ
Въ сраженіи противъ англичанъ проклятыхъ.
Еще жъ пятнадцать прадѣдовъ моихъ ты ви-
дишь

*(Дай Богъ, чтобъ и меня сюда вписали
И родъ нашъ до гробы послѣдней продолжился.)*
И ты—ты захотѣлъ вступить въ число ихъ?
Гдѣ, гдѣ твои родители, бродягце,
По свѣту негодяи—подлые... или...
Несчастные любовники, или какіе-
нибудь еще похуже... дерзкій! что ты скажешь?
Когда пергаменты свои покажешь
И явишь все: тогда я замолчу.

ФЕРНАНДО.

О, если бъ только я хотѣлъ молчать
Заставить васъ *(трогая шагу)*, то безъ пер-
гаментовъ

Я бъ это могъ.

АЛВАРЕЦЪ.

Ужъ слишкомъ ты забылся,
Бродяга! Покажи жъ сейчасъ, какъ ты
Меня молчать заставишь; а не то
Велю тебя прибить, и это вѣрно,
Какъ то, что пала естъ апостоловъ намѣстникъ!
Какъ ты меня молчать заставишь?
Вѣдняга, плутъ, найдешь!.. Ты не помнишь,
Что я испанской дворянинъ, могу
Тебя суду предать за эту
Обиду *(толнувъ)*: видишь ты передъ собою
Изображеніе отцовъ моихъ?
Кто жъ твой отецъ?.. Кто мать твою,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви?.. Вѣрно ужъ жидовка,
А съ христіанкой быть сего не можетъ.
Итакъ, смирся, жидовское отродье,
И кланяйся сейчасъ передо мной,
Чтобъ я тебя изъ жалости простилъ!..

ФЕРНАНДО *(въ безтокойствѣ)*.

Послушай, Алварецъ! теперь, теперь я
Ничѣмъ тебѣ не долженъ?.. Алварецъ,
Ни благодарности, ни уваженія
Не требуй отъ меня. Кровь благородная
Текла понинѣ въ жилахъ этихъ. *(Минута мол-
чанія.)*

Вотъ эта шпага, если хочешь знать,
Она тебя молчать заставитъ.

АЛВАРЕЦЪ.

Вонъ!.. Вонъ скорѣй изъ дома моего,
Чтобъ никогда ни самъ, ни дочь моя
Тебя близъ этихъ мѣстъ не увидали.
Но если жъ ты замыслишь потихоньку
Видаться съ нею, то, кланусь Мадритомъ,
Кланусь портретами отцовъ моихъ,
Заплатишь кровью мнѣ.

ФЕРНАНДО.

Ты можешь кровь мою
Испить до капли всю, но честь, но честь
Отнять не въ силахъ, Алварецъ!..

АЛВАРЕЦЪ.

Вонъ!.. Вонъ, глупецъ!.. Когда ты хлѣба
Имѣть не будешь, къ моему окошку
Не подходи, а то велю прогнать.
(Въ сторону.) Каковъ же негодяй Фернандо
сталъ!..

ФЕРНАНДО.

О, адъ и небо!.. ну, прощай!.. Но бойся,
Если я рѣшусь на что-нибудь.

*Убываетъ въ бѣшенствѣ и сталкивается въ ове-
рляхъ съ патеромъ Соррини, котораго не замѣ-
чаютъ. Соррини на мигу поражень, нако-
нецъ, сибаетъ спину и съ поклономъ входитъ.
Алварецъ идетъ радостно іезуиту навстрѣчу.*

АЛВАРЕЦЪ.

А! добрый день отцу Сорринию! *(Отъ его сначала
въ безпокойствѣ не замѣтилъ.)*

Какъ поживаете, святой служитель Божій?

СОРРИНИ *(кланяясь съ при-
творствомъ, глаза къ небу)*.

Помилуйте, я лишь смиренный рабъ
Его, и вашъ слуга покорнѣйшій.
Да что у васъ за шумъ въ дому случился?
Какъ бѣшенный, тутъ кто-то пробѣжалъ
И даже мнѣ не поклонился.

АЛВАРЕЦЪ.

Да, я теперь лишь изъ дому прогналъ
Питомца своего; давно пора ужъ было.

СОРРИНИ.

И я давно уже замѣтилъ это,
Но не хотѣлъ лишь беспокоить васъ...
Повѣса онъ большой и пылкій малый,
Съ мечтательной и буйной головой.
Такіе люди не служить родились,
Но вѣзмъ другимъ приказывать.
Не то, что мы, которые должны
Склоняться ежедневно въ прахъ,
Чтобъ чувствовать ничтожество свое,
Стараясь добрыми дѣлами
Купить себѣ прощенье за грѣхи.
А что онъ сдѣлалъ, должно ли мнѣ знать?
Быть можетъ, противъ церкви или короля,
Такъ мнѣ не худо знать...

АЛВАРЕЦЪ.

Вѣдняга этотъ...

СОРРИНИ.

Вѣдняга?

АЛВАРЕЦЪ.

Какъ же! Я его нашелъ
Ребенкомъ, брошеннымъ на улицѣ.

СОРРИНИ.

Такимъ бы людямъ надобно прощать:
Они наказаны ужъ Богомъ...

АЛВАРЕЦЪ.

Какъ прощать?!
Да я вамъ расскажу, что сдѣлалъ онъ.

СОРРИНИ *(въ сторону)*.

Какъ жалко, что его карманы пусты,
А то набилъ бы я свои потуже.
Такъ въ мірѣ все изъ рукъ въ другія перехо-
дитъ.

АЛВАРЕЦЪ (съ таинственнымъ
видомъ).

Когда онъ былъ еще ребенкомъ, позволялъ
Ему я съ дочерью моей играть;
Они играли да играли... я не думалъ.
Что выйдетъ что-нибудь изъ этого худое.
Бывало спросишь: что вы, дѣти? Мы играемъ.—
Во что?—Въ любовь!—И нѣжно цѣловались,
Какъ горлицы. Фернандо, ставъ постарше,
Ужъ понялъ, что нейдетъ такъ вольно обра-
щаться,

И началъ думать, какъ бы продолжать
Игру когда-нибудь... Изъ словъ его я видѣлъ
Перѣдко, что желалъ бы онъ жениться
На дочери моей... Какъ я взбѣсился,
Вы можете понять, отецъ Соррини!
Съ тѣхъ поръ я сталъ съ нимъ грубъ, суровъ,
хоть противъ воли.

Какъ вы ни говорите — взялъ его
Еще ребенкомъ я подъ эту крышу;
Онъ жилъ со мною дватцать лѣтъ;
Былъ будто первенцемъ моимъ... Недавно
Я вновь хотѣлъ съ нимъ показаться нѣжнымъ,
Какъ вдругъ узналъ я отъ жены моей,
Что хочетъ у меня просить Фернандо
Эмилию въ замужество... Ну жъ, меня
Вы знаете: хотъ сѣдъ, но какъ взбѣсусь...
Ну!.. я и угваривалъ его
И представлялъ всѣ важныя причины;
Онъ много мнѣ грубилъ, и я рѣшился
Прогнать его изъ дома наконецъ.
И не увидитъ христіанская душа
Его ноги въ дверяхъ моихъ,— въ томъ я увѣ-
ренъ!..

соррини.

Хмъ-хмъ!.. Что жъ ваша дочь?

АЛВАРЕЦЪ.

Не знаю, у обѣдни
Она теперь сидитъ съ моей женою,
И вѣрно молится о немъ. Да какъ въ
Мальчишкѣ этому дорогу уступили,
Когда не поклонился даже онъ?
Какъ вы его не удержали тотчасъ,
Чтобъ должнаго потребовать почтенья?

соррини.

Слѣпымъ дорогу должно очищать.

АЛВАРЕЦЪ.

Слѣпымъ? Да онъ глядѣлъ вѣдъ въ оба глаза.

соррини (съ презрительной
улыбкой).

Конечно, вы не поняли меня;
Покуда ни одной сѣдинки не видать
На головѣ, пока огнемъ живымъ,
Какъ розами, красуются ланиты,
Пока глаза во лбу не потускнѣли,
Пока трепещетъ сердце отъ всего—
Отъ радости, печали, ревности, любви,
Надежды, счастья—и пока все это
Не пронеслось — и навсегда, есть страсти,
страсти

Ужасныя; какъ тучею онѣ
Взоръ человека покрываютъ; ихъ гроза
Свирѣпствуетъ въ душѣ несчастной и она
Достойна сожалѣнія безспорно.
Такіе люди слѣпы; вашъ Фернандо
Изъ ихъ числа—такъ что жъ мнѣ было дѣлать:
Я долженъ былъ дорогу уступить,

Совѣтъ не отъ того, чтобъ я боялся...
А... безъ причинъ съ опасностію спорить
Нейдетъ ни званью моему, ни чину;
Вы согласитесь (*показывая на крестъ*): этотъ
крестъ смиренную учить
Меня. Тотъ, Кто на немъ былъ распятъ,
Монмъ примѣромъ долженъ быть, и я,
Какъ могъ, свою обязанность исполнилъ!..

Слуша Сорриниа *входитъ съ письмомъ и от-
даетъ его своему господину.*

СЛУГА.

Отецъ Соррини! вотъ письмо отъ бѣдной;
Лишь только вы ушли, она явилась въ домъ
нашъ.

соррини.

Да отъ кого письмо, какая крайность?

СЛУГА.

Отъ бѣдной женщины, которую прогнали
Намедни вы...

соррини (*прерываетъ его*).

И нынче приходитъ вѣдѣль...

СЛУГА.

О, господинъ мой! какъ она жалка;
И, слыша рѣчь ея, расплакался:
Шестъ, семь ребятъ въ лохмотьяхъ,
Лежащихъ на соломя безъ кусочка хлѣба
Насущнаго. Какъ я вообразилъ ихъ крикъ:
„Мать! дай намъ хлѣба, хлѣба... мать! дай
хлѣба!“

Признаться, сердце сжалось у меня.

соррини.

Молчи, молчи, не то и я заплачу!..
О, Боже мой, пошли благословенье
На бѣдную, забытую семью,
Услыши недостойнаго молитву. (*Слушъ громко*):
Дай пять серебряныхъ монетъ—дай отъ меня.

(Слуша смотритъ на него. Соррини подходитъ
и говоритъ тихо.)

Ступай, дай ей одну!..

СЛУГА.

Да сжалется!..

соррини (*топнувъ громко*).

Какъ? Много?..

Добра не дѣлаемъ мы никогда довольно...

(Слуша съ смущеніемъ уходитъ.)

АЛВАРЕЦЪ.

Я удивляюсь вамъ, святой отецъ.

соррини.

Ахъ!.. Замолчите, я молю васъ; слышать
страшно...

И самый, самый бѣдный грѣшникъ.

АЛВАРЕЦЪ (*глядитъ въ окно*).

Вотъ и жена моя идетъ изъ церкви,
А съ ней Эмилиа съ своими четками.

соррини (*въ сторону*).

Идетъ прелестная! Пусть бережется! Если
Заронитъ искру пламя въ эту грудь,
Оледенѣвшую отъ лѣтъ, то не легко
Она избѣгнетъ рукъ моихъ; мнѣ трудно
Носить понинѣ маску, но что жъ дѣлать?
Того ужъ требуетъ мой санъ. Ха-ха-ха-ха!..

(Эмилиа и донна Марія входятъ.)

Какъ счастливъ я, что вижу, наконецъ,
Прелестную Марію и тебя,
Невинную Эмилию. О, Алвацерь!

Не долженъ тотъ роптать на Провидѣнье,
Кто обладаетъ этими дарами неба,
Хотя бы крышки не было отъ солнца
Ихъ защитить.

АЛВАРЕЦЪ.

Эмилія, поди сюда!

Я объявилъ отгу Сорринію,
Что влюблена ты.

Эмилія (*покраснѣвъ*).

Батюшка!

АЛВАРЕЦЪ.

Молчи!.

Отецъ святой тебя наставить хочетъ
Въ томъ, какъ вредна любовь, а ты—
Ты слушай со вниманьемъ, чтобъ ни слова
Не кинулъ онъ на воздухъ: сердце
Твое запутано; не знаешь ты,
Чего ты хочешь; онъ тебѣ откроетъ
Опасность страшную любви.

СОРРИНИ.

Да, если мнѣ позволилъ вашъ родитель,
То я готовъ неопытность ввести
На лучший путь: тамъ нѣтъ цвѣтовъ,
Тамъ тернія, но цѣль, къ которой мы
Приходимъ, веселитъ насъ, а былое,
Печально или весело, смотря по тѣмъ
Мгновеніямъ, когда о немъ воспоминаешь;
Итакъ, всего важнѣй послѣдствіе:
Коль къ добру концу дѣянья наши,
То способы всегда ужъ хороши,
Какіе бы ни были... Страхись, Фернандо!
Онъ льститъ тебѣ, обманетъ, или,
Положимъ, на тебѣ онъ женится,
Но это для того, чтобъ быть богаче.

АЛВАРЕЦЪ.

Да этого не будетъ никогда;
Скорѣй всѣ мертвые воскреснуть.

СОРРИНИ.

Не говорите этого: бываютъ
Такіе случаи. Но васъ, Эмилія,
Прошу бояться пламенной любви.
Быть можетъ, притворяется Фернандо?
Послушайте, я расскажу вамъ случай,
Которому свидѣтель былъ въ Мадридѣ,
При инквизиціи святой.
У дѣвушки одной любовникъ былъ,
Красивый, молодой и умный малый,
И, такъ сказать, на все удалый.
И онъ красавицу мою любилъ,
И очень долго это продолжалось;
Какъ, наконецъ, замѣтила она,
Что, отъ нея безъ грусти удаляясь
Подъ разными предлогами, не сталъ
Онъ находить веселья въ разговорѣ пѣжномъ,
Что къ ней онъ вовсе охладѣлъ,
Что не дивился ужъ красѣ ея наряда,
И призывающаго взгляда
Онъ понимать ужъ не умѣлъ.
Какъ женщинѣ все это не замѣтить,
Когда вся жизнь ея въ томъ только состоитъ?..
Вотъ ревность въ грудь ея, какъ червь, закра-
лась,

И долго сердце горькое точила...
Ну, просто безъ обиняковъ скажу,
Она любимца отравила,
И онъ скончался въ двое сутокъ...
Но такъ какъ бѣдный сей испанецъ
Служилъ при инквизиціи писцомъ,

То въ дѣло всѣ вошли по праву мщенія.
Преступницу наказывали долго,
Имѣнье въ пользу церкви обративъ,
И, наконецъ, замучили до смерти!..

(*Всѣ содрогаются.*)

Вотъ слѣдствія любви!.. Страхись, Эмилія!
На мячикъ сердце въ насъ походитъ: положи
Ты на крутой горѣ его тихонько—
И онъ не тронется; но, разъ толкнувъ,
За нимъ хоть бросишься, но не догонишь.
Не такъ ли говорю я?

АЛВАРЕЦЪ.

Точно такъ.

Вы совершенно справедливо поступили
Съ несчастною преступницей!.. Какъ? Отра-
вить

Служителя священной инквизиціи?
Она мученья смерти заслужила.

СОРРИНИ.

Нѣтъ! я совсѣмъ не говорю сего!
(*Кидая взоръ на Эмилію.*)

Я сильно жалостливъ... насильно
Меня заставили бумагу подписать;
Всѣ члены у меня, хладѣя, трепетали,
И осуждалъ мой умъ, что пальцы написали...
Но такова судьба судей земныхъ!..
Всѣ люди мы, и ослабленны страсти,
Безумное волненіе души, должны мы
Прощать, когда мы избѣжить не въ силахъ.

ДОННА МАРІА.

Ахъ! я и прежде такъ судила.

АЛВАРЕЦЪ.

И въ самомъ дѣлѣ правда это.

СОРРИНИ (*радостно въ сторону*).

Они меня боятся!

ЭМИЛИЯ.

Позволь тебя спросить мнѣ, батюшка,
Къ чему все это клонится?

АЛВАРЕЦЪ.

Къ тому,

Что не должна ты плакать и крушиться
О томъ, что болѣе Фернандо не увидишь:
Онъ нагрубилъ мнѣ нынче, и навѣки
Его изъ дому я прогналъ.
Не смѣй съ нимъ видѣться тихонько, или
Страхися оскорбленнаго отца...
Прощаю я твою любовь, какъ бы порокъ,
Въ которомъ ты исправилась. Надѣюсь,
Что это будетъ такъ, по крайней мѣрѣ.

СОРРИНИ.

Утѣштесь, нѣжная Эмилія!
Любовь пройдетъ, самимъ вамъ будетъ легче.

ЭМИЛИЯ (*сквозь слезы*).

Довольно и того, что сдѣлали,
Но для чего смѣяться надо мной?.. (*Плачетъ.*)
Эмилія уходитъ, закрывъ глаза платкомъ. *Всѣ въ изумленіи.*

СОРРИНИ.

Какъ рѣзко вы сказали, Алварецъ!
Нечаянный ударъ послѣдъ себѣ
Ведетъ раскаянье нерѣдко.

АЛВАРЕЦЪ.

Э! нужды нѣтъ, отецъ Соррини!
Вѣдь надо было бы открыть;
А чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше...

Соррини.

Не всегда.

Вы знаете ли, женщина—цвѣтокъ,
Который, если вы его согнете вдругъ,
Изломится.

донна марія.

Да не угодно ль вамъ

Позавтракать, отецъ Соррини.

Соррини.

Благодарю, прекрасная Марія!
Земная пища часто не должна
Ласкать того, кто пищею духовной
Владѣеть. До свиданья, донна! До свиданья
И вы, почтенный другъ мой Алварецъ!
Желаю, чтобъ небесъ благословенье
Сошло на домъ вашъ... и чтобъ ваша дочь...
Утѣшилась скорбй; я думаю,
Она и не замедлитъ. Ха-ха-ха! прощайте!

(Уходитъ, низко кланяясь.)

Алварецъ.

Когда еще намъ сдѣлать честь придетъ
Вамъ въ голову, то, вѣрьте мнѣ,
Открыты будутъ ежедневно двери
Мои для васъ... какъ сердце... (кланяясь) одол-
жите!

*Соррини, провожаемый до двери, уходитъ на-
конецъ.*

Ну, слава Богу!.. Онъ такой смиренный,
Что и не знаешь, что сказать ему,
Боюсь такихъ людей, которые всегда
На языкъ своемъ имѣютъ: да! и да!
Хоть сердятся они—не знаешь извиниться,
Затѣмъ, что съ виду всемъ довольны.
Но съ кѣмъ бранился я, съ тѣмъ можно по-
мириться!

(Уходитъ все.)

СЦЕНА II.

*Ночь. Театръ являетъ садъ и балконъ съ лѣ-
вой стороны. На немъ выходитъ Эмилія. Бал-
конъ соединенъ съ садомъ. Эмилія сидитъ. Мѣ-
сла въ надъ деревьями.*

Эмилія.

Все тихо, только это сердце безпокойно;
Неблагодарный!.. Я его просила,
Чтобы хоть для меня онъ удержался.
Ужели для меня не могъ онъ?.. Вотъ муж-
чины!

Ужели мнѣнѣ моего отца
Ему дороже, чѣмъ любовь моя?..
Теперь ужъ некому меня утѣшить... (Молчаніе.)
Ужъ эти мачехи!.. Презлѣбныя творенья!..
И этотъ іезуитъ—вѣдь надобно жъ
Мнѣ окруженной быть такимъ народомъ!..
О, если бъ могъ прекрасный мѣсяцъ озарить
Хотя послѣднее свиданье наше!..
Фернандо разлюбилъ меня конечно,
А то бы онъ пришелъ проститься; я прощаю
Его горячность; но зачѣмъ неидеть
Онъ извиниться въ этомъ предо мною?..
Ему грозилъ отецъ мой—это правда!
Попробую сойти. (Сходитъ съ балкона.)

Тамъ кто-то шевелится!

Какъ бьется сердце!.. Но чего бояться,
Вѣдь я одна... А если кто-нибудь!..

Кто тамъ?.. Тѣнь шевелится на землѣ...

Ахъ, Боже мой!.. Куда уйду!..

(Слышитъ голосъ.) Эмилія!..

Эмилія.

Ахъ, ахъ! Святой Доминго, помоги!
Злой духъ ко мнѣ идетъ. (Въ испугъ не зна-
етъ, что дѣлать.)

Фернандо (выходитъ въ чер-
номъ плащѣ).

Эмилія!

Мой голосъ страшенъ для тебя?.. Ты испуга-
лась!..

Эмилія.

Нѣтъ!.. нѣтъ!.. Ахъ, садимъ, я дрожу!..

Фернандо (беретъ ее за руку).

Ты права!

Но отчего я испугалъ тебя такъ сильно? (Они
салятся на скамью.)

Эмилія.

Ну, что жъ ты скажешь?

Фернандо.

Я пришелъ проститься!..

Проститься!.. Въ первый разъ такое слово
Должно меня печалить... Знаешь ли,
Я думаю, что былъ бы счастливей,
Когда бы не съ кѣмъ было мнѣ проститься...
Ты будешь плакать—мнѣ двойная мука!..

Эмилія.

Самъ виновать: вѣдь я тебя просила...
Ты не хотѣлъ. Кто жъ виновать? Кто жъ ви-
новать?

Фернандо

Нѣтъ, я не могъ, клянусь небомъ!
Ты знала нравъ мой—для чего писала?..
Но все ужъ кончилось... Не укоряй меня...
Не укоряй; признаться виноватымъ
Мнѣ было бъ тяжело—ты это знаешь...
Что сдѣлано—то сдѣлано...

Эмилія.

Гдѣ будешь

Ты жить теперь, Фернандо?

Фернандо.

Гдѣ? гдѣ жить?..

Ты мнѣ напомнила ужасное...
Зачѣмъ такой вопросъ?.. Ты знала,
Что не имѣю я ни друга, ни родни,
Ни мѣста въ цѣломъ королевствѣ, гдѣ бъ
Я могъ найти приютъ. Послѣдній нищій
Имѣетъ то, чего я не имѣю:
Онъ равнодушно и спокойно проситъ хлѣба.
Вообрази: лишь ты одна на свѣтѣ
Сказала мнѣ: „люблю“; тебѣ одной
Я повѣрялъ все мысли, все желанья;
Ты для меня—родня, друзья...ты все мнѣ!..
Гордился этимъ!.. Такъ, Эмилія,
Мы созданы Небеснымъ другъ для друга,
Ты все для сердца этого—и Богъ
Не такъ жестокъ, чтобъ все отнять
У человѣка! (Молчаніе.) Дай мнѣ свой порт-
ретъ. (Она снимаетъ съ шеи и даетъ.)

Эмилія.

А я сама его хотѣла дать тебѣ,
Затѣмъ и принесла сюда съ собою;
Но знаешь, говорятъ, не должно
Съ женщиной дѣвущей сидѣть въ полночь...

ФЕРНАНДО.
Со мной сдѣть не бойся никогда.
ЭМИЛИЯ (*кидается ему на шею*).

О, милый! Какъ мнѣ грустно! Будто
Свинецъ въ груди на мѣсто сердца...
Какъ вспомню, что въ послѣдній разъ тебя
Здѣсь вижу, слезы становятся, дыханье
Рѣдѣеть... то боюсь, чтобъ не пришелъ отецъ
мой,
То, чтобъ часть прощанья не пришелъ...
Ко мнѣ ужасныя тѣснятся мысли:
Вчера я видѣла во снѣ, что ты
Меня хотѣлъ зарѣзать.

ФЕРНАНДО (*градно и быстро*).
Пересталь.
Взгляни на тихую луну! О, какъ прекрасна!
И облачка вокругъ нея! Луна,
Луна! какъ много въ этомъ звукѣ чувствъ:
Что будетъ, что теперь, и что прошло—все въ
немъ
Соединяется... И что прошло!..
И кто бъ подумать могъ, что та жъ луна,
Которая была нѣмой свидѣтель
Минуты первой... у ручья... въ горахъ, ты по-
мнишь,—

Что та жъ луна свидѣтель будетъ
Разлуки, нѣжная Эмилія!..
Взгляни опять: подобная Арמידѣ,
Подъ дымкою сребристой мглы почной
Она идетъ въ волшебный замокъ свой;
Вокругъ нея и слѣдомъ тучки
Тѣснятся, будто рыцари-вожди,
Горящіе любовью, и когда
Чело ихъ обращается къ прекрасной,
Оно блеститъ; когда же отвернуть
Къ соперникамъ, то ревность и досада
Его нахмуряютъ тотчасъ; посмотри,
Какъ шлемы ихъ чернѣются, какъ перья
Колѣблются на шлемахъ... Помнишь, пом-
нишь,

Въ тотъ вечеръ все такъ было, кромѣ
Судьбы Фернандо; небо и земля
Все тѣ же,—только люди!.. Если бъ ты
Не причислялась къ нимъ, то я бъ ихъ про-
клялъ.

ЭМИЛИЯ.
Да развѣ ты не человекъ же?

ФЕРНАНДО.
О, я себя бы вмѣстѣ съ ними проклялъ!..

ЭМИЛИЯ.
За что это?

ФЕРНАНДО.
За то, что не могу
Я видѣть хладнокровно, какъ они
Стараются другъ другу дѣлать зло,
Съ притворной добротой, когда совѣмъ
Не просятъ ихъ; за то, что не могу
Я видѣть общаго стремленья къ ничему,
Или для золота разбитыя сердца?..
За то... Эмилія... О, я злодѣй—
Я могъ бы сдѣлать счастливой тебя,
Стараться, чтобы ты меня забыла...
Но какъ взгляну на будущность... на жизнь
Безвѣстную съ прошедшимъ ядовитымъ...
Тогда... Эмилія... тогда я жертвовать
Готовъ твоимъ блаженствомъ, чтобъ имѣть

Близъ этой груди существо такое,
Которое понять меня бъ могло
Желаю, чтобы вѣчно часъ такой
Не приходилъ... Но... не люби меня,
Ты видишь нравъ мой—позабудь меня...
Забудешь ли?

ЭМИЛИЯ.
Что если бъ я сказала „да“?
Не говори въ другой разъ то, чего не мыс-
лишь...

ФЕРНАНДО.
Мой ангелъ, ангелъ... ты понять не можешь,
какъ

Любовь твоя меня терзаетъ!
(*Фернандо обнимаетъ ее и она его.*)

О, если счастье неба будетъ
Имѣть тамъ много горечи, какъ этотъ
Единый поцѣлуй, то я бы отказался
Отъ рая добровольно! Ахъ, Эмилія!
Ступай ты лучше въ монастырь,
Ступай въ обитель, скрой себя отъ свѣта,
Умри!.. Предвижу много страшнаго!..
О, если бъ никогда ея не зналъ я! (*Звонъ.*)
Полночь... прости!.. Но что за шорохъ? (*Мо-
чанье.*) Мы пропали!
Я позабылъ калитку затворить...
Бѣги!.. Бѣги!..

ЭМИЛИЯ.
Спаси насъ, Царь Небесный!
(*Уходитъ на балконъ и скрывается.*)

ФЕРНАНДО (*вынимаетъ шпагу*).
Кто тамъ?.. Заплатишь дорого
За это любопытство мнѣ!
(*Ударяетъ по кусту. Вскрикнувъ, выплзаетъ
жидъ съдой и бросается на колѣни.*)

МОИСЕЙ.
Помилуй!..
Яви, что жалость у испанца есть.

ФЕРНАНДО.
Вздоръ, вздоръ... ты слышалъ—и умрешь.
Признайся, ты подосланъ? (*Шпагу подставля-
етъ къ горлу.*)
МОИСЕЙ (*на колѣняхъ*).
Нѣтъ.

ФЕРНАНДО.
Ты лжешь!

МОИСЕЙ.
Страшнѣе убить напрасно старика!
(*Кидается въ ноги, обнимаетъ колѣни.*)

Спаси меня... у насъ вѣдь Богъ одинъ..
Меня преслѣдуютъ... быть можетъ, твой
Отецъ въ живыхъ... я самъ отецъ... о, для
него

Спаси меня отъ инквизиціи...
Возьми имѣнья половину... но зачѣмъ
Ругаться попусту надъ сѣднами...
Тебѣ заплатитъ Богъ твой... у меня
Есть дочь: что будетъ съ нею?..
О, сжался, сжался!

ФЕРНАНДО.
У тебя есть дочь!..
А я хотѣлъ... О, нѣтъ! довольно въ свѣтѣ
Сиротъ и безъ нея... Возьми. (*Кидается ему, не
глядя, плащъ и шляпу.*)

Надѣнь!..
Иди за мной; ни слова... или смерть!..
Ни слова—я хочу тебя спасти!..

МОНСЕЙ.
Какъ!.. какъ!.. (*Молчаніе. Жидъ въ изумленіи.*
Испанецъ съ презрѣніемъ глядитъ на него.)

Клянусь Ерусалимомъ,
Что онъ не христіанинъ... это вѣрно.
(*Наставляетъ плащъ и шляпу.*)

ФЕРНАНДО.
Собака! что сказалъ ты... что сказалъ ты?..
Не смѣй законъ мой поносить при мнѣ...
Пойдемъ. (*Являются издали факелы и люди съ*
другой стороны.)
МОНСЕЙ (*тихо про себя.*)

Но, если онъ меня предасть,
Но если онъ...
ФЕРНАНДО (*тоннувъ.*)
Ты видишь факелы! пойдemos!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Въ домъ Соррини; комната, гдѣ онъ угощаетъ бродягъ, чтобъ они ему служили. Нѣсколько испанцевъ сидятъ за двумя столами, кричатъ, слѣются и пьютъ. Слуги разносятъ вина.)

1-й испанецъ (*бродяга*).
Да, если инквизиція святая
На тотъ конецъ учреждена была,
Чтобъ насъ кормить, дай Богъ ей здоровья...
Соррини, впрочемъ, очень добрый малый:
Хотя ханжить немного, но съ лѣтами,
Когда придетъ пора разсудка, можно
Надѣяться на исправленье.

2-й испанецъ.
Ты, конечно,
Ослѣпъ, и бѣлое за черное берешь,
Какъ всѣ слѣпые... Ха!-ха!-ха!.. Не такъ ли?
(*Пьетъ.*)

1-й испанецъ.
Могу завѣрить васъ, друзья мои,
Что молодъ патеръ нашъ—не тѣломъ, такъ ду-
шой:
Какъ любятъ женщины его понинъ,
И какъ онъ самъ ихъ любитъ, вопреки закону!

3-й испанецъ.
Онъ женщинами столько же любимъ,
Какъ нами...

1-й испанецъ.
Развѣ ты его не любишь?
3-й испанецъ.
Ну, да! когда накормить хорошо.
Но, ergo, эта нѣжная любовь
Проходитъ съ голодомъ и съ жаждой...

4-й испанецъ.
А я готовъ побиться объ закладъ,
Что нашъ Соррини плутни затѣваетъ
Опять. Ужъ эти угощенья не къ добру.
Такъ, помнишь ли, ему хотѣлось,
Чтобъ мы зарѣзали Донъ-Педро
И домъ его сожгли?... Ужъ то-то пиршество
Онъ задалъ намъ... Или въ другой разъ,
Предъ тѣмъ, чтобъ намъ велѣтъ похитить для
него

Красавицу бургосскую отъ тетки—
Вотъ дьявольское было дѣло!—positum:
Теперь онъ также затѣваетъ плутни...
1-й испанецъ.
Эхъ, что намъ въ томъ! Вѣдь надо жъ ѣсть и
пить! Притомъ же
Онъ нашъ заступникъ въ инквизиціи.

3-й испанецъ.
Однако же не худо бы ему
Своимъ гаремомъ подѣлиться съ нами,
Не то всѣ гуріи завянутъ или
Имъ будетъ слишкомъ тѣсно, наконецъ.

5-й испанецъ (*за другимъ сто-*
ломъ).
Вина! (*Кричитъ.*)

СЛУГА.
Сейчасъ... въ минуту...
3-й испанецъ.
Къ чорту ждаль! Вина!
Будь проклятъ ты съ своимъ Сорриніемъ!
СЛУГА (*подастъ стаканъ*).
Вотъ вамъ вино.

5-й испанецъ.
Прегадкое, съ водой.
Пооди ты къ чорту съ нимъ, ракалія...
(*Бросаетъ стаканъ на полъ и обливаешь 2-ю*
испанца.)

2-й испанецъ (*горячо*).
Послушай, будь впередъ поосторожнѣй:
За это быють у насъ.

5-й испанецъ (*вскочивъ*).
Чего ты хочешь, ты?..
2-й испанецъ.
Я говорю, чтобъ ты впередъ остерегался...
Не то... (*Схватываетъ стулъ.*) я стуломъ раз-
считаюсь...

5-й испанецъ.
Клянуся честью, ты въ живыхъ не будешь!
Я вырву твой языкъ... и исамъ
Голоднымъ на обѣдъ отдамъ! (*Вынимаетъ кин-*
жалъ.)
Ужъ я тебя достану... (*Бросается на него.*)

3-й испанецъ.
Погодите! (*Другіе удерживаютъ ихъ.*)
Оставь кинжалъ, а ты свой стулъ, и станьте
Какъ должно въ поединкѣ—шпаги выньте;
А секундантовъ будетъ ужъ довольно.

(*Они вынимаютъ шпаги и становятся.*)
Вотъ такъ. Начинайте! (*Начинаютъ.*) Хладно-
кровнѣй только...
А ты ужъ слишкомъ близко наступаешь...
Зачѣмъ такъ горячишься ты?

2-й испанецъ (*переставъ*).
Я тронулъ.
5-й испанецъ.

Нѣтъ!..
1-й испанецъ.
Смотрите, чтобъ при первой крови кончить.
5-й испанецъ (*нападая*).
Онъ жизнью мнѣ своей заплатитъ!

1-й испанецъ (*четвертому*).
Хоть взбалмошный, зато и храбрый малый...
2-й испанецъ *отсутствуетъ, тотъ на него напа-*
даетъ, и вдругъ раненъ въ плечо; ихъ разжима-
ютъ.

3-й испанецъ.
Товарищи, довольно; помиритесь.

4-й испанецъ.
Конечно, миръ за бравую слѣдуетъ всегда.

5-й испанецъ.
Пожалуй, я готовъ... Твоя побѣда.

2-й испанецъ.
Итакъ, мы вновь друзья.

5-й испанецъ.
Но знаешь ли,
Когда бь они меня не удержали,
То я сдержалъ бы обѣщанье—
И вѣрно бь твой языкъ собаки съѣли!

Входитъ Соррини; они всѣ низко ему кланяются.

Соррини.
Какой я слышалъ шумъ?

5-й испанецъ.
Да мы немножко
Повздорили, почтенный патерь... но
Все кончилось примиреньемъ... Такъ ли? (*Къ друимъ.*)

Соррини.
А я пришелъ вамъ дать препорученье:
Столь важнаго давно не исполняли вы...
Вопросъ: вы знаете ли Алвареца?

всѣ.
Знаемъ.

Соррини.
Есть у него жена...

всѣ.
Жену?

Соррини.
Нѣтъ, нѣтъ!.. не то...
Я къ ней поддѣваться хочу, чтобы она
Не помѣшала вамъ похитить дочку;
Она на это вѣрно согласится,
Зачѣмъ, что если дочери не будетъ,
То ей имѣнье все достанется
По смерти мужа... а его кончины часть
Она приблизитъ ужъ по-своему.
Но дѣло не о томъ теперь.
У Алвареца есть премиленькая дочь,
И я... но вы ужъ знаете—зачѣмъ
Старинные уроки повторять?
Она понравилася мнѣ ужасно... я горю
Любовью къ ней... готовъ я всю казну
Мою отдать вамъ... только бь вы
Эмилию мнѣ привезли! Что только можно,
Ядъ, страхъ, огонь, мольбу употребите,
Убейте мачеху, служителей, отца,
Лишь мнѣ испанку привезите...
И все, все тайно доведите
До этого счастливаго конца.
Тогда, друзья мои... вы не видали
Такого пиришества, какое будетъ,
Но слушайте: я вѣрилъ тайну вамъ,—
Страшиться измѣнить! О, если
Хоть искра заговора выскочитъ...
То вѣхъ подь инквизицію отдамъ.

3-й испанецъ.
Я знаю Алвареца, дочь его
И мачеху, но есть еще Фернандо,
Который въ домъ ихъ военитанъ...
Онъ молодець... я видѣлъ, какъ въ аренѣ
Предъ нимъ ужасный буйволъ унадалъ.

Его ты не подкупишь... и не такъ-то
Легко съ нимъ будетъ справиться.

4-й испанецъ.
Конечно!
Да онъ же и влюбленъ въ Эмилию...
Соррини (*вспоминаетъ*).
Фернандо?.. Кто такое? Да... Фернандо...
Знакомо это имя что то мнѣ!..
А!.. Вотъ судьба!.. Онъ выгнанъ изъ дому
Два дня тому назадъ безмозглымъ Алварецомъ
За вздоръ какой-то... нечего бояться!..
Но правда... можетъ онъ узнать... предостеречь...
Ну, если эта буйная душа
Испортитъ дѣло все... Нѣтъ!.. Прежде
Убейте мнѣ его... найдите... справьтесь,
Какъ вамъ тогда придеть на умъ...
Потомъ Эмилию похитить можно...
Клянусь.. я выдумалъ прекрасно...
всѣ (*кричатъ*).
Пожалуй!.. Какъ ты хочешь, патерь.

Соррини.
Прощайте! я надѣюсь на вашу скромность. (*Половина уходитъ.*)
(*Про себя*). Когда ты хочешь непременно,
Чтобъ что-нибудь не сдѣлалъ, или сдѣлалъ,
То говори, что ты увѣренъ въ людяхъ;
И самолюбіе заставитъ ихъ
Исполнить трудное твое желанье.
(*Остальная половина уходитъ. Соррини садится въ кресла.*)

Что значить золото? Оно важнѣй людей;
Черезъ него мы можемъ оправдать
И обвинить; черезъ него мы можемъ,
Купивши индულгенцію,
Грѣшить безъ всякихъ дальнихъ опасеній
И, несмотря на то, попасть и въ рай.
И вотъ послѣдній годъ мой ужъ насталъ,
Однако жъ не уйдетъ Эмилія
Изъ рукъ моихъ—я отомщу ей
За смѣхъ вчерашній. О, повѣрь мнѣ,
Надменная красавица, ты будешь
Стоять передо мною на колѣняхъ,
И плакать, и молить... тогда меня узнаешь...
Не засмѣешься ты, когда скажу,
Что и старикъ любить умѣетъ сильно;
И въ томъ признаешься неволью ты...
Любить!.. смѣшно, какъ это слово
Употребляю я съ самимъ собою...
Но я ей отомщу за гордый смѣхъ.
Хотя бь она была моей послѣдней жертвой...
Послѣдней?.. Булто нѣту денегъ у меня,
Чтобы купить еще на десять лѣтъ
И больше отпущеніе грѣховъ?
Грѣховъ! ха-ха-ха-ха!.. На что оно годится
Для тѣхъ, которые ему душой не вѣрять?
А я и безъ него умѣю обойтись.

Входятъ съ радостью толпой испанцы и ведутъ тѣща съ старшой.

испанцы.
Вотъ мы пѣвца пымали на дорогѣ:
Не хочешь ли послушать, онъ споетъ
Про старину, про гордыхъ нашихъ предковъ;
Не хочешь ли, почтенный патерь?

Соррини (*поглядывая на тѣща*).
Благодарю я васъ, друзья мои. Неидеть
Мнѣ быть свидѣтелемъ мірскихъ веселій,

И юности пировъ гремѣвшихъ.
Сѣдинамъ этимъ преклоняться должно въ прахѣ
Передъ Распятымъ, а не украшаться
Вѣнками радости: не пѣть я долженъ, но
Рыдать, моляся за грѣхи свои
И ваши—ибо стадо съ пастыремъ едино. (*Ухо-
дить, пакувитьсь.*)

5-й испанецъ (*въ сторону*).
Что жъ! безъ тебя такъ намъ еще вольнѣе.

3-й испанецъ.
Признаться, я не вѣрю, чтобъ у насъ
У каждаго одни грѣхи съ нимъ были:
Мы дѣлаемъ злодѣйства, чтобы жить,
А онъ живетъ,—чтобы злодѣйства дѣлать...

пѣвецъ.
Что жъ мнѣ вамъ спѣтъ, ей-Богу, я не знаю...

2-й испанецъ.
Ну, полно, братъ, садись и начинай играть,
А пѣсни выльются неволью.
Люблю я пѣсни, въ нихъ такъ живо
Являются душѣ младенческіе дни;
О прошломъ говорятъ краснорѣчиво
И слезы на глаза влекутъ они;
Какъ будто въ нихъ мы можемъ слезы возвра-
тить,

Которыя должны мы были проглотить;
Пусть слезы тѣ въ груди окаменѣли,
Но ихъ одинъ разводитъ звукъ,
Папомнивъ дни, когда мы пѣли
Безъ горькой памяти, безъ ожиданья мукъ.

3-й испанецъ.
Ха-ха-ха-ха!.. Разнѣжился опять...
Опять понесъ ты вздоръ давнишній;
Опять воспоминанья, чортъ бы съ ними...

5-й испанецъ.

Баба!..

4-й испанецъ (*показываетъ на
пѣвца*).
Тсъ, тсъ.

1-й испанецъ.
Онъ начинается!.. Слушать!..

Баллада.

Гвадыня бѣжитъ по цвѣтущимъ полямъ,
Въ ней блещутъ вершины церквей;
Но въ прежніе годы невѣрные тамъ
Купали своихъ лошадей.
На томъ берегу, поклонясь, что не лгу,
Хранимый рукой христіанъ,
Съ чалмой и крестомъ надъ чугунымъ столбомъ
Стоитъ превысокой курганъ.
Недалеко отсюда обитель была;
Монахи веселой толпой,
Когда наступила вечерняя мгла,
За пиръ сѣлись ночью.
Вотъ чаши гремятъ... и поють, и кричатъ...
И дверь отворяется вдругъ:
Взошелъ сарацинъ, безоруженъ, одинъ—
И смутился пирующей кругъ.
Невѣрный, склоняясь челомъ, говорить:
„Я желаю проститься съ чалмой,
Крестите меня, какъ законъ вашъ велитъ.
Клянуся восточной луной:
Не ложь, не обманъ изъ далекихъ странъ
Привели меня къ вашимъ стѣнамъ;
Я узналъ вашъ законъ, мнѣ понравился онъ:
И жизнь свою Богу отдамъ“.
Но монахи его окружили толпой,

И въ сердце вонзили кинжалъ.
И съ золотомъ сняли алмазъ дорогой,
Который на шеѣ сіялъ.
И ругались надъ нимъ, со смѣхомъ пустымъ,
Пока день не взошелъ молодой.
И кровавый трупъ на прибрежннй уступъ
Былъ брошенъ злодѣйской рукой.
Не прошло трехъ ночей, какъ высокоій курганъ
Воздвигся съ крестомъ и чалмой,
И подъ нимъ тотъ пришлецъ изъ восточныхъ
странъ

Зарытъ—но не силой земной.
И съ тѣхъ поръ каждый годъ, только мѣсяцъ
взойдетъ,

Въ обитель приходитъ мертвецъ;
И монахамъ кричитъ (такъ молва говоритъ),
Чтобъ крестили его наконецъ...

(*Многие хлопаютъ въ ладоши.*)

1-й испанецъ.
Прекрасно... Очень хорошо.
всѣ испанцы.
Благодаримъ.
Не хочешь ли вина, искусный трубадуръ?
(*Ему подаютъ, и онъ пьетъ.*)

пѣвецъ.
За здравье папы... а потомъ за валле!

3-й испанецъ.
Товарищи, пойдете же теперь
Искать свою побезную добычу,
Пойдемте, съ помощью святого Доминика.
Намъ Богъ простить... вѣдь надо людямъ жить...
(*Уходятъ все съ громкимъ хохотомъ.*)

сцена II.

*Комната у жида. Богатые ковры везот и су-
духи. Тутъ стоятъ на столбикъ лампа го-
рѣлая. Въ глубинѣ сцены двѣ жидовки сидятъ
желтуго.—Все богато.—Нозли входятъ и си-
дятся у стола облокотившись.*

ноэмн.

Нѣтъ, не могу работой заниматься:
Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы
Дрожатъ, какъ будто бы иглока тяготитъ ихъ.
Молиться я хотѣла—то же все:
Начну лишь... а слова мѣшаются;
То холодъ пробѣжитъ по тѣлу вдругъ,
То жаръ въ лицо ударится порой.
И сердцу такъ неловко, такъ неловко...
И занимаетъ все воображенье
Прекрасный образъ незнакомца.
Который моего отца избавилъ
Отъ гибели вчера. Дай Богъ ему все счастье,
Отнятое у насъ несправедливо...
Какъ будто бы евреи ужъ не люди!
Нашъ родъ древнѣй испанскаго—и ихъ
Пророкъ рожденъ въ Ерусалимѣ.
Смѣшно!.. Они хотятъ, чтобъ мы
Ихъ приняли законъ; но для чего?
Чтобъ въ гибель повергать другъ друга, какъ они?
Они такъ превозносятъ кротость,
Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,
И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ;
Но этого пока мы не видали. (*Молчаніе.*)
Однако жъ есть и между ними люди!
Вотъ, напримѣръ, вечерашнй незнакомецъ...
Кто бъ ожидалъ? Какъ жалко, что его
И не вижу... но отецъ мой

Его такъ живо описатьъ, такъ живо...
Высокій станъ и благородный видъ,
И кудри черныя, какъ смоль, и быстрый взоръ,
И голосъ... Но зачѣмъ о немъ я мыслю?...
Что пользы?... Ахъ, какой же я ребенокъ! (*Моля-
чиво.*)

Мнѣ скучно—вся душа разстроена,
И для меня суббота поневолѣ
Сегодня... Сердце бьется, бьется,
Какъ птичка, пойманная въ сѣткѣ.
Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять
Злодѣямъ въ руки попадется...
Какъ скучно быть одной весь день;
Все пѣснь одна: низать и распускать свой жем-
чугъ,

Читать и перечитывать, одѣться
Въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и пить,
И спать... Однако жъ эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и страшенъ. (*Моля-
чиво.*)

Что пользы? (*Кличетъ*) Няня! Сара. Сара,
Поди ко мнѣ! поди сюда! ну, что же?...
САРА (*старуха, идетъ.*)

Что, милая Ноэми, что тебѣ?
Иль жемчугъ распустила? Но вѣдь я
Стара, мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебѣ вредитъ неосторожность;
А мнѣ такъ невозможно; такъ ли?
ноэми.

Нѣтъ, Сара, жемчугъ я оставила низать.

САРА.
Что? аль не нравится? Вотъ я
Въ твои года не тѣмъ была довольна;
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно!.. Что жъ меня звала ты?
ноэми.

Такъ!
Мнѣ скучно... Я больна...

САРА.
Больна! Ахъ, Боже мой!
Такъ я пошлю скорѣе за врачомъ...
Есть у меня знакомый, прискусный...
ноэми.

Не надо... Я не то чтобы больна,
А такъ, не въ духѣ... все нейдетъ на ладъ,
Что ни начну... мнѣ хочется того, чего
Сама опредѣлить не въ силахъ я...
Мнѣ грустно... Расскажи мнѣ сказку
Про старину... Садись и Расскажи...

САРА.
Дай мнѣ припомнить, милое дитя...
Вотъ, видишь, память-то слаба.
Я столько слышала, видала, испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполнѣ перескажу.

ноэми.
Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ! ужасный!.. Растолкуй мнѣ:
Мнѣ снилось, что приходитъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испугалась
И стала омывать потоки крови
И увидала рану противъ сердца
Глубокую... и онъ сказалъ мнѣ:
„Смотри: я братъ твой...“ но, клянуса,
Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше брата;
И я заплакала, и стала умолять

И Бога, чтобы жизнь его продлилъ;
Но этотъ человѣкъ захохоталъ
И вдругъ воскликнулъ: „перестань молиться:
Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавиждать...
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христианинъ—и не братъ твой;
Я надъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться.“
И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
Его широкій плащъ... но что жъ?—въ рукахъ
Остался погребальный саванъ... Я проснулась...

САРА.
Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?
ноэми.
Но это вздоръ: я не имѣла брата
И никогда имѣть не буду...

САРА.
О, Ноэми!
Не говори... Случиться это можетъ...
ноэми.

Какъ можетъ? Какъ?... Нѣтъ, это невозможно.
САРА.

Послушай, у тебя былъ братъ.
Онъ старше былъ тебя... Судьбою чудной,
Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
Съ покойной матерью его оставили
На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали:
Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...
Быть можетъ, думали они, что я
Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
Его мы почитали всѣ умершимъ
И для того тебѣ о немъ не говорили.
А, можетъ быть, онъ живъ—какъ знать!
Вѣдь Божья воля неисповѣдима.

ноэми.
Ахъ, Сара, Сара! нѣтъ, онъ умеръ...
Увялъ онъ, какъ трава пустыни, и, какъ цвѣтъ
Полей, засохнулъ... Такъ, онъ былъ рожденъ
для жизни,

Онъ былъ рожденъ, чтобы быть мнѣ другомъ.
О, Сара! если умеръ онъ—какъ счастливъ.
И какъ должна я плакать о себѣ...
Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,
Нашъ родъ скитается по свѣту; родина,
Спокойствіе, жилище наше—все не наше!
Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ...
Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.
Зачѣмъ и нѣтъ?—Что сдѣлалъ мой отецъ
Симъ кровожаднымъ христианамъ? Деньги
Имѣеть онъ и дочь—вотъ все его богатство.
И если бъ онъ увѣренъ былъ найти
Отчизну и спокойствіе, то вѣрно бъ
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,
Которые его понынѣ притѣсняли...
Однако жъ и межъ нихъ есть добрые.

САРА.
Да, да, вотъ тотъ испанецъ молодой,
Который спасъ наемни Моисея.
Родитель твой хотѣлъ вознаграждать
Его звеницимъ кошелькомъ, но онъ
Его ногами истопталъ, сказавъ:
„Собака, жизнь твоя сего не стоитъ!
Я не наемникъ твой!.. Прости ему, Всевышній,
Подобныя хулы за то, что спасъ
Онъ одного изъ гибнущихъ сыновъ
Израиля.

ноэми.
Прости ему, Всевышній!..

САРА (*подходитъ къ окну*).
 Какая ночь! въ такую точно ночь
 Я стала жертвою любви... Иосифъ мой!
 О, если бѣ ты меня теперь увидѣлъ,
 Ты испугался бы. Въ то время я цвѣла;
 Мои глаза блистали какъ алмазы,
 И щеки были нѣжны точно пухъ...
 Увы, Ноэми! Кто бѣ тогда подумалъ,
 Что этотъ лобъ морщины исчертять,
 Что эти косы посѣдѣютъ... То-то время!..

НОЭМИ.
 Что мой отецъ нейдетъ!

САРА.
 Чу! вотъ сова кричитъ... Ужасный крикъ!
 Я не люблю его... Во мнѣ все жили
 Кровь оставляетъ при подобномъ крикѣ... (*Стучать въ дверь*.)
 Ахъ, вѣрно, твой отецъ пришелъ!.. Ну жь поздно!..

ГОЛОСЪ.
 Скорѣе!.. Отоприте! отоприте!
 Служанки, сидѣнія за шитьемъ, бросаются
 и отпращиваютъ; входитъ Моисей, ведетъ Фернандо съ перевязанной рукой; сей едва идетъ.

МОИСЕЙ.
 Ноэми! Сара, помогите! помогите!..
 Измученъ я усталостью и страхомъ...
 Онъ истекаетъ кровью... О, проклятые
 Злодѣямъ!.. Дайте кресло и подушки...
 Онъ истекаетъ кровью...
 (*Даютъ длинную подушку и кладутъ на полъ.
 Ею сажалотъ и поддерживаютъ ослабѣвшую
 голову.*)

Будь Авраамъ свидѣтель—эта ночь
 Ужаснѣй той, когда я сына потерялъ.
 Тому я далъ существованье,
 А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь...
 О, Богъ, Богъ иудеевъ, сохрани
 Его, хоть онъ не изъ твоихъ сыновъ!..

ФЕРНАНДО.
 Кто здѣсь моихъ убійцъ такъ проклиналъ?
 Зачѣмъ? Они хотѣли сдѣлать мнѣ добро,
 Освободить отъ мукъ. Такъ земляки мои
 Всегда добро другъ другу дѣлаютъ.
 О, перестаньте! (*Какъ отъ сна*.) Гдѣ я?.. Кто
 со мной?..
 (*Поднимаетъ голову*.) Благодарю того, кто спасъ
 меня... но кто онъ?

МОИСЕЙ.
 Ты спасъ его недавно самъ:
 Онъ здѣсь, передъ тобой—еврей, гонимый
 Твоимъ народомъ; но ты спасъ меня—
 И я тебѣ обязанъ заплатить,
 Хоть я въ твоей отчизнѣ презираемъ.
 Такъ, дочь моя, вотъ мой спаситель...

НОЭМИ (*становится на колѣни и цѣлуетъ руку*).
 Еврейка у тебя цѣлуетъ руки,
 Испанецъ... (*Она остается на колѣняхъ и держитъ руку*.)

ФЕРНАНДО (*Моисею*).
 Что сказалъ ты, иновѣрный?
 Отчизна, родина—слова пустыя для меня
 Затѣмъ, что я не вѣдаю цѣны ихъ.
 Отечествомъ зовется край, гдѣ наши
 Родные, домъ нашъ и друзья;

Но у меня подъ небесами
 Нѣтъ ни родныхъ, ни дома, ни друзей..

НОЭМИ.
 Когда ты не нашелъ себѣ друзей...
 Межъ христіанъ, то между насъ найдешь;
 Ты добръ, испанецъ,—небо справедливо!..

ФЕРНАНДО.
 Я былъ добръ...
 МОИСЕЙ (*стоя надъ нимъ*).
 Кровь течетъ изъ раны...
 Перевяжите... Какъ онъ поблѣднѣлъ...

ФЕРНАНДО.
 У волка есть берлога, и гнѣздо у птицы;
 Есть у жида пристанище;
 И я имѣлъ одно—могилу...
 Чудовище, зачѣмъ ты отнял у меня
 Могилу?.. Все старанья ваши—зло!
 Спасти отъ смерти чловѣка для того,
 Чтобъ сдѣлать зло... Безумцы!
 Прочь! Пусть течетъ свободно кровь моя,
 Пусть веселить... О, жалко! нѣтъ монаха здѣсь!..
 Одни еврей бѣдныя.. Что нужды?
 Они все люди же—а кровь
 Пріятна людямъ... Прочь!.. (*Срываетъ перевязку*.)

НОЭМИ.
 Отецъ мой! (*Въ отчаяніи*.)
 Онъ сорвалъ перевязку!.. Онъ умретъ!
 (*Все бросаются опять навязать*.)

САРА.
 О, какъ онъ ослабѣлъ, несчастный!
 Какая блѣдность покрываетъ щеки;
 Какъ жалко!..

ФЕРНАНДО.
 Дайте пить мнѣ, я горю...
 Языкъ засохъ... скорѣе, ради Бога! (*Сара урочитъ за титъемъ*.)

НОЭМИ.
 Испанецъ, успокойся! успокойся!
 Ты былъ несчастливъ, это видно,
 Хоть молодъ. Я слышала прежде,
 Что если мы страдалицу говоримъ,
 Что онъ несчастливъ, то снимаемъ тягость
 Съ его души.. Ахъ, какъ бы я желала,
 Чтобы ты сталъ здоровъ и веселъ.

ФЕРНАНДО.
 И веселъ! (*Стоитъ*.)

НОЭМИ.
 Я прошу тебя: подумай,
 Что я твоя сестра, что тотъ еврей—отецъ твой;
 И воображеніе тебя утѣшитъ:
 Оно дано намъ, людямъ, для того,
 Испанецъ!

ФЕРНАНДО.
 Дѣвушка, ты дочь его?

НОЭМИ.
 Ты отгадалъ, ты спасъ отца мнѣ!
 И онъ тебя спасетъ. Я заклинаю
 Тебя твоимъ закономъ: перестань
 Тревожиться печальной думой;
 Она вредитъ здоровью твоему,
 Разгорячаетъ кровь... (*Сара приноситъ стаканъ*.)

На, выпей!
 ФЕРНАНДО.
 Благодарю! твои слова напитка лучше...

Когда о мнѣ жалѣть женщина,
И чувствую двойное облегченье..
Послушай, что я сдѣлалъ этимъ людямъ,
Которые меня убить хотѣли?
Что не разбойники они, то это вѣрно:
Они съ меня не сняли ничего
И бросили въ крови вблизи дороги...
О, это все коварство!.. я предвижу,
Что лишь начало... а конецъ!..
Конецъ... (*Взрывается*). Что вздрогнулъ я?
Что бъ ни было,

Я уступлю скорѣй судьбѣ, чѣмъ людямъ...
Оставь меня покуда! (*Она встаетъ и отхо-
дитъ, но издали все на нею смотритъ.*)

САРА (*подходитъ къ Моисею*).

Скажи, молю тебя, какъ ты его нашелъ?
Я это все за сонъ принять готова...

МОИСЕЙ.

Пошелъ къ равнине я: онъ былъ мнѣ долженъ;
Онъ задержалъ меня часа съ четыре,
Хоть противъ воли; ночь уже была
Темна, и я, въ сапогъ засунувъ
Свой кошелекъ, боясь воровъ, пошелъ
Домой. Луна вставала надъ болотомъ,
И между горъ густой туманъ дымился.
Иду я недалеко ужъ отсюда
Густымъ лѣскомъ—и слышу звукъ шаговъ...
Всѣ жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за кустъ...
Снизу—дрожу... Передо мной была поляна,
И мѣсяцъ ударялъ въ нее лучами;
Шесть человекъ стояли на полянѣ—
И слышу: „этой самою дорогой
Ийти онъ долженъ нынѣ... ну жъ, не знаю,
Какъ онъ кинжалы наши выдержать!
Мнѣ жалко бы его убить до смерти,
Онъ малый славный и къ тому жъ бѣднякъ...
Да дѣлать нечего, когда велѣлъ намъ патеръ
Его отпрavitъ въ дальнюю дорогу!“
Едва окончена была такая рѣчь,
Какъ вдругъ я слышу крикъ и звукъ кинжаловъ...

Онъ долго защищался... наконецъ,
Упалъ, и всѣ они въ минуту разбѣжались,
Какъ будто мертвый быть страшнѣй жпвого...
Когда утихло все, я вышелъ посмотрѣть,
Кто былъ несчастный жертвою злодѣйства,
И что жъ?—мой благодѣтель, мой спаситель!..
Я различилъ черты его при свѣтѣ
Луны... Онъ раненъ былъ легко,
Но, странно, не узналъ меня
И, будто по природному влеченью,
Всталъ... я понесъ его... онъ все шепталъ,
Но я не понималъ словъ.. потоки крови
Бѣжали на меня... такъ я принесъ
Несчастнаго сюда... Богъ сдѣлалъ это чудо!..

САРА.

И точно: это чудо, Моисей!

НОЭМИ (*которая въ то время
опять спитъ у ногъ
Фернандо*).

Что? Утихаетъ боль твоя или нѣтъ?

ФЕРНАНДО.

Дай руку мнѣ, о, нѣжное созданье!
Какъ обо мнѣ она печется...

МОИСЕЙ (*Сартъ*).

Поди, постель ему ты приготовь;
Я тотчасъ самъ приду туда.

САРА.

Да какъ

Его зовутъ, кто онъ таковъ, нельзя ль узнать?
(*Уходитъ.*)

МОИСЕЙ (*подходитъ*).

Позволь, одно я у тебя спрошу:
Кто ты и какъ тебя зовутъ?

ФЕРНАНДО.

Когда я жизнь свою подвергнулъ для твоей,
То спрашивалъ ли: какъ тебя зовутъ?.. (*Моисей
уходитъ.*)

Меня зовутъ Фернандо!

Вотъ все, что я могу сказать; другое
Пусть спитъ въ груди моей, какъ прахъ твоихъ
отцовъ

Въ землѣ сырой... И не скажу моихъ отцовъ:
Я ни отца, ни матери не знаю...

Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично о такихъ вещахъ.

Ты этимъ ни отца, ни матери не дамъ мнѣ.

НОЭМИ.

И буду для тебя сестрой.

ФЕРНАНДО.

Ты для меня сестрой не будешь.

НОЭМИ.

Зачѣмъ же отвергать такъ своенравно
Того, кому ты можешь вѣрить горестъ
Души твоей? Ужель различье вѣры?
Ужели хочешь ты, чтобъ я
Раскалялся въ томъ, что иудейка?..

ФЕРНАНДО.

Богъ сохрани меня отъ этой мысли!
Ты—цвѣтъ пустыни, ты—дитя свободы:
Безъ правилъ любишь ты—испанцы только
Безъ правилъ ненавидятъ ближнихъ.
У нихъ и рай и адъ—все на вѣсахъ;
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляють демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовью къ злу...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,
Король—народомъ, а народъ—свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Монаху, можно человекъ
Невиннаго предать кровавой пытке...
И сжечь за слово на кострѣ... И подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка,
Есть дѣло добродѣтели великой!
О, Боже сохрани меня отъ мысли,
Что ты должна принять ихъ предразсудки:
Нѣтъ! Вѣрь, что есть на небѣ Богъ—и только!
Я самъ не вѣрю больше этого...
Но между нихъ одно есть существо,
Но между демоновъ одинъ есть ангель
Души моей... но замолчу объ этомъ...

НОЭМИ.

Ты горячишься—это увеличитъ
Твое страданье съ болью ранъ твоихъ;
Не хочешь ли чего-нибудь?.. Усни...
Вотъ мой отецъ придетъ: онъ приготовилъ
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,

Мы все достанемъ, только будь спокоенъ,
Иль кровь опять начнетъ течи изъ ранъ.

ФЕРНАНДО (въ сторону).

Эмилія далеко отъ меня...
О, если бь эта милая еврейка
Была Эмилія!.. Какъ скоро бы все раны
Закрылися, кромѣ одной;
Но рана эта такъ пріятна сердцу...
Эмилія! Эмилія!.. Быть можетъ,
Умру я здѣсь, далеко отъ тебя,
И ты моей могилы не найдешь,
И отъ послѣдней отъ тебя я буду
Забывать? . Забыть!..

МОИСЕЙ.

Усни! постель уже готова.
Эй, Сара! помоги поднять его.

(Два еврейки, слуга-еврей, Сара и Моисей поднимаютъ слабого Фернандо и уводятъ. Ноemi одна остается.)

НОЭМИ.

Проникло сожалѣнье въ грудь мою...
Такъ вотъ кого я такъ желала видѣть,
Не вѣдая желанію причины...
Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не спасителя отца
Хотѣла видѣть въ немъ:
Испанецъ молодой, съ осанкой гордой,
Какъ тополь стройный, съ черными глазами,
Съ такими жь черными кудрями,
Являлся вообразенно моему,
И мною овладѣлъ непостижимой силой,
И завладѣлъ моимъ дѣвичьимъ сномъ...
Отецъ мой такъ его подробно описалъ. (Молчаніе.)

О, какъ судьба людьми играетъ!..
Кто бь отгадалъ, что этотъ человѣкъ,
Недавно спасшій моего отца,
Сегодня будетъ здѣсь, у насъ, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мнѣ кажется, я чувствую любовь
Къ нему—не сожалѣнье, а любовь.
Какъ это слово звучно въ первый разъ!..
Когда онъ говоритъ, то сердце у меня
Трепещеть, точно какъ боится,
Чтобъ сердце юноши не перестало биться.
Когда жь произношу его названье—
Хотя бы въ мысляхъ только я сказала:
Фернандо!—то краснѣю, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь...
Чего стыдиться, я не понимаю.
Любви? Все любить—что же тутъ худого?
Такъ точно, ничего худого нѣтъ въ любви;
Къ чему же совѣсть тутъ мѣшается,
И будто сердце предостерегаетъ?..
Но какъ же слушаться ея?..
Какъ не любить? Ахъ, безъ любви такъ
скучно,

И даже думать не о чемъ! о, Боже,
Храни его! Храни обоихъ насъ!
Прости любовь мою!.. Я не могу иначе!..

(Она стоитъ въ задумчивости.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Въ домъ Алвареса. Спальня Донны Маріи.
Большое зеркало, столъ и стулья. Алварецъ
въ креслахъ. Марія передъ зеркаломъ наотвѣтъ
что-то на голову.

АЛВАРЕЦЪ.

Желалъ бы я узнать, зачѣмъ сюда
Эмилія здороваться неидетъ?
Ужъ вѣрно плачетъ о своемъ любезномъ
Иль съ цитрою мечтаетъ на балконѣ.
Вотъ дочери! Отъ нихъ заботъ гора,
А нѣтъ ни утѣшенья, ни добра.

ДОННА МАРІЯ (оборачиваясь).

Какъ думаешь, любезный мой супругъ,
Идетъ ли мнѣ вотъ это ожерелье,
И можно ли такъ показаться въ люди?
Оно не дурно?..

АЛВАРЕЦЪ.

Все къ тебѣ идетъ!
И если бь ты явилась мнѣ теперь
Въ измаранномъ и самомъ гадкомъ платьѣ,
То—я клянусь мечомъ отцовскимъ—
Любилъ бы я тебя какъ прежде,
И столько же прекрасна ты бь казалась
Моимъ глазамъ.

ДОННА МАРІЯ.

Неужли? Ахъ, мой милый! .
(Въ сторону.) Онъ думаетъ, что только для него
Я одѣваюсь, какъ прилично мнѣ.
Возможно ль быть самолюбиву такъ,
Возможно ль быть такъ глупу, какъ мужья?..
Да странно, что такъ много требуютъ отъ насъ;
Ужель мы созданы блистать красой своею
Для одного лишь въ свѣтѣ?

АЛВАРЕЦЪ.

Говорить я
Тебѣ ужъ о нагѣреннн своемъ,
Иль нѣтъ?

ДОННА МАРІЯ.

А что такое?

АЛВАРЕЦЪ.

Слушай:
Хочу я замужъ выдать дочь свою;
Боюсь, чтобъ не ушла она съ Фернандо;
Женихъ готовъ: богатъ онъ и уменъ...

ДОННА МАРІЯ.

Ахъ, милый другъ, не рано ли?
Нѣтъ, погоди; она такъ молода.

АЛВАРЕЦЪ.

Да слушай: вѣдь женихъ-то рѣдкій;
Онъ храбръ, въ честяхъ, любезень и богатъ...

ДОННА МАРІЯ.

Да хочеть ли онъ самъ жениться?

АЛВАРЕЦЪ.

Я покажу тебѣ письмо его,
Оно вотъ въ этомъ ящикѣ лежало.
(Хочеть отпереть ящикъ у стола. Марія смущенная подходитъ. Онъ беретъ.)

Да что жь? Онъ запертъ у тебя; дай ключъ...

ДОННА МАРІЯ.

Что хочешь ты?

АЛВАРЕЦЪ.

Дай ключъ.

ДОННА МАРІЯ.
Что?
АЛВАРЕЦЬ.
Ключъ мнѣ!
ДОННА МАРІЯ.
Ключъ?
Ахъ, Боже мой, я вѣрно затеряла.
Да послѣ мы найдемъ...
АЛВАРЕЦЬ.
Какъ послѣ? Для чего не тчасъ?
ДОННА МАРІЯ (въ сторону).
Если онъ увидитъ, я пропала!
(Ему.) Да послѣ я найду письмо твое...
Зачѣмъ сердиться изъ пустога—какъ смѣшно!..
АЛВАРЕЦЬ.
И ключъ потеряешь... чортъ возьми, досадно!
СЛУГА (въходитъ).
Ждетъ лошадь у кралыца, и все готово.
АЛВАРЕЦЬ.
А я совсѣмъ забылъ, что надо ѣхать;
Прощай, моя Марія! До свиданья. (Идетъ и уходитъ.)
ДОННА МАРІЯ (одна).
Ахъ!.. Наконецъ, отъ сердца отлегло!
Переложу въ другое мѣсто я
Подарокъ патера Сорринія съ письмомъ
Его. (Вынимаетъ ключъ. Изъ стола вынимаетъ
ящикъ.)
Прекрасный жемчугъ, нечего сказать!..
Алмазы въ кольцахъ точно звѣзды блестятъ!
За это мнѣ не должно помѣшать
Увезть Эмилию... О, старый сластолюбецъ,
Богатъ ты... оттого твои подарки малы;
Но такъ и быть, согласна я
На предложеніе твое, Соррини...
Эмилія самой мнѣ надоѣла;
Но, впрочемъ, этимъ ей не много зла
Я сдѣлаю... Невинной дѣвушкѣ
Пріятно быть любимой старикомъ,
Какъ старой—молодымъ, затѣмъ
Что пылкость одного безчувствіе другого
Обыкновенно замѣняетъ...
Наскучила ужъ мнѣ Эмилиа давно;
Покуда здѣсь она, боюсь
Я пригласить къ себѣ кого-нибудь,
И хорошо, что патерь захотѣлъ
Избавить отъ нея; и жалко только,
Что мужа моего увезть никто не хочетъ...
(Смотритъ на ящикъ Сорринія.)
Какое множество природныхъ недостатковъ
Покроютъ эти малые алмазы,
Какъ много тѣней въ блестяхъ ихъ потонетъ...
И за подобное благодѣянье
Мнѣ не пожертвовать безмысленной дѣвчонкой,
Которая ребяческой любовью
Вскружила голову свою?.. ха-ха-ха-ха!
(Смотритъ письмо Сорринія, которое было въ
ящикъ.)
Мой мужъ, я думаю, уѣхалъ надолго,
И нынче нашъ монахъ придетъ людей,
Которымъ и вручу подарокъ свой;
А для меня же лучше, чтобъ Соррини
Ее имѣлъ, чѣмъ мужъ законный.
Алмазы жемчугъ градомъ на меня
Посыплются, и я поѣду въ городъ;
И удивленье поразить моихъ соперницъ,

Когда явлюсь въ арену; я стою глазь
У нихъ украду силой красоты...
Никто не отгадаетъ, что сей жемчугъ
Цѣною слезъ невинныхъ купленъ...
Но я придумала: въ Мадридъ отправилюсь,
Тамъ подучу прощеніе грѣховъ,
И совѣтъ успокоится моя.
*Ставитъ ящикъ съ жемчугомъ на кровать и
оборачивается. Эмилиа входитъ блѣдная, въ чер-
номъ платьѣ, въ черномъ покрывалѣ и съ кре-
стикомъ на груди своей.*

ДОННА МАРІЯ.
Здорова ли, моя Эмилиа?
Какъ ты спала?..
ЭМИЛИЯ.
Благодарю васъ;
Спросите лучше, какъ я не спала.
Ужъ сонъ давно бѣжитъ моихъ рѣсницъ...
Съ тѣхъ поръ..
ДОННА МАРІЯ.
О, знаю, знаю, милый другъ!
И чувствую вполнѣ твое несчастье,
И все бы отдала, чтобы помочь тебѣ,
Клянусь душой!

ЭМИЛИЯ (съ нѣжнымъ упре-
комъ).

Итакъ, одно лишь слово
Всего дороже было вамъ.

ДОННА МАРІЯ.
Ты мнѣ простишь;
Не знала я, что любишь ты такъ сильно,
И только остережъ тебя желала,
Но нынѣ я ошибку ту заглажу.

ЭМИЛИЯ.
Одинъ Спаситель мертвыхъ воскрешалъ.

ДОННА МАРІЯ.
Зачѣмъ ты такъ блѣдна, и въ черномъ платьѣ,
И въ черномъ покрывалѣ?

ЭМИЛИЯ.
Я слыхала,
Что черный цвѣтъ—печали цвѣтъ.

ДОННА МАРІЯ (беретъ ее за руку).
О, не грусти, я все поправлю.

ЭМИЛИЯ.
Что отнял Богъ, того не отдадутъ
Намъ люди. А что люди взяли,
То можетъ возвратить одна могила...

ДОННА МАРІЯ.
Ты отъ Фернандо это слышала навѣрно?
О, памятлива ты! (Эмилиа отвращивается.)

Но успокойся!
Тотъ, кто достоинъ былъ воспоминанья,
Тотъ и тебя достоинъ; испытанья
Пройдутъ. И я тебѣ клянусь,
Что упрошу жестокаго отца:
Позволить онъ соединиться вамъ,
И счастье опять украситъ
Твои ланиты пламеннымъ румянцемъ.
Не плачь, не плачь! Не все гроза бушуетъ;
Проглянетъ солнце и цвѣтокъ, измятый
Порывомъ вѣтра, встанетъ обогрѣться...

ЭМИЛИЯ.
Не смѣйтеся надъ несчастьемъ, чтобы вамъ
Не заплатило небо тѣмъ же.

ДОННА МАРІЯ.
Боже,

Храни меня смѣяться надъ тобой!
Я говорю, что скоро твой любезный
Фернандо будетъ мужъ твой.
Повѣрь: мой старанья совершатъ
Блаженство то, къ которому такъ сильно
Стремись ты ребяческою мыслью.

эмилія

(*съ рыданьемъ бросается къ ногамъ Маріи, обнимаетъ колѣна*).

Я не ищу блаженства—нѣтъ его,
Нѣтъ въ свѣтѣ ничего—Фернандо умеръ!
Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ навѣки...
О, плачьте обо мнѣ всѣ люди, всѣ созданья,
Всѣ плачьте, если ваши слезы
Сравняются когда-нибудь съ моими,
Мой стонъ могилу потрясетъ—о, плачьте!..
Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ навѣки!..

донна марія.

О, поднимись! ты бредишь, ангель мой;
Встань, встань.

эмилія (*все на колѣнахъ,
поднявъ голову*).

Исполни просьбу сироты.

донна марія.

Исполню, все исполню, только встань
И отдохни—встревожилась ты слишкомъ.

эмилія (*встаетъ*).

Такъ выслушай, о чемъ прошу тебя. (*Цѣлуетъ
руку*.)

Когда прощались мы въ послѣдній разъ,
Въ ту ночь—онъ мнѣ сказалъ: „иди
Скорѣе въ монастырь, иди въ обитель,
Сокрой отъ свѣта добродѣтель сердца...“
Молю тебя, молю тебя какъ нищій,
Не помѣшай уйти мнѣ въ монастырь
Сегодня... Помоги мнѣ, заклиною—
Тебѣ заплатить тотъ, кто всѣмъ заплатитъ.
(*Кинувъ умоляющій взглядъ на донну Марію*.)
Фернандо умеръ! Я хочу исполнить
Его желанье... онъ меня любилъ.

(*Молчаніе*.)

донна марія.

Но если онъ не умеръ, если
Тебя пустые обманули слухи?..
Но если станетъ онъ искать тебя,
Чтобъ къ алтарю вести невѣстою своей,
И вдругъ увидитъ въ черномъ покрывалѣ
Въ ряду монахинь... Что съ нимъ будетъ?
Ужели ты о немъ не пожалѣешь?
Не пожалѣешь ты о счастлии,
Котораго бѣ могла дожидаться?..
Какая слабость!.. Гдѣ твое терпѣнье?..

эмилія.

Мое терпѣнье? (*Поднимаетъ глаза къ небу*.)
(*Тихо съ стороны*.) Онъ былъ живъ, и я
Терпѣла!

донна марія.

Выкинь изъ ума
Твой глупый замыселъ. Повѣрь мнѣ,
Пустые слухи обманули
Тебя... повѣрь мнѣ... я ужъ знаю,
Что говорю.

эмилія (*съ укоризной*).

Его не воскресить вамъ,
Вы не имѣете подобнаго искусства.
Я васъ просила об одномъ,—вы не хотѣли
Исполнить просьбы самой униженной!..

Хочетъ уйти, Донна Марія удерживаетъ ее.
донна марія.

Такъ слушай же: вчера бродила я
Въ саду и подъ вечеръ зашла я въ рощу:
Вдругъ вижу, человекъ ко мнѣ подходитъ—
Онъ издали все слѣдовалъ за мною.
То былъ Фернандо... онъ упалъ къ моимъ но-
гамъ;

Онъ плакалъ, обнималъ мои колѣна
И сдѣлалъ то, что обѣщалась я
Составить ваше счастье. Твой отецъ
Убѣжалъ на два дня—межъ тѣмъ
Вы можете видаться—и потомъ,
Къ ногамъ родителя вы упадете,
И я соединю свои моленья...

эмилія.

О, это слишкомъ!.. Я не вѣрю!..

донна марія.

Клянусь тебѣ, что живъ онъ и увидишь
Его ты скоро... Что съ тобой?..

эмилія.

Мнѣ дурно!

О, Боже!.. голова кружится... кто бѣ подумалъ?
Упадаетъ въ слабости на стулъ.

донна марія.

Какое дѣтство!.. Что съ тобой?.. Скрѣпись!..
(*Въ сторону*.) Я заману голубку въ сѣти,
Я поведу на тайное свиданье;
Тамъ будетъ шайка дожидаться вѣрно,
И тутъ же схватятъ и умчатъ ее.
Благодари мой умъ, Соррини, онъ искусенъ!

эмилія (*встаетъ*.)

Нѣтъ, ничего—простительная слабость!..
Такъ тяжело я мучилась, что счастье
Мнѣ тяжело... Онъ живъ! о, Боже!
Прости мой ропотъ!.. Какъ я легковѣрна;
Служанка мнѣ сказала, и я тотчасъ
Повѣрила обманчивымъ рассказамъ?
О, видно, что печаль родня намъ, людямъ,
Когда мы ей скорѣй веселья вѣримъ. (*Марія*.)
Благодарю васъ... мой укоръ напрасный
Васъ огорчилъ... Простите вы меня?
Я слишкомъ мучилась! Скажите:
Гдѣ я съ нимъ встрѣчусь?

донна марія.

Сегодня мы пойдемъ въ густую рощу;
Тамъ, на полянѣ, есть высокій дубъ
Съ дерновою скамьей, и тамъ увидишь ты
Фернандо, не счастлива ль ты
Одною надеждою? Для чего
Смушала такъ предчувствіемъ себя?
Повѣрь, невинную любовь
Хранятъ святыя ангелы, какъ стражи!
Дитя, дитя!.. И вотъ вся горестъ
Разсѣялась... И въ монастырь не хочешь!..
Но не стыдись ребячествомъ своимъ:
Оно есть добродѣтель, потому
Что, какъ все доброе, не долговѣчно.

эмилія.

И я его увижу? Онъ не умеръ?

донна марія.

Увидишь и повѣришь мнѣ совсѣмъ.

Эмилія устремляетъ на Марію взоръ, хочетъ что-то сказать, но волнение мучаетъ ее. Она цѣлуетъ крѣпко ладонь и, закрывъ лицо, убитая.

донна марія (*глядитъ вслѣдъ*).
 Ступай, ступай! и жди спокойно
 Свиданья, вмѣсто гибели своей:
 Ступай! тебя старикъ излѣчить скоро
 Отъ бредней пламенной любви.
 Поплачешь ты, потруснись ты, пожмешься,
 Поморщишься—но наслажденье
 Прогонитъ ужасъ—послѣ все пройдетъ!
 Создатель мой! Ужели точно
 Мое такъ дурно предпріятъе, что сама
 Я это чувствую? Что жъ тутъ худого?
 Она счастливѣй будетъ у Соррини,
 Чѣмъ здѣсь; когда она ему паскучить,
 Съ приданымъ выдастъ замужъ онъ ее,
 Быть можетъ, такъ случится, что Фернандо
 Получить руку бѣдной дѣвы..
 Но, что бы ни было, я все избавлюсь
 Отъ любопытныхъ глазъ, и мой любимецъ
 Безстрашнѣй будетъ навѣщать меня..
 Такъ все взаимно въ этомъ свѣтѣ:
 Соррини благодаренъ мнѣ, а я ему... (*Ухо-*
дитъ.)

СЦЕНА П.

*Въ горахъ, передъ жилищемъ Моисея, дикое
 местоположеніе. Скалы на право подъ боль-
 шимъ дубомъ, возлѣ коего сдѣлано въ родѣ бѣ-
 лой палатки, идъ сидятъ служанки и слуши
 жиды и работаютъ и поютъ свою печальную
 пѣсню.*

Еврейская мелодія.

1.

Плачь, Израиль! о, плачь! — твой Солимъ
 опустѣлъ!..
 На чужбѣ въ раздолы печально житье;
 Но сыны твои взяты не въ пышный предѣлъ:
 Въ пустыняхъ разсѣяно племя твое.

2.

О родинѣ можно ль не помнить своей?
 Но когда ужъ нельзя воротиться назадъ,
 Не пойте! Досадные звуки цѣпей
 Свободы веселую пѣснь заглушать.

3.

Изгнанное пепломъ посыпьте чело
 И плачьте вы ночью при хладной лунѣ,
 Чтобы стѣнаны израильяны тронути могло
 Того, Кто явился пророку въ огнѣ.

4.

Тому только можно Сионъ валь отдать,
 Привести васъ на землю ливанскихъ холмовъ,
 Кто можетъ угѣшить скорбящую мать,
 Хоть сынъ ея палъ подъ мечами враговъ.

фернандо (*медленно входитъ*.)

Что золото? Какая это вещь,
 Когда оно могло бѣ составить счастье
 Мое?.. Металлъ, какъ и другой!
 Или далъ Богъ ему такое право,
 Какимъ лишь рѣдко люди обладаютъ?..

(*Опять начинаютъ пѣть*.)

Какой печальный голосъ! Эти люди
 Поютъ о родинѣ далеко отъ нея,
 А я въ моемъ отечествѣ не знаю.
 Что значить это сладкое названье...
 Я въ мірѣ не изгбу ничего почти,
 А все желалъ бы больше, но зачѣмъ?..
 Чтобы новыми желаньями томить
 Себя? Чтобы опять ловить мечты?

Нѣтъ! Пусть останусь я каковъ теперь;
 Пусть никогда не буду счастливъ, чтобъ
 Не сдѣлаться похожимъ на другихъ...
 Въ страданьяхъ жизнь—я въ нихъ живу, я къ
 нимъ привыкъ,
 Никто ихъ не раздѣлитъ... и тѣмъ лучше
 Для тѣхъ людей, которые бѣ хотѣли
 Ихъ раздѣлить... (*Поэмы входитъ*.)
 Гдѣ твой отецъ?

поэмы.

Ушелъ

Давно по дѣлу онъ... На что тебѣ отецъ мой?
 фернандо.

Хотѣлъ бы я благодарить его...
 Онъ спасъ мнѣ жизнь—и я его стараньемъ
 Теперь здоровъ, какъ прежде.

поэмы (*быстро*).

Ты здоровъ?..

фернандо.

Да, я здоровъ, какъ чловѣкъ, который
 Такъ часто боленъ былъ, что старую болѣзнь
 Болѣзню не считаетъ... (*Садится на скалыю.*
Она возлѣ него.)

поэмы.

Ты долженъ долѣе у насъ остаться,
 Повѣрь, не вовсе залѣчились раны
 Твои... и чѣмъ тебѣ здѣсь худо?..
 Останься здѣсь еще; ты самъ вѣдь говорилъ,
 Что у тебя пристанища нѣтъ въ свѣтѣ...
 Ты вѣрно здѣсь останешься, испанецъ?..

фернандо.

Нѣтъ!..

Я не хочу обременять васъ больше
 Моимъ присутствіемъ, мнѣ надо...

поэмы.

Ужели благодарность тяготитъ
 Тебя?.. Я этому не вѣрю.
 Не говорилъ отецъ мой такъ,
 Когда отъ гибели его ты самъ избавилъ...

фернандо.

Я разъ ужъ былъ неблагодарнымъ, и боюсь
 Вторично быть такимъ; но, впрочемъ,
 Я не могу остаться здѣсь никакъ,
 Я не могу... не долженъ... не хочу!..

поэмы (*въ сторону, вставъ*.)

Итакъ, намъ разлучиться должно;
 Итакъ, моя любовь... О, сжался, небо! (*Ему*.)
 Послушай: я твои лѣчила раны,
 Моя рука была въ крови твоей,
 Я надъ тобой сидѣла ночи, я старалась
 Всѣмъ, чѣмъ могла, смягчить ту злую боль;
 Старалась, какъ раба, чтобъ даже
 Малѣйшій стукъ тебя не потревожилъ...
 Послушай, я за все мои старанья
 Прошу одной, одной награды...
 Она тебѣ не стоитъ ничего;
 Исполни жъ эту малую награду:
 Останься здѣсь еще недѣлю...

фернандо.

Не искушай меня лукавой рѣчью:
 Я ужъ сказалъ, что не могу; мнѣ должно
 прочь! (*сильно*.)
 Ты хочешь знать зачѣмъ? (*показывая ей порт-*
ретъ Эмилии.)

О! на, взгляни сюда!..

(*Она отворачивается, взглянувъ, и закрываетъ
 лицо*.)

Вотъ женщина! Она не можетъ видѣть
Лица, которое не уступаетъ
Ей въ красотѣ... (молчаніе.) Такъ! такъ! я дол-
женъ къ ней.

Съ опасностію жизни я увижу
Эмпию! (Ей.) Гдѣ твой отецъ? (Подходитъ и
видитъ, что она плачетъ.)
О чемъ ты плачешь?

ноэми.

Не думала я плакать!

ФЕРНАНДО.

Стало быть,

Ты плакала, не думавши. Скажи,
О чемъ?.. Скажи, не я ль виновенъ въ томъ?
Остаткомъ горькихъ слезъ, въ груди моей
Хранящихся, я выкуплю твои.
Въ лѣта надеждъ не прячуть слезъ... О чемъ
ты плачешь?..

ноэми.

О томъ, чего ты дать не можешь мнѣ:
О внутреннемъ спокойствіи...

ФЕРНАНДО.

Какъ рано

Его ты потеряла, если правда,
Что говоришь...

ноэми (въ сторону.)

Скажу ему, что онъ

Въ томъ виноватъ; скажу, что я его
Люблю, и упаду въ его объятія;
Онъ не погубитъ, онъ великодушенъ...
Но что хотѣла я? Другая ужъ владѣетъ
Душой Фернандо... Что хотѣла я?
Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ—она любить не можетъ,
Какъ я; она не обтирала крови
Съ его глубокихъ ранъ, она не просидѣла
У ногъ его ни ночи, трепеща,
Чтобы желанный сонъ не превратился
Въ сонъ безпробудный! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..
Она любить его, какъ я, не можетъ!..

*Входитъ Моисей. Ноэми принимаетъ его,
цѣлуетъ медленно навстрѣчу. Онъ ее обнимаетъ.*

моисей (печально.)

Ну, дочь моя, скажу тебѣ я новость...
Сегодня...

ФЕРНАНДО (подходитъ.)

Моисей! благодарю тебя

За попеченія твои... (Протливаетъ руку. Мо-
исей медлитъ.)

Дай руку;

Не думай, что боюсь я оскверниться,
Не почитай Фернандо за глупца;
Ты человѣкъ... и ты мой благодѣтель,
Благодарю... я ухожу отсюда...

моисей.

Такъ скоро? Какъ?

ФЕРНАНДО.

Не возражай, еврей!

Я до тебя имѣю просьбу... лишь одну.
Одну: дай мнѣ червонцевъ пять взаимы.
Я знаю, что жида все деньги любить...
И христіанамъ не ввѣряютъ ихъ,
И въ этомъ правы—но меня ты знаешь!
Я преступленіе свершу, но все отдамъ
Твои червонцы... вотъ вся просьба.

моисей.

Куда жъ ты хочешь? Для чего идешь?

ФЕРНАНДО.

Недалеко живетъ отсюда
Донъ Алварецъ; въ его саду когда-то
Мы встрѣтились съ тобою. Я къ нему
Хочу идти просить гостепріимства.
Я былъ воспитанъ тамъ отъ юныхъ лѣтъ.
Но здѣсь мнѣ оставаться невозможно,
На это есть причины... я клянусь,
Что возвращу тебѣ червонцы...
Ты знаешь, въ свѣтѣ деньги нужны,
Чтобы исполнить предпріятіе.
И въ случаѣ, что онъ меня не приметъ
Въ свой домъ...

моисей (съ удивленіемъ.)

Донъ Алварецъ! Донъ Алварецъ!..

Ахъ, Боже мой! Тотъ бѣденъ, кто постигнуть
Твоимъ палящимъ гнѣвомъ... У меня
Есть дочь... я понимаю это горе...
Невѣроятно... Страшно!

ФЕРНАНДО.

Что случилось?

Моисей.

Несчастіе большое... Ахъ, злодѣи!
Злодѣи!.. Адъ не такъ искусенъ...
Мнѣ нынче самовидѣцъ рассказалъ...

ФЕРНАНДО.

Зловѣщій воронъ! (Въ сильномъ движеніи.)

моисей.

Ада мало имъ..

Такого ангела... Вотъ вы услышите!
Горю встанетъ волосъ вашъ; не слезы—камни
Уроните изъ глазъ вы... Вотъ испанцы! (Къ
Фернандо.)

Вотъ ваша инквизиція святая!..
Теперь не смѣйте презирать евреевъ...

ФЕРНАНДО.

Зловѣщій воронъ!.. Что такое?..
Сейчасъ скажи! Гранитнымъ этимъ небомъ
Клянусь, клянусь твоимъ закономъ, я, какъ
тигръ,

Тебя на части раздеру...
(Еврей въ изумленіи. Фернандо хватаетъ его
за руку; титме, дрожащимъ голосомъ.)

Ты видишь,

Я ума лишуюсь!.. Человѣкъ!
Молю тебя, скажи мнѣ, что случилось?
ноэми.

Какъ онъ дрожитъ!.. Отецъ мой, говори
Скорѣй!.. Взгляни,какая бѣдность!..

моисей.

У донъ Алварца дочь была!

ФЕРНАНДО (вскрикнувъ)

Была!.. (молчаніе.) Я твердъ! не бойся продол-
жать:

Какая мнѣ нужда до этой дочери,
И мало ль дочерей на свѣтѣ... (принужденно.)
Ха-ха-ха!..

Я твердъ!..

моисей.

Еврей знакомый рассказалъ мнѣ
Печальный случай... (Онъ подслушать гдѣ-то
Умѣлъ злодѣевъ). Есть доминиканецъ,
Иль езуитъ, по вашему, не знаю,
По имени Соррини... и хоть старъ,
Онъ любитъ женщинъ. Подкупить злодѣевъ,
Онъ имъ велѣлъ похитить непрѣмбно
Дочь Алварца... Нынче жертву

Негодные на гибель повлекли.
 Не понимаю только, как могли
 Они успѣть въ своемъ ужасномъ дѣлѣ...
 Отца-то дома не было, я слышалъ.
 Погибнетъ дѣвушка... А жалко! жалко!
 Я четверть бы имѣнья тотчасъ далъ,
 Чтобы ее спасти... но врядъ ли можно.
*Фернандо хочетъ что-то сказать, поднимаетъ
 руки, вдругъ съ невольнымъ стономъ опускаетъ
 и быстрыми шагами съ отчаяньемъ уходитъ
 въ горы.*

моисей (*пораженный*).
 Куда?.. Куда?.. Остановите его!..
 Онъ въ бѣшенствѣ!..

ноэми (*смотритъ влѣдъ*).
 Взгляни, вотъ онъ взбѣжалъ
 Ужъ на гору... бѣжить... остановился...
 Надъ самой пропастью... онъ упадетъ... но
 нѣтъ!..

Идетъ сюда... (*Бросается отцу на шею*).
 Зачѣмъ, зачѣмъ, отецъ мой,
 Сказалъ ему ты эту новость?

моисей.
 Дочь моя.
 Все воля Божія! никто изъ насъ не можетъ
 Противустать ей. Тотъ, Кто сотворилъ насъ,
 Имѣетъ право съ нами поступать,
 Какъ захочетъ...

ноэми.
 Для чего жъ онъ далъ намъ душу?
 Зачѣмъ способность далъ любить, страдать,
 Когда онъ вѣрно зналъ, что муки есть
 Неизлѣчимыя, что можно обмануть
 Любовь?.. Зачѣмъ насъ Богъ оставилъ?.. (*Она
 уходитъ.*)

(*Фернандо возвращается.*)

фернандо (*подходитъ*).
 Ты думалъ, я заплачу, старый!
 Ты этого хотѣлъ, но женская печаль
 Не усылитъ моихъ ланитъ!—Безчеловѣчный!
 Я отомщу... Чтобъ цѣлый міръ... А то свершу,
 Что—я не знаю самъ еще, но землю
 Мой подвигъ испугаетъ... Ты подумалъ,
 Что... я заплачу? Нѣтъ! Клянусь:
 Скорѣе разорвется это сердце,
 Чѣмъ я заплачу...

моисей (*беретъ его за руки*).
 Успокойся!.. Объясни мнѣ
 Твое отчаянье... не сожалѣнье
 Одно...

фернандо.
 Старикъ, старикъ!.. ты живъ покойно,
 Не зналъ страстей... во мнѣ онъ кнѣзилъ
 Сильнѣй, чѣмъ всѣ земныя бури. О! проклятье
 Тому, кто далъ мнѣ жизнь! Несправедливый
 Богъ,
 Зачѣмъ казнить меня черезъ другихъ,
 И ангела губить, чтобъ наказать безумца
 Ничтожнаго? Иль также въ небесахъ
 Есть пытки?.. Я терпѣлъ—и полно мнѣ терпѣть!
 Повиновался я судьбѣ довольно;
 Я могъ быть счастливымъ!.. Довольно,
 Довольно!.. Никогда не буду счастливымъ...
 Отнынѣ отдаюся мести,
 Союзъ съ землею и небомъ разрываю...
 Старикъ, дай денегъ!.. Съ этимъ я прорвусь
 Въ его жилище.

моисей (*дастъ денегъ*).
 Вотъ! возьми!

фернандо.
 Эмилия—моя!
 Живая или мертвая—моя;
 Въ безчестьи или невинная—моя!..
 О! какъ я отомщу... Прощай, отецъ...
 Я своего не знаю. (*Обнимаетъ его крѣпко.*)
 Мститъ прекрасно,
 Благослови меня!.. иду на смерть... Прощай!
 (*Уходитъ.*)
 моисей (*поднимаетъ руки*).

Услыши, Богъ, молитву іудея!
 Храни его отъ преступленья;
 Ты можешь удержать порывъ страстей,
 Вселить покорность, вѣру такъ легко,
 Какъ усмиряешь вихри горь... Ты, Богъ
 Израиля! Ты, Богъ Ерусалима!.. (*Уходитъ.*)

сцена III.

*Комната въ домѣ у жидовъ, какъ во 2-мъ
 дѣйствіи.*

ноэми (*за нею Сара*).
 Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
 Злой духъ меня сгубилъ: онъ предвѣщалъ
 Мнѣ радость и любовь—любовь онъ далъ,
 А радость онъ похоронилъ навѣки.
 Теперь мы больше не увидимся съ Фернандо;
 И я могу открыто плакать,
 Закона не боюсь. О, я люблю
 Его какъ Бога—онъ одинъ мой Богъ.
 И небо запретить любить его не можетъ.
 Меня не понять онъ, другую любить,
 Другую, слышишь ли—другую!.. я умру!
 Не утѣшай меня! не утѣшай меня! (*Достаетъ
 руки.*)

сара.

Съ тобою плакать вмѣстѣ я хочу,
 Когда тебя нельзя утѣшить...

ноэми.

Плакать!
 Тебѣ ль со мною плакать?.. Ты любила ль,
 Какъ я?.. Любила ль чужеземца,
 Любила ль христіанина, была ли
 Имъ презрѣна, какъ я?.. Ахъ! Сара, Сара!
 Мое блаженство кончилось надолго!
 И вотъ плоды моихъ надеждъ, мечтаній,
 Плоды недоспанныхъ ночей и безпокойствъ...
 О, сжался надо мною, небо!
 Скорѣй въ сырую землю; поскорѣй,
 Покуда я себя роптаньемъ не лишила
 Спокойствія и тамъ.

сара.

Старайся
 Разсѣяться! Въ твои лѣта позабываютъ
 И самую жестокою печаль.
 Вотъ твой отецъ придетъ: теперь
 Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
 О чемъ-то занимательномъ и важномъ;
 Онъ новостью тебя займетъ.

ноэми.

Я проклинаю
 Всѣ эти новости: одна ужъ
 Меня лишила счастья.. а другая
 Мнѣ не отдастъ его. Ахъ, Сара!
 Все кончено!.. Все кончено!.. (*Моисей въбѣгаетъ,
 какъ бѣшеный.*)

МОИСЕЙ.

Дочь! дочь! дочь! онъ нашелся!
Зачѣмъ теперь? Зачѣмъ такъ поздно онъ на-
шелся?

Твой братъ... мой сынъ!.. я не зналъ...
Жестокій случай! такъ... я не прикалъ
Его къ груди, и не прижму... найденъ
И въ тотъ же мигъ потерянь. О, судьба!
Земля и небо, вѣтры, бури, громъ,
Куда вы сына унесли? Зачѣмъ отдать,
Чтобы отнять... и христіанинъ!
Возможно ли? Мой сынъ... я чувствовалъ,
Что кровь его—моя... я чувствовалъ,
Что онъ родной мой... О, Израиль!
Израиль!.. Ты скитался долженъ въ мірѣ,
Тебя преслѣдуютъ стихіи даже...
И Богъ твой отъ тебя отворотился.
Мой сынъ!.. Мой сынъ!..

САРА.

Гдѣ жъ онъ? Зачѣмъ не здѣсь?
Кто жъ онъ... и кто сказалъ... что сынъ твой?

МОИСЕЙ.

О, горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ,
Равнинъ принесъ мнѣ доказательство... я вѣрю,
Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...
И онъ погибнуть долженъ... не спастись
Ему вторично отъ руки злодѣевъ...
Нозми! горе, горе для тебя!
Фернандо—братъ твой!
Испанецъ—братъ твой!
Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть
Для насъ!.. онъ христіанинъ!.. онъ твой братъ!
(*Нозми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сара
сплываетъ къ ней.*)

Пускай умретъ и дочь и я!.. У Бога
Моихъ отцовъ нѣтъ жалости... Мой сынъ! Мой
сынъ!

(*Ломаетъ руки и стоитъ недвиженъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

*Во доль Соррини. На столѣ бумаги, книги и
песочныя часы.*

СОРРИНИ (*входитъ*.)

Сегодня, можетъ быть, увижу я
Мою красавицу. Мою!.. Зачѣмъ же нѣтъ?
Она моя, такъ вѣрно, какъ я плутъ.
Когда я самъ съ собою, то никакъ
Себя я не щажу. Зачѣмъ? Я плутъ,
Я это знаю самъ, зачѣмъ скрываться
Передъ собой? Я плутъ, но умный плутъ.
Да, впрочемъ, я не вижу тутъ худого;
Я сотворенъ, чтобъ жить и наслаждаться,
И всѣми средствами я долженъ достигать
Предположенной цѣли. Я достигъ—
И умный человѣкъ; не удалось—глупецъ!
Такъ судятъ люди большей частью.
Великій инквизиторъ обѣщаль
У нашего отца святого выпросить
Мнѣ шапку кардинала, если я
Явлюсь ея достойнымъ, то-есть,
Обманывать и лицемѣрить научусь.
О, это важная наука въ мірѣ!
Наука женить! Съ нею прямо въ папы!

И этому есть доказательства у насъ... (*Мо-
чаніе.*)

Въ кровавый путь отправленъ ужъ Фернандо...
Одинъ лишь Алварецъ—да этотъ плохъ!
О, бѣдная Эмилиа, давно ли
Сказала ты, что старику смѣшно
Любить и невозможно?.. Но сегодня
Ты мысли переменяешь... (*Садится.*)

Говорятъ,

Что женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья, что законъ велитъ...
Ужель законъ въ сей толстой книгѣ
Сильнѣй закона вѣчнаго природы?
Безумецъ тотъ, кто думалъ удержать
Ничтожнымъ правомъ, постановленьемъ
Движеніе природы человѣка;
Онъ этимъ увеличилъ грѣхъ—и только;
Даль лишній совѣсти укоръ, и между тѣмъ
Желаніе усилилъ запрещеньемъ.
Постриженъ былъ насильно я въ монахи;
Почти насильно (въ пылкой юности
Не можемъ понимать мы нашей пользы);
Пускай, пускай они за все отвѣтятъ,
Что сдѣлалъ я; пускай въ аду горятъ
Они... Но что такое адъ и рай,
Когда металлъ, въ землѣ открытый, можетъ
Спасти отъ перваго, кушится другой?
Не для толпы ль доврѣчивой, слѣпой,
Сочинена такая сказка? Я увѣренъ,
Что проповѣдники о раѣ и объ адѣ
Не вѣрятъ ни въ награды рая,
Ни въ тяжкія мученья преисподней.
Да, впрочемъ, добрый смыслъ велитъ не вѣрять,
Что души будетъ вѣчный жечь огонь;
Что черти за ноги повѣсятъ тѣхъ,
Которые ни рукъ, ни ногъ имѣть не будутъ.

(*Беретъ книгу, перо и бумагу.*)

Займусь. (*Кладетъ.*) Нѣтъ, что-то я не въ духѣ!
Кто бы повѣрилъ, что въ мои лѣта
Хорошенькой дѣвчонки ожиданье
Могло смущать, тревожить, беспокоить?
Я все не понимаю, для чего
Мнѣ не годится женщину любить;
Какъ будто бы монахъ не человѣкъ! (*Смотритъ
на часы.*)

Часы бѣгутъ п съ ними время; вѣчность,
Коль есть она, все ближе къ намъ, и жизнь,
Какъ дерево отъ путника, уходитъ.
Я жилъ!—Зачѣмъ я жилъ?—Ужели нуженъ
Я Богу, чтобъ пренебрегать его законы?
Ужели безъ меня другой бы не нашелся?
Я жилъ, чтобъ наслаждаться; наслаждался—
Чтобъ умереть... умру... А послѣ смерти?
Исчезну! какъ же?.. да, совсѣмъ исчезну...
Но если есть другая жизнь?.. нѣтъ! нѣтъ!..
О, наслажденье! я твой рабъ, твой господинъ!..

(*Звонитъ; слуга входитъ*.)

Не забудь, что я тебѣ сказалъ:
Когда подѣдутъ близко удалцы
Мои, то киньтесь въ свѣ оружьемъ толпой,
И, будто бы освободивши силой,
Ее сюда скорѣ приведите...
Да чуръ не забывать, что вы безъ языковъ,
А то... меня... ты знаешь коротко!
Возьми жъ себѣ заранѣ награду (*даетъ коне-
лекъ.*)

И раздѣли другимъ... Ступай же.

(*Слуга беретъ конекъ и цѣлуетъ руку.*)

слуга.
Все исполню.
соррини (*подходитъ къ окну*).
Да, кажется, я вижу цыль; ужели Они спроворили все дѣло? Донна Марія лакома на жемчугъ, Какъ видно; впрочемъ, ей мѣшала Моя красавица, какъ лишнее бревно Въ строеніи дома; самъ его не дашь, А какъ попросять, такъ легко разстаться! (*Гладитъ въ окно*.)
Они, такъ точно! ближе подъѣзжаютъ. Вотъ и мои спасители бѣгутъ... Сраженіе! Желѣзо о желѣзо бьется и стучитъ Безвредно... искры сыплются кругомъ. Такъ въ спорѣ двухъ глушцовъ хоть много шуму,
Да толку нѣтъ... Какъ кровь моя кипитъ Въ полузасохшемъ сердцѣ! Ну! (*Смотритъ*.) Схватили

Эмилию и тапнуть... Торжество! Victoria!.. Теперь я говорю Отважно: veni—vici, потому Что я еще дѣвицу не видалъ! (*Отходитъ отъ окна; слуги входятъ*.)
Въ лицѣ твоемъ побѣду я читаю; Веди сюда.. (*Слуги ушель*.) Victoria, Соррини.. (*Потираетъ руками*.) Поплачетъ Алварецъ, поплачетъ, покричитъ, Порветъ сѣдые волосы... и не узнаетъ, Гдѣ дочь его... Ха-ха-ха-ха! Побѣда! (*Вводятъ Эмилию; Соррини даетъ знакъ; люди уходятъ*.)

Эмилиа.
Гдѣ мой спаситель?.. Ахъ, отецъ Соррини, Не вамъ ли я обязана спасеньемъ? Вознагради васъ Боже, такъ какъ я Желала бы!.. О, мой спаситель!
соррини.
Я христіанскій долгъ исполнилъ только. (*Идетъ и запираетъ дверь*.)

Эмилиа.
О! возвратите поскорѣй меня Родительскому дому... Мой отецъ Въ отчаяніи будетъ, если онъ Узнаетъ про ужасный этотъ случай! Со мной гуляла мачеха моя Въ саду, и вдругъ злодѣи ухватили Меня, связали, повлекли съ собою. Окончите благодѣянье ваше, Велите отвезти меня домой, Какъ можно поскорѣй... Что мой отецъ Подумаетъ, что скажетъ онъ? (*Плачетъ*.)

соррини.
Эмилиа, ты вся дрожишь, какъ можно Теперь тебѣ домой отправиться. Теперь Ты такъ слаба... Нѣтъ, отдохни подолѣ здѣсь, Побудь подолѣ у меня... Зачѣмъ лишать Меня такого счастья?..

Эмилиа.
Ради Бога!
Я не могу остаться здѣсь у васъ!
Я не должна.
соррини.
Зачѣмъ же ты не можешь?

Мой ангелъ, кто тебѣ мѣшаетъ День, два и три здѣсь отдохнуть?
Эмилиа.
День, два и три!
соррини.
Чему дивиться тутъ?
Эмилиа.
Я васъ не понимаю.
соррини.
День, два, три
И болѣе останешься ты здѣсь, И ежели понравится тебѣ, То можешь ты остаться вѣчно... то-есть (*Въ сторону*.)

Пока ланиты не поблекнутъ и глаза Не потеряютъ пламень свой волшебный.
Эмилиа.
Отецъ Соррини!
соррини.
Да, я не шучу;
Ты тамъ была рабой—здѣсь будешь ты царицей.

Мой домъ и все, что въ немъ—твое, А ты моя!
Эмилиа.
Какое право?

соррини.
Силы.
Я спасъ тебя—вотъ право и довольно!
Эмилиа.

Вы позабыли, кто вы!.. какъ могу Я съ вами жить!.. что это значить?
соррини.
Не горячись (*держитъ ей руку*) красавица, любовь
Не смотреть на дѣта своихъ печальныхъ жертвъ.
Ты видишь, я былъ правъ, когда сказала, Что можетъ и старикъ любить.

Эмилиа.
Соррини! (*Вырываетъ руку*.)
Оставь меня... Безчестный человѣкъ! Когда судьба меня случайно отдала Во власть твою, ты оскверняешь Гостепріимство... Что ты хочешь? Боже! Спаси меня, спаси, святая дѣва!..

соррини.
Скажу тебѣ, святыхъ здѣсь нѣтъ... итакъ...
Эмилиа.
Конечно, только демоны одни Живутъ съ подобнымъ извергомъ... Но Богъ Услышитъ вопль невинной дѣвушки!

соррини.
Насъ опытъ научаетъ въ свѣтѣ Не упускать благоприятный случай! Ну, поцѣлуй меня на первый разъ!
Эмилиа (*отворачивается дрожа*).

Такъ вотъ моя судьба! (*Ему*.) Прочь, прочь, злодѣй!
соррини.
Ты думаешь, что ты теперь царица Въ моемъ дому? Нѣтъ, это будетъ послѣ, Когда все сдѣлаешь, что я скажу, Когда въ мои объятія упадешь.

Эмилия.
Въ твои объятія—никогда!

Соррини.
Послушай:
Тебѣ слова пустыя не помогутъ;
Да или нѣтъ—два слова могутъ только
Подѣйствовать на сердце это; если
Ты скажешь да... то для тебя жъ пріятнѣй!
А если нѣтъ... то берегись упрямства!
Оно къ добру не доведетъ; покорность
Одна лишь облегчитъ твою судьбу...
Но, впрочемъ, я не вису твоего несчастья...
Любовь мою нельзя назвать несчастьемъ...
Умѣю я любить и награждать,
И ни одна прекрасная дѣвица
Не вырвалась изъ моихъ объятій,
Когда почувствовала пламень груди
Моей... Повѣрь, старикъ такой, какъ я,
Любить умѣетъ лучше юноши:
Все опытность, мой другъ...

Эмилия (*послѣ минуты молчания*).

Знавалъ ли ты
Спокойствіе души, знавалъ ли ты
Надежду, радость... счастье?...
Всѣмъ тѣмъ, что ты знавалъ и не знавалъ,
Чему ты вѣрилъ, отъ чего страдалъ,
Всѣмъ тѣмъ, что страшно для души твоей,
Коль есть въ тебѣ душа, безсовѣстный злодѣй,
Я заклинаю на колѣняхъ... пощади!
(*Становится на колѣни.*) О, пощади... оставь
меня! я буду
Молчать о всемъ, что слышала, о всемъ.
Что знаю... только пощади меня!..
Не тронь моей невинности; за это
Грѣхи твои и самыя злодѣйства
Проситъ тебѣ Всевышній. Такъ, Соррини!
Но если ты... тогда умру я, и къ тебѣ
Придетъ моя страдальческая тѣнь,
И блѣдною рукою отгонитъ сонъ...
О, пощади!.. клянусь молчать до гроба!..

Соррини.
Глупецъ, кто вѣритъ женскимъ обѣщаньямъ,
А пуще женской скромности—да, да!
Не все ль равно, на нитку привязать
Медвѣдя и надѣяться, что онъ
Не перерветъ ее, чтобы уйти;
Невольно проболтается языкъ твой...
Нѣтъ, я теперь въ такомъ ужъ положеньи,
Что предо мною смерть или побѣда
На волосѣ висятъ... а такъ какъ вѣрно
Я изберу побѣду, а не смерть,
То всѣ твои мольбы напрасны,
Эмилія...

Эмилия.
Итакъ, спасется нечѣмъ? (*Плачетъ.*)

Соррини.
Мнѣ кажется...
Эмилия.
Пошли мнѣ смерть, о, Боже,
А не безчестье! (*Падаетъ въ кресла и закрываетъ лицо.*)

Соррини.
Все притворство это!
Не вѣрю я, чтобъ дѣвушка могла
Съ упрямостью такою защищаться.
(*Хочетъ у нея поцѣловать руку, она ему да-*

*тъ пощечину. Онъ, грозя пальцемъ, съ тилою
злобою говоритъ.*)

Ты такова, сердитая дѣвчонка!..
О-о! я справлюсь, нѣтъ, я не стерплю
Такой обиды... отомщу... увидишь...
Теперь не жди себѣ спасенья;
Скорѣ эти стѣны всѣ заллачутъ,
Чѣмъ я, твой стонъ услышавъ; такъ! скорѣй,
Скорѣй земля разступится, чтобъ въ мигъ
Испанию со мною поглотить, чѣмъ сердце
Мое разступится, чтобы впустить одно
Лишь чувство сожалѣнья... ты увидишь,
Каковъ Соррини! онъ проситъ умѣетъ,
Умѣетъ и приказывать какъ надо.

(*Она открываетъ лицо и смотритъ съ ужасомъ.*)

Умѣю и кинжалъ употребить
При случаѣ, чтобы заставить васъ,
Сударыня, повиноваться мнѣ. (*Злобно.*)
Ха-ха-ха-ха!.. о, ты меня узнаешь!
Эй! кто тамъ?

(*Соррини открываетъ дверь; подходитъ къ ней;
другъ слышитъ шумъ и входитъ испанцы толпою.*)

Вы зачѣмъ? Какая дерзость!

одинъ испанецъ.

Мы

Пришли за награжденьемъ.

Соррини.

За какимъ?

другой испанецъ.

А какъ же, развѣ ты намъ, патерь, не велѣлъ
Дочь Алвареца увести.. иль позабылъ?
Что? Видно только предъ услугой
Твой кошелекъ открыть издалека.

третій испанецъ.

А какъ достали мы твою красотку,
Такъ тотчасъ обѣднялъ?

Соррини.

Бездѣльники! (*Бросаетъ богамию
кошель золота.*)

Терпѣнья не было?..

всѣ (*берутъ золото и угрожаютъ*).

Прощай, отецъ Соррини! (*Онъ уже
не затираетъ двери.*)

Соррини.

Эмилія! рѣшишь же наконецъ.

Эмилія (*встаетъ съ кресла*).

Такъ ты ихъ посылалъ меня похитить?
О, верхъ злодѣйства въ человѣкѣ! я погибла,
Погибла... нѣтъ надежды.

Соррини (*насмѣливо*).

Нѣтъ надежды! (*Беретъ ее за руку.*)
Пойдемъ со мною (*цѣлуетъ*), мой другъ безцѣн-
ный!

Такъ долго защищаться, плакать,
Просить... чтобъ, наконецъ, признаться побѣд-
денной!

Эмилия.

Ты думаешь, я вынесу позоръ свой?
Нѣтъ, я умру, старикъ!..

Соррини (*съ гордой улыбкой*).

Старикъ тебѣ покажетъ, что довольно
Онъ пылокъ.

Эмилия (*сложивъ руки*).
 Матерь Божія! ужель
 Ты не спасешь меня!..
 Соррини.
 Пойдемъ... пойдемъ...
 Не скажутъ, что Соррини уступилъ
 Кому-нибудь. О, я наединѣ
 Не тотъ, какимъ кажуся въ людяхъ. (*Беретъ
 ея руку*.)

Эмилия.
 Оставь меня, твое прикосновенье,
 Какъ зараженнаго чумою, ядовито...

Соррини (*злобно*).
 Пойдемъ же, я велею...
 (*Ворвѣ стучится кто-то въ дверь, оба оста-
 навливаются. Изузить отходитъ прочь, отво-
 ряетъ дверь; человекъ, окутанный плащомъ
 пилигрима, снявъ шляпу, входитъ*.)

Неизвѣстный. (*Онъ входитъ бы-
 стро, потомъ нагибается*).
 Впустите ради
 Христа!.. я такъ усталъ! прошу
 Кусочка хлѣба только. Здравствуйте,
 Пошли вамъ Богъ свое благословенье,
 Честный отецъ!.. я бѣдный, бѣдный странникъ.

Соррини (*въ сторону*).
 Не кстати онъ пришелъ, зачѣмъ его пустили?
 (*Скрипитъ зубами. Глядитъ*.)

Онъ подозрителенъ. (*Ему*) Садись... садись!
 Тебѣ велею тотчасъ подать вина и хлѣба.
 Откуда ты идешь? Кто ты?

Неизвѣстный.
 Я—бѣдный странникъ!
 Ходилъ въ Ерусалимъ... иду назадъ...
 Усталъ... и голоденъ, иду домой..
 Пока языкъ мой смерть не охладитъ,
 Вездѣ тебя я буду прославлять,
 Кто бъ ни былъ ты, гостеприимный.

Соррини.
 Я исполняю только долгъ свой.

Неизвѣстный.
 Долгъ?
 Немногіе тебѣ подобно мыслятъ.
 Благодарю!—и Богъ тебя благодарить!..

Соррини (*къ Эмилии*).
 Сестра! вели принести вина и хлѣба... (*Стран-
 нику*.)

Живемъ съ сестрой мы вмѣстѣ.
 (*Видя, что Эмилия неидетъ, дрожитъ и под-
 ходитъ къ ней*.)

Ступай! когда я говорю: иди!
 Неизвѣстный (*про себя*).
 Меня ты не обманешь, крокодиль!

Соррини (*громко*).
 Ступай же...

Неизвѣстный.
 Стой!

Соррини (*испуугавшись*).
 Какъ! кто ты!
 Неизвѣстный.
 Я... (*Сбрасываетъ плащъ
 съ себя и вытмываетъ кинжалъ*.)

Эмилия
 Фернандо!..

Фернандо.
 (*Беретъ быстро за руку Эмилію и уводитъ на
 другую сторону сцены, становится предъ ней,
 держа ея одной рукой*.)

Теперь я требую съ тебя отвѣта...

Соррини.
 Кто ты? Фернандо не воскреснетъ!
 Ты духъ или человекъ?

Фернандо.
 Я тотъ,
 Кто не боится адскихъ умысловъ,
 Кто можетъ наказатъ тебя кинжаломъ,
 И чья рука не дрогнетъ предъ убійствомъ,
 Когда оно ее спасетъ... отдай ее. (*Схватыва-
 етъ Соррини за горло*.)

Я ничего не жду на небесахъ,
 Я ничего не жду подъ небесами,
 Я мести душу подарить; не жди,
 Чтобъ я помедлилъ отослать
 Тебя туда, гдѣ ждетъ судъ Божій
 Тебѣ подобныхъ! Видишь этотъ ножъ—
 Онъ надъ тобой. Оставь же добровольно
 Свой умыселъ.

Соррини.
 Но если ты убьешь меня.
 То все-таки Эмилію нельзя
 Спасити: тебя не выпустятъ
 Отсюда слуги. Такъ пусти жъ меня!
 Я закричу...

Фернандо (*пускаетъ ея*).
 Ты правъ: я не палачъ!..
 (*Въ сторону*.) Ужели я боюсь увидѣть кровь?
 (*Ему*). Отдашь ли мнѣ Эмилію?

Соррини.
 Нѣтъ, не отдамъ... (*Подбываетъ къ двери
 все ближе*.)

Фернандо.
 Отдашь! ты вѣрно содрогнешься
 Предъ тѣмъ, что я предпринялъ. А! Соррини!
 Она моя... и честь ея моя.
 Когда бъ ты далъ мнѣ тысячу міровъ
 За эту дѣвушку... я бъ ихъ отвергнулъ все!
 Не принуждай меня, не принуждай
 Къ убійству.

Соррини.
 Не отдамъ ея.

Фернандо.
 Ты камень, но передъ моимъ отчаяньемъ
 Ты содрогнешься.

Соррини.
 Нѣтъ!..

Фернандо.
 Соррини,
 Соррини! рѣдко лишь прошу кого-нибудь
 Я на колѣнахъ... но узнай сперва,
 Что тотъ, предъ кѣмъ стоялъ я на колѣнахъ,
 Не долго проживетъ.

Соррини (*со смѣхомъ*).
 Опять за то же.

Фернандо.
 Ты мнѣ отдашь Эмилію, не то
 Я отниму... не доведи меня
 До этой крайности. Я ужъ готовъ
 На все! Я съ нею потерять готовъ
 И небо, чтобъ избавить отъ твоихъ когтей.
 Я не шутить пришелъ... О, слушай! слушай!
 Въ послѣдній разъ... отдай ее.

Соррини.

Посмотримъ!

(Бросается въ оверъ и зоветъ на помощь.)
Сюда! сюда! сюда! разбой! эй, слуги!

(Шумъ и крикъ за сценой.)

Эмилия (бросивъ томный
взоръ).
Фернандо...

Фернандо.

Ну, все кончено! напрасно
Желалъ я крови не пролить, прощай,
Мой другъ! (Обнимаетъ ее) прощай! мы долго
Съ тобою не увидимся.. (отворачиваясь) о, Боже!
И такъ ты хочешь, чтобъ я былъ убійца!
Но я горжусь такою жертвой!.. кровь ея—
Моя! она другого не обрызжетъ!..
Безумецъ! какъ искать въ томъ сожалѣнья,
О комъ самъ Богъ ужъ не жалѣеть!
Часъ билъ! часъ билъ!.. послѣдній способъ
Удалается—или кровь!.. нѣтъ, я судьбѣ
Не уступлю... хотя бы демонъ удивился
Тому, чего я не могу не сдѣлать.

(Эмилия устремляетъ молчаливъ взоръ на него.)
(Во время этого разговора входятъ слуги Соррини и онъ; всѣ съ оружіемъ.)

Соррини.

Посмотримъ, кто сильнѣй изъ насъ!.. эй, слуги!..

Фернандо.

Узнай же клятву: мы стоимъ предъ Богомъ...
Живая или мертвая—она
Моя... Ты видишь. (Показываетъ кинжалъ.)

Эмилия.

Ахъ! (склоняетъ голову на грудь Фернандо.)

Соррини.

Меня не настращаешь!

Мнѣ мертвую не нужно... Слуги, эй!
Схватите, бейте, рѣжьте наглеца! (Онъ самъ
защищенъ слугами.)

Фернандо.

Ни съ мѣста! (Всѣ останавливаются.)

Соррини.

Что же вы? (Они опять хотятъ броситься.)

Фернандо.

Ни съ мѣста вы, рабы!..

(Соррини.) Въ послѣдній разъ, въ виду небесъ
и ада,

Отдашь ли мнѣ ее?

Эмилия (едва слышимымъ го-
лосомъ).

Хранитель, ангель мой! спаси меня!

Соррини.

Живую не отдамъ,

Что бъ ни было!

Фернандо.

О... такъ смотри сюда!

(Прокаливаетъ ей грудь; въ эту минуту всѣ
поражены; онъ подымаетъ ея трупъ съ полу и
уноситъ сквозь толпу удивленную. Слуги хо-
тятъ броситься вслѣдъ.)

Соррини (послѣ молчанья,
остановивъ слугъ).

Оставьте! иначе хочу я сдѣлать. (Онъ дрожитъ.)

(Даетъ знакъ, чтобы всѣ ушли; уходитъ.)

Какая дерзость!.. да, онъ мнѣ заплатитъ!
Я самъ въ опасности. Онъ можетъ...

Что можетъ онъ?.. Я золь теперь,
Какъ дьяволь... Отомщу жъ ему,
Сожгу его, едру съ живого кожу,
Сорву желѣзомъ ногти, исциплю
Горячими щипцами, на гвоздяхъ
Его ходитъ заставлю, мѣдъ кипящую
Волью безумцу въ горло и упыюсь,
Упыюсь, какъ сладкимъ нектаромъ,
Его терзаньемъ, вздохами и визгомъ!..
Спади съ меня личина скромности,
Пуускай узнають всѣ, что итальянецъ
Соррини, по его веселію и плескамъ,
Когда Фернандо будетъ издыхать
Въ огнѣ плъ подъ ударомъ палача.
Чьмъ медленнѣй конецъ его придетъ,
Тѣмъ будетъ счастье мое полнѣй.
Оклевету его; хотъ самъ не вывернусь,
Но все же я упыюсь его мученьемъ.
О, клевета, приходи на помощь! никогда
Такъ не нуждался я въ тебѣ, какъ нынѣ;
Дай тысячу мнѣ жалъ змѣиныхъ, чтобъ
Я могъ облить врага холоднымъ ядомъ
Твоимъ... (Ударяетъ себя двумя пальцами въ
лобъ.)

Мой планъ почти готовъ...
Да, да... вотъ такъ... а тамъ, богиня
Души моей, тебѣ съ сихъ поръ я отдаю
Себя.. возьми! а твой—и за могилой!

(Входитъ Доминиканецъ, пріятель Соррини.)

Доминиканецъ.

Соррини, здравствуй!

Соррини.

Здравствуй! кстати ты пришелъ.

Доминиканецъ.

А что такое?

Соррини.

Я тебѣ скажу

Сейчасъ.

Доминиканецъ.

Должно быть, ты узналъ
Пристанище богатаго жида
Или, что все равно, еретика.
Веселье на лицѣ твоемъ блистаетъ!
Такъ точно, ревностный служитель вѣры,
Я отгадалъ, что хочешь ты сказать.

Соррини.

Ты отгадалъ. Знавалъ ли прежде
Ты Дона Алвареца; у него
Воспитывался юноша Фернандо...
Онъ еретикъ! онъ вѣрить Лютеру
И чтить его!.. сегодня онъ убилъ
Дочь Алвареца въ домѣ у меня.
Я спасъ ее отъ хищниковъ, но, Боже!
Не могъ спасти отъ остраго кинжала!
Его сыскать намъ надо, и вести
На казнь преступника двойного.
Онъ трупъ несчастной дѣвушки
Понесъ съ собой!.. да! я его найду;
И по слѣдамъ его пойду кровавымъ,
И жизнь заплатитъ онъ...

Доминиканецъ.

Конечно!

Да, кажется, я на дорогѣ встрѣтилъ
Убійцу... но случайно не замѣтилъ,
Что несъ онъ мертвую: такъ быстро
Онъ шелъ!.. такъ страшенъ онъ казался!

Соррини (*посль минуты задумчивости*).
Дай руку мнѣ! клянись быть за одно...

доминиканецъ (*протягиваетъ руку*).

Возьми съ моей рукою обѣщанье.

Соррини.

Быть заодно во всякомъ случаѣ!

доминиканецъ (*кинувъ боязливый и подозрительный взглядъ*).

А развѣ ты виновенъ въ чемъ-нибудь?

Соррини.

Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь знаешь ты: мы вѣчно правы.

доминиканецъ.

Брось шутки! ты тутъ невиновенъ?

Соррини.

Нѣтъ! нѣтъ! но если бь даже былъ...

доминиканецъ.

Безъ если. просто,

Какъ съ другомъ говори...

Соррини.

Да нѣтъ!

доминиканецъ.

Простѣ!

Скажи: невиненъ ты?

Соррини.

Какъ голубь!

доминиканецъ (*съ коварной улыбкой*).

Вотъ такъ! ха-ха-ха-ха! давай бумаги;
За друга веѣмъ готовъ, душой и тѣломъ,
Пожертвовать. А еретикъ Фернандо
Погрѣбется у насъ, пока
Охолодѣетъ прахъ его проклятый.

(*Садится и беретъ перо съ бумаги.*)

Я напишу, какъ ты мнѣ говорилъ,
А тамъ и въ судъ съ убійственной бумагой!
Умевъ былъ тотъ, кто избобрѣлъ письмо.
Перо терзаетъ иногда сильнѣе,
Чѣмъ пытка! Чтобы уничтожить царство—
Движенія пера довольно; даже рай
Даетъ перо отца святого паны;
Ты вѣришь въ эту власть?

Соррини.

Какъ въ добродѣтель!

доминиканецъ.

Итакъ, начну писать я свой доносъ. (*Начи-
наетъ писать.*)

Соррини (*пока онъ пишетъ,
подходитъ къ мѣсту,
идь убита Эмилия;
глядя внизъ*).

На этомъ мѣстѣ кровь ея текла!
Вотъ пятна: вотъ одно, другое!
Впервые мнѣ на кровь глядѣть ужасно,
Впервые сердце бьется и трепещетъ,
И волосы невольно дыбомъ
Встаютъ при мыслѣ объ убійствѣ!..
Жадать ли мнѣ Эмилию? Да что жь?
Веѣмъ должно умереть!.. но если тѣнь
Ея предстанетъ мнѣ во мглѣ ночной,
Какъ говорила дѣва; если я
Преслѣдуемъ, терзаемъ буду
Ея рукою холодною повесую,
Какъ совѣстью мятежной; если

Кровавое пятно и день и ночь
Глазамъ безсоннымъ станетъ представляться?..
Какъ? Я боюсь? Соррини сталъ бояться?
Кого? себя!.. стыдися!.. нѣтъ тѣней,
Нѣтъ призраковъ; могила слишкомъ крѣпко
Свою добычу держитъ, чтобъ она
Могла исторгнуться изъ рукъ ея сырыхъ.
Но совѣсть!.. совѣсть вздоръ, однакожъ... Какъ,

Соррини,
Ты совѣсти боишься, и давно ль? (*Ударяетъ
ногой въ землю.*)

Я презираю эту кровь, какъ совѣсть.

доминиканецъ.

Доносъ готовъ.

Соррини (*подписываетъ*).

Я подписалъ.

доминиканецъ.

И я.

Соррини.

Идемъ!

доминиканецъ.

Ужель доносъ подать боишься?

Товарищъ, ты дрожишь?..

Соррини.

Отъ радости... (*Беретъ шляпу и палку.*)

Вотъ все мое оружіе, пойдемъ.

доминиканецъ.

И горе

Врагамъ закона нашего и нашимъ!
Пощады нѣтъ! клянемся.

Соррини.

Нѣтъ пощады!

Какое же мученіе избрать,
Чтобы мой еретикъ почувствовалъ
Всю тягость нашихъ рукъ, всю тягость
Закона для отступника, не ежели?
Онъ оскорбилъ законъ, онъ осквернилъ мой
домъ.

доминиканецъ.

Нѣтъ, четверить.

Соррини.

Свинца кипящаго

Ему влить въ горло.

доминиканецъ.

Или на гвоздяхъ

Его заставить спать.

Соррини.

О, если бь онъ имѣлъ

Сто жизней, я бы каждую инымъ,
Ужаснѣйшимъ, терзаньемъ истощить!..

Однако, цѣль моя достигнута... (*Потираетъ
руками.*)

доминиканецъ.

Пойдемъ!

И съ помощью святого Доминика
Еретика безъ жизни въ прахъ повергнемъ!
(*Уходятъ въ радости.*)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Домъ Алвареца. Столъ. Сѣтка на столѣ.

Алварецъ (*сидитъ у стола*).

Итакъ, она бѣжала отъ меня
Съ Фернандо... убѣжала съ негодяемъ.

донна марія.
Какъ я тебѣ сегодня объяснила;
Зачѣмъ ты не хотѣлъ позволить ей
За этого бродягу выйти замужъ?

АЛВАРЕЦЪ.
Такъ не хочу же плакать о негодной,
Неблагодарной.

донна марія (*насмѣливо*).
Плачь, нѣтъ, плачь!
О дочери такой нельзя не плакать!

АЛВАРЕЦЪ.
И какъ она была привязана ко мнѣ!

донна марія.
Да, это видно!

АЛВАРЕЦЪ.
Гдѣ тутъ стыдъ?
Покрѣпить сѣдые волосы отца
Безчестьемъ, посмѣяться надъ отцомъ,
Любовницею быть бездомнаго бродяги
Въ такихъ лѣтахъ... А, это слишкомъ много!
Нѣтъ!.. звѣри благороднѣй! звѣри лучше!..

донна марія.
Побереги себя!..

АЛВАРЕЦЪ.
Пускай она съ Фернандо,
Какъ нищая, подъ окнами блуждаетъ.
Я отвергаю отъ себя ее!
Эмилія не дочь мнѣ; пусть она
Найдетъ отца себѣ другого, я отвергнулъ
Безстыдную отъ сердца своего!
Когда бъ она пришла къ моимъ дверямъ
Усталая, голодная, худая,
Какъ смерть, когда бъ она просила
Кусочка хлѣба у меня, и этого
Я бъ не далъ ей: пускай она умретъ
На обезчещенномъ моемъ порогѣ!..

донна марія.
Ты боленъ, другъ! не хочешь ли прилечь?

АЛВАРЕЦЪ.
Такъ! мнѣ покой необходимъ теперь;
Я чувствую, что я совсѣмъ разстроенъ.

донна марія (*въ сторону*).
Вѣднѣякъ вѣдь точно весь измученъ.

АЛВАРЕЦЪ.
Боже!
Зачѣмъ ты далъ мнѣ дочь, зачѣмъ послалъ
Ты съ ней безчестье на главу мою?
О, накажи ее, прошу тебя...
Молю тебя... Изъ древняго семейства
И такъ бѣжать съ Фернандо!.. Нынѣ вижу,
Я воскормилъ змѣю въ дому своемъ... (*Уходитъ*.)

донна марія.
Что дѣлаетъ теперь любезный патеръ
Соррини?—Вѣрно онъ ужъ сорвалъ
Цвѣтокъ невинности и наслажденья!..
Пришлетъ ли онъ еще подарокъ мнѣ,
Его сотрудици!.. Конечно, онъ пришлетъ...
Мнѣ кажется, что начинаю я
Жалѣть о бѣдной жертвѣ сластолюбья!
А я была вѣдь главною причиною...
О, совѣсть! для чего терзать меня
Не кстали? Прежде бы терзала:
Теперь помочь едва ли могутъ люди.

(*Открываетъ лицо стола и вынимаетъ по-
дарки Соррини; смотритъ на нихъ и кладетъ
на мѣсто опять*.)

Нѣтъ, не могу я видѣть этотъ жемчугъ
И камни дорогіе! Руки, пальцы
Мои дрожатъ, когда я ихъ держу;
Какая-то невидимая сила
Весь этотъ жемчугъ превращаетъ въ слезы;
Прочь! прочь!.. (*Кладетъ въ ладони*.)

Какъ могъ меня прельстить
Подобный гадкій жемчугъ?.. Совѣсть, ты
Не хочешь покидать моей души?..
Зачѣмъ теперь? Что пользы для тебя?..
Угодники святые, помогите!
Молитвою, постомъ, богатымъ подающимъ
Загладить я хочу проступокъ свой,
Лишь дайте сонъ мнѣ, дайте мнѣ покой!
(*Входитъ Алварецъ встревоженный*.)

АЛВАРЕЦЪ.
Жена, послушай! здѣсь блуждаютъ тѣни;
Мнѣ кажется... сейчасъ я видѣлъ что-то,
Я слышалъ голосъ... голосъ мнѣ знакомый!..
Мнѣ дурно... (*Сажится*.)

донна марія.
Успокойся, другъ мой!
Гдѣ тѣни? Тѣней не бывало здѣсь!
Твоя печаль, твое воображенье,
Быть можетъ, эти призраки рождаетъ.

АЛВАРЕЦЪ.
Мнѣ дурно... (*Звонитъ*.) Эй! слуга! воды! (*Слуга
входитъ*.)
Воды!.. какъ можно поскорѣе. (*Уходитъ слуга*.)
Жена! я говорю, здѣсь бродятъ тѣни;
Ужель ты не слыхала голосъ томный?
Ужель ты не могла примѣтить ихъ?

донна марія.
Твои глаза отъ слезъ устали!

АЛВАРЕЦЪ.
Какъ?
Нѣтъ, я не плакалъ и не стапу плакать!..
Я проклинаю дочь свою.

(*Слуга приноситъ стаканъ; онъ пьетъ; слуга
уходитъ*.)

донна марія (*въ сторону*).
Мнѣ страшно!
Есть мертвецы, есть тѣни, говорятъ
Ученые монахи... мы должны
Имъ вѣрить... это, право, страшно!

АЛВАРЕЦЪ.
Ну, если умерла Эмилія...
Ну, если въ эту самую минуту
Ея душа разсталась съ нею... если...

донна марія.
Что говоритъ онъ?.. Небо!

АЛВАРЕЦЪ.
Нѣтъ! за громомъ
Проклятiе отцовское не тронетъ;
За громомъ есть другой отецъ... прощаю
Тебя, когда тебя не будетъ
Между живыхъ... пусть тѣнь твоя не бродитъ
Вокругъ меня, не огнояетъ сонъ
Отъ глазъ моихъ, пусть ужасъ не подыметъ
Сѣдые волосы, покрытые тобою
Стыдомъ и поношеньемъ,—нѣтъ!.. въ могилѣ
Проклятiе отцовское не тронетъ!
Тамъ есть другой судья... прощаю,
Прощаю, дочь моя... о, небо! небо!

(*Открывается дверь на сценѣ съ шумомъ; яв-*

ляется Фернандо, держа трупъ Эмилии. Старикъ вскакиваетъ; ужасъ во весьмицахъ.)

донна марія.

Ахъ!.. все пропало! (Бросается въ ордуру комнату.)

АВВАРЕЦЪ.

Что такое значить?.. (Фернандо кладетъ тѣло на стулъ.)

Чья кровь? Чье это тѣло? (Фернандо стоитъ надъ нею мраченъ.)

Кто она? Кто ты?

ФЕРНАНДО.

Я дочь тебѣ принесъ.

АВВАРЕЦЪ,

Эмили!.. мертва!..

ФЕРНАНДО.

Мертва!

АВВАРЕЦЪ.

Такъ ты ея убійца?

ФЕРНАНДО.

Я...

АВВАРЕЦЪ.

Такъ ты!.. о, если бь я имѣлъ довольно силы, Чтобы растерзать тебя! ты, похититель, Убійца!.. и съ такою холодностью Принесъ сюда... о, милое созданье! Дочь! дочь моя! и кровь ея течеть... П я!..

ФЕРНАНДО.

Не правда ли, она прекрасна!

АВВАРЕЦЪ.

Чего ты ждешь? Ступай хоть въ адъ, Но прочь отъ глазъ моихъ, убійца! кровь ея Пока ты здѣсь, течи не перестанеть... О, если бы не слабь я былъ... прочь демонъ! Прочь, прочь отъ дочери моеи!

ФЕРНАНДО.

Рѣшился... Я здѣсь остануся

АВВАРЕЦЪ.

Ты рѣшился?

ФЕРНАНДО.

Да! въ живыхъ

Она была твоя... теперь моя. Геройскимъ преступленьемъ я купилъ Кровавый эротъ трупъ... онъ мой... Смотри На эти блѣдныя черты и отречись Отъ дочери...

АВВАРЕЦЪ.

Такъ подожди! ты скоро

Меня увидишь!.. Тигръ, змѣя коварства! Я средство отыщу тебѣ отмстить... Я инквизицію на помощь призову.

ФЕРНАНДО.

Кто не боялся уничтожить это (показывая на трупъ),

Того ничто не испугаетъ въ мѣрѣ... (Авварецъ убѣгаетъ и запираетъ двери за собой.)

Онъ заперъ двери! ха-ха-ха! прекрасно!

Старикъ, исполнилъ ты мое желанье!

Я съ нею быть хочу паединъ,

Какъ съ другомъ... Души тишины!

Вы будете свидѣтелями свадьбы

Моей... Здѣсь я клянусь любить

Ее одну, что бь ни было... Вы, стѣны,

Смотрите на Эмилию мою

И плачите, если можете вы плакать!

Блѣдна! блѣдна!.. мертва!..

(Бросается къ ногамъ ея и плачетъ. Молчаніе.)

Ты мнѣ простишь? Не правда ли, мой ангель?

Я спасъ тебя!.. смотрите—улыбнулась!..

Улыбкой смерти, сладкою улыбкой!

(Беретъ за руку.)

Рука ея какъ ледъ! (Цѣлуетъ руку.) Позволь поцѣловать!

О! какъ приятно мертвыхъ цѣловать... (Встаетъ.)

Что, ежели отрѣжу я косму

Волосъ и съ ней умру, не легче ль будетъ мнѣ

Терпѣть послѣднія мученья тѣла?

(Отрѣзываетъ косму волосъ кинжаломъ.)

Залогъ ея любви!

Какъ я великъ!

Пожертвовалъ собой, своей душой,

Пожертвовалъ такимъ созданьемъ, чтобъ

Освободить Эмилию, хотъ вѣчно

Я не увижусь съ ней!.. одинъ, одинъ,

Какъ жилъ, такъ и умрешь Фернандо.

Зачѣмъ же небо довело меня

До этого? Богъ зналъ заранѣ все,

Зачѣмъ же онъ не удержалъ судьбы?..

Онъ не хотѣлъ!.. (Молчаніе.)

Эмили!

Теперь, какъ прежде, всеми ты забыта,

Но я съ тобой!.. (Подходитъ ближе.)

Кровь на груди засохла!..

И предадутъ ее сырой землѣ;

Глаза, волшебныя уста, къ которымъ

Мой дерзкій взоръ прикованъ былъ такъ часто,

И грудь, и эти длинныя рѣсницы

Песокъ засыплетъ; червь переползетъ безъ страха

Недвижное, безвѣтное, сырое,

Холодное чело... Никто и не помыслить

О томъ... И можетъ быть надъ той

Могилой проклянуть мое названье,

Гдѣ будетъ гнить все, что любилъ я въ жизни.

О, я тебя навѣки потерялъ!

Рай не отдастъ божественный твой образъ

Душъ моеи; я навсегда простился

Съ тобой, когда ударъ судьбы свершился!

Я самъ разрушилъ... самъ отвергнуть, самъ

Свою надежду уничтожилъ... О, прощай!

Прощай! прощай! ты, сияющій ангель!..

Блѣдна! блѣдна!.. Мертва!..

(Шумъ за дверями и голоса, но Фернандо стоитъ съ пониженой головой и ничего не слышитъ. Входятъ служители инквизицій съ начальникомъ и веревками и прочими приговореніями.)

начальникъ.

Онъ здѣсь—Фернандо нашъ возлюбленный!

Здѣсь еретикъ! схватите поскорѣй!

(Подходятъ, берутъ, отъ недвижимаго, ничего не чувствуютъ.)

Свяжите руки.

ФЕРНАНДО (какъ отъ сна.)

Что вамъ надобно?

начальникъ.

Ты на костръ пылающемъ увидишь,

Что хочеть инквизиція святая.

За что?
 Фернандо.
 Мы не привыкли отвѣчать—за что!..
 Свяжите!

начальникъ.
 Фернандо.
 Я не дамъся (*вырывается.*)
 начальникъ.
 Мы увидимъ!..

Фернандо.
 Кто хочетъ жить?
 начальникъ.
 Я знаю: ты не хочешь,
 Вотъ для чего пришли мы за тобой.

Фернандо.
 Не думайте, что я боюсь васъ:
 Я не хочу оставить этотъ трупъ!..
 Прочь отъ меня: своимъ присутствіемъ
 Вы оскверните это мѣсто; посмотрите:
 Она святѣй, чѣмъ всѣ святые ваши!
 Своею кровію она купила рай,
 А ваши—кровію другихъ мечтаютъ
 Его купить!.. Прочь! прочь отсюда!

начальникъ.
 Я не люблю пустое толковать.
 Схватите же его!

Фернандо (*вынимаетъ кин-
 жаль.*)

Приди на помощь
 Вторично, мой кинжаль!.. Кто будетъ первый?
 (Они отступаютъ.)
 Никто!.. Да сколько васъ?.. Ужель одинъ
 Такъ страшень!

начальникъ (*своимъ.*)
 Что намъ торопиться, други!..
 Онъ не уйдетъ отъ нашихъ рукъ навѣрно,
 Пускай придетъ отецъ Соррини самъ:
 Онъ насъ прислалъ!.. пусть онъ съ нимъ спра-
 вится;
 А изъ чего намъ жертвовать собой! (*Стано-
 вятся у двери.*)

Фернандо.
 Что, если брошусь я на нихъ, какъ тигръ,
 И всѣхъ въ крови къ ногамъ своимъ повергну?..
 Но нѣтъ, зачѣмъ лишить ихъ брэнной жизни,
 Зачѣмъ лишить того, что имъ безцѣнно...
 Я здѣсь одинъ... весь міръ противъ меня!..
 Весь міръ противъ меня: какъ я великъ!..
 (*Входитъ Доминиканецъ съ бумагою въ рукахъ.*)

доминиканецъ.
 Фернандо!
 Фернандо.
 Что?
 доминиканецъ.
 Противъ тебя доносъ есть.

Фернандо.
 Немудрено!
 доминиканецъ.
 И судъ ужъ подтвердилъ,
 Чтобъ взять тебя.

Фернандо.
 Гдѣ судъ въ Испаніи?
 Есть сборище разбойниковъ!..

доминиканецъ.
 А ты,
 Ты не разбойникъ?

Фернандо.
 Нѣтъ.
 доминиканецъ (*показавъ трупъ.*)
 А это что?

Фернандо.
 Я спасъ ее! она меня любила,
 Любила!.. О, знавалъ ли ты любовь?
 Нѣтъ, не знавалъ!.. какъ воскъ бы ты рас-
 таялъ,
 Взглянувъ на эти блѣдныя черты!
 Она меня любила! какъ еще любила!..

доминиканецъ.
 Не о любви пришелъ я говорить:
 Ты обвиненъ, что вѣришь Лютеру
 И всѣмъ еретикамъ; вотъ для чего
 Пришли мы взять тебя, мой другъ!
 Ты вѣришь въ Лютера?

Фернандо.
 Какъ странно:
 Безъ пытки спрашивается онъ меня!
 Я вѣрю, что есть Богъ...

доминиканецъ.
 Что папа
 Намѣстникъ Бога?

Фернандо.
 Кто его поставилъ?
 доминиканецъ.
 Такъ ты не вѣришь?

Фернандо.
 Развѣ Богъ велѣлъ
 Вамъ жечь людей?

всѣ (*кричатъ.*)
 Онъ еретикъ! онъ еретикъ!
 доминиканецъ (*къ другимъ.*)
 Зачѣмъ его вы тотчасъ не связали?

начальникъ.
 Не сладили.
 доминиканецъ.
 Такъ смѣлъ онъ защищаться? (*Къ
 Фернандо.*)

Ты долженъ умереть, мой другъ!

Фернандо.
 Я это знаю!
 Я это зналъ давно... и ты умрешь!
 О, не хвались своей минутной властью!
 Вотъ образъ смерти! (*Показывая на Эмилию.*)
 Если рокъ Эмилию
 Не пощадилъ, то пощадить ли васъ?

доминиканецъ.
 Ты слышалъ приговоръ, итакъ, сдавайся!..
 (*Соррини входитъ и крадется далше отъ
 Фернандо.*)

Фернандо.
 Соррини, здравствуй! вѣрно ты пришелъ
 Последній мигъ страдальца усладить!
 Не бойся! я тебѣ не сдѣлаю
 Вреда: я прежде забылъ.
 Я совершилъ свое. Предоставляю
 Тебя раскаянью и совѣсти.
 Не вѣчно спятъ они; граница есть
 Всему... но полно ужъ объ этомъ!

соррини.
 Глупецъ, ты смѣешь угрожать?

Фернандо.
 Соррини!

Ты побѣдилъ; но просьба есть одна:
Исполни... если ты ее исполнишь,
То на костръ я буду за тебя
Молиться; въ лютой пылкѣ буду имя
Твое благословлять.

соррини *(съ улыбкой.)*
Скажи мнѣ, что такое? *(Насмѣли-*
ливо.)

Скажи мнѣ, если только можно!..

фернандо *(вынимаетъ косу*
Эмили.)

Ты видишь этотъ черный пукъ волосъ?

Пуškai они горятъ со мной; сегодня
Я ихъ отрѣзала съ головы ея *(указывая на*
тѣло Эмили.)

Предъ смертью не снимайте ихъ съ меня:
Они вамъ не мѣшаютъ.

соррини.
Нѣтъ, нельзя!

Никакъ нельзя.

фернандо.
Послѣдняя мольба! *(Скрежещетъ*
зубами.)

Повѣрь мнѣ, эти волосы никакъ
Тебѣ не помѣшаютъ слышать крики
Мои, которое желѣзо пытки
Исторгнетъ!..

соррини.
Нѣтъ! никакъ нельзя!..

Ихъ видъ твой страданья облегчить,
Но этого не хочеть судъ.

фернандо.
Соррини!

Ты хочешь...

соррини.
Я хочу, чтобъ ты повиновался!

Служители! еретика схватите
Сейчасъ, и волосы изъ рукъ его
Нечистыхъ вырвите; канатами свяжите
Преступника! онъ слышалъ приговоръ,
И глупо мѣшкать... *(Въ сторону.)* Ты запла-

тишь мнѣ;
Узнаешь, что Соррини мстить не хуже
Тебя умѣетъ; впрочемъ, мы виновны оба;
А кто взялъ верхъ, тому и слава!

*(Въ это время весь приблизился къ Фернандо,
но онъ отталкиваетъ одного ближайшаго, бро-*
сается на Соррини и ранилъ его въ руку.)

фернандо.

Издохни!

соррини *(который упалъ*
отъ удара, встаетъ.)

Помогите!

фернандо *(тихо и мрачно.)*

Живь!

соррини.

Я живъ,

Чтобъ насладиться муками твоими.

домниканецъ.

Перевяжите руку! *(Перевязываютъ.)*

фернандо.

Нынѣ вижу,

Что не исполнилъ ты свое предназначенье
И мѣру всѣхъ твоихъ злодѣйствъ. Творецъ
Свидѣтель мнѣ: хотѣлъ очистить землю я
Отъ звѣря этого... Желѣзо обмануло...
И онъ живеть... презрѣнный челоувѣкъ!

Онъ отвратительнѣе для меня,
Чѣмъ всѣ орудья пытки. *(Бросаетъ кинжалъ на*
землю.)

Прочь, невѣрный

Металль! ты мнѣ служилъ, какъ лоди:
Помогъ убить невинность, притупился
О грудь злодѣя... *(Топчетъ.)* Прочь, измѣнникъ!
(Видя, что кинжалъ не въ рукахъ его, броса-
ются все на него, сватываютъ и связываютъ
руки.)

домниканецъ.

Теперь онъ безопасенъ намъ! схватите,
Свяжите!

соррини.

Какъ мы мѣшкаемъ!—О, сердце
Мое трепещеть, хочеть увидать
Огонь, гдѣ этотъ еретикъ погибнетъ
Во имя Бога! Дѣти! ну, ступайте!

начальникъ.

Чтобъ онъ не вырвался, держите крѣпче!

фернандо.

Не бойтесь! я не стану вырываться. *(Насмѣли-*
ливо.)

Кто отослать хотѣлъ на небеса
Такого ангела *(показывая на Соррини),* за-
служиваетъ тотъ

Ужаснѣйшую казнь!..

моисей *(за оверью).*

Впустите поскорѣе! *(Вбѣгаетъ въ отчаяньи.)*
Мой сынъ! Фернандо! гдѣ онъ? гдѣ онъ? гдѣ онъ?
Фернандо, ты мой сынъ! недавно я
Узналъ — раввинъ мнѣ объявилъ. — Что сдѣ-

лалъ ты?

Нашель... и вновь теряю навсегда!

Мой сынъ! мой сынъ! о, небо!

фернандо *(вздрагиваетъ).*

Я твой сынъ? *(Молчаніе.)*

Старикъ... неправда! говори: неправда!
Что пользы мнѣ найти отца въ подобный часъ?
Старикъ... ты обманулся! я не сынъ твой;
Никто не требуй больше отъ меня любви!

моисей.

Нѣтъ, я тебя спасу!

(Бросается къ ногамъ Соррини.)

О, господинъ!

Я сожалѣнья не прошу у христіанъ;
Я знаю, господинъ, оно—проступокъ!
Но вся моя казнь, твоя! *(Обнимаетъ колено.)*
Вотъ здѣсь червонцы!.. *(Вынимаетъ мѣшокъ.)*

Спаси его! позволь ему бѣжать!
Онъ сынъ мой!.. за него я все отдамъ.

фернандо.

Встань! встань! не унижай себя предъ нимъ,
Будь горлъ, какъ я иль ты не мой отецъ!
Встань—и учися ненавидѣть презирая.

моисей *(на коленяхъ).*

Возьми мое богатство, все оно...
Передъ тобой!.. я дочь еще имѣю!..

фернандо.

Старикъ, молчи! когда бъ я не былъ связанъ,
Я бъ ротъ тебѣ зажалъ!..

моисей.

Помилуй!.. *(Обнимаетъ колено.)*

соррини.

Нѣтъ!

На казнь?.. МОИСЕЙ.
 Ну, что жъ? СОРРИНИ.
 начальникъ (одному изъ слу-
 жителей).
 Иди впередъ.
 Фернандо (къ Моисею и Эми-
 лии).
 Прощайте. (Его уводятъ.)
 СОРРИНИ (Моисею).
 Ну, что ты? МОИСЕЙ.
 Увели!.. нельзя ль помочь?
 СОРРИНИ (беретъ мѣшокъ съ
 деньгами).
 Попробую! всѣ средства не исчезли:
 Въ судѣ имѣю я довольно власти.
 Да, ты еврей!.. ага!.. зачѣмъ ты здѣсь?
 О, погоди! я и съ тобою справлюсь. (Уходитъ
 смѣясь.)
 МОИСЕЙ.
 Ушелъ!—и деньги взялъ, и сына взялъ,
 Оставилъ съ мрачною угрозою!.. О, Творецъ!
 О, Богъ Иерусалима! Я терпѣлъ,
 Но я отецъ!.. Дочь лишена разсудка,
 Сынъ на краю позорныхъ могилъ,
 Имѣніе потеряно... О, Боже! Боже!
 Нѣтъ! Аврааму было легче—самому
 На Исаака ножъ поднять, чѣмъ мнѣ!..
 Рвись, сердце, рвись, прошу тебя... и вы
 Долой, густые волосы, чтобъ громъ
 Небесъ разилъ открытое чело! (Рветъ волосы.)
 Сынъ! дочь! имѣніе! червонцы!
 Все. все (ломая руки) потеряно навѣкъ!
 (Входятъ два чловека съ носилками.)
 О горе! горе мнѣ! о горе! горе! (Жидъ убитъ.)
 (Два чловека съ удивленіемъ глядятъ.)
 1-й гробовщикъ.
 Вездѣ одно отчаянне да казни;
 Конечно, этотъ чловекъ не мало
 Имѣлъ несчастья. (Показывая на дверь, куда
 ушелъ Моисей.)
 2-й гробовщикъ.
 Да! какъ волосы онъ рвалъ!
 1-й гробовщикъ.
 Онъ жидъ, однако жъ я его жалѣю.
 2-й гробовщикъ.
 Примѣтилъ ли, когда насъ посылали
 Донъ Алварецъ за тѣломъ дочери,
 Какъ онъ едва держался на ногахъ
 И крупная слеза скатилась по щекъ?
 1-й гробовщикъ.
 Да! это приключенне занимаетъ
 Весь городъ!
 2-й гробовщикъ.
 (Съ помощью другого кладетъ на носилки тѣло
 Эмили.)
 Миръ душѣ твоей, дѣвица!..
 1-й гробовщикъ.
 Ей пышныя готовятъ похороны,
 Я слышалъ.
 2-й гробовщикъ.
 Вотъ чего не понимаю—
 Не все ль равно усопшему: въ парчѣ
 Или въ холстѣ онъ будетъ съѣденъ червемъ?

1-й гробовщикъ.
 Такъ принято.
 2-й гробовщикъ (обвивая покры-
 виломъ тѣло на носилкахъ,
 чтобы оно не утѣло).
 Вотъ брачная постель твоя,
 Красавица! (Моисей.) Куда была она пре-
 красна!..
 Хотя я привыкъ къ такимъ работамъ, а теперь
 Мнѣ какъ-то жалко, какъ-то тяжело
 На сердцѣ. (Покрываютъ носилки съ Эмилию.)
 1-й гробовщикъ.
 Полно тутъ болтать. За дѣло!
 Пойдемъ... Вотъ такъ! смотри держать ровнѣе.
 (Уносятъ тѣло.)

СЦЕНА II.

Улицы въ городѣ близко жилища Алвареца;
 народъ.

1-й испанецъ.
 А! здравствуй! добрый день! Ты слышалъ ли
 Печальную исторію Фернандо?

2-й испанецъ.
 Онъ въ городъ приведенъ сегодня, взявъ
 Въ тюрьму; ужъ судъ надъ нимъ оконченъ,
 Костеръ стоитъ готовъ, я видѣлъ самъ;
 У насъ не любятъ очень долго мѣшкать
 Когда какой-нибудь монахъ обнженъ,
 Сейчасъ сожгутъ, хотя не виноватъ.

3-й испанецъ.
 Однако же Фернандо виноватъ. Зачѣмъ
 Онъ бѣдную Эмилию зарѣзалъ,
 Жестокосердый!.. нѣтъ, пускай горитъ онъ!

4-й испанецъ.
 Онъ смерть предпочиталъ позорной жизни
 И думалъ сдѣлать ей добро, не зло.

2-й испанецъ.
 Народъ валитъ толпой, чтобъ посмотреть,
 Какъ умираетъ чловекъ. (Показывая на толпу.)

Кто скажетъ,
 Что эти люди сами смертные?
 САРА (за сценой).

О, помогите удержать ее!
 (Поэмы входятъ съ растрепанными волосами,
 и за нею Сара.)

До самаго до города она
 Все такъ бѣжала... я измучилась!
 Ноэми! ахъ! она сошла съ ума.

НОЭМИ.
 Пусти меня!.. мой братъ! мой братъ!
 братъ!

Куда ты?.. я тебя люблю, люблю такъ нѣжно.
 Законъ—тиранъ! Какой уродливый
 И гадкій видъ!.. дай руку мнѣ!—о, нѣтъ!
 Какъ?.. эти пальцы пахнутъ смертью!
 Отдайте ожерелье мнѣ назадъ...
 Мой братъ! мой братъ! мой братъ!
 Я знала, онъ погибнетъ, Сара,
 Пойдемъ домой. (Сара беретъ ее за руку.) Нѣтъ!
 такъ я не хочу!

(Бросается на колѣна.)

О, люди добрые! скажите мнѣ,
 Гдѣ братъ мой?

2-й испанецъ.
 Кто она?

САРА.
Ахъ!.. сжальтесь!
Вы видите, она сошла съ ума,
Никто ее не можетъ удержать...
2-й испанецъ.
Когда бы всѣ жида съ ума сошли,
Какъ эта дѣвушка, намъ было бъ лучше.
ноэми.
Гдѣ братъ мой?
4-й испанецъ.
Бѣдная еврейка!
ноэми (*вставъ*).
Вы думали, что я бѣдна; но мой отецъ
Стократъ богаче васъ—и въ столько жъ лучше.
Вы думали, что долго буду я
Стоять предъ вами на колѣнахъ—такъ ошиб-
лись!
Я буду пѣть, плясать и веселиться! (*Обтира-
етъ глаза*.)
Прочь! прочь вы, слезы! вы лжецы!
Не плакать я хочу, но веселиться!
Прочь, слезы! мой отецъ богатъ... (*Стонетъ*.)
САРА.
Что говорить она? Все бредить!
Мы бѣдные евреи!..
2-й испанецъ (*глядя на Ноэми*).
Какъ жалка!
ноэми.
Гдѣ онъ?
Пылаетъ небо, люди гибнутъ,
Земля трепещетъ... тамъ въ огнѣ, въ огнѣ
Мой братъ! мой братъ! Я не пойду къ нему!...
Пустите!...
САРА.
Что ты дѣлаешь?
Великій Боже! образумь ее!
5-й испанецъ (*объиметъ*).
Все кончимось! я былъ въ судѣ; Фернандо
Ведутъ на казнь, его пытали долго;
Вопросы дѣлали—онъ все молчалъ; ни слова
Они не вырвали у гордаго Фернандо,
И скоро мы увидимъ дымъ и пламя.
2-й испанецъ.
Пойдемте посмотрѣть на казнь Фернандо.

(*Нѣкоторые идутъ. Народъ толпится черезъ
улицу.*)

ноэми.
Чья казнь? (*Упадаетъ на землю*). Я слышала,
Фернандо... (*Тихо*.)
Мой братъ, что жъ? смѣйтесь—казнь и смерть?
Какъ это больно! (*Группа составляетъ во-
кругъ нея*.)

САРА.
Помогите ей!
Воды! я заклинаю Богомъ, помогите! (*Стано-
вится на колѣни возтъ*.)
Она еще тепла... о, демоны, не люди!
Что я могу, безсильная старуха?
О помогите, помогите ей!

6-й испанецъ (*сухо*).
Жидовка умереть одна не можетъ?
Пускай она издохнетъ! И Фернандо,
Какъ говорить, былъ сынъ жида.

САРА.
Онъ сынъ
По крайней мѣрѣ человѣка—ты же камень!
Проклятые на тебя, кто бъ ни былъ ты! (*Скло-
няясь къ Ноэми*.)

ноэми! ты оставишь хочешь насъ?
Ужасная судьба отца: и дочь, и сына
Въ одну минуту потерять!

ноэми (*тихо*).
Фернандо!..
(*Молодой человѣкъ изъ толпы подходитъ ближе.*)

7-й испанецъ.
Прелестныя черты! когда бъ печаль
И смерть не испортили ихъ
Красоты до половинны.—Что за блѣдность!
(*Сара беретъ ее за руку и вздрагиваетъ*.)
Свинцу подобны сдѣлалися губы,
.....
.....
.....

(*Последняя четвертка подлинной рукописи утра-
чена. Надо предположить, что и Фернандо и отецъ,
старикъ еврей, гибнутъ*.)

Mensehen und Leidenschaften.

EIN TRAUERSPIEL *).

1830 года.

Посвящается

Тобою только вдохновенный,
Я строки грустныя писалъ,
Не знавъ ни славы, ни похвалъ,
Не мысля о толпѣ презрѣнной.
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,

*) Люди и страсти. Трагедія.—Въ рукописи существуетъ только нѣмецкій заголовокъ. Сама рукопись была разсмотрѣна еще въ 1855 году и чьей-то рукой помѣчено: „слѣдуетъ напечатать“.

Свои мечты, твой образъ нѣжный.
На зло враждующей судьбѣ,
Имѣлъ онъ лишь одно въ предметъ:
Всю душу посвятить тебѣ,
И больше никому на свѣтѣ!..
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданья...
Пусть предъ тобой сѣ листы
Листами будутъ оправданья.
Прочти—онъ здѣсь своимъ перомъ
Напомнилъ о мечтахъ былова,
И, если не полюбишь снова,
Ты, можетъ быть, вздохнешь о немъ.

дѣйствующія лица.

марѳа ивановна громова, 80 лѣтъ.
 николай михалычъ волинь, 45 лѣтъ.
 юрій николаичъ волинь, сынъ его, 22 лѣтъ.
 василій михалычъ волинь, братъ Николая Михалыча, 48 лѣтъ.
 любовь } дочери его. 1-я—17 лѣтъ, 2-я—19 лѣтъ.
 элиза }
 заручкій, молодой офицеръ, 24 лѣтъ.
 дарья, горничная Громовой, 38 лѣтъ.
 иванъ, слуга Юрія.
 василиса, служанка двухъ барышень.
 слуга волиныхъ.

Дѣйствие происходитъ въ деревнѣ Громовой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

явленіе I.

Утро. Стоитъ на столѣ чайникъ, самоваръ и чашки.

дарья. Что, Иванъ, сходилъ ли ты на погребъ? Тамъ, говорятъ, все замгло отъ вчерашняго дождя... да видѣлъ ли ты, гдѣ Юрій Николаичъ?

иванъ. Ходилъ, матушка Дарья Григорьевна, и перетеръ все, что набобно... а барина-то я не видалъ—вишь ты, онъ вѣрно пошелъ къ багюшкѣ на верхъ; дѣло обыкновенное—кто не хочетъ съ подобнымъ отцомъ быть—ѣдетъ же онъ въ чужіе края, такъ что мудренаго... А не знаете ли, матушка, скоро мы съ баринкомъ-то молодымъ отправимся или нѣтъ? Скоро ли вы съ нимъ проститесь?

дарья. Я слышала, барыня говорила, что черезъ недѣлю, для того-то и Николай Михалычъ со своей семьей привалилъ сюда; да знаешь ли, вотъ тебѣ Христось, съ тѣхъ поръ, какъ они прѣехали сюда, съ тѣхъ самыхъ поръ (я это такъ твердо знаю, какъ то, что у меня пять пальцевъ на рукѣ)—я двухъ серебряныхъ ложекъ не досчиталась. Ты не вѣришь?

иванъ. Какъ не вѣрить, матушка, коли ты говоришь? Однако жъ это мудрено—вѣдь у тебя все припѣрто, надо быть большому искуснику, чтобъ подобрать двѣ серебряныя ложки. Да! тутъ какъ хочешь экономію наблюдай и давай намъ меньше жалованья и одежи и все, что хочешь; а какъ всякій день, да всякій день пропажи, такъ ничего не поможешь...

дарья. Эта же вина все на мнѣ, да на мнѣ; а я, видить Богъ, такъ вѣрно служу Марѳѣ Ивановнѣ, что нельзя больше; пускаютъ этихъ... прости Господи мое согрѣшеніе! въ домѣ угощаютъ; а сдѣлалась пропажа—я отвѣчаю. Ужъ ругаютъ, ругаютъ! (*Притворяется плачущею.*)

иванъ. А можно спросить, отчего барыня въ ссорѣ съ Николаемъ Михалычемъ? Кажись бы не отчего—близкіе родня...

дарья. Не отчего?—какъ не отчего?—погоди, я тебѣ все это дѣло-то расскажу. (*Садится.*) Вишь ты, я еще была дѣвчонкой, какъ Марья Дмитріевна, дочь нашей барини, скончалась, оставя сына. Всѣ плакали, какъ сумасшедшіе,—наша барыня больше всѣхъ. Потомъ она просила, чтобъ оставить ей внука, Юрія Нико-

лаича; отецъ-то сначала не соглашался, но наконецъ его улакомили, и онъ, оставя сына, да и отправился къ себѣ въ отчину. Наконецъ ему и вздумалось къ намъ прѣхать; а слухито и дошли отъ добрыхъ людей, что онъ отниметъ у насъ Юрія Николаича. Вотъ отъ этого съ тѣхъ поръ они въ ссорѣ еще...

иванъ. Да какъ-ста же за это можно сердиться? По моему, такъ отецъ всегда воленъ взять сына—вѣдь это его собственность. Хорошо, что Николай Михалычъ такой добрый, что онъ сжалился надъ горемъ теши своей; а другой бы не сдѣлалъ того и не оставилъ бы своего дѣтища.

дарья. Да посмотрѣла бы я, какъ онъ сталъ бы его воспитывать: у него у самого жить почти нечѣмъ, хоть онъ и нарохтится въ важные люди; какъ бы онъ сталъ за него платить по четыре тысячи въ годъ за обученіе разнымъ языкамъ?

иванъ. Э-эхъ, матушка моя! есть пословица на Руси: глупому сыну не въ помощь богатство. Что въ этихъ учителяхъ—коли уменъ, такъ все уменъ, а какъ глупъ, такъ все напрасно.

дарья (*съ улыбкой*). А! я вижу, и ты заступаешься за Николая Михалыча; онъ, видно, тебя прикормилъ, сердешный; таковъ-то ты, добро, добро.

иванъ (*въ сторону*). По себѣ судить. (*Съ гордымъ видомъ.*) Я всегда за правую сторону заступаюсь, и положусь на всю дворню, которая знаетъ, что меня еще никто никогда не прикармливалъ.

дарья. Такъ и ты оставляешь нашу барыню... хорошо, хорошо, Иванъ! (*Топчуть ногой*) Такъ я одна осталась у нея, къ ней привязанная всѣмъ сердцемъ... Несчастная барыня! (*Притворяется плачущею.*)

иванъ (*въ сторону*). Аспидъ!

явленіе II.

Входитъ василиса съ молочникомъ.

василиса. Пожалуйста, Дарья Григорьевна, барышнямъ сливокъ. Вы прислали молока, а онѣ привыкли дома пить чай со сливками; такъ не прогнѣвайтесь.

дарья. Онѣ у васъ все сливочки попивали! (*Въ сторону.*) Видишь, богачки! (*Ей.*) У меня нѣтъ сливокъ; теперь постъ, такъ я не кипятила.

василиса. Я такъ и скажу?

дарья. Такъ и скажи! Ну, чего ждешь, я тебѣ сказала, что у меня нѣтъ. (*Василиса уходитъ. Она продолжаетъ.*) Экія какія спѣсивыя! вѣдь голь, настоящая голь—а туда же: сливокъ, да сливокъ! ради, что къ тѣмъ попали, гдѣ есть сливки. Пускай же знаютъ, что я не ихъ слуга! Экія какія!..

явленіе III.

никтолай михалычъ, василій михалычъ *входятъ.*

никтолай михалычъ (*Дарья*). Здравствуй, Дарья!

дарья. Здравствуйте, батюшка! хорошо ли поживали?..

никтолай михалычъ. Хорошо, да у васъ что-то жарко наверху. Послушай, пошли мнѣ моего человѣка.

дарья (Ивану). Пошли! Что ты стоишь? (Он уходит.)

НИКОЛАЙ МИХАЛЫЧЪ (брату). Посмотри-ка, братъ, какъ утро прекрасно, какъ все свѣжо! Ахъ, я люблю ужасно это время; пойдемъ, прогуляемся въ саду, пойдемъ...

ВАСИЛИЙ МИХАЛЫЧЪ. Изволь, я готовъ. (Уходитъ. Дарья открываетъ имъ дверь. Дарья.) Подай намъ чаю въ садъ, слышишь?

ДАРЬЯ. Каковы!—принеси имъ туда чаю! Какъ будто я ихъ раба. Какъ бы не такъ! такъ не понесу же имъ чаю, пускай ждутъ или сами приходятъ; о-охъ, время пришло, времечко: всякій командуетъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Квартира Заруцкаго въ избу.—Ребятишки на полатяхъ; молька и баба за прѣжей въ улу.

ЗАРУЦКІЙ (сидитъ за столомъ, на которомъ стоитъ бутылка и два стакана; онъ въ цусарскомъ мундирѣ). Вотъ, кажется, я нашелъ еще товарища моей молодости. Какъ полезно это общественное воспитаніе: на каждомъ шагу жизни мы встрѣчаемъ собратій, раздѣлявшихъ наши занятія, шалости; но точно, милы бываютъ [они], только пока мы молоды. Какъ старое воспоминаніе, намъ любезенъ старый другъ. (Молчаніе.) А Волинъ былъ удалой малый; ни въ чемъ никому не уступалъ—ни въ буянствѣ, ни въ умныхъ дѣлахъ и мысляхъ: во всемъ былъ первый, и я завидовалъ ему! Но онъ скоро будетъ—я послалъ сказать ему, что старый его пріятель здѣсь; посмотримъ, вспомнитъ ли онъ меня? (Пьетъ.) Славное вино, то-то попотчую. (Беретъ гитару, играетъ и поетъ; гитара лежала на столѣ.)

или 1-е.

Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись,
Въ день унынія смиришь,—
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живеть:
Настоящее уныло,
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило...

или 2-е.

Смертный, мнѣ ты подражай:
Наслаждайся, наслаждайся,
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай. (Пьетъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Въ эту минуту дверь открывается и Юрій быстро входитъ въ избу и бросается на шею Заруцкому. Молчаніе.

ЮРІЙ. Заруцкій!.. Какъ неожиданно...

ЗАРУЦКІЙ. Давно, братъ Волинъ, не видались мы съ тобой. Я ожидалъ тебя и зналъ навѣрно, что ты меня не забудь. Каковъ же я пророкъ.

ЮРІЙ. Какъ ты пережился во время разлуки нашей! Однако не постарѣлъ и такой же веселый, удалой.

ЗАРУЦКІЙ. Мое дѣло гусарское; а вѣдь и ты пережился ужасно...

ЮРІЙ. Да я пережился—посмотри, какъ я

постарѣлъ. О, если бы ты зналъ все причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнулъ бы.

ЗАРУЦКІЙ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше всматривалось. Ты мраченъ, угрюмъ, печаленъ; ты не тотъ Юрій, съ которымъ мы пиروвали бывало такъ беззаботно, какъ гусары наканунѣ кровопролитнаго сраженія.

ЮРІЙ. Ты правду говоришь, товарищъ! Я не тотъ Юрій, котораго ты зналъ прежде; не тотъ, который съ дѣтскимъ простосердечіемъ и доверчивостію кидался въ объятія всякаго; не тотъ, котораго занимала пессимичная, но прекрасная мечта земного, общаго братства, у котораго при одномъ названіи свободы сердце вздрагивало, и щеки покрывались живыми рымьянцемъ.—О, другъ мой! того юношу давнымъ-давно похоронили. Тотъ, который передъ тобою, есть одна тѣнь: человѣкъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ воротить.

ЗАРУЦКІЙ. Полно! полно! я не вѣрю ушамъ своимъ. Ты что ли—это ты говоришь? Скажи мнѣ, что съ тобою сдѣлалось, объясни мнѣ—я, чортъ возьми, ничего тутъ не могу понять. Изъ удалца сдѣлаться такимъ мрачнымъ, какъ докторъ Фаустъ! Полно, братецъ, оставь свои глупыя бредни.

ЮРІЙ. Немудрено, что ты меня не понимаешь; ты вышелъ двумя годами прежде меня изъ пансіона и не могъ знать, что со мной случилось... Много, много было безъ тебя со мной; ахъ, слишкомъ много! (Начинаетъ разказъ; Заруцкій закуриваетъ трубку.)

ЗАРУЦКІЙ. Да что же могло съ тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? И ты этого въ шесть лѣтъ не могъ забыть? Полно, полно! что-нибудь другое томить и волнуетъ твою душу. Глаза чернобровой красавицы, раг ехемпле.

ЮРІЙ. Нѣтъ, советъмъ нѣтъ! Что за смѣшная мысль! Ха-ха-ха! (Молчаніе.)

ЗАРУЦКІЙ. Да что же? Мнѣ любопытно знать!.. Кстати, выпей-ка стаканъ! (Взльзъ за руть.) Не знаю, чѣмъ тебя мнѣ угостить, дорогого гостя...

ЮРІЙ (выпивъ). Помнишь ли ты Юрія, когда онъ былъ счастливъ, когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшимъ разговоромъ для меня было размышленіе о людяхъ. Помнишь ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ творение человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ? Сонъ этотъ миновался, потому что я слишкомъ хорошо узналъ людей.

ЗАРУЦКІЙ. Вотъ мы, гусары, такъ этими пустяками не занимаемся; намъ жизнь—копейка, зато и проводимъ ее хорошо.

ЮРІЙ. Безъ тебя у меня не было друга, которому могъ бы я на грудь пролить все мое чувство, мысли, надежды, мечты и сомнѣнья... Я не знаю, отъ колыханья какое-то странное предчувствіе мучило меня; часто я во мракѣ ночи плакалъ надъ хладными подушками, когда вспоминалъ, что у меня нѣтъ совершенно никого, никого на цѣломъ свѣтѣ, кромѣ тебя; но ты былъ далеко. Несправедливости, злоба—

все посыпалось на голову мою, какъ-будто бы туча, разлетѣвшись, упала на меня и разразилась—а я стоялъ, какъ камень—безъ чувства. По какому-то машинальному побужденію я протянулъ руку—и услышалъ насмѣшливый хохотъ—и никто не принялъ руки моей, и она обратно упала на сердце... Любовь мою къ свободѣ человѣчества почитали вольнодумствомъ: меня никто послѣ тебя не понималъ... Однако жъ, ты мнѣ возвращенья снова! не правда ли?..

заруцкій. О, государь! нашъ мудрый государь! если бы ты зналъ, какимъ гидрамъ, какимъ чудовищамъ, какимъ низкимъ нравственнымъ уродамъ препоручаешь лучшей цвѣтъ твоего юношества! Но гдѣ тебѣ знать?.. одинъ Богъ всевѣдущъ!.. Чортъ меня дерн, если я не изрублю этого.. злодѣя, когда онъ мнѣ попадется—онъ многихъ сдѣлалъ несчастливymi.—Продолжай, другъ мой!..

юрій. Потомъ ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы, жестокая распря съ отцомъ моимъ, и это все на меня упадаетъ. Наконецъ, я тебѣ скажу, не проходитъ дня, чтобы новыя непріятели не смущали насъ—я окруженъ такими подлыми тварями, все такъ мнѣ противорѣчить..

заруцкій. Эхъ, любезный! чортъ съ ними!.. всѣхъ не исправишь!

юрій. Еще (*береть его за руку*) знаешь ли? Я люблю...

заруцкій. Ну такъ! безъ этого не обойтись!—Въ кого, скажи мнѣ, въ кого ты влюбленъ—я помогу тебѣ! На то и созданы гусары: пошалить, подражаться, помочь любовнику и попиловать на его свадьбѣ.

юрій. На свадьбѣ? Кровавая будетъ свадьба! Она никогда не будетъ мнѣ принадлежать—зачѣмъ же называть ее? Я хочу погасить послѣднюю надежду—я не хочу любить, а все люблю!..

заруцкій. Послушай, братъ! знаешь ли, я самъ люблю и не знаю, любимъ ли я; мнѣ стало жалко тебя, ты очень несчастливъ. Послушай! зачѣмъ ты не пошелъ въ гусары? Знаешь, какое у насъ важное житье—какъ братья! А повѣрь, куда бабы вмѣшаются, тамъ хорошаго немного будетъ!

юрій. (*съ стороны*). О, если бъ ты зналъ, что я люблю дочь моего дяди, ты не сравнивалъ бы себя со мною. (*Вздыхъ*.) Я ѣду въ чужіе края—оставляю всѣхъ—родину—можетъ быть, это поможетъ моему разсѣянію.

заруцкій. Твой отецъ здѣсь и дядя и кузины... ихъ двѣ?..

юрій (*съ призывнымъ смущеніемъ*). Да... да—они всѣ прѣехали со мною проститься!.. и мы съ тобой снова разстанемся!..

заруцкій. Твое воображеніе разстроено, мой милый! ты боленъ.—Зачѣмъ тебѣ ѣхать отъ насъ? Повѣрь мнѣ, „той страны нѣтъ краше и милѣе, гдѣ наша милая, или гдѣ живетъ нашъ другъ“.

юрій. Зачѣмъ разувѣрятъ меня, зачѣмъ останавливать несчастнаго. Неужели и ты противъ меня, неужели и ты хочешь моей гибели, и ты измѣнилъ мнѣ; скажи мнѣ просто, что ты думаешь? Быть можетъ, ты хочешь посмѣяться надо мной, надъ безнадежной моей любовью такъ, какъ нѣкогда у меня былъ другъ, кото-

рый хохоталь—долго этотъ хохотъ останется въ моемъ слухѣ! Ахъ! имѣй немного состраданія: столько, сколько человѣкъ можетъ имѣть—оставь меня лучше!

заруцкій. Бѣдный, въ какомъ онъ безуміи; зачѣмъ я коснулся его живой струны? (*Къ Юрью*.) Послушай, запомни мои слова: дома лучше!..

юрій. Я ѣду—я долженъ ѣхать—я хочу ѣхать... (*Кидается на стулъ и вдругъ закрываетъ лицо руками*.)

заруцкій. (*стоитъ въ безмолвіи надъ нимъ, покачиваетъ головою*). Бѣдный!.. кто виновать? Неужели человѣкъ можетъ быть такъ чувствителенъ, что всякая малость раздражаетъ его до такой степени? (*Ударивъ себя по сердцу*). Этого я, по чести, не понимаю!.. Эй, братъ, вставай-ка—ты боленъ... опомнись! (*Трогаетъ его*.)

юрій. Да! я боленъ! смертный ядъ течетъ по моимъ жиламъ. (*Заруцкій поднимаетъ его. Какъ ото сна встаетъ*.) Гдѣ я, у кого я?

заруцкій. Въ объятіяхъ твоего друга.

юрій. (*обнимаетъ его. Съ восторгомъ*). У меня есть другъ!..

заруцкій. Утѣшься, братъ! не вѣкъ горе!

юрій (*не слыша его*). Ты на меня не сердить? А?—Прости мнѣ, если я что-нибудь тебѣ обидное сказалъ—не я говорилъ—мои страсти, мое безумство—прости меня!..

заруцкій. Тебѣ нуженъ свѣжій воздухъ... и такъ пойдемъ отсюда... въ поле... (*Уходятъ*.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Комната барышень. Любовница сидитъ и читаетъ; горничная шьетъ платье, а элиза передъ троюмо. Все тихо.

элиза (*примѣривая шляпу*). Посмотрите, та суета, какъ эта шляпка на мнѣ сидитъ... не правда ли, что прекрасно?..

любовь. Да, это правда. (*Положивъ книгу*). Ахъ, если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

элиза. А что такое, позвольте спросить?

любовь. Вудстокъ или Всадникъ, Вальгера-Скотта. Я остановилась на томъ мѣстѣ, когда Алина удерживаетъ короля и полковника... ахъ, какъ я ей завидую!..

элиза. По мнѣ ничего тутъ нѣтъ прекраснаго; пускай бы ихъ сражались да шеею себя ломали. Ха-ха-ха! какая дура твоя Алина!..

любовь. У всякаго свой вкусъ...

элиза. Кстати! Помнишь ли, какъ мы были въ Москвѣ, я танцевала съ однимъ прехорошенькимъ молодымъ мальчикомъ; онъ мнѣ писалъ письмо; познакомился съ кузинами для меня.

любовь (*съ презрѣніемъ*). И ты приняла письмо?

элиза. Экая важность! я очень рада... Когда мы прѣйдемъ опять въ столицу—онъ на мнѣ женится... а ты не хочешь замужъ, душенька моя?—Будь спокойна, не возьметъ тебя никто!

любовь. Гдѣ жъ намъ съ вами, большими барынями, равняться... ты любимая дочка, а...

элиза. (*Какъ будто не слышитъ ее*). Какое прекрасное время—пойду въ садъ. (*Уходитъ*.)

любовь. За что меня бапюшка меньше ея любить? Боже мой! что я сдѣлала? Неужели должна любовь отца раздѣляться не равно! Ахъ,

как мнѣ грустно!—Кажется, я привязана къ нему съ такою же нѣжностью, какъ сестра моя; никогда не огорчала его непослушаніемъ—никогда—никогда... Ахъ, если бы маменька была жива, если бѣ было кому съ участіемъ, нѣжностью меня прижать къ груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою.—(Василиса, слушайка, вставай и уходи.) Какъ я помню ея послѣднія слова: „не плачь, дочь моя! что дѣлать, если отецъ тебя не любить! Молись, дочь моя! Божеская любовь равна любви родительской“. И блѣдное болѣзненное лицо ея сдѣлалось совершенно спокойное—какъ смерть!.. (Молчаніе.) Видно мнѣ вѣчно быть сиротой! Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой Лавры и мнѣ схимникъ предсказалъ много горестей. О, святой старикъ! зачѣмъ твое предсказаніе исполнилось? (Она садится за книгу. Вдругъ входитъ Заруцкій. Она въ испугъ вскакиваетъ.)

явленіе VII.

заруцкій подходитъ къ ней.

любовь. Чего вамъ надобно, милостивый государь, здѣсь, когда я одна? Вы, вѣрно ошиблись комнатою—вы не сюда хотѣли войти...

заруцкій. Нѣтъ, сударыня, я точно тамъ, гдѣ хотѣлъ быть... Это ваша комната?..

любовь. Кажется...

заруцкій. Не пугайтесь, прошу васъ, не пугайтесь...

любовь. Мнѣ нечего васъ пугаться! только этотъ поступокъ очень удивителенъ...

заруцкій. Если вы узнаете причины его, то, клянусь вамъ, не будете удивляться... если вы слыхали или чувствовали сами ту власть, которою покорствуютъ все въ природѣ... то исполните мою просьбу...

любовь. Мнѣ кажется, у васъ никакой просьбы до меня, 17-лѣтней дѣвушки, не можетъ быть. Что я могу вамъ сдѣлать?..

заруцкій. Я гусарь, а гусары говорятъ то, что думаютъ: позволяете ли мнѣ говорить откровенно? (Она въ смущеніи молчитъ)... Знавали ли вы страданія любви? Вы носите ея имя... отвѣчайте, протекалъ ли огонь ея по вашимъ жиламъ?

любовь. Какой странный вопросъ...

заруцкій. Знавали ли вы любовь?..

любовь. Это слишкомъ много, слишкомъ дерзко—я не привыкла къ такимъ разговорамъ! оставьте меня!—вы не хотите—я вамъ приказываю—не то я позову людей... ибо я не хочу вамъ сдѣлать эту неприятность. Оставьте меня...

заруцкій. Въ послѣдній разъ заклинаю васъ, скажите мнѣ, любили ли вы какого-нибудь юношу... одного на цѣломъ свѣтѣ?

любовь (съ досадою). Это слишкомъ вольно, милостивый государь; повторяю вамъ, если вы меня не оставите...

заруцкій (вскакиваетъ, какъ громомъ пораженъ. Въ сторону.) Итакъ всѣ надежды мои провалились сквозь землю... Попробую еще... быть можетъ она мыслить, что Заруцкій ее любить—ахъ! счастливая мысль—еще есть спасеніе. (Подходитъ къ ней съ спокойнымъ видомъ.) Я обожаю сестру вашу...

любовь. Что же вамъ до меня? Зачѣмъ тревожить мое спокойствіе такимъ неожиданнымъ

приходомъ? Зачѣмъ же вы пришли ко мнѣ? Вашъ поступокъ невозможно понять?..

заруцкій. Я для того пришелъ къ вамъ, чтобы вымолить, выплакать помощю—будьте увѣрены въ чистотѣ моихъ желаній—я хочу, клянусь вамъ, хочу на ней жениться, но прежде доставьте мнѣ случай съ нею говорить наединѣ; скажите ей, что она любима—страстно—столько, сколько гусарь можетъ любить. Я хочу узнать ее ближе, вы будете свидѣтелемъ—умоляю васъ! Но что это значитъ? Вы отворачиваетесь? Какъ можно отказываться сдѣлать доброе дѣло, когда мы въ состояніи.

любовь. Я не въ состояніи этого сдѣлать!..

заруцкій. Какъ! имѣя довѣренность сестры вашей, ея дружбу—и вы...

любовь. Вы ошибаетесь... я не имѣю ничьей довѣренности, ничьей дружбы...

заруцкій. Итакъ, мнѣ идти безъ надежды, а?..

любовь. Нѣтъ—останьтесь... слушайте... поклонитесь мнѣ, что вы во зло не употребите ея снисхожденіе... Но чѣмъ вамъ клясться... Нѣтъ... лучше... скажите мнѣ, положивъ руку на сердце: правда ли, что мужчины такъ злы и коварны, какъ ихъ обвиняютъ? Правда ли, что ихъ душъ ничего не стоитъ погубить дѣвушку навѣки...

заруцкій (подумавъ; рѣшительно) Неправда. (Слышенъ шумъ.)

любовь. Я постараюсь убѣдить Элизу, но помните, что грѣшно будетъ употребить во зло мою и сестрину довѣренность... Слышите—она идетъ, бѣгите скорѣй, бѣгите...

заруцкій. Я буду надѣяться. (Уходитъ. Черезъ минуту входитъ Элиза.)

явленіе VIII.

элиза. Ахъ, какой смѣхъ! Grand dieu! Grand dieu! Кабы ты знала, Любинька, что тамъ за шумъ внизу. Марѳа Ивановна такъ раскапризничалась, что хоть изъ дому бѣги!.. Ужасъ!.. дѣвокъ по щекамъ такъ и лунитъ. Ха-ха-ха-ха! Стоить посмотреть! И за что?.. ахъ, дай отдохнуть—самая глупѣйшая глупость. Ахъ, какъ я устала!.. послѣ тебѣ расскажу...

любовь. А у меня есть дѣло очень важное до тебя... и на твой счетъ...

элиза. Что такое? Скажи, пожалуйста! скажи!..

любовь. Пойдемъ съ мной. (Уходятъ.)

Конецъ первого дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

явленіе I.

Комната Марѳы Ивановны. — Она сидитъ на креслѣхъ; передъ ней стоитъ Дарья.

марѳа ивановна. Какъ ты смѣла, Дашка, выдать на кухню пынѣшній день двѣ курицы, и безъ моего спросу? а? отвѣчай!

дарья. Виновата... я знала, матушка, что двѣ то много; да некогда было вашей милости доложить...

марѳа ивановна. Какъ, дура, скотина! двѣ много? Да намъ вѣтъ нечего будетъ—ты меня этакъ пожалуй съ голоду уморишь! Да знаешь ли, что я тебѣ, сейчасъ вотъ при себѣ, велю надавать пощечинъ...

дарья (*кланяясь*). Ваша власть, сударыня! Что угодно—мы ваши рабы...

марѳа ивановна. Что? Не было ли у васъ какого нибудь крику съ Николай Михайловичемъ...

дарья. Нѣту-съ, какъ-съ можно-съ намъ ссориться; а вотъ что-съ—нынче ко мнѣ барышни присылали просить сливокъ, и у меня хошь онѣ были, да...

марѳа ивановна. Что жъ ты, вѣрно, отпустила имъ?

дарья. Никакъ нѣтъ-съ...

марѳа ивановна. Какъ же ты смѣла...

дарья. Добро бы съ вашего позволенія, а то вы почивали, такъ этакъ, если всякимъ давать сливокъ—коровъ, сударыня, не достанетъ... У насъ же нынче одна корова захворала—и я, матушка, виновата: не дала, не дала густыхъ сливочекъ... слыхано ли во свѣтъ безъ барскаго позволенія?..

марѳа ивановна. Ну, такъ хорошо сдѣлала... Не знаешь ли ты, гдѣ мой внукъ, молодой баринъ...

дарья. Кажется, сударыня, онъ у своего баюшки...

марѳа ивановна. Все тамъ сидитъ, сюда не заглянетъ! Экой какой онъ сдѣлался—бывало прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, пока малъ былъ. И напрасно я его удаляла отъ отца—таки умѣли Юрюшку увѣрить, что я отняла у отца материнское имѣнье—какъ будто не ему же это имѣнье достанется... ахъ! злые люди!..

дарья. Ваша правда, матушка! злые люди.

марѳа ивановна. Кто станетъ поконить мою старость! и я ли жалѣла что-нибудь для его воспитанія? Носила сама Богъ знаетъ что, готова была отъ чаю отказаться—а по четыре тысячи платила въ годъ учителю... и все пошло не въ прокъ... Ужь, кажется, (не) всякимъ ли манеромъ старалась сберечься отъ нынѣшней бѣды: ставила фунтовую свѣчу каждое воскресенье; всѣмъ святымъ поклонялась; ему ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всѣхъ родныхъ—все не помогло! Ахъ, кабы дочь моя была жива, не то бы на міру дѣлалось, не то бы...

дарья. Что это вы, сударыня, такъ сокрушаетесь? Все еще дѣло поправное—можно Юрія Николаевича разжалобить чѣмъ-нибудь; а онъ ужъ извѣстенъ: какъ если разжалобится—куда хочешь, для всякаго на ножъ готовъ... Есть, Марѳа Ивановна, поговорка: желѣзо тогда и куется, пока горячо...

марѳа ивановна. Вотъ какъ вретъ! можно ли это? Какъ его разжалобишь, онъ ужъ ничему не повѣритъ?..

дарья. Какъ вашей милости у насъ, рабовъ, о такихъ вещахъ спрашивать?.. вамъ ли не знать...

марѳа ивановна (*смотря вверх*). Видитъ Богомать, я не теряла молитвъ; постараюсь, попробую поступать по твоему совѣту, Дашка... да слушай, что они тамъ ни будутъ говорить съ опцомъ, все узнавай, и приходи сказывать мнѣ...

дарья. Слушаю-съ! ужъ на меня, Марѳа Ивановна, извольте падѣться.

марѳа ивановна. Ну, я надѣюсь: ты всегда мнѣ вѣрно служила.

дарья. Видитъ Богъ-съ, не обманывала никогда и вѣчно въ точности ваши приказанія исполняла... да и вашей милостью довольна. (*Кланяется*)

марѳа ивановна. Но вотъ ужъ черезъ недѣлю Юрюшка поѣдетъ и я избавлюсь отъ этихъ несносныхъ Волынскихъ. То-то, кабы дочь моя была въ живыхъ. (*Молчаніе*). Эй, Дашка, возьми-ка евангеліе и читай мнѣ вслухъ.

дарья. Что прикажете читать?

марѳа ивановна. Что попадется...

(*Дарья открываетъ книгу и начинаетъ читать.*)

дарья (*читаетъ вслухъ довольно вялтно*). „Вѣдяху же и ина два злодѣя съ нимъ убити. И егда придоша на мѣсто нарицаемое лобное, ту распяша его, и злодѣя, оваго убо одесную, а другаго ошуюю. Иисусъ же глаголаше: Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо что творять. Раздѣляюще же ризы его, метаху жребія“.

марѳа ивановна. Ахъ, злодѣи-жиды! нехристи проклятые! какъ они поступали съ Христомъ!.. всѣхъ бы ихъ переказнила безъ жалости... нѣтъ, правду сказать, если бы я жила тогда, положила бы мою душу за Госнода, не дала бы его на растерзаніе... Проверьни-ка назадъ и читай что-нибудь другое...

дарья (*читаетъ*). „Горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри, яко подобиете гробамъ новалпленнымъ, иже внѣду убо являютъ красны, внутрьду же полни суть костей мертвыхъ и всякия нечистоты. Тако и вы, внѣду убо являетесь челоуѣкомъ праведни, внутрьду же есте полни лицемерія и безаконія.“

марѳа ивановна. Правда, правда говорится здѣсь!.. ахъ, эти лицемѣри!.. вотъ у меня соседка Зарубова... такая богомольная, кажется, всякій праздникъ у обѣдни, а намеднясь велѣла загнать своихъ коровъ и табунъ на мои озими—всѣ потоптали... злодѣйка!..

дарья. Да еще, сударыня, бранить васъ повсюду, по домамъ—такая змѣя... И людямъ-то своимъ велитъ на васъ клепать и вѣсть что. Мы хоть рабы, а какъ услышимъ что-нибудь такое, такъ кровь закипитъ, такъ бы вѣшлась ей въ волосы...

марѳа ивановна. Продолжай...

дарья (*читаетъ*). „И вы исполните мѣру отецъ вашихъ. Змія, порожденія ехиднова, како убъжите отъ суда огня геенскаго“.

марѳа ивановна. Не убъжить она... Послушай, Дашка... возьми что-нибудь другое...

дарья. Изъ чьего евангелія прикажете?

марѳа ивановна. Отъ Марка.

дарья. „Сего ради глаголю вамъ: вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко приѣмлете: и будетъ вамъ. И егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого да и Отецъ вашъ, иже есть на небесѣхъ, отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша“.

(*Слышнень грозкій стукъ разбитой посуды, объвздрачивающъ*).

марѳа ивановна. Что это?.. Вѣрно мерзавцы что-нибудь разбили... Сбѣгай-ка, да посмотри!..

(*Дарья уходитъ. Черезъ минуту приходитъ*).

дарья. Ваша хрустальная кружка, съ позолоченной ручкой и съ вензелемъ...

марѳа ивановна. Она...

дарья. Въ дребезгахъ лежитъ на полу...

МАРФА ИВАНОВНА. Ахъ, злодѣи! кто разбилъ? Кто этотъ окалянный?..

ДАРЬЯ. Васъка поваренокъ.

МАРФА ИВАНОВНА. Пошли его сюда... скорѣй... ужъ я ему дамъ, разбойнику, березовой каши. *(Дарья призываетъ его.)*

МАРФА ИВАНОВНА. Какъ ты это сдѣлалъ, мерзавецъ?.. Знаешь ли, что она 15 рублей стоитъ?.. Эти деньги я у тебя изъ жалованья вычитаю. Какъ ты ее уронилъ? Отвѣчай же, болванъ! Ну, что жъ ты? Говори. *(Мальчишка хочетъ говорить.)* Какъ? ты еще оправдываться хочешь... эхъ, братъ! въ плети его, въ плети на конюшню!.. *(Мальчикъ кланяется въ ноги.)* Вздорь! я этимъ поклонамъ не вѣрю... убирайся съ чертомъ, прости Боже мое согрѣшеніе... *(Мальчикъ идетъ.)* Убирайся... *(Топнулъ ногой.)* Моя лучшая кружка, съ золотой ручкой и съ моимъ вензелемъ!.. Нельзя ли. Дашка, ее поправить, склентъ, хоть какъ-нибудь...

ДАРЬЯ. Ни подъ какимъ видомъ нельзя-съ.

МАРФА ИВАНОВНА. Экая бѣда какая! *(Входятъ Николай Михайлычъ и Василий Михайлычъ Волны. Дарья уходитъ съ книгой.)*

явленіе II.

НИКОЛАЙ МИХ. Здоровы ли вы, матушка, нынче и хорошо ли почивали? Я слышалъ, что вы долго не засыпали.

МАРФА ИВАНОВНА. Да, батюшка, мнѣ что-то не спалось—я все думала о моемъ Юрьошкѣ... какъ-то онъ поѣдетъ путешествовать; я боюсь за него—вотъ вы, отцы, не такъ беспокоитесь о дѣтяхъ!.. а мнѣ такъ грустно съ нимъ разставаться...

НИКОЛАЙ МИХ. Неужели вы думаете, что мнѣ легче. Вы ошибаетесь: позвольте мнѣ сказать: я сына моего не меньше васъ люблю; и этому доказательство то, что я его уступилъ вамъ, лишился удовольствія быть съ моимъ сыномъ, ибо я зналъ, что не имѣю довольно состоянія, чтобъ воспитать его такъ, какъ вы могли.

МАРФА ИВАНОВНА *(къ Василию Михайловичу)*. Что, батюшка, какъ ваше дѣло? что говоритъ сенатъ?..

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧЪ. Сенатъ-съ? До него еще дѣло не доходило, а все еще кутятъ да мутятъ въ уѣздномъ судѣ, да въ губернскомъ правленіи... такіе жадные каналы эти крючки-подьячие со всей сволочью, что когда туда приѣдешь, такъ и обступятъ—чутье собачье! знаютъ, что у тебя въ карманахъ есть деньги... и вотъ ужъ пять лѣтъ тянется вся эта комедія... впрочемъ, для меня совсѣмъ не смѣшная, потому что я дѣйствующее лицо.

МАРФА ИВАНОВНА *(къ Николаю Михайловичу)*. Знаете ли, Николай Михайловичъ, я хочу, чтобъ Юрьошка ѣхалъ во Францію, а въ Германію не заглядывалъ—я терпѣть не могу нѣмцевъ! Чему у нихъ научишься?.. Все колбасники, шмерцы!..

НИКОЛАЙ МИХ. Позвольте перервать рѣчь вашу, матушка: нѣмцы хотя въ просвѣщеніи общественномъ и отстали отъ французовъ, т. е. имѣютъ нѣкоторыя странности, имъ приличные, въ обхожденіи не такъ ловки и развязны, но зато глубокомысленнѣе французовъ, и многія науки у нихъ болѣе усовершенствованы, и Юрій въ его лѣта очень даже можетъ самъ

располагать собою—ему 22 года, онъ уже имѣетъ чинъ и проч...

ВАСИЛИЙ МИХ. Позвольте спросить, Юрій Николаевичъ поѣдетъ моремъ?

МАРФА ИВАНОВНА. Сохрани Богъ!.. нѣтъ ни за что.

ВАСИЛИЙ МИХ. Такъ ему надо ѣхать чрезъ Германію, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

МАРФА ИВАНОВНА. Какъ же быть! а я не хочу, чтобъ онъ жилъ съ нѣмцами, они дураки...

НИКОЛАЙ МИХ. Помилуйте! у нихъ философія преподается лучше, нежели гдѣ-нибудь! Неужто Капитъ былъ дуракъ?..

МАРФА ИВАНОВНА. Сохрани Богъ отъ философіи!.. Чтобъ Юрьюшка сдѣлался безбожникомъ!..

НИКОЛАЙ МИХ. *(съ неудовольствіемъ)*. Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чѣмъ вы? Повѣрьте, что я знаю, что говорю. Философія не есть наука безбожія, а это самое спасительное средство отъ него и вмѣстѣ отъ фанатизма; философъ—истинный счастливѣйшій человекъ въ мірѣ—и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ. Это говорю не я, но люди умнѣйшіе. *(Василій Михайловичъ въ тайномъ удовольствіи.)* И всякій тотъ, кто хотя мало имѣетъ добраго смысла, со мною согласится...

МАРФА ИВАНОВНА. Стало быть, я его совсѣмъ не имѣю... Это слишкомъ самолюбиво съ вашей стороны... увѣряю васъ...

НИКОЛАЙ МИХ. Лучше сами повѣрьте, что отецъ имѣетъ болѣе права надъ сыномъ, нежели бабушка... Я, скажась надъ вами, уступилъ единственное свое утѣшеніе, зная, что вы можете Юрія хорошо воспитать... но я ожидалъ благодарности, а не всякихъ неприяностей, когда пріѣзжаю повидаться къ сыну. Вы ошибаетесь очень: Юрій великъ, ужъ онъ сдѣлался почти мужемъ, и можетъ понимать, что тотъ, кто несправедливъ противу отца, недостоинъ уваженія отъ сына... Я говорю правду; вы ея не любите,—прошу вашего извиненія... Впрочемъ, знайте, что я не похожъ на низкихъ вашихъ сосѣдей и не могу не говорить о томъ, что чувствую: я очень огорченъ вашимъ противъ меня нерасположеніемъ... но что жъ дѣлать, вы задѣли меня за живое, я отецъ и имѣю полное право надъ сыномъ... Онъ вамъ обязанъ воспитаніемъ и попеченіемъ, но я ничѣмъ не обязанъ; вы платили за него въ годъ по 5 тысячъ, содержали въ пансіонѣ, но я сдѣлалъ еще для васъ жертву, которую не всякій отецъ сдѣлаетъ для тещи... ужъ не говорю о имѣніи... прошу извинить...

МАРФА ИВАНОВНА *(привставъ)*. Какъ, и вы тоже меня упрекать, ругать, какъ послѣднюю рабу въ моемъ домѣ... Ахъ! *(Упадаетъ въ изнеможеніи злобы на кресло и звонитъ въ колокольчикъ)*. Дашка, Дашка, палку!

ДАРЬЯ. Сію минуту *(принеситъ палку и выводитъ ее изъ комнаты подъ руку)*.

НИКОЛАЙ МИХ. О, Боже мой! можетъ ли сумасшествіе женщины дойти до такой степени *(ходить взадъ и впередъ)*.

ВАСИЛИЙ МИХ. *(подходитъ къ нему)*. Вотъ что значитъ, братецъ, спорить съ бабами! А отъ чего это все, отчего не могъ ты взять про-

сто сына своего отъ нея? Не хотѣлъ заплатить 3000 руб. за бумагу крѣпостную? Вѣдь она тебѣ отдавала имѣніе; что за глупое великодушіе не брать или брать на честное слово, что все равно. Вотъ она и сдѣлала условіе, что если ты возьмешь къ себѣ сына, такъ она его лишитъ наследства, а тебя не сдѣлала опекуномъ. Что, братъ, видно поздно?

НИКОЛАЙ МИХ. Но ея слово, увѣренія брата ея?.. Я почему могъ отгадать, что они меня обманутъ?

ВАСИЛИЙ МИХ. Что, скажи мнѣ, ты шутишь? Честное слово? ха-ха-ха!.. нынче это ноль по лѣвую сторону единицы. (*Ужодаятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Садъ.—Сумерки, и луна на небѣ; на тѣво беспѣдка.—любовь въ длинной черной шали, въ (распуценымъ?) волосахъ и бѣломъ платьѣ, съ нискомъ въ рукѣ.

любовь (*читая*). Онъ желаетъ говорить со мною здѣсь наединѣ, въ это время,—что такое значить? Юрій хочетъ со мною говорить, о чемъ? Между нами не можетъ быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидѣтеляхъ. Однако жъ я не долженъ опасаться, хотя говорятъ, что дѣвушки должны бояться мужчинъ. Зачѣмъ мнѣ Юрія бояться?.. Ахъ, часто, когда на меня устремлялъ онъ свои взоры неподвижные, свѣтлые—что-то чудное происходило въ груди моей; сердце билось... Быть можетъ, онъ въ меня влюбленъ? Нѣтъ! нѣтъ! сему не случится никогда! я не вѣрю этой любви—онъ не можетъ на мнѣ жениться, такъ на что ему безнадёжною страстью себя мучить. Зеркало мнѣ говоритъ, что я хороша собой, что могу нравиться, но онъ... онъ столько зналъ красавицъ лучше меня. И если бы это было въ самомъ дѣлѣ, если я любимъ, то онъ долженъ столько уважать меня; онъ долженъ думать, что добродѣтель не позволить мнѣ явно отвѣчать ему, къ тому жъ я, кажется, не показала ему ничего такого, чтобы могло возбудить его страсти; неужели онъ примѣтилъ біеніе моего сердца? Ахъ, нѣтъ!.. онъ самъ, Юрій, былъ со мной всегда мраченъ, холоденъ, онъ врядъ ли способенъ любить нѣжно... но зачѣмъ ему было свиданіе? Это нисколько?.. Не понимаю, чего хотѣлъ онъ... (*Молчаніе.*) Но вотъ луна взошла, все тихо и прохладно, а онъ неидетъ. (*Молчаніе.*) Какъ я глупо сдѣлала, что пришла сюда: непонятное влеченіе управляло моими шагами... (*садится возлѣ беспѣдки.*) Что если насъ увидятъ вмѣстѣ?... моя честь погибла, о безумная!..

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЮРІЙ (*въ плащѣ, безъ шляпы, тихими шагами подходитъ къ ней и беретъ ее за руку*). Любовь!.. вы здѣсь уже!..

любовь (*испугавшись*). Ахъ!

ЮРІЙ. Вы испугались?..

любовь. Нѣтъ... Вы мнѣ что-то хотѣли сказать,—я готова слушать со вниманіемъ.

ЮРІЙ. Да, я много хотѣлъ сказать вамъ... вы помните, съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами знакомы, вы никогда не отказывались отъ ма-

ловажной и легкой для васъ просьбы моей.. теперь... я васъ прошу дать мнѣ честное слово: сказать мнѣ правду, правду, чистую, какъ ваше сердце...

любовь. Мое слово? Хорошо! (*смотритъ ему въ глаза.*)

ЮРІЙ (*въ сильномъ движеніи беретъ ее за руку*). Прошедшую ночь, когда по какому-то чудному случаю я уснулъ спокойно, удивительный сонъ началъ тревожить мою душу. Я видѣлъ отца, бабушку, которая хотѣла, чтобы я успокоилъ ея старость на счетъ благополучія отца моего; съ презрѣніемъ отвернулся я отъ корыстолюбивой старухи... и вдругъ ангелъ утѣшитель встрѣтился со мной; онъ взялъ мою руку, утѣшилъ меня однимъ взглядомъ, однимъ неизъяснимымъ взглядомъ обновилъ къ жизни... и... упалъ въ мои объятія. Мысли, въ которыхъ крутилась адская ненависть къ людямъ и къ самому себѣ, мысли мои вдругъ прояснились, вознеслись къ небу, къ тебѣ, Создатель; я снова стала любить людей, стала добръ по-прежнему. Не правда ли? Это величайшее подлунною благодѣніе? И знаешь ли еще, Любовь, въ этомъ утѣшителѣ, въ этомъ небесномъ существѣ я узналъ тебя! Ты блистала въ чертахъ его; это была ты, прекрасная, какъ теперь; никто на свѣтѣ, ни самый адъ меня не разувѣритъ!.. Ахъ, это была минута, но минута блаженная; это былъ сонъ, но сонъ божественный.. Послушай, Любовь, теперь исполни свое обѣщаніе, отвѣчай, какъ на исповѣди, можетъ ли этотъ сонъ осуществиться... умоляю тебя всёми, чѣмъ ты дорожишь теперь или когда-нибудь будешь дорожить,—говори, какъ на исповѣди... знай, что одно твое слово, одно слово можетъ много сдѣлать добра и зла... (*Любовь въ сильномъ нервненіи.*) И ты молчишь!.. Любовь...

любовь. Нѣтъ!..

ЮРІЙ. Какъ! что нѣтъ, говори, что нѣтъ?..

любовь. Сонъ твой никогда не сбудется!..

ЮРІЙ. Небо!.. что она хочетъ дѣлать? Скажи: да?.. (*Молчаніе*). Отчего не хочешь сказать: да!.. это слово, этотъ звукъ могъ бы возстановить мою жизнь, возродить меня къ счастью!.. Ты не хочешь? Что я тебѣ сдѣлалъ, за что такъ коварно мстишь мнѣ? Неужели женщина не можетъ любить, неужели она не радуется, когда видитъ человѣка, ей обязаннаго своимъ блаженствомъ, когда знаетъ, что это стоитъ одного слова, хотя бы оно выходило и не отъ сердца... скажи: да!

любовь. Нѣтъ!

ЮРІЙ. И въ тебѣ есть совѣсть?..

любовь. Я не могу сказать: да; на что искушать тебя? *Моимъ* ты никогда, никогда не будешь—узы родства, которыя связываютъ насъ вмѣстѣ, разрываютъ сердца наши... забудь свои мечты!.. ты не хочешь погубить бѣдную дѣвушку, не правда ли? Такъ забудь свои безумныя желанія, забудь ихъ!.. (*Молчаніе.*) Ты поѣдешь въ чужіе края, разные новые предметы развлекутъ твой мысли, тебѣ понравится другія!..

ЮРІЙ. Я не поѣду... у ногъ твоихъ, я говорю тебѣ: у ногъ твоихъ, счастье цѣлой жизни человѣка, не раздави безжалостно! А если ты меня отвергнешь, ахъ! то вѣрно никакая дѣ-

ва не будет больше мнѣ нравиться,—я окаменею, быть можетъ, навѣки.

любовь (*садится на скамью возле бѣстѣди и сажаетъ его*). Посмотри, братъ мой, какъ прекрасенъ взошедшій мѣсяцъ, какая тихая, свѣтлая гармонія въ усыпалющей природѣ; а въ груди твоей бунтуютъ страсти, страсти жестокия, мятежныя, противныя законамъ. Посмотри на эти разсѣянные облака, свѣтлыя, какъ минуты удовольствій, и мимолетныя, какъ онѣ; посмотри, какъ проходятъ эти путники воздушныя... (*Она закрываетъ лицо платкомъ*.) Перестань страдать, другъ мой, полно!.. (*Въ слезахъ упадетъ на грудь Юрія, который въ сильномъ оцепененнѣи сидитъ недвижно, глаза къ небу*.)

Юрiй (*послѣ долгого молчанiя*). Ахъ!.. (*Беретъ ея руку; между тѣмъ слышна вдали тѣсная русская со свирелью, и то удаляется, то приближается, въ концѣ которой вскакиваетъ, какъ громомъ пораженный, и отбѣгаетъ отъ Любови*.)

Юрiй. Какіе звуки! они поразили мою душу... Кто ихъ произвелъ? Не съ неба ли, не изъ ада ли?.. нѣтъ... но вотъ опять, опять... Всеильный Богъ!.. (*Кидается къ ногамъ Любови, которая встала со скамьи*.) Пускай весь мiръ на насъ обрушится... я люблю тебя!.. скажи и ты: люблю!..

любовь (*черезъ силу*). Нѣтъ! (*хочетъ бѣжать*.) Юрiй (*у ногъ ея*). Не вѣрю... не обманешь... я прочелъ въ глазахъ твоихъ... только... я не доверю, скажи: люблю!

любовь (*хочетъ что-то сказать, но вдругъ остановилась*). Зачѣмъ тебѣ признаніе, если ты прочелъ все въ глазахъ моихъ?..

Юрiй (*вскакиваетъ съ восторгомъ*). Я любимъ... любимъ... любимъ!.. теперь все бѣдствіа земли осаждайте меня—я презираю васъ: она меня любить... она, такое существо, которымъ бы гордилось небо... и оно мнѣ принадлежитъ! Какъ я богатъ!.. (*Къ ней*.) Ты не знаешь, дѣвушка, какъ много добра сдѣлала ты въ сію минуту... (*обнимаетъ ее*.) О если бы мой отецъ видѣлъ это, какъ восхитился бы онъ взаимнымъ пламенемъ двухъ сердець!

любовь. Твой отецъ?.. что ты говоришь?..

Юрiй (*дрожащимъ голосомъ, ударивъ въ грудь*). Да... да... ты говоришь правду, я не долженъ никому объ этомъ сказывать; все восхищеніе, вся сладость сихъ незабвенныхъ минутъ должны остаться здѣсь, здѣсь, въ груди моей; всякій день я буду ушваться воспоминаніемъ, ни одно горькое чувство ненависти и раскаянія не проникнетъ туда, гдѣ я схорошо мое сокровище... (*Къ Любови*.) Теперь одинъ поцѣлуй на прощанье... (*цѣлуетъ ее*.) О!.. и слишкомъ счастливъ для человѣка!.. (*Завернувшись въ черный плащъ, быстро уходитъ*.)

любовь. Какъ онъ любить... добрый юноша!.. (*Молчаніе*.) Кажется, я ничего дурного не сдѣлала, ни одно преступленіе не тяготѣетъ на мнѣ, мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя... а сердце бьется и трепещетъ, какъ птичка, попавшая въ сѣть нечаянно!.. (*Молчаніе*.) Однако ночь спускается, и мѣсяцъ дошелъ до половины небесъ, меня будутъ искать вездѣ, а здѣсь такъ пусто, страшно... (*Становится на колѣни и поднимаетъ руки наверхъ*.) Ангель хранитель! не

допусти случиться чему-нибудь съ бѣдной дѣвушкой! она предается тебѣ, прости ей слабости и охрани отъ нечистаго духа. (*Встаетъ и уходитъ*.)

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

явление I.

Галлерей, откуда виденъ садъ.—элиза идетъ съ зонтикомъ одна.

элиза. Какъ жарко нынче, такъ и жжетъ лицо и шею... Если бѣ не этотъ благодѣтельный зонтикъ, я бѣ сдѣлалась черной арапки, и это бы было плохо для меня, потому что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais, для предложеннаго свиданія... Ха-ха-ха! Какъ Любинька смѣшна была вчерась. Начинаетъ мнѣ говорить про этого Заруцкаго и про его желаніе съ такой важностью comme si c'était une affaire d'état!.. ха-ха-ха-ха! Вѣдненькая начиналась романовъ и скоро съ ума сойдетъ,—она судить цѣлый свѣтъ по себѣ... напримѣръ, нынче всю ночь проплакала; вѣрно, ей кто-нибудь комплиментъ сказалъ, и она воображаетъ, что въ нее влюблены... и плачетъ съ сожалѣніемъ! нѣтъ, moi, je me moque de tout cela! Вотъ ужъ вѣрно нынче будетъ страстное объясненіе: онъ упадетъ на колѣни, я ему скажу маленькій equivoque, и онъ долженъ быть доволенъ... чего же ему еще больше?.. Впрочемъ, этотъ Заруцкій вѣрно посѣщалъ большой свѣтъ, онъ ни мало не похожъ на этихъ армейскихъ, его собратій... ха-ха-ха! армейскій!.. одно это слово чего стоитъ?.. Но кто идетъ, а мнѣ нужно нынче быть одной. (*Уходитъ*.)

явление II.

Юрiй и василій михалычъ идутъ по галлерей, и василій михалычъ что-то ему говоритъ, ведя за руку.

василій мих. Экой ты упрямый человѣкъ, да выслушай только, что я тебѣ говорю. Твой отецъ нынче со мной приходитъ къ Марѣ Ивановнѣ; она насъ хорошо приняла; а у нея стояла эта змѣя, Дарья, причина всѣхъ нашихъ неприятностей... вотъ, слушай, братъ, и начинается говорить...

Юрiй (*отходитъ прочь*). И мнѣ нѣтъ спокойствія ни одной минуты... эти шлетни, эта дявольская музыка жужжитъ каждый день вкругъ ушей моихъ... (*Къ дянь*.) Дяденька! въ другое время... теперь я...

василій мих. Да, теперь, а не въ другое время; слушай: ты долженъ это все знать, чтобы умѣть цѣнить людей, окружающихъ тебя.

Юрiй. Я только цѣню тѣхъ, которые не мучатъ меня вѣчно своими клеветами...

василій мих. Я понимаю, что это ты на мой счетъ говоришь, но я не сержусь... не для себя я говорю... но хочу тебѣ показать, кто твой отецъ и бабка.

Юрiй (*твердо*). Ну, такъ и быть, я слушаю.

василій мих. Во-первыхъ, твой отецъ началъ говорить ей о тебѣ, о твоёмъ отъѣздѣ... Она расхаживалась по обыкновенію, увѣряла, что она тебя больше любитъ, нежели онъ, вообрази! Потомъ онъ ей сталъ представлять доказательства противныя очень учтиво; она вздумала показывать, что ему и дѣла нѣтъ до тебя; тутъ Николай Михалычъ не выдержалъ, признаться: объяснилъ ей коротко, что она передъ нимъ виновата, а что онъ не обязанъ былъ тебя оставлять у нея, но что были у него причины постороннія, и что она измѣнила своему слову... Она взбѣсилась до невозможности, ушла, теперь она насъ выгонитъ изъ дому... Прощай, мой племянничекъ, надолго, потому что вѣрно ни я, ни братъ больше сюда не заглянуть.

юрій *(всплеснувъ руками)*. Всемогущій Боже! Ты видѣлъ, что я старался всегда прекратитъ эти распри!.. зачѣмъ же все это рушится на голову мою? Я здѣсь, какъ добыча, раздраемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу васъ: я измученъ...

василій мих. Нѣтъ... ты долженъ рѣшиться въ чью-нибудь пользу.

юрій. На что?.. Къ чему я долженъ? Кто приказалъ?

василій мих. Честь.

юрій. Честь? Кто вамъ внушилъ это слово!.. О, адекая хитрость... какъ ничтожно это слово, а какъ много власти имѣетъ оно надо мной... мой долгъ, долгъ природы и благодарности — въ какой вы ужасной борьбѣ между собою!.. Дядюшка! зачѣмъ вы произнесли это слово: я рѣшился...

василій мих. Для кого, другъ мой?

юрій. Отецъ обладаетъ моею жизнью... но знайте, что если бабушка будетъ укорять въ неблагодарности, если она станетъ показывать глазами моимъ всё свои попеченія о моей юности, всё свои благодаренія, все, чѣмъ я ей обязанъ, если она будетъ проклинать меня за то, что я отравилъ ся старость, сжегъ огнемъ терзаній сѣдые ея волосы, за то, что я оставилъ ее безъ причины, если, наконецъ, я самъ иссохну отъ раскаянія, если я буду отвергнутъ за это преступленіе небомъ и землею, если тогда я проклянью васъ отчаяннымъ языкомъ моимъ... если... о, берегитесь, берегитесь! вся свищовая тягость грѣха сего падетъ на васъ... Откажитесь отъ вашего свидѣтельства, оно ложно, спасите свою душу! Оно ложно, говорю вамъ... признайтесь, что вы солгали...

василій мих.—Нѣтъ, я не откажусь, когда я самъ видѣлъ и слышалъ, что насъ съ братомъ выгоняютъ изъ дому.

юрій.—Итакъ—все кончено—вотъ мое слово.

василій мих.—Ну, слава Богу, наконецъ ты рѣшился. Я пойду къ отцу твоему и объявлю, что ты рѣшился не оставлять его. Какъ онъ будетъ радъ, и я увѣренъ, что тебя больше пренежно полюбятъ.

юрій.—Радоваться? Кто радоваться? Мой отецъ! Не дай Богъ, чтобъ эта была большая радость въ его жизни... Что онъ будетъ думать, обнимая неблагодарнаго... *(Ударяя себя въ лобъ и ломая руки)*. Но мое честное слово!..

василій мих.—Неблагодарнаго? Какъ это ты

сдѣлаешься неблагодарнымъ? Противъ кого? Да, ты бы сдѣлался неблагодарнымъ и преступникомъ, если бы оставилъ Николая Михалыча, который дышитъ однимъ тобою... А эта бабушка, она, повѣрь пожалуйста, больше сдѣлала тебѣ зла, нежели добра—я мои слова готовъ повторить при самомъ императорѣ...

юрій.—По крайней мѣрѣ, она желала дѣлать добро.

василій мих.—*(съ коварной улыбкой)*.—Мы знаемъ желанія этой злодѣйки.

юрій.—Еще пытка... скоро ль вы насытитесь?.. Но говорите, пускай ударъ будетъ ужасенъ, но вдругъ; пускай вся мѣра зла, яда подземнаго пролетѣетъ въ мою грудь... но только вдругъ—это все легче, нежели съ нестерпимой ѣдой болью день за днемъ отщипывать кусокъ моего сердца... Говорите! я твердь. Не бойтесь, видите!.. *(дикю)* видите!.. ха-ха-ха! видите, какъ я веселъ, равнодушенъ, холоденъ, точно какъ вы... *(съ сильными движеніемъ, хватая его за руку)* только чуръ говорить правду.

василій мих.—Вотъ тебѣ Христосъ *(крестится)*, я начну рассказывать съ начала всего дѣла, чтобъ совершенно изобличить хитрую старуху и ея помощниковъ, этихъ сестриць, и братцевъ, и служанокъ... За мѣсяць передъ смертью твоей матери *(еще тебѣ было три года)*, когда она сдѣлалась очень больна, то начала подозрѣвать Марю Ивановну въ коварствѣ и умоляла ее предъ Богомъ дать ей обѣщаніе любить Николая Михалыча, какъ родного сына; она говорила ей: „Маменька! онъ меня любилъ, какъ только мужъ можетъ любить свою супругу—замѣните ему меня... Я чувствую, что умираю“. Тутъ слова ея пересѣкались, она смотрѣла на тебя; молчаливый живой взглядъ показывалъ, что она хочетъ что-то сказать насчетъ тебя, но рѣчь слова прерывалась на устахъ покойницы. Наконецъ, она вытребовала обѣщаніе старухи... и скоро уснула вѣчнымъ сномъ... Твоя бабушка была огорчена ужасно, такъ же, какъ и отецъ твой; весь домъ былъ въ смущеніи и слезахъ. Пріѣхалъ братъ старухи, Павелъ Ивановичъ, и многие другіе родственники усопшей. Вотъ Павелъ Ивановичъ и повелъ твоего отпа для разсѣянія погулять, и говорить ему, что Марья Ивановна желаетъ воспитать тебя до тѣхъ поръ, пока тебѣ пужна малушка, что она умоляетъ его всѣмъ священнымъ въ свѣтѣ сдѣлать эту жертву. Отецъ твой согласился оставить тебя у большой бабушки и, будучи въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, уѣхалъ со мною. Вотъ какъ все это началось...—Чрезъ три мѣсяца Николай Михалычъ пріѣзжаетъ сюда, чтобъ тебя видѣть—пріѣзжаетъ и слышитъ отвѣты робкіе, двусмысленные отъ слугъ; спрашиваетъ тебя—говорятъ нѣтъ... Онъ вообразилъ, что ты умеръ, ибо какъ вообразить, что тебя увезли на то время въ другую деревню. Братъ сдѣлался боленъ, душа его терзалась худымъ предчувствіемъ. Ты съ бабушкой пріѣзжаешь наконецъ... и что же? Она охладѣла совсемъ къ нему. Изгнѣн, которое Марья Ивановна ему подарила при жизни дочери, и для котораго онъ не хотѣлъ сдѣлать акта, полагаемая на честное слово, оказалось совсемъ уже не въ его распоряженіи. Онъ уѣзжаетъ и черезъ полгода снова здѣсь является.

юрій.—Я предчувствую ужасную исторію, стыдъ всему человѣчеству... Но буду слушать неподвижно, дядюшка... только... помните уговоръ.

василій мих.—Помилуй!.. Да будь я анаема проклятъ, если хоть слово солгу! Слушай дальше. Когда должно твоему отцу прѣхать, здѣшня поплыя сосѣдки получили, посредствомъ ханжества, довѣренность Марѳы Ивановны, сказали ей, что онъ прѣхалъ отнять тебя у нея... и она повѣрила... Доходить же люди до такого сумасшествія!

юрій.—Отець... хотѣлъ отнять сына... отнять... развѣ онъ не имѣетъ полнога права надо мной, развѣ я не его собственность... Но нѣтъ, я вамъ снова говорю, вы смѣтаетесь надо мною...

василій мих.—Доказательство въ истинѣ моего разсказа есть то, что бабушка твоя точно послала курьера къ Павлу Иванычу, и онъ на другой день прѣзда брата прискакалъ... Николай Михалычъ сталъ ему говорить, что слово не сдержано; что его отчуждаютъ отъ имѣнія, что онъ здѣсь насчетъ сына какъ посторонній, что это ни на что не похоже... Но этотъ езуитъ снова уговорилъ его легко, потому что отецъ твой благородный человѣкъ и судить всѣхъ по добротѣ души своей. И передъ отъѣздомъ братъ согласился оставить тебя у бабушки до 16 лѣтъ съ тѣмъ, чтобы насчетъ твоего воспитанія относились къ нему во всемъ—но второе обѣщаніе такъ же дурно сдержано было, какъ первое...

юрій. И это все? неправда ли?

василій мих.—Нѣтъ, это еще половина.

юрій.—Ахъ, зачѣмъ не все... (Молчаніе). Скорѣе продолжайте, пощади меня, пощади, царь небесный!..

василій мих.—Марѳа Ивановна то же лѣто поѣхала въ губернской городъ и сдѣлала актъ. Какой актъ? Самъ адъ вдохнулъ въ нее эту мысль: она уничтожила честное слово, почла отца, отца твоего за ничто, и вотъ короткое содержаніе: «Если я умру, то братъ П. И. опекуномъ имѣнію, если сей умретъ, то другой братъ, а если сей умретъ, то свекору препоручаю это. Если же Николай Михалычъ возьметъ сына своего къ себѣ, то я лишаю его наследства навсегда». Вотъ почему ты здѣсь живешь: благородный отецъ твой не хотѣлъ дѣлать исторій, писать государю и лишитъ тебя состоянія... Но онъ надѣялся, что ты ему заплатишь за эту жертву.

юрій. (послѣ минуты молчанія, когда онъ стоялъ, какъ убитый громомъ). Чтобы ей подавиться ненавистнымъ имѣніемъ!.. О!.. теперь все ясно... Люди, люди... люди!.. Зачѣмъ я не могу любить васъ, какъ бывало... Я узналъ тебя, ненависть, жадла мщенія... Ха-ха-ха!.. какъ это сладко, какой нектаръ земной!..

василій мих. А неприятности, послѣдовавшія, очень натуральны... Къ тому жъ старуха любитъ, чтобы ей никто не противорѣчилъ, и эти окружающіе... эта повѣренная Дарья — преопасная змѣя...

юрій. Довольно! прошу васъ, не продолжайте, остальное мнѣ все извѣстно...

василій мих. Нѣтъ, мой другъ, еще... еще...

юрій. Я больше не желаю знать... вы раз-

сказали такъ прекрасно, какъ пріятна ваша повѣсть... (Впадаетъ въ задумчивость.)

василій мих. (въ сторону, съ улыбкой). Мое дѣло кончено, и все пришло въ порядокъ, я не буду сказывать обо всемъ брату... Онъ такой... онъ не любитъ подобныхъ штукъ... (Смѣется.) Какъ онъ горячился, бѣдненькій!..

юрій (между тѣмъ взглянувъ на Василія Михалыча). Вамъ смѣшно мое страданіе... не правда ли?..

василій мих. Нѣтъ!.. помилуй!.. что ты?

юрій (въ сторону). Нѣтъ... нѣтъ... какое ледяное слово... А... онъ, это видно онъ изъ любви мнѣ открылъ злодѣйство... Такъ всегда со мною дѣлали... изъ привязанности я былъ обманутъ когда-то дружбой... О, тщетныя увѣренія... нынче... (Къ дядѣ.) Оставьте меня, прошу васъ: мнѣ надо побыть одному... я весь въ огнѣ, мнѣ надо отдохнуть...

василій мих. Хорошо, другъ мой... до свиданья. (Уходитъ, потирая руки.) А мое дѣло сдѣлано, слава Богу... (Уходитъ.)

явленіе III.

юрій. Какъ я разстроены, какъ я боленъ... Желчь поднялась въ голову... Грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свиному, облитому кровью... Отъ избытка чувствованій я лишился чувствъ... Но отдохнемъ... я увижу ее, утѣшителя-ангела: она мнѣ возвратитъ, на минуту потерянное спокойствіе... Пойду, пойду... (Закрывъ лицо руками, уходитъ въ галерею медленными шагами.)

явленіе IV.

Входитъ Марѳа Ивановна, за ней Дарья и подиетъ ей стулъ. Она садится.

марѳа ивановна. Каковы неучи!.. въ моемъ домѣ, мнѣ грубить—ну, можно ли послѣ этого имъ хоть день здѣсь остаться... Вонъ ихъ, вонъ ихъ!..

дарья. Ваша правда, сударыня... такія безпокойства... Полно, смотрите на себя, вѣдь лица нѣтъ... Не угодно ли каплець гофманскихъ?..

марѳа ивановна. На что, на что... лучше позови ко мнѣ Юрьюшку...

дарья. Сейчасъ. (Уходитъ.)

марѳа ивановна. Ну, можетъ ли какая-нибудь холопка болѣе быть привязана къ своей госпожѣ, какъ моя вѣрная Дашка... (Молчаніе.) Ну, вотъ однако жъ я скоро отдѣлаюсь отъ этихъ Волиныхъ-братцевъ... однако и Юрьюшка уйдетъ и оставитъ меня одну... видно, такъ на небесахъ написано... Я буду безъ него молиться, всякое воскресеніе ставить телостую свѣчу передъ Богоматерью, поѣду въ Кіевъ... а онъ ко мнѣ будетъ писать. (Кашляетъ.) Какой же у меня кашель отъ пынѣшняго крику... То-то и есть, что надо слушаться евангелія и святыхъ книгъ: не даромъ въ нихъ говорятъ, что не надо сердиться... и нельзя. Вотъ какъ начнутъ спорить младшіе себя, сердце и схватитъ; то-то пынѣшній вѣкъ зятя зазнаются, вьуки умничаютъ, молодежь никого не слушается. Не такъ было въ наше время... бывало, какъ меня свекровь тузила... а все молчу, и вымолчалась!.. Какъ умерла моя свекровушка и оставила мнѣ денегъ, рублей 30,000, да серебра да золота...

а нынче все наше русское богатство, все золото правдѣловъ идетъ не на образа, а къ басурманамъ французамъ. (*Молчаніе.*) Какъ посмотрѣшь, посмотрѣшь на нынѣшній свѣтъ... такъ и вздрогнешь: двушки съ мужчинами въ однѣхъ комнатахъ сидятъ, говорятъ—индо мнѣ, старухѣ, за нихъ стыдно... Ахъ, а прежде, какъ съѣдутся бывало, такъ и разсядутся по сторонамъ, чинно и скромно... Эхъ, вѣкъ-то вѣкъ!.. переѣхались русскіе... (*Смотритъ назадъ въ галлерей.*) Да вотъ и Юрьюшка идетъ.

явленіе V.

Юрій мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху; за нимъ Дарья.

юрій (*блѣдный, разстроенный, съ неудовольствіемъ, не смотря на Марю Ивановну*). Вы меня изволили спрашивать?

марѳа ивановна. Да, мой другъ! Я давно желала говорить съ тобой... да какъ-то это рѣдко мнѣ удавалось.

юрій (*холодно*). Мнѣ самому очень жалко...

марѳа ивановна. Ты все съ отцомъ да съ дядей, ко мнѣ и не заглянешь... Видно я ужъ стара стала и глупа что ли? брежу, не такъ ли?..

юрій. Я отъ самой колыбели такъ мало былъ съ отцомъ, что вы мнѣ передъ отъѣздомъ позволите съ нимъ поговорить... по крайней мѣрѣ я такъ думаю...

марѳа ивановна. Кто жъ тебѣ запрещаетъ... Однако жъ я бы хотѣла тебѣ сказать и спросить у тебя что-нибудь важное...

юрій. Я буду слушать. (*Дарья.*) Ступай вонъ...

марѳа ивановна. Зачѣмъ... она можетъ слышать...

юрій. Мнѣ совѣмъ не нравятся такіе свидѣтели... прошу васъ выслать ее... (*Марѳа Ивановна даетъ знакъ, и она уходитъ.*)

марѳа ивановна. Знаешь ли, что твой отецъ наговорилъ мнѣ тьму грубостей, и мы поссо-рились, и онъ ѣдетъ завтра отсюда?

юрій. Знаю-съ... но что жъ тутъ до меня касается... Я самъ ѣду съ нимъ, если такъ...

марѳа ивановна. Ты... съ нимъ... ѣдешь... ты съ ума сошелъ.—Я тебя... не пуцую.

юрій. Вы меня не пустите? Вы? Да что вы между отцомъ и сыномъ? Развѣ я тотъ же ребенокъ, который равнодушно глядѣлъ на ваши поступки? Или не знаете: между отцомъ и сыномъ одинъ Богъ... и вы осмѣлились взять это мѣсто...

марѳа ивановна. Такъ вотъ плоды моего воспитанія? вотъ пинѣшняя благодарность?.. И па что я дожила до сего времени... Юрій! хочеть меня оставить: въ заплату всѣмъ моимъ благодареніямъ... и никто не закроеть мнѣ глаза нѣжною рукой?..

юрій. А ваша Дарья?..

марѳа ивановна. И ты смѣешь, неблагодарный! почему ты знаешь?

юрій (*въ сторону*). Вотъ совѣсть? Я только назвалъ, а она все отгадала.

марѳа ивановна. Говори, злодѣй, не я ли тебя воскормила и образовала...

юрій. Много мукъ, много безсонницъ стало мнѣ ваше образованіе... Вы хотѣли поселить во мнѣ ненависть къ отцу, вы отравили его

жизнь... вы... но довольно; вы сами знаете свои поступки и—вишите себя!..

марѳа ивановна. Такъ ты точно меня оставяешь для отца, злодѣя, негодяя, котораго я ненавижу, и который за меня поплатится... Для него, неблагодарный?..

юрій. Теперь я вамъ ничѣмъ больше не обязанъ... о!.. эти слова заплатили за все... за все... простите...

марѳа ивановна (*пораженная, сидитъ безмолвно на креслахъ и въ ужасномъ смущеніи*). Онъ все знаетъ!.. (*Занавѣсъ опускается.*)

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

марѳа ивановна и дарья; первая на большихъ креслахъ въ своей комнатѣ.

явленіе I.

марѳа ивановна. Дай капель гофманскихъ, Дашка!

дарья. Сейчасъ, матушка; что это съ вами дѣлается?..

марѳа ивановна. Меня Юрій покидаетъ... меня, которая его воспитала.

дарья (*притворно*). Во всемъ, матушка, воля Божія видна. Стало вамъ такъ на роду было написано, горе мыкать въ старости—ужъ я, сударыня, надъ вами нынче плакала, индо глаза красны.

марѳа ивановна. Онъ меня покидаетъ, оставяетъ, какъ подлюю нищенку на большой дорогѣ. Вѣрно это злодѣи, отецъ да дядя, его научили...

дарья. Вѣстимо, сударыня, они; да и кому жъ, кромѣ нихъ.

марѳа ивановна. Какъ будто не знаютъ, что я его за это лишу имѣнія; ужъ не достанется Юрію ни гроша, хоть провались деньги мои.

дарья. Ахъ, Марѳа Ивановна! есть у насъ поговорка: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ.

марѳа ивановна. Юрій меня для нихъ покидаетъ, кто жъ утѣшитъ мою старость? (*Закрываетъ лицо платкомъ и рыдаетъ.*)

дарья. Что это вы, сударыня, себя убиваете... успокойтесь, матушка. (*Въ сторону.*) Теперь я могу сдѣлать славную штуку—застави ее поссориться съ зятемъ и внукомъ, сама ихъ межъ собой перессорю, да послѣ, если это откroется, свало на нее... а отнявъ имѣніе у Юрія Николаича, вѣрно, барыня мнѣ дастъ много денегъ; куда жъ ей ихъ дѣвать? Сама не издержитъ. (*Къ ней.*) Не угодно ли лечь?..

марѳа ивановна. О! я никогда на тебя не роптала, Боже мой! а теперь не могу...

дарья. И то сказать правду, какъ вы ни старались переманить его къ себѣ, а все напрасну: ужъ не вы ли его ссорили съ отцомъ, не вы ли наговаривали, не вы ли имѣніемъ прельщали Николая Михалыча, если онъ оставить сына у васъ—нѣтъ-таки—не удержали молодого барина.

марѳа ивановна. А не ты ли мнѣ все это вѣтовала, не по твоимъ ли словамъ я поступала?.. Право, если бы мы не хитрили, гораздо бы лучше шли всѣ дѣла мои... Ты, дьяволь,

миѣ жужжала поминутно про эти адскія средства, ты... ты хотѣла моей печали и раздора семейственнаго.

дарья (*клянясь*). Власть ваша... а мое дѣло холопское, могу ли вамъ совѣтовать? Если вы послушаете моихъ глупыхъ рѣчей, такъ это вашей же милости?... Да и какая же миѣ прибавитъ ваше горе... вотъ хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу—развѣ миѣ легко по ночамъ-то не спать, сударыня... Нѣтъ-съ, мы, вся дворня, только и молимъ Господа о нашемъ спокойствіи, только и блюдемъ, что ваше здорье... (*Молчаніе*.)

марѣ Ивановна. Не знаешь ли, какое въ моемъ положеніи средство осталось? Какъ помочь?..

дарья (*подумавъ*). Средствъ много... да врядъ ли одно изъ нихъ вашей милости понравится...

марѣ Ивановна. Нужды нѣтъ, говори все смѣло.

дарья. Просить прощенья у Николай Михалыча и уговорить, чтобы онъ остался, такъ же, какъ и Юрія Николаича, а послѣ второго можно какъ-нибудь и совѣмъ оставить, притворясь больною... Тогда онъ ужъ не поѣдетъ въ нѣмечину.

марѣ Ивановна. Охъ, нѣтъ, это не удастся... они намъ ужъ не повѣрятъ... да какъ тому жъ миѣ просить прощенья у зятя? Миѣ? Я развѣ дѣвчонка передъ нимъ; ни за что, ни за что въ свѣтъ. (*Молчаніе*.) Нѣтъ ли другого способа?..

дарья. Насильно удержать.

марѣ Ивановна. Нельзя; за это отвѣтишь...

дарья (*кинувъ презрительный взглядъ*). Клевета!

марѣ Ивановна. Клевета? Что это! Клевета? Какъ, объясни...

дарья. Это, сударыня, послѣднее средство.

марѣ Ивановна. Говори же скорѣй...

дарья. Падобно, думаю такъ, поссорить Юрія Николаича съ баюшкой его, тогда онъ поневолѣ къ вамъ оборотится, вы же приласкайте его... Говорится, что если человекъ тонеть, такъ готовъ за плавунцию траву ухватиться. Тутъ же, какъ молодой баринъ будетъ въ отчаяннѣи, можно у него выманить честное слово—а на его слово и подозрительный жидъ радъ будетъ ложиться—нечего сказать!..

марѣ Ивановна (*въ смущеніи*). Полно, полно—да какъ намъ поссорить ихъ?.. Гдѣ средство?

дарья. Я сказала ужъ, сударыня: клевета.

марѣ Ивановна. Да какъ это?..

дарья. Надо довести до ушей Николай Михалыча, будто бы Юрій Николаичъ вамъ говоритъ одно, а ему другое, вотъ и дѣло съ копоть-съ, другого средства наврядъ кто найдеть...

марѣ Ивановна. Я тебѣ это дѣло пренурочаю, Дашка... и берегись, если его испортишь!..

дарья (*подумавъ*). Вотъ что миѣ кажется, Марѣ Ивановна: мы этакъ ихъ перессоримъ-то перессоримъ, а Юрій Николаичъ все васъ покинетъ.

марѣ Ивановна. Какъ?.. Отчего?.. стало быть этотъ способъ не годится.

дарья (*въ сторону*). Рѣшительная минута. (*Ей*.) Другого средства нѣтъ.

марѣ Ивановна. Миѣ надо непремѣнно Юръ-Юшку въ руки... Я безъ него жить не могу.

дарья. Право, это вамъ такъ только кажется-съ...

марѣ Ивановна. И ты противъ меня.

дарья. Какъ можно, сударыня, а я говорю, что намъ не удастся переиграть Волиныхъ... а если удастся, такъ что пользы: молодой баринъ васъ не успокоитъ больше... ужъ конечно... только васъ же станетъ укорять, вамъ же безпокойства...

марѣ Ивановна. Я хочу...

дарья. Какъ угодно, матушка, я готова на всѣ ваши приказанія.

марѣ Ивановна (*въ сторону*). Однако жъ она правду говоритъ; внукъ: все знаетъ, такъ миѣ только на совѣсть свинецъ, если онъ будетъ жить въ моемъ домѣ да укорять меня... Богъ съ нимъ. (*Дарья*.) Ну, я съ тобой соглашаюсь, видно миѣ суждено промышлять старость сиротой—весело зато прежде жила. Однако жъ миѣ хочется имъ отомстить!

дарья (*въ сторону*). Подѣствовало. (*Ей*.) Да мое для мщенья лучшее средство. Ужъ наказанья Юрію Николаичу лучше не будетъ—у него негдѣ будетъ головы преклонить, какъ развѣ на улицѣ... Да и Николай Михалычу будетъ жутко... много крови у нихъ обихъ попортится...

марѣ Ивановна. Я хочу видѣть ихъ мученья... мечь... мечь!.. Злодѣи, прости, Боже, мое согрѣшенье... Не въ силахъ... мать Богородица и святые угодники, простите миѣ... Поѣду въ Киевъ, половину имѣнья отдамъ въ церковь, всякое воскресенье 10-тифунтовую свѣчу передъ каждымъ образомъ поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите миѣ!.. (*Въ разслабленіи*.) Капель... Дашка! дурно.

дарья (*подаетъ*). Такъ я нынче же начну дѣло... Только, сударыня, не безпокойтесь, не огорчайтесь, весь домъ на васъ не заплачется... марѣ Ивановна. Какъ не огорчатся?

дарья. Ваша воля будетъ исполнена, матушка...

марѣ Ивановна. Моя воля!.. ахъ!.. послушай... ты такъ поступай, чтобы никто не зналъ...

дарья. Слушаю-съ... ужъ я...

марѣ Ивановна. То-то же!.. Отведи меня на постель. (*Дарья ее доводитъ до двери*.) Да, послушай, поди возьми шкатулку... а я ужъ сама дойду съ палкой. (*Уходитъ*.)

дарья (*беретъ шкатулку вернувшись*). Ха-ха!.. теперь рыбки попляшутъ на сковорождѣ... Эта старуха вертится по моему хотѣнью, какъ солдатъ по барабану... я теперь вижу золотые, серебряные... ха-ха-ха! въ рукѣ моей звенятъ кошельки... безъ нихъ вѣдь я буду хозяйкой здѣсь... барыня-то слаба: то-то люблю!.. Не дай Богъ, однако жъ, чтобы умерла... При ней-то миѣ тепло, а тогда... придетъ дѣло плохое за всѣ мои козны, особливо если онѣ откроются... миѣ скажутъ, грѣхъ тяжкій эти слетни, Богъ накажетъ... какъ бы не такъ... я слышала отъ господъ старыхъ, что если на исповѣди все скажешь попу, да положишь десять поклоновъ земныхъ—и дѣло кончено, за цѣлый годъ поправа. Да и что за грѣхъ штука теперешняя, я не понимаю: поссорить отца съ сыномъ—не убить, не обокрасть... помирятся вѣдь... Экая

важность поссорить отца съ сыномъ... ха-ха-ха! *(хочетъ идти въ комнату юножи съ мар-чиномъ, но на пути останавливается.)* Да! я позабыла подумать, какъ распустить мои ложныя вѣсти... *(Подумавъ.)* Всего лучше чрезъ людей Васнлія Михалыча, какъ ненарочно, а онъ, узнавъ, не помѣшкаетъ объявить приятную вѣсточку братцу своему. *(Уходитъ.)*

явление II.

Садъ. День. Декорація послѣдней сцены 2-го дѣйствія.

Юрій *входитъ... разстроенный видъ.*

Юрій. Дурно кончаются мои дни въ этой деревнѣ... послѣдніе дни. Какія сцены ужасныя... Мое положеніе ужасное, какъ воспоминаніе безъ надеждъ... Черезъ день мы ѣдемъ... Но куда: отецъ мой имѣетъ едва довольно состоянія, чтобъ содержать себя... и я ему буду въ тягость... въ тягость... О! какую я сдѣлалъ глупость... но тутъ нѣтъ поправки... нѣтъ дороги, которая бы вывела изъ сего лабиринта. *(Молчаніе.)* Что я говорю?.. Нѣтъ, моему отцу я не буду въ тягость... лучше ѣсть сухой хлѣбъ и пить простую воду въ кругу людей любезныхъ сердцу, нежели здѣсь веселиться среди змѣй и, пируя за столомъ, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счетъ кровавой слезы отца моего... Это ужасно... это адское дѣло... *(Слышенъ разговоръ.)* Но кто идетъ въ аллею... двѣ тѣни... Заруцкій... его мундиръ... а это... Элиза... нѣтъ, нѣтъ... это Любовь... Отчего сердце мое такъ молоткомъ и бьется, будто бы хочетъ выскочить? Что все это значитъ?... Опять искушеніе...опять. *(Прячется. Межъ тѣмъ Любовь и Заруцкій входятъ въ полномъ разговорѣ и останавливаются такъ, что ему нельзя слышать словъ, но можно видѣть, не будучи прилѣчену.)*

явление III.

Заруцкій. Умоляю васъ, сдѣлайте меня счастливымъ: вы не знаете, какъ горячо мое сердце пылаетъ, если вы никогда не любили, но если когда-нибудь Купидонъ заглядывалъ въ ваше сердце... то судите по себѣ... Во имя того юноши, который милъ вамъ, заклинаю васъ, приведите ее сюда...

любовь. Вы слишкомъ дерзки, сударь... Почему вы знаете, люблю ли я кого-нибудь... Поймали меня въ саду нечаянно... и не даете мнѣ покоя. Думаете, я не могу осрамить васъ, велѣть прогнать или пожаловаться папенькѣ... другая бы этого не сдѣлала и то для того, что вы пріяель Юрія Николаича.

Заруцкій *(въ сторону)*. Хорошо! *(Ей.)* Именно его заклинаю васъ *(становится на колѣни.)*, заклинаю васъ, выведете Элизу... Вы будете тутъ...

Юрій *(за деревомъ)*. И она можетъ терпѣть это... Злой духъ испортилъ ея сердце... О! *(стонетъ; Заруцкій беретъ ея руку.)* Довольно!.. пистолеты будутъ готовы въ минуту... и *(съ дикою радостью)* онъ мнѣ поплатится своимъ мозгомъ. *(Уходитъ.)*

любовь *(въ сторону)*. Если бы онъ не былъ таковъ, какъ Юрій, могъ ли бы онъ быть его

другомъ: а онъ меня сдѣлалъ такой счастливой; зачѣмъ же завидовать сестрѣ. *(Ему.)* Дайте мнѣ вторично слово: во зло не употребить снисхожденія Элизы.

Заруцкій. Клянусь.

любовь. Я не нуждаюсь въ вашихъ клятвахъ, дайте мнѣ только честное слово; но я не хочу насильно его у васъ вырвать; пускай это будетъ добровольно.

Заруцкій *(вставая)*. Мое гусарское слово.

любовь. Точно? Ну, я согласна, только чуръ: помнить уговоръ. *(Убѣгаетъ.)*

Заруцкій. Ну, вотъ и мои дѣла приходятъ къ окончанію—это славно. Что за важность, если я измѣню своему слову. Женщины такъ часто насъ обманываютъ, что и не грѣшно иногда имъ оплатить тою же монетою. *(Закручивая усы.)* Элиза эта пренеприятная штука, хотя немного кокетится, да это ничего. Первое свиданье при свидѣтеляхъ, а второе tête à tête можно отважиться, а если нѣтъ; ну, такъ можно жениться, впрочемъ, мнѣ этого не очень хочется. Гусарское житье, говорятъ, повеселѣе.

Юрій *(быстро входитъ съ пистолетами)*.

явление IV.

Юрій. Господинъ офицеръ...

Заруцкій. Мой другъ!..

Юрій. Такъ вы меня называли прежде.

Заруцкій. И теперь надѣюсь.

Юрій *(подаетъ ему пистолетъ)*. Вотъ наша дружба.

Заруцкій. Какъ?.. Что это значитъ?

Юрій *(отвернувшись)*. Берите.

Заруцкій. Я не хочу! Растволкуй мнѣ, за что и на что?.. Я не возьму... можетъ быть ошибка... и за это, чортъ возьми... я не стану съ другомъ стрѣляться.

Юрій *(съ горькимъ тономъ)*. Трусъ...

Заруцкій. Ты, братъ, съ ума сошелъ или шутишь. *(Отпихиваетъ подаваемые пистолеты.)*

Юрій *(въ сторону)*. Если онъ меня убьетъ, она ему не достанется; если я его убью... о, мнѣнью!.. она ему никогда не достанется, ни ему, ни мнѣ... Пусть такъ... Теперь я понимаю, отчего онъ не хочетъ стрѣляться—онъ не хочетъ ея лишиться... Какъ желать бы я быть на его мѣстѣ. Смерть ему, похитителю послѣдняго моего сокровища, послѣдняго счастья души моей... Смерть и проклятье!.. *(Ему.)* Трусъ, слабодушный ребенокъ... Не тебѣ быть гусаромъ, ты способенъ стоять на колѣнкахъ предъ женщинами... Ха-ха-ха! стыдись, мамля, берика пистолетъ.

Заруцкій *(подходя)*. Такъ Юрій въ самомъ дѣлѣ не шутишь?

Юрій *(показывая на оружіе)*. Моя послѣдняя шутка здѣсь... *(Жидаетъ одинъ пистолетъ на землю.)*

Заруцкій. О! это много для шутки. *(Поднимаетъ пистолетъ.)* Мы стрѣляемся здѣсь!..

Юрій. Въ самомъ дѣлѣ?.. Небо или адъ мнѣ послало это блаженство? Благодарю тебя, мой помощникъ...

Заруцкій. Только ты мнѣ долженъ объяснить...

Юрій. Дай честное слово, что будешь стрѣляться.

Заруцкій. Вотъ оно!..

Юрій. Ты похитилъ у меня ея сердце, сердце твое... что была сейчасъ здѣсь.. Да! этого, кажется, довольно... слишкомъ для меня довольно...

Заруцкій. Я очень радъ, что это такъ, ибо ты ошибаешься... Выслушай только...

Юрій. Я не слушаю... Я не вѣрю ничему больше на свѣтъ, этотъ мигъ переѣнилъ мое существованье...

Заруцкій. Да я не стану безъ того стрѣляться.

Юрій (*съ дикою радостью*). А твое честное слово.

Заруцкій (*съ стороны*). Проклятое честное слово!..

Юрій. Стрѣляй!

Заруцкій. Я готовъ. (*Про себя*.) Выстрѣлю на воздухъ.

Юрій (*съ стороны*). Можетъ быть, онъ еще не виновенъ, можетъ быть она меня обманула... Развѣ онъ не имѣлъ права ее любить, если былъ любить... Однако жъ это требуетъ крови, крови... Пускай моя кровь прольется... (*Беретъ ея за руку*.) Будемъ стрѣляться друзьями...

Заруцкій. Что это? Откуда эта переѣна?

Юрій. Позволь мнѣ умереть твоимъ другомъ.

Заруцкій. Къ чему жъ стрѣляться?

Юрій. Ахъ!.. я хочу умереть или тебя убить; тайна тяготитъ мое сердце... короче, я долженъ съ тобою стрѣляться...

Заруцкій. Но какая тайна?

Юрій. О, нѣтъ, не испытывай меня... не припимай участія, его не должно для меня существовать... не срываи покрова съ души, гдѣ весь адъ, все бѣшенство страстей... Позволь лучше, позволь мнѣ тебя обнять въ послѣдній разъ. (*Обнимаетъ; поднимается*.) Такъ все кончено... Я сдѣлалъ должное... Послѣдняя слеза всѣхъ моихъ слезъ, свищовая слеза моихъ страданій упала ему на грудь... Ее, можетъ быть, прорыетъ мой свинецъ; что жъ... онъ будетъ тогда счастливѣй меня. (*Къ нему*.) Добрая ночь, другъ... а поны намъ отпоютъ вѣчную память. (*Стаивается*.)

Заруцкій (*наводитъ пистолетъ*). Разъ... два...

Юрій. Постой!

Заруцкій. На что?

Юрій. Ты долженъ мнѣ клясться, что если я буду убить... то ты больше ея ни разу не обнимешь... что ты кинешь ее навсегда... Заруцкій.. Заруцкій!.. Не забудь, что мы еще друзьями... Ты долженъ отомстить меня—я для тебя все сдѣлалъ, что нужно. У меня въ карманѣ бумага, гдѣ написано, что я самъ застрѣлился... А ты бѣги! бѣги!.. Совѣсть не должна тебя мучить: она всему виною...

Заруцкій. Твой умъ разстроены: ты не знаешь, про кого говоришь...

Юрій. Не говори, не оправдывай ее: она черна, какъ сажа... Не эта ли дѣвушка клялась въ любви на груди моей, не здѣсь ли хранится ея клятва?.. Я преклонялъ мои колѣни, какъ передъ ангеломъ, ангеломъ невинности. Боже Всемогущій, прости, что я оклеветалъ твое чистѣйшее творенье...

Заруцкій. Коли дѣло дѣлать, такъ скорѣй; намъ могутъ помѣшать...

Юрій (*съ задумчивости*). Какой адскій духъ

толкнулъ меня за это дерево... Зачѣмъ я долженъ былъ увидѣть обманъ, мнѣ приготовленный; зачѣмъ, вышывая чашу яда, мнѣ должно было узнать о томъ въ ту минуту, когда напитокъ уже на языкѣ моемъ... Можетъ быть, безъ этого я бы скоро ее разлюбилъ или провелъ мѣсяцы наслажденья спокойнаго, на груди измѣнницы... Но теперь, теперь, когда я самъ видѣлъ... теперь... змѣя ревности клубится въ груди моей... ненависть пожираетъ мою душу... я долженъ отмстить за оскорбленное мое сердце...

Заруцкій. Воини! готовься...

Юрій (*не слышитъ*). Ужели это была необходимость, ужели судьбѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ—терзать меня... Она знаетъ, что человѣкъ слабѣе ея. Ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенникъ однихъ высокихъ чувствъ, окаменѣй подобно ея сердцу... Пускай въ тебѣ дымится мшечь!.. О! для чего въ первые минуты любви закрыты отъ насъ муки ревности?.. Но онъ, онъ... мой другъ... ахъ! зачѣмъ? Я раздробилъ его черепъ... Теперь я долженъ умереть... И что для меня жизнь? Что снова блеснетъ разочарованной душѣ двадцатилѣтняго старика?.. (*Подумавъ*.) Такъ... я старъ... довольно жить!..

Заруцкій (*бьетъ его по плечу*). Теперь не время размышлять... Или ты боишься?..

Юрій (*какъ отъ сна*). Я готовъ! (*Оборачивается и открываетъ лобъ*.) Дай я буду считать... Когда скажу три: спускай... Разъ—два—(*Останавливается*.) Не могу... Чудо! сердце охладло... Слова не льются... Но я возьму верхъ. (*Слышенъ крикъ*. *Вбѣгаетъ Любовь*.)

явление V.

Любовь (*подбѣгаетъ къ Юрiю, видитъ пистолетъ*). Ахъ!.. что это такое?..

Юрій (*отходя прочь*). Ничего...

Любовь (*къ Заруцкому*). Ради неба!.. что это значитъ? (*Молчае*.) Даже вы не хотите мнѣ сказать... (*Къ Юрiю*.) Зачѣмъ эти пистолеты?.. и стволъ къ тебѣ...

Юрій (*язвительно*). Спроси у него... у этого гусара въ золотомъ ментикѣ и съ длинными усами; онъ и теперь лучше удовлетворитъ твоему желанью, чѣмъ я.

Любовь (*съ изумительнымъ укоромъ*). Юрій!.. зачѣмъ такой холодный тонъ?.. Какъ ты скоро переѣнился!..

Юрій (*въ сторону*). О непостижимое женское притворство. (*Вѣе*.) Оставьте меня.. я сказалъ вамъ, спросите у Заруцаго!..

Заруцкій (*подходитъ къ Юрiю*). Намъ помѣшали; итакъ, до завтрашняго... (*Уходитъ*.)

Юрій. Какъ знать, что будетъ завтра... Можетъ быть, я буду счастливъ; можетъ быть, я буду лежать на столѣ... (*Любови*.) Что вы не пошли за нимъ, онъ васъ любить больше меня. Любовь. Какая холодность!.. Но мы теперь о'ни, растолкуй мнѣ эту тайну, умоляю тебя самимъ Богомъ...

Юрій. Не имѣ ли ты клялась любить меня?..

Любовь. Я сдержала мою клятву.

Юрій. Я и позабыла, что она не клялась любить меня одного... быть можетъ, она права, кто знаетъ женское сердце... говорятъ, оно способно любить многихъ вдругъ...

любовь (съ грустью). О, какъ ты несправедливъ...

Юрій. Противъ тебя? Я несправедливъ? И ты можешь такъ равнодушно говорить, какъ буд-то... О, трепещи, если я докажу тебѣ.

любовь. Чего мнѣ бояться? Совѣсть моя чиста...

Юрій. Ея совѣсть? Адъ и проклятье... Я тебя любилъ безъ всякой цѣли, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я былъ готовъ отдать душу; за одинъ твой веселый часъ я заплатилъ бы цѣлыми годами блаженства... и ты... мнѣ измѣнила!..

любовь. Какъ!.. такая клевета, ужасное подозрѣние вышло изъ твоего сердца?.. Не вѣрю! ты хотѣлъ испугать меня... (*Беретъ его за руку.*) Ты шутишь... о, скажи: ты шутишь? Юрій, перестань, я не... вынесу... этого...

Юрій (*въ бѣшенствѣ*). И ты не стыдишься передъ этими деревьями, передъ цвѣтами, растущими вокругъ, передъ этимъ голубымъ сводомъ, которые были свидѣтелями нашихъ взаимныхъ обидъ?.. Посмотрите, деревья съ какой адской улыбкой, притворной невинностью она стоитъ между вами, недвижна, какъ жена Лотова... Взгляни и ты, дѣвушка, на нихъ; они качаютъ головами, укоряютъ тебя... смѣются надъ тобой... Нѣтъ, надо мной они хохочутъ... Слышишь, говорятъ: безумецъ, какъ могъ ты повѣрить женщинѣ?.. Клятвы ея на песокъ, вѣрность... на воздухъ... Вѣги, бѣги, уже зараза смертельная въ крови твоей... Бѣги далеко изъ родины... гдѣ тебя ничего больше нѣтъ... Бѣги туда, гдѣ нѣтъ женщинъ... Гдѣ жъ этотъ край благословенный?.. Пушусь искать его... Стану бродить по свѣту, пока найду и погибну... Гдѣ?.. Лишь бы дальше отъ нея... а то мнѣ все равно! Простите, мѣста моего дѣтства, прости, любовь, надежда, мечты дѣтскія... все свершилось для меня (*Хочетъ бросать. Любовь, какъ пробудившись, вдругъ останавливаетъ его.*)

любовь. Остановись... на минуточку!.. Не погуби невинную дѣвушку. (*Жалобно.*) Слушай, жестокий другъ: клянусь, въ первый разъ клянусь всѣмъ страшнымъ для меня, что я тебя одного любила и люблю... чего тебѣ еще больше, неужели и эти слова тебя не увѣряютъ? Юрій... отвѣчай мнѣ ласково, иначе ты убьешь меня. (*Сильно прижимаетъ къ себѣ его руку.*)

Юрій (*почти не слыживъ ея словъ*). Какой сильный духъ остановилъ меня? Отчего я еще здѣсь.. моя голова пылаетъ, мысли мѣшались... (*Старается вырваться.*) Пусти... пусти...

любовь. Юрій! не пушуй тебя; пока ты не признаешь меня невинною, до тѣхъ поръ смерть не оторветъ меня отъ ногъ твоихъ; я обниму колѣни; если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мнѣ тебѣ все объяснить!..

Юрій (*холодно*). Вы справедливы...

любовь. Ты говоришь не отъ сердца.

Юрій. Ты невинна, непорочна... пусти меня...

любовь (*пускаетъ слаже его руку, но Юрій не отдергиваетъ свою, и она остается*). Помнишь ли ты прошедшее? ты самъ признавался, что моя нежность сдѣлала тебя счастливымъ человѣкомъ; я вѣрю, ибо люблю тебя

со всѣмъ пламенемъ первой страсти... вспомни, что ты мнѣ рассказывалъ давно уже: ты говорилъ, что предметъ первой любви твоей своею холодностью сдѣлалъ твой характеръ мрачнымъ и подозрительнымъ, что съ тѣхъ поръ твое сердце страдаетъ отъ нанесенной язвы... (*Юрій глядитъ въ сторону, дабы скрыть смущеніе.*)

А ты губишь первую любовь бѣдной дѣвушки... суди по себѣ... ты сдѣлался мраченъ, а я не перенесу этого.. Неужели ты такой эгоистъ, что считаешь себя одного съ чувствомъ и душою... О, Юрій! ты такъ обманулъ меня, ты говоришь о привязанности своей ко всему міру, ко всѣмъ людямъ, а нынѣ не имѣешь сожалѣнія къ бѣдной дѣвушкѣ... (*Юрій въ сильномъ смущеніи.*) Но ты плачешь... о, не вѣрю, что ты совѣмъ меня отвергнулъ, нѣтъ, я еще люблю... не вѣрю твоей холодности; она пройдетъ, ревнивый мужчина!.. Видишь, я у ногъ твоихъ прошу пощадить меня... выслушай оправданье... (*Съ рыданьемъ упадаетъ передъ ней и обнимаетъ его колѣни. Юрій въ сильномъ движеніи, рыданья останавливаютъ вырывающіяся слова; онъ плачетъ.*)

Юрій (*дрожащимъ голосомъ*). Прочь, прочь... сирена... прочь отъ меня...

любовь (*встаетъ и поднимаетъ глаза къ небу. Тихо*). О, Боже, Боже мой!..

Юрій (*отойдетъ въ сторону*). Слабость! слабость! она мнѣ напомнила про первую любовь, про первые муки душевные — и я заплакалъ; но она не тверже меня духомъ: я заставлю ее, блѣднѣя и дрожа, признаться въ измѣнѣ... (*Молчаніе.*) Я не знаю, она еще такъ много власти имѣетъ надо мною, что надо призвать всю твердость, чтобы совершенно окаменѣть... Такъ, я не долженъ имѣть ни малѣйшей жалости къ прекрасному личику этому... я желалъ бы ее сдѣлать безобразной, чтобы... чтобы совершенно истребить изъ груди любовь. (*Беретъ пистолетъ и подходитъ къ ней.*) Видишь ли это оружіе?.. Я могу черезъ одно нажатіе пальца превратить тебя въ окровавленный трупъ.. Видишь?.. (*Прицѣливается.*)

любовь. Стрѣлай, если можешь...

Юрій (*бросаетъ пистолетъ съ досадой*). Женщина!

любовь. Неужели думаешь, что я дорожу теперь жизнью... Нѣтъ, я никогда не наслаждалась ею и умѣю не бояться убійцы. (*Опускаетъ снова въ задумчивости голову и руки.*)

Юрій (*мрачный приближается къ ней*). Наши сердечныя связи расторгнуты. Винавата ты или нѣтъ, я не буду любить тебя и не могу, если бы даже и хотѣлъ. (*Глядитъ ей пристально въ глаза и беретъ руку.*) Вотъ перстень, который ты мнѣ дала недавно; возвращаю его тебѣ, какъ ненужнаго свидѣтеля любви моей. Возьми его назадъ. Я уѣду изъ родины въ чужіе края, ничто больше здѣсь меня не задержитъ... (*Трогнутый.*) Благодарю тебя за лучшіе часы моей жизни, и ни за что не укоряю. Ты показала, что можно быть совершенно счастливо у сердца нежной женщины, и что это блаженство короче всѣхъ блаженствъ... (*Жметъ руку ей.*) Благодарю тебя, Любовь!.. (*Молчаніе. Послѣ чего Юрій съ жаромъ продолжаетъ.*) О, другъ мой! оставь свое безпознательное упрямство; ты меня не разувершишь, ибо

я самъ все видѣлъ... но признайся чистосердечно, что ты виновата, тогда, быть можетъ, я снова полюблю тебя...

любовь *(гордо)*. Нѣтъ! я на свою честь не буду клеветать... Впрочемъ, мое признанье было бы бесполезно, если бы я была въ самомъ дѣлѣ виновата предъ тобою...

Юрій. Итакъ, ты не хочешь?..

любовь *(твердо)*. Не могу и не должна!..

Юрій. Прощай *(идеть, но ворочается)*. Дай мнѣ послѣдній поцѣлуй. *(Беретъ ее руки)*.

Прощай, Любовь, прощай надолго!.. *(Цѣлуетъ ее въ губы; въ восторгѣ)*. Нѣтъ! нѣтъ! эти уста

никогда не могли быть преступными, я бы никому не повѣрилъ, если бы... Проклятое зрѣніе!.. Богъ всевѣдущій! зачѣмъ Ты не отнял у меня прежде этого зрѣнія?.. Зачѣмъ попустилъ видѣть? Что я Тебѣ сдѣлалъ, Богъ!.. О! *(Съ дикимъ стономъ)* во мнѣ отнынѣ нѣтъ къ Тебѣ ни вѣры, ничего нѣтъ въ душѣ моей... но не наказывай меня за мятежное роптанье, Ты... Ты... Ты самъ нестерпимою пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты мнѣ далъ огненное сердце, которое любить и ненавидитъ до крайности... Ты виновенъ!.. Пусть громъ упадетъ на меня, я не думаю, чтобы послѣдній вопль давно погибшаго червя могъ Тебя порадовать... *(Въ отчаяніи убѣгаетъ. Молчаніе.)*

любовь *(охлаждается; жалобно)*. Онъ ушелъ! О, я несчастная дѣвушка!.. *(Упадаетъ въ слабости на скамью дерювую.)*

(Занавѣс опускается.)

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

явление I.

Комната Николая Михайловича; сундуки и чемоданы готовы къ отъѣзду.

Василій мих. *(входя, смутъ, который идетъ за нимъ)*. Что? что? не можетъ быть; ужасно это правда?

Слуга. Точно такъ-съ...

Василій мих. Такъ, такъ; мнѣ самому это все казалось... Экой шельма... Поди позови брата сюда моего... Экое несчастное дѣло! *(Уходитъ слуга.)* Ну, какъ объявить ему? Теперь просто, да просто надобно за одинъ разъ кончить эти сплетни. *(Садится)*. Надобно порядкомъ распечь племянника моего—экую онъ заварилъ кашу; однако, я пощажу его немного. Молодость, все молодость!.. хотя это такой порокъ, отъ котораго всякій день мы исправляемся; можетъ быть онъ и не совѣмъ такъ говорилъ, или что-нибудь да не такъ тутъ есть... Впрочемъ, я не думалъ бы никакъ, чтобы Юрій дошелъ до такой низости, если бы... *(Въ задумчивости опускаетъ голову.)* Ба! что это за записка? „Ма сѣге...“ Это любопытно. *(Поднимаетъ записку; вдругъ вскакиваетъ въ изумленіи и долго молчитъ, смотря на записку, потомъ съ досадою говоритъ.)* Какъ?! Къ Любови, къ моей дочери, любовное письмо—свиданіе... Юрій... Нѣтъ, этого я не стерплю. *(Молчаніе.)* Видно, да это давно написано, потому что на полу валяется, какъ все старое.

(Молчаніе.) Ну, говори, что я несправедливо дѣлалъ, любя дочерей моихъ неодинаково... Я напередъ какъ предчувствовалъ это... Вотъ Лизушка такой штуки не сдѣлаетъ... Съ братомъ двоюроднымъ любовное свиданье—гдѣ это на свѣтѣ видано?... О! я ему отомщу: будетъ теперь меня помнить; послѣ этого чего нельзя отъ него ожидать, отъ обольстителя двоюродной сестры!.. *(Ходитъ взадъ и впередъ.)* Однако припряду записку до случая. *(Кладетъ въ карманъ.)* Но вотъ и братъ идетъ, кажется...

явление II.

Николай Михайловичъ *входитъ*.

Николай мих. Что это, братъ, такое? Что опять за важное дѣло? У меня, право, ихъ теперь такъ много, что не знаю куда съ ними дѣваться.

Василій мих. Да, дѣло не маловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Николай мих. Марѳа Ивановна что-нибудь еще хочетъ сочинить, не правда ли?

Василій мих. Нѣтъ, до нея тутъ ничего не касается...

Николай мих. Эхъ, братецъ, такъ что же тутъ можетъ быть важнаго; ты меня только оторвалъ отъ занятія... объ этомъ послѣ можно поговорить.

Василій мих. То-то нельзя.

Николай мих. Что же это?

Василій мих. Твой сынъ...

Николай мих. Мой сынъ—лучшій изъ сыновей: благороденъ, справедливъ, хотя мечтателенъ, и меня любитъ, несмотря на всѣ происки старухи...

Василій мих. Хмъ-хмъ-хмъ!

Николай мих. Что ты такъ смотришь? Неужели кто-нибудь можетъ сказать: нѣтъ?

Василій мих. Нѣтъ!.. не то чтобы не любилъ *совсѣмъ*, а это еще поддежитъ сомнѣнію.

Николай мих. Какъ сомнѣнію? Что это? Неужели ты такъ о немъ думаешь, братецъ?

Василій мих. Да, думаю... И, можетъ быть, ты самъ скоро начнешь думать.

Николай мих. По крайней мѣрѣ онъ до сихъ поръ не подавалъ мнѣ повода почитать его безчестнымъ человѣкомъ.

Василій мих. Вотъ видишь: есть люди, которые умѣютъ такъ скрыть цѣль свою и свои поступки, что...

Николай мих. Братецъ! Юрій не изъ такихъ людей...

Василій мих. Человѣкъ неблагодарный не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ.

Николай мих. Въ немъ этого нѣтъ...

Василій мих. А какъ есть? Развѣ Марѳа Ивановна не воспитала его, развѣ не старалась объ его дѣтствѣ, развѣ не ему же хотѣла отдать все свое имѣніе, а онъ оставилъ—ну, да это для отца—да какъ поступаетъ съ ней; со стороны жалко смотрѣть—грубъ съ нею, какъ съ послѣдней кухаркою.

Николай мих. Что же изъ этого всего ты хочешь вывести?.. Ради Бога, объяснись!..

Василій мих. А то хочу вывести, что онъ, обманувъ ее, можетъ обмануть и тебя. Видишь: тебѣ кажется, что онъ съ ней такъ дурно поступаетъ, ее оставляетъ, про нее дурно гово-

ригь... А кто знаетъ, можетъ быть, и ей онъ на тебя Богъ знаетъ какъ клевететь.

НИКОЛАЙ МИХ. Стыдись! это все одни несправедливыя подозрѣнія! Помилуй, что ты дѣлаешь!

ВАСИЛІЙ МИХ. Я хочу тебѣ открыть глаза изъ одной дружбы къ тебѣ; и у меня, повѣрь, не одни подозрѣнія,—безъ доказательствъ не смѣлъ бы я говорить.

НИКОЛАЙ МИХ. Да тутъ нѣтъ добраго смысла, братецъ!..

ВАСИЛІЙ МИХ. Отчего же?

НИКОЛАЙ МИХ. Ну, ты вѣрно согласишься, что Юрій уменъ.

ВАСИЛІЙ МИХ. Глупый человѣкъ не можетъ быть такъ лукавъ...

НИКОЛАЙ МИХ. Итакъ, согласенъ? Какая же тутъ цѣль? Онъ долженъ бы былъ понять, что эти сплетни, какъ ты говоришь, ни къ чему не послужать?

ВАСИЛІЙ МИХ. То-то и дѣло: онъ уменъ, потому-то я еще и не совсѣмъ дошелъ до цѣли; а въ томъ, что я теперь тебѣ расскажу, я увѣренъ; слушай же: вчера въ ея комнатѣ онъ говоритъ своей бабкѣ: довольны ли вы теперь моею привязанностью? Вамъ тяжело присутствіе моего отца... я ему про васъ наговорилъ, онъ съ вами побранился, и теперь вы имѣете полное право ему указать порогъ...

НИКОЛАЙ МИХ. Ужасное безстыдство!..

ВАСИЛІЙ МИХ. Да! но это не все...

НИКОЛАЙ МИХ. Что еще можетъ быть хуже этого!.. Но нѣтъ, не вѣрю... не вѣрю... кто слышалъ это? (*Беретъ его сильными движеніемъ за руки.*) Отвѣчай, кто слышалъ?.. Кто?

ВАСИЛІЙ МИХ. (*въ сторону*). Бѣда! надо солгать. (*Ему.*) Я... я слышалъ... право, я...

НИКОЛАЙ МИХ. Непостижимый случай—сынъ... не могу подумать этого—извергъ!

ВАСИЛІЙ МИХ. Успокойтесь!.. успокойтесь!..

НИКОЛАЙ МИХ. Мнѣ успокоиться?.. ха-ха!.. (*Звонитъ. Человѣкъ входитъ.*) Сына моего послалъ, сію минуту отыщи его, хотя бы онъ былъ у самого чорта... слышишь! (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.*)

ВАСИЛІЙ МИХ. Но я тебя прошу, братецъ, поменяжируй, поменяжируй его... пожалуйста, вѣдь я такъ только тебѣ сказала, а не для того, чтобы сдѣлать изъ этого цѣлую исторію... Пощади его, вѣдь онъ еще молодъ, видишь ли, братецъ...

НИКОЛАЙ МИХ. (*въ тишинѣ*). Никогда, никогда... мнѣ его, пощадить... нѣтъ, я ему дамъ нагонку. Кто бы подумалъ... такое злодѣйство!.. хотя бы капля совѣсти—ничего! До тѣхъ поръ меня обмануть... О! онъ дорого мнѣ за это заплатитъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ.*)

ВАСИЛІЙ МИХ. (*въ сторону*). Вотъ, кажется, и Юрій идетъ сюда—сяду на это кресло и, какъ ни въ чемъ не бывало, стану слушать... да, я бы желалъ, чтобъ ему хорошенько досталось: вѣдь видно, что родства не знаетъ... любовное свиданіе съ моей дочерью!.. Боже, Боже мой! Экая нынче молодежь! Ну жъ, я ему отплатилъ! въ такихъ случаяхъ солгать простительно. (*Сидитъ возле стола.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Прежніе; Юрій входитъ тихо.

ЮРІЙ. Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

НИКОЛАЙ МИХ. (*въ сторону*). Любезный!.. Я ему задамъ такой любезности, что онъ будетъ помнить.

ЮРІЙ (*ближе*). Батюшка! что вамъ угодно?..

НИКОЛАЙ МИХ. (*оборачиваясь сердито и строго*). Кажется, вамъ бы можно со мной поучтивѣе обращаться... (*Юрій въ удивленіи отступаетъ назадъ.*)

ВАСИЛІЙ МИХ. (*въ сторону*). Идетъ хорошо куда.

НИКОЛАЙ МИХ. Кто тебѣ велѣлъ сюда придти? (*Юрій все еще смотритъ на него.*) Повторяю: зачѣмъ ты сюда пришелъ?

ВАСИЛІЙ МИХ. Да вѣдь ты, братецъ, за нимъ, кажется, посылай!..

НИКОЛАЙ МИХ. Знаю самъ. Да я хочу, чтобы онъ отвѣчалъ... (*Съ презрѣніемъ.*) Видишь, какъ смотреть, точно быкъ. (*Юрью.*) Что ты молчишь, негодяй?

ЮРІЙ. Что такое?. Но вы вѣрно шутите, батюшка; перестаньте, прошу васъ; нынче такія шутки мнѣ слишкомъ тяжело легли на сердце... кончите.

НИКОЛАЙ МИХ. (*сердито*). Смотри, пожалуйста—я съ нимъ пучу!.. Нѣтъ, серьезно говорю, сударь, что ты—скверный человѣкъ...

ЮРІЙ (*горячо*). Батюшка! я не заслужилъ этого!

НИКОЛАЙ МИХ. Ты заслужилъ больше... ты стоишь, чтобъ я тебя прибилъ... и еще больше...

ЮРІЙ (*гордо и съ увеличивающимся жаромъ*). Вспомните, что я уже не ребенокъ... не доводите меня до крайности,—моя голова довольно нынче разгорячена... Я невиненъ... ручаюсь честью!.. но за себя не всегда могу отвѣчать!.. не...

НИКОЛАЙ МИХ. (*прерываетъ*). Отецъ всегда имѣетъ право надъ сыномъ... а ты хочешь идти противъ меня, неблагодарный!..

ЮРІЙ. Такъ!.. я неблагодаренъ, только не къ вамъ. Я обязанъ вамъ одною жизнью... возьмите ее назадъ, если можете... О! это горькій даръ...

НИКОЛАЙ МИХ. Что ты хочешь сказать этимъ?

ЮРІЙ. Для васъ я покидаю несчастную старуху, хотя могъ бы быть опорой послѣднихъ дней ея... Она мнѣ дала воспитаніе, ухаживала за моимъ дѣтствомъ, ей обязанъ я пропитаніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что я имѣю, кромѣ жизни... и въ нѣсколько дней я ее приблизилъ къ могилѣ... къ ней я неблагодаренъ... Я не долженъ былъ смотрѣть на ваши распри: обязанность челоѣчества должна была занять мое сердце... Но для васъ я сдѣлалъ великое преступленіе... и вы меня обвиняете, вы, мой отецъ... Нѣтъ, это свыше границъ возможнаго...

НИКОЛАЙ МИХ. Ты можешь такъ безстыдно лгать, лицемеръ; ты, который своими низкими сплетнями увеличилъ нашу ссору; который, надѣвъ маску привязанности, являлся къ каждому и вооружалъ одного противъ другого; черезъ котораго я, какъ послѣдній пищикъ, выгоняемъ

изъ этого дома... Несчастный, если бъ я это зналъ, я бъ тебя удушилъ при твоёмъ рожденнѣ... чтобъ никогда глаза мои не видали такого чудовища!..

юрій (*бросается къ ногамъ его*). Ради всего страшнаго не продолжайте, отецъ мой... Я почти понимаю, что вы хотите сказать... Клевета... клевета... все клевета... Не вѣрьте никому... кромѣ меня... Я васъ люблю, я это дока-заль...

николай мих. Змѣя...

юрій. Разсмотрите, узнайте... Но берегитесь меня доводить до отчаяннѣ: я невиненъ!..

николай мих. Я все знаю... Теперь поздно твое коварство, тебѣ не удалось нынче! Сквозь этотъ огорченный видъ невинности, сквозь эти блѣдныя черты я вижу адскую душу... Отрекаюсь отъ нея: ты больше мнѣ не сынъ... Прочь, прочь отсюда съ твоимъ наслѣдствомъ... Ты мнѣ золотомъ не заклеишь языкъ... Я все тебя отвергну, хотя бъ съ тобой были милліоны... Такое коварство... почти отцеубійство, если не хуже, потому что я тебя любилъ... И въ такихъ молодыхъ лѣтахъ... Прочь, прочь... Я не могу слышать тебя близко!.. Мое состояніе самое опасное; можетъ быть и скоро совсѣмъ разорюсь... Буду просить милостыню... Повѣрь мнѣ, даже не подойду къ моему окошку... я не захочу встрѣтить на немъ печать моего проклятыя... Сердце мое тогда бы обилось сожалѣньемъ... Я этого не хочу... прочь!..

юрій (*вздрагиваетъ при словѣ проклятыя и, бывъ прежде въ ужасномъ движеніи, вдругъ становится какъ окаменѣлый. Молчаніе*).

василій мих. (*подходитъ къ брату*). Не довольно ли? Посмотри, какъ онъ блѣденъ... какъ мертвецъ...

николай мих. Такъ его и надо... Нужды пѣтъ!.. Онъ еще можетъ раскаяться...

юрій (*вдругъ съ дикимъ смѣхомъ*). Ха ха-ха! Отецъ проклялъ сына... Какъ это легко... Посмотрите, посмотрите, посмотрите на это само-довольное лицо... Посмотрите на эти спокойныя черты: этотъ отецъ проклялъ сына. (*Уходитъ въ сильномъ, но молчаливомъ отчаяннѣ*)

явление IV.

Прежніе безъ Юрія.

николай мих. Онъ ушелъ?

василій мих. Кажется, братецъ, кажется.

николай мих. Я такъ утомился; мнѣ надобно отдохнуть... О! не дай Богъ имѣть такіе дни въ жизни никакому отцу.

василій мих. Ты правъ, братецъ... Не дай Богъ...

николай мих. (*уходитъ*).

явление V.

василій мих. (*одина*). Ужъ досталось тебѣ, негодяй!.. Если бъ я еще послѣднее сказалъ да представилъ это письмо, такъ не то бы еще было, да такъ ужъ пожалѣла моя душа... Теперь пойду,—однако жъ дочку свою не стану еще бранить... Будетъ время... И безъ насъ здѣсь шуму и горя довольно... Охъ-охъ-охъ!.. (*Уходитъ за братомъ своимъ*.)

явление VI.

дарья (*которая подслушивала за противоположною дверью, выходитъ на цыпочкахъ*). Все кончено—слава Богу, мнѣ удалась эта штука, какъ многія другія; однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить: такъ прекрасно черезъ людей передала я свою выдумку Василію Мыхалычу, а тотъ сдур и повѣрилъ... Ну жъ, мнѣ будетъ благодарность отъ госпожи моей... Денегъ-то, денегъ-то... А ужъ этотъ Волинъ, зажгла я его хоромы—и моремъ не потушить... Теперь все наше... хоть заранѣе молебень святымъ угодникамъ служу... Одна-кожъ потороплюсь объявить свою новость барынь... Добро вамъ, незваные гости!

явление VII.

дарья *хочетъ уйти, но встрѣчается въ дверяхъ съ марею ивановной*.

марея ивановна (*входитъ съ плакомъ*). Дашка! Дашка! что тутъ случилось? Скажи скорѣй! Я слышала шумъ... Вижу радость на твоёмъ лицѣ... Что такое? Дашка! подай стулъ...

дарья (*подвинувъ стулъ*). Что случилось, сударыня?..

марея ивановна. Какое дурацкое эхо!.. Отвѣчай же скорѣй!..

дарья. Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынкомъ... Не извольте бояться—это ничего: Юрья Николаича батюшка побранилъ, да въ шутку и проклялъ, а тотъ огорчился; вотъ вамъ все, сударыня.

марея ивановна. Проклялъ... Ты этому виною, негодяйка... ты (*поднимаетъ руку на нее*) своими сплетнями это сдѣлала...

дарья. Да вѣдь вы сами, матушка, приказывали (*клянясь*) чѣмъ же я могла васъ прогнѣвить...

марея ивановна. Въ ссылку сошлю, засѣку... Я тебѣ сказала, чтобъ посорить ихъ... но развѣ не ты мнѣ это присовѣтовала?.. Теперь что съ нимъ будетъ, съ Юрьюшкой,—погубить онъ свою душу... Прочь, адскій духъ, прочь... съ глазъ моихъ долой... въ Сибирь... въ адъ... Охъ, я несчастная... окаянная... Что это мы надѣлали...

дарья (*повалившись ей въ ноги*). Помилуйте... мать родная... золотая... серебряная... государыня... спасите меня...

марея ивановна. Какъ могло это до этого дойти?.. Кто бъ подумалъ?.. О, эта змѣя проклята!.. О! если бъ я знала, я бы скорѣй помирилась тысячу разъ съ Волиннымъ... лишь бы не дошло до этого... На старости лѣтъ такой грѣхъ на мнѣ... Онъ погибъ теперь... и я погибла... и всё... и всё... Уфъ! какъ темно... какъ холодно... будто... будто желѣзная рука выдавила послѣднюю каплю крови изъ моего сердца!.. Тамъ свѣтло... вотъ чаша... въ ней вода... въ водѣ ядъ... (*Молчаніе. Тихо*.) Отойди... отойди... упречающее дитя... отойди. Чего ты отъ меня хочешь?.. Ты говоришь, что ты душа моего внука!.. Нѣтъ... откуда тебѣ взыаться!.. Охъ! охъ!.. не трогай руки моей!.. Я тебя не знаю... не знаю... никогда тебя я не видала. (*Уходитъ съ признаками сумасшествія*.)

даря (вставъ). Она сошла съ ума, теперь опять все наше, опять дѣло выиграно. (*Уходитъ съ веселымъ лицомъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Комната юрія. Темно. Онъ стоитъ возлѣ стола, опершись на него рукою; возлѣ него стаканъ воды. иванъ, слѣдя ея, стоитъ недалеко.

иванъ. Здоровы ли вы, баринъ?..

юрій. На что тебѣ?..

иванъ. Вы такъ блѣдны...

юрій. Я блѣденъ?.. Можетъ быть, скоро буду еще блѣднѣе...

иванъ. Вашъ батюшка только погорячился, онъ скоро васъ проститъ...

юрій. Поди, добрый человекъ, это до тебя не касается.

иванъ. Мнѣ не велѣно отъ васъ отходить...

юрій. Ты лжешь!.. Здѣсь нѣтъ никого, кто бы занимался мною... Я здоровъ; поди же прочь.

иванъ. Напрасно, сударь, хотите меня въ томъ увѣрить: вашъ разстроенный видъ, бродящія глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противоположное...

юрій (*вынимаетъ изъ шкатулки, на столѣ стоящей, кошелекъ. Вѣ сторону*). Я слыхалъ, что въ людяхъ это (*показывая на кошелекъ*) многое можетъ произвести. (*Ивану.*) Возьми это, и ступай отсюда... Здѣсь тридцать червонцевъ...

иванъ. За тридцать сребряниковъ продалъ Иуда Иисуса Христа... А это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человекъ... хотя раба, а не рѣшусь взять отъ васъ денегъ за такую услугу.

юрій (*бросаетъ въ окно*). Такъ пусть кто-нибудь подыметъ.

иванъ. Что это съ вами, сударь, дѣлается, утѣштесь... Не все горе, не все печаль на свѣтъ, успокойся, батюшка.

юрій (*тяжело*). Ахъ! о, однако жъ...

иванъ. Богъ пошлетъ вамъ счастье... Хотя бъ за то только, что меня облагодѣтельствовали: никогда я, слышитъ Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ...

юрій. Точно?..

иванъ. Я всегда вѣло женѣ и дѣтямъ за васъ Бога молить.

юрій. Такъ у тебя есть жена и дѣти?..

иванъ. Да еще какія... какъ съ неба: прекрасная, добрая жена... И малютки—сердце радуется глядя на нихъ...

юрій. Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу...

иванъ. И тѣломъ и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

юрій. У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда... (*Отходитъ въ сторону.*)

иванъ. (*Смотритъ на него съ сожалѣніемъ. Его кто-то изъ-за кулисы вызываетъ къ Марѣ отъ Ивановны. Онъ уходитъ медленно. Юрій остается одинъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IX.

юрій одинъ.

юрій. А онъ, мой отецъ, меня проклялъ! И такъ ужасно... Въ ту минуту, когда я для него жертвовалъ всѣмъ: этой несчастной старухой, которая не снесла бы сего; моею благодарностью... Въ эту самую минуту... Ха-ха-ха! О, люди, люди... Два, три слова, глупѣйшая клевета сдѣлала то, что я стою здѣсь на краю гроба... Прекрасная вѣчность! Прекрасныя воспоминанія!.. Но это все должно было такъ кончиться... Гдѣ золото есть главный предметъ, дѣло тамъ не кончится лучше... И въ этотъ день онъ меня проклялъ! Въ тотъ самый день, когда я столько страдалъ, обманутый любовью, дружбой... Мое терпѣніе кончилось... кончилось... Я терпѣлъ, сколько могъ, но теперь... это выше силъ человеческихъ!.. Что мнѣ жизнь теперь, когда въ ней все отравлено?.. Что смерть? Переходъ изъ одной комнаты въ другую, подобную ей. (*Указывая на стаканъ.*) Какъ подумать, что эта ничтожная вещь побѣдитъ во мнѣ силу творческой жизни, что бѣлый порошокъ превратитъ въ пыль мое тѣло, уничтожитъ созданіе Бога?.. Но если Онъ точно всевѣдущъ, зачѣмъ не препятствуетъ ужасному преступленію, самоубійству. Зачѣмъ не ударилъ удары людей отъ моего сердца?.. Зачѣмъ хотѣлъ Онъ моего рожденія, зная про мою гибель?.. Гдѣ Его воля, когда по моему хотѣнію я могу умереть или жить?.. О, человекъ! несчастное, брошенное созданье... Онъ сотворенъ слабымъ; его доводитъ судьба до крайности... и сама его наказываетъ; животныя безловесныя счастливыѣ насъ: они не различаютъ ни добра, ни зла; они не имѣютъ вѣчности; они могутъ... О! если бъ я могъ уничтожить себя! Но нѣтъ!.. Да! нѣтъ! Душа моя погибла. Я стою передъ Творцомъ моимъ. Сердце мое не трепещетъ... Я молился... не было спасенья... я страдалъ... ничто не могло его тронуть!.. (*Сыплетъ порошокъ въ стаканъ.*) О! я умру... О смерти моей вѣрно болѣе будутъ радоваться, нежели о рожденіи моемъ. Отецъ меня отвергнулъ, проклялъ мою душу и долженъ этого дожидаться. (*Моляше небольшое.*) Природа подобна печи, откуда вылетаютъ искры; когда дерево сожжено, печь гаснетъ; такъ природа сокрушится, когда мѣра различныхъ мукъ человеческихъ исполнится. Все исчезнетъ. Печь производитъ искры: природа—людей, однихъ глупѣе, другихъ умнѣе; одни много дѣлаютъ по уму въ мѣръ, другіе неизвѣстны; такъ искры не равны межъ собой, но всѣ они равно погаснутъ безъ слѣда; имъ послѣдуютъ другія безъ большихъ послѣдствій, какъ подобныя имъ. Когда огонь истощится, то соберутъ весь пепелъ и выбросятъ вонъ... Такъ съ нами, бѣдными людьми: все равно страдалъ ли я, веселился ли, все умру. Не останется у меня никакого воспоминанія о прошедшемъ. Безумцы! безумцы мы!.. желаемъ жить... Какъ будто два—три года что-нибудь значать въ безднѣ, поглотившей вѣка, какъ будто отечество или мѣръ стоитъ нашихъ заботъ, тщетныхъ, какъ жизнь. Счастливъ умершій въ такое время, когда ему нечего забывать: онъ не знаетъ этихъ обинцовыхъ минутъ безвѣстности... Счастливъ, кто, чувствуя

тягость бытія, имѣетъ довольно силы, чтобъ прервать его. Прощай, мой отецъ: мы никогда не увидимся... Не отъ тебя я умру... ты только помоги мнѣ образумиться... Ахъ!.. и она!.. эти прекрасныя, обманчивыя черты потеряютъ свою привлекательность, кто бъ повѣрилъ?.. Мнѣ ихъ жалко. О! скоро.. скоро... Вы все пройдете, какъ тѣни... (*Беретъ стаканъ и пьетъ, тутъ вздрагиваетъ*) За здоровье ваше... Меня утѣшаетъ мысль: все люди погибнуть... Глупо было бы желать быть исключену изъ этого числа. Но... зачѣмъ холоду бѣжить по моимъ жилищамъ, зачѣмъ я дрожу... еще не время... погоди... погоди, адское чудовище... еще четверть часа, смерти, и я твой!.. (*Садится въ кресла. Небольшое молчаніе.*)

явление X.

любовь и элиза *входятъ въ разговоръ.* юрій, *видя ихъ, вскакиваетъ и отходитъ въ сторону.*
Въ комнату темно.

элиза. Что тебѣ сказалъ Заруцкій, отчего его не было въ саду?. Это что все значить? Твое безпокойствие не къ добру, та сѣне; ты отъ меня бѣгаешь и вѣрно чего-нибудь ищешь.

любовь. Не видала ли ты, гдѣ Юрій?

элиза. На что тебѣ его?..

любовь. Ахъ, сестрица! ты всему виною. Они хотѣли стрѣляться... Заруцкій меня на колѣняхъ просилъ, чтобъ я тебя привела для свиданья: Юрій видѣлъ и принялъ советъ иначе... О! я несчастная дѣвушка!.. Онъ меня оставилъ, онъ думаетъ, что я измѣнила ему... Онъ не хочетъ даже выслушать меня. О! если бы онъ зналъ... Если бы онъ видѣлъ мои слезы!..

юрій (*въ сторону*). И я только теперь это слышу!.. безумецъ я!

элиза. Чего же ты теперь хочешь, та сестрица. Дядюшка его проклялъ... Онъ въ отчаянны... Вѣрно понапрасну! Богъ его за меня наказалъ. Я хочу его сыскать... Хочу утѣшить Юрія... Ахъ! сестрица, сестрица! если бы онъ видѣлъ мои слезы... но... онъ меня любитъ, въ немъ еще есть жалость... о если бы онъ зналъ, что происходитъ въ моемъ сердцѣ. (*Юрій въ это время подходитъ и отходитъ въ нерешимости.*)

любовь. Я его утѣшу, пойду къ его отцу, на колѣняхъ выпрошу прощенье... или умру... Я боюсь... О! гдѣ бы мнѣ его найти... Одна моя любовь поможетъ его утѣшить... Онъ всеми такъ жестоко покинулъ!..

юрій (*въ отчаянны*). Злодѣй! самоубійца!..

элиза. Что это?..

любовь (*бросается*). Юрій! Юрій! онъ здѣсь. (*Юрій встаетъ.*) Какъ блѣденъ... Какой страдальческой взглядъ!

юрій. Ты меня любишь?.. А я всегда любилъ тебя...

любовь (*рыдаетъ у него на шее*). Люблю ли я тебя? Благодарю небо!.. наконецъ, я счастлива... Другъ мой... другъ мой... я тебѣ всегда была вѣрна...

юрій. Да! да! это мое послѣднее утѣшеніе.

любовь (*все еще на груди его*). Тебя все покинули!..

юрій. Ты ошибаешься: я всехъ покидало... Ты этого не знала? (*Любовь подымается и смотритъ съ удивленіемъ.*) Я ѣду въ далекій, безконечный путь.

любовь. Что это?.. Ты ѣдешь?.. Какъ? куда?..

юрій. Мы никогда, никогда не увидимся...

любовь. Если не здѣсь, то на томъ свѣтѣ...

юрій. Другъ мой! нѣтъ другого свѣта... Есть хаосъ... Онъ поглощаетъ племена... И мы въ немъ исчезнемъ... Мы никогда не увидимся... Разныя дороги... все къ ничтожеству... Прощай, мы никогда не увидимся. Нѣтъ рая, нѣтъ ада... Люди—брошенные, неприютныя созданья.

любовь. О, Всемогущій! что сдѣлалось съ нимъ... Онъ не знаетъ, что говорить!..

юрій (*смотритъ на нее пристально*). Какъ ты прекрасна въ эту минуту... Вотъ послѣднее удовольствіе мое... оно велико... Я согласенъ... Нѣтъ, не потревожу... Это нѣжное выраженіе глазъ, эти полудоткрытыя уста... Не стану говорить ей... не хочу видѣть ее въ ужасѣ... Ахъ!.. но нѣтъ, пусть она узнаетъ: что мнѣ? Я умру!.. пусть все откроется... Если бы былъ здѣсь мой отецъ... какъ наслаждался бы онъ видомъ моихъ предсмертныхъ судорогъ...

любовь. Что онъ говоритъ?.. Юрій! Юрій!.. я предчувствую ужасное...

юрій (*беретъ ее за руку*). Знай, что можетъ сдѣлать обманутое сердце, что можетъ проклятіе вѣчного отца... узнай... и да разорвется твоя слабая грудь... трепещи... кровь остановилась въ твоихъ жилахъ... А! подумай! отдай!.. ха-ха-ха-ха! нѣтъ, смѣйся лучше, пой, веселись, пляши... я—не бойся... я—только... принялъ ядъ!..

элиза. Ай! помощь скорѣй!.. (*Убѣгаетъ. Любовь дрожитъ, блѣднѣетъ и упадетъ въ обморокъ на кресло; онъ стоитъ надъ ней.*)

юрій. Такъ! я это зналъ! женщины! женщины! вы не сотворены для подобныхъ ощущеній!.. Какъ она блѣдна... Образъ смерти... О если бы она не просыпалась... если бы могла не видать моего трупа... (*Становится на колѣни.*) Не приходи въ себя... ты и теперь прекрасна... умри лучше... мы съ тобой не были созданы для людей. Мое сердце слишкомъ пылко, твое—слишкомъ нѣжно... слишкомъ слабо... (*Цѣлуетъ ее руку.*) Рука тепла.

любовь (*приходитъ въ себя, подымается на стулъ и кидается къ нему на шею*). Молись! юрій. Поздно! поздно!..

любовь. Никогда не поздно.. Молись!.. Молись!..

юрій (*вскакиваетъ*). Нѣтъ, не могу молиться. любовь (*встаетъ*). О, ангелы! внушите ему! Юрій!..

юрій. Мнѣ дурно...

любовь. Дурно...

юрій. Пора!.. Скажи моему отцу, что я желалъ бы простить ему... (*Упадаетъ на землю.*) любовь. Онъ падаетъ... (*Смотритъ на него.*) Помоги! помоги! (*Становится на колѣни возмъ Юрія.*) Останови его душу... Богъ! сдѣлай первое чудо... онъ вернется къ Тебѣ...

юрій (*умирающимъ голосомъ*). Плачь... плачь... плачь... Богъ мнѣ... никогда... не простить!.. (*Умираетъ. Любовь, рыдая, падаетъ на него. Молчаніе.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

НИКОЛАЙ МИХАЛЫЧЪ, ВАСИЛІЙ МИХАЛЫЧЪ, ЭЛИЗА,
ИВАНЪ, ДАРЬЯ.

ДАРЬЯ (съ ужасомъ). Умерь!..
НИКОЛАЙ МИХ. Мой сынъ... отъ моего про-
клятья... Не можетъ быть!.. Онъ еще живъ...
не вѣрю... онъ живъ!..

ДАРЬЯ (указывая на трупу, холодно). Отчего
же? Посмотрите сюда,—вы хотѣли: онъ умеръ...
ВАСИЛІЙ МИХ. (Поднимая Любовь). Дочь моя!..
спирту!.. Ахъ! и она едва дышитъ!.. Спасите,
спасите хоть ее... (Любовь уносятся. Василий
Михалычъ и Элиза уходятъ.)
ИВАНЪ. Боже! прости душу моего господина!..
(Всѣ стоятъ въ безмолвномъ пораженіи)
Занавѣсъ опускается.

Странный человекъ.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА.

1831 г.

Я рѣшился изложить драматически происше-
ствіе истинное, которое долго беспокоило меня
и всю жизнь, можетъ быть, занимать не пере-
станетъ.

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ
природы, и я желалъ бы, чтобъ они были узна-
ны: тогда раскаяніе вѣрно посѣтитъ души
тѣхъ людей... Но пускай они не обвиняютъ
меня: я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать
тѣхъ несчастнаго!..*)

Справедливо ли описано у меня общество—
не знаю! Но крайней мѣрѣ оно всегда оста-
нется для меня собраніемъ людей безчувствен-
ныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и
полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ
сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго
огня.

И этому обществу я отдаю себя на судъ.

The Lady of his love was wed with one
Who did not love her better...

And this the world calls frenzy; but the wise
Have a far deeper madness, and the glance
Of melancholy is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And brings life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!

The Dream. Lord Byron.

дѣйствующія лица.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ } АРБЕНИНЫ.
МАРЬЯ ДМИТРИЕВНА }

*) Въ первомъ наброскѣ послѣдующее напи-
сано было такъ:

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ при-
роды, и я желалъ бы, чтобъ они себя узнали:
тогда вѣрно раскаяніе посѣтитъ ихъ души. А
справедливо ли описано у меня общество—не
знаю; по крайней мѣрѣ оно всегда останется
для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, са-
молюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти
къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя
малѣйшая искра небеснаго огня. И этому обще-
ству я отдаю себя на судъ.

ВЛАДИМИРЪ, СЫНЪ ИХЪ.

АННА НИКОЛАЕВНА ЗАГОРСКАЯ.

НАТАША, ДОЧЬ ЕЯ.

КНЯЖНА СОФЬЯ, ЕЯ ПОДРУГА.

ВЪЛИНСКІЙ, ДРУГЪ ВЛАДИМИРА.

СНѢГИНЪ, ЧИЛДЯЕВЪ, ЗАРУЦКІЙ, СТУДЕНТЫ, ТОВАРИЩИ

ВЛАДИМИРА.

АННУШКА, ГОРНИЧНАЯ АРБЕНИНОЙ.

ИВАНЪ, СЛУГА ВЛАДИМИРА.

Барышни, старухи, гости, слуги и проч.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Утромъ 26 августа *).

Комната въ домѣ ПАВЛА ГРИГОРЬЕВИЧА АРБЕНИНА.
Шкафъ съ книгами и бюро.

(Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.)

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (запечатываетъ пись-
мо). Говорятъ, что дѣти въ тягость намъ, пока
они молоды, но я думаю совсѣмъ противное.
За ребенкомъ надобно ухаживать, учить и нян-
чить его; а двадцатилѣтняго опредѣляй въ
службу, да каждую минуту трепещи, чтобы онъ
какою-нибудь шалостью не погубилъ навѣки
себя и честное имя... Признаться, мое положе-
ніе теперь самое критическое. Владимиръ нейдетъ
въ военную службу, во-первыхъ, потому что
его характеръ, какъ онъ самъ говоритъ, слиш-
комъ своеволенъ, а во-вторыхъ, потому что онъ
не силенъ въ математикѣ. Куда же опредѣ-
лится? Въ штатскую? Всѣ лучшія мѣста заня-
ты. Къ тому же —пехорошо! Воспитывать те-
перь самая трудная вещь; думаешь, ну, все
теперь кончилось! не тутъ-то было—только
начинается!.. Я боюсь, чтобы Владимиръ не
потеряетъ добрую славу въ большомъ свѣтѣ,
гдѣ я столькими трудами достигъ до нѣкоторой
значительности... Тогда я же буду виноватъ:
про меня же скажутъ, какъ намеренъ, что я не
воспитывалъ его сообразно характеру. Какой
же въ его лѣта характеръ? Самый его харак-
теръ есть безхарактерность. Такъ, я вижу,

*) Въ первоначальномъ видѣ числа и мѣсяцы
не помѣчены.—Дѣйствующія лица не обозначены
ни въ первоначальномъ, ни въ бѣловомъ текстѣ.

что не довольно строго держалъ сына моего. Какая польза, что такъ рано развились его чувства и мысли?.. Однако же я не отстану отъ своихъ плановъ: вѣло ему выйти въ отставку года черезъ четыре, а тамъ женю на богатой невѣстѣ и поправлю тѣмъ его состояніе. Оно, по милости моей любезной супруги, совсѣмъ разстроено. Не могу вспомнить безъ бѣшенства, какъ она меня обманывала. О, коварная женщина! ты испытываешь всю тягость моего мщенія; въ бѣдности, съ раскаяньемъ въ душѣ и безъ надежды на будущее ты умрешь далеко отъ глазъ моихъ; я никогда не рѣшусь увидать тебя снова. Не дѣлалъ ли я все, чего ей хотѣлось? И обезчестить такого мужа! Я очень радъ, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ, которые бы помогали... (*Молчаніе.*) Кажется, кто-то сюда идетъ? Такъ точно.

(*Входитъ владиміръ арбенинъ.*)

владиміръ. Батюшка, здравствуйте!

павель григор. Я очень радъ, что ты пришелъ теперь. Мы кой о чемъ поговоримъ. Это касается до будущей твоей участи. Но ты что-то невеселъ, другъ мой... Гдѣ былъ ты?

владиміръ (*бросаетъ на отца быстрый и мрачный взоръ*). Гдѣ я былъ, батюшка?

павель григор. Что значить этотъ пасмурный видъ? Такъ ли встрѣчаютъ ласки отца?

владиміръ. Отгадайте, гдѣ я былъ.

павель григор. У какого-нибудь тебѣ подобнаго шалуна, гдѣ ты проигралъ свои деньги, или у какой-нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своимъ отказомъ. Какія другія приключенія могутъ беспокоить тебя? Кажется, я отгадалъ.

владиміръ. Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давнишній проступокъ оставлена своимъ мужемъ и родными; она почти нищія; весь міръ смѣется надъ ней, и никто о ней не жалѣетъ. О, батюшка! эта душа заслуживала прощенья и другую участь! Батюшка, я видѣлъ горькія слезы раскаянія; я молился вмѣстѣ съ нею; я обнималъ ея колѣни, я... я былъ у моей матери! Чего вамъ больше?

павель григор. Ты?..

владиміръ. О, если бъ вы знали, если бъ видѣли... Отецъ мой! вы не поняли эту вѣжную, божественную душу, или вы несправедливы, несправедливы! Я повторяю это передъ цѣлымъ свѣтомъ, и такъ громко, что ангелы услышать и ужаснутся человѣческой жестокости...

павель григор. (*его лицо пылаетъ*). Ты смѣешь... меня обвинять, неблагодар...

владиміръ. Нѣтъ! вы мнѣ простите! я себя не помню... Но посудите сами: какъ могъ я остаться хладнокровнымъ? Я согласенъ, она васъ оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣняхъ протекли первые годы моего младенчества; ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью; ея ласки облегчали мои первыя болѣзни... И теперь, когда она въ нищетѣ, безъ друзей, пріѣхала сюда, могъ ли я не упасть къ ея ногамъ?.. Батюшка! она хочетъ васъ видѣть... Я умоляю... если мое счастье для васъ что-нибудь значить... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣніе съ вашего сердца и удалитъ предразсудки!..

павель григор. Слушай, дерзкій! я на нее не сердить, но не хочу, не долженъ болѣе съ нею видѣться!.. Что скажутъ въ свѣтъ?..

владиміръ (*кусая губы*). Что скажутъ въ свѣтъ!

павель григор. И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ; я бы далъ тебѣ пренепорученье...

владиміръ. Которое бы убило послѣднюю ея надежду—не такъ ли?

павель григор. Да, да! она еще недовольно наказана... эта сирена, эта свѣрная женщина...

владиміръ. Она моя мать.

павель григор. Если опять ее увидишь, то посоветуй ей не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощенья, чтобы мнѣ и ей не было еще стыдѣе встрѣтиться, чѣмъ было разставаться.

владиміръ. Отецъ мой! я не сотворенъ для такихъ рекомендаций...

павель григор. (*съ холодной улыбкой*). Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ или виноватъ,—не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ покажу недавно присланныя бумаги, которыя касаются до тебя; также тебѣ дамъ я прочитать письмо отъ графа насчетъ опредѣленія въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше ничего о своей матери... я прошу, когда могу приказывать! (*Уходитъ.*)

владиміръ (*долго смотритъ ему вслѣдъ*). Какъ радъ онъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже! никогда Тебѣ не докучалъ я лишними мольбами, теперь прошу: прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди: ссорятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренья, какъ будто это вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать!.. Нѣтъ, вижу, должно быть жестокимы, чтобы жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно.

(*Входитъ вьлинскій, разряженный.*)

вьлинскій. А! здравствуй, Арбенинъ! Здравствуй, любезный другъ! Что такъ задумчивъ? Для чего тому считать звѣзды, кто можетъ считать звонкую монету? Погляди на меня!.. Бьюсь объ закладъ, я отгадалъ, о чемъ ты думалъ.

владиміръ. Руку! (*Жметъ ему руку.*)

вьлинскій. Ты думалъ о томъ, какъ заставить женщину любить или заставить ее признаться въ томъ, что она притворилась. То и другое очень мудрено; однако я скорѣе возьмусь сдѣлать первое, нежели послѣднее, потому что...

владиміръ. О чемъ ты болтаешь тутъ?

вьлинскій. О чемъ? Онъ поглубѣлъ или оглохъ!.. Я говорилъ о царѣ Соломонѣ, который воспѣвалъ умѣренность и совѣтовалъ поститься, а самъ былъ не изъ послѣднихъ скорониковъ... Ха-ха-ха!.. Ты вѣрно ждалъ, чтобы твоя любезная прілетѣла къ тебѣ на крыльяхъ зефира!.. Нѣтъ, потрудись-ка самъ слетать...

Другъ мой! кто разберетъ женщинъ?.. Въ ту минуту, когда ты думаешь...

владимиръ (*прерываетъ его*). Гдѣ былъ ты вчера?

вѣлинскій. На музыкальномъ вечерѣ, такъ сказать. Дѣти дѣлали отцу сюрпризъ по случаю его именинъ. Они играли на разныхъ инструментахъ—и для нихъ, и для отца это очень хорошо. Несмотря на то, гостямъ, которыхъ было очень много, было очень скучно.

владимиръ. Смѣшной народъ! Такимъ образомъ глупое чванство всегда отравляетъ семейныя удовольствія.

вѣлинскій. Отецъ былъ въ восхищеніи и къ каждому обращалъ глаза съ разными тѣлодвиженіями, каждый отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы и довольною улыбкой, и, улова время, когда бѣдный отецъ обращался въ противную сторону, каждый зѣвалъ безпощадно... Мнѣ показались жалкими этотъ отецъ и его дѣти...

владимиръ. А мнѣ жалки безстыдные гости. Не могу видѣть равнодушно этого презрѣнія къ счастью ближняго, какого бы рода оно ни было. Всѣ хотятъ, чтобы другіе были счастливы по ихъ образу мыслей, и такимъ образомъ уязвляютъ сердце, не имѣя средствъ излѣчить. Я бы желалъ совершенно удалиться отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... И это такъ тяжело, такъ тяжело!..

вѣлинскій. Эхъ! полно, братецъ, говорить пустяки! Товарищи тебя всѣ любятъ... а если есть какія-нибудь другія неприятели, то надо умѣть переносить ихъ съ твердостью... Все проходитъ: зло, какъ добро...

владимиръ. Переносить! переносить!.. Какъ давно твердятъ это роду человѣческому, хотя знаютъ, что такимъ увѣщаніямъ почти никто не слѣдуетъ... Нѣкогда и я былъ счастливъ, невиненъ, но тѣ дни слишкомъ давно соединились съ прошедшимъ, чтобы воспоминаніе о нихъ могло меня утѣшить. Вся истинная жизнь моя состоитъ изъ нѣсколькихъ мгновений, и все прочее время было только приготовленіе или слѣдствіе сихъ мгновений... Тебѣ трудно понять мои мечты—я это вижу... Другъ мой, гдѣ найдешь ты, что принужденъ искать?..

вѣлинскій. Въ своемъ сердцѣ. У тебя есть великій источникъ блаженства, умѣй только почерпать изъ него. Ты имѣешь скверную привычку разсматривать со всѣхъ сторонъ, анатомировать каждую крошку горя, которую судьба тебѣ посылаетъ. Учись презирать неприятели, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ! Все привычка въ людяхъ, а въ тебѣ больше, чѣмъ въ другихъ. Зачѣмъ не отстать, если видишь, что цѣль не можетъ быть достигнута... Нѣтъ: вынь да положь!.. А кто послѣ терпѣть?

владимиръ. Не суди такъ легкомысленно; войди лучше въ мое положеніе. Знаешь ли, я иногда завидую сиротамъ; иногда мнѣ кажется, что родители мои спорятъ о любви моей; а иногда, что они совсѣмъ не дорожатъ ею. Они знаютъ, что я ихъ люблю, сколько можетъ любить сынъ... Нѣтъ! зачѣмъ, когда они другъ на друга косятся, зачѣмъ есть существо, кото-

рое хотѣло бы ихъ соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей въ ихъ предубѣжденные сердца... Другъ мой, Дмитрій, я не долженъ такъ говорить, но ты, вѣдь, знаешь все, все, и тебѣ я могу повѣрять то, что составляетъ несчастье моей жизни, что скоро доведетъ меня до гроба или сумасшествія!..

вѣлинскій. Магометъ сказалъ, что онъ опустилъ голову въ воду и вынулъ, и въ это время четырнадцатью годами состарѣлся; такъ и ты въ короткое время ужасно перемѣнился.— Расскажи-ка мнѣ, какъ идутъ твои любовныя похождения?.. Ты хмуришься... Скажи, давно ли ты ее видѣлъ?

владимиръ. Давно.

вѣлинскій. А гдѣ живутъ Загорскины?.. Ихъ двѣ сестры; отца нѣтъ—такъ ли?

владимиръ. Такъ.

вѣлинскій. Познакомь меня съ ними. У нихъ бывають вечера, балы?

владимиръ. Нѣтъ.

вѣлинскій. А я думалъ... Однако все не мѣшается... Познакомь меня.

владимиръ. Изволь.

вѣлинскій. Расскажи мнѣ исторію твоей любви.

владимиръ. Она очень обыкновенна и тебя не займетъ.

вѣлинскій. Знаешь ли ты кузину Загорскихъ, княжну? Вотъ прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка.

владимиръ. Быть-можетъ. Въ первый разъ, какъ я увидалъ ее, то почувствовалъ какую-то антипатію. Я дурно о ней подумалъ, не слыхавъ еще ни одного слова отъ нея... А ты знаешь, что я вѣрю предчувствіямъ.

вѣлинскій. Суевѣръ!

владимиръ. Намедни я поѣхалъ верхомъ; лошади не хотѣла идти въ ворота; я ее пришпорилъ; она бросилась и чуть-чуть я не ударился головой о столбъ. Точно такъ и съ душой: иногда чувствуешь отвращеніе къ кому-нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человѣка... а смотришь—онъ тебѣ платитъ коварствомъ и неблагодарностью...

вѣлинскій (*смотрятъ на часы*).—Ахъ, Боже мой! а мнѣ давно вѣдь пора ѣхать. Я къ тебѣ забѣжалъ вѣдь на секунду.

владимиръ. Я это вижу... Куда ты спѣшишь? вѣлинскій. Къ графу Пронскому. Скука смертельная, а надо ѣхать...

владимиръ. Зачѣмъ же надобно?

вѣлинскій. Да такъ.

владимиръ. Важная причина! Ну, прощай!

вѣлинскій. До свиданія. (*Уходитъ*.)

владимиръ. Люблю вѣлинскаго за его веселый характеръ. (*Ходитъ взадъ и впередъ*.) Какъ моя голова разстроена... все въ безпорядкѣ въ ней, какъ въ домѣ, гдѣ пьянъ хозяинъ... Поѣду!.. Увижу Наташу, этого ангела... Взоръ женщины, какъ лучъ мѣсяца, невольно приводитъ въ грудь мою спокойствіе. (*Садится и вынимаетъ изъ кармана бумагу*.) Странно! вчера я отыскалъ это въ своихъ бумагахъ и былъ пораженъ. Каждый разъ, какъ посмотрю на этотъ листокъ, я чувствую присутствіе сверхъестественной силы и неизвѣстный голосъ шепчетъ мнѣ: не старайся избѣжать судьбы своей, такъ должно быть! Годъ тому назадъ, увидавъ

ее въ первый разъ, я писалъ о ней въ одномъ замѣчаніи... Она тогда имѣла на меня вліяніе благотворное, а теперь... теперь... когда вспомню, то вся кровь приходитъ въ волненіе... и сожалью, зачѣмъ я не такъ добръ, зачѣмъ душа моя не такъ чиста, какъ бы я хотѣлъ... Можетъ-быть, она меня любитъ... ея глаза, румянецъ, слова... Какой я ребенокъ! Все это мнѣ такъ памятно, такъ дорого, какъ будто однимъ ея взглядами и словами я живу на свѣтѣ. Что пользы?.. Такъ вотъ конецъ, котораго я ожидалъ прошлаго года!.. Боже! Боже! чего желаетъ мое сердце?.. Когда я далеко отъ нея, то воображаю, что скажу ей, какъ горячо сожму ея руку, какъ папомню о минувшемъ, о всѣхъ мелочахъ... А только съ нею—все забыто; я истуканъ! душа утонетъ въ глазахъ; все пропадетъ—надежды, опасенія, воспоминанія!.. О, какой я ничтожный человекъ! не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мнѣ дороже жизни; не могу ничего путнаго сказать, когда сижу противъ этого чуднаго созданья! (*Съ горькой улыбкой.*) Чѣмъ-то кончится жизнь моя, а началась она недурно! Впрочемъ, не все ли равно, съ какими воспоминаніями я сойду въ могилу... О, какъ бы я желалъ предаться удовольствіямъ и потопить въ ихъ потокѣ тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была монѣмъ удѣломъ. (*Уходитъ тихо.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Вечеру 28 августа.

Диванная въ домъ Загорскиныхъ; дверь одна открыта въ гостиную, другая—въ залу. Хозяйка Анна Николаевна; ея дочь Наталья Ѳедоровна (Софья, княжна, векоръ). Пные сидятъ, другіе разговариваютъ стол.—Бьетъ 8 часовъ.

Анна Николаевна (*одному изъ гостей*). Были вы вчера у графа? Тамъ, говорятъ, былъ благородный театръ... и еще говорятъ, какъ отдѣланы комнаты были—это чудо, по-царски!

гость первый. Какъ же-съ, я былъ тамъ. До пяти часовъ утра танцовали, и всего было довольно... всякаго рода людей...

Наталья Ѳедоровна. Какіе вы насмѣшники! А кто тамъ былъ изъ кавалеровъ?..

гость первый. Два князя Шумовыхъ, Бѣлинскій, Арбенинъ, Слёновъ, Чацкій и другіе: однихъ не помню, другихъ позабылъ. Знаете вы Бѣлинскаго? Премилый малый, прелюбезный—не правда ли?

Анна Николаевна. Да, я слыхала.

одна изъ барышень. Скажите, пожалуйста, кто такое этотъ Арбенинъ? Мнѣ о немъ много рассказывали.

гость первый. Во-первыхъ, онъ ужасный повѣса, насмѣшникъ, и злой насмѣшникъ, дерзокъ и все, что вы хотите; впрочемъ, очень умный человекъ! Не думайте, что я это говорю по какой-нибудь личности—нѣтъ, все о немъ этого мнѣнія.

Наталья Ѳедоровна. Я вамъ ручаюсь, что не все. Я первая не такъ думаю о немъ; я его знаю давно—онъ къ намъ ѣздитъ—и я не замѣтила его злости; по крайней мѣрѣ онъ ни о

комъ при мнѣ такъ не говорилъ, какъ вы теперь про него...

гость первый. О, это совѣтъ другое; съ вами онъ, можетъ-быть, очень любезенъ, но...

другая барышня. Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

гость второй (*подойдя*). А мнѣ кажется, наоборотъ...

Наталья Ѳедоровна (*одной изъ барышень*). Ма chère, знаешь ли ты что-нибудь глупѣе комплиментовъ?

гость третій (*недавно подошедшій*). А знаете ли вы исторію Арбенина?

одна изъ дамъ. Я не думаю, чтобъ онъ былъ такое важное лицо, чтобы можно было заниматься его исторіей. И до кого она касается? Онъ очень счастливъ: это доказываетъ его веселый характеръ; а исторія счастливыхъ людей не бываетъ никогда занимательна.

гость третій. Повѣрьте, веселость въ обществѣ очень часто одна личина; но бываютъ минуты, когда эта самая веселость, въ бореніи съ внутреннею грустью, принимаетъ видъ чего-то дикаго; если внезапный смѣхъ прерываетъ мрачную задумчивость, то не радость возбуждаетъ его: этотъ переломъ доказываетъ только, что человекъ не можетъ совершенно скрыть чувствъ своихъ. Лица, которыя всегда улыбаются,—вотъ лица счастливцевъ!

Наталья Ѳедоровна. О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

гость третій. Развѣ вы никогда не заступаетесь за людей, которыхъ обвиняютъ понапрасну?

Наталья Ѳедоровна. Напротивъ! вотъ я третьяго дня цѣлый часъ спорила съ дядюшкой, который утверждалъ, что Арбенинъ не заслуживаетъ названія дворянина, что у него злой языкъ и такъ далѣе *); а я знаю, что Арбенинъ такъ понимаетъ хорошо честь, какъ никто, и что у него доброе сердце—онъ это доказалъ многимъ.

гость первый (*обращаясь къ другому*). Посмотрите, какъ она покраснѣла.

гость четвертый. C'est une coquette!

Наталья Ѳедоровна (*смотря въ дверь*). Кто это еще пріѣхалъ? — Ахъ, вообразите! я не узнала издали кузину.

(*Княжна Софья входитъ. Кузины шлуются.*) княжна Софья (*тихо Натальѣ*). Я сію минуту, выходя изъ кареты, видѣла Арбенина: онъ ѣхалъ мимо вашего дома и такъ пристально глядѣлъ въ окна, что если бъ самъ императоръ проѣхалъ мимо его съ другой стороны, такъ онъ бы не обернулся. (*Улыбается.*) Будетъ онъ здѣсь?

Наталья Ѳедоровна. Почему же мнѣ знать; я не спрашивала, а онъ самъ никогда напередъ не извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ.

княжна Софья (*въ сторону*). А я надѣялась еще разъ его увидеть. (*Громко.*) У меня сегодня что-то голова болитъ.

гость второй. Лишь бы не сердце.

княжна Софья (*въ сторону*). Какъ плоско.

*) Въ черновой тетрадкѣ короче: „...что Арбенинъ злой человекъ, а я знаю, что у него доброе сердце...“

(Ему.) Вы вчера прекрасно играли у графа, особенно во второй пьесъ; всѣ были восхищены вами. (Онъ кланяется.) Только скажите, для чего вы такъ рано уѣхали, тотчасъ послѣ ужина?

гость второй. У меня заболѣла голова.

княжна софья (съ улыбкой). Что за важность? Это не сердце!

анна николаевна (подходитъ). Барышни! господа кавалеры! не хотите ли играть въ мушкетъ? Столы готовы.

многие. Съ большимъ удовольствіемъ! (Всѣ, кромѣ Натанши и Софьи, уходятъ.)

княжна. Кузина! мнѣ кажется, ты совсѣмъ не радуешься своей побѣдѣ? Ты какъ будто не догадываешься... Ну, къ чему хитрить? Всякій замѣтилъ, что Арбенинъ въ тебя влюбленъ, и ты прежде всѣхъ это замѣтила. Зачѣмъ такъ мало довѣренности ко мнѣ? Ты знаешь, что я съ тобой дружна и всегда все про себя сказываю... или я еще не заслужила?..

наталья ѳедоровна. Душенька, къ чему такіе упреки? (Цѣлуетъ ее.) Впрочемъ, это неправда... (Беретъ кляску за руку.) Не сердись же, Софья Николаевна! (Смѣется.)

княжна. О, я знаю, что онъ тебѣ нравится! но берегись! ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не можетъ. Умъ язвительный и вмѣстѣ глубокій, желанія, незнающія никакой преграды, и переменчивость склонностей—вотъ что опасно въ твоемъ любовномъ. Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и по той же причинѣ, полюбивъ, разлюбить тотчасъ, если представится ему новая цѣль.

наталья ѳедоровна. Съ какимъ жаромъ вы говорите, кузина!

княжна. Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

наталья ѳедоровна. Да почему тебѣ такъ знать его?

княжна. О! я слышалась довольно...

наталья ѳедоровна. Отъ кого?

княжна. Да отъ самого Арбенина. (Натанша отворачивается и уходитъ.) Она ревнива! она любить его! а онъ, онъ... Какъ часто, когда я ему говорила что-нибудь, онъ безъ вниманія сидѣлъ съ неподвижными глазами, какъ будто бы одна единственная мысль владѣла его существованіемъ, и когда Наташа подходила, я слѣдовала за его взорами: внезапный блескъ появлялся на нихъ... О, я несчастная!.. но какъ не любить? Онъ такъ уменъ, такъ полонъ благородства! Онъ часто разговариваетъ со мною, но почти все о Наташѣ. Я знаю, что ему приятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня; и то, что должно бы было служить мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства, превращаетъ одна мысль въ жестокою муку... Онъ не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его, какъ рѣдкость, невольно нравятся; какая душа блестящая въ его темныхъ глазахъ! какой голосъ!.. О, я безумная! ломаю себѣ голову надъ его характеромъ, и не могу растолковать собственную страсть! (Молчаніе.) Нѣтъ! они не будутъ счастливы: клянусь этимъ небомъ, клянусь душой моей, все, что имѣетъ ядовитаго женская

хитрость, будетъ употреблено, чтобъ разрушить ихъ благополучіе... Пусть тогда погибну, но въ утѣшеніе себѣ скажу: „онъ не веселится, когда я плачу; его жизнь не покойнѣе моей!..“ Я рѣшилась! какъ легко мнѣ стало! Я рѣшилась... (Въ это время въ глубинѣ театра проходитъ нѣсколько гостей, одни увѣзжаютъ, другіе пріѣзжаютъ, хозяйка провожаетъ и встрѣчаетъ. ВЛАДИМІРЪ АРБЕНИНЪ тихо выходитъ изъ гостиной.)

княжна (увидавъ Арбенина). Какъ смѣла я рѣшиться?

владиміръ. Ахъ, княжна! какъ я радъ, что вы здѣсь.

княжна. Давно ли вы пріѣхали?

владиміръ. Сейчасъ. Вхожу въ гостиную: тамъ играютъ по 5 копеекъ въ мушкетъ. Я посмотрѣлъ; почти ни слова не сказалъ; мнѣ стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нѣтъ удовольствія ни для глазъ, ни для ума; нѣтъ даже надежды, обольстительной для многихъ, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремленіе къ ничтожеству, пошлое самовыказываніе завладѣло половиной русской молодежи; безъ цѣли таскаются всюду, наводятъ скуку себѣ и другимъ...

княжна. Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

владиміръ (пожавъ плечами). Зачѣмъ!

княжна (язвительно). Я догадываюсь...

владиміръ. Такъ!.. заблужденіе, заблужденіе!.. Но скажите, можете ли быть тотъ счастливъ, кто своимъ присутствіемъ въ тягость! Я не сотворенъ для людей тепершняго вѣка и нашей страны; у нихъ каждый обязанъ жертвовать толпѣ своими чувствами и мыслями; но я этого не могу. Я вездѣ одинокъ, и потому нигдѣ не гожусь. Неправда ли, вотъ очень ясное доказательство...

княжна. Вы на себя нападаете...

владиміръ. Да, я самъ себѣ врагъ, потому что продаю свою душу за одинъ ласковый взглядъ, за одно не слишкомъ холодное слово... Мое безумство доходитъ до крайней степени и со мною случится скоро горе не отъ ума, но отъ глупости.

княжна. Къ чему эти притворныя, мрачныя предчувствія?—Я васъ не понимаю. Все происходитъ; и ваши печали и (я не знаю даже какъ назвать) ваши химеры исчезнутъ... Пойдемте играть въ мушкетъ. Видѣли ли вы мою кузину, Наташу?

владиміръ. Когда я вошелъ, какой-то адъютантъ, потряхивая эполетами, рассказывала ей, какъ прошлый разъ въ собраніи одинъ кавалеръ уронилъ замаскированную даму и какъ мужъ ея, вступившись за нее, судру обнаружилъ, кто она такая. Ваша кузина смѣялась отъ души, это и меня порадовало. Посмотрите, какъ я буду веселъ сегодня. (Уходитъ въ гостиную.)

княжна (глядитъ ему вслѣдъ). Желаю вамъ много успѣховъ! Нынче же начну приводить въ исполненіе мой планъ и скоро я увижу конецъ всему... Боже мой! Боже мой! для чего я такъ слабодушна, такъ нетверда! (Уходитъ въ гостиную.)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

15 сентября днем.

дѣйствие II, явленіе I.

*Комната въ домъ Марьи Дмитриевны (матери Владимира *)). Зелены обои, стѣны и кресла. Окна аннушка, старая служанка, шьетъ что-то. Слышенъ шумъ вѣтра и дождя.*

аннушка. Вѣтеръ и дождь стучать въ наши окна, какъ запоздалые дорожные. Кто имъ скажетъ: вѣтеръ и дождь, подите прочь, мѣшайте спать и покоиться богатымъ, которыхъ здѣсь такъ много; а мы и безъ васъ едва знаемъ сонъ и спокойствіе... Приѣхала моя барыня мириться съ муженькомъ; о, охъ, охъ, охъ! не мирно что-то началось, да не такъ и кончится. Оставляетъ же онъ насъ почти съ голоду умирать, стало быть не любить совѣмъ и никогда не любилъ; а если такъ, то и отъ мировой толку не будетъ. Лучше безъ мужа, чѣмъ съ дурнымъ мужемъ. Вѣдь охота же Марьѣ Дмитриевнѣ все любить такого антихриста. Вотъ ужъ охота пуще неволи! Зато молодой баринъ вышелъ у насъ хорошъ: такой ласковый! Шесть лѣтъ, нѣтъ больше... восемь лѣтъ я его не видала: какъ выросъ, похорошѣлъ съ тѣхъ поръ! Еще помню, какъ его на рукахъ таскала. То-то былъ любопытный: что ни увидить, все—зачѣмъ? да что?... а ужъ вспыльчивъ-то былъ словно порошокъ! Разъ вздумалось ему бросать тарелки да стаканы на полъ; ну, такъ и рвется, плачетъ: брось на полъ. Дала ему—бросилъ и успокоился... А бывало помню (ему еще было три года), бывало, барыня посадить его на колѣни къ себѣ и начнетъ играть на фортепьянахъ что-нибудь жалкое—глядь, а у дитяти слезы по щекамъ такъ и катятся!... **) Ужъ вѣрно ему Павелъ Григоричъ много наговаривалъ противъ матери, да, видишь, впрокъ не пошло худое слово. Дай Богъ здоровья Владимиру Павловичу, дай Богъ! онъ и меня на старости лѣтъ не позабываетъ: хотъ ласковой рѣчи да подарить.

(Входитъ марья дмитриевна съ книгой въ рукѣ).

марья дмитриевна. Я хотѣла читать, но какъ читать одними глазами, не слѣдуя мыслью за буквами? Тяжкое состояніе! Непонятная воля судьбы! Ужасное бореіе самолюбія женщины съ необходимостью! Къ чему служили мои дѣтскія мечты? Развѣ есть необходимость: предчувствовать напрасно?.. Будучи ребенкомъ, я часто подъ влияніемъ свѣтлаго неба, свѣтлаго солнца, веселой природы создавала себѣ существа такія, какихъ требовало мое сердце; они слѣдовали за мною всюду; я разговаривала съ ними днемъ и ночью; они украшали для меня весь міръ. Даже люди казались для меня лучше, потому что они имѣли нѣкоторое сходство съ моими идеалами; въ обожденіи съ ними я сама становилась лучше. Ангелы ли были они?

*) Въ первоначальномъ видѣ было: „убраннаго бѣдно“.

**) Воспоминанія изъ дѣтства Лермонтова, потерявшаго мать на третьемъ году и сохранившаго въ памяти впечатлѣнія отъ ея игры, къ которой прислушивался, какъ здѣсь описано.

не знаю,—но очень близки къ ангеламъ... Но теперь холодная существенность отняла у меня послѣднее утѣшеніе: способность воображать счастье!.. Не имѣя ни родныхъ, ни собственнаго имѣнія, я должна унижаться, чтобы получить прощеніе мужа *). Прощенія?.. мнѣ просить прощенія? Боже! Ты знаешь дѣла человѣческія, Ты читалъ въ моей и въ его душѣ, и Ты видѣлъ, въ которой хранился источникъ всего зла!.. *(Задумывается; потомъ подходит медленно къ кресламъ и садится).* Аннушка, ходила ли ты въ домъ къ Павлу Григорьевичу, чтобъ развѣдывать, какъ я велѣла? Тебя тамъ любятъ всѣ старые слуги. Ну, что ты узнала о моемъ мужѣ, о моемъ сынѣ?

аннушка. Ходила, матушка, и разспрашивала.

марья дмитриевна. Что же? Что говорилъ обо мнѣ Павелъ Григорьевичъ? Не слыхала ли ты?

аннушка. Ничего онъ, сударыня, о васъ не говорилъ. Если бы не было у васъ сына, то никто не зналъ бы, что Павелъ Григорьевичъ былъ женатъ.

марья дмитриевна. Ни слова обо мнѣ! Онъ стыдится произносить мое имя; онъ презираетъ меня!.. Презрѣніе! какъ оно похоже на участіе, какъ эти два чувства близки другъ къ другу!—какъ смерть и жизнь!

аннушка. Однако же, говорятъ, что Владимиръ Павловичъ васъ очень любитъ. Напрасно, видно, батюшка его старался очернять васъ.

марья дмитриевна. Да! мой сынъ меня любитъ: я это видѣла вчера; я чувствовала жаръ его руки; я чувствовала, что онъ все еще мой **). Такъ! душа не перемѣняется; онъ все тотъ же, каковъ былъ сидѣвшій на моихъ колѣняхъ въ тѣ вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость, не могла еще возстановить противъ меня небо и людей!.. *(Закрываетъ лицо руками.)*

аннушка. Эхъ, матушка! что плакать о прошедшемъ, когда о теперешнемъ не заплачешься. Говорятъ, Павелъ Григорьевичъ бранилъ съ какъ еще бранилъ, молодого барина за то, что онъ съ вами повидался; да, кажется, и запретилъ ему къ намъ приѣзжать.

марья дмитриевна. О, это невозможно! это слишкомъ жестоко! Сыну не видаться съ матерью, когда она, слабая, больная, бѣдная, живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него! О, нѣтъ! это противъ природы!.. Аннушка! въ самомъ дѣлѣ онъ это сказалъ?

аннушка. Въ самомъ дѣлѣ-съ.

марья дмитриевна. И онъ запретилъ моему сыну видѣть меня? Точно?

аннушка. Запретилъ-съ, точно!

марья дмитриевна *(томогчавъ)*. Послушай! онъ думаетъ, что Владимиръ не его сынъ, или самъ никогда не знавалъ матери... *(Вѣтеръ сильно ударяетъ въ окно. Объ содрогаются.)* И я приѣхала искать примиренья съ такимъ человѣ-

*) Въ первоначальномъ текстѣ: „виновнаго мужа и чтобы скоро можетъ быть раскаиваться въ этомъ“.

**) Въ первоначальномъ текстѣ тутъ было еще „вопреки коварнымъ стараніямъ отца его“.

комъ?.. Нѣтъ! союзъ съ нимъ значить разрывъ съ небесами, хотя мой супругъ и орудіе небеснаго гнѣва... Но, Творецъ, взялъ ли бы Ты добродѣтельное существо для орудія казни? Честные ли люди бываютъ на землѣ пала чами?

аннушка. Какъ вы блѣдны, сударыня! Не угодно ли отдохнуть? (*Смотритъ на стѣнные часы*). Скоро пріѣдетъ докторъ; онъ общался быть въ двѣнадцать часовъ.

марья дмитріевна. И пріѣдетъ въ послѣдній разъ. Какъ смѣшна я кажусь себѣ самой: думать, что лѣкаръ вылѣчитъ глубокую рану сердца! (*Молчае.*) О! для чего я не пользовалась тысячу случаями къ примиренію, когда еще было время; а теперь, когда прошелъ сонъ, я иду сновидѣній... поздно! поздно! Чувствовать и понимать [что] это напрасно—вотъ что меня убиваетъ! О, раскаяніе! зачѣмъ за мгновенный проступокъ ты грызешь мою душу? Какое униженіе—я принуждена подъ *другимъ именемъ* пріѣзжать въ Москву, чтобъ не заставить сына моего краснѣть передъ міромъ!.. Передъ міромъ? Это правда... собраніе глупцовъ и злодѣевъ есть міръ, нынѣшній міръ. Ничего не прощаютъ, какъ будто сами святыя!

аннушка (*посмотрѣвъ въ окно*). Докторъ пріѣхалъ.

(докторъ *входитъ.*)

марья дмитріевна. Здравствуйте, Христофоръ Васильичъ! Милости просимъ.

докторъ (*подходитъ къ рукамъ*). Что? Какъ вы? марья дмитріевна. Благодаря вамъ, мнѣ гораздо лучше.

докторъ (*щупая пульсъ*). Совѣмъ напротивъ! совѣмъ напротивъ! вы слабѣе! у васъ желчь, дѣйствуя на кровь, производитъ волненіе; у васъ нервы ужасно разстроены. Вотъ, я вѣдь говорилъ: вамъ надобно лѣчиться долго, постепенно, по методѣ, а вы все хотите вдругъ...

марья дмитріевна. Но если недостаетъ способъ?

докторъ. Эхъ, сударыня! здоровье дороже всего. (*Пишетъ рецептъ.*)

марья дмитріевна. Откуда вы теперь, Христофоръ Васильичъ?

докторъ. Отъ господина Арбенина.

марья дмитріевна и аннушка (*вмѣстѣ*). Отъ Арбенина? (*Объ ея замѣшательствѣ.*)

докторъ. А развѣ вы его знаете?

марья дмитріевна. Нѣтъ! А кто такое Арбенинъ?

докторъ. Этотъ господинъ Арбенинъ, коллежскій ассесоръ, въ разводѣ съ своей женой... то-есть не въ разводѣ, а такъ... она покинула мужа, потому что была невѣрна...

марья дмитріевна. Невѣрна! она его покинула?

докторъ. Да, да! невѣрна... У нея, говорятъ, была интрига съ какимъ-то французомъ. У этого же Арбенина есть сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати или двадцати, шалунъ, повѣса, заслужившій въ свѣтѣ очень дурную репутацію; говорятъ даже, что онъ пьетъ... да, да... Что вы на меня такъ пристально гляди-

те? Всѣ, всѣ жалуютъ, что у такого почтеннаго, извѣстнаго въ Москвѣ человѣка, каковъ господинъ Арбенинъ, сынъ такой негодяй! Если его принимаютъ въ хорошаго общества, то это только для отца... И еще, вообразите, онъ смѣется все надо мной и надъ моею ученостью!.. онъ!.. надъ моею ученостью смѣется!..

марья дмитріевна (*съ стороны*). Личность!.. я отдыхаю!

докторъ. Ахъ, у васъ лицо въ красныхъ пятнахъ! Я говорилъ, что вы еще не совѣмъ здоровы.

марья дмитріевна. Это пройдетъ, господинъ докторъ! Благодарю васъ за новость и позвольте мнѣ съ вами проститься. Вы почти знаете, въ какомъ я положеніи: я скоро ѣду изъ Москвы. Недостатокъ въ деньгахъ заставляетъ меня возвратиться въ деревню.

докторъ. Какъ?.. не возвративши здоровья?

марья дмитріевна. Доктора, я вижу, не могутъ мнѣ его возвратить: болѣзнь моя не по ихъ части...

докторъ. Какъ?.. вы не вѣрите благому вліянію медицины?

марья дмитріевна. Извините, я очень вѣрю... однако, не могу ею пользоваться...

докторъ. Есть ли что-нибудь невозможное для человѣка съ твердою волей?

марья дмитріевна. Мнѣ должно, моя воля—ѣхать въ деревню. Тамъ у меня тридцать семействъ мужиковъ живутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ графы и князья. Тамъ, въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ, мое здоровье поправится; тамъ хочу я умереть. Ваши посѣщенія мнѣ болѣе не нужны. Благодарю за все... Позвольте вручить вамъ послѣдній знакъ моей признательности.

докторъ (*беретъ деньги*).! Однако вы еще очень нездоровы, вамъ бы надобно...

марья дмитріевна (*значительно взглянувъ на него*). Прощайте! (*Докторъ, раскланявшись, уходитъ съ недовольной миной.*) Этотъ человѣкъ въ состояніи высосать послѣднюю копейку!

аннушка. Вы совѣмъ разстроены: ваше лицо перемѣнилось. Ахъ, сударыня, присядьте, — ваши руки дрожатъ!

марья дмитріевна. Мой сынъ имѣетъ одну часть со мной.

аннушка (*поддерживая ее*). Видно вамъ, сударыня, такъ ужъ на роду написано терпѣть...

марья дмитріевна. И умереть.

аннушка. Смерть никого не обойдетъ... Зачѣмъ же звать ее, сударыня! Она знаетъ кого въ какой часъ захватить... а назовешь-то ее перавно въ недобрый часъ... такъ хуже будетъ!.. Молитесь Богу, сударыня, да святымъ угодникамъ: вѣдь они всѣ страдали не меньше насъ! А мученики-то, матушка!

марья дмитріевна. Я вижу, что близокъ мой копецъ. Такія предчувствія меня никогда не обманывали. Боже, Боже мой! допусти только примириться съ моимъ мужемъ прежде смерти. Пускай ничей справедливый укоръ не слѣдуетъ за мной въ могилу!.. Аннушка! доведи меня въ мою комнату. (*Уходятъ обѣ.*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

17-го октября вечеръ.

Комната студента рябинова. Бутылки шампанскаго на столѣ и довольно много безпорядка. Бултъ трубы. Ни одному нѣтъ больше 20 лѣтъ.

свѣгильн. Что съ нимъ сдѣлалось? Отчего онъ вскочилъ и ушелъ, не говоря ни слова?

челяевъ. Чѣмъ-нибудь обидѣлся.

заруцкій. Не думаю. Вѣдь онъ всегда таковъ: то шутить и хохочетъ, то вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану; и вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто бы потолокъ провалился надъ нимъ...

свѣгильн. За здоровье Арбенина; sacré-dieu! онъ славный товарищъ!

рябиновъ. Тостъ!

вышневецкій. Челяевъ, былъ ты вчера въ театрѣ?

челяевъ. Да, былъ.

вышневецкій. Что играли?

челяевъ. Общипанныхъ „Разбойниковъ“ Шиллера. Мочаловъ дѣнился ужасно! Жаль, что этотъ прекрасный актеръ не всегда въ духѣ. Случиться могло бѣ, что я бы его видѣлъ вчера въ первый и послѣдній разъ; такимъ образомъ онъ теряетъ репутацію.

вышневецкій. И ты вѣрно крѣпко боялся въ театрѣ?..

челяевъ. Боялся? Чего?

вышневецкій. Какъ же! Ты былъ одинъ съ разбойниками!

свѣгильн. Bravo! bravo! фора!.. тостъ!

свѣгильн (*береть въ сторону Заруцкаго*). Правда ли, что Арбенинъ сочиняетъ?

заруцкій. Да... и довольно хорошо...

свѣгильн. То-то! Не можешь ли ты мнѣ достать что-нибудь?

заруцкій. Изволь... да кстати у меня есть въ карманѣ нѣсколько мелкихъ пьесъ.

свѣгильн. Ради Бога, покажи! пускай они пьютъ и дурачатся, а мы сядемъ тамъ, и ты мнѣ прочтешь...

заруцкій (*вынимаетъ нѣсколько листовъ изъ кармана и они садятся въ другой комнату у окна*). Вотъ первая. Это отрывокъ, фантазія. Слушай хорошенько... Создатель, какъ они шумятъ!.. Между прочимъ я долженъ тебѣ сказать, что онъ страстно влюбленъ въ Загорскину.—Слушай *)

*) Въ первоначальной рукописи Заруцкій читаетъ вмѣсто нижеприведеннаго стихотвореніе, потомъ имъ зачеркнутое:

Не удалось мнѣ сжать руки твоей
 Въ тотъ часъ, который долженъ быть
 Послѣднимъ часомъ двухъ счастливыхъ дней
 И мнѣ лишь сердце отравить.
 Ты не хотѣла слушать клятвъ любви,
 И я, обманутый, не сталъ
 Тебя просить.—Къ чему слова мои?
 Ты не повѣрила бѣ... я зналъ!
 Я зналъ, ты не должна меня понять,
 И вдругъ очнулся я душой,
 И устранился мысленно сковать
 Твою судьбу съ моей судьбой.
 И если бъ нынѣ взоръ твоихъ очей
 Блаженство обѣщала мнѣ вновь...
 Я прекратилъ бы жизнь свою скорбій,
 Чтобъ не принять твою любовь.

I.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
 Чудеснаго искала; я любилъ
 Всѣмъ оболщенья свѣта, но не свѣтъ,
 Въ которомъ я мгновеньями лишь жилъ—
 И тѣ мгновенья были мукъ полны:
 И населятъ таинственные сны
 Я этими мгновеньями; но сонъ,
 Какъ мѣръ, не могъ быть ими омраченъ!

II.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
 Я жилъ вѣка и жизнью въ ной,
 И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
 Встревоженный печальною мечтой,
 Я плакалъ. Но созданія мои,
 Предметы мнимой злобы иль любви,
 Не походили на существъ земныхъ;
 О, нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ.

III.

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
 Когда я буду прахъ, мой мечты,
 Хотя не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
 Благословитъ. И ты, мой ангель, ты
 Со мною не умрешь. Моя любовь
 Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
 Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
 Твое... На что имъ мертвыхъ различать?*)

свѣгильн. Онъ это писалъ въ гениальную минуту... **) Другую...

заруцкій. Это посланіе къ Загорскиной.

Къ чему волшебною улыбкой

Будить забвенныя мечты?

Я буду веселье, но—ошибкой:

Причину слишкомъ знаешь ты.

Мы не годимся другъ для друга:

Ты любишь хладный, шумный свѣтъ;

Я сердцемъ сынъ пустынь и юга!

Ты счастлива, а я, я—нѣтъ!

Какъ небо утра молодое,

Прекрасенъ взоръ небесный твой;

Въ немъ дышитъ чувство всѣмъ родное,

А я на свѣтѣ всѣмъ чужой!

Моя душа боится снова

Святую вспомнить старину;

Ея надежды—бредъ больного,

Имъ вѣрить—значитъ вѣрить сну.

Мнѣ одинокій путь назначенъ,

Онъ проклятъ строгою судьбой;

Какъ счастье безъ тебя—онъ мраченъ.

Прости!.. прости же, ангель мой!..

Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано. Я его люблю за это.

(*Сильный шумъ въ другой комнатѣ.*)

многе голоса. Господа! мы [честь имѣемъ объявить] пришли сюда и званы на похороны добраго смысла и стыда. За здравіе дураковъ и б... и!

рябиновъ. Тостъ!.. еще тостъ, господа! Коперникъ правъ: земля вертится!.. (*Шумъ угмываетъ; потомъ опять бьетъ въ ладони.*)

*) Срав. со стихотвореніемъ 11-го іюня 1831 года, начинающимся также.

**) Въ чернов. тетради: „онъ это писалъ, когда недоволенъ былъ собою“.

сныгинь. Оставь! не слушай их; читай да-
лѣе...

заруцкій. Погоди (*Вынимает еще бумагу.*)
Вот этот отрывок тѣмъ только замѣчате-
ленъ, что онъ—картина съ природы. Арбенинъ
описываетъ то, что съ нимъ было, просто, но
есть что-то особенное въ духѣ этой пьесы.
Она въ нѣкоторомъ смыслѣ подражаніе The
Dream Байронову. Все это мнѣ сказалъ самъ
Арбенинъ. (*Читаетъ.*)

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой, борзой лошади—и мчался
Вдоль берега крутого Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ съ облаками отражался
Въ волнахъ—и въ нихъ онъ былъ еще пре-
краснѣй!..

Но юный всадникъ не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего-то все
Въ туманномъ отдаленіи. Въ безпорядкѣ
Минувшее явилось ему—
Грозный призракъ, темнымъ предсказаньемъ
Пугающій доврчивую душу.
Но вѣрилъ онъ одной своей любви,
И для любви своей не зналъ преграды!..

Онъ мчится. Звучный топотъ по полямъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И удалился съ видомъ удивленья.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу другомъ;
И, проскакавъ тѣнистую дубраву,
Онъ различилъ окно; окно и домъ;
Онъ ищетъ мостъ... но сломанъ старый мостъ,
Рѣка темна, и шумны, шумны воды... *)

Какъ воротиться, не прикавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ
Волшебный голосъ тотъ, хотя бь укорь
Произнесли ея уста? О, нѣтъ!—
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, ударилъ
Коня, и шумныя плеснули воды,
И съ пѣною раздвинулись онъ.
Плыветъ могучій конь, и ближе, ближе...
И вотъ ужъ онъ на берегу противномъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Взбѣгаетъ юноша, и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный корридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... *Ея сестра*
Идетъ къ нему навстрѣчу. О, когда бь
Я могъ изобразить его страданье!—
Какъ мраморъ блѣдный и безгласный онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ!..
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо,
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гнался вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... и долго онъ скакалъ.

*) Въ черновыхъ тетрадахъ:

„ . . . но мостъ

И сломанъ . . . и несется быстро Клязьма.

До самаго разсвѣта, безъ дороги,
Безъ всякихъ опасеній, наконецъ,
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и запла-
калъ!

Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна,—такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться, но очей не освѣжить.

Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
Къ существенности холодной? Нѣтъ!
Не можетъ сонъ оставить стѣдъ въ душѣ,
И, какъ ни слится воображенье,
Его орудья пытки ничего
Противъ того, что есть и что имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу...

Мой сонъ переимѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтили
Весенній, теплый день; и у окна
Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
Съ глазами полными огнемъ и жизнью,
И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
Знакомый юноша, и оба, оба
Старались довольными казаться,
Однако же на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ
Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданье. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливались подъ ними...
И сердце сильно билось—безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее,
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиною
Всѣхъ сладкихъ и высокихъ думъ его *).
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ серебристыхъ облаковъ отрывки,
И съ жгатою душой не смѣлъ вздохнуть,
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья: такъ боялся
Онъ услышать отвѣтъ холодный, или
Не получить отвѣта на моленья!..

Все, что тутъ описано, было съ Арбенинымъ;
для другого эти приключенья ничего бы не значи-
ли, но вещи дѣлаютъ впечатлѣніе на сердце,
смотря по расположенію сердца.

сныгинь. *Странный человекъ* Арбенинъ! (*Оба*
уходятъ въ оружную комнату.)

вышневецкій. Господа, когда-то русскіе будутъ
русскими?

челяевъ. Когда они на сто лѣтъ подвинутся
назадъ и будутъ просвѣщаться и образовывать-
ся снова-здорово.

вышневецкій. Прекрасное средство. Если бь
тебѣ твой докторъ только такіе рецепты про-
писывалъ, то, я быюсь объ закладъ, что ты
теперь не сидѣлъ бы за столомъ, а лежалъ бы
на столѣ!

заруцкій. А развѣ мы не доказали въ 12-мъ

*) Въ исто предыдущихъ трехъ строкъ стояло:
Хотя о ней лишь мыслилъ онъ въ разлукъ.
Хотя лишь ею дорожилъ онъ больше
Своей непобѣдимой, гордой чести.

году, что мы русскіе? Такого примѣра не было отъ начала міра... Мы современники и вполнѣ не понимаемъ великаго пожара Москвы; мы не можемъ удивляться этому поступку; эта мысль, это чувство родилось вмѣстѣ съ русскими. Мы должны гордиться, а оставить удивленіе потомкамъ и чужестранцамъ.—Ура! господа! здорověе пожара московскаго!.. (*Звукъ стакана.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ.

явленіе II.

10-го января утромъ.

Въ домѣ у Бѣлинскаго; его кабинетъ, по модѣ отдѣланный. — Окна замерзли; на столѣ табачный пепелъ и пустая чайная чашка.

Бѣлинскій (*одинъ прохаживается по комнатѣ*). Судьба хочетъ непременно, чтобъ я женился! Что же? Женитьба—лѣкарство очень полезное отъ многихъ болѣзней и отъ карманной чахотки особенно. Теперь я занялъ денегъ, чтобъ купить деревню; но тысячи рублей недостаетъ, а гдѣ ихъ взять?.. Женись! женись! кричитъ разсудокъ. Такъ и быть! но на комъ?.. Вчера я познакомился съ Загорскими. Наташа мила, очень мила; у нея кое-что есть... но Владиміръ влюбленъ въ нее. Что жъ? Чья взяла, тотъ и правъ. Я нахожусь въ такихъ опасныхъ обстоятельствахъ, что онъ долженъ будетъ мнѣ простить. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ онъ ужъ такъ сильно ее любилъ. Онъ странный, непонятный человѣкъ: одинъ день то, другой—другое! самъ себя противорѣчить; а все какъ заговорить и захочетъ тебя увѣрить въ чемъ-нибудь, конечно, рѣдкій устоитъ! Иногда, напротивъ, слова ни добьешься: сидитъ и молчитъ, не слышитъ и не видитъ; глаза остаются, какъ будто въ этотъ мигъ все его существованіе остановилось на одной мысли... (*Молчаніе.*) Однако я ему ничего не скажу про свое намѣреніе, прежде чѣмъ не кончу дѣла. Буду покамѣтъ ѣздить въ домъ, а тамъ увидимъ...

(*Входитъ Арбенинъ скоро.*)

Владиміръ. Бѣлинскій! что такъ задумчивъ?

Бѣлинскій. А! здравствуй, Арбенинъ! Это—планы... планы...

Владиміръ. И тебя судьба не отучила дѣлать планы?

Бѣлинскій. Нѣтъ! если я твердо намѣренъ сдѣлать что-нибудь, то рѣдко мнѣ не удается. Повѣрь, человѣкъ, который непременно хочетъ чего-нибудь, принуждаетъ судьбу сдать: судьба—женщина!

Владиміръ. А я такъ часто былъ обманутъ желаньями и столько разъ раскаивался, достигнувъ цѣли, что теперь не желаю ничего; живу, какъ живется; никого не трогаю, и отъ этого все стараются чѣмъ-нибудь возбудить меня, какъ-нибудь вымучить изъ меня обидное себѣ слово... И знаешь ли, это иногда меня веселитъ: я вижу людей, которые изъ жилъ тянутъ, чтобъ чѣмъ-нибудь сдѣлать еще несноснѣе мое существованіе!.. Неужели я такое важ-

ное лицо въ мірѣ, или милость ихъ простирается даже до самыхъ ничтожныхъ?

Бѣлинскій. Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеніи и даешь имъ черный цвѣтъ для большаго романтизма.

Владиміръ. Нѣтъ! нѣтъ. говорю я тебѣ, я не созданъ для людей. Я для нихъ слишкомъ гордъ, они для меня слишкомъ подлы.

Бѣлинскій. Какъ? Ты не созданъ для людей? Напротивъ, ты любезенъ въ обществѣ: дамы ищутъ твоего разговора; ты любимъ молодежью, и хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говоришь въ глаза, тебѣ все-таки прощаютъ, потому что ты ихъ умно говоришь, и это какъ-то къ тебѣ идетъ.

Владиміръ (*съ горькой улыбкой*). Я вижу, ты хочешь меня утѣшить?

Бѣлинскій. Когда ты былъ у Загорскихъ? Могутъ ли тамъ тебя утѣшить?

Владиміръ. Вчера я ихъ видѣлъ. Странно: она меня любить—и не любить. Она со мною иногда такъ добра, такъ мила, такъ много говорятъ глаза ея, такъ много этотъ румянецъ стыдливости выражаетъ любви... а иногда, особливо на балѣ гдѣ-нибудь, она совѣмъ другал, и я больше не вѣрю ни ея любви, ни своему счастью.

Бѣлинскій. Она кокетка...

Владиміръ. Не вѣрю: тутъ есть тайна...

Бѣлинскій. Поди ты къ чорту съ тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа объ тебѣ и не думаетъ, а когда скучно, то она тобой забавляется, вотъ и вся тайна.

Владиміръ. Ты это сказалъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какъ будто этимъ сдѣлалъ мнѣ великое благодѣяніе.

Бѣлинскій (*покачивая головой*). Ты не въ духѣ сегодня.

Владиміръ (*вынимаетъ изорванное письмо*). Видишь?

Бѣлинскій. Что такое?

Владиміръ. Это письмо я писалъ къ ней. Прочти его! Вчера я пріѣзжалъ къ ея кузинѣ, княжнѣ Софьѣ; улучивъ минуту, когда на насъ не обращали вниманія, я умолялъ ее передать письмо Загорскиной... Она согласилась, но съ тѣмъ, чтобы прежде самой прочитать письмо... Я ей отдалъ. Она ушла въ свою комнату. Я провелъ ужасный часъ. Вдругъ княжна являлась, говоря, что мое письмо развеселило очень ея кузину и заставило ее смѣяться!.. Смѣяться!.. Другъ мой! я разорвалъ письмо, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

Бѣлинскій. Я подозреваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смѣяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержаніе... Зависть, можетъ быть и болѣе, или просто шутка...

Владиміръ. Хитрость, хитрость! Я ее видѣлъ, провелъ съ нею почти наединѣ цѣлый вечеръ; я видѣлъ ее въ театрѣ: слезы блистали въ глазахъ ея, когда играли „Коварство и любовь“ Шиллера... Неужели она равнодушно стала бы слушать разсказъ моихъ страданій? (*Схватываетъ за руку Бѣлинскаго.*) Что, если бъ я могъ прижать Наталью къ этой груди и сказать ей: ты моя, моя навѣки!.. Боже! Боже! я не переживу этого! (*Смотритъ пристально*

въ глаза Бѣлинскому.) Не говори ни слова, не разрушай моихъ дѣтскихъ надеждъ... только теперь не разрушай... а послѣ...

бѣлинскій. Послѣ! (*Въ сторону.*) Какъ? уже ли онъ предугадывалъ судьбу свою?

Владимиръ. О, какъ сердце умѣетъ обманывать! (*Беззастойно ходитъ взадъ и впередъ*)

бѣлинскій (*въ сторону*). И я долженъ буду разрушить этотъ обманъ?.. Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему?.. Нѣтъ, это вздоръ! онъ не такъ сильно любить, какъ показываетъ; жизнь не романъ.

(*Входитъ слуга Бѣлинскаго.*)

Слуга. Дмитрій Васильевичъ, какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

бѣлинскій. Вели ему войти. (*Слуга уходитъ.*) (*Входитъ мужикъ, спдой, и бросается въ ноги Бѣлинскому.*)

бѣлинскій. Встань, встань! Что тебѣ надобно, другъ мой?

мужикъ (*на коленяхъ*). Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я пришелъ... (*Кланяется.*) Мы слышали, что ты баринъ добрый...

бѣлинскій. Да встань, братецъ, а потомъ говори... встань прежде!..

мужикъ (*встаеъ*). Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

бѣлинскій. Да говори же...

мужикъ (*кланяясь*). Меня, старика, прислали къ тебѣ отъ всего села, кормилецъ, кланяется тебѣ въ ноги, чтобы ты сталъ нашимъ защитникомъ... всѣ бы стали Богу молить о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

бѣлинскій. Что же? Вамъ не хочется съ госпожей своей разставаться, что ли?

мужикъ (*кланяясь въ ноги*). Нѣтъ! купи, купи насъ, родимой!

бѣлинскій (*въ сторону*). Странное приключеніе! (*Мужику.*) А! такъ вы вѣрно недовольны своей помѣщицей?

мужикъ. Охъ, тяжело!.. за грѣхи наши!.. (*Арбенинъ начинаетъ вслушиваться.*)

бѣлинскій. Ну, говори, братъ, смѣлѣе! Жестоко, что ли, госпожа поступаетъ съ вами?

мужикъ. Да такъ, баринъ, что вѣдь, ей-Богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако, пришелъ конецъ... хоть въ воду...

Владимиръ. Что же она дѣлаетъ? (*Лицо Владимира мрачно.*)

мужикъ. Да что вздумается ея милости...

бѣлинскій. Напримѣръ... сѣчетъ часто?

мужикъ. Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ и творить, что ему лобо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и нивѣсть что сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жару въ полдень, пока не прикажетъ надѣтъ, а коли сердитъ или позабудетъ, тогда иногда цѣлый день промаеть...

бѣлинскій. Какія злоупотребленія!

мужикъ. Разъ какъ-то барынь донесли, что дескать Ѳедька дурно про нее говоритъ и хочетъ въ городѣ жаловаться... а Ѳедька мужикъ былъ славной; вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управи-

тель былъ на него сердитъ... Какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... вотъ стали руки вывертывать. Господи управитель!—сказалъ Ѳедька,—что я тебѣ сдѣлалъ? Вѣдь ты меня губишь!—Вздоръ!—сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Ѳедька и сталъ безрукой. На печкѣ такъ и лежитъ, да клянеть свое рожденье...

бѣлинскій. Да что, въ самомъ дѣлѣ, кто-нибудь изъ сосѣдей, или исправникъ, или городничій не подадутъ на нее просьбу? На это есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ плохо можетъ быть.

мужикъ. Гдѣ защитники у бѣдныхъ людей! У барыни же всѣ судьи подкуплены нашимъ оброкомъ... Тяжко, баринъ, тяжело стало намъ! Посмотришь въ другое село—сердце кровью обливается!.. живутъ покойно да весело; а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Рассказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась; такъ, вишь, ножницами такъ и кольнула одну изъ дѣвушекъ... охъ, больно... а какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... (*Падаеъ на колѣни передъ Бѣлинскимъ.*) О! кабы ты намъ помочь! Купи насъ, купи, отецъ родной! (*Рыдаеъ.*)

Владимиръ (*въ бѣшенствѣ*). Люди! люди!.. И до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе, иногда столь близкое къ ангелу!.. О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!.. все куплено кровавыми слезами... Ломать руки, колотъ, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ, я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ рассказъ меня приводитъ въ бѣшенство.

бѣлинскій. Въ самомъ дѣлѣ ужасно!

мужикъ. Купи насъ, родимой.

Владимиръ. Дмитрій, есть ли у тебя деньги?.. Вотъ все, что я имѣю: вексель на 1.000 рублей... Ты мнѣ отдашь когда-нибудь. (*Кладетъ на столъ бумажничекъ.*)

бѣлинскій (*сосчитавъ*). Если такъ, то я стараюсь купить эту деревню. Поди, добрый мужичокъ, и скажи своимъ, что они въ безопасности. (*Владимиру.*) Какова госпожа?

мужикъ. Дай Боже вамъ счастья обоимъ, отцы мои! Дай Богъ вамъ долгую жизнь! Дай Богъ вамъ все, что душѣ ни пожелается!.. Прощай, родимой! Благослови тебя Царь Небесный! (*Уходитъ.*)

Владимиръ. О, мое отечество! мое отечество! (*Ходитъ быстро взадъ и впередъ по комнатѣ.*)

бѣлинскій. Ахъ, какъ я радъ, что могу теперь купить эту деревню! какъ я радъ! Впервые мнѣ удается облегчить страждущее челоѣчество! Такъ, это доброе дѣло!.. Несчастные мужики!.. Что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!

Владимиръ. Есть люди болѣе достойные сожалѣнія, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастія вѣншія проходятъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ страданій глубоко въ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры

удовольствія... тотъ, кто желаетъ и не надѣется... тотъ, кто въ тягость вѣзмъ, даже любящимъ его... тотъ... но для чего говорить о такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

вѣлинскій. Опять за свое! О, эгонистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно ли сравнить свободнаго съ рабомъ?

владимиръ. Одинъ—рабъ человѣка, другой рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина или имѣть выборъ; второй никогда. Имъ играетъ слѣпой случай; и страсти его и беззастенчивость другихъ—все соединено къ его гибели.

вѣлинскій. Развѣ ты не вѣришь въ Провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, который все знаетъ и всемъ управляетъ?

владимиръ (*смотритъ на небо*). Вѣрю ли я? Вѣрю ли я?..

вѣлинскій. Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

владимиръ (*помолчалъ*). Послушай: не правда ли, теперь прекрасная погода? Пойдемъ на бульваръ.

вѣлинскій. Чудаки! (*Входитъ слуга Марьи Дмитриевны*.) Что тебѣ надобно? Кто ты?

владимиръ. Слуга моей матери!

слуга. Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитриевны. Искаль я васъ съ полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ, какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете.

владимиръ. Что случилось?

слуга. Да барыня-съ...

владимиръ. Что?

слуга. Сдѣлалась очень нездорова и проситъ васъ поскорѣе къ себѣ.

владимиръ. Нездорова, говоришь ты? больна?

слуга. Очень нездорова-съ!

владимиръ (*задумчиво*). Очень!.. да, я пойду! (*Подавая руку Вѣлинскому*.) Не правда ли, я твердъ въ своихъ несчастіяхъ? (*Уходитъ. Въ продолженіи этой рѣчи онъ мнѣяся въ лицо и голосъ его дрожалъ*.)

вѣлинскій (*глядя вслѣдъ ему*). Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но неспособенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось бы величайшею для тебя мукой, если бы поселилось въ груди твоей. Я веселаго характера обыкновенно, однако примѣчаю, что печаль Арбенина прилипчива: послѣ него часа два я не могу справиться! Ха-ха-ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ ли Загорскина противъ моихъ нападеній? Если она измѣнитъ Арбенину, то это лучший способъ излѣчить его отъ самой глупѣйшей болѣзни. (*Слуга Вѣлинскаго входитъ*.) Что тебѣ?

слуга. Да я ходилъ въ театръ за билетомъ-съ, какъ вы приказывали. Вотъ билетъ-съ.

вѣлинскій. Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! (*Про себя*.) Скучно будетъ сегодня во французскомъ театрѣ: играютъ скверно, тѣсно, душно, а нечего дѣлать! весь beau-monde! (*Закуриваетъ трубку и уходитъ*.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

дѣйствіе II, явленіе III.

10-го яшвира день.

Въ домѣ у Загорскиныхъ. Комната барыни. княжна софья сидитъ на постели; наташа поправляетъ волосы передъ зеркаломъ.

княжна софья. Ma chère cousine, я тебѣ совѣтую остерегаться!

наташа. Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, какъ мнѣ поступать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

княжна софья. Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться: онъ вовсе не такой человѣкъ.

наташа. Разумѣется, я сама за него свататься не стану, а если онъ меня любитъ, такъ жептса.

княжна софья (*насмѣливо*). Не правда ли, какъ онъ интересенъ, какъ милы его глаза, полные слезъ?

наташа. Да, для меня очень занимательны.

княжна софья. Повѣрь, онъ только дурачится и шалитъ, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

наташа. Ему не отчего быть увѣрену.

княжна софья. А попробуй показать холодность, — тотчасъ отстанетъ.

наташа. Я пробовала и онъ не отсталъ, и только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

княжна софья. Но ты не умѣешь притворяться, ты...

наташа. Повѣрь, не хуже тебя.

княжна софья. Арбенинъ точно такъ же куртизанитъ прошлаго года Лидиной Полиной; а тутъ и бросилъ ее, и смѣется самъ надъ нею... ты помнишь? То же будетъ и съ тобой.

наташа. Я не Полина.

княжна софья. Посмотримъ.

наташа. Да что ты такъ на одно паладила? княжна софья. Ужъ что я знаю, то знаю. Вчера...

наташа. Что такое? Впрочемъ, я и знать не желаю!

княжна софья. Вчера Арбенинъ былъ у насъ.

наташа. Ну, что жъ?

княжна софья. Любезничалъ съ Лизой Шумовой, рассказывалъ ей Богъ знаетъ что, и между тѣмъ просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мужчины: въ одну влюблены, а другой пишутъ письма! Вѣрь имъ послѣ этого! Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и ухалъ. Какова комедія? (*Молчаніе*.) А еще, знаешь, мнѣ сказывали навѣрное, что онъ хвалится, будто ты показывала особенные признаки любви, но я не вѣрю.

наташа (*въ сторону*). Онъ дѣлаетъ глупости. Я теперь на него такъ сердита, такъ сердита!.. хвалится! кто бъ подумалъ! это слишкомъ!.. (*Громко*) Ты знаешь, кузина, у насъ былъ вчера Вѣлинскій? Un jeune homme charmant! Прелесть какъ хорошо, умно и любезно! Вотъ ужъ не надуетъ губы! Какъ воспитаю, точно будто всю жизнь провелъ при дворѣ!

княжна софья. Поздравляю. И ты, я надѣюсь, ему очень понравилась. (*Въ сторону*.) Я въ восхищеніи, мои слова дѣйствуютъ! (*Гром-*

ко.) Вчера же Арбенинъ чуть чуть не поссорился у насъ съ Нелидовымъ. Послѣдній, ты знаешь, такой тихій, степенный, осторожный, а Вольдемаръ этого не слишкомъ придерживается. Нелидовъ разговаривалъ съ нимъ про свѣтъ и общественное мнѣніе, и нѣсколько разъ повторилъ, что дорожить своею доброй славой, такимъ тономъ, который давалъ чувствовать Арбенину, что онъ ее потерялъ. Этотъ понялъ и поблѣднѣлъ; послѣ и говорить мнѣ: „Нелидовъ хотѣлъ колкнуть мое самолюбіе; онъ достигъ своей цѣли; это правда: я потерялъ для свѣта, но довольно гордъ, чтобъ слушать равнодушно напоминанія объ этомъ“. Ха-ха ха! Не правда ли, Наташа, это показываетъ твердость характера?

НАТАША. Конечно! Арбенинъ не совсѣмъ заслуживаетъ дурное мнѣніе свѣта, но онъ объ немъ мало заботится; и этотъ Нелидовъ очень глупо сдѣлалъ, если старался его обидѣть. (*Наташа подходитъ къ окну.*)

княжна софья. Повѣрь мнѣ: Арбенина такъ же огорчаетъ злословіе, какъ и другого; онъ только не хочетъ этого показать. (*Молчитъ.*)

НАТАША (*съ живостью*). Ахъ! сейчасъ проѣхалъ Бѣлинскій.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

дѣйствіе III, явленіе I (по перв. списку).

3-го февраля утро.

Библиотекъ павла Григорьевича Арбенина. Она сидитъ въ креслахъ. Противъ нея стоитъ человекъ среднихъ лѣтъ, въ синемъ сюртукѣ, съ седыми бакенбардами.

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! скажи своему господину, что я не памѣренъ ждать. Долженъ—плати. Нечѣмъ—на что задолжалъ? Въ Россіи на это есть судъ. Ну, если бѣ я былъ бѣднякъ? Развѣ два мѣсяца пождать ничего не значить?

повѣренный. Хотѣ двѣ недѣли, сударь. Надняхъ мы денегъ ждемъ съ завода. Неужели ужъ мы обманемъ васъ?

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Ни дня ждать не хочу.

повѣренный. Да гдѣ же денегъ взять прикажете? Вѣдь восемь тысячъ на улицѣ не найдешь.

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Пускай твой господинъ продастъ хоть тебя самого, а мнѣ онъ заллатитъ въ назначенное время... и съ процентами... слышишь?..

повѣренный. Да помилуйте-съ!..

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Ни слова больше! ступай! (*Повѣренный уходитъ.*) Видишь, какой ловкій: все бы ему ждали! Нѣтъ, братъ, нынче деньги дороги; хлѣба дешево, да еще плохо родятся. Пускай графскіе сынки да вельможи проматываютъ имѣніе; мы, дворяне простые, отъ этого выигрываемъ; пускай они будутъ при дворѣ, пускай шаркаютъ въ гостиныхъ съ камергерскими ключами, а мы будемъ тише да выше, и наконецъ они огланутся и увидятъ, хоть поздно, что мы ихъ обогнали. (*Встаетъ съ кресла.*) Ухъ! замотали меня эти дѣла, а все-таки какъ-то весело видѣть передъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ лю-

дей, и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки. Почему же нѣтъ? И человекъ тлѣетъ, какъ бумажка, и человекъ, какъ бумажка, носитъ на себѣ условные знаки, которые ставятъ его выше другихъ и безъ которыхъ онъ... (*Звастъ.*) Уфъ! спать хочется!.. Гдѣ-то сынъ мой? Онъ вѣрно опять задолжалъ, потому что третій день дома обѣдаетъ. Вотъ прошу покорно имѣть дѣтей.

(*Владимиръ, блѣдный, быстро входитъ.*)

ВЛАДИМИРЪ (*громко и скоро*). Батюшка!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. Что тебѣ надобно?

ВЛАДИМИРЪ. Я пришелъ, чтобы.. У меня есть одна единственная просьба до васъ... не откажите мнѣ... поѣдьте со мною! Поѣдьте, заклиная васъ! Одна минута замедленія—и вы сами будете раскаиваться!

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Куда мнѣ ѣхать съ тобою? Ты съ ума сошелъ!

ВЛАДИМИРЪ. Немудрено... Если бѣ даже вы увидели, что я видѣлъ, и остались при своемъ умѣ, то я бы удивился...

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Это ужъ ни на что не похоже! Ты, Владимиръ, выводишь меня изъ терпѣнія.

ВЛАДИМИРЪ. Такъ вы не хотите со мною ѣхать? Такъ вы мнѣ не вѣрите? А я думалъ... но теперь вынужденъ все сказать. Слушайте: одна умирающая женщина хочетъ васъ видѣть; эта женщина...

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Что мнѣ за дѣло до нея?

ВЛАДИМИРЪ. Она ваша супруга...

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. (*съ досадою*). Владимиръ!

ВЛАДИМИРЪ. Вы вѣрно думаете меня испугать этимъ строгимъ взглядомъ и удушнымъ голосомъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы. Этотъ самый голосъ, приказывающій мнѣ повиноваться вамъ, заставляетъ... да!.. ненавидѣть васъ!.. да!.. если вы будете далѣе противиться мольбамъ моей матери!.. О, ничѣмъ не уничтожилъ во мнѣ всѣ опасенія! Я говорю прямо. Я вашъ сынъ и ея сынъ. Вы счастливы, она страдаетъ на постели смерти. Кто правъ, кто виноватъ—не мое дѣло. Я слышалъ, слышалъ ея мольбы и рыданья, и послѣдній пищій назвалъ бы меня подлцомъ, если бѣ я могъ еще любить васъ!

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Дерзкій! Я давно ужъ не жду отъ тебя любви; но гдѣ видано, чтобы сынъ упрекалъ отца такими словами? Прочь съ глазъ моихъ!

ВЛАДИМИРЪ. Я ужъ просилъ васъ не уничтожать во мнѣ послѣднюю искру покорности сыновней, чтобъ я не повторилъ эти обвиненія передъ цѣлымъ свѣтомъ.

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Боже мой, до чего я дожилъ! (*Ему.*) Знаешь ли?..

ВЛАДИМИРЪ. Я знаю: вы сами терзаемы совѣстью; вы сами не имѣете спокойныхъ минутъ; вы виновны во многомъ...

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Замолчи!

ВЛАДИМИРЪ. Не замолчу! Не просить пришелъ я, но требовать, требовать! Я имѣю на это право!.. Нѣтъ! эти слезы вѣзались у меня въ память!.. Батюшка! (*Бросается на колѣни.*) Батюшка, пойдете со мною!

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. Встань! (*Онъ встревоженъ.*)

ВЛАДИМИРЪ. Вы пойдете?

ПАВЕЛЪ ГРИГОР. (*въ сторону*). Что, если въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть...

владиміръ. Такъ вы не хотите? *(Встаетъ.)*

павель григор. *(въ сторону.)* Она умираетъ, говоритъ Владиміръ; желаетъ получить мое прощенье!.. Правда, я бы... Но ѣхать туда? Если узнаютъ, что скажутъ?

владиміръ. Вамъ нечего бояться: моя мать нынче же умретъ. Она желаетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вашимъ имѣніемъ: она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея молитва къ Богу. Вы не хотѣли.. Есть на небѣ судія! Вашъ подвигъ прекрасенъ: онъ показываетъ твердость характера. Повѣрьте, люди будутъ васъ за это хвалить. И что за важность, если посреди тысячи похвалъ раздается одинъ обвинительный голосъ. *(Горько улыбается.)*

павель григор. *(призрѣденно.)* Оставь меня.

владиміръ. Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты... *(Горько.)* Она еще разъ въ жизни повѣритъ надеждѣ. *(Тихо идетъ къ дверямъ.)* О, если бѣ громъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? Я приду... одинъ! Я сдѣлаю убійцею моей матери! *(Останавливается и смотритъ на отца.)* Боже! Вотъ человѣкъ!

павель григор. *(про себя.)* Однако для чего мнѣ не ѣхать? что за бѣда? Передъ смертью помириться ничего: смѣяться никто надъ этимъ не станетъ... а все бы лучше!.. Да такъ и быть, отправлюсь! Она, вѣрно, безъ памяти и меня не узнаетъ... скажу ей, что прощаю, и дѣлу конецъ! *(Горько.)* Владиміръ! послушай... погоди! *(Владиміръ недоверчиво приближается.)* Я пойду съ тобою... я рѣшился... насъ никто не увидитъ?.. Но я вѣрю... Пойдемъ... Только смотри, въ другой разъ думай о томъ, что говоришь.

владиміръ. Такъ вы точно хотите идти къ моей матери? точно? Это невѣроятно! Нѣтъ, скажите: точно?

павель григор. Точно.

владиміръ *(кидается ему на шею.)* У меня есть отецъ! У меня снова есть отецъ. *(Плачетъ.)* Боже, Боже! Я опять счастливъ! Какъ легко стало сердцу! У меня есть отецъ!.. Вижу, вижу, что трудно бороться съ природными чувствами!.. О, какъ я счастливъ!.. Видите ли, батюшка, какъ пріятно сдѣлать, рѣшиться сдѣлать добро! Ваши глаза прояснѣли, лицо сдѣлалось ангельскимъ лицомъ. *(Обнимаетъ его.)* О, мой отецъ! Вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдете скорѣй!.. ее надобно застать при жизни.

павель григор. *(хочетъ идти. Въ сторону.)* Итакъ, я долженъ увидѣться, хорошо! Да нѣтъ ли тутъ какой-нибудь сѣти? Однако отчаяние Владиміра... но развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ?.. Развѣ женщинѣ, а особливо моей женѣ, трудно обмануть... кого бы ни было?.. О, я предчувствовалъ, я проникнулъ этотъ замыселъ—и теперь все ясно!.. Заманить меня опять... упрямъ... и если я не соглашусь, то сынъ мой всему городу станетъ разсказывать про такую жестокость, она пожалуй его подобеть... Признаюсь, прехитрый планъ! Прехитрѣйшій! Однако не на того напали. Хорошо, что я во-время догадался. Не пойду же я! Пускай умираетъ одна, если могла жить безъ меня!

владиміръ. Вы медлите?

павель григор. *(холодно.)* Да. Я медлю.

владиміръ. Вы... эта переменна... вы...

павель григор. *(гордо.)* Я остаюсь. Скажи своей матери и бывшей моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сѣть... Скажи, что я благодарю за приглашеніе и желаю ей веселой дороги. *(Владиміръ вздрагиваетъ и отступаетъ назадъ.)*

владиміръ. Какъ! *(Съ отчаяньемъ.)* Это превзошло мои ожиданія! И съ такой открытой холодностью! съ такой адской улыбкой!.. И я вашъ сынъ?.. Такъ, я вашъ сынъ, потому долженъ быть врагомъ всего священнаго, врагомъ вашимъ... изъ благодарности!.. О!.. если бѣ я могъ мои чувства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ бы проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, который потрясетъ бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ бы тебя называть меня сыномъ.

павель григор. Замолчи, сумасшедшій! Страхись моего гнѣва!.. Погоди: придутъ дни болѣе спокойные, тогда ты узнаешь, какъ опасно оскорблять родителя!.. Я тебя примѣрно накажу...

владиміръ *(закрываетъ лицо руками.)* А я мечтала найти жалость!..

павель григор. Неблагодарный, неблагодарный! Чудовище! Мнѣ ли ты не обязанъ?.. И съ такими упреками!..

владиміръ. Неблагодарный!.. Вы мнѣ дали жизнь, возьмите, возьмите ее назадъ, если можете... О, это горькій даръ!

павель григор. Вонъ скорѣе изъ моего дома и не смѣй воротиться, пока не умретъ моя бѣдная супруга! *(Со слезою.)* Посмотримъ, скоро ли ты придешь! Посмотримъ, настоящая ли бользнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлала столько шуму и заставила тебя забыть почтеніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, что ты говорилъ, и тогда... тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза! *(Злобно взглянувъ на сына, уходитъ и запираетъ двери за собою.)*

владиміръ *(который стоялъ какъ вкопанный, смотритъ вслѣдъ. Послѣ краткаго молчанія.)* Все кончилось! *(Уходитъ въ другую дверь. Рѣшительная безнадежность приметна во всей его движеніяхъ. Онъ оставляетъ за собою дверь растворенною, и долго видно, какъ онъ то пойдетъ скорыми шагами, то остановится; наконецъ, махнувъ рукой, онъ удалится.)*

СЦЕНА ОСЬМАЯ.

дѣйствіе III; явленіе II (по перв. списку).

3-го февраля день.

Спальня м-рыи дмитріевны. Столъ съ лікарствами. Она лежитъ на постели; аннушка стоитъ возлѣ нея.

аннушка. У васъ, сударыня, сильная лихорадка. Не угодно ли чаю горяченькаго или бузины? Тотчасъ будетъ готово. Ахъ ты, моя родная! Какія руки-то холодныя! Точно ледянныя! Не прикажете ли, матушка, послать за лѣкаремъ?

марья дмитріевна. Послушай, что давить мнѣ грудь?

аннушка. Ничего, сударыня; одѣяло прелегкое. Отчего бы, кажется, давить?

марья дмитріевна. Аннушка, я сегодня умру! Аннушка. И, Марья Дмитріевна! Выздоровѣте, Богъ милостивъ; зачѣмъ умирать?

марья дмитріевна. Зачѣмъ?..

аннушка. Не все больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Не пора ли лѣкарство принять?

марья дмитріевна. Я не хочу лѣкарства... Гдѣ мой сынъ? Да, я и позабыла, что сама его пошла. Посмотри въ окно, неидетъ ли онъ. Поди къ окну... что? неидетъ?.. Какъ долго!

аннушка. На улицѣ пусто.

марья дмитріевна (*про себя*). Онъ уговорить отца,—я увѣрена! О, какъ сладко примириться передъ концомъ. Теперь я не стыжусь встрѣтить его взоръ. (*Похлопче.*) Аннушка! что ты такъ смотришь въ окно?

аннушка. Я?.. Нѣтъ... это такъ...

марья дмитріевна. Нѣтъ, вѣрно... говори всю правду, что такое?

аннушка. Похороны, сударыня, да какія препышныя, сколько каретъ сзади: вѣрно, богачъ! Какія лошади! Покровъ такъ и горитъ!.. Два архиерея... пѣвчіе!.. Ну, ужъ нечего сказать...

марья дмитріевна. Аннушка, и мнѣ пора... я чувствую близость послѣдней минуты. О, поскорѣе, поскорѣе, Царь небесный!

аннушка. Полноте, сударыня, что вамъ за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что тогда со мной будетъ? Кто позаботится обо мнѣ? Неужто Павелъ Григорьевичъ къ себѣ возьметъ?.. Не бывать этому. Да я лучше по міру пойду: добрые люди изъ окошекъ накормятъ.

марья дмитріевна. Мой сынъ, Владиміръ, тебя не оставитъ.

аннушка. Да еще перенесетъ ли онъ вашу смерть? Вы знаете, какой онъ горячій: изъ малости ужъ виѣ себя, а тогда... Боже упаси!

марья дмитріевна. Ты права... я должна тебя наградить: у меня въ шкатулкѣ есть 80 руб... дай нѣсколько и старику Павлу. Онъ всегда вѣрно мнѣ служилъ, и тобой я всегда была довольна... (*Смутная радость изображается на лицѣ Аннушки.*) О, какъ сердце бьется!.. Что хуже: ожиданіе или безнадежность?

(*Дверь открывается. Тихо входитъ Владиміръ. Онъ мраченъ. Молча подходитъ къ постели и останавливается въ ногахъ.*)

аннушка. Владиміръ Павловичъ пришелъ.

марья дмитріевна (*быстро*). Пришелъ! (*Приподнимается и опять опускаетъ голову.*) Владиміръ... ты одинъ!.. а я думала... ты одинъ!..

Владиміръ. Да.

марья дмитріевна. Другъ мой, ты звалъ его сюда? Сказалъ, что я умираю? Онъ скоро придетъ?

Владиміръ (*мрачно*). Какъ вы себя чувствуете? Довольно ли вы крѣпки, чтобъ говорить и... слушать?

аннушка. Барыня безъ васъ все плакала, Владиміръ Павловичъ.

Владиміръ. Боже, Боже! Ты всесиленъ... Зачѣмъ непременно я долженъ убить мать мою? марья дмитріевна. Говори скорѣе, не терзай

меня понемногу... Придетъ ли твой отецъ? (*Молчаніе.*) Гдѣ онъ?.. Какъ предстать предъ Бога?.. Владиміръ, безъ него я не умру спокойно!

Владиміръ (*тихо*). Нѣтъ.

марья дмитріевна (*не слышавъ*). Что сказали ты?.. Дай мнѣ руку, Владиміръ.

Владиміръ (*слезы начинаютъ падать изъ глазъ его; онъ бросается на колѣни возмъ постели и покрываетъ поцѣлуями ея руку*). Я возлѣ васъ... Зачѣмъ вамъ другого?.. Развѣ вамъ недовольно меня?.. Кто-нибудь любить ли васъ сильнѣй, чѣмъ я?

марья дмитріевна. Встань!.. ты плачешь...

Владиміръ (*вставъ, отходитъ въ сторону*). Ужасная пытка! Если я все это вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоитъ имени человѣка. Если я вынесу... то увѣрюсь, что сынъ всегда похожъ на отца, и что я, какъ онъ, хотѣлъ ея погубить!.. Такъ!.. Я долженъ былъ силою притащить его сюда; угрозами, страхомъ исторгнуть у него прощеніе... (*Съ бѣшеною радостью.*) Послушайте, послушайте, что я вамъ скажу! Мой отецъ веселъ, здоровъ и не хотѣлъ васъ видѣть!.. (*Воружъ, какъ бы испугавшись, останавливается.*)

марья дмитріевна (*взрывается; послѣ молчанія*). Молись... молись за насъ... Не хотѣлъ... о!..

аннушка. Ей дурно, дурно!..

марья дмитріевна. Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владиміръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... Подойди!.. Я умираю... отдаю душу правосудному Богу и хочу, чтобъ ты, ты, мой единственный другъ, не обвинялъ меня по чужимъ словамъ... Я сама произнесу свой приговоръ. (*Останавливается.*) Я виновна: молодость была моею виной!.. Я имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мной обращался... я прежде любила другого... если бы мой мужъ хотѣлъ, я забыла бы прежнее. Нѣсколько лѣтъ старалась я побѣждать эту любовь—и одна минута рѣшила мою участь... Не смотри на меня такъ... о!.. Упрекай лучше самыми жестокими словами! Я—твоя злодѣйка! Мой поступокъ заставляетъ тебя презирать меня, и не одну меня... Долгимъ раскаяніемъ я загладила свой проступокъ. Слушай: онъ былъ тайною, но я не хотѣла, не могла заглушить совѣсть и сама открыла все твоему отцу. Съ горькими слезами, съ униженіемъ я упала къ ногамъ его... я надѣялась, что онъ великодушно проститъ мнѣ... но онъ выгналъ меня изъ дому, и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча, подавленная тягостью собственной вины, переносить насмѣшки свѣта... Онъ жестоко со мною поступилъ!.. Я умираю... Если онъ мнѣ не простилъ еще, то Богъ его накажетъ... Владиміръ, ты осуждаешь мать свою?.. Ты не смотришь на меня!.. (*Голосъ ея пощъ конецъ становится все слабѣе и слабѣе.*)

Владиміръ (*въ сильномъ движеніи; про себя*). Вижу! вижу! Природа вооружается противъ меня!.. Я ношу въ себѣ сѣмя зла... я созданъ, чтобы разрушать естественный порядокъ! Боже! Боже! Здѣсь умирающая мать—и на языкѣ моемъ нѣтъ ни одного утѣшительнаго слова... ни одного... Неужели мое сердце такъ

сухо, что нѣтъ даже ни одной слезы?.. Горе, горе тому, кто изсушил это сердце!.. Онъ мнѣ заплатить! Я сдѣбался черезъ него преступникомъ... Съ этой минуты прочь сожалѣніе!.. День и ночь буду я нагѣвать отцу моему страшную пѣсню до тѣхъ поръ, пока у него не встанутъ дыбомъ волосы и раскаяніе не начнетъ грызть его душу. (*Обращаясь къ матери.*) Ангель, ангель! не умирай такъ скоро! Еще нѣсколько часовъ...

аннушка. (*съ примѣтными безпокойствомъ поглядывая на госпожу*). Владиміръ Павловичъ! (*Онъ услышалъ и глядитъ на нее пристально. Она трогаетъ за руку Марью Дмитріевну и вдругъ останаививается*). Прости, Господи, ея душу! (*Крестится. Владиміръ вздрагиваетъ, шатается и едва не упадаетъ; удерживается рукой за спинку стула и такъ остается недвиженъ нѣсколько минутъ*).

аннушка. Какъ тихо скончалась-то, родимая моя! Что буду я теперь? (*Плачетъ.*)

владиміръ (*подходитъ къ тѣлу и, взявъ, быстро отворачивается*). Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значать... у меня ихъ нѣтъ... пѣтъ!.. Но я отомщу; жестоко, ужасно отомщу!.. Пойду принесу отцу моему вѣсть о ея кончинѣ и заставлю, принужу его плакать, и когда онъ будетъ плакать, буду смѣяться. (*Убѣгаетъ. Долгое молчаніе.*)

аннушка. И сынъ родной ее оставляетъ. Теперь все, что я могу захватить, мое... Что же? Тутъ по мнѣ нѣтъ грѣха; лучше, чтобы мнѣ досталось, чѣмъ кому другому... а Владиміру Павловичу не нужно. (*Подноситъ зеркало къ губамъ усопшей.*) Зеркало гладко... послѣднее дыханье улетѣло... Какъ блѣдна. (*Уходитъ изъ комнаты и призываетъ остальныхъ слугъ для совершенія обрядовъ* *).

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ.

дѣйствіе III, явленіе III (по перв. списку).

3-го февраля пополудни.

Комната у Загорскиныхъ. наташа и княжна. анна Николаевна, входя, вводитъ двухъ старухъ (*Екат. дм. и мавру Петр.*).

анна Николаевна. А я васъ сегодня совсѣмъ не ожидала! Милости просимъ! Прощу садиться! Какъ ваше здоровье, Марья Ивановна? (*Садятся.*)

первая старуха. Эхъ, мать моя, что у меня за здоровье! Все ревматизмы да флюсъ... только нынче развязала шеку. (*Изъ другой старухъ*). Какъ мы съѣхались, Катерина Дмитріевна! Я только что на дворъ, и вы за мной, какъ будто сговорились навѣстить Анну Николаевну.

вторая старуха (*къ хозяйкѣ*). Я слышала, что вы были больны.

анна Николаевна. Да... благодарю, что навѣстили. Теперь лучше... А что, новаго не слышать ли чего-нибудь?

* Въмѣсто этого въ первоначальномъ текстѣ было: „аннушка. И сынъ родной оставляетъ твое тѣло!.. Господи, Господи! возьми поскорѣй и меня отсюда!“ (*Упадетъ на тѣло.*)

вторая старуха. У меня, вы знаете, Егорушка въ Петербургѣ; такъ онъ пишетъ, что турокъ въ пухъ разбили наши... взяли пашу.

первая старуха. Дай-то Богъ!.. А я слышала, что Горинкинъ женился—да на комъ! Знали вы Болотину?—такъ на ея дочерн! Славная партія! Вѣдь сколько жениховъ за нею гонялось! Такъ нѣтъ... кому счастье!

анна Николаевна. А я слышала: графъ Свитской умеръ. Вѣдь жена, дѣти...

первая старуха. Да, какая жалость! А что рассказываютъ, слышали вы?

анна Николаевна. Что такое?

вторая старуха. Что такое? Странно! я не слышала!

первая старуха. Говорятъ, что покойникъ, прости его Господи, почти все свое имѣніе продалъ и побочнымъ дѣтямъ отдалъ деньги. Есть же люди! И говорятъ также, будто бы въ духовной онъ написалъ, чтобъ его похороны не стоили больше ста рублей.

вторая старуха. Нечего сказать! Какъ въ колыбелькѣ, такъ и въ могилку. Всегда былъ чудакомъ покойникъ, царство ему небесное! Что жъ исполнили его завѣщаніе?

первая старуха. Какъ можно! Пожалуй онъ бы написалъ, чтобъ его въ оврагъ кинули! Нѣтъ, матушка, пять тысячъ стоили похороны!.. въ Донскомъ монастырѣ, да два архіерея было.

анна Николаевна. Стало быть, очень пышно было.

наташа. Будто не все равно...

первая старуха. Какъ такъ? Развѣ можно графа похоронить какъ нищаго?

вторая старуха (*послѣ общаго молчанія*).— Анна Николаевна, вы меня извините: я, вѣдь, только на минуточку къ вамъ заѣхала; спѣшу къ золовкѣ на крестины. (*Встаетъ.*) Прощайте.

анна Николаевна. Если такъ, то не смѣю васъ удерживать. Прощайте! (*Цѣлуются.*) До свиданья, матушка! (*Провожаетъ ее.*)

первая старуха. Какова? Какъ разрядилась паша Мавра Петровна! Пуницовы денты на чепцѣ! Ну, кстати ли? Вѣдь сама насилу ноги таскаетъ!.. А который ей годъ, Анна Николаевна, какъ вы думаете?

анна Николаевна. Да лѣтъ пятьдесятъ есть. Она такъ говоритъ...

первая старуха. Крадетъ съ десятокъ. Я замужь выходила, а у нея ужъ дѣти бѣгали.

наташа (*тихо Софьѣ*). Я думаю, потому что она замужь вышла тридцати лѣтъ.

княжна Софья. Охота тебѣ ихъ слушать, Наташа!

наташа. Помилуй, это очень весело. (*Слуха входитъ.*)

слуга. Дмитрій Василчъ Бѣлинскій пріѣхалъ.

анна Николаевна. Что это значить? (*Служь*). Проси въ гостиную. (*Слуха уходитъ. Тихо старухъ.*)

Пойдемте со мною, матушка. Я угадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ: мнѣ ужъ говорили. Онъ самъ не такъ богатъ, но дядя при смерти; а у дяди 1500 душъ.

первая старуха. Понимаю! (*Въ сторону.*) Посмотримъ, что за Бѣлинскій. (*Наташа.*) О, плутовка! (*Объ уходитъ.*)

княжна Софья. Отчего ты такъ покраснѣла? наташа Я?

княжна софья (*махнувъ рукой*). Ну ужъ! Ничего не слышитъ и не видитъ! Наташа, твои щеки пылаютъ, ты дрожишь, ты виѣ себя... что такое значитъ?

наташа (*схвативъ княжну за руку*). Такъ... это ничего... Кто сказалъ, что я дрожу? Ахъ, знаешь ли... я отгадываю, зачѣмъ онъ прѣхалъ... Теперь все рѣшится... Не правда ли? княжна софья. Что рѣшится?

наташа. Какіе глупые вопросы, кузина! Вчера была у насъ княгиня, и...

княжна софья. Я тебя понимало: ты влюблена въ Бѣлинскаго... Ну, что жъ? (*Наташа отвѣщается*.) Это очень натурально.

наташа (*съ живостью*). Послушай, какъ онъ мплъ! какъ онъ любезенъ!

княжна софья. Бѣдный Арбенинъ!

наташа. Чѣмъ же бѣдный?

княжна софья. Онъ тебя такъ любитъ!.. Бѣлинскій свататься прѣхалъ; ты навѣрное ему не откажешь—такъ ли? А я знаю, что Арбенинъ тебя очень, очень любитъ! (*Посмѣливо улыбается*.)

наташа. Разлюбить поневолѣ... Впрочемъ, онъ очень умѣлъ притворяться прежде съ друзьями, почему же не притворился онъ со мной, кто можетъ поручиться? Правда, онъ мнѣ сначала немного нравился: въ немъ что-то необыкновенное... а зато какой несносный характеръ, какой злой умъ и какое печальное всегда воображеніе!.. Боже мой! да такой человѣкъ въ одну недѣлю тоску нагонитъ! Есть многіе, которые не меньше его чувствуютъ, а веселы...

княжна софья. Ты хотѣла бы все смѣяться! (*Смотритъ на нее пристально*.) Однажды, въ сумерки прѣхалъ къ намъ Арбенинъ... сѣлъ за фортепiano и съ полчаса фантазировалъ. Я заслушалась; вдругъ онъ вскочилъ и подошелъ ко мнѣ. Слезы были у него на глазахъ.—Что съ вами?—спросила я.—Припадокъ!—отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой:—музыка приводитъ мнѣ на мысли Италію! Во всей ледяной Россіи нѣтъ сердца, которое отвѣчало бы моему! Все, что я люблю, убѣгаетъ меня; прошу сожалѣнія—нѣтъ! Я похожъ на чумнаго! Все, что меня любитъ, то заражается этою болѣзью несчастія, которую я принужденъ называть жизнью!—Тутъ Арбенинъ посмотрѣлъ на меня пристально, какъ будто ожидая отвѣта... я догадалась... но ты не слышишь...

наташа. Оставь меня! Какая мнѣ нужда до твоего Арбенина? Дѣлай съ нимъ, что хочешь! Клянусь тебѣ, не стану ревновать. Слышишь... воть... кажется, кто-то сюда идетъ... кажется, маменька...

княжна софья (*въ сторону*). Небо прекрасно исполняетъ мои желанья; судьба мститъ за меня. Хорошо! Онъ почувствуетъ всю тягость любви безнадёжной, обманутой. Я не даромъ старалась охладить къ нему Наташу: это меня радуетъ. Однако, что мнѣ пользы?... Я отомстила!... За что?... Онъ не знаетъ, что я его такъ люблю!... Но узнаетъ!... Я ему докажу, что есть женщины... (*Входитъ Анна Николаевна*.)

анна Николаевна. Наташа, подойди ко мнѣ, я хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ, ко-

торое рѣшитъ судьбу твоей жизни. Выйти замужъ—не порогъ перешагнуть. Все будущее твое зависитъ отъ одной минуты. Твое сердце должно бросить жребій; по расудокъ также не долженъ молчать. Подумай: Бѣлинскій предлагаетъ тебѣ свою руку. Согласна ты или нѣтъ? Правится ли онъ тебѣ?

наташа (*въ смущеніи*). Я... не знаю...

анна Николаевна. Какъ не знаю? Помилуй! Онъ ждетъ въ той комнатѣ! Кому же знать... рѣшишь поскорѣе... по крайней мѣрѣ, дать ли ему надежду. Что ты молчишь?.. Онъ молодой человѣкъ, превоспитанный, честный; состояніе есть, а ты знаешь, какъ наше разстроено. Бѣлинскій ожидаетъ богатое наслѣдство. Подумай: 1500 душъ! Расуди. Ты ужъ въ лѣтахъ, скоро стукнетъ 19. Теперь не пойдешь замужъ, такъ, можетъ быть, никогда не удастся; сиди въ дѣвкахъ! Плохо теперь жениховъ въ Москвѣ нѣтъ! Молодые, богатые не хотятъ жениться; мотають себѣ въ волю; а старые? Что въ нихъ: глупы или бѣдны! Рѣшись, Наташа! Вѣдь онъ тамъ ждетъ! Ну, скажи по совѣсти, вѣдь онъ тебѣ правится?

наташа. Правится...

анна Николаевна. Такъ ты согласна?... Я пойду...

наташа (*остаивливается мать*). Маман, подождите!... Такъ скоро!... Ей-Богу, я все это вижу, какъ во снѣ... Какъ можно въ одну минуту... (*Слезы показываются на глазахъ; она закрываетъ ихъ руками*.) Я не могу... развѣ непременно сейчасъ?..

анна Николаевна (*ласкаетъ ее*). Успокойся, другъ мой. О чемъ ты плачешь? Развѣ не сама сказала, что онъ тебѣ правится? Посмотри, какъ сердце бьется: это нездорово. Ты слишкомъ встревожилась. Я опрометчиво поступила; однако, сама посуди, вѣдь онъ ждетъ; не надо упускать жениха. Вѣдь я тебя не выдаю насильно, а только спрашиваю. Ты согласна—и я тотчасъ ему скажу; нѣтъ—такъ нѣтъ! бѣда не велика.

наташа (*утирая слезы*). Онъ мнѣ правится... Только... дайте ему надежду, пускай онъ ѣздитъ въ домъ, пускай будетъ, какъ женихъ... Только... Я сама не знаю! Вы такъ скоро мнѣ сказали... я не знаю... мнѣ стыдно плакать о глупостяхъ. Маман, вы сами сумѣете, какъ ему сказать... я напередъ на все согласна.

анна Николаевна. Ну, и давно бы такъ! О чемъ же плакать, мой ангелъ? (*Креститъ ее*.) Христосъ съ тобой! въ добрый часъ! (*Уходитъ*.)

наташа. Ахъ!

княжна софья. Ты поблѣнѣла, кузина! Поздравляю тебя! Невѣста!

наташа. Какъ скоро все это сдѣлалось. (*Уходитъ*.)

княжна софья. Правда. Когда мы чего-ни будь желаемъ, и желаніе наше исполнится, то намъ всегда кажется, что оно исполнилось слишкомъ скоро. Мы лучше любимъ видѣть радость въ будущемъ, нежели въ минувшемъ... Она счастлива... а я?... Зачѣмъ раскаиваться? Люди невинны, если судьба нечаянно исполняетъ ихъ дурныя желанія: стало быть, они

справедливы... стало быть, мое сердце должно быть покойно... должно бы было быть покойно... *)

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ.

Февраля 4-го вечеръ.

*Зала въ домъ Павла Григор.: слуги зажимаютъ лампы **).*

первый. Онь, чай, былъ не въ своемъ умѣ: отъ вчерашняго еще не опомнился.

второй. Какъ сказалъ ему баринъ?

третій. „Проклинаю тебя!“ сказалъ онъ ему.

второй. Владиміръ Павловичъ не заслужилъ этого.

первый. А гдѣ старый баринъ?

третій. Уѣхалъ въ гости.

*) Въ первоначальномъ текстѣ было: „княжна софья. Правда: это мѣна, двое за двое! Эти счастливы, а я и Владиміръ?... Что? Отчего же мы несчастливы?... И... онъ меня не любить и не будетъ любить! Но я отстала! Зачѣмъ раскаиваться?—Я ничего не сдѣлала; мы невиновны; если судьба нечаянно исполняетъ наши дурныя желанія, стало быть, они справедливы“.

**.) Въ первоначальномъ текстѣ эта сцена составляла конецъ III дѣйствія и была написана уже по окончаніи пьесы съ помѣткой: „сцена для Страшнаго челоуѣка“, и имѣла такой видъ:

Три лакея заняты въ залѣ: одинъ мытьемъ, другой лампами и проч.

первый. Что, братъ! Я тебѣ говорилъ, только что увидалъ, какъ молодой баринъ вошелъ: быть грозѣ!

второй. Да, была гроза! Миѣ стало жалко молодого барина: ну, какъ можно такъ строго взыскивать! Вѣдь, онъ, братъ, только что оставилъ тѣло Марьи Дмитріевны... онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ.

третій. Какъ сказалъ ему баринъ?

второй. „Проклинаю тебя!“ сказалъ онъ ему.

первый. Нѣтъ, кажется, что-то иначе, только не проклинаю.

третій. Та ли, другая ли пѣсня—все пѣсня!

второй. Зачѣмъ заперли молодого барина?

первый. А куда старый баринъ уѣхалъ?

третій. Владиміръ Павловичъ въ своей комнатѣ запертъ, потому что велѣно; а старый баринъ уѣхалъ въ гости.

второй. Для страху только, или въ самомъ дѣлѣ онъ проклялъ Владиміра Павловича?

третій. Для страху ли, въ самомъ дѣлѣ ли, все это страшно.

первый. Скажи, Сенька, когда ты одѣвалъ стараго барина, былъ ли онъ огорченъ или сердитъ?

третій. Нимало. Проклясть сына, ѣхать въ гости—эти двѣ вещи у насъ на одной линіи, почти какъ выпить стаканъ воды и выпить стаканъ вина.

первый. Эту ночь я видѣлъ во снѣ корову и сказалъ: быть слезамъ. И вправду не вытерпѣлъ, чтобъ не заплакать, когда молодой баринъ вышелъ изъ гостиной. А крѣпко онъ поговорилъ батюшкѣ своему... тотъ сначала и не опомнился.

второй. Ты видѣлъ, какъ этотъ гость, какъ

второй. Былъ ли онъ встревоженъ, когда ты ему подавалъ одѣваться?

третій. Нимало. Ни разу меня не ударилъ. Проклясть сына, ѣхать въ гости—эти двѣ вещи для него такъ близки между собою, какъ выпить стаканъ вина и стаканъ воды.

первый. А крѣпко поговорилъ молодой баринъ своему батюшкѣ; тотъ сначала и не опомнился.

второй. Оно все такъ, а только жалко, ей-Богу жалко! Отцовское проклятіе не шутка! Лучше жерновъ положить себѣ на сердце.

третій. Ивану не велѣно отъ него отходить... Вотъ отецъ.. Вѣдь проклялъ, а все бонсея, чтобъ сынъ на себя рукъ не наложилъ.

второй. Кровь говорить.

третій. А по-моему, такъ лучше убить, чѣмъ проклясть.

бниш его... ну, все равно, ты видѣлъ, какъ онъ ускользнулъ отъ насъ.

первый. Кабы этого гостя не было, Павелъ Григоричъ не проклялъ бы молодого барина.

третій. На людяхъ и слово обидно, а не при комъ и пощечину перенесешь.

первый. Оно все такъ, только жалко, ей-ей жалко!

Далѣе былъ написанъ нижеслѣдующій „монологъ“: который видоизмѣненнымъ читатель найдетъ на слѣдующей страницѣ.

Онь, мой отецъ, меня проклялъ!.. И въ ту самую минуту, когда я, лежавшій безъ чувствъ на полу, открывалъ глаза, о... я могъ бы умереть отъ словъ его! Вотъ мщеніе!.. Но я собой доволенъ: и сдѣлалъ должно. Она меня оправдаетъ передъ лицомъ Всевышняго! Однако... буду ли я здѣсь счастливъ? Какъ! Ужели я не могу выбить изъ головы этой ничтожной мысли? Нѣтъ! я требовалъ отъ свѣта больше, чѣмъ онъ миѣ дать могъ! Я—безумецъ! Но испытаю послѣднее—женскую любовь!.. Боже! Какъ мало ты миѣ оставилъ! Послѣдняя нитъ, привязывающая меня къ жизни, оборвется—и я буду съ Тобой! Ты сотворилъ мое сердце для Себя, Ты утолишь его жажду. Да! я скоро умру—и буду забытъ. Гдѣ мои необъятные планы? Ужели мечты, принимаемая мною за предчувствіе, были только приманки злого духа, который пошипѣ преслѣдуетъ меня, показываетъ обольстительный призракъ на другой сторонѣ пропасти, чтобъ я скорѣе въ нее повергнулся? Къ чему служила эта жажда къ великому? Гдѣ исполнятся мои замыслы? Ахъ! не я исполню! Творческая сила, оживлявшая эту грудь, истощилась, воображенія нѣтъ, существенность подавила все. Люди, люди!.. А развѣ я не челоуѣкъ? Отчего они забавляются всякою малостью, счастливы безъ всякой причины... а я, я ношусь мыслью въ какомъ-то чуждомъ мірѣ, страдаю, молюсь, молюсь... и все напрасно! И мой отецъ меня проклялъ!.. Ха-ха-ха! Кто другого смѣлъ бы ожидать? Но развѣ точно проклятіе отъ отца есть проклятіе Божіе? Нѣтъ, мой Создатель! Я чувствую, что Ты меня примешь и теверъ, какъ принялъ бы прежде. Эта луна, эти звѣзды, это синее небо миѣ порукой за Твое прощеніе! Какъ они глядятъ на меня, какъ они стараются уѣбрить меня, что жизнь ничего не значить!..

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Февраля 4-го вечеръ.

*Комната Владиміра. Луна свѣтитъ въ окно. Владиміръ возлѣ стола, опершись на него рукою. Иванъ у двери *).*

иванъ. Здоровы ли вы, сударь?

владиміръ. На что тебѣ?

иванъ. Вы блѣдны.

владиміръ. Я блѣденъ?.. Когда-нибудь буду еще блѣднѣе.

иванъ. Вашъ батюшка только погорячился: онъ скоро васъ проститъ.

владиміръ. Поди, добрый человѣкъ; это до тебя не касается.

иванъ. Мнѣ не вѣдно отъ васъ отходить.

владиміръ. Ты лжешь: здѣсь нѣтъ никого, кто бы занимался мною. Оставь меня—я здоровъ.

иванъ. Напрасно, сударь, хотите меня увѣрить въ томъ. Вашъ разстроенный видъ, бродячіе глаза, дрожащій голосъ показываютъ совсѣмъ противное.

владиміръ (*вынимаетъ кошелекъ; про себя*). Я слышалъ, что деньги дѣлаютъ изъ людей все. (*Громко*.) Возьми—и ступай отсюда. Здѣсь тридцать червонцевъ.

иванъ. За тридцать серебряниковъ продалъ Иуда нашего Спасителя; а это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ; хотя я рабъ, а не рѣшусь отъ васъ взять денегъ за такую услугу.

владиміръ (*бросаетъ кошелекъ въ окно, которое разбивается; стекла звенятъ и кошелекъ упадетъ на улицу*). Такъ пусть кто-нибудь подниметъ!

иванъ. Что это, сударь, съ вами дѣлается? Утѣштесь—не все горе.

владиміръ. Однако жъ...

иванъ. Богъ пошлетъ вамъ счастье, хотя бы за то только, что меня облагодѣтельствовали. Никогда я, видить Богъ, отъ васъ сердитаго слова не слыхалъ.

владиміръ. Точно?

иванъ. Я всегда велю жегѣ и дѣтямъ за васъ Богу молиться.

владиміръ (*разстѣянно*). Такъ у тебя есть жена и дѣти?

иванъ. Да еще какія—будто съ неба... добрая жена... а малютки—сердце радуется, глядя на нихъ.

владиміръ. Если я тебѣ сдѣлалъ добро, исполни мою единственную просьбу.

иванъ. И тѣломъ и душой готовъ, батюшка, на вашу службу...

владиміръ (*беретъ его за руку*). У тебя есть дѣти... не проклинай ихъ никогда! (*Отходитъ въ сторону къ окну; Иванъ глядитъ на него съ сожалѣніемъ*.) А онъ, онъ, мой отецъ, меня проклиная, и въ такой мигъ, когда я бы могъ умереть отъ словъ его. Но я сдѣлалъ должно: она меня оправдываетъ передъ лицомъ Всевышняго. Теперь испытаю послѣднее на землѣ—

* Сцена эта почти дословно перенесена изъ „Menschen und Leidenschaften“: дѣйствие V, явленіе VIII, а въ первомъ спискѣ нѣтъ разговора между Иваномъ и Вл. Арбенинымъ.

женскую любовь. Боже, какъ мало Ты мнѣ оставилъ? Послѣдняя нить, привязывающая меня къ жизни, оборвется, и я буду съ Тобой. Ты сотворилъ мое сердце для себя; проклятіе человѣка не имѣетъ вліянія на гнѣвъ Твой. Ты милосердъ—иначе я бы не могъ родиться! (*Смотритъ въ окно*.) Какъ эта луна, эти звѣзды стараются меня увѣрить, что жизнь ничего не значить... Гдѣ мои исполнскіе замыслы? Къ чему служила эта жажда къ великому? Все прошло—я это вижу. Такъ точно вечернее облако, куда солнце не коснулось до небосклона, принимаетъ видъ небеснаго города, блеститъ золотыми краями и общааетъ чудеса воображенію; но солнце закатилось, дунуль вѣтеръ—и облако растянулось, померкло, и наконецъ упадаетъ росю на землю!

СЦЕНА ДВѢНАДЦАТАЯ.

дѣйствие IV, явленіе I [по перв. списку].

Февраля... вечеръ.

Комната у Загорскихъ. Дверь отворена въ друину, гдѣ много гостей. Анна Николаевна и княжна софья входятъ.

княжна софья. Тетушка, мы съ Наташей сейчасъ пріѣхали изъ рядовъ и купили все, что надобно. Не знаю, понравится ли вамъ; по мнѣ хорошо, только блонды дорого.

анна Николаевна. Теперь некогда, Сонюшка: послѣ посмотрю. (*Входитъ гость*.) Ахъ, здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ! Какъ ваше здоровье? Я васъ совсѣмъ не ожидала: вы такіе стали спѣсивые—и знать насъ не хотите.

гость первый. Помилуйте, я узналъ, что Наталья Федоровна ваша помолвлена и пріѣхалъ поздравить и пожелать ей всякаго счастья.

анна Николаевна. Покорно васъ благодарю. Дай-то Богъ! Человѣкъ, кажется, хорошій.

гость первый. И я слышалъ съ прекраснымъ состояніемъ?

анна Николаевна. Какъ же съ! Да вы, я думаю, знаете г-на Бѣлинскаго?

гость первый. Видалъ-съ. Прелестнѣйшій молодой человѣкъ.

анна Николаевна. Милости просимъ въ гостиную, Сергѣй Сергѣичъ! (*Уходятъ оба въ гостиную*.)

княжна софья. Все идетъ по-моему. Отчего же я беспокоюсь? Развѣ у меня два сердца, что одна и та же вещь меня радуетъ и огорчаетъ? Какъ согласить внутреннее самодовольствіе съ исполненіемъ желаній? Нѣтъ, главная моя цѣль еще далеко. Я желала бы знать, какъ все это подѣйствуетъ на Владиміра. Боже! какъ мнѣ душно въ этой толпѣ людей, которые съ такимъ жаромъ разсуждаютъ о пустякахъ и не замѣчаютъ, что каждая минута отнимаетъ у меня по надеждѣ и приноситъ мнѣ какое-нибудь новое мученье! Гдѣ несчастливцы? На всѣхъ лицахъ я встрѣчаю только улыбки. Одна я страдаю, одна я плачу, одна утираю слезы... Если бы онъ ихъ увидалъ, то сталъ бы меня любить. Онъ бы не устоялъ! Невозможно, невозможно ему быть совершенно равнодушну...

наташа (*обматъ; весело*). Ха-ха-ха-ха-ха. Ma cousine, послушай: если бы ты была тамъ,

то насмѣялась бы досыта... ха-ха-ха! Боже мой!.. Ахъ!.. Я удерживалась до тѣхъ поръ, что чуть-чуть не захохотала ему въ глаза.

княжна софья. Кому?..

наташа. Насилу я вырвалась. Сергѣй Сергѣичъ подошелъ меня поздравлять, смѣшался, закинулся, забормоталъ... я ничего не поняла. Онъ самъ, я думаю, не зналъ, что говорить—умора! Такъ мы остались другъ противъ друга... ха-ха-ха!

княжна софья. Какъ ты весела! Гдѣ Вѣлинскій?

наташа. Его окружили старики и старухи—такъ досадно!

вѣлинскій (*входитъ*). Славу Богу! Я опять съ вами! Меня осадилъ весь очаковскій вѣкъ. Добрые люди, только нестерпимо скучны! Они все толкуютъ о прошедшемъ, а я въ настоящемъ такъ счастливъ!

княжна софья. Это видно по вашему лицу.

наташа. Mon cher ami, оставимъ ее: она не въ духѣ. Сядемъ, поговоримъ. (*Садятся.*)

вѣлинскій (*цѣлуетъ у нея руку*). Теперь я имѣю право вызывать завистниковъ.

княжна софья (*про себя*). Этотъ человѣкъ думаетъ, говоритъ о счастіи, отнявъ послѣднее у своего друга. Отчего же я, хотя менѣ виновна, должна чувствовать раскаянье? О какъ бы я замѣнила Владиміру эту потерю, если бъ!.. если бъ только...

(гость, молодой человекъ, выходитъ изъ гостиной, кланяется Софьѣ и приближается къ ней.)

гость. Здорова ли, княгиня, ваша матушка?

княжна софья. Нѣтъ, она очень больна.

гость. Вы, вѣрно, знаете Владиміра Арбенина?

княжна софья. Онъ къ намъ ѣздитъ.

гость. Вы не примѣтили: сумасшедшій онъ?

княжна софья. Я всегда замѣчала, что онъ очень уменъ. Не могу догадаться, къ чему такіе вопросы?

гость. Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ не шучу. Нѣсколько дней тому назадъ я былъ у его отца. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется и вбѣгаетъ Владиміръ... Я испугался. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ безпорядкѣ. Я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолбенѣлъ и ни слова не могъ выговорить. — Убийца!—воскликнулъ Владиміръ,—ты мнѣ не вѣрилъ, поди же поцѣлуй ея мертвую руку!—и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю; слуги вбѣжали; его подняли; отецъ не говорилъ ни слова, но дрожалъ, хотя показывалъ или старался показывать, что не былъ встревоженъ... Я поскорѣ взялъ шляпу и ушелъ. Потомъ я узналъ, что Павелъ Григоричъ его ужасно бранилъ и даже проклиналъ, говорятъ, но я не вѣрю...

княжна софья (*въ сильномъ волненіи*). Проклялъ, говорите вы... Онъ упалъ, но ему ничего не сдѣлалось?.. Вы не знаете, что значили слова его? Нѣтъ, это не сумасшествіе... что-нибудь ужасное съ нимъ случилось...

гость (*съ улыбкой*). Я не ожидалъ, чтобы вы приняли такое большое участіе.

княжна софья. Въ самомъ дѣлѣ? (*Съ досадой въ сторону*). Боже, нельзя показать сожалѣнія?

гость. Наконецъ, я узналъ, что въ этотъ са-

мый день умерла у Владиміра мать, которая съ отцомъ была въ разводѣ; но такое бѣшенство, такіе угрозы показываютъ совершенное сумасшествіе! Это, въ самомъ дѣлѣ, очень жалко; онъ имѣлъ способности, умъ, познанія...

княжна софья. По словамъ, которыя вы мнѣ повторили, отецъ его былъ виноватъ въ чемъ-нибудь... Онъ не замѣтилъ васъ, и если только въ этомъ состоитъ сумасшествіе...

гость. О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я не хотѣлъ этого сказать; но вы сами судите... Мнѣ стало жалко его—вотъ для чего я спросилъ...

княжна софья. Вы видите, что я не могу вамъ дать положительнаго отвѣта.

гость (*помолчавъ*). Вы поѣдете завтра въ концертъ, княжна? Славная музыкантша будетъ на арфѣ играть. Вы не слыхали еще? Она изъ Парижа... это очень любопытно. Если угодно, я билетъ...

княжна софья. Я не любопытна; я не имѣю этого порока.

гость. Извините. Я желалъ вамъ услужить.

княжна софья. Вы очень милостивы...

гость (*раскланиваясь*). Прону васъ повѣрить, что если я что-нибудь непріятное сказалъ вамъ, то мое намѣреніе было совсѣмъ не таково... (*Уходитъ.*)

княжна софья (*одна*). Чуть-чуть онъ не сказалъ, что хотѣлъ меня обрадовать этими новостями! Придти нарочно, простоять четверть часа здѣсь для того только, чтобы сказать зло про одного человѣка и опечалить другого. (*Молчаніе.*) Что ждетъ меня? Ужасно темнѣетъ предо мной будущность, какъ бездна, которая хочетъ поглотить все, что во мнѣ радуется жизнью. Владиміръ потерялъ мать, любовь отца и долженъ лишиться Наташи. Но первыя два несчастья помогутъ ему перенести послѣднее съ твердостью. Нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая, къ которой прикованы всѣ думы, которая отравляетъ всѣ чувства одинаковымъ ядомъ. Да! онъ мужчина, онъ крѣпокъ духомъ!.. А тамъ... тамъ я могу еще надѣяться. Я примѣчала нѣсколько разъ, что глаза его пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ быть...

наташа. Что онъ тебѣ рассказывалъ?

княжна софья. Про Арбенина.

вѣлинскій. Что такое про Арбенина?

княжна софья. Не бойтесь.

вѣлинскій. Чего же мнѣ бояться?

княжна софья. Вы лучше знать должны.

наташа (*тихо*). Развѣ онъ провѣдалъ, что я выхожу замужъ?

княжна софья. За его друга?—Нѣтъ... Арбенинъ потерялъ мать и отъ этого онъ въ отчаяніи. Его приняли за сумасшедшаго. Не знаю, вынесетъ ли онъ второй ударъ...

вѣлинскій. О, повѣрьте, что онъ кажется гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть.

княжна софья. Разумѣется, вы это должны знать лучше насъ: вы были его другомъ.

вѣлинскій. Я дружбу принесъ въ жертву любви.

княжна софья. Это очень хорошо... для васъ вѣлинскій. Впрочемъ, не думайте, что я съ Арбенинымъ очень друженъ былъ. Пріятели въ нашъ вѣкъ—двѣ струны, которыя по волѣ му-

зыканта издаютъ согласные звуки, но содержать въ себѣ столько же противныхъ*).

княжна софья (*Наташа*). Прошу не прогнѣваться, кузина, а я скажу, что ты его любила. Для жениха ты не должна имѣть тайны; и вѣрно господишъ Вѣлинскій со мной согласенъ? (*Наташа при этихъ словахъ покраснѣла.*)

наташа. Да, это правда: Арбенинъ мнѣ сначала правился и очень занималъ воображеніе; но этотъ сонъ, какъ всѣ печальные сны, прошелъ. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мнѣ болѣе о немъ.

княжна софья. Я не совѣмъ что-то вѣрю твоему пробужденію.

наташа. Кузина, къ чему это?

вѣлинскій. Можетъ быть, одинъ сонъ смѣнился другимъ.

княжна софья. Однако, послушайте, господишъ женихъ, не слишкомъ ей вѣрете: она съ давнишнихъ поръ носитъ на крестѣ стихи, которые дала ей Арбенинъ. Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобы она ихъ показала. А-а, попалась, душа моя!

вѣлинскій. Я могу просить, и то, если она позволить... Впрочемъ, я въ ней слишкомъ увѣренъ.

княжна софья. Излишества всегда опасны.

наташа. Чтобы доказать моей кузинѣ, что я нимало не дорожу этими глупостями (*Снимаетъ съ шеи ожерелье, на которомъ крестъ, и отвязываетъ бумажку*), возьмите! Эта старинная бумажка была мною совѣмъ позабыта. Прочти, мой другъ... эти стихи довольно порядочно написаны.

вѣлинскій. Это его рука.

княжна софья (*въ сторону*). Безстыдный! онъ также спокоенъ, какъ будто читаетъ театральную афишу: ни одной искры раскаянья въ ледяныхъ глазахъ! Ужели искусство? Нѣтъ, я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемѣрія. Ахъ, для чего одно ятно очернило мою чистую душу?

наташа. Прочти, мой другъ.

вѣлинскій (*читаетъ*).

Когда одинъ воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей;
Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ жизнь его порой,—
Ты будешь ли его защитой?
Передъ безчувственной толпой?

Онъ жилъ съ людьми, какъ бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда,
Но хоть виновенъ передъ ними,
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.
Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ!
Вѣрь! не постыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ!

Прекрасно! очень мило! (*Отдаетъ*.)

наташа (*разрываетъ бумагу*). Теперь спокойны ли вы, кузина?

княжна софья. О, я на твой счетъ никогда не беспокоилась.

вѣлинскій (*въ сторону*). Эта княжна вовсе

не по мнѣ! Къ чему ея упреки? Что ей за дѣло? (*Дверь открывается, входитъ Владиміръ; княжнается; всѣ смущены. Онъ хочетъ подойти, но, взглянувъ на Вѣлинскаго и Наташу, останавливается и быстро входитъ въ гостиную.*)

НАТАША (*только что Владиміръ вошелъ*). Ахъ! Арбенинъ!

вѣлинскій. (*про себя*). Вотъ не кстати! Чортъ его просиль! Онъ взбѣсится; онъ вѣрно еще не знаетъ, что я женихъ и на комъ... Надо убраться, чтобы не сдѣлаться жертвою перваго пыла. (*Громко*.) Мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ Арбенинъмъ. Вы его знаете...

княжна софья (*кинувъ на него косвенный взглядъ*). Это правда.

вѣлинскій. Итакъ, прощайте. (*Уходитъ въ кабинетъ*.)

наташа. Невольный трепетъ пробѣгаетъ по мнѣ; сердце бьется.. Отчего этотъ человекъ, котораго я уже не люблю, все еще имѣетъ на меня такое влияніе? Но, можетъ быть, любовь къ нему не совѣмъ погасла въ моемъ сердцѣ? Можетъ быть, одно воображеніе отвлекло меня отъ него на время? Однако, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность... я дала Вѣлинскому слово: онъ будетъ моимъ мужемъ, и Арбенина должно удалить; это будетъ мнѣ легко.. (*Задумывается*.)

княжна софья. Слава Богу! (*Про себя*.) Я думала, что этотъ Вѣлинскій не мучимъ совѣстью; теперь я вижу совѣмъ противоположное. Онъ боялся встрѣтить взоръ обманутаго имъ человека. Такъ! онъ виновнѣе меня... Я замѣтила смущеніе въ его чертахъ. Пускай бѣжитъ!.. Ему ли убѣжать отъ неизбежнаго наказанія небесъ? (*Удается съ глубиною тѣтра. Владиміръ, блѣдный, выходитъ изъ гостиной; онъ и Наташа долго стоятъ неподвижны.*)

наташа. Что скажете новаго?

владиміръ. Говорить, вы выходите замужъ.

наташа. Это для меня не ново...

владиміръ. Я вамъ желаю счастья.

наташа. Покорно благодарю.

владиміръ. Такъ это точно, точно правда?

наташа. Что жъ удивительнаго?

владиміръ (*помолчавъ*). Вы не будете счастливы.

наташа. Почему же?

владиміръ. Я слыхалъ, что свадьбы, которыя бывають въ одинъ день съ похоронами, несчастливы.

наташа. Ваши пророчества очень печальны; впрочемъ, всякій день кто-нибудь да умираетъ въ мірѣ. Итакъ...

владиміръ. Послушайте, скажите мнѣ по чести, это шутка или нѣтъ?

наташа. Нѣтъ.

владиміръ. Подумайте хорошенько... Клянусь Богомъ, я теперь не въ состояніи принимать такія шутки. Въ васъ есть жалость... Послушайте, я потерялъ мать, ангела; отвергнуть отцомъ. Я потерялъ все, кромѣ одной искры надежды. Одно слово — и она погаснетъ! Вотъ кака я у васъ власть... Я пришелъ сюда, чтобы провести одну спокойную счастливую минуту... что пользы вамъ лишить меня изъ шутки такой минуты?

наташа. Я не думала шутить; я очень понимаю, какъ ваше несчастіе велико; я бы достой-

*) Въ первоначальномъ текстѣ стоитъ только: „пріятели не всегда друзья“.

на была презрѣнія, если бы могла съ вами шутить теперь. Нѣтъ, вы имѣете право на уваженіе и состраданіе всякаго...

владимиръ (*смотритъ на нее нѣсколько времени*) Помните ли, давно-давно тому назадъ я привезъ вамъ стихи, въ которыхъ просилъ защитить противъ злословій свѣта... и вы обѣщали мнѣ; съ тѣхъ поръ я вамъ вѣрю, какъ Богу; съ тѣхъ поръ я васъ люблю больше Бога. О, какимъ голосомъ было сказано это „обѣщай!“ и я тогда же въ душѣ произнесъ клятву вѣчно любить васъ. Вѣчно! на языкѣ другого это слово мало значить... но я *поклонился* любить васъ вѣчно, поклонился самому себѣ; а клятва благороднаго человѣка неизмѣнна, какъ воля Творца!.. Отвѣчайте мнѣ, скажите мнѣ одно не слишкомъ холодное слово... солгите... и я буду... доволенъ. Что стоитъ одно слово?.. Оно спасетъ человѣка отъ отчаянія.

наташа (*въ сторону*). Что мнѣ дѣлать? Мысли мои разсѣяны. О! зачѣмъ, зачѣмъ нельзя изгладить нѣсколько дней изъ моей жизни, возвратиться къ прежнему?.. Я могла бы отвѣчать ему... онъ такъ жалокъ!.. Я его не люблю, но мнѣ какъ-то страшно его огорчить.

владимиръ. Женщина! ты колеблешься? Послушай: если бѣ изсохшая отъ голода собака приползла къ твоимъ ногамъ съ жалобнымъ визгомъ и движеніями, изъявляющими жестокія муки, и у тебя бы былъ хлѣбъ,—ужели ты не отдала бы ей, прочитавъ голодную смерть во впадомъ взорѣ, хотя бы этотъ кусокъ хлѣба назначенъ былъ совсѣмъ для другого употребленія? Такъ я прошу у тебя одного слова любви...

наташа (*помолчавъ; значително*). Я выхожу замужъ за Вѣлинскаго. (*Софья, которая издали смотрѣла, уходитъ поспѣшно.*)

владимиръ. Опъ? Опъ?.. Какъ?.. Стало быть, мои подозрѣнія...

наташа. Чего вы испугались?

владимиръ. И я его называлъ другомъ! Адь и проклять! Онъ мнѣ заплатитъ за каждую слезу, которую пролилъ я на предательскую грудь... онъ мнѣ заплатитъ своею кровью! (*Хочетъ идти.*)

наташа. Остановитесь! остановитесь! (*Она неподвижна.*) Какое безумство! Такъ вотъ ваша привязанность ко мнѣ! Я люблю Вѣлинскаго, и вы хотите убить его! Опомнитесь, его смерть заставитъ меня ненавидѣть васъ.

владимиръ. Тебѣ его жаль? Ты его любишь? Не вѣрю! нѣтъ, я не вѣрю! Тотъ, кто обмазнулъ друга, недостоняя уваженія! Презрѣніе и любовь—несовмѣстны!.. Моя рука тебя избавитъ отъ этой ехидны.

наташа. Владимиръ, оставьте... я умоляю...

владимиръ (*посмотрѣвъ на нее, со вздохомъ*). Хорошо!.. Что еще я долженъ сдѣлать?

наташа. Намъ не надобно больше видѣться. Я прошу, забудьте меня: это насъ обонхъ избавитъ отъ многихъ непріятностей. Мало ли есть разсѣяній для молодого человѣка! Вамъ понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова увидимся, будемъ друзьями, будемъ проводить вмѣстѣ цѣлые дни радости... До тѣхъ поръ я прошу васъ забыть дѣвушку, которая не должна думать вашихъ жалобъ.

владимиръ. Прекрасные совѣты. (*Ходитъ взадъ и впередъ; съ сухимъ смѣхомъ.*) Въ какомъ ро-

манѣ... у какой героини вы переняли такіа мудрыя увѣщанія?... Вы желали бы во мнѣ найти Вертера... претестная мысль... Кто бѣ могъ ожидать?

наташа. Разсудокъ вашъ то же говорить, что я, только вы его не хотите слушать.

владимиръ. Нѣтъ, я не стану мстить Бѣлинскому!.. я ошибался. Я помню, онъ мнѣ часто говорилъ о разлукѣ: они годятся другъ для друга... и что мнѣ за дѣло? Пускай себѣ живутъ да дѣтей наживаютъ; пускай закладываютъ деревни и покупаютъ другія—вотъ ихъ занятія!.. Ахъ! я за одинъ ея веселый мигъ заплачу въ годами блаженства!.. А на что ей? Какая дѣтская глупость!

наташа. Мои слова непріятны вамъ; по правда, говорятъ, никому не нравится. Я сама вамъ теперь признаюсь, что вы, вашъ характеръ, вашъ умъ сдѣлали на меня сначала довольно сильное впечатлѣніе; но теперь обстоятельства перемѣнились, и мы должны разстаться; я люблю другого.. Такъ я подамъ вамъ примѣръ: я васъ забуду...

владимиръ. Ты меня забудешь?.. Ты? О, не думай! совѣсть вѣрнѣе памяти; не любовь,—раскаяніе будетъ тебѣ напоминать обо мнѣ. Развѣ я повѣрю, чтобъ ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, если бы долженъ былъ выбирать вселенную или тебя. Бѣлинскій тебя не стоитъ; онъ не будетъ въ состояніи цѣнить твою любовь, твой умъ; онъ пожертвовалъ другомъ для... о, не для тебя!.. деньги, деньги—вотъ его божество!.. и тебя принесетъ онъ имъ въ жертву. Тогда ты проклянешь свою легковѣрность... и тотъ часъ, тотъ часъ... въ который подала мнѣ пагубныя надежды и создала земной рай для моего сердца, чтобъ лишитъ меня небеснаго...

наташа. Еще разъ говорю вамъ, перестаньте! Вы слишкомъ вольно говорите. (*Помолчавъ.*) Мы не должны больше видѣться. Какая вамъ охота смущать семейственную тишину? Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, а послѣ... послѣ мы будемъ друзьями...

владимиръ. Не слишкомъ ли вы полагаетесь на свою добродѣтель? Нѣтъ, я не способенъ жить остатками сокровища, принадлежащаго другому.. Что осмѣлились вы предложить мнѣ? Создатель! теперь я вѣрю, что демоны были прежде ангелами.

наташа. Господинъ Арбенинъ, ваше упрямство, ваши дерзости нестерпимы. Вы несносны. владимиръ. Отчего вы прежде со мною такъ не говорили?

наташа. Вы правы: я смѣшна, глупа... Какъ хотѣть, чтобъ сумасшедшій поступалъ какъ разсудительный человѣкъ... Оставляю васъ и, признаюсь, раскаиваюсь въ первый и послѣдній разъ въ томъ, что хотѣла кого-нибудь угнѣшить. Вы пренебрегли всея приличія, и я не намѣрена терпѣть долѣе. (*Уходитъ; но останавливается въ глубинѣ театра и смотритъ на него.*)

владимиръ. Богъ, Богъ! Во мнѣ отнынь къ Тебѣ нѣтъ ни любви, ни вѣры!.. Но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, Ты самъ нестерпимую пытку вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ Ты далъ мнѣ огненное сердце, которое любить до крайности и не умѣетъ также

ненавидѣть? Ты виновенъ! пускай Твой громъ упадетъ на мою непокорную голову: я не думаю, чтобъ послѣдній воишь погибающаго червя могъ Тебя порадовать... (Въ это время взошелъ Бѣлинскій. Наташа говоритъ ему что-то на ухо, съ видомъ просьбы, и уходитъ. Онъ смотритъ издалеки. Владимиръ ломаетъ себѣ руки.) Эти нѣжныя губы, этотъ очаровательный голосъ, улыбка, глаза, все, все это для меня стало ядъ! Какъ можно подавать надежды только для того, чтобъ имѣть удовольствіе лишній разъ обмануть ихъ? (Обтираетъ глаза и лобъ.) Женщина, стоишь ли ты этихъ кровавыхъ слезъ! (Бѣлинскій подходитъ.)

бѣлинскій. Владимиръ! (Въ сторону.) Мнѣ должно его умаслить, уговорить, а то онъ чортъ знаетъ чего надѣлать радъ! Наташа правду говоритъ: онъ только въ первыя минуты бѣшенства опасенъ. (Громко.) Владимиръ.

владимиръ (не оборачиваясь). Что?

бѣлинскій. Ты на меня сердить?

владимиръ. Нѣтъ.

бѣлинскій. О! я вижу, что ты сердить, по развѣ не она сама выбирала?

владимиръ (все не оборачиваясь). Разумѣется.

бѣлинскій. Время тебя выльчить.

владимиръ. Не знаю. (Голосъ его дрожитъ.)

бѣлинскій. Арбенинъ! я вижу по всему, ты ужасно на меня сердить. Повѣрь, я тебя знаю очень хорошо, я проникъ все движенія твоего сердца и даже иногда скорѣе объясняю твои поступки, чѣмъ свои собственные.

владимиръ. Ты знаешь меня? Ты говоришь это? (Со слезою.) Если такъ, то Павелъ Васильевичъ Бѣлинскій первѣйшій глупецъ или первѣйшій злодѣй въ свѣтъ!

бѣлинскій. Скорѣй первое, чѣмъ послѣднее.

владимиръ. Поздравляю.

бѣлинскій. Ну, посуди самъ: развѣ я не имѣлъ одинакаго права съ тобой на ея руку? Ты, братецъ, эгоистъ. Върн мнѣ, твоя печаль одно оскорбленіе самолюбія.

владимиръ. Мнѣ върнѣе... тебѣ?..

бѣлинскій. Развѣ я употребилъ во зло твою довѣренность, развѣ я открылъ какую-нибудь изъ твоихъ тайнъ? Загорскіна прежде любила тебя, положимъ; а теперь моя очередь. Зачѣмъ ты тогда на ней не женился?

владимиръ. Я совѣтую оставить меня. Не надѣйся на мое хладнокровіе. Я хотѣлъ... готовъ былъ тебѣ отомстить, упиться твоею кровью... кровью! слышишь ли? и я тебѣ прощаю, и ни въ чемъ не виною, только оставь меня. Я не могу отвѣчать на твои искреннія ласки. (Смѣется тихо.) Теперь я свободенъ. Никто... никто... ровно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ—слышишь? Это ты сдѣлалъ. Не пугайся, не расказывайся. Что за важность? Я—лишній! Ты—искусный, осторожный, умный человекъ! Замѣтилъ, что дружба меня извѣжила, что надежда избаловала—и однимъ ударомъ отнялъ все... Бѣлинскій! кажется, у меня теперь ничего ужъ нѣтъ завиднаго?

бѣлинскій. Ты не прощаешь мнѣ... Эта холодность, эта язвительная улыбка...

владимиръ. О, ты слишкомъ хорошо обо мнѣ думалъ; съ нѣкоторыхъ поръ я тебѣ ничѣмъ не обязанъ... мои долги тебѣ заплачены, денежные и другіе...

бѣлинскій. Итакъ, ты у меня совершенно отнял свое сердце?.. Ужели мы снова не можемъ сойтись, если я докажу...

владимиръ. На что?

бѣлинскій. Я закидаю тебя.

владимиръ (въ сторону). Какая низость! и она можетъ, и я могъ его любить?..

бѣлинскій. Именемъ ея прошу тебя.

владимиръ. Полно, полно! развѣ можно что-нибудь еще у меня отнять?

бѣлинскій (сквозъ зубы). Непреклонный! (Ему.) Послушай, прости мнѣ. Теперь перемѣнить нельзя; но впередъ, даю тебѣ честное слово...

владимиръ. Довольно и одного раза.

бѣлинскій. Одумайся! Со временемъ...

владимиръ (въ сторону). Со временемъ, со временемъ! Всемогущій, какъ Ты позволилъ ей пожертвовать моею любовью для такого подлеца?

бѣлинскій. И ты даже не хочешь выслушать опытнаго друга, который тебѣ желаетъ добра.

владимиръ (въ себя). Боже!..

бѣлинскій. Такъ! я не долженъ тебя оставлять—это моя обязанность, и ты самъ будешь послѣ благодаренъ. Преступленіе было бы не удержатъ безумца на краю пропасти. (Беретъ его за руку.) Поидемъ къ ней! Наташа смягчитъ твою горестъ: ты мнѣ сказывалъ, что взоръ ея можетъ усмирять твою душевную бурю...

владимиръ. Поидемъ къ ней! (Хочетъ его увлечь; Владимиръ неподвиженъ съ минуту, потомъ вырываетъ буйно руку и бѣжитъ вонъ.) Остановись, остановись! (Молчаніе.) Онъ ушелъ. Я исполнилъ желаніе моей невѣсты, а судьба исполнила мое. Но почему я не могъ дышать свободно въ его присутствіи? Въдъ я правъ, и все въ этомъ согласны. Арбенинъ—ребенокъ, который, испугавшись розги, бросается въ рѣку. Что за глупая ревность! Онъ ненавидитъ меня—и за то, что я больше его нравлюсь. Жалко, что столько способностей, ума подавлено безсмысленною страстью! И какъ не умирать себѣ приказатъ!

(Княжна Софья входитъ.)

княжна софья. Гдѣ Арбенинъ?

бѣлинскій. Ушелъ. Не слышитъ и не видитъ; какъ бѣшенный бросился въ дверь.

княжна софья. И вы его не удержали? И онъ все любитъ Наташу?

бѣлинскій! Больше, чѣмъ когда-нибудь.

княжна софья (поблѣднѣвъ, упадетъ съ кресла). Итакъ, все напрасно!..

бѣлинскій. Что съ вами? Человѣкъ! эй, спирту, воды!

княжна софья. Оставьте меня!

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ.

12-го мая.

эпизодъ (по первонач. тексту).

Въ домъ графа Н. Много гостей; вечеръ; подають чай.

первый гость. Слышали вы, графъ, новость? Завтра свадьба въ вашемъ приходѣ. Любонитны ли посмотрѣть?

графъ. Свадьба? А чья, напримѣръ?

первый гость. Загорскіна выходитъ замужъ за Бѣлинскаго.

первая дама. Вы знаете жениха?

второй гость. Знаю-съ.

первая дама. Онъ богатъ?

второй гость. Имѣеть состояніе, слѣдовательно и долги.

первая дама. Хорошъ собой?

второй гость. Молодецъ; только слишкомъ занимается своимъ лицомъ.

первая дама. Стало быть, занимается хорошимъ.

вторая дама. А невѣста?

второй гость. Недурна, *une figure piquante!*

первая дама (*къ другой*). Ма chère, я слышала, она кокетка до невозможности.

второй гость. Она не одному Адамову внуку вскружила голову.

третий гость. Да, бѣдный Арбенинъ! Вы знаете, онъ сошелъ съ ума.

многие. Какъ сошелъ съ ума? Молодой Арбенинъ? Мы не слышали.

третий гость. Какъ же! Отъ любви къ Загорскиной. Мнѣ рассказывали про жалкое состояніе Арбенина. Ему все кажется, что его куда-то тащатъ: онъ прицѣпляется ко всему, какъ будто противится неизвѣстной силѣ; плачетъ и смѣется въ одно время; зарыдаетъ и вдругъ захохочетъ. Иногда онъ узнаетъ окружающихъ, всѣхъ, кромѣ отца, и все его ищетъ; иногда начинаетъ укорять его въ какомъ-то убійствѣ.

второй гость. Я бы желалъ знать, откуда у помѣшанныхъ берутся подобныя мысли?

первый гость. Я слышалъ, что онъ былъ величайшій негодай. Удивительно, что почти всегда честные отцы имѣютъ дурныхъ сыновей.

четвертый гость. Да! Павелъ Григоричъ—человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ.

третий гость (*полунасмѣлииво*). Онъ хотѣлъ сына своего отдать въ сумасшедшій домъ, но ему отсовѣтовали. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, приписали бы это скупости.

вторая дама. И Загорскину не мучить совѣсть?

третий гость. Про то знаетъ ея духовникъ.

первый гость. Неужели нельзя вылѣчить Арбенина? Можетъ быть, тутъ есть какія-нибудь физическія причины. Странно! Съ ума сойти отъ любви?

третий гость. Если это странно вамъ, то я желалъ бы, чтобъ одна изъ этихъ дамъ взяла на себя трудъ доказать вамъ противное.

первый гость. Но я говорю про Арбенина. Онъ, который часто въ сумасствѣ казался такъ веселъ, такъ беззаботенъ, какъ будто сердце его было мыльный пузырь!..

третий гость. Вы, конечно, не ученикъ Лафатера? Впрочемъ, если онъ и показывался иногда веселымъ, то это была только личина. Какъ видно изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу беспокойную и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла. Его сердце созрѣло прежде ума. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ. Его насмѣшки не дышали веселостью; въ нихъ видна была горькая досада противъ всего человѣчества. Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей. Обида малѣйшая приводила его въ бѣшенство, особливо когда трогала самолюбіе. У него на-

шли множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза; есть глубокія мысли и огненные чувства. Я увѣренъ, что если бы страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ виденъ гений...

вторая дама. По мнѣ, такъ сумасшедшіе очень счастливы: ни о чемъ не заботятся, не думаютъ, не грустятъ, ничего не желаютъ, не боятся...

третий гость. А почему вы это знаете? Они только не могутъ помнить и пересказывать своихъ чувствъ: отъ этого ихъ муки еще ужаснѣе. У нихъ душа не лишается природныхъ способностей; но органы, которые выражали ощущение души, ослабѣваютъ, приходятъ въ разстройство отъ слишкомъ сильнаго напряженія. Въ ихъ головѣ всегдашній хаосъ. Одна только полусвѣтлая мысль неподвижна; вокругъ нея вертятся всѣ другія въ совершенномъ безпорядкѣ. Это происходитъ отъ мгновеннаго потрясенія всѣхъ нервовъ, всего физическаго состава, которое, вѣрно, нелегко для человѣка. Развѣ блѣдныя щеки, впалые, мутные глаза—признаки счастья? Посмотрите очень близко на картину—и вы ничего не различите: краски сольются передъ глазами вашими. Такъ точно люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней разобрать: а если они еще сохраняютъ въ себѣ что-нибудь отъ сей жизни, то это одна смутная память о прошедшемъ. Чувство настоящаго и надежда для нихъ не существуютъ. Такое состояніе люди называютъ сумасшествіемъ и смѣются надъ его жертвами!

(*Между тѣмъ многие разошлись.*)

второй гость (*другому*). А я зѣваю!

четвертый гость (*тихо*). Къ чему это ораторство? Познанія свои, что ли, онъ хочетъ показать?

пятый гость. (*Онъ молодой человѣкъ, лѣтъ 19. Подходитъ къ третьему гостю.*) Сдѣлайте милость, нельзя ли вамъ достать мнѣ что-нибудь изъ сочиненій Арбенина.

третий гость. Съ удовольствіемъ, если можно будетъ.

(*Входитъ слуга и подаетъ билетъ графу, который кончилъ играть.*)

слуга. Отъ Павла Григорича Арбенина. (*Уходитъ. Въ изумленіи.*)

многие (*межъ собой*). Что это значитъ?

третий гость. Съ черною каймой... приглашеніе на похороны.

графъ. А вотъ увидимъ. (*Надѣваетъ очки и читаетъ вслухъ.*)

„Павелъ Григорьевичъ Арбенинъ, съ душевнымъ прискорбіемъ, извѣщаетъ о кончинѣ сына своего Владиміра Павловича Арбенина, послѣдовавшей сего мая 11-го дня, пополудни, покорнѣйше просить пожаловать на выносъ тѣла въ собственный домъ мая 13-го дня, пополудни въ десятомъ часу. Отпѣваніе въ приходской церкви...“ etc.

третий гость (*про себя*). Каково! похороны въ одинъ день со свадьбой Загорскиной.

нѣкоторые. Боже мой! какая жалость!

вторая дама. Бѣдный отецъ!

пятый гость. Бѣдный молодой человѣкъ! онъ могъ бы еще вылѣчиться.

третья дама (*къ третьему гостю*). Не правда ли, какая жалость?

третій гость (*въ сторону*). Теперь жалбуют! Къ погибшимъ люди справедливы! Но что въ этомъ сожалній? Одна слеза дружбы стоитъ всѣхъ восклицаній толпы; но такая слеза едва ли упадетъ на могилу Арбенина: онъ оставилъ угрызения совѣсти въ сердцахъ, гдѣ поселить желать любовь.

одна старуха. Вотъ, чай, пышныя будутъ похороны: вѣдь единственный сынъ.

третій гость (*одному изъ гостей*). Мнѣ кажется, что старухи любятъ говорить о погребеніяхъ для того только, чтобы приучиться къ

мысли: скоро и насъ потащатъ въ тѣсную могилу!

первый гость. Забудемъ мертвыхъ; Богъ съ нами!

третій гость. Если всѣ такъ станутъ думать, то горе великимъ людямъ!

первый гость. Я надѣюсь, вашъ Арбенинъ не великій человекъ; онъ былъ *странный человекъ*—вотъ все.

(*Третій гость пожимаетъ плечами и отходитъ прочь.*)

конецъ.

Два брата.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

1836.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ РАДИНЪ.

АЛЕКСАНДРЪ } сыновья его.
ЮРІЙ }

КНЯЗЬ ЛИГОВСКІЙ.

ВѢРА, его жена (рожденная Загорскина).

ПЕТРУШКА (ванюшка, лакей Юрія *).

ОЕДОСЕЙ, камердинеръ Дмитрія Петровича.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ *въ креслахъ*, ЮРІЙ *возмъ него на стулъ*, АЛЕКСАНДРЪ *въ сторону стоитъ у стола и перебираетъ бумаги.*

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Я думалъ, Юрій, что тебя совсѣмъ ко мнѣ не отпустить. Признаюсь, умереть, не выдавши тебя, было бы грустно. Я старъ, слабъ, много жилъ, иногда слишкомъ весело, иногда слишкомъ печально... и теперь чувствую, что скоро Богъ призоветъ меня къ себѣ; даже нынче, когда мнѣ объявили о твоёмъ приѣздѣ, то старость напомнила о себѣ... Не знаю, какъ перенесъ я эту послѣднюю радость.

ЮРІЙ. Я нахожу, батюшка, что вы вовсе не такъ слабы, какъ говорите.

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. А что мудренаго? Александръ, скажи-ка, ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ я помолодѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ приѣхалъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Точно! вы никогда со мною не были такъ веселы, какъ теперь съ братомъ.

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Не пеняй, братъ! не пеняй, вѣдь я съ тобой всегда, а его сколько лѣтъ не видалъ. (*Цѣлуетъ его.*) Ты, Юрій, точно портретъ покойной твоей матери.

*) Лермонтовъ въ драмахъ часто ставилъ одни и тѣже имена дѣйствующихъ лицъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Да, вотъ уже четыре года, какъ братъ не былъ дома... И самъ онъ много перемѣнился, и здѣсь въ Москвѣ все, кромѣ насъ, перемѣнилось... Я думаю, онъ не узнаетъ княгиню Вѣру.

ЮРІЙ. Какая княгиня?

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Развѣ не знаешь?.. Вѣринька Загорскина вышла за князя Лиговскаго. Твоя прежняя московская страсть.

ЮРІЙ. А! такъ она вышла замужъ, и за князя?

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Какъ же, 3.000 душъ и человекъ пречестный, предобрый; они у насъ нанимаютъ бельэтажъ, и сегодня я ихъ звалъ обѣдать.

ЮРІЙ. Князь! и 3.000 душъ!.. а есть ли у него своя въ придачу.

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Онъ человекъ пречестный и жену обожаетъ, старается ей угодить во всемъ: только пожелай она чего, на другой же день явится у нея на столѣ... Всѣ ея родные говорятъ, что она счастлива, какъ нельзя болѣе.

АЛЕКСАНДРЪ. Батюшка, что прикажете дѣлать съ этими бумагами?

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Послѣ!.. до бумагъ ли мнѣ теперь.

ЮРІЙ. Признаюсь... Я думалъ прежде, что сердце ея не продажно... Теперь вижу, что оно стоило нѣсколько сотъ тысячъ дохода.

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Охъ, вы, молодые люди! а вѣдь самъ чувствуешь, что она поступила бы безразсудно, если бы надѣялась на ребяческую твою склонность.

ЮРІЙ. А!.. она сдѣлалась разсудительна.

АЛЕКСАНДРЪ (*въ нѣкоторомъ волненіи*). Батюшка! повѣренный ждетъ... нужно.

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. А теперь, когда она вышла замужъ... твое самолюбіе тронуту,—тебѣ досадно, что она счастлива...

АЛЕКСАНДРЪ (*прерываетъ*). Батюшка... позволите... очень нужно дѣло. (*Въ сторону.*) Неужели этотъ разговоръ никогда не кончится?..

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Я сказалъ тебѣ, что пос-

лѣ... Ты вѣчно съ дѣлами; вѣдь видишь, что я говорю серьезно. Нѣтъ, Юрій, это нехорошо. Впрочемъ, ты самъ увидишь, какъ она любитъ мужа.

Юрій. Не можетъ быть.

Дмитрій Петровичъ. Всѣ ея родные говорятъ, и она сама.

Юрій. А я говорю вамъ, батюшка, что я по наслышкѣ ужъ имѣю понятіе о томъ, что такое князь... Она любитъ его не можетъ.

Александръ. Она его любитъ страстно.

Дмитрій Петровичъ. Ну, братецъ, ты объ этомъ судить не можешь. (Юрйо.) Онъ такъ холоденъ, такъ разсудителенъ, что, право, я часто желалъ бы лучше, чтобы онъ былъ вспыльчивъ и вѣтренъ... Вотъ ужъ можно держать пари, что никогда не влюбится и не надѣлаетъ глупостей.

Александръ. Я остороженъ, батюшка; берегу другихъ и себя.

Дмитрій Петровичъ. У него всегда готово оправданіе... а тебѣ, Юрій, я долженъ дать совѣтъ и прошу тебя имѣть на этотъ разъ хоть ко мнѣ полную довѣренность. Я старъ, опытенъ и понимаю молодость. Я съ цѣлью завелъ этотъ разговоръ; выслушай: она теперь счастлива, я въ этомъ увѣренъ, но она молодая, она тебя любила прежде, и во всякомъ случаѣ ваша встрѣча произведетъ въ ней нѣкоторое волненіе. Если ты не покажешь никакого желанія возвратиться къ прежнему, если ты будешь обращаться съ нею, какъ съ женщиной, которую бы ты встрѣтилъ два раза на балѣ.. то, повѣрь, въ скоромъ времени вы оба привыкните къ мысли, что между вами не должно уже быть ничего общаго; но слушай, Юрій, я прошу тебя, не покушайся никогда разрушить ихъ супружеское счастье: это удовольствіе низкое, оно отзывается чѣмъ-то похожимъ на зависть... Большая слава—оболестить бѣдную, слабую женщину!.. Общай мнѣ вести себя благоразумно.

Юрій. Я общаю не дѣлать перваго шага.

Дмитрій Петровичъ. Юрій!

Юрій. Я не общаю никогда больше, нежели могу исполнить.

Дмитрій Петровичъ. Я прошу тебя!.. ты знаешь, какъ я друженъ съ ея семействомъ, слуга (входитъ). Князь Лиговскій съ княгинею.

Александръ (въ сторону). Рѣшительная минута.

Юрій. Батюшка, вы будете мною довольны. (Входитъ княгиня и князь. Княгиня и Юрій медленно раскланялись, наблюдая другъ друга.)

Князь. Дмитрій Петровичъ! честь имѣю васъ поздравить съ пріѣздомъ Юрія Дмитріевича, я думаю, вы очень рады.

Дмитрій Петровичъ. Благодарю васъ, князь, отъ всей души... Когда вы будете отцомъ, тогда и сами вполнѣ меня поймете.

Князь (съ улыбкою). Я надѣюсь, что это будетъ скоро.

(Въра отворачивается; потомъ)

Въра. Monsieur Радинъ! рекомендую вамъ моего мужа, прошу его полюбить.

Юрій. Я буду стараться, княгиня.

Князь. А я надѣюсь, что мы сойдемся: я, какъ говорятъ военные, въ полномъ смыслѣ добрый малый.

Юрій. Увидавъ васъ, князь, я это тотчасъ угадалъ; (въ сторону.) Ея хладнокровіе меня бѣситъ.

Дмитрій Петровичъ. Княгиня, милости просимъ; князь... (садятся.)

Въра. Какъ вы находите, monsieur Радинъ, я постарѣла?

Юрій. Въ счастьи не старѣются, княгиня; вы не постарѣли нисколько, хотя перемѣнились.

Дмитрій Петровичъ. Довольны ли вы, князь, вашей квартирой?

Князь. Очень!.. прекрасныя комнаты, только довольно странное расположеніе: столько дверей, закоулковъ и лѣстницъ въ задней половинѣ, что я въ первый день чуть не запутался... Я, вы знаете, только вчера переѣхалъ и теперь все занимаюсь уборкой комнаты.

Въра. Ахъ, вообразите, какъ мой Пьеръ милъ!.. Сегодня я просыпаюсь, и вдругъ вижу у себя на туалетѣ цѣлую модную лавку... что жъ вышло: это все онъ мнѣ подарилъ на новоселье.

Юрій. Княгиня! это показываетъ, какъ дорого князь цѣнитъ вашу любовь.

Князь. О, помилуйте! мнѣ такъ пріятно ее тѣшить... за каждую ея ласку я готовъ дать десять тысячъ.

Александръ (въ сторону). За такую ласку я ужъ отдалъ спокойствіе, теперь отдамъ жизнь.

Князь. Что вы такъ задумчивы, Александръ Дмитріевичъ? Вчера у насъ вы были гораздо веселѣе.

Въра. Онъ всегда печаленъ, когда другіе веселы.

Александръ. Если вамъ угодно, я буду веселъ...

Въра. Пожалуйста, это любопытно посмотреть.

Александръ. Что жъ, извольте: не рассказать ли какъ толстая жена откушника потеряла башмакъ въ собраніи, это очень смѣшно, но вы такъ добры, что вамъ будетъ жалко. Рассказать, какъ князь Иванъ битыхъ три часа толковалъ мнѣ объ устройствѣ новой водяной мельницы и самъ махалъ руками на подобіе вѣтряной; вы сами видѣли эту картину и не смѣялись; повторить, что рассказываетъ онъ про своего дядю, какъ тотъ на 20 году отъ роду получилъ пощечину, 72 года все некалъ своего непріятели, на 92-мъ—нашелъ, замаяхнулся... и отъ натуги умеръ,—это смѣшно, только когда онъ самъ рассказываетъ. Наконецъ, говорить мнѣ свои глупости, вы къ нимъ ужъ слишкомъ привыкли, и онѣ мнѣ самому надобны больше, чѣмъ кому-нибудь.

Въра. Вы сегодня расположены къ злости.

Александръ. Право! ну, такъ оправдаю вашу догадку и расскажу, какъ наша сосѣдка плакала, когда дочь отказала жениху съ милліономъ, потому что онъ только разъ въ недѣлю брѣшетъ бороду.

Юрій. Вотъ ужъ это было бы вовсе не смѣшно, и я бы на ея мѣстѣ слезъ въ постелю... милліонъ! да тутъ не нужно ни лица, ни ума, ни души, ни имени, господинъ милліонъ, тутъ все.

Дмитрій Петровичъ. Полно, Юрій, это слишкомъ по-петербургски.

Юрій. Батюшка! вездѣ такъ думаютъ, и въ

Петербургѣ такъ говорятъ; но повѣрите мнѣ, женщина, отказавшая милліону, поздно или рано раскается, и горько раскается. Сколько прелестей въ милліонѣ: наряды, подарки, вся утонченность роскоши, извиненіе всѣхъ слабостей, недостатокъ, уваженіе, любовь, дружба... Вы скажете—это будетъ все одинъ обманъ; но и безъ того мы вѣчно обмапуть, такъ лучше быть обмапнуту съ милліономъ.

дмитрій петровичъ. Я не полагаю, чтобъ многіе такъ думали.

юрій. Я знаю людей, которые поступаютъ по этимъ правиламъ.

вѣра (*въ сторону*). Онъ меня мучить. (*Громко*.) Пьеръ, ты хотѣлъ показать Дмитрію Петровичу, какъ убраны наши комнаты, и объ чемъ-то съ нимъ переговорить.

князь. Ахъ, точно, я имѣю до васъ маленькую просьбу насчетъ условія.

дмитрій петровичъ. Къ вашимъ услугамъ, князь. (*Уходитъ, Александръ приближается къ Вѣрѣ и Юрію, съ минутой молчанія.*)

юрій (*насмѣшливо*). Да, княгиня, милліонъ — вещь ужасная.

(*Угодить. Она погружена въ задумчивость.*)

александръ (*беретъ ее за руку*). Вѣра, твой мужъ... всѣ ушли, мы одни... Вотъ ужъ сутки, какъ я жду этой минуты, я видѣлъ по твоему лицу, что ты хочешь мнѣ что-то сказать. О, я читаю въ глазахъ твоихъ, Вѣра. (*Она отворачивается.*) Ты отворачиваешься... конечно, у тебя на душѣ какая-нибудь новая, мучительная тайна—скорѣй, скорѣй влей ее въ мою душу... тамъ много ей подобныхъ, и она съ ними уживется. Какое-нибудь сомнѣніе? Что жъ? Ты знаешь, какъ искусно я умѣю разрѣшать всѣ сомнѣнія.

вѣра. О! я помню.

александръ. Ты помнишь, сколько мнѣ стоило труда уничтожить твой единственный предразсудокъ, и какъ потомъ ты мнѣ была благодарна, потому что я люблю тебя, Вѣра, люблю больше, чѣмъ ты можешь вообразить, люблю, какъ человѣкъ, который въ первый разъ любитъ и счастливъ.

вѣра. Да, я слышала все это хорошо помню, александръ. Что это: упрекъ? раскаянье?.. И отчего же именно теперь, послѣ двухъ лѣтъ!.. О, я не хочу угадывать... нѣтъ, это минута неудовольствія; ты чѣмъ-нибудь огорчена... и, зная, какъ я тебя люблю, ты изливаешь на меня свою досаду... Хорошо, Вѣра, хорошо, продолжай,—это тебя успокоитъ,—я съ радостью перенесу твои упреки, лишь бы они были доказательствомъ твоей любви.

вѣра (*оборачивается*). Я имѣю до васъ одну просьбу!..

александръ (*отступаетъ шагъ назадъ*). Просьбу? Вы?.. А! это ужъ еще что-то новое... это холодное *вы* послѣ столькихъ клятвъ и увѣреній, послѣ столькихъ доказательствъ искренней вѣрности похоже на проклятіе. Посмотримъ, сударыня... прикажите... вы знаете, что моя жизнь принадлежитъ вамъ, зачѣмъ же тутъ слово: просьба! Нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ вашей минутной прихоти.

вѣра. О, я не требую никакой жертвы!..

александръ. Тѣмъ хуже, Вѣра! большою жертвой я бы могъ доказать тебѣ свою любовь...

вѣра (*въ сторону*). Любовь... это несносно.

александръ. Вижу, я начинаю докучать тебѣ—неудрено. Я глупецъ! Зачѣмъ не употреблялъ я хитрости, чтобъ удержать твое сердце, когда хитростью приобрѣлъ его!.. Но что дѣлать? Я желалъ хоть одинъ разъ попробовать любви искренней, открытой... (*Молчаніе.*) Говорите, что вамъ угодно?

вѣра. Я хотѣла васъ просить, чтобъ вы сказали вашему брату...

александръ. Брату?

вѣра (*скоро*). Да, скажите ему, что онъ меня чрезвычайно обидѣлъ, намекая на богатство мужа моего... вы сами знаете, отъ того ли я за него вышла... это было безуміе, ошибка... скажите ему, просите его, чтобъ онъ, ради прежней нашей дружбы, не огорчалъ меня болѣе... если это для васъ не жертва, то прошу васъ сказать ему... (*Молчаніе.*)

александръ. Хорошо, Вѣра, я скажу... Но это, вопреки тебѣ, будетъ служить доказательствомъ моей вѣрности болѣе всего на свѣтѣ.

вѣра (*протянула руку*). О, мой другъ, какъ я тебѣ благодарна.

александръ. Нѣтъ, ради Бога, лучше не благодарн. (*Уходитъ; въ сторону.*) Конечно, я ничего ему не скажу!..

вѣра (*одна*). Съ нынѣшняго дня я чувствую, что я погибла!.. Я не владѣю собою; какой-то злой духъ располагаетъ моими поступками. моими словами.

князь (*высунувшись изъ двери*). Вѣринька, Вѣринька! venez ici; посмотри, какой чудесный трельяжъ у Дмитрія Петровича,—завтра же куплю тебѣ такой же точно.

вѣра (*какъ бы проснувшись, встаетъ*). О, Боже! и всю жизнь слышать этотъ голосъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО АКТА.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Въ комнатахъ князя Липовскаго. князь и вѣра.

князь. Вѣра! посмотри, какъ передѣляли твой брильянтовый фермуаръ.

вѣра. Очень мило, но тутъ есть новые камни.

князь. Это—любезность брильянтика.

вѣра. А! понимаю... ты не хочешь моей благодарности... ты съ каждымъ днемъ дѣлаешься милѣе...

князь. Я радъ, что угодилъ тебѣ.

вѣра (*въ сторону*). Угодилъ!.. право, другой подумаетъ, что онъ мой управитель.

князь. Мнѣ очень понравился второй сынъ Дмитрія Петровича; не знаю какъ тебѣ.

вѣра. Я его давно знаю.

князь. Онъ веселаго нрава.

вѣра. Слишкомъ веселаго.

князь. Признаюсь, я самъ таковъ и люблю посмѣяться, и, право, ты, наконецъ, падошъ мнѣ своей задумчивостью; а вѣдь Юрій Дмитріевичъ не дуракъ; мнѣ выраженіе лица его очень нравится.

вѣра. Какая-то насмѣшливая улыбка,—я боюсь говорить съ нимъ.

князь. Какое предубѣжденіе!.. напротивъ, у него въ улыбкѣ-то именно есть что-то доброе,

простое... Я его разъ видѣлъ, а ужъ полно-блѣ... а ты?..

слуга (*входитъ*). Юрій Дмитричъ Радинъ!

юрій. (*входитъ*). Князь! я почелъ обязанно-стью засвидѣтельствовать вамъ мое почтение...

князь. Мы съ женой постараемся превратить эту обязанность въ удовольствіе! Прошу садиться.— А вы легки на поминѣ: мы съ женой сейчасъ лишь о васъ говорили, и я ее выведу на свѣжую воду. Вообразите, она утверждаетъ, что у васъ въ лицѣ есть что-то ядовитое, злое...

юрій. Можетъ быть, княгиня права. Несча-стіе дѣлаетъ злымъ.

князь. Ха-ха-ха! Какимъ у васъ быть несча-стіямъ,—вы такъ молоды.

юрій. Князь! вы удивляетесь, потому что слишкомъ счастливы сами.

князь. Слишкомъ! О, да это въ самомъ дѣлѣ колкость,—я начинаю вѣрять женѣ.

юрій. Вѣрьте, прошу васъ, вѣрьте: княгиня никогда еще никого не обманывала.

вѣра (*быстро прерываетъ его*). Скажите, вы прямо къ намъ или были ужъ гдѣ-нибудь?

юрій. Я сегодня сдѣлалъ нѣсколько визитовъ... И одинъ очень интересный. Я былъ такъ взволнованъ, что сердце и теперь у меня еще бьется, какъ молотокъ...

вѣра. Взволнованы?..

князь. Вѣрно встрѣча съ персоной, которую встарину обожали;—это вѣчная исторія военной молодежи, приѣзжающей въ отпускъ.

юрій. Вы правы: я видѣлъ дѣвушку, въ которую былъ прежде влюбленъ до безумія.

вѣра (*разъясню*). А теперь?

юрій. Извините, это моя тайна; остальное, если угодно, расскажу...

князь. Пожалуйста—писанныхъ романовъ я не терплю, а до настоящихъ—страстный охотникъ.

юрій. Я очень радъ; мнѣ хочется также при комъ-нибудь облегчить душу. Вотъ видите, княгиня, года три съ половиною тому назадъ я былъ очень коротко знакомъ съ однимъ семействомъ, жившимъ въ Москвѣ; лучше сказать, я былъ принятъ въ немъ, какъ родной. Дѣвушка, о которой хочу говорить, принадлежитъ къ этому семейству; она была умна, мила до чрезвычайности; красоты ея не описываю, потому что въ этомъ случаѣ описаніе сдѣлалось бы портретомъ; имя же ея для меня трудно произнести.

князь. Вѣрно очень романическое?

юрій. Не знаю; но отъ нея осталось мнѣ одно только имя, которое въ минуты тоски привыкъ я произносить, какъ молитву: она—моя собственность, я его храню, какъ образъ благословенія матери, какъ татаринъ хранить талисманъ съ могилы пророка.

вѣра. Вы очень крас-орѣчивы.

юрій. Тѣмъ лучше. Но слушайте: съ самаго начала нашего знакомства я не чувствовалъ къ ней ничего особеннаго, кромѣ дружбы... Говорить съ ней, сдѣлать ей удовольствіе было мнѣ приятно — и только. Ея характеръ мнѣ нравился: въ немъ видѣлъ я какую-то пы-лость, твердость и благородство, рѣдко замѣтныя въ нашихъ женщинахъ,—однимъ словомъ,

что-то первобытное, что-то увлекающее. Частыя встрѣчи, частыя прогулки, невольно яркій взглядъ, случайное пожатіе руки—много ли надо, чтобъ разбудить таившуюся искру?.. Во мнѣ она вспыхнула; я былъ увлеченъ этой дѣвушкой, я былъ околдованъ ею; вокругъ нея была какой-то волшебный очеркъ; вступивъ за его границу, я уже не принадлежалъ себѣ; она вырвала у меня признаніе, она разогрѣла во мнѣ любовь, я предался ей, какъ судьбѣ; она не требовала ни обѣщаній, ни клятвъ, когда я держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и сыпалъ поцѣлуи на ея огненное плечо; но сама клялась любить меня вѣчно. Мы разстались—она была безъ чувствъ; всѣ приписывали то припадку болѣзни, я одинъ зналъ причину... Я ухаживалъ съ твердымъ намѣреніемъ возвратиться скоро. Она была моя,—я былъ въ ней увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ. Прошло три года разлуки, мучительные, пустые три года; я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоценное чувство сдѣдало за мною. Случалось мнѣ возлѣ другихъ женщинъ забываются на мгновеніе; но послѣ первой вспышки я тотчасъ замѣчалъ разницу, убійственную для нихъ,—ни одна меня не привязала, и вотъ, наконецъ, я вернулся на родину.

князь. Завязка романа очень обыкновенна.

юрій. Для васъ, князь, и развязка покажется обыкновенна... Я ее нашелъ замужемъ—я проглотилъ свое бышенство изъ гордости... Но одинъ Богъ видѣлъ, что происходило здѣсь.

князь. Что жъ? нельзя было ей ждать васъ вѣчно.

юрій. Я ничего не требовалъ—обѣщанія ея были произвольны.

князь. Вѣтренность, молодость, неопытность—ее надо простить.

юрій. Князь, я не думалъ обвинять ее... но мнѣ больно.

княгиня (*дрожащимъ голосомъ*). Извините—но, можетъ быть, она нашла человѣка еще достойнѣе васъ.

юрій. Онъ старъ и глупъ.

князь. Ну, такъ очень богатъ и знатенъ.

юрій. Да.

князь. Помилуйте—да это нынче главное! Ея поступокъ совершенно въ духѣ вѣка.

юрій (*подумавъ*). Съ этимъ не спорю.

князь. На вашемъ мѣстѣ я бы теперь за ней поволочился; если ея мужъ таковъ, какъ вы говорите, то, вѣроятно, она васъ еще любить.

вѣра (*быстро*). Не можетъ быть.

юрій (*пристально взглянувъ на нее*). Извините, княгиня! теперь я увѣренъ, что она меня еще любитъ. (*Хочетъ идти*.)

князь. Куда вы?

юрій. Куда-нибудь.

князь. Поѣдьте вмѣстѣ на Кузнецкій. (*Два слова на ухо*)

юрій. Извольте, куда хотите. (*Выходятъ*.)

князь. Прощай, Вѣринька. (*Идетъ и въ дверяхъ встрѣчаетъ Александра*.) Извините, Александръ Дмитриевичъ, а вотъ жена цѣлое утро дома. (*Уходитъ*.)

(*Александръ входитъ медленно, смотритъ то на нихъ, то на Вѣру. Вѣра, опрокинувъ голову на спинку стула, закрыла лицо руками*.)

АЛЕКСАНДРЪ (*про себя*). Онъ былъ здѣсь, она въ отчаяннѣ. (*Глухо.*) Я погибъ.

ВЪРА (*открывъ глаза*). А! опять передо мною.

АЛЕКСАНДРЪ. Опять и всегда какъ жертва, на которую ты можешь излить свою досаду; какъ другъ, которому ты можешь ввѣрить печаль; какъ рабъ, которому ты можешь приказать умереть за тебя.

ВЪРА. О! поди, оставь меня... Ты—живой упрекъ, живое раскаяннѣ; я хотѣла молиться, теперь не могу молиться.

АЛЕКСАНДРЪ. Если бъ я умѣлъ молиться, Вѣра, то призвалъ бы на твою голову благодать Бога вѣчнаго... но ты знаешь, я умѣю только любить.

ВЪРА. Я ничего не знаю... Уйди, ради неба, уйди!

АЛЕКСАНДРЪ. Ты меня не любишь.

ВЪРА. Я тебя ненавижу.

АЛЕКСАНДРЪ. Хорошо!.. Это немножко легче равнодушнѣ, за что же меня ненавиждь?.. За что?.. Говори за что?..

ВЪРА. О, ты нынче недогадливъ... Ты не понимаешь, что послѣ проступка можетъ оставаться въ сердцѣ женщины искра добродѣтели; ты не понимаешь, какъ ужасно чувствовать возможность быть непорочной... и не смѣть объ этомъ думать, не смѣть дать себѣ этого имени...

АЛЕКСАНДРЪ. Да, понимаю! несносно для самолюбѣя.

ВЪРА. Если бъ не ты, не твое алское искусство, если бъ не твои ядовитыя рѣчи, я бы могла еще требовать уваженѣ мужа и по крайней мѣрѣ смѣло смотрѣть ему въ глаза.

АЛЕКСАНДРЪ. И смѣло любить другого.

ВЪРА (*испугавшись*). Нѣтъ, неправда, неправда! такая мысль не приходила мнѣ въ голову!

АЛЕКСАНДРЪ. Къ чему запыраться? Я не мужъ твой, Вѣра; не имѣю никакихъ правъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ любовь твою... И что жъ мнѣ удивляться!.. Я—третѣй, которому ты измѣняешь! со временемъ будетъ и двадцатый!.. Если ты считаешь себя преступной, то преступленѣ твои не любовь ко мнѣ, а замужество!.. союзъ неравный, противный законамъ природы и нравственности... Признайся же мнѣ, Вѣра, ты снова любишь моего брата?

ВЪРА. Нѣтъ, нѣтъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Если хочешь, то я уступлю тебя брату; стану издани, украдкой, смотрѣть на ваши свѣжѣ ласки и стану думать про себя: такъ точно и я былъ счастливъ... очень недавно...

ВЪРА. Да ты мучитель... палачъ... И я должна терпѣть!

АЛЕКСАНДРЪ. Я палачъ? Я—самый снисходительный изъ любовниковъ!.. я—готовый быть твоимъ безмолвнымъ повѣреннымъ, плати только мнѣ по одной ласковой улыбкѣ въ день. Многие платятъ дороже, Вѣра!

ВЪРА. О, лучше убей меня.

АЛЕКСАНДРЪ. Дитя, развѣ я похожъ на убійцу?.. вѣра. Ты хуже!

АЛЕКСАНДРЪ. Да, такова была моя участь со дня рожденѣ... Всѣ читали на моемъ лицѣ какіе-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали, и они родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лу-

кавство,—я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло, никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли,—я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ веселъ и открытенъ. Я чувствовалъ себя выше его, меня ставили ниже,—я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь мѣръ, меня никто не любилъ—и я выучился ненавидѣть... Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ; лучшѣ чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца, они тамъ и умерли; я сталъ честолюбивъ, служилъ долго,—меня обходили; я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искушенъ въ наукѣ жизни, а видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы; въ груди моей возникло отчаяннѣ, не то, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но то отчаяннѣ, которому нѣтъ лѣкарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе—я рѣшился узнать хоть разъ, что значитъ быть любимымъ... и для этого избралъ тебя!..

ВЪРА (*смотря на него пристально*). О, Боже!.. И ты надо мной не сжалился.

АЛЕКСАНДРЪ. Богъ меня послалъ къ тебѣ, какъ необходимое въ жизни несчастье. Но для меня ты была ангеломъ-спасителемъ. Когда я увидалъ возможность обладать твоей любовью, то для меня не стало препятствѣй; всей силой неутомимой воли, всей силою отчаяннѣ я утѣнился за эту райскую мысль... Всѣ средства были хороши; я, кажется, сдѣлалъ бы самую неслыханную низость, чтобы достигнуть моей цѣли... Но вспомни, вспомни, Вѣра, что я погибалъ... нѣтъ, я не обманулъ, не обольстилъ тебя... нѣтъ, было написано въ книгѣ судьбы, что я не совѣмъ еще погибну!.. Да, ты меня любила, Вѣра! Никто на свѣтѣ меня не разувѣритъ, никто не вырветъ у меня изъ души воспоминанѣ о моемъ единственномъ блаженствѣ! О, какъ оно было полно, восхитительно, необъятно... Видишь, видишь слезы... не избрѣнено еще муки, которая бы вырвала такую каплю изъ глазъ моихъ... а теперь плачу, какъ ребенокъ плачу... когда вспомнилъ, что былъ одинъ разъ въ жизни счастливъ... (*упадаетъ на колѣни и хватается за руки*) О, позволь, позволь мнѣ по крайней мѣрѣ плакать.

ВЪРА. Послушай, Александръ, послушай... что же мнѣ дѣлать?.. Мнѣ жаль, но я не люблю тебя; не могу, не могу больше любить... я всегда ошибалась—мы не созданы другъ для друга... Что же мнѣ дѣлать!.. (*Александръ встаетъ*.) Послушай, забудь, оставь меня... Или нѣтъ, я уѣду далеко, далеко... Не обращай на меня вниманѣя—я не ангелъ, я—слабая, безумная женщина... я тебя не понимаю... я тебя боюсь!.. Презирай меня, если тебѣ отъ этого будетъ легче, но оставь, не мучь...

АЛЕКСАНДРЪ. Хорошо, хорошо, Вѣра. Я тебя оставляю, ты меня не увидишь... но я, моя мысль, мой взоръ, мой слухъ будутъ вѣчно съ тобой; когда ты будешь весела и довольна, то я о себѣ не напомию, но въ минуты печали я буду тебѣ являться, и ты утѣшишься, видя, что есть на свѣтѣ человекъ, который несчастнѣе тебя!

ВЪРА. Но зачѣмъ же, зачѣмъ?.. Попробуй полюбить другую; я знаю много женщинъ, которыми ты нравишься... А меня оставь жить,

как судьбѣ угодно!.. Что можетъ быть между нами общаго—безъ любви?.. Я тебя прощаю отъ всего сердца.

александръ. Какое великодушіе!

вѣра. Общаюсь забыть всѣ мученія, которыми ты былъ причиною.

александръ. И ты думаешь обмануть меня!— и ты думаешь, что я не лучше тебя самой читаю въ глубинѣ души твоей? Меня обмануть? Да знаешь ли, что это почти невозможно... Ты выбрала минуту слабости—ты думала, что слезы помѣшаютъ мнѣ видѣть всю тонкость твоего намѣренія! Я знаю, что ты хочешь избавиться отъ моего надзора, какъ отъ любви моей, чтобъ на свободѣ отдать мое мѣсто другому; эта мысль еще не развилась въ умъ твоёмъ, ты говоришь по какому-то невольному побужденію... Но я вижу эту мысль во всей ея ужасной наготѣ... и этого не будетъ... Нѣтъ, что хоть разъ мнѣ принадлежало, то не должно радовать другого... А этотъ другой—мой братъ Юрій. Слышишь ли, я и это знаю.

вѣра (съ гордостью). Такое подозрѣніе слишкомъ обидно... Съ сей минуты мы чужды другъ другу... Прощайте, я васъ не знаю... позволю вамъ мстить всѣми возможными, даже низкими средствами.

александръ. Какъ! неужели и ты, и ты не наша въ душѣ моей ничего благороднаго?..

вѣра. Не знаю.

александръ. О!

вѣра. Оставьте, оставьте меня... еще одна минута, и я уму. (*Упадаетъ на кресла.*)

александръ. Я иду... только онъ никогда не будетъ твоимъ—никогда... (*Подойдя къ двери оборачиваясь.*) Слышишь ли, никогда.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО АКТА.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

дмитрій петровичъ *входитъ*. александръ его *ведетъ подъ руку и сажаетъ*.

александръ. Вы нынче что-то необыкновенно слабы, батюшка.

дмитрій петровичъ. Старость, братъ, старость—пора убираться... Да, ты что-то хотѣлъ сказать.

александръ. Да, точно... есть одно дѣло, о которомъ я непременно долженъ съ вами поговорить.

дмитрій петровичъ. Это вѣрно насчетъ процентовъ въ опекунскій совѣтъ... Да не знаю, есть ли у меня деньги...

александръ. Въ этомъ случаѣ деньги не погуютъ, батюшка.

дмитрій петровичъ. Что?.. Что такое съ Юринькой случилось?

александръ. Не пугайтесь, онъ здоровъ и веселъ.

дмитрій петровичъ. Не проигрался ли онъ?

александръ. О, нѣтъ!

дмитрій петровичъ. Послушай... если ты мнѣ скажешь про него что-нибудь дурное, такъ

объявляю заранѣе... я не повѣрю... я знаю, ты его не любишь!

александръ. Итакъ, я ничего не могу сказать... А вы одни могли бы удержать его.

дмитрій петровичъ. Ты во всѣхъ предполагаешь дурное.

александръ. Я молчу, батюшка.

дмитрій петровичъ. Видно, я правду говорю, коли ты не смѣешь и защищаться!..

александръ. Я чувствую, что челоуѣку не дано силы противиться судьбѣ своей!

дмитрій петровичъ. Ты меня выведешь изъ терпѣнія... Ну, скажи, что ли, скорѣе, что ты еще открылъ—въ чемъ предостерегать!

александръ. Юрій влюбленъ въ княгиню Вѣру. дмитрій петровичъ. Да, я самъ подозрѣваю, что онъ не совѣмъ ее забылъ... а она?

александръ. Она его любитъ страстно; о, я это знаю... Я имѣю доказательства... Я вамъ клянусь честью... Спасите хоть ее... еще два, три дня... и она не будетъ въ силахъ ни въ чемъ противиться... Вы до этого не допустите брата.

дмитрій петровичъ. Да, да, это нехорошо... Но Юрій не захочетъ, не рѣшится.

александръ. А минута страсти, самозабвенія?.. Одна минута?

дмитрій петровичъ. Это нехорошо... Ты правъ... Благодарю, что сказалъ... Да что же дѣлать? Поговорить развѣ Юрію...

александръ. О! это хуже всего... Онъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ... Надо, чтобъ князь уѣхалъ... Потомъ брату кончится отпускъ... И они никогда, по крайней мѣрѣ долго, не увидятся...

дмитрій петровичъ. Бѣдная женщина!..

александръ. О, если бъ вы видѣли, какъ она страдаетъ въ борьбѣ съ собою... Но я ее знаю... еще нѣсколько дней... и она погибнетъ!..

дмитрій петровичъ. Я хвалю тебя, Александръ!.. Ты всегда былъ строгихъ правилъ, хотя не очень чувствителенъ... Но какъ же быть?

александръ. Предупредить князя! Сказать ему просто!..

дмитрій петровичъ. Разсорить его съ женой?..

александръ. Онъ—благоразумный и добрый челоуѣкъ... Скажите ему только, что Юрій влюбленъ въ княгиню... Это вашъ долгъ, долгъ отца и честнаго челоуѣка... Объясните ему, что вы нимало не подозрѣваете его жены... но что, живя въ одномъ домѣ, ея репутація можетъ пострадать, братъ можетъ проболтаться, похвастаться двусмысленнымъ образомъ—изъ самолюбія... Мало ли!.. однимъ словомъ, князь долженъ уѣхать...

слуга (*входитъ*). Князь Лиговскій.

дмитрій петровичъ. Надо подумать... Какъ же такъ опрометчиво поступать, — надо бы подумать.

александръ. Минуты дороги... Вы видите, сама судьба его вамъ посылаетъ. (*Входитъ князь.*)

князь. А я сейчасъ съ Кузнецкаго моста, покупалъ все женѣ наряды къ празднику... Столько хлопотъ, что ужасъ... Вотъ эти молодые люди не знаютъ, что такое жениться.

дмитрій петровичъ. Пріятно со стороны смотрѣть, какъ вы любите вашу супругу, князь.

князь. Я жену очень люблю, однако видите, я со всѣмъ тѣмъ мужъ благоразумный; хочу,

чтобъ меня слушали, и въ случаѣ нужды имѣю твердость... о, я очень твердъ! Какъ въ нынче въ своемъ здоровьѣ?

дмитрій петровичъ. Благодарю... Я нынче что-то слабъ... И къ тому же разстроены... Охъ, дѣти, дѣти!

князь. Разстроены... Помилуйте, вы кажетесь такъ счастливы дѣтми.

дмитрій петровичъ. Это правда... Но иногда и самыя дучшія дѣти дѣлають глупости.

князь. Да помилуйте!.. вы несправедливы. Какія же глупости?.. Но, извините, это слишкомъ нескромно...

дмитрій петровичъ. Ничего, князь — напротивъ... Это дѣло даже больше касается до васъ, нежели до меня.

(*Александръ дѣлаетъ знакъ отцу и уходитъ.*)

князь. До меня?..

дмитрій петровичъ. Мой долгъ повелѣваетъ мнѣ сказать. Но я не знаю, какъ рѣшиться.

князь. Развѣ это что-нибудь...

дмитрій петровичъ. Вотъ видите, я не знаю, какъ вы примите.

князь. Да развѣ?..

дмитрій петровичъ. Успокойтесь, это еще не опасно.

князь. Слава Богу... такъ еще не опасно. Уфъ!..

дмитрій петровичъ. Мой сынъ Юрій...

князь. Юрій Дмитріевичъ? Онъ со мной никакихъ не имѣлъ сношеній!..

дмитрій петровичъ. Я не говорю, чтобъ онъ имѣлъ сношеніе съ вами или съ кѣмъ-нибудь изъ вашего дома... но ваша жена... еще до замужества... ея красота, любезность!..

князь. Вотъ видите, Дмитрій Петровичъ... Я этихъ достоинствъ еще самъ въ ней хорошенько не разсмотрѣлъ... Не потому говорю такъ, что она моя жена, но вѣдь я не поэтъ! О, все не поэтъ!.. Я женился потому, что надо было жениться; женился на ней потому, что она показала мнѣ добраго и тихаго права; люблю ее потому, что надобно любить жену, чтобъ быть счастливу... Я васъ прервалъ, пожалуйте, продолжайте!

дмитрій петровичъ. Это не такъ легко, князь.

князь. Прошу васъ, для меня себя не принуждайте.

дмитрій петровичъ. Однимъ словомъ, мой сынъ Юрій былъ влюбленъ въ вашу супругу до ея замужества и, кажется, былъ нѣсколько ей пріятель.

князь. О, я увѣренъ, что теперь эта страсть прошла.

дмитрій петровичъ. Къ сожалѣнію, не прошла — со стороны моего сына.

князь. Тѣмъ хуже для него.

дмитрій петровичъ. Я боялся, чтобъ это и вамъ не было непріятно! По долгу честнаго человѣка рѣшился васъ предупредить, на всякій случай...

князь. Лишь бы жена была мнѣ вѣрна — больше я и знать не хочу!

дмитрій петровичъ. Я не сомнѣваюсь въ добродѣтели княгини.

князь. И я также.

дмитрій петровичъ (*со вздохомъ*). Вы очень счастливы...

князь. Не спорю-съ. (*Вдругъ какъ бы вспоминая что-то, хватается себя за голову и вска-*

киваетъ.) О, я дуракъ! о, я пошлый дурачина!.. О, глупая, ослиная голова!.. Вы правы, а я дубина!.. Теперь вспомнилъ... О, пошлая недогадливость!.. Теперь понимаю... понимаю... этотъ анекдотъ!.. все было на мой счетъ сказано.. а я, сумасшедшій, ему же совѣтуя волочиться за моей женой... а ея смущеніе... Вѣдь надо было мнѣ жениться — въ 42 года!.. съ моимъ добрымъ, простосердечнымъ нравомъ — жениться!..

дмитрій петровичъ. Успокойтесь, прошу васъ, все еще поправить можно.

князь. Нѣтъ, никогда не успокоюсь. (*Садится.*) дмитрій петровичъ. Я вамъ это сказалъ по долгу честнаго человѣка... и потому, что знаю сына: онъ легко можетъ надѣлать глупостей — и невиннымъ образомъ въ свѣтъ компрометировать княгиню, притомъ она молода, можетъ завлечься неволью... скажутъ, что живя въ одномъ домѣ...

князь. Вы правы. Посудите теперь... ну, не несчастнѣйшій ли я человѣкъ въ мѣрѣ.

дмитрій петровичъ. Утѣштесь... Я очень понимаю ваше положеніе, но что же дѣлать.

князь. Что дѣлать? Вотъ видите, я человѣкъ рѣшительный, завтра же уѣду изъ Москвы въ деревню, нынче же велю все готовить.

дмитрій петровичъ. Это самое лучшее средство, самое вѣрное — тихо, безъ шума.

князь. Да, тихо, безъ шума!.. уѣхать изъ Москвы, зимой, накануне праздниковъ — вотъ женщины! О, женщины! Прощайте, Дмитрій Петровичъ, прощайте!.. о, вы увидите, что я человѣкъ рѣшительный!

дмитрій петровичъ. Не взыщите, я говорилъ отъ сердца, князь, по-стариковски, притомъ я всегда былъ строгихъ правилъ... (*Хочетъ встать.*)

князь. Не беспокойтесь... Вы — истинный мой другъ... Прощайте!.. О, я человѣкъ рѣшительный... (*Уходитъ.*)

дмитрій петровичъ. Ну, слава Богу, съ плечъ долой, все уладилъ... охъ, дѣти, дѣти...

(*Юрій входитъ и захохочетъ во все горло.*)

юрій. Вообразите, ха-ха-ха-ха... Нѣтъ, я вѣкъ этого не забуду... Князь, ха-ха-ха! Я подаю ему руку и говорю: здравствуйте, князь... что новаго?.. а онъ... ха-ха-ха!.. скорчилъ кошачью мину и руку положилъ въ карманъ: ничего-съ, къ несчастью, все старое... потомъ шагъ назадъ и сталъ въ позицію... Я скорѣе бѣжать, чтобъ не фыркнуть ему въ глаза... Не знаете ли, батюшка, отчего такая немилость?

дмитрій петровичъ. А ты хочешь волочиться за женой и чтобъ мужъ тебѣ въ ноги кланялся! Кабы въ наше время, такъ ему бы надо тебя не такъ еще проучить.

юрій (*серьезно*). Я волочусь за его женой? Кто ему это сказалъ?

дмитрій петровичъ. Ну, вѣдь признайся: ты въ нее влюбленъ?

юрій. Онъ о прежнемъ ничего не знаетъ и слишкомъ глупъ, чтобъ теперь догадаться.

дмитрій петровичъ. Долгъ всякаго честнаго человѣка былъ ему сказать.

юрій. А позвольте, кто жъ этотъ черезчуръ честный человѣкъ?

дмитрій петровичъ. А если бѣ даже я.

юрій. Вы, батюшка?

дмитрій петровицъ. Да, я не терплю безправственности, безпутства... Въ мои лѣта трудно смотрѣть на такія вещи и молчать... Хорошій отецъ долженъ удерживать сына отъ безчестныхъ поступковъ, а если сынъ его не слушаетъ, то мѣнять ему всѣми средствами.

юрій. А, такъ вы ему сказали?

дмитрій петровицъ. Да, не прогнѣвайся... и князь завтра же увозитъ жену въ деревню.

юрій. О! это нестерпимо!

дмитрій петровицъ. Вздоръ, вздоръ!.. Что такое за упрямство, будто нѣтъ другихъ женщинъ.

юрій. Для меня нѣтъ другихъ женщинъ... Я хочу, хочу... Да знаете ли, батюшка, что это ужасно... Кто вамъ внушилъ эту адекую мысль?

дмитрій петровицъ. Кто внушилъ?.. И ты смѣешь это говорить отцу, и какому отцу! который тебя любитъ больше жизни, тобою только и дышитъ... вотъ благодарность! Развѣ я такъ ужъ старъ, такъ глупъ, что не вижу самъ, что дурно, что хорошо!.. Нѣтъ, никогда не допущу тебя сдѣлать дурное дѣло. Опомнись, самъ будешь благодаренъ и попросишь прощенья!

юрій. Никогда!.. Прощенья!.. Мнѣ еще васъ благодарить—за что? Вы мнѣ дали жизнь, и теперь ее отняли,—на что мнѣ жизнь?.. Я не могу жить безъ нея—нѣтъ, я вамъ никогда не извиню этого поступка.

дмитрій петровицъ. Юрій, Юрій! подумай, что ты говоришь.

юрій. Я не уступлю. Борьба начинается—я радъ, очень радъ! Посмотримъ! все противъ меня—и я противъ всѣхъ!..

дмитрій петровицъ. Сжался, Юрій, надъ старикомъ, ты меня убиваешь.

юрій. А вы надо мною сжалились? Вы пощупили—милая штука.

дмитрій петровицъ. О, ради Бога, перестань! юрій. Князь завтра ѣдетъ, а нынче Вѣра будетъ моя. (*Идетъ къ столу.*)

дмитрій петровицъ. Александръ! Александръ! Онъ убилъ меня... мнѣ дурно! (*Александръ въпадаетъ, подымаетъ и ведетъ его поодруку.*) Онъ злодѣй, онъ убилъ меня!

юрій (*одинъ*). Нынче она будетъ моя, пынче или никогда... Они хотятъ у меня ее вырвать, развѣ я даромъ три года думалъ о ней день и ночь. Три года сожалѣній, надеждъ, недоспанныхъ ночей; три года мучительныхъ часовъ тоски глубокой, неизлѣчимой—и послѣ этого я ее отдамъ безъ спору, и въ ту самую минуту, когда я на краю блаженства. Да какъ же это возможно! (*Пишетъ записку и скандиваетъ.*) Кажется, такъ оно удастся. (*Отворяетъ оверъ и клмчетъ.*) Ванюшка! (*Входитъ молодой лакей въ военной мундиръ.*) Послушай, отъ твоего искусства теперь зависить жизнь моя.

ванюшка. Вы знаете, сударь, что я вамъ всѣми силами радъ служить.

юрій. Когда ты сдѣлаешь, что я прикажу, то проси, чего хочешь.

ванюшка. Слушаю-сь.

юрій. Если же нѣтъ—ты погибъ!

ванюшка. Слушаю-сь.

юрій. Видишь эту записку. Черезъ часъ, никакъ не позже, она должна быть въ рукахъ у княгини Лиговской. (*Александръ показывается съ другою оверъ.*)

ванюшка. Помилуйте, сударь, да это самое пустое дѣло Я познакомился ужъ съ ея горничною; а у насъ въ пустой половникъ такіе закоулки, что можно вездѣ пройти днемъ такъ же безопасно, какъ ночью..

юрій. Я на тебя надѣюсь. Только, смотри, не позже, какъ черезъ часъ. (*Уходитъ.*)

ванюшка. Черезъ пять минутъ, сударь... (*Про себя.*) Мы съ баринкомъ видно не промахи—четыре дня какъ здѣсь, а ужъ дѣла много сдѣлали. (*Хочетъ идти.*)

александръ (*подкрался сзади и схватываетъ его за руку.*) Поймай!

ванюшка (*испуганный*). Что это вы, баринъ! александръ. У тебя вотъ въ этой рукѣ записка...

ванюшка. Никакъ нѣтъ-съ.

александръ (*хочетъ взять*). А вотъ увидимъ.

ванюшка. Я закричу-съ, вангъ братецъ услышитъ!

александръ (*въ сторону*). Попробую другой способъ! (*Ему.*) Видишь вотъ этотъ кошелекъ, въ немъ 20 червонцевъ; они твои, если ты дашь мнѣ ее прочесть—такъ, изъ любопытства.

ванюшка. Только никому сами не извольте сказывать.

александръ. Я буду молчаливъ, какъ могила. (*Высчитаетъ деньги въ руки.*)

ванюшка. А если изорвете, сударь, такъ я скажу своему барину.

александръ (*про себя*). Я умру, а не уступлю ему эту женщину!.. *) (*Читаетъ.*) „Вашъ мужъ все знаетъ... Я васъ люблю больше всего на свѣтѣ, вы меня любите—въ этомъ я такъже увѣренъ... Сегодня вечеромъ, въ 12 часовъ, я долженъ съ вами говорить; будьте въ этотъ часъ въ большой залѣ пустой части дома; вы спуститесь по круглой лѣстницѣ и пройдете черезъ корридоръ; если черезъ два часа я не получу желаемого отвѣта, то иду къ вашему мужу, заставлю его драться и, надѣюсь, убью. Въ этомъ князюсь вамъ честью... Ничто его не спасетъ въ случаѣ вашего отказа. Выбирайте“. А! некусоно написано!..

ванюшка. Пожалуйте, сударь, записку—мнѣ пора.

александръ. А если я ее изорву, говори, что ты хочешь за это; все, что попросишь... Тысячу, двѣ?..

ванюшка. И милліона не надобно-съ.

александръ. Я тебѣ умоляю!..

ванюшка. Вотъ видите, сударь, мнѣ велѣно ее отнести, и я отнесу; о томъ, чтобъ ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вамъ показалъ.

александръ (*подумавъ*). Хорошо, отнеси ее! (*Слуна уходитъ.*) (*Про себя.*) Я все-таки найду средство имъ помѣшать.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО АКТА.

*) Зачеркнуто въ рукописи: „она меня не любить; можетъ быть, никогда не любила, да я ее люблю“.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Большая заброшенная комната; развалившійся каминъ; съ лѣвой стороны виденъ коридоръ, освѣщенный въ окна луной; въ коридорѣ спускается лестница; направо двѣ ступени и дверь, а въ серединѣ стеклянная дверь на балконъ. Лунное освѣщеніе.

АЛЕКСАНДРЪ (*входитъ съ правой стороны изъ двери и запираетъ ее ключомъ; онъ въ широкомъ плащѣ*). Хоть старъ замокъ, а не скоро его сломаешь... и покуда я здѣсь царь!.. Жалкая власть! жалкое удовольствіе, украденное изъ рукъ судьбы... и горькое, какъ хлѣбъ нищаго; зато я, по крайней мѣрѣ, хотя противъ ея воли, но еще разъ прижму ее къ груди своей: мой огненный поцѣлуй, какъ печать, останется на устахъ ея, и она будетъ мучиться этою мыслью; оно такъ и слѣдуетъ: вмѣстѣ были счастливы, вмѣстѣ и страдать! Въ темпотѣ, подъ этимъ плащомъ она не скоро меня узнаетъ! Можетъ быть, даже вѣроятно, что мнѣ удастся подъ чужимъ именемъ выманить дватри ласковыя слова... О! какой ангелъ внушилъ мнѣ эту мысль. Богъ, видимо, хочетъ вознаградить меня за 30 лѣтънія муки, за 30 лѣтъ жизни пустой и напрасной. (*Задумывается*.) Да, мнѣ 30 лѣтъ... а что я сдѣлалъ? зачѣмъ жилъ?.. Говорятъ, что я агонистъ: итакъ, я жилъ для себя?.. Нѣтъ... я во всемъ себѣ отказывалъ, вѣчно былъ молчаливой жертвой чужихъ прихотей, вѣчно боролся съ своими страстями, не искалъ никакихъ наслажденій, былъ самъ себѣ въ тягость, даже зла никому умышленно не сдѣлалъ... Итакъ, я жилъ для другихъ?.. Также нѣтъ... Я никому не дѣлалъ добра, боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ—одинъ, всегда одинъ, отверженный, какъ Каинъ, Богъ знаетъ, за чье преступленіе... и потомъ одинъ разъ встрѣтить что-то похожее на любовь—одинъ только разъ—и тутъ видѣть, знать, что я обязанъ этимъ искусству, случаю, даже, можетъ быть, лишней чашкѣ шоколаду... наконецъ, противъ воли предавшись чудному, сладкому чувству, потерять все и остаться опять одному съ ядовитымъ сомнѣніемъ въ груди, съ сомнѣніемъ вѣчнымъ, которому нѣтъ границы. (*Ходитъ назадъ и впередъ*.) Отчего я никогда не могу забыться? Отчего я читаю въ душѣ своей, какъ въ открытой книгѣ? Отчего самыя обыкновенныя чувства у меня такъ мертвы? Отчего теперь, въ самую рѣшительную минуту моей жизни, сердце мое неподвижно, умъ свѣжъ, голова холодна?.. И, право, кажется, могъ бы теперь съ любимымъ глупцомъ говорить битый часъ о погодѣ: видно, я такъ созданъ, видно, недостаетъ какой-нибудь звучной струны въ моемъ сердцѣ... О! лучше бы ужъ я родился слѣпъ, глухъ и нѣмъ... обо мнѣ бы, по крайней мѣрѣ, сожалѣли. (*Въра показывается на лестницѣ*.) Это она... такъ точно... теперь я долженъ призвать на помощь всю свою твердость.

ВЪРА. Довольны ли вы?.. Что можетъ сдѣлать женщина больше?.. по это дурно, дурно припудитъ меня такимъ средствомъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Я также выбралъ между жизнью и смертью.

ВЪРА. Рѣшившись вамъ повиноваться, я рѣшилась также васъ забыть...

АЛЕКСАНДРЪ (*хочетъ ее обнять*). О, это женская хитрость.

ВЪРА. Нѣтъ... нѣтъ... я вамъ скажу также, что я люблю васъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Меня одного?

ВЪРА. Одного.. клянусь небомъ! Я могла заблуждаться, но теперь чувствую, что сердце мое никогда не измѣнилось. (*Александръ вздыхаетъ*.) Однако, несмотря на это, мы должны разстаться навсегда... Мнѣ трудно такъ же, какъ и вамъ, объ этомъ думать; но теперь мы будемъ благоразумнѣе, чѣмъ въ минуту первой разлуки нашей... я ужъ не могу быть счастлива, но спокойствіе для меня еще возможно; оставьте мнѣ хоть это!..

АЛЕКСАНДРЪ. У меня и этого не останется.

ВЪРА. Вѣрьте мнѣ, женщина благородная можетъ на минуту забыть свой долгъ, но всегда приходитъ время, когда она чувствуетъ, что должна возвратиться къ нему; время это для меня настало: никакое искусство, никакія угрозы не поколеблютъ моей твердости. Юрій! дайте мнѣ руку, обѣщайте, какъ другу, какъ женщицѣ, которой постоянною мыслью были вы, обѣщайте никогда не покушаться оторвать какую бы то ни было женщину отъ ея обязанностей—это ужасно, Юрій!.. это иногда хуже убійства.

АЛЕКСАНДРЪ. О, молю, одинъ прощальный поцѣлуй!

ВЪРА. Нѣтъ, разстанемся друзьями... зачѣмъ такое испытаніе?

АЛЕКСАНДРЪ. Я буду покоренъ во всемъ, только одинъ поцѣлуй—ты непременно должна... непременно... Одинъ... только одинъ... и потомъ пусть между нами обрушится вѣчность. (*Увлекаетъ и цѣлуетъ; лучъ мѣсячный упадетъ на его лицо, и она узнаетъ... вскрикиваетъ громко*.)

ВЪРА. О! опять онъ, опять!

АЛЕКСАНДРЪ. Я ужъ сказалъ тебѣ опять и всегда—никто не займетъ моего мѣста.

ВЪРА. Это обманъ неслыханный... пусть, пусть мнѣ руку!.. Я къ тебѣ чувствую отвращеніе!..

АЛЕКСАНДРЪ. Знаю, знаю все; но ты не уйдешь отсюда... И ты подумала, что я не останусь вѣренъ своей клятвѣ?.. Да я здѣсь, а твой страстный любовникъ теперь спитъ крѣпко за двумя замками... Видишь эту дверь, за нею еще дверь: онѣ обѣ заперты... Онѣ должны сломать замки... можетъ быть это ему и удастся... Но тогда онъ увидитъ тебя въ моихъ объятіяхъ...
ВЪРА. Боже мой, Боже мой! я должна была знать, что онъ на все способенъ!

АЛЕКСАНДРЪ. Ха-ха-ха! развѣ ты этого прежде не знала? Развѣ годъ тому назадъ, когда ты въ упоеніи страсти лежала въ моихъ объятіяхъ, когда твои поцѣлуи горѣли на губахъ моихъ, развѣ тогда еще я не предвѣрялъ тебя? Развѣ я не говорилъ: Вѣра, ты любишь человѣка ужаснаго, который не имѣетъ ничего святого, кромѣ тебя, и то пока онъ любимъ,—человѣка съ душой испорченной, который не боится ничего, потому что ничѣмъ не доро-

жить; развѣ я не говорилъ: берегись, ты думала, что я шучу... Мнѣ шутить въ такія минуты! Ты думала, что я все это говорилъ, чтобъ показаться интереснымъ, удивить тебя, что я слѣдую модѣ, фанфаронъ порока и эгоизма; ты даже хотѣла меня увѣрить, что я почти ангелъ доброты... потому что тогда кровь волновалась въ твоихъ жилахъ, тебѣ нужны были ласки, чьи-нибудь ласки, чья-нибудь нѣжность, куда, на время, до появленія другого, достойнѣйшаго .. Не дрожи, не поднимай глаза къ небу... Наказаніе упало тебѣ отсюда... Ты не мученица добродѣтели, не жертва страсти и обмана—ты просто слабая, вѣтреная, непостоянная женщина... Ты вздумала по прихоти своей располагать судьбою трехъ чело-вѣкъ: одному назначила покорность, другому вздохи и признанія, третьему, самому послушному, ты назначила мученія ревности, пытки презрѣнія, муки любви отверженной, обманутой, и этотъ послѣдній теперь мститъ за себя...

вѣра (*упадая на колѣни*). Не подходи, не подходи...

александръ (*подымая ее за руку*). Встаньте, не унижайтесь, княгиня, до такой степени... Послѣ вашей надменности это ужъ слишкомъ смѣшно... На колѣняхъ, и передъ кѣмъ? Одумайтесь, что это? Страхъ? Чего же вы боитесь? Времена кинжаловъ прошли, развѣ я вамъ угрожаю?..

вѣра (*почти безъ чувствъ*). Я не переживу этого.

александръ. Черезъ два года, вѣра, назначу тебѣ свиданіе гдѣ-нибудь на балѣ: на лицѣ твоемъ будутъ играть улыбка, въ волосахъ будутъ блистать жемчугъ и брильянты, а въ сердцѣ твоемъ будетъ пусто и свѣтло...

(*Слышенъ звукъ отломаннаго замка.*)

вѣра. Это Юрій,—онъ идетъ сюда.

александръ. Наконецъ! (*вѣра хочетъ убраться*). Постой! Мнѣ пришла мысль. Зачѣмъ оставлять дѣло неоконченнымъ: я хочу, чтобъ онъ нашель тебя въ моихъ объятіяхъ, чтобъ онъ насадился пріятной картиной, это было бы божественно, какъ ты думаешь? (*Обнимаетъ ее.*)

вѣра. Мнѣ все равно, дѣлай, что хочешь, у меня нѣтъ силъ противиться.

александръ. Слышишь, вотъ его шаги... Послѣдній замокъ сейчасъ разлетится... Бѣшенство удваиваетъ его силы. (*Молчаніе.*) Нѣтъ, я вижу, это ужъ слишкомъ много для тебя... обморокъ? Пустое, я хочу, чтобъ ты съ нимъ говорила; останься здѣсь, скажи ему, что ты его не любишь, не любишь нисколько... Я отойду въ сторону... Слышишь ли, отвергни его ласки такъ же холодно, какъ мой,—иначе я стану между вами, и тогда горе вамъ обомь. (*Отходитъ и прячется; дверь съ трескомъ открывается, и входитъ Юрій.*)

юрій. А! меня заперли, это не даромъ, это съ умысломъ сдѣлано, но кто же? Братъ?.. Зачѣмъ ему?.. О, если я опоздаю... вѣра!.. Ничего не слышно... Чу! шорохъ платья... Она здѣсь, здѣсь! вѣра! (*Подходитъ и видитъ.*) О, какъ я счастливъ! (*Беретъ ее за руку.*) вѣра, княгиня, простите меня!

вѣра (*слабо*). Васъ... я прощаю...

юрій. Это былъ мигъ сумасшества... Но я

хотѣлъ васъ видѣть передъ тѣмъ, чтобъ разстаться снова и, можетъ быть, навсегда... Я хотѣлъ... о, я самъ не знаю чего... Да, только васъ видѣть, только... Я надѣялся, я полагалъ, что вы не можете любить вашего мужа, потому что онъ не стоитъ васъ... Я хотѣлъ найти вамъ въ умѣ своемъ извиненіе... Я даже мечтала, что вы меня еще любите.

вѣра. Вы совершенно ошиблись.

юрій. Однако, вы здѣсь... вы не хотѣли огорчить меня; вы здѣсь, ваша рука горитъ въ рукѣ моей; женщина, не любя, не сдѣлаетъ этой жертвы...

вѣра. Вы правы, я пожертвовала собой изъ любви, но не къ вамъ.

юрій. Вы хотѣли спасти мужа?

вѣра. Да.

юрій (*обидясь*). Если такъ, то прошу отъ меня его поздравить.

вѣра (*послѣ молчанія*). Забудьте меня.

юрій. Я не ожидалъ такого привѣтствія.

вѣра. Чего жъ вы ожидали?

юрій. Въ васъ нѣтъ и тѣни той женщины, которая нѣкогда любила меня такъ нѣжно, которой обязанъ я лучшими минутами въ жизни... Отчего жъ бы, кажется, имъ не воскреснуть... зачѣмъ дарить сокровище тому, кто ему не знаетъ цѣны... А я, я, такъ долго жившій одной надеждой обладать имъ, я брошенъ въ сторону... со мной поступаютъ какъ съ игрушкой: то кидаютъ огненный взоръ, то ледяное слово...

вѣра. Лучше бы вы старались не понять ни того, ни другого.

юрій. Боже! какъ вы перемѣнились; бывало, вамъ стоило подумать—и я ужъ зналъ эту мысль; пожелать—и я невольно желалъ того же; бывало, намъ почти не нужно было словъ для разговора... Теперь, признаюсь, теперь я васъ не понимаю.

вѣра. О, слава Богу!

юрій. Слава Богу... Ужель вы хитростью хотѣли избавиться отъ моей любви, обманомъ испугать меня—этому не бывать!.. Вы теперь въ моей власти... Я не упущу этого случая... Теперь или никогда!.. въ моя, вы будете моею... Судьба этого хочеть...

вѣра. Юрій, Юрій! одна минута восторга, и вѣки раскаянія.

юрій. Я не буду раскаиваться.

вѣра. А я?

юрій. Вы меня любите.

вѣра. Я слабая женщина... я имѣю обязанности... я знаю, что такое раскаянье.

юрій. Ты о немъ забудешь въ моихъ объятіяхъ.

вѣра. Пощадите!..

юрій. Не доводи меня до крайности... Я за себя не ручаюсь.

вѣра. Шорохъ... насъ подслушиваютъ... здѣсь кто-то есть...

юрій. Шорохъ... кто же смѣетъ?.. (*Осматривается.*)

вѣра (*убѣгаетъ*). Прощай, Юрій!.. Прощай.

юрій (*бѣжитъ за нею*). Нѣтъ, я васъ не пущу... Невозможно... Я не хочу такъ разстаться. (*Въ двери хватается ее за руку и упадетъ на колѣни. Александръ является.*)

вѣра (*указывая пальцемъ на Александра*).

Уйдите, уйдите! это онъ... опять онъ! (*Убий-
ваетъ.*)

юрій (*оборачивается*). А! что такое?..

александръ. Свидѣтель твоихъ глупостей!

юрій. Этого свидѣтеля можно достойно награждать за труды.

александръ. Это награжденіе... здѣсь... (*Указываетъ на сердце.*)

юрій. Братъ... съ этой минуты я разрываю узы родства и дружбы, ты мнѣ сдѣлалъ зло, невозвратимое зло, и я отомщу!..

александръ (*холодно*). Какимъ образомъ?..

юрій. Ты мнѣ заплатишь.

александръ (*улыбаясь*). Съ удовольствіемъ, только чѣмъ?

юрій (*въ бѣшенствѣ*). Цѣною крови!..

александръ. Въ нашихъ жилахъ течетъ одна кровь.

юрій. Подслушивать!.. такъ коварно отравлять чужое счастье... Знаешь ли, что это дѣло подлецовъ!..

александръ. А обольщать жену другого?..

юрій. Она меня любитъ.

александръ. Неправда!.. Развѣ это видно изъ ея поступковъ?..

юрій. Я знаю, что она меня любитъ... Любила меня одного.

александръ. А я знаю кое-что другое.

юрій. Что ты знаешь? Говори, сейчасъ говори!..

александръ. Я знаю, что въ твоемъ отсутствіи она имѣла любовника.

юрій. Клевета, низкая клевета!

александръ. Я тебѣ покажу письма!..

юрій. Кто жъ онъ?.. Назови его мнѣ!..

александръ (*подумавъ*). Изволь, я тебѣ его назову.

юрій. Сейчасъ... сію минуту!..

александръ. Завтра... когда она уѣдетъ. (*Уходитъ.*)

юрій (*задумчиво*). Что, если онъ говоритъ правду?

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО АКТА.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната князя. Онъ сидитъ; передъ нимъ управитель съ бумагами.

управитель. Ваше сіятельство, честь имѣю рабски донести, что все въ подмосковной готово для принятія вашего сіятельства; и домъ отопленъ, и обозъ долженъ сегодня туда приѣхать.

князь. Хорошо... Ты останешься здѣсь и сдашь квартиру... Нынче, часа черезъ два, мы ѣдемъ, вели укладывать карету.

управитель. Слушаю-съ! Да что, ваше сіятельство, изволили такъ на Москву прогнѣваться?..

князь. Не твое дѣло разсуждать, дурачина!..

управитель. Слушаю-съ, ваше сіятельство. (*Въра входитъ.*) Княгиня изволила пожаловать.

князь. Пошелъ вонъ. (*Управитель уходитъ.*)

Я очень радъ, сударыня, что вы пришли, сдѣлали мнѣ эту честь; очень радъ, въ восторгѣ!.. Я долженъ съ вами поговорить; сдѣлайте милость, садитесь.

въра. Что вамъ угодно?

князь. Если бъ вы всегда мнѣ дѣлали этотъ вопросъ, то было бы лучше.

въра. Вы этого не требовали!..

князь. Тогда было другое, тогда я былъ вашъ покорный слуга, вашъ прислужникъ, ваша постельная собачка, только вы не умѣли цѣнить этого, сударыня!..

Чего я ни дѣлалъ?.. Надобны брильянты—и брильянты являются; балъ—и балъ готовъ; коляски, кареты, шляпы, шали, я для васъ разорялся, сударыня.

въра. Я всегда была благодарна.

князь. И изъ благодарности сами хотѣли мнѣ подарить головной уборъ въ новомъ вкусѣ. (*Въра хочетъ встать.*) Сидите, останьтесь!..

Я вашъ мужъ и теперь попробую приказывать; однимъ словомъ, мы нынче ѣдемъ въ подмосковную, а какъ только будетъ можно, то оттуда въ симбирскую деревню!..

въра. Я пришла васъ просить не откладывать отъѣзда.

князь. Сами просите—вотъ новость!.. Знаете ли, что это очень хитро, тутъ что-нибудь кроется!.. И я, право, изъ любопытства въ состояніи остаться.

въра. Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете!.. это невозможно!.. Мы должны ѣхать сегодня же!..

сейчасъ!.. я васъ умоляю.

князь (*про себя*). Хотѣ убей, не понимаю!.. (*Ей*). Я хочу знать, сударыня, отчего вы желаете ѣхать такъ скоро?

въра. Я не могу вамъ этого объяснить!..

князь. Не можете, и не надо, я самъ догадываюсь!.. Вы желаете доказать мнѣ, что вы добродѣтельная супруга, которая избѣгаетъ своего любовника, а мнѣ, сударыня, известно, что вы любите сами Юрія Дмитріевича, мнѣ известно!..

въра. Нѣтъ, нѣтъ!.. я его не люблю!.. но боюсь!..

князь. Полубить его?

въра. Женское сердце такъ слабо!..

князь. И такъ обманчиво. Вы—моя жена, сударыня, и не должны любить никого, кромѣ меня.

въра. Я всегда старалась не подать вамъ повода думать!..

князь. Теперь я буду стараться!.. Запру васъ въ стѣнной деревнѣ, и тамъ извольте себѣ вздыхать, глядя на прудъ, садъ, поле и прочія сельскія красоты, а подобныхъ франтиковъ за версту отъ дому буду встрѣчать плетьми и собаками!..

Ваша любовь мнѣ не нужна, сударыня! я, слава Богу, не такъ глупъ, но ваша честь—моя честь! О, я отнынѣ буду ее стережъ неуслыно.

въра. Я рѣшилась искупить вину свою безпрѣдельною покорностью.

князь. Образумитесь надо было немного раньше.

въра. Конечно, это было не въ моей власти.

князь. Что же! судьба, во всемъ виновата судьба! Вотъ модные романы! вотъ свободныя женщины!.. философія—чортъ ее возьми, сударыня. Вы слишкомъ учены для меня, отъ этого все зло!.. Отнынѣ не дамъ вамъ ни одной книги въ руки—извольте заниматься хозяйствомъ.

въра. Я сказала, что буду покорна во всемъ, только прошу одного: ради Бога, никогда не

напоминайте мнѣ о прошедшемъ... Я буду вашей рабою, каждая минута моей жизни будетъ принадлежать вамъ... только не упрекайте меня.

князь. Вотъ мило! вотъ хорошо! Нѣтъ, сударыня, отнынѣ дѣлаю все вамъ напротивъ: вы хотите обѣдать—я вѣлю подавать завтракъ, хотите ѣхать—я сижу дома, хотите сидѣть дома—везу васъ на балъ... Я вамъ отплачу; вы узнаете, что значитъ кокетничать съ петербургскими франтиками, имѣя такого мужа, какъ я! (*Уходитъ.*)

вѣра. Вотъ мнѣ раскрылась цѣлая жизнь страданій, но я рѣшилась терпѣть и буду терпѣть до конца! (*Входитъ слуга.*)

слуга. Князь приказалъ вамъ доложить, ваше сиятельство, что извольте, дескать, одѣваться—возокъ закладываютъ.

вѣра. Скажи, что я иду. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комнаты у Дмитрія Петровича. — дмитрія петровича несутъ на креслахъ. Александръ входитъ.

дмитрій петровичъ. Такъ, такъ... остановитесь здѣсь, я хочу, чтобъ свѣтлый лучъ солнца озарилъ мои послѣднія минуты... въ той комнатѣ темно, страшно, какъ во гробѣ... здѣсь тепло... здѣсь, можетъ быть, снова жизнь проснется во мнѣ... Дѣти... Юрій... гдѣ вы?.. Ушли—никого. Александръ. Я возлѣ васъ, батюшка!

дмитрій петровичъ. Другъ мой, я умираю; я замѣтилъ, какъ докторъ нынче покачалъ головой и уѣхалъ, не сказавъ ни слова. Ты говоришь съ докторомъ?

Александръ. Нѣтъ, батюшка.

дмитрій петровичъ. Ты боялся спросить... Ты былъ всегда добрый сынъ; не правда ли, ты любилъ меня?.. Гдѣ Юрій?..

Александръ. Его здѣсь нѣтъ. (*Уходятъ за Юріемъ по знаку Александра.*)

дмитрій петровичъ. Ради неба, позовите его, моего милаго Юрія... Я умираю... хочу его благословить... Онъ, вѣрно, не знаетъ, что я такъ дурень; вѣрно, ты не сказалъ ему?

Александръ. Я боялся его огорчить.

дмитрій петровичъ. Такъ, стало быть, я въ самомъ дѣлѣ такъ близокъ къ смерти.

Александръ (*отвернувшись*). Не знаю, батюшка.

дмитрій петровичъ. О! ты—камень! Когда ты будешь умирать, ты узнаешь, какъ тяжело не встрѣчать утѣшенія.

Александръ. О, конечно, я тогда это узнаю!

дмитрій петровичъ. Тебѣ не жаль меня—ты даже не просишь моего благословенія. (*Юрій входитъ въ волнении.*)

Александръ. Батюшка, вотъ пришелъ братъ...

Юрій (*подходитъ; про себя*). Боже мой! какъ онъ переѣхался со вчерашняго дня...

Александръ (*Юрию*). Онъ умираетъ... и ты убилъ его...

Юрій (*закрываетъ лицо*). О! говорить это... и въ такую минуту!..

дмитрій петровичъ. Юрій!

Юрій. Я у вашихъ ногъ (*Стоя на коленяхъ подлѣ него.*)

дмитрій петровичъ. Я тебя прощаю и благословляю отцовскимъ благословеніемъ.

Александръ (*отходя къ окну*). А мнѣ простить нечего: надо мной нельзя показать великодушія... и потому нѣтъ благословенія!.. (*Стоитъ у окна.*)

Юрій (*встаетъ*). Батюшка, я передъ вами злодѣй... я недостойнъ.

дмитрій петровичъ. Полно, полно! пылкость, ребячество—я это понимаю... но мнѣ было больно...

Ѳедосей (*за столомъ—Юрию*). Уговорите его, баринъ, лечь въ постель: ему такъ сидѣть трудно—посмотрите, лишается чувствъ, ослабѣваетъ.

Юрій. Погоди, надо дать успокоиться.

дмитрій петровичъ (*слабо*). Я ничего не вижу, здѣсь ли ты, Юрій?.. Свѣтъ бѣжитъ отъ глазъ моихъ... Пошлите за священникомъ.

Юрій. Онъ безъ чувствъ, руки холодны.

Ѳедосей (*Юрию*). Вотъ ужъ дней съ пять, сударь, какъ съ ними это часто бываетъ.

Юрій. Боже, сколько мучений!.. Здѣсь—умирающій отецъ; тамъ...

Александръ (*хватитъ брата за руку и тащитъ къ окошку*). Посмотри... посмотри... вотъ она выходитъ на крыльцо, даже сюда не смотреть... блѣдна!.. Но что за диво—ночь, проведенная безъ сна!.. Садитесь... улыбается мужу, а тотъ и не замѣчаетъ... Посмотри... еще разъ выглянула въ окно и опустилась въ карету! Вѣра! Вѣра! чего ищутъ глаза твои? (*Слышны стукъ кареты.*)

Юрій. Все кончено.

Александръ. Вздыхай, терзайся, воображай ея слезы и мысли, что вы никогда не увидите... воображай, какая ужасная борьба происходила въ душѣ ея, когда она рѣшилась противиться твоей страсти!.. О, великій, святой примѣръ добродѣтели... чистая душа... Ха-ха-ха!.. Это былъ страхъ, страхъ, — она знала, что я тутъ за дверью.

Юрій. Замолчи, замолчи!.. видишь, здѣсь умирающій отецъ.

Александръ. Что мнѣ теперь отецъ, цѣлый міръ—я потерялъ все. послѣднее средство погибло, послѣднее чувство умерло... на что мнѣ жизнь... хочешь взять ее? Возьми, и хорошо сдѣлаешь, вознаградишь себя за то, чего ты лишился. О, я тебѣ насажу такихъ вещей, отъ которыхъ и у тебя засохнетъ сердце, и у тебя въ душѣ родится сомнѣніе и ненависть... Глупецъ! глупецъ!.. Ты думалъ, что когда разъ поправился 17-лѣтней дѣвушкѣ, то она твоя навѣки, что она не можетъ любить другого, видѣвши разъ такое совершенство, какъ ты... а я тебѣ скажу теперь, подтвержу клятвою, что знаю человека, для котораго она забыла мужа, долгъ, законъ, честь, даже самолюбіе—человѣка, для котораго она была готова отдать жизнь, служить ему рабою,—человѣка, который тысячу разъ долженъ бы былъ задушить ее въ своихъ объятіяхъ, если бь отгадалъ будущее...

Юрій. Наконецъ, ты долженъ мнѣ сказать, кто онъ? Я вырву у тебя изъ гортани это проклятое имя.

дмитрій петровичъ (*слабо*). Ѳедосей... что они дѣлаютъ? Позови ихъ, я хочу проститься.

Ѳедосей. Отвернитесь, батюшка, не смотрите.

Юрій. А, ты молчишь! Такъ я тебя принужу
(Хватаетъ на столъ саблю.)

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ. Дѣти, дѣти!.. убійство...
остановите ихъ... братъ на брата... Господи,
возьми меня скорѣе!.. (Упадаетъ.)

ВЕДОСЕЙ. Помогите!.. холодень! (Упадаетъ на
кольчи и шлуетъ руку старика.)

АЛЕКСАНДРЪ (вырываетъ саблю и бросаетъ на
полъ). Дитя! и ты думаешь, что силой, стра-
хомъ изъ меня можно что-нибудь выпытать?..
Ты грозишь смертью, кому?.. Брату.. Что,
если бъ я позволилъ тебѣ убить себя.. Но я не
такъ жестокъ—я самъ скажу все.. Твой со-
перникъ, счастливый соперникъ—я!

ЮРІЙ. Ты?

АЛЕКСАНДРЪ. Теперь продолжай вѣрить жен-
щинамъ, вѣрь любви, вѣрь добродѣтели—твой

ангелъ лежалъ здѣсь, на этой груди; слѣды
твоихъ поцѣлуевъ выжжены моими... я выжалъ
изъ сердца Вѣры все, что въ немъ было похо-
жаго на добродѣтель, и на твою долю не оста-
лось ничего.

(Юрій, закрывъ лицо руками.)

ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ (умираетъ.) Дѣти... Юрій..
Юрій..

ЮРІЙ. Мое имя.. отецъ... онъ умираетъ...
(Бросается къ нему.)

ВЕДОСЕЙ. Скончался.

ЮРІЙ. Не можетъ быть... (Хватаетъ руку.) О!..
(Юрій упадетъ безъ чувствъ на полъ. Але-
ксандръ стоитъ надъ нимъ и кашетъ головою)
АЛЕКСАНДРЪ. Слабая душа... и этого не могъ
перенести...

КОНЕЦЪ.

Алфавитный указатель къ сочиненіямъ М. Ю. Лермонтова *).

А. А. О...ву	Пр. I, 63	Въ альбомъ П. И. Поливанову	Пр. I, 47
Азраиль (поэма)	" II, 91	Въ альбомъ автору „Курдюковой“	I, 43
Ангель („По небу полуночи“)	I, LVI.	„Въ верху одна горить звѣзда“	Пр. I, 37
Ангель смерти (восточная повѣсть)	Пр. II, 102	Въ Воскресенскѣ	" I, 29
Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой	I, 54	Въ день рожденія NN.	" I, 11
Арфа	Пр. I, 38	„Въ рядахъ стояли безмолвной толпой“	" I, 63
Атаманъ (Стевка Разинъ)	" I, 43	„Въ старинны годы жили-были“	" I, 24
Ауль Бастунджи (поэма)	" II, 106	„Выхожу одинъ я на дорогу“	I, 71
Ашикъ-Керибъ (турецкая сказка)	II, 189	Вѣтка Палестины	I, 6
Баллада (изъ Байрона)	Пр. I, 36	Герой нашего времени	II, 98
Баллада („Въ избушкѣ поздною порою“)	" I, 38	Глупой красавицѣ	Пр. I, 35
Баллада („Куда такъ проворно, жидовка младая“)	" I, 61	„Гляжу на будущность съ боязнью“	I, 4
Баллада („Надъ моремъ красавица дѣва сидитъ“)	" I, 12	Гость („Какъ пришлецъ иноплеменный“)	Пр. I, 31
Бартеневой	" I, 17	Гость („Кларису юноша любилъ“)	" I, 42
Благодарность	" I, 39	Графинѣ Ростовичинѣ	" I, 44
Благодарю	Пр. I, 34	Гробъ Оссианна	Пр. I, 30
Бой („Сыны небесъ однажды“)	" I, 59	Гроза („Реветь гроза, дымятся тучи“)	" I, 26
„Болѣзнь въ груди моей и нѣтъ мнѣ испѣденья“	" I, 57	Грузинская пѣсня	" I, 10
Бородино („Скажи-ка, дядя“)	I, 9	Гусаръ	" I, 61
Бояринъ Орша (поэма)	II, 47	Дары Терека	I, 24
Булгакову	Пр. I, 18	Два брата (драма)	Пр. II, 206
Бульваръ (отрывокъ)	" I, 33	Два брата (поэма)	" I, 14
Вѣглець (горская легенда)	II, 32	Два великана („Въ шапкѣ золота литого“)	I, 1
Валерикъ	I, 55	Два сокола	Пр. I, 10
Венеція (отрывокъ)	Пр. I, 37	„Девятый часъ; ужъ темно; близъ заставы“	" I, 10
Веселый часъ	" I, 2	Демонъ (восточная повѣсть)	II, 3
Весна (Ек. Ал. Сущковой)	" I, 34	Демонъ (первоначальные наброски)	Пр. II, 3
Вечеръ („Когда садится алый день“)	" I, 55	Дереву („Давно ли съ зеленою радужной“)	" I, 32
Вечеръ послѣ дождя	" I, 26	Джулио	" II, 93
Видъ горъ изъ степей Козлова	I, 54	Дитя въ люлькѣ (изъ Шиллера)	" I, 13
Видѣніе („Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ“)	Пр. I, 46	Договоръ	I, 50
Воздушный корабль (изъ Зейдлица)	I, 35	Додо	Пр. I, 17
Война. (Въ пансионѣ)	Пр. I, 7	„Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой“	I, 74
Волны и люди	" I, 41	Дума („Печально я гляжу на наше поколѣье“)	I, 19
Воля („Моя мать—злая кручина“)	" I, 50	„Душа моя должна прожить въ земной неволѣ“	Пр. I, 54
„Время сердцу быть въ покоѣ“	" I, 19	Еврейская мелодія („Душа моя мрачна“), изъ Байрона	I, 3
„Все тихо—полная луна“	" I, 32		
Встрѣча (изъ Шиллера)	" I, 12		
Въ альбомъ, изъ Байрона. („Какъ одинокая гробница“)	I, 3		

*) *Значеніе сокращеній:* I—томъ первый; II—томъ второй; Пр. I—приложеніе къ I тому; Пр. II—приложеніе къ II тому (въ III томѣ). Арабскія цифры обозначаютъ страницы.

- Еврейская мелодія („Я выдалъ иногда, какъ...“) Пр. I, 26
 „Есть рѣчи значенье“ I, 45
- Жалобы турка Пр. I, 9
 Желаніе („Отворите мнѣ темницу“) I, 5
 Желаніе („Зачѣмъ я не птица, не воронъ“) Пр. I, 47
 Жена сѣвера „ I, 10
 Журналистъ, читатель и писатель I, 32
- Заблужденіе купидона Пр. I, 1
 Завѣщаніе („Наединѣ съ тобою, братъ!“) I, 45
 Завѣщаніе („Есть мѣсто: близъ тропы глухой“, изъ Гете Пр. I, 48
 Звуки („Что за звуки! недвижимо внемлю“) „ I, 41
 Звуки и взоръ „ I, 55
 Звѣзда „ I, 26
 Земля и небо „ I, 55
- Измаиль-Бей (восточная повѣсть) II, 62
 „Измученный тоскою и недугомъ“ Пр. I, 22
 Изъ альбома С. Н. Карамзиной I, 44
 Изъ Андрея Шенье („За дѣло общее, быть-можетъ“) Пр. I, 56
 Изъ Гейне („Онѣ любили другъ друга такъ нѣжно“) I, 68
 Изъ Гейне („Сосна“) I, 43
 Изъ Гете („Горныя вершины“) I, 37
 Изъ Паткуля („Напрасно враговъ ядовитая злоба“) Пр. I, 53
 „Изъ-подъ таинственной холодной полумаски“ I, 51
 И скучно, и грустно I, 34
 Испанцы (трагедія) Пр. II, 131
 Исповѣдь („Я вѣрю, общаю вѣрить“) „ I, 49
 „Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ“ „ I, 37
- Юля 15-го 1830 года Пр. I, 32
 Юля 11-го („Межъ лиловыхъ облаковъ“) „ I, 41
 Юля 10-го 1830 г. („Опять вы, гордые, возстали“) „ I, 34
- Кавказскій плѣнникъ (поэма) „ II, 81
 Кавказу („Кавказъ! далекая страна“) „ I, 27
 Кавказъ „ I, 22
 Казачья колыбельная пѣсня I, 30
 Казбеку I, 53
 Казначейша II, 36
 Казоть I, 28
 „Какая сладость въ мысли: я отецъ!“ Пр. I, 62
 „Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень“ „ I, 20
 „Какъ духъ отчаянья и зла“ „ I, 17
 „Какъ лучъ зари, какъ розы Леля“ „ I, 20
 „Какъ небеса, твой взоръ блистають“ I, 5
 Калы (черкесская повѣсть) Пр. II, 112
 К. Д. („Будь со мною, какъ прежде бывала“) „ I, 15
 Кинжалъ I, 48
 Кладбище Пр. I, 30
 Княгиня Лиговская (романъ) „ II, 57
 Кн. Марья Алек. Щербатовой („На свѣтскія цѣли“) I, 39
 „Когда бы въ покорности незнанья“ „ I, 50
 „Когда бы могъ весь свѣтъ узнать“ (Sentenz) „ I, 30
 „Когда волнуется желтѣющая нива“ I, 18
- „Когда къ тебѣ молвы разсказъ“ Пр. I, 35
 „Когда послѣднее мгновенье“ „ I, 15
 „Корсаръ“ (поэма) „ II, 86
 „Кто въ утро зимнее, когда валить“ „ I, 51
 Къ *** („Всевышній произнесъ свой приговоръ“) „ I, 47
 Къ *** („Глядяся чаше въ зеркало“) „ I, 11
 Къ *** („Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта“) „ I, 56
 Къ *** („Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь“) „ I, 13
 Къ (*) („Мой другъ, напрасное страданье!“) „ I, 60
 Къ (*) („Мы случайно сведены судьбой“) „ I, 57
 Къ („Мы снова встрѣтились съ тобой“) „ I, 11
 Къ *** („Не говори однимъ высокимъ“) „ I, 22
 Къ („Не говори: я трусъ, глушець“) „ I, 36
 Къ *** („Не думай, чтобы я былъ достоинъ сожалѣнья“) „ I, 32
 Къ *** („Не медли въ дальней сторонѣ“) „ I, 56
 Къ *** („Не ты, но судьба виновата была“) „ I, 53
 Къ *** („О, не скрывай! ты плакала о немъ“) „ I, 51
 Къ *** („О! полно извинять развратъ“) „ I, 40
 Къ * („Оставь напрасныя заботы“) „ I, 58
 Къ * („Печаль въ моихъ пѣсняхъ, но что за нужда?“) „ I, 60
 Къ * („Прости! мы не встрѣтимся болѣ“) „ I, 60
 Къ *** (Простите мнѣ, что я рѣшился къ вамъ“) „ I, 19
 Къ *** („Я не унижусь предъ тобою“) „ I, 20
 Къ А. С. („Не привлекай меня красотой“) „ I, 6
 Къ Вухарову, Ник. Нв. („Мы ждемъ тебя“) „ I, 64
 Къ гению („Когда во тѣмъ ночей“) „ I, 5
 Къ глупой красавицѣ „ I, 27
 Къ гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной I, 43
 Къ Грузинову („Скажи, любезный мой пріятель“) Пр. I, 9
 Къ другу („Вздѣланный на лонѣ вдохновенья“) „ I, 10
 Къ другу („До лучшихъ дней“) „ I, 48
 Къ другу („Забудь опять свои надежды“) „ I, 53
 Къ друзьямъ („Я рожденъ съ душою пылкою“) „ I, 4
 Къ Д—у („Я пробѣгалъ страны Россіи“) „ I, 4
 Къ Дѣвѣ небесной („Когда бы встрѣтилъ я въ раю“) „ I, 48
 Къ кн. Л. Г—ой („Когда ты холодно внимаешь“) „ I, 50
 Къ (В. Лопухиной) („Не вѣрь словамъ и увѣреньямъ“) „ I, 50
 Къ Л(опухиной). Подражаніе Байрону „ I, 49
 Къ Н. И. („Я недостойнъ, быть-можетъ“) „ I, 49
 Къ Нинѣ (изъ Шиллера) „ I, 9
 Къ Н. Н. („Не играй моею тоской“) „ I, 8
 Къ Н. Н. („Ты не хотѣлъ, но скоро волю рока“) „ I, 7
 Къ П—ву „ I, 4
 Къ портрету гр. А. К. Воронцовой-Дашковой I, 41
 Къ пріятелю („Мой другъ, не плачь передъ разлукой“) Пр. I, 40
 Къ себѣ („Какъ я хотѣлъ себя увѣрить“ „ I, 54

Бъ Су... („Вблизи тебя до этихъ поръ“)	Пр. I, 31	Ночь V. („Въ чугуны печальный сто- рожъ бьетъ“)	Пр. I, 54
„Къ чему ишу такъ славы я?“	„ I, 54	Ночь II („Погаснулъ день и тьма ноч- ная своды“)	„ I, 24
Литвинка	Пр. II, 98	Ночь III („Темно. Все спить. Лишь только“)	„ I, 29
„Люблю я дѣви синихъ горъ“	„ I, 18	Ночь I („Я зрѣлъ во снѣ, что будто умеръ я“)	„ I, 23
Любовь мертвеца	I, 42	„Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю“	I, 63
Люди и страсти (трагедія)	Пр. II, 161	„Нѣтъ, я не Байронъ, я другой“	Пр. I, 57
Мазепа. („Ахъ, нынѣ я не тотъ со- вѣзмъ“)	Пр. I, 59	„Нѣтъ, я не требую вниманья“	„ I, 25
Мадригаль	„ I, 4	Одиночество	Пр. I, 25
Марья Павловнѣ Соломірской („Надъ бездной адскою блуждалъ“)	I, 43	Олеги	„ I, 13
Маскарадъ (драма)	I, 76	„Она не гордой красотой“	„ I, 60
Мая 16-е число 1830 г.	Пр. I, 31	„Она поетъ—я звуки таютъ“	I, 5
Menschen und Leidenschaften	„ II, 161	„Они любили другъ друга такъ пѣжно“	I, 68
„Метель шумитъ и снѣгъ валитъ...“	„ I, 50	Опасеніе („Страхись любви: она прой- детъ“)	Пр. I, 22
Могила бойца (дума)	„ I, 35	Оправданіе („Когда одни воспоминанья“)	I, 45
Мой демонъ („Собранье золь—его стихія“)	„ I, 10	„Опять вы, гордые, возстала“	Пр. I, 34
Мой демонъ	„ I, 57	„Опять народные вѣти“	„ I, 63
Мой домъ („Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ“)	„ I, 42	„Опять, опять я видѣлъ“ (В. А. Ло- пухиной)	„ I, 50
Молитва („Въ минуту жизни трудную“)	I, 23	Осеня („Листья въ полѣ пожелтели“)	„ I, 1
Молитва („Не обвиняй меня, Все- сильный“)	Пр. I, 13	Отвѣтъ („Кто муки зналъ“)	„ I, 8
Молитва странника („Я, Матерь Бо- жія, нынѣ съ молитвой“)	I, 6	Отрывокъ („На жизнь надѣяться“)	„ I, 28
Молитва юнкерская („Царю Небес- ный“)	Пр. I, 63	Отрывокъ („Три ночи я провелъ безъ сна“)	„ I, 16
Монологъ („Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ“)	„ I, 12	Отрывокъ изъ начатой повѣсти	II, 195
Морская царевна	I, 69	— Тоже (другой отрывокъ)	II, 205
Морякъ	Пр. I, 58	Отчего („мнѣ грустно“)	I, 39
Моя мольба	„ I, 31	Отчизна („Люблю отчизну я“)	I, 46
Мцыри	II, 20	Очи NN („Нѣтъ смерти здѣсь!“)	Пр. I, 27
Надежда („Есть птичка райа у меня“)	Пр. I, 49	Павлову („Какъ васъ зовутъ?“)	Пр. I, 17
„Надъ бездной адскою блуждалъ“	I, 43	Памяти Александра Ив. Одоевского	I, 26
„На жизнь надѣяться страшася“ (от- рывокъ)	Пр. I, 28	Панорама Москвы	Пр. II, 55
На картину Рембрандта	„ I, 40	Панъ	„ I, 9
Наполеонъ („Гдѣ бьетъ волна о брегъ высокій“)	„ I, 8	Парусъ („Вѣлѣтъ парусъ одинокой“)	I, 1
Наполеонъ (дума)	„ I, 26	Первая любовь („Въ ребячествѣ мо- емъ тоску“)	Пр. I, 41
„Напрасна враговъ ядовитая злоба“	„ I, 53	Первое января	I, 29
„На серебряныя шпору“	„ I, 62	„Передо мной лежитъ листокъ“	Пр. I, 35
На смерть А. С. Пушкина	I, 7	Перчатка (изъ Шиллера)	„ I, 12
„Настанетъ день—и міромъ осужден- ный“	Пр. I, 15	Пиръ („Приди ко мнѣ, любезный другъ“)	„ I, 2
„На темной скалѣ, надъ шумящимъ Днѣпромъ“	„ I, 38	Пиръ Асмодея (сатира)	„ I, 39
Н. Ф. И—вой („Любилъ съ начала жизни я“)	„ I, 22	Письмо („Свѣча горитъ! дрожащую рукою“)	„ I, 5
Не вѣрь себѣ	I, 25	Плѣнный рыцарь	I, 50
„Не могу на родинѣ томиться“ (стансы)	Пр. I, 56	Повѣсть	Пр. II, 14
„Не плачь, не плачь, мое дитя!“	I, 52	Покаяніе („Я пришелъ, святой отецъ“)	„ I, 6
„Не смѣйся, другъ, надъ жертвою“	Пр. I, 38	Поле Боредино („Всю ночь у пушекъ пролежали“)	„ I, 41
(подраженіе Байрону)	„ I, 38	„Пора уснуть послѣднимъ сномъ“	„ I, 53
„Не смѣйся надъ моей пророческою тоскою“	I, 53	Портретъ („Взгляни на этотъ ликъ“)	„ I, 15
„Небо и звѣзды“	Пр. I, 50	Портреты I—VI	„ I, 45
Незабудка (сказка)	„ I, 24	Посвященіе NN („Вотъ, другъ, плоды моей“)	„ I, 2
„Нѣрѣдко люди и бранили“	„ I, 36	— („Прими, прими мой грустный трудъ“)	„ I, 30
Нпщій („У вратъ обители святой“)	„ I, 34	— „Тебѣ я нѣкогда вѣрялъ“	„ I, 31
Новгородъ („Привѣтствую тебя“)	„ I, 61	„Послушай: быть-можетъ, когда мы покинемъ“	„ I, 58
Новгородъ („Сыны снѣговъ, сыны сла- вянъ“)	„ I, 36	„Послушай, вспомни обо мнѣ“ (въ альбомѣ)	„ I, 47
Ночь („Одинъ я въ тишинѣ ночной“)	„ I, 34	Послѣднее новоселье	I, 47
		„Посреди небесныхъ тѣлъ“	Пр. I, 62

- Потокъ („Источникъ страсти есть во мнѣ“) Пр. I, 53
 „Поцѣлуями прежде считалъ“ „ I, 58
 Поэтъ („Когда Рафаэль вдохновенный“) „ I, 1
 Поэтъ („Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ“) I, 27
 Предсказаніе Пр. I, 32
 „Прельзъ мной готическое зданіе“ „ I, 29
 „Прекрасны вы, поля земли моей родной“ „ I, 50
 Прелестницѣ „ I, 21
 Преступникъ („Скажи намъ, атаманъ честной“) „ I, 2
 „Привѣтствую тебя“ (Новгородъ) „ I, 61
 Пророкъ („Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія“) I, 72
 Прости (изъ Байрона) Пр. I, 30
 „Прости, мой другъ, какъ призракъ лечу“ „ I, 28
 „Прости! увидимся ль мы снова“ (эпиграфа) „ I, 22
 „Прощай, немытая Россія“ „ I, 64
 Прощанье („Не увѣжай, лезгинецъ молодой“) „ I, 18
 Прощанье („Прости, прости!“) „ I, 40
 „Пускай поэта обвиняють“ „ I, 54
 Пѣсь Барда I, 34
 Пѣсня („Желтый листь о стебель бьется“) I, 15
 „ „Колокольъ стонеть“) „ I, 54
 „ „Не знаю, обмануть ли былъ я“) „ I, 38
 Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова I, 10
 Пѣсня („Свѣтлый праздникъ дней минувшихъ“) Пр. I, 7
 Разлука Пр. I, 22
 „Разгались мы, но твой портретъ“ I, 18
 Раскаяніе („Къ чему мятное ролтанье“) Пр. I, 37
 Ребенку („О грезахъ юности томимъ воспоминаемъ“) I, 21
 Романы: 1) „Въ тѣ дни, когда ужъ лѣтъ надеждъ“ Пр. I, 36
 „ 2) „Невинный вѣжною душою“ „ I, 7
 „ 3) „Коварной жизнью недозвольный“ „ I, 6
 „ 4) „Стояла сѣрая скала“ „ I, 21
 „ 5) „Ты идешь на поле битвы“ „ I, 57
 „ 6) „Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки“ „ I, 44
 Русалка I, 2
 Русская мелодія („Въ умѣ своемъ я создалъ мѣръ“) Пр. I, 6
 Русская пѣсня: „Клоками бѣлый снѣгъ валится“ „ I, 55
 „Рѣдбють бѣдные туманы“ (1-е января 1831 года) „ I, 42
 Сабуровой Пр. I, 18
 Сашка (нравственная поэма) „ II, 116
 Св. Елена („Почтимъ приѣтомъ островъ одинокій“) „ I, 48
 „Свершилось! полно ожидать“ „ I, 35
 Свиданіе I, 70
 Sentenz: „Когда бы могъ весь свѣтъ узпать“ Пр. I, 30
 Сентября 29 (Вар. Ал. Лопухиной) „ I, 50
 „Сижу я въ комнатѣ старинной“ Пр. I, 48
 Силуэтъ („Есть у меня твой силуэтъ“) „ I, 16
 „Свиня горы Кавказа, привѣтствую васъ!“ „ I, 20
 „Скажи, любезный мой пріятель“ „ I, 9
 Сказка для дѣтей „ I, 58
 „Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой“ Пр. I, 19
 Слава „ I, 54
 „Слова разлуки повторяя“ „ I, 60
 „Слышу ли голосъ твой“ „ I, 44
 „Слѣпецъ, страдаемъ вдохновенный“ I, 54
 Смерть („Закатъ горитъ огнистой полосою“) Пр. I, 37
 Смерть („Оборвана цѣпь жизни молодой“) „ I, 40
 Смирновой, Александрѣ Осиповнѣ I, 40
 „Смѣло вѣрь тому, что вѣчно“ Пр. I, 60
 Совѣтъ („Если, другъ, тебѣ сгрустнется“) „ I, 25
 Солнце („Какъ солнце зимнее“) „ I, 18
 Солнце осени („Люблю я солнце осени“) „ I, 53
 Соломирской, Марьѣ Пав. I, 43
 Сонетъ: „Я памятью живу съ увядшими мечтами“ Пр. I, 57
 Сонъ („Въ полдневный жаръ въ долинь“) I, 62
 Сонъ („Я видѣлъ сонъ: прохладный гаснулъ день“) Пр. I, 39
 Сосна (изъ Гейне): „На сѣверѣ дикомъ“ I, 43
 Сосѣдка I, 49
 Сосѣдъ („Кто бъ ни былъ ты...“) I, 19
 Сосѣдъ („Погаснулъ день на вышинахъ небесныхъ“) Пр. I, 56
 Сиоръ („Какъ-то разъ передъ толпою“) I, 63
 Стансы: 1) „Взгляни, какъ мой спокоенъ въ зорѣ“ Пр. I, 35
 „ 2) „Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ“ „ I, 52
 „ 3) „Люблю, когда борясь съ душою“ „ I, 22
 „ 4) „Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено“ „ I, 42
 „ 5) „Не могу на родинѣ томиться“ „ I, 56
 „ 6) „Я не крушусь о быломъ“ „ I, 27
 „ 7) (Къ Д***) „И не могу не произнестъ“ „ I, 52
 Странный человѣкъ (драма) „ II, 182
 „Страшись любви: она пройдетъ“ „ I, 22
 Сюжетъ (Мстиславъ Черный) „ I, 16
 Тамара I, 69
 Толпѣ („Безумецъ я! вы правы, правы“) Пр. I, 59
 Три вѣдмы „ I, 9
 Три пальмы (восточное сказаніе) I, 22
 Тростникъ („Сидѣлъ рыбакъ веселый“) Пр. I, 59
 Тучи („Тучки небесныя, вѣчные странники“) I, 38
 „Ты могъ быть лучшимъ королемъ“ Пр. I, 36
 „Ты молодежь, цвѣтъ твоихъ кудрей“ „ I, 21
 „Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою“ I, 51
 Уваровой Пр. I, 18
 „Ужасная судьба отца и сына“ „ I, 52
 Узникъ („Отворите мнѣ темницу“) I, 17
 Умирающій гладиаторъ („Ликуетъ буйный Римъ“) I, 4
 „Унылый колокола зовъ“ Пр. I, 55

Утесъ („Ночевала тучка золотая“).	I, 68	Элегія 1) „Дробись, дробись волна ночная“	Пр. I, 30
Утро на Кавказѣ	Пр. I, 27	„ 2) „О, если бѣдны мои текли“	„ I, 11
Фаталистъ	II, 182	Эпиграмма („Дуракъ и старая кокет- ка—все равно“)	„ I, 4
Had we never loved so kindly	Пр. I, 21	Эпиграммы 1—6	Пр. I, 7—8
Хаджи Абрекъ	II, 92	Эпитафіи: 1) Наполеону	Пр. I, 27
Хомутовой, А. Г.	I, 54	„ 2) Потонувшему игроку	„ I, 32
„Хоть давно измѣнила мнѣ радость“	Пр. I, 55	„ 3) „Прости! увидимся ль мы снова“	„ I, 22
Цыгане (опера)	Пр. I, 11	„ 4) „Простосердечный сынъ свободы“	„ I, 30
Цѣвница	„ I, 1	„Эго случилось въ послѣдніе годы мо- гучаго Рима“	I, 51
Чаша жизни („Мы пьемъ изъ чаши бытія“)	Пр. I, 49	Юнкерская молитва	Пр. I, 63
Челнокъ („Воетъ вѣтеръ и свищетъ“)	„ I, 28	„Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала“	Пр. I, 38
Черкешенка	„ I, 8	„Я видѣлъ тѣнь блаженства“	„ I, 51
„Что толку жить“	„ I, 62	„Я жить хочу! хочу печали“	„ I, 61
Чума въ Саратовѣ	„ I, 36	„Я не люблю тебя“	„ I, 17
Щербатовой	Пр. I, 18	„Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ“	I, 52
Щербатовой, кн. Мар. Ал.	I, 39		
Экспромтъ („Три градин считались“)	Пр. I, 35		

Содержаніе III-го тома.

Приложенія къ I тому:

	<i>Стр.</i>
Лрическія стихотворенія 1828 г.	1
” ” 1829 г.	2
” ” 1830 г.	15
” ” 1831 г.	42
” ” 1832 г.	58
” ” 1833—1834 гг.	62
” ” 1835 г.	63
” ” 1841 г.	64

Приложенія ко II тому:

Первоначальныя наброски „Демона“	3
Повѣсть *)	14
Панорама Москвы	55
Княгиня Лиговская. (Романъ)	57
Юношескія поэмы: 1) Кавказскій плѣнникъ	81
2) Корсаръ	86
3) Черкесы	89
4) Азраиль	91
5) Джулю	93
Поэмы: 1) Литвинка	98
2) Ангель смерти	102
3) Ауль Бастунджи	106
4) Каллы	112
5) Монго	114
6) Сашка („нравственная поэма“)	116
Драматическія произведенія: 1) Испанцы (трагедія)	131
2) Menschen und Leidenschaften (трагедія)	161
3) Странный человѣкъ (романтическая драма)	182
4) Два брата	206
Алфавитный указатель къ сочиненіямъ М. Ю. Лермонтова	219

*) Въ другихъ изданіяхъ эта повѣсть называется „Вадимъ“.

WYŻSZA SZKOŁA PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA

77272

Biblioteka WSP Kielce

0176884